Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ Шкафъ
Полка №

МОНГОЛІЯ и МОНГОЛЫ.

Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг.

А. Позднѣевымъ.

ТОМЪ II.

Дневникъ и маршрутъ 1893 года.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

12607

Библиотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Вып. Н Шкафъ 5
Полка 2 № 5

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1898.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе ко второму тому . . . . . IX—XXIX

I. Отъ Пекина до Калгана . . . . . 1—22

Выѣздъ изъ Пекина. — Китайскія кладбища. — Названія деревень какъ памятники родоваго начала въ поселеніяхъ китайцевъ. — Гуань-гоу'ское ущелье и его достопримѣчательности. — Дороги къ сѣверу отъ Ча-дао. — Ту-му-чэнъ. — Цзи-минъ-и и замѣтки о вулканическихъ явленіяхъ въ этой мѣстности. — Перевалы Лунъ-лао-бэй и Яо-р-лянъ. — Сюань-хуа-фу. Славныя преданія и тяжелое настоящее Сюань-хуа-фу'ской долины. Прибытіе въ Калганъ.

II. Отъ Калгана до Хӱхӯ хотò . . . . . 22—52

Приготовленія къ поѣздкѣ. — Долина р. Янъ-хэ. Переправа черезъ рѣку. — Селеніе Цай-гэ-бу. — Синъ-пинъ-коу'скія ворота Великой стѣны. — Мѣстныя гостинницы. — Чжанъ-гòръ. — Голодъ и его послѣдствія въ сѣверной Шань-си. — Лунъ-шэнъ-чжуанъ. — Умершіе съ голоду. — Городокъ Фынъ-чжэнъ и торговыя отношенія его къ Монголіи. — Тянь-чжэнъ и свѣдѣнія о казенномъ трактѣ отъ этого селенія до Гуй-хуа-чэна. Долина Да-хай-та. — Способы заселенія и культивировки пустопорожнихъ земель. — Цаганъ булӯкъ. — Пещерныя жилища. — Первый осмотръ памятниковъ «ши-жэнь» и Бай-та-р'а. — Прибытіе въ Гуй-хуа-чэнъ.

*

III. Гуй-хуа-чэнъ ..... 52—115

Историческія замѣтки о происхожденіи этого города. — Ламайскіе монастыри въ Хўхў-хотò: Йэхэ-чжў, Багà-чжў съ его каменописнымъ памятникомъ, Ширѣтў чжў, Цорчжѝ-чжў, Пунсўкъ-чжў, Хошўни-чжў, Эмчѝ-чжў, Табўнъ-субурганàй-чжў. — Земельное положеніе Гуй-хуа-чэна. — Внѣшній видъ города. — Чайная и мануфактурная торговля. — Перевозочныя средства въ Гуй-хуа-чэнѣ. — Главныя торговыя фирмы. Торговля скотомъ. — Выдѣлка попонъ. — Торговля шерстью и лѣсомъ. — Упадокъ хўхў хотòскаго рынка и его причины. Знакомство съ хўхў-хотòскою крѣпостью. — Гўсай ямунь. — Амбàньскій ямунь. — Полицейское управленіе. — Хлѣбные магазины. — Кумирня Конфуція. — Знаменное училище и его содержаніе. Плацъ для военныхъ упражненій тўмэтскихъ солдатъ. — Пороховой и оружейный склады. — Гуй-хуа-чэнская богадѣльня. — Съѣстной рынокъ и гуй-хуа-чэнскіе нищіе. — Окрестности Хўхў-хотò: Чжао-цзюнь-фынъ, или Зеленое кладбище и его памятники. — Недавнее прошлое торговли Гуй-хуа-чэна и его судьба.

IV. Отъ Гуй-хуа-чэна черезъ Калганъ до Чэнъ-дэ-фу ..... 115—202

Отъѣздъ изъ города. — Синь-чэнъ. — Горы Да-цинь-шань и преданія о могилахъ юаньскихъ богдохāновъ. Ближайшій осмотръ Бай-тар'а. — Потребленіе опіума и его сорты. — Ши-жэнь. — Изслѣдованія о хўхў-хотòскихъ тўмэтахъ: приблизительныя границы ихъ кочевьевъ и свѣдѣнія о числѣ знаменныхъ тўмэтовъ. — Земельное положеніе тўмэтовъ и постепенная культивировка ихъ земель. — Натуральныя казенныя и общественныя повинности тўмэтовъ. Положеніе да-цинь-шаньскихъ каменноугольныхъ копей. Расходы на содержаніе тўмэтскихъ войскъ. Расходы на дѣла благотворительныя и религіозныя. Главнѣйшіе монастыри въ кочевьяхъ гуй-хуа-чэн'скихъ тўмэтовъ. — Наше движеніе по сѣверному Гуй-хуа-чэно — Чжанъ-цзя-коу'скому тракту. — Кочевья Чахаровъ. — Свѣдѣнія о хошўнѣ Дўрбэнъ-хўхэтъ. — Деревенька Ци-ся и видоизмѣненіе дорожней колеи. — На-хо-цянь'скій костелъ и посѣщеніе миссіонерскаго стана Бельгійцевъ. — Дальнѣйшій путь къ Калгану. Трудность пріисканія извозчиковъ для слѣдованія въ Чэнъ-дэ-фу. — Природа и внѣшній видъ калганскаго ущелья. — Великій торговый путь въ линіи калганскаго перевала Сэнчжитў-дабā. Замѣтки о Синъ-хо-чэнѣ. — Китайскіе солепромышленники. — Оспенная эпидемія въ поселкѣ Байшинтў.

Голова казненнаго повстанца. — Пастьбищныя земли Хо-цинь-вана. — Урочище Хорйнъ гацзарьйнъ обо. — Китайскія поселенія въ странѣ чахаровъ. — Вступленіе въ Чэнъ-дэ-фу'скую область. — Историческая замѣтка о совершавшихся въ ней административныхъ перемѣнахъ. Гоу-мынь-цза. — Мостъ черезъ р. Луань-хэ и свѣдѣнія о теченіи этой рѣки. Описаніе пещерныхъ жилищъ. Поселокъ Янъ-цзы-ва и ущелье Байнъ-гоу. — Рѣка Сяо-луань-хэ. Военный лагерь Гуань-ди. — Положеніе о содержаніи постоялыхъ дворовъ въ сѣверной Чэнъ-дэ-фу. — Горячія воды «Вэнь-цюань». Поселокъ Го-цзя-тунь. Торговля скотомъ. Городъ Фынъ-нинъ-сянь. — Выгоды мѣстной полицейской службы. — Торговля Фынъ-нинъ-сяня. Назойливость его жителей. Мой дальнѣйшій путь въ Чэнъ-дэ-фу.

V. Чэнъ-дэ-фу или Жэ-хэ .....202—226

Историческія замѣчанія объ этомъ городѣ и причины его упадка. — Внѣшній видъ города. Его предмѣстья съ находящимися въ немъ общественными постройками. — Торговля Чэнъ-дэ-фу. — Мѣстныя шелковыя матеріи и шелководство въ аймакѣ хорчйновъ. — Императорскій дворецъ и паркъ. — Ламайскіе монастыри въ Жэ-хэ. — Кумирня Пу-лё-сы. — Окрестности Жэ-хэ: Пань-цуй-шань. Каменописные памятники на этой горѣ.

VI. По дорогѣ отъ Чэнъ-дэ-фу къ Долонъ нуру. 226—277

Невозможность совершить путь по ЮВ. Монголіи. — Выступленіе въ дорогу. Перевалъ Гуанъ-жэнь-линъ. Гора Юань-бао-шань и Со-та-шань'скіе пики. — Городокъ Луань-пинъ-сянь. — Поселокъ Ванъ-цзя-инъ. — Поѣздъ чжи-сяня. — Харчевни для прохожихъ. — Встрѣча съ китайскими переселенцами въ Монголію. — Распространеніе болѣзни зобъ. Русскій керосинъ и мнѣнія о немъ китайцевъ. — Слѣдованіе до Фынъ-нинъ сяня. — Свѣдѣнія о совершившемся въ 1890—1892 гг. китайскомъ возстаніи противъ монголовъ и христіанъ въ Чэнъ-дэ-фу'ской провинціи. Составъ населенія Чэнъ-дэ-фу'ской провинціи и взаимныя отношенія мѣстныхъ поселенцевъ. — Первый взрывъ возстанія осенью 1891 года. — Обвиненія противъ христіанъ. — Движеніе мятежниковъ къ окрестнымъ городамъ. — Главари соціальныхъ общинъ и партій въ качествѣ военачальниковъ. — Дѣйствія повстанцевъ противъ аоханьскаго и тӯмэтскаго хошӯновъ. — Дѣятельность правительственныхъ войскъ. — Посылка Ё-чжи-чжао и его доклады. Резуль-

таты возстанія. — Сложность причинъ, порождающихъ антихристіанскія инсуррекціи и историческія разысканія по этому вопросу. — Значеніе для христіанской проповѣди тяньцзинскаго трактата. — Мнѣнія провинціальныхъ китайскихъ мандариновъ объ европейцахъ и христіанахъ. — Тяньцзинская рѣзня 1870 г. — Восемь статей, представляемыхъ китайцами европейскимъ правительствамъ. — Позднѣйшія антихристіанскія возстанія въ Китаѣ. — На чемъ основывается и чѣмъ поддерживается ненависть къ иностранцамъ и христіанамъ? Богохульство китайцевъ. — Министрамъ богдохана вточности извѣстны причины возстаній. — Наше прибытіе въ Долонъ-нуръ. — Затрудненія въ наймѣ подводъ для дальнѣйшаго слѣдованія.

VII. Долонъ-нуръ.....277—298

Мѣстоположеніе города. — Казенныя зданія и присутственныя мѣста въ Долонъ-нурѣ. — Новоучрежденное управленіе знаменныхъ войскъ. — Торговыя улицы: Ма-ши-цзѣ, Ню-ши-цзѣ и Дунъ-шэнъ-цзѣ, Чанъ-шэнъ-цзѣ. — Улица Синъ-лунъ цзѣ и преданіе о происхожденіи ея названія. — Кумирня Сань-гуань-мяо. — Мастерскія для выдѣлыванія попонъ. — Долонъ-нурскія таможни. — Земельное положеніе города. — Торговля чайная и хлѣбная. — Отпускная торговля скотомъ и продуктами скотоводства. — Извозный промыселъ въ Долонъ-нурѣ. — Долонъ-нурскіе монастыри. — Каменописный памятникъ монастыря Шара-сумэ. — Управленіе Шара сумэ и его гэгэны. Хохо-сумэ. — Контингентъ долонъ-нурскихъ ламъ и ихъ содержаніе. Великолѣпіе богдоханскихъ кумирень.

VIII. Отъ Долонъ-нура до Биру-хото.....299—447

Выборъ дороги и отъѣздъ изъ Долонъ-нура. Слѣдованіе къ долинѣ Шанду-гола. — Чжунъ найманъ сумэ. — Общій взглядъ на развалины этого города и замѣтки о судьбѣ его въ послѣдніе годы Юаньской династіи. — Подробный осмотръ развалинъ. Каменописный памятникъ. — Трудность пріуроченія отдѣльныхъ руинъ къ извѣстнымъ частямъ хубилаевой столицы. — Посѣщеніе Уланъ-балгасу и народное преданіе объ этомъ городищѣ. — Наше дальнѣйшее слѣдованіе по пескамъ къ Шабартаевской кумирнѣ. — Шибэ-хурѣ. — Перемѣны видовъ со вступленіемъ въ хошунъ Хэшиктэнъ. — Прибытіе въ Дарханъ-улайнъ сумэ. — Древняя пещера и каменописный памятникъ отъ временъ Юаньской династіи. — Черты характера

китайцевъ и монголовъ.—Озеро Далàй-нӯръ.—Посѣщеніе Инъчана. — Мѣстные каменописные памятники. — Историческіе разказы о происхожденіи и современномъ положеніи Дархàнъ ӯлайнъ-хѝта. — Обиліе бродягъ и мѣры китайскаго правительства къ охраненію безопасности путниковъ. Усӯнъ-тӯрӯн'ская падь. — Безпокойство китайскихъ правителей, вызванное моимъ пріѣздомъ въ Бирӯ хото̀. — Свѣдѣнія о происхожденіи и современномъ состояніи города Бирӯ-хото̀. — Главная кумирня хэшиктэ̀нскаго хошӯна и ея настоятель Ширѣтӯ ламàйнъ шабро̀нъ. Разказы мѣстныхъ чиновниковъ о хошӯнѣ хэшиктэ̀новъ и хлопоты ихъ о выборѣ новаго цзасака̀. — Отъѣздъ изъ Бирӯхото̀. — Галдасута̀йскій цѣлебный источникъ. — Встрѣча китайскаго обоза, подвергшагося нападенію бродягъ. — Поселокъ Лю-цзя инъ-цза. — Вступленіе въ хошӯнъ Ба̄ринь. — Наблюденія относительно перехода ба̄риней отъ кочеваго быта къ осѣдлому. — Почтовый трактъ отъ Гу-бэй-коу къ сѣв. границамъ Ба̄риньскаго хошӯна. — Цага̀нъ субурга̀ и его городище. — Распросныя свѣдѣнія о пути ба̄риней въ Пекинъ. Описаніе монастыря Цага̀нъ-субурга̀. — Каменописные памятники, найденные въ древнемъ городищѣ. — Замѣтки о бытѣ ба̄риней. — Вступленіе въ хошӯнъ Ӱчжӱмуцѝнь. — Встрѣча съ тибетскими сборщиками подаяній и граматы китайскихъ богдоха̄новъ тибетскому Галда̀нъ-ширѣтӯ. — Э̄чжи дабасӯ нӯръ. — У-тай чжӯнъ хӯчитскаго хошӯна. Границы халхаскихъ кочевьевъ. — Распри въ княжеской семьѣ Э̄-цзасака̀. — Йога̄цзари ламàйнъ хӯрѣ и ея гэгэ̀ны. — Свѣдѣнія о хошӯнѣ Га̀нданъ-цзасака̀ и наше слѣдованіе по землямъ этого хошӯна. — Черты изъ обычнаго права монголовъ относительно усыновленія. — Вступленіе въ хошӯнъ Далàй бэ̀йсэ. — Понятія монголовъ о го̄би. — Отличительныя особенности земель цэцэ̀нъ ха̄новскаго хошӯна. Ставка Цэцэ̀нъ ха̄на. — Слѣдованіе по берегамъ Хэрӯлӯна. — Встрѣча съ со̀йбуномъ Илагӯхсанъ-хутухты̀ и его сказанія объ этомъ гэгэ̀нѣ. — Хошӯнъ Хла-гуна и отзывъ халхасовъ о цэцэ̀нъ-ха̄нахъ. — Гора То̄но. Степи Гунь-галӯтай и потеря лошади. Образчикъ отношенія монголовъ къ исполненію ихъ служебныхъ обязанностей. — Положеніе ургинскихъ пастьбищъ амба̀ньскихъ табуновъ за послѣднее пятилѣтіе. — Прибытіе въ Ургу.

IX. Отъ Урги до Ульхӯнскаго караула.....447—486

Выѣздъ изъ Урги и слѣдованіе по долинѣ р. Нала̀йха. — Поѣздка хошӯннаго цзасака̀ на праздникъ. — Снова на границахъ гоби. — Прибытіе въ Цзӯнъ-хӯрѣнь. — Свѣдѣнія объ

основаніи этого монастыря. — Его современный внѣшній видъ и описаніе главнѣйшихъ зданій. — Управленіе Цзӯнъ-хӯрэ̄ня. Поборы, взимаемые хошӯнными цзасаками съ Цзӯнъ-хӯрэ̄ня. — Способъ переправы черезъ р. Хэрӯлӯнъ. — Кружный путь по берегамъ этой рѣки. — Гора Баѝнъ улāнъ и разработка въ ней топазовъ. — Переправа черезъ Хэрӯлӯнъ. — Преданія о Чингѝсъ-хāнѣ, слышанныя въ окрестностяхъ древней рѣки Сэнкӯръ. — Картина гибели монгольскаго скота. — Монастырь Хӯхэнъ-хутухты и преданія о переходѣ хоринскихъ бурятъ въ русское подданство. — Чрезвычайныя мѣры относительно сбора податей въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ падежа скота. — Потребленіе халхасами мяса дохлаго скота. — Слѣдованіе по долинѣ р. Хӯйтӯнъ-гōлъ. — Посѣщеніе Далāту сӯмэ̀ и свѣдѣнія о хубилгāнахъ Хӯхэнъ хутухты. — Послѣдняя полуденная остановка. — Прибытіе въ долину р. Онона. — Возвращеніе на русскую границу.

Алфавитный указатель именъ предметныхъ и личныхъ . . 487—503

Алфавитный указатель именъ географическихъ . . . . . 504—516

Опечатки 517

Предисловіе ко второму тому.

Книги, и особливо значительныя по своему объему, всегда начинаются съ предисловій, назначаемыхъ авторами для изложенія всякаго рода обстоятельствъ и соображеній, сопутствовавшихъ появленію ихъ трудовъ. Мнѣ, послѣ того какъ всѣ такого рода обстоятельства, составъ и планъ настоящей работы уже были объяснены въ предисловіи къ первому ея тому, можно было бы, повидимому, обойтись теперь безъ всякихъ введеній. Но съ другой стороны въ моихъ дневникахъ, составляющихъ содержаніе перваго и второго томовъ, замѣчается почти двухмѣсячный перерывъ, за срокъ отъ 21-го декабря 1892-го, по 19-е февраля 1893-го года, и мнѣ не хотѣлось бы оставлять своихъ читателей въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что было сдѣлано мною втеченіе указаннаго періода.

Время это было проведено мною въ Пекинѣ, откуда я предпринималъ еще на двѣ недѣли поѣздку въ Тяньцзинь и далѣе по китайской желѣзной дорогѣ до ст. Танъ-ку, съ которой представлялось вполнѣ удобнымъ проѣхать, для осмотра укрѣпленій, въ Дагу. Вообще разсматриваемые два мѣсяца были посвящены мною на ознакомленіе съ Китаемъ. Послѣдній не былъ предметомъ моего спеціальнаго изученія, оттого свѣдѣнія о немъ я и не включаю въ составъ настоящаго труда; но за всѣмъ тѣмъ жизнь Китая такъ своеобразна, такъ поражаетъ своею новизною всякаго европейца и такъ мало описана въ русской литературѣ, что, проживъ даже одинъ мѣсяцъ въ Пекинѣ, можно было бы написать цѣлый томъ о видѣнномъ и слышанномъ. То обстоятельство, что въ настоящую свою поѣздку я посѣщалъ Пекинъ уже не впервые, значительно облегчало мнѣ составленіе моихъ замѣтокъ относительно оригинальнаго вида и жизни этого города, хотя я не могу не сказать, что въ данную пору меня интересовалъ по преимуществу

вопросъ о томъ, каково дѣйствительно вліяніе на Китай европейцевъ и насколько поддаются китайцы этому вліянію. Съ сказанною цѣлью я старался прежде всего ознакомиться съ жизнью и воздѣйствіемъ на китайцевъ европейскихъ миссіонеровъ, которые, что и какъ бы о нихъ ни говорилось, являются все же самыми основными носителями европейской цивилизаціи въ Китаѣ. Къ тому же миссіонерскій вопросъ былъ важенъ для меня еще въ виду собранія болѣе полныхъ свѣдѣній о послѣднемъ антихристіанскомъ возстаніи въ Монголіи 1892 г. и разысканія причинъ противухристіанскихъ возстаній въ Китаѣ вообще. Несравненно меньшее значеніе въ дѣлѣ проведенія въ жизнь Китая европейскихъ культурныхъ началъ имѣютъ обосновываемыя богдохáнскимъ правительствомъ школы для преподаванія европейскихъ наукъ, изъ числа коихъ главнѣйшее училище въ Пекинѣ, извѣстное подъ именемъ «Тунъ-вэнь-гуань», было также изслѣдовано мною. Не знаю, найду ли я когда либо время, чтобы обнародовать свои замѣтки о Китаѣ цѣликомъ, но, помѣстивъ нѣкоторыя собранныя мною данныя объ отношеніяхъ китайцевъ къ христіанству и европейскимъ миссіонерамъ на страницахъ этого тома (см. 256—273), я хочу здѣсь представить еще кое что изъ своихъ изслѣдованій о «Тунъ-вэнь гуани», тѣмъ болѣе что въ русской литературѣ не имѣется, кажется, рѣшительно ни одного слова объ этомъ учрежденіи.

Англо-китайская война 1860-го года и начавшіяся вслѣдъ за симъ усиленныя сношенія европейскихъ державъ съ Китаемъ мало по малу привели если не все китайское правительство, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ онаго къ убѣжденію въ необходимости для самихъ китайцевъ изученія европейскихъ языковъ и усвоенія себѣ европейскихъ знаній. Учрежденіе Цзунъ-ли-ямуня, какъ особливаго присутственнаго мѣста для сношеній съ европейскими державами, на каждомъ шагу свидѣтельствовало китайцамъ о нуждѣ имѣть своихъ переводчиковъ и для правильнаго пониманія требованій европейцевъ, и для должныхъ отвѣтовъ на эти требованія. Результатомъ такого сознанія было открытіе въ слѣдующемъ 1861 году при Цзунъ-ли-ямунѣ училища, или лучше сказать трехъ отдѣльныхъ училищъ, для изученія языковъ англійскаго, французскаго и русскаго.

Нижеслѣдующая выписка изъ всеподданѣйшаго доклада богдохáну принца Гуна (тогдашняго министра иностр. дѣлъ) и его сотоварищей по службѣ въ Цзунъ-ли-ямунѣ проливаетъ намъ болѣе ясный свѣтъ на исторію возникновенія этого училища:

«Въ 10 годъ правленія Сянь-фынъ», говорится въ этомъ документѣ, «мы имѣли честь представить трону докладъ о тѣхъ нововведеніяхъ, кото-

рыя были признаны нами необходимыми послѣ событій послѣдней войны. Между прочими дѣлами мы пришли къ заключенію, что знаніе характера и образа правленія другихъ націй является наиважнѣйшимъ дѣломъ при веденіи сношеній съ ними. По этой то причинѣ мы обратились за разрѣшеніемъ къ Его Величеству предписать вице-королю и губернатору Кантона и Шанхая найти людей, хорошо знакомыхъ съ иностранными письменами и, снабдивъ ихъ иностранными книгами, отправить въ Пекинъ для опредѣленія на должности наставниковъ по вышеозначеннымъ предметамъ для молодыхъ людей, имѣющихъ быть выбранными изъ 8 знаменъ».

«Во исполненіе даннаго разрѣшенія мы обращались засимъ къ помянутымъ правителямъ; но вице-король Кантона отвѣчалъ, что тамъ рѣшительно нѣтъ ни одного лица, котораго онъ могъ бы рекомендовать для указанной цѣли, а губернаторъ Цзянъ-су написалъ, что если бы подобный кандидатъ представился ему самому, онъ очень желалъ бы и самъ имъ воспользоваться. Этими справками объясняется долгій промежутокъ времени по приведенію въ исполненіе плана. Нынѣ слуги Вашего Величества еще болѣе убѣдились въ томъ, что при изученіи строя жизни народовъ запада необходимо знакомство съ ихъ языкомъ и письменами, что Китай все еще не имѣетъ у себя ни одного лица, которое обладало-бы сказанными знаніями и что поэтому не къ жителямъ Кантона и Шанхая нужно намъ обращаться, а необходимо искать людей для замѣщенія учительскихъ вакансій изъ среды самихъ иностранцевъ.

«Mr. Wade, англичанинъ, назвалъ намъ своего соотечественника Mr. Burdon'a, какъ способнаго занять постъ преподавателя англійскаго языка. Языки русскій и французскій будутъ изучаться такимъ же образомъ. Мы предполагаемъ открыть классы занятій этими языками, какъ только найдемъ лицъ, могущихъ вести дѣло преподаванія».

Такъ какъ докладъ этотъ удостоился согласія богдохана, то классъ англійскаго языка былъ открытъ въ Іюнѣ 1862 г., а классы французскаго и русскаго языковъ весною 1863 года.

Строй этихъ новооткрытыхъ училищъ въ ту пору являлся, повидимому, такимъ:

Преподавателями въ эти училища были приглашены лица, изъ числа проживавшихъ въ ту пору въ Пекинѣ европейцевъ, по рекомендаціямъ европейскихъ посольствъ, и въ большинствѣ случаевъ занимавшія оффиціальныя должности въ самыхъ посольствахъ. Ученики для каждой школы набирались изъ природныхъ маньчжуровъ и именно изъ привиллегированнаго военнаго класса столицы; они должны были имѣть менѣе 20 лѣтъ отъ роду и неполученіе китайскихъ ученыхъ степеней не могло служить для

нихъ препятствіемъ къ опредѣленію въ училища. Въ періодъ пребыванія въ школѣ ученики жили по домамъ и получали отъ китайскаго правительства лишь въ видѣ стипендіи по 3 ланы серебра (6 серебряныхъ руб.) въ мѣсяцъ. Высшее завѣдываніе училищемъ возлагалось на двухъ директоровъ «Ти-дао», состоявшихъ въ должности начальниковъ отдѣленій Цзунъ-ли-ямуня. Всѣ расходы по содержанію училища были отнесены на суммы государственнаго казначейства и производились изъ Цзунъ-ли-ямуня, который велъ и всю отчетность по содержанію и состоянію училищъ. Первымъ преподавателемъ русскаго языка въ этой школѣ былъ старшій драгоманъ нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ, А. Ѳ. Поповъ; англійскаго — Rev. J. S. Burdon и французскаго Rev. Smorrenberg.

Обоснованныя главнымъ образомъ по иниціативѣ мандариновъ, увлекавшихся идеями китайскаго прогресса, эти училища не могли однако удовлетворить надеждъ и желаній своихъ организаторовъ. Пылкія головы реформаторовъ хотѣли быстрыхъ и блестящихъ успѣховъ, а дѣло между тѣмъ шло своимъ обычнымъ, медленнымъ шагомъ. Въ поискахъ причинъ этого неуспѣха мандарины, конечно, не безъ вліянія европейцевъ, пришли къ убѣжденію, что слабость успѣховъ зависитъ отъ общей неразвитости учениковъ, а потому необходима реформа училища, обезпечивающая движеніе именно въ этомъ общемъ направленіи. Опредѣлено было, не уничтожая впрочемъ старыхъ училищъ, преобразовать ихъ на новый ладъ, чтобы они могли удовлетворять вышеуказанной цѣли.

Такимъ образомъ въ концѣ 1866 года Цзунъ-ли-ямунь въ дополненіе къ существовавшимъ училищамъ обосновалъ еще новое общеобразовательное, въ которомъ должны были преподаваться, помимо европейскихъ языковъ, астрономія, математика, химія, физика, международное право и медицина. Основанія этого новаго заведенія были нѣсколько отличны отъ прежнихъ. Во 1-хъ, въ новое училище Цзунъ-ли-ямунь, черезъ посредство главнаго инспектора таможень, г. Гарта, пригласилъ учителей изъ Европы; во 2-хъ — ученики могли поступать сюда безъ различія какъ маньчжуры, такъ и китайцы, но только тѣ, которые имѣли уже китайскія ученыя степени; отсюда въ составъ слушателей новаго училища вошли личности, которымъ было уже за 30 и даже за 40 лѣтъ; въ 3-хъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть слушателей этой послѣдней категоріи, должны были помѣщаться въ самомъ зданіи заведенія и имъ предположено было выдавать по 10 ланъ въ мѣсяцъ стипендіи. Новое училище оставалось въ завѣдываніи тѣхъ же двухъ директоровъ (ти-дяо), которые завѣдывали и прежними школами; но помимо сего при немъ были учреждены еще два новыхъ инспектора, которые должны были жить вмѣстѣ съ учениками

въ самомъ зданіи училища; впрочемъ, спустя очень незначительное время, Цзунъ-ли-ямунь подчинилъ тѣмъ же инспекторамъ и учениковъ прежнихъ училищъ. Почетнымъ попечителемъ для обоихъ училищъ равнымъ образомъ былъ назначенъ одинъ и тотъ же членъ Цзунъ-ли-ямуня, Сюй-цзи-юй, извѣстный переводомъ Всеобщей Географіи на китайскій языкъ.

Слѣдствіемъ такого устройства вышелъ цѣлый рядъ противорѣчій въ положеніи этихъ школъ. Начать съ того, что въ административномъ отношеніи оба училища были соединены: у нихъ былъ одинъ глава—князь Гунъ, одинъ попечитель, одни директоры и инспекторы; но б) въ учебномъ отношеніи они были раздѣлены: въ старомъ училищѣ оставались прежніе учители, въ новое же поступило четыре, такъ называемыхъ, профессора, приглашенныхъ Гартомъ. Двое изъ нихъ вскорѣ занялись также точно элементарнымъ преподаваніемъ англійскаго и французскаго языковъ, а другіе двое только числились при училищѣ и получали жалованье, читать же лекціи своихъ спеціальныхъ предметовъ они не могли, ибо не знали по китайски, а ученики еще не были подготовлены для того чтобы слушать курсы на языкахъ англійскомъ и французскомъ. Въ хозяйственномъ отношеніи оба училища были также соединены относительно содержанія учениковъ, жалованья китайскимъ учителямъ и проч.; но относительно европейскихъ наставниковъ вышла разница, а именно: прежніе учители, приглашенные самими китайцами, получали свое жалованье изъ Цзунъ-ли-ямуня у одного изъ директоровъ, новые же профессоры получали содержаніе не посредственно отъ Гарта и притомъ сумма этого содержанія была больше сравнительно съ жалованьемъ старыхъ учителей. Надлежитъ замѣтить при этомъ, что источникъ всѣхъ вообще суммъ на содержаніе училищъ съ этого времени былъ одинъ и тотъ же, это — ластовый сборъ съ европейскихъ судовъ, на который содержались также таможни, маяки по портамъ и за симъ китайскія посольства въ Европѣ. Въ виду того, что новые учители были приглашены Гартомъ и заключили именно съ нимъ свои условія на службу китайскому правительству, они естественно признавали свою зависимость отъ Гарта, не зная же китайскаго языка, они только черезъ него могли обращаться къ китайцамъ и вести свои дѣла съ ними; прежніе учители напротивъ не безосновательно признавали своимъ начальствомъ исключительно Цзунъ-ли-ямунь: они почти не хотѣли знать Гарта, между тѣмъ какъ участіе и вліяніе его въ дѣлахъ училищныхъ не могло не быть велико, вслѣдствіе вышеуказанныхъ отношеній къ нему вновь приглашенныхъ профессоровъ.

Прямымъ слѣдствіемъ вышеизложенныхъ противорѣчій было крайне неопредѣленное положеніе какъ училищъ, такъ учениковъ и наконецъ самыхъ

профессоровъ и преподавателей. Для учителей старой школы англійскаго и французскаго языковъ при этомъ не могло не быть обиднымъ читать прежній курсъ и нести тѣже труды по преподаванію, получая низшее вознагражденіе въ то время, какъ ихъ, приглашенные Гартомъ соотечественники за чтеніе того же элементарнаго курса получали въ четыре раза большее жалованье. Масса явныхъ и тайныхъ несогласій и неудовольствъ обуревала школу и въ концѣ концевъ вызвала къ началу 1868 г. важныя перемѣны въ положеніи учителей обоихъ училищъ, а засимъ и самой школы. Къ сказанному времени старые учители школы англійскаго и французскаго языковъ отказались отъ своихъ классовъ и вмѣсто нихъ преподаваніе было поручено новымъ профессорамъ, уже читавшимъ свои лекціи въ новомъ училищѣ. При этой реформѣ Цзунъ-ли-ямунь опредѣлилъ во 1-хъ, прежняго учителя англійскаго языка г. Мартина причислить къ новому училищу въ качествѣ учителя-переводчика съ однимъ титуломъ и жалованьемъ и во 2-хъ, перевести двухъ учениковъ изъ старыхъ училищъ въ новое въ качествѣ помощниковъ мало знавшимъ китайскій языкъ профессорамъ съ тѣмъ, чтобы ученики эти оставались впрочемъ по старому слушателями прежней школы. Такимъ образомъ къ началу 1868 г. два изъ прежнихъ училищъ, англійское и французское, соединились съ новымъ и въ учебномъ отношеніи; оставалось особнякомъ только одно русское училище: оно не имѣло для себя параллельнаго класса въ новой школѣ и китайцы реформировали его только въ томъ отношеніи, что сравнили жалованье русскаго учителя съ содержаніемъ приглашенныхъ г. Гартомъ профессоровъ.

Вышеизложенныя событія мы можемъ относить къ первому періоду существованія такъ называемаго астрономическаго училища, на которое возлагалось столько блестящихъ надеждъ и которое, очевидно, по крайней мѣрѣ въ первые годы дало весьма плачевные результаты. Но могло ли оно быть иначе? Вмѣсто того чтобы найти европейскихъ учителей, знающихъ по китайски или обязать новыхъ, приглашенныхъ изъ Европы учителей, приготовиться къ чтенію лекцій на китайскомъ языкѣ, г. Гартъ и мандарины думали приготовить самихъ учениковъ къ слушанію лекцій на языкахъ иностранныхъ. Вышло то, что большая часть учениковъ, находившихся, какъ мы уже видѣли, въ весьма зрѣломъ возрастѣ, или оставили вовсе училище, или же ходили на лекціи по разу въ мѣсяцъ, ко времени полученія стипендій; остальные въ теченіе двухъ лѣтъ не сдѣлали почти никакихъ успѣховъ. Цзунъ-ли-ямунь, постоянно недовольный новымъ училищемъ, пришелъ было наконецъ въ слѣдующемъ 1869 году къ мысли совершенно уничтожить его; но, къ счастію, ему отрекомендовали одного китайца, по фамиліи Ли, который зналъ теоретически математику и пере-

велъ подъ руководствомъ протестанскихъ миссіонеровъ нѣсколько европейскихъ книгъ на китайскій языкъ. Цзунъ-ли-ямунь опредѣлилъ его въ училище преподавать математику и вмѣстѣ съ симъ постановилъ оставить изъ числа набранныхъ для астрономическаго училища ученыхъ стариковъ только 6 человѣкъ и прибавить къ нимъ 4-хъ учениковъ изъ прежнихъ училищъ, да принять вновь 3-хъ шанхайцевъ, какъ болѣе знакомыхъ съ англійскимъ языкомъ; засимъ лекціи французскаго и англійскаго языковъ въ астрономическомъ училищѣ прекратить, а учителей этихъ языковъ обязать читать свои лекціи въ прежнемъ училищѣ, наряду съ преподавателемъ русскаго языка. Отъ преподаванія сего послѣдняго министры Цзунъ-ли-ямуня все же видѣли нѣкоторую пользу, такъ какъ ученики русскаго училища довольно часто переводили для Цзунъ-ли-ямуня русскія бумаги, присылаемыя съ границы. Изъ этой реформы не трудно усмотрѣть, что астрономическое училище de facto перестало почти вовсе существовать въ это время: профессоры наукъ почти не читали въ немъ своихъ лекцій, за исключеніемъ китайца, преподававшаго ариѳметику; что же касается учителей языковъ, то они были перемѣщены въ прежнее училище.

Вообще нужно сказать, что въ періодъ времени конца 1868 и начала 1869 гг. вопросъ объ училищахъ сильно озабочивалъ Цзунъ-ли-ямунь и, вѣроятно, не столько потому, чтобы министры Цзунъ-ли-ямуня серіозно имѣли въ виду научный интересъ, сколько потому, что на эти училища вообще и особливо на созданное ими астрономическое училище напалъ министръ Во-жэнь, представившій даже всеподданнѣйшій докладъ объ уничтоженіи обоихъ училищъ и Цзунъ-ли-ямуню пришлось отстаивать ихъ. Уничтожить новое училище вовсе, или оставить его въ настоящемъ жалкомъ состояніи для министровъ Цзунъ-ли-ямуня казалось невозможнымъ: это не только было бы неловко предъ иностранцами, въ глазахъ которыхъ существованіе этого училища какъ бы служило доказательствомъ прогрессивныхъ стремленій китайскаго правительства, но главное — было бы тріумфомъ для Во-женя и партіи закоренѣлыхъ китайцевъ, оппозиціонной Цзунъ-ли-ямуню. Съ другой стороны г. Гартъ, нажившій себѣ своимъ вмѣшательствомъ въ училищныя дѣла много непріятностей какъ отъ новыхъ учителей, надоѣдавшихъ ему своими притязаніями, такъ и отъ мандариновъ, недовольныхъ его учителями и плохими успѣхами учениковъ, искалъ только случая снять съ себя всѣ заботы въ этомъ направленіи. Случай этотъ представился для него въ половинѣ 1869 года, съ возвращеніемъ въ Пекинъ прежняго англійскаго учителя Dr. Martin'a, который, какъ мы видѣли послѣ реформы 1868 года оставался учителемъ-перевод-

чикомъ, но, оставшись не у дѣлъ, ѣздилъ на нѣкоторое время на свою родину, въ Америку. Хорошій знатокъ китайскаго языка и преподававшій около четырехъ лѣтъ англійскій языкъ въ старомъ училищѣ, Мартинъ зарекомендовалъ себя передъ китайцами еще переводомъ «Международнаго права» и «Физики» на китайскій языкъ, такъ что переводъ его былъ отпечатанъ на суммы Цзунъ-ли-ямуня. Послѣ установленныхъ соглашеній между нимъ, мандаринами и Гартомъ, Цзунъ-ли-ямунь назначилъ его главнымъ учителемъ (цзунъ-цзяо-си), или наставникомъ-наблюдателемъ трехъ прежнихъ училищъ языковъ и вмѣстѣ съ симъ возложилъ на него обязанность позаботиться устройствомъ павшаго астрономическаго училища съ условіемъ, чтобы и самъ онъ преподавалъ въ этомъ училищѣ политическую экономію, международное право и другія науки. Въ тоже время предположено было устроить особое отдѣленіе иностранныхъ переводчиковъ. Членъ Цзунъ-ли-ямуня, Дунъ сюнь, повторилъ при этомъ Мартину ту, обычно выражавшуюся мысль, что «въ нынѣшнихъ ученикахъ мандарины желаютъ имѣть себѣ преемниковъ».

Подъ управленіемъ Мартина училища, можно сказать, реорганизовались снова, только новое устройство ихъ вырабатывалось постепенно, установлялось практикою, хотя тѣмъ не менѣе въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ положеніе ихъ выяснилось въ достаточной степени и къ началу 1871 года оно представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Оба училища старое и новое, равно какъ и состоявшіе при нихъ наставники были совершенно сравнены между собою и начали представлять собою одну коллегію, извѣстную подъ именемъ «Тунъ-вэнь-гуан'я» (同文館). Училище это находилось подъ главнымъ вѣдѣніемъ князя Гуна и министровъ Цзунъ-ли-ямуня, ближайшими же начальниками его остались два директора и два инспектора. За ними слѣдовалъ главный профессоръ Мартинъ, на обязаности котораго лежало завѣдываніе всею учебною частью, съ совѣта и согласія другихъ учителей. Самъ онъ являлся также преподавателемъ. Жалованье всѣми новыми учителями получалось отъ Гарта, или вѣрнѣе сказать изъ китайскаго банка по тратѣ г. Гарта, но за подписью D-r Martin'a и только русскій учитель получалъ его прямо изъ Цзунъ-ли-ямуня. Нѣсколько спустя однако участіе г. Гарта въ дѣлахъ училищныхъ прекратилось совершенно и самые контракты его съ учителями перешли къ г. Martin'у.

Капитальныхъ реформъ въ Тунъ-вэнь-гуан'и съ 1869 г., можно сказать, не было вовсе; хотя жизнь и практика далеко уже уклонили его отъ тѣхъ правилъ, которыя были выработаны для этого учрежденія въ то время.

Мы видѣли что недостатокъ ученическихъ успѣховъ побудилъ Цзунъ-ли-ямунь въ 1869 г. уволить многихъ учениковъ, находившихся въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ. Убѣжденные совѣтами европейскихъ профессоровъ министры должны были признать, что человѣкъ въ эту пору дѣлается почти не способнымъ къ класснымъ ученическимъ занятіямъ. Какъ скоро было сдѣлано это отступленіе, оно немедленно повлекло за собою и вторую уступку относительно требованія отъ поступающихъ въ Тунъ-вэнь-гуань китайской ученой степени. Извѣстно, что эти степени пріобрѣтаются въ Китаѣ довольно поздно и естественно посему молодые люди даже и способные не могли удовлетворить этому требованію. Въ первую пору сказанныя видоизмѣненія, т. е. пріемъ въ Тунъ-вэнь-гуань молодыхъ и способныхъ людей оказалъ, говорятъ, благодѣтельное вліяніе на дѣло обученія; но засимъ это уклоненіе отъ правилъ послужило причиною многихъ злоупотребленій, благодаря которымъ въ настоящую пору только самая незначительная часть учениковъ Тунъ-вэнь-гуан'я является мало мальски способною воспринимать преподаваемое, остальные же, будучи обязаны своимъ поступленіемъ въ училище исключительно протекціи, или ничего не могутъ, или ничего не хотятъ дѣлать. Протекція при опредѣленіи учениковъ въ Тунъ-вэнь-гуань самая необузданная и не стѣсняется ни возрастомъ учениковъ, ни ихъ способностями и познаніями: нужно министру опредѣлить какого-либо родственника старика, онъ ссылается на статью устава, обязывающую принимать въ Тунъ-вэнь-гуань людей развитыхъ, имѣющихъ ученыя степени и изучавшихъ китайскую премудрость; захочется тому же министру помѣстить 16-ти, или 17-ти лѣтняго юношу, нигдѣ неучившагося и почти не умѣющаго читать по китайски, онъ указываетъ на установившійся въ училищѣ обычай принимать именно молодыхъ людей, какъ болѣе воспріимчивыхъ ко всякаго рода познаніямъ. При поступленіи въ Тунъ-вэнь-гуань кандидаты не подвергаются почти никакимъ испытаніямъ, ихъ экзаменуютъ лишь изъ китайскаго языка, предлагая имъ изложить письменно свое curriculum vitae, которое обыкновенно признается удовлетворительнымъ и остается при дѣлѣ, заводимомъ коллегіею относительно каждаго ученика. Окончивъ пріемный экзаменъ, ученикъ обязанъ заявить, какой именно изъ европейскихъ языковъ желаетъ онъ избрать своею спеціальностію, — англійскій, французскій, русскій, или нѣмецкій, такъ какъ изученіе каждаго изъ этихъ языковъ составляетъ предметъ отдѣльнаго самостоятельнаго класса и притомъ такъ, что ни одинъ изъ студентовъ не можетъ сразу изучать двухъ языковъ, а только одинъ. Сдѣланный по началу выборъ остается неизмѣннымъ на все время пребыванія ученика въ Тунъ-вэнь-гуан'и.

Полный курсъ ученія располагается приблизительно на восемь лѣтъ, изъ коихъ первые три посвящаются главнымъ образомъ на изученіе языковъ, при помощи которыхъ ученики могутъ впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ пріобрѣтать познанія въ общеобразовательныхъ наукахъ. Въ общихъ чертахъ курсъ наукъ, выслушиваемыхъ въ Тунъ-вэнь-гуани, располагается такъ:

1-й годъ чтеніе, письмо и разговоръ на избранномъ спеціальностью иностранномъ языкѣ.

2-й годъ, — чтеніе, письмо, грамматика, переводы и упражненія въ болѣе быстромъ и сложномъ разговорѣ.

3-й годъ, — изученіе всеобщей географіи и исторіи, а по языку — упражненія въ переводахъ.

4-й годъ — ариѳметика, алгебра и по языку — переводы депешъ.

5-й годъ, — Натуральная философія, геометрія, тригонометрія (начертательная и сферическая) и по языку — упражненія въ переводахъ.

6-й годъ, — механика теоретическая и практическая; дифференціальное и интегральное счисленіе; плаваніе и строеніе кораблей; по языку — упражненія въ переводахъ.

7-й годъ, — химія, астрономія, международное право и переводы книгъ.

8-й годъ, — астрономія, геологія, минералогія, политическая экономія, и по языку — переводы книгъ.

Въ добавленіе къ этому ученики могутъ еще посѣщать не штатно лекціи анатоміи и физіологіи, въ высшихъ же классахъ ученикамъ вмѣняется уже въ обязанность подготовляться къ должности переводчиковъ въ Цзунъ-ли-ямунѣ, переводить или помогать въ переводѣ оффиціальныхъ бумагъ и отдѣльныхъ сочиненій, появляющихся на томъ или другомъ языкѣ, ознакомленіе съ которыми будетъ признано необходимымъ для правительства.

Академическій годъ раздѣляется въ Тунь-вэнь-гуани на два семестра: первый изъ нихъ начинается со дня новогодняго открытія печати, т. е. 19-го или 20-го числа 1-й луны и продолжается до періода дождей, т. е. приблизительно до 20-го Іюля; засимъ полагается около пяти недѣль каникулъ; далѣе слѣдуетъ второй семестръ, начинающійся между 25—30-мъ числами Августа и оканчивающійся 20-го, или 21-го числа 12-й луны передъ новымъ годомъ. Въ теченіе означеннаго учебнаго времени занятія учениковъ начинаются ежедневно въ 8 часовъ утра лекціею китайскаго языка, продолжающеюся непрерывно до $11\frac{1}{2}$ часовъ. За симъ, отъ 1 часа дня до $4\frac{1}{2}$ по полудни, идутъ занятія европейскими языками и общеобразо-

вательными науками. По субботамъ профессоры изъ европейцевъ лекцій не читаютъ и студенты Тунъ-вэнь-гуани слушаютъ только китайскихъ профессоровъ; въ воскресенье уроковъ не полагается вовсе. Кромѣ сего ученики Тунъ-вэнь-гуани освобождаются отъ классныхъ занятій на три дня въ наиболѣе чествуемые китайцами народные праздники.

Контроль надъ занятіями студентовъ производится посредствомъ испытаній, которыя раздѣляются на малыя, производимыя ежемѣсячно и ежегодно и большія, устраиваемыя черезъ три года. Ежемѣсячные экзамены бываютъ только письменные; годовые же, для производства которыхъ обыкновенно назначаются три послѣдніе присутственные дня въ концѣ года, раздѣляются на письменные и устные и происходятъ непремѣнно въ присутствіи всѣхъ министровъ Цзунъ-ли-ямуня, которые собственно и производятъ испытаніе. Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ министры, не имѣющіе ровно ни какихъ знаній по иностраннымъ языкамъ, экзаменуютъ студентовъ? Процессъ производства испытанія объяснитъ это, равно какъ и то, что министры, экзаменуя студентовъ, въ тоже время экзаменуютъ и ихъ профессоровъ. Дѣло ведется такъ: предсѣдательствующій министръ даетъ экзаменующимся студентамъ китайскій текстъ какой либо оффиціальной бумаги, которую каждый экзаменующійся обязанъ перевести на языкъ своего спеціальнаго изученія и засимъ прочитать этотъ переводъ передъ министрами, а учитель подлежащаго языка обязанъ дословно передавать министрамъ по китайски то, что говоритъ, или читаетъ студентъ на языкѣ иностранномъ. Степенью сходства перевода учителя съ текстомъ данной оффиціальной бумаги и опредѣляютъ министры успѣхи учениковъ и достоинство пріобрѣтенныхъ ими знаній.

На большихъ экзаменахъ, устраиваемыхъ черезъ три года, производятся генеральныя и окончательныя испытанія.

Студенты, оканчивающіе курсъ въ Тунъ-вэнь-гуани, обязаны предварительно выдержать по китайскому языку испытаніе на степень сю-цай'я и только послѣ сего могутъ уже подвергаться окончательному экзамену изъ предметовъ европейскихъ наукъ. На этомъ послѣднемъ экзаменѣ каждый изъ нихъ прежде всего долженъ доказать свои основательныя знанія относительно устройства Цзунъ-ли-ямуня, Государственнаго Совѣта (Цзюнь-цзы-чу) и Министерствъ, а затѣмъ подвергается испытаніямъ изъ физики, прикладной математики, практической механики, морской и военной тактики, международнаго права, всеобщей исторіи и исторіи договоровъ Китая съ иностранными державами.

Дни экзаменовъ, какъ малыхъ еже мѣсячныхъ и годовыхъ, такъ равно большихъ, производимыхъ черезъ 3 года, являются въ большинствѣ слу-

чаевъ днями радости для студентовъ, ибо почти каждый изъ нихъ получаетъ въ это время награду.

На предметъ этихъ наградъ Цзунъ-ли-ямунь ассигнуетъ при каждомъ экзаменѣ приблизительно 60 ланъ серебра, которыя раздѣляетъ между студентами въ размѣрѣ отъ 2 циновъ до 1-го лана; впрочемъ поощрительныя преміи эти стали теперь такъ обыкновенны, что, по словамъ учителей, уже мало достигаютъ своей основной цѣли поощренія студентовъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. По окончаніи годовыхъ экзаменовъ ученики, помимо этихъ поощрительныхъ премій, получаютъ еще права пользоваться казеннымъ содержаніемъ и различныя стипендіи. Казенное содержаніе въ Тунъ-вэнь-гуани ограничивается квартирою съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, пищу же ученики всегда имѣютъ свою. Содержаніе это ученикъ, при успѣшныхъ занятіяхъ, можетъ получить и послѣ нѣсколькихъ мѣсячныхъ испытаній, въ такомъ случаѣ по окончаніи годоваго испытанія ему назначается стипендія или жалованье, въ размѣрѣ самаго низшаго оклада, ограничиваемаго тремя ланами серебра въ мѣсяцъ. Если ученикъ окажетъ дальнѣйшіе успѣхи, то въ слѣдующемъ году стипендія его можетъ быть удвоена и наконецъ можетъ дойти до 10 ланъ, или 20 серебряныхъ рублей въ мѣсяцъ. Дальнѣйшее повышеніе жалованья для студента возможно лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ избранъ помощникомъ учителя и тогда онъ получаетъ въ мѣсяцъ 15 ланъ. Экзамены, производимые черезъ три года, отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что на нихъ, помимо производства окончательныхъ испытаній, опредѣляются еще награды студентовъ чиновничьими степенями и шариками. Высшая степень, возможная для полученія студенту, относится къ 9-му классу; хотя тѣ, находящіеся въ Тунъ-вэнь-гуани студенты, которые имѣютъ оффиціальныя обязанности, получаютъ шарики и высшіе, вплоть до II класса включительно, или полный генеральскій. Ученики, окончившіе полный курсъ въ Тунъ-вэнь-гуани, могутъ быть назначаемы преподавателями и переводчиками въ школы Кантона и Шанхая. Тѣ изъ студентовъ, которые, имѣя окончательный дипломъ, получаютъ вслѣдъ за симъ мѣсто за границей, причисляются къ числу чиновниковъ 4-го класса и носятъ значекъ 4-й ст. безъ отношенія къ тому классу, въ которомъ состояли они, находясь въ Тунъ-вэнь-гуани и въ Пекинѣ. Содержаніе такого чиновника, со дня опредѣленія его на заграничную службу, исчисляется по 100 ланъ серебра (200 сер. руб.) въ мѣсяцъ; къ этому ему прибавляется еще 100, или 50 ланъ въ годъ, на наемъ особаго для себя помощника. Когда такой чиновникъ повышается на должность переводчика 3-го класса, добавочное содержаніе его на наемъ помощника возрастаетъ до 200 ланъ.

Въ числѣ вспомогательныхъ учрежденій при Тунъ-вэнь-гуани находятся: библіотека, кабинеты физическій, химическій и геологическій и обсерваторія. Учрежденія эти стоятъ, можно сказать, на самой низшей степени какъ по отношенію къ количеству находящихся въ нихъ предметовъ, такъ и особливо къ качеству ихъ. Кабинетъ физическій такъ незначителенъ, что любое учрежденіе этого рода при нашихъ, самыхъ бѣдныхъ гимназіяхъ будетъ состязаться съ нимъ и по полнотѣ, и по качеству приборовъ. Кабинеты химическій и геологическій заключаютъ въ себѣ гораздо больше научнаго матеріала, но разсмотрѣніе его засвидѣтельствуетъ каждому, что въ дѣлѣ устройства этихъ кабинетовъ Тунъ-вэнь-гуань не проявилъ ни одной іоты самодѣятельности: всѣ образцы породъ и камней привезены изъ Европы, основнаго же, китайскаго, здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего. Достаточно сказать, что за 25 лѣтъ своего существованія геологическій кабинетъ Тунъ-вэнь-гуаня не могъ даже пріобрѣсти коллекцію породъ китайскаго каменнаго угля, хотя мы знаемъ что окрестности Пекина безконечно разнообразны въ этомъ отношеніи. Что касается библіотеки, то она раздѣляется на двѣ части. Въ первой изъ нихъ, заключающей въ себѣ собственно сочиненія начинательныя, или учебники, числится китайскихъ 300 томовъ и европейскихъ 1700; во второмъ, такъ сказать фундаментальномъ, научномъ отдѣленіи, китайскихъ сочиненій свыше 1000 томовъ, а на европейскихъ языкахъ до 500 томовъ. Пользованіе книгами какъ для профессоровъ, такъ и для студентовъ изъ того и другого отдѣловъ библіотеки безплатное; студенты должны только, требуя ту или другую книгу, представить одобреніе отъ профессоровъ; но, по отзывамъ тѣхъ же профессоровъ, китайскіе студенты никогда и ничего не требуютъ изъ библіотеки помимо самыхъ необходимыхъ для нихъ учебниковъ. При библіотекѣ содержится читальная комната, въ которую Цзунъ-ли-ямунь выписываетъ до десятка лучшихъ европейскихъ газетъ на различныхъ языкахъ.

Пособія, рекомендуемыя студентамъ при занятіяхъ ихъ европейскими науками, приготовлены главнымъ главнымъ образомъ профессорами Тунъ-вэнь-гуаня. Выдающимися изъ нихъ, по словамъ бесѣдовавшаго со мною д-ра Мартина, являются слѣдующія:

Wheaton's. «Elements of International Law», переведено на китайскій языкъ докторомъ Мартиномъ.

Malaguti's. — «Chemistry», переведено на китайскій языкъ профессоромъ Биллекен'омъ.

«Code Napoléon», переведено на китайскій также профессоромъ Биллекен'омъ.

«Guide Diplomatique» — Мартенса, — переведено на китайскій языкъ подъ редакціею доктора Мартина студентами Лянъ-фан'омъ и Чинъ-чжан'омъ.

Woolsey's. «International Law», — подъ редакціею доктора Мартина переведено студентами Ванъ-фынъ-цзао и Фынъ-ё.

Kerl's, «English Grammar» переведено г. Ванъ-фынъ-цзао.

Fawcett's, «Political Economy», — подъ редакціею доктора Мартина переведено г. Ванъ-фынъ-цзао.

«Geschichte der Russen», (кажется, бывшій учебникъ въ Рижской гимназіи) — подъ редакціею профессора Гагена переведена гг. Гуй-жуномъ и Такшина.

Tytler's, «Universal History» подъ редакціею проф. Коля переведено гг. Шан'омъ и Ян'омъ.

«Chemical Analysis», — въ сокращеніи составлено и изложено на китайскомъ языкѣ профессоромъ Биллекен'омъ и гг. Шэн'омъ и Лин'омъ.

«Mathematical Physics», въ сокращеніи изложено на китайскомъ языкѣ д-ромъ Мартиномъ при участіи студентовъ Ту, Ли и др.

«Human Anatomy» — изложено проф. Дуджон'омъ.

«Comparative Calendar for 1878—88, based on Nautical Almanac» изложено на китайскомъ языкѣ профессорами Гаррингтономъ, Фритше, и Русселемъ при участіи студентовъ Ши, Шу и др.

Bluntschli's, — Droits International Codifié» переведено на китайскій языкъ д-ромъ Мартиномъ, при участіи гг. Лян'а, Чин'а и др.

«Penal Code of Singapore». Переведено г. Ванъ-фынъ-цзао, подъ редакціею д-ра Мартина.

«International Law in Ancient China» издано на англійскомъ языкѣ д-ромъ Мартиномъ и переведено на китайскій г. Ванъ-фынъ-цзао.

Loomis, «Practical Astronomy», — съ рукописнаго текста было переведено на китайскій языкъ профессоромъ Русселемъ, при участіи гг. Ши, Вана, и Цзо.

«Mathematical Exercises», — составлено на китайскомъ языкѣ г. Сѣкан'омъ, подъ редакціею профессора Ли-шэнъ-лян'а.

«French — Crinese Dictionary» профессора Биллекена.

Въ представленномъ краткомъ перечнѣ основныхъ учебныхъ пособій, принятыхъ въ Тунъ-вэнь-гуани для изученія европейскихъ языковъ и знаній, мы не видимъ ни одного переведеннаго съ русскаго, или назначеннаго къ ознакомленію китайцевъ съ русскимъ языкомъ, причемъ такихъ пособій не существуетъ и вообще, ибо русскіе пока еще рѣшительно ничего не сдѣлали для Китая, чтобы облегчить ему дѣло ознакомленія съ Россіею.

Единственные переводческіе труды съ русскаго, — хороши или худы эти переводы, — принадлежатъ дѣятелямъ нашей православной духовной миссіи, для изученія положенія и дѣятельности которой, я, въ періодъ своего пребыванія въ Пекинѣ, неоднократно посѣщалъ ее отдѣльными визитами и наконецъ прожилъ въ ней безвыѣздно шесть дней, за срокъ отъ 16-го по 21-е января 1893 г. включительно. Скажу поэтому и о ней нѣсколько словъ.

Въ вѣдѣніи россійской православной миссіи въ Пекинѣ находятся въ настоящее время три отдѣльныхъ церкви и состоящія при нихъ группы христіанъ: а) Успенскій монастырь, въ которомъ собственно помѣщаются члены православной миссіи; б) церковь во имя Срѣтенія Господня, находящаяся въ подворьи нашей дипломатической миссіи, въ центрѣ города и отстоящая отъ монастыря въ 7, или 8 верстахъ и в) церковь въ деревнѣ Дунъ-динъ-ань, во имя Святителя Иркутскаго Иннокентія, — въ 50 верстахъ отъ Пекина. Прежде православная русская миссія помѣщалась въ двухъ мѣстахъ: въ южномъ, Срѣтенскомъ, подворьи (нань-гуань) и въ сѣверномъ — Успенскомъ (бэй-гуань); но въ настоящее время южное Срѣтенское подворье перешло во владѣніе дипломатической миссіи, взамѣнъ чего наше министерство иностранныхъ дѣлъ, еще въ пору этого перехода, т. е. въ 1863—1866 гг., устроило помѣщенія для православной миссіи въ сѣверномъ — Успенскомъ монастырѣ, которыя въ настоящую пору уже значительно расширены на спеціальныя средства православной миссіи.

Вся христіанская, собственно китайская паства въ Пекинѣ по исповѣдной росписи 1892 г. исчисляется въ 459 душъ, изъ коихъ потомковъ русскихъ албазинцевъ 149 душъ и христіанъ изъ китайцевъ — 310 душъ. Большая часть изъ этихъ послѣднихъ, приблизительно до 250 человѣкъ, проживаетъ въ Пекинѣ, остальные, въ числѣ 60 человѣкъ, въ деревнѣ Дунъ-динъ-ань.

Историческія свѣдѣнія о распространеніи православія и жизни православной россійской миссіи въ Пекинѣ читатели могутъ найти въ довольно подробномъ изслѣдованіи по сему предмету о. архимандрита, Николая Адоратскаго; тѣмъ не менѣе мы почитаемъ необходимымъ напомнить здѣсь хотя бы главнѣйшіе моменты существованія этой миссіи.

Первыми постоянными обитателями, исповѣдующими православіе въ Пекинѣ, были русскіе казаки, взятые въ плѣнъ китайскими войсками въ 1686 году изъ города Албазина на Амурѣ. Приведенные въ Пекинъ, они образовали здѣсь отдѣльную роту въ средѣ 8 маньчжурскихъ знаменъ и были поселены въ сѣверо-восточномъ углу города, при чемъ имъ дозволено было свободно исповѣдывать православную христіанскую вѣру.

Требы и богослуженія отправлялъ у нихъ тогда пришедшій вмѣстѣ съ ними вдовый священникъ Димитрій, который жилъ въ Пекинѣ, по преданію, 13 лѣтъ. Когда онъ скончался (около 1700 года), на мѣсто его, по просьбѣ албазинцевъ, присланъ былъ другой священникъ, кажется, іеромонахъ, съ причетниками. Со временъ Петра Великаго, по установленіи дружественныхъ отношеній съ Китаемъ, въ Пекинъ стали посылаться цѣлыя миссіи, въ числѣ 10-ти человѣкъ. Отправляя эти миссіи, русское правительство всегда имѣло двѣ цѣли: а) поддержаніе православія между плѣнными казаками и б) изученіе Китая во всѣхъ отношеніяхъ, равно какъ и приготовленіе переводчиковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, необходимыхъ при сношеніяхъ двухъ государствъ. Въ эту пору правительствомъ нашимъ была запрещена всякая пропаганда православія между китайцами и такое запрещеніе простиралось до 1861 года, т. е. до заключенія графомъ Путятинымъ трактата въ Тянь-цзинѣ. Такимъ образомъ до начала 1860 годовъ наша духовная миссія была именно и исключительно политическимъ агентствомъ, посредствомъ котораго наше правительство сносилось съ Китаемъ. Это доказывается тѣмъ, что какъ прежнимъ миссіямъ, черезъ каждые десять лѣтъ снаряжаемымъ въ Пекинъ, такъ и послѣдней таковой миссіи, отправленной въ 1857 году, всегда выдавались инструкціи отъ министерства иностранныхъ дѣлъ; наконецъ въ составъ ея входили, и даже большею частію, такіе члены, которые не имѣли никакого отношенія къ дѣлу православія, таковы: три студента, астрономъ, художникъ и лекарь. Какъ необходимое заключеніе отсюда слѣдуетъ то, что собственно *миссіонерскую* дѣятельность Пекинской Миссіи, дѣятельность по распространенію Евангельскаго ученія въ Китаѣ, — надобно считать только съ 1861 года, а на всю остальную ея службу съ 1686 по 1861 годъ (175 лѣтъ) нужно смотрѣть преимущественно какъ на дѣятельность учрежденія чисто политическаго. Эти мысли высказаны здѣсь съ тою цѣлью, чтобы снять съ пекинской духовной миссіи, хотя долю того несправедливаго укора относительно ея поразительной недѣятельности, по которому намъ нерѣдко приходится слышать, что «пекинская духовная миссія въ теченіе 175 лѣтъ не могла присоединить къ Православной церкви ни одного китайца». Въ настоящее время положеніе и дѣятельность духовной миссіи представляются намъ въ такомъ видѣ:

Зданія миссіи составляютъ: 1) храмъ во имя Успенія Богородицы, построенный изъ обожженаго кирпича и крытый черепицею, вполнѣ крѣпкій и благоустроенный. Вмѣстимость его приблизительно на 200 человѣкъ. Иконостасъ въ немъ позолоченный китайскими мастерами, а иконы въ большей своей части исполнены въ 1864 году художникомъ миссіи, ака-

демикомъ Львомъ Игоревымъ: онѣ написаны на полотнѣ и отличаются художественностью своей отдѣлки и мягкостью своихъ красокъ, особливо мѣстныя иконы: Спасителя, Божіей Матери, Успенія Пресвятой Богородицы, Святителя Николая, Тайной Вечери, находящейся надъ царскими вратами и на самыхъ этихъ вратахъ — Благовѣщенія и 4-хъ Евангелистовъ. Вначалѣ 1880-хъ годовъ однимъ изъ членовъ пекинской миссіи нѣкоторыя изъ этихъ иконъ были поновлены; къ сожалѣнію новый рисунокъ этотъ не отличается такою мягкостію красокъ, которыя придаютъ особенную прелесть рисункамъ Игорева. Утварью церковь также вполнѣ обезпечена: у нея имѣется до 30 различныхъ облаченій и нѣкоторыя изъ нихъ, пожалованныя русскими императорами и императрицами, можно считать драгоцѣнными; есть также достаточное число сосудовъ, крестовъ, евангелій, архимандричьихъ митръ, крестовъ и проч.; 2) покои архимандрита представляютъ собою пять не особенно большихъ, но достаточныхъ по величинѣ комнатъ; въ западной своей части, или изъ залы, онѣ соединяются съ помѣщеніемъ библіотеки миссіи, заключающей въ себѣ всего свыше десяти тысячъ томовъ различныхъ сочиненій на европейскихъ и восточныхъ языкахъ. Многія изъ этихъ сочиненій очень древни и представляютъ собою буквально библіографическія рѣдкости; 3) квартиры іеромонаховъ составляютъ также отдѣльное зданіе. Каждая изъ такихъ квартиръ заключаетъ въ себѣ три небольшихъ комнаты; 4) зданіе кухонь и, на ряду съ ними, угодій отдѣльно для каждой квартиры; 5) помѣщенія для прислуги; пустующія нынѣ: 6) зданіе обсерваторіи и 7) квартиры астронома; 8) новый, построенный въ 1881 году, домъ для священника изъ китайцевъ, занимаемый нынѣ помѣщеніями состоящихъ при духовной миссіи студентовъ имени г-на Паргачевскаго; 9) зданіе состоящаго при духовной миссіи мужскаго училища, 10) баня и 11) отдѣльно отъ монастыря, за оградой онаго, зданія женскаго училища для дѣтей мѣстныхъ христіанъ. Всѣ эти зданія находятся въ совершенно удовлетворительномъ состояніи и содержатся можно сказать въ образцовыхъ чистотѣ и порядкѣ. Такому состоянію миссіи, помимо распорядительности ея начальника, способствуютъ конечно и отпускаемыя ей средства.

На содержаніе миссіи ассигнуется ежегодно 15,600 р. с. и помимо того на содержаніе состоящаго при миссіи женскаго училища 2000 руб. Главнѣйшій расходъ этихъ миссіонерскихъ суммъ идетъ, конечно, на жалованье членамъ миссіи, которое исчисляется въ количествѣ 5000 руб. содержанія архимандрита и 5,400 р. на жалованье тремъ іеромонахамъ, по 1,800 р. с. каждому. Цифры эти для русскаго слуха могутъ показаться очень большими; но мы должны сказать, что для пекинской жизни, осо-

бенно при современной ея дороговизнѣ, это содержаніе только что достаточно [1]). Засимъ на остающіяся 5,200 р. содержатся церковь, мужское училище, всѣ зданія миссіи и состоящіе при нихъ служащіе. Въ подкрѣпленіе этой неособенно значительной суммы идутъ доходы съ церковныхъ земель, домовъ и лавокъ, которые Св. Синодъ разрѣшилъ Миссіи употреблять на свое содержаніе. Слѣдуетъ замѣтить однако, что эти, прежде доходныя статьи въ настоящее время приносятъ монастырю весьма мало, частію потому что нѣкоторыхъ, изъ прежде бывшихъ подворій теперь уже несуществуетъ вовсе, частію потому, что аренда на земли упала вообще, а лавки и зданія между тѣмъ уже на столько обветшали, что плата за наемъ ихъ едва бываетъ достаточна для одной ихъ ремонтировки. Постройки въ Китаѣ, какъ извѣстно, возводятся весьма и весьма не прочно.

Но главное лишеніе миссіи это — крайній недостатокъ дѣятелей какъ изъ русскихъ, такъ и изъ туземцевъ. По штату православной миссіи въ Пекинѣ, здѣсь полагается имѣть одного архимандрита, трехъ іеромонаховъ, одного священника изъ природныхъ туземцевъ и одного катихизатора также изъ китайцевъ; всего 6 человѣкъ. Но вакансіи членовъ миссіи часто остаются незамѣщенными и бывали случаи, когда архимандриту приходилось оставаться въ Пекинѣ совершенно одному. Богослуженіе въ этихъ случаяхъ обыкновенно совершается попеременно въ двухъ нашихъ пекинскихъ храмахъ, а чтобы не оставлять прихожанъ того, или другаго храма вовсе безъ богослуженія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, всякій разъ, когда въ одномъ храмѣ служится литургія, въ другомъ отправляются часы. Понятно, что при такомъ недостаткѣ лицъ даже для отправленія богослуженій, нечего и говорить о дѣлѣ проповѣди. Правда, случай пребыванія въ составѣ миссіи только одного архимандрита — исключительный, по большей части при немъ всегда состояли одинъ, или два іеромонаха; тѣмъ не менѣе эти іеромонахи не рѣдко бывали новичками для Пекина, не могли говорить по китайски, а потому были способны лишь къ тому, чтобы отправлять богослуженіе на южномъ подворьи. Для пропаганды христіанства въ миссіи никогда не бывало больше одного лица, которое могло вести

---

1) За самый скромный столъ іеромонаха въ Пекинѣ уплачивается повару 30 р. с. въ мѣсяцъ; отопленіе кухни стоитъ 9 р.; отопленіе комнатъ 5 р.; содержаніе прислуги 12 р.; свѣчи 7½ ф. 2 р. 50 к.; мыло 1 р.; сахаръ 3 р.; чай 1 р. 50 к.; канцелярскія принадлежности 1 р.; почтовые расходы 2 р.; прачка 3 р.; каждый выѣздъ изъ миссіи въ южное подворье стоитъ миссіонеру 1 р.; полагая, что онъ будетъ ѣздить только для службы по воскресеньямъ и имѣть одинъ только выѣздъ въ мѣсяцъ для исправленія требъ — 5 р.; учитель и переписчикъ изъ китайцевъ 25 р.; итого сто руб. сер. Слѣдовательно изъ 150 р. ежемѣсячнаго жалованья, остается 50 руб. на одежду, отсылку роднымъ, выписку и покупку книгъ, подарки прислугѣ и проч.

дѣло въ одномъ мѣстѣ, на сѣверномъ подворьи, оставляя безъ наставленій христіанъ двухъ другихъ пунктовъ — южнаго подворья и деревни Дунъ-динъ-ань. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ не можетъ исполнять съ должнымъ успѣхомъ того, для исполненія чего едва достаточны трое; однако же дѣло миссіи идетъ своимъ порядкомъ: наши миссіонеры не имѣютъ только возможности посѣщать христіанъ деревни Дунъ-динъ-ань; въ остальныхъ же частяхъ они трудятся по мѣрѣ силъ и не безъ успѣха, занимаясь съ особеннымъ усердіемъ переводами и изданіемъ священныхъ книгъ. Такимъ образомъ для назиданія христіанъ пекинской духовной миссіи переведены и напечатаны слѣдующія книги:

1) Новый Завѣтъ, переведенный бывшимъ начальникомъ пекинской миссіи, архимандритомъ Гуріемъ. Этотъ переводъ, по отзыву англійскихъ миссіонеровъ и по лично сдѣланному нами сличенію, оказался спискомъ съ перевода извѣстнаго англійскаго синолога и миссіонера Мориссона. О. архимандритъ Гурій, очевидно, провѣрялъ его, измѣнилъ англійское чтеніе собственныхъ именъ, приблизивъ китайскую транскрипцію ихъ къ языку русскому и исправилъ нѣкоторыя мѣста текста; однако же и при этомъ сдѣланномъ исправленіи, переводъ является во многихъ своихъ частяхъ не точнымъ, требуя тщательнаго пересмотра и притомъ нѣсколькими знатоками китайскаго языка. За недостаткомъ лучшаго миссія, конечно, пользуется, по благословенію Св. Синода и этимъ переводомъ.

2) Толковое Евангеліе, составленное подъ руководствомъ нашего знаменитаго синолога, архимандрита Палладія архимандритомъ Флавіаномъ. Толкованія евангельскихъ истинъ заимствованы въ сокращеніяхъ изъ текста извѣстнаго Евангелія архимандрита Михаила.

3) Псалтирь, въ переводѣ архимандрита Палладія.

4) Краткая священная исторія ветхаго завѣта, составленная архимандритомъ Гуріемъ.

5) Земная жизнь Господа Іисуса Христа, передѣлана и издана на китайскомъ языкѣ съ католическаго китайскаго текста того же сочиненія.

6) Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта, — переводъ извѣстныхъ «начатковъ христіанскаго ученія митрополита Филарета», сдѣланный іеромонахомъ Исаіей.

7) Св. Димитрія Ростовскаго — «Зерцало православнаго исповѣданія». Переводъ этотъ, какъ можно видѣть изъ документовъ миссіи, сдѣланъ іеромонахомъ, а впослѣдствіи архимандритомъ Даніиломъ въ 1830-мъ году.

8) Изложеніе вѣры для оглашаемыхъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, — впервые было передѣлано съ китайскаго текста католическаго изданія

того же сочиненія о. архимандритомъ Іакинѳомъ, а засимъ, въ 1866 г. исправлено и издано вновь іеромонахомъ Исаіею.

9) О четырехъ духовныхъ подвигахъ: постѣ, молитвѣ, исповѣди и Св. причащеніи, переводъ архимандрита Гурія.

10) О крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи, переводъ епископа Гурія.

11) «Указаніе пути въ царство небесное» митрополита Иннокентія,— переведено архимандритомъ Флавіаномъ.

12) Шесть наставленій: о крещеніи, необходимости покаянія, о хожденіи въ храмъ, о христіанскомъ времяпровожденіи, объ отношеніи родителей къ дѣтямъ и о выборѣ друзей, составлено учителемъ Люнъ-сяньшэн'омъ.

13) Объясненіе православнаго богослуженія,— составлено архимандритомъ Флавіаномъ.

14) Священная и церковная исторія до переселенія плѣнныхъ албазинцовъ въ Пекинъ,— составлена архимандритомъ Гуріемъ и находится въ рукописи, равно какъ и переводы многихъ житій Святыхъ.

Всѣ вышепомянутыя тринадцать сочиненій печатались китайскимъ способомъ на вырѣзанныхъ доскахъ, хранящихся въ миссіи и до настоящаго времени печатаются въ потребномъ количествѣ каждый разъ, какъ только повстрѣчается въ этомъ нужда. Особую и спеціальную заслугу нашихъ оо. миссіонеровъ составляютъ переводы «послѣдованій» въ дни двунадесятыхъ праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ, а равно входящихъ въ составъ Постной и Цвѣтной тріодей, Общей минеи и Октоиха. Мы не перечисляемъ здѣсь всѣхъ этихъ переводовъ и замѣтимъ только, что желающіе могутъ найти подробный перечень ихъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ «Христіанское чтеніе» и «Православный Собесѣдникъ».

Оставляя засимъ до болѣе удобнаго времени обнародованіе своихъ наблюденій надъ жизнью собственно китайцевъ, обращаюсь къ содержанію настоящаго тома. По характеру своему онъ мало чѣмъ отличается отъ предшествовавшаго, заключая въ себѣ во 1-хъ подробный маршрутъ моего слѣдованія по Монголіи, а во 2-хъ тѣ изъ произведенныхъ наблюденій и замѣтокъ, которыя не могли найти для себя мѣста въ составленномъ мною за эту поѣздку систематическомъ описаніи Монголіи, имѣющемъ начаться съ слѣдующей третьей книги моего труда. Такимъ образомъ въ составъ настоящаго тома вошли, напримѣръ, мои изслѣдованія о тӳмэтскихъ поколѣніяхъ монголовъ, жизнь которыхъ въ настоящую пору уже ни мало не походитъ на жизнь остальныхъ монгольскихъ поколѣній. Къ сожалѣнію, мнѣ мало пришлось восполнить въ эту поѣздку свои наблюденія

надъ бытомъ чахаровъ (см. «Замѣчанія на Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи архимандрита Палладія». Спб., 1892 г.), также глубоко разнящихся въ своей жизни отъ остальныхъ монголовъ; но это объясняется чисто случайностью, въ которую невольно впадетъ всякій путешественникъ: не пришлось встрѣтить дѣльнаго истолкователя и представлявшіеся вопросы остались не разрѣшенными. Наконецъ, читатели, несомнѣнно, замѣтятъ, что мои дневники за послѣдніе полтора, два мѣсяца поѣздки являются уже гораздо короче предшествовавшихъ; виною этого было прямо утомленіе: полтора года напряженнаго вниманія сдѣлали свое дѣло и, подъѣзжая къ русской границѣ, я, можно сказать, былъ положительно не годенъ для дальнѣйшей работы.

Въ заключеніе почитаю долгомъ отмѣтить, что во время слѣдованія моего по юго-восточной Монголіи у меня разбилось нѣсколько приготовленныхъ мною негативовъ, таковы: «общій видъ Пань-цуй-шани», «жэхэ'ская башня Лю-хо-та» и «башня въ развалинахъ Цагàнъ-субургàна». Петербургскіе фотографы, по возможности, исправили мнѣ эту утрату; но за всѣмъ тѣмъ приготовлять клише со сказанныхъ разбитыхъ негативовъ было уже очень неудобно. Къ счастію, я нашелъ тѣже рисунки въ фотографическомъ альбомѣ нашего извѣстнаго путешественника, генерала А. Д. Путяты и, воспользовавшись его любезнымъ разрѣшеніемъ, заказалъ потребныя клише уже съ его рисунковъ, за каковую помощь и приношу ему мою искреннюю благодарность.

А. Позднѣевъ.

ДНЕВНИКЪ

1893 г.

I. Отъ Пекина до Калгана.

19-е Февраля. Пятница.

Сегодня оставляемъ Пекинъ. Для слѣдованія до Калгана мною наняты носилки и двѣ телѣги подъ багажъ и проѣздъ прислужниковъ, число коихъ у меня временно возросло теперь до двухъ, такъ какъ, благодаря любезности нашего посланника, гр. Кассини, я получилъ изъ миссіи одного казака для помощи при работахъ въ Цзюй-юнъ-гуани. Обычная плата отъ Пекина до Калгана: за носилки 9 ланъ, за телѣги—6 ланъ серебра; вьючный мулъ—2 л. 50 ф., а оселъ—2 лана.

Изъ Пекина въ направленіи къ Калгану, въ Монголію, выѣзжаютъ обычно двумя воротами: «Дэ-шэнъ-мынь» и «Ань-динъ-мынь». Первыя изъ нихъ, — въ переводѣ: «ворота побѣды», — находятся въ сѣверной части пекинской стѣны и отъ нихъ идетъ большой трактъ въ Монголію. Такъ какъ Пекинъ сдѣлался столицею во времена минской династіи въ видахъ стратегическихъ противъ монголовъ, то, можно думать, что названіе это имѣло свой особый смыслъ, тѣмъ болѣе, что другія ворота въ этой линіи называются Ань-динъ мынь, т. е. «воротами спокойствія, или успокоенія».

Напутствуемые благожеланіями соотечественниковъ, мы, оставивъ въ 1 ч. 30 м. домъ нашей дипломатической миссіи, не поѣхали ни черезъ первыя, ни черезъ вторыя изъ вышепомянутыхъ воротъ. Извозчики, имѣя въ виду неудобство ѣзды по городу, повезли насъ черезъ ворота «Цянь-мынь», такъ что черезъ 8 минутъ мы были уже за стѣнами маньчжурскаго

города. Китайскій городъ мы оставили у воротъ «Пи-цзинъ-мынь», отъ которыхъ проходитъ устланная громадными плитами дорога въ направленіи къ Вань-шоу-шан'и. Въ старину она, можетъ быть, была и удобна, но теперь движеніе по ней представляетъ невыразимое мученіе. Плиты частію избиты, частію выломаны вовсе. Телѣга скачетъ по нимъ, стремительно низвергаясь то въ ту, то въ другую сторону и нужно достаточно силы въ рукахъ, чтобы, упершись ими въ бока телѣги, сидѣть неподвижно, иначе можно сильно расшибить голову. Возницы обыкновенно стараются избѣгать эту дорогу, предпочитая ей боковыя тропинки, пробитыя въ лессовой почвѣ, однако, при массѣ движенія, это не всегда удается и иногда, волей неволей, приходится взбираться на этотъ «царственный» путь. Въ общей толпѣ движущихся на сѣверъ очень скоро можно было отличить предпринимающихъ дальній путь въ Монголію. Намъ попался одинъ ламà барӯнъ-сунѝтскаго àймака, прожившій нынѣшнюю зиму въ Пекинѣ. Онъ оказался человѣкомъ очень интереснымъ, потому что нѣсколько разъ былъ въ Тибетѣ, знакомъ былъ съ южнымъ Китаемъ, а въ окрестностяхъ Пекина зналъ, кажется, рѣшительно все достопримѣчательное. На первый разъ онъ указалъ мнѣ невысокую горку за рѣчкою Цинъ-хэ, близъ которой якобы въ честь Чингѝса и Хубилàя ежегодно приносится жертва, состоящая изъ одного барана и одной свиньи. Слѣдуя далѣе на СЗ, мы въ 3 ч. 40 м. достигли деревушки Си-хо-ма, съ большимъ каменнымъ мостомъ. Повсюду здѣсь разбросаны кладбища и воздвигнуто много субургàновъ. Вообще отъ Пекина почти вплоть до Нань-коу масса кладбищъ. Чуть ни каждое семейство имѣетъ здѣсь свое кладбище и оно занимаетъ мѣсто вдвое больше жилого подворья. У людей богатыхъ кладбища обсажены цѣлыми рядами деревьевъ: ближе къ могилѣ елью и сосной, дальше тополемъ, а кругомъ ивой. Большая часть кладбищъ окопана рвами съ проведенными черезъ нихъ подъѣздами, близъ которыхъ воздвигаются памятники; другія изъ этихъ обителей мертвецовъ окружены стѣнами. Близъ стѣнъ — домъ сторожа и хорошенькое помѣщеніе для пріѣзжающихъ на поминовеніе раза три въ годъ хозяевъ кладбища. По границѣ кладбищенской территòріи съ четырехъ сторонъ ставятся столбики съ надписью, что это сѣверная, или южная граница кладбища, принадлежащаго такой то фамилìи. Мой спутникъ, лама, говорилъ мнѣ, что на югѣ Китая совершенно нѣтъ такихъ кладбищъ, и отсюда у насъ естественно поднялся вопросъ, ужели на сѣверѣ больше почитаютъ предковъ, чѣмъ на югѣ? Трудно, конечно, не видавъ жизни южнаго Китая, отвѣчать на этотъ вопросъ; но мнѣ кажется, что отвѣтъ на него долженъ быть скорѣе отрицательнымъ. Правда, на югѣ нѣтъ такихъ грандіозныхъ кладбищъ, что едва ли ни объясняется незначи-

тельностью земель; но за то, по словамъ ламы, тамъ есть такъ называемые «сы-танъ», т. е. храмы предковъ. Въ Пекинѣ каждое значительное семейство имѣетъ въ домѣ особую комнату, гдѣ хранятся посмертныя таблицы отцовъ и дѣдовъ, ихъ портреты, или даже фотографическія карточки, какъ это видѣлъ я въ одной фамиліи. На югѣ цѣлый родъ имѣетъ одинъ храмъ, куда и ставитъ по порядку поколѣній таблицы своихъ праотцовъ, но въ особенности такого родоначальника, который или прославился на службѣ, или былъ ученъ и богатъ, пріобрѣлъ землю, выстроилъ домъ и проч. Эти то храмы служатъ центромъ, около котораго селятся родовичи потомки и который соединяетъ ихъ узами рода, воспоминаніями, преданіями и самыми матеріальными интересами. Въ этомъ храмѣ всѣ ихъ симпатіи, всѣ завѣтныя мечты, вся мораль и вся религія. Выводъ понятенъ: на сѣверѣ заботятся о кладбищахъ предковъ, объ ихъ прахѣ; на югѣ — забота о храмѣ предковъ, объ ихъ духѣ, или тѣняхъ, мѣстомъ витанія которыхъ является храмъ, а эмблемой посмертная таблица. Мнѣ положительно кажется, что религія китайцевъ и культъ предковъ гораздо выше на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ и туда нужно ѣздить нашимъ спеціалистамъ китаевѣдѣнія изучать его.

Разсуждая объ этомъ, мы продолжали двигаться узкими дорожками по полямъ китайцевъ, часто встрѣчая болѣе или менѣе значительныя деревеньки. Замѣчательно, что здѣсь нерѣдко встрѣчаются цѣлые поселки, носящіе имена «Чжанъ-цзя», «Ванъ-цзя», т. е. поселокъ фамиліи Чжанъ, поселокъ фамиліи Ванъ и др. Это напоминаетъ о томъ, что здѣсь еще хранится родовое начало въ населеніи, хотя вообще въ сѣверномъ Китаѣ оно, повидимому, потеряло уже свое значеніе вслѣдствіе наплыва бродячаго и чуждаго мѣстности элемента, — монголовъ, маньчжуровъ, татаръ и переселенцевъ изъ другихъ провинцій, привлекаемыхъ сюда торговлей и промысломъ. Отсюда здѣсь къ родовымъ названіямъ «Чжанъ-цзя», «Ванъ-цзя» прибавились многозначительный «чжуанъ» и «цунь», т. е. — «деревня», «мѣстечко», а въ самомъ населеніи деревни иногда не осталось уже и фамиліи «Чжанъ» или «Ванъ»; онѣ вытѣснены и уступили свое мѣсто многимъ другимъ.

Въ 4 ч. 30 м. мы остановились въ деревнѣ «Ванъ-цзя-чжуанъ (王家庄) чтобы сдѣлать фотографическій снимокъ съ прекрасно сохранившагося здѣсь каменописнаго памятника, отъ временъ 18-го года правленія Шунь-чжи (1661 г.). Текстъ этого памятника не могъ быть прочитанъ мною за недостаткомъ моего зрѣнія, а главное времени; тѣмъ не менѣе памятникъ этотъ кажется мнѣ весьма интереснымъ. Составныя части его слѣдующія: на южной сторонѣ двѣ колонны, служащія какъ бы входомъ; далѣе — бѣлая мраморная доска вышиною аршина въ 4-ре, воздвигнутая

на лежащей черепахѣ; саженяхъ въ 10 отсюда на сѣверъ сдѣланъ каменный жертвенникъ, на которомъ разставлены вытесанные изъ камня же пять жертвенныхъ сосудовъ, а позади ихъ, еще далѣе къ сѣверу, земляной холмъ, — можетъ быть, могила. Если теперь въ развалинахъ древняго Каракорума мы встрѣчаемъ остатки разбитыхъ каменописныхъ плитъ и черепахъ, то, конечно, это были памятники во всемъ подобные настоящему.

Въ 5 ч. 20 м. мы миновали Вань-шоу-шань. Прилежащіе къ этой горѣ поселки заняты множествомъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ. Очевидно, спустя 30 лѣтъ, китайцы опять надумали поправлять здѣсь императорскій дворецъ, безжалостно разрушенный англичанами. Кое гдѣ на императорскомъ пути возводятся тріумфальныя ворота и пр.

Сильный вѣтеръ, подъ которымъ выѣхали мы изъ Пекина, къ вечеру началъ крѣпчать еще больше и поднималъ такія облака пыли, за которыми трудно было видѣть что либо на разстояніи десятка саженей. Продолжая путь по полямъ, мы къ 9 часамъ добрались до Гуань-ши,—мѣста, которое заурочено здѣшними извощиками для перваго ночлега по выѣздѣ изъ Пекина и для послѣдняго — при направленіи къ столицѣ. Селеніе это почти сплошь занято мусульманами, имѣющими здѣсь и свою мечеть, единственную для всего окружнаго населенія мусульманъ. Въ настоящій день, 14-го числа первой луны, здѣсь отправлялась церемонія «праздника фонарей», называемаго у китайцевъ Шанъ-юань. Праздникъ этотъ справляется здѣсь въ теченіе трехъ ночей, начиная съ 13-го числа и оканчивая 15-мъ; за границей же, какъ напримѣръ въ Ургѣ, церемоніи его совершаются только въ ночь 15-го числа. Массы народа запруживали улицы, блестящія иллюминаціи и фейерверки встрѣчали и провожали нашъ поѣздъ изъ каждаго переулка. Ворота попадавшихся на пути кумирень были буквально усѣяны фонариками; черезъ улицы отъ одного дома до другого были протянуты веревки, на которыхъ также висѣли разноцвѣтные фонари. Все это придавало селенію необычайно живописный видъ. Торжественныя процессіи съ несомымъ на длинной палкѣ подъ балдахиномъ кумиромъ Тай-и неоднократно встрѣчали насъ и еще издали давали знать о своемъ приближеніи страшнымъ шумомъ гонговъ, звуками флейтъ и др. музыкальныхъ инструментовъ; хлопушки трещали безъ конца и не мало пугали нашихъ муловъ. Прибывъ въ гостинницу, мы еще долго слышали ликованіе народа и уличный шумъ стихъ только къ 1 часу ночи.

20-е Февраля. Суббота.

Мы оставили Гуань-ши въ 7 ч. утра, при тихой и ясной погодѣ съ — 2° по R. За селеніемъ, передъ нашими глазами, открылась обширная нань-коу'ская равнина. Дорога сохраняетъ тотъ же характеръ узкой тро-

пинки, извивающейся между полями и въ общемъ весьма однообразна, за то видъ окрестныхъ горъ буквально приводилъ насъ въ восторгъ своими красотами. Въ 8 часовъ извозчики указали мнѣ верстахъ въ пяти вправо отъ дороги купу деревьевъ, — это были знаменитыя своими постройками и убранствомъ минскія кладбища, у которыхъ пекинскіе европейцы не рѣдко устроиваютъ теперь свои дачи. Нѣсколько далѣе этихъ кладбищъ другая такая же купа обозначала областной городъ Чанъ-пинъ-чжоу, о которомъ говорятъ, что по своимъ постройкамъ онъ ничуть не лучше деревни. Изъ окрестныхъ горъ особливо привлекаетъ къ себѣ вниманіе высокая, куполообразная Лао-ѣ-шань, у южной подошвы которой раскидывается деревня Лунъ-ху-тай. По свидѣтельству исторіи, здѣсь въ 1211 году останавливался лагеремъ Чингисъ-ханъ и отсюда посылалъ онъ свои войска для взятія Пекина и др. областей Китая. Въ 1231 году здѣсь же стоялъ лагеремъ Үгэдэй и также посылалъ отсюда свои войска. Отъ параллели этой горы долина, а вмѣстѣ съ нею и дорога дѣлаются каменистѣе, при приближеніи же къ Нань-коу послѣдняя становится почти непроѣзжаемой, по понятіямъ европейцевъ: громадные валуны, до $^3/_4$ аршина вышиною, усѣиваютъ ее на каждомъ шагу, и только китайскія телѣги въ состояніи выдерживать ту тряску, которая дается имъ при движеніи по этимъ валунамъ. Ѣхать въ телѣгѣ по этому пространству нестерпимо и такъ вплоть до Нань-коу. Нань-коу — оживленное укрѣпленіе, запирающее гуань-гоу'скій проходъ, раскидывается по горной покатости Гуань-гоу. Это также точно мѣсто, заурочeнное для остановокъ проѣзжающихъ; поэтому намъ нужно было употребить не мало труда, чтобы заставить извозчиковъ ѣхать еще далѣе 10 ли, до крѣпости Цзюй-юнъ-гуань, гдѣ мы намѣревались сдѣлать снимки надписей, начертанныхъ на крѣпостныхъ воротахъ. Послѣ довольно продолжительныхъ споровъ извозчики наши, наконецъ, поѣхали и въ 10 ч. 40 м. утра мы вступили въ Гуань-гоу'ское ущелье. Еще недавно дорога по нему была также ужасна, какъ и подъѣздъ къ Нань-коу, но вотъ уже шесть лѣтъ какъ она исправлена, благодаря исключительно заботливости Ли-хунъ-чжана. Послѣдній представилъ отъ себя особый докладъ богдохану, въ которомъ выяснилъ, что дорога по ущелью Гуань-гоу, имѣющая чрезвычайное торговое значеніе и протяженія всего на 45 ли, не исправлялась правительствомъ уже болѣе 200 лѣтъ, а потому совершенно недоступна для колесной ѣзды. За недостаткомъ казенныхъ суммъ онъ предлагалъ далѣе: а) произвести это исправленіе на сборъ съ проѣзжающихъ и прогоняемаго скота, установивъ таковой срокомъ на пять лѣтъ; и б) для немедленнаго производства работъ сдѣлать заемъ въ частныхъ китайскихъ банкахъ. Докладъ этотъ, удостоившійся высочайшаго одобренія, былъ при-

веденъ въ исполненіе и съ 1886 г. новый путь по Гуань-гоу былъ открытъ. По вычисленіи всѣхъ издержекъ оказалось, что денегъ было израсходовано на ремонтировку пути всего 15,000 ланъ. Капиталъ этотъ ко времени окончанія срока установленныхъ сборовъ не могъ быть восполненъ, почему въ 1891 г. предположено было продолжить помянутые сборы уже на неопредѣленный періодъ, впредь до образованія помянутаго капитала; такимъ образомъ сборы эти производятся до настоящаго времени. Застава, у которой взимаются деньги, установлена въ Цзюй-юнъ-гуани, и изъ бесѣды со служащими здѣсь чиновниками я узналъ, что плата за дорогу взимается только съ телѣгъ, нагруженныхъ товарами, вьючныхъ животныхъ, перевозящихъ также товары, и со скота, прогоняемаго на продажу; при этомъ съ каждой телѣги берется 150 чехъ, съ вьючнаго верблюда 100 чехъ, съ вьючныхъ лошади и мула 50 чехъ и съ каждаго барана 2 чехи.

Цзюй-юнъ-гуань искони вѣковъ приводилъ въ восторгъ китайцевъ, и почитался ими за непоколебимую твердыню. Авторъ «Шуй-цзина» описываетъ его съ очевиднымъ поэтическимъ жаромъ. «Проходъ Цзюй-юнъ-гуань», говоритъ онъ, «находится въ 60 ли на ЮВ. отъ города Цзу-янъ, въ мѣстности называемой Цзюй-юнъ. Окружающіе его шесть горныхъ кряжей служатъ ему оградою; каменная въ видѣ амфитеатра стѣна ползетъ вверхъ по ихъ уступамъ, а тамъ ростущія до высоты облаковъ вершины ихъ какъ будто покрываются дымомъ и паромъ». Изъ числа девяти ущелій, или проходовъ великой стѣны Цзюй-юнъ-гуань всегда выставлялся первымъ и самымъ непроходимымъ. Монголы могли овладѣть имъ только хитростію, выманивъ отсюда китайскія войска въ Сюань-хуа-фу'скую долину. Овладѣвъ Китаемъ, они въ свою очередь начали видѣть въ Цзюй-юнъ-гуани свою защиту и посылали укрѣплять это мѣсто не только путемъ исправленія его стѣнъ, но и стараясь привлечь для сего неестественныя силы. Во всеобщей исторіи Китая сохранилось извѣстіе, что въ 1326 г. монгольскій императоръ командировалъ въ 5-й лунѣ одного чжи-хуй-ши вырѣзать тибетскія заклинанія на скалѣ Цзюй-юнъ-гуан'и. При минской династіи Цзюй-юнъ-гуаньское укрѣпленіе было также усилено: окружающія его горы были стесаны и скалы образовали самородныя стѣны кругомъ крѣпости. Настоящіе правители Китая, маньчжуры, кажется, не обращали особеннаго вниманія на Цзюй-юнъ-гуань, но они поновляли въ немъ ворота и главное повѣсили свою надпись на нихъ, которая гласитъ: «Тянь-ся ди и гуань», т. е. «первая во вселенной крѣпость», чѣмъ очевидно вполнѣ выражается и воззрѣніе маньчжуровъ на Цзюй-юнъ-гуань. Нынѣ эту крѣпость проѣзжаешь черезъ двое воротъ: южныя и сѣверныя, въ стѣнахъ же ея находишься какъ бы въ обычной китайской деревушкѣ, и рѣшительно

ничто не напоминаетъ о военномъ характерѣ этого пункта. Самымъ интереснымъ зданіемъ въ Цзюй-юнъ-гуани являются безспорно знаменитыя ворота, построенныя монголами въ 1345 г. по Р. Х. Они занимаютъ собою все свободное пространство, являющееся между скалами, которыя какъ бы сходятся здѣсь съ обѣихъ сторонъ и оставляютъ лишь узкій проходъ, не превышающій 10, 12 саж. шириною. Ворота замыкаютъ этотъ проходъ, какъ стѣна, форму которой они и носятъ на себѣ въ общемъ своемъ видѣ. По горизонтальной и совершенно ровной вершинѣ этой стѣны уставлены украшенія въ родѣ небольшихъ колоннъ вазъ и жертвенныхъ сосудовъ.

Цзюй-юнъ-гуань'скія ворота.

Проходъ черезъ ворота сдѣланъ въ формѣ арки съ пятиграннымъ сводомъ. Матеріаломъ, послужившимъ для постройки воротъ, былъ вообще дикій гранитъ и на немъ, по бокамъ прохода и воротнымъ притолкамъ изсѣчены фигуры цвѣтовъ, духовъ и мифическихъ божествъ. Еще интереснѣе представляются стѣны въ проходѣ подъ аркой, являющіяся сполна украшенными многоразличными фигурами. Верхніе своды и карнизы покрыты изображеніями буддъ, притолки воротъ — фигурами китайскихъ геніевъ, а въ самой срединѣ стѣны изсѣчены надписи на языкахъ: санскритскомъ,

тибетскомъ, монгольскомъ, уйгурскомъ, чжурчженьскомъ и китайскомъ. Надписи на первыхъ двухъ языкахъ, начертанныя горизонтальными строками, помѣщены на верху, а вертикальныя строки письмянъ послѣднихъ четырехъ языковъ расположены ниже. Камень, на которомъ изсѣчены эти надписи, совершенно отличенъ отъ гранитныхъ стѣнъ арки. Онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ аспида, если не самый аспидъ;—мягокъ, легко поддается рѣзцу и, что самое главное, имѣетъ способность откалываться и отдѣляться цѣлыми пластами. При устройствѣ арки въ гранитныхъ стѣнахъ ея были, очевидно, сдѣланы ниши; а изъ аспида были отдѣльно приготовлены квадратныя плиты, до 14 вершковъ въ каждой сторонѣ квадрата, которыя засимъ и были вставлены въ помянутыя ниши по обѣимъ стѣнамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ изсѣченіи надписей прочность камня была значительно уменьшена, при способности же его откалываться пластами, многіе изъ пластовъ въ продолженіе 550 лѣтъ своего существованія отвалились и погибли для насъ. Такимъ образомъ, памятникъ этотъ въ настоящую пору является уже очень поврежденнымъ, что естественно усиливаетъ желаніе узнать его и сохранить для будущаго, хотя бы его точные снимки. Мнѣ почти не удалось сдѣлать этого. Лишь только, остановившись въ гостинницѣ, отправились мы къ аркѣ чтобы произвести снимки, какъ насъ встрѣтили служащіе при заставѣ китайскіе чиновники, которые обратились ко мнѣ съ вопросомъ, что намѣренъ я дѣлать. Я отвѣчалъ, что заинтересованный письменами намѣренъ снять ихъ, чтобы потомъ прочитать надписи. Чиновники по началу ничего не сказали, но когда я рѣшилъ предварительно исполненія снимка промыть стѣну, когда для этого были принесены лѣстница и вода, чиновники вышли снова и спросили, «не буду ли я дѣлать снимка эстампажемъ по заморскому способу, т. е. бить стѣну»? При этомъ они разказали, что года два тому назадъ здѣсь проѣзжалъ какой-то европеецъ (изъ числа путешественниковъ здѣсь за это время были Рокхиль, Бушель и Радловъ), который поинтересовался снять надписи на полотно, а для сего, приложивъ полотно къ стѣнѣ, вбивалъ его массивными щетками; въ результатѣ надписи снять ему не удалось, а между тѣмъ подъ тяжелыми ударами щетокъ нѣсколько кусковъ аспида отвалилось, унеся съ собою невозвратно тѣ строки, которыя были на нихъ начертаны. Я успокоилъ чиновниковъ увѣреніемъ, что не буду дѣлать эстампажа, а только фотографическіе снимки и они тихо присутствовали при моихъ работахъ. Ближайшій осмотръ памятника убѣдилъ меня, что свойство его камня — отдѣляться пластами — дѣлаетъ дѣйствительно немыслимымъ снимки его эстампажемъ, по недавно опубликованному у насъ способу, при которомъ смоченное гумміарабикомъ полотно прибивается къ камню и такимъ обра-

зомъ, отпечатлѣваетъ на себѣ всѣ углубленія, находящіяся на камнѣ. Способъ этотъ вполнѣ пригодный для гранита и другихъ твердыхъ камней, оказывается черезъ чуръ грубымъ для болѣе мягкихъ и особливо слоистыхъ каменныхъ породъ.

Покончивъ фотографическіе снимки арки, мы въ 4 ч. по полудни двинулись въ дальнѣйшій путь, чѣмъ несказанно обрадовали нашихъ извозчиковъ. Бѣдные они за все это время не только оставались голодными, но даже не могли напиться чаю, такъ какъ Цзюй-юнъ-гуань населенъ обыкновенными китайцами, не принадлежащими, кажется, ни къ какой религіи въ частности и исповѣдующими всѣ извѣстныя въ Китаѣ вѣроученія; наши же извозчики были правовѣрные мусульмане, почитающіе для себя грѣхомъ даже напиться изъ чашки иновѣрца. Рознь совершенно единоплеменныхъ китайцевъ въ этомъ случаѣ поразительна; хотя замѣчательно, что презираемые ничуть не смотрятъ за сіе враждебно на презирающихъ и почитаютъ ихъ только исполняющими свои постановленія. При выѣздѣ съ постоялаго двора хозяинъ его потребовалъ съ насъ за остановку долларъ, хотя мы не пользовались въ гостинницѣ ничѣмъ, помимо одного чайника кипяченой воды. Здѣсь все сравнительно дешево если оно заурочено; но остановитесь не въ заураченномъ мѣстѣ, спросите незаураченное блюдо, и вамъ придется платить бѣшеныя деньги.

Ущелье за крѣпостью Цзюй-юнъ-гуань носитъ тотъ же характеръ постепеннаго подъема на перевалъ по такой же прекрасной, благодаря заботливости Ли-хунъ-чжана, дорогѣ. Убійственная тряска теперь встрѣчается только въ городахъ и селеніяхъ, гдѣ мостовыя изъ каменныхъ плитъ напоминаютъ собою времена Яо и Шуня. По дорогѣ встрѣчается не мало каменописныхъ плитъ, вкопанныхъ прямо въ землю; изсѣченныя на нихъ надписи начертаны, повидимому, трудно поддающеюся для нашего чтенія китайскою скорописью. Черезъ 45 м. ѣзды мы снова повстрѣчали древнюю великую стѣну съ воротами, надъ которыми красуется таже надпись «Цзюй-юнъ-гуань».

Надо полагать, что въ понятіяхъ китайцевъ Цзюй-юнъ-гуань'ская крѣпостная территорія оканчивается именно въ этомъ пространствѣ; ворота же эти, въ отличіе отъ прежде пройденныхъ нами, называются еще «Шанъ-гуань», т. е. верхнимъ проходомъ. Къ 5 часамъ вечера, у горы «Тань-цинь» (игра на гусляхъ) мы достигли средины ущелья. Два горныхъ кряжа подступаютъ здѣсь снова другъ къ другу, хотя и не такъ близко, какъ въ Цзюй-юнъ-гуани, а между ними струятся два ручейка, нѣсколько ниже сливающіеся вмѣстѣ. Любители красотъ природы придумали устроить здѣсь, на совершенно отвѣсномъ уступѣ маленькую кумирню,

посвятивъ ее имени Гуань-ди; а на противулежащей ей скалѣ построили когда то красивый, а теперь уже полуразрушившійся кіоскъ. Скала подъ кумирней исчерчена изреченіями «мани» на тибетскомъ, санскритскомъ и монгольскомъ языкахъ. Китайцы зовутъ эту кумирню У-гуй-тоу; общее же названіе «Тань-цинь» дано разсматриваемому урочищу потому, что ручей журчитъ здѣсь по расщелинамъ камней и производитъ шумъ, похожій на звуки играющихъ гуслей. Отъ кумирни У-гуй-тоу ущелье дѣлаетъ поворотъ налѣво и здѣсь въ скалѣ находится небольшая пещера съ высѣченнымъ изъ камня изображеніемъ Ми-ла-фо; далѣе въ 10 минутахъ ѣзды по новомъ поворотѣ ущелья располагается деревенька Ши-фо-сы, получившая свое названіе отъ кумирни, при которой также находится въ скалѣ пещера, а въ ней изсѣченныя изъ камня статуи десяти буддъ. Въ 5 ч. 35 м., уже неподалеку отъ Па-да-лина, мы увидали почти на совершенно отвѣсной скалѣ изсѣченное приблизительно на высотѣ 20 саж. изображеніе будды. Оно, кажется, не было доведено до конца, по крайней мѣрѣ въ нижней части очертанія его очень не ясны; тѣмъ не менѣе трудно представить какихъ страшныхъ усилій должна была потребовать эта работа. За этимъ кумиромъ ущелье становится тѣснѣе, и вскорѣ начинается крутой подъемъ къ Великой стѣнѣ, именуемый китайцами «Па-да-лин'омъ». Подъемъ этотъ не великъ и весь путь по нему совершается въ 15 минутъ. Во избѣжаніе особенной крутизны, дорога по нему проложена ломаною линіею. У послѣдняго изъ поворотовъ этой линіи совершенно неожиданно открывается видъ на ворота великой стѣны. Послѣдняя въ данномъ пунктѣ представляется сохранившеюся гораздо больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, хотя тѣмъ не менѣе подверглась значительному разрушенію. Это обычное мѣсто, откуда снимаютъ видъ на Великую стѣну наши путешественники и желающіе могутъ найти его у Ковалевскаго, Пясецкаго, Туманскаго и др. Отъ воротъ ея начинается далѣе пологій спускъ къ поселку Чадао: дорога здѣсь уже не расчищена, а потому болѣе затруднительна. Черезъ 25 м. мы достигли Ча-дао, гдѣ и остановились для ночлега.

21-е Февраля. Воскресенье.

Ча-дао довольно большое, но невзрачное поселеніе, почти сплошь занятое домами китайцевъ-магометанъ. Оно раскинулось по склону Тайханскихъ горъ, въ мѣстности, изборожденной оврагами, оттого въ этомъ селеніи нѣтъ ни одной прямой улицы и само оно не представляетъ собою одного общаго поселка, а нѣсколько отдѣльныхъ группъ китайскихъ фанзъ. У Ча-дао торговый путь, идущій изъ Пекина и вообще съ юга на сѣверъ, раздѣляется на двѣ дороги: одна изъ нихъ направляется на западъ, въ провинцію Шань-си, другая на сѣверъ, къ Калгану. Этимъ значеніемъ Ча-

дао, какъ пункта, служащаго мѣстомъ соединенія громадныхъ торговыхъ путей, опредѣляется и образъ жизни его населенія. Ча-дао нельзя назвать торговымъ пунктомъ; даже лавокъ находится въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ подобныхъ ему поселкахъ; но за то здѣсь каждая фанза вмѣстѣ съ тѣмъ и постоялый дворъ. Содержаніе гостинницъ и постоялыхъ дворовъ составляетъ почти исключительное занятіе мѣстныхъ жителей. Срединная группа фанзъ поселка Ча-дао должна быть признана, повидимому, главною, такъ какъ она окружена стѣною, въ которую ведутъ двое воротъ — южныя и сѣверныя. Впрочемъ, какъ стѣны такъ и ворота представляютъ собою полную картину разрушенія и лежатъ въ развалинахъ, какъ будто послѣ недавно происходившей здѣсь битвы.

Мы оставили Ча-дао въ 6 ч. 45 м. по полуночи. Стояло ясное и морозное утро, — термометръ показывалъ — 4° по R. За Ча-дао виды дороги совершенно измѣняются. По спускѣ съ Тай-хàна глазамъ представляется громадная равнина, приблизительно верстъ на 80, и только на сѣверѣ и западѣ ея видны не ясныя очертанія горъ. Послѣ тѣснинъ Гуань-

Видъ Калгано-Пекинскаго тракта близъ Ча-дао.

гоускаго ущелья этотъ широкій просторъ, открывающійся непосредственно на сѣверъ отъ Ча-дао, кладетъ особенное впечатлѣніе на душу. Мнѣ припомнилось, что именно здѣсь, въ долинѣ близъ Ча-дао, императоръ мин-

ской династіи, Юнъ-ло, останавливался лагеремъ съ своими войсками. Воспоминанія о воинственныхъ временахъ Китая невольно приходятъ здѣсь въ голову, потому что все окружающее располагаетъ къ этому. Отъ подошвы Тай-хана и Ча-дао начинаются сторожевые башни и маяки—«дунь-тай»; многіе изъ нихъ теперь уже разрушились, другіе еще уцѣлѣли и являются въ видѣ четырехугольныхъ квадратныхъ зданій, сложенныхъ изъ обожженаго кирпича и имѣющихъ до нѣкоторой степени форму усѣченнаго на верху конуса. Близъ Ча-дао эти «дунъ-тай» стоятъ очень близко одинъ къ другому, не болѣе какъ на разстояніи полуверсты, и зажигавшіеся на нихъ во время оно сторожевые огни должны были представлять собою поразительную картину; далѣе на сѣверъ они разставлены, кажется, на разстояніи пяти ли другъ отъ друга. Дунъ-тай'и — памятники старины еще отъ временъ минской династіи; но есть здѣсь и другіе памятники, болѣе ближайшіе къ намъ по времени, хотя и менѣе сохранившіеся по причинѣ меньшей прочности своей постройки. Это—маленькія глинобитныя фанзы, игравшія роль сторожекъ, въ которыхъ проживали солдаты, наблюдавшіе за безопасностью дороги отъ разбойниковъ и мелкихъ воришекъ. Сторожки эти не трудно отличить отъ другихъ зданій, потому что всѣ онѣ окрашены въ бѣлую краску и исчерчены іероглифами. Въ настоящую пору въ этихъ сторожкахъ никто уже не живетъ и онѣ стоятъ въ разрушеніи; тѣмъ не менѣе для путника онѣ отправляютъ еще службу: по начертаннымъ на нихъ надписямъ можно узнать сколько разстоянія до ближайшихъ городовъ, легко опредѣляется также и административное дѣленіе мѣстности, такъ какъ на каждой сторожкѣ обозначено къ какой области, или уѣзду принадлежитъ она. У самаго Ча-дао сторожки обозначены принадлежащими области Янь-цинь-чжоу, но черезъ часъ ѣзды начинается уже Хуай-лай сянь'скій уѣздъ. Дорога къ СЗ отъ Ча дао имѣетъ, какъ уже было сказано выше, общій видъ равнины, испещренной, впрочемъ, множествомъ неглубокихъ котловинъ. Въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ она проходитъ по лессовой почвѣ и пробита какъ бы въ глубокихъ траншеяхъ; въ котловинахъ изобилуетъ песокъ, и лежатъ цѣлыя груды камней. Ѣзда въ телѣгахъ по такимъ пространствамъ — невыносима. Трудно представить, что это большой торговый путь, по которому ежедневно проходятъ сотни грузовыхъ телѣгъ! Недоумѣваешь передъ безсердечнымъ равнодушіемъ и косностью китайцевъ, спокойно созерцающихъ, какъ тратятся здѣсь силы, гибнутъ животныя, ломаются телѣги, портятся товары, и непредпринимающихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ничего къ исправленію этихъ путей! А сколько времени теряется по этимъ дорогамъ?! Обозы идутъ по нимъ, безъ сомнѣнія, вдвое и даже втрое тише, чѣмъ по ровному и

гладкому пути. Впрочемъ, китайцы вообще не знаютъ цѣны времени и не торопятся съ дѣломъ. Они идутъ узенькою, разъ пробитою колеею: люди, какъ и животныя движутся гуськомъ, одинъ за другимъ, безъ соревнованія и старанія обогнать другъ друга, равнодушно подчиняясь внѣшнимъ обстоятельствамъ и выжидая, пока сами собою минуютъ встрѣчающіяся препоны. Въ дорогѣ телѣги десятка совершенно самостоятельныхъ и чуждыхъ другъ другу людей слѣдуютъ одна за другою, смотря по тому порядку, въ которомъ пришлось имъ съѣхаться, и ни одна не можетъ обогнать другую. Случись переднему животному остановиться, всѣ остальные спокойно ждутъ, пока оно двинется. Иногда это смѣшно; другой разъ печально и больно и не только за себя, а за человѣка вообще; иногда, наконецъ, это дѣлается просто невыносимо раздражительно!

Въ 9 ч. 20 м. утра мы добрались до небольшого городка Юй-линь. Когда то онъ былъ окруженъ насыпью и глинобитною стѣною; теперь все это смѣшалось вмѣстѣ и представляетъ собою одинъ земляной валъ, очертанія котораго по своей неправильности походятъ на края овраговъ. Дорога минуетъ городъ и проходитъ по восточной сторонѣ онаго, хотя и близъ самаго городского вала. Юй-линь стоитъ при небольшой рѣчкѣ, но вода ея такъ мутна, что, говорятъ, ее совершенно невозможно пить: жители пользуются водою изъ колодцевъ, а въ случаяхъ особой крайности достаютъ чистую воду изъ ключей, бьющихъ у подошвы прилежащихъ возвышенностей. По такой же дорогѣ, окруженной пашнями поселянъ, мы черезъ одинъ часъ послѣ сего доѣхали до деревеньки Чжанъ-чжа-пу, состоящей всего изъ шести дворовъ, но расположенной очень красиво среди окружающихъ ее деревьевъ, а засимъ въ 11 ч. 40 м., проѣхавъ по льду рѣки мимо громаднаго каменнаго моста, прибыли въ большой уѣздный городъ Хуай-лай, гдѣ сдѣлали полуденную остановку. Хуай-лай-сянь обнесенъ крѣпкою каменною стѣною. По географіи, постройка этой стѣны была начата впервые еще въ года правленія Кай-юань (開元 713—742 г.). танской династіи. Внутри городъ кажется довольно бѣднымъ и немногимъ отличается отъ окрестныхъ деревень.

Выѣхавъ изъ Хуай-лай'я въ 1 ч. 45 м., мы въ 2 ч. 30 м. миновали селеніе Ши-ванъ-цзы и въ 3 ч. 50 м. добрались до города Ту-му-чэнъ, въ просторѣчіи называемаго Да Ту-му. Какъ и во многихъ изъ другихъ городовъ, дорога не вступаетъ здѣсь за городскія стѣны, а обходитъ ихъ съ западной стороны города. Въ исторіи Ту-му-чэнъ замѣчателенъ какъ городъ, въ которомъ минскій императоръ Чжэнъ-тунъ подвергся несчастію и былъ взятъ въ плѣнъ монголами. Болѣе подробно минская исторія разказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ такъ: Въ 14-й годъ Чжэнъ-тун'а

(1449) Ѣсянь покорилъ Да-тунъ. Князья уговорили императора самому отправиться противъ непріятелей. Императоръ выступилъ съ войскомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 500 тыс. человѣкъ; но, прежде чѣмъ оно достигло до Да-туна, воины гибли отъ недостатка продовольствія и трупы ихъ завалили дорогу. По прибытіи къ Да-туну было небесное предзнаменованіе: планета Марсъ вошла въ созвѣздіе Нань-доу (южныя полярныя звѣзды). Начальствовавшіе передовыми войсками Сунъ-инъ и др. потеряли сраженіе. 8-й луны 16-го числа богдоха̄нъ прибылъ въ Ту-му. Преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ Ѣсянемъ китайскіе солдаты бѣжали на перегонку и топтали другъ друга до смерти. Императоръ, верхомъ на конѣ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и не могъ никуда пробраться. Ѣсянь, преслѣдуя, погналъ его на сѣверъ. Въ это время монголы хотѣли уже убить государя; но Баянь-тэмӯръ крикнулъ Ѣсяню: «смотря на него, уже ли не видишь ты, что онъ принадлежитъ къ долговѣчной и прекрасной фамиліи Минъ? Когда около него падали тысячи солдатъ, до него не долетала ни одна стрѣла и не коснулся пальцемъ ни одинъ воинъ; я вижу въ этомъ волю неба. Притомъ нѣкогда мы получили отъ него платье о девяти драконахъ; оно еще у насъ, какъ же можно убить его?» 17-го числа вѣсти обо всемъ этомъ донеслись до Пекина и были причиною сильнаго волненія. Въ слѣдующемъ году 8-й луны 16-го числа плѣнный Инъ-цзунъ былъ освобожденъ. Ѣсянь далъ ему въ провожатые 500 всадниковъ, которые проводили его до Пекина. Отъ Туму до столицы 200 ли. Покрылся же пылью минскій императоръ!!» — Такъ заключаетъ свое сказаніе минская исторія, а мы считаемъ долгомъ добавить, что если гдѣ онъ могъ покрыться пылью, такъ это именно около Ту-му-чэна. Дорога близъ Ту-му-чэна проходитъ въ глубокихъ лёссовыхъ траншеяхъ и тончайшая лёссовая пыль лежитъ здѣсь толщиною въ $^1/_4$ арш. и болѣе, а поднятая животными она буквально стоитъ столбомъ, будучи сдерживаема высокими стѣнами траншеи. Самый Ту-му-чэнъ представляетъ собою небольшой городокъ, обнесенный обветшалыми стѣнами изъ глинянаго кирпича, съ такими же низенькими башеньками по угламъ. Изъ этого города идетъ прямая торговая дорога въ Долōнъ-нӯръ. Отъ Ту-му-чэна, миновавъ утопающее въ деревьяхъ селеніе Ту-му-коу-цза и поселки Тай-пинъ-чжуань и Эрлъ-тай-цза, мы спустились подъ горку къ городку Ша̀-чэну, въ которомъ былъ предположенъ нашъ ночлегъ. У городскихъ воротъ мы проѣхали громадныя кучи остатковъ перегорѣлаго каменнаго угля, вывозимаго сюда изъ города или, собственно, изъ винныхъ заводовъ, находящихся въ городѣ. Ша̀-чэнъ славится производствомъ вина, хотя и довольно низкаго качества. Съ утра нынѣшняго дня у насъ идетъ уже другой счетъ чеховъ. Въ Пе-

кинѣ, какъ я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ, каждый мѣдный чехъ считается за десять, почему лану серебра считаютъ въ 15,000 чеховъ. Отъ Пекина до Ча-дао каждую чеху принимаютъ за двѣ и лану серебра считаютъ въ 3,000 чеховъ. Отъ Ча-дао до Калгана лану серебра какъ считаютъ равною, такъ и выдаютъ за нее 1,500 чеховъ.

22-е Февраля. Понедѣльникъ.

Ровно въ 6 ч. утра выѣхали мы изъ воротъ Ша-чэна, которыхъ въ этомъ городѣ двое: сѣверные и южные, и за которыми по сѣверной и южной сторонамъ города находятся еще пригородныя слободы. При концѣ сѣверной слободы стоитъ одиноко каменная плита надъ могилою какого то ученаго чиновника, съ надписью: 皇命文林郎宗公神道. За Ша-чэномъ открывается ровная и широкая дорога, хотя и усѣянная мелкимъ камнемъ, но все же не такая безпокойная какъ та, которою ѣхали мы доселѣ. Административное управленіе этой мѣстности также измѣняется: доселѣ шли земли уѣзда Хуай-лай, а за Ша-чэномъ сторожевыя будки начали обозначаться принадлежащими округу Бао-ань-чжоу. Утро было холодное и въ 6 ч. термометръ показывалъ — 6° R.; съ восходомъ солнца дѣлалось однако все теплѣе и теплѣе. Передъ нами отдѣльно отъ располагавшагося амфитеатромъ кряжа горъ возвышалась величественная гора Цзи-минъ-шань; на вершинѣ ея лежала сѣрая туча и совершенно скрывала отъ глазъ пикъ этой горы. Въ 7 ч. утра мы миновали Да-тунъ, огражденный старинными глинобитными стѣнами, по сторонамъ коихъ растутъ вѣковыя деревья. Отсюда черезъ 15 мин. въѣхали въ селеніе Дунъ-па-ли, глинобитныя стѣны котораго, кажется, еще древнѣе Да-тун'скихъ. За стѣнами всего одна прямая улица, каждая сторона которой заключаетъ въ себѣ до 20 домиковъ: нѣсколько лавокъ, обсаженныхъ деревьями и два театра. Въ 8 ч. 5 м. добрались до города Синъ-бао-ань, т. е. новаго Бао-ань, названнаго такъ въ отличіе отъ стараго Бао-ань-чжоу, почитающагося областнымъ городомъ. Синъ-бао-ань также огражденъ стѣнами и ворота въ городѣ сдѣланы двойныя; по величинѣ онъ не значителенъ, но кажется очень оживленнымъ и торговымъ. Мы замѣтили здѣсь нѣсколько лавокъ художественной живописи, чего не встрѣчали ни въ одномъ изъ другихъ городовъ. Говорятъ, что Синъ-бао-ань гораздо лучше стараго Бао-ань-чжоу, почему и областное управленіе перенесено уже изъ этого послѣдняго города въ первый. За сѣверною стѣною Синъ-бао-ан'я находятся принадлежащее городу кладбище и прекрасный большой колодецъ. Дорога отсюда вплоть до Цзи-минъ-й вьется опять таки широкою лентой, но каменныя розсыпи по ней увеличиваются и она становится болѣе тряскою. Окрестности дѣлаются живѣе и поля обработываются здѣсь какъ будто разно-

образнѣе. Особливо богатыми считаются мѣста въ направленіи къ западу, т. е. къ старому Бао-ань-чжоу. Встарину они были излюбленными мѣстами монгольскихъ императоровъ, владѣвшихъ Китаемъ. Юаньская исторія разказываетъ, что То-то ѣздилъ за Шунь-ди изъ верхней столицы къ Цзи-минъ-шани, къ р. Хунь-хэ, гдѣ охотился государь около Бао-ань-чжоу. «Лошадь подъ государемъ упала. То-то по этому случаю сказалъ государю, что древніе императоры и князья спокойно пребывали у себя дома и бесѣдовали съ вельможами и учеными о средствахъ управленія, у нихъ и рѣчи не было о соколахъ и собакахъ. Государь послушался То-то и возвратился на сѣверъ, а гора вдругъ рушилась со страшнымъ громомъ». Нынѣ здѣсь все уже распахано, засѣяно и заселено, такъ что не можетъ быть и рѣчи объ охотѣ. По мѣрѣ приближенія къ городу Цзи-минъ-ѝ и горѣ Цзи-минъ-шани, почва дѣлается все болѣе каменистою, окрестности же по правую сторону дороги начинаютъ волноваться, а по лѣвую открывается довольно глубокая впадина, какъ будто недавно еще служившая дномъ какого нибудь обширнаго водовмѣстилища. Помимо внѣшнаго вида къ этому послѣднему заключенію располагаетъ еще и то обстоятельство, что на этой котловинѣ, мѣстами уже распаханной, виднѣется много лужъ и небольшихъ водныхъ бассейновъ. Вообще очень многое здѣсь наводитъ на мысль, что въ образованіи этихъ пространствъ дѣйствовали вулканическія силы. Указаніе на это мы находимъ между прочимъ и въ исторіи. Сунъ-тунъ-цзянъ записываетъ, что «въ 1334 г. въ столицѣ было землятрясеніе; въ ту же пору Цзи-минъ-шань обрушилась и образовала озеро, имѣвшее до 100 ли въ окружности; много людей погибло». Мнѣ не удалось узнать, не составляетъ ли видѣнная мною съ дороги котловина дна этого озера; но вопросъ это весьма интересный. Цзи-минъ-шань — въ переводѣ «гора пѣнія пѣтуха». По разказу дневника похода Юнъ-ло названіе горы Цзи-минъ возникло при тай-цзунѣ танской династіи. Во время похода на корейцевъ онъ, прибывши сюда, взобрался на гору и въ то же время запѣлъ пѣтухъ, отчего и дано названіе горѣ. Высота Цзи-минъ-шани, кажется, не извѣстна въ точности. На вершинѣ ея красуется кумирня и нѣсколько домиковъ живущихъ тамъ монаховъ. Къ этой кумирнѣ ведетъ извилистая дорожка, протяженіемъ которой китайцы и измѣряютъ высоту горы, хотя показанія ихъ въ этомъ случаѣ крайне разнорѣчивы; одни говорятъ 10 ли (около 5 верстъ), а другіе 30 ли (около 15 верстъ). По красивымъ уступамъ и оврагамъ горы кое гдѣ виднѣются въ перемежку осина и ракитникъ. Китайцы всегда говорятъ о красотахъ Цзи-минъ-шани съ большимъ восторгомъ. Вотъ стихи, сочиненные императоромъ Канси при восхожденіи на эту гору:

«Тутъ тропинка точно путь птицы исчезаетъ въ пространствѣ и
неподалеку великая стѣна;
А тамъ рѣка Янъ-хэ точно поясъ охватываетъ подошву горы».

Конечно, эти восторги составляютъ достояніе людей ученыхъ и обезпеченныхъ матеріальными средствами жизни, большинство же мѣстныхъ жителей выхваляетъ Цзи-минъ-шань, потому что она даетъ ему пропитаніе, доставляя для разработки каменный уголь. Надо думать однако, что помимо каменнаго угля въ Цзи-минъ-шани имѣются еще и другія минеральныя богатства. Лѣтопись Сунъ-тунъ-цзянъ замѣчаетъ, что въ 1323 году, по особому указу богдохана, въ Цзи-минъ-шани прекращена была разработка золота и серебра. — Объѣхавъ Цзи-минъ-шань съ юго-западной стороны, мы вступили въ городокъ Цзи-минъ-и, или Цзи-минъ-чэнъ. Онъ обнесенъ каменной стѣной, по внѣшнему виду довольно опрятной; но въ общемъ кажется крайне бѣднымъ. Жители его занимаются главнымъ образомъ добываніемъ и продажею каменнаго угля. Здѣсь была наша полуденная остановка.

12607

Въ 12 ч. 20 м. мы оставили Цзи-минъ-и. Дорога отсюда, поначалу въ высшей степени каменистая, вскорѣ у небольшой деревеньки Хэй-фынъ-коу выходитъ къ самому лѣвому берегу рѣки Хунъ-хо и дѣлается песчаною. Здѣсь черезъ рѣку Янъ-хэ перекинутъ на правую сторону рѣки довольно хорошо устроенный мостъ. Отъ Хэй-фынъ-коу залегаютъ самыя трудныя и опасныя мѣста изъ всего переѣзда между Пекиномъ и Калганомъ. Рѣка Янъ-хэ подходитъ здѣсь своимъ лѣвымъ берегомъ къ самымъ горамъ, окаймляющимъ долину ея съ СВ., и послѣднія высятся надъ водою совершенно отвѣсными утесами. Дорожныя тропинки пробиты въ скалахъ и чрезвычайно опасны. Разъѣхаться здѣсь двумъ телѣгамъ невозможно, оттого путникамъ не рѣдко приходится стоять подолгу въ этихъ мѣстахъ, ожидая своей очереди для проѣзда. Миновавъ эти страшные утесы, мы снова спустились въ песчаную долину р. Янъ-хэ, которая въ линіи дороги окончилась для насъ прелестнымъ уголкомъ. Это — незначительная деревенька Шанъ-хуа-юань. Въ лѣтнюю пору она, вѣроятно, утопаетъ въ зелени насажденныхъ въ ней деревьевъ, которыя даже теперь своими оголенными вѣтвями — одной стороной смотрятся въ мутныя воды Янъ-хэ, а другою осѣняютъ жилища здѣшнихъ сельчанъ. Шанъ-хуа-юань въ переводѣ обозначаетъ «верхній» или «высокій цвѣтникъ» и, по свидѣтельству исторіи, составляетъ мѣсто, гдѣ императрица Сао изъ ляоской династіи занималась разведеніемъ цвѣтовъ. Отсюда наша дорога нѣсколько уклонилась на сѣверъ, къ горамъ, отдѣляющимъ долину Янъ-хэ отъ равнины

Библиотека Географического Общества Союза ССР

Сюань-хуа-фу. Чтобы перевалить черезъ эти горы, мы должны были сдѣлать собственно два большихъ и чрезвычайно трудныхъ подъема: первый изъ нихъ называется Лао-лунъ-бэй, т. е. ребра стараго дракона. Дорога проходитъ здѣсь по полугорѣ, громадныя, обнаженныя каменныя плиты которой дѣйствительно напоминаютъ собою чудовищной величины ребра. На сѣверной сторонѣ этого перваго перевала стоитъ небольшая деревушка Сянь-шуй-пу. Мы въѣхали въ нее въ 3 ч. 25 мин. Толпы народа бродили по улицѣ «въ ожиданіи театра», какъ сообщили намъ наши возницы. Дѣйствительно, не смотря на всю незначительность этого поселка, въ немъ имѣется театральное зданіе, которое привлекаетъ къ себѣ окрестныхъ поселянъ, и благодаря которому, можетъ быть, и само Сянь-шуй-пу дѣлается торговымъ мѣстечкомъ. Нѣсколько далѣе Сянь-шуй-пу начинается второй перевалъ черезъ горы Яо-р-лянъ. Дорога здѣсь пробита въ каменныхъ скалахъ и, вѣроятно, стоила неимовѣрныхъ трудовъ при томъ состояніи инженерной техники, какая существуетъ въ Китаѣ. Щель, по которой совершается проѣздъ, на столько узка, что ось телѣги нерѣдко цѣпляется за камни, во избѣжаніе же встрѣчъ, возницы обыкновенно бѣгутъ впередъ и предупреждаютъ о своемъ движеніи путниковъ, ѣдущихъ съ противуположной стороны. Перевалъ Яо-р-лянъ приводитъ въ Сюань-хуа-фу'скую равнину, по которой, миновавъ деревни Тай-пу-цзэ и Ми-хэ-да, мы въ 6 ч. 20 м. достигли Сюань-хуа-фу, гдѣ и остановились для ночлега. Сюань-хуа-фу'ская равнина, особливо въ этомъ пройденномъ нами пространствѣ, очевидно, была также свидѣтельницею многихъ историческихъ событій. По всюду здѣсь разбросаны кладбища и могилы; во многихъ мѣстахъ какъ у самой дороги, такъ и по сторонамъ ея стоятъ каменописные памятники и исчерченныя іероглифами плиты. Большинство ихъ относится ко временамъ минской династіи и, вѣроятно, является результатомъ многочисленныхъ походовъ минскихъ императоровъ на Монголію и Монголовъ.

23-е Февраля. Вторникъ.

Городъ Сюань-хуа-фу долженъ быть почитаемъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Китаѣ. Мѣстность около Сюань-хуа упоминается еще во времена Юй-вана[1]) и въ ту пору она была причислена къ той изъ девяти частей государства, которая называлась Цзи-чжоу. По астрономическому опредѣленію, она лежитъ на сѣверной границѣ, подъ звѣздой Вэй-синъ (полярная). Въ періодъ междуцарствія (Лѣ-го до Р. Х.) Сюань-хуа принадлежалъ поочередно сначала княжеству Янь, потомъ княжеству Цинь; при династіи Хань, онъ былъ причисленъ къ области Шанъ-гу-цзюнь; при

1) Юй-ванъ — третій послѣ Яо и Шуня владыка Китая.

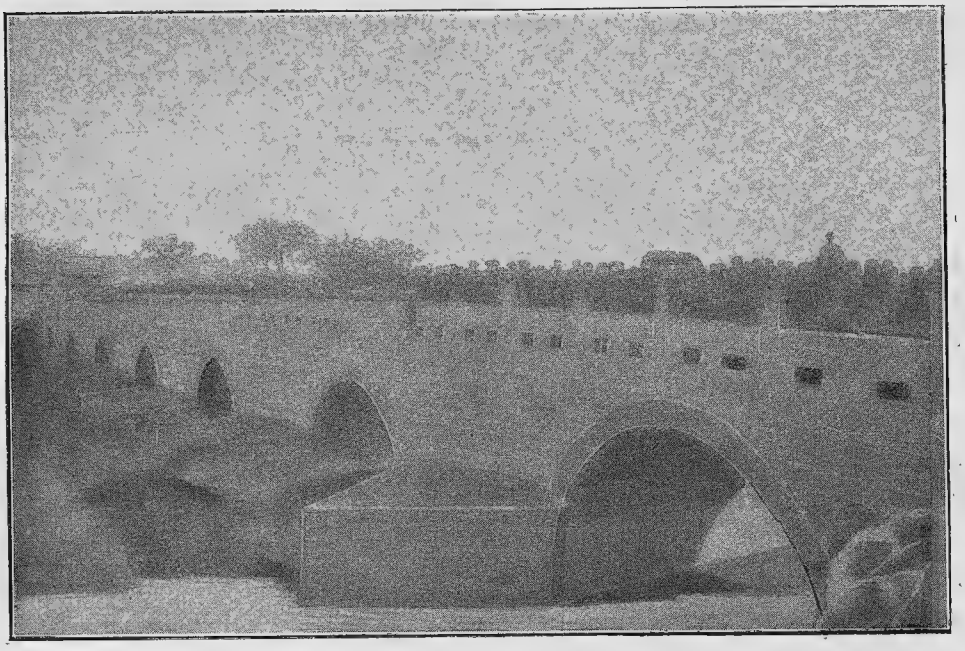
династіи Танъ назывался Ву-чжоу, потомъ И-чжоу; при династіи Ляо — Дэ-чжоу; при династіи Цзинь получилъ названіе Сюань-хуа; при династіи Юань (монгольской) назывался Сюань-дэ, а при минской династіи былъ переименованъ въ Ванъ-цзинь и подчиненъ со всѣми своими крѣпостями ду-сы, т. е. военному чиновнику 3-й степени. На СВ. отъ Сюань-хуа есть мѣсто Шанъ-гу. Въ самомъ началѣ Юаньской династіи здѣсь былъ устроенъ Кай-пинъ-фу и онъ сдѣланъ столицей, такъ называемой Шанъ-ду, т. е. верхней, или сѣверной; въ ту пору сюда ежегодно переѣзжалъ императорскій дворъ. Монголы до сего времени помнятъ, что Сюань-хуа былъ столицею ихъ императоровъ. Въ началѣ царствованія минской династіи Сюань-хуа былъ названъ вмѣсто Кай-пинъ-фу (т. е. областный городъ Кай-пинъ) — Кай-пинъ-вэй (т. е. крѣпость Кай-пинъ) и къ нему проведено было восемь военныхъ станцій. На востокъ граничилъ онъ своимъ округомъ съ Да-пинъ, на западъ простирался до Ду-ши. Минскій императоръ Юнъ-ло, три раза ѣздившій для охоты на сѣверъ, каждый разъ проѣзжалъ черезъ Кай-пинъ и Синъ-ло. Съ теченіемъ времени крѣпость Кай-пинъ утратила свое значеніе; при Минахъ и гарнизонъ ея былъ переведенъ въ Ду-ши. При настоящей династіи Сюань-хуа, кажется, никогда не игралъ выдающейся роли, хотя китайцы сознаютъ, что онъ дѣйствительно составляетъ важный пунктъ въ тылу столицы и вообще является однимъ изъ серіозныхъ оборонительныхъ пунктовъ на сѣверной границѣ. Вотъ почему они поддерживаютъ это укрѣпленіе. Каменная стѣна города отличается своею шириною и высотою; по угламъ она снабжена четырьмя трехъэтажными башнями, размѣры которыхъ такъ же весьма массивны. За этими претензіозными стѣнами мнѣ быть не пришлось, но, по словамъ мѣстныхъ китайцевъ, большая часть пространства представляется здѣсь вовсе не застроеннымъ жилыми домами. Предмѣстье Суань-хуа-фу, въ которомъ останавливаются обыкновенно всѣ проѣзжающіе изъ Калгана въ Пекинъ и обратно, также огорожено стѣною и заключаетъ въ себѣ почти исключительно зданія гостинницъ. Заселено оно главнымъ образомъ мусульманами, общее число которыхъ достигаетъ 50,000 душъ. Монголы зовутъ Сюань-хуа-фу — «Байнъ-сӱмэ».

Мы выѣхали изъ гостинницы Сюань-хуа-фу въ 6 ч. 40 м. утра. Первоначально дорога проходитъ вдоль западной стѣны города, потомъ поворачиваетъ вдоль сѣверной стѣны и отъ половины ея вступаетъ какъ бы въ небольшую рощицу изъ вязовыхъ деревьевъ. Есть преданіе, что роща эта составляетъ остатокъ того парка, который окружалъ Сюань-хуа-фу, когда этотъ городъ былъ столицею Юаньскихъ государей. Посреди этой рощицы течетъ незначительный потокъ, кажется, не имѣющій даже

особаго имени; но весною онъ страшно разливается, почему для проѣзда по этому пространству устроена даже высокая, хотя и очень узенькая дамба. Миновавъ ее, дорога вступаетъ въ обширную лёссовую долину, почти сплошь распаханную подъ пшеницу и картофель. Въ 10 ли къ сѣверу отъ Сюань-хуа-фу находится селеніе Лю-хэ-чуань. Есть преданіе, что на этомъ мѣстѣ дано было сраженіе военачальникомъ Чанъ-кай-пин'омъ, знаменитымъ полководцемъ временъ царствованія минскаго императора Хунъ-ву. Преданіе это было записано полководцемъ Канси Чжанъ-пынъ-гэ, хотя уже онъ замѣчаетъ, что въ его пору не осталось ни одной записи, чтобы провѣрить эти разказы. Слѣдуя далѣе по узкой дорожкѣ, пробитой между полями, мы въ 8 ч. 20 мин. миновали деревеньку Па-ли-чжуанъ, сплошь засыпанную песками; отъ нея почва дороги дѣлается также песчаною и окрестности ея представляютъ собою совершенно мертвую долину. Такъ продолжалось чуть ни цѣлый часъ, пока въ 9 ч. 10 м. мы ни подъѣхали къ каменистому перевалу, дорога черезъ который проходитъ узкою колеею. Встарину здѣсь, несомнѣнно, была пробита большая дорога, выстланная плитами, но теперь по ней уже не ѣздятъ, такъ какъ она пришла въ полное разрушеніе. Благодаря узкости дорожной колеи, по которой не могутъ разъѣхаться двѣ телѣги, намъ пришлось простоять здѣсь довольно долго, пока не проѣхала телѣга, вступившая прежде насъ на перевалъ съ противуположной стороны. За переваломъ передъ нами открылась уже калганская равнина. Она ровна, обширна и представляется несравненно богаче Сюань-хуа-фу'ской. Мнѣ припомнилось, что, именно здѣсь гдѣ нибудь, на этой равнинѣ между Сюань-хуа-фу и Калганомъ, Чжэбэ разбилъ 400 тысячную армію китайцевъ (цзиньцевъ), выманивъ ее изъ Цзюй-юнъ-гуаня. Въ 9 ч. 30 м. мы миновали по ней селеніе Ши-хо-цза, всего въ 5 дворовъ, расположенное на краю лёссовыхъ траншей дороги, а черезъ часъ ѣзды послѣ сего оставили вправо знаменитыя, нынѣ глиняныя стѣны Юй-лин'а. Вообще здѣсь также много славныхъ преданій старины, какъ мизерно и буднично за послѣднее время, — особливо за періодъ настоящей династіи; оттого то дайцинскіе путешественники, описывая современное состояніе этихъ пространствъ, не находятъ для себя ничего лучшаго, какъ восхвалять здѣсь мудрое, мирное правленіе Дай-циновъ. Вотъ что писалъ, напримѣръ, проѣзжая по калганской долинѣ, вышепомянутый Чжанъ-пынъ-гэ. «Мѣста эти въ теченіе нѣсколькихъ династій считались важнѣйшими пограничными пунктами и строго охранялись, поглощая несмѣтныя суммы денегъ; но человѣческія усилія не могли быть вполнѣ успѣшны. Что касается настоящей, нашей династіи, то ея величіе и военныя доблести такъ велики, что нѣтъ мѣста, котораго они не покрывали бы подобно

небу, котораго не поддерживали бы подобно землѣ и котораго не освѣщали бы подобно солнцу и лунѣ. Нѣтъ страны, самой дикой, нѣтъ мѣста, самаго отдаленнаго, — гдѣ только ростутъ на головѣ волосы, а во рту зубы, — которыя не присылали бы ей своей дани, которыя не приходили бы съ просьбою — поддаться ей. Границы ея владѣній такъ велики, какъ небывали никогда, отъ самой глубокой древности, и теперь всѣ девять проходовъ (Великой стѣны) находятся въ нашей власти. Бань-гу нѣкогда говорилъ: «пограничныя ворота стоятъ спокойно закрытыми, волы и лошади наполняютъ цѣлыми стадами пустыя пространства степей; въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній не слышно лая сторожевыхъ собакъ; народъ не несетъ на себѣ никакой военной службы». — Слова эти блестяще оправдываются въ наше время». Мнѣ показалось однако, что этотъ патріотичный восторгъ ученаго китайскаго путешественника не совсѣмъ оправдывается на дѣлѣ. Селенія здѣсь попадаются очень рѣдко, а потому сторожевые домики имѣютъ уже большой смыслъ и путникамъ, несомнѣнно, приходится иногда пожалѣть, что эти домики теперь пустуютъ. Калганская равнина не всегда спокойна. Частые неурожаи въ провинціи Шань-си имѣютъ своимъ конечнымъ результатомъ массу голодающаго, чернаго люда, который прямо выходитъ на большіе торговые тракты частію для того чтобы собирать милостыню, а частію и для прямыхъ грабежей. По всей равнинѣ намъ встрѣчалась теперь масса нищихъ. Они даже не живутъ въ селеніяхъ, а прямо сидятъ на дорогѣ, давая знать о своемъ бѣдственномъ положеніи проѣзжающимъ своими земными поклонами. Ужасно смотрѣть на эти грязныя, испитыя, болѣзненныя лица и еще ужаснѣе подумать, что все это невольные кандидаты для производства смутъ и безпорядковъ въ имперіи. Въ 11 ч. 5 м. мы миновали поселокъ Яо-цзя-цзо въ 10, или 12 дворовъ; онъ находится всего въ 20 ли, или 10 верстахъ отъ Калгана. Отсюда поселки уже не имѣютъ собственныхъ именъ и различаются по разстояніямъ, напримѣръ: «Ши-сань ли мяо» — т. е. Кумирня на 13-й ли; «Чи ли ча-фанъ» — Постоялые дворы на 7-й ли и проч. У этой послѣдней деревушки мы увидали страшные слѣды правосудія китайскихъ властей: близъ одной изъ сторожекъ на невысокомъ колу болталась здѣсь въ клѣткѣ голова казненнаго разбойника. Онъ былъ казненъ недѣли двѣ тому назадъ и принадлежалъ тоже къ той стаѣ голодныхъ, которую встрѣчали мы на каждомъ шагу. Подъ этими тяжелыми впечатлѣніями мы въ 1 ч. дня незамѣтно подъѣхали къ Калгану и переѣхали черезъ каменный мостъ Юнъ-тунъ-цяо. Калганцы чрезвычайно гордятся этимъ мостомъ, который въ самомъ дѣлѣ представляется массивною и красивою постройкой. Пока нашъ караванъ перебирался черезъ него, я спу-

стился на берегъ, чтобы сдѣлать фотографическій снимокъ моста, чѣмъ въ какія нибудь двѣ минуты привлекъ къ себѣ толпу тысячи въ двѣ человѣкъ,



Калганскій мостъ Юнъ-тунъ-цяо.

которые окружили меня и расположились по самому мосту. Замѣчательно однако, что стоило сказать имъ, что я снимаю мостъ, какъ толпа разступилась и дала возможность спокойно исполнить снимокъ, вышедшій мало удачнымъ лишь въ силу сумрачности неба, посылавшаго на насъ мелкую изморозь. Отсюда мы благополучно вступили сначала въ Ся̀-пу, потомъ въ Шàнъ-пу и, наконецъ, проѣхавъ Чжанъ-цзя-коу'скія ворота, добрались до русскаго поселка въ Янъ-бао-шани, гдѣ и были приняты со всегдашнимъ русскимъ радушіемъ семьею Батуевыхъ.

II. Отъ Калгана до Хӱхӯ-хотò.

1-е Марта. Вторникъ.

Для слѣдованія въ Хӱхӯ-хотò мною нанято было двѣ телѣги, запряженныя каждая двумя лòцзами; въ провожатые я имѣлъ двухъ проводниковъ и условленная плата за каждую телѣгу была 13,000 калганскихъ чехъ, что составляло на серебро $17^1/_3$ лана, или около 35 нашихъ серебря-

ныхъ рублей. Благословясь, мы выѣхали въ 1 ч. дня. День былъ очень теплый, термометръ показывалъ + 14° R. Миновавъ невыразимо избитую улицу Шàнъ-пу, мы повернули на западъ, къ выѣзду изъ города, и здѣсь телѣги наши еле могли пробраться сквозь оборванную и шумную толпу нищихъ, собравшуюся къ дому мѣстнаго «дй-фан'а», или «лō-цзя-р'а» для полученія пособія отъ правительства. По обычаю, къ 25-му числу каждаго мѣсяца вань-цюань-сянь'скій начальникъ (чжи-сянь) присылаетъ въ Калганъ извѣстную сумму, которая и раздается бѣднымъ въ количествѣ по 33 чеха каждому. Сегодня нищіе собрались именно для полученія этой подачки. При выѣздѣ изъ города намъ повстрѣчалась первая сторожка, совершенно подобная тѣмъ, которыя видѣли мы по дорогѣ между Калганомъ и Пекиномъ; сюда каждую ночь приходятъ три солдата, для охраны дороги отъ злыхъ людей. Солдаты эти, говорятъ, назначаются на свою службу изъ Сюань-хуа-фу и отбываютъ ее по очереди. Должно замѣтить однако, что эта, повстрѣчавшаяся намъ первая сторожка была вмѣстѣ и послѣднею, такъ какъ охранная стража расположена здѣсь по дорогѣ не на Гуй-хуа-чэнъ, а на Вань-цюань-сянь. Для слѣдованія въ Гуй-хуа-чэнъ мы должны были прежде всего перевалить черезъ горы, отдѣляющія калганское ущеліе отъ долины р. Янъ-хэ. Перевалъ совершается по ущелью Юнъ-хунъ-пу-гоу, называемому такъ отъ имени мѣстечка Юнъ-хунъ-пу, на сѣверной сторонѣ ущелья. Со стороны Калгана пологій скатъ Юнъ-хунъ-пу'скаго ущелья почти весь занятъ кладбищами, среди которыхъ встрѣчается нѣсколько весьма благоустроенныхъ; въ большинствѣ случаевъ такія кладбища принадлежатъ маньчжурскимъ чиновникамъ. Горы по бокамъ ущелья во многихъ мѣстахъ разработаны и представляютъ собою лѣстницу пашень почти до самой своей вершины. Засѣвается здѣсь по преимуществу просо. Посѣвы начинаются обыкновенно въ концѣ Марта, или въ самомъ началѣ Апрѣля, поспѣваютъ же пашни въ первыхъ числахъ Сентября и, при хорошемъ урожаѣ, даютъ обыкновенно самъ-десять. Дорога покрыта мелкими камнями, но въ общемъ можетъ быть названа довольно спокойной даже для ѣзды въ телѣгѣ. Въ 1 ч. 45 мин. мы доѣхали до селенія Юнъ-хунъ-пу (бу), обнесеннаго высокою глинобитною стѣною, за которою, говорятъ, скрывается до 100 дворовъ мѣстныхъ поселянъ. Отсюда ущелье сохраняетъ ту же широту, но дорога становится гораздо у́же, потому что начинаетъ проходить въ траншеѣ лёсса. Изъ за высокихъ стѣнъ этой траншеи не видны были даже и горы, стоявшія по бокамъ ущелья, а только древняя великая стѣна съ ея высокими башнями, извивавшаяся по гребню сѣверныхъ вершинъ. Въ 2 ч. 10 м. мы взобрались на верхнюю точку Юнъ-хунъ-пу и отсюда начался такой же пологій спускъ, какимъ

былъ и подъемъ въ гору. По мѣрѣ пониженія дорога снова дѣлалась все шире и шире, когда же мы спустились окончательно въ долину, то здѣсь оказалась раскинувшеюся деревня У-дунъ. У этой деревни происходитъ раздѣленіе дороги: одна направляется прямо на западъ, къ городу Ванъ-цюань-сянь; другая же, по которой мы продолжали свой путь, потянулась къ юго-западу и вскорѣ (2 ч. 30 м.) по ней начался новый подъемъ на вторую вѣтвь горъ еще болѣе узкій, чѣмъ подъемъ Юнъ-хунъ-бу. Этотъ второй подъемъ носитъ названіе Цзинъ-лунъ-коу. На вершинѣ его стоитъ одинокая кумирня, находящаяся подъ покровительствомъ деревни Ши-цзо-ръ, располагающейся при выходѣ изъ ущелья Цзинъ-лунъ-коу въ долину рѣки Янъ-хэ. Передъ нашими глазами, несомнѣнно, должна была открыться громадная равнина, но вѣтеръ и стоявшія въ воздухѣ облака мелкой пыли препятствовали видѣть ея величину. По началу равнина эта довольно каменистая, тѣмъ не менѣе, гдѣ только возможно, она повсюду раздѣлана подъ пашни. Въ 3 ч. 20 м. мы проѣхали черезъ мѣстечко Сюань-пинъ-бу, состоящее изъ нѣсколькихъ глинобитныхъ домиковъ. Ли въ 20 отсюда, у подошвы отроговъ Инъ-шаня, стоитъ городъ Вань-цюань-сянь, обнесенный, какъ говорятъ, высокой кирпичной, довольно сохранившейся стѣной. Городокъ этотъ ведетъ лишь мѣстную, розничную, незначительную торговлю, но онъ имѣетъ значеніе какъ центръ административнаго управленія уѣзда, при чемъ, какъ мы уже знаемъ, ему непосредственно подчиняется и Калганъ. Далѣе за Сюань-пинъ-бу, по долинѣ Янъ-хэ какъ у самой дороги, такъ и по окрестностямъ ея раскидана масса деревень и хуторовъ; всѣ земли представляются сплошь обработанными подъ пашни, окруженныя деревьями ивы, тополя и др. Говорятъ, что мѣстные поселяне приготовляютъ очень удобныя и прочныя корзины изъ прутьевъ этихъ деревьевъ и это даетъ имъ хорошій заработокъ. Только въ 4 ч. 10 м. мы повстрѣчали полосу земли, версты на двѣ покрытую песками и здѣсь же переѣхали сухое русло, саженей въ 150. Когда въ 6-й лунѣ бываютъ дожди, воды съ прилежащихъ на сѣверѣ горъ образуютъ здѣсь страшный потокъ, дѣлающій на нѣкоторое время непроѣзжаемою настоящую дорогу. Вообще путь по этому пространству представляется довольно труднымъ, особливо для мѣстныхъ поселянъ, которые хотя и запрягаютъ въ свои телѣгу по три и четыре животныхъ, но за то и грузятъ ихъ страшно тяжело. Мы простояли минутъ десять, помогая здѣсь одной изъ телѣгъ выбраться изъ песку, и всетаки не достигли своей цѣли. Въ 4 ч. 40 м. миновали деревню Цзо-цзя-цзо-ръ, въ которой еще издали видѣли кумирню, возвигнутую на высокой лёссовой горѣ. Въ деревушкѣ этой нѣтъ улицы и домики ея раскиданы въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Отсюда мы снова про-

должали путь по полямъ и въ 5 ч. 25 м. пересѣкли русло потока, правда не болѣе какъ саженей въ 6 шириною, но за то сплошь изборожденное рытвинами, очевидно, выбитыми силою теченія воды. Совершенно необыкновенное для меня зрѣлище представлялось теперь въ здѣшней атмосферѣ: небо было сѣрое, а въ воздухѣ стояла тонкая пыль, съ какимъ-то желтовато-розоватымъ оттѣнкомъ; солнце совершенно казалось бѣлымъ матовымъ шаромъ зажженнаго электрическаго фонаря. Въ 6 ч. мы подъѣхали къ деревенькѣ Чжу-цзя-цзо-ръ. Она была значительно больше предшествовавшей и заключала въ себѣ нѣсколько постоялыхъ дворовъ; но нашъ извозчикъ почелъ ихъ плохими, поэтому мы, проѣхавъ деревню и миновавъ ея кладбище, обозначенное рядомъ каменныхъ плитъ, снова направились по узенькой лёссовой дорогѣ, проложенной между полями. Черезъ 15 минутъ миновали деревню Цзя-сань-цзо, не свыше 15 дворовъ, за которою намъ стали попадаться крестьяне, цѣлыми толпами возвращавшіеся изъ деревни То-ли-цзо, гдѣ они присутствовали въ театрѣ. Доѣхавъ до этой деревушки въ 6 ч. 30 м., мы остановились здѣсь для ночлега. Постоялый дворъ ни мало не напоминалъ собою учрежденія этого рода, находящіяся по дорогѣ отъ Калгана въ Пекинъ: во дворѣ здѣсь никоимъ образомъ не могло помѣститься болѣе шести телѣгъ, помѣщеніе же для проѣзжающихъ заключалось въ одной фанзѣ, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и кухней гостинницы. Найти въ этой гостинницѣ чаю, или мяса не было возможности: она могла представить своимъ проѣзжающимъ кипяченную воду, да сварить кашу изъ проса, или болтушку, заправленную мукою; словомъ тѣ кушанья, которыя обычно потребляются здѣшними крестьянами. Спятъ проѣзжающіе въ повалку на одномъ общемъ кану. Грязно и отвратительно; но усталость и сонъ берутъ свое и въ 11 ч. я заснулъ какъ убитый.

2-е Марта. Вторникъ.

6 ч. +2°; 9 ч. +7°; 12 ч. +5°; 3 ч. +3½°; 6 ч. —1°; 9 ч. —4°.

По утру расплачиваясь съ хозяиномъ, мы выдали ему 60 чехъ за ночлегъ и 150 чехъ за приготовленіе чая и кушанья, т. е. собственно за топливо, которое составляетъ здѣсь каменный уголь, пріобрѣтаемый въ копяхъ близь деревни Си-ма-ли, по 4 чеха за гинъ.

Выѣхали въ 6 ч. 45 м. утра. Дорога продолжаетъ сохранять тотъ же характеръ однотелѣжной колеи, проложенной по сплошнымъ полямъ, изрѣдка только прерывающимся неглубокими ложбинами, по которымъ горные потоки образовали свои русла, усѣявъ ихъ мелкою галькой. Черезъ 20 м. проѣхали деревню Юй-цзя-лё, кумирня которой воздвигнута также на высокой столообразной лёссовой скалѣ, на подобіе видѣнной нами вчера въ Цзо-цза-цзо-рѣ. Въ 7 ч. 55 м. достигли поселка Ку-лу-цзо, домиковъ

въ 20, на половину служащихъ постоялыми дворами. Отсюда намъ ясно обозначилось теченіе рѣки Янъ-хэ у подножія горъ, окаймляющихъ долину. Послѣдняя образуетъ здѣсь значительную покатость въ направленіи къ юго-западу и особливо отъ деревни Чжу-цзя-хэ, до которой мы доѣхали въ 8 ч. 40 м. Это былъ уже довольно значительный поселокъ съ глинобитнымъ кремлемъ и каменными воротами, наверху коихъ находилась маленькая кумирня. Въ открытомъ предмѣстьи этого кремля была между прочимъ лавочка съ товарами, приспособленными къ потребностямъ мѣстныхъ жителей. Самое видное мѣсто занимали собою мѣшки съ просомъ, лонхоны съ водкою, кирпичный чай и свертки табаку. Въ 9 ч. 5 м. намъ повстрѣчалась вторая такая же, если еще не болѣе значительная деревня Ё-цзя-тунъ. Она также была окружена глинобитною стѣною съ каменными воротами; постоялыхъ дворовъ въ предмѣстьи ея было значительно больше, а изъ за стѣны виднѣлись вывѣски нѣсколькихъ лавокъ и кумирень, наконецъ была даже одна башня съ надписью «Вань-юань-лоу», что значитъ: «башня съ которой можно видѣть на далекое пространство». Въ $9^1/_4$ часовъ поднялся страшный вѣтеръ: онъ несъ облака пыли и порою на дорогѣ нельзя было отличить предметовъ на разстояніи 10 саженей.

Черезъ 25 м. мы достигли мѣстечка Бэй-ша-чэнъ, нарицательное котораго показывало, что это городъ, хотя онъ былъ гораздо хуже встрѣчавшихся передъ нимъ поселковъ; при томъ же и населеніе его составлялось исключительно изъ землепашцевъ. Миновавъ его, мы впервые повстрѣчали на этомъ торговомъ пути два воза табаку — «ни-янь», везомаго изъ Дай-туна въ Чжанъ-цзя-коу. Здѣсь же въ 9 ч. 55 м. намъ попалась сторожка съ караульными, высылаемыми изъ Бэй-ша-чэна. Она стояла почти на берегу рѣки Дунъ Янъ-хэ, прежде чѣмъ добраться до русла которой мы должны были проѣхать съ полверсты по покрытой сыпучимъ пескомъ ложбинѣ. Самое русло весьма каменисто, почему рѣка, имѣющая довольно высокое паденіе, течетъ не только быстро, но и бурливо, хотя и раздѣляется на нѣсколько протоковъ. Ширина главнаго русла ея не свыше 10 саженей, тѣмъ не менѣе проѣздъ черезъ него былъ бы совершенно невозможенъ въ зимнее время, если бы здѣсь не было построено временнаго моста. Дѣло въ томъ, что, въ силу быстроты теченія, Янъ-хэ, замерзающая по окраинамъ и образующая у береговъ изъ своихъ водъ ледяную кору толщиною больше аршина, почти не покрывается льдомъ всрединѣ русла, а потому и движеніе обозовъ черезъ нее является совершенно невозможнымъ: телѣга, спокойно проходящая по льду у береговъ, непремѣнно рушится въ срединѣ. На сей конецъ поселки Бэй-ша-чэнъ и Цай-гэ-бу, какъ извлекающіе для себя наибольшую выгоду отъ этого караван-

наго пути, ежегодно въ 9-й лунѣ, лишь только рѣка начинаетъ покрываться льдомъ, строятъ на ней временный мостъ. Не особенно толстыя бревна еле еле вбиваются въ дно, застилаются досками, засыпаются сверху глиною и навозомъ и мостъ готовъ. Въ 3-й весенней лунѣ этотъ мостъ снимается и матеріалы его хранятся въ Бэй-ша-чэнѣ до будущаго года. Перебравшись черезъ этотъ мостъ, мы вступили въ уѣздъ Хой-янь, такъ какъ теченіе Янъ-хэ составляетъ собою границу на правомъ берегу уѣзда Вань-цюань и на лѣвомъ Хой-янь. Отсюда въ 10 ч. 35 м. мы переправились черезъ Си Янъ-хэ, русло которой нѣсколько шире Дунъ Янъ-хэ, но теченіе гораздо спокойнѣе. Она совершенно скрывала еще свои воды и мы переѣхали черезъ нихъ по льду. Поднявшись на высокій правый берегъ Янъ-хэ, мы увидали, что онъ также изобилуетъ песками какъ и лѣвый берегъ, оттого пространство до селенія Цай-гэ-бу, всего въ какихъ либо 4 версты, мы должны были тянуться около 50 минутъ. Въ этомъ послѣднемъ селеніи была заурочена наша полуденная остановка.

Цай-гэ-бу несравненно значительнѣе всѣхъ видѣнныхъ нами доселѣ поселковъ. Онъ обнесенъ большою глиняною стѣною, которая когда-то была даже облицована кирпичемъ; теперь эта облицовка уцѣлѣла только на южной сторонѣ города. Проходъ за стѣну совершается черезъ двойныя ворота, съ бойницами и дозорными башнями. Улицы въ поселкѣ широкія; главная изъ нихъ заключаетъ въ себѣ свыше 150 лавокъ, между которыми не трудно отличить нѣсколько красилень. Помимо этой торговли въ магазинахъ, масса мелочной открытой торговли на лоткахъ. Куски желѣза, гвозди, трубки, спички, табакъ и пр.; очень много также деревянныхъ издѣлій: ковши, уполовники, корзины и бороны; все это приходитъ сюда изъ Юй-чжоу за 300 слишкомъ ли. На улицахъ оживленное движеніе крестьянъ, особливо въ южномъ концѣ поселка, гдѣ находится конный рынокъ: мы увидали здѣсь до сотни лошадей, ословъ, муловъ и быковъ, пригнанныхъ на продажу. Въ настоящемъ году сбытъ скота, говорятъ, особенно великъ, такъ какъ травы уродились плохо и кормить этихъ животныхъ нечѣмъ. Вообще Цай-гэ-бу, очевидно, служитъ важнымъ торговымъ центромъ для окрестнаго населенія, которое сбываетъ въ немъ свои кустарныя произведенія и хлѣбъ. Изъ отдѣла кустарной промышленности значительную статью торговли представляютъ для города такъ называемыя рогожи (по кит. «си-цзы»), плетеныя изъ соломы гаоляна. Такихъ рогожъ ежегодно вывозится изъ Цай-гэ-бу только для одного Калгана до 30 и 40 тысячъ штукъ, стоимостью 150, 200 чеховъ штука. Въ розничной продажѣ тѣже рогожи стоятъ 250, 300 чеховъ. Китайскіе крестьяне употребляютъ ихъ для постилки на канахъ, въ Калганѣ же онѣ

идутъ на покрышку чаевъ при перевозкѣ таковыхъ лѣтомъ въ телѣгахъ, запряженныхъ быками; еще далѣе изъ тѣхъ же рогожъ устроиваютъ родъ корзинъ на телѣгахъ для перевозки гучжи́ра изъ Монголіи въ Калганъ и Фынъ-чжэнъ.

Покормивъ своихъ животныхъ, мы выѣхали изъ Цай-гэ-бу въ 12 ч. 50 м. Невыразимый вѣтеръ дулъ съ такою силою и поднималъ такія тучи песку, что мулы наши едва могли двигаться и особливо передній изъ нихъ, пользующійся значительной свободой и управляемый только одной возжей, постоянно поворачивалъ назадъ, производя остановку во всемъ поѣздѣ. Дорога здѣсь проходитъ по песчаной и почти безплодной возвышенности праваго берега рѣки Янъ-хэ. Въ 2 ч. 15 м. мы добрались до деревеньки Си-цзя-тунъ, состоящей всего изъ четырехъ дворовъ, очевидно, крайне бѣдныхъ, что впрочемъ и неудивительно, если принять во вниманіе условія здѣшняго хлѣбопашества. Помимо не особенно благодарной почвы посѣвамъ страшно вредятъ вѣтры. Поля почти повсюду огорожены со стороны рѣки высокими земляными валами и деревьями, но тѣмъ не менѣе это мало защищаетъ ихъ отъ заносовъ цѣлыми грудами песку. Во многихъ мѣстахъ отъ рѣки проведены оросительныя канавы. Миновавъ въ 2 ч. 35 м. деревушку Ванъ-динъ-мяо, въ которой было до двухъ десятковъ дворовъ, мы спустились въ самую ложбину рѣки Янъ-хэ и дальнѣйшій путь нашъ лежалъ уже невдалекѣ отъ ея русла, которое здѣсь если и мелче, то значительно шире видѣннаго нами близъ Цай-гэ-бу. Происходитъ это отъ того, что рѣка течетъ здѣсь однимъ протокомъ и только ниже русло ея раздѣляется, образуя отдѣльныя воды Дунъ Янъ-хэ и Си Янъ-хэ. Собственно коренною рѣкою является Дунъ Янъ-хэ и это между прочимъ доказывается тѣмъ, что рѣка не только носитъ это имя до своего раздѣла, но еще и сообщаетъ его стоящему на лѣвомъ берегу ея поселку, мимо котораго мы проѣхали въ 3 ч. 30 м. Находясь на противуположномъ берегу рѣки, въ поселкѣ этомъ рѣшительно ничего нельзя было видѣть кромѣ стѣнъ, да возвышающихся надъ ними воротъ. Нѣсколько выше поселка Дунъ янъ-хэ мы снова перебрались на лѣвый берегъ рѣки, переѣхавъ ее по льду, сверху котораго вода стояла minimum на четверть. Здѣшніе поселяне были заняты исправленіемъ своихъ полей. Состоя въ прямой зависимости отъ дождей, Янъ-хэ ежегодно разливается здѣсь осенью и во время этихъ разливовъ портитъ поля, вымывая на нихъ довольно глубокія ямы; поселяне засыпали теперь эти ямы, выкапывая куски лёсса изъ прилежащихъ бугровъ и перетаскивая ихъ на пашни въ корзинахъ за спиною. Въ 5 ч. 45 м. мы проѣхали черезъ селеніе Си-янъ-бу, обнесенное высокой глинобитной стѣной. Оно было весьма значительно по объему и заключало

въ себѣ нѣсколько лавокъ, тѣмъ не менѣе жители его были обыкновенные землепашцы и никакого производства въ этомъ селеніи не имѣется. Въ 6 ч. 25 м. мы начали снова перебираться на правый берегъ рѣки. Лощина ея здѣсь шириною до 100 саж., но русло, по которому обычно течетъ рѣка, не свыше 7, или 8-ми. Въ этомъ мѣстѣ рѣка уже вскрылась и мы должны были переѣзжать ее въ бродъ. Переправа была очень трудна и задержала насъ около часа, при чемъ здѣсь воочію мы увидали то, о чемъ только слышали въ Цай-гэ-бу. Рѣка открылась въ срединѣ, на окраинахъ же ея лежали пласты льда толщиною до одного аршина и болѣе. При спускѣ въ воду, колеса приходилось придерживать, чтобы они не рухнули сразу въ воду всей своей массой; при выѣздѣ — ихъ нужно было поднимать на рукахъ, такъ какъ животныя никоимъ образомъ не могли вытащить телѣгу, колеса которой упирались въ ледяную массу, свыше аршина вышиною. Къ довершенію непріятности наступила темнота. Въ Ку-лунь-дянь, мѣсто нашего ночлега, мы прибыли въ 8 часовъ вечера.

3-е Марта. Среда.

6 ч. —3°; 9 ч. +1°; 12 ч. +4°; 3 ч. +5°; 6 ч. +3°; 9 ч. —4°.

Выѣхали въ 6 ч. 45 м. утра. Утро было тихое, воздухъ довольно чистый и солнце ярко освѣщало поля, между которыми извивалась наша дорога. Впереди насъ ясно обрисовывалась ползущею вверхъ по горамъ

Видъ на Великую стѣну у Си-пинъ-коу.

древняя Великая стѣна; на лѣвомъ берегу Ян-хэ она тянулась по подножію горъ, хотя мѣстами отъ самой стѣны здѣсь сохранился едва замѣтный земляной валъ, да уцѣлѣли еще земляные остовы башень. Въ 7 ч. 45 м. мы подъѣхали къ мѣстечку Синъ-пинъ-коу и здѣсь сдѣлали фотографическій снимокъ какъ съ этого укрѣпленія, такъ и съ Великой стѣны. Синъ-пинъ-коу обнесенъ невысокими, облицованными кирпичемъ стѣнами, съ амбразурами и четырьмя башнями по угламъ. Въ существѣ дѣла мѣстечко это убогое; жителей его очень немного и извѣстны они только своею выдѣлкою войлоковъ изъ бѣлой бараньей шерсти; тѣмъ не менѣе Синъ-пинъ-коу замѣчательно какъ застава и проѣздъ черезъ ворота когда-то бывшей здѣсь Великой стѣны, отъ которой въ самомъ пунктѣ проѣзда не сохранилось никакихъ признаковъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ 8 ч. 20 м. мы проѣхали каменныя городскія ворота съ надписью: Цза-сянъ-мынь (币祥門), т. е. ворота благознаменательнаго прохода, вблизи коихъ воздвигнута казенная кумирня, а за нею располагается и самая застава. Разказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ застава эта представляла собою два воткнутыхъ въ землю кола, съ положенною между ними жердью; при приближеніи каждой телѣги, дежурный солдатъ снималъ жердь и пропускалъ ѣдущихъ, если не видѣлъ въ нихъ ничего подозрительнаго; тутъ же лежали двѣ старинныхъ, чугунныхъ маленькихъ пушки, съ деревянными затычками съ казенной части, вмѣсто камеры; но въ 1889 г. здѣсь были сдѣланы новыя рѣшетчатыя ворота изъ кольевъ и, хотя кругомъ нѣтъ, никакой стѣны, а только грязный пустырь, тѣмъ не менѣе всѣ должны проѣзжать черезъ эти ворота. Надъ воротами красуется надпись «Вэй-сяо-цзинъ-цзѣ» (威鎖境界). Подчиняясь вышеуказанному обычаю, или правилу, мы также проѣхали черезъ эти ворота, хотя не только никто не понуждалъ насъ къ этому, но и вообще мы не видали здѣсь ни какой стражи. По разказамъ мнѣ пришлось узнать, что китайское правительство содержитъ въ Синъ-пинъ-коу сотню солдатъ, принадлежащихъ зеленому знамени «Лу-инъ» и управляемыхъ особымъ чиновникомъ «фу-ѣ», съ бѣлымъ шарикомъ. Содержаніе каждаго изъ этихъ солдатъ исчисляется двадцатью четырьмя ланами въ годъ жалованья и сверхъ того выдачею въ провьянтъ 36 доу пшена натурою. Содержаніе «фу-ѣ» осталось для меня не извѣстнымъ, но достовѣрно, что должность эта отбывается срочно и къ занятію ея офицеры высылаются изъ Пекина только на три года. Обязанность этого отряда состоитъ въ охранѣ дороги отъ контрабаднаго провоза по оной товаровъ, такъ какъ торговый путь съ востока назначенъ правительствомъ на Дэ-шэнъ-коу, гдѣ и взимаются пошлины за провозимый товаръ. Такимъ образомъ путь на Синъ-пинъ-коу является закрытымъ

для купцевъ: только мелочные торговцы могутъ провозить и дѣйствительно провозятъ здѣсь свои товары, но не иначе какъ въ видѣ домашняго имущества: чай можно провезти только раскупоренной хунцзой; дабу, дялянбу и другіе сорты матерій не въ тюкахъ, а лишь отдѣльными кусками; словомъ здѣсь идетъ исключительно товаръ тѣхъ мелочныхъ лавочекъ, которыя мы встрѣчали во многихъ деревняхъ. Что касается чаевъ и бумажныхъ товаровъ, движущихся изъ Тянь-цзина въ Гуй-хуа-чэнъ, то они изъ Тунъ-чжоу направляются на Бао-динъ-фу, Дай-тунъ и уже оттуда идутъ въ Си-коу.

Разставшись съ застѣннымъ Китаемъ, мы по выѣздѣ изъ воротъ тотчасъ же переправились по льду на лѣвую сторону Янъ-хэ и дальнѣйшій путь свой продолжали по пустынному и песчаному берегу этой рѣки: даже пашни встрѣчаются здѣсь сравнительно рѣдко, по большей части вблизи деревушекъ. Характеръ этихъ послѣднихъ здѣсь также измѣняется: онѣ дѣлаются меньше и поселки въ 10, 15 дворовъ встрѣчаются какъ рѣдкость. Въ 9 ч. 35 м. мы доѣхали до первой такой деревушки, названіе которой на языкѣ мѣстныхъ китайцевъ звучитъ въ формѣ «Тӯ-до̄-инъ-цза» (頭道營子), т. е. «лагерь первыхъ переселенцевъ». Это слово «инъ-цза» — лагерь какъ будто даетъ понятіе о военномъ поселкѣ, на дѣлѣ же здѣсь нѣтъ ничего военнаго и обитатели этихъ деревень — самые мирные поселяне, едва ли когда и знавшіе о военномъ дѣлѣ и обязанностяхъ. Въ 10 ч. 20 м. намъ повстрѣчалось второе такое же поселеніе, съ именемъ Эрлъ-до̄ инъ-цза, т. е. «лагерь вторыхъ переселенцевъ»; а затѣмъ черезъ полчаса мы пріѣхали въ деревню «Дянь-цза», гдѣ остановились для полдника. Населеніе деревни «Дянь-цза» такое же пришлое, какъ въ первыхъ двухъ помянутыхъ деревняхъ — лагеряхъ и, по словамъ здѣшнихъ жителей, всѣ они пришли сюда изъ Синь-чжоу, отъ предѣловъ Тай-юань-фу, въ года правленія Цзя-цина. Пользуясь нынѣшнимъ прекраснымъ днемъ, я произвелъ здѣсь фотографическій снимокъ комнаты, которую занимали мы въ мѣстной гостинницѣ и которая вмѣстѣ съ симъ можетъ явиться образцомъ для всѣхъ остальныхъ помѣщеній на постоялыхъ дворахъ по этой дорогѣ, такъ какъ всѣ они устроиваются по одному шаблону. Вступивъ за ворота постоялаго двора, вы всегда найдете здѣсь три отдѣльныхъ, одноэтажныхъ корпуса, расположенныхъ покоемъ. Каждый корпусъ заключаетъ въ себѣ, смотря по своей величинѣ, отъ 2-хъ до 6-ти разобщенныхъ между собою комнатъ, въ каждую изъ которыхъ ведутъ особыя двери, обычно сколоченныя изъ тоненькихъ досокъ и никогда не притворяющіяся плотно, почему зимою въ комнату не рѣдко навѣваются изрядные сугробы снѣга. Зданіе строится изъ сырцеваго кирпича, безъ половъ, или лучше сказать

съ грунтовымъ поломъ, матица же крыши его поддерживается четырьмя столбами, или колоннами, изъ коихъ двѣ находятся у стѣнъ, а двѣ располагаются въ срединѣ зданія, на пространствѣ около сажени отъ центра зданія каждое, и на разстояніи двухъ саженей между собою. Такимъ образомъ вступивъ въ любой особый № гостинницы, вы видите передъ собою отдѣленіе комнаты, шириною сажени въ двѣ. Засимъ въ разстояніи небольшемъ сажени отъ двери прямо передъ вами будетъ печь, сложенная

Внутренній видъ гостинницы въ Дянь-цза.

изъ сырцеваго же кирпича на подобіе нашихъ кухонныхъ плитъ, со вмазанными въ нее двумя котлами, одинъ для кипяченія воды и другой — для варки пищи. Отъ этой печи въ обѣ стороны комнаты, вплоть до наружныхъ стѣнъ ея, идутъ каны, или громадныя лежанки, аршинъ по 6, 7 въ квадратѣ, сложенныя изъ того же сырцеваго кирпича и въ зимнее время нагрѣвающіяся снизу. Лежанки эти покрыты рогожами и представляютъ собою мѣсто, служащее для сидѣнія и спанья пріѣзжающихъ и останавливающихся въ гостинницѣ гостей. Днемъ на этихъ лежанкахъ устанавливаются низенькіе столики, за которыми гости сидятъ, поджавши ноги; вечеромъ столики снимаются и лежанка обращается въ одну общую кро-

вать, на которой спятъ въ повалку, вмѣстѣ, иногда человѣкъ 20, 25. Нѣтъ нужды говорить о чистотѣ и опрятности этихъ кроватей и комнатъ вообще. Сказать, что грунтовой полъ комнаты нерѣдко обращается въ грязную жидкость, которую каждый тащитъ со своими ногами на канъ, или лежанку, еще мало. Вслучаѣ недостатка гостей таже комната обращается въ хлѣвъ для животныхъ и намъ не разъ случалось видѣть, что приглашавшій насъ остановиться въ своей гостинницѣ хозяинъ, прежде чѣмъ впустить насъ въ комнату, выводилъ изъ нея коровъ, или лошадей, подчищалъ навозъ, а за симъ предлагалъ намъ это убѣжище. Таковы рѣшительно всѣ помѣщенія гостинницъ, содержимыхъ китайцами по дорогамъ, за Великою Стѣною.

Оставивъ мѣсто своей стоянки въ 12 ч. 40 м., мы ѣхали далѣе по узкому и глубокому рву, образовавшемуся отъ вымоинъ дороги, до деревни Бэй-цзя инъ-цза. Послѣдняя стоитъ у подошвы горы, близъ устья ущелья, проѣхавъ по которому, приходится подниматься на довольно крутой перевалъ. Мы начали этотъ подъемъ въ 2 ч. 25 м. и до вершины перевала достигли въ 3 ч. 5 м. Здѣсь стоитъ небольшая кумирня, Гуань-ди мяо, отъ которой начинается спускъ по глубокому рву, весьма не длинный, такъ что въ 3 ч. 20 м. мы выбрались уже на пологій горный скатъ. Здѣсь стоятъ двѣ фанзы, образующія собою деревню Хо̄нъ-ту-ку-цза (黃土窟子), получившую свое названіе будто бы оттого, что первые обитатели ея жили въ пещерахъ здѣшнихъ лёссовыхъ скалъ желтоватаго цвѣта. Ниже по этому горному скату начинаютъ показываться пашни, а при вступленіи въ равнину (3 ч. 50 м.), встрѣчается даже поселокъ въ 4 двора, носящій имя Тӯ-до̄-гоу (頭道溝), т. е. «канава первыхъ переселенцевъ». Въ 4 ч. 35 м. мы миновали другой такой же поселокъ, съ именемъ Сань-до̄-гоу и въ 6 ч. вечера прибыли въ городъ Чжангòръ, гдѣ и остановились для ночлега.

4-е Марта. Четвергъ.

6 ч. —7°; 9 ч. +5°; 12 ч. +8°; 3 ч. +11°; 6 ч. +4°; 9 ч. —5°.

Чжангòръ — небольшой городокъ, при рѣчкѣ Хой-цзѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ не свыше 300 дворовъ и управляется «сюнь-цзянемъ», на каковую должность откомандировываются незначительные чиновники съ бѣлымъ и даже съ мѣднымъ шарикомъ; тѣмъ не менѣе Чжангòръ имѣетъ выдающееся значеніе для края, служа центромъ мѣстной торговли хлѣбомъ. Хлѣбъ собирается сюда отъ всего окрестнаго, исключительно земледѣльческаго населенія и засимъ вывозится въ Сюань-хуа-фу, Да-тунъ-фу и особливо въ Калганъ. Калганскіе купцы постоянно ѣздятъ въ Чжангòръ для закупки зерна и какъ уплата денегъ, въ видахъ большей безопасности, со-

вершается ими обыкновенно путемъ переводовъ, то въ Чжангòрѣ имѣется даже три, четыре банка, ведущіе сношенія съ выше показанными тремя городами. На ряду съ ними здѣсь пріютились и ссудныя кассы подъ залогъ имуществъ. Онѣ существуютъ исключительно для бѣднаго люда, но ведутъ свои дѣла такъ хорошо, что богатѣютъ гораздо больше банковъ. Путешественники, ѣдущіе въ Гуй-хуа-чэнъ и Шань-си, должны перемѣнять въ Чжангòрѣ оси у своихъ телѣгъ, такъ какъ далѣе на западъ отъ Чжангòра колеи дороги почему то шире колей, проложенныхъ на востокъ; такимъ образомъ телѣги, идущія съ востока, мѣняютъ здѣсь узкій ходъ осей на широкій и наоборотъ, идущія съ запада — широкій ходъ на узкій. Въ Гуйхуа-чэнъ изъ Чжангòра можно ѣхать двумя путями: одна дорога выходитъ въ Монголію, собственно къ урочищу Цагàнъ-обо̀, въ кочевьяхъ Чахаръ простаго желтаго знамени; другая — южная идетъ по мѣстностямъ съ китайскимъ населеніемъ черезъ Лунъ-шэнъ-чжуанъ (隆盛庄) и Фынъ-чжэнъ (豐鎮).

Выѣхали въ 7 ч. утра и направились путемъ по китайскимъ поселеніямъ. Дорога за Чжангòромъ напоминаетъ собою уже монгольскія равнины, индѣ покрытыя невысокими холмами. Пашень здѣсь гораздо меньше и населеніе рѣже группируется въ деревни, а живетъ отдѣльными фанзами по своимъ полямъ. Только черезъ часъ мы встрѣтили деревеньку Фынъцзы-хо̀, въ шесть глинобитныхъ хижинъ, а далѣе въ 20-ти минутахъ ѣзды отъ нея намъ попалась разрушенная кумирня Лунъ-ванъ-мяо. Какъ гласили надписи, изсѣченныя на двухъ камняхъ, стоявшихъ въ ея притворѣ, кумирня эта была построена въ 12-мъ году правленія Цзя-цина (1807 г.) и исправлена въ 11-й годъ Дао-гуана (1831 г.); помимо сего на камняхъ были начертаны имена жертвователей на возведеніе этой кумирни, съ показаніемъ суммы пожертвованія, самое большее изъ которыхъ не превышало 3-хъ ланъ. Оконныя рѣшетки и двери этой кумирни были выломаны и кумиры стояли открытыми, будучи защищаемы отъ непогоды только навѣсомъ кровли. Въ 9 ч. 10 м. мы миновали вышепомянутое раздѣленіе дорогъ въ Гуй-хуа-чэнъ и отсюда начали попадаться поселки, стоящіе въ полномъ разрушеніи. Во многихъ изъ нихъ глиняные остовы фанзъ цѣликомъ сохраняли еще свои формы, но ни оконъ, ни дверей, ни крышъ у нихъ небыло. Шедшій по дорогѣ поселянинъ объяснилъ намъ это явленіе. Дѣло въ томъ, что неурожаи трехъ предшествовавшихъ лѣтъ довели народъ до крайности. Не имѣя ни хлѣба, ни топлива, они пожгли все дерево, находившееся въ ихъ ба̀йшинахъ; частію продали, а частію побросали свои земли и ушли, куда кому вздумалось. Опустѣніе поселковъ совершалось постепенно. Семья, пришедшая въ разореніе и рѣшавшаяся оставить мѣсто

своего жительства, обыкновенно искала кому бы продать свою землю и тѣмъ временемъ переходила на жительство въ сосѣднюю бѣднѣйшую фанзу, а въ своемъ домѣ выламывала дерево и такимъ образомъ доставляла топливо и себѣ, и своимъ временнымъ хозяевамъ. Порѣшивъ съ домомъ, она уходила куда глаза глядятъ, а черезъ недѣлю таже участь наступала для ея недавнихъ хозяевъ. Этимъ путемъ опустѣли и доведены до разрушенія цѣлыя сотни деревень. Кумирня, въ которой мы не нашли ни дверей, ни оконъ, подверглась той же участи, хотя это уже со стороны проходящихъ хищниковъ. Въ 10 ч. 50 м. мы достигли деревни Лю-ши-эрлъ-хо̄ (六十二號), т. е. «номеръ 62-й», уцѣлѣвшей также только на половину. Меня заинтересовало происхожденіе названія этой деревни. Оказалось, что казна, раздававшая земли здѣшнему, исключительно переселенческому люду, предварительно дѣлила земли на участки и по нумерамъ этихъ участковъ нерѣдко давались и самыя названія деревнямъ. Въ 11 ч. 10 м. мы остановились для отдыха и кормленія лōцзъ въ деревнѣ Цзю-дао-гоу, гдѣ и простояли до половины перваго часа по полудни.

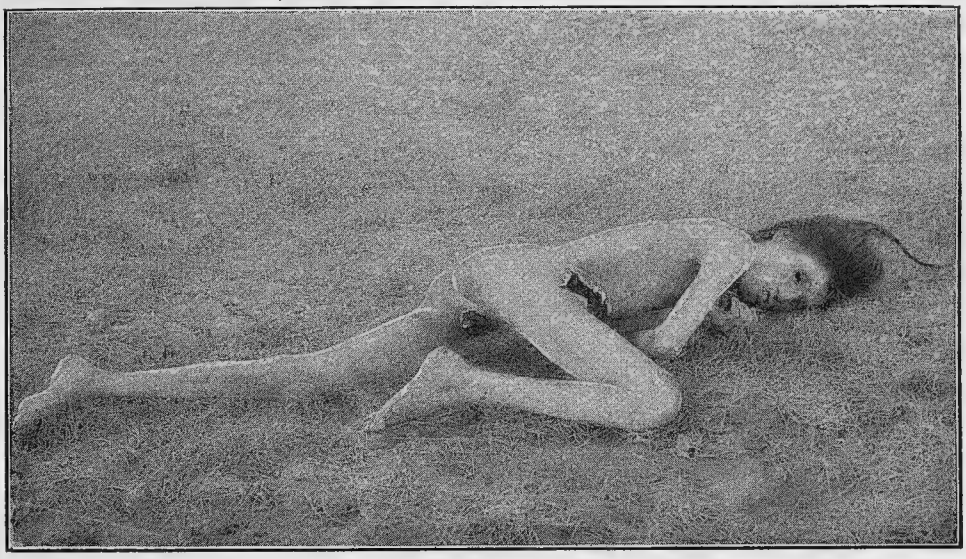
За деревнею Цзю-дао-гоу дорога идетъ по ущелью невысокихъ горъ, а за симъ начинаются горные увалы, мѣстами каменистые, причемъ во многихъ распадкахъ виднѣются небольшія деревни и отдѣльныя фанзы на пашняхъ. Въ 1 ч. 5 м. мы повстрѣчали на дорогѣ опять таки до конца разрушенную и опустѣлую деревню Лю-ши-хо̄-рлъ, за которою начался сначала пологій взволокъ, а потомъ въ 1 ч. 55 м. крутой и каменистый перевалъ черезъ горы Но-бо-шань. На вершинѣ этого перевала стоитъ кумирня и при ней каменописные памятники, свидѣтельствующіе о томъ, что дорога здѣсь была исправлена, на средства поселеній Чжангòра, Лунъ-шэнъ-чжуан'а и Цюань-цзю-чжо, въ 22-мъ году правленія Дао-гуана (1842 г.). Почти непосредственно по спускѣ съ Но-бо-шань по дорогѣ начинается новый перевалъ, имя котораго мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Перевалъ этотъ труденъ только потому, что очень песчанъ и горы здѣсь не только тѣ, по которымъ проходитъ дорога, но и лежащія окрестъ ихъ тоже песчаныя. Выступивъ изъ этихъ песковъ, мы ѣхали около 10 ли по равнинѣ до поселенія Лунъ-шэнъ-чжуанъ, котораго достигли въ 3 ч. 15 м. дня.

Лунъ-шэнъ-чжуанъ, одно изъ самыхъ значительныхъ поселеній по калганско-гуй-хуа-чэнскому тракту, располагается по обѣимъ сторонамъ рѣчки Нань-би-хэ и раскинулось на множествѣ отдѣльныхъ холмовъ, что придаетъ ему чрезвычайно оригинальный характеръ. Большинство домовъ его съ громаднѣйшими глинобитными оградами походитъ на какіе то склады. Торговля по открытымъ лавкамъ сосредоточена въ западномъ

краю поселенія, причемъ присутствіе здѣсь опіумныхъ курилень и устройство отдѣльнаго рынка для продажи самыхъ мелочныхъ товаровъ на лоткахъ ясно показываютъ на развитіе здѣсь мелочного торга. Дѣйствительно, Лунъ-шэнъ-чжуанъ съ одной стороны находится неподалеку отъ чахарскихъ кочевьевъ, а съ другой — черезъ него проходитъ путь изъ Монголіи въ У-тай-шань, по которому ежегодно движутся тысячи богомольцевъ. Всѣ они привыкли смотрѣть на Лунъ-шэнъ какъ на мѣсто, гдѣ могутъ быть восполнены всѣ, открывшіяся на пути незначительныя нужды, отсюда то и вытекаетъ обиліе здѣсь мелочной торговли. Но не въ одномъ этомъ значеніе Лунъ-шэн'а. Чахары и монголы постоянно пригоняютъ сюда массу лошадей, скота и особливо овецъ и продаютъ ихъ мѣстнымъ прасоламъ, ведущимъ свое дѣло уже съ Китаемъ и особливо съ Пекиномъ. Столичные мясные торговцы можно сказать еженедѣльно выгоняютъ отсюда тысячные гурты барановъ и это рѣшительно во всякое время года. Тѣ громадныя ограды домовъ, которыя поразили меня при въѣздѣ въ городъ, принадлежали именно мѣстнымъ прасоламъ. Монголы, пригоняющіе сюда свой скотъ незначительными гуртами, обмѣниваютъ его на хлѣбъ, чай, бумажныя ткани и т. п. Отсюда Лунъ-шэнъ служитъ мѣстомъ для продажи хлѣба окрестнымъ населеніемъ и вообще торговля въ Лунъ-шэнъ-чжуанѣ весьма порядочная и разнообразная. Мѣстные китайцы называютъ Лунъ-шэнъ-чжуанъ — Лунъ-шэнъ-цзо-ръ, у монголовъ же онъ извѣстенъ подъ именемъ Лунъ-синъ-хото.

Отъ Лунъ-шэнъ-чжуан'а гуй-хуа-чэнская дорога направляется на сѣверъ, въ обходъ озера Хань-хай-цза. Озеро это лежитъ въ котловинѣ, окруженной горами и имѣетъ не менѣе 10 верстъ въ окружности; вода въ немъ горькосоленая и непригодная для питья, а дно весьма илисто. Направившись по подножіямъ и скатамъ горъ, окаймляющихъ озеро, мы въ 3 ч. 50 м. въ одномъ изъ овраговъ увидали еще страшные результаты здѣшняго голода. Это былъ трупъ человѣка, умершаго голодною смертью. Человѣкъ этотъ былъ, очевидно, еще молодой, едва-ли достигшій 30 лѣтняго возраста. Голодный и совершенно нагой бродилъ онъ, напрасно ища подаянія, пока ни упалъ изнеможенный на этомъ мѣстѣ своей смерти. Поза покойника ясно рисовала эту картину. Истощеніе его было такъ велико, что въ тѣлѣ его не осталось, кажется, ни фунта мяса; это были кожа и кости въ полномъ смыслѣ этого слова. Собаки, не болѣе находящіе себѣ пищи у здѣшнихъ хозяевъ, чѣмъ и этотъ нищій, нападали на трупъ его, но и они не нашли въ немъ для себя никакой наживы и могли выгрызть у него только желудокъ, оставивъ все прочее не тронутымъ. Страшная, но вмѣстѣ и поучительная картина для синологовъ, рекомендую-

щихъ намъ поучаться китайскимъ принципамъ жизни. Далѣе почти вся наша дорога проходила среди холмистой мѣстности, съ чрезвычайно рѣд-



Умершій съ голоду.

кимъ, для Китая, населеніемъ: мы повстрѣчали только двѣ полуразрушенныхъ деревни и именно въ 4 ч. 15 м. деревушку Сань-хо и въ 5 ч. 35 м. Гунъ-дао-цзоръ. Въ 6 ч. вечера добрались до деревни Ху-дō-жо, гдѣ остановились для ночлега. Мѣста въ жилыхъ помѣщеніяхъ здѣшняго постоялаго двора были уже всѣ заняты, и намъ очистили не жилую фанзу, выгребя изъ нея, т. е. собственно съ ея кана, предварительно кучу наваленнаго для просушки навоза.

5-е Марта. Пятница.

6 ч. —5°; 9 ч. +3½°; 12 ч. +9°; 3 ч. +10°; 6 ч. +2°; 9 ч. —4½°.

Выѣхали въ 7 часовъ. Утро было сумрачное и взошедшее солнце еле еле пропускало свои лучи сквозь сѣровато-бѣлесыя облака. Дорога потянулась по неприглядным обрывистымъ лёссовымъ уваламъ, индѣ смѣняясь каменистыми долинами. Окрестныя поля распаханы, но многія изъ нихъ, очевидно, уже оставлены разбѣжавшимся людомъ. Черезъ 25 м. проѣхали на половину разрушенную деревушку, носящую то же имя Хȳ-дао. Мѣстные жители объяснили намъ, что, въ сущности, это одна деревня съ тою, въ которой мы ночевали; настоящій же особый поселокъ ея образовался лишь въ видахъ большаго удобства, — близости къ пашнямъ. Дѣйствительно, когда-то, а можетъ быть и очень недавно, человѣкъ старался

здѣсь быть поближе къ своей землѣ и отдавалъ ей всѣ свои силы. Близъ пашень и у самой дороги лежатъ груды камней, саженей по 6 длины и сажени по двѣ, а то и больше вышиною. Все это собрано трудолюбивыми поселянами съ полей въ видахъ ихъ очистки и все это не спасло ихъ отъ голода. Въ 9 ч. 5 м. мы проѣхали деревню Гэй-хо-ва: изъ семи дворовъ ея три заняты большими гостинницами для проѣзжающихъ и одинъ представляетъ собою постоялый дворъ для прохожихъ. Въ 10 ч. добравшись до деревни Юй-шанъ-чжуапъ, мы остановились здѣсь полдничать и стояли до 11 ч. 40 м.

За Юй-шанъ-чжуаномъ дорога проходитъ также по холмистой и песчаной мѣстности, съ довольно рѣдкимъ населеніемъ: изрѣдка по сторонамъ намъ виднѣлись незначительныя деревушки, на самой же дорогѣ первую деревню мы повстрѣчали только въ 2 ч. 20 м.; она называлась Цзуань-цзя-цзо-ръ. За нею начались каменистыя горы, перевалъ черезъ которыя напомнилъ намъ «Лао-лунъ-бэй» пекинскаго тракта. Страшные валуны лежатъ на самомъ пути, а избитыя колеи дороги дѣлаютъ ее похожею на весеннія зажоры въ тундрахъ. И никому нѣтъ дѣла до исправленія этого пути даже въ ту пору, какъ тысячи людей умираютъ съ голода, не находя себѣ никакой работы! Съ вершины помянутаго перевала намъ открылся видъ на долину большой рѣки, которая въ просторѣчіи мѣстныхъ поселянъ извѣстна подъ именемъ Да-хэ. Въ линіи дороги рѣка эта оказалась теперь невозможною для переправы, такъ какъ средина ея уже вскрылась, а по бокамъ лежали толстые пласты льда; мы должны были посему направиться вверхъ по ея теченію, гдѣ рѣка еще была покрыта льдомъ и, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ тракта, переѣхали на правый берегъ ея по льду. Отсюда оставалось уже не болѣе 8 ли до города Фынъ-чжэна и дальнѣйшій путь былъ совершенъ нами у самаго берега рѣки по дорогѣ сравнительно, но только сравнительно, сносной. Здѣсь въ 3 ч. 35 м. намъ попался каменописный памятникъ, который сообщалъ, что эта дорога по берегу рѣки Линъ-хэ исправлена Фынъ-чжэнскими торговцами въ 10-й годъ правленія Сянь-фына (1861 г.). Такимъ образомъ, оффиціальное названіе этой рѣки было не Да-хэ, а Линъ-хэ. Отсюда, миновавъ пригородную деревеньку Цё-лё-гоу, мы прибыли въ Фынъ-чжэнъ въ 4 ч. пополудни и остановились здѣсь для ночлега, такъ какъ въ пунктѣ этомъ стоило постоять подольше.

Фынъ-чжэнъ (豐 鎮) самый значительный изъ всѣхъ городовъ между Калганомъ и Гуй-хуа-чэномъ какъ по количеству народонаселенія, такъ равно по своей мѣстной и вывозной торговлѣ. Городъ обнесенъ невысокой, глинобитной стѣной, а внутри большая часть улицъ его выстлана камен-

ными плитами. По всегдашнему обычаю, плиты эти невыразимо избиты телѣгами, оттого ѣзда по нимъ просто мучительна. Въ городѣ не мало каменныхъ домовъ, кумирень и театровъ, сложенныхъ частію изъ обожженаго кирпича, а частію изъ тесанаго дикаго камня; но все это крайне грязно, а потому имѣетъ непривлекательный видъ. Лавки снаружи вообще кажутся очень небольшими и бѣдными; тѣмъ не менѣе въ нихъ, какъ и на улицахъ, видна весьма оживленная торговля и дѣятельность. На рынкѣ масса мелочного товара; тутъ же за своею работою сидятъ брадобреи, сапожники и портные. Крайне удручающее впечатлѣніе производитъ только поразительное обиліе здѣсь нищихъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ.

На всемъ пространствѣ между Калганомъ и Гуй-хуа-ченомъ, да и далѣе къ сѣверу по Монголіи, Фынъ-чжэнъ славится обиліемъ такъ называемаго «лӯ-гор'а», подъ каковымъ именемъ извѣстны шаньсискія торговыя фирмы, промышляющія извозомъ товаровъ на телѣгахъ, запряженныхъ быками. Въ этомъ отношеніи Фынъ-чжэнъ имѣетъ значеніе и для Россіи, такъ какъ ежегодно не менѣе 12,000 мѣстъ русскаго чая перевозится изъ Калгана до Урги «лӯгорами». Собранныя мною свѣдѣнія о «лӯгорахъ» представили положеніе ихъ въ слѣдующемъ видѣ. Перевозкою чаевъ въ настоящее время занимается, главнымъ образомъ, десять фирмъ, изъ коихъ самыми надежными считаются: 1) Фу-хо-чэнъ (復合成), отправляющая 300 телѣгъ; 2) Фу-синъ-юнъ (福興永)—300 телѣгъ; 3) Фу-юань-дянь (復元店)—300 телѣгъ; и 4) Гуанъ-шэнъ-дянь (廣盛店)—также 300 телѣгъ; изъ остальныхъ—фирмы: 5) Чунь-хо-хо (崇和合); 6) Тянь-хо-шэнъ (天合勝); 7) Тянь-тай-юнъ (天泰永); 8) Чунь-хо-тай (崇和泰); 9) Хэнъ-цинъ-дянь (恆慶店) и 10) Фу-хо-юнъ (復合永) отправляютъ каждая по 150 телѣгъ. Слѣдовательно всего лӯгора имѣется въ Фынъ-чжэнѣ въ настоящую пору около 2,100 телѣгъ и это исключительно для перевозки чая. Съ перваго раза кажется поразительнымъ это однообразіе числа выставляемыхъ телѣгъ, но дѣло здѣсь въ томъ, что китайцы, по заведенному у нихъ обычаю, ввѣряютъ каждому своему повѣренному 150 быковъ и телѣгъ, не больше и не меньше этого числа; оттого, сколько имѣетъ фирма повѣренныхъ для чайнаго дѣла, столько считаетъ она и полуторасотенъ телѣгъ. Монголы, привыкшіе къ тому, что китайскіе повѣренные ѣздятъ въ палаткахъ, или мàйханахъ, начали смѣшивать это понятіе и говорить, что такая то фирма высылаетъ одинъ мàйханъ, т. е. одного повѣреннаго. Смѣшеніе это получило такое право гражданственности, что слово «мàйханъ» перешло въ торговый терминъ и теперь употребляется даже въ оффиціальномъ юридическомъ языкѣ договоровъ: подрядить у фирмы одинъ «мàйханъ» — значитъ нанять у нее

150 телѣгъ, запряженныхъ быками. Нѣтъ сомнѣнія, что каждая изъ означенныхъ фирмъ могла бы выставить отъ себя вдвое и втрое большее количество телѣгъ, равно какъ можно найти «лӯгора», и не принадлежащаго этимъ фирмамъ; но китайцы, указывая, что такая то фирма можетъ выставить одинъ или два мàйхана, имѣютъ въ виду не только способность фирмы перевезти извѣстное количество чаевъ, но и принять на себя отвѣтственность по ихъ доставкѣ; поэтому, если говорится, что фирма Фу-хочэнъ можетъ выставить два мàйхана, или 300 телѣгъ, т. е. перевезти 1200 цибиковъ чаю, то это значитъ, что она не затруднится обезпечить его сохранность и принять на себя уплату его стоимости въ случаѣ его потери, или окончательной порчи. Фынъ-чжэнскіе лӯгоры, подряжающіеся перевезти чай изъ Калгана въ Ургу, на обратный путь закупаютъ въ Ургѣ строевой лѣсъ и деревянныя издѣлія и везутъ ихъ до Фынъ-чжэна; по этой причинѣ цѣны, взимаемыя ими за доставку чая, находятся въ нѣкоторой зависимости отъ цѣнъ, стоящихъ на дерево въ Монголіи и Китаѣ. Китайцы, нанимающіе «лӯговровъ» для перевозки чаевъ, всегда принимаютъ въ соображеніе эти цѣны и, если лѣсъ въ Ургѣ дешевъ, даютъ дешевле за перевозку чая, а «лӯгоры» соглашаются на эти низкія цѣны, такъ какъ потерю на провозѣ чаевъ они вознаграждаютъ на покупкѣ лѣса. Въ случаяхъ низкой платы за перевозъ чая и высокихъ цѣнъ на лѣсъ, фынъчжэнскіе «лӯгоры» вовсе не ѣздятъ въ Ургу, а занимаются или перевозкою гучжѝра въ Калганъ, или же сами направляются за покупкою соли къ озеру Ирѣнъ-нӯръ (китайцы зовутъ его Эрлѝнъ-нӧръ), въ кочевьяхъ Барӯнъ-сунѝтовъ. За этимъ продуктомъ они выѣзжаютъ обыкновенно изъ Фынъ-чжэна въ 6-й лунѣ, везя съ собою для монголовъ будӯ, чай и бумажныя ткани. На эти товары они пріобрѣтаютъ у сунѝтовъ соль; покупая же ее на деньги, расчитываютъ уплату не свыше 70 чеховъ за доу. По доставкѣ этой соли въ Фынъ-чжэнъ, «лӯгоры» продаютъ ее спеціальнымъ солянымъ торговцамъ. Фирмъ, занимающихся спеціально солянымъ дѣломъ, считается въ Фынъ-чжэнѣ шесть или семь, но обороты ихъ не особенно велики. Всего къ нимъ приходитъ въ годъ до 2,000 телѣгъ, что составитъ приблизительно около 1,200,000 гиновъ соли. Соль продается въ Фынъ-чженѣ по 600 чеховъ за доу, вѣсомъ въ 40 гиновъ, и, слѣдовательно, общій оборотъ соляной торговли здѣсь не свыше 250,000 руб. сер.

Помимо соляной торговли и перевозки тяжестей въ Фынъ-чжэнѣ собирается еще изъ Монголіи шерсть, кожи и овчины, которыя сбываются отсюда въ Да-тунъ-фу, Тянь-цзинъ и другія мѣста Китая; но торговля эта составляетъ собою, такъ сказать, уже побочное занятіе для здѣшнихъ купцовъ особливо въ послѣдніе годы, когда торговыя сношенія ихъ съ Мон-

голіей замѣтно сократились. Главнѣйшею причиною этого сокращенія необходимо признать изъ года въ годъ повторяющіеся въ Шань-си неурожаи, при которыхъ вывозъ въ Монголію хлѣба, одного изъ главнѣйшихъ предметовъ торговли для Фынъ-чжэнскихъ купцовъ, сдѣлался буквально невозможенъ. Въ истекшемъ году изъ Фынъ-чжэна выѣзжали въ Монголію для торговли только двѣ фирмы: Фу-хо-чэнъ (復合成) и Тянь-хо-шэнъ (天合勝) и посѣщали хошуны: Цзўнъ-сунйтовъ, Барўнъ-сунйтовъ и Абага. Выѣздъ ихъ обычно совершается въ 3-й лунѣ, а возвращеніе изъ Монголіи въ 9-й, или 10-й лунѣ. Каждая фирма посылаетъ отъ себя по 7—10 приказчиковъ, снабжая ихъ по преимуществу бумажными тканями, желѣзнымъ товаромъ, чаемъ. Сами Фынъ-чжэнскіе торговцы чая не выписываютъ изъ Ханькоу, а пріобрѣтаютъ его отъ калганскихъ фирмъ въ Да-тунѣ, при чемъ чай этотъ послѣ оплаты его ли-цзиномъ въ проходѣ Дэ-шэнъ-коу, не подлежитъ уже никакимъ пошлинамъ, равно какъ Фынъ-чжэнскіе торговцы, вывозя чай въ предѣлы Монголіи, не обязываются брать для сего какихъ либо особыхъ свидѣтельствъ, или такъ называемыхъ «пяо».

Цѣны на предметы первѣйшей необходимости въ Фынъ-чжэнѣ стоятъ довольно высокія, а именно: мука — 64 чехи за гинъ; просо за доу въ 28 гиновъ — 1,400 чеховъ; баранье мясо — 60 чеховъ за гинъ; лукъ — 30 чеховъ за гинъ; лапша (гуа-ми) мѣстнаго приготовленія — 100 чеховъ за гинъ.

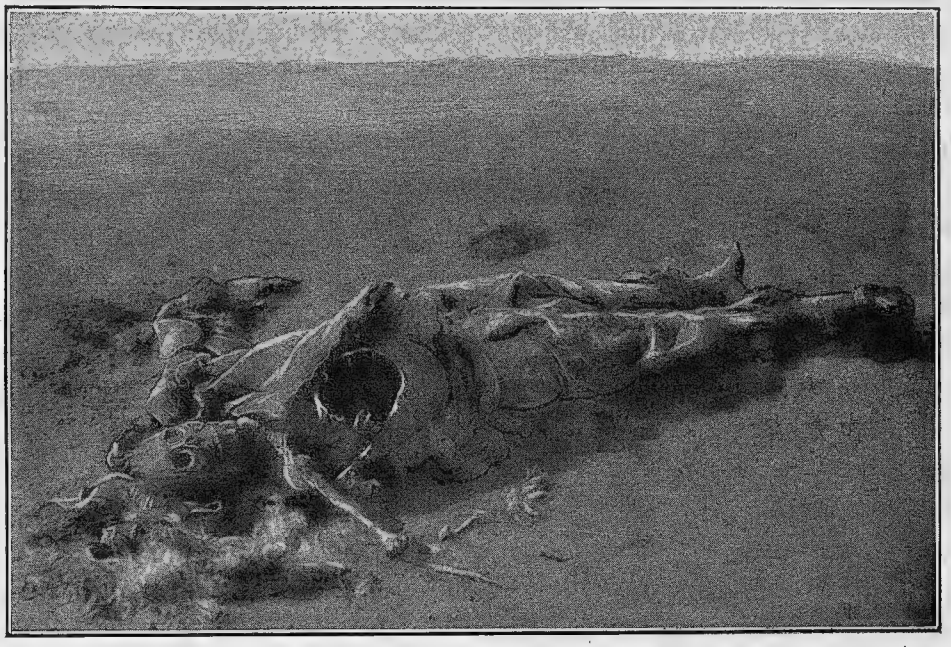
Счетъ чеховъ здѣсь также другой, при которомъ за 100 чеховъ выдается дѣйствительныхъ монетъ только 84. — Монголы зовутъ Фынъ-чжэнъ — Ямынь-коу.

6-е Марта. Суббота.

6 ч. —4°; 9 ч. —2½°; 12 ч. +4°; 3 ч. +9½°; 6 ч. +1°; 9 ч. —5°.

Часовъ съ двухъ ночи и цѣлое утро дуетъ страшный востоко-сѣверо-восточный вѣтеръ. Мы двинулись въ путь въ 7 ч. 15 м. и поѣхали отъ Фынъ-чжэна почти прямо на западъ. Окрестности дороги казались громаднѣйшею неразработанною степью; впрочемъ, всматриваясь ближе и внимательнѣе, можно было замѣтить, что земля здѣсь культивирована и несомнѣнно представляетъ собою два или три года тому назадъ оставленныя пашни. Лёссовая почва, кажется, гораздо скорѣе чернозема уничтожаетъ слѣды человѣческаго труда. Дорога вообще крайне однообразна: она проходитъ по этимъ покинутымъ полямъ и только кое гдѣ по сторонамъ вдали виднѣются человѣческія жилища. Въ 9 ч. 40 м. мы снова наѣхали на трупъ человѣка, умершаго голодною смертью. Мой ямщикъ,

бывшій по происхожденію изъ Фынъ-чжэна, говорилъ, что онъ видѣлъ этого покойника еще мѣсяца полтора тому назадъ на городскихъ улицахъ



Умершій отъ голода.

то просящимъ милостыню, то исполнявшимъ мелкія, черныя работы у жителей. Эта тяжелая встрѣча случилась для насъ почти на берегу рѣки, которую мѣстные жители зовутъ Сяо-хэ-цза и которая, вѣроятно, имѣетъ еще особое оффиціальное собственное имя, подобно тому какъ рѣка, называемая ими Да-хэ, именуется собственно Линъ-хэ. Сяо-хэ, рѣчушка не свыше 3-хъ саженей въ ширину, впадаетъ въ Линъ-хэ неподалеку отъ Фынъ-чжэна. Въ линіи нашей дороги крестьяне неподалеку стоящаго отсюда поселка Эр-дō-чō-цза устроили черезъ Сяо-хэ мостикъ, черезъ который мы переѣхали, уплативъ за сіе по 5 чеховъ съ телѣги. Отъ береговъ рѣки начинается пологій подъемъ въ гору, на половинѣ котораго стоитъ деревенька Фынъ-кай-лу. Въ 10 ч. 30 м. проѣхали стоящій еще ближе къ вершинѣ перевала поселокъ Эр-дō гō-цза, одинъ изъ немногихъ, сохранявшихъ видъ зажиточности. Здѣсь имѣется до 40 дворовъ поселянъ; каменная кумирня и театръ стояли въ полной исправности; въ одномъ изъ домовъ надъ дверями висѣли привѣски, обозначающія лавочку, но оказалось, что здѣсь продаютъ только хлѣбъ для прохожихъ путниковъ. Къ 11-ти часамъ вѣтеръ сталъ утихать и термометръ началъ повышаться такъ быстро, что въ теченіе одного часа поднялся на +5°. Въ 11 ч. 10 м. мы

окончательно взобрались на этотъ пологій и длинный, хотя и неособенно высокій перевалъ, именуемый Сяо-ба и съ вершины его передъ нашими глазами снова открылась долина рѣки Сяо-хэ, которая, очевидно, огибаетъ Сяо-ба съ сѣвера. Въ долинѣ этой было раскидано до шести деревень: всѣ онѣ были окружены деревьями и выглядывали изъ нихъ, какъ бы изъ небольшихъ рощицъ; лѣтомъ, вѣроятно, съ вершины этого перевала имѣется чрезвычайно живописный видъ. Первая изъ этихъ деревень, попавшихся намъ на встрѣчу, называлась Ма-чо̄-лё и заключала въ себѣ 16 дворовъ. Верстахъ въ двухъ отъ нея, какъ разъ противъ деревушки Фань-цзя-хўрѣ, существуетъ переправа на лѣвый берегъ рѣки Сяо-хэ и засимъ дорога направляется вверхъ по теченію этой рѣки. Названіе деревни Фань-цзя-хўрѣ представляетъ въ своемъ имени странное смѣшеніе китайскаго языка съ монгольскимъ. О происхожденіи его разказываютъ, что прежде здѣсь былъ одинъ домъ фамиліи Фань, построившій свои жилища за одною большою оградой, которую мѣстные чахары назвали хўрѣ. Въ 12 ч. 45 м. мы достигли деревни Ма-ванъ-мяо, въ которой и остановились для отдыха.

Ма-ванъ-мяо — жалкая полуразрушенная деревушка, и единственное большое и дѣйствительно красивое зданіе представляетъ здѣсь собою кумирня, отъ которой и вся деревня заимствуетъ свое имя. Кумирня эта заключаетъ въ себѣ три отдѣльныхъ храмины: первая срединная посвящена Гуань-ди; вторая съ лѣвой стороны—Лунъ-вану и третья, съ правой—Ма-вану. Осмотрѣвъ эти кумирни, мы въ 2 ч. 10 м. двинулись въ дальнѣйшій путь и тотчасъ же начали подниматься на перевалъ, вершина котораго оказалась увѣнчанною давно уже невиданнымъ нами монгольскимъ обо̄. По спускѣ съ этого перевала пошли длинныя, песчаныя и однообразныя долины, въ которыхъ мы за 2 часа повстрѣчали по разнымъ мѣстамъ 8 человѣческихъ труповъ, хотя и неполныхъ: гдѣ лежали ноги, гдѣ туловище, гдѣ какія либо другія части, — все это жертвы здѣшняго голода. Въ 4 ч. 25 м. миновали 6 полуразрушенныхъ хижинъ деревни Чинъ-луань-цзо-ръ, а черезъ часъ съ четвертью отсюда доѣхали до селенія Тянь-чжэнъ. Оно заключаетъ въ себѣ свыше 100 дворовъ и много лавокъ; но какъ особой производительности здѣсь не имѣется, то торговля въ этихъ лавкахъ ведется только мелочная и существуетъ, очевидно, лишь ради нуждъ окрестнаго населенія. Отъ Тянь-чжена въ направленіи къ Гуй-хуа-чэн'у существуетъ двѣ дороги: южная и сѣверная. По первой изъ нихъ ни торговцы, ни телѣги съ большими возами никогда не ходятъ, такъ какъ дорога эта отличается своею каменистостью и обиліемъ горъ. Начинаясь отъ Тянь-чжэна, она идетъ по чахарской землѣ, безъ китайскаго населенія, черезъ деревни Со-гу-чэнъ и Гунъ-ба-мяо. Отъ этого послѣдняго поселка дорога

дѣлается страшно каменистою на всемъ протяженіи до Нинъ-юань-сяня, черезъ деревню Ся-хо-ди. Нинъ-юань стоитъ въ глубокомъ и тѣсномъ ущельи, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горами, — утесами. Городъ это чисто китайскій, старинный, но, какъ находящійся уже недалеко отъ Гуй-хуа-чэна, неимѣющій рѣшительно никакого коммерческаго значенія, помимо лишь мѣстной торговли. Черезъ него проходитъ большой казенный трактъ на Пекинъ по Внутреннему Китаю. Что касается до дороги на Хўхў-хотò, то тотчасъ же отъ города она слѣдуетъ къ крутому подъему на высокій хребетъ, спускъ съ котораго въ глубокое ущелье продѣланъ на полугорѣ, по уступамъ утеса, отвѣсная высота котораго отъ 20 до 30 саженей надъ дномъ ущелья; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога просто вырублена въ утесѣ. Спускъ по такой дорогѣ тянется почти на 10 ли. За нимъ дорога начинаетъ проходить по дну ущелья, гдѣ протекаетъ довольно быстрая рѣчка, вплоть до выхода изъ ущелья, на разстояніи приблизительно 30 ли, до мѣстечка Си-гоу-мынь. Отсюда дорога поворачиваетъ на сѣверо-западъ и въ сказанномъ направленіи слѣдуетъ черезъ послѣднюю станцію Янъ-гэй-ба до самаго Гуй-хуа-чэна. Такимъ образомъ отъ Тянь-чжэна до Гуй-хуа-чэна существуютъ слѣдующіе пункты остановокъ: Ся-хо-ди — 75 ли; Нинь-юань — 40 ли; Яо-по-ло — 35 ли; Янъ-гэй-ба — 50 ли и Гуй-хуа-чэнъ — 50 ли.

Имѣя въ виду пустынность этого казеннаго тракта я не поѣхалъ по нему, а, собравъ вышеозначенныя свѣдѣнія, направился по сѣверной дорогѣ, которая, говорили мнѣ, съ одной стороны нѣсколько оживленнѣе, а съ другой монгольскій элементъ на ней гораздо ближе соприкасается съ китайскимъ, что составляло особый интересъ. За Тянь-чжэн'омъ по этой дорогѣ разстилается совершенно неразработанная степь, постоянно повышающаяся въ направленіи къ сѣверо-западу. Поднимаясь на эту возвышенность, мы все болѣе и болѣе различали воздвигнутые на находившихся передъ нами горахъ пять башень (тай). Къ какому времени относятся онѣ по своему построенію, мнѣ осталось неизвѣстно, но несомнѣнно, что онѣ существуютъ независимо отъ Великой стѣны. Въ 7 ч. 40 м. мы начали спускаться съ помянутой возвышенности по весьма крутому спуску, ради большей пологости, проложенному извилинами по горѣ. Въ общемъ перевалъ этотъ носитъ названіе Хань-чинъ-ба. Съ него спустились мы въ большую долину Дай-хай-та, съ двумя озерами, тянущимися съ СВ на ЮЗ. На сѣверномъ берегу послѣдняго, т. е. юго-западнаго изъ этихъ озеръ находится деревенька съ тѣмъ же именемъ Дай-хай, въ которой мы и остановились для ночлега.

7-е Марта. Воскресенье.

6 ч. —8°; 9 ч. —1°; 12 ч. +7°; 3 ч. +7°; 6 ч. +1°; 9 ч. —4°.

Выѣхали въ 7 ч. Долина Дай-хай-та у монголовъ носитъ названіе Дайгы̀йнъ-тала̀ и еще недавно составляла чахарскія кочевья. Лѣтъ десять тому назадъ, китайцы, намѣтивъ эти земли, какъ удобныя для хлѣбопашества, возбудили передъ правительствомъ ходатайство объ отчисленіи ихъ отъ кочевыхъ угодій чахаровъ и разрѣшеніи культивировать ихъ, а когда на сіе послѣдовало разрѣшеніе изъ Пекина, то здѣсь и начали селиться китайцы, выходцы изъ Синь-чжоу, провинціи Шань-си. Первые поселенцы именно той деревни, въ которой мы ночевали, явились только лѣтъ 7, или 8 назадъ: они пріобрѣтали свои земли въ собственность, уплачивая фынъ-чжэн'скому я̀муню лишь по 900 чеховъ за квадр. му. По отзывахъ ихъ, земли, лежащія у сѣверо-восточнаго озера, лучше земель, прилежащихъ озеру юго-западному, во 1-хъ потому что при этомъ послѣднемъ озерѣ больше мѣстъ гуджѝрныхъ, а во 2-хъ юго-западное озеро, имѣя у себя плоскія берега, въ періодъ лѣтнихъ дождей сильно разливается и не рѣдко затопляетъ поля.

Въ 8 ч. 5 м. мы миновали сѣверный берегъ юго-западнаго озера, которое въ общей своей окружности имѣетъ не менѣе 60 верстъ. Сѣверо-восточнаго озера мы невидали вовсе: оно скрывается своими высокими берегами и лежитъ въ глубокой лощинѣ. Продолжая далѣе путь по той же долинѣ Дай-хай-та, въ 9 ч. достигли деревни Май-ху-ту, раскинувшейся очень широко, но заключающей въ себѣ едва ли свыше 50 дворовъ; тѣмъ не менѣе дворы эти стоятъ въ порядкѣ и образуютъ большія и широкія улицы. Май-ху-ту обосновалась назадъ тому лѣтъ 15-ть и землю свою мѣстные поселяне пріобрѣтали у китайца Юй-во-лунъ, жительствующаго къ сѣверу отсюда, въ урочищѣ Цага̀нъ-хӯрэ̄нь. Бесѣды о личности и дѣятельности Юй-во-луна выяснили мнѣ существованіе и положеніе здѣсь цѣлаго особаго класса людей, состоящихъ такъ сказать посредниками между китайскимъ правительствомъ и народомъ въ дѣлѣ заселенія и обработки земель, принадлежавшихъ прежде монгольскимъ кочевьямъ. Классъ этотъ носитъ у монголовъ названіе «шо̄-жэнь» (黍 人). Вступаютъ въ него обыкновенно люди чиновные, т. е. тѣмъ или другимъ путемъ пріобрѣтшіе себѣ шарикъ на шляпу, состоятельные, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы располагать капиталомъ въ 15, 20 тысячъ ланъ, и наконецъ люди оборотливые, т. е. какъ предпріимчивые въ своей дѣятельности, такъ и извѣстные въ обществѣ, имѣющіе знакомство въ присутственныхъ мѣстахъ, среди я̀муньскаго чиновничества и пр. Такіе люди, ознакомившись съ мѣстными монгольскими кочевьями и избравъ подходящія земли, возбуждаютъ дѣло о

разработкѣ этихъ земель. Дѣло начинается обычно въ ближайшемъ мѣстномъ ямунѣ въ той формѣ, что такой-то-де чиновникъ, желая посвятить свою дѣятельность на культуру такого то края и приносить пользу правительству взносомъ ли-цзина за земли, нынѣ лежащія пустопорожними, проситъ объ отчужденіи такого то участка, во столько-то му, изъ вѣдомства монгольскихъ кочевьевъ, предлагая за таковое отчужденіе такую-то сумму денегъ съ каждаго му единовременно, и ежегоднаго ли-цзина съ каждаго му столько-то. Начавшись въ этой формѣ, дѣло это обычно восходитъ по различнымъ инстанціямъ до Пекина, причемъ со стороны возбудившаго его чиновника бываетъ нужно не мало ловкости, чтобы провести его въ каждомъ правительственномъ учрежденіи. Если дѣло окончится счастливо и получено будетъ разрѣшеніе на отчужденіе участка, то чиновникъ этотъ становится его шō-жэн'емъ. Прежде всего онъ вноситъ въ казну деньги, причитающіяся съ него за отчужденіе земли; а засимъ раздѣляетъ этотъ свой участокъ на мелкіе участки по 30 или 40 му и объявляетъ по всему уѣзду, или области, объ отдачѣ ихъ въ арендное содержаніе. Являются мелкіе поселяне, которымъ «шō-жэнь» такъ же назначаетъ единовременный взносъ за право пользованія землей и ежегодный ли-цзинъ, который долженъ быть вносимъ поселянами ему — шō-жэню. Конечно, при этомъ «шō-жэнь» не остается безъ барышей. Уплативъ правительству, положимъ, по 900 чеховъ съ каждаго му единовременнаго взноса, онъ можетъ назначить таковой въ свою пользу поселянамъ въ 1200, 1500 и даже 2000 чеховъ; обязавшись вносить правительству ежегодно по 4 фына ли-цзина съ каждаго му, онъ можетъ назначить таковой поселянамъ по 5 фынъ и т. д. При этомъ надлежитъ однако замѣтить, что, принимая на себя тотъ или другой участокъ, «шō-жэнь» беретъ и всю отвѣтственность за него передъ правительствомъ. Если-бы ему не удалось раздать землю поселянамъ, или пришлось отдать только часть ея, онъ все таки обязанъ уплачивать ли-цзинъ за весь участокъ. Очень многіе изъ «шō-жэней», пользуясь нуждами народа, наживаютъ себѣ отъ своихъ аферъ большіе капиталы; другіе, не забывая, конечно, своей пользы, но довольствуясь незначительнымъ процентомъ, становятся истинными благодѣтелями для бѣднаго люда, которому при его средствахъ, конечно, никогда не пришлось бы выхлопотать себѣ у правительства новыя земли.

Продолжая далѣе свой путь по той же долинѣ Ӧмӧнӧ дайгыйнъ-нӯра, мы къ 11 часамъ дня прибыли въ слѣдующую деревню Сань-да-гоу, стоящую почти у самаго ущелья того же имени. Здѣсь намъ повстрѣчался, между прочимъ, каменописный памятникъ, поставленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстными поселянами въ благодарность своему «шō-жэню».

Они восхваляютъ въ этомъ памятникѣ его добродѣтели и благотворительность бѣдному люду. На оборотной сторонѣ памятника выбиты имена участниковъ въ его постановкѣ съ показаніемъ, что каждый изъ нихъ пожертвовалъ на это дѣло по 500 чеховъ.

Оставивъ Сань-да-гоу, въ которой останавливались для полдника, въ 12 ч. 35 м., мы почти непосредственно по выѣздѣ изъ этой деревни вступили въ ущелье Сань-да-гоу, оказавшееся совершенно пустыннымъ: ни клочка земли здѣсь не разработано и жилищъ нѣтъ вовсе. Такой пустынный, и весьма пологій подъемъ тянулся для насъ въ продолженіе $3^1/_2$ часовъ, и только почти на самой вершинѣ перевала мы встрѣтили незначительную деревушку, принадлежащую чахарамъ краснаго съ каймою знамени. Чахары эти занимаются здѣсь хлѣбопашествомъ, хотя поля ихъ такъ незначительны, что мы едва могли усмотрѣть ихъ послѣ долгихъ указаній. Перевалъ, къ которому мы теперь направлялись, чахары называютъ Шанхàйнъ-дабā, китайцы же зовутъ его Сяо-ба-цза. Въ 4 ч. 35 м. мы достигли вершины его, которая замѣчательна, можетъ быть, только въ томъ отношеніи, что служитъ административною границею для чахарскихъ знаменъ хўбō̄тў улāнъ и хўбō̄тў хōхṑ. Спускъ съ этого перевала такой же пологій, но онъ на столько незначителенъ, что къ 5 ч. мы достигли уже долины, положеніе которой, очевидно, гораздо выше Дайгы̀йнъ талà. Дорога отсюда поворачиваетъ прямо на западъ. Сѣверные скаты окрестныхъ горъ были покрыты снѣгомъ. Въ 5 ч. 55 м. мы достигли хотя и довольно большой, но полуразрушенной деревни Да-цунь. Жители ея оказались также выходцами изъ Синь-чжоу и разказали намъ, что тамошнія мѣста представляютъ собою равнину въ большинствѣ очень плодородную. Заставила ихъ выйти оттуда крайняя бѣдность, при которой они рѣшительно не имѣли средствъ къ пріобрѣтенію тамъ земли. Вообще земледѣліе въ долинѣ Синьчжоу на столько выгодно, что земля, которая можетъ быть орошаема, и съ которой можно снимать два сбора, продается тамъ по 70 ланъ за одно му, тогда какъ сухія и лёссовыя поля, гдѣ успѣхъ труда фермеровъ зависитъ отъ количества дождей, и съ которыхъ не можетъ быть снимаемо болѣе одного сбора, стоятъ 10 ланъ за тоже пространство. Орошаемыя поля почти сплошь засѣваются овощами и макомъ и даютъ громадные доходы. Опій продается по 540 чеховъ за ланъ и никуда не вывозится, потому что производимаго едва хватаетъ для мѣстнаго потребленія. Въ такихъ бесѣдахъ съ однимъ изъ Да-цуньскихъ крестьянъ мы въ 6 ч. 35 м. доѣхали до деревни У-ли-па весьма небольшой по объему, но, говорятъ, имѣющей у себя отличный дянь. Въ 7 ч. 15 м., переваливъ отсюда черезъ небольшой увалъ, мы достигли длинно растянувшагося китайскаго поселка Чагàнь-

булу̀нъ, имя котораго, несомнѣнно, передѣлано китайцами изъ монгольскаго Цага̀нъ-булу̀къ, и въ немъ остановились для ночлега.

8-е Марта. Понедѣльникъ.

6 ч. —7½°; 9 ч. +0; 12 ч. +5°; 3 ч. +3°; 6 ч. +1°; 9 ч. —0°.

Утро сумрачное. Выѣхали въ 7 ч. 30 м. Дорога потянулась по ущелью, постепенно понижающемуся на западъ, куда мы направляли свой путь. Ущелье имѣетъ ширины не болѣе 300 саж.; посреди его извивается въ берегахъ, покрытыхъ галькою, рѣчушка Цага̀нъ-булу̀къ, а по обѣимъ сторонамъ ея распаханы узкою полосою пашни, поднимающіяся иногда на боковины горъ. Въ 15 м. ѣзды отъ Цага̀нъ-булу̀на мы снова напали на трупъ умершаго съ голоду нищаго. Про этого человѣка намъ разказы-

Умершій съ голоду.

вали, что еще недавно онъ жилъ въ Цага̀нъ-булу̀нѣ цѣлою семьею, состоявшею, помимо него, изъ его матери, его жены и двухъ сестеръ. Голодъ и бѣдность заставили эту семью прежде всего продать своихъ дѣвушекъ: одну, 14 лѣтъ, за 5 ланъ серебра, другую, 9 лѣтъ, — за 2 ланы. Засимъ умерла съ голоду старуха. Мѣсяца два назадъ отъ этого бѣдняка ушла жена съ какимъ-то отчаяннымъ чаха̀рскимъ ламою, послѣ чего самъ онъ жилъ исключительно подаяніями, ходилъ совершенно голымъ, пока съ не-

дѣлю тому назадъ не увидали его мертвымъ на этомъ мѣстѣ. Вѣроятно, никто не далъ ему пристанища на ночь, и онъ умеръ отъ голоднаго истощенія и мороза. Населеніе по ущелью Цаган̀ъ-булу̀нъ кажется весьма незначительнымъ. Въ 8 ч. 25 м. по дорогѣ попалась жалкая деревенька. Она носитъ названіе Сяо-булунь, т. е. малый ключь, заимствуя такое имя отъ ручья, вытекающаго изъ боковой горной пади ущелья и сливающагося съ Цаган̀ъ-булу̀номъ. Такихъ ручейковъ здѣсь очень много. Направляясь къ одному большому ущелью, по которому шла наша дорога, и вливаясь въ Цаган̀ъ-булу̀нъ, они дѣлаютъ эту рѣчушку все шире и шире, и вскорѣ она разливается почти на все ущелье, едва оставляя мѣсто для пашень и дороги. Деревень, въ смыслѣ жилищъ, сложенныхъ изъ необожженаго кирпича, или глинобитныхъ зданій, здѣсь почти не встрѣчается вовсе, и поселенія идутъ отсюда главнымъ образомъ пещерныя. Таковымъ прежде другихъ представился намъ въ 9 ч. 10 м. поселокъ Хунъ-саба, съ котораге мы тотчасъ же сняли фотографическій снимокъ. Въ 9 ч. 50 м. ущелье

Пещерныя жилища въ Хунъ-саба.

вдругъ расширилось и образовало въ себѣ значительную луговину. Мѣстные жители воспользовались этимъ, чтобы построить здѣсь настоящій поселокъ, носящій названіе Да-юй-шу. Въ селеніи находится до 60 глинобитныхъ дворовъ, да помимо того имѣются еще и пещерныя жилища. Мы насчитали здѣсь до 12 лавокъ, по обѣимъ же окраинамъ поселка находятся двѣ старинныхъ каменныхъ кумирни съ театрами. Тѣ и другіе, очевидно, были когда то построены на широкую ногу, а теперь уже очень обвет-

шали. Отсюда дорога по ущелью дѣлается значительно каменистѣе, но самое ущелье продолжаетъ быть порядочно распаханнымъ и поля его совершенно очищены отъ камней. Въ 11 ч. 30 м. мы достигли трехъ маленькихъ деревенекъ, именуемыхъ однимъ общимъ именемъ Хо-ло-ръ и расположенныхъ одна отъ другой не болѣе какъ на разстояніи 150 саженей. Черезъ полчаса ѣзды отъ послѣдней изъ нихъ остановились для полдника въ селеніи Суй-моу.

Простоявъ ровно $1^1/_2$ часа, мы двинулись далѣе и черезъ 30 м. проѣхали большой поселокъ Дай-чжу-ю-цза. Дорога отъ него идетъ подъ сильнымъ уклономъ. Не смотря на непогоду, на окрестныхъ поляхъ идетъ оживленная дѣятельность: поселяне боронятъ свои пашни и разбиваютъ глыбы слежавшейся земли при посредствѣ такъ называемыхъ «дунъ-цза», т. е. каменныхъ круглыхъ катковъ, заключенныхъ въ продолговатую деревянную рамку и вращающихся вмѣстѣ съ своей желѣзной осью. Въ 2 ч. началъ падать сильный снѣгъ и въ воздухѣ почувствовалась нѣкоторая сырость и охлажденіе, хотя тѣмъ не менѣе пахло весною. Черезъ полчаса миновали селеніе Мяо-гуй-мынь, состоящее исключительно изъ пещерныхъ жилищъ. Во все продолженіе дальнѣйшаго нашего пути вплоть до остановки, снѣгъ падалъ такъ сильно и такими громадными хлопьями, что видѣть окрестностей дороги рѣшительно не было возможности. Скука при такихъ движеніяхъ страшная. Созерцаешь лишь своихъ лōцзъ, да дорожные камни, по которымъ черезъ нѣсколько мгновеній прокатится твое колесо. Снѣгъ падаетъ такъ сильно, что даже попадающіяся деревни видятся какъ бы сквозь густый туманъ. Въ 3 ч. 40 м. мы миновали поселокъ Хўрѣ, не менѣе какъ въ 40 дворовъ, представляющихъ собою какъ глинобитныя, такъ и пещерныя жилища; въ 4 ч. 30 м. попалась полуразрушенная деревня Чжу-цзя вань и, наконецъ, въ 5 ч. 30 м. давно ожидаемая мною деревня Ши-жэнь вань. Въ существѣ дѣла интересовала меня не самая эта деревушка, оказавшаяся заключающею въ себѣ не свыше 30 дворовъ, но я слышалъ, что самое названіе ея произошло отъ находящихся неподалеку отсюда двухъ древнихъ каменныхъ памятниковъ, имѣющихъ форму человѣкообразныхъ статуй (ши-жэнь). Еще съ самаго утра думалъ я фотографировать эти памятники и торопилъ своихъ подводчиковъ; но что можно сдѣлать со снѣгомъ, который валилъ теперь безъ конца? Камни оказались стоящими на южной сторонѣ деревни и, миновавъ послѣднюю, мы увидали фигуры ихъ на пашняхъ по правую сторону дороги. По осмотрѣ это оказались каменныя статуи, изображающія двухъ даосовъ, стоящихъ другъ противъ друга также точно, какъ устанавливаются они въ даосскихъ кумирняхъ. Производить подробный осмотръ было невозможно, ибо хлопья

снѣга залѣпляли и насъ, и статуи. Отъ деревни Ши-жэнь-вань рѣка подходитъ вплотную къ отвѣсно стоящимъ на правой сторонѣ ея скаламъ, и дорога поэтому, обычно, переходитъ на лѣвый берегъ ея, чтобы избѣжать труднаго подъема на гору; но теперь рѣка разлилась почти на все ущелье, бродъ черезъ нее былъ невозможенъ, да и безполезенъ, такъ какъ дорога по лѣвому берегу не представлялась удобнѣе, будучи залита водою. Въ видахъ этого мы должны были подняться на скалы и ѣхать по утесамъ, дорожкою, не свыше двухъ аршинъ шириною, на высотѣ приблизительно 20 саж. Такой дороги было всего версты на три. Далѣе послѣдовалъ опять спускъ въ долину, по которой мы въ полчаса достигли до деревни Май-и-дя-ръ, гдѣ предполагался нашъ ночлегъ. Но не сразу могли мы вступить въ это злачное мѣсто. У кумиреньки, построенной на окраинѣ деревни, имѣется небольшая ложбина. Теперь, какъ и всегда въ періодъ таянія снѣговъ, ложбинка эта наполнилась водою и образовала собою лужу, черезъ которую, говорятъ, невозможно проѣхать. Окружность всей этой лужи не свыше 30 саженей, объѣздъ же ея по полямъ мы дѣлали 45 мин., такъ что въ деревню намъ пришлось въѣхать съ совершенно противуположнаго конца ея. «Да почему же не засыплютъ этой ложбинки?» спрашиваю я, «тогда не было бы лужи и не приходилось бы ни мѣстнымъ жителямъ, ни путникамъ дѣлать такого крюка!» — «А кто же будетъ засыпать? Вѣдь эта земля никому не принадлежитъ?! У каждаго есть свое поле для работы!» — Вотъ отвѣтъ, мѣтко рисующій общественную жизнь Китая.

9-е Марта. Вторникъ.

6 ч. —2°; 9 ч. +3½°; 12 ч. +4°; 3 ч. +4°; 9 ч. —2°.

Выѣхали въ 7 ч. 30 м. утра. На дворѣ пасмурно, небо хмурится, все покрыто снѣгомъ, который шелъ всю ночь и залегъ слоемъ свыше ¼ аршина. Проводники сообщили мнѣ, что неподалеку отъ Май-и-дя-р'а въ направленіи къ ЮВ. вытекаетъ рѣчка Да-хэй-хэ, которая, протекая ли въ 10 южнѣе Хўхў-хотò, впадаетъ въ Хуанъ-хэ близъ Хэ-кў. Дорога наша, очевидно, проходитъ по пашнямъ, но далѣе разсмотрѣть подъ снѣгомъ ничего не возможно. Въ 8 ч. 45 м. мы миновали деревню Тянь-мэй-тэ, хотя и не большую, но, кажется, довольно богатую. Гостинницы въ ней почти сплошь каменныя, обнесенныя большими оградами. Ли въ 20-ти къ сѣверу отсюда мы усмотрѣли высокую башню, именуемую китайцами Бай-та-ръ. Указаніе на ея существованіе мы находимъ въ дневникахъ походовъ Чжанъ-пынъ-гэ, который въ 1687 г. осматривалъ ее и сообщаетъ о ней слѣдующее: «Башня выведена въ семь ярусовъ и высотою достигаетъ 20 чжанъ. Платформа ея имѣетъ видъ нюнюфара и на ней вылѣплены разныя фигуры людей и животныхъ. Башня эта еще выше той, которая находится въ

Пекинѣ, въ кумирнѣ Тянь-нинъ-сы. По стѣнамъ вырѣзаны изреченія изъ священныхъ книгъ Хуа-нянь-цзинъ въ 10 тыс. частей. На башню ведетъ лѣстница, по которой можно взобраться до самаго верха; тутъ по бокамъ вырѣзаны имена тѣхъ лицъ, которыя повѣряли вырѣзанныя буквы. Это было во времена императора Ши-цзуна династіи Цзинь (1161—1190 г.). Между прочимъ мы встрѣтили здѣсь нѣсколько пирамидокъ величиною около дюйма; онѣ сдѣланы изъ глины, но если разломить ихъ, то оказывается въ срединѣ пшеница, или жито. Это приношенія, сдѣланныя благочестивыми людьми, богамъ». Въ виду плохого состоянія погоды я самъ предположилъ заѣхать и осмотрѣть эту башню на обратномъ пути, теперь же, слѣдуя далѣе, мы видѣли передъ собою одни поля вплоть до того, пока въ 11 ч. дня намъ ни попалась деревенька Доголонъ, въ которой мои извозчики остановились для полдника.

Выѣхавъ съ постоялаго двора въ 12 ч. 40 м. дня, мы опять таки продолжали путь по равнинѣ, сплошь обработанной подъ пашни. По сторонамъ отъ дороги было видно нѣсколько деревень, изъ числа которыхъ болѣе привлекаютъ своею величиною «Боцзаръ» (1 ч. 35 м.) и Ми-мяо (2 ч. 50 м.). На самой нашей дорогѣ поселковъ никакихъ не было за исключеніемъ двухъ каменныхъ байшиновъ, обнесенныхъ оградою и одиноко стоящихъ на разстояніи 15 ли другъ отъ друга. Говорятъ, это зданія, устроенныя для остановки проѣзжающихъ чиновниковъ. Только съ трехъ часовъ дня по дорогѣ пошли почти сплошь постоялые дворы, но это мѣсто можно считать уже предмѣстьемъ Хўхў-хотò. Дворы эти теперь всѣ пустовали и главная работа ихъ идетъ зимою, когда въ Гуй-хуа-чэнъ приходятъ монгольскіе извозчики, предпочитающіе обыкновенно жить за городомъ, чѣмъ въ самомъ городѣ. Въ 3 ч. 15 м. мы увидали въ направленіи къ сѣверу Синь-чэнъ, т. е. новый городъ Хўхў-хотò, или собственно хўхў-хотòскую крѣпость и, не заѣзжая въ нее, вступили прямо въ старый городъ. Это было ровно въ 4 ч. пополудни.

III. Гуй-хуа-чэнъ.

Время основанія Гуй-хуа-чэна мнѣ неизвѣстно вточности. По изысканіямъ о. Іакинфа мы знаемъ, что одинъ изъ владѣтелей дома Тоба, по имени Ли-вэй, перекочевалъ отъ Далъ-нора на земли между Калганомъ и Ордосомъ и занялъ мѣстность Чэнъ-ло, которая, говоритъ о. Іакинфъ, по своимъ превосходнымъ пастбищамъ искони служила мѣстопребываніемъ сильныхъ монгольскихъ хановъ, и на которой нынѣ расположенъ городъ

Хўхў-хотò, или по китайски Гуй-хуа-чэнъ [1]). Существовалъ ли однако въ ту пору какой либо городъ на мѣстѣ нынѣшняго Хўхў-хотò, на это указаній не имѣется. Надо думать, впрочемъ, что со временъ Тоба здѣсь было обосновываемо много большихъ и маленькихъ городовъ и что въ періодъ Суновъ на мѣстѣ Хўхў-хотò стоялъ городъ Дянь-чэнъ. Во времена Юаньской династіи Гуй-хуа-чэнъ составлялъ округъ Фэнъ-чжоу [2]), который лежалъ на СВ отъ Нинъ-ся, въ недалекомъ отъ него разстояніи. Въ «Юань-хэ-чжи» говорится: «отъ Фэнъ-чжоу на юго-западъ считается 900 ли до Линъ-чжоу»; послѣдній есть нынѣшній Нинъ-ся. Въ ту пору въ Фэнъ-чжоу былъ окружный начальникъ съ двумя помощниками, и они подчинены были правителю области Да-тунъ-фу (въ Шань-си). Есть основаніе предполагать, что китайскіе императоры дома Юань очень любили и часто посѣщали Фэнъ-чжоу.

Если вѣрить всему записанному въ лѣтописяхъ монголовъ, то время основанія нынѣшняго Гуй-хуа-чэн'а нужно относить къ періоду Минскаго императора Цзя-цина (1522—1567 г.). Въ эту пору славный въ исторіи монголовъ Алтàнъ-хāнъ занялъ со своими тўмэтами мѣстность древней Фэнъ-чжоу и для жительства своего построилъ здѣсь городъ, или вѣрнѣе окруженный стѣнами собственный дворецъ, такъ какъ усвоявшееся этому городу монгольское имя «бàйшинъ» обозначаетъ просто «каменный домъ». Весьма вѣроятно, впрочемъ, что на ряду съ этимъ дворцомъ Алтàнъ-хāна возникли здѣсь и другія постоянныя зданія, что и дало китайцамъ право называть эту ставку Алтàнъ-хāна городомъ. Минъ-ши измѣнила даже его названіе въ Бань-шэнъ (板升), которое однако, несомнѣнно, составляетъ простую транскрипцію монгольскаго имени. Извѣстно, что вся жизнь Алтàнъ-хāна представляетъ собою почти непрерывный рядъ войнъ съ Китаемъ, и несомнѣнно, что именно въ этомъ Бàйшинѣ обсуждались и отсюда предпринимались почти всѣ тогдашніе походы монголовъ на Китай. Такъ длилось до 1570 г., когда китайцы заключили мирный договоръ съ Алтàнъ-хāномъ, при чемъ послѣднему былъ пожалованъ титулъ «шунь-иван'а» и золотая печать, а городъ, въ которомъ онъ жилъ, Бàйшинъ, былъ переименованъ въ Гуй-хуа-чэнъ, что значитъ въ буквальномъ переводѣ «возвращенный цвѣтокъ».

Послѣ заключенія этого мира съ Китаемъ Алтàнъ-хāнъ сдѣлался, какъ извѣстно, ревностнымъ буддистомъ и, въ 1578 году, призвавъ къ себѣ Далàй-ламў, обѣщалъ ему построить въ Хўхў-хотò статую будды изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней.

1) Іакинфъ. Сказаніе о народахъ. Т. I стр. 188.

2) Область Фэнъ-чжоу Танской династіи находилась по р. Хуанъ-хэ.

Преемники Алтàнъ-хāна уже не были такъ могущественны. Еще при сынѣ его, Сэнгэ, тӳмэты начали страдать отъ притѣсненій чахàровъ, а Гартӯ, сынъ этого Сэнгэ-дӯрэнъ-хāна, долженъ былъ, спасаясь отъ чахàрскихъ нападеній, выйти изъ Гуй-хуа-чэн'а и переселиться на востокъ, къ предѣламъ харачѝнскимъ. Часть тӳмэтовъ, не предпринявшая такой перекочевки, осталась на старыхъ мѣстахъ и находилась подъ управленіемъ внука Алтàнъ-хāнова, Омбò хӯнъ-тàйчжія, который продолжалъ жить въ Хӯхӯ-хотò и отсюда въ періодъ около 1633 г. просилъ подданства маньчжурскому императору. Маньчжуры, конечно, приняли тӳмэтовъ, но въ слѣдующемъ же году обвинили Омбò хӯнъ-тàйчжія въ измѣнѣ, а въ 1636 г. уничтожили у тӳмэтовъ родовое управленіе и замѣнили его собственнымъ маньчжурскимъ. Съ этой поры маньчжурскіе императоры постоянно ласкали тӳмэтовъ и относились къ нимъ какъ бы съ особеннымъ довѣріемъ. Гуй-хуа-чэнскіе монастыри постоянно получали щедрые подарки отъ богдохāна; гуй-хуа-чэнскіе лàмы часто откомандировывались маньчжурами для исполненія важныхъ дипломатическихъ порученій. Канси часто посѣщалъ Гуй-хуа-чэнъ и отсюда предпринималъ свои походы въ Монголію. Мы имѣемъ дневникъ одного изъ участниковъ этихъ походовъ, генерала Чжанъ-пынъ-гэ, который посѣтилъ Гуй-хуа-чэнъ въ 1687 г. и дѣлаетъ о немъ слѣдующія замѣтки. «Городъ имѣетъ въ окружности около 3-хъ ли, но только провіантская канцелярія, казначейство и канцелярія начальника войскъ покрыты черепицей и выстроены изъ кирпича; остальной народъ живетъ въ мазанкахъ, и домовъ вообще очень не много . . . . Въ настоящую пору здѣсь находится монгольскій ду-тунъ и его помощникъ; въ ихъ вѣдѣніи состоитъ 8,000 человѣкъ солдатъ . . . На южной сторонѣ около города находится кумирня, построенная въ честь Гуань-лао-ѣ и въ ней жизнеописаніе этого героя въ двухъ частяхъ. Оно хранится здѣсь съ тою цѣлью, чтобы наставлять чужеземцевъ вѣрности, долгу и правдѣ. . . . Около города есть предмѣстье, дома выстроены изъ глины, а далѣе, по окрестностямъ, пахатныя земли военныхъ и простолюдиновъ. Здѣсь постоянно ведется торговля съ чужеземцами и городъ служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, какъ китайскихъ, такъ и заграничныхъ . . . . Вступивъ въ самый городъ, мы увидали здѣсь памятникъ, называемый памятникомъ города Дянь-чэнъ. Вотъ что гласитъ его надпись: «Съ тѣхъ поръ какъ Фэнъ-чжоу была областью прошло уже долгое время. Мѣсто это называлось Цзю-юань-юнь (облако девяти источниковъ) и управлялось прежде тремя высшими сановниками, заключая въ себѣ во всѣ четыре стороны обширное пространство земли. При династіи Цзинь оно находилось подъ управленіемъ «цзѣ-ду-ши», начальника пограничнаго гарнизона, на-

зывавшагося Тянь-дэ-цзюнь. Здѣшніе нравы и обычаи находятся въ первобытной простотѣ и грубости; здѣшніе жители далеки отъ утонченности и обстановка ихъ жизни близка къ природѣ. Почва не отличается тучностью, солончаковата и въ отношеніи къ производительности принадлежитъ къ среднему разряду самаго послѣдняго класса земель [1]). Мѣстоположеніе представляетъ нагорную равнину. Поля и пашни, какъ военныхъ, такъ и простолюдиновъ перемѣшаны между собою, равно какъ и оба эти класса живутъ смѣшанно. Къ югу отъ города находятся слѣды черной рѣчки и остатки зеленаго кладбища; а къ сѣверу, на разстояніи около 30 ли, тянутся въ видѣ полукруга горы, называемыя Ци-лянь-шань, черезъ которыя идетъ старинная кратчайшая дорога. Горные проходы города Дянь-чэнъ также длинны какъ проходъ Инъ-ванъ, и опасны какъ Юй-янь; съ теченіемъ же времени они становились втрое опаснѣе. Отъ Тянь-пинъ городъ находится въ разстояніи 70 ли [2]). Въ древности нѣсколько разъ проходили здѣсь арміи; но разливавшіеся горные потоки останавливали движеніе телѣгъ, и температура такъ рѣзко мѣнялась, переходя отъ холода къ зною и отъ зноя къ холоду, что люди не въ состояніи были переносить ее. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ здѣсь были правителями: областной начальникъ цзѣ-лѣ, окружный начальникъ — го-инь-ву и два помощника послѣдняго — лунъ-чжунъ-юнъ. Собравъ народъ, они заставили его работать и въ непродолжительное время, при искусствѣ и разсчитанности, непроходимыя почти мѣста обратились въ ровную, гладкую дорогу, за что всѣ отправляющіеся на почтовыхъ, ѣдущіе въ телѣгахъ и перевозящіе клади были весьма признательны. Притомъ въ пунктѣ соединенія трехъ горныхъ дорогъ, мѣстѣ наиболѣе важномъ и опасномъ, поставленъ былъ военный караулъ, что навело страхъ на разбойниковъ и до того обезопасило путешествіе купеческихъ каравановъ, что на дорогѣ никто не взялъ бы себѣ потерянаго другимъ, а путники перестали болѣе подвергаться несчастіямъ. Правленія императора Янь-ю (Сунской династіи) 7-го года 11-й луны сдѣлана эта надпись потомкомъ Юй-чжана, по фамиліи Ли-вэнь-хуанъ».

Замѣчательно, что Чжанъ-пынъ-гэ, обращавшій вниманіе на всѣ памятники китайской старины, ни однимъ словомъ не обмолвливается о существованіи въ Гуй-хуа-чэнѣ ламайскихъ кумирень, хотя городъ этотъ, осо-

---

1) Раздѣленіе странъ по ихъ почвѣ сдѣлано еще при императорѣ Юй-ванѣ (3-й по Яо и Шунѣ). Онѣ раздѣлены на три класса: хорошія, посредственныя и плохія; а эти три класса раздѣлены на три разряда: высшій, средній и низшій. Значитъ всего разрядовъ девять, а гуй-хуа-чэн'скія земли относятся къ восьмому изъ нихъ; другими словами, — онѣ плохи, но еще не совсѣмъ.

2) Инъ-ванъ находится въ провинціи Гань-су; Юй-янь — въ западной части провинціи Шань-си; а Тянь-пинъ названіе неизвѣстнаго мнѣ древняго мѣста.

бливо въ ту пору, былъ по преимуществу замѣчателенъ буддійскими монастырями. Монастыри эти приводили въ восхищеніе всѣхъ тогдашнихъ писателей востока, да и изъ европейскихъ путешественниковъ, вплоть до Гюка и Габэ, всѣ обращали на нихъ вниманіе. Мы можемъ сказать, что они и доселѣ еще имѣютъ хотя и отрицательное, но очень важное значеніе въ жизни всего города. Прибывъ въ Хўхў-хотò, я съ перваго же дня началъ свое изслѣдованіе монастырей тѣмъ болѣе, что заводить знакомство съ лàмами удобнѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ классомъ общества.

Ламайскіе монастыри въ Хўхў-хотò не носятъ обычныхъ монгольскихъ названій «хўрē», «сўмэ», или «хѝтъ»; но всѣ они безъ различія называются здѣсь «чжў». Хўхў-хотòскіе ламы считаютъ въ Хўхў-хотò семь большихъ и восемь малыхъ монастырей. Такое дѣленіе опредѣляется у нихъ, кажется, не обширностію монастыря и количествомъ проживающихъ въ немъ ламъ, а извѣстностью его правительству. Сверхъ того надлежитъ замѣтить, что, считая въ Хўхў-хотò 15 монастырей, ламы являются не совсѣмъ точны, ибо такое число принадлежитъ не одному городу, но и тѣмъ монастырямъ, которые, отдѣлившись отъ городскихъ, обосновались въ прилежащихъ Хўхў-хотò сѣверныхъ горахъ. Большіе монастыри въ Хўхў-хотò суть: Дā-чжў, Багà-чжў, Ширēтў-чжў, Пунсўкъ-чжў, Эмчѝ-чжў, Рабчжà-чжў и Хошўни-чжў; монастыри эти извѣстны китайскому правительству, и ламы ихъ долженствуютъ получать жалованье по штату. Къ числу малыхъ хўхў-хотòскихъ монастырей принадлежатъ: Табўнъ-субургà най-чжў (кит. У-та-сы), Цорчжѝ-чжў и Гуанъ-фу-сы, состоящій въ вѣдѣніи Чжанчжà-гэгэ́на; наконецъ, сюда же причисляются монастыри, находящіеся въ сѣверныхъ горахъ: Бандѝта гэгэ́нэй чжў, Эрдэни́ ламà йнъ чжў; Чахàръ ламà йнъ чжў, Цагà нъ ламà йнъ чжў и Ширēтў ламà йнъ чжў.

1) Дā-чжў, или, нѣсколько болѣе по монгольски, Йэхэ́-чжў, есть, кажется, именно тотъ самый монастырь, который былъ построенъ Алтà нъхāномъ согласно обѣщанію, данному имъ Далà й-ламѣ. Въ личныхъ бесѣдахъ мѣстные ламы не могли сказать мнѣ этого съ точностью, памятниковъ же въ монастырѣ не сохранилось никакихъ, помимо одной надписи, отлитой на чугунныхъ львахъ, стоящихъ передъ дверями главной кумирни. Надпись эта гласитъ, что «въ счастливый день 9-й луны 3-го года правленія Тянь-ци, происходящій изъ деревни Би-цао-шо Дай-тун'ской области золотыхъ дѣлъ мастеръ Чэнъ-сань исполнилъ эту пару желѣзныхъ львовъ, по заказу жительствующаго въ Сюй-юань, Омбò хўнъ-тàйчжія» (天啟三年九月吉日大同比草場金火匠人陳三一人成‖温布麻台吉許愿往帖師子一对). Исторически извѣстно только, что храмъ этотъ былъ исправленъ въ года правленія Чунь-

дэ (1636—1662), и въ тоже время ему было пожаловано имя «Цаглашй ўгэй сўмэ», которое и до нынѣ обозначается надъ воротами монастыря, будучи изображено на языкахъ: маньчжурскомъ, монгольскомъ и китайскомъ. Извѣстно также, что въ 36-мъ году правленія Канси (1697 г.), въ бытность цзасакъ-да-ламою Нэйчжи-тойнъ хутухты, кумирню эту, по особому высочайшему повелѣнію, разрѣшено было покрыть желтою черепицею, т. е. ей приданъ былъ видъ императорской кумирни.

Внутри кумирня Йэхэ-чжў носитъ всѣ признаки древняго великолѣпія. По сѣверной главной сторонѣ ея стоятъ громадныя литыя статуи во 1-хъ трехъ Цзў, а за симъ — четвертаго и пятаго далай ламы; по сторонамъ восточной и западной расположены такія же громадныя статуи восьми бодисатвъ и двухъ докшитовъ: Хайнкирва и Очйръ-вани; такимъ образомъ на каждой сторонѣ приходится по пяти статуй. Масса мелкихъ жертвенныхъ принадлежностей обращаетъ вниманіе изяществомъ своей отдѣлки; но поразительнѣе всего являются переднія, деревянныя, лакированныя колонны кумирни, стоящія передъ главною статуею Цзу. Необыкновенно толстыя, онѣ украшены рѣзными фигурами извивающихся драконовъ, изображеніе которыхъ при общей массивности тѣмъ не менѣе блещетъ тонкостью своей отдѣлки. «Бурханай өргө» отдѣлено здѣсь отъ «хурулыйнъ сўмэ» отдѣльною стѣною. Въ хурулыйнъ сўмэ первое мѣсто по сѣверной стѣнѣ занимаетъ громаднѣйшее кресло, которое, говорятъ, встарину было сѣдалищемъ маньчжурскихъ императоровъ; нынѣ, во время хураловъ, его занимаетъ цзасакъ-лама всѣхъ хўхў-хотоскихъ монастырей.

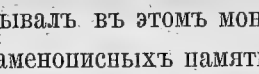
Йэхэ чжў считается главнѣйшею изъ всѣхъ хўхў-хотоскихъ кумирень. Здѣсь имѣетъ свое мѣстопребываніе цзасакъ-лама, управляющій всѣми хўхў-хотоскими монастырями и жалуемый для сего особою печатью отъ богдохана. Во главѣ самаго монастыря стоятъ два цзасакъ-ламы и два даламы. Число ламъ въ Йэхэ-чжў не особенно велико и едва превышаетъ 100; но 80 изъ нихъ, говорятъ, почитаются штатными и состоятъ на жалованьи у китайскаго правительства. Помимо этого главнаго храма Чжў, въ оградѣ его стоятъ кумирни въ честь бурхановъ: Сандўй, Дэмчокъ, Аюши и Чжанрайсэкъ.

Какъ принадлежащая Йэхэ-чжў, но стоящая за отдѣльною отъ него оградою является здѣсь еще кумирня, носящая названіе Цзанканъ и посвященная генію покровителю монастыря. Къ ней съ особымъ почтеніемъ относятся какъ сами йэхэ-цзўскіе ламы, такъ и принадлежащіе къ сектѣ Цзонхавы обитатели Гуй-хуа-чэн'а. Изъ надписей, приклеенныхъ на дверяхъ этой кумирни, видно, что въ 1869 г. гэбкўй здѣшняго монастыря хотѣлъ построить передъ этою кумирнею «тўй-шоронъ»; но, за недостаткомъ

средствъ, посадилъ передъ ея дверями двѣ ракиты, которыя въ настоящую пору разрослись въ прекрасныя деревья. ([illegible]) Изъ другихъ надписей людей свѣтскихъ, особливо военнослужащихъ въ здѣшней крѣпости, видно, что они ежегодно заказываютъ здѣсь хуралы и приносятъ за это особыя пожертвованія. Для образца я списалъ себѣ надпись прошлаго 1892 г., которая гласитъ о пожертвованіи служащими въ крѣпости для здѣшняго сакӯсуна 23,000 чехъ и одной овцы. ([illegible])

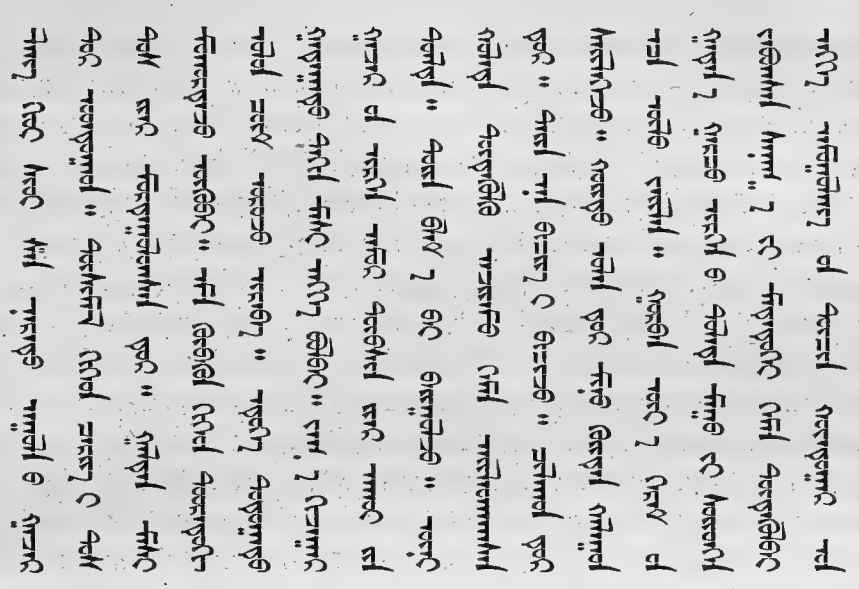
Впрочемъ несмотря на это почтеніе къ кумирнѣ, монастырь Йэхэ-чжӯ не отличается особенною благоустроенностью. Все, что есть въ немъ хорошаго, относится къ старому времени, за послѣдніе же годы кумирня, можно сказать, только приходитъ къ разрушенію. Здѣшніе ламы объясняютъ это упадкомъ благочестія у мѣстныхъ тӯмэтовъ, которые поддались вліянію китайцевъ и совершенно забыли святыню. Дѣйствительно, вліяніе Китая сказывается здѣсь очень сильно, и сами ламы, повидимому, такъ заботящіеся о чистотѣ своей вѣры, допустили у себя страшный китаизмъ. Лѣтъ 15 тому назадъ они предприняли исправленіе наружныхъ стѣнъ кумирни Йэхэ-чжӯ и украсили ихъ живописными изображеніями событій изъ жизни будды. Рисунки взяты изъ біографіи будды на китайскомъ языкѣ, и, конечно, имѣютъ чисто китайскій характеръ; надписи, объясняющія значеніе рисунковъ, тоже китайскія; работали надъ этимъ дѣломъ китайскіе мастеровые. Всѣ изображенія писаны альфреско, по сырому грунту, а потому многія изъ нихъ уже значительно попортились. Встарину никакихъ изображеній на наружныхъ стѣнахъ кумирни Йэхэ-чжӯ не было, и она представлялась просто сложенною изъ дикаго кирпича; теперь ламы жалѣютъ объ уничтоженіи этой простоты и, въ самомъ дѣлѣ, кумирня ихъ уже въ настоящую пору, черезъ 15 лѣтъ послѣ поправки, кажется гораздо хуже, чѣмъ была до поправки, простоявъ около 300 лѣтъ.

2) Кумирня Бага̀-чжӯ была основана Нэйчжи-то̀йнъ хутӯхтою въ

лѣто красноватаго зайца годовъ правленія Канси (1687 г.), при чемъ Нэ̀йчжи тòйнъ въ ту же пору довелъ объ этомъ сооруженіи до свѣдѣнія богдохāна, и послѣдній немедленно пожаловалъ этой кумирнѣ названіе «Буянѝ ундурхакчи сӳмэ̀» (маньчж. ), т. е. «кумирня, возвышающая добродѣтель». Багà-чжӯ находится въ восточной сторонѣ торговаго города, неподалеку отъ кумирни Ширѣтӯ-чжӯ; въ ней, между прочимъ, имѣетъ свое мѣстопребываніе и Нэ̀йчжи-тòйнъ хутухтӯ. По объему своему Багà-чжӯ значительно меньше Йэхэ̀-чжӯ и уже несравненно бѣднѣе его, по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду: она находится теперь почти въ разрушеніи. Мѣстные ламы объясняютъ такое положеніе своего монастыря тѣмъ, что въ немъ нѣтъ хубилгà на, къ которому бы стекался народъ. Дѣйствительно, правившій этимъ монастыремъ Нэ̀йчжи-тòйнъ хутухтӯ умеръ назадъ тому лѣтъ пять. Послѣ того хубилгà нъ его, говорятъ, былъ найденъ гдѣ то у харачѝновъ, но засимъ этотъ новорожденный тоже умеръ, и теперь багà-чжӯскіе ламы не собрались еще искать его новаго перерожденія, да едва ли и соберутся сдѣлать это скоро, такъ какъ въ общинѣ ихъ совершенно не имѣется людей предпріимчивыхъ и энергичныхъ. Всѣхъ ламъ въ Багà-чжӯ считается до 60 человѣкъ, но въ самомъ Хӯхӯ-хотò проживаютъ очень не многіе: большинство ихъ разбрелось по степи и деревнямъ, тѣ же, которые остались въ Хӯхӯ-хотò не живутъ при кумирнѣ, такъ какъ ламскіе бà йшины въ ней развалились, а имѣютъ или свои бà йшины, или же нанимаютъ квартиры въ городѣ. Нечего и говорить, что при условіяхъ такой жизни эти ламы нимало не походятъ на обыкновенную общину буддійскихъ монаховъ. Хурà лы въ Багà-чжӯ совершаются только четыре раза въ годъ, а именно: въ Цагà нъ-сарà, въ 4-й лунѣ, въ 6-й лунѣ и въ 9-й лунѣ.

А между тѣмъ несомнѣнно, что когда то Багà-чжӯ представлялъ собою изрядное мѣсто и пользовался особеннымъ расположеніемъ маньчжурскихъ императоровъ. Канси, неоднократно посѣщавшій Хӯхӯ-хотò, каждый разъ бывалъ въ этомъ монастырѣ и въ концѣ концовъ поставилъ въ немъ два каменописныхъ памятника, въ которыхъ описываетъ свои войны, веденныя съ Галдà номъ. Памятники эти стоятъ посреди двора, по обѣимъ сторонамъ главной кумирни Багà-чжӯ, подъ особыми кіосками, устроенными каждый ввидѣ причудливо изогнутой китайской крыши, воздвигнутой на восьми колоннахъ. Надписи на камняхъ начертаны на четырехъ языкахъ, а именно: на первомъ камнѣ, по правую сторону, на китайскомъ и маньчжурскомъ, а на второмъ, по лѣвую, на тибетскомъ и монгольскомъ. Такъ какъ содержаніе этихъ надписей совершенно одинаково, то мною списанъ былъ только монгольскій текстъ; вотъ его слова:

ولد الحاج عبد الرحمن بن عبد الله بن عبد الرحمن بن عبد الله بن عبد الرحمن بن عبد الله بن



Въ переводѣ это значитъ:

Какъ подумаю я, Хўхў-хотò окружено мѣстами, горами и рѣками древней Фэнъ-чжоу. Искони вѣковъ оно было восхваляемо, какъ лучшая мѣстность. Тòинъ-ламà, возобновивъ старую кумирню, находящуюся на южной сторонѣ крѣпости, сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ, прося пожаловать имя кумирнѣ и я далъ ей названіе «кумирни, возвышающей добродѣтель». Въ зиму года красной мыши (1696 г.) я, при отправленіи повоевать ӧлӧтскаго Галдàна, заѣзжалъ въ Хўхў-хотò и останавливался своею ставкою передъ этою кумирней. Кумиренныя зданія удивительно хороши; воздвигнутыя (въ нихъ) фигуры буддъ блаженны и прекрасны; поэтому я, приказавъ повѣсить (въ кумирнѣ) разноцвѣтныя украшенія, положилъ здѣсь лично мною надѣвавшіеся шлемъ и панцырь, лукъ и стрѣлы, которые я держалъ при себѣ, колчанъ и футляръ для лука, которые я пристягивалъ. Обстоятельства, при которыхъ выходилъ я съ войсками за Великую Стѣну, слѣдующія: Когда халхасы и ӧлӧты, разсорившись, начали между собою войну, я не былъ въ силахъ смотрѣть, какъ уничтожаются массы народа и послалъ къ нимъ посла, приказавъ прекратить брань и войны. Но Галдàнъ, по причинѣ преслѣдованія халхасовъ, переступилъ мои караулы и двигался, причиняя безпокойства хошӯнамъ, въ родѣ Учжумуцѝньскаго. Элбэкъ-цинъ-ванъ далъ сраженіе въ урочищѣ Улàнъ-бутӯнъ и на голову разбилъ Галдàна. Послѣ того, когда Галдàнъ далъ клятву передъ кумиромъ будды, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ поднимать военныхъ дѣйствій, я тотчасъ же возвратилъ войска многихъ дорогъ. Впослѣдствіи однако Галдàнъ снова нарушилъ свою клятву и отправился къ Хэрӯ-

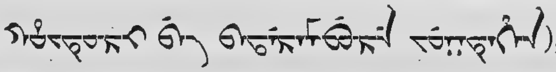
лэ̀ну на свиданіе съ Намчжа̀лъ-то̀йномъ. Въ силу такихъ обстоятельствъ, я въ годъ красной мыши (1696 г.) собралъ большія войска, выступилъ за Великую Стѣну и отправился для военныхъ дѣйствій по средней дорогѣ. Когда достигли мы до Хэрӯлэ̀на, то ӧлӧты, подпаливъ, сожгли припасы своей многочисленной арміи и обратились въ бѣгство. Нарочито отправленныя мною войска западной дороги встрѣтили ихъ въ урочищѣ Цзӯнъ-модо̀нъ и разбили на голову. Дамба̀, Хашига̀ и другіе, собравъ свои массы, пришли въ подданство, а Галда̀нъ бѣжалъ. Зимою я снова, собравъ войска, отправился въ Ордо̀съ и потребовалъ умиротворенія и покорности. Подчиненные Галда̀на, одинъ за другимъ, всѣ вошли въ подданство; но Галда̀нъ не подчинялся; поэтому я въ годъ красноватой коровы, собравъ войска, двинулся въ горы, именуемыя Лань-цзюй-сюй-шань. Когда за симъ я откомандировалъ въ разныя стороны свои войска и офицеровъ, Галда̀нъ, будучи доведенъ до крайности, умеръ. Жена, дѣти и подчиненные его всѣ вошли въ подданство.

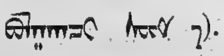
Въ настоящую пору всѣ, обитающіе внутри и внѣ (Великой Стѣны) совершенно успокоились. Такъ какъ пограничные народы живутъ теперь въ мирѣ и спокойствіи, то то̀йны и ламы̀ сдѣлали мнѣ докладъ о томъ, не будетъ ли дозволено, соорудивъ памятникъ, запечатлѣть (воспоминаніе объ этомъ) на болѣе отдаленныя времена. Посему, приказавъ начертать настоящія письмена и выгравировать ихъ на камнѣ, я далъ возможность сохранить воспоминаніе объ этихъ событіяхъ, да вѣдомы будутъ послѣдующимъ потомкамъ мои намѣренія, по которымъ я не уклонялся отъ холода и зноя, но, выходя троекратно за Великую Стѣну, уничтожилъ зло для своего народа.

Средняго лѣтняго мѣсяца лѣта черноватой овцы, 42-го года правленія Канси (1703 г.).

Говорятъ, что всѣ вышепомянутые бранные доспѣхи богдоха̄на Канси доселѣ хранятся въ Бага̀-чжӯ и выставляются на общій показъ VI-й луны 12-го числа, когда въ Бага̀-чжӯ совершается особенно торжественный хура̀лъ.

У кумирни «Бага̀-чжӯ» имѣются еще приписные монастыри. Первый изъ нихъ, извѣстный подъ высочайше пожалованнымъ ему именемъ: «Са̀йнъ-барилдулга̀-сӯмэ̀» (маньчж. [illegible]). Монастырь этотъ располагается къ ЮВ отъ Хӯхӯ̀-хото̀, при горѣ Дангна̀-усу̀, но, когда именно онъ былъ построенъ и какимъ образомъ было исходатайствовано ему высочайшее пожалованіе имени, объ этомъ не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Относительно второго монастыря, находящагося на главной улицѣ Хухӯ-хото̀, въ разстоянiи какихъ нибудь 500 шаговъ отъ Бага̀-чжӯ, извѣстно, что онъ былъ построенъ на средства нѣкоей Чжанъ та̀й-тай, супруги какого-то тӯмэтскаго чжа̀лани цзангѝна, и принесенъ въ даръ Чжанчжа̀ хутухтѣ̀. Послѣднiй въ 30-мъ году правленiя Цянь-луна выхлопоталъ у богдоха̄на почетное прозванiе этому монастырю «Буянӣ-дэльгэрэгӯлӯхчѝ сӯмэ (маньчж. ), но это не спасло его отъ гибели, и теперь монастырь этотъ стоитъ въ полномъ разрушенiи.

3) Ширѣтӯ чжӯ является въ настоящую пору безспорно самымъ обширнымъ изъ всѣхъ хухӯ-хото̀скихъ монастырей, какъ по количеству живущихъ при немъ ламъ, такъ и по обилiю находящихся въ немъ построекъ. Время первоначальнаго основанiя этого монастыря, кажется, совершенно забыто; извѣстно только, что въ 35 году правленiя Канси (1696 г.) Ширѣтӯ-хутухтӯ возстановилъ бывшую здѣсь прежде старую кумирню и доложилъ объ этомъ богдохану, который пожаловалъ этому новому монастырю имя «кумирни, всегда совершающей счастiе» (). Ширѣтӯ чжӯ находится на южной сторонѣ Хухӯ-хото̀ской крѣпости, почти на ряду съ кумирней Йэхэ-чжӯ, — не болѣе какъ въ 100 шагахъ къ В. отъ нея. Въ ней обосновалъ свое мѣстопребыванiе Ширѣтӯ хутухтӯ, явившiйся нынѣ въ 19-мъ своемъ перерожденiи. Онъ имѣетъ теперь отъ роду 17 лѣтъ и года четыре тому назадъ уѣхалъ въ Гумбӯмъ для изученiя цанѝта. Ширѣтӯ-гэгэнъ считаетъ у себя до 1,000 душъ шабина̀ровъ.

Встарину Ширѣтӯ-чжӯ, подобно предшествовавшему монастырю Бага̀-чжӯ, пользовался благосклонностью маньчжурскихъ богдоха̄новъ. Въ оградѣ его также находятся два каменописныхъ памятника, поставленныхъ въ царствованiе императора Канси. По времени своей постановки они относятся совершенно къ той же эпохѣ, какъ и камни монастыря Бага̀-чжӯ, т. е. къ 42-му году правленiя Ка̀нси, средней лѣтней лунѣ, года черноватой овцы. Формы тѣхъ и другихъ камней совершенно одинаковы, надписи начертываются на тѣхъ же четырехъ языкахъ: китайскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ и монгольскомъ, и даже содержанiе этихъ надписей слово въ слово повторяетъ одна другую за соотвѣтствующими измѣненiями относительно именъ, какъ строителей монастырей, такъ и собственныхъ ихъ названiй и за выпускомъ, конечно, того отличнаго пожертвованiя, которое сдѣлалъ Канси въ Бага̀-чжӯ. Въ настоящее время кумирня Ширѣтӯ-чжӯ блещетъ своимъ убранствомъ и яркостiю красокъ,

хотя, слушая обо всемъ этомъ разказы ламъ, невольно припоминаются слова Фамусова:

«Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью».

Говорятъ, что до 1887 года Ширѣтӯ-чжӯ ни чѣмъ не отличалось отъ другихъ кумирень, но случившійся въ этомъ году пожаръ уничтожилъ здѣсь жилище гэгэ̀на, всѣ зданія казначейства и наконецъ сильно попортилъ кумирни. Благодаря этому обстоятельству, два года тому назадъ монастырь и главная кумирня его были отдѣланы заново. Теперь вся передняя сторона кумирни облицована глазированнымъ кирпичемъ въ формѣ продолговатыхъ четырехугольныхъ кафель темно-зеленаго цвѣта, въ которыя по бокамъ вставлены изображенія драконовъ въ медальонахъ изъ желтой глазированной черепицы. Тою же желтой черепицей выдѣланы рамы у дверей кумирни, въ которыя вставлены изображенія съ одной стороны Сансары̀йнъ-хӯрдэ̀, а съ другой хото̀-ма̀ндалъ бурха̀на Аюши. Внутренность кумирни обширна, но не представляетъ собою никакихъ особенностей.

Въ Ширѣтӯ-чжӯ считается до 200 ламъ, изъ коихъ штатныхъ полагается 40; во главѣ управленія стоятъ два цзаса̀къ-ламы̀ и два да̄-ламы̀. При Ширѣтӯ-чжӯ имѣется также свой «цзанка̀нъ» для чествованія сакӯсуна.

Шабина̀ры Ширѣтӯ-гэгэ̀на, число коихъ, какъ уже было замѣчено выше, восходитъ до 1000, принадлежатъ къ самымъ различнымъ народностямъ. Большинство ихъ происходитъ, конечно, изъ поколѣнія тӯмэ̀товъ, но есть также принадлежащіе другимъ монгольскимъ поколѣніямъ и даже инымъ народностямъ, каковы: тангуты, тибетцы и др. Для поселенія этихъ шабина̀ровъ Ширѣтӯ-гэгэ̀нъ имѣетъ свои земли, которыя простираются къ сѣверу отъ городка Хӯхӯ̆-эргѝ и граничатъ на югѣ съ пригородными пашнями этого городка; на западѣ — съ землями Мӯ-минга̀нскаго хошӯна; на сѣверѣ — съ землями хошӯна халха̀скаго дарха̀нъ бэ̀йлэ и на востокѣ — съ землями хошӯна Дӯрбэ̀нъ-хӯхэ̀тъ. Такъ какъ эти земли, отведенныя подъ кочевья шабина̀ровъ Ширѣтӯ гэгэ̀на, весьма незначительны, то можно сказать, что податные гэгэ̀на, происходящіе изъ тӯмэ̀товъ, не живутъ на нихъ вовсе, а остаются въ своихъ родовыхъ кочевьяхъ; въ предѣлахъ же помянутыхъ границъ кочуютъ только шабина̀ры гэгэ̀на изъ числа монголовъ, халхасовъ, тангӯтовъ, тибетцевъ и др. Всѣ эти различныя поколѣнія и народности въ настоящую пору уже такъ смѣшались между собою, что, по отзывамъ здѣшнихъ ламъ, глядя на ихъ физіогноміи, рѣшительно нельзя отличить, кто изъ нихъ монголъ и кто тибетецъ; говорятъ они также рѣшительно всѣ безъ

различія языкомъ монгольскимъ. Среди этихъ земель Ширѣтӯ гэгэна небольшой уголокъ близь Хӯхӯ эргѝ постоянно занимается выходцами изъ Халхи, собственно изъ хошӯна Далàй-чжонòнъ бэйсэ (на земляхъ коего стоитъ, какъ извѣстно, Урга). Дѣло въ томъ, что одинъ изъ предковъ этого бэйсэ, еще во времена Юнъ-чжэна (1724—1736) былъ женатъ на дочери богдохàна. Послѣдняя, говорятъ, не могла выносить ургинскаго климата и переселилась на жительство къ предѣламъ Хӯхӯ-хотò. Здѣсь она окончила свою жизнь и здѣсь же остались на всегдашнее проживаніе ея потомки. Въ услуженіе этому потомству, которое Далàй бэйсэ все-таки считаетъ своимъ родствомъ, и откомандировываются имъ на очередь, срокомъ на два года, по 10 семей изъ числа его хошӯнныхъ данниковъ.

Въ историческомъ отношеніи Ширѣтӯ чжӯ замѣчателенъ, какъ монастырь, послужившій разсадникомъ для многихъ другихъ ламайскихъ обителей хӯхӯ-хотòскаго округа и, между прочимъ, въ самомъ Хӯхӯ-хотò есть монастырь, отдѣлившійся отъ Ширѣтӯ чжӯ. Это такъ называемый въ просторѣчіи,

4) Цорчжѝ чжӯ, — монастырь, находящійся менѣе чѣмъ въ полу-

Внутренность двора въ кумирнѣ Цорчжѝ чжӯ.

верстѣ къ юго-востоку отъ Ширѣтӯ чжӯ. Разказываютъ, что одинъ изъ учениковъ Ширѣтӯ хутухты, Дархàнъ-цорчжѝ лама, еще въ года правленія

Канси, воздвигъ эту кумирню на собственныя средства. Кумирня первоначально не имѣла собственной братіи и чтеніе нòмовъ совершалось въ ней ширѣ̄тӯ-чжӯскими ламами, впослѣдствіи же около нея собралось до 40 гэлӯновъ и у нея образовался самостоятельный штатъ. Возвышеніе монастыря началось собственно послѣ смерти Цорчжѝ гэгэ̀на, когда появился хубилга̀нъ этого славнаго въ свою пору ламы. Въ 6 году правленія Цзя-цина (1804) хубилга̀нъ Цорчжѝ хутухты̀ былъ назначенъ на должность цзаса̀къ да̄-ламы всѣхъ хӯхӯ-хото̀скихъ монастырей и это положеніе дало ему возможность представить свой монастырь богдоха̄ну. Цзя-цинъ пожаловалъ кумирнѣ почетный титулъ «Ӯнидэ̀ баясхулантӯ сӯмэ̀» (маньчж. [illegible]) и утвердилъ для завѣдыванія имъ особую должность да̄ ламы. Такое положеніе дало смѣлость хубилга̀ну Цорчжѝ хутухты̀ хлопотать о дальнѣйшемъ и онъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему молиться о благоденствіи богдоха̄на совершенно отдѣльно отъ монастыря Ширѣ̄тӯ чжӯ. Въ Пекинѣ не встрѣтили для сего никакихъ препятствій и удовлетворили ходатайство хубилга̀на. Такъ длилось, пока хубилга̀нъ Цорчжѝ хутухты̀ считался цзаса̀къ-да̄-ламо̀ю хӯхӯ-хото̀скихъ монастырей; но когда онъ умеръ, то Ширѣ̄тӯ хутухтӯ немедленно представилъ жалобу мѣстному амба̀ню, въ которой обвинялъ цорчжѝ-чжӯ'скаго да̄-ламу, Сономбо̀, въ томъ, что онъ допускалъ отдѣльныя постановленія въ двухъ монастыряхъ, которые состоятъ подъ однимъ вѣдомствомъ, такъ какъ Цорчжѝ-чжӯ было основано ширѣ̄тӯ-чжӯскимъ ламою, весь штатъ его ламъ составляется изъ шабина̀ровъ Ширѣ̄тӯ, а потому весь этотъ монастырь не можетъ быть разсматриваемъ иначе, какъ только отдѣленіе, особая кумирня, единаго монастыря Ширѣ̄тӯ-чжӯ. Хубилга̀нъ Цорчжѝ ламы̀ представилъ по этому дѣлу встрѣчный искъ, доказывая свою самостоятельность. Дѣло это тянулось въ Пекинѣ два года и было окончено такъ: хубилга̀на Цорчжѝ ламы̀ опредѣлено было признавать шабѝнцемъ Ширѣ̄тӯ хутухты̀, но ламамъ обоихъ монастырей было предоставлено и управляться, и совершать свои хура̀лы совершенно независимо другъ отъ друга. На такихъ основаніяхъ оба эти монастыря существуютъ и до настоящаго времени.

5) Съ монастыремъ Бага̀-чжӯ хӯхӯ хото̀сцы тѣсно связываютъ въ своихъ преданіяхъ также большой хӯхӯ-хото̀скій монастырь, обыкновенно называемый Пунсӯкъ-чжӯ. Онъ находится уже за городомъ, по западной сторонѣ его, на правомъ берегу рѣки Да-си хэ. Монастырь этотъ стоитъ теперь уже въ полномъ разрушеніи и запустѣніи. Посѣтивъ его, я не встрѣтилъ здѣсь рѣшительно ни одного ламы. Главныя ворота монастыря разрушены и черезъ нихъ свободно можетъ проходить всякій. Когда-то мона-

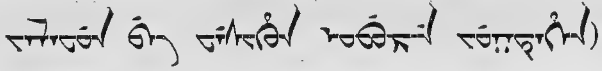
стырь этотъ былъ обнесенъ каменною оградою краснаго цвѣта, теперь за этою оградою пригородные китайцы устроили свои станки для пряжи шерстяныхъ нитокъ. Съ кумирнею Багà чжӯ монастырь Пунсỳкъ чжӯ соединяется легендою, относящеюся ко временамъ Канси. Разказываютъ, что когда Канси, отправляясь въ походъ на Галдàна, заѣхалъ въ Хӯхỳ-хотò, то здѣсь, между прочимъ, онъ посѣтилъ и монастырь Пунсỳкъ-чжӯ, въ которомъ въ ту пору имѣлъ свое мѣстопребываніе Илагӯхсанъ-хутухтỳ. Канси, явившійся съ своей многочисленной свитой къ хутухтѣ, сдѣлалъ ему обычное поклоненіе, а хутухтỳ не подумалъ даже встать съ своего мѣста. Одинъ изъ свитскихъ генераловъ Канси, именно Бàй цзя̀нь-цзюнь, возмущенный этимъ непочтеніемъ къ богдохāну, тотчасъ же выхватилъ свой мечъ и зарубилъ хутухтỳ. Поступокъ этотъ произвелъ страшное возстаніе шабинàровъ хутухты: по однимъ разказамъ, они тотчасъ же схватили Бàй цзя̀нь-цзюня, убили его на мѣстѣ и засимъ разорвали на клочки; по другимъ, Бàй-цзя̀нь-цзюнь, не желая отдаться въ руки монголовъ, самъ лишилъ себя жизни. Канси бѣжалъ въ городъ и скрылся прежде всего въ монастырѣ Багà чжӯ. Такъ какъ смута вскорѣ достигла и города, то Канси долженъ былъ удалиться и отсюда и, чтобы не быть узнаннымъ разъяренною толпою, якобы оставилъ въ Багà чжӯ всѣ свои военные доспѣхи, самъ же переодѣвшись въ платье простого ламы, вышелъ пѣшкомъ изъ города, по дорогѣ въ Калганъ. Къ востоку отъ Хӯхỳ-хотò есть мѣстечко, поросшее густымъ тальникомъ и именуемое Юй-су-линъ. Преданіе говоритъ, что въ пору бѣгства Канси здѣсь росло одно только дерево. Канси, направляясь къ нему, подумалъ, что онъ могъ бы укрыться здѣсь, если бы стояло не одно дерево, а цѣлый лѣсокъ, и въ то же мгновеніе образовались большія заросли, въ которыхъ и нашелъ себѣ пристанище бѣжавшій императоръ. Что касается Бай цзя̀нь-цзюня, то китайцы обоготворили его и построили въ честь его кумирню, носящую имя Сы-танъ.

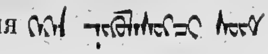
5) Почти въ такомъ же разрушенномъ состояніи какъ Пунсỳкъ-чжӯ, находится, также почитаемый большимъ, монастырь Рабчжѝ-чжӯ. Монастырь этотъ былъ основанъ въ 6-мъ году правленія Канси (1668 г.) ламою Нинъ-нѝнъ хутухтỳ, который въ то же время сдѣлалъ о немъ докладъ богдохāну и послѣдній пожаловалъ новопостроенной кумирнѣ имя «великорадостной кумирни» ([illegible]). Кумирня Рабчжѝ-чжӯ находится въ настоящую пору на южномъ концѣ города, неподалеку отъ зданій знаменнаго училища. По штату въ ней назначено быть двумъ цзасàкъ-лàмамъ и двумъ дā-лàмамъ; кромѣ того, здѣсь же долженъ былъ имѣть свое мѣстопребываніе Нинъ-нѝнъ хутухтỳ; но теперь въ монастырѣ этомъ числится всего на всего не болѣе 15 ламъ. Нинъ-нѝнъ ху-

тухту̀ скончался уже лѣтъ десять назадъ, и перерожденія его не отыскиваютъ; ни цзаса̀къ-ла̀мы, ни да̄-ла̀мы въ монастырѣ не живутъ; единственная полуразрушенная кумирня его охранятся однимъ ламою, почти потерявшимъ сознаніе отъ излишества въ куреніи опіума. Хура̀лы здѣсь, по словамъ этого ламы, совершаются только одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Остальныя двѣ большія кумирни: 6) Хошӯни-чжӯ и 7) Эмчи̂-чжӯ мнѣ не удалось осмотрѣть лично; по собраннымъ же свѣдѣніямъ оказывается, что монастырь Хошӯни-чжӯ обосновался не сразу, а постепенно. Въ 16-мъ году правленія Канси (1678 г.) отъ шестидесяти эскадроновъ двухъ тӯмэ̀тскихъ знаменъ было собрано 60 ламъ, надъ ними поставленъ да̄-лама̀ и всѣ они обязаны были жить въ Йэхэ̀ чжӯ и совершать молебствія о счастіи императора. Въ 60-мъ году того же правленія къ означенному числу ламъ было прибавлено еще 20; а въ слѣдующемъ 61-мъ году (1722 г.) офицеры и вообще военнослужащіе люди двухъ тӯмэ̀тскихъ знаменъ начали строить для нихъ особый монастырь на сѣверозападномъ краю города. Въ 19-мъ году правленія Цянь-луна (1755 г.) на сѣверовосточной сторонѣ этого монастыря былъ построенъ субурга̀нъ, а черезъ три года послѣ сего другой субурга̀нъ на сторонѣ сѣверозападной. Въ 49-мъ году Цянь-луна (1785 г.) знаменное начальство представило всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою дать наименованіе этому монастырю и богдоха̀нъ назвалъ его [illegible]. Съ того же времени для управленія этимъ монастыремъ начали назначать двухъ да̄-ла̀мъ.

Что касается монастыря Эмчи̂ чжӯ, то онъ первоначально обосновался въ 8-мъ году правленія Канси (1769 г.), когда нѣкій цорчжи̂ лама̀, Дала̂й, построивъ кумирню, просилъ высочайшаго разрѣшенія поселить въ ней своихъ учениковъ и отправлять хура̀лы. Высочайшимъ повелѣніемъ цорчжи̂ лама̀ былъ назначенъ цзаса̀къ-ламою этого монастыря съ порученіемъ управлять шаби̂на̀рами. Въ 34-мъ году правленія Канси (1695 г.) кумирня Эмчи̂-чжӯ была возсооружена вторично, послѣ чего богдоха̀нъ пожаловалъ ей имя «кумирни, упрочивающей счастіе» ([illegible]), каковое наименованіе и красуется теперь надъ дверями этой кумирни въ надписи на языкахъ: монгольскомъ, маньчжурскомъ и китайскомъ. Эмчи̂-чжӯ располагается въ югозападномъ концѣ города. Въ 10-мъ году правленія Цзя-цина она, говорятъ, сгорѣла до основанія и за симъ была построена снова. Являясь, такимъ образомъ, по своему построенію, нѣсколько моложе другихъ кумирень, монастырь этотъ естественно представляется и крѣпче всѣхъ ихъ; за всѣмъ тѣмъ, проходя мимо его кумирень, я видѣлъ ихъ поломанныя окна и полуразрушившіеся отъ времени навѣсы надъ входами.

Изъ числа малыхъ сӯмэ въ понятіяхъ хӯхӯ-хото̀сцевъ первое мѣсто по своимъ размѣрамъ занимаетъ монастырь, называемый въ просторѣчіи «Барӯнъ-чжӯ». Онъ располагается на западной окраинѣ города, приблизительно въ верстѣ отъ хӯхӯ хото̀скаго кремля. Построенъ этотъ монастырь былъ ламою Шара̀бомъ въ 18-мъ году правленія Шунь-чжи (1661 г.), и въ ту пору къ нему собралось для постояннаго жительства, говорятъ, болѣе 150 ламъ, а самъ Шара̀бъ сдѣлался настоятелемъ монастыря. По смерти Шара̀ба, ученикъ его, цзаса̀къ-да̄-лама расширилъ и возобновилъ мѣстную кумирню, и засимъ въ 34-мъ году Канси сдѣлалъ о ней представленіе богдоха̄ну. Канси пожаловалъ тогда монастырю имя: «Улцзэйги эрхи̇нъ болгахчӣ сӯмэ» (манчж. ) и опредѣлилъ быть въ этомъ монастырѣ, въ званіи управителей онаго, одному цзаса̀къ-ламѣ и одному да̄-ламѣ. Нынѣ въ качествѣ религіознаго главы здѣсь проживаетъ еще хубилга̀нъ ламы Шара̀ба.

Что касается красоты и своеобразности въ архитектурѣ зданій, то въ этомъ отношеніи первое мѣсто изъ числа малыхъ монастырей безспорно принадлежитъ уже монастырю, извѣстному подъ именемъ «Табӯнъ субурга̀най чжӯ», или, какъ зовутъ его китайцы, «У-та-сы», т. е. кумирня пяти субурга̀новъ. Названіе это установилось за монастыремъ, безсомнѣнія, потому что здѣсь находится субурга̀нъ чрезвычайно оригинальной формы. Время основанія означеннаго субурга̀на для меня осталось неизвѣстнымъ, что же касается самого монастыря, то онъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Въ 5-мъ году правленія Цянь-луна (1741 г.) одинъ изъ Бага̀-чжӯ'скихъ ламъ, по имени Янчарчжӣ, состоя на очередной службѣ въ званіи цзаса̀къ-да̄-ламы въ Пекинѣ, сдѣлалъ докладъ богдоха̄ну о своемъ намѣреніи воздвигнуть монастырь въ Хӯхӯ-хото̀ и, когда въ 1746 г. постройка эта была окончена, представилъ новый докладъ, прося назначить монастырю его имя. Богдоха̄нъ пожаловалъ кумирнѣ имя  , назначилъ для управленія его двухъ да-ламъ и опредѣлилъ его для мѣстожительства Янчарчжӣ, хубилга̀ны котораго съ тѣхъ поръ перерождались уже три раза. Монастырь этотъ находится въ настоящее время въ совершенномъ запустѣніи: ламъ при немъ не живетъ вовсе и всѣ кумирни разрушены. Встарину онъ раздѣлялся на три двора, на каждомъ изъ которыхъ стояло по три кумирни, а по полустертымъ, но сохранившимся еще надписямъ надъ дверями этихъ кумирень можно опредѣлить, какимъ именно божествамъ онѣ были посвящены. На первомъ дворѣ срединная кумирня названа: «Гурба̀нъ цагӯнъ бурханӯ сӯмэ» (кумирня буддъ трехъ временъ), а боковыя: «Йэхэ нигӯлэсӯхчі̇йнъ сӯмэ» и «Дара эхэйнъ сӯмэ», въ которой

до нынѣ находятся статуи (правда уже разбитыя) 21 Дарà-эхэ; на второмъ дворѣ срединная кумирня, — «Вачѝр-дарàйнъ сўмэ», а боковыя: «Абидà бурханў сўмэ» и «Амогосѝддійнъ сўмэ», а третьемъ дворѣ — средняя кумирня Бирбзана бурханў сўмэ, а боковыя: «Акшòби бурханў сўмэ» и «Рàтна самбавà бурханў сўмэ». Что касается оригинальнѣйшаго субургà-на, который былъ провозглашенъ Гюкомъ за главнѣйшій изъ хўхў-хотòскихъ монастырей и средняя башня котораго, по словамъ этого путешественника «такъ высока, что теряется въ облакахъ[1]», то субургàнъ этотъ находится у самой сѣверной стѣны монастыря. Онъ сдѣланъ пятиглавымъ и помимо своего пьедестала весь выложенъ на подобіе изразцовой печи кафлями, на каждой изъ которыхъ находится изображеніе отдѣльнаго бурхàна. Когда то всѣ эти будды были вызолочены, о чемъ свидѣтельствуютъ, какъ ихъ внѣшній видъ, такъ

Субургàнъ кумирни У-та-сы.

1) Гюкъ. Воспоминаніе о путешествіи по Татаріи. Спб., 1866 г., стр. 184.

и надписи тушью у дверей субургàна, въ которыхъ обозначено, что различные чиновные милостынедатели позолотили на свой счетъ, кто двухъ, кто трехъ бурхàновъ на этомъ субургàнѣ. Проживавшій здѣсь Янчарчжìйнъ хубилгàнъ въ послѣдніе годы уже не жилъ въ монастырѣ, такъ какъ содержать этотъ послѣдній было ему нечѣмъ; въ настоящую пору гэгэ̀нъ этотъ скончался уже лѣтъ семь тому назадъ и хубилгàна его не отыскиваютъ вовсе. Ламы Табу̀нъ-субургàнай-чжӯ перешли, кажется, снова въ монастырь Багà-чжӯ.

Другихъ малыхъ хӯхӯ-хотòскихъ монастырей мнѣ не удалось осмотрѣть въ подробностяхъ, но можно сказать, что рѣшительно всѣ они находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Освѣдомляясь о средствахъ содержанія монастырей и ихъ ламъ, я получалъ отъ нѣкоторыхъ изъ ламъ указанія, что всѣ большіе монастыри, какъ извѣстные китайскому правительству, получаютъ отъ него опредѣленное содержаніе по штату; другіе говорили, что такого содержанія никогда не получалось и имъ не извѣстно даже, дѣйствительно ли существуютъ для монастырей какіе-либо штаты и оклады; третьи, наконецъ, утверждали, что богдохàнское правительство взамѣнъ ассигнованія существовавшаго прежде монастырскаго содержанія предоставило теперь монастырямъ право владѣть хӯхӯ-хотòскими землями и отдавать ихъ въ арендное содержаніе проживающему въ городѣ населелепію, предоставивъ при этомъ тоже право въ извѣстной мѣрѣ и лицамъ гражданскаго управленія тӯмэ̀товъ. Дѣйствительно, всѣ земли, на которыхъ стоитъ городъ Хӯхӯ-хотò, раздѣлены на участки, принадлежащіе или отдѣльнымъ монастырямъ, или же присутственнымъ мѣстамъ здѣшняго ду-тӯна и тӯмэ̀тскаго управленія. Эти владѣтели участковъ сдаютъ уже на правахъ собственниковъ землю въ аренду, при чемъ арендная плата за землю весьма не одинакова, что зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Въ мѣстахъ бойкихъ она является, конечно, выше, а по окраинамъ города—ниже; принимается засимъ во вниманіе, застроенное ли мѣсто или пустопорожнее, далеко ли оно отъ воды и проч. и проч. Почти всѣ монастыри строятъ на своей землѣ бàйшины, обносятъ ихъ оградами и, образовавъ такимъ образомъ подворья, сдаютъ ихъ подъ помѣщенія мѣстнымъ купцамъ. При такихъ обстоятельствахъ арендная плата является, разумѣется, выше, такъ какъ она взимается не только за землю, но и за помѣщеніе. Счетъ при уплатѣ аренды ламы ведутъ исключительно на такъ называемые «мань-цянь», т. е. полные чехи, принимая чехъ за чехъ, а не по существующему въ городѣ курсу, при которомъ чехи являются только нарицательною единицею, такъ что за сто чеховъ даютъ иногда 50, а иногда даже 45 дѣйствительныхъ монетокъ. По такому способу счисленія арендная

плата за землю съ построеннымъ на ней помѣщеніемъ колеблется по различнымъ мѣстамъ отъ 300 до 2000 чеховъ въ мѣсяцъ съ каждаго чжàна. Незастроенныя мѣста сдаются гораздо дешевле, т. е. отъ 75 до 500 чеховъ, при чемъ нанимателю предоставляется право возвести на арендованномъ пространствѣ, какія ему угодно, зданія. Уплата денегъ за арендованныя земли производится монастырскому нирбѣ, при чемъ съ обоихъ сторонъ, какъ съ уплачивающей, такъ и съ получающей является непремѣнно по два свидѣтеля. По окончаніи годичнаго срока, деньги снова получаются ламами за годъ впередъ и слѣдовательно аренда продолжается или возобновляется; но такое возобновленіе рѣдко проходитъ безъ пререканій, такъ какъ ламы естественно стараются возвысить арендную плату и пользуются для сего всѣми средствами, особливо если замѣтятъ, что торговецъ хорошо ведетъ свое дѣло, построитъ большіе, красивые бàйшины и пр. Притязательность ихъ въ этомъ случаѣ доходитъ до того, что они прямо отказываются заключать новыя условія и предлагаютъ торговцу очистить мѣсто, принимая даже на свой счетъ разборку зданій. Конечно, въ концѣ концевъ дѣло улаживается прибавкою нѣсколькихъ десятковъ чеховъ съ каждаго чжàна, и все идетъ мирно впредь до новаго полученія платы. Такихъ арендныхъ денегъ различные монастыри получаютъ отъ 3500 до 10 и 15 тысячъ ланъ и тѣмъ страннѣе должно, конечно, казаться, какимъ образомъ, имѣя такія средства, монастыри тѣмъ не менѣе стоятъ разрушенными?

Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ ламами мнѣ пришлось однако узнать, что въ настоящую пору монастырскія казначейства даже и не видятъ никогда этихъ денегъ. Все время правленія Дао-гуана и начальные годы Сянь-фына, приблизительно съ наступленія нашихъ 1820-хъ до конца 1850-хъ годовъ, было самымъ безпутнымъ въ жизни хўхў-хотòскихъ ламъ. Гэгэ̀ны, хубилга̀ны, правители и высшее духовенство монастырей, въ погонѣ за мелкими чиновными отличіями, изъ года въ годъ ѣздили въ Пекинъ и затрачивали тамъ громадныя суммы на подарки ради того, чтобы прибавить лишній олбòкъ на свое сѣдалище; дома они проводили жизнь въ удовольствіяхъ и небрегли объ управленіи монастырями. При такомъ ходѣ дѣлъ монастырскихъ доходовъ не хватало, конечно, очень скоро, и для пополненія суммъ потребовалось прибѣгать къ займамъ въ счетъ будущихъ доходовъ монастыря. Разразившееся въ 1860-хъ гг. дунганское возстаніе прекратило этотъ золотой періодъ жизни хўхў-хотòскаго ламства; когда же съ наступленіемъ 1870 г. жизнь и дѣятельность Шань-си начала подниматься, то разоренные китайцы потребовали прежде всего возвращенія старыхъ долговъ. Такимъ образомъ всѣ арендные доходы монастырей пере-

шли въ руки китайскихъ банкировъ, въ которыхъ находятся они теперь и вѣроятно будутъ находиться еще очень долго, такъ какъ на эти громадныя суммы по долговымъ обязательствамъ китайцы, по обычаю, накладываютъ 36% годовыхъ, которые въ свою очередь должны быть также выплачиваемы. Само собою разумѣется, что и ламы не остаются въ долгу у китайцевъ по части своекорыстія: изъ года въ годъ они накладываютъ все большую и большую арендную плату, придираясь, какъ было сказано выше, къ каждому вновь построенному ба̀йшину и къ каждой вновь прорубленной двери, хотя это мало возвышаетъ ихъ средства и служитъ лишь къ увеличенію тѣхъ непріязненныхъ отношеній, какія существуютъ здѣсь вообще между китайцами и монголами.

Вышеуказанное земельное положеніе города въ зависимости отъ монгольскаго ламства и монастырей кладетъ особый отпечатокъ на весь его внѣшній видъ. Прежде всего ламы, старающіеся извлечь возможно большія суммы изъ городскихъ земель, страшно скупятся на отводъ пустопорожнихъ пространствъ подъ улицы и переулки. Отъ этого въ Гуй-хуа-чэнѣ есть собственно только три большихъ улицы,—съ сѣвера на югъ: Да-нань-цзѣ, Да-чжӯ-цзѣ и Ширѣтӯ-цзѣ, да одна большая улица, выходящая изъ средины города и тянущаяся на западъ до конца его, Пунсӯкъ-цзѣ. Всѣ остальныя улицы и переулки шириною рѣдко превышаютъ сажень, а нѣкоторые и того у̀же: разъѣхаться двумъ телѣгамъ здѣсь никоимъ образомъ не возможно и въѣзжающіе въ переулокъ съ одной стороны обыкновенно кричатъ, чтобы никто не въѣзжалъ съ противуположнаго конца его, столкновенія же вызываютъ собою невозможные брань и споры. Съ другой стороны, китайскіе купцы, владѣльцы домовъ въ Гуй-хуа-чэнѣ, зная придирки ламъ относительно налога арендной платы при постройкѣ обширныхъ и красивыхъ зданій, возводятъ таковыя чрезвычайно рѣдко и стараются обходится малымъ. Такимъ образомъ весь Гуй-хуа-чэнъ представляетъ собою массу узенькихъ улицъ, застроенныхъ почти лачужками и въ общемъ кажется несравненно бѣднѣе Калгана. Необходимо прибавить еще, что всѣ эти улицы необыкновенно грязны: выбрасываніе на улицу всякаго рода отбросовъ и нечистотъ составляетъ, конечно, общій обычай китайцевъ; но здѣсь заведено еще устроивать помойныя ямы и отхожія мѣста подъ заборами дворовъ, такъ что одна половина ямы находится на дворѣ, а другая половина выходитъ на улицу, а какъ улицы всегда бываютъ ниже дворовъ, то на нихъ скатывается рѣшительно все и зловоніе по переулкамъ невообразимое.

Впрочемъ этотъ необычайно грязный и бѣдный видъ Гуй-хуа-чэна обусловливается не одною только нечистоплотностью китайцевъ вообще,

или ихъ скупостью, при которой они не хотятъ уплачивать за свои помѣщенія лишнихъ арендныхъ денегъ. Гуй-хуа-чэнъ за послѣдніе годы обѣднѣлъ вообще, и торговля его особливо за истекшее десятилѣтіе сократилась minimum на 25, даже и на 30%. Сами китайцы говорятъ, что она стала неузнаваемой: измѣнились товары, измѣнились пути ихъ слѣдованія въ Хўхў-хотò и изъ онаго, измѣнились цѣны на товары, измѣнились торговцы, все почти стало инымъ. Мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь подробно о томъ, что главнѣйшее значеніе Гуй-хуа-чэн'а пріобрѣталось имъ всегда не мѣстною торговлею, а обусловливалось тѣмъ, что городъ этотъ былъ важнѣйшимъ транзитнымъ мѣстомъ и складочнымъ пунктомъ почти для всѣхъ товаровъ, которыми производилъ торговлю Китай съ своими застѣнными владѣніями.

Наиболѣе видную статью торговли Гуй-хуа-чэна искони представлялъ собою чай, а изъ числа чаевъ, преимущественно кирпичный — и особливо въ 24 кирпича мѣсто. Чай этотъ всегда шелъ почти исключительно для мѣстнаго населенія китайцевъ и тўмэтовъ. Замѣчательно, что Гуй-хуа-чэнъ и Гуй-хуа-чэнскій округъ, можно сказать, положительно не знаютъ употребленія другого чая, кромѣ этого кирпичнаго, въ 24 доски. Самые богатые торговцы и домы не пьютъ ни байховаго, ни желтаго чая, а только этотъ кирпичный. При такихъ обычаяхъ, или привычкахъ, не далѣе какъ лѣтъ десять тому назадъ, помянутаго сорта чая расходилось въ Гуй-хуа-чэнѣ свыше 40 тыс. мѣстъ; въ минувшемъ году привозъ его не достигъ и 30 тысячъ. Уменьшеніе требованія совершалось постепенно и обусловливалось, безсомнѣнія, обѣдненіемъ населенія вслѣдствіе изъ года въ годъ повторявшихся неурожаевъ. Цѣны на этотъ чай за тотъ же періодъ возросли съ 12-ти, до 15-ти и даже 16-ти ланъ, т. е. именно на 25, 30%.

Привозившійся прежде въ Гуй-хуа-чэнъ и отсюда шедшій главнымъ образомъ въ Гў-чэнъ кирпичный чай, по 72 доски въ мѣстѣ, въ настоящую пору не привозится вовсе: его замѣнилъ собою новый сортъ, числомъ 110 кирпичей и вѣсомъ по 120 гиновъ чистаго чая въ мѣстѣ. Продается этотъ новый чай по 16 л. 5 цинъ, тогда какъ прежній стоилъ не свыше 9-ти ланъ. Сравнивая процентное отношеніе этихъ двухъ чаевъ, нужно сказать, что и этотъ чай повысился въ цѣнѣ, а естественнымъ послѣдствіемъ этого было сокращеніе его требованія.

Полѣнчатые чаи (особливо Цянь-лянъ, составляющій совершенно одинъ сортъ съ чаемъ, называемымъ Гунъ-цзянь) подверглись также сокращенію въ привозѣ. Произошло это оттого, что означенные чаи, потребляемые исключительно туркестанцами и направлявшіеся прежде изъ Гуй-хуа-чэна во всѣ города Восточнаго Туркестана, нынѣ не имѣютъ уже такого района

для своего вывоза. Разказываютъ, что еще въ концѣ 1870-хъ гг. извѣстный генералъ-губернаторъ Восточнаго Туркестана, Цзо-цзунъ-танъ, заботясь о приведеніи въ порядокъ и обогащеніи ввѣреннаго ему края (въ ту пору разореннаго дунганами), ходатайствовалъ передъ правительствомъ о томъ, чтобы товары и особливо чаи, идущіе на западъ, слѣдовали не черезъ Гуй-хуа-чэнъ, а черезъ провинцію Гань-су. Этимъ путемъ онъ, очевидно, хотѣлъ дать лишній заработокъ управляемому имъ краю и поднять его промышленность. Результатомъ сего явилось прямое запрещеніе правительства везти чай въ хамійскій и кашгарскій округи черезъ Гуй-хуа-чэнъ, и съ тѣхъ поръ чаи, потребляемые въ этихъ мѣстностяхъ, идутъ не иначе, какъ на Лань-чжоу. Какимъ образомъ при таковыхъ условіяхъ въ районѣ Гуй-хуа-чэнскаго транспорта остался Гу-чэнъ, мнѣ не удалось этого выяснить. Количество привоза полѣнчатаго чая, именуемаго Бай-лянъ, осталось въ Гуй-хуа-чэнѣ, повидимому, тоже; но это не имѣетъ, въ сущности, почти никакого значенія, ибо разсматриваемый сортъ чая никогда не превышалъ въ своемъ привозѣ $1^1/_2$ тысячи мѣстъ.

Движеніе черезъ Гуй-хуа-чэнъ байховыхъ чаевъ, по словамъ мѣстныхъ китайскихъ торговцевъ, можно считать совершенно прекратившимся. Въ различныхъ видахъ черненькаго и зеленаго чаевъ, ихъ отпускалось прежде изъ Гуй-хуа-чэн'а до 30, 35 тыс. мѣстъ, для потребленія не только въ Восточномъ Туркестанѣ и Илійскомъ краѣ, но и главнымъ образомъ въ русскихъ предѣлахъ,—округахъ Вѣрненскомъ, Ташкентскомъ, Семипалатинскомъ, Омскомъ и даже въ районѣ Томской губерніи; все это было наполняемо байховыми чаями изъ Гуй-хуа-чэн'а. Но, начиная съ 1886 г. китайскіе торговцы терпѣли на этихъ чаяхъ ежегодные убытки вслѣдствіе соперничества русскихъ, которые предприняли сами вывозъ чая во всѣ показанныя мѣста. Имя Молчанова, перваго изъ нашихъ торговцевъ чаями въ Западной Сибири, извѣстно теперь всему Гуй-хуа-чэну и дѣло его, говорятъ, разорило цѣлые десятки гуй-хуа-чэнскихъ купцевъ.

Такимъ образомъ въ районѣ и вѣдѣніи гуй-хуа-чэнскаго транспорта остался только кирпичный чай по 39 кирпичей въ мѣстѣ, идущій главнымъ образомъ въ Монголію и особливо въ Улясутайскій округъ. Чай этотъ, пожалуй, даже повысился въ привозѣ: сумма его мѣстъ, получаемыхъ въ Гуй-хуа-чэн'ѣ, достигаетъ въ настоящую пору также до 30-ти тыс. Но и этотъ чай уже не можетъ давать такого процента выгоды, такъ какъ цѣна на него осталась та же, а между тѣмъ расходы, какъ на транспортировку онаго, такъ и на содержаніе рабочихъ значительно повысились.

Бумажныя матеріи и ткани, продаваемыя теперь въ Хўхў-хотò и вывозимыя изъ него, почти всѣ безъ исключенія принадлежатъ иностранному

производству, и цѣны на нихъ за послѣдніе годы хотя и не особенно значительно, но также возрасли. Въ этомъ случаѣ интереснымъ представляется сличеніе настоящихъ цѣнъ въ тѣми, которыя были собраны въ Гуй-хуа-чэн'ѣ нашимъ купцомъ И. М. Волосатовымъ, въ 1885 году.

	Въ 1885 году.	Въ 1893 году.
Хуа-ци жэнь-тоу-цу-янъ-бу 花 其 人 頭 粗 洋 布	кусокъ до 3 л. 20 ф.	3 л. 60 ф.
Тоже разныхъ сортовъ 雜 牌 粗 洋 布	» » 3 » — »	3 » 20 »
Хуа-ци-фэй-лунъ-си-вэнь-бу 花 其 飛 龍 斜 文 布	» » 3 » 30 »	3 » 40 »
Тоже разныхъ сортовъ | 牌 斜 文 布	» » 2 » 90 »	3 » 10 »
Си-янъ-бу 細 洋 布	вѣсомъ въ $6\frac{1}{2}$ гиновъ кусокъ, до 1 л. 80 ф.	2 » 20 »
Тоже разныхъ сортовъ 細 洋 布	вѣсомъ въ $5\frac{1}{2}$ гиновъ кусокъ, до 1 л. 50 ф.	1 » 80 »
Бай-янъ-бяо-бу 白 洋 標 布	шириною 29 цунь кусокъ до 1 л. 70 ф.	2 » 10 »
Тоже 白 洋 標 布	шириною 26 цунь кусокъ до 1 л. 40 ф.	1 » 90 »
Сянъ-чэнъ-юй-мо̄ (красный) 象 城 羽 毛	» » 12 » 50 »	15 » — »
Тоже 象 城 羽 毛	» » 12 » — »	13 » — »
Тай-хо-юй-линъ (черный) 太 和 羽 凌	» » 11 » — »	16 » — »
Ху-пай-би-цзи 虎 牌 嗶 嘰	» » 5 » 60 »	7 » — »

Сорта Хунъ-мо̄-си-си-вэнь-бу (紅 毛 細 斜 文 布) и Хунъ-мо̄-цу (紅 毛 粗) нынѣ вышли изъ употребленія, а потому вовсе не привозятся въ Гуй-хуа-чэнъ. Опредѣлить точное количество привоза каждаго изъ вышеозначенныхъ товаровъ невозможно. Оно несомнѣнно очень велико. Какъ уже было сказано, мануфактуры, продаваемыя теперь въ Гуй-хуа-чэнѣ, исключительно иностраннаго производства; собственнаго китайскаго производства остались только шелковыя матеріи, а изъ бумажныхъ одна лишь да-бу. За всѣмъ тѣмъ привозъ иностранной мануфактуры въ Гуй-хуа-

чэнъ все же сократился, такъ какъ въ направленіи къ Восточному Туркестану она, на ряду съ чаемъ, нашла себѣ новый путь на Лань-чжоу.

Наибольшее количество полотняныхъ и бумажныхъ товаровъ привозится въ Хўхў-хотò въ бѣломъ, неокрашенномъ видѣ и уже здѣсь окрашивается въ разныя краски, преимущественно же въ синюю, красную и коричневую. На сей конецъ въ Хўхў-хотò имѣется не мало красильныхъ фабрикъ, хотя ведущихъ большое дѣло осталось только три.

Перевозка этихъ основныхъ предметовъ торговли Китая съ застѣнными его владѣніями, т. е. чая и мануфактуры, совершается главнымъ образомъ на монгольскихъ верблюдахъ; но помимо сего она составляетъ особый промыселъ и для нѣкоторыхъ Хўхў-хотòсцевъ. Въ настоящую пору въ Хўхў-хотò имѣются и цѣлыя компаніи, и отдѣльные коммерсанты, занимающіеся прямо содержаніемъ верблюдовъ для перевозки тяжестей. Главнѣйшими изъ такихъ домовъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, почитаются здѣсь 12 и количество отправляемыхъ ими верблюдовъ слѣдующее:

Со-синъ-дэ 雙 興 德	700	верблюдовъ.
Тянь-синъ-хэнъ 天 興 恆	300	»
Сюй-дэ 徐 德	240	»
Сюй-цай 徐 財	300	»
Динъ-куай 丁 寬	200	»
Ванъ-мо-хуа 王 茂 華	200	»
Шо-цзунъ 邵 宗 弒	200	»
Чэнъ-вань-ѣнь 陳 萬 銀	90	»
Хуа-цзи 化 柱	100	»
Фу-шэнъ-юнъ 富 盛 永	100	»
Юань-дэ-куй 元 德 魁	500	»
Тянь-цзюй-дэ 天 聚 德	400	»

Изъ числа этихъ фирмъ первыя десять ходятъ рѣшительно во всѣ мѣста Монголіи и Восточнаго Туркестана, являясь даже въ Калганъ для перевозки русскихъ чаевъ отъ Калгана до Урги, а послѣднія двѣ отправляютъ своихъ верблюдовъ исключительно изъ Гуй-хуа-чэна въ Гу-чэнъ. Впрочемъ слабый вывозъ чая и товаровъ въ Монголію изъ Гуй-хуа-чэна заставили уже въ истекшемъ году и фирму Тянь-цзюй-дэ измѣнить своему правилу и командировать своихъ верблюдовъ въ Калганъ, для перевоза русскихъ чаевъ. Помимо этихъ, почитающихся большими, домовъ въ Гуй-хуа-чэнѣ найдется, пожалуй, до сотни хозяевъ, имѣющихъ по 30, 40 верблю-

довъ, также отправляемыхъ ими въ извозъ, такъ что общее число ходящихъ по найму перевозочныхъ средствъ въ Гуй-хуа-чэнѣ, собственно со стороны китайцевъ, можно исчислять въ 7000 или 7500 верблюдовъ, могущихъ поднять грузъ до 100,000 пудовъ. Какъ уже было замѣчено, верблюды эти ходятъ по всѣмъ сторонамъ Монголіи, хотя излюбленнымъ направленіемъ ихъ является все-таки Улясутай, Кобдо и Гу-чэнъ. Обусловливается это, конечно, тѣмъ, что основной районъ дѣятельности хўхў-хотоскихъ торговцевъ составляетъ именно западная Монголія, а слѣдовательно занимающіеся извозомъ хўхў-хотосцы могутъ и принимать подряды въ указанныхъ направленіяхъ, и вести счеты по этимъ подрядамъ совершенно дома, съ людьми знакомыми и постоянно имѣющимися на виду.

Должно сказать однако, что хўхў-хотоскимъ извозчикамъ годъ отъ года приходится все меньше и меньше имѣть подряды дома. Правда, цѣлые десятки здѣшнихъ торговцевъ направляютъ свои товары на сѣверъ, въ Монголію, имѣютъ тамъ свои лавки, живутъ исключительно торговлею съ монголами; но богатыя изъ такихъ фирмъ рѣшительно всѣ содержатъ своихъ верблюдовъ, а менѣе состоятельные предпочитаютъ нанимать монголовъ, такъ какъ послѣдніе доставляютъ товары скорѣе, принимаютъ вьюки бо́льшаго вѣса и цѣну съ верблюда объявляютъ если не дешевле, то принимаютъ хотя часть платы товаромъ, тогда какъ расчетъ съ китайскими извозчиками ведется исключительно на серебро.

Главнѣйшимн изъ хўхў-хотоскихъ торговыхъ фирмъ, ведущихъ свое дѣло въ Монголіи, считаются слѣдующія:

1) Да-шэнъ-куй (大 盛 魁). Свѣдѣнія объ этой фирмѣ мы уже сообщали въ трактатахъ объ Улясутаѣ и Кобдо, [1]) здѣсь замѣтимъ только, что общій оборотъ этой фирмы по торговлѣ исключительно съ Монголіей исчисляютъ здѣсь не менѣе 9 или 10 милліоновъ ланъ серебра. Для перевоза товаровъ у нея постоянно ходитъ между Гуй-хуа-чэномъ и Улясутаемъ до 1500 собственныхъ верблюдовъ.

2) Юань-шэнъ-дэ (元 盛 德), о которой также говорилось при описаніи Кобдо [2]), говорятъ, имѣетъ годоваго оборота въ Монголіи и Китаѣ до 8 милліоновъ ланъ. Число верблюдовъ этой фирмы, также постоянно движущихся между Гуй-хуа-чэномъ и Улясутаемъ, доходитъ до 900.

3) Тянь-и-дэ (天 義 德) [3]) съ годовымъ оборотомъ также около 7,000,000 ланъ имѣетъ у себя тоже количество верблюдовъ для перевозки товаровъ.

---

1) См. т. I стр. 275, 318.
2) ibid 318—319.
3) ibid 275—318.

4) И-хо-дунъ (義和敦), годовой оборотъ которой въ Китаѣ Монголіи и Восточномъ Туркестанѣ исчисляютъ въ 5, 6 милліоновъ ланъ, а количество верблюдовъ, на которыхъ перевозитъ она свои товары, обозначаютъ приблизительно цифрою 700.

Изъ числа остальныхъ торговцевъ въ Монголіи въ Гуй-хуа-чэнѣ, какъ на болѣе состоятельныя фирмы, указываютъ на: 5) Юнъ-дэ-куй (永德魁), 6) И-шань-танъ (一善堂) 7) Сань-хэ-юань (三合元), 8) Цинъ-чжунъ-чанъ (慶丨長) 9) Тянь-юй-дэ (天裕德); 10) Да-цинъ-чанъ (大慶昌) и 11) Юань-шэнъ-юнъ (元昇永). Годовые обороты каждой изъ этихъ фирмъ не превышаютъ однако суммы отъ 100 до 250 тысячъ ланъ серебра. Верблюдовъ для перевозки товаровъ каждая изъ этихъ фирмъ, за исключеніемъ только первой Юнъ-дэ-куй и послѣдней Юань-шэнъ-юнъ, имѣетъ своихъ въ числѣ отъ 150, до 200 головъ; что же касается означенныхъ двухъ фирмъ, то для перевозки товаровъ онѣ нанимаютъ верблюдовъ или у мѣстныхъ хўхў-хотòскихъ извозчиковъ, или у приходящихъ монголовъ. Товары отправляются ими въ Монголію только одинъ разъ въ годъ, зимою. Нужно замѣтить при этомъ, что почти всѣ указанныя фирмы въ самомъ Хўхў-хотò рѣшительно не имѣютъ той торговли, какую ведутъ онѣ въ Монголіи. Тамъ въ лавкахъ ихъ вы найдете рѣшительно все: и чай, и шелковыя матеріи, и бумажныя мануфактуры, и кожевенные товары, и желѣзныя издѣлія, равно какъ издѣлія изъ дерева и проч. Здѣсь торговля ихъ спеціализируется до крайности. Фирма Юнъ-дэ-куй торгуетъ, напримѣръ, въ Хўхў-хотò только обувью и имѣетъ при своей лавкѣ сапожную мастерскую, въ которой постоянно работаетъ отъ 40 до 60 сапожниковъ; И-шанъ-танъ содержитъ торговлю фарфоровыми издѣліями и посудой; Цинъ-чжунъ-чанъ имѣетъ аптеку и проч.

Въ обмѣнъ на вывезенные товары гуй-хуа-чэн'скіе торговцы пригоняютъ изъ Монголіи прежде всего скотъ: верблюдовъ, лошадей, быковъ и барановъ, которыхъ и продаютъ въ Хўхў-хотò. Верблюдовъ покупаютъ у нихъ фирмы, спеціально занимающіеся перевозкою тяжестей, какъ во внутреннемъ, такъ и застѣнномъ Китаѣ; лошади идутъ за Великую стѣну вплоть до Шанхая и Гуанъ-дуна; быки, число которыхъ не особенно значительно, почти всѣ потребляются въ самомъ Хўхў-хотò; бараны же, составляющіе главнѣйшую массу пригоняемыхъ животныхъ, расходятся въ самыя различныя стороны, особливо въ Пекинъ, Хэ-нань и Шань-си. Я указываю на эти пункты въ виду того обстоятельства, что именно изъ этихъ мѣстъ въ Хўхў-хотò содержатся особыя, такъ сказать, агентскія конторы, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ закупать барановъ и направлять ихъ въ надлежащіе пункты. Такія конторы извѣстны въ Гуй-хуа-чэнѣ подъ китай-

скимъ именемъ «Пань-цза», наиболѣе же богатыми изъ пань-цзы считаются пекинскія, фирмъ Ся-шэнъ-хо, Ся-хо-и, Тянь-хо-дэ и Сань-хо-чэнъ. Въ общемъ однѣ только эти фирмы выгоняютъ изъ Гуй-хуа-чэна не менѣе полумилліона головъ барановъ. Животныя не пригоняются въ самый городъ Хўхў-хотò. Китайскій торговецъ въ Монголіи, пригнавъ свой гуртъ, оставляетъ его въ монгольской степи, на разстояніи не менѣе 50 верстъ отъ города и даетъ знать объ этомъ въ ту или другую пань-цзы. Послѣдняя высылаетъ своихъ довѣренныхъ, которые и заключаютъ окончательныя условія по покупкѣ скота. При этомъ надлежитъ замѣтить, что онъ не пріобрѣтается иначе, какъ на чистое серебро. Впрочемъ, за послѣдніе десять или нѣсколько болѣе лѣтъ сдѣлокъ на покупку скота въ самомъ Хўхў-хотò совершается несравненно меньше, чѣмъ было прежде: число ихъ сократилось даже больше, чѣмъ на половину; произошло же это оттого, что въ дѣлѣ, однако, не только покупки скота, но и всякаго рода сырыхъ произведеній Монголіи Гуй-хуа-чэнъ долженъ былъ утратить свое значеніе въ пользу Бау-тоу и Хўхў-эргѝ, къ которымъ теперь преимущественно совершается доставка и животныхъ, и сырья изъ Монголіи. Хўхў-хотò въ дѣлѣ этой торговли участвуетъ нынѣ лишь потому, что въ немъ много банковъ и удобнѣе производится расплата за купленный товаръ, другими словами, покупка сырья совершается теперь или въ Бау-тоу, или въ Хўхў-эргѝ, а расплата по заключенной сдѣлкѣ въ Гуй-хуа-чэнѣ. Помимо скота, прогоняемаго во внутренній Китай, самъ Гуй-хуа-чэнъ покупаетъ и потребляетъ ежегодно не меньше 200 тыс. барановъ и до 40 тыс. быковъ.

Скотскія и бараньи кожи потребляемыхъ въ Хўхў-хотò животныхъ почти не вывозятся изъ города, а подлежатъ выдѣлкѣ здѣсь же, на кожевенныхъ заводахъ, расположенныхъ по сѣверной и западной сторонамъ города. Общее число большихъ и малыхъ заведеній этого рода, говорятъ, доходитъ до 35-ти; но мною было посѣщено изъ нихъ только три. Чаны на всѣхъ этихъ заводахъ одинаково были вырыты въ землѣ и выложены кирпичемъ. Для обивки шерсти съ кожи вмѣсто золы употребляется известь, а для смягченія кожи при выдѣлкѣ ея кладется въ незначительномъ количествѣ хлѣбъ и солонецъ, — дубъ не употребляется вовсе. Когда послѣ этого кожа полежитъ нѣкоторое время, то солонецъ выступаетъ изъ нея и она дѣлается бѣлою. Цвѣтъ кожъ, выдѣланныхъ въ Хўхў-хотò, бываетъ только бѣлый и бурый, другихъ же красокъ для кожъ неизвѣстно вовсе.

Изъ шерсти, обитой при выдѣлкѣ кожъ, въ Хўхў-хотò приготовляются различные продукты. Такъ, изъ коровьей шерсти, иногда съ примѣсью отбросковъ верблюжьей и бараньей, выдѣлываются ткани для попонъ —

мао дань (毛 氈), различаемыя обычно по тремъ сортамъ. Самый низшій изъ этихъ сортовъ представляетъ собою довольно рѣдкую ткань, шириною въ 1 чи и 1 цунь; второй сортъ, называемый Ши-янъ-цзинъ (十 樣 錦) по той причинѣ, что въ полотнищѣ его проходитъ десять различныхъ цвѣтовъ, ткется уже гораздо прочнѣе, ширина его дѣлается въ 1 чи и 3 цуня; наконецъ, первый сортъ, еще менѣе рѣдкой ткани, хотя и такой же ширины, дѣлается коричневымъ одноцвѣтнымъ. Онъ носитъ названіе «цзинь-сянъюй (金 相 玉). Это приготовленіе ткани для попонъ составляетъ въ Хўхў-хотò, такъ сказать, кустарный промыселъ, хотя незначительнаго въ настоящую пору числа дворовъ. Въ нынѣшнемъ году ихъ осталось не болѣе двухъ, трехъ десятковъ, при чемъ у каждаго хозяина имѣется по 4, по 8 и даже по 10 помощниковъ. Вытканная однополосною попона продается ткачами въ кускахъ въ особыя лавки, занимающіяся продажею попонъ, а послѣднія разрѣзываютъ куски на части и сшиваютъ изъ нихъ трехполосныя попоны. Изъ числа означенныхъ сортовъ самый низшій сортъ сшивается кусками длиною въ 5 чи; такія попоны направляются главнымъ образомъ въ Калганъ, гдѣ идутъ на укупорку чаевъ, отправляемыхъ въ Кяхту какъ русскими, такъ и китайцами. Цѣна такой попоны обыкновенно около 600 хўхў-хотòскихъ чжбсу, что составитъ на серебро около 2 цинъ 3 фынъ, или нашихъ 50-ти серебряныхъ копѣекъ; попоны 2-го сорта дѣлаются различной величины и расходятся на хозяйственныя и домашнія потребности въ самомъ Хўхў-хотò; что же до попонъ 1-го сорта, то онѣ выкраиваются длиною въ 6 чи и сшитыя въ три полосы покупаются главнымъ образомъ китайцами для укупорки товаровъ, отправляемыхъ въ СѢв-Зап. Монголію и Восточный Туркестанъ. Стоимость такой попоны 5 циновъ серебра, или около 1500 хўхў-хотòскихъ чеховъ. Попонъ 1-го сорта выдѣлывается очень немного и не продается свыше 1000 штукъ въ годъ. Въ Калганъ на укупорку чаевъ онѣ не идутъ вовсе по той причинѣ, что сшитая въ двѣ полосы такая попона является недостаточною для укупорки мѣста чаю, а сшитая въ три полосы представляетъ совершенно ненужный излишекъ. При той прочности, которою обладаютъ хўхў-хотòскія попоны 1-го сорта, употребленіе ихъ нашими купцами было бы весьма выгодно; но китайцы положительно отказываются измѣнить заурочeнныя у нихъ мѣры тканей.

Дѣло продажи попонъ ведутъ въ Хўхў-хотò главнымъ образомъ четыре лавки: 1) И-синъ-куй (義 興 魁), продающая въ годъ до 9,000 попонъ; 2) Дэ-шэнъ-чанъ (德 盛 長), продающая до 3,000 попонъ; 3) Юнъ-шэнъ-чанъ (永 盛 長), продающая въ годъ до 2,000 попонъ и 4) Юнъ-чанъ-чэнъ (永 長 成), продающая также до 2,000 попонъ.

Изъ числа этихъ четырехъ лавокъ первыя три ведутъ свое дѣло съ Калганомъ, а послѣдняя торгуетъ только въ Хўхў-хотò. Изъ разговоровъ съ этими продавцами попонъ я узналъ дальше, что бòльшее количество попонъ по настоящему времени и условіямъ едва и можетъ быть выдѣлываемо въ Хўхў-хотò по той причинѣ, что для выдѣлки ихъ, съ одной стороны, не хватитъ шерсти, а съ другой — и число мастеровъ этого рода за послѣдніе годы весьма сократилось. Страшная дороговизна содержанія еще лѣтъ 6, 7 тому назадъ побудила наличныхъ въ ту пору мастеровъ сократить пріемъ къ себѣ учениковъ; такимъ образомъ новыхъ лицъ, подготовившихся къ мастерству, вышло немного, изъ старыхъ же между тѣмъ нѣкоторые уже умерли, а другіе стали неспособны къ дѣятельности, кто по старости, а кто по болѣзни.

На ряду съ пригономъ скота сократилась въ Гуй-хуа-чэнѣ доставка и другого рода сырыхъ произведеній Монголіи: онѣ также нашли для себя болѣе выгодное мѣсто сбыта въ Бау-тоу и Хўхў-эргѝ; товары эти за послѣднее время притомъ значительно вздорожали, такъ:

а) верблюжьей шерсти продается теперь въ Хўхў-хотò не свыше 1,000,000 гиновъ, по цѣнѣ отъ 6 до $7\frac{1}{2}$ ланъ за 100 гиновъ.

б) бараньей шерсти приблизительно ввозится тоже количество, что и верблюжьей; продается же она отъ 4 л. 5 цинъ, до 7 ланъ за 100 гиновъ.

в) козій пухъ, прежде привозимый въ Хўхў-хотò, теперь почти весь продается въ Бау-тоу; цѣна его 11 ланъ за 100 гиновъ.

г) овчина продается по 900 гуй-хуа-чэнскихъ чеховъ, т. е. около 3 ц. 4 фыновъ на серебро.

д) козлина въ настоящемъ году стояла по 1,300 чеховъ, или около 4 цин. 8 фыновъ на серебро; цѣна ея возросла и привозъ увеличился вслѣдствіе усиленнаго требованія на нее за границу Китая черезъ Шанхай.

е) бычьи и коровьи кожи — по 4,000 чеховъ, или около 1 л. 5 ц.

ж) мерлушка среднимъ числомъ пріобрѣталась по 3 ц. 2 ф.

з) Лошадиные хвосты — отъ 300 до 400 л. за 1,000 гиновъ; пріобрѣтаемые же въ розницу обходились не менѣе 45 л. за 100 гин.

Цѣны на скотъ въ Хўхў-хотò при насъ стояли слѣдующія: верблюды — отъ 20 до 30 л.; лошадь обыкновенная — отъ 7 до 9 ланъ; быкъ — до 8 ланъ; корова — отъ 6 до 7 ланъ; баранъ — отъ 1 лана до 1 л. 3 ц. Наиболѣе дешевыя цѣны на скотъ вообще, помимо лишь верблюдовъ, бываютъ здѣсь въ 9-й и 10-й лунахъ, т. е. въ ту пору, когда монгольскіе гуртовщики пригоняютъ собранныхъ ими въ Монголіи животныхъ для продажи ихъ въ предѣлы собственнаго Китая.

Что касается монголовъ, то они пригоняютъ въ Гуй-хуа-чэнъ свой скотъ въ теченіе цѣлаго года, но обыкновенно очень небольшими партіями. Главная масса скота получается изъ хошӯновъ Гобійнъ тӯшѣ гӯна и Мэргэнъ-вàна тӯшѣтӯ хāновскаго àймака, засимъ отъ такъ называемыхъ внутреннихъ монголовъ: Дӯрбэнъ хӯхэтъ и Алашàньскаго вàна.

Сѣверные монголы изъ Урги привозятъ въ Хӯхӯ-хотò разный лѣсъ, по преимуществу сосновый, въ брусьяхъ и тесовицахъ; но еще болѣе доставляютъ такового спеціальные мѣстные торговцы лѣсомъ, нарочно отправляясь за покупкою его въ Сѣверную Халху. Цѣна лѣсного товара опредѣляется здѣсь собственно толщиною бруса, ибо длина его бываетъ всегда одинакова, въ 6 чи, т. е. около 3 аршинъ. Каждый цунь толщины бруса цѣнится въ Ургѣ около 18 шара-цàевъ, или приблизительно 36 коп. сер.; въ Хӯхӯ-хотò въ брусѣ въ 8 цуней каждый цунь цѣнится по 350 чжӑсу, что составитъ на наши деньги по существующему курсу 56 к. сер.

Монголы сàйнъ ноѝновскаго àймака, направляясь въ Хӯхӯ-хотò, везутъ главнымъ образомъ масло, кожи и шерсть, конечно, отдѣльными небольшими партіями. Надлежитъ замѣтить однако, что теперь они почти никогда не довозятъ своихъ товаровъ до Хӯхӯ-хотò и продаютъ ихъ въ Хӯхӯ-эргѝ — городкѣ, не доѣзжая 45 верстъ до Хӯхӯ-хотò со стороны Монголіи. Послѣдній является очень оживленнымъ пунктомъ, въ которомъ китайцы ведутъ мелочную торговлю мукою, просомъ, чаемъ, полотняными, кожевенными и др. товарами на монгольскую руку.

Несмотря на неоднократно отмѣченное мною паденіе Гуй-хуа-чэн'а за послѣдніе годы, читатель все же долженъ видѣть, что это пунктъ, въ которомъ есть торговцы, ведущіе милліонную торговлю, отпускающіе въ общемъ свыше 100,000 мѣстъ чая, до милліона кусковъ матерій и пр.; все это можетъ навести его на мысль о существованіи въ Хӯхӯ-хотò богатыхъ лавокъ, хорошо обставленныхъ магазиновъ и пр. Но это было бы совершенно ошибочно. Торговцы и фирмы эти, ведущіе свое дѣло оптомъ, совершенно не имѣютъ лавокъ въ Хӯхӯ-хотò, а содержатъ только конторы и склады; со стороны улицы помѣщенія ихъ не представляютъ поэтому ничего, помимо глинобитныхъ заборовъ, съ большими двустворчатыми воротами, ведущими во дворъ, по обычаю съ трехъ сторонъ обрамливаемый бàйшинами для жилья и складовъ. Въ открытыхъ лавкахъ въ Гуй-хуа-чэнѣ ведется только мелкая, розничная торговля и всѣ эти лавки выглядятъ крайне бѣдно, безразличія, помѣщаются ли онѣ на главныхъ, или на второстепенныхъ улицахъ. Лучшею улицею въ Гуй-хуа-чэнѣ почитается Данань-цзѣ, сѣвернымъ своимъ концомъ упирающаяся въ крѣпость Гуй-хуа-чэна, а южнымъ доходящая до конца города. На ней сосредоточены лучшія

лавки, которыя однако ведутъ также мелочную торговлю и это настолько, что ни въ одной изъ нихъ нельзя купить, напримѣръ, цѣлаго куска сукна, а въ нѣкоторыхъ такъ и цѣлаго куска далянбу. Дѣло въ томъ, что всѣ эти лавки ведутъ уже свое дѣло только съ городскими обывателями, послѣдніе же, съ одной стороны, всегда имѣя у себя подъ рукою все нужное, а съ другой, можетъ быть, просто не имѣя въ обычаѣ покупать для себя матеріи цѣлыми кусками, гораздо больше пріобрѣтаютъ такой товаръ, какъ дриллинги и шертинги, привозимые изъ Тянь-цзина и Пекина или въ полукускахъ, или въ прямыхъ отрѣзахъ на халатъ, на шубу и проч. Въ такомъ же видѣ можно найти по преимуществу чи-цюй-чу, янь-чжоу и др. шелковыя матеріи. Цѣны при мнѣ стояли такія:

Далянбу	въ	отрѣзѣ на халатъ	8 цинъ.
да-бу	»	»	5—7 цинъ.
китайка	»	»	$4\frac{1}{2}$—$5\frac{1}{2}$ цинъ.
грубая чи-цюй-ча	»	»	1 л. 75 ф.—2 л. 50 ф.
Янь-чжоу	»	»	до 4 л.
Нинъ-чоу	»	»	8—9 ланъ.

Фамильнаго чаю въ размѣрѣ цѣлаго цибика нельзя купить рѣшительно ни въ одной изъ этихъ лавокъ, да и вообще во всемъ Хўхў-хотò; фунтами же хорошій чай можно пріобрѣтать по цѣнѣ 5, $5\frac{1}{2}$ цинъ за гинъ.

Предметовъ китайской роскоши въ хўхў-хотòскихъ лавкахъ не особенно много. Изъ европейскихъ товаровъ наиболѣе всего видны столовые часы, лампы, игрушки съ машинками и кое-какія коробочки и несессеры, составляющіе у насъ принадлежность дамскихъ туалетовъ. Изъ китайскихъ — попадаются: фарфоровыя вазы, но фаланевыхъ не встрѣчается вовсе; засимъ зеркала, фарфоровые цвѣты, картины, рисованныя на стеклѣ, и такіе же подносы, обдѣланные въ черное дерево, при чемъ очень много картинъ, какъ предназначенныхъ къ украшенію комнатъ, такъ и изображаемыхъ на подносахъ, крайне неприличнаго и невыразимо циничнаго характера. Картины эти стоятъ тѣмъ не менѣе открыто, не нарушая нисколько чувства стыдливости у проходящихъ и покупателей. Обувь, кожевенныя издѣлія, а равно издѣлія деревянныя, желѣзныя, мѣдныя и серебряныя, аптекарскіе товары и посуда составляютъ обыкновенно спеціальный предметъ торговли, при чемъ торговыя помѣщенія ихъ соединяются почти всегда съ мастерскими. По размѣру своему большая часть лавокъ представляетъ величину одного цзяня, дву-цзяньныхъ сравнительно

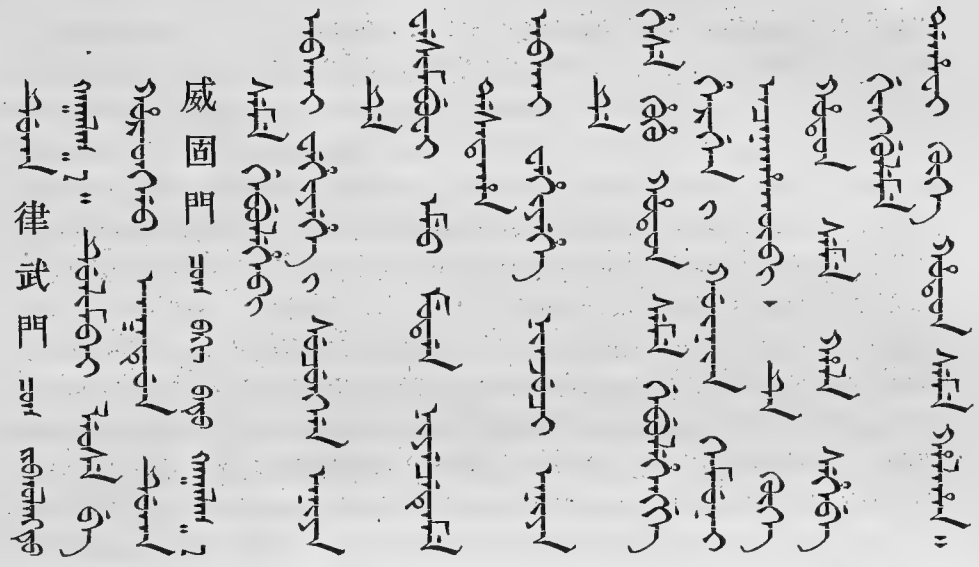
очень не много, а трех-цзяньныхъ не найдется и десятка во всемъ городѣ. Таковъ внѣшній видъ лавокъ на главной улицѣ Да-нань-цзѣ, доходящей шириною до 2-хъ саженей, таковъ же онъ на болѣе узкихъ: Ширѣтӯ-цзѣ и Пунсӯкъ-цзѣ; а въ другихъ улицахъ и переулкахъ лавки еще бѣднѣе и грязнѣе.

Улица Да-нань-цзѣ сѣвернымъ концемъ своимъ приводитъ къ хӯхӯ-хотӧскому кремлю, который именуется собственно «цзю-чэнъ», т. е. старый городъ. Крѣпость эта крайне не велика и китайцы исчисляютъ окружность ея всего въ 3 ли, т. е. около 800 саж.

Чтобы имѣть возможность съ большими удобствомъ и основательностью ознакомиться съ этою, собственно казенною частью города, а равно и со всѣми иными правительственными и общественными учрежденіями Хӯхӯ-хотӧ, я въ первый же вечеръ по прибытіи въ городъ сдѣлалъ визитъ, т. е. завезъ свою карточку, здѣшнему дао-тàю и лично побывалъ у эръ-фу и двухъ тӯмэ̀тскихъ гàлай-дā, высшихъ чиновъ, непосредственно завѣдывающихъ управленіемъ тӯмэ̀товъ. Отъ послѣднихъ я больше всего надѣялся получить необходимыя мнѣ свѣдѣнія, а потому и познакомился съ ними ближе, нѣсколько разъ обмѣнявшись подарками, въ видѣ часовъ, биноклей и наконецъ халатовъ. За то мнѣ удалось проводить у нихъ каждый вечеръ въ бесѣдахъ и получить массу самыхъ цѣнныхъ знаній; мало того, одинъ изъ гàлай-дā прямо обѣщалъ мнѣ дать въ чичероне своего сына, чтобы осмотрѣть казенныя и общественныя учрежденія города. Съ просьбою объ исполненіи этого обѣщанія я не торопился и первые дни моего пребыванія въ Хӯхӯ-хотӧ проводились такимъ образомъ. Часовъ въ 6 утра я выходилъ на изученіе города, осматривалъ монастыри, посѣщалъ лавки, гостинницы и базары, знакомился съ купцами и ламами. Послѣ обѣда, часа въ 3, отправлялся къ гàлай-дā и бесѣдовалъ съ ними за чаемъ часовъ до $6^1/_2$. Вечеромъ, часовъ съ 7, принималъ у себя ламъ и иныхъ людей, приносившихъ мнѣ на продажу книги, бурхàновъ и др. вещи, а ночью читалъ и дѣлалъ выписки изъ разнаго рода дѣлъ и офиціальныхъ документовъ, которыми снабжалъ меня, въ видахъ доставленія большей точности въ свѣдѣніяхъ, гàлай-дā. Только 12-го числа, не заставъ гàлай-дā дома и узнавъ, что онъ занимается въ гӯсай ямунѣ, я попросилъ проводить себя къ нему, въ это высшее правительственное учрежденіе тӯмэ̀тскаго управленія. Зашедши въ главную ямуньскую залу, я увидалъ здѣсь каменописный памятникъ на маньчжурскомъ языкѣ, излагающій исторію основанія, или лучше возсооруженія хӯхӯ-хотӧской крѣпости. Немедленно принявшись за переписку для себя текста этого памятника, я въ тоже время напомнилъ гàлай-дā, что мнѣ пора уже познакомиться и съ хӯхӯ-хотӧскими учрежденіями;

въ отвѣтъ на что онъ сказалъ, что завтра же пришлетъ ко мнѣ своего сына, который и поможетъ мнѣ побывать повсюду.

Текстъ вышепомянутаго каменописнаго памятника, стоящаго въ главной залѣ хўхў-хотòскаго гўсай ямуня, слѣдующій:



Въ переводѣ это значитъ:

«Такъ называемый Кукэ-хотонь есть (собственно) Фынъ-чжоу, воздвигнутый глинобитными постройками въ Да-лоу-ши, которою владѣла Танская династія. (Этотъ) городъ, именуемый Фынъ-чжоу, отъ временъ Минской династіи назывался Гуй-хуа хотонь. Такое китайское наименованіе, «Гуй-хуа хотонь», наша династія первоначально, при переводѣ на маньчжурскій языкъ, поименовала Хуху хотонь. Итакъ, Хуху хотонь являлся чрезвычайно важнымъ пунктомъ за воротами (Великой стѣны); по истеченіи же долгихъ лѣтъ онъ пришелъ въ ветхость. По такой причинѣ два тӳмэтскихъ знамени, лàмы шести монастырей и люди трехъ эскадроновъ, управлявшихся тàйчжіями, въ 30-мъ году правленія Канси (1692) представили въ министерство докладъ, въ которомъ просили разрѣшенія имъ на собственныя средства по наружной сторонѣ стариннаго города, вокругъ (онаго) провести канаву и сбить глинобитныя стѣны; по четыремъ сторонамъ ихъ сдѣлать четверо воротъ, поставить на каждыхъ воротахъ мезонины по двѣ цзяни и, собравъ войска, посадить ихъ (здѣсь) для дозора. Когда изъ министерства послѣ обсужденія (этого предложенія, дѣло) было представлено на высочайшее усмотрѣніе, послѣдовала высочайшая резолюція: «повелѣвается поступить согласно переговорамъ». Благоговѣйно исполняя изложенное повелѣніе, начали работы и, по доведеніи оныхъ до конца, изъ числа четырехъ воротъ этого города южныя ворота назвали — «воротами, приводящими къ просвѣщенію»; восточныя ворота — «воротами, преизбыточествующими милость»; западныя ворота — «воротами, умиротворяющими отдаленныхъ» и сѣверныя ворота — «воро-

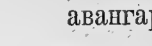
тами блестящими и величественными»; срединныя же тріумфальныя ворота — «блестящими, твердыми воротами». — Въ 5 году правленія Цянь-луна (1741), (городъ) по представленіи высочайшаго доклада, возобновили въ первый разъ. Въ 60-мъ году правленія Цянь-луна (1796) послѣдовало высочайшее повелѣніе такого содержанія: «наименованіе Хуху-хотонь совершенно не соотвѣтствуетъ смыслу словъ; нынѣ переименовать его въ «Кукэ хотонь». Благоговѣйно исполняя это повелѣніе, измѣнили (названіе города) въ Кукэ хотонь».

Когда на другой день ко мнѣ пришелъ цзангйнъ Дорчжй, 32-хъ лѣтній сынъ гàлай-дā, первымъ моимъ вопросомъ къ нему было: исправлялась ли когда нибудь хўхў-хотòская крѣпость послѣ того времени, которое указывается въ каменописномъ памятникѣ; но онъ не могъ отвѣтить мнѣ на это опредѣленно и только высказалъ предположеніе, что если исправленія ея и предпринимались, то развѣ весьма незначительныя, капитальнаго же ремонта, вѣроятно, не было вовсе, иначе объ этомъ бы говорилось и ему было бы извѣстно, да и самая крѣпость не могла бы дойти до такого страшнаго упадка. Дѣйствительно, хўхў-хотòская крѣпость въ настоящую пору, можно сказать, стоитъ полуразрушенною. Стѣны, облицеванныя дикимъ кирпичемъ и когда-то бывшія очень широкими и красивыми, теперь уже страшно обветшали: кирпичъ во многихъ мѣстахъ обвалился и глина, которая была утрамбована въ срединѣ стѣнъ, образовала у такихъ пробоинъ груды мусора. Деревянныя башни надъ воротами пришли въ полнѣйшее разрушеніе: угловыя бревна ихъ стоятъ оголенными, матицы подгнили и попадали. Внутри крѣпости помѣщается все главнѣйшее гражданское управленіе, какъ самаго Гуй-хуа-чэна, такъ и Гуй-хуа-чэнскаго округа. Здѣсь находится ямунь дао-тая, ямунь эръ-фу, управленіе 12-ти тўмэтскихъ гàлай-дā и главное таможенное управленіе, большая часть спеціальныхъ конторъ или отдѣленій коего находятся въ торговой части; таковы отдѣленія для взиманія пошлины: а) по ввозу соли и опіума, б) по ввозу дерева, в) по пригону лошадей и другого скота, г) по ввозу и вывозу чая, д) мануфактурныхъ товаровъ, е) сырыхъ монгольскихъ произведеній и проч.

Отправившись съ цзангиномъ для осмотра старой хўхў-хотòской крѣпости, мы вступили въ нее черезъ главныя ворота, находящіяся въ южной крѣпостной стѣнѣ. Проходя черезъ нихъ, я прослушалъ извѣстіе отъ своего чичероне, что въ городѣ искони вѣковъ хранится обычай трубить въ трубу съ городской башни, воздвигнутой надъ этими воротами: отправляется сказанный обычай ежегодно 15-го числа 2-й луны и съ 1-го по 15-е число 8-й луны.

Вступивъ въ крѣпость, мы направились прежде всего въ Гӯсай ямунь, или тӯмэ̀тское знаменное управленіе, — самое обширное изъ учрежденій, находящихся внутри крѣпости. Зданія его воздвигнуты ближе къ сѣвернымъ, чѣмъ къ южнымъ воротамъ и находятся по правую, восточную сторону дороги, пересѣкающей всю крѣпость съ юга на сѣверъ. Зданія гӯсай ямуня, равно какъ и рѣшительно всѣ другія казенныя постройки въ Хӯхӯ-хотò, совершенно не представляютъ собою ничего особеннаго. Это обычный, самый казенный типъ китайскихъ, одно-этажныхъ корпусовъ, выведенныхъ изъ дикаго кирпича, съ зауроченными красными колонками по лицевой сторонѣ зданія, съ громадными, занимающими половину стѣны окнами, узорчатыя рамы которыхъ заклеены бумагою, и съ черепичною крышею, ниспускающеюся отъ узорчатаго конька въ видѣ круглыхъ бревнышковъ. Общій, облицованный цоколемъ фундаментъ всего подворья гӯсай ямуня возвышается надъ окрестною крѣпостною площадью приблизительно на три четверти аршина, поэтому, входя во дворъ гӯсай ямуня, приходится подниматься на три порожка. Въ ширину, по направленію съ востока на западъ, фундаментъ этотъ имѣетъ протяженія 7 кит. саженей и 2 фута, а въ длину, съ юга на сѣверъ, 30 кит. саж. Передъ фундаментомъ, съ южной стороны, по обычаю, вытянутъ каменный щитъ, обогнувъ который и поднявшись по вышепомянутымъ ступенькамъ, подходишь къ большимъ ямуньскимъ воротамъ, въ три звена. По начертаннымъ здѣсь надписямъ видно, что ворота эти были перенесены на южную сторону гӯсай ямуня только въ 4-мъ году правленія Дао-гуана (1823-й или 1824 г.), до той же поры, какъ объяснилъ мнѣ мой спутникъ, онѣ стояли на западной сторонѣ, такъ что парадный входъ въ подворье гӯсай ямуня былъ съ главной крѣпостной улицы. Вступивъ во дворъ гӯсай ямуня, видишь передъ собою на сѣверѣ, въ самой глубинѣ двора, обращенный лицевою стороною къ югу главный корпусъ всего подворья, величиною въ 5 цзя̀ней. Его называютъ заломъ для общихъ засѣданій совѣта всѣхъ гà̀лай дà. Комната этого общаго присутствія занимаетъ собою только три цзяня, два же боковыхъ цзяня отдѣлены отъ этого зала капитальными стѣнами и имѣютъ у себя особые входы. Восточный изъ этихъ цзяней назначенъ для хранепія въ немъ серебра, а западный представляетъ собою кладовую для складовъ оружія и нѣкоторой части пороха.

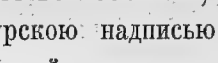
Отъ этого главнаго ямуньскаго зданія по восточной и западной сторонамъ двора, въ направленіи къ южнымъ воротамъ, вытянуты два пяти цзяньныхъ, совершенно одинаковыхъ корпуса. Корпусъ западной стороны, обращенный фасадомъ на востокъ, заключаетъ въ себѣ помѣщеніе мѣстнаго отдѣленія военнаго министерства, а корпусъ восточной стороны —

отдѣленіе министерства финансовъ. Къ сѣверу отъ этихъ боковыхъ корпусовъ, на западной сторонѣ двора никакихъ зданій не имѣется; на восточной же сторонѣ, на ряду съ отдѣленіемъ министерства финансовъ, находится обращенное также лицевою стороною на западъ зданіе въ три звена, въ которомъ помѣщается управленіе дѣлами казначейства, исключительно, впрочемъ, по отпуску серебра. Оно приходится какъ разъ противъ восточной боковины главнаго ямуньскаго зданія, которая, какъ уже было замѣчено, назначена подъ кладовую для храненія серебра. Совершенно въ рядъ съ этимъ послѣднимъ зданіемъ и еще далѣе на сѣверъ отъ него вытянутъ трехцзяньный же корпусъ, отведенный подъ помѣщеніе канцеляріи гусай ямуня. Это, конечно, самое людное мѣсто во всемъ подворьи, такъ какъ въ обычное время года здѣсь происходятъ всѣ засѣданія и рѣшаются всякія дѣла; здѣсь же хранится и печать ямуня, почему надъ дверями этого зданія повѣшена вырѣзанная на деревѣ крупными, выпуклыми буквами маньчжурская надпись: . Еще сѣвернѣе этой канцеляріи находится вытянутое уже поперекъ и обращенное фасадомъ къ югу двухъ-этажное зданіе, заключающее въ себѣ архивъ всего дѣлопроизводства гусай ямуня. Дѣла его, говорятъ, не восходятъ дальше годовъ правленія Юнъ-чжэна (1723 г.). На южной сторонѣ отъ двухъ помянутыхъ пятицзяньныхъ корпусовъ управленія министерствъ финансовъ и военнаго, являясь какъ бы посреди ямуньскаго двора, воздвигнуты обращенныя на югъ двухъ-этажныя ворота въ одно звено, а по восточную и западную сторону ихъ по однимъ малымъ воротамъ. Описанная сѣверная часть двора до этихъ воротъ называется спеціально «правительственною», а къ югу отъ нихъ находится «служебная» часть. Помимо воображаемой межи, образуемой этими воротами, одна часть отъ другой ничѣмъ не отдѣляется, такъ что зданія второй части двора являются какъ бы прямымъ продолженіемъ первой. На восточной сторонѣ, примыкая къ отдѣленію по дѣламъ министерства финансовъ, находится обращенный фасадомъ на западъ трехцзяньный корпусъ. Здѣсь располагаются теперь казармы гвардейскихъ авангардныхъ войскъ (). Всего здѣсь содержится 200 нижнихъ чиновъ гвардейцевъ, при 20 завѣдывающихъ ими десятникахъ; службу же свою они отбываютъ исключительно при цзянь-цзюнѣ и фу-дутунѣ, въ званіи стражниковъ при воротахъ ихъ ямуней. Для ямунѣ цзянь-цзюня полагается 120 гвардейскихъ солдатъ при 12 десятникахъ; а для ямуня фу-ду-туна 80 солдатъ, при 8 десятникахъ. Службу свою они отбываютъ по очереди, смѣняясь черезъ каждые 15 дней. На каждую очередь, при обоихъ ямуняхъ, откомандировывается одинаковое число солдатъ

и именно по 10 человѣкъ. На западной сторонѣ корпусу гвардейцевъ противустоитъ и является примыкающимъ къ зданію отдѣленія военнаго министерства, другой такой же корпусъ, въ три звена; здѣсь помѣщаются квартиры писцовъ и канцелярскихъ служителей мѣстныхъ присутствій. Оба послѣдніе корпусы обнесены невысокими кирпичными оградами, для прохода за которыя продѣланы калитки. Зданія эти являются прилежащими къ южнымъ, парадным воротамъ и заканчиваютъ собою всѣ постройки гӯсай ямуня.

Отсюда мы отправились осматривать такъ называемый здѣсь, въ просторѣчіи, «амбаньскій» ямунь. Онъ находится почти противъ гӯсай ямуня, располагаясь только нѣсколько ближе къ сѣверной городской стѣнѣ и при томъ на лѣвой западной сторонѣ срединной крѣпостной улицы. Пока проходили мы это относительно очень небольшое пространство, цзангинъ разказалъ мнѣ, что встарину, при Канси и Юнъ-чжэнѣ, число казенныхъ зданій въ хӯхӯ-хотоской крѣпости было гораздо большее. Въ ту пору въ Хӯхӯ-хото проживало два гӯсай-амбаня (ду-тунъ), у каждаго изъ которыхъ былъ свой особый ямунь, по 42 звена каждый; да при этихъ гӯсай-амбаняхъ состояло еще четыре мэйрэни цзангина (фу-ду-тунъ), ямуни которыхъ представляли собою четыре отдѣльныхъ подворья, по 38 звеньевъ въ каждомъ. Впослѣдствіи, въ силу почисленія за штатъ должностей двухъ гӯсай амбаней и трехъ мэйрэни цзангиновъ, зданія присутственныхъ мѣстъ ихъ одно за другимъ были распроданы въ частныя руки, такъ что въ началѣ Цянь-лунова царствованія въ Хӯхӯ-хото оставался уже одинъ амбаньскій ямунь, который стоялъ въ юго-западномъ углу хӯхӯ-хотоской крѣпости. Въ 28 году правленія Цянь-луна (1764 г.) министерство публичныхъ работъ, согласно состоявшемуся тогда высочайшему повелѣнію, предписало перенести этотъ ямунь на другое мѣсто и отстроить его заново; съ той-то поры амбаньскій ямунь и находится противъ знаменнаго управленія, на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Исполнивъ эти работы, богдоханское правительство, повидимому, рѣшило уже никогда больше не тратить на нихъ собственныхъ средствъ. Въ послѣднихъ годахъ правленія Цзяцина, когда амбаньскій ямунь пришелъ въ страшную ветхость, мѣстные правители дѣлали нѣсколько представленій объ его исправленіи, но всегда получали отказъ. Наконецъ во 2-мъ году правленія Дао-гуана (1822 г.) тогдашній цзянь-цзюнь Лу-чэнъ и мэйрэни-цзангинъ Нянь-дэ сдѣлали всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ они просили разрѣшенія взять изъ тӯмэтскаго знаменнаго казначейства заимообразно 1500 ланъ серебра и возобновить на нихъ зданія. Уплату этого долга предполагалось производить посредствомъ вычета ежегодно 75 ланъ серебра изъ жалованья опре-

дѣленнаго самому мэ̀йрэни-цзангѝну и такимъ образомъ вся сумма долга должна была возмѣститься казначейству въ теченіе 20 лѣтъ. Такая комбинація была одобрена въ Пекинѣ причемъ тамъ же были исправлены и планы построекъ. Замѣтивъ, что главныя ворота амба̀ньскаго ямуня, выходившія въ ту пору на главную крѣпостную улицу, были продѣланы въ восточной стѣнѣ, министры предписали перенести ихъ, по закону, па южную сторону, хотя это было, конечно, въ полнѣйшій разрѣзъ какъ съ удобствами сообщенія, такъ и изяществомъ общаго крѣпостнаго вида: теперь ворота въ амба̀ньскій ямунь, какъ и въ гу̀сай ямунь, идутъ не съ главной улицы, а съ прилежащихъ ей переулковъ. Въ послѣдніе годы зданія амба̀ньскаго ямуня снова пришли въ ветхость и говорятъ, что для поправки ихъ придется, вѣроятно, опять приложить тѣже мѣры. Подходя къ амба̀ньскому ямуню, мы увидали у воротъ его носилки, телѣги и десятка два лошадей, подъ сѣдломъ. Оказалось, что въ ямунь пріѣхалъ цзя̀нь-цзюнь, въ сопровожденіи своей свиты. Это помѣшало намъ осмотрѣть ямуньское подворье. Впрочемъ, по словамъ цзангѝна, оно не отличается отъ гу̀сай ямуня, являясь только нѣсколько обширнѣе его, потому что въ гу̀сай ямунѣ считается 34 цзя̀ня, а въ амба̀ньскомъ 38, хотя постройки въ амба̀ньскомъ ямунѣ гораздо скученнѣе, а потому площадь гу̀сай ямуня значительно больше амба̀ньской.

Отсюда, слѣдуя по узенькимъ переулкамъ, мы двинулись въ направленіи къ сѣверо-западному углу крѣпости, чтобы осмотрѣть тамъ подворье, назначенное для помѣщенія хлѣбныхъ магазиновъ и складовъ оружія, а по дорогѣ зашли еще въ одно присутственное мѣсто, надъ дверями коего красовалась вывѣска, съ маньчжурскою надписью  т. е. «полицейскій домъ». Съ внѣшней стороны это была обычная китайская фанза, въ три звена, даже не имѣющая у себя двора, а выходящая фасадомъ прямо на улицу, осмотрѣвъ же ея внутренность, мнѣ страннѣе всего было назвать ее присутственнымъ мѣстомъ. Вступивъ въ этотъ «полицейскій домъ», мы не нашли здѣсь ровно ничего помимо трехъ грязнѣйшихъ жилыхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщались солдаты, отбывающіе по очереди сторожевую службу. Главнѣйшая обязанность ихъ состоитъ въ ночныхъ обходахъ, днемъ же ихъ вообще требуютъ крайне рѣдко, а потому теперь одни изъ нихъ занимались починкою своего платья, другіе спали, третьи курили опіумъ и т. д. Единственною, необычайною для меня принадлежностью этого учрежденія были прикрѣпленные къ стѣнѣ песочные часы, въ видѣ воронкообразнаго желѣзнаго ящика со скважиною въ днѣ, черезъ которую насыпанный въ ящикъ песокъ высыпается изъ него. Объемъ ящика и его скважины соразмѣрены съ временемъ одной стражи.

Учрежденіе этого полицейскаго дома относится, говорятъ, къ годамъ правленія Юнъ-чжэна и въ ту пору для отбыванія здѣсь сторожевой службы изъ тўмэтскихъ знаменъ вызывалось по ежемѣсячной очереди два офицера и 20 солдатъ. Въ 39 г. правленія Цянь-луна число низшихъ сторожевыхъ чиновъ было увеличено еще на 20 человѣкъ, такъ что теперь при полиціи всегда состоитъ уже 40 солдатъ стражниковъ, и только число офицеровъ остается то же самое.

Дошедши до «подворья хлѣбныхъ магазиновъ и склада казенныхъ имуществъ», мы прежде всего зашли къ знакомому моего чичероне, цзангйна, смотрителю этого подворья, состоявшему также въ чинѣ цзангйна. Онъ угостилъ насъ чаемъ и разказалъ, что основаніе настоящихъ магазиновъ совершилось очень давно, еще при Канси, или въ самые первые годы правленія Юнъ-чжэна. Первоначально это учрежденіе было чисто китайское. Китайцы хранили здѣсь во 1-хъ хлѣбъ, который заготовляли они спеціально въ провьянтъ для постоянно содержавшихся здѣсь въ ту пору китайскихъ войскъ; а во 2-хъ здѣсь же былъ устроенъ ими складъ для храненія казеннаго оружія, предназначавшагося для вооруженія тўмэтовъ, которые въ ту пору только что были призваны къ отбыванію военной повинности и не рѣдко отказывались отъ явки на службу, якобы за неимѣніемъ вооруженія. Чтобы достигать своихъ цѣлей съ большимъ удобствомъ, китайцы и обосновали тогда эти склады и даже въ двухъ мѣстахъ: въ Токтò-хотò въ 30 цзяней и въ Хўхў-хотò — въ 42 цзяня. Впослѣдствіи, по умиротвореніи Монголіи и окончаніи чжунгарскихъ войнъ, китайскія войска были выведены отсюда и гарнизонная служба была поручена главнымъ образомъ мѣстнымъ тўмэтскимъ войскамъ. Около той же поры было узаконено обязательное обученіе тўмэтскихъ войскъ, для котораго тўмэты обязаны были собираться въ Хўхў-хотò по два раза въ годъ. Управленіе, завѣдывавшее дѣлами этихъ учебныхъ сборовъ, было помѣщено здѣсь же, при этихъ хлѣбныхъ магазинахъ. Являвшіеся на учебные смотры получали отъ управленія вооруженіе, заготовлявшееся на общественный счетъ и по мининованіи срока смотровъ, остававшееся на храненіи при управленіи. Такимъ образомъ китайцы совершенно отдалились отъ этихъ складовъ и помѣщенія ихъ перешли въ пользованіе мѣстнаго тўмэтскаго общественнаго управленія. Какимъ образомъ совершился этотъ переходъ и какъ это казенное имущество перешло въ частныя руки тўмэтскаго общества, за давностію лѣтъ, совершенно неизвѣстно и документовъ на это никакихъ не имѣется.

Отправившись для осмотра подворья изъ помѣщенія смотрителя онаго, построеннаго у самыхъ входныхъ воротъ подворья, мы прежде всего всту-

пили въ отдѣленіе учебныхъ сборовъ. Оно состоитъ собственно изъ двухъ корпусовъ. Одинъ, находящійся по самой срединѣ двора, величиною въ три звена, назначенъ подъ помѣщеніе управленія учебными сборами; другой, прилежащій къ нему съ восточной стороны, въ два звена, представляетъ собою кладовую для храненія оружія солдатъ учебнаго лагеря. Передъ этими зданіями построены небольшія ворота. Отдѣленіе это называется [illegible]. Обогнувъ главное зданіе этого отдѣленія, вступаешь во вторую часть двора, отведенную собственно подъ склады и называемую [illegible]. Здѣсь, въ сѣверо-восточномъ углу двора, находится байшинъ въ три цзяня, для склада въ немъ казеннаго оружія, въ старину назначавшагося вообще для тўмэтскихъ солдатъ. Нынѣ этимъ оружіемъ уже болѣе 150 лѣтъ пользуются исключительно вызываемые по очереди на смотры; по нуждѣ оно исправляется и пополняется; каждой вещи имѣется подробная опись, согласно которой оружіе и хранится въ этомъ цейхаузѣ. Передъ этимъ зданіемъ находятся ворота, обращенныя къ востоку, а по обѣимъ сторонамъ ихъ вытянуты домики хлѣбныхъ магазиновъ, въ размѣрѣ одного цзяня каждый. Всего подъ хлѣбные склады назначено здѣсь 38 цзяней, или отдѣльныхъ помѣщеній, хотя и не всѣ эти домики всегда бываютъ заняты хлѣбомъ: иногда свободные изъ нихъ исполняютъ роль складовъ пороха и др. вещей. Таковъ общій видъ хлѣбныхъ магазиновъ хўхў-хотоской крѣпости.

За симъ къ числу общественнымъ и публичныхъ мѣстъ здѣсь можно отнести еще площадь, находящуюся по срединѣ крѣпости: пустое пространство ея отведенно нынѣ подъ рынокъ для продажи верблюдовъ. Остальная часть крѣпостного города и улицы его заняты небогатыми лавченками, производящими торговлю самыми мелочными товарами; много здѣсь также мастерскихъ столяровъ, гробовщиковъ, мѣдниковъ и проч. Значительная часть изъ помѣщеній, настроенныхъ подъ такія лавки, въ настоящую пору являлась не занятою вовсе и, проходя мимо одного изъ нихъ, мы увидали валяющійся на полу трупъ нищаго, умершаго, говорятъ, дней шесть, семь тому назадъ. Не возможно представить картины этого отвратительнаго небреженія китайцевъ! Ближе къ городскимъ стѣнамъ со всѣхъ сторонъ крѣпости мѣста остаются незастроенными и пространства эти служатъ мѣстнымъ жителямъ для сваливанія здѣсь всякаго рода нечистотъ.

Такъ какъ другія изъ замѣчательнѣйшихъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій Хўхў-хото находятся уже не въ кремлѣ, а въ торговомъ городѣ, то мой чичероне предложилъ мнѣ снова возвратиться въ этотъ го-

родъ, гдѣ онъ прежде всего хотѣлъ показать мнѣ главную городскую кумирню, посвященную памяти Конфуція, съ прилежащими къ ней зданіями тўмэтскаго знаменнаго училища. Мы вышли изъ кремля черезъ тѣ же южныя ворота, которыми вошли въ него, и направились по главной городской улицѣ, Да-нань-цзѣ. Пройдя не болѣе полуверсты, повернули въ переулокъ направо и вскорѣ же увидали интересовавшія насъ подворья, которыя хотя и признаются хўхў-хотэсцами за отдѣльныя, но въ существѣ дѣла представляютъ только одинъ дворъ, раздѣленный на двѣ половины. По общему обычаю китайцевъ строить казенныя зданія на нѣкоторомъ возвышеніи сравнительно съ окрестною мѣстностью, площадь подворья приподнята надъ уровнемъ городской улицы приблизительно четверти на три аршина и облицована цоколемъ. Общій объемъ ея равняется, говорятъ, въ ширину, съ востока на западъ, 8 саж. и 2 фут., а въ длину, съ сѣвера на югъ, 30 саж. и 5 фут. Расположена эта площадь подворья не въ рядъ съ уличными постройками, а нѣсколько въ глубинѣ, къ сѣверу отъ нихъ, въ рядъ же съ прочими постройками находится здѣсь во 1-хъ плацъ, раскидывающійся передъ самымъ казеннымъ подворьемъ, а во 2-хъ посрединѣ этого плаца воздвигнутъ каменный щитъ, приходящійся какъ разъ противъ главныхъ воротъ подворья. Самый плацъ этотъ можетъ быть раздѣленъ на три части: двѣ боковыя стороны его, назначенныя для прохода обыкновенныхъ смертныхъ, представляютъ собою совершенно ровное и ничемъ не застроенное пространство, срединная же часть, противулежащая главнымъ воротамъ подворья, представляетъ собою нѣсколько церемоніальныхъ сооруженій. Проникнуть въ эту часть возможно только черезъ двое бревенчатыхъ воротъ, изъ коихъ однѣ находятся по восточную сторону щита, а другія по западную и взаимно противустоятъ другъ другу. Вступивъ черезъ эти бревенчатыя ворота въ срединную часть плаца, вы видите себя какъ бы въ небольшомъ дворикѣ, южную ограду котораго составляетъ щитъ, сѣверную большія рѣшетчатыя ворота, построенныя въ величину трехъ цзяней, а западную и восточную — помянутыя бревенчатыя ворота, отъ которыхъ тянется частоколъ съ одной стороны до щита, а съ другой до рѣшетчатыхъ воротъ. Если бы эти рѣшетчатыя ворота открылись для васъ, то вы увидали бы прямо передъ собою искусственно сдѣланный прудъ, приблизительно отъ 8 до 10 саженей въ діаметрѣ, черезъ который перекинутъ мостъ, приводящій прямо къ оградѣ и главнымъ каменнымъ воротамъ подворья, построенымъ въ объемѣ трехъ цзяней. Само собою разумѣется, что эта парадная дорога въ подворье была недоступна для насъ, а потому чтобы пройти внутрь его, мы направились по боковой, свободной отъ всякихъ построекъ сторонѣ плаца и, слѣдуя ею, прямо достигли

южной стѣны каменной ограды окружающей все подворье. Проходовъ за эту ограду здѣсь имѣется собственно три: большой, парадный — черезъ вышепомянутыя каменныя трехцзяньныя ворота, бываетъ почти всегда закрытъ и открывается лишь при посѣщеніи учрежденія высшими сановниками; по бокамъ этихъ парадныхъ воротъ, съ восточной и западной стороны ихъ, располагается еще двое малыхъ воротъ; черезъ восточныя изъ нихъ мы вошли въ подворье и вступили собственно въ восточное, кумиренное, отдѣленіе двора. Въ немъ находится всего шесть отдѣльныхъ зданій. Первое мѣсто занимаетъ главная зала, въ три звена, обращенная фасадомъ на югъ; къ югу отъ нея вытянуты двѣ боковыя залы, также въ три звена, обращенныя фасадомъ одна на востокъ, а другая на западъ. Если обогнуть зданіе главной залы, то позади ея окажется еще три зданія: во 1-хъ такъ называемая «сѣверная» зала, по своимъ размѣрамъ совершенно одинаковая съ главной, а во 2-хъ два зданія, вытянуться врядъ съ этой сѣверной залой, по обѣимъ сторонамъ ея: зданіе по восточной сторонѣ имѣетъ видъ шестиугольной бесѣдки, внутри которой хранится рисунокъ «па-гуа»; зданіе по западную сторону, величиною всего въ одну цзянь, представляетъ собою кумиренную кладовую. Что касается святынь, чествуемыхъ въ вышепомянутыхъ четырехъ большихъ кумирняхъ, то, въ главной изъ нихъ, по самой срединѣ, т. е. на первомъ мѣстѣ, стоитъ дощечка съ начертаннымъ на ней именемъ Конфуція. Передъ дощечкою, по обычаю, устроенъ жертвенникъ, а надъ нимъ повѣшены двѣ «бянь-э», съ вырѣзанными на нихъ почетными надписями, пожалованными кумирнѣ богдохāномъ. Въ другихъ цзя̀няхъ, по бокамъ этого главнаго жертвенника, стоитъ также точно по жертвеннику съ чествуемыми на нихъ дощечками Янь-цзы и иныхъ ближайшихъ послѣдователей Конфуція. Въ «сѣверной» залѣ находящейся, какъ сказано, позади главной кумирни, чествуются дощечки августѣйшихъ бо, и знаменитѣйшихъ ва̀новъ, положившихъ начало царствующей нынѣ въ Китаѣ дайцинской династіи. Въ двухъ боковыхъ кумирняхъ, воздвигнутыхъ по южную сторону главной, чествуются дощечки философовъ и ученыхъ. Помимо этихъ большихъ кумирень, воздвигнутыхъ во дворѣ, за оградою, здѣсь есть еще двѣ такихъ же трехцзяньныхъ кумирни, расположенныхъ по восточную и западную сторону малыхъ боковыхъ воротъ, ведущихъ въ подворье. Обѣ эти кумирни обращены фасадомъ къ югу и представляютъ собою: восточная, по восточную сторону восточныхъ боковыхъ воротъ, — общественный храмъ въ честь доблестныхъ и именитыхъ сановниковъ; на первомъ мѣстѣ здѣсь чествуется дощечка бывшаго алиха-амба̀ня Тунъ-а; западная кумирня, по западную сторону западныхъ боковыхъ воротъ, представляетъ собою храмъ въ честь мѣстныхъ почетныхъ сель-

скихъ жителей и уважаемыхъ, стяжавшихъ себѣ добрую славу земледѣльцевъ.

Переходя отсюда къ обзору отдѣленія знаменнаго училища, мы напомнимъ прежде всего, что оно представляетъ собою собственно западную половину того же кумиреннаго двора, хотя и отдѣлено отъ него. Въ западной стѣнѣ большой залы Конфуція продѣланы небольшія, увѣнчанныя «бянь-э» двери, черезъ которыя можно прямо выйти на училищный дворъ. Группа зданій знаменнаго училища располагается совершенно параллельно большой кумирнѣ Конфуція и составляется: а) изъ главнаго корпуса, въ три звена, обращеннаго фасадомъ на югъ; и б) двухъ боковыхъ, восточнаго и западнаго, корпусовъ, также въ 3 звена, обращенныхъ фасадами одинъ на западъ, а другой на востокъ; это собственно учебныя и жилыя помѣщенія училища. Далѣе, на ряду съ западнымъ боковымъ корпусомъ, построено зданіе въ три звена, представляющее собою залъ для стрѣльбы изъ лука; а на ряду съ восточнымъ боковымъ корпусомъ находится зданіе въ 2 звена, предназначенное служить кухнею для приготовленія жертвенныхъ кушаній. Помимо сего на училищномъ дворѣ имѣются однѣ малыя двухъ-этажныя ворота и однѣ большія ворота, въ мѣру цзяня.

Что касается исторіи и внутренней стороны быта этого учебнаго учрежденія, то основаніе его относится, кажется, къ годамъ правленія Юнъ-чжэна; по крайней мѣрѣ смотритель училища свидѣтельствовалъ мнѣ о существованіи его только съ этого времени. Въ 13-мъ году правленія Юнъ-чжэна, по всеподданнѣйшему докладу мѣстнаго а̀лиха-амба̀ня Тунъ-чжи, было опредѣлено вытребовать отъ каждаго изъ 60 тӯмэ̀тскихъ эскадроновъ по два способныхъ мальчика и обучать ихъ въ Хӯхӯ-хото̀; для преподаванія наукъ, предписывалось вызвать четырехъ чиновъ оберъ офицерскаго званія, въ рангѣ однакоже низшемъ эскадроннаго командира, и назначить ихъ учителями; такимъ то образомъ и положено было основаніе мѣстному тӯмэ̀тскому знаменному училищу.

Что касается содержанія училища, то, по началу, ученикамъ его полагалось отпускать столовыхъ денегъ по разсчету 12-ти чеховъ въ день; а въ года правленія Цянь-луна штатъ этотъ былъ увеличенъ, причемъ учителямъ, за время ихъ преподаванія, назначено было каждому столовыхъ денегъ по разсчету 1200 чеховъ въ мѣсяцъ, а ученикамъ — каждому ежедневно столовыхъ по 16 чеховъ. Съ тѣхъ поръ штатъ этотъ остается неизмѣннымъ и деньги эти отпускаются ежемѣсячно 10-го числа, изъ знаменнаго казначейства, даже безъ какихъ либо отчетовъ Министерству. Общее число учениковъ, въ 60 человѣкъ, остается доселѣ также неизмѣннымъ, но прежнее постановленіе объ обязательномъ вызовѣ отъ каждаго

эскадрона по два человѣка теперь давно уже не соблюдается; оттого въ настоящую пору нѣкоторые эскадроны отправляютъ по одному мальчику, другіе по два; одни посылаютъ значительно выше установленнаго числа, другіе эскадроны не отправляютъ учениковъ и вовсе. Обусловливается это въ большинствѣ случаевъ удаленностью отъ города кочевьевъ знаменныхъ тӳмэ̀товъ, а помимо того крайнею недостаточностью ихъ средствъ. По отзыву смотрителя, не смотря на то, что и учители, и ученики получаютъ теперь значительно больше содержанія, чѣмъ полагается имъ по штату, они все же не могутъ содержаться въ Хӳхӳ-хото̀ на эти выдаваемыя имъ суммы, а потому волей неволей должны прикладывать еще и своихъ денегъ; вотъ почему для совершенно бѣднаго человѣка доступъ въ школу является положительно закрытымъ. Меня невольно заинтересовалъ вопросъ, какимъ образомъ состоящіе при училищѣ могутъ получать высшее противъ штатнаго содержаніе и это повело къ разъясненію другого вопроса объ источникѣ средствъ для содержанія училища вообще. Дѣло въ томъ, что съ этою цѣлью, въ мѣстности, прилежащей училищу, искони вѣковъ было построено нѣсколько казенныхъ помѣщеній и лавокъ, доходами отъ аренды которыхъ и должны были содержаться штатные члены училища. Въ эпоху цянь-луновскаго утвержденія штатовъ были утверждены и правила аренды. Ежегодная арендная сумма была узаконена въ 320 тыс. слишкомъ чеховъ. Контрактъ на каждое отдѣльное помѣщеніе можетъ быть заключенъ не менѣе какъ на годъ; если купецъ закроетъ арендованную имъ лавку, вознамѣрится переселиться въ другой городъ, или вообще не станетъ жить, то слѣдующія за постой деньги уплачиваются имъ до той поры, пока не найдется другой квартирантъ, который приметъ на себя всѣ установленныя условія. Въ квартирахъ этихъ могутъ останавливаться и временно пріѣзжающіе торговцы, но только въ томъ случаѣ если причитающуюся за лавку арендную плату они будутъ вносить за мѣсяцъ впередъ безнедоимочно. Такъ какъ арендная плата съ лавокъ была установлена очень низкая, то помѣщенія ихъ не только никогда не могли пустовать, но всегда приносили дохода больше чѣмъ полагалось. Въ началѣ 1870-хъ годовъ лавки приносили въ 3 и въ 4 раза больше положенной суммы; теперь онѣ приносятъ иногда вдвое, а иногда нѣсколько меньше, или больше. Такъ какъ на содержаніе штатныхъ лицъ училища идетъ вся арендная сумма, получаемая съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ лавокъ, то, при выдачѣ столовыхъ денегъ ученикамъ и учителямъ, увеличеніе или уменьшеніе ихъ полученія бываетъ неопредѣленно и находится въ зависимости отъ общаго количества арендной платы, собранной въ томъ или другомъ году отъ помѣщеній. Сверхъ сего на содержаніе училищнаго штата ежегодно полу-

чается еще аренда отъ хлѣбопахатныхъ земель, исчисленная по положенію въ 38 ланъ серебра, но также точно дающая всегда minimum въ $1\frac{1}{2}$ раза больше. Курсъ наукъ въ знаменномъ училищѣ тотъ же самый, что мы видѣли и въ Кобдоской школѣ переводчиковъ (см. т. I, стр. 310); къ указанному тамъ обученію грамотѣ здѣсь только присоединяется еще ежедневная стрѣльба изъ лука.

Осмотрѣвъ зданія знаменнаго училища, мы по улицамъ торговаго города направились на восточную сторону хўхў-хотòской крѣпости, гдѣ, приблизительно на разстояніи одной версты отъ восточной крѣпостной стѣны, воздвигнута общественная кумирня въ честь изобрѣтателя земледѣлія. Это кумирня уже чисто китайская и тўмэ̀ты земледѣльцы, даже окитаявшіеся по виду, никогда не посѣщаютъ ее. Тѣмъ не менѣе кумирня эта, какъ гласитъ надпись надъ ея воротами, была построена въ 5 году правленія Юнъ-чжэна (1727), по всеподданнѣйшему докладу тўмэ̀тскаго гўсай-амба̀ня Даньцзѝня. Кумиренное подворье отличается здѣсь отъ всѣхъ другихъ хўхў-хотòскихъ казенныхъ зданій своимъ объемомъ. Пространство его фундамента имѣетъ въ ширину, съ востока на западъ, 15 саженей, а въ длину, съ юга на сѣверъ, 30 саженей. Можетъ быть, благодаря именно этому значительному объему, внутри подворья кажется довольно пустынно. На первомъ мѣстѣ, т. е. по сѣверной стѣнѣ, по обычаю, вытянута большая зала, въ три звена, гдѣ чествуется дощечка изобрѣтателя земледѣлія, Шэнь-нунъ хуанъ-ди и находится его идолъ. По восточной и западной сторонамъ этой залы, одно противъ другого устроены два боковыя зданія, по одному звену, — это кухни для приготовленія жертвъ, приносимыхъ въ кумирнѣ. Далѣе на восточной сторонѣ, находится зала въ три звена, обращенная фасадомъ на западъ; а на западной — ей противустоятъ обращенными фасадомъ на востокъ во 1-хъ бесѣдка на возвышеніи, для постановки кушаній во время совершенія торжественныхъ жертвоприношеній, а во 2-хъ зданіе въ одно звено для игры на музыкальныхъ инструментахъ. Посреди двора возвышается большой жертвенникъ, помимо, конечно, всегда имѣющагося здѣсь сосуда для возженія курительныхъ свѣчей. Большія ворота въ здѣшнемъ храмѣ земледѣлія построены въ величину только одного цзѝня.

Отсюда, слѣдуя по порядку, мы пошли на сѣверную сторону крѣпости, гдѣ, приблизительно также въ одной верстѣ, или можетъ быть нѣсколько больше, отъ сѣверной крѣпостной стѣны, устроенъ плацъ для военныхъ упражненій тўмэ̀тскихъ солдатъ. Самый плацъ не представляетъ собою ничего особенно выдающагося: это ровная, отлично утрамбованная и лишенная растительности площадь, на которой очень удобно могутъ про-

изводить различныя эволюціи солдаты; но помимо плаца здѣсь находятся еще и особыя зданія. Сосредоточены они ближе къ городу, т. е. на южной сторонѣ плаца. Подходя къ нему со стороны города, вы видите прежде всего поставленный по китайскому обычаю щитъ, хотя цѣль его здѣсь, за неимѣніемъ у зданія ограды, совершенно непонятна. За щитомъ будетъ главное зданіе плаца, построенное въ три звена; оно является канцеляріею, въ которой ведутся всѣ дѣла, спеціально касающіяся производства ученыхъ смотровъ и военныхъ упражненій. На сѣверо-востокъ отъ этого главного зданія построена бесѣдка въ два цзяня, въ которой во время учебныхъ упражненій солдатъ сидятъ офицеры и смотрятъ на отправленіе военныхъ дѣйствій. На западной сторонѣ, противъ этой бесѣдки, выстроено также двухцзяньное зданіе, назначенное для храненія въ немъ пороха. Наконецъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ плаца, отдѣльно стоитъ еще небольшая сторожка, въ которой проживаютъ солдаты, охраняющіе плацъ и состоящія при немъ постройки. Вотъ все, что представляетъ собою плацъ въ обычное время. Солдаты собираются теперь на немъ, по положенію, ежегодно, по два раза, т. е. на одинъ мѣсяцъ весною, и на одинъ мѣсяцъ осенью. Каждый разъ вызывается изъ тӯмэ̀тскихъ хошӯновъ по 1000 человѣкъ на опредѣленный условленный срокъ, къ которому и должны бываютъ собраться въ хӯхӯ-хото̀скій военный лагерь какъ офицеры, такъ и нижніе чины въ помянутомъ количествѣ. Въ лагерѣ они проживаютъ, на плацъ же выходятъ собственно для производства ученья и военныхъ упражненій. Установленіе въ Хӯхӯ-хото̀ этихъ военныхъ смотровъ относится къ 11 году правленія Юнъ-чжэна (1734). Въ ту пору были впервые составлены положенія объ обученіи тӯмэ̀тскихъ войскъ, по которымъ постановлено было вызывать солдатъ всего въ количествѣ 800 человѣкъ: 300 изъ нихъ должны были являться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а 500 — вооруженными луками. Въ 10 лунѣ 47 года правленія Цянь-луна (1782 г.), по всеподданнѣйшему докладу хӯхӯ-хото̀скаго цзянь-цзюня Сунъ-чун'я, число вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ было увеличено на 200 человѣкъ и съ тѣхъ поръ на смотры вызывается уже по 1000 человѣкъ: 500 съ ружьями и 500 съ луками и стрѣлами. Обученіе, говорятъ, въ теченіе всего мѣсяца изо-дня-въ-день бываетъ одно и тоже и продолжается ежедневно отъ 6 до 9 ч. утра. Солдаты, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, всегда начинаютъ ученіе: они совершаютъ три различные пріема построенія и трижды стрѣляютъ въ залпъ, а засимъ отступаютъ на аріергардъ. На смѣну ихъ выходятъ солдаты, вооруженные луками: они стрѣляютъ въ мишень, стоя на ногахъ, каждый по одиночкѣ, тремя стрѣлами; а равно практикуются въ прицѣливаніи и стрѣльбѣ съ лошади. Нижніе чины огнестрѣльнаго ору-

жія, въ ту пору какъ лучники стрѣляютъ изъ луковъ, практикуются въ устроиваніи земляныхъ насыпей. Помимо сего эти чины огнестрѣльнаго оружія черезъ девять дней въ десятый также точно должны стрѣлять въ цѣль, по одиночкѣ. Въ эти дни стрѣльбы лучниковъ уже не бываетъ, такъ какъ производящіе ученіе и сидящіе въ бесѣдкѣ офицеры не могутъ одновременно слѣдить за достоинствомъ стрѣльбы изъ ружей и изъ луковъ. По окончаніи ученья солдатамъ выдается, каждому на руки, ежедневно причитающееся ему провьянтное содержаніе, въ количествѣ 5 фыновъ серебра на человѣка. Деньги, расходуемыя на этотъ предметъ, отчисляются изъ суммъ, собираемыхъ въ видѣ пошлинъ съ привозимыхъ въ Хўхў-хотò товаровъ.

Что касается порохового и оружейнаго склада на плацу, то въ немъ хранятся лишь порохъ, да пули, и при томъ въ обычное время года предметовъ этихъ бываетъ здѣсь очень мало: ихъ привозятъ главнымъ образомъ въ періодъ обученія солдатъ. Относительно пріобрѣтенія пороха и пуль мнѣ сообщили, что по началу ихъ пріобрѣтали покупкою изъ Пекина и не болѣе какъ въ количествѣ 675 гиновъ за разъ. Смотря по мѣрѣ израсходованія этого провьянта, каждый разъ дѣлался особый докладъ въ министерство и для доставки пороха изъ Пекина каждый разъ откомандировывался отдѣльный чиновникъ. Впослѣдствіи положеніе дѣлъ измѣнилось и опредѣлено было отпускать пули въ неопредѣленные сроки, — по мѣрѣ ихъ израсходованія и по необходимости, а порохъ — сразу, въ количествѣ годового потребленія. Вопросъ объ отпускѣ пуль былъ рѣшенъ въ 60 году правленія Цянь-луна (1795 г.). Военное министерство представило тогда докладъ богдохáну, въ которомъ выясняло, что обучающіеся въ Хўхў-хотò огнестрѣльному бою тўмэтскія войска, въ количествѣ 500 человѣкъ, обязаны въ теченіе мѣсячнаго срока обученія три дня стрѣлять въ цѣль изъ ружей и въ каждый такой учебный день выпускать по три пули, слѣдовательно на каждый учебный срокъ имъ потребно 4500 пуль. Разсчитывая, что изъ числа этихъ пуль $^{3}/_{10}$-хъ части, т. е. 1350 пуль, растеряется, а $^{7}/_{10}$ частей, или 3150 пуль, должно быть отыскано и снова сдано въ казну, чины военнаго тўмэтскаго управленія и могутъ дѣлать свои доклады министерству объ отпускѣ имъ пуль. Постановленіе о порохѣ состоялось, кажется, значительно позже. Высчитано было, что въ Хўхў-хотò, на обученіе тўмэтскихъ солдатъ и на пушечные выстрѣлы при ежедневномъ открытіи и закрытіи крѣпостныхъ воротъ, должно расходоваться пороху всего 3540 гиновъ, да сверхъ того 40 гиновъ лучшаго пороха, который кладется лишь для затравки, на полку. Это именно число и постановлено было отпускать въ Хўхў-хотò на годовой срокъ, и уже не изъ Пекина, а изъ Тай-юань-фу, главнаго города провинціи Шань-си.

Солнце уже клонилось къ закату, когда мы оставили плацъ для военныхъ упражненій, чтобы посѣтить послѣднее, какъ говорилъ цзангинъ, изъ замѣчательныхъ общественныхъ учрежденій Хўхў-хотò, — мѣстную богадѣльню. Она находится на западной сторонѣ города, вѣрнѣе даже за городомъ, въ разстояніи приблизительно $1^1/_2$ версты отъ западной крѣпостной стѣны. Учрежденіе это, когда подъѣхали мы къ нему, (дорожа временемъ, я нанялъ уже здѣсь извозчика, уплативъ ему за пространство отъ плаца до богадѣльни, около $2^1/_2$ верстъ ѣзды, — 200 чеховъ, т. е. около 40 коп.) сильно напомнило мнѣ домики нашихъ инвалидовъ, устроенные близъ Петербурга по линіи Варшавской жел. дороги. Здѣсь также точно имѣется десятка три отдѣльныхъ фанзъ, въ которыхъ проживаютъ призрѣваемые, только они не имѣютъ у себя ни огородовъ, ни садиковъ, а потому и не могутъ припасать что либо для своего хозяйства. Устроилась эта богадѣльня въ 1-мъ году правленія Цянь-луна (1736 г.), а въ 5-мъ году (1740 г.) былъ опредѣленъ штатъ призрѣваемыхъ въ ней, числомъ въ 100 человѣкъ. На пропитаніе ихъ мѣстнымъ Фу-ду-тун'омъ отпускается изъ хлѣбныхъ магазиновъ всего 350 кулей [1]) зернового хлѣба, по разсчету выдачи въ день на человѣка 10 пригоршней зерна. Мяса, зелени и другихъ какихъ либо пищевыхъ продуктовъ не выдается натурою, а взамѣнъ сего каждый призрѣваемый получаетъ на руки 7 ланъ и 1 цинъ (14 р. 20 коп.) серебра въ годъ. Помимо того осенью каждаго года, каждому призрѣваемому выдается одна дабу, на пошитье себѣ платья и на этотъ предметъ ассигнуется всего 90 ланъ серебра. Съ 9-й и до конца 2-й луны призрѣваемымъ полагаются еще особыя деньги на покупку каменнаго угля для отопленія; всего расходуется на этотъ предметъ около 40 ланъ.

Съ сѣверной стороны крѣпости къ крѣпостной стѣнѣ примыкаетъ рынокъ для продажи предметовъ ежедневной жизненной потребности. Здѣсь продаютъ:

Мясо (баранье) по 60 чеховъ за гинъ, — безъ костей.
Мясо (свиное) по 120 чеховъ за гинъ.
Курица живая 150 чеховъ за штуку.
Яица — 50 чеховъ за десятокъ.
Мука пшеничная, низ. сортъ, — по 25 чеховъ за гинъ.
Мука пшеничная, выс. сортъ, — по 35 чеховъ за гинъ.

---

1) Маньчж. куль вмѣстимостью въ 120 гиновъ зерна.

Крупа — по 30 чеховъ за гинъ.

Картофель — по 12 чеховъ за гинъ.

Лукъ по 20 чеховъ за гинъ.

Дрова (пучекъ прутьевъ вѣсомъ въ $1^3/_4$ Ф.) 90 чеховъ.

Каменный уголь — 30 чеховъ за гинъ.

Сѣно (снопъ въ $1^1/_2$ гина) — отъ 8 до 25 чеховъ.

Солома овсяная (такой же снопъ) — отъ 6 до 12 чеховъ.

Такія цѣны уплачиваются «мань-цянь», т. е. чистыми деньгами, по курсу 1380 чеховъ за одну лану серебра, что составитъ приблизительно по 5 чеховъ за одну нашу копѣйку. Этотъ съѣстной рынокъ служитъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ хўхў-хотòскихъ нищихъ и послѣднихъ во всякое время можно видѣть здѣсь сотнями. По внѣшнему виду они ничѣмъ не отличаются отъ пекинскихъ нищихъ, только, пожалуй, еще грязнѣе и безобразнѣе послѣднихъ. Всматриваясь въ нихъ, ихъ легко можно было раздѣлить на двѣ категоріи: одни, одѣтые чрезвычайно бѣдно, въ шаровары и кофты, покрытыя заплатами и бродящіе, очевидно, цѣлыми семьями (мужъ съ женою и нѣсколькими дѣтьми), были доведены до своего состоянія голодомъ и неурожаями послѣднихъ лѣтъ. Это тѣ самые люди, которые, пришедши въ невыразимую крайность, побросали свои дома и поля въ деревняхъ и пошли искать пропитанія путемъ заработка, или милостыни въ мѣстахъ, наиболѣе промышленныхъ и людныхъ; другіе — были нищими добровольными, нищими по призванію. Большая часть ихъ ходитъ или совершеннымъ нагишомъ, или же обвертывается въ тряпье, клочки шерсти, овчины и кожи, никуда, никому и ни къ чему негодные; тряпицами этими они прикрываютъ тѣло, обвязывая его вокругъ веревками. Таковъ внѣшній видъ нищихъ по призванію. Это народъ совершенно погибшій нравственно, для котораго выходъ изъ положенія нищенства уже невозможенъ, тѣмъ больше что онъ и не ищетъ такого выхода. Живутъ они не только милостынею, но еще болѣе воровствомъ; и однако если бы тѣмъ или другимъ способомъ удалось получить имъ хотя бы нѣсколько чеховъ, они никогда не употребятъ ихъ на дѣло, а тотчасъ же отправляются играть на нихъ въ чрезвычайно распространенную среди хўхў-хотòскихъ нищихъ игру въ кости. Съ цѣлью удовлетворенія этой потребности въ Хўхў-хотò имѣется до десятка игорныхъ домовъ, представляющихъ притомъ самые грязные притоны разврата.

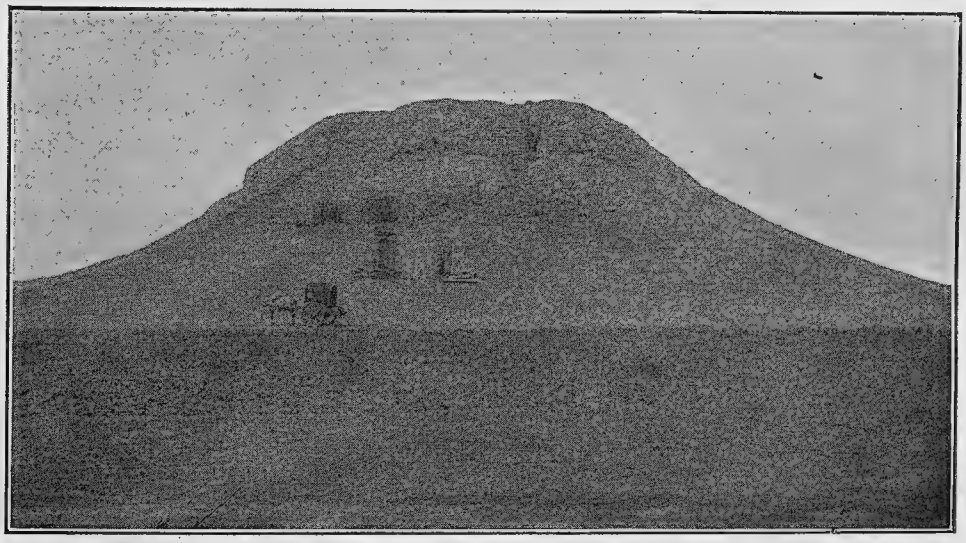
За съѣстнымъ рынкомъ, еще нѣсколько къ сѣверу отъ хўхў-хотòской крѣпости, тянется нѣсколько улицъ вплоть до р. Да-си-хэ, лѣвымъ берегомъ

которой и оканчивается городъ. Въ сѣверо-западномъ углу города черезъ р. Да-си-хэ имѣется каменный мостъ, сложенный изъ дикаго гранита, отесаннаго въ брусья. Мостъ этотъ, величиною въ три пролета, соединяетъ Хўхў-хотò съ его предмѣстьемъ, которое располагается уже на правой сторонѣ Да-си-хэ и черезъ которое обычно слѣдуютъ всѣ караваны, направляющіеся въ Монголію. Нѣсколько выше этого моста, на правомъ берегу рѣки располагаются подрядъ два подворья католическихъ миссіонеровъ, землю для устройства которыхъ они купили у китайцевъ до 2000 ланъ серебра. Въ подворьяхъ этихъ обычно не живетъ никого, помимо сторожей изъ китайцевъ; тѣмъ не менѣе разказываютъ, что въ одномъ изъ этихъ подворьевъ устроена даже отдѣльная комната, спеціально принаровленная къ отправленію въ ней богослуженій. Послѣднія бываютъ очень рѣдко, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда миссіонеры пріѣзжаютъ изъ округа въ Хўхў-хотò, для закупа себѣ жизненныхъ припасовъ.

Пробираясь къ этимъ подворьямъ, я имѣлъ случай видѣть единственную въ Хўхў-хотò водяную мельницу, которая, впрочемъ, работаетъ только въ лѣтнюю пору. Вѣроятно вслѣдствіе незначительности самой рѣки Да-си-хэ и невозможности на ней, какъ на горной рѣчкѣ, устроить плотину, воду къ этой мельницѣ заводятъ канавами. Устроено три подстава, а внизу три широкихъ колеса, въ которыя бьетъ вода. Сверху установлено еще одно колесо съ желѣзными кулаками, которое собственно и ворочаетъ жернова. Шестерни нѣтъ вовсе. Такъ какъ мельница эта работаетъ только лѣтомъ, то количество изготовляемой на ней муки вообще незначительно на столько, что она не могла бы даже удовлетворить потребностямъ мѣстныхъ жителей, не говоря уже о хлѣбѣ, приготовляемомъ для вывоза. Послѣдній весь почти обработывается на мельницахъ съ коннымъ приводомъ, которыхъ въ Хўхў-хотò насчитывается до двухъ десятковъ.

Изъ окрестностей Хўхў-хотò, насколько мнѣ было извѣстно то изъ китайскихъ описаній, является замѣчательнымъ только одно древнее кладбище «Ванъ-чжао-цзюнь», или, по современному мѣстному названію, «Чжō-цзюнь-фынъ». По свидѣтельству Чжанъ-пынъ-гэ, кладбище это въ концѣ XVII в. носило названіе «Цинъ-чжунъ», что значитъ «зеленое кладбище»; въ «И-тунъ-чжи» же мы находимъ объясненіе на происхожденіе такого названія. «Кладбище знаменитой Ванъ-чжао-цзюнь», говоритъ означенное сочиненіе, «находится въ 30 ли отъ Фэнъ-чжоу на западъ. Тамъ по всей окрестности трава бѣлаго цвѣта, а на самомъ кладбищѣ — зеленая; отчего

оно и получило названіе зеленаго кладбища». Нынѣ такое названіе совершенно не употребительно, хотя самое кладбище извѣстно каждому, проживающему въ Гуй-хуа-чэнѣ китайцу. Нанявъ телѣгу, я, запасшись фотографіею и приборами для снимковъ эстампажемъ, выѣхалъ на осмотръ его утромъ 14-го марта. Оставивъ городъ, мы направились прямо на югъ и черезъ какихъ нибудь пять или шесть минутъ мой возница уже указалъ мнѣ самое кладбище. Издали это мѣсто казалось намъ теперь отдѣльно стоящей высокой, черной горой, до которой намъ предстояло проѣхать приблизительно верстъ десять. Дорога проходитъ по полямъ, начинающимся у самыхъ городскихъ построекъ. Почва здѣсь вообще не особенно плодородна, тѣмъ не менѣе поля распаханы въ громадномъ количествѣ. Жилыхъ построекъ сравнительно весьма не много, за то кладбища, вѣроятно, служащія мѣстомъ для погребенія городскихъ жителей, идутъ почти непрерывною линіею. Поля и кладбища, поля и кладбища, — это въ полномъ смыслѣ слова долина труда и смерти! Верстахъ въ пяти отъ города мы перебралась на лѣвый берегъ рѣки Хэй-хэ, текущей съ востока; отсюда почва становится болѣе солонцеватою и чѣмъ ближе къ Чжао-цзюнь-фынъ, тѣмъ солонцы яснѣе выступаютъ наружу. Нѣтъ сомнѣнія, что именно такой составъ почвы и далъ основаніе говорить встарину, что «вокругъ кладбища трава бѣлая, а на самомъ на немъ зеленая». Подъѣхавъ къ самому



Современный видъ зеленаго кладбища близъ Хўхў-хотò.

кладбищу съ сѣверной его стороны, мы увидали передъ собою громадный и высокій курганъ и болѣе ровно ничего. Чжапъ-пынъ-гэ, видѣвшій это

кладбище въ 1687 г., описываетъ его такимъ образомъ: «Высота его около 20 чжанъ; ширина и длина въ нѣсколько десятковъ му (китайская десятина). На самомъ верху кладбища стоитъ глиняный домикъ, въ одну цзянь; стѣны глухія; внутри разставлены вазы. На передней сторонѣ кладбища осталась еще пара тигровъ, но левъ въ одномъ только экземплярѣ. Судя по тонкости и чистотѣ отдѣлки, они, очевидно, сдѣланы въ Китаѣ и пожалованы, вѣроятно, какимъ нибудь императоромъ кладбищу наложницы Минъ-фэй. На самомъ кладбищѣ навалена въ одномъ мѣстѣ груда кирпичей и разбросаны зеленаго цвѣта черепицы. Вѣроятно тутъ была зала Сянъ-дянъ. Къ сожалѣнію тутъ не осталось ни одного монумента съ надписью, чтобы провѣрить это».

Со времени описаній Чжанъ-пынъ-гэ прошло уже болѣе 200 лѣтъ и теперь, подъѣхавъ къ этому холму, высота коего казалась мнѣ саженей въ 30, мы тщенно искали глазами на верху его упоминаемый домикъ. Взобравшись на самую вершину холма, можно было только констатировать фактъ, что отъ этого домика не осталось теперь ровно никакихъ слѣдовъ. Точно также, спустившись на переднюю южную сторону холма, мы не нашли здѣсь ни тигровъ, ни льва, все это унесено невозвратно временемъ. Опредѣлить гдѣ именно находилась Сянъ-дянъ въ настоящую пору также не возможно. Въ различныхъ мѣстахъ холма мы встрѣчали много старинныхъ кусковъ черепицы зеленаго цвѣта; но они нигдѣ не группировались въ одну общую груду. Къ удивленію своему мы повстрѣчали здѣсь три каменописныхъ памятника на китайскомъ языкѣ, которые оказались однако самаго позднѣйшаго происхожденія и относятся къ 13-му году правленія Дао-гуана (1833 г.) [1]). Поставлены они да-тун'скимъ чжи-фу и читаются

1) Послѣднимъ изъ осматривавшихъ этотъ холмъ нашихъ путешественниковъ былъ, кажется г. Потанинъ, посѣтившій Чжао-цзюнь фынъ въ 1884 г. Мнѣ до отъѣзда въ Монголію не было извѣстно его описаній, теперь же знакомство съ ними породило у меня много недоумѣній. Г. Потанинъ полагаетъ, напримѣръ, что весь этотъ холмъ имѣетъ только 370 метровъ въ окружности и высоты около 6 саженей. Не знаемъ, какимъ образомъ производилъ свой обмѣръ г. Потанинъ, но въ данномъ случаѣ мы ближе склоняемся къ описаніямъ китайца Чжанъ-пынъ-гэ, опредѣлявшаго высоту Чжао-цзюнь-фына въ 20 чжановъ (1 чжанъ = 1 саж. 4 фут. 9 дюйм.), а окружность въ нѣсколько десятковъ «му» (1-му = 159 саж. 46½ квад. дюйм.). Г. Потанинъ говоритъ далѣе, что китайскій «плугъ угрожаетъ даже сравнять этотъ холмъ съ окружающей долиной»; но думаемъ достаточно посмотрѣть на представляемый рисунокъ, чтобы сказать, что опасность быть сравненному съ землею для этого памятника, просуществовавшаго уже около 1920 лѣтъ, еще очень далека. Относительно происхожденія разсматриваемаго холма г. Потанинъ записалъ нѣсколько легендъ; по одной изъ нихъ, здѣсь погребена утонувшая царевна, признанная за божество; по другой — императрица династіи Хань, выданная замужъ въ Монголію; по третьей здѣсь похоронена жена Чингисъ-хана, которая оскопила мужа и бросилась въ воды Желтой рѣки. Мы не слыхали ни одной изъ этихъ легендъ; напротивъ, какъ китайцы, такъ и монголы совершенно правильно называли намъ этотъ холмъ могилою Ванъ

совершенно легко. Первый и самый бо̀льшій изъ этихъ памятниковъ представлялъ собою гранитную плиту, вставленную въ поставецъ, довольно чистенько сложенный изъ обозженаго кирпича и изящно украшенный черепичною крышей. Я не снималъ его эстампажемъ и удовольствовался прилагаемымъ здѣсь фотографическимъ снимкомъ его, на которомъ каждый знающій легко прочтетъ и китайскую надпись: «хань Минъ-фэй чжунъ», что значитъ: «могильная насыпь ханьской «Минъ-фэй», и монгольскую: «хань улус'ун Ванъ-чжао цзюн'у хэгӯръ» т. е. «гробница Ванъ-чжао цзюнь ханьской династіи».

чжао-цзюнь, что и весьма естественно, ибо всѣ они читаютъ объ этомъ на стоящихъ здѣсь памятникахъ. Г. Потанинъ видѣлъ эти памятники, но, очевидно, мало обратилъ на нихъ вниманія и лишь сдѣлалъ предположеніе, что они, вѣроятно, поставлены въ позднѣйшее время надъ могилами китайцевъ изъ сосѣдней деревни. Думаю, что г. Потанинъ даже не спрашивалъ ни китайцевъ, ни монголовъ о значеніи этихъ памятниковъ, иначе каждый прочиталъ бы ему содержаніе находящихся на нихъ надписей.

Другой памятникъ, нѣсколько меньшій по объему. Онъ представляетъ собою каменную плиту, высотою въ 1 сажень и 4 вершка, установленную на такой же каменной подставкѣ. Плита эта ничѣмъ не защищена снаружи и свободно обвѣвается вѣтрами и обмывается дождями. Благодаря сказанному всѣ изсѣченія на этомъ камнѣ пострадали гораздо больше, чѣмъ на первомъ; тѣмъ не менѣе надпись этого камня, начертанная обычными китайскими іероглифами, читается легко и я могъ списать ее прямо отъ руки. Вотъ текстъ этой надписи:

閩閣堪垂世明妃冠漢宮一身歸朔漠數代靖兵戎若以功各論
幾揄霍衛同人皆悲遠嫁我獨羨遭逢縱使承恩寵馬能保始終
至今青塚在絶勝賦秋風

鎭守綏遠城等處將軍兼管右衛歸
化城土默特官兵調遣宣大三鎭官兵世襲雲騎尉彥德題

將軍號亦奄滿洲正黃旂人嘉慶癸卯鄉科捷後承襲世職歷擢
參贊大臣定邊左副將軍理藩院侍郎鑲紅旂漢軍都統今簡鎭
斯土蓋儒雅而兼將畧者也瀾護道篆來此路徑黑河見所謂青
塚者因思前　頗有歌咏皆未著明妃之功不足爲後世勸及見
將軍作喜曰妃無憾矣此詩之後不必有續咏矣故謹爲之序而
請勒諸石

署理分巡歸綏兵備道大同府知府長白珠瀾書

道光十三年歲次癸巳五月吉立

Въ переводѣ это значитъ:

«Среди знаменитыхъ женщинъ, упоминаемыхъ въ исторіи Ханьской династіи императорская наложница [1]) Минъ [2]) занимаетъ первое мѣсто. Благодаря тому, что она отправилась въ сѣверныя степи, война прекратилась на нѣсколько поколѣній. Что касается ея заслугъ, то ихъ можно сравнивать съ заслугами Хэ и Вэй [3]). Люди сожалѣли ее, такъ какъ она вышла замужъ далеко (отъ родины); но я одинъ радуюсь, что такъ сложились обстоятельства; ибо если бы она даже пользовалась расположеніемъ богдохана, то (является еще вопросомъ) могла ли бы она сохранить это расположеніе до конца? А между тѣмъ и теперь все еще существуетъ ея зеленый курганъ и это несравненно лучше стиховъ объ осеннемъ вѣтрѣ. Стихи написаны суй-юань'скимъ военнымъ губернаторомъ, (цзянь-цзюнь), командующимъ сверхъ того гуй-хуа-чэнскими тумэтскими войсками лѣваго крыла и имѣющаго въ своемъ вѣдѣніи войска трехъ военныхъ округовъ (чжэнь) Сюань-хуа, Да-тунъ и Суй-юань, потомственнымъ дворяниномъ 8-го класса (юнъ-ци-юй) Янь-дэ. Хао (т. е. имя, подъ которымъ извѣстенъ онъ своимъ знакомымъ) его И-янь. Онъ принадлежитъ желтому маньчжурскому знамени; въ 13 году правленія Цзя-цина выдержалъ экзаменъ на степень магистра (цзюй-жэнь) и затѣмъ наслѣдовалъ потомственный титулъ. Вслѣдъ за симъ онъ послѣдовательно проходилъ должности: цань-цзань-да-чэн'я, динъ-бянь-цзо-фу цзянь-цзюн'я [4]), товарища министра Ли-фань-юан'я (ши-

---

1) Императорскія наложницы раздѣляются на пять разрядовъ: а) хуанъ-гунъ-фэй, б) куй-фэй, в) фэй, г) бинъ и д) куй жэнь.

2) Минъ — имя, данное богдоханомъ своей наложницѣ, которая прозывалась собственно Чжао-цзюнь (т. е. госпожа дворца Чжао-янъ), по фамиліи Ванъ. Въ китайской литературѣ она является героинею романа «Чжао цзюнь чу сай» (т. е. Чжао цзюнь за великой стѣной). Разказывается, что она была взята въ гаремъ богдохана Юань-ди (48 г. до Р. Х.), услыхавшаго объ ея необыкновенной красотѣ; но, благодаря интригамъ министра Мао-янь-шоу, не получившаго взятки отъ ея отца и показавшаго богдохану вмѣсто ея портрета, портретъ другой самой обыкновенной женщины, она даже и въ гаремѣ долго оставалась въ неизвѣстности. Случайно богдоханъ встрѣтилъ ее и плѣнился ея красотой. Тогда Мао-янь-шоу убѣжалъ къ Сюнну'скому князю и, показавъ ему портретъ Чжао-цзюнь, возбудилъ въ немъ желаніе сдѣлать ее своей женой. Сюннускій князь вторгнулся въ Китай и согласился возвратиться въ свои кочевья только тогда, когда ему выдали Чжао-цзюнь. Послѣдняя послѣдовала за своимъ властелиномъ до береговъ Хэй-хэ, гдѣ она бросилась въ рѣку. По исторіи «Тунъ-цзянь-ганъ-му» Китайскій Императоръ въ 33 году заключилъ договоръ съ Сюннускимъ княземъ и далъ ему въ жены наложницу Ванъ цянъ, называемую Чжао-цзюнь; она отправилась съ княземъ въ его кочевья, гдѣ и была признана королевой, получивъ титулъ «нинъ ху» (寧 胡).

3) Хэ-шу-нинъ († 117 до Р. Х.), знаменитый генералъ, который во времена царствованія У-ди, вмѣстѣ съ Вэй-цин'омъ, побѣдоносно боролся съ Сюн-ну.

4) Динъ-бянь-цзо-фу-цзянъ-цзюнь титулъ военнаго губернатора, при которомъ состоятъ два помощника, называемые цань-цзань-да-чэнь.

ланъ) и генералъ лейтенанта китайскаго краснаго съ каймою знамени, теперь же онъ назначенъ военнымъ губернаторомъ этой мѣстности. Когда я, Лань (т. е. Чжу-лань), былъ назначенъ Дао-таемъ, прибылъ къ берегамъ Хэй-хэ и увидалъ такъ называемый зеленый курганъ, я подумалъ, что хотя въ прежнее время и были поэты, но никто не воспѣлъ заслугъ наложницы Минъ и такимъ образомъ не побудилъ будущія поколѣнія къ подражанію ей. Увидѣвъ стихи цзянь-цзюня, я радостно воскликнулъ: «Не печалься наложница! Послѣ этихъ стиховъ уже не нужно воспѣвать тебя! Поэтому, написавши это предисловіе, я просилъ цзянь-цзюня вырѣзать его вмѣстѣ со стихами на камнѣ.

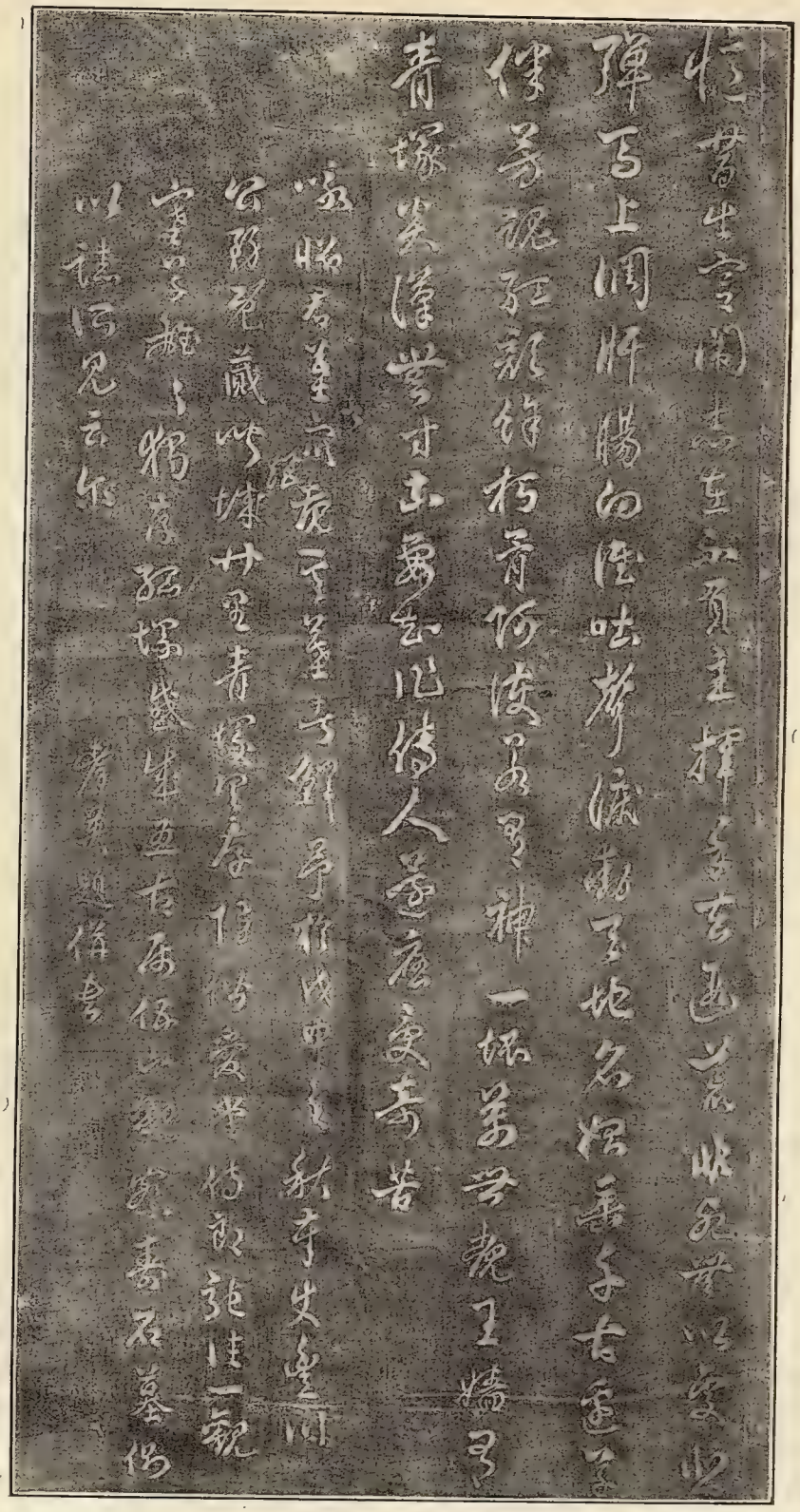
Написано да-тун'скимъ областнымъ начальникомъ, исправляющимъ обязанности гуй-хуа-чэн'скаго и суй-юань'скаго дао-тая, командующимъ военнымъ отрядомъ, уроженцемъ Чань-бо шань'скимъ, Чжу-лань.

Памятникъ воздвигнутъ въ 5-лунѣ 13-го года (гуй-цзи) правленія Дао гуана.

Третій, самый низенькій и срединный изъ камней также отлично сохранился, но я долженъ былъ снять его эстампажемъ, такъ какъ онъ написанъ неизвѣстнымъ мнѣ скорописнымъ почеркомъ. Представляю точный снимокъ надписи этого памятника, въ надеждѣ что онъ будетъ прочитанъ болѣе меня опытными китаистами.

Помимо означенныхъ надписей кладбище это незаключаетъ теперь въ себѣ рѣшительно ничего замѣчательнаго. Какъ уже сказано, оно представляетъ собою одинъ громадный холмъ, вышиною до 30 саж. и до 500 саж. въ окружности. Почва его лёссовая, оттого произрастающія на немъ травы должны быть зеленаго цвѣта. Сооружено кладбище въ честь Минъ-фэй, или Ванъ-чжао-цзюнь, наложницы императора Ханьской династіи Юань-ди. (48—33 г. до Р. Х.). Послѣ несчастной войны съ Хуннами, наложница эта вслѣдствіе заключеннаго трактата, отправлена была къ хуннускому князю въ жены, гдѣ вскорѣ умерла и погребена была на этомъ кладбищѣ. Нынѣ здѣсь очень мало уже помнятъ и знаютъ о подробностяхъ этихъ событій, несмотря на поставленные у подножія холма памятники.

Чтобы покончить свое описаніе Гуй-хуа-чэна, мнѣ надлежало бы разказать еще, что городъ этотъ почитается однимъ изъ главныхъ рынковъ для торговли изюбревыми рогами, привозимыми сюда изъ русскихъ округовъ: Вѣрненскаго, Бійскаго и Минусинскаго, также точно какъ и изъ Кяхты, а въ китайскихъ владѣніяхъ: изъ Или, Тарбагатая, Кобдо, Улясу-



Надпись камня № 3-й на холмѣ Ванъ-чжао-цзюнь.

тая, Гучэ̀на, Хамѝ, Нинъ-ся и др. мѣстностей; но торговля этимъ продуктомъ такъ обстоятельно уже описана у насъ г. Волосатовымъ, что я не могъ бы прибавить ничего новаго къ его разказамъ объ ея производствѣ. Замѣчу только, что въ послѣдніе годы она весьма значительно упала въ Хўхў-хото̀. Первую и основную причину сего нужно видѣть въ совершившемся года три, четыре тому назадъ паденіи цѣнъ на рога; за симъ, когда возить ихъ въ Гуй-хуа-чэнъ стало не такъ выгодно, одни изъ купцевъ перестали покупать ихъ, а другіе если и покупали, то не отвозили въ Гуй-хуа-чэнъ, а начали продавать ихъ въ Калганѣ; такимъ образомъ начало образовываться постепенно раздѣленіе рынковъ на этотъ продуктъ. Завсѣмъ тѣмъ торговля эта еще продолжаетъ существовать въ Гуй-хуа-чэнѣ, а вмѣстѣ съ нею продолжаютъ существовать и дэ̀ни, въ которыхъ останавливаются купцы, пріѣзжающіе для производства этой торговли, а равно и совершается самая торговля. Конечно эти дэ̀ни служатъ для пріюта и дѣятельности не однихъ только торговцевъ рогами: сюда пріѣзжаютъ также купцы изъ срединнаго и южнаго Китая и съ другими товарами; но за послѣдніе годы такіе пріѣзды значительно сократились, такъ что теперь можно слышать только воспоминанія о быломъ золотомъ вѣкѣ Хўхў-хото̀, окончившемся назадъ тому уже около 20 лѣтъ. Въ ту пору обиліе пришлаго люда вызывало существованіе въ Хўхў-хото̀ множества гостинницъ и дэ̀ней, но особенно славными изъ нихъ были Тунъ-сунъ-дянь, Дунъ-шэнъ-дянь и Чанъ-тай-дянь. Это были своего рода биржевыя гостинницы, въ которыя ежедневно собирались для ужина и дѣловыхъ бесѣдъ какъ мѣстные, такъ и пріѣзжіе торговцы. Зимнею порою въ каждую изъ этихъ трехъ гостинницъ, говорятъ, ежедневно приходило къ ужину не менѣе 500 человѣкъ. Здѣсь можно было требовать все: супы изъ курицы, баранины, или свинины; жареныхъ утокъ, фазановъ, куръ, зайцевъ и другаго рода дичину. Хорошій ужинъ съ виномъ стоилъ по 1 лану серебра съ человѣка (2 р. 30 к. — 2 р. 50 к.); средній — по 5 цинъ (1 р. 15 к. — 1 р. 25 к.) худшій — 2 цина (около 50 к.). Теперь въ этихъ дэ̀няхъ народу собирается меньше и цѣны на столъ возросли приблизительно на 25%.

Еще не далеко то прошлое, когда у насъ въ Россіи настоятельно требовалось открытіе Хўхў-хото̀ для русской торговли и вопросъ объ условіяхъ этого открытія вызывалъ жаркіе споры. Основною причиною для возбужденія такого требованія было съ одной стороны признаніе чрезвычайнаго торговаго значенія Хўхў-хото̀, а съ другой, — основывающееся на весьма темныхъ представленіяхъ о дѣйствительности утвержденіе, что Хўхў-хото̀ можетъ явиться совершенно однороднымъ съ Калганомъ пунктомъ для движенія нашихъ чаевъ, могущихъ, подобно китайскимъ, слѣдо-

вать до Гуй-хуа-чэна по внутреннему Китаю. Предполагалось, что Хўхў-хотò можетъ быть пунктомъ даже болѣе выгоднымъ чѣмъ Калганъ, особливо при дальнѣйшемъ движеніи нашихъ чаевъ на С.-Зап. Монголію, въ направленіи черезъ Улясутай, или Кобдò. Какъ всегда, къ этому прибавлялись надежды на сбытъ нашихъ товаровъ, который въ такомъ важномъ торговомъ пунктѣ какъ Хўхў-хотò представлялся даже очень большимъ, и тѣмъ болѣе выгоднымъ, что на Гуй-хуа-чэнъ смотрѣли какъ на мѣсто, въ которомъ торговля наша можетъ производиться свободно и безпошлинно. Для послѣдняго условія имѣлись также основанія. Хўхў-хотò стоитъ на земляхъ тўмэтовъ, которыя, по своему географическому положенію, относятся прямо къ Монголіи, южныя границы коей, по государственной географіи Китая, опредѣляются Великою стѣною. Находясь внѣ Великой стѣны, Гуй-хуа-чэн'ской округъ не отдѣляется никакими заставами отъ сосѣдящихъ ему монгольскихъ аймаковъ, такъ что, признавъ его за внутренній Китай, трудно было бы даже опредѣлить, гдѣ кончается первый и начинаются вторые.

Всѣ эти сентенціи невольно приходили мнѣ въ голову, когда сидѣлъ я въ Хўхў-хотò и изучалъ его современное положеніе. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, мнѣ было ясно, что говорить о высокомъ торговомъ значеніи Хўхў-хотò даже въ ту пору, когда велись у насъ означенные споры (1885—1886 гг.), было уже поздно. Гуй-хуа-чэнъ имѣлъ это значеніе тогда, когда являлся онъ транзитнымъ пунктомъ для всей Монголіи, для всего Восточнаго Туркестана, для Илійскаго и Тарбагатайскаго округовъ и даже для нашихъ Туркестанскаго края и Западной Сибири. Но мы видѣли уже, что еще съ конца 1870-хъ гг. онъ утратилъ это значеніе и съ тѣхъ поръ началось постепенное его паденіе. Правда, обездоленные гуй-хуа-чэнскіе торговцы надѣются еще и теперь, что рано или поздно имъ удастся выхлопотать у правительства отмѣну запрещенія движенія чаевъ въ Восточный Туркестанъ черезъ Гуй-хуа-чэнъ и что тогда городъ ихъ зацвѣтетъ снова старою жизнью; но надеждамъ этимъ едва ли суждено когда либо осуществиться. Напротивъ, при несомнѣнности намѣренія у китайскаго правительства проложить желѣзно-дорожный путь на Лань-чжоу и при возможности довольно скораго осуществленія этого намѣренія, кажется болѣе достовѣрнымъ, что роль Гуй-хуа-чэна уже сыграна и теперь для поднятія значенія его нужно ожидать развѣ какихъ либо новыхъ, совершенно непредвидимыхъ событій; при обычномъ же ходѣ вещей движеніе русскихъ товаровъ во внутренній Китай должно быть ожидаемо именно по этому направленію желѣзно-дорожнаго пути, равно какъ по нему же будетъ, несомнѣнно, развиваться и торговля внутренняго Китая съ застѣн-

нымъ. Утверждать, что черезъ Гуй-хуа-чэнъ было бы возможно съ выгодою движеніе русскихъ чаевъ, долженствующихъ слѣдовать отъ береговъ Янъ-цзы по внутреннему Китаю дорогою, проложенною китайскими чаеторговцами, было также неосновательно; и лучшимъ доказательствомъ непригодности этого пути является то, что китайцы нынѣ уже сами оставили его и перевозятъ свои чаи отъ Хань-коу до Тянь-цзина воднымъ путемъ, т. е. тою самою дорогой, по которой искони перевозятъ свои чаи русскіе; отъ Тянь-цзина же чаи, направляемые китайцами на Хўхў-хотò, слѣдуютъ далѣе на Бао-динъ-фу, И-чжоу, Хунь-юань-чжоу, Да-тунъ-фу и наконецъ проходятъ Великую стѣну или въ Ша-ху-коу, или въ Дэ-шэнъ-коу. Что касается вопроса о причисленіи Гуй-хуа-чэна къ Монголіи, то это кажется мнѣ также положительно не возможнымъ. Не говоря, конечно, о своихъ цѣляхъ, я старался, для выясненія себѣ собственныхъ взглядовъ китайцевъ на положеніе Гуй-хуа-чэна, заводить объ этомъ разговоръ съ китайскими и тўмэ̀тскими чиновниками и въ простыхъ бесѣдахъ ихъ ярко обозначилось слѣдующее. Они сознаютъ, что Гуй-хуа-чэнъ стоитъ на земляхъ, нѣкогда бывшихъ монгольскими; но теперь эти земли уже не признаются ими за таковыя. По всюду здѣсь давно уже введено чисто китайское административное управленіе, высшимъ представителемъ котораго является дао-тай; по всей области есть здѣсь окружные начальники и всѣ эти чины мѣстной администраціи подчиняются шань-сискому губернатору. Въ торговомъ отношеніи въ Хўхў-хотò взимаются съ самихъ китайцевъ рѣшительно всѣ тѣ виды пошлины, какія существуютъ во внутреннемъ Китаѣ и сами китайцы, вывозящіе изъ Гуй-хуа-чэна въ Монголію свои товары, обязаны уплачивать государственный налогъ по установленному тарифу. Одного изъ китайскихъ чиновниковъ я попробовалъ было наивно спросить, какимъ образомъ внутренній Китай продолжается у нихъ за предѣлами Великой стѣны, и онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что Гуй-хуа-чэнъ съ своимъ округомъ именно и составляетъ границу Внутренняго Китая. «Мы, конечно, не могли передвинуть сюда самые камни Великой стѣны», говорилъ онъ, «но съ тѣхъ поръ какъ въ Гуй-хуа-чэнѣ установлены положенія о пошлинахъ, онъ сдѣлался внутреннимъ Китаемъ; онъ сталъ тѣмъ же, чѣмъ является теперь Чжанъ-цзя-коу; оттого то въ оффиціальномъ языкѣ мы зовемъ его не только старинымъ минскимъ именемъ «Гуй-хуа», или маньчжурскимъ «Кукэ хото», но еще даемъ ему новое имя: «Си-коу», т. е. «западныя ворота» (во внутренній Китай), подобно тому какъ Калганъ называется у насъ «Дунъ-коу», т. е.» восточными воротами». — Дѣйствительно, проживая въ Хўхў-хотò, я много разъ встрѣчалъ здѣсь казенные транспорты, и всѣ они были помѣчены адресомъ: «Си-коу»; то же названіе красуется здѣсь и на

военныхъ значкахъ мѣстнаго гарнизона. Очевидно, что Гуй-хуа-чэнъ измѣняетъ теперь даже и свое прежнее имя.

Къ общимъ замѣчаніямъ о Гуй-хуа-чэнѣ нужно еще прибавить, что жители его очень мало знаютъ европейцевъ. Мое появленіе на улицѣ всегда возвѣщалось повсемѣстнымъ крикомъ, и каждую свою прогулку я совершалъ не иначе, какъ окруженный сотенною толпою, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившею за каждымъ моимъ движеніемъ и шагомъ. О работахъ съ фотографическимъ аппаратомъ нечего было и думать: каждый разъ меня окружала толпа такою плотною стѣною, что за нею скрывались всѣ городскія постройки и виды улицъ. Единственные снимки были сдѣланы мною въ «У-та-сы» и «кумирнѣ Илагу̀хсанъ гэгэ̀на», но это благодаря лишь тому, что обѣ эти кумирни находятся на краю города, да и то проходить къ нимъ пришлось ночью, а снимать утромъ. Наружный видъ Хӯхӯ-хото̀ской крѣпости «Синь чэнь» былъ снятъ также въ самое раннее утро, отчего и рисунокъ его получился совершенно сѣрымъ.

За время пребыванія въ Хӯхӯ-хото̀ здѣсь наблюдаема была нижеслѣдующая температура:

10-го числа,	6 ч. утра	—5°;	12 ч. дня	+4°;	9 ч. вечера	—0°.
11-го »	»	—3°;	»	+3°;	»	+2°.
12-го »	»	—4°;	»	+6°;	»	—5°.
13-го »	»	—5°;	»	+9°;	»	+2°.
14-го »	»	—3°;	»	+7°,	»	+1°.
15-го »	»	—3°;	»	+6½°;	»	—0°.

IV. Отъ Гуй-хуа-чэн'а черезъ Калганъ до Чэнъ-дэ-фу.

16-го Марта. Вторникъ.

6 ч. —2½°; 9 ч. +6; 12 ч. +12°; 3 ч. +12°; 6 ч. +7½°; 9 ч. +2°.

Для обратнаго слѣдованія въ Калганъ мною нанято было съ хӯхӯ-хото̀скихъ извощичьихъ постоялыхъ дворовъ двѣ телѣги на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ Калганѣ; только въ Хӯхӯ-хото̀ было во 1-хъ, труднѣе сыскать телѣги, а во 2-хъ, такъ какъ мною заявлено было непремѣнное условіе ѣхать сѣверной дорогой, по монгольскимъ кочевьямъ, то съ меня взяли дороже, а именно по 15000 чеховъ съ телѣги, что составило 20 ланъ, или 40 серебряныхъ рублей. Нужно замѣтить, что эта сѣверная дорога должна почитаться не только одною изъ самыхъ торныхъ въ сношеніяхъ Гуй-хуа

чэпа съ Калганомъ, но даже болѣе обыкновенною: все караванное движеніе между этими городами на верблюдахъ, равно какъ и транспортировка грузовъ на быкахъ совершаются по этому пути; и тѣмъ не менѣе лишь только заявилъ я о своемъ желаніи ѣхать по этому пути, какъ извозчики подняли цѣну: оказалось, что и дяни-то по этой дорогѣ плохи, и муловъ-то кормить у монголовъ нечѣмъ, и дорога-то труднѣе, словомъ всѣ условія для того, чтобы взять не 13, а 15 тысячъ чеховъ, т. е. приблизительно рубля на четыре дороже.

Мы выѣхали изъ своей гостинницы въ 8 ч. 45 м. утра и, миновавъ крѣпость, Цзю-чэнъ, въ 9 ч. 5 м. были уже за городомъ, направляясь къ новой Хўхў-хотò'ской крѣпости, именуемой «Синь-чэнь». Относительно исторіи этой крѣпости мнѣ извѣстно лишь то, что основаніе ея было предпринято въ 4-мъ году правленія Цянь луна, что соотвѣствуетъ нашему 1739 г. Въ періодъ пребыванія своего въ Гуй-хуа-чэнѣ, я посѣщалъ «Синь-чэнъ» только одинъ разъ, такъ какъ городъ этотъ въ существѣ дѣла есть не болѣе, какъ одна громадная казарма и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего замѣчательнаго. Отъ Цзю-чэна эта новая крѣпость, на оффиціальномъ языкѣ китайцевъ на-

Синь-чэнъ.

зываемая «Суй-юань-чэнъ», находится приблизительно на разстояніи двухъ верстъ въ направленіи къ СВ. и все пространство между этими городами

почти цѣликомъ представляетъ собою пашни. Въ окружности «Синь-чэнъ» имѣетъ не менѣе 6 верстъ. Фундаментъ стѣнъ его составляютъ брусья дикаго камня, до одного аршина толщиною, выложенные въ четыре ряда; самыя же стѣны складены изъ обожженаго кирпича, дикаго же цвѣта. Въ крѣпость ведетъ трое воротъ по сторонамъ южной, западной и восточной, вышина коихъ 12 аршинъ, не считая башень. Кругомъ крѣпости проведены канавы съ проточною водою, и насажена аллея тополей и осиновыхъ деревьевъ. Внутри города проходятъ двѣ широкія и главныя улицы, одна съ юга на сѣверъ, а другая съ востока на западъ, въ точкѣ перекрестка которыхъ поставлено четверо тріумфальныхъ воротъ; помимо того есть еще десятка два узенькихъ переулковъ. Въ срединѣ весь «Синь-чэнъ» наполненъ лачужками проживающихъ здѣсь знаменныхъ солдатъ, представляющихъ собою окитаявшихся маньчжуровъ. Они являются здѣсь представителями собственно китайской военной силы и составляютъ китайскій хўхў-хотòскій гарнизонъ. Общее число этихъ знаменныхъ опредѣляется въ 5,000 человѣкъ, по способу же отправленія службы они раздѣляются на конныхъ и пѣхотинцевъ. По воззрѣніямъ мѣстныхъ жителей, это самый недостойный народъ: они ровно ничего не дѣлаютъ, помимо того что курятъ опіумъ, да пьянствуютъ, не рѣдко производя въ пьяномъ видѣ еще возмутительные дебоши среди мирныхъ обитателей города, не говоря уже о постоянныхъ взаимныхъ ссорахъ между собою. Всѣ они получаютъ содержаніе отъ казны, которое для пѣхотинцевъ исчисляется 3-мя ланами въ мѣсяцъ, а для конныхъ 9-ю ланами. Занимаемыя ими помѣщенія въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою казенныя постройки, о которыхъ никто не заботится, а потому и стоятъ они полуразрушенными. Среди этихъ лачужекъ виднѣется до десятка мелочныхъ лавочекъ и три дя̀ня, служащихъ для остановки пріѣзжающихъ чиновниковъ. Эти лавочки и дя̀ни, или гостинницы, содержатся почти исключительно китайскими магометанами. Послѣдніе сами себя называютъ «хуй-хуй» и почитаютъ себя людьми не китайскаго происхожденія; надъ китайцами они смѣются, можно сказать, презираютъ ихъ за ихъ торгашество, готовность пожертвовать всѣмъ изъ за матеріальнаго расчета и особливо за трусость. Сами себя они почитаютъ храбрецами. По преданію, эти хуй-хуй пришли на настоящія мѣста своего жительства еще во времена Танской династіи. Для обученія магометанству они отправляются въ Да-тунъ-фу, гдѣ изучаютъ и арабскій языкъ, но насколько сильны они въ этомъ дѣлѣ, я не имѣлъ возможности узнать этого. Лучшими зданіями Синь-чэна, конечно, почитаются домъ и я̀мунь цзя̀нь-цзюня, находящіеся у восточныхъ городскихъ воротъ, хотя судить о достоинствѣ этихъ построекъ довольно трудно, такъ какъ съ улицы

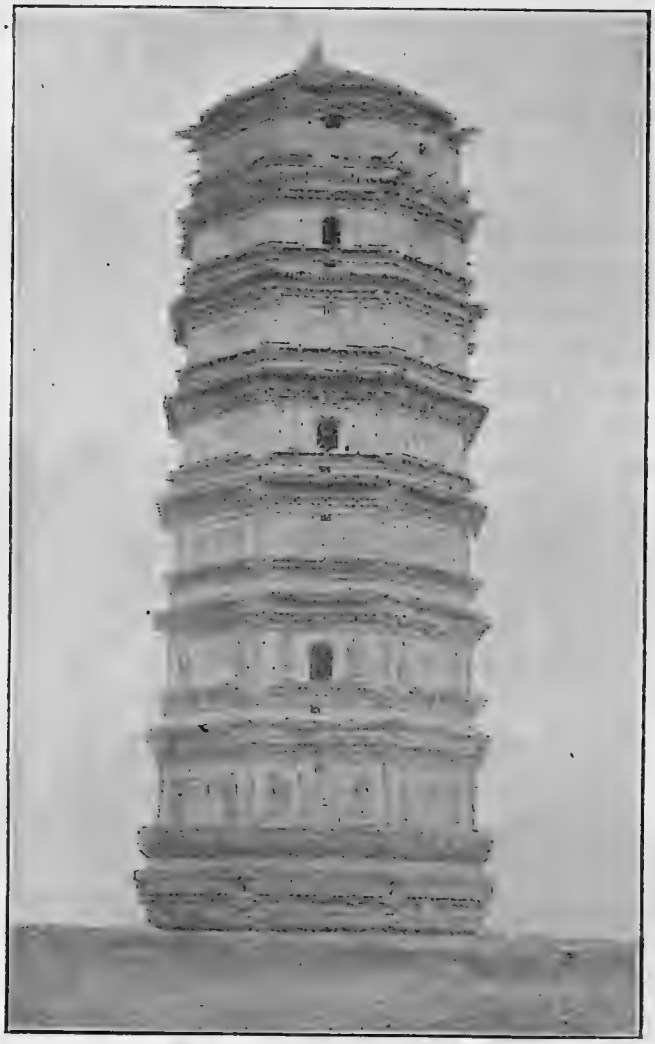
у нихъ не видно ничего, кромѣ воротъ и заборовъ. Всѣ склады оружія и пороха, насколько можно судить объ этомъ по вывѣскамъ, привѣшаннымъ надъ закрытыми воротами, помѣщаются въ самомъ центрѣ крѣпости, по западную сторону тріумфальныхъ воротъ.

Двигаясь медленнымъ шагомъ, мы проѣхали отъ западныхъ до восточныхъ крѣпостныхъ воротъ въ 25 минутъ и ровно въ 10 ч. выѣхали за стѣны Синь-чэна. Съ восточной стороны къ нимъ почти вплоть примыкаютъ маньчжурскія кладбища, въ которыхъ нашли себѣ успокоеніе доблестные обитатели крѣпости. Усыпальницы чиновниковъ, по обычаю, обведены оградами, въ которыя ведутъ ворота; могилы этихъ военачальниковъ обозначены громадными плитами, иногда водруженными на черепахахъ, подобно тому какъ мы видѣли то въ окрестностяхъ Пекина; что же касается солдатъ, то мѣста погребенія ихъ отмѣчены простыми глиняными холмами. За кладбищами снова потянулись сплошныя пашни, которыя, на взглядъ привычнаго наблюдателя, ярко бросаются въ глаза тою своей особенностью, что на нихъ совершенно не видно никакихъ поселеній: ни домика, ни сарайчика, ни даже низенькой могилы. Происходитъ это оттого, что означенныя земли не составляютъ частной собственности, а отведены маньчжурскимъ правительствомъ въ угодья тӳмэтскимъ гàлай-дā, которые уже отъ себя отдаютъ ихъ въ арендное содержаніе поселянамъ. Пространство этихъ ровныхъ полей съ запада на востокъ версты на три; но и за ними продолжается та же равнина, такъ что для глаза открывается здѣсь громадное пространство, ограничиваемое горами, изъ коихъ сѣверныя отстоятъ отъ дороги верстъ приблизительно на 20, а восточныя еще далѣе этого. Помянутыя сѣверныя горы, называвшіяся встарину Ци-лянь-шань, носятъ нынѣ названіе Да-цинь-шань. Когда смотришь на эти горы издали, то мѣстами онѣ кажутся имѣющими ровныя и спокойныя формы, мѣстами же обнаженные камни ихъ какъ будто нагромождены одинъ на другой. Послѣднее замѣчается, кажется, больше всего при входахъ въ пади, которыя въ глубину горъ поднимаются впрочемъ плоско и полого, по крайней мѣрѣ такъ представляется издали. Мѣстные и Гуй-хуа-чэнскіе монголы разказываютъ, будто всѣ императоры и императрицы Юаньской династіи были хоронены въ этихъ горахъ, хотя при этомъ для нихъ не было дѣлаемо особого кладбища. Преданіе это слышалъ еще Чжанъ-пынъ-гэ, который придаетъ ему значеніе большой вѣроятности, однако же только потому, что кладбищъ Юаньской династіи въ Китаѣ не существуетъ и никто не знаетъ гдѣ хоронили юаньскихъ государей. Мнѣ передавали эти разказы о Да-цинь-шань'скихъ горахъ очень многіе изъ гуй-хуа-чэнскихъ старожиловъ, хотя нужно сказать, что они, повидимому, съ гораздо

большимъ удовольствіемъ и уже съ несравненно тончайшими подробностями разказывали о томъ, какъ въ періодъ послѣдняго дунганскаго возстанія въ этихъ горныхъ падяхъ гнѣздились монгольскія шайки мятежниковъ, отличавшіяся особенною смѣлостью нападеній подъ предводительствомъ Чантӯ-цзя̀нь-цзюня и Борò-кӯцзӯ, изъ коихъ первый былъ схваченъ и казненъ въ Гуй-хуа-чэнѣ.

По дорогѣ мы, миновавъ казенныя пашни тӯмэ̀тскихъ га̀лай-да̄, достигли въ 10 ч. 40 м. китайско-тӯмэ̀тской деревни Салṑръ, что значитъ въ нарѣчіи мѣстныхъ китайцевъ «песчаный пригорокъ». Дѣйствительно, неподалеку отъ этого пункта почва становится песчаною и поля уходятъ отъ дороги на болѣе значительное разстояніе. Въ 11 ч. проѣхали тӯмэ̀тскую деревню Хара̀-бута̀ (отъ имени растенія, когда то въ изобиліи покрывавшаго эту мѣстность; китайцы зовутъ эту деревню «бата̀й-ин-цза»). Здѣсь находится маленькая кумирня, воздвигнутая въ честь четверорукаго Арія-ба̄ло. Кумиръ этого бурхана посединѣ, Маньчжӯшри по лѣвую сторону и Го̀нбо-гӯру по правую, вотъ и всѣ будды, находящіеся въ кумирнѣ. Они вылѣплены изъ глины, выкрашены и позолочены, но все же выглядятъ крайне бѣдно. По стѣнамъ росписаны акварелью 16 ло̀хановъ, а помимо сего въ кумирнѣ нѣтъ никакихъ изображеній. Охраняетъ зданіе одинъ старый и глухой лама̀, проживающій здѣсь вмѣстѣ съ своею подругою, — нѣмою шибаганцо̀ю. Онъ разказалъ намъ, что окрестные тӯмэ̀ты живутъ исключительно хлѣбопашествомъ и очень бѣдны. Обусловливается это даже не столько малопроизводительностью почвы, сколько обиліемъ здѣсь полевыхъ мышей, оготоно̀, которыя страшно портятъ поля. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуя далѣе по дорогѣ, мы увидали очень много норъ этихъ маленькихъ, но страшныхъ хищниковъ. Далѣе, вплоть до деревни Ши-лянъ-дай, къ которой мы подъѣхали въ 12 ч. 5 м., пашни встрѣчались намъ по дорогѣ лишь небольшими участками, остальныя земли лежатъ пустопорожними; только кое-гдѣ были замѣтны слѣды прежде разработываемыхъ полей. Отсюда вскорѣ намъ начали попадаться солончаковыя пространства и такъ вплоть до деревни Сяо-кӯлṑръ, гдѣ въ 12 ч. 30 м. мы остановились для полдника. Простоявъ здѣсь до 1 ч. 45 м. дня, мы продолжали далѣе свой путь по дорогѣ, проложенной среди полей. Въ 2 ч. 20 м. миновали деревеньку Цага̀нъ-ба̀йшинъ, въ которой китайцы и тӯмэ̀ты живутъ до такой степени смѣшанно, что даже кумирни ихъ стоятъ за одною оградой. Поселяне эти, повидимому, зажиточны, по крайней мѣрѣ дома ихъ отличаются рѣдкою чистотою и опрятностью. Отъ Цага̀нъ-ба̀йшина начинаются сплошь распаханныя поля и это на все пространство, видимое глазомъ. Я особливо слѣдилъ эту мѣстность, такъ какъ, по замѣт-

камъ Чжанъ-пынъ-гэ, именно здѣсь, не подалеку отъ знаменитой сунской башни, находился земляной городъ, имѣвшій до 5 ли въ окружности. Со временъ Чжанъ-пынъ-гэ миновало однако уже болѣе 200 лѣтъ, и теперь все это погребено подъ пашнями до такой степени, что не только никто не могъ указать мнѣ мѣстности этого города, но даже сообщить существовали ли здѣсь когда либо земляные валы; о какихъ либо находкахъ при распахиваніи полей также никто не говорилъ ни одного слова. Ровно въ 3 ч. дня подъѣхали мы къ Бай-та-р'у, громадной башнѣ, сохранившейся еще отъ временъ Сунской династіи. Колоссальное зданіе, кажущееся громаднымъ издали, поражаетъ еще болѣе вблизи, особливо своею высотою. Я думаю, что въ общемъ башня эта достигаетъ высоты 40 саженей. Отдѣльныя части ея, взаимно равныя своею высотою, представляютъ собою, во 1-хъ, пьедесталъ, во 2-хъ, семь этажей зданія, отдѣленныхъ одинъ отъ другого карнизами и, въ 3-хъ, его кровлю. Что касается пьедестала, то онъ совершенно круглый и имѣетъ видъ лотуса по той его формѣ, которая придается этому цвѣтку въ древнихъ изображеніяхъ хэ̀шанскихъ буддъ. Отдѣльные этажи башни выложены всѣ восьмигранными, а кровля, кажущаяся какъ бы нѣсколько приплюснутою, вѣроятно, отъ несоразмѣрности съ высотою зданія, сдѣлана опять таки



Бай-та-ръ съ западной стороны.

круглою, изъ черепицы. Башня, какъ можно судить объ этомъ по входнымъ дверямъ, обращена лицемъ къ югу. На нижнихъ двухъ ярусахъ ея установлено по 16-ти лѣпныхъ изображеній сидящихъ буддъ и стоящихъ героевъ. Въ первомъ этажѣ съ юга имѣется входная дверь, надъ которою на бѣлой мраморной доскѣ изсѣчено шесть іероглифовъ почерка чжуань. Такъ какъ фотографія при всѣхъ моихъ усиліяхъ передавала эти іероглифы очень слабо, то я списалъ ихъ отъ руки, хотя при слабости своего зрѣнія и не могу поручиться за точность каждой черты. Подняться ближе къ этой надписи у меня не было возможности. Прежде къ помянутой двери, находящейся на высотѣ, вѣроятно, нѣсколько болѣе 4-хъ саженей, было устроено крыльцо изъ кирпича и гранитныхъ брусьевъ; теперь крыльцо это разрушилось, а кирпичъ и камни растасканы окрестными поселянами. Такимъ образомъ проникнуть въ средину башни теперь не представляется ни какой возможности, а потому нѣтъ возможности и изслѣдовать находящіяся въ ней надписи, о которыхъ упоминаетъ Чжанъ-пынъ-гэ.

Съ внѣшней своей стороны башня эта представляется необычайно красивой. Громадные и великолѣпно вылепленные барельефы, разнородная кладка камней и кирпичей, имѣющихъ притомъ различные цвѣта, причудливо отдѣланные карнизы, съ множествомъ выступовъ и углубленій, съ широкими тягами, въ свою очередь украшенными барельефами какихъ то сценъ, все это такъ поразительно, и въ то же время такъ стушевывается въ общемъ рисункѣ колоссальной башни, что я почелъ необходимымъ помимо общаго вида башни снять еще отдѣльно первый этажъ ея, рисунокъ котораго и рѣшаюсь здѣсь представить.

Двинувшись отъ башни въ 3 ч. 45 м., мы въ 4 ч. 5 м. достигли деревни Бай-та-ръ, заключающей въ себѣ до 70 дворовъ, населенныхъ по преимуществу тӳмэ̀тами; китайцы являются здѣсь главнымъ образомъ, какъ содержатели мелочныхъ лавокъ, число которыхъ доходитъ до 6 или 7-ми. Въ деревнѣ находится тӳмэ̀тская ламайская кумирня, тѣмъ не менѣе при ней, какъ и при китайскихъ кумирняхъ, выстроенъ театръ. Отсюда мы поѣхали проселочною дорогой по полямъ, въ направленіи къ Май-и-дяру (Мàйдари), гдѣ ночевали подъ 9-е Марта и намѣрены были ночевать теперь. Въ 4 час. 30 мин. проѣхали деревню Хашāту, до 40 дворовъ. Кумирня этой деревни, воздвигнутая въ честь тысячерукаго Арія бāло, снабжена также театромъ. Въ 5 час. 15 мин. выѣхали на старую дорогу между Тянь-мэй-ръ и Май-и-дяр'омъ и къ 6 часамъ прибыли въ эту послѣднюю деревню, гдѣ и остановились для ночлега въ старой гостинницѣ.

Здѣсь, за недостаткомъ мѣста въ гостинницѣ, мнѣ пришлось помѣститься въ одной комнатѣ со старикомъ китайцемъ, спеціальнымъ торговцемъ опіумомъ, который возвращался теперь въ Хӳхӳ-хотò изъ поѣздки по окрестнымъ уѣздамъ, гдѣ онъ подряжалъ поселянъ на доставку ему опіума урожая будущаго лѣта. По словамъ старика, куреніе опіума вошло въ обычай у шаньсійцевъ не болѣе, какъ лѣтъ 40, или 45 тому назадъ, а макъ стали разводить здѣсь только лѣтъ 25, или 30. Съ тѣхъ поръ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ у шаньсійцевъ совершился громадный прогрессъ, сурово порицавшійся впрочемъ моимъ собесѣдникомъ. По его словамъ, подъ посѣвы мака у мѣстныхъ жителей отводятся самыя лучшія поля, а обработка мака требуетъ того же ухода, какъ садовыя растенія. Если бы эти земли и труды, говорилъ онъ, были употреблены хотя бы на посѣвъ пшеницы, мы не знали бы голода. Теперь во всей Шань-си употребляется опіумъ почти исключительно мѣстнаго приготовленія. Только богатые люди продолжаютъ курить иностранный, или гуанъ-дун'скій опіумъ и признаютъ его лучшимъ противъ китайскаго. Большое количество китай-

скаго опіума поддѣлывается кантонскими купцами подъ англійскій опіумъ для распространенія его между простымъ классомъ народа; но, какъ поддѣлка эта не только не улучшаетъ, а даже ухудшаетъ достоинство китайскаго опіума, то и не удивительно, что менѣе состоятельные изъ китайцевъ держатся того мнѣнія, что индійскій опіумъ по своимъ качествамъ ниже опіума ихъ собственнаго приготовленія.

Классификація доставляемаго изъ различныхъ мѣстностей опіума, по достоинству его, слѣдующая:

1) Индійскій, или Гуан-дунскій. 2) Опіумъ изъ Гань-су. 3) Опіумъ изъ Шэнь си. 4) Опіумъ изъ Хэ-нани и Шань-си. 5) Опіумъ изъ Сы-чуани и Гуйчжоу.

По словамъ старика, во всемъ Китаѣ существуетъ одно общее мнѣніе, что самый лучшій опіумъ производится въ Гань-су и Шэнь-си, а самый худшій — сы-чуаньскій и гуй-чжоускій. Сообразно этому существуетъ и различіе въ цѣнахъ на опіумъ. Сы-чуань'скій — самый дешевый и потому болѣе употребляемый простымъ народомъ, продается приблизительно отъ 400 до 500 чеховъ за лану; ху-бэй'скій, хэ-нань'скій и шань-си'скій — отъ 600 до 700 чех. за лану; шэнь-си'скій — 800 чех. за лану; гань-су'скій отъ 900 до 1000 чех. за лану и иностранный—отъ 800 до 1600 чех. за лану.

Таковы цѣны уже за совершенно приготовленный опіумъ. Далѣе особливо въ отношеніи провинцій сѣвернаго Китая слѣдуетъ сказать, что иностранный опіумъ здѣсь почти окончательно исчезъ съ рынковъ; онъ остается въ употребленіи только у богатыхъ, которые въ состояніи платить за неподдѣльный опіумъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на такое сокращеніе ввоза иностраннаго опіума до нѣкоторой степени вліяло усиленіе поддѣлокъ его со стороны китайцевъ; но, съ другой стороны, даже и настоящій, лучшій индійскій опіумъ встрѣчаетъ для себя въ туземномъ опаснаго соперника.

17-е Марта. Среда.

6 ч. —2°; 9 ч. +8°; 12 ч. +15°; 3 ч. +15°; 6 ч. +8°; 9 ч. —1½°.

Выѣхали въ 7 ч. 10 м. Лужа по восточную сторону Май-и-дя-р'а еще не просохла, и мы снова должны были дѣлать объѣздъ ея съ тою только разницею, что теперь колесить пришлось гораздо больше. Многіе изъ поселянъ, уже подготовившіе свои поля подъ посѣвы, преградили прежде проложенную черезъ ихъ пашни дорогу, и телѣгамъ посему приходится прокладывать себѣ новые, дальнѣйшіе пути объѣзда. Только къ 8 часамъ выбрались мы на настоящій путь, удалившись отъ Май-и-дя-р'а

не болѣе, какъ саженей на 200. Двигаясь засимъ по той же дорогѣ и, вѣроятно, той же колеѣ, мы въ $9\frac{1}{4}$ часовъ подъѣхали къ Ши-жэнь-ван'и и сдѣлали снимки съ находящихся здѣсь памятниковъ (см. стр. 50). Подбѣжавшіе къ намъ поселяне съ любопытствомъ смотрѣли на нашу работу и довольно охотно разказали намъ о «шй-жэн'яхъ» слѣдующее. По общему убѣжденію мѣстныхъ жителей, каменныя статуи эти суть остатки древняго кладбища, и ученые, бывавшіе здѣсь, положительно сообщали, что такія статуи во времена Минской династіи ставились надъ усыпальницами вельможъ. Встарину статуй этихъ стояло здѣсь четыре, и мѣстные жители, хотя не приносили имъ никакихъ жертвъ, однако замѣчали, что «шй-жэн'и» весьма покровительствуютъ пашнямъ, ибо въ ту пору, какъ по другимъ мѣстамъ бывалъ неурожай, близь «шй-жэн'ей» хлѣбъ родился всегда въ изобиліи. Случилось, но опять таки это очень давно, что двѣ изъ четырехъ означенныхъ статуй въ одну прекрасную ночь исчезли. Проснувшіеся по утру поселяне были убѣждены, что статуи бѣжали. Огорченные лишеніемъ покровителей для своихъ пашень они еще больше боялись за то, какъ бы не ушли и остальные два «шй-жэн'я», а потому, въ разсчетѣ удержать ихъ, рѣшили лишить ихъ жизни, а для сего отрубить имъ головы. Такъ и было сдѣлано, отчего статуи доселѣ имѣютъ отрубленныя и только приставленныя на свое мѣсто головы. Что касается двухъ исчезнувшихъ статуй, то долгое время было совершенно неизвѣстно, какъ и куда бѣжали они и скрылись; только черезъ много лѣтъ потомъ одному изъ мѣстныхъ посе-

Типъ статуй «ши-жэнь».

лянъ пришлось уѣхать въ Бау-тоу и, по дорогѣ, посѣтивъ урочище Си-бай-та-ръ, онъ увидалъ, что бѣжавшіе истуканы стоятъ тамъ. Была пора, когда вѣрованіе въ покровительство «шѝ-жэн'ей» пашнямъ забылось въ народѣ, а потому и уваженіе къ «шѝ-жэн'ямъ» ослабѣло. Потоки воды съ горъ, нанося камни на нивы, годъ отъ года все больше и больше засыпали «шѝ-жэн'ей», мѣстные же поселяне, очищая поля, вовсе не думали объ очисткѣ статуй. Какъ вдругъ лѣтъ десять тому назадъ страшный неурожай посѣтилъ окрестности Шѝ-жэнь-ван'и, и только тогда народъ одумался и откопалъ статуи снова. Въ ту пору можно было видѣть, что всѣ эти изваянія, т. е. какъ даосовъ, такъ и барана, воздвигнуты на каменныхъ плитахъ, теперь же эти плиты опять заволокло землею. Ходитъ, наконецъ, повѣрье, что ежегодно 1-го числа 1-й луны, т. е. въ день новаго года, сюда пріѣзжаетъ на бѣлой лошади какой то человѣкъ, который сжигаетъ передъ «шѝ-жэн'ями» курительныя свѣчи и нѣсколько листковъ жертвенныхъ бумажекъ и уѣзжаетъ снова. Никогда ни съ кѣмъ не говорилъ этотъ человѣкъ, да и видѣли его только очень немногіе старцы; тѣмъ не менѣе мѣстные поселяне не видятъ въ такихъ разказахъ ничего подозрительнаго и полагаютъ, что это одинъ изъ потомковъ похороненнаго здѣсь лица, являющійся такимъ образомъ хозяиномъ кладбища. На вопросъ мой, почему же не освѣдомятся, что это за человѣкъ, и дѣйствительно ли здѣсь его кладбище, мнѣ отвѣчали, что пріѣзжаго этого не можетъ видѣть всякій и показывается онъ только лицамъ избраннымъ: тѣмъ счастливцамъ судьбы, которые уже отпраздновали свой 80-ти лѣтній юбилей. Изъ обитателей Ши-жэнь-ван'и въ настоящую пору таковыхъ нѣтъ ни одного.

Шѝ-жэнь-вань служитъ границею для распространенія на СВ тӳмэ̀тскихъ поселеній. Мы оставили эту деревню въ 10 ч. 20 мин. и начали подниматься по вышеописанному ущелью, въ которомъ я снова не нашелъ ничего выдающагося помимо лишь того, что въ прошедшій путь я, за снѣгомъ, не замѣтилъ здѣсь цѣлой деревни, Ху-цза-ю-цза, состоящей изъ 6 дворовъ. Мы проѣхали ее теперь въ 11 ч. 25 м., и отстоитъ она на 12 мин. ѣзды отъ поселка Чжу-цзя-вань. Въ 12 ч. мы добрались до Хӳрѣ, гдѣ имѣли свой полдникъ, и, выѣхавъ изъ нея въ 1 ч. 45 м., въ 3 ч. 10 м. проѣхали деревню Мяо-гоу-мынь. Она, какъ было уже замѣчено выше, состоитъ сплошь изъ пещерныхъ жилищъ и единственное зданіе ея представлятъ собою кумирня, воздвигнутая на высокой скалѣ, преграждающей ущелье; отсюда, конечно, и названіе мѣстности «мынь». Въ 4 ч. проѣхали Суй-моу, за которымъ послѣдовалъ поселокъ Да-юй-шу, о которомъ я узналъ теперь, что поразительный достатокъ его обусловливается существованіемъ здѣсь кустарнаго промысла выдѣлыванія боронъ. Въ общемъ ихъ сбы-

ваютъ отсюда въ Хӱхӱ̀-хото̀ не менѣе какъ на сумму 3000 ланъ, ergo на каждую семью приходится не менѣе 20, 25 ланъ заработка, помимо хлѣбопашества, а это для китайца можно сказать, невыразимое богатство. Дальнѣйшій путь нашъ проходилъ уже ночью и въ 9 ч. вечера мы достигли Цага̀нь-булу̀нь.

Такъ какъ сегодня я оставилъ тӱмэ̀тскія земли, чтобы больше не возвращаться уже въ эти мѣста, то на настоящемъ ночлегѣ мнѣ пришло на мысль пересмотрѣть и привести въ нѣкоторый порядокъ всѣ свои изслѣдованія и записи о тӱмэ̀тахъ, составившіяся частію на основаніи устныхъ показаній бесѣдовавшихъ со мною тӱмэ̀товъ, а частію, и еще больше, на основаніи чтенія оффиціальныхъ бумагъ тӱмэ̀тскаго гу̀сай я̀муня, которыми снабжалъ меня хӱхӱ̀-хото̀скій га̀лай-да̄. Содержанію этихъ документовъ, какъ даннымъ, на основаніи которыхъ ведется современное управленіе тӱмэ̀тами, я не могъ не придавать значенія достовѣрности, а потому совершенно не обинуясь, составилъ по нимъ свои нижеслѣдующія «краткія замѣтки о хӱхӱ̀-хото̀скихъ тӱмэ̀тахъ».

Земли, отведенныя нынѣ богдоха̄нскимъ правительствомъ подъ поселенія хӱхӱ̀-хото̀скихъ тӱмэ̀товъ, по показаніямъ самихъ тӱ̄мэ̀товъ, простираются въ окружности на пространство свыше 1000 ли. На сѣверѣ онѣ граничатъ съ хошӯнными землями халха̀скаго Дарха̀нъ-бэ̀йлэ; на сѣверо-востокѣ урочище Дэочи̇̀нь-цага̀нъ-хошӯ-бай̇нъ-обō полагаетъ для нихъ границу съ хошӯномъ Дӱрбэ̀нъ-хӱхэтъ; на востокѣ онѣ соприкасаются границамъ чаха̀рскаго синяго съ каймою знамени; на югѣ-востокѣ подходятъ къ границамъ чаха̀рскаго краснаго съ каймою знамени, а также къ землямъ казенныхъ пашень, подвѣдомственныхъ Нинъ-юань-тину; на югѣ доходятъ до Великой стѣны, у воротъ Ша-ху-коу (маньчж. [illegible]); на юго-западѣ рѣкою Хуанъ-хэ отдѣляются отъ земель ордо̀сскаго знамени; на западѣ онѣ смежны съ землями хошӯна ура̀тскаго восточнаго гуна и, наконецъ, на сѣверо-западѣ между двумя обō, называемыми Бай-хонго̀ръ и Кэ-чӯ, соприкасаются землямъ мӯ-минга̀ньскаго знамени. Болѣе частное опредѣленіе этихъ границъ дается уже съ гораздо большею трудностію. Средоточіемъ своихъ земель тӱмэ̀ты почитаютъ городъ Хӱхӱ̀-хото̀, но это конечно, на основаніи не географическаго положенія, а лишь въ силу административнаго значенія этого города, какъ центра управленія. Отъ Хӱхӱ̀-хото̀ тӱмэ̀ты считаютъ, какъ разстоянія всѣхъ, расположенныхъ на ихъ земляхъ карауловъ, такъ равно отъ него же выводятъ и всѣ свои почтовыя дороги, назначенныя собственно для перевозки казенныхъ пакетовъ и разъѣздовъ по дѣламъ службы разныхъ чиновъ управленія. Свѣдѣнія объ этихъ караулахъ дали мнѣ возможность дополнить опредѣленіе простран-

ства тӳмэ̀тскихъ земель, хотя и не въ полной мѣрѣ, такъ какъ караулы у тӳмэ̀товъ разставлены не по всей ихъ границѣ. Произошло это потому, что первоначально они явились учрежденіемъ чисто временнымъ, а засимъ, какъ будто, были забыты, почему и остались существовать донынѣ. Основаніе ихъ относится къ 19 году правленія Цянь-луна. Войны съ чжунга̀рами и обѣдненіе страны породили тогда массу бродягъ и мелкихъ воришекъ, которые, скрываясь въ горахъ Цинъ-шань, постоянно производили грабежи и нападенія, какъ на частныхъ жителей, такъ и на казенные транспорты. По такимъ то основаніямъ мѣстный прокуроръ, Боо-чу-фань, сдѣлалъ тогда всеподданнѣйшій докладъ, которымъ предлагалъ, чтобы въ 11 ущельяхъ Цинь-шаньскихъ горъ учредить караулы, помѣстивъ на каждомъ изъ нихъ по 5 нижнихъ чиновъ, подъ командою унтеръ-офицера. Солдатъ этихъ предполагалось вызывать изъ тӳмэ̀тскихъ хошӯновъ на мѣсячную очередь, а въ 11-й лунѣ каждаго года хӳхӯ-хото̀скій цзянь-цзюнь обязанъ былъ высылать маньчжурскихъ чиновъ для ревизіи дѣлъ на караулахъ. Съ окончаніемъ чжунга̀рскихъ войнъ окончились и грабежи въ цинъ-шаньскихъ горахъ, но караулы оставались въ нихъ по-старому, хотя и безъ всякой нужды; впрочемъ, говорятъ, они сослужили нѣкоторую службу даже въ періодъ послѣдняго дунганскаго возстанія конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Всѣхъ карауловъ на тӳмэ̀тскихъ земляхъ считается 11 и располагаются они въ такомъ порядкѣ:

Караулъ Онго̀нъ находится прямо на С. отъ Хӳхӯ-хото̀ и отстоитъ отъ него на 20 ли.

Карачѝнъ — въ 20 ли къ востоку отъ Онго̀на и въ 30 ли отъ города.

Огѝтъ — въ 20 ли отъ Карачѝна и въ 40 ли къ СВ. отъ города.

Улясута̀й — въ 30 ли отъ Огѝта и въ 70 ли къ В. отъ города.

Хорѝнъ-гэ̀рь — въ 30 ли отъ Улясута̀я и въ 80 ли къ ЮВ. отъ города.

Караулъ Кэрэкӯ начинаетъ собою линію въ другую сторону отъ Онго̀на и отстоитъ на 80 ли къ СЗ. отъ города и на 85 ли отъ Онго̀на.

Тэмэ̄нь-хӳцзӯ — въ 60 ли къ З. отъ Кэрэкӯ и въ 140 ли отъ города.

Гарудѝ — въ 120 ли къ З. отъ Тэмэ̄нь-хӳцзӯ и въ 200 ли отъ города.

Сульчжа̀ — въ 50 ли къ З. отъ Гарудѝ и въ 250 ли отъ города.

Уда̀ — въ 50 ли къ З. оть Сульчжа̀ и въ 300 ли отъ города.

Цага̀нъ-обо̄ — въ 40 ли къ З. отъ Уда̀ и въ 340 ли отъ города.

Къ югу отъ Хорѝнъ-гэ̀рь карауловъ на земляхъ хӳхӯ-хото̀скихъ тӳмэ̀товъ не содержится, а потому къ опредѣленію пространства тӳмэ̀тскихъ земель мы уже не имѣемъ здѣсь никакихъ данныхъ, помимо лишь указанія

направленія почтовыхъ дорогъ, исходящихъ изъ Хўхў-хотò. Такъ какъ конечные пункты этихъ дорогъ, несомнѣнно, прилежатъ къ тўмэтской пограничной линіи, то указаніе этихъ пунктовъ является для насъ вполнѣ равносильнымъ указанію тўмэтской границы. И такъ отъ Хўхў-хотò проходятъ въ различныя стороны нижеслѣдующіе казенные тракты. Къ Ю., до Ша-ху-коу — на 120 ли; къ З., до границъ Ураàтскаго хошўна, къ урочищу Баўтоу-цагàнъ-обō, — на 340 ли; къ С., до границъ хошўна халхàскаго Дархàнъ-бэйлэ, къ горѣ Хадāмалъ-ўла, — на 220 ли; къ В., до границъ чахàрскаго синяго съ каймою знамени, къ Цэ̄рдэ-цагàнъ-хўрѣнь, — на 120 ли; къ ЮВ., до границъ чахàрскаго краснаго съ каймою знамени и къ Нинъюань-типу, — на 120 ли; къ ЮЗ., до крѣпостцы Великой стѣны на берегу Хуанъ-хэ, — на 320 ли; къ СЗ., до границъ Мў-мингàньскаго хошўна, къ урочищу Бай-хонгòръ-обō, — на 300 ли; и къ СВ., до границъ хошўна Дўрбэнъ-хўхэтъ, къ урочищу Дэочѝнь-цагàнъ-обō, — на 100 ли.

Нѣтъ сомнѣнія, что пространства, заключенныя въ означенныхъ границахъ, принадлежали тўмэтамъ еще задолго до времени подчиненія ихъ маньчжурамъ, и что со времени этого подчиненія у тўмэтовъ не только ничего не прибавилось въ территоріальномъ отношеніи, а, напротивъ, они были даже стѣснены въ своихъ земляхъ, въ силу допущенія на оныя китайскихъ переселенцевъ.

Добыть точное число современнаго населенія тўмэтовъ мнѣ не представилось возможности, и для приблизительнаго опредѣленія его мы располагаемъ лишь нижеслѣдующими данными. Все тўмэтское населеніе раздѣляется нынѣ на четыре главныхъ сословія: а) знаменныхъ солдатъ; б) военныхъ простолюдиновъ, обязанныхъ нестроевою службою; в) ламъ и г) шабинàровъ, или простолюдиновъ, приписанныхъ къ различнымъ монастырямъ и хутўхтамъ. Болѣе точныя и опредѣленныя данныя о численномъ составѣ хранятся въ тўмэтскихъ управахъ лишь относительно знаменнаго населенія, подлежащаго постояннымъ вызовамъ на ученье, смотры и проч. По этимъ даннымъ, все тўмэтское знаменное населеніе раздѣляется на 60 эскадроновъ (сумўнъ), сгруппированныхъ въ два крыла, по 30 эскадроновъ въ каждомъ. Въ частности числится:

По лѣвому крылу:	Дворовъ	Душъ.
Въ 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 1-мъ чжаланемъ. . .	337	1572
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 2-мъ чжаланемъ. . .	287	1311
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 3-мъ чжаланемъ. . .	475	2595
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 4-мъ чжаланемъ. . .	267	1229
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 5-мъ чжаланемъ. . .	361	1573
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 6-мъ чжаланемъ. . .	226	988

По правому крылу:	Дворовъ	Душъ.
Въ 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 1-мъ чжаланемъ. . .	304	1449
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 2-мъ чжаланемъ. . .	441	801
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 3-мъ чжаланемъ. . .	397	1614
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 4-мъ чжаланемъ. . .	292	1321
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 5-мъ чжаланемъ. . .	289	1227
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 6-мъ чжаланемъ. . .	420	1900

Итого: въ 30-ти эскадронахъ лѣваго крыла дворовъ 1953 и душъ 9268; а въ 30 эскадронахъ праваго крыла дворовъ 2143 и душъ 9308.

Всего же знаменныхъ тӯмэ̀товъ въ Хӯхӯ-хото̀ считается 4096 дворовъ и 18,576 душъ.

Большая часть этого населенія ведетъ въ настоящую пору совершенно осѣдлую жизнь, занимаясь хлѣбопашествомъ и располагаясь по деревнямъ и поселкамъ. Всѣхъ такихъ деревень и казенныхъ поселковъ, состоящихъ въ управленіи 30 ротъ лѣваго крыла, считается 296, а управляемыхъ въ 30 ротахъ праваго крыла — 226. Означенныя 522 деревни почитаются населенными исключительно тӯмэ̀тами. Въ болѣе значительныхъ изъ поселковъ полагается по два поселковыхъ старшины ([illegible]), а въ малыхъ — по одному.

Къ числу знаменныхъ, ведущихъ кочевую жизнь, относятъ обыкновенно три эскадрона тӯмэ̀товъ, располагающихся своими жилищами къ сѣверу отъ цинъ-шань'скихъ горъ. Въ общемъ кочевья ихъ со всѣхъ сторонъ облегаютъ урочище Хуяктӯ-обō, находящееся у границъ мӯ-мингàньскихъ земель, частныя же названія мѣстъ ихъ кочевокъ остались у меня не записанными. На всемъ пространствѣ этихъ кочевыхъ земель, знаменные солдаты и свободные простолюдины, равно какъ и причисленные къ различнымъ кумирнямъ шабинàры проживаютъ совмѣстно, какъ по кочевымъ пастбищамъ, такъ и въ обосновываемыхъ ими деревняхъ. Въ настоящую пору въ эти тӯмэ̀тскія кочевыя урочища постоянно прибываютъ съ цѣлью обоснованія на нихъ осѣдлости китайцы, принадлежащіе къ сословію купцовъ и землепашцевъ, и число ихъ, говорятъ, годъ отъ года сильно увеличивается.

Вышепоказанное число, 18,576 душъ, представляетъ собою общую сумму всего сословія знаменныхъ тӯмэ̀товъ, какъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ и заключаетъ въ себѣ всѣхъ, начиная со стариковъ до грудныхъ младенцевъ обоихъ половъ. Оно заимствовано мною изъ оффиціальнаго дѣла о переписи 1887 года, хотя эта перепись и не была послѣднею, такъ какъ позже перепись совершалась еще въ 1890-мъ году. Видѣть данныя этой

послѣдней переписи, равно какъ и произвести сличеніе хотя бы двухъ трехъ переписей для сравнительнаго ихъ изученія и подлежащихъ выводовъ я не могъ, за недостаткомъ времени. По общему положенію, народныя переписи у тӳмэ̀товъ совершаются черезъ три года. О производствѣ переписи гӳсай-ямунь каждый разъ получаетъ особое увѣдомленіе отъ фуду-туна, на основаніи котораго и откомандировываетъ отъ себя двухъ чиновниковъ. Послѣдніе обязаны посѣтить всѣ поселки, деревни и кочевья отдѣльно праваго и лѣваго крыла и произвести въ нихъ счетъ всѣхъ домовъ и народонаселенія, за исключеніемъ лишь мѣстъ, охваченныхъ возстаніями, или находящихся въ рукахъ мятежниковъ. Списки эти (въ противуположность халха̀скимъ порядкамъ) отправляются не прямо въ Лифань-юань, а къ хӳхӳ̆-хото̀скому ду-туну, который, произведя еще отдѣльно перепись китайцевъ, представляетъ объ эти переписи совмѣстно шань-сискому амба̀ню.

Что касается числа знаменныхъ тӳмэ̀товъ, долженствующихъ отбывать дѣйствительную строевую службу, то оно для каждаго даннаго времени опредѣляется суммою въ 5000 строевыхъ латниковъ. По разрядамъ эти послѣдніе раздѣляются такимъ образомъ: гвардейцевъ, именуемыхъ «габшихянь», а въ походахъ долженствующихъ входить въ составъ легкаго, авангарднаго отряда, отчисляется 200 человѣкъ; 360 человѣкъ состоятъ въ рангѣ унтеръ-офицеровъ (бошкѝ); а остальные 4440 человѣкъ отбываютъ службу обыкновенными рядовыми солдатами. Изъ числа ихъ 1000 человѣкъ, по очереди, обязаны являться каждою весною и осенью въ Хӳхӳ̆-хото̀, срокомъ на одинъ мѣсяцъ, для смотра и усовершенствованія въ воинскомъ дѣлѣ (см. стран. 100); остальные, смѣняясь мѣсячными очередями, отбываютъ службу въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, на караулахъ, переправахъ и проч.

Относительно сословія тӳмэ̀тскихъ простолюдиновъ, также причисляемыхъ къ военнымъ, хотя и никогда не призываемыхъ къ оружію и не отбывающихъ строевой службы, а равно и о шабина̀рахъ мы можемъ сказать только то, что общее число ихъ по переписи 1887 г. опредѣлялось въ 52,843 человѣка. Показаніе это было записано мною со словъ га̀лай-да̄, который не могъ передать мнѣ самаго дѣла этой переписи за его обширностью.

Такъ какъ означенные люди de facto рѣшительно не имѣютъ никакого отношенія къ военному дѣлу, то ихъ, казалось мнѣ, правильнѣе всего было бы считать сословіемъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, а потому въ вопросахъ объ ихъ бытѣ меня больше всего интересовало ихъ земельное положеніе. Въ извѣстной степени мнѣ удалось разъяснить это даже исто-

рически. Въ періодъ своего подданства Китаю хўхў-хотòскіе тўмѐты вели почти исключительно кочевую пастушескую жизнь, и только во времена уже дайцинской династіи нѣкоторые изъ нихъ начали собственными силами распахивать цѣльнины въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ своихъ пастбищъ и заводить на нихъ пашни. Въ періодъ Канси и Юнъ-чжена, при увеличившихся китайскихъ на эти мѣста переселеніяхъ, тўмѐты начали сдавать годныя для посѣвовъ поля въ аренду китайцамъ; но какъ опредѣленной мѣры земель имъ вовсе не было извѣстно, то отсюда у тўмѐтовъ вскорѣ же произошли взаимные споры и тяжбы съ китайцами, доходившіе до разбирательства въ судахъ. Стремясь прекратить эти споры, маньчжурскіе правители первые научили тўмѐтовъ опредѣленнымъ измѣреніямъ земельныхъ пространствъ; они преподали имъ общеманьчжурскую мѣру полей, высшую единицу которой составляетъ «дѐльхэнь», или участокъ въ 300 саж. ширины и 1800 саж. длины, а низшую — «ѝмари», равняющуюся земельному пространству въ 3 саж. шириною и 18 саж. длины. Наука эта помогла однако дѣлу очень мало, и, когда споры изъ-за земель начались далѣе не только съ китайцами, а и между самими тўмѐтами, то хўхў-хотòскій цзѝнь-цзюнь Чжи вынужденъ былъ въ 8 году правленія Цянь-луна (1743) представить всеподданнѣйшій докладъ о необходимости проведенія какого либо порядка во владѣніи тўмѐтовъ ихъ землями. Съ этою цѣлью потребовалось прежде всего точное опредѣленіе какъ общаго числа населенія тўмѐтовъ, такъ и количества всѣхъ принадлежащихъ имъ пашень и кочевыхъ земель. Произведенною переписью было уяснено, что пространство пахатныхъ земель равняется у тўмѐтовъ 75,049 дѐльхэнь, а число душъ тўмѐтскаго населенія было въ ту пору 43,559. Разслѣдованіе матеріальнаго благосостоянія этого населенія обнаружило крайнюю неравномѣрность въ пользованіи землями, при чемъ оказалось, что $^1/_{10}$ часть народа почти вовсе лишена земель, а именно, 2156 домохозяевъ засѣвало пашень всего 334 дѐльхэнь, 88 имари, тогда какъ 2812 домохозяевъ совершенно не имѣло у себя никакой земли. Такимъ образомъ общее число душъ, нуждавшихся въ земляхъ, было 4968. Заботясь объ ихъ обезпеченіи, богдоха̀нское правительство опредѣлило изъ общаго числа 74,714 дѐльхэнь и 12 ѝмари пахатныхъ земель, которыя состояли въ пользованіи 38,591 души, отчислить 4633 дѐльхэнь и 12 ѝмари и, присоединивъ ихъ къ 334 дѐльхэнь, 88 ѝмари, обработываемыми людьми, недостаточно надѣленными землею, распредѣлить означенныя земли между помянутыми 4968 душами, въ размѣрѣ по одному дѐльхэнь на каждую душу.

Послѣ вышеозначеннаго передѣла въ общей массѣ тўмѐтскихъ земель оставалось еще 13,295 дѐльхэнь и 14 ѝмари земли, которая не была рас-

пахана, но отводилась исключительно подъ пастьбища, являясь въ общинномъ пользованіи всего тӱмэтскаго населенія. Не прошло однако и тридцати лѣтъ послѣ сего, какъ количество необработанной земли у тӱмэтовъ еще сократилось. Въ 37-мъ году правленія Цянь-луна изъ этого числа было изъято 2244 дэльхэ и 80 ѝмари, при чемъ часть этой земли была отведена подъ казенныя пашни, а часть распредѣлена между бѣднѣйшими тӱмэтами, не задолго до того утратившими свой скотъ и не могшими продолжать далѣе свою кочевую жизнь. Одновременно съ симъ изъ частнаго пользованія тӱмэтовъ было изъято и опредѣлено на казенныя потребности еще 229 дэльхэнь и 80 ѝмари поемныхъ луговъ, заливаемыхъ р. Хуанъ-хэ. Этотъ выдѣлъ земли считается у тӱмэтовъ послѣднею распашкою собственно по почину и требованію правительства, хотя частныя распашки продолжались и послѣ сего. Въ 5-мъ году правленія Цзя-цина (1800 г.) изъ Хӱхӱ-хотò былъ сдѣланъ новый всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изъяснялось, что въ теченіе второй половины правленія Цянь-лунова богатые тӱмэты, стремясь къ большей наживѣ, еще распахали цѣльнины и засѣяли на отведенныхъ прежде подъ пастбища земляхъ всего 1450 дэльхэнь, 78 ѝмари. Мѣстные правители, констатируя этотъ фактъ, просили теперь высочайшаго разрѣшенія на взиманіе съ этихъ земель арендныхъ денегъ съ тѣмъ, чтобы образующуюся отъ такого сбора сумму, раздѣлять между недостаточными тӱмэтами, общее число которыхъ опредѣлялось въ 900 человѣкъ. Когда на означенный докладъ состоялось высочайшее соизволеніе, то распахивавшіе прежде эти земли богатые тӱмэты почли уже невыгоднымъ для себя обработывать ихъ, выдѣляя значительную долю своего заработка ничего не дѣлавшей бѣднотѣ. Вскорѣ они начали совершенно отказываться отъ этихъ земель, и черезъ 5 лѣтъ послѣ сего (1805 г.) состоялось новое высочайшее повелѣніе Цзя-цина, которымъ предписывалось отобрать эти земли у отказывавшихся отъ нихъ тӱмэтовъ и раздѣлить ихъ между тѣми 900 бѣдныхъ, въ пособіе которымъ предполагалось выдавать получаемыя отъ этихъ земель арендныя деньги. Съ той поры въ кочевьяхъ тӱмэтовъ считается пахотныхъ земель всего 78,974 дэльхэнь и 38 ѝмари, а неудобныхъ для хлѣбопашества и потому отведенныхъ подъ пастбища 9369 дэльхэнь и 76 ѝмари. Нѣкоторая часть этихъ послѣднихъ земель въ настоящую пору, говорятъ, также распахивается, но часть эта весьма незначительна, — она едва ли достигаетъ и 1000 дэльхэнь, такъ какъ всѣ лучшія земли были взяты подъ распашку съ самаго перваго времени.

Сословіе шабинàровъ, будучи исчисляемо въ томъ же общемъ составѣ тӱмэтскаго населенія, пользуется и землями на ряду съ прочими тӱмэтами; а сословіе ламъ, или тӱмэтскаго духовенства, исходя изъ всѣхъ классовъ и

разрядовъ тӳмэ̀тской общины, въ большинствѣ случаевъ опредѣленныхъ земель у себя не имѣетъ и живетъ на средства, получаемыя отъ своихъ поклонниковъ-простолюдиновъ.

Пользуясь съ разрѣшенія правительства вышеозначенными землями и получая отъ нихъ главныя средства для своего существованія, тӳмэ̀ты взамѣнъ сего обязаны передъ правительствомъ казенными и общественными повинностями, которыя выражаются, какъ въ натуральномъ отбываніи ими нѣкоторыхъ родовъ службы, такъ и во взносахъ опредѣленныхъ пошлинъ.

Натуральныя казенныя и общественныя повинности въ громадномъ большинствѣ отправляются тӳмэ̀тами въ мѣсячной очереди, и вотъ тѣ виды отбываемыхъ у тӳмэ̀товъ натурою повинностей, которыя удалось узнать мнѣ при своихъ изслѣдованіяхъ.

1) На 11-ть вышеозначенныхъ карауловъ, начиная съ Онгона, тӳмэ̀ты обязаны ежемѣсячно высылать на каждый караулъ по 5 нижнихъ чиновъ и для надзора за ними по одному чиновнику, въ званіи унтеръ или даже оберъ-офицера.

2) Въ хӳхӯ-хото̀скую полицію ежемѣсячно откомандировывается по 2 чиновника и 40 нижнихъ чиновъ.

3) Для содержанія карауловъ при складахъ серебра въ Хӳхӯ-хото̀ также ежемѣсячно назначается 1 чиновникъ и 10 солдатъ.

4) Разсыльными при тѣхъ же складахъ серебра — 2 солдата.

5) Для храненія складовъ оружія ежемѣсячно откомандировывается 1 чиновникъ и 5 солдатъ.

6) Въ должности стражниковъ у воротъ гӳсай ямуня полагается по мѣсячной очереди 1 чиновникъ и 5 солдатъ.

7) Для присмотра и содержанія въ чистотѣ хӳхӯ-хото̀скаго военнаго плаца ежемѣсячно — 1 чиновникъ и 5 солдатъ.

8) Для дежурства у четырехъ воротъ хӳхӯ-хото̀ской крѣпости ежемѣсячно назначается при каждыхъ воротахъ по 1 чиновнику и 9-ти солдатъ.

9) Для храненія Токто̀-хото̀скихъ складовъ ежемѣсячно — 1 чиновникъ и 6 солдатъ.

10) Для различныхъ услугъ при главной хӳхӯ-хото̀ской кумирнѣ ежемѣсячно высылается 10 солдатъ.

11) При кумирнѣ Конфуція полагается ежемѣсячно въ званіи сторожей 4 солдата и въ званіи разсыльныхъ 2 солдата.

12) Для храненія кумирни въ честь основателя земледѣлія ежемѣсячно высылается 3 солдата.

13) Для отправленія службы въ званіи разсыльныхъ при канцеляріи гўсай-ямуня и храненія печати ежемѣсячно — 5 солдатъ.

14) При отдѣленіи военнаго министерства полагается ежемѣсячно въ званіи вѣстовыхъ 5 солдатъ и для командировокъ 10 солдатъ.

15) При отдѣленіи министерства финансовъ полагается ежемѣсячно въ званіи вѣстовыхъ 5 солдатъ и для командировокъ 10 солдатъ.

16) Въ званіи разсыльныхъ при гвардейскомъ лагерѣ ежемѣсячно полагается 6 солдатъ.

17) Вѣстовыми при отдѣленіи, завѣдывающемъ учебными сборами, ежемѣсячно назначается 6 солдатъ.

Всѣ означенные чины отбываютъ свою повинность по мѣсту служенія въ городахъ, не оставляя оныхъ; засимъ для разъѣздовъ и службы собственно въ степяхъ назначается еще:

18) При гўсай ямунѣ, для различныхъ командировокъ въ степи 32 солдата.

19) При 12 чжàлани-цзангйнахъ полагается каждому чжàлани-цзангину ординарцевъ 1 вѣстовыхъ 2.

20) При 60 эскадронныхъ командирахъ полагается каждому — ординарцевъ 1 и вѣстовыхъ 1.

21) Особый видъ повинности представляетъ собою для тўмэтовъ еще служба на переправахъ черезъ Хуанъ-хэ, которыхъ въ кочевьяхъ тўмэтовъ считается собственно двѣ: переправа въ урочищѣ Хутàнъ-хошў, отстоящая отъ Хўхў-хотò на 180 ли, въ направленіи къ ЮЗ, и переправа въ урочищѣ Мōтàй, находящаяся къ СЗ отъ Хутàнъ-хошў и отстоящая отъ Хўхў-хотò на 240 ли. На каждой изъ этихъ переправъ тўмэты обязаны содержать по три лодки, а въ качествѣ перевозчиковъ назначать по 30 солдатъ, для надзора надъ которыми откомандировывается по одному цзангйну и по одному хўндўю. Содержанія эти люди не получаютъ ровно никакого и отправляютъ означенную натуральную повинность собственными средствами. Смѣняются они, говорятъ, очень рѣдко, такъ какъ тўмэты дорожатъ этими перевозчиками и даютъ имъ всякія льготы, имѣя въ виду, что переправа черезъ рѣку требуетъ извѣстнаго навыка и даже ловкости, которыя пріобрѣтаются только практикою. Вся обязанность этихъ людей состоитъ исключительно въ перевозѣ путниковъ, слѣдующихъ на ту и на другую сторону рѣки. Когда лодки состариваются, продыравливаются и разрушаются, то заботы о возобновленіи ихъ возлагаются на чиновниковъ, завѣдывающихъ прирѣчными поселеніями тўмэтовъ. Чиновники эти должны собирать деньги на сей предметъ съ подвѣдомственныхъ имъ людей и выдавать собранную сумму въ видѣ вспомоществованія лодочни-

камъ, которые уже сами исправляютъ или строятъ вновь потребныя имъ лодки [1]).

Наконецъ положительно ко всѣмъ тӳмэтамъ можетъ быть отнесена отбываемая также натурою 22) подводная повинность. Достойно замѣчанія, что тӳмэты, имѣя на своихъ земляхъ опредѣленные казенные тракты, въ тоже время не содержатъ у себя благоустроенныхъ почтовыхъ станцій, какъ это мы видѣли въ Халхѣ. Разказываютъ, что встарину, когда нужно было командировать куда либо чиновника, то онъ только выѣзжалъ изъ города или, лучше сказать, изъ своего присутственнаго мѣста на казенной лошади, а засимъ, какъ только попадалась ему на встрѣчу обывательская лошадь, онъ тотчасъ же отбиралъ ее у тӳмэта и ѣхалъ на ней своею дорогой иногда верстъ 10, 15-ть, пока ему ни попадалась другая обывательская лошадь, съ которою онъ поступалъ такимъ же образомъ. Впослѣдствіи, когда на тӳмэтскихъ земляхъ обосновалась масса китайскихъ переселенцевъ, тӳмэтскіе правители начали жаловаться на то, что китайцы находятся въ одинаковыхъ съ тӳмэтами условіяхъ жизни, а между тѣмъ подводная повинность лежитъ только на этихъ послѣднихъ. Жалобы эти дошли вплоть до богдохана и имѣли своимъ результатомъ изданіе особаго высочайшаго повелѣнія, по которому отбываніе подводной повинности было значительно упорядочено. Отнимать лошадей у путниковъ возбранялось чиновникамъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности; отправляясь же въ командировку по какому либо спѣшному дѣлу, каждый чиновникъ обязанъ былъ получить особые открытые листы, какъ отъ хӯхӯ-хотоскаго амбаня, такъ и отъ гӯсай ямуня и, на основаніи этихъ листовъ, онъ могъ взимать лошадей въ поселкахъ одинаково, какъ у китайцевъ, такъ и у тӳмэтовъ. Высочайшее повелѣніе это относится къ 8-му году правленія Цзя-цина, и съ тѣхъ поръ взиманіе подводъ людьми, командированными по службѣ, совершается не иначе, какъ согласно сказаннымъ положеніямъ.

Относительно существующихъ у тӳмэтовъ денежныхъ обложеній я не могъ собрать точныхъ и ясныхъ данныхъ во всей ихъ полнотѣ. Можно утверждать, какъ несомнѣнное, что здѣсь собираются поземельные налоги, но они чрезвычайно различествуютъ одинъ отъ другого, обусловливаясь то качествомъ земель, то мѣстоположеніемъ земли, и, главнѣйше, степенью удаленности ея отъ города, то личностью владѣльца, то давностью распашки, — словомъ, различныхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ сумму

1) Г. Потанинъ, переправлявшійся черезъ Хуанъ-хэ въ урочищѣ Хутанъ-хошӯ въ 1884 г., не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній о состояніи здѣшняго перевоза; но онъ замѣчаетъ, что его перевозили на двухъ лодкахъ, изъ которыхъ одна могла сразу поднять 16 верблюдовъ. (См. Танг.-Тиб. окраина Китая. Т. I стр. 57).

обложенія, множество и довести этотъ отдѣлъ изслѣдованія до степени полной ясности мнѣ, за недостаткомъ времени, не удалось. Какъ примѣръ подобнаго обложенія я могу привести лишь то, что тӯмэ̀тскій гӯсай ямунь получаетъ теперь около 370 ланъ пошлины съ пашень, засѣваемыхъ китайцами въ Да-цинъ-шань'скихъ горныхъ падяхъ, самою обширною изъ которыхъ считается горная долина Харгѝль. Въ тѣхъ же мѣстахъ съ земель, обработываемыхъ шабина̀рами Ганчжорва̀ мэргэ̀нъ номӯнъ ха̄на и съ пашень, принадлежащихъ войскамъ императорской гвардіи, собирается еще 148 ланъ 5 цинъ, 6 фынъ и 4 ли. Далѣе я могу сказать, что гӯсай ямунь въ видѣ государственныхъ налоговъ собираетъ еще ежегодно суммы по нижеслѣдующимъ статьямъ:

1) Оброчной платы съ казенныхъ дворовъ и лавокъ, находящихся въ Хӯхӯ-хото̀ и окрестностяхъ онаго, а равно съ казенныхъ дворовъ и лавокъ, основавшихся въ направленіи къ Онго̀нъ-дабӑну, по обѣимъ сторонамъ Да-цинъ-шаньскихъ горъ, — свыше 500 ланъ серебра.

2) Съ казенныхъ пашень, прилежащихъ поселкамъ: Онго̀нъ-дабӑнъ, Хулутӯ, Номохо̀нъ-асӯтъ, Бумба̀, Хучжѝръ-тохой и др. — 90 слишкомъ ланъ серебра.

3) Пошлинъ съ открытыхъ въ Хӯхӯ-хото̀ маленькихъ закладныхъ лавокъ и ссудныхъ кассъ — свыше 1000 ланъ серебра.

4) При взаимной покупкѣ и продажѣ тӯмэ̀тами своихъ домовъ и лавокъ съ уплачиваемой суммы взимается въ видѣ пошлины съ каждаго лана по одному фыну (т. е. 1%) и засимъ по 8 циновъ за каждую приложенную къ документамъ печать.

5) Пошлины съ Да-цинъ-шань'скихъ каменно-угольныхъ копей — всего 2000 связокъ по 1000 чеховъ, или 2 милліона чеховъ. Относительно этого послѣдняго обложенія мною дознано, что, согласно состоявшемуся въ 33-мъ году правленія Цянь-луна представленію хӯхӯ-хото̀скаго цзя̀нь цзюня Фу-ляна, тогда же послѣдовало особое высочайшее повелѣніе, по которому разработка вышеозначенныхъ копей разрѣшалась тӯмэ̀тамъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Для сбора пошлинъ съ каменно-угольныхъ копей, разработываемыхъ въ да-цинъ-шань'скихъ горныхъ падяхъ, Хама̀ръ, Алиматӯ, Цинъ-шуй-хо и Хара̀-ӯхэртӯ назначается въ каждую изъ четырехъ означенныхъ копей по одному чиновнику въ разрядѣ эскадроннаго командира (нируй чжангинь), фыньдэ-бошоку или гвардейскаго десятника, а надъ всѣми ими поставляется одинъ общій начальникъ въ званіи чжа̀лани цзангйна. 2) По истеченіи каждаго мѣсяца чиновники, находящіеся въ четырехъ показанныхъ урочищахъ, представляютъ собранныя ими, согласно установленному для каждаго изъ нихъ отдѣльному положенію, пош-

лины чжàлани цзангйпу, а послѣдній отъ себя препровождаетъ ихъ въ гӯсай ямунь. 3) Видоизмѣненіе и опредѣленіе суммы пошлинъ, взимаемой съ каждой частной копи, устанавливается срокомъ на годъ. 4) Общая сумма пошлинъ, какъ сказано, должна составлять 2 милліона чеховъ. 5) Изъ этихъ денегъ $^{3}/_{10}$ части опредѣляются на жалованье чиновникамъ и солдатамъ, имѣющимъ надзоръ за копями, а остальные $^{7}/_{10}$ частей представляются въ казначейство гӯсай-ямуня. 6) Если явятся новые предприниматели разработки каменно-угольныхъ копей, то имъ выдается билетъ на розыски, при чемъ откомандировывается чиновникъ, который выясняетъ, имѣются или нѣтъ подходящія для раскопокъ мѣста; по полученіи же свѣдѣній предпринимателю выдается установленное свидѣтельство за печатью и дозволяется производить раскопки. 7) Если уголь будетъ дѣйствительно найденъ, выдается новое свидѣтельство на его разработку, а чиновникамъ ближайшихъ копей поручается надзоръ за новооткрытыми шахтами и сборъ слѣдующихъ пошлинъ. 8) Старинныя копи съ теченіемъ времени вырабатываются, и угля въ нихъ становится такъ мало, что не хватаетъ даже на уплату собираемыхъ пошлинъ; тѣмъ не менѣе постановлено, чтобы первоначально учрежденная сумма пошлинъ не уменьшалась; въ соотвѣтствіе сему опредѣлено также и то, что, хотя бы число новыхъ разработываемыхъ копей и увеличилось, общая сумма пошлинныхъ денегъ не должна быть возвышаема.

Помимо вышеуказанныхъ обложеній другія статьи доходовъ гӯсай ямуня остались для меня мало выясненными, что же касается общественныхъ расходовъ и нуждъ, которые обязанъ удовлетворять гӯсай ямунь, то главнѣйшими и наиболѣе постоянными изъ нихъ являются слѣдующіе:

1) Ежемѣсячно онъ долженъ доставлять по 6 ланъ и 4 цина для покупки кистей, туши и бумаги, потребныхъ въ дѣлопроизводствѣ самаго гӯсай ямуня, отдѣленіяхъ министерства финансовъ и военнаго и въ учрежденіи по производству слѣдственныхъ дѣлъ. Расходъ этотъ производится на основаніи предписанія Ли-фань-юаня, послѣдовавшаго въ 3-й лунѣ 13-го года правленія Юнъ-чжэна.

2) Въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ онъ обязанъ выдать 20 слишкомъ ланъ на покупку древеснаго угля для отопленія зданій помянутыхъ учрежденій.

3) Ежегодно весною и осенью гӯсай ямунь расходуетъ свыше 80 лапъ серебра на принесеніе жертвъ въ кумирнѣ Конфуція, которое совершается по церемоніалу, преподанному министерствомъ въ 8 лунѣ того же 13-го года правленія Юнъ-чжэна.

4) Выше было уже объяснено, что да-цинъ-шань'скія каменно-уголь-

ныя копи обложены ежегодными пошлинами въ 2 милліона чеховъ, и что $^{7}/_{10}$ этой суммы должно быть представляемо въ гӯсай-ямунь. Деньги эти расходуются здѣсь прежде всего на выдачу вспомоществованія чиновникамъ, получающимъ дальнія командировки, по штату: офицерамъ — 3200 чеховъ и нижнимъ чинамъ — 1600 чеховъ каждому. Засимъ при окончаніи каждаго года изъ этой же суммы взимается 500 тысячъ чеховъ; сумма раздѣляется на отдѣльныя части по тремъ разрядамъ и выдается въ награду отличившимся чиновникамъ штабъ-офицерскаго званія — высшаго разряда, оберъ-офицерамъ — втораго разряда и низшимъ чинамъ — низшаго разряда. Наконецъ, остальные деньги обмѣниваются на серебро и, по нуждѣ, расходуются на исправленіе вооруженія тӯмэтскихъ войскъ.

5) 290 ланъ серебра ежегодно отчисляется на покупку пороха, расходуемаго на военныхъ смотрахъ и при обученіи стрѣльбѣ тӯмэтскихъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями, а равно на производимые при наступленіи каждой ночи выстрѣлы изъ пушки съ крѣпостной хӯхӯ-хотоской стѣны.

6) Изъ разсмотрѣнія старинныхъ, нынѣ имѣющихъ уже исключительно историческое значеніе документовъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ 26-мъ году правленія Цянь-луна гӯсай ямунь собиралъ пошлины съ пашень, засѣваемыхъ китайцами въ долинахъ Да-цинъ-шань'скихъ горъ, до 590 ланъ серебра; впослѣдствіи сумма эта изъ года въ годъ сокращалась, и нынѣ съ этихъ земель получается уже не болѣе 370 ланъ. Если къ нимъ приложить еще пошлины съ земель шабинаровъ Ганчжорва-гэгэна и богдоханскихъ гвардейскихъ войскъ; то получится всего 518 ланъ, 5 цинъ, 6 фынъ и 4 ли. Изъ этой суммы прежде всего отчисляется 100 ланъ, расходуемыхъ гӯсай-ямунемъ на общественныя потребности; засимъ изъ этихъ же денегъ выдается спеціально на провіантъ чиновникамъ, получающимъ дальнія командировки, состоящимъ въ офицерскихъ чинахъ по 4 лана, а нижнимъ чинамъ по 2 лана. Деньги оставшіяся за удовлетвореніемъ такого рода нуждъ, опять таки въ концѣ года раздѣляются на три разряда и раздаются въ награду ревностнѣйшимъ изъ чиновниковъ по вышеописанному порядку.

7) Для принесенія жертвъ въ кумирнѣ, посвященной памяти основателя земледѣлія, отчисляется часть засѣваемаго на казенныхъ пашняхъ хлѣба, а также часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи этого хлѣба. Отчетъ по этому расходу представляется въ м-во однажды въ 5 лѣтъ, за всѣ истекшіе годы сразу. Разсматривая всѣ вышеозначенныя статьи расходовъ, нельзя не обратить вниманія на сравнительное ничтожество суммы, ассигнуемой тӯмэтскимъ управленіемъ на вооруженіе своихъ войскъ. Происходитъ это, какъ оказывается, оттого, что эта статья расходовъ по-

крывается изъ особаго спеціальнаго фонда. Мы видѣли уже, что часть пошлинъ, собираемыхъ съ каменноугольныхъ копей, долженствовала обмѣниваться на серебро и засимъ расходоваться на вооруженіе. Постановленіе объ этомъ относится еще къ 37-му году правленія Цянь-луна. Засимъ въ 19 году правленія Цзя-цина выяснилось, что помянутыя деньги тратились очень бережливо и отъ подобной экономіи въ теченіе истекшихъ 43 лѣтъ образовался цѣлый капиталъ въ 1200 ланъ серебра. Независимо отъ сего, въ 48-мъ г. правленія Цянь-луна, въ ту пору, когда еще такъ живы были воспоминанія о постоянныхъ набѣгахъ Чжунгàровъ, хўхў-хотòскій цзянь-цзюнь Сунъ-чунъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ 60 тўмэ̀тскимъ эскадронамъ, приглашая ихъ къ пожертвованію денегъ на пріобрѣтеніе лошадей и верблюдовъ, содержаніе которыхъ обезпечивало бы тўмэ̀тамъ ихъ всегдашнюю готовность къ военнымъ дѣйствіямъ. Тўмэ̀ты живо отозвались на этотъ призывъ: они пожертвовали на военныя нужды 1000 лошадей натурою и представили цзянь-цзюню 10,000 ланъ серебра на другія потребности. Деньги эти Сунъ-чунъ употребилъ на покупку 500 верблюдовъ, о чемъ своевременно и доносилъ богдохāну. Послѣдовавшіе за Сунъ-чуномъ многочисленные цзянь-цзюни [1]) не раздѣляли однако этихъ взглядовъ и постоянно твердили богдохāну о совершенной безполезности содержанія этого скота. Въ 60-мъ году Цянь-луна одному изъ нихъ, Юнъ-куну, удалось добиться распоряженія уничтожить этотъ скотъ, почему онъ въ томъ же году продалъ всѣ 500 верблюдовъ по причитавшейся за нихъ цѣнѣ 10,000 ланъ, а деньги эти отдалъ содержателямъ хўхў-хотòскихъ закладныхъ лавокъ и ломбардовъ подъ ежемѣсячный процентъ въ 1 фынъ съ лана или, что то же, за 12 годовыхъ процентовъ. Проценты эти по четыремъ временамъ года должны были доставляться въ гўсай ямунь и храниться въ казначействѣ онаго. Въ 4-мъ году правленія Цзя-цина, цзянь-цзюнь, бо, Юнъ представлялъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ, чтобы на сѣверной сторонѣ Дацинъ-шань'скихъ горъ, въ урочищахъ Чэкэрэмтэ̀й и Бургасута̀й, поста-

1) Цзянь-цзюни въ Хўхў-хотò, должность коихъ была учреждена только со 2-го года правленія Цянь-луна, всегда мѣнялись здѣсь съ поразительною быстротою. Не желая утомлять читателей перечисленіемъ всѣхъ ихъ по сдѣланному мною списку, я, для доказательства только справедливости своихъ словъ, укажу здѣсь на цзянь цзюней, относящихся къ означенному періоду. Помянутый Сунъ-чунъ былъ назначенъ въ 5-й лунѣ 46-го г. Цянь-луна; въ 5-й лунѣ 49-го года того же царствованія его смѣнилъ Урту-насунъ; въ 10-й лунѣ того же года на смѣну Урту-насуна былъ назначенъ Чжи-фу. Этого послѣдняго во 2-й лунѣ 51 года смѣнилъ другой Сунъ-чунъ; во 2-й лунѣ 54 года явился цзянь-цзюнь Синъ-чжао; въ 10-й лунѣ 58 года въ Хўхў-хотò сидѣлъ цзянь-цзюнемъ уже маньчжуръ Тусанга, а во 2-й лунѣ 60 года на смѣну его былъ присланъ китаецъ Юнъ-кунъ, въ свою очередь правившій только 9 мѣсяцевъ и также смѣненный въ 11-й лунѣ 60 года. Въ 14 лѣтъ — 8 цзянь-цзюней!

вить двѣ станціи, на которыя высылать тӳмэ̀тскихъ чиновниковъ для встрѣчи и охраны пріѣзжающихъ въ Хӯхӯ-хото̀ улясута̀йскихъ военныхъ людей съ цѣлью покупки хлѣба и чая на нужды Улясута̀йской крѣпости; затраты же на пищу и другія потребности этихъ высылаемыхъ отнести на помянутые проценты съ капитала, вырученнаго отъ продажи верблюдовъ. Это было единственнымъ расходомъ, который покрывался означенными процентами и не мудрено поэтому, что черезъ 20 лѣтъ изъ этихъ процентовъ составился новый капиталъ въ 10,000 ланъ. Въ 19 году того же цзя-цинова правленія новый хӯхӯ-хото̀скій цзя̀нь-цзюнь, Голфунга, просилъ высочайшаго соизволенія опредѣлить на содержаніе двухъ помянутыхъ станцій проценты только съ 2 тысячъ ланъ, такъ какъ такая сумма была вполнѣ достаточна, остальные же 8000 ланъ, присоединивъ къ 12 тысячамъ ланъ, предназначеннымъ для пополненія и исправленія тӳмэ̀тскаго вооруженія, отдать подъ проценты по расчету 1 фына на лану въ мѣсяцъ. Проценты эти поначалу предполагалось цѣликомъ расходовать на вооруженіе тӳмэ̀товъ; но съ 1850-хъ годовъ часть ихъ отчисляется еще на содержаніе 4-хъ чиновниковъ и 60 солдатъ, состоящихъ при уголовномъ отдѣленіи гӯсай я̀муня и имѣющихъ своимъ прямымъ назначеніемъ розыскивать и сторожить привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности преступниковъ.

Послѣдними статьями расходовъ въ исполнительной вѣдомости гӯсай я̀муня выставляются всегда расходы на дѣла благотворительности и религіозныя. Въ первой изъ этихъ статей отмѣчается выдача денегъ вдовамъ и сиротамъ, которая начала производиться у тӳмэ̀товъ съ 37-го года правленія Цянь-луна. Въ ту пору было опредѣлено, чтобы изъ казенныхъ земель выдѣлить 193 дэ̀льхэ и 42 я̀мари и передать ихъ тӳмэ̀тской общинѣ для сдачи въ частную аренду, а получаемыя отъ сего арендныя деньги, въ размѣрѣ не меньшемъ 301 ланы серебра, раздавать бѣднымъ и одинокимъ вдовамъ и сиротамъ, причисляющимся ко всѣмъ 60 тӳмэ̀тскимъ эскадронамъ. Нынѣ денегъ этихъ, говорятъ, собирается значительно больше, хотя ими все же далеко не удовлетворяется вся тӳмэ̀тская бѣднота, особливо въ голодные годы.

Что касается религіозныхъ потребностей, то въ этомъ отношеніи гӯсай я̀мунь совершенно игнорируетъ положеніе собственныхъ тӳмэ̀тскихъ монастырей и простираетъ свои заботы лишь на богдоха̄нскія учрежденія, каковыми являются прежде всего долбо̄нъ-нӯрскія богдоха̄нскія кумирни.

Къ участію въ содержаніи этихъ кумирень тӳмэ̀ты были привлечены лишь со вступленіемъ на престолъ Цянь-луна, когда Ли-фань-юань затребовалъ отъ тӳмэ̀тскихъ сумӯновъ высылки 4-хъ ламъ въ долбо̄нъ-нӯрскій

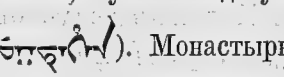
Шара̀-сӯмэ̀. Съ тѣхъ поръ тӯмэ̀тскіе ламы въ означенномъ числѣ постоянно проживаютъ въ Долōнъ-нӯрѣ. Когда какой либо изъ этихъ ламъ умираетъ, или вообще освобождается его вакансія, главный долōнъ-нӯрскій цзаса̀къ-лама̀ посылаетъ къ хӯхӯ̀-хото̀скому главному цзаса̀къ-ламѣ̀ требованіе выслать новое лицо, которое и выбирается изъ состава всего тӯмэ̀тскаго духовенства. На содержаніе этихъ 4-хъ ламъ гу̀сай я̀мунь ежегодно ассигнуетъ 192 ланы, за полученіемъ которыхъ въ Хӯхӯ̀-хото̀ осенью каждаго года пріѣзжаетъ изъ Долōнъ-нӯра тамошній нирба̀. Получивъ деньги отъ гу̀сай-я̀муня, онъ возвращается домой, при чемъ для охраны его всегда откомандировывается четыре латника.

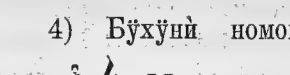
Что касается собственныхъ тӯмэ̀тскихъ монастырей, то, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, тӯмэ̀ты почитаютъ принадлежащими имъ помимо исчисленныхъ уже хӯхӯ̀-хото̀скихъ кумирень еще нижеслѣдующія обители:

1) Ӱрӯшіѣнъ абуракчѝ сумэ (манчж. [illegible],— монастырь, находящійся среди го̀би, въ урочищѣ Толѝ-була̀къ, близъ почтовой станціи Толѝ, алтайскаго тракта. Онъ былъ построенъ въ 10 году правленія Юнъ-чжэна (1733 г.) и до настоящаго времени представляетъ собою одно подворье. Большая кумирня его величиною въ 3 цзяня; по восточной и западной сторонамъ расположены боковыя зданія для служенія ламскихъ хура̀ловъ, величиною по 20 цзяней; на сѣверной сторонѣ — зданіе, отведенное подъ квартиры да̄-ламы̀ и состоящихъ при немъ учениковъ, въ 5 цзяней. Большія монастырскія ворота — въ 3 цзяня а по обѣимъ сторонамъ ихъ по одной калиткѣ. На содержаніе этого монастыря въ 7 лунѣ 20 года правленія Цянь-луна опредѣлено было выдавать: 1) на покупку благовоній, курительныхъ свѣчей, жертвенныхъ припасовъ и фруктовъ 47 ланъ серебра въ годъ; 2) одному да̄ ламѣ, откомандировываемому изъ тӯмэ̀тскихъ знаменъ, столовыхъ ежемѣсячно по 10 ланъ; 3) 6-ти состоящимъ при немъ ученикамъ столовыхъ также ежемѣсячно по 5 циновъ; 4) 20-ти ламамъ, отправляющимъ хура̀лы, отпускается всего 300 ланъ серебра, съ расчетомъ выдачи по 1 лану въ мѣсяцъ; 5) и еще 27 ламамъ въ пищу ежегодно 79 кулей рису. Если въ году случится прибавочная луна, то на содержаніе всего монастыря отпускается прибавочныхъ всего 25 ланъ серебра и 6 кулей рису.

2) Насуда̀ асаралту̀ сӯмэ̀ (маньчж. [illegible],)— монастырь, находящійся къ западу отъ Хӯхӯ̀-хото̀, на южной сторонѣ горъ, въ разстояніи 60 ли отъ города. Онъ былъ начатъ постройкою въ года правленія Шунь-чжи, Цага̀нъ-дая̄нчи хуту̀хтою, который, воздвигши главную кумирню, представилъ уже Канси всеподданнѣйшій докладъ, съ

просьбою къ богдохāну принять монастырь подъ свое покровительство. Канси тогда же пожаловалъ монастырю его почетное имя, которое и начертывается надъ монастырскими воротами и жертвенникомъ. Этотъ Цагàнъ-дàйнчи хутухтỳ былъ первымъ настоятелемъ монастыря. Умеръ онъ въ 12-й лунѣ 23-го года правленія Цзя-цина и нынѣ монастырь управляется дā ламòю.

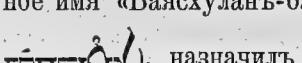
3) Буянѝ мандагỳлухчи сỳмэ (маньчж. ). Монастырь находится къ СВ отъ Хỳхỳ-хотò, въ горной пади Окѝтъ, раскинувшись по южному склону горы, приблизительно въ 60 ли отъ города. Основаніе его было положено въ года правленія Шунь-чжи Эрдэнѝ дàйнчи хутухтòю, а въ 52 году царствованія Канси былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, по которому богдохāнъ и пожаловалъ монастырю его почетное имя. Настоятелемъ монастыря почитался собственно Эрдэнѝ-дàйнчи хутухтỳ, хотя для дѣйствительнаго веденія монастырскихъ дѣлъ былъ назначенъ особый дā-лама̀. Необходимо предположить, что въ ту пору монастырь этотъ развивался довольно быстро, имѣя у себя даже приписныя кумирни съ особыми настоятелями; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что въ 11 лунѣ 23 г. правленія Цзя-цина, по опредѣленію Ли-фань-юаня, былъ уволенъ отъ должности второго цзасàкъ-дā-ламы̀ Ширѣтỳ-цорчжи, завѣдывавшій второю приписною кумирнею. Въ 18 г. правленія Дао-гуана монастырь этотъ сгорѣлъ и съ той поры не могъ уже подняться на высоту своего прѐжняго благосостоянія.

4) Бỳхỳнѝ номогатхахчѝ сỳмэ (маньчж. ). Монастырь этотъ находится въ 20 ли къ западу отъ вышеописаннаго монастыря «Насудà асаралтỳ сỳмэ» и располагается нынѣ въ горахъ, у истоковъ рѣчки, стекающей со скалистыхъ вершинъ, именуемыхъ Дỳнгỳ-хадà. Объ основаніи этого монастыря хранится много преданій. Разказываютъ, что еще въ года правленія богдохāна минской династіи Вань-ли, когда тỳмэты начали оказывать предпочтеніе ламаизму, въ Хỳхỳ-хотò, неизвѣстно откуда, прибылъ знаменитый отшельникъ, Цагàнъ-лама̀ Рашѝ-чжамцò. Ушедши засимъ въ горы, отстоящія приблизительно въ 80 ли къ западу отъ города, онъ поселился для подвижнической жизни близъ скалы Дỳнгỳ-хадà и здѣсь проводилъ время, постоянно читая нòмы, изучая правила буддизма и ревнуя о совершенствованіи своего духа. Молясь о благѣ одушевленныхъ существъ, онъ всю свою жизнь провелъ въ созерцаніяхъ, имѣя руки сложенными въ молитвенномъ положеніи. Онъ скончался въ годъ красноватаго зайца, т. е., вѣроятно, въ 1627 г. Въ томъ

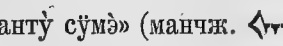
же году Тобō-дая̄нчи ламà Принлàй чжамцò принялъ на себя, взамѣнъ Цагàнъ-ламы̀ Раши̇̀-чжамцò, руководительство учениковъ его и построилъ кумирню въ 5 цзяней въ долинѣ Дӯнгӯ-шарà хадà, у горы Бообàй бадарахӯ, при истокахъ рѣчки Усутӯ-гōлъ, а самъ, ради испрошенія блага для ламъ, хуварàковъ и всѣхъ одушевленныхъ существъ, замуровалъ себя въ скалу Дӯнгӯ и въ этомъ положеніи прожилъ семь лѣтъ, претерпѣвая свой трудный подвигъ и усвояя себѣ законъ и ученіе будды. Онъ скончался въ 12 г. правленія Шунь-чжи (1655 г.), проведя въ созерцаніяхъ всего около 30 лѣтъ. Такъ какъ главнѣйшіе ученики его, Цагàнъ-дая̄нчи, Чахàръ-дая̄нчи и Эрдэни̇̀-дая̄нчи, вскорѣ же послѣ кончины своего учителя, Цагàнъ-ламы̀, обосновали каждый свою особую обитель, то оставшійся старѣйшимъ въ Дӯнгӯскомъ монастырѣ гэлӯнъ Чòй-чжàбъ принялъ управленіе монастыремъ вмѣсто Дая̄нчи ламы̀. Въ 15 г. правленія Шунь-чжи (1658 г.) онъ окончилъ постройкою большой дугàнъ въ девять цзяней у подножія той же горы Дӯнгӯ и командировалъ посольство къ Банчэ̀нь-эрдэни̇̀ съ просьбою пожаловать монастырю особое почетное имя. Тибетскій іерархъ назвалъ монастырь «храмомъ, распространяющимъ спокойствіе» ([illegible]). Послѣ сего Чòй-чжàбъ дая̄нчи ламà, съ молитвами о благѣ хуварàковъ и всѣхъ одушевленныхъ существъ просидѣлъ въ созерцаніяхъ около 30 лѣтъ и скончался въ 23 году правленія Канси (1684). Въ слѣдующемъ 24-мъ году возродился хубилгàнъ этого ламы, именовавшійся Навàнъ-чòймпилъ, который возведенъ былъ на монастырскую каѳедру въ 33 году Канси. Два года спустя (т. е. въ 1696 г.), Навàнъ-чòймпилъ представилъ въ даръ богдохāну пять хадакòвъ, одинъ кумиръ будды да четыре лошади и Канси по сему случаю выразилъ ему свое благоволеніе. Въ 59 г. Канси были изъ государственнаго казначейства отпущены особыя средства на обновленіе этого монастыря; онъ былъ перенесенъ на другое мѣсто, нѣсколько ниже истока рѣки, и всѣ кумирни его были отдѣланы заново. Когда во 2-мъ году правленія Юнъ-чжэна объ этомъ было доведено до высочайшаго свѣдѣнія, то богдохāнъ утвердилъ для монастыря штатъ въ 40 ламъ, а для управленія ими учредилъ особую должность дā-ламы; что же касается хубилгàна, то онъ остался имѣющимъ уже не административное, а только религіозное значеніе. Во 2-мъ г. правленія Цянь-луна (1737) Навàнъ-чòймпилъ скончался; хубилгàнъ его возродился только черезъ два года, и въ 11 г. Цянь-луна его возвели на каѳедру. Въ 44 г. того же правленія лàмы предприняли новыя поправки въ монастырѣ и, окончивъ ихъ, довели о томъ черезъ посредство Ли-фань-юаня до свѣдѣнія богдохāна, прося его пожаловать почетный титулъ для кумирни. Соизволяя на такое ходатайство, Цянь-лунъ

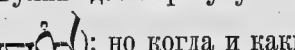
утвердилъ за кумирнею ея настоящее имя «Бӱхӱнѝ номогатхахчѝ сӱмэ̀» и увеличилъ числившійся при ней штатъ ламъ прибавкою двухъ гэскуевъ, двухъ да̄-дэмчѝ и 20 штатныхъ хувара̀ковъ. Съ тѣхъ поръ положеніе этого монастыря остается не измѣннымъ до настоящаго времени: управляется монастырь да̄-ламою, высшимъ же духовнымъ лицемъ почитается въ немъ хубилга̀нъ Чо̀й-чжабъ дая̄нчи хутухты̀.

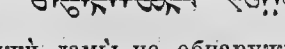
5) Монастырь, извѣстный въ просторѣчіи «Чаха̀ръ лама̀ чжӯ». Онъ располагается на южной сторонѣ горъ, находящихся къ СЗ отъ Хӱхӱ̀-хото̀, въ разстояніи приблизительно 20 ли отъ города. О первоначальномъ построеніи этого монастыря разказываютъ, что встарину, еще въ періодъ мирной жизни чаха̀ровъ, къ западнымъ хӱхӱ̀-хото̀скимъ горамъ прибылъ отшельникъ, котораго всѣ прозвали Чаха̀ръ-дая̄нчи хутухту̀, хотя каждому было извѣстно собственное имя его, О-ми, равно какъ и то, что онъ принадлежалъ къ фамиліи Цанба̀. Въ теченіе долгихъ лѣтъ проводилъ онъ свою жизнь въ созерцаніяхъ и, наконецъ, въ 34 году правленія минскаго богдоха̄на Вань-ли (ок. 1607-го г.) построилъ кумирню на южной сторонѣ горы Нарасута̀й, при источникѣ Барӯнъ-усуту̀. Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, кумирня эта обветшала, а потому въ 47 году правленія Цянь-луна ее возобновили и чрезъ посредство цзаса̀къ-да̄-ламы, управляющаго всѣми хӱхӱ̀-хото̀скими ламами, представили о томъ всеподданнѣйшій докладъ богдоха̄ну. Цянь-лунъ пожаловалъ тогда этой кумирнѣ оффиціальное имя «Баясхула̀нъ-барилдулга̀ сӱмэ̀» (маньчж. [illegible]), назначилъ для управленія особаго да̄ ламу, религіознымъ же главою монастыря долженъ былъ оставаться хубилга̀нъ Чаха̀ръ-дая̄нчи хутухты̀. Впрочемъ нѣкоторые изъ этихъ хубилга̀новъ отправляли и административныя должности; такъ, напримѣръ, въ 23-мъ г. правленія Цзяцина хубилганъ Чаха̀ръ-дая̄нчи хутухты̀ былъ назначенъ вторымъ цзаса̀къ да̄ ламою хӱхӱ̀-хото̀скихъ монастырей, отъ каковой должности онъ былъ уволенъ по болѣзни уже при Дао-гуанѣ.



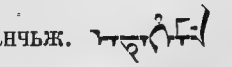
6) Монастырь, извѣстный въ просторѣчіи подъ именемъ «Барӯнъ усуту̀ сӱмэ̀», представляетъ собою какъ бы отдѣленіе вышеописанной обители. Манрамба̀-цорчжѝ Лобса̀нъ-ванчжа̀лъ изъ числа братіи монастыря Чаха̀ръ-лама̀ чжӯ построилъ себѣ на той же рѣчкѣ Усуту̀ и также въ разстояніи 20 ли отъ Хӱхӱ̀-хото̀, только нѣсколько къ СВ отъ Чаха̀ръ-лама̀ чжӯ, особую кумирню и чрезъ посредство хӱхӱ̀-хото̀скаго цзаса̀къ да̄ ламы̀ довелъ объ этой постройкѣ до свѣдѣнія Ли-фань-юаня, а послѣдній сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ богдоха̄ну. Тогда Цянь-лунъ въ 50-мъ году своего правленія пожаловалъ новооснованному монастырю почетное

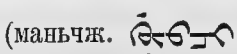
имя «Шачжѝнъ баясхуланту̀ сӱмэ̀» (манчж. ); управлять же этимъ монастыремъ до нынѣ предоставляется, по старому, хубилга̀намъ Манрамба̀-цорчжѝ.

7) Другой изъ учениковъ того же монастыря, Чаха̀ръ лама̀ чжӯ, гэлӯнъ Баясхула̀нъ, въ 35 году правленія Канси построилъ кумирню въ поселкѣ Лйсу, и кумирня эта извѣстна теперь подъ высочайше пожалованнымъ ей названіемъ «Буянѝ дэльгэрэгӯлухчи сӱмэ̀» (маньчж. ); но когда и какимъ образомъ было пожаловано ей это имя, о томъ не сохранилось, повидимому, никакихъ свѣдѣній. Мѣстонахожденіе кумирни полагается въ 130 ли къ ЮЗ отъ Хӯхӯ-хото̀, и въ ней доселѣ еще имѣютъ свою резиденцію хубилга̀ны Баясхула̀нъ-гэлӯна.

8) Въ тѣхъ же горахъ къ СЗ отъ города, въ долинѣ р. Усуту̀-шара̀, на южной сторонѣ горъ и въ разстояніи не болѣе 25 ли отъ города, находится еще монастырь, именуемый въ просторѣчіи «Усуту̀ сӱмэ̀». Въ года правленія Канси лама Ава̀нъ-дампѝлъ, состоявшій въ должности цорчжѝ при хӯхӯ-хото̀скомъ монастырѣ Ширэ̄тӯ-чжӯ и потому болѣе извѣстный подъ названіемъ Чѝнъ-цорчжи лама̀, нѣсколько разъ и съ большимъ успѣхомъ исполнялъ возлагавшіяся на него богдоха̄номъ порученія и командировки въ разныя стороны. Въ награду за эти труды богдоха̄нъ пожаловалъ Ава̀нъ-дампѝлу деньги, а послѣдній въ 1690 г. построилъ на нихъ особую кумирню. Когда объ этомъ доведено было до свѣдѣнія богдоха̄на, Канси пожаловалъ кумирнѣ почетное названіе «Ульцзэ̀йги бадарагӯлухчи сӱмэ̀» (маньчж. ). Впослѣдствіи, такъ какъ хубилга̀новъ Цорчжѝ ламы̀ не обнаружилось, а ламъ въ Усуту̀ сӱмэ̀ всегда проживало мало, то монастырь этотъ причислили къ хӯхӯ-хото̀скому Ширэ̄тӯ чжӯ, къ которому, какъ сказано, принадлежалъ по происхожденію и строитель монастыря Ава̀нъ-дампѝлъ.

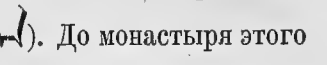
9) Въ связи съ тѣмъ же монастыремъ Ширэ̄тӯ-чжӯ находится еще монастырь, извѣстный въ просторѣчіи подъ именемъ «Цага̀нъ-хада̀йнъ чжӯ». Мнѣ не удалось опредѣлить въ точности, было ли то въ года правленія Канси, или уже при Юнъ-чжэнѣ, но дѣло въ томъ, что хӯхӯ-хото̀скій Ширэ̄тӯ хутухтӯ, въ видахъ большого числа своихъ шабина̀ровъ и для удобства ихъ, опредѣлилъ, помимо своей хӯхӯ-хото̀ской кумирни, построить еще другую, для чего избралъ мѣсто въ горахъ, прямо на сѣверъ отъ Хӯхӯ-хото̀, въ урочищѣ Ула̄нъ-ца̀бъ. Когда кумирня была отстроена, богдоха̄нъ пожаловалъ ей почетное имя: «Эгӯритэ энкэ̀ болгахчѝ сӱмэ̀»

(манчьж. ). Около той же поры въ хӯхӯ-хотòскія степи прибыла изъ Халхи гӯнчжӯ (см. стр. 65) и построивъ себѣ дворецъ въ долинѣ къ сѣверу отъ города, поселилась въ немъ на жительство. Нѣсколько сѣвернѣе этого дворца находилось урочище Улāнъцàбъ, на которомъ величественно возвышалась вышепомянутая кумирня Ширѣтӯ хутухты; а какъ, по понятіямъ буддистовъ, было бы грѣховно чтобы кумирня стояла позади жилого зданія, то гӯнчжӯ вознамѣрилась перенести ее на другое мѣсто. Съ этою цѣлью она пожаловала Ширѣтӯ хутухтѝнскому монастырю 10,000 ланъ и ламы его, выбравъ мѣсто въ горной пади къ В отъ р. Усутӯ, на южной сторонѣ горы, именуемой Цагàнъ-хадà, перенесли сюда свою обитель. Съ этой поры кумирня получила свое настоящее названіе Цагàнъ хадàйнъ сӱмэ̀ и мѣстоположеніе ея стало уже къ СЗ отъ города, въ разстояніи приблизительно 25 ли.

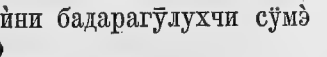
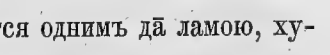
10) Монастырь, извѣстный въ просторѣчіи подъ именемъ «Шарà мӱрэ̀нь чжӯ», былъ воздвигнутъ также Ширѣтӯ хутухтòю на сѣверной сторонѣ хӯхӯ-хотòскихъ горъ, въ урочищѣ, называвшемся по имени орошающей его рѣчки, Шарà мӱрэ̀нь. Окончивъ постройку въ 34 г. правленія Цянь-луна, Ширѣтӯ хутухтӯ сдѣлалъ о ней всеподданнѣйшій докладъ и богдохāнъ пожаловалъ тогда новооснованному монастырю почетное его имя «Хуталà нигӯлэсӯхчѝ сӱмэ̀» (маньчж. ). До монастыря этого считается отъ города 150 ли по направленію прямо на сѣверъ.

11) Монастырь, именуемый Чжиткӯ-сӱмэ̀, былъ построенъ въ 36-мъ году правленія Канси (1697 г.) цзасàкъ да̄-ламою Пунцӯкомъ; названіе свое этотъ монастырь получилъ отъ урочища, на которомъ онъ стоитъ и которое находится на южной сторонѣ горъ, тянущихся къ западу отъ Хӯхӯ-хотò, въ разстояніи 200 ли отъ города. Особого почетнаго имени этому монастырю не испрашивалось и о существованіи его, кажется, никогда даже не докладывалось богдохāну.

12) Монастырь, обычно называемый хӯхӯ-хотòсцами «Пандѝтайнъ чжӯ», по преданію, былъ основанъ выходцами изъ Халхи. Разказываютъ, что въ 1-мъ году правленія Канси Цзаѝ пандѝта хутухтӯ прибылъ изъ хошӯновъ халхàскаго Цзасактӯ хāна въ Пекинъ, чтобы представиться богдохāну вмѣстѣ съ своими шабинàрами, которыхъ было съ нимъ болѣе 100 человѣкъ. На высочайшей аудіенціи Канси якобы предложилъ Цзаѝ пандѝтѣ перекочевать на югъ и помѣститься въ Хӯхӯ-хотò. Послѣдуя этому высочайшему повелѣнію, Цзаѝ пандѝта построилъ будто бы себѣ кумирню въ вершинахъ долины р. Харчѝнь, у подножія горы Чжиргалантӯ и

въ 36 году правленія Канси довелъ объ этомъ до свѣдѣнія богдохāна. Канси пожаловалъ тогда этому монастырю почетное имя «Сàйни эрхилэхчй сўмэ» (маньчж. ). До монастыря этого считаютъ отъ Хўхў-хотò болѣе 100 ли, въ направленіи къ сѣверо-востоку [1]).

13) Другой монастырь, построенный, какъ говорятъ хўхў-хотòсцы, «иноземнымъ» хутухтòю, есть такъ называемый «Дўгўйнъ сўмэ». Мѣстонахожденіе его указываютъ къ ЮЗ отъ Хўхў-хотò и прямо на ЮВ отъ Токтò хотò. Основаніе его приписывается Чжанчжà хутухтѣ, которому Дўгўйнъ сўмэ подчиняется и до сего времени, хотя въ стѣнахъ его проживаетъ еще и свой особый хубилгàнъ.

Подобнымъ же образомъ верстахъ въ 50 къ сѣверо-западу отъ Хўхў-хотò основалъ для себя даже два монастыря хубилгàнъ Ганчжорвà мэргэнъ номўнъ хāна. Оба эти монастыря находятся въ долинѣ массива Арў-бàйшинъ и имѣютъ у себя высочайше пожалованные имъ почетные титулы. Одинъ 14) называется Ўнидэ буянтў сўмэ (маньчж. ) а другой 15) Шачжйни бадарагўлухчи сўмэ (маньчж. ). Впрочемъ не смотря на эту обособленность, оба монастыря управляются однимъ дā ламою, хубилгàнъ же Ганчжорвà номўнъ хāна проживаетъ, говорятъ, то въ томъ, то въ другомъ монастырѣ, по своему желанію.

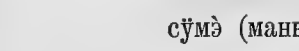
Древнѣйшими изъ ламайскихъ монастырей Хўхў-хотò'скаго округа почитаются:

16) Монастырь, отстоящій отъ Хўхў-хотò въ разстояніи 200 слишкомъ ли по направленію на западъ и называемый Майдарìйнъ сўмэ. На камнѣ въ главныхъ воротахъ его, говорятъ, изсѣчена старинная китайская надпись такого содержанія:

«Въ годъ красноватой. . . . . (чего?) великой Минской династіи Мач-

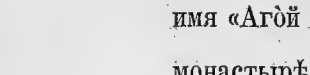
1) Записываю это преданіе въ той формѣ, какъ мнѣ разказывали его всѣ хўхў-хотòсцы, хотя и недоумѣваю въ данномъ случаѣ относительно личности Цзая-пандиты. Исторически извѣстно, что знаменитый Цзая-пандита хутухтў, верховный лама чжунгàровъ и изобрѣтатель калмыцкой письменности, скончался 20 числа средней осенней луны года барса (1662 г.), т. е. именно въ первомъ году правленія Канси. Въ началѣ этого года Цзая-пандита былъ въ Чжунгаріи; въ 1-мъ лѣтнемъ мѣсяцѣ отправился въ Тибетъ, по дорогѣ на Юлдусъ; въ пустыняхъ р. Тарима онъ былъ разбитъ параличемъ и, проболѣвъ съ мѣсяцъ, умеръ. Очевидно, что этотъ Цзая-пандита представляться богдохану въ первомъ году правленія Канси совершенно не могъ. Послѣдующій хубилганъ его жилъ сначала въ Тибетѣ, а отсюда переселился въ Халху (см. Т. I стр. 412). Все это даетъ поводъ къ заключенію, что если разказываемое хўхў-хотосцами преданіе имѣетъ въ своемъ основаніи дѣйствительные факты, то несомнѣнно, что въ Монголіи имѣется два различныхъ Цзая-пандиты. Разъясненіе этого вопроса принадлежитъ уже будущимъ изслѣдователямъ.

жинь, супруга Дайчинъ-тайчжія, внука Шунь-и-ван'ова, положила основаніе кумирнѣ Мàйдари и наименовала ее Линъ-чжу-сы».

17) Другой, какъ полагаютъ, не менѣе древній монастырь находится, въ селеніи Хўцзэй, находящемся въ горахъ къ западу отъ Хўхў-хотò. Собственное, высочайше пожалованное имя этого монастыря «Буянѝ илэтхэхчѝ сўмэ (маньчж. ); но въ какомъ году и кѣмъ именно построенъ этотъ монастырь, а равно при какихъ обстоятельствахъ испрошено ему высочайшее пожалованіе почетнаго титула, объ этомъ не сохранилось уже ровно никакихъ свѣдѣній ни въ письменности, ни въ преданіяхъ.

Всѣхъ монастырей въ хўхў-хотòскомъ округѣ и на земляхъ хўхў-хотòскихъ тўмэ̀товъ считается почему то 28, хотя у меня оказалось записанными ихъ болѣе 30, между тѣмъ хўхў-хотòскіе ламы не ограничиваютъ своихъ монастырей однимъ хўхў-хотòскимъ округомъ. Стремясь придать своей области значеніе разсадника ламаизма во всей окрестной странѣ, они, напримѣръ, причисляютъ еще къ числу своихъ обителей:

а) Монастырь, извѣстный подъ именемъ Дайгàйнъ чжў. О происхожденіи этого монастыря разказываютъ, что въ 38 году правленія Цянь-луна Янцарчжѝйнъ-хубилгàнъ, проживающій, какъ мы уже видѣли, въ хўхў-хотòской кумирнѣ «Табўнъ субургàнай чжў», поставилъ свой монастырь въ урочищѣ Дайгà, находящемся въ чахарскихъ кочевьяхъ, къ востоку отъ Хўхў-хотò, на разстояніи приблизительно 200 ли отъ города. О монастырѣ этомъ было доводимо до высочайшаго свѣдѣнія, и потому онъ носитъ всемилостивѣйше пожалованное ему Цянь луномъ почетное имя «Хуталà чжиргалантў сўмэ» (маньчж.).

Подобнымъ же образомъ хўхў-хотòсцы причисляютъ къ себѣ монастырь, находящійся въ хошўнѣ урàтскаго восточнаго гуна и располагающійся въ долинѣ Ўдэ. Обитель эта въ просторѣчіи носитъ названіе «Чжибхулантў чжў», хотя у нея есть и особое, пожалованное ей богдохàномъ имя «Агòй йэхэ онолтў сўмэ (маньчж. ). Въ монастырѣ этомъ имѣетъ свое мѣстопребываніе Дўйнгэръ пандѝта хутухтў. Отстоя отъ Хўхў-хотò болѣе чѣмъ на 300 ли, Чжибхулантў чжў совершенно чуждъ какой либо духовной зависимости отъ хўхў-хотòскихъ монастырей и хубилгàновъ и единственное основаніе причислять его къ Хўхў-хотò состоитъ, кажется, въ томъ, что представленія изъ этого монастыря въ Пекинъ, въ силу особаго указа богдохàна, должны совершаться черезъ посредство хўхў-хотòскаго цзя̀нь-цзюня.

18 Марта. Четвергъ.

6 ч. —5°; 9 ч. +9°; 12 ч. +15°; 3 ч. +13°; 6 ч. +7°; 9 ч. +2°.

Выѣхали въ 7 ч. 10 м. и, поднявшись на увалъ, отдѣляющій поселокъ Цагàнъ булýнь отъ деревни У-ли-па, не доѣзжая этой послѣдней, повернули влѣво отъ нашей старой дороги, чтобы продолжать дальнѣйшее движеніе до Калгана по сѣверному Гуй-хуа-чэно-Чжанъ-цзя-коу'скому тракту. Путь этотъ, какъ я замѣчалъ уже выше, самый обычный для торговыхъ каравановъ, движущихся между двумя помянутыми городами. Въ 7 ч. 45 м., саженяхъ въ 150 отъ этого раздѣленія путей, мы повстрѣчали деревню Эр-дō-ва, что значитъ «второй перевалъ», хотя перевала здѣсь никакого нѣтъ и дорога проходитъ по совершенно ровному пространству, сплошь разработанному подъ пашни. На вопросъ мой, какимъ образомъ деревня носитъ такое, несоотвѣтствующее своему положенію названіе, мои извозчики отвѣчали мнѣ, что здѣшнее переселенческое населеніе любитъ давать своему новому мѣстожительству названія тѣхъ деревень, изъ которыхъ пришлось ему переселиться и, весьма вѣроятно, что мѣстные земледѣльцы переселились изъ какой нибудь Эр-дō-ва. Путь нашъ лежалъ теперь вдоль той долины, въ которую 8 Марта мы спустились, переваливъ Шанхàйнъ даба. Долина эта ограничивается на сѣверѣ горами, за которыми проходитъ еще одинъ, самый сѣверный, караванный трактъ между Хўхў-хотò и Калганомъ. Онъ, говорятъ, представляетъ еще больше удобствъ, чѣмъ тотъ, по которому мы ѣхали, потому что ровнѣе и обильнѣе травою; но, какъ черезъ чуръ уже кружный, избирается рѣдко, развѣ только въ томъ случаѣ, когда на настоящемъ трактѣ бываютъ совершенно вытравлены кормы. Объ этомъ самомъ сѣверномъ трактѣ мнѣ разказывали, что онъ проходитъ черезъ урочище Дэбсэ̀нъ гóлъ, орошаемое рѣкою, текущею на сѣверъ и отличающеюся необыкновенно чистою водою. Кромѣ этой рѣчки здѣсь есть еще много ключей, текущихъ изъ прилежащихъ горъ. По преданію, урочище Дэбсэ̀нъ было любимымъ мѣстомъ Угэдэ̀й хана, который часто пріѣзжалъ сюда, чтобы отдыхать отъ лѣтнихъ жаровъ. Что касается долины, по которой мы ѣхали отъ поселка Эр-дō-ва, то она на всемъ своемъ протяженіи постоянно сохраняетъ ширину до 2-хъ верстъ и составляетъ собственно земли чахàрскаго краснаго съ каймою знамени, хотя въ западной своей части всецѣло занята теперь китайскими пашнями и поселками. Постояннаго какого либо источника водъ долина эта не имѣетъ и орошается лишь въ періодъ дождей водами, стекающими съ прилежащихъ горъ. Ручьи сказанныхъ водъ образовали себѣ не мало руслъ въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи одно отъ другого и, судя по глубинѣ ихъ впадинъ и

обилію на днѣ ихъ пороговъ, надо полагать, что при разливахъ вода стремится здѣсь съ необыкновенною силою въ направленіи къ сѣверо-востоку. Въ 8 ч. 45 м. мы миновали группу домовъ, въ числѣ 10, образовавшую поселокъ Цзюнь-лунъ-вань. Это былъ первый и послѣдній поселокъ въ этой долинѣ по нашей дорогѣ, ибо китайцы живутъ здѣсь больше отдѣльными фанзами. За Цзюнь-лунъ-ван'емъ пашни прекращаются и долина образуетъ собою необработанную степь, по которой пасутся уже чахарскія стада быковъ и барановъ. Въ 9 ч. 25 м. она уклонилась на сѣверъ, мы же, продолжая путь къ востоку, должны были сдѣлать перевалъ черезъ пологій и невысокій отрогъ Инъ-шан'я. За переваломъ послѣдовала новая долина, которую мы также пересѣкли поперекъ и засимъ—второй перевалъ черезъ инь-шаньскій отрогъ. Отъ этого перевала началась долина Кўэнтў, распаханная только незначительными клочками. Она тянулась вплоть до деревни Кўэнтў, въ которую мы пріѣхали въ 11 ч. 50 м. и въ которой имѣли свой полдникъ. Деревня Кўэнтў составляется изъ 4-хъ чахарскихъ байшиновъ и одного китайскаго, содержащаго гостинницу, въ которой мы останавливались. Мѣстные чахары принадлежатъ тому же хошўну Хўбо̄тў-улā̄нъ и занимаются земледѣліемъ, вовсе не имѣя скотоводства. Оставивъ Кўэнтў въ 1 ч. 20 м., мы черезъ 10 мин. начали подъемъ на незначительный увалъ Адагы̀йнъ голы̀инъ хўтў̀ль, отдѣляющій долину Кўэнтў отъ равнины Утугàй. Послѣдняя имѣла характеръ уже чисто монгольской степи, въ частности изобилующей отдѣльными бугорками и пригорками, но въ общемъ представляющей собою громадную равнину; мѣстами на ней паслись стада быковъ, но другихъ видовъ скота мы не встрѣчали вовсе. Равнину Утугàй мы проѣхали въ 3 ч. 10 мин. За нею начался рядъ невысокихъ увало̀въ, пробираясь между которыми, мы спустились въ долину р. Могòйту. Рѣчушка эта, текущая на сѣверъ, при нашей переправѣ черезъ нее вбродъ оказалась около полуаршина глубиною и въ ширину не свыше $1^1/_2$ сажени. На берегу ея мы повстрѣчали обозъ на быкахъ, всего въ 120 телѣгъ нагруженныхъ овечьею шерстью для перевоза оной изъ Бау-тоу въ Чжанъ цзя-коу. Принимая въ разсчетъ телѣжный вьюкъ приблизительно во 150 гиновъ, получимъ всего перевозимыми 18,000 гиновъ шерсти. Отсюда переваливъ черезъ Тологòйту хўтў̀ль, мы въ 4 часа вступили въ нешироκую долину Халагàйту, по которой проходитъ восточная граница знамени Хўбо̄тў улā̄нъ и западная — гў̀ли улā̄нъ. Черезъ 20 мин. отсюда послѣдовала долина Шабартàй, а еще черезъ полчаса, за новымъ уваломъ долина Кўндў̀й, при вступленіи въ которую мы повстрѣчали одинъ чахарскій àиль съ байшиномъ и юртою, давно уже невидѣнною нами. Въ восточной своей части долина Кўндў̀й называется Бàинъ булў̀къ, каковое названіе она пере-

даетъ и послѣдующему за нею перевалу, увѣнчанному колоссальнымъ обо. Означенными мѣстами мы ѣхали до 6 ч. 20 м. не встрѣтивъ здѣсь ни жилища, ни даже живого существа. Съ перевала Байнъ-булу̀къ мы спустились въ узкую долину Хулусута̀й, гдѣ остановились для ночлега въ чахарскомъ а̀илѣ въ 7 ч. 30 м. вечера. Здѣшніе чахары живутъ въ ба̀йшинахъ, но имѣютъ и юрты; хлѣбопашествомъ не занимаются за неурожаями, а живутъ или скотоводствомъ, или какими либо промыслами. Послѣднее представляется для нихъ тѣмъ удобнѣе, что все же они являются людьми до нѣкоторой степени обезпеченными, получая содержаніе отъ правительства, что называется съ колыбели. Хозяевами нашей квартиры были одинъ чахаръ 48 лѣтъ, сынъ его 23 лѣтъ и внукъ 2-хъ лѣтъ; всѣ они числились солдатами и получали по 24 ланы годового содержанія. Въ помощь къ этому собственно здѣшніе придорожные чахары занимаются содержаніемъ гостинницъ, но не ухаживаютъ и не готовятъ стола для проѣзжающихъ сами, а нанимаютъ съ этою цѣлью слугъ и поваровъ изъ китайцевъ.

19 Марта. Пятница.

6 ч. +0; 9 ч. +4°; 12 ч. +14½°; 3 ч. +14°; 6 ч. +7°; 9 ч. +2°.

Утро пасмурное; небо заволочено тучами, сквозь которыя совершенно не пробивается свѣтъ солнца. Выѣхали въ 7 ч. 30 м. и, поднявшись на невысокій пригорокъ Хулусута̀йнъ обо, спустились съ него въ громадную долину, тянущуюся съ запада на востокъ. Въ 8 ч. 55 м. переѣхали сухое русло рѣчушки Сӯчжі̀йнъ го̄лъ, къ востоку отъ котораго начинаются кочевья чаха̀рскаго хошӯна гу̀ли шара̀ и отсюда же самая долина получаетъ названіе Сӯчжі̀йнъ тала̀. На берегу Сӯчжі̀йнъ го̄ла мы догнали ламу изъ хошӯна Дӯрбэ̀нъ хӯхэтъ, который вмѣстѣ съ своею женою, или лучше сожительницею, шелъ пѣшкомъ въ Пекинъ, на поклоненіе Цза̀данъ-цзӯ. Такъ какъ я въ дорогѣ также большею частію всегда шелъ пѣшкомъ, то мнѣ удобно было поговорить съ ламою и онъ сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о своемъ хошӯнѣ.

Обитатели хошӯна Дӯрбэ̀нъ-хӯхэтъ въ просторѣчіи называютъ себя просто дӯрбэ̀тами. Хошӯнъ ихъ составляется изъ 20 сумӯновъ, или военныхъ эскадроновъ, которые, впрочемъ, по числу входящихъ въ составъ ихъ латниковъ, далеко не полны и нормальной цифры 150 человѣкъ не хватаетъ рѣшительно ни въ одномъ сумӯнѣ: въ нѣкоторыхъ число латниковъ и семей не доходитъ и до 100 и въ весьма не многихъ превышаетъ 120—130 дворовъ. Такимъ образомъ общее число военнослужащихъ Дӯрбэ̀нъ хӯхэтовъ нужно положить въ 2,000 юртъ, или нѣсколько болѣе.

Къ этому нужно будетъ прибавить еще дворовыхъ (хамчжилга̀) людей та̀йчжіевъ и шабина̀ровъ хутӯхтъ. Всѣхъ монастырей въ хошӯнѣ Дӯрбэ̀нъ хӯхэтъ имѣется до 30, главныхъ же гэгэ̀новъ считается два: Гурундава̀ гэгэ̀нъ и Шара̀-мӯрэнгійнъ гэгэ̀нъ. Гурундава̀ гэгэ̀нъ имѣетъ за собою въ настоящее время уже 32 перерожденія, изъ коихъ въ хошӯнѣ Дӯрбэ̀нъ хӯхэтъ умерло 12, о чемъ можно судить по субурга̀намъ, находящимся въ его монастырѣ. Считаясь, по числу своихъ перерожденій, однимъ изъ старѣйшихъ гэгэ̀новъ Монголіи, Гурундава̀ гэгэ̀нъ пользуется соотвѣтственнымъ уваженіемъ въ духовномъ мірѣ. Года три тому назадъ его приглашалъ къ себѣ для отправленія хура̀ловъ Ламы̀инъ-гэгэ̀нъ халха̀скій и въ ту пору Гурундава̀ прожилъ у него около мѣсяца, возвратившись съ богатою добычей. Это послѣднее обстоятельство побуждаетъ Гурундаву̀ въ настоящемъ году предпринять новую поѣздку въ Халху̀ тѣмъ болѣе, что въ монастырѣ его много новыхъ начинаній, а средствъ нѣтъ почти никакихъ. Въ этомъ отношеніи Шара̀-мӯрэнгійнъ гэгэ̀нъ стоитъ уже несравненно выше Гурундавы̀ и если послѣдній высокъ въ духовномъ значеніи, то первый превосходитъ его своими богатствами. Въ оффиціальномъ мірѣ оба гэгэ̀на стоятъ совершенно одинаково: тотъ и другой изъ нихъ извѣстны богдоха̀нскому правительству и получаютъ отъ Ли-фань юаня печати для управленія шабина̀рами. Число таковыхъ у Гурундава̀ гэгэ̀на восходитъ до 800 душъ, а у Шара̀-мӯрэнгійнъ гэгэ̀на до 2,000 душъ. Верховное управленіе хошӯна сосредоточивается, конечно, у родоваго цзасака̀, имѣющаго наслѣдственное достоинство цзю̀нь-ва̀на, засимъ въ видѣ помощниковъ его являются два хошӯнныхъ тусалакчѝ; одинъ амба̀нь, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ у дӯрбэ̀нъ хӯхэт'овъ цзахирахчѝ; 4 мэ̀йрэня каждый изъ которыхъ вѣдаетъ военное дѣло 5-ти сумӯновъ и наконецъ непосредственнымъ начальникомъ каждаго сумӯна являются цзангѝ и бошко̀. Дӯрбэ̀нъ-хӯхэты ведутъ вообще жизнь кочевую, живутъ въ войлочныхъ юртахъ и занимаются исключительно скотоводствомъ: овцы, быки и лошади разводятся у нихъ по всюду, верблюды же составляютъ особенность скотоводства лишь сѣверо-восточной части хошӯна, соприкасающейся кочевьямъ Мэргэ̀нъ-вана. Хлѣбопашествомъ дӯрбэ̀нъ хӯхэты почти не занимаются и хлѣбъ получаютъ главнымъ образомъ изъ Хӯхӯ-хото̀ и Хӯхӯ-эргѝ, вымѣнивая его въ означенныхъ городахъ на скотъ. Какихъ либо особенныхъ занятій въ хошӯнѣ также не имѣется, даже съ извозомъ дӯрбэ̀нъ-хӯхэты, можно сказать, никогда и никуда не ѣздятъ. Года два тому назадъ Гурундава̀ гэгэ̀нъ посылалъ 40, или 50 своихъ верблюдовъ для перевозки товаровъ изъ Калгана въ Ургу, но съ тѣхъ поръ и оставилъ это занятіе, вѣроятно, какъ недоставляющее особенной выгоды. Изъ просто-

людиновъ нѣкоторые, и притомъ очень не многіе, какихъ нибудь 10, 15 человѣкъ, иногда ѣздятъ за солью въ хошӯнъ Барӯнъ сунѝтовъ, къ озеру Ирѣнъ-дабасӯ. Покупая тамъ соль мѣшками, они привозятъ ее засимъ въ Хӯхӯ-эргѝ и въ настоящемъ году продавали по 4 цина за доу. Такимъ образомъ всѣ свои деньги дӯрбэнъ хӯхэты получаютъ лишь отъ продажи скота: хорошій и совершеннолѣтній баранъ продается у нихъ на мѣстѣ по 1 лану 2 цина; лошадь обыкновенная — около 7 ланъ; быкъ 5—7 ланъ. Китайцевъ въ хошӯнѣ Дӯрбэнъ хӯхэтъ, особливо за послѣдніе годы, стало очень много и можно сказать, что весь юго-западный уголъ хошӯна сталъ теперь уже совершенно китайскимъ. Занимаются они земледѣліемъ, арендуя земли въ мѣстномъ хошӯнномъ управленіи. Въ годъ, смотря, конечно, по качеству земли, платится отъ 3-хъ до 5-ти фынъ за каждое му; о количествѣ же арендуемыхъ земель можно судить потому, что таковыхъ арендныхъ денегъ хошӯнное управленіе собираетъ до 4,000 ланъ (?!). Деньги эти дѣлятся пополамъ, причемъ одна половина отчисляется въ пользу вàна, а другая идетъ на удовлетвореніе нуждъ хошӯна и хошӯннаго управленія. Помимо китайцевъ у дӯрбэнъ хӯхэтовъ проживаютъ и европейцы. Они обосновали свои поселенія на р. Уртӯ гӧлъ, въ урочищѣ Ӯ-тологӧй и имѣютъ тамъ свои пашни, арендуя у хошӯннаго управленія до 15 чин'овъ земли (около 1500му, или 100,000 саж.), къ обработкѣ которой нанимаютъ китайскихъ пахарей. Чѣмъ собственно занимаются эти европейцы, лама̀ не могъ мнѣ сказать положительно, но, вѣроятно, это миссіонеры.

Слѣдуя по однообразной и ровной долинѣ Сӯчжѝйнъ тала̀, мы въ 11 ч. 20 м. совершенно незамѣтно добрались до чахàрской деревушки Ци-ся, гдѣ остановились для полдника. Деревушка эта заключаетъ въ себѣ всего 4 двора, принадлежащихъ чахàрамъ знамени гӯли шара̀. Къ югу отъ нея разстилается большое гучжѝрное озеро Хирэ̀йнъ нӯръ, никѣмъ впрочемъ не эксплуатируемое. Въ Ци-ся путники мѣняютъ оси своихъ телѣгъ подобно тому, какъ это видѣли мы дѣлающимся въ Чжангӧрѣ; намъ пришлось теперь смѣнять широкій ходъ на узкій. Отъ Ци-ся отдѣляется дорога на Калганъ по внутреннему Китаю, слѣдуя на югъ къ селенію Цагàнъ-обӧ и засимъ къ Чжангӧру. Это трактъ едва ли не самый ближайшій. Мы не поѣхали по этой дорогѣ и ровно въ 1 часъ дня направились сѣвернымъ путемъ, по Монголіи. Дорога наша слѣдовала по той же долинѣ Сӯчжи, которая теперь приняла чисто степной, гобійскій характеръ: равнина твердо песчанаго грунта, усѣянная мелкой галькой и одаренная небогатой растительностью, — вотъ все, что видимо теперь вокругъ, приблизительно верстъ на 30, на 40 въ каждую изъ сторонъ. Слѣдя поверхность почвы мы нашли здѣсь много маленькихъ бѣлыхъ раковинокъ, что несомнѣнно свидѣтель-

ствуетъ о недавнемъ сравнительно состояніи этой мѣстности подъ водою. Очень можетъ быть что нынѣшній Хирэ̀йнъ нӯръ составляетъ собою именно жалкіе остатки того воднаго бассейна, дно котораго представляла собою вся мѣстность около Ци-ся, являющаяся значительно углубленною котловиной. Въ 2 ч. 15 м. мы переправились черезъ небольшую рѣчку Нарѝнъ гӧлъ, называемую китайцами Эр-дӧ-хэ. Она имѣла ширины не свыше $1\frac{1}{2}$ сажени, но необыкновенно илиста и наши лӧцзы, увязая въ ней по колѣно, еле перебрались на другую ея сторону. Отсюда опять продолжалась таже ровная и гладкая степь, прервавшаяся для насъ лишь въ 3 ч. 40 м. теченіемъ рѣчки Тамага̀йнъ гӧлъ, называемой такъ, потому что на ней стоитъ управленіе знамени гӯли-шара̀. При управленіи имѣется кумирня, называемая китайцами Лу-цза мяо, а монголами Тамага̀йнъ сӯмэ̀. Въ 5 ч. мы подъѣхали къ горному ущелью, у входа въ которое стоитъ деревушка Ца-фынъ-коу, гдѣ мы остановились для ночлега въ чаха̀рскомъ а̀илѣ одного изъ писарей мѣстнаго хошӯннаго управленія. Писарь этотъ цѣлую ночь пропьянствовалъ съ какими то китайцами, пріѣхавшими на слѣдствіе по дѣлу о похищенныхъ у нихъ мѣстными чаха̀рами лошадяхъ.

20-е Марта. Суббота.

6 ч. +1°; 9 ч. +8°; 12 ч. +13°; 3 ч. +13°; 6 ч. +9°; 9 ч. +7°.

Выѣхали въ 7 ч. 15 м. и ровно часъ ѣхали по ущелью Ца-фынъ коу. Горы, стоящія по обѣимъ сторонамъ его, индѣ утесисты и съ обнаженными камнями, въ другихъ же мѣстахъ формы ихъ округленныя и онѣ поросли мелкою травкою; на самой дорогѣ почва въ большинствѣ песчанодресвянистая. Выбравшись изъ этого ущелья, мы вступили въ неширокую, но длинную долину Хоӥръ-нӯрыйнъ тала̀, въ ней повстрѣчалось намъ въ 8 ч. 45 м. кочевье чаха̀рскаго цзала̀на, называемое Чжала́ни ӧргӧ. Глинобитный домъ самого цзала̀на и три четыре ба̀йшина угодій при немъ, вотъ и всѣ здѣшнія постройки. Помѣстье это находится неподалеку отъ береговъ перваго озера долины, именуемаго Бага̀-нӯръ, или Барӯнъ нӯръ. Оно имѣетъ не свыше 3-хъ верстъ въ окружности; вода въ немъ горькосоленая и не пригодна даже для питья скоту. Въ 9 ч. 20 м., миновавъ это озеро, мы у подножія небольшого и пологаго увала повстрѣчали чаха̀рскій поселокъ въ 6 дворовъ, а переваливъ черезъ этотъ пригорокъ, увидали второе озеро, называемое Цзӯнъ нӯръ, или Йэхэ̀ нӯръ, т. е. «восточнымъ», или «большимъ озеромъ», хотя оно кажется едва ли больше перваго. Мы миновали его въ 10 ч. 10 м. Озеро это также горько-соленое; но въ настоящую пору оно, какъ и первое, было покрыто льдомъ и только у береговъ обозначились небольшія проталины, по которымъ бродили журавли и

гуси. Во всей долинѣ кое гдѣ попадаются незначительныя распаханныя пространства, но обыкновенно онѣ не болѣе двухъ, трехъ му. Въ 11 ч. 15 м. мы доѣхали до китайской деревни Чигэтэй, въ 12 дворовъ, гдѣ и остановились для полуденнаго отдыха.

Далѣе, деревню эту мы оставили въ 12 ч. 55 м., чтобы продолжать путь по той же долинѣ, въ общемъ открытой и ровной, хотя мѣстами и взволнованной незначительными увалами. Сильный вѣтеръ поднималъ на насъ цѣлыя облака пыли. Обогнувъ мысъ невысокаго пригорка съ правой стороны Чигэтэя, мы въ 1 ч. 25 м. достигли китайскаго поселка Суйчуань-цза. Къ востоку отъ него земли представляются значительно распаханными и по обѣимъ сторонамъ, дороги верстахъ въ 3-хъ и 5-ти отъ нея, виднѣлось нѣсколько китайскихъ деревенекъ, на самомъ же пути намъ попались въ 2 ч. 40 м. деревушка Хунъ-мо-инъ-цза и въ 3 ч. 30 м. Цзохо-ку, стоящая при небольшой рѣчкѣ того же имени. Отсюда въ 4 ч. 35 м. мы доѣхали до лежащаго въ котловинѣ озера,—Гӱнъ нӱръ; оно буквально кишало птицею, но послѣдняя была, очевидно, пуганою, такъ какъ не подпускала къ себѣ даже на разстояніе 100 шаговъ. Не болѣе какъ верстахъ въ двухъ отсюда расположился чахарскій поселокъ Ганца худӱкъ, въ которомъ находится почтовая станція малаго тракта, служащаго лишь для пересылки казенныхъ пакетовъ между Хӱхӱ-хото и Калганомъ. Въ получасовой ѣздѣ отъ него находится другой, чахарскій же поселокъ и кумирня, именуемые Цорчжи мяо: поселокъ этотъ состоитъ всего изъ трехъ дворовъ, каждый изъ которыхъ представляетъ собою гостинницу, кумирню же намъ не пришлось видѣть, такъ какъ она скрывается за горою. Въ 7 ч. 30 м. прибыли въ деревню Сы-цунь-ди, гдѣ остановились для ночлега.

21-е Марта. Воскресенье.

6 ч. +3°; 9 ч. +2°; 12 ч. +1°; 3 ч. —0; 6 ч. —2°; 9 ч. —5½°.

Съ утра падаетъ въ перемежку дождь со снѣгомъ, но больше, очевидно, падаетъ снѣга, потому что вскорѣ всѣ поля покрылись его бѣлою пеленою. Мы выѣхали въ 7 ч. 30 м. утра и первоначально продолжали путь по той же долинѣ, а засимъ въ 8 ч. 45 м. вступили въ отлогіе отроги горъ, по которымъ во многихъ мѣстахъ распаханы поля подъ нивы. Одинъ изъ такихъ отроговъ, наиболѣе приближающійся къ дорогѣ, называется Хаданъ-хошӯ. Здѣсь имѣется чахарскій поселокъ, въ которомъ содержится почтовая станція такая же какъ и въ Ганца-худӱкѣ. Выѣхавъ изъ помянутыхъ отроговъ, мы въ 9 ч. 15 м. вступили въ долину рѣки На-хо-цянь. Здѣсь находится деревня того же имени, заключающая въ себѣ свыше 100 дворовъ, а на пригоркѣ воздвигнутъ большой католическій соборъ. Чрезвычайно грандіознымъ и поразительно величественнымъ представляется

это зданіе среди низенькихъ фанзъ китайцевъ, къ которымъ давно уже присмотрѣлся глазъ и привыкло воображеніе. Чѣмъ-то роднымъ вѣяло и отъ окружавшихъ соборъ домиковъ миссіонеровъ, хотя все ихъ отличіе отъ китайскихъ фанзъ состояло въ томъ, что въ окнахъ ихъ рамъ вмѣсто бумаги было вставлено стекло, да покрыты они были не черепицей, а какъ и соборъ желѣзомъ. На улицахъ На-хо-цян'и было сильное движеніе: всѣ, очевидно, стремились къ собору. Для здѣшнихъ христіанъ настоящій день былъ простымъ воскресеньемъ, для меня онъ былъ еще недѣлею Ваій и сколько кроткопечальныхъ думъ промелькнуло теперь въ душѣ, какъ въ минувшемъ году въ вечеръ Преображенія. Снова представилась мнѣ служба отца. . . увы! онъ уже лежитъ теперь холоднымъ прахомъ, и никогда больше не услышу я его службы. А сколько было во мнѣ надежды видѣть его еще 6-го августа прошлаго года! . . . Тяжело возвратиться и придти только къ могилѣ! Подъѣхавъ къ собору, я хотѣлъ сдѣлать фотографическій снимокъ его превосходнаго зданія, но это оказалось буквально невозможнымъ: снѣгъ валилъ хлопьями и если стекло объектива еще можно было какъ нибудь защитить отъ непогоды, то на матовомъ стеклѣ камеры было очевидно, что рисунка не получится здѣсь ровно никакого. Сложивъ аппаратъ, я направился въ соборъ и былъ пораженъ всѣмъ, что пришлось мнѣ услышать и увидѣть здѣсь, лишь только отворилъ я дверь и вошелъ въ средину храма.

Его внутренность бѣдна, но величава по своему объему. Стѣны, выложенныя изъ обычнаго, дикаго китайскаго кирпича, такъ и оставлены не окрашенными; полы каменные, кирпичные же; потолки, сдѣланные въ видѣ овальнаго свода посрединѣ и оставленные прямыми по бокамъ, облицованы тесомъ; такими же тесовыми сдѣланы колонны храма, проходящія отъ входныхъ дверей до алтаря двумя рядами, въ числѣ семи въ каждомъ ряду; наконецъ тесовою же сдѣлана алтарная ниша и стрѣльчатые полукруглые своды надъ нею. Входныхъ дверей, какъ это обыкновенно дѣлается въ костелахъ, здѣсь устроено трое съ южной стороны: главныя изъ нихъ посрединѣ, высокія и створчатыя; боковыя — черезъ которыя обычно проходитъ народъ, низенькія и одиночныя, съ деревянными, окованными желѣзомъ затворами. Надъ дверями и слѣдовательно прямо противъ алтаря устроены хоры, съ арками, примкнутыми къ столбамъ храма и поддерживаемые еще снизу колоннами; на этихъ хорахъ помѣщается низшій оркестръ духовной музыки. Когда я вошелъ въ костелъ, месса еще не начиналась, но церковь была уже полна народа: мужщины по лѣвую сторону и женщины — по правую; всѣ они стояли на колѣняхъ и, въ ожиданіи начала богослуженія, пѣли псалмы подъ акомпаниментъ низшаго оркестра. Для непривычнаго

слуха это были удивительные хоры и музыка: пискливые голоса китайцевъ смѣшивались со звуками китайскихъ двуструнныхъ скрипокъ, балалаекъ, костаньетовъ, гонговъ и наконецъ барабана. Я такъ былъ пораженъ этимъ необычайнымъ явленіемъ, что нѣсколько секундъ простоялъ въ полномъ недоумѣніи и потомъ уже началъ осматриваться и приводить въ ясность окружающее. Между тѣмъ слухъ о моемъ появленіи дошелъ уже до патеровъ и не прошло пяти минутъ, какъ они выслали просить меня къ себѣ. Пройдя въ боковые притворы алтаря, я нашелъ всѣхъ уже въ полномъ облаченіи, готовыми выходить для службы. Monseigneur de Bax привѣтствовалъ меня съ обычною любезностью француза и сказалъ, что имъ такъ рѣдко приходится видѣть европейцевъ, что онъ проситъ меня пробыть у нихъ хоть одинъ часъ послѣ службы. Все располагало меня исполнить эту просьбу и я остался, простоявъ въ костелѣ всю мессу. Во время совершенія богослуженія китайская музыка костела въ большинствѣ замѣнялась звуками небольшой фисъ-гармоніи, на которой игралъ китаецъ; прислуживали мальчики изъ китайцевъ, пріобщалось 11 человѣкъ, народъ молился весьма усердно, богослуженіе и даже чтеніе евангелія совершa-

Внутренность Нахо-цянь'скаго костела.

лось исключительно по латини, проповѣди не было. Не смотря на это послѣднее сокращеніе, месса окончилась только въ 12 часовъ, послѣ чего мы перешли въ общій залъ патеровъ. Съ тою же любезностью привѣтствовали они меня снова и удовлетворили моему любопытству, сообщивъ, что настоящій костелъ былъ построенъ 1873 г. Monseigneur'омъ de Vos'омъ, умершимъ въ 1889 г., въ Ордосѣ. Съ тѣхъ поръ въ На-хо-цяни проживаетъ постоянно 6 францисканскихъ патеровъ, что же касается Monseigneur'a de Вах, то я встрѣтилъ его здѣсь только случайно, такъ какъ постоянное мѣстопребываніе его находится въ поселкѣ Си-вань-инъ-цза. Въ общемъ итогѣ въ На-хо-цяни и ея окрестностяхъ францисканцы имѣютъ теперь до 3000 христіанъ, а въ Си-вань-инъ-цзѣ ихъ нѣсколько болѣе 1700 человѣкъ. Всѣ эти обращенные принадлежатъ по своему происхожденію исключительно къ китайскому населенію мѣстности; изъ среды монголовъ миссіонеры не пріобрѣли еще ни одного человѣка, да, по собственному признанію ихъ, они не ведутъ и проповѣди между монголами, такъ какъ борьба съ буддизмомъ и ламствомъ является почти невозможною. Религіозное чувство монголовъ до такой степени удовлетворяется буддійскою обрядностью, что христіанство въ этомъ смыслѣ рѣшительно не можетъ дать имъ что либо новое и излишнее; что же касается христіанскихъ идей, то необходимо уже черезъ чуръ детальное изложеніе ученія, что бы показать высоту нравственнаго ученія Христа сравнительно съ моралью будды; излагаемое же въ общихъ чертахъ то и другое ученіе кажется монголамъ совершенно одинаковымъ. «Мы даемъ свой обѣтъ возвратиться въ небесное отечество», закончилъ свою рѣчь Monseigneur de Вах, «но пріѣзжаемъ сюда обыкновенно въ возрастѣ 22-хъ, 23-хъ лѣтъ, а это черезъ чуръ поздно для того чтобы изучать религію, съ которою хочешь бороться»! Я не понялъ по первому разу выраженія: «возвратиться въ небесное отечество» и спросилъ, что это значитъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было, конечно, напоминаніе объ извѣстномъ правилѣ католиковъ, по коему миссіонеры ихъ ѣдутъ на дальній востокъ для проповѣди не иначе какъ на всю жизнь, съ тѣмъ что бы никогда не возвращаться уже въ свое земное, а только въ «небесное» отечество. Правило это, безсомнѣнія, имѣетъ громадное значеніе для всей дѣятельности католическихъ миссіонеровъ. Христіанскіе проповѣдники всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій не чувствуютъ себя привязанными къ Китаю: они не рѣдко являются сюда или потому, что не могли найти себѣ мѣста на родинѣ, или изъ за желанія посмотрѣть Востокъ, или наконецъ просто по матеріальнымъ разсчетамъ; оттого очень многіе изъ нихъ исполняютъ свои обязанности безъ всякаго участія въ нихъ сердцемъ; къ самимъ китайцамъ они относятся съ презрѣніемъ и ждутъ

не дождутся, когда окончится для нихъ урочный срокъ и получится возможность возвращенія на родину. Не то у католиковъ. Пріѣзжая въ Китай, каждый изъ нихъ легко приходитъ къ русской пословицѣ: «что посѣялъ, то и жни». Вотъ почему каждый католическій патеръ всегда и больше всего заботится о томъ, что бы возможно увеличить число своихъ духовныхъ дѣтей, войти съ ними въ наибольшую связь, заинтересовать ихъ своею личностью, сдѣлаться необходимымъ для своихъ пасомыхъ, воздѣйствовать не только на ихъ умъ, просвѣщая ихъ подобно американскимъ методистамъ, но и еще болѣе — на сердце, какъ на главный источникъ сближенія. И несомнѣнно, что католическіе миссіонеры ближе всѣхъ другихъ европейцевъ стоятъ къ китайцамъ и едва ли кто такъ много сдѣлалъ для Китая какъ католики. Живя среди народа, они вводятъ въ жизнь его предметы европейской, болѣе удобной обстановки, пріучаютъ къ употребленію стекла и керосина; на своихъ пашняхъ знакомятъ китайцевъ съ употребленіемъ машинъ, въ своихъ садахъ обучаютъ китайцевъ улучшенію породъ растеній и проч. и проч. Сами католики однако недовольны еще своимъ сближеніемъ и говорятъ, что китайцы все же смотрятъ на нихъ какъ на пришельцевъ, какъ на своихъ баръ, какъ на свое начальство. И ничѣмъ нельзя измѣнить этихъ взглядовъ, не смотря на полнѣйшее сознаніе китайцевъ, что это начальство почитаетъ своею обязанностью только заступаться за нихъ, что эти бары часто ничѣмъ не отличаются отъ работниковъ, что эти пришельцы проживутъ у нихъ до гробовой доски и у нихъ же сложатъ свои кости. Очевидно, дѣло тутъ въ томъ, что между просвѣтителями и просвѣщаемыми мало духовной близости и вина этого лежитъ столько же въ китайцахъ, сколько и въ самихъ католическихъ патерахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни давали католики обѣтовъ отрѣшенія отъ своей родины, ихъ умъ и сердце всецѣло поглощены ею. Мнѣ стоило большого труда получить отвѣты на свои вопросы о жизни китайскихъ христіанъ, равно какъ и самихъ миссіонеровъ, между тѣмъ какъ меня самого засыпали вопросами объ Европѣ: дѣло Лессепса во Франціи, паденіе французскаго министерства, рѣчи Вильгельма, дѣятельность Каприви, заявленіе Кальноки о значеніи для австрійцевъ Германіи и Россіи, связь Россіи съ Франціею, поведеніе Россіи въ отношеніи къ Китаю, постройка сибирской желѣзной дороги, — вотъ вопросы, которые съ дрожащимъ отъ волненія голосомъ предлагалъ мнѣ каждый миссіонеръ, начиная съ Monseigneur'a de Bax, которому теперь уже 72 года и который чуть ни 50 лѣтъ назадъ оставилъ Европу. Что и какъ бы ни говорилось, сердце этихъ людей — въ Европѣ: ихъ задушевныя мысли и чувства — на родинѣ. Китайцы не могутъ не ощущать этого при своихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ миссіонерами

и сознаютъ инстинктивно, что патеры для нихъ все же чужіе люди. Въ 1 часъ дня намъ подали общую трапезу. Всѣ миссіонеры отъ епископа до простого катихизатора имѣютъ общій столъ. Составъ его, — хлѣбъ и мясо, приготовленное варенымъ и жаренымъ, — цѣликомъ является плодомъ хозяйства самихъ миссіонеровъ. За столомъ намъ подавали прекрасное вино изъ рязани, приготовляемое самими миссіонерами; вмѣсто сладкаго поставили фрукты изъ миссіонерскаго сада и наконецъ меня угостили сигарою, скрученною также самими миссіонерами изъ табаку, возращеннаго на ихъ собственныхъ огородахъ.

Въ 2 часа дня я оставилъ этотъ гостепріимный пріютъ европейцевъ и двинулся далѣе. Вьюга лютовала и страшный снѣгъ просто засыпалъ наши телѣги. Черезъ 40 мин. мы достигли деревни Морхочйнъ. Извозчики, на долю которыхъ выпадало, конечно, гораздо болѣе испытывать непогоды, хотѣли было остановиться въ этомъ поселкѣ; но рѣшительно не нашли здѣсь ни одного пустого бàйшина: волей не волей мы должны были продолжать свой путь. Въ 4 ч. 20 м. мы увидали верстахъ въ 3-хъ отъ дороги, по лѣвую сторону ея, китайскую деревню Цагàнъ инъ-цза, а по правую чахàрскій поселокъ Дэнчжй, со станціею легкаго почтоваго тракта. Миновавъ ихъ, мы черезъ часъ прибыли въ китайскую деревню Хунъ-обб, гдѣ и остановились на ночлегъ. Для меня былъ очищенъ особый бàйшинъ, изъ котораго вывели двухъ укрывавшихся здѣсь отъ непогоды коровъ. Снѣгъ продолжаетъ идти страшный.

22-е Марта. Понедѣльникъ.

6 ч. —4½°; 9 ч. —4°; 12 ч. —1°; 3 ч. +1°; 6 ч. —3°; 9 ч. —6½°.

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. Дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ; онъ разгоняетъ тучи и небо начинаетъ мало по малу проясняться. Всѣ окрестности покрыты бѣлою снѣжною пеленою, подъ которою нельзя разобрать, въ какомъ состояніи находятся придорожныя земли; впрочемъ виднѣющіяся кое гдѣ по сторонамъ фанзы китайцевъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь есть пашни. На самой дорогѣ сугробы снѣга достигаютъ вышины ¾ аршина. Къ 9-ти часамъ выглянуло солнце, но оно мало еще согрѣваетъ и пронзительный вѣтеръ, метущій по землѣ снѣжную пыль, приноситъ, кажется, гораздо больше холода.

Въ 9 ч. 15 м. миновали китайскую деревушку Хань-хай-цзы, состоящую изъ 8 дворовъ, но не видали здѣсь ни одного живого существа. Говорятъ, что эта деревушка стоитъ при ключѣ, образующемъ вокругъ болотистую почву, оттого пашни мѣстныхъ поселянъ находятся довольно далеко отъ ихъ жилищъ. Въ 10 час., а потомъ въ 10 ч. 10 мин. проѣхали

два постоялыхъ двора, расположенныхъ на каменистыхъ пригоркахъ, носящихъ названіе Сӯчжи. Они замѣчательны какъ излюбленное мѣсто калганскихъ какъ китайскихъ, такъ и русскихъ транспортировочныхъ конторъ, въ которое эти конторы, при недостаткѣ у нихъ перевозочныхъ средствъ, высылаютъ своихъ повѣренныхъ, чтобы вербовать чахàрскихъ верблюдовъ и заключать здѣсь контракты съ чахàрами. Отсюда по нашей дорогѣ послѣдовала цѣлая группа холмовъ, вершины которыхъ были увѣнчаны гребнями громадныхъ и обнаженныхъ каменныхъ валуновъ, далѣе до половины холма обыкновенно слѣдовали россыпи мелкой гальки и только въ нижней части и у подножія холмовъ начинался плодородный суглинокъ. Частію лавируя между ними, а частію переваливая черезъ нихъ, мы въ 12 ч. дня доѣхали до чахàрскаго поселка Кӱйтӱнъ, а въ 12 ч. 30 м. до китайскихъ постоялыхъ дворовъ Гэдэнъ гӯ, гдѣ и остановились для отдыха.

Выѣхали въ 2 ч. 20 м. Дорога продолжаетъ тянуться по уваламъ. Въ 3 ч. проѣхали полуразрушенную деревеньку въ 3 двора, именуемую Сань-цза-коу, а черезъ 40 мин. ѣзды отсюда повстрѣчали стоящій въ котловинѣ чахàрскій поселокъ изъ двухъ бàйшиновъ, съ юртами. Это была станція легкаго почтоваго тракта, Хагàй, или, какъ зовутъ ее китайцы, Хань-нӯръ-тай. Проводники мои разказали при этомъ, что неподалеку отсюда располагается довольно значительный китайскій поселокъ, носящій тоже названіе Хагàй, или болѣе кратко Хакъ, равно какъ этимъ же именемъ называется и вся окрестная мѣстность, заимствовавшая его отъ находящагося здѣсь озера Хакъ-нӯра, иначе Хагàй-нӯра, или Хагы̀йнъ-нӯра. Въ помянутомъ китайскомъ поселкѣ проживаетъ амбàнь, завѣдывающій половиною богдоханскихъ стадъ быковъ, собственно хошӯномъ «хӱбӧ̄ шарà ӱхӱрчѝновъ», называемыхъ также «чжӱ̄нъ-ӱхӱрчѝнами». Отъ мѣста помянутой почтовой станціи Хагàй ямщики мои, думая сократить путь, поѣхали по пашнямъ, но снѣгъ такъ замелъ дорогу, что мы потомъ, ища ее, бродили по полямъ и нашли только въ 5 ч. 10 м., подъѣхавъ къ берегу небольшой рѣки Да-хэ, текущей на сѣверъ. Да-хэ течетъ двумя протоками и имѣетъ ширины около трехъ саженей; берега ея болотисты, а дно илисто. Отсюда въ 5 ч. 40 м. мы достигли поселка и рѣчушки Сяо-хэ, которой однако я даже и не замѣтилъ: по всей вѣроятности она течетъ въ незначительной канавкѣ и въ настоящее время безводна. Снова начался снѣгъ и дальнѣйшій путь нашъ проходилъ въ сумеркахъ, усиливаемыхъ непогодою. Здѣшнія мѣста включаются, говорятъ, въ районъ пастьбищъ Бэ̄гійнъ сӱрӱ̀ка, т. е. представляютъ собою земли, отведенныя богдоханскимъ правительствомъ одному изъ князей, принцевъ крови маньчжурскаго

дома (бэ̄), для содержанія принадлежащихъ ему стадъ. Къ сѣверу земли эти протягиваются будто бы почти до почтовой станціи Халю̄тай, что же касается самыхъ стадъ, то они, по словамъ мѣстныхъ чахаровъ, весьма незначительны. Исключительнымъ достояніемъ бэ̄ являются овцы и рогатый скотъ, лошадей же и верблюдовъ онъ не содержитъ вовсе. Пастуховъ и стражниковъ скота при бэ̄гійнъ сӱрӱкѣ считается не свыше 10 юртъ и всѣ они принадлежатъ по происхожденію къ чахарамъ. Восточнѣе бэ̄гіинъ сӱрӱка лежатъ болѣе обширныя пастьбища другого князя, именуемаго Хэ-чинъ ва̀номъ. Стада Хэ-чинъ ва̀на, говорятъ несравненно больше бэ̄гійнъ сӱрӱка и охраняютъ ихъ чахары, въ количествѣ не менѣе 50 или 60 семей. Продолжая свое движеніе непрерывно, мы только въ 7 ч. 40 м. добрались до постоялаго двора въ урочищѣ Дорчжѝй-хуа, гдѣ и остановились для ночлега. Отъ Сяо-хэ до Дорчжѝй-хуа считается 8 ли, слѣдовательно мы дѣлали только по двѣ версты въ часъ за это время сумерокъ.

23-е Марта. Вторникъ.

6 ч. —8°; 9 ч. —2½°; 12 ч. +1°; 3 ч. +1½°; 6 ч. +2°; 9 ч. —0.

Выѣхали въ 6 ч. 50 м. и почти у самаго постоялаго двора вступили въ долину небольшой рѣчушки, Ядáйнъ го̄лъ, впадающей въ Бургасута̀й. По берегамъ Ядà̀йнъ го̄ла кочуютъ чаха̀ры, пастухи стадъ вѣдомства Тайфу-сы (Табѝсъ). Поселокъ ихъ мы повстрѣчали въ 7 ч. 35 м. Онъ называется Гэгэ̀тэй байръ, т. е. «свѣтлая радость» и, глядя на него, мы въ самомъ дѣлѣ чувствовали радость свѣта. Давно уже не блистало для насъ такъ солнце и день, несомнѣнно, обѣщалъ быть вполнѣ яснымъ, хотя вслѣдствіе сильнаго сѣвернаго вѣтра и не особенно теплымъ. Въ 8 ч. 30 м. мы, слѣдуя холмистою степью, проѣхали чаха̀рскій поселокъ Чулӯнъ онгоцò, называемый китайцами Ма-лянь-цуй. Всего здѣсь находится шесть хаша̄новъ, отбывающихъ почтовую повинность на гуй-хуа-чэно-чжанъцзя-коу'скомъ трактѣ. Черезъ часъ ѣзды отсюда достигли рѣчки Бургасута̀я, которую переѣхали вбродъ нѣсколько выше стоящей на ней почтовой станціи алта̀йскаго тракта. Бургасута̀й имѣлъ здѣсь въ настоящую пору ширины не болѣе сажени и сохранялъ туже величину на всемъ протяженіи, пока мы ѣхали по правому берегу его, до поселка бургасута̀йскаго цзала̀на. Въ 10 ч. 15 м. мы выѣхали на долину ургинско-калганскихъ торговыхъ трактовъ какъ разъ противъ обо̄ Хара̀ балгасӯна. Дорога наша повернула отсюда въ направленіи къ ЮВ и, слѣдуя по ней гладкой степью, мы въ 11 ч. 30 м. прибыли въ Боро̀-цэ̄чжи.

Повторять снова описаніе пути отъ этого урочища до Калгана я уже не буду; скажу только, что 23-го марта караванъ нашъ, переваливъ

Калганскій хребетъ, ночевалъ въ Ту-динъ-цза, а на другой день, къ 9 часамъ утра, былъ въ Калганѣ. Въ эти послѣднія сутки наконецъ я страшно простудился, хотя можетъ быть это случилось и прежде, теперь же болѣзнь только обострилась.

8-е Апрѣля. Четвергъ.

Время отъ 24-го Марта по 8-е Апрѣля было проведено мною въ Калганѣ частію въ изученіи этого города и русской дѣятельности въ немъ, а частію и еще больше въ излеченіи своихъ болѣзней. Сначала общее недомоганіе во всемъ тѣлѣ, а потомъ страшный бронхитъ съ кашлемъ, насморкомъ, потерею голоса и другими своими аттрибутами и послѣдствіями мучили меня порядкомъ. Отъ болѣзней этихъ мнѣ такъ и не пришлось оправиться въ Калганѣ, приготовленія же къ поѣздкѣ въ Юго-восточную Монголію, можетъ-быть, только поддерживали ихъ. Хлопотъ и бѣготни было дѣйствительно не мало. Мнѣ непремѣнно хотѣлось проѣхать въ Жэхэ по Монголіи; но во 1-хъ Калганъ и Чэнъ-дэ-фу не имѣютъ между собою рѣшительно ни какой торговой связи, оттого Чэнъ-дэ-фу совершенно не извѣстенъ калганцамъ. На нѣкоторыхъ постоялыхъ дворахъ мнѣ прямо отказывали въ веденіи переговоровъ о наймѣ подводъ, говоря, что край этотъ не знакомый и подводъ туда отпустить невозможно. Другіе, ссылаясь на то же незнакомство съ краемъ, утверждали однако, что ѣхать въ Чэнъ-дэ-фу иначе нельзя какъ по внутреннему Китаю до прохода Гу-бэй-коу, а потомъ прямо на Чэнъ-дэ-фу: дороги по Монголіи между Калганомъ и Чэнъ-дэ-фу, утверждали они, не имѣется; ибо на доброй половинѣ этого пространства залегаютъ страшныя горы и непроходимыя дебри. Третьи говорили, что хотя имъ и никогда не приходилось ѣздить въ Чэнъ-дэ-фу, однако они слышали, что проѣхать въ этотъ городъ и даже по Монголіи возможно; только страна эта въ настоящую пору находится въ возбужденномъ состояніи и опасна для проѣзда, въ виду же рискованности предпріятія они могутъ согласиться на подрядъ лишь при усиленной платѣ: за каждую телѣгу они спрашивали по 40 ланъ, т. е. по 80 серебряныхъ руб., а за двѣ потребныхъ мнѣ телѣги соглашались взять 150 ланъ. «Мы не найдемъ у себя такихъ извозчиковъ», говорили они, «которые рѣшились бы ѣхать въ незнакомую, да еще возбужденную страну; а если и найдутся такіе смѣлые, то только имъ нужно уплатить minimum по 15 ланъ, а что же стоятъ телѣги и животныя, которыя, пожалуй, будутъ еще украдены? Туда и обратно наши телѣги не могутъ пройти менѣе какъ въ мѣсяцъ; а какъ разсчитывать за это время, содержаніе двухъ лоцзъ, которые должны

быть запряжены въ каждую телѣгу? Самое меньше 20 ланъ. А телѣги?... Словомъ, разсчетъ этихъ хозяевъ выходилъ такой, что изъ 150 ланъ имъ едва едва останется 10-ть.

При такомъ положеніи дѣла мы рѣшились не указывать мѣста своей поѣздки, а нанимать подводы просто въ ЮВ Монголію: можетъ быть-де проѣдемъ до Чэнъ-дэ-фу, можетъ быть заѣдемъ еще куда, но во всякомъ случаѣ подводы эти должны доставить меня въ концѣ концевъ до Долōнъ-нӯра. На такое предложеніе нашлись извозчики, которые рѣшили дать мнѣ двѣ телѣги: одну собственно для меня съ двумя лоцзами и другую — для багажа и Ѳедорова, съ тремя лоцзами, съ платою по одному лану серебра за каждую телѣгу въ день, безразлично, будетъ ли этотъ день проведенъ въ ѣздѣ, или въ остановкѣ; съ моей стороны надлежало уплачивать имъ 60 ланъ въ мѣсяцъ. На такихъ то условіяхъ выѣхалъ я изъ Калгана и въ третій разъ перевалилъ Сэнчжійнъ-даба̄, доѣхавъ по извѣстной уже дорогѣ до Борò-цэ̄чжи. Природа и внѣшній видъ калганскаго ущелья, которымъ мы слѣдовали сегодня большую часть времени, весьма мало измѣнились за періодъ, протекшій отъ поры нашего перваго проѣзда по нему, 5 декабря прошлаго года, чему, безсомнѣнія, способствуетъ чрезвычайно позднее наступленіе нынѣшней весны. Уже 8-е апрѣля, а природа между тѣмъ совершенно спитъ. Днемъ, правда, сильно пригрѣваетъ солнышко, оно растопляетъ покрывавшій ущелье снѣгъ; но уже къ вечеру холодѣетъ, а ночью морозъ достигаетъ 6, 7° и замораживаетъ струящіеся по широкому ложу ущелья водные потоки. Такимъ образомъ все ущелье теперь покрыто льдомъ, изъ подъ глянцевитой поверхности котораго торчатъ болѣе или менѣе значительные каменные валуны, обычно усѣивающіе здѣсь дорогу. Горы, окаймляющія ущелье собственно въ окрестностяхъ Калгана, въ нижней части ущелья, не особенно высоки и богаты разнообразіемъ своихъ формъ и очертаній. На западной боковинѣ, гдѣ проходитъ древняя Великая стѣна, онѣ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ довольно пологіе скаты и покрыты мощными слоями лесса. Такая конфигурація и составъ этихъ горъ дали возможность трудолюбивымъ китайцамъ разработывать здѣсь свои пашни, съ каковою цѣлью они обдѣлали всѣ эти горы узенькими террасами, иногда въ 8 и даже 10 ступеней. Это, говорятъ, составляетъ необычайное и весьма красивое зрѣлище особливо въ лѣтнюю пору, когда каждая изъ террасъ является покрытою разноцвѣтными нивами. Великая стѣна, проходившая здѣсь по вершинамъ горъ, въ настоящую пору можно сказать не существуетъ во все и только мѣстами отъ нея остались полуразрушенные остовы башень. Горы восточной боковины ущелья прежде всего гораздо выше западныхъ, а засимъ, почти въ полную противуполож-

ность имъ, не рѣдко образуютъ живописные утесы и громадныя скалы, низпадающія почти отвѣсно. Мѣстами эти вывѣтрившіеся утесы походятъ

Видъ на горы западной боковины калганскаго ущелья.

какъ бы на развалины замковъ, мѣстами они напоминаютъ своими формами фигуры животныхъ, или отдѣльныхъ частей ихъ тѣла. Такимъ образомъ верстахъ въ полутора отъ Калгана находится скала, называемая «верблюжьей пятой», а досужіе монголы составили по поводу ея даже легенду, разказывающую, что въ древнія времена здѣсь проѣзжалъ Хасаръ, братъ Чингисъ-хана; верблюдъ, на которомъ онъ ѣхалъ, лягнулъ эту скалу своей пятой и послѣдняя отпечатлѣлась на камнѣ въ видѣ неправильнаго круга, приблизительно саженнаго діаметра. Китайцы,—болѣе практики чѣмъ поэты,—не увлекаются подобными олицетвореніями; но они высоко цѣнятъ эти горы, потому что добываютъ изъ нихъ превосходный строительный камень, устроивъ здѣсь съ означенною цѣлью нѣсколько каменоломень. По окрестностямъ этихъ промысловыхъ учрежденій расположилось главное населеніе калганскаго ущелья, сосредоточившее свои жилища въ шести, семи деревняхъ, обширнѣйшими изъ которыхъ нужно почитать три ближайшія къ Калгану и находящіяся не болѣе какъ въ одной или полутора верстахъ другъ отъ друга. За этими деревнями, съуженное въ своемъ устьи ущелье расширяется и отличительную особенность его здѣсь составляетъ обиліе

впадающихъ въ него маленькихъ боковыхъ ущелій и лощинъ. Послѣднія чаще всего представляются въ видѣ узкихъ корридоровъ, стѣны которыхъ почти лишены растительности, и являются въ видѣ оголенныхъ, почти отвѣсныхъ скалъ. Геологу эти мѣста, вѣроятно, представятъ собою богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованій. Въ помянутыхъ формахъ ущелье тянется версты на четыре, а далѣе, не подалеку отъ обильной гостинницами и постоялыми дворами деревни Ту-динъ-цза, начинается уже крутой подъемъ въ горы. Конфигурація мѣстности здѣсь опять и почти сразу измѣняется: ущелье снова становится уже, ограничивающія его горы дѣлаются выше и получаютъ видъ дикихъ, оголенныхъ скалъ, а самый скатъ ущелья весь покрывается осыпями болѣе или менѣе крупныхъ глыбъ базальта, между которыми попадаются также куски порфира, гранита, гнейса и др. Растительности на этихъ пространствахъ нѣтъ уже никакой, проложенная же по нимъ дорога къ перевалу является по истинѣ ужасной. Раздѣлана она такъ узко, что полотно ея почти ровняется ширинѣ монгольской

Великій торговый путь на калганскомъ перевалѣ Сэнчжитў даба.

арбы и разъѣхаться двумъ телѣгамъ здѣсь почти невозможно, или по крайней мѣрѣ необычайно трудно. Въ силу уже отмѣченной нами крутизны

подъема (см. т. I стр. 643), дорога къ нему идетъ страшными зигзагами и виляетъ чуть ни на пространствѣ каждыхъ ста саженей. Таже крутизна создаетъ и трудности содержанія этого пути въ исправномъ видѣ. Дѣло въ томъ, что при каждомъ дождѣ съ перевала стремятся книзу страшные потоки воды, которые не только размываютъ дорожное полотно, но ворочаютъ камни и усѣиваютъ ими весь путь. Такъ какъ подобная порча пути совершается по нѣскольку разъ въ годъ, то мѣстное общество никогда и не думаетъ о ремонтировкѣ этой дороги и всѣ исправленія ея совершаются самими путниками, которые собственными руками сбрасываютъ съ дорожнаго полотна препятствующіе движенію ихъ телѣгъ камни, или забрасываютъ тѣми же камнями образовавшіяся на дорогѣ вымоины.

Особеннаго на этомъ пути для меня сегодня ничего не случилось за тѣмъ исключеніемъ, что на дабанѣ я повстрѣчалъ знакомаго мнѣ пекинскаго китайца, торгующаго въ Ургѣ. Онъ ѣхалъ теперь съ монгольскимъ сырьемъ въ Калганъ и по выѣздѣ изъ Урги ночевалъ уже 40 ночей; такъ какъ ему предстояло переночевать еще одну ночь, то слѣдовательно изъ Урги въ Калганъ онъ долженъ прибыть на 42-й день.

9-е Апрѣля. Пятница.

6 ч. —4°; 9 ч. +2°, 12 ч. +6°; 3 ч. +6°; 6 ч. +3°; 9 ч. —0°.

Выѣхали въ 6 ч. 40 м. Еще со вчерашняго дня, лишь только поднялись мы на вершину Сэнчжіинъ даба, насъ встрѣтилъ сильный монгольскій вѣтеръ; сегодня онъ дулъ прямо съ сѣвера еще страшнѣе, а отдѣльные порывы его временами чуть ни достигали силы урагана, по крайней мѣрѣ наши лōцзы нѣсколько разъ останавливались, не будучи въ состояніи двигаться противъ этого вѣтра. Мы ѣхали пашнями въ направленіи къ Синъхо-чэну, на который мнѣ хотѣлось взглянуть и, можетъ быть, сдѣлать съ него фотографическіе снимки. На проѣздъ отъ Борò-цэчжи до земляныхъ валовъ Синъ-хо пришлось употребить ровно два часа. Послѣ описанія этихъ развалинъ, сдѣланнаго мною въ «Примѣчаніяхъ на дневникъ о. Палладія», я не могъ бы теперь прибавить ничего излишняго; замѣчу только, что за протекшій 15-лѣтній срокъ очень многое здѣсь уже совершенно погибло для археологическихъ изслѣдованій. Правда, стѣны города до сихъ поръ сохраняютъ еще старый характеръ; но внутри ихъ за это время построилась цѣлая китайская деревушка, съ кумирнями и театромъ. Благодаря этой постройкѣ, масса кургановъ разрыта и на мѣстѣ ихъ или построены новыя зданія, или же распаханы нивы. На сѣверо-западномъ углу вмѣсто находившагося здѣсь монгольскаго обō воздвигнута маленькая часовня, въ которой поставлена дощечка въ честь «ту-ди», т. е. генія хранителя этой мѣстности. Только самый срединный курганъ пострадалъ

сравнительно меньше и на немъ попрежнему валяются обломки старинной глазированной черепицы желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Не смотря на страшный вѣтеръ, я сдѣлалъ здѣсь два фотографическихъ снимка: одинъ на новопостроенную деревню, а другой — на сѣверо-западный уголъ города, гдѣ сохранилось еще нѣсколько кургановъ. Не знаю, но трудно чтобы вышло что нибудь изъ этихъ снимковъ, по крайней мѣрѣ подъ вліяніемъ этой страшной непогоды я не рѣшился тратить времени на поѣздку за снимками въ Цагàнъ-балгасу̀ [1]). Далѣе къ востоку непосредственно у вала Синъ-хо-чэна пріютилась также новая деревенька, У-сянъ-цзо-ръ, жители которой частію пріобрѣли здѣсь земли въ собственность, покупая ее по 5000 чеховъ за му, а частію арендуютъ ее у калганскаго Ли-сы-фу, уплачивая по 500 чеховъ за му въ каждое лѣто. Плата эта должна почитаться сравнительно дорогою, такъ какъ земли, прилегающія къ Синъ-хо-чэну, не высокаго достоинства и изобилуютъ солончаками. Только удалившись версты приблизительно на три, мы въ 9 ч. 50 м. повстрѣчали деревню Хо-ту-ба, отъ которой начинается супесчаная почва: по сторонамъ дороги здѣсь раскидано много деревень, населеніе которыхъ исключительно китайское. Въ 10 ч. 15 м. проѣхали падь Багà хонгòръ, посреди которой лежитъ большое озеро, а въ 10 ч. 45 м. мы остановились для полдника въ деревнѣ Дунъ-хоу-цянь, построенной на возвышенномъ берегу котловины озера того же имени, имѣющаго до 4-хъ верстъ въ окружности. Все это мѣста прекрасно знакомыя русскому населенію Калгана, которое чуть ни ежедневно весною и лѣтомъ выѣзжаетъ сюда на охоту за водяною птицею: гуси, утки и лебеди ютятся здѣсь безчисла, не смотря на страшное истребленіе ихъ охотниками. Въ 12 ч. 15 м. мы оставили Дунъ-хоу-цянь и, переваливъ невысокій увалъ, вступили въ долину другого уже гучжѝрного озера, Да-ци, лежащаго влѣво отъ дороги версты на двѣ. По берегамъ этого озера кочуютъ своими юртами чахары, а окрестности его по всей долинѣ носятъ чисто степной характеръ: почва солонцеватая, растительность довольно бѣдная и хлѣбопашества нѣтъ вовсе.

Въ 3 ч. 40 м. передъ нами ясно обозначились высокіе холмы, тянущіеся съ юга на сѣверъ, а вдали, какъ бы совершенно у подножія ихъ, зачернѣлся поселокъ Бай-мяо-цзы-танъ, населенный китайцами солепромышленниками. Всѣ они выходцы изъ Калгана и въ Калганѣ содержатъ свои главные склады, здѣсь же у нихъ находятся только отдѣленія, въ которыхъ они скупаютъ по дешевымъ цѣнамъ соль у проѣзжихъ и бѣдныхъ

1) Негативы эти дѣйствительно вышли такъ плохи, что я не рѣшаюсь представлять ихъ.

монголовъ, затрудняющихся тратить нѣсколько лишнихъ дней на проѣздъ въ городъ. Всѣхъ таковыхъ солеторговыхъ отдѣленій имѣется въ Бай-мяо-цзы-танѣ — семь, отъ семи калганскихъ лавокъ: они представляютъ собою громадные дворы, огороженные глинобитными стѣнами, въ каждомъ изъ которыхъ находится до десятка жилыхъ зданій и складочныхъ амбаровъ. Являясь такимъ образомъ важнымъ складочнымъ пунктомъ для соляной торговли Калгана, Бай-мяо-цзы-танъ служитъ мѣстомъ, у котораго сходятся калганско-долонурскія дороги на Шабартай и Боро-цэчжи. Не смотря на казавшуюся намъ близость Бай-мяо-цзы-тан'а къ помянутымъ холмамъ, въ дѣйствительности, подъѣхавъ къ этому поселку, мы увидали, что урочище его раскинулось не менѣе какъ на пространствѣ верстъ пяти отъ горъ, по крайней мѣрѣ мы пересѣкали его около $1\frac{1}{2}$ часа. Почва его въ большинствѣ солонцеватая, почему мѣстные китайцы поселяне занимаются здѣсь не только хлѣбопашествомъ, но и скотоводствомъ, содержа по преимуществу стада овецъ. Сѣютъ они главнымъ образомъ юй-мя и картофель; просо и гао-лянъ признаются здѣсь невозможными къ посѣву, такъ какъ климатъ на столько холоденъ, что означенные роды хлѣба не успѣваютъ вызрѣвать. Въ 5 ч. 30 м. мы миновали поселокъ Да-ляо-ди, дворовъ въ 20, и отъ него начали подниматься въ гору на пересѣченіе помянутыхъ холмовъ, которые оказались носящими тоже названіе Да-ляо-ди. Переваливъ черезъ нихъ къ 6 часамъ вечера, мы нашли у сѣверо-восточнаго подножія ихъ поселокъ Синъ-лунъ-тай, заключающій въ себѣ до 40 дворовъ, а засимъ вступили въ холмистую котловину, значительно распаханную. За отдѣльными холмами и пригорками здѣсь виднѣлось до десятка маленькихъ деревень, въ три, четыре дома каждая. Съ запада на востокъ лощина эта тянется только на 45 мин. ѣзды самымъ умѣреннымъ шагомъ; съ юга на сѣверъ, вѣроятно немного болѣе. Отъ нея мы пологимъ уваломъ начали подниматься на холмы Байшинтў, а спустившись съ нихъ, вступили въ китайское селеніе того же имени, въ которомъ и остановились для ночлега. Бесѣдуя со здѣшними китайцами, я услышалъ ихъ жалобы, что въ селеніи ихъ уже три года подрядъ является оспенная эпидемія: изъ восьми дворовъ три вымерли совершенно. Первоначально за заболѣвавшими ухаживали, но потомъ заразительность болѣзни довела людей до такого страха, что они перестали даже подходить къ тому дому, гдѣ являлся оспенный больной. Черезъ три дома отъ нашего постоялаго двора, минувшею осенью проживала семья, состоявшая изъ двухъ братьевъ, въ возрастѣ отъ 23—25 лѣтъ; оба брата были женаты и имѣли у себя по одному ребенку. Болѣзнь показалась сначала на дѣтяхъ, отъ нихъ по началу заразился самый старшій хозяинъ, потомъ его братъ, потомъ жена

этого младшаго брата и наконецъ жена старшаго. Двое дѣтей были похоронены; старшаго брата также закопалъ въ землю при помощи женщинъ младшій, уже бывшій въ то время больнымъ. Черезъ день послѣ сего изъ дома начала показываться только одна старшая хозяйка; еще нѣсколько дней — и она кричала своимъ сосѣдямъ, что ея золовка лежитъ при смерти, а деверь умеръ и умоляла ихъ придти похоронить его тѣло, потому что у нея самой уже ноги отваливаются. Никто не отозвался на этотъ зовъ, а какъ несчастная женщина послѣ сего уже не показывалась, то всѣ заключили, что въ концѣ концевъ заболѣла, а потомъ умерла и она. Уже зимою, когда наступили морозы, пошли къ этому дому и увидали тамъ три полуистлѣвшихъ трупа. Никто не прикоснулся къ этимъ трупамъ и даже не вошелъ въ средину дома: старики опредѣлили заложить кирпичемъ и замазать его двери и окна на глухо. Такъ было поступлено и въ настоящую пору этотъ домъ представляетъ собою одну большую наглухо забитую могилу.

10-е Апрѣля. Суббота.

6 ч. —1½°; 9 ч. +8°; 12 ч. +9°; 3 ч. —0°; 6 ч. —1°; 9 ч. —5°.

Выѣхали въ 6 ч. 15 м. и, бросивъ взглядъ на «страшный домъ», такъ много говорящій о «человѣколюбіи» китайцевъ, направились прямо на востокъ. Передъ нами разстилалась обширная степь, ограничиваемая на югѣ Инь-шанемъ, а на сѣверѣ уходящая вдаль за горизонтъ; на востокѣ она замыкалась впрочемъ весьма невысокими увалами, среди которыхъ виднѣлся проходъ Эр-дō-ва. Въ общемъ степь эта является совершенно неразработанною. Почва рыхло, но не сыпуче песчаная, растительности мало и сильный юго-западный вѣтеръ, начавшій дуть еще съ нынѣшней ночи, поднималъ облака пыли. Въ 9 ч. мы поднялись на перевалъ Эр-дō-ва и на вершинѣ его увидали повѣшенную на столбѣ клѣтку, съ головою казненнаго на этомъ мѣстѣ преступника китайца. Надпись, красовавшаяся на этой клѣткѣ, сообщала: 斬梟盜犯一名阿爾彬桑卽劉洛四首級示眾. «Отрублена и выставлена въ клѣткѣ, на показъ всѣмъ, голова разбойника Арбиньсана, или Лю-ло-сы». Китаецъ этотъ былъ казненъ въ прошломъ году за воровство вообще, но главнѣйшимъ образомъ за разбои, совершенные имъ на дорогѣ, въ періодъ извѣстнаго возстанія въ Юго-восточной Монголіи въ 1891 году. Замѣчательное впечатлѣніе производитъ эта голова, висящая среди пустынной степи: больше чѣмъ гдѣ нибудь она должна поразить собою каждаго, показывая ему, что и здѣсь бдительно слѣдитъ за проступками правительственное око. Мнѣ хотѣлось имѣть этотъ видъ на рисункѣ и я попробовалъ сдѣлать съ него фотографію, но едва ли что вышло. Страшный вѣтеръ закрывалъ пылью степную даль,

которая имѣла здѣсь не малое значеніе, а голова качалась съ своею клѣткою такъ сильно, что я принужденъ былъ открывать и закрывать камеру два раза, словомъ, дѣлать снимокъ въ два пріема, такъ какъ порывъ вѣтра во время перваго снимка началъ качать клѣтку очень сильно. Въ 10 ч. 15 м. мы остановились для полдника въ чахарскомъ поселкѣ Эр-дэ-ва, состоящемъ изъ двухъ байшиновъ съ находящимися при нихъ юртами.

Обитающіе въ нихъ чахары принадлежатъ хошуну Хуботу-шара и представляютъ собою харулъ, именуемый Шанага, на границѣ чахарскихъ хошуновъ гули-шара къ западу и хуботу-шара къ сѣверо-востоку и отчасти къ востоку. Впрочемъ непосредственно на востокъ отсюда залегаютъ еще не хошунныя земли, а угодья, выдѣленныя изъ этихъ земель подъ пастьбища такъ называемаго «вангійнъ сурука». Ванъ этотъ, маньчжуръ по происхожденію, проживаетъ постоянно въ Пекинѣ и извѣстенъ у Монголовъ подъ именемъ Хо-цинъ-вана. Въ данной мѣстности онъ имѣетъ три сурука лошадей, шесть суруковъ рогатаго скота и два сурука овецъ. Скотъ его пасутъ чахары на общемъ условіи годоваго приращенія каждаго вида скота въ 20%. Ванъ пріѣзжаетъ изъ Пекина всегда черезъ три года и въ каждый пріѣздъ назначаетъ, по собственному усмотрѣнію, извѣстное число скота къ продажѣ. Проживаетъ онъ при своемъ сурукѣ обыкновенно очень не долго, или по крайней мѣрѣ такой періодъ времени, въ который совершить дѣйствительно продажу скота буквально не возможно. На сей конецъ для каждаго рода животныхъ установлены извѣстныя цѣны: лошадь считается въ 6 ланъ 4 цина, корова въ 4 лана 4 цина, а овца въ 6 циновъ, и пастухи обязаны выдать вану сумму согласно этимъ цѣнамъ и количеству назначеннаго имъ въ продажу скота. Предположимъ, что прибывшій ванъ опредѣлилъ продать изъ извѣстнаго сурука 100 лошадей; это значитъ, что пастухи этого сурука должны внести ему 640 ланъ серебра и, получивъ эти деньги, ванъ уѣзжаетъ, вычеркивая изъ списка убылое число лошадей, а пастухи засимъ вольны продать этихъ лошадей по какимъ имъ угодно цѣнамъ и дальнѣйшій процентный счетъ прибыли ведутъ уже изъ суммы разности, произшедшей отъ вычета убылого скота. Чахары говорятъ, что всѣ пастухи вана наживаются страшно, ибо они имѣютъ въ свою пользу не только весь приплодъ свыше 20%, но получаютъ еще и значительные барыши при дѣйствительной продажѣ скота, беря за лошадь иногда 10, а иногда и 15 ланъ. Помимо сего нѣкоторый доходъ имъ доставляютъ еще самыя земли пастьбищъ. Оставаясь единственно въ распоряженіи пастуховъ и лишенные высшаго надзора, земли эти сильно вытравливаются калганскими китайскими скотопромышленниками, которые пасутъ здѣсь тысячныя стада своихъ овецъ, уплачивая за

это пастухамъ, хотя и весьма незначительную, сумму деньгами, или хлѣбомъ. Наконецъ помимо этихъ доходовъ ванскіе пастухи получаютъ еще и прямое жалованье, въ размѣрѣ 16 ланъ серебра въ годъ каждый.

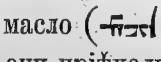
Оставивъ караулъ Шанагà въ 11 ч. 20 м., мы продолжали путь по той же долинѣ до чахàрскаго поселка Дэнъ-усутàй, а засимъ въ 1 ч. 20 мин. вступили въ горы и начали подниматься по длиннѣйшему пологому увалу, тянущемуся на 20 ли и называемому чахарами Хорѝнъ гацзарьѝйнъ обō. Подъемъ этотъ въ административномъ отношеніи важенъ какъ пограничный пунктъ, къ западу пастьбищъ Хо-цинъ-вана, а къ востоку пастьбищъ Тай-фу-сы, собственно восточной ихъ половины (чжӯнъ-гàръ). Съ внѣшней стороны онъ представляетъ собою плоскую возвышенность, во множествѣ испещренную отдѣльно стоящими невысокими холмами. На всемъ протяженіи этихъ 20 ли подъема нѣтъ ни воды, ни поселеній, а потому мѣсто это извѣстно какъ пріютъ всякаго рода разбойниковъ. Въ 2 ч. пошелъ довольно сильный снѣгъ и это при температурѣ постепенно, но быстро упавшей на 9° (Въ 12 ч. было +9°; въ 2 ч. +4°, въ 3 ч. —0°). Въ 2 ч. 30 м. поднялись на вершину перевала, гдѣ дѣйствительно нашли обō. Оно ничѣмъ не отличается отъ обычной груды камней этого рода, но пользуется большимъ уваженіемъ у всѣхъ здѣшнихъ путниковъ какъ обиталище хранительнаго духа; на южной сторонѣ обō между прочимъ устроено подобіе воротъ съ водруженною на нихъ доскою, на которой китайскими іероглифами обозначено, что двѣ долбнъ-нӯрскихъ торговыхъ фирмы, счастливо избавившись отъ нападавшихъ на нихъ здѣсь разбойниковъ, въ счастливый день 6-й луны 17 года правленія Гуанъ сюй (1891) чествовали это обō принесеніемъ ему въ жертву барана, хадакòвъ и курительныхъ свѣчей. Спускъ съ перевала носитъ совершенно тотъ же характеръ что и подъемъ на него: онъ пологъ, ровенъ и настолько обширенъ, что мы почти незамѣтно въ 3 ч. 40 м. перешли изъ него въ такую же широкую равнину Сяо-цзянь-тань, на которой кочевали чахàры знамени хӯбōтӯ шарà, а въ 4 ч. 55 м., переваливъ черезъ пологій увалъ, продолжали путь по холмистой равнинѣ Чжанъ-ма-цзинь. Она получила свое названіе отъ ключа, обдѣланнаго въ хорошій колодецъ, изъ котораго засимъ вытекаетъ ручей, носящій тоже имя Чжанъ-ма-цзинь (張麻井). Въ деревнѣ, стоящей при этомъ ручьѣ, мы остановились для ночлега.

11-е Апрѣля. Воскресенье.

6 ч. —9°; 9 ч. —6°; 12 ч. —4°; 3 ч. —2°; 6 ч. —0; 9 ч. —7.

Всю ночь шелъ снѣгъ и покрылъ землю снѣжною пеленою толще $^1/_4$ аршина. Выѣхали въ 6 ч. 40 м. Дорога проходитъ холмистою, но необитаемою вслѣдствіе безводія степью до поселка Хэ-ту-ба (黑土凹),

въ который мы прибыли въ 11 ч. 50 м. и остановились для полдника. Оставивъ его въ 1 ч. 30 м., двинулись далѣе. Вьюга продолжается: снѣгъ и сѣверный вѣтеръ. Въ 3 ч. миновали деревню А-ляо-ръ, состоящую изъ 8 дворовъ, а черезъ полчаса послѣ сего проѣхали еще одну деревню, имя которой намъ осталось не извѣстнымъ, такъ какъ мы не встрѣтили здѣсь ни одного человѣка, — все населеніе укрылось отъ непогоды. За этою деревнею начались обработанныя поля на довольно далекое пространство. Въ 4 ч. 30 м. буря представила собою нѣчто поразительно ужасное. Страшные клубы пыли поднялись впереди насъ по дорогѣ и образовали собою желтую стѣну, соприкасающуюся облакамъ. Въ 5 ч. 45 м. переѣхали Шандàйнъ гóлъ, шириною въ 2 сажени и глубиною до $^1/_2$ арш. Отсюда къ востоку залегаетъ долина Шань-дя̀нь твердо песчанаго грунта, усѣянная мелкой галькой. Слѣдуя по этой долинѣ, мы въ 6 ч. 30 м. остановились для ночлега въ гостинницѣ поселка, носящаго тоже имя Шань-дянь-хэ (閃 電 河).

Постоялый дворъ этотъ былъ сплошь заставленъ телѣгами калганскихъ купцевъ, возвращавшихся изъ Долóнъ-нýра въ Калганъ. Выѣхавъ со своими товарами изъ Калгана въ Долóнъ-нýръ въ началѣ второй луны и расторговавшись тамъ, они везли теперь на продажу въ Калганѣ кунжутное масло (), соль, кожи и муку. Въ гостинницу Шань-дянь-хэ они пріѣхали еще третьяго дня и двое сутокъ уже не двигались за непогодой и вѣтромъ. Время ихъ, конечно, было проведено въ ѣдѣ, питьи и снѣ, а мой пріѣздъ доставилъ имъ еще новое развлеченіе. Является только вопросомъ, какъ высчитывать при условіяхъ такого отношенія къ торговому дѣлу оборотъ торговаго капитала?

12-е Апрѣля. Понедѣльникъ.

6 ч. —7°; 9 ч. —$1^1/_2$°; 12 ч. +2°; 3 ч. +4°; 6 ч. +4°; 9 ч. —1°.

Шань-дянь-хэ небольшая деревенька, недавно обоснованная выходцами изъ Долóнъ-нýра и населеніе ея, равно какъ и все китайское населеніе этихъ мѣстъ состоитъ въ вѣдѣніи долóнъ-нýрскаго Эрл-фу. Всю минувшую ночь продолжалъ дуть вѣтеръ и, по временамъ, падать снѣгъ. Къ утру вѣтеръ началъ стихать. Выѣхали въ 6 ч. 25 м. Отъ Шань-дянь-хэ слѣдуетъ раздѣленіе дороги, по которой мы ѣхали: дорога на Долóнъ-нýръ идетъ отсюда на сѣв.-востокъ, а чэнъ-дэ-фу'ская направляется къ юго-востоку. Мы двинулись по этой послѣдней. Мѣстность ея представляетъ собою холмистую степь, лишенную всякой культуры и обработки: китайцамъ здѣсь воспрещено селиться, такъ какъ настоящія земли отведены подъ кочевья чахàровъ. Впрочемъ чахàры, по словамъ шань-дянь-

хэ'сцевъ, кочуютъ здѣсь только лѣтомъ, а потому въ настоящую пору мы и не встрѣтили здѣсь ни одного чахарскаго аиля. Это безлюдье и необитаемость степи даетъ возможность спокойно и привольно пастись здѣсь многочисленнымъ стадамъ цзэрэновъ, которыя мы видѣли постоянно по обѣимъ сторонамъ дороги; нѣкоторыя изъ нихъ доходили по своей величинѣ до 200 и болѣе головъ. Въ 9 часовъ, миновавъ Шань-дянь-хэ'скую степь, мы вступили въ широкую и продолговатую котловину Ту-хо, отведенную подъ пашни и поселенія китайцевъ. Деревни ихъ усажены ракитами (бургасу), разросшимися въ большія и прекрасныя деревья и это были, кажется, первыя деревья, которыя встрѣтили мы по выѣздѣ изъ Калгана. За котловиною Ту-хо идутъ опять таки китайскія поселенія. Въ 10 ч. 30 м. мы миновали деревню Эрл-ши-у-хао, а въ 11 ч. 45 м. добрались до большаго поселка Ди-цзы-эрл-хао. (地字二號). Раскинутый по склону высокаго холма, поселокъ этотъ образовался еще въ года правленія Цзяцина и въ настоящую пору заключаетъ въ себѣ до 280 дворовъ. Все населеніе его представляетъ собою выходцевъ изъ провинцій Шань-дунъ и Шань-си. Здѣсь они занимаются исключительно хлѣбопашествомъ и избытокъ своихъ трудовъ продаютъ въ Долонъ-нӯрѣ. Оставивъ Ди-цзы-эрл-хао въ 1 ч. 15 м. дня, мы направились далѣе широкою и на все видимое пространство разработанною подъ нивы степью, полого, но замѣтно повышающеюся въ восточномъ направленіи. Телѣжный путь извивается узкою полосою среди полей и по нему въ 3 часа мы достигли селенія Ши-па-хао, заключающаго въ себѣ до 30 благоустроенныхъ дворовъ. Отсюда черезъ два часа ѣзды доѣхали до небольшой рѣчушки Ту-дао-хэ, текущей на югъ. На лѣвомъ берегу ея, приблизительно верстахъ въ 6, или 7, высоко поднимаютъ свои вершины двѣ скалы: одна изъ нихъ является въ видѣ отвѣсно-обрывистаго, продолговатаго утеса, — она называется Лама-шань; другая кажется кругловатою и состоитъ изъ пяти или шести коническихъ возвышеній, представляющихъ собою издали какъ бы развалины башень какого нибудь древняго замка; мѣстные китайцы зовутъ ее Лю-цза-шань (т. е. Печь-гора). Въ 5 ч. 45 м. мы увидали на разстояніи версты въ правой сторонѣ отъ дороги деревню Сань-цзю-и-ръ, въ которой, говорятъ имѣется прекрасная гостинница, составляющая обычное мѣсто остановки путниковъ, но мы проѣхали ее и, миновавъ засимъ деревушку Ба-тоу въ 4-е двора, въ 6 ч. 20 мин. остановились въ такой же деревушкѣ Сяо-сюй.

13-е Апрѣля. Вторникъ.

6 ч. —2°; 9 ч. +11°; 12 ч. +15°; 3 ч. +16°; 6 ч. +14°; 9 ч. +8°.

Вѣтеръ стихъ и день обѣщалъ быть если не яснымъ, то теплымъ.

Мы выѣхали въ 6 ч. 5 м. и первоначально продолжали путь по той же долинѣ, которая началась для насъ еще вчера отъ поселка Ди-цзы эр-хао. Въ 6 ч. 45 м. сдѣлавъ весьма не высокій подъемъ, подъѣхали къ деревушкѣ Ба-гоу, стоящей, какъ показываетъ то и самое названіе, въ ущельи, или вѣрнѣе сказать у вершины ущелья. Давно уже мало по малу повышавшаяся долина въ этомъ мѣстѣ съузилась, окружавшія ее горы подступили съ боковъ и, взобравшись на гребень ихъ по помянутому невысокому подъему, мы увидали впереди себя ущелье, по которому извивается ручей Да-хэ. Въ настоящую пору онъ уже проснулся отъ своей зимней спячки и весело журчалъ своими водами, хотя мѣстами протекалъ еще подъ покровомъ своей ледяной и снѣжной коры. Слѣдуя по берегу этого ручья, мы могли видѣть постепенное увеличеніе его русла и водъ, пріумножающихся главнымъ образомъ ключами. Къ 8 часамъ онъ образовалъ собою уже довольно значительную рѣчку, постоянное русло которой имѣло ширины не менѣе двухъ саженей. Здѣсь ущелье образуетъ собою небольшую террасу, на которой ключи составили цѣлое озеро, саженей на 50 въ окружности. Въ озеро это вливается Да-хэ, а вытекая изъ него, получаетъ уже названіе Усу̀-тӯру̀нъ. Въ 9 часовъ мы миновали выдающуюся по своей величинѣ гору Улāнъ-шань; она стоитъ на лѣвомъ берегу Усу̀-тӯру̀на и получила свое имя, несомнѣнно, отъ краснаго цвѣта составляющихъ ее обнаженныхъ камней. Издали гора эта кажется имѣющею форму сѣдла, а вблизи представляется громаднѣйшимъ утесомъ. Въ 10 ч. 50 м. мы достигли небольшой деревушки Цзю-шэнь-мяо (九神廟) и остановились въ ней для отдыха. Сама по себѣ эта деревушка въ семь дворовъ бѣднѣйшихъ хлѣбопашцевъ не представляетъ ничего выдающагося, но въ ней находится хорошо устроенная казенная кумирня, воздвигнутая, кажется, какъ пограничный знакъ раздѣла земель Фынъ-нинъ-сянь'скаго уѣзда и долōнъ-нӯрскаго вѣдомства. Такимъ образомъ мы вступили отсюда въ Фынъ-нинъ-сянь'скій уѣздъ чэнъ-дэ-фу'скаго департамента, т. е. въ земли по своему управленію не отличающіяся отъ управленія во внутреннемъ Китаѣ.

Здѣсь я почитаю умѣстнымъ сказать, что департаментъ Чэнъ-дэ-фу и его границы были опредѣлены еще въ года правленія Канъ-си, хотя въ ту пору они существовали на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Управленіе здѣсь раздѣлялось тогда на приставства, или «тин'ы» (廳). Въ центрѣ находился Жэ-хэ тинъ; на юго-западѣ Хара̀-хото̀нъ тинъ; на сѣверо-западѣ Су-ши-тинъ; на востокѣ Па-гоу тинъ; еще далѣе на восточной окраинѣ,—Та-цзы-гоу тинъ. Позднѣе изъ сѣверной части приставства Па-гоу былъ образованъ отдѣльный округъ съ именемъ Улāнъ-хада̀, а изъ восточной части

приставства Та-цзы-гоу еще особый округъ съ именемъ Сань-цзо-та. Въ 43-мъ году правленія Цянь-луна (1778) сказанная система административнаго дѣленія была измѣнена и съ этой собственно поры страна и стала уравненною въ управленіи съ провинціями внутреннихъ земель; въ тоже время и административнымъ пунктамъ были даны тѣ самыя имена, которыя они сохраняютъ доселѣ. Жэ-хэ тинъ избранъ былъ главнымъ городомъ департамента и наименованъ «фу» (府), съ подчиненіемъ его вѣдомству шести остальныхъ округовъ. Па-гоу-тинъ сдѣланъ округомъ второй степени, «чжоу» (州), и центръ его управленія опредѣленъ въ городѣ Пинъ-цюань чжоу (平泉州); остальные пять округовъ были причислены къ административнымъ пунктамъ третьей степени, названы уѣздами, «сянь» (縣), и центрами управленія ихъ избраны; 1) Луань пинъ сянь (灤平) вм. прежняго Харà-хотòнь; 2) Фынъ нинъ сянь (豐甯) вм. прежняго Су-ши; 3) Чи-фынъ-сянь (赤峰) вм. прежняго Улāнъ-хадà; 4) Цзянь-чанъ-сянь (建昌) вм. прежняго Та-цзы-гоу и 5) Чао-янъ сянь (朝陽) вм. прежняго Сань-цзо-та.

И такъ, оставивъ въ 12 ч. 5 м. Цзю-шэнь-мяо, мы формально, но не фактически оказались въ предѣлахъ внутренняго Китая и продолжали спускаться по тому же ущелью. Въ 1 ч. 25 м. достигли деревни Чжанъ-пинъ-инъ-цза, заключающей въ себѣ всего два двора; отъ нея по ущелью начинаютъ довольно часто попадаться одиноко стоящія деревья. Здѣсь мы сняли видъ этого ущелья, а нѣсколько ниже сего намъ предстало поразительное зрѣлище: русло рѣки съуживается, берега становятся выше и здѣсь то эта маленькая всего въ $^1/_4$ аршина глубиною рѣчушка течетъ подо льдомъ, слой котораго мѣстами доходитъ до 4 арш. 11 вершковъ толщины. Можно представить сколько нужно времени для образованія такой накипи. Въ 4 ч. 50 м. мы достигли конца ущелья, заключающагося двумя чрезвычайно красивыми скалами, столько же высокими, сколько массивными, и вообще пропорціональными. Мѣсто это называется китайцами «Гоу-мынь-цза»; отъ него дорога вступаетъ въ долину р. Луань-хэ и, черезъ 20 мин. ѣзды шагомъ, путники могутъ доѣхать по ней до поселка Сэнчжитўй, имя котораго также измѣнено китайцами въ Гоу-мынь-цза (溝門子). Поселокъ этотъ не великъ, не болѣе 45 дворовъ. Населеніе его, исключительно китайское, занимается земледѣліемъ, но помимо сего промышляетъ и торговлею, направляясь съ указанною цѣлью, по установившимся традиціямъ, почти исключительно въ одинъ пунктъ, — Дарй хангà. Товары, — чай, бумажныя матеріи и кое какія желѣзныя и деревянныя издѣлія, — пріобрѣтаются ими въ Долōнъ-нўрѣ, отстоящемъ отъ Гоу-мынь-цза не болѣе какъ въ 90 ли пути. Не смотря на эту промышленность, Гоу-мынь-

цза настолько бѣдна, что въ ней, какъ и въ другихъ деревняхъ, которыя мы доселѣ проѣхали, нельзя было достать мяса и мы, по обычаю, должны были питаться, пріобрѣтя курицу за 250 чеховъ, что составитъ на наши деньги приблизительно 40 коп. за штуку.

Самымъ интереснымъ предметомъ въ Гоу-мынь-цза представлялось для насъ достиженіе береговъ р. Луань-хэ. Мало изслѣдованная рѣка эта, какъ извѣстно, является единственною въ юго-восточной Монголіи рѣкою, несущею свои воды на югъ, въ Пекинскую равнину; всѣ маленькія рѣчки и рѣчушки, текущія въ томъ же направленіи, принадлежатъ системѣ Луань-хэ. Съ своей стороны, не будучи въ состояніи прослѣдить теченіе этой рѣки, мы постарались пріобрѣсти о ней свѣдѣнія хотя на столько, на сколько сообщаетъ о томъ лучшее изъ китайскихъ историко-географическихъ изслѣдованій чэнъ-дэ-фу'скаго департамента, извѣстное подъ именемъ «Жэ-хэ чжи-ляо».

«Рѣка Луань-хэ» (灤河), говоритъ означенное сочиненіе, «беретъ свое начало въ 130 ли на сѣверо-востокъ отъ прохода великой стѣны Души-коу, у горы Баянь-тугуръ шань, находящейся въ земляхъ монгольскихъ кочевьевъ. Вначалѣ она течетъ 150 ли въ сѣв.-западномъ направленіи, по территоріи, подвѣдомственной ямуню Ду-ши-коу тинъ, до мѣстности, извѣстной подъ именемъ Шанду-дянь, а засимъ входитъ в ъсѣверную часть земель, подвѣдомственныхъ Долонъ-нуръ тин'у; отсюда она поворачиваетъ и течетъ на сѣверо-востокъ, огибаетъ съ южной стороны древній городъ Кай-пинъ-чэнъ и, нося здѣсь имя Шанду хэ, поворачиваетъ засимъ подъ тѣмъ же именемъ на юго-востокъ, протекая до урочища Лютяо-гоу. Всего въ предѣлахъ Ду-ши-коу'скаго и Долонъ-нурскаго вѣдомствъ она течетъ 470 слишкомъ ли и входитъ въ уѣздъ Фынъ-нинъ-сянь (вѣдомства 4-хъ знаменъ), т. е. собственно въ южную часть земель, подвѣдомственныхъ чахарскому желтому съ каймою знамени. Отъ этихъ границъ она течетъ до поселка Сэнчжитуй-синь, проходя съ восточной стороны онаго; потомъ—на югъ до кумирни Да-мяо, отсюда поворачиваетъ на востокъ, потомъ на юго-западъ, потомъ на юго-востокъ, потомъ опять на востокъ до моста Цзю-цай-лянъ. За мостомъ, продолжая свое теченіе въ восточномъ направленіи, она вступаетъ въ земли простого бѣлого знамени и далѣе, протекая на востокъ же мимо горы У-фынъ, доходитъ до военнаго поселка Го-цзя-тунъ. Проходя мимо этого поселка съ сѣверо-восточной стороны, она неподалеку отсюда принимаетъ въ себя рѣку Сяолуань-хэ и отселѣ главное русло рѣки усвояетъ себѣ названіе Луань-хэ. Здѣсь рѣка поворачиваетъ на югъ и течетъ до горы Да-дуй-шань, потомъ поворачиваетъ на востокъ, потомъ снова на югъ до поселка Бэй-дянъ, и

далѣе, вступивъ въ земли бѣлого съ каймою знамени, течетъ на югъ до деревни Синъ-лунъ-чжуань. Всего она проходитъ по территоріи уѣзда Фынъ-нинъ-сянь 418 ли. Отсюда Луань-хэ входитъ въ южную часть уѣзда Луань-пинъ-сянь и, протекая нѣкоторое разстояніе, сворачиваетъ на юго-западъ, а потомъ опять повертываетъ на юго-востокъ до Чанъ-бо-луань, на сѣверной сторонѣ котораго сливается съ рѣкою Синъ-чжоу-хэ, притекающею сюда съ запада. Здѣсь Луань-хэ поворачиваетъ на востокъ, сливается съ общимъ русломъ рѣкъ Иматӯ-хэ и Исӯнь-хэ, приходящимъ съ сѣвера, а потомъ принимаетъ въ себя Жао-харà хотòнь, на сѣверной сторонѣ синъ гун'а (походнаго дворца). Отсюда она течетъ на востокъ и засимъ на юго-востокъ до Ши-мынь-цза. Всего протекаетъ она по уѣзду Луань-пинъ-сянь 218 ли и входитъ въ пограничныя восточныя земли департамента Чэнъ-дэ-фу, гдѣ течетъ до Ся-инъ-цза и сливается съ рѣчкою Жэ-хэ, притекающею съ сѣверо-востока. Отъ этого впаденія Луань-хэ поворачиваетъ на югъ и проходитъ мимо города Шанъ-пань-чэнъ до устья рѣки Бай-хэ; здѣсь же сливается съ нею Цинъ-бай-хэ, текущая съ запада и засимъ Лао-ню-хэ, текущая съ сѣверо-востока. Послѣ сего Луань-хэ течетъ на юго-востокъ, протекаетъ мимо города Ся-пань-чэнъ принимаетъ въ себя р. Лю-хэ, текущую сюда съ запада и засимъ сливается съ Цзюй-хэ, приходящей также съ запада. Отсюда Луань-хэ течетъ до Мынь-цзы-сяо, находящейся на границѣ округа Пинъ-цюань-чжоу. Всего по землямъ, управляемымъ непосредственно въ департаментѣ Чэнъ-дэ-фу, Луань-хэ течетъ 220 ли и засимъ хотя и весьма незначительное пространство протекаетъ по уѣзду Цянъ-ань-сянь департамента Юнъ-пинъ-фу, внѣ великой стѣны. Отсюда Луань-хэ переходитъ въ западную часть уѣзда Пинъ-цюань-чжоу и сливается здѣсь съ рѣками: Хуанъ-хуа-чуань, Цинъ-хэ, Гоу-хэ, течетъ до прохода великой стѣны Фань-цзя коу и вступаетъ засимъ въ предѣлы собственнаго Китая, гдѣ теченіе ея до устья уже весьма незначительно».

Зная все вышеизложенное, я легко могъ опредѣлить въ какомъ именно мѣстѣ пришлось мнѣ увидѣть Луань-хэ, чтобы, хотя по возможности, провѣрять автора Жэ-хэ чжи-ляо и въ указаніи направленія теченія рѣки онъ въ самомъ дѣлѣ оказался безукоризненно точнымъ. Къ поселку Сэнчжитӯ рѣка дѣйствительно приходитъ съ востока и протекаетъ по долинѣ его почти прямо на западъ, а засимъ, будучи преграждаема утесами Гоу-мынь-цза, поворачиваетъ на югъ. Въ одномъ только является нѣкоторая не точность, это въ утвержденіи относительно названія рѣки. Съ кѣмъ и какъ я ни разговаривалъ, всѣ называли мнѣ эту рѣку Луань-хэ, а не Шàнду-хэ; ergo названіе Луань-хэ рѣка усвояетъ себѣ гораздо раньше впаденія въ нее

Сяо-луань хэ, хотя Жэ-хэ-чжи сообщаетъ противное. Впрочемъ очень можетъ быть, что послѣднее названіе утвердилось за рѣкою лишь въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ наплыва сюда китайскаго населенія съ юга, которому рѣка эта всегда была извѣстна подъ именемъ Луань-хэ; тогда какъ въ періодъ написанія Жэ-хэ-чжи здѣсь кочевали еще чахары, которые, по живой связи своей съ сѣверомъ, звали эту рѣку Шанду-хэ, какъ и до нынѣ зовутъ ее къ сѣверу отъ Долонъ-нуръ.

14-е Апрѣля. Среда.

6 ч. +1°; 9 ч. +13°; 12 ч. +18°; 3 ч. +16½°; 6 ч. +15°; 9 ч. +7½°.

Выѣхали въ 6 ч. 20 м. и саженяхъ въ 200 отъ поселка Сэнчжитуй переѣхали Луань-хэ по оригинально устроенному мосту. Изъ вѣтвей тальника сплетены продолговатыя корзины, имѣющія въ длину сажени полторы, а въ ширину около аршина съ четвертью. Корзины эти опущены въ воду, наполнены камнями и такимъ образомъ устроены быки моста; поверхъ ихъ устланы жерди, набросаны вѣтви, насыпанъ навозъ, перемѣшанный съ пескомъ и — мостъ готовъ. Устроивается онъ по распоряженію Фынъ-нин'скаго чжи-сяня и принадлежитъ казнѣ, имѣя своимъ прямымъ назначеніемъ служить для казенныхъ сообщеній застѣннаго Китая съ Долонъ-нуромъ, тѣмъ не менѣе по мосту этому ѣздятъ всѣ, не внося за это никакой платы. Луань-хэ у мѣста нашей переправы имѣла до 20 саж. ширины. Теченіе ея, какъ и всякой горной рѣки, очень быстрое и имѣетъ массу водоворотовъ, очевидно, въ мѣстахъ громадныхъ подводныхъ камней. Въ общемъ рѣка не глубока и рѣдко достигаетъ аршина, но она имѣетъ много омутовъ, особливо у лѣваго берега. Въ этихъ омутахъ водится рыба, только очень мелкая, такъ что даже бѣднѣйшее китайское населеніе пользуется ею рѣдко и скорѣе ловятъ ее люди богатые, находящіе удовольствіе ходить и сидѣть съ удочками. Переѣхавъ на лѣвый берегъ Луань-хэ, мы съ полверсты двигались вверхъ по ея теченію, а засимъ повернули прямо на югъ, въ падь горнаго ручья Сань-цза гол, впадающаго въ Луань-хэ. Этою падью мы поднимались до 7 ч. 15 мин., пока достигли истоковъ Сань-цза, берущаго начало на самой вершинѣ пади изъ небольшаго подгорнаго ключа. Спустившись отсюда, въ 7 ч. 45 м. достигли другой пади, имѣющей уже ВЮВ направленіе. Текущій по этой пади потокъ мнѣ назвали Сяо-хэ-цза. Рѣчушка эта широко разлилась по пади и въ данное время лежала еще подо льдомъ: проснувшіяся воды ея катились или подъ ледянымъ настомъ, или поверхъ онаго. Впрочемъ присутствіе этого льда нисколько не улучшало нашей дороги, ибо онъ не покрывалъ собою тѣхъ камней, которыми буквально усыпана падь на всемъ своемъ протяженіи.

О земледѣліи здѣсь не можетъ быть и рѣчи: пашни встрѣчались намъ очень рѣдко и не иначе какъ расположенными узкими продольными полосами по скатамъ горъ, поднимаясь иногда на значительную высоту; но въ большинствѣ горы каменисты и представляютъ собою почти отвѣсные утесы. Одинъ изъ такихъ утесовъ, встрѣтившійся намъ въ 8 ч. 20 м., невольно обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ срединѣ его, на высотѣ приблизительно 15 саж. отъ земли, имѣется ровная, какъ бы умышленно пробитая полукругомъ скважина, проникающая насквозь черезъ всю толщину утеса. Мѣсто это еще доселѣ хранитъ за собою монгольское названіе «Онгорхòй хадà». Въ 10 минутахъ ѣзды ниже его встрѣчается китайская деревня Лю-цзянъ-ю, представляющая собою поселокъ исключительно пещерный. Всѣ эти пещеры устроены по одному общему типу, который, повторю здѣсь, былъ наблюдаемъ мною и на хўхў-хотòской дорогѣ хотя въ ту пору я и не описалъ его подробно. Внутренность пещернаго жилища обыкновенно представляетъ собою три равныхъ комнаты, изъ коихъ срединная является какъ бы прихожей, а по бокамъ располагаются двѣ жилыя. Обычная высота пещернаго жилища отъ $3^1/_2$ до 4-хъ арш.; потолки всегда устроиваются сводомъ, двери и окна не иначе какъ въ различныхъ стѣнахъ и притомъ посрединѣ помѣщенія или комнаты. Въ обстановкѣ китайское пещерное жилище ничѣмъ не разнится отъ обычнаго бàйшина: тотъ же канъ, таже печь, а прочее повсюду зависитъ отъ степени состоятельности хозяевъ. Зимою хорошее пещерное жилище, говорятъ, даже теплѣе глинобитной фанзы, а лѣтомъ прохладнѣе ея; слѣдовательно помѣщеніе это лучше обыкновенного китайского жилища, и тѣмъ не менѣе въ пещерахъ живутъ въ Китаѣ только крайніе бѣдняки. Тоже самое повстрѣчали мы и здѣсь: бѣдность этихъ поселянъ была такая, что они не имѣли у себя даже рогожки, обычно постилаемой на канѣ. Хлѣбопашества они у себя не имѣютъ, а живутъ, занимаясь собираніемъ дровъ и продажею ихъ по близъ лежащимъ селеніямъ; такимъ образомъ добывается ими пропитаніе изо дня въ день. Впрочемъ и жизнь хлѣбопашцевъ здѣсь не особенно лучше и, можетъ быть, сопряжена еще съ большими трудами и затратою силъ. Оставивъ Лю-цзянъ-ю въ 9 часовъ утра, мы къ 10 часамъ прибыли въ селеніе Цинъ-ши-ла, жители коего занимаются именно хлѣбопашествомъ, пашни же ихъ, какъ оказалось, располагаются на самой вершинѣ скалы, высящейся саженей на 50 надъ ущельемъ. Такъ какъ весь этотъ людъ былъ занятъ теперь паханіемъ земли, то я снялъ себѣ фотографическій снимокъ ихъ работъ. Съ половины 11-го часа снова начался вѣтеръ, который въ соединеніи съ каменистостью пути дѣлаетъ движеніе просто невыносимымъ: являешься способнымъ не наблюдать, а только браниться.

Пашни проходятъ исключительно по вершинамъ скалъ и замѣчательно, при всемъ неудобствѣ и трудности въ обработкѣ здѣшнихъ земель, за нихъ уплачивается еще $^1/_{10}$ часть урожая въ казну, въ видѣ подати, да сверхъ того аренда казеннымъ учрежденіямъ, или частнымъ лицамъ. Мѣстные поселяне имѣютъ здѣсь собственныхъ земель очень мало, а арендуютъ ихъ у казны, внося деньги въ Фынъ-нинъ-сяньскій ямунь. Не болѣе какъ лѣтъ 100 тому назадъ здѣсь повсюду кочевали чахары и въ ту пору они, по благочестію, поднесли отдѣльные участки здѣшнихъ земель Чжанчжа гэгэну; такимъ образомъ по мѣстамъ находятся здѣсь и Чжанчжа-гэгэновскія владѣнія, сдаваемыя въ арендное пользованіе китайцамъ уже долонъ-нурскимъ саномъ (казнохранилищемъ) этого гэгэна. Въ 12 ч. 20 м. мы достигли китайскаго поселка Янь-цзы-ва, (燕子窑) состоящаго изъ 26 дворовъ и остановились здѣсь на полуденный отдыхъ. Поселокъ раскинутъ по горному скату пади, между тѣмъ какъ дно ея сплошь усѣяно громадными валунами. Мѣстные хэшаны воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы устроить сборъ съ проѣзжающихъ на содержаніе своей кумирни и взимаютъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ 10 до 50 чеховъ за телѣгу, въ случаѣ же не уплаты, они не пропускаютъ по дорогѣ черезъ деревню и предлагаютъ ѣхать по дну ущелья. Конечно, всѣ уплачиваютъ этотъ самовольный и безконтрольный сборъ за исключеніемъ лишь китайскихъ чиновниковъ, которые смотрятъ сквозь пальцы на незаконный поборъ народа и, можетъ быть, пользуются даже отдѣльными за это приношеніями со стороны хэшановъ.

Жители поселка Янь-цзы-ва, не имѣющіе собственныхъ земель, арендуютъ ихъ въ санѣ Чжанчжа гэгэна съ платою по 200 чеховъ за му въ годъ. Двинувшись въ дальнѣйшій путь въ 1 ч. и 45 м. дня, мы обогнали караванъ въ 25 верблюдовъ, идущій съ солью въ Фынъ-нинъ-сянь; хэшаны и съ него взяли 50 чеховъ, считая по 2 чеха за верблюда. Почти отъ самаго поселка Янь-цзы-ва начинается подъемъ на очень высокій, крутой и трудный перевалъ, носящій тоже названіе Янъ-цзы-ва ба. На вершину его мы взобрались только въ 3 часа. Отсюда начался для нашей дороги спускъ по ущелью Байнъ-гоу. Ущелье это узко, изобилуетъ высочайшими, отвѣсно стоящими базальтами, являющимися въ видѣ обнаженныхъ и дикихъ скалъ. Виды здѣсь поразительны своею красотою, за то дорога по ущельямъ совершенно неразчищена и представляетъ собою путь, неимовѣрно трудный для проѣзда. По ущелью течетъ потокъ, въ вершинѣ своей имѣющій ширины не свыше полуаршина. Онъ называется Чокотанъ-цза и, протекая по ущелью Байнъ-гоу версты три (1 часъ нашей ѣзды), впадаетъ въ Сяо-луань-хэ. Въ горную падь, по которой стре-

мится эта послѣдняя рѣка, мы выѣхали изъ ущелья Байнъ-гоу ровно въ 4 часа.

О теченіи Сяо-луань-хэ находятся нѣкоторыя свѣдѣнія въ сочиненіи Жэ-хэ-чжи, при чемъ сочиненіе это сообщаетъ, что означенная рѣка на-

Видъ ущелья Баинъ-гоу близъ Янъ-цзы-ва.

зывается еще «Курцилэ-хэ»; мы рѣшительно нигдѣ не слыхали этого названія и, по всей вѣроятности, это старинное имя рѣки, которое теперь совершенно неизвѣстно въ народѣ. Сяо-луань-хэ, по Жэ-хэ-чжи, беретъ свое начало въ области императорскихъ облавъ, изъ хребта Синъ-ань-линъ. Въ первоначальномъ теченіи своемъ она соединяется со множествомъ маленькихъ ручьевъ и рѣчекъ, имѣя преимущественное направленіе на юго-западъ, а засимъ поворачиваетъ на югъ и входитъ въ ограду Ла-су-дай гэнъ; далѣе она протекаетъ мимо горы Пань-бянь-шань и вступаетъ въ предѣлы, подвѣдомственные управленію четырехъ знаменъ (фынъ-нинъ-сянь'скаго уѣзда), собственно въ территорію простого бѣлого знамени. Продолжая отсюда сохранять то же южное направленіе, она проходитъ мимо ущелья Жэ-шуй-гоу, гдѣ сливается съ ручьемъ Вэнь-цюань, а далѣе въ сѣверо-восточной сторонѣ поселка Го-цзя-тунъ впадаетъ въ Луань-хэ [1]). — Судя по этому описанію, мы выѣхали на берега Сяо-луань-хэ не

1) Жэ-хэ-чжи. Цз. 69 л. 24.

особенно далеко отъ ея истоковъ, только рѣка имѣла здѣсь уже не юго-западное, а юго-восточное направленіе. Имѣютъ ли окружающія ее горы общее названіе хребта Синъ-ань, этого не сказалъ мнѣ никто изъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ у нихъ извѣстны только частныя названія да и то по большей части не горъ, а ущелій, раздѣляющихъ эти горы. Падь, по которой течетъ Сяо-луань-хэ, имѣетъ по началу ширины до 300 саж., а ниже нѣсколько расширяется; окружающія ее горы мѣстами также утесисты, но уже не сравнимы съ Байнъ-гоу'скими: большая часть ихъ имѣетъ пологіе и мягкіе скаты. Какъ совершенная новость для нашихъ глазъ явилось то, что по этимъ горнымъ скатамъ начали показываться березовыя рощи; теперь они стояли впрочемъ еще обнаженными [1]). Въ 4 ч. 50 м. мы достигли не большой деревеньки, именуемой Ту-чэнъ-цза и заключающей въ себѣ 6 дворовъ. Поселокъ располагается на пригоркѣ, вѣроятно, составляющемъ земляной валъ стариннаго города, какъ указываетъ то названіе «Ту-чэнъ-цза». Въ 15 минутахъ ѣзды ниже по ущелью находится поселокъ Чжи-цзо-цза, гораздо большій Ту-чэнъ-цзы, а главное, — богатѣйшій ея. Здѣсь находится 11 весьма зажиточныхъ дворовъ и въ томъ числѣ четыре хорошихъ постоялыхъ подворья. Далѣе внизъ отсюда поселки, встрѣчающіеся въ пади, по которой течетъ Сяо-луань-хэ, располагаются въ большинствѣ случаевъ при устьяхъ ущелій, соприкасающихся этой пади, а потому почти всѣ они носятъ названіе воротъ ущелья. Таковыми попались намъ: въ 6 ч. 15 м. Лю-ды-гоу мынь-р (произносимое «мо̄р») — въ 4 двора; въ 6 ч. 40 м. Сань-ды-гоу мынь-р — въ 7 дворовъ; въ 7 ч. 10 м. По-цуй-ла-цза-гоу-мынъ-р — въ 2 двора. Почти у самаго этого поселка падь, а вмѣстѣ съ нею и рѣка поворачиваютъ прямо на югъ и черезъ полчаса ѣзды отъ сказаннаго поворота мы въ 8 ч. 5 м. достигли поселка Гуань-ди (官地), гдѣ и остановились для ночлега.

15-е Апрѣля. Четвергъ.

6 ч. +5°; 9 ч. +14½°; 12 ч. +18°; 3 ч. +18°; 6 ч. +15°; 9 ч. +4°.

Гуань-ди можно назвать поселкомъ военнопоселенцевъ. Всего здѣсь 56 дворовъ, въ коихъ проживаетъ до 50 семей солдатъ синяго съ каймою знамени. Назначеніе ихъ — охранять облавныя мѣста, отведенныя для императорской охоты. По увѣреніямъ здѣшнихъ китайцевъ, мѣста эти представляютъ собою квадратъ, каждая сторона котораго равняется по протяженію 400 ли. Для охраны облавныхъ мѣстъ учреждена особая стража

1) Какъ замѣчательную быстроту развитія листа нужно отмѣтить то, что на обратномъ пути 1-го мая мы нашли здѣсь уже все покрытымъ густою зеленью.

изъ знаменныхъ маньчжуровъ, состоящая подъ верховнымъ управленіемъ двухъ гàлай-дā, имѣющихъ свое мѣстопребываніе въ Танъ-санъ ин'ѣ. Составъ стражи исчисляется въ 1200 человѣкъ, каждый изъ которыхъ получаетъ по 24 ланы въ годъ содержанія и всѣ они отправляютъ свою службу, будучи распредѣлены по различнымъ военнымъ поселкамъ, опоясывающимъ облавную площадь со всѣхъ четырехъ сторонъ. Такъ какъ въ настоящее время императорскихъ охотъ уже не бываетъ, то охрана звѣрья значительно ослабѣла и солдаты болѣе сторожатъ отъ порубки лѣса и вѣковыя въ нихъ деревья, чѣмъ звѣря. Всѣ эти лѣса ростутъ только по горамъ, что же касается долинъ, то онѣ изъяты теперь отъ охраны: земли эти знаменныя и обработываются частію солдатами, а частію сдаются въ аренду вольнымъ хлѣбопашцамъ, съ доставкою арендной платы въ Пекинъ. Въ Гуань-ди эта плата исчисляется въ размѣрѣ 1 доу пшеницы съ каждого му пахатной земли. Помимо солдатъ и хлѣбопашцевъ въ Гуань-ди нѣтъ иныхъ жителей и, не смотря на относительную значительность этого поселка, въ немъ нѣтъ даже ни одной лавки, хотя постоялыхъ дворовъ считается болѣе 20-ти.

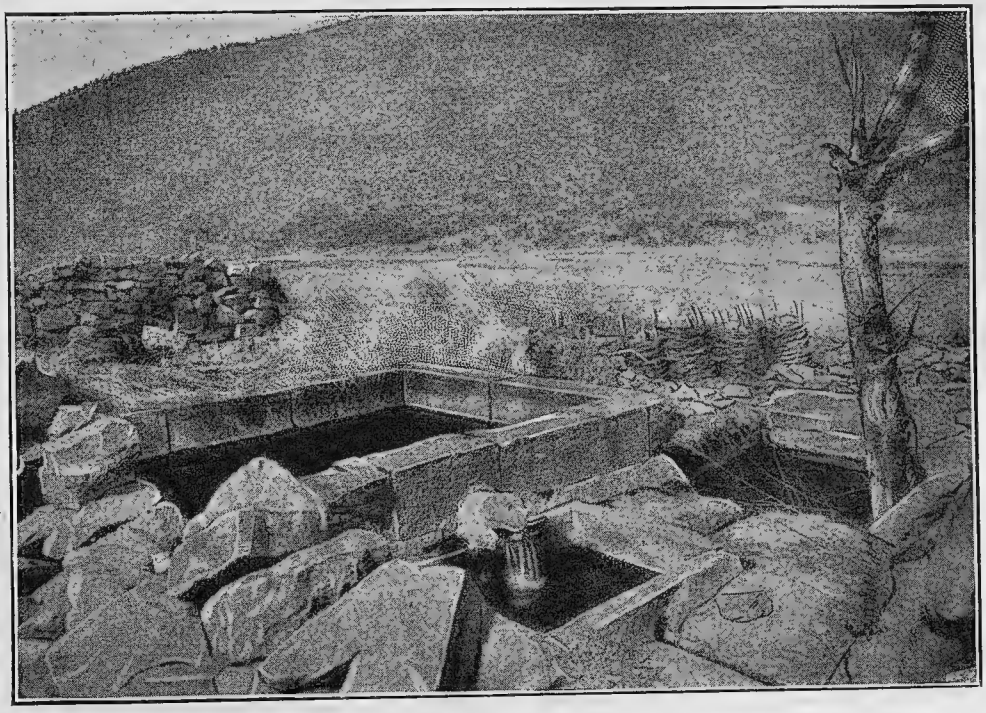
Мы оставили Гуань-ди въ 6 ч. 30 м. и направились къ югу, по той же пади, берегомъ Сяо-луань-хэ, которая имѣетъ здѣсь до 8 саженей ширины, но глубиною не превосходитъ полуаршина. Еще изъ поселка Гуань-ди мы усмотрѣли громаднѣйшую скалу, низпадающую книзу ровнымъ, точно обточеннымъ утесомъ. Подъѣхавъ къ этой скалѣ въ 7 ч. 30 м., мы узнали, что это именно и есть та самая Пань-бянь-шань (半边山), существованіе которой у береговъ Сяо-луань-хэ отмѣчаетъ Жэ-хэ-чжи. Сяо-луань-хэ омываетъ подножіе Пань-бянь шан'и; течетъ она здѣсь очень быстро и бурливо, по руслу, усѣянному большими камнями. Дорога проходитъ по утесу Пань-бянь узенькой тропинкой, едва возможной для проѣзда одной телѣги. Отъ поселка Гуань-ди, у Пань-бянь шан'и, и даже еще ниже ея по теченію рѣки, горная падь значительно расширяется и по ней разработано много пашень; впрочемъ такая культурная полоса продолжается очень не долго: черезъ полчаса ѣзды, отъ поселка Сяо-ва-цза, пашни мало по малу сокращаются и наконецъ въ 8 ч. 30 м. падь сдѣлалась глубоко песчаною. Двигаясь по этимъ пескамъ, мы въ 9 ч. 30 м. доѣхали до деревушки Янь-цзы-гоу-мынь-р, у которой падь съуживается выдающеюся съ лѣвой стороны скалою Ку-лэнъ шань. Скала, какъ показываетъ то и самое ея имя, имѣетъ у себя, подобно видѣнной нами вчера Онгорхòй ӯла, отверстіе, пронизывающее насквозь всю ея толщину: отверстіе возвышается надъ землею на высотѣ приблизительно 30 саженей и имѣетъ вѣроятно до 1 саж. ширины и сажени 3 вышиною. Интересны дѣйствительныя причины обра-

зованія всѣхъ этихъ скважинъ, китайцы же и монголы имѣютъ для происхожденія ихъ одно объясненіе: всѣ они пробиты вдревности стрѣлами богатырей. У скалы Ку-лэнь шань мы должны были переправиться на лѣвый берегъ Сяо-луань-хэ, которая имѣетъ здѣсь до 12 вершковъ глубины и течетъ двумя руслами, каждое шириною до 4 саж. Въ 10 ч. 45 м. достигли гостинницы Пинъ-ла-гоу мынь-ръ, гдѣ остановились для отдыха. Гостинница эта стоитъ пока одинокимъ зданіемъ въ пади и принадлежитъ мусульманамъ, прибывшимъ сюда два года назадъ изъ Тянь-цзина. Земля пріобрѣтена ими въ собственность, при чемъ оказалось, что песчано-каменистая мѣстность здѣшнихъ пространствъ даже не измѣряется обычною у китайцевъ мѣрою пахатныхъ земель на «му», а продается прямо на «ли». Содержатель нашей гостинницы пріобрѣлъ себѣ три ли, уплативъ за нихъ 80,000 чеховъ, т. е. около 50 ланъ серебра. При оплатѣ податей эти три ли земли считаются за 10 му, такъ что вся земельная подать, уплачиваемая этимъ громаднымъ землевладѣльцемъ, равняется 4 лан. 5 цин. въ годъ. Подати вносятся въ фынъ-нинъ-сянь'скій ямунь, который для сбора ихъ отряжаетъ особаго чиновника. Необходимо предположить, что недоимки по всему уѣзду очень большіе, такъ какъ, по словамъ нашего хозяина, онъ въ теченіе своего двухлѣтняго пребыванія здѣсь ни разу еще не платилъ податей и ограничивался принесеніемъ взятки сборщику, уплативъ ему въ первый разъ 2,000, а во 2-й 3,000 чжбсу; послѣдній же доложилъ ямуню о несостоятельности плательщика. Не такъ легко приходится отдѣлываться отъ уплаты повинности за содержаніе гостинницы. Содержателямъ постоялыхъ дворовъ здѣсь повсюду выдаются книги, въ которыя они обязаны вносить имена останавливающихся, съ обозначеніемъ кто, откуда, куда и на какихъ подводахъ ѣдетъ. Не записать проѣзжающихъ, равно какъ и записать ихъ неправильно китайцы всегда боятся, потому что при всякомъ случившемъ дѣлѣ, каковы: воровство, грабежъ, убійство и проч., можно быть невольно замѣшаннымъ въ дѣло и обвиненнымъ если не въ соучастіи, то въ укрывательствѣ преступника. И такъ записывается все правильно, а между тѣмъ съ каждой большой телѣги нужно уплачивать 5 чжбсу, съ малой 3, съ верблюда 2, съ лошади 1 чжбсу; при несостоятельности въ уплатѣ этого взноса гостинница тотчасъ же закрывается. По вышепредставленнымъ описаніямъ Жэ-хэ-чжи мнѣ было извѣстно, что неподалеку отсюда должны находиться въ ущельи Жэ-шуй гоу горячіе ключи и, распросивъ о нихъ, я узналъ, что для проѣзда къ нимъ намъ нужно своротить съ дороги въ разстояніи 8 ли ниже Пинъ-ла-гоу-мынь-р. Къ этимъ ключамъ я и предположилъ теперь проѣхать.

Оставивъ постоялый дворъ въ Пинъ-ла-гоу-мынь-ръ въ 12 ч. 15 м., мы ровно въ 1 ч. дня по сравнительно хорошей дорогѣ доѣхали до ущелья Жэ-шуй-гоу, которое въ настоящую пору неизвѣстно однако подъ этимъ именемъ, а называется Танъ-цюань-гоу (湯泉溝). Отъ поворота въ ущелье до родника горячихъ водъ считается 10 ли и эти 10 ли мы ѣхали 1 ч. 45 мин. Нѣтъ сомнѣнія, что разстояніе 10-ти ли здѣсь нисколько не преувеличено, а потому можно представить себѣ, какою должна быть дорога, ведущая къ этому цѣлебному источнику. Горы, высящіяся по обѣимъ сторонамъ ущелья, стоятъ почти отвѣсными скалами; дно ущелья покрыто сплошь громаднѣйшими валунами, по которымъ телѣга прыгаетъ какъ резиновый мячъ; на всемъ протяженіи ущелья по нему извивается ручей Вэнь-цюань, имѣющій ширины не болѣе аршина даже при впаденіи въ Сяо-луань-хэ; населенія по ущелью почти нѣтъ и на всемъ протяженіи 10 ли мы встрѣтили только двѣ бѣднѣйшія хижины китайцевъ. Наконецъ намъ показалась небольшая группа домиковъ, это и была лечебница цѣлебныхъ водъ.

Когда и кѣмъ открыты эти воды, кто построилъ при нихъ кумирню и лечебницу, если такъ можно еще назвать это учрежденіе, кому принадлежитъ все это и по какому праву? Все это вопросы, на которые нельзя получить теперь ни отъ кого и никакихъ отвѣтовъ. Въ настоящее время всѣмъ завѣдуетъ и распоряжается здѣсь китаецъ-хэшанъ, имѣющій отъ роду 34 года, по имени Чжао-янъ и въ тоже время называющій себя монголо-чахаромъ знамени Гули-цаганъ. По словамъ его, онъ былъ отданъ сюда своими родителями въ обученіе жившему здѣсь хэшану и состоялъ при этомъ хэшанѣ до самой его смерти. Когда означенный хэшанъ умеръ, все завѣдываніе какъ кумирнею, такъ и водами перешло къ этому его ученику; но когда возникло все это, послѣднему неизвѣстно, несомнѣнно только, по его словамъ, что — давно, больше 100 лѣтъ назадъ. Все заведеніе состоитъ теперь изъ полуразрушеннаго зданія кумирни; одного крѣпкаго байшина, въ которомъ помѣщаются самъ хэ-шанъ и наиболѣе важные и состоятельные больные; двухъ байшиновъ не особенно крѣпкихъ, гдѣ живутъ больные попроще и побѣднѣе; да двухъ байшиновъ для ваннъ (однѣ женскія, другія мужскія), въ каждомъ изъ которыхъ устроено по двѣ ванны. Къ этому нужно присоединить еще, что для уходовъ за больными къ заведенію присосѣдились одна чахарская и одна тумэтская семьи, занимающіяся здѣсь еще и хлѣбопашествомъ; наконецъ, когда то въ давнее прежнее время пріѣзжалъ сюда лечиться Чжанчжа гэгэнъ и въ ту пору для него былъ выстроенъ здѣсь особый байшинъ, правда, въ настоящее время пустующій, но являющійся еще и доселѣ много лучшимъ другихъ зданій.

Важнѣйшій интересъ при осмотрѣ всего учрежденія представляли, конечно, самыя воды. Горячій ключъ находится саженяхъ въ 15 отъ ку-



Бассейнъ горячихъ водъ «Вэнь-цюань».

мирни. Онъ обдѣланъ гранитными плитами и въ этомъ видѣ представляетъ собою бассейнъ длиною въ 4 арш. 7 вершковъ, а шириною въ 3 арш. 9 вершковъ; глубина этого бассейна равняется 5 китайскимъ чи, что составитъ нашихъ около 2 арш. 3 верш. Къ этому большому бассейну примыкаетъ еще другой, малый бассейнъ, изъ котораго продѣлано, въ видѣ открытой пасти дракона, небольшое отверстіе для стока воды. Выходя изъ этого отверстія, вода струится по узенькому (5 вершковъ), выложенному гранитомъ же желобу до вышепомянутыхъ бàйшиновъ, находящихся наряду съ кумиренной оградой, въ которыхъ устроено по двѣ ванны. Бàйшины выведены изъ сырцеваго кирпича и каждый изъ нихъ глинобитною же перегородкою раздѣляется на два отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи устроена своя глиняная скамья, на которой можно, сидя, раздѣться и положить одежду, а потомъ еще отдѣльная ванна. Послѣдняя составляется изъ ямы, выкопанной въ землѣ, со вставленнымъ въ нее деревяннымъ ящикомъ. Если открыть деревянную затычку, замыкающую устроенное надъ ванной отверстіе, то вода, текущая по желобу изъ бассейна, наполнитъ

ванну; если открыть другую такую же затычку, находящуюся въ днѣ ванны, то вода выльется изъ нея, по проложенной подъ землею водосточной трубѣ. Таково нехитрое устройство всего учрежденія. Я не имѣлъ при себѣ спеціальнаго инструмента для измѣренія температуры воды; но чтобы пріобрѣсти о ней хотя нѣкоторое понятіе употребилъ въ дѣло находившійся при мнѣ термометръ Реомюра, обдѣланный въ деревянную рамку. Опущенный въ только что наполненную ванну онъ черезъ минуту показалъ +39°. Конечно, садиться въ такую ванну больные не могутъ; поэтому для утреннихъ пріемовъ, часа въ 4-ре, ванны наполняются съ вечера, приблизительно часовъ въ 10; а для вечерняго купанья онѣ наполняются лишь только окончится пріемъ ваннъ утромъ, т. е. часовъ въ 6 утра. Въ самомъ бассейнѣ измѣрить температуру воды я, понятно, не могъ, такъ какъ термометръ мой имѣлъ только 40 дѣленій, а между тѣмъ вода даже въ ваннѣ, вылившаяся изъ бассейна и протекшая по желобу приблизительно 15 саж., имѣла уже 39°. И такъ о температурѣ воды въ бассейнѣ я могу сказать только одно, что ее съ довольно большимъ трудомъ выноситъ рука, опущенная въ бассейнъ. По качеству — вода эта желѣзистая. Лечатся въ ней отъ ревматизмовъ, болѣзней спины и почекъ, а равно отъ разнаго рода накожныхъ болѣзней и струпьевъ. По внѣшнему виду вода очень чистая, тѣмъ не менѣе если смотрѣть на дно бассейна, то самаго ключа, какъ мѣста выхожденія воды изъ подъ земли, не видно, а видны только уже почти на поверхности воды пузырьки, происходящіе отъ силы движенія воды къ верху.

Лечиться пріѣзжаютъ главнымъ образомъ монголы и обыкновенно въ періодъ со второй половины второй до начала четвертой луны, а за симъ съ 15 числа 7-й, до 15 числа 9-й луны. Берутъ въ большинствѣ случаевъ отъ 40 до 60 ваннъ. Общее число принимающихъ ванны въ годъ колеблется между 200 и 250 субъектами. Въ прежнее время народу, говорятъ, пріѣзжало гораздо больше; но нѣсколько смертныхъ случаевъ, происшедшихъ собственно отъ простуды при купаньи, отвадили здѣшнихъ пацієнтовъ. Дѣйствительно, непростудиться здѣсь, принимая ванны, почти не возможно: полуразрушенные байшины ваннъ свѣтятся насквозь; дверей почти не существуетъ; окна, обычно заклеенныя китайской пропускной бумагой, прорваны и въ нихъ свищетъ вѣтеръ. Мудрено-ли, что больные схватываютъ при этомъ горячку и умираютъ. Жалкое состояніе ваннъ и всего заведенія, начиная съ его кумирни, побудило наблюдателя, или хозяина всего этого, т. е. хэшана, три года тому назадъ послать людей за сборомъ подаяній, и по его собственнымъ словамъ, теперь собрано на исправленіе заведенія уже болѣе 2,000 ланъ серебра, пацієнты же гово-

рятъ гораздо больше. Въ настоящемъ году предполагается исправить все, начиная съ кумирни и оканчивая ваннами и помѣщеніемъ для больныхъ, для чего якобы наняты уже и рабочіе. Въ бесѣдахъ съ паціентами я узналъ однако, что все это едва ли подниметъ заведеніе, такъ какъ паденіе его обусловливается даже не столько бывшими здѣсь смертными случаями, сколько характеромъ блюстителя водъ — хэ̀шана. По общему отзыву, онъ просто мошенникъ: монголы ненавидятъ его даже за то, что онъ называетъ себя чахàромъ и отрицаютъ его монгольское происхожденіе; они обвиняютъ его еще въ растратѣ денегъ и въ лихоимствѣ: за леченіе обычно платитъ всякій сколько можетъ, но хэ-шанъ умѣетъ обставить дѣло такъ, что больные всегда платятъ у него громадныя, по монгольскому счету, суммы: Ужаснѣе всего для монголовъ то, что ихъ спаиваютъ здѣсь водкой.

Осматривая кумирню, я нашелъ ее также въ полномъ разрушеніи: уцѣлѣли только каменныя стѣны кумирни, но ни оконъ, ни дверей, ни даже бумажныхъ потолковъ не имѣется; глиняные идолы стоятъ, конечно, загрязненными и запыленными; ни какой утвари нѣтъ, за исключеніемъ стоящей посреди двора чугунной курильницы, на которой между прочимъ находится надпись, что курильница эта отлита въ 8 году правленія Дао-гуана (1830) для кумирни, именуемой Юнъ-цюань сы, Гуань-ди-мяо (湧泉寺關帝廟), находящейся за воротами Губэй-коу, въ ущельи Танъ-цюань-гоу, состоящемъ въ чэнъ-дэ-фу'скомъ департаментѣ, въ уѣздѣ Фынъ-нинъ-сянь, на земляхъ простого бѣлого знамени, въ вѣдѣніи Го-цзя-тун'а.

16-е Апрѣля. Пятница.

6 ч. +8; 9 ч. +12°; 12 ч. +17°; 3 ч. +14°; 6 ч. +12°; 9 ч. +9°.

Выѣхавъ въ обратный путь по ущелью въ 6 ч. 45 м., я разсуждалъ по дорогѣ, дѣйствительно ли осмотрѣнныя мною горячія воды тѣ самыя «жэ-шуй», о которыхъ разказываетъ «Жэ-хэ-чжи»? Вотъ что, въ существѣ дѣла, говоритъ это сочиненіе «на 25-й стр. своей 69-й главы, или цзюани». Ручей Вэнь-цюань, по урочищу называемый жэ-шуй-гоу'скимъ, беретъ начало въ уѣздѣ Фынъ-нинъ-сянь, въ земляхъ простого бѣлого знамени, въ 35 ли къ сѣверу отъ военнаго поселка Го-цзя-тунъ, у горы Янь-шань. Въ 130 ли на сѣверъ отъ Ту-чэнъ-цзы есть ручей, сливающійся съ этимъ источникомъ и воды ихъ, направляя свое совокупное теченіе къ югу, впадаютъ въ Сяо-луань-хэ». Изъ всего здѣсь сказаннаго вполнѣ вѣрнымъ является только одно, что источникъ горячихъ водъ получаетъ свое начало въ 35 ли къ сѣверу отъ поселка Го-цзя-тунъ; но имени горы Янь-шань вблизи осмотрѣннаго мною источника не существуетъ, равно какъ съ нимъ не сливается ни какого ручья. Другихъ горячихъ источни-

ковъ въ этихъ мѣстахъ рѣшительно не имѣется и единственныя извѣстныя здѣсь, горячія минеральныя воды, это такъ называемыя «Гуа-ди», о которыхъ упоминаетъ также и Жэ-хэ-чжи. Сравнительное однообразіе описаній того и другаго Вэнь-цюань (второй Вэнь-цюань беретъ начало въ одномъ и томъ же уѣздѣ, на земляхъ того же знамени и главное—сливается съ ручьемъ, вытекающимъ такъ же за 130 ли на сѣверъ отъ Ту-чэнъ-цзы) невольно наталкиваетъ на мысль, не произошло ли у автора Жэ-хэ-чжи какого либо смѣшенія относительно двухъ этихъ Вэнь-цюан'ей и не прибавилъ ли онъ къ осмотрѣнному мною Вэнь-цюань сливающійся съ нимъ источникъ совершенно излишне.

Въ 8 ч. 5 м. мы выѣхали снова въ падь Сяо-луань хэ, гдѣ съ полчаса ѣзды могли отдохнуть отъ тряски, которую представляла собою дорога по Танъ-цюань-гоу. Горы пади Сяо-луань-хэ послѣ утесистыхъ скалъ ущелья показались намъ теперь имѣющими положительно мягкія и ровныя очертанія [1]). Передъ деревнею Сань-дао-инъ-цза, которой мы достигли въ 8 ч. 40 м., падь сдѣлалась каменистѣе. Деревня заключаетъ въ себѣ 22 двора и 23-е зданіе кумирни. Это послѣдняя деревня, которая стоитъ посреди пади рѣки Сяо-луань, далѣе рѣка разливается уже по всей пади, такъ что отдѣльныя жилища поселянъ и деревеньки ихъ ютятся по горнымъ ущельямъ, а дорога проходитъ по горамъ и утесамъ. Конечно, вода не заливаетъ всей пади, имѣющей ширины около версты, но рѣка постоянно мѣняетъ здѣсь свое теченіе и проходитъ одинъ день по одному руслу, другой—по другому; оттого вся падь въ этомъ мѣстѣ является изрытой и усѣянной камнями. Въ 9 ч. 40 м. подъѣхали къ большому поселку Эр-дао-инъ-цза, заключающему въ себѣ до 40 дворовъ, съ красивою кумирней. Здѣшнія земли принадлежатъ пекинскимъ 8 знаменамъ и арендныя суммы за нихъ вносятся черезъ посредство Фынъ-нинъ сяня въ Пекинъ. Кумирня поселка именуется Цай шэнь мяо (財神廟), т. е. кумирня, посвященная духамъ богатствъ, lucrei diis, каковыхъ въ Китаѣ—два: Бигань и Чжао-гунъ-минъ, божества чисто хэшанскія; тѣмъ не менѣе при кумирнѣ этой живетъ чахарскій лама, т. е. жрецъ цзонхавинскаго толка. Китайцы, радѣя о земледѣліи и семействѣ, не отдаютъ и не посвящаютъ своихъ дѣтей въ хэшаны и, за неимѣніемъ послѣднихъ, нанимаютъ ламъ, которые живутъ при кумирняхъ, приносятъ жертвы и при этомъ отправляютъ установленные обряды и чтенія по своему уставу. Не почитать ли послѣ сего удивительными религіозныя понятія востока! Настоящій лама

1) При обратномъ пути нашемъ 30-го апрѣля онѣ были сплошь покрыты цвѣтами дикихъ персиковъ (таорлъ), да и по всей пади Сяо-луань хэ ихъ было очень много.

получаетъ отъ китайцевъ особое помѣщеніе при кумирнѣ, хлѣбного зерна по нуждѣ и 50 ланъ серебра въ годъ. Къ 11 часамъ падь расширилась версты на $1\frac{1}{2}$ и дорога отвернула въ лѣвую южную ея сторону, между тѣмъ какъ Сяо-луань-хэ течетъ здѣсь, придерживаясь правой стороны и, выступивъ изъ окружавшихъ ее доселѣ горъ, вливается въ рѣку Да-луань-хэ, или просто Луань хэ. При выѣздѣ изъ пади, мы миновали поселокъ Лянъ-ци-ди инъ-фо, въ которомъ находится хошӯнное управленіе; отъ него по дорогѣ можно считать уже начавшеюся долину Луань-хэ. Она очень песчана, причемъ песокъ этотъ отъ самыхъ береговъ рѣки поднимается даже до половины горъ, окружающихъ долину. Луань-хэ достигаетъ въ этомъ мѣстѣ до 25 саж. ширины и теченіе ея очень быстро хотя и не такъ бурливо какъ у Гоу-мынь-цза. Мы переѣхали ее по мосту, устроенному на сваяхъ и въ 11 ч. 25 м. достигли поселка Го-цзя-тунь (郭家屯).

Поселокъ Го-цзя-тунь сравнительно очень большой. Въ немъ считается свыше 500 дворовъ, изъ числа коихъ къ разряду общественныхъ зданій нужно отнести 4 конфуціанскихъ и буддійскихъ, китайскихъ кумирни и одну мечеть съ живущимъ при ней ахуномъ, тянь-цзинскимъ уроженцемъ, прибывшимъ сюда лишь въ прошломъ году и теперь горько жалующимся на свою судьбу, такъ какъ «правовѣрныхъ» здѣсь очень не много. Въ самомъ Го-цзя-тунѣ считается только 16 дворовъ, остальные же мусульманскіе домы разбросаны въ окрестностяхъ по пашнямъ. Изъ числа присутственныхъ мѣстъ управленія здѣсь имѣется только одинъ ямунь «сюнь-цзянъ'я, гражданскаго чиновника, разбирающаго мелкія дѣла китайцевъ, направляя болѣе важныя изъ этихъ дѣлъ въ Фынъ-нинъ-сянь. Что касается знаменнаго управленія, то оно помѣщается не въ Го-цзя-тунѣ, а верстахъ въ двухъ отъ него, въ поселкѣ Лянъ-ци-ди-инъ-фо. Въ числѣ торговыхъ заведеній, которыхъ, считая большія и малыя, можно найти до 40, порядочными лавками слѣдуетъ назвать только 11, а вполнѣ состоятельную торговлю ведетъ лишь одинъ спеціально водочный торговецъ, имѣющій однако при этомъ и всѣ другіе сорты торговли. Остальныя лавки представляютъ собою мелкія помѣщенія въ одинъ цзянь. Смотря по спеціальности торговли, въ нихъ можно найти столярныя произведенія, желѣзныя произведенія, кожевенныя произведенія, все это съ находящимися тутъ же мастерскими; засимъ суровскіе товары самаго мелкаго рода; еще далѣе лавки табачныя, опіумныя, закусочныя и пр. Говорить о торговлѣ этихъ закусочныхъ рѣшительно не представляется возможнымъ; табакъ идетъ здѣсь главнымъ образомъ долбнъ-нӯрскій, похожій на нашу махорку и продаваемый по 40 чеховъ за гинъ; опіумъ тоже преимущественно

мѣстнаго произведенія оцѣниваемый отъ 400 до 500 чеховъ за лану. Въ лавкахъ, торгующихъ бумажнымъ и полотнянымъ товаромъ преимущественное количество произведеній этого рода представляетъ собою китайская дабу. Всѣ 11 лавокъ, промышляющіе этимъ торгомъ, получаютъ свой товаръ изъ мѣста производства его, — уѣзда Жао-янъ сянь, принадлежащаго департаменту Бао-динъ-фу и находящагося приблизительно въ 850 ли почти прямо на югъ отъ Пекина. Сами торговцы за товаромъ этимъ впрочемъ никогда не ѣздятъ. По заведенному обычаю, къ нимъ пріѣзжаютъ повѣренные Жао-янъ-сянь'скихъ лавокъ, освѣдомляются, кому и сколько нужно товаровъ, а засимъ высылаютъ эти послѣдніе, смотря по заявленному требованію. При доставкѣ въ Го-цзя-тунь товары эти идутъ обыкновенно на Тунъ-чжоу, засимъ на Ню-лань-шань, Хуай жоу сянь, Янъ-гэ-чжуань, Ми-юнъ-сянь, Губэй коу, Фынъ-нинъ сянь, откуда уже достигаютъ Го-цзя туня. Европейскихъ товаровъ, каковы янъ-бу и си-янъ-бу, здѣсь имѣется очень мало, такъ какъ они являются все таки дороже да-бу, а потому почти не берутся мѣстнымъ населеніемъ. Впрочемъ, въ лавкѣ помянутаго виноторговца можно найти и эти товары, здѣсь имѣется даже чи-цуй-чоу и нѣсколько кусковъ другихъ шелковыхъ матерій, только расходятся онѣ очень мало, — не всегда даже по два куска въ годъ. Самую выгодную статью торговли въ Го-цзя-тунѣ представляетъ собою лѣсной матеріалъ. Его постоянно привозятъ въ поселокъ окрестные поселяне и сдаютъ, по обычаю, въ дяни, которые такимъ образомъ представляютъ собою лѣсные склады, распространяющіе свой товаръ къ сѣверу до Долонъ-нура и къ югу до Фынъ-нинъ сяня. Слега въ 5 цуней толщиною цѣнится здѣсь въ 300 чеховъ; если же толщина дерева превышаетъ 7 цуней, то при покупкѣ договоръ ведется уже съ каждаго цуня по цѣнѣ 100 чеховъ за цунь. Совершенно толстыхъ бревенъ поселяне не привозятъ въ Го-цзя-тунь вовсе, такъ какъ рубить многолѣтнія деревья воспрещено и они охраняются стражею знаменныхъ солдатъ. Надлежитъ замѣтить однако, что несмотря на всѣ выгоды лѣсной торговли, ею занимаются здѣсь только четыре дяня. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ недостаточности наличныхъ средствъ у населенія: покупка лѣса у поселянъ не можетъ быть производима иначе какъ на наличныя деньги, между тѣмъ какъ всѣ остальные товары, чай, посуда, бакалеи и бумажныя матеріи отдаются всегда въ кредитъ на годовой и даже большій года срокъ. Изъ болѣе частныхъ бесѣдъ съ мѣстными торговцами можно было выводить, что вообще всякаго рода товары продаются въ Го-цзя-тунѣ приблизительно на 10, 15% дороже, напримѣръ, Фынъ-нинъ сянь'скаго, въ основѣ же такого повышенія цѣны помимо незначительности предложенія лежитъ еще дороговизна

мѣстнаго содержанія. Ни одинъ изъ жителей Го-цзя-туна не имѣетъ здѣсь своей земли, такъ какъ всѣ го-цзя-тун'скія земли, равно какъ и лежащія въ окрестностяхъ этого поселка, принадлежатъ знаменнымъ пекинскимъ войскамъ и ими же сдаются въ аренду. Обычная арендная плата пахатныхъ земель колеблется здѣсь отъ 1-го лана до 1 л. и 2 цин., въ самомъ же поселкѣ она достигаетъ 2-хъ и даже 2 л. 5 ц. Отъ такихъ взносовъ за землю свободны только постройки казенныя и общественныя, въ числѣ коихъ я забылъ еще упомянуть о каменныхъ тріумфальныхъ воротахъ, также имѣющихся въ Го-цзя-тун'ѣ. Это два выложенныхъ изъ обожженаго кирпича столба, съ перекладиной, на которой изъ такого же кирпича выложенъ крестчатый бордюръ.

Оставивъ Го-цзя гунъ ровно въ 1 ч. дня, мы не поѣхали далѣе по пади р. Луань-хэ, а повернули прямо на югъ, въ ущелье, ведущее къ перевалу Да-бэй-ба. По началу ущелье это является довольно широкимъ и до нѣкоторой степени населеннымъ; такъ, въ 1 ч. 35 м. мы повстрѣчали деревеньку Сяо-са-го-ръ въ 4 двора; въ 1 ч. 50 м. Я-ма-гоу-мынь-р — въ 3 двора; въ 2 ч. 40 м. Сяо-шуй-го — въ 4 двора и наконецъ въ 3 ч. 10 м. Линъ-ди-ся — въ 2 двора. Всѣ эти деревеньки поражаютъ своею бѣднотою, что обусловливается, конечно, недостаточностью и неудобствомъ принадлежащихъ имъ земель. Отъ дворовъ Линъ-ди-ся ущелье сильно съуживается и въ 10 минутахъ ѣзды отъ него начинается крутой подъемъ на перевалъ. Трудность переправы черезъ послѣдній обусловливается главнѣйше тѣмъ, что подъемъ совершается по тремъ оврагамъ и на протяженіи его приходится три раза спускаться и три раза подниматься, каждый разъ, конечно съ прогрессивно возрастающею крутизною. Въ 3 ч. 50 мин. мы поднялись на вершину перевала, гдѣ мои извозчики были страшно напуганы появленіемъ трехъ человѣкъ, очевидно принадлежавшихъ къ разбойничьей шайкѣ, которыхъ здѣсь вообще шатается очень много. Говорятъ, что случаи грабежей здѣсь очень не рѣдки, чему много способствуетъ извилистость ущелья и его сравнительная малонаселенность. Преслѣдовавшіе насъ оборванцы, увидавъ однако европейцевъ и освѣдомившись прямо, есть ли у насъ оружіе, такъ испугались, когда я показалъ имъ свой револьверъ Лафоше, что тотчасъ же свернули въ первое попавшееся въ бокъ ущелье. По южную сторону перевала Да-бэй-ба спускъ, или подъемъ его очень круты и еще болѣе каменисты. Первая деревушка встрѣтилась намъ здѣсь въ 4 ч. 25 м. Она заключала въ себѣ пять дворовъ, населеніе коихъ сплошь занимается столярнымъ мастерствомъ къ чему здѣсь не мало удобства, такъ какъ на прилежащихъ ущелью горахъ попадается не мало отдѣльно растущихъ деревьевъ. Отсюда въ 5 ч. 25 м. мы повстрѣчали

деревню Ю-су-ди, — въ 4 двора, а въ 4 ч. 45 м. Ху-ляо-гоу — въ 3 двора; при обѣихъ этихъ деревняхъ были уже маленькія пашни. Горы, начиная отъ деревни Ю-су-ди, сдѣлались очень утесисты и единственная растительность на нихъ это кустарникъ дикихъ персиковъ (тао-рл), находившихся теперь въ полномъ цвѣту [1]). Въ 6 ч. мы достигли поселка Да-бэй-гоу мынь-цза (大北溝), въ которомъ и остановились для ночлега.

17-е Апрѣля. Суббота.

6 ч. +6°; 9 ч. +14°; 12 ч. +18°; 3 ч. +18°; 6 ч. +14°; 9 ч. +9°.

Утро было тихое, сумрачное и теплое; на окрестныхъ горахъ лежали густыя облака и совершенно скрывали собою ихъ вершины. Мы выѣхали въ 6 ч. 35 м. и направились на ЮЮВ, чтобы продолжать путь по ущелью, носящему общее названіе Инь-дао-гоу. Черезъ 15 мин. ѣзды намъ попалась деревушка Шэнъ-цзо-ръ, заключающая въ себѣ два двора недавно переселившихся сюда шаньсійцевъ, а въ 7 ч. 15 м. деревня Ню-чжуань-цза уже въ 11 дворовъ, производящихъ пріятное впечатлѣніе своею зажиточностію и особливо чистотою; въ этомъ отношеніи преимущественно предъ другими отличаются домы и гостинницы китайскихъ мусульманъ, которые всегда не трудно отличить какъ по наклееннымъ надъ воротами арабскимъ надписямъ, такъ и по китайскимъ вывѣскамъ: гостинницы всегда заявляютъ на этихъ вывѣскахъ о своей принадлежности мусульманамъ. Въ дальнѣйшемъ протяженіи своемъ ущелье дѣлается отсюда крайне каменистымъ. Въ 8 ч. 20 м. мы миновали поселокъ Тоу-дао-инъ-цза, (頭到營子) заключающій въ себѣ до 40 дворовъ и двѣ кумирни, построенныя на сѣверномъ и южномъ концахъ его; послѣдняя изъ этихъ кумирень, какъ гласитъ о томъ стоящій при ней каменописный памятникъ, была основана въ 3-мъ году правленія Цянь-луна (1739 г.); въ этомъ же поселкѣ мы повстрѣчали между прочимъ и полуразрушенный субурга̀нъ цзонхавѝнскаго типа какъ по своей архитектурѣ, такъ и по вставленному въ него изображенію бурха̀на. Нынѣшній день былъ, можно сказать, исключительнымъ за все время нашего переѣзда: доселѣ мы не встрѣчали почти никого изъ путниковъ и попадались намъ только мѣстные поселяне, занятые на своихъ поляхъ, или у своихъ домовъ, обычными домашними работами. Теперь мы перегнали прежде всего двѣ телѣги, запряженныхъ быками и нагруженныхъ хворостомъ, везомымъ на продажу въ Фынъ-нинъ-сянь. Березовые прутья, длиною отъ $1^1/_2$ до 2-хъ аршинъ, были связаны въ пучки, счетомъ

1) На обратномъ пути 29-го Апрѣля мы не видали здѣсь уже ни одного цвѣточка, за то въ эту пору здѣсь все зеленѣло, чего не было въ первый проѣздъ.

по 25 прутьевъ, и каждый такой пучекъ продается въ Фынъ-нинъ сяни по 10 чеховъ, а весь грузъ телѣги стоилъ отъ 500 до 600 чеховъ. Далѣе намъ повстрѣчались два поселянина, которые гнали впереди себя трехъ навьюченныхъ осликовъ и, очевидно, направлялись въ дальній путь. Изъ разказовъ ихъ мы узнали, что они фынъ-нинъ-сянь'скіе землепашцы и ѣдутъ теперь въ Долонъ-нӯръ за покупкою лошадей. Не задолго передъ симъ они купили въ Гу-бэй-коу байховаго чая, именуемаго «сянь-пянь» и обыкновенно потребляемаго въ Долонъ-нӯрѣ; чай этотъ они намѣрены были продать долонъ-нӯрцамъ, а на вырученныя деньги купить себѣ кобылицъ. Это обычный способъ пріобрѣтенія рабочаго скота здѣшними поселянами. Долонъ-нӯрцы всегда съ охотою покупаютъ у нихъ «сань-пянь», потому что они продаютъ его въ гинѣ на 100, 150 чеховъ дешевле, чѣмъ можно купить въ лавкахъ, а крестьяне между тѣмъ все же имѣютъ прибыль и отъ такой продажи, а потому скотъ для нихъ обходится дешевле. По словамъ ихъ, изъ ста человѣкъ развѣ два, три ѣздятъ за покупкою лошадей съ деньгами, всѣ же остальные везутъ непремѣнно чай; другіе продукты возить не въ обычаѣ, потому что они не сбываются такъ легко и выгодно. Въ 9 ч. 25 м. подъѣзжая къ селенію Эр-дао-инъ-цза, мы еще издали увидали здѣсь толпы пріодѣтыхъ поселянъ и разрядившихся поселянокъ. Посреди селенія было устроено покрытое рогожами зданіе театральной сцены; актеры уже играли и ихъ созерцала эта масса расфранченнаго люда. Пріѣздъ нашъ произвелъ сенсацію: вся масса зрителей, оставивъ театръ, бросилась къ нашей телѣгѣ; актеры, въ костюмахъ и маскахъ, перескочивъ черезъ барьеръ сцены, также бѣжали посмотрѣть «вай-го жэнь», т. е. иностранца; движеніе наше было затруднено толпою на столько, что телѣги почти остановились. Народъ, очевидно, намѣренъ былъ проводить насъ черезъ все селеніе, раскинувшееся тремя отдѣльными поселками, въ 1-мъ изъ которыхъ было 9 дворовъ, во 2-мъ — 7 дворовъ, а въ 3-мъ — 6; но ему не удалось это. Дѣло въ томъ, что въ промежуткѣ между вторымъ и третьимъ поселками мы догнали гуртъ овецъ въ 360 головъ, прогоняемыхъ въ Пекинъ. Густыя облака пыли, поднятыя этими животными, остановили сопровождавшую насъ толпу и она осталась во второмъ поселкѣ, давъ намъ свободную дорогу. Овцы, которыхъ мы теперь догнали, были пріобрѣтены однимъ изъ пекинскихъ мясниковъ въ Долонъ нӯрѣ, по цѣнѣ 1 л. 9 циновъ за голову. Меня поразила эта дороговизна покупки, особливо оптовой; но оказалось, что овцы эти были не степныя, а кормленыя, купленныя у долонъ-нӯрскихъ прасоловъ. Съ прогономъ до Пекина каждая голова такой овцы будетъ стоить отъ 2 л. 4 цин. до 2 л. 5 цин. Для ночлеговъ такого прогоняемаго скота по всей дорогѣ устроены особыя гостинницы, съ гро-

маднѣйшими оградами и дворами, въ которыхъ берутъ приблизительно по пол-чехи съ каждой головы овцы, уплачиваемыхъ неизмѣнно прогонщиками при самомъ прогонѣ, что же касается прокорма животныхъ, то прогонщики даже и не знаютъ этого расхода: содержатели гостинницъ выдаютъ имъ по числу прогоняемаго скота установленное количество сѣна и стоимость его записываютъ на счетъ хозяевъ-скотопромышленниковъ, которые всѣ до одного имѣютъ знакомство и кредитъ въ такого рода гостинницахъ. Нѣсколько дальше отсюда мы повстрѣчали и самыхъ такихъ хозяевъ скотопромышленниковъ: они ѣхали изъ Пекина въ Долонъ-нуръ, для покупки скота; ѣхали вдвоемъ, верхами, не имѣя при себѣ ровно ничего помимо далин'овъ (двустороннихъ мѣшковъ) въ торокахъ, гдѣ была сложена у нихъ одна необходимая перемѣна одежды; денегъ эти люди съ собою никогда не возятъ и, пріобрѣтая скотъ, уплачиваютъ за него переводами изъ Пекина. По дорогѣ нашей падь между тѣмъ все болѣе и болѣе съуживалась и дѣлалась каменистѣе, такъ что близъ деревни Лань-цзя инъ-цза, къ которой мы подъѣхали въ 10 ч. 30 м., пашни существуютъ уже только по скатамъ горъ. Черезъ полчаса ѣзды отсюда мы выѣхали на обширную Фынъ-нинъ-сянь'скую долину. Она имѣетъ направленіе съ СЗ на ЮВ и тянется приблизительно верстъ на пятьнадцать, или нѣсколько болѣе. Въ западной сторонѣ своей долина эта орошается рѣкою, именуемою здѣсь Да-си-хэ, которая приходитъ въ долину съ СЗ. Почти у самаго выхода изъ пади въ долинѣ располагается деревенька Шанъ-го-ръ инъ-цза, въ которой мы въ 11 ч. остановились для полдника и, выѣхавъ изъ нее въ 12 ч. 30 м., продолжали свой путь въ направленіи къ Фынъ-нинъ-сян'ю. Окрестности его представляются сплошь распаханнымъ полемъ, такъ что отъ Шанъ-го-р'а до Фынъ нинъ сяня мы видѣли только двѣ деревеньки, да и то одну изъ нихъ верстахъ въ 3-хъ отъ дороги. Поселокъ этотъ называется Си-гоу и славится въ окружности своимъ гончарнымъ производствомъ: лучшіе горшки, тазы и чаши въ краѣ получаются, говорятъ, именно изъ Си-гоу. По дорогѣ нашей мы въ 1 ч. 15 м. повстрѣчали лишь одну деревню Цянь-фу-сы въ 12 дворовъ, съ одною большою кумирней, которою собственно и славится эта деревня, такъ какъ Фынъ-нинъ-сянь'цы относятся къ этой кумирнѣ съ большимъ почтеніемъ и часто посѣщаютъ ее. Весьма вѣроятно, что, благодаря именно этому обстоятельству, отъ Цянь-фу-сы до Фынъ-нинъ-сяня между полями проложена широкая и прекрасная дорога, слѣдуя по которой, мы въ 2 ч. 20 м. достигли города Фынъ-нинъ-сяня.

Фынъ-нинъ сянь (豐甯縣) городъ очень небольшой, получившій, какъ уже было замѣчено выше, значеніе уѣзднаго города только съ 43 г. правленія Цянь-луна (1778). До того времени поселеніе нынѣшняго

Фынъ-нинъ-сяня было болѣе извѣстно подъ именемъ Ту-чэнъ-цзы (土城子), т. е. земляного города, или городища, окруженнаго земляным валомъ и служившаго военнымъ пунктомъ для знаменныхъ солдатъ. Нынѣ обо всемъ этомъ у мѣстныхъ жителей сохранились лишь самыя слабыя воспоминанія и имя «Ту-чэнъ-цзы» памятно и извѣстно лишь очень немногимъ. Современный Фынъ-нинъ-сянь располагается посреди своей долины, на лѣвомъ берегу рѣки, Да си хэ, въ разстояніи отъ береговъ ея приблизительно съ версту. При такой удаленности города отъ рѣки, жители его совершенно не пользуются ея водою, а получаютъ воду изъ колодцевъ, которыми снабженъ у нихъ почти каждый отдѣльный домъ. Всѣхъ дворовъ въ городѣ, какъ сообщилъ мнѣ то сынъ хозяина нашей гостинницы, полицейскій служка, считается до 1600, въ каковое число входятъ впрочемъ и поселенія прилежащихъ городу слободъ. Изъ числа общественныхъ зданій главнѣйшими почитаются 4 кумирни: Гэсэ̀ръ-сӯмэ̀, Цзю-шэнь-мяо, Вэнь-чанъ-мяо и Фо-ѣ-мяо; при каждой изъ этихъ кумирень имѣются театральныя зданія, и всѣ онѣ выглядятъ довольно благоустроенно; засимъ здѣсь находится управленіе мѣстнаго чжи-ся̀ня, (уѣзднаго начальника), а на ряду съ нимъ громадныя зданія хлѣбныхъ магазиновъ. Всѣ поля уѣзда обложены хлѣбными податями въ пользу казны и количество этого обложенія, смотря по достоинству земли, варіируется въ размѣрѣ отъ одного до двухъ доу съ каждаго засѣяннаго му. Близъ самаго Фынъ-нинъ-сяня, въ долинѣ его, съ каждаго му получается обыкновенно до 12 доу пшеницы и изъ такого дохода земледѣльца въ пользу казны взимается 2 доу. Собранный въ мѣстные хлѣбные магазины хлѣбъ этотъ отправляется потомъ, по нуждѣ, въ Чэнъ-дэ-фу. По другую сторону управленія чжи-ся̀ня находится я̀мунь такъ называемаго здѣсь «сы-ѣ», или смотрителя тюремнаго замка, при которомъ расположенъ и самый этотъ замокъ; наконецъ совершенно отдѣльно отъ этихъ учрежденій въ Фынъ-нинъ-ся̀нѣ имѣется еще управленіе такъ сказать мѣстнаго гарнизона, составляющагося изъ 24 знаменныхъ солдатъ. Предсѣдательствующіе въ этихъ управленіяхъ, чжи сянь, сы-ѣ и цянь-цзунъ, представляютъ собою высшее начальство въ городѣ, въ я̀муняхъ же ихъ состоитъ громадное число низшаго чиновничества: при чжи-сянѣ, напримѣръ, такъ называемыхъ «я-и», штатныхъ и нештатныхъ, числится до 500 человѣкъ: они сторожатъ городъ, служатъ разсыльными, подвергаютъ подсудимыхъ пыткамъ и наказаніямъ, сопутствуютъ чжи-ся̀н'ю при его разъѣздахъ и проч.; сы-ѣ имѣетъ у себя также служащихъ не менѣе 45 человѣкъ и только въ подчиненіи цянь-цзуна состоитъ 24 знаменныхъ. Вся эта мелкота разыгрываетъ изъ себя роль людей чиновныхъ, которыхъ въ каждомъ домѣ и въ каждой лавкѣ встрѣчаютъ не

иначе, какъ съ колѣнопреклоненіемъ, чему я и самъ былъ свидѣтелемъ; нечего говорить послѣ сего о ямуньскихъ письмоводителяхъ и дѣлопроизводителяхъ: они держатъ себя съ невозможною напыщенностью и гордостью и въ то же время рѣшительно всѣ, начиная съ чжи-сяня и оканчивая послѣднимъ я-и, поголовно взяточники. У мѣстнаго чжи-сяня заведено, напримѣръ, чтобы всѣ его подчиненные непремѣнно приносили ему подарки въ дни четырехъ годовыхъ праздниковъ, въ день его рожденія, и въ годовщину прибытія его на должность; а равно по случаю замѣщенія тѣмъ или другимъ лицемъ извѣстной вакансіи, или назначенія кого либо къ исправленію должности. Другіе главноначальствующіе практикуютъ тоже самое по своимъ вѣдомствамъ. Хозяинъ мой сообщилъ мнѣ далѣе, что за опредѣленіе своего сына нештатнымъ «я-и» онъ долженъ былъ уплатить чжи-сяню 30 ланъ серебра, да потомъ за включеніе его въ штатъ еще 100 ланъ и кусокъ канфы на платье женѣ чжи-сяня; за то теперь радость и довольство этого родителя были полные: по словамъ его, сынъ его теперь ежегодно имѣетъ доходовъ не менѣе 300, 350 ланъ серебра, на подарки же чжи-сяню ему, какъ служащему на низшей должности, приходится тратить не болѣе 50 ланъ въ годъ. Эти поборы чиновничества, говорилъ онъ, служатъ основною причиною трудности моей жизни (о томъ что также точно было другимъ вслѣдствіе поборовъ его сына, хозяинъ и не думалъ); налоги также не малые: въ городѣ поземельный налогъ съ каждаго му исчисляется по главной улицѣ въ размѣрѣ 20 ланъ; въ боковыхъ улицахъ по 15 ланъ и въ слободѣ по 10 ланъ; помимо того существуютъ еще другіе мелкіе налоги, какъ то на кумирни, на сторожей, на пріютъ для бѣдныхъ сиротъ и проч. Постройка домовъ въ Фынъ-нинъ-сян'и затруднительна и дорога, такъ что постройка одного цзяня не можетъ стоить менѣе 25 ланъ серебра. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ недостатка въ древесныхъ матеріалахъ, послѣдній же обусловливается не тѣмъ, чтобы вокругъ города не было лѣса, а тѣмъ что никто не занимается здѣсь лѣснымъ дѣломъ, почитая это спеціальностью Го-цзя-тун'цевъ. При такихъ обстоятельствахъ жители Фынъ-нинъ-сян'я чуть ни за каждой доской отправляются въ Го-цзя-тунъ, отчего дерево обходится имъ самое меньшее на 25% дороже, а между тѣмъ поселяне, окрестные Фынъ-нинъ-сян'ю, почти всѣ поголовно занимаются порубкою, заготовленіемъ и продажею лѣса; хотя все это они везутъ въ Го-цзя-тунъ, а не въ Фынъ-нинъ-сянь. Хозяинъ мой объяснялъ мнѣ такое положеніе дѣлъ привычкою народа, сами же поселяне говорятъ, что они находятъ для себя болѣе выгоднымъ везти свой товаръ въ Го-цзя-тунъ, потому что тамъ лѣсовщики всегда возьмутъ его и притомъ по опредѣленной цѣнѣ, между тѣмъ какъ

въ Фынъ-нинъ-сяни даже нуждающіеся въ лѣсѣ люди хотятъ показать, что они могутъ обойтись безъ этой покупки и въ результатѣ непремѣнно продашь въ убытокъ, вслѣдствіе прижимокъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ и покупателей.

Фынъ-нинъ-сянь очень небольшой городокъ и населеніе его не превышаетъ 9, 10 тысячъ жителей. Городъ расположенъ, можно сказать, одною длиннѣйшею улицею, боковые же переулки его, хотя ихъ и не мало, незначительны, развѣ въ пять, шесть домовъ длиною. Главная улица почти сплошь состоитъ изъ гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и лавокъ. Послѣднихъ насчитывается здѣсь 114 и всѣ онѣ должны быть причислены къ разряду мелочныхъ, ибо ни одна изъ нихъ не ведетъ большой спеціальной торговли, но каждая торгуетъ всевозможными товарами. Иной торговли, говорятъ, здѣсь быть и не можетъ. Положеніе Фынъ-нинъ-сяня неподалеку отъ Великой стѣны даетъ возможность каждому состоятельному человѣку проѣхать за большими покупками въ застѣнный Китай, случайныя же требованія дорогихъ товаровъ черезъ чуръ не значительны. Вотъ почему большинство лавокъ торгуетъ здѣсь вмѣстѣ и мануфактурою, и галантерейнымъ товаромъ, и металлическими издѣліями, и чаемъ, и конфектами, и пр. и пр. О цѣнахъ на эти товары мнѣ пришлось узнать не особенно много, вообще же онѣ должны быть почитаемы гораздо ниже не только хўхў-хотòскихъ, но даже и калганскихъ. Изъ иностранныхъ бумажныхъ мануфактуръ здѣсь встрѣчаются:

Хуа-ци-жэнь-тоу-цу-янъ бу — кусокъ не свыше 3 ланъ. Низшіе сорты той же матеріи низходятъ до 2 ланъ.

Хуа-ци-фэй-лунъ си-вэнь-бу — за кусокъ 3 лана 30 фынъ; низшіе сорты за кусокъ 3 лана.

Бай-бяо-бу, шириною въ 29 цуней, продается по 5 ланъ 40 ф. и почему существуетъ такая страшная дороговизна на этотъ товаръ, для меня осталось невыясненнымъ.

Другихъ, собственно шерстяныхъ, мануфактуръ, шертинговъ и камлотовъ, продается очень мало и во многихъ лавкахъ ихъ не имѣется вовсе. Вообще крайняя степень развитія самаго мелочного торга явствуетъ здѣсь уже изъ того, что приказчики часто не знаютъ даже цѣны на цѣлый кусокъ матеріи, имъ извѣстна только цѣна ея или въ отрѣзѣ на халатъ, или мѣрою на чи. Въ послѣднемъ случаѣ стоимость товаровъ является также дешевле калганской и хўхў-хотòской; такъ дàлянбу (дриллингъ) въ отрѣзѣ на халатъ стоитъ въ Фынъ-нинъ-сяни 7 циновъ серебра, или 1100 здѣшнихъ чеховъ; си-янъ-бу продается по 60 чеховъ за чи, (т. е. приблизительно $8\frac{1}{2}$ нашихъ копѣекъ). Всѣхъ лавокъ, торгующихъ

краснымъ товаромъ настолько значительно, что въ нихъ можно купить на халатъ, въ Фынъ-нинъ сяни до 20. Товары свои они получаютъ изъ Тянь-цзина, Тунь чжоу, но главнымъ образомъ изъ Пекина. Ѣздятъ за товарами обычно разъ въ годъ, глубокою осенью, когда, послѣ уборки хлѣбовъ поселянами, удается поскупить у нихъ по мелочамъ достаточное число зерна и муки. Съ этими запасами хлѣба фынъ-нинъ-сянь'скіе купцы ѣдутъ въ Пекинъ и, продавъ хлѣбъ въ Дунъ-ба, или у воротъ Дунъ-жимынь, покупаютъ на вырученныя деньги красный товаръ въ Пекинѣ. Такъ какъ при покупкѣ оптомъ товары продаются всегда дешевле, то на сей конецъ. фынъ-нинъ сянскіе торговцы обыкновенно соединяются по два и по три человѣка вмѣстѣ и покупаютъ товаръ компаніями. Каждая изъ такихъ компаній вывозитъ изъ Пекина приблизительно до 100 верблюжьихъ вьюковъ. Такъ ведется дѣло почти у всѣхъ торговцевъ и, по общему отзыву, только одна лавка фирмы Бэй-цзянъ-синъ торгуетъ внѣ мѣстнаго компанейства и уѣзжаетъ изъ Фынъ-нинъ-сяня за своими товарами съ деньгами. Посѣтивъ эту лавку, почитаемую одною изъ самыхъ богатыхъ, я не нашелъ однако въ ней много особеннаго. Она принадлежитъ фирмѣ, имѣющей свою торговлю еще и въ Тянь-цзинѣ, оттого товаръ въ ней разнообразнѣе и, пожалуй, нѣсколько богаче; но завсѣмъ тѣмъ относительно количества всѣхъ, заключающихся въ ней товаровъ, надлежитъ замѣтить, что ежегодно ею получается продуктовъ какъ мануфактурной, такъ и всякаго рода иной мелочной торговли не свыше 120 верблюжьихъ вьюковъ, т. е. приблизительно 1700—1800 пудовъ, полагая въ томъ числѣ и такой вѣскій товаръ, какъ желѣзные таганы и чаши, мѣдныя издѣлія, фарфоровую и каменную посуду и проч. Лавка Бэй-цзянъ-синъ производитъ въ Фынъ-нинъ-сяни главнѣйшую торговлю чаемъ. По преимуществу ею привозится сортъ, извѣстный подъ именемъ «сянь-пянь», такъ какъ именно этотъ чай идетъ въ мѣстномъ употребленіи у китайцевъ. Всего лавкою Бэй-цзянъ-синъ привозится въ годъ чаю не свыше 30 верблюдовъ, т. е. около 120 мѣстъ, продается же онъ здѣсь не иначе какъ по гинамъ и цѣна на него, смотря по качеству чая, стоитъ отъ 450 до 800 чеховъ за гинъ, т. е. приблизительно отъ 70 коп. до 1 руб. 20 к. на наши кредитныя деньги. Такъ. образомъ самая богатая лавка въ Фынъ-нинъ-сяни имѣетъ годового привоза всѣхъ своихъ товаровъ не свыше 150, 160 верблюжьихъ вьюковъ и больше, говорятъ, привозить рѣшительно нѣтъ никакой нужды, такъ какъ вывозной торговли изъ Фынъ-нинъ сяня нѣтъ никакой, въ мѣстномъ же употребленіи бо̀льшаго количества разойтись не можетъ. Движеніе товаровъ по внутреннему Китаю до Гу-бэй коу идетъ путемъ, замѣченнымъ въ рѣчи о Го-цзя-тун'ѣ, что же касается дороги до Гу-бэй-коу, то выѣхавъ

изъ Фынъ-нинъ сяня по утру, обычно имѣютъ въ 1-й день ѣзды полдникъ въ Борò-нӯр'ѣ и ночлегъ въ Синь-чжоу; во 2-й день — полдникъ въ Шипа-пань-ляо, а ночлегъ въ Сань-ца-ко-р'ѣ; на 3-й день къ полудню пріѣзжаютъ уже въ Гу-бэй-коу. Другимъ путемъ сношеній съ внутреннимъ Китаемъ Фынъ-нинъ-сянь почти не имѣетъ. Случается, хотя весьма рѣдко, что здѣшніе торговцы ѣздятъ въ Ду-ши-коу, для продажи Фынъ нинъ-сяньскаго опіума, но далѣе Ду-ши-коу они не заѣзжаютъ. Такъ какъ поѣздки эти совершаются на легкѣ, то путь до Ду-ши-коу дѣлается также въ $2^1/_2$, рѣдко въ 3 полныхъ сутокъ съ остановками въ Ванъ-цзя-инъ — 30 лп, Янъ-цзинъ-цза — 40 ли, Да-гоу-р — 45 ли; Си-синь-эр — 40 ли и Ду-ши-коу — 60 ли. Фынъ-нинъ сяньскій опіумъ разводится какъ въ слободахъ, прилежащихъ городу, такъ и въ окрестностяхъ оныхъ. Онъ извѣстенъ въ торговомъ мірѣ подъ спеціальнымъ именемъ Хуанъ-гу-тунъ, очень не высокъ по своимъ достоинствамъ и оцѣнивается за ланъ отъ 400, до 480 чеховъ.

Помимо опіума въ Ду-ши-коу и хлѣба въ Пекинъ и въ сѣверную часть внутренняго Китая изъ Фынъ-нинъ-сяня ничего не вывозится. Шерсть и кожи, при общей недостаточности скота, сполна расходятся на мѣстѣ, а другихъ продуктовъ производства здѣсь не имѣется. Относительно хлѣбной торговли надлежитъ еще замѣтить, что помимо мелкихъ купцевъ, отвозящихъ зерно и муку прямо въ Пекинъ для обмѣна на потребные имъ товары, ею заняты еще четыре большихъ спеціально торгующихъ зерномъ фирмы. Мнѣ не пришлось узнать, имѣютъ ли даже эти фирмы свои лавки въ городѣ: ихъ торговля идетъ главнымъ образомъ оптомъ, на вывозъ изъ города, а потому основная дѣятельность ихъ сосредоточивается въ загородныхъ конторахъ и на складахъ. Фирмы эти почитаются въ Фынъ-нинъ-сяни уже коммерсантами первой степени, съ которыми, по величинѣ ихъ оборотовъ, могутъ сравниться еще развѣ шесть оптовыхъ торговцевъ водкой, ведущихъ свое дѣло опять таки не въ лавкахъ, а по складамъ. По понятіямъ китайцевъ, къ числу богатыхъ всегда относятся еще мѣняльныя лавки и конторы, которыхъ въ Фынъ-нинъ-сян'и двѣ; но дѣятельность ихъ здѣсь очень ограничена и сосредоточивается почти исключительно на размѣнѣ серебра на мелкую монету — чохи. Курсъ чеховъ при мнѣ стоялъ здѣсь ниже калганскаго, а именно за лану серебра 1550 чеховъ, тогда какъ въ калганѣ 1514.

Какъ и въ каждомъ китайскомъ городѣ, въ Фынъ-нинъ-сяни, на ряду съ лавками, помѣщаются и мастерскія гробовщиковъ, столяровъ, мѣдниковъ и проч. ремесленниковъ. Лучшее дѣло принадлежитъ, говорятъ, здѣсь красильнымъ мастерскимъ, которыхъ въ городѣ только три; между тѣмъ

почти всѣ бумажные товары европейскаго производства привозятся сюда въ неокрашенномъ видѣ. Красильнямъ поэтому дѣла очень не мало.

Обитатели Фынъ-нинъ-сянʼя необычайно назойливы и дерзки: во все время нашего пребыванія здѣсь народная толпа не покидала двора нашей гостинницы, стараясь насъ увидѣть; окна нашей комнаты были буквально всѣ изорваны, ибо каждому хотѣлось посмотрѣть и каждый прорывалъ себѣ новую скважину въ бумагѣ, замѣняющей стекла. Хозяинъ гостиницы, конечно, сожалѣлъ объ этомъ убыткѣ, да и намъ такая эта назойливость была не особенно пріятна. Къ довершенію несчастія въ прорванныя окна моего нумера всю ночь свисталъ вѣтеръ, благодаря чему я страшно простудилъ себѣ глаза и на слѣдующій день еле продралъ ихъ отъ засохшаго на вѣкахъ гноя. Рѣзь и жаръ въ глазахъ были настолько сильны, что, отправляясь въ дальнѣйшій путь, я рѣшилъ повязаться платкомъ и ѣхалъ полуслѣпой. Дневниковъ за 18, 19 и 20 числа почти не писалъ, а пріѣзжая на постоялые дворы, все время лежалъ, прикладывая къ глазамъ свинцовую примочку. 20-го числа въ 5 ч. 15 мин. вечера мы прибыли въ Жэ-хэ.

V. Чэнъ-дэ-фу или Жэ-хэ.

(Съ 20-го по 26-е Апрѣля).

Городъ Чэнъ-дэ-фу 丞德府 и его департаментъ, именуемые у монголовъ «Эрдэмӣ дагагаксанъ фу» почитаются у современныхъ китайцевъ основанными очень недавно и это до нѣкоторой степени небезосновательно. До временъ вступленія на престолъ властвующей нынѣ въ Китаѣ маньчжурской династіи земли нынѣшнаго чэнъ-дэ-фу'скаго департамента не состояли подъ властью Китая, но были всецѣло заняты монголами хорчинскихъ поколѣній и только послѣ подданства означенныхъ поколѣній маньчжурамъ и созданія этими послѣдними подъ своею властію нынѣшней дайцинской имперіи, начались сюда китайскія переселенія. Конечно, если мы обратимся къ исторіи, то узнаемъ, что встарину земли эти много разъ и входили подъ власть Китая, и отторгались отъ него; разбросанные здѣсь по разнымъ мѣстамъ многочисленные памятники старины являются еще и теперь краснорѣчивыми свидѣтелями распространявшейся и процвѣтавшей здѣсь культуры Китая; но въ бесѣдахъ даже съ образованными китайцами нельзя услыхать объ этомъ никакихъ подробностей; напротивъ, васъ будутъ увѣрять, что никогда еще чэнъ-дэ-фу'ская область не обращала на себя такого вниманія китайцевъ и никогда не была она такъ культивирована

и изукрашена ими какъ при нынѣшней династіи. Въ дѣйствительности, Чэнъ-дэ-фу возвысился только со временъ царствованія Канси и это даже не потому, что въ эту пору получилъ онъ административное значеніе «тина», а потому что мѣстность его была избрана какъ дача для лѣтняго отдыха, охотъ и развлеченій богдохана. Съ этой поры на Чэнъ-дэ-фу начали обращать свое вниманіе и Китай, и Европа: китайскіе ученые производили здѣсь массу историко-географическихъ изслѣдованій и результатомъ ихъ явились обстоятельнѣйшія описанія этой мѣстности; поэты воспѣвали Чэнъ-дэ-фу въ своихъ стихахъ, живописцы силились передать на холстѣ и бумагѣ красоты чэнъ-дэ-фу'скихъ урочищъ и проч. Золотой вѣкъ Чэнъ-дэ-фу — это время правленія Цянь луна (1736—1796) и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что съ тѣхъ поръ городъ этотъ только падалъ, не смотря на то что Цянь-лунъ окончательно превратилъ Чэнъ-дэ-фу въ китайскій городъ и повысилъ его административное значеніе до степени главнаго города департамента. Правда, преемники Цянь-луна пріѣзжали еще сюда на дачу; но въ разказахъ китайцевъ совершенно нельзя услыхать, чтобы кто либо изъ нихъ сдѣлалъ что-нибудь для города. Третій изъ этихъ преемниковъ, Сянь-фынъ, имѣлъ несчастіе умереть въ Чэнъ-дэ-фу и съ тѣхъ поръ китайскіе богдохаѣны, опасаясь для себя той-же участи, перестали ѣздить на дачу въ Чэнъ-дэ-фу: опустѣвшіе дворцы ихъ, правда, еще охраняются особою дворцовою стражей, но не исправляются, а потому приходятъ въ ветхость; собранныя въ этихъ дворцахъ богатства и рѣдкости расхищаются сторожами и, по словамъ мѣстныхъ китайцевъ, все, рѣшительно все въ этомъ городѣ годъ отъ года приходитъ въ большее и большее разрушеніе.

И это не удивительно. Чэнъ-дэ-фу и его департаментъ, вмѣстѣ съ его округомъ и уѣздами, не составляютъ собственно внутренняго Китая. Не смотря на введенную въ немъ систему управленія, земли этого департамента, въ понятіяхъ мѣстнаго населенія, почитаются инородческими, принадлежащими монгольскимъ аймакамъ и только открытыми для переселенія китайцевъ изъ тѣхъ провинцій, гдѣ населеніе сгущено, а земли настолько бѣдны, что оно не можетъ находить себѣ на нихъ пропитанія. Очень можетъ быть, что такой взглядъ составился и окрѣпъ именно оттого, что сюда дѣйствительно переселяются только люди бѣдные, не имѣющіе въ самомъ Китаѣ опоры не только въ отдаленныхъ родственникахъ, а даже въ родной семьѣ, иногда, наконецъ, вовсе безродные и одинокіе. Подняться и разбогатѣть такимъ людямъ, конечно, очень трудно и они продолжаютъ влачить здѣсь свое жалкое существованіе также точно, какъ, вѣроятно, влачили его и на родинѣ. Прямымъ результатомъ этого были, между прочимъ, тѣ соціально-политическія смуты, которыя считаются умиротворен-

ными съ прошлаго года, хотя въ дѣйствительности волненіе существуетъ еще и теперь. Населеніе самаго города Чэнъ-дэ-фу состоитъ изъ той же китайской голытьбы и понятно, что такой пролетаріатъ ни коимъ образомъ не можетъ способствовать возрастанію, или процвѣтанію города. По своему естественному положенію Чэнъ-дэ-фу равнымъ образомъ никогда не обѣщалъ развиться въ большой и солидный городъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горными хребтами, образующими для него стѣну приблизительно въ 140, 150 верстъ толщиною, Чэнъ-дэ-фу естественно имѣетъ и къ себѣ, и отъ себя очень мало удобныхъ торговыхъ путей. Ожидать для себя поддержки съ этой стороны ему было опять таки невозможно и мы дѣйствительно видимъ, что почти вся торговля Китая съ сѣверо-восточной Монголіей, направляется по болѣе прямой и удобной дорогѣ на Долōнъ-нӯръ, что же касается до юго-восточнаго и пограничнаго Маньчжуріи угла, то товары идутъ сюда опять таки болѣе скорымъ (особливо въ послѣднее время при развитіи пароходства) и легкимъ морскимъ путемъ на Ню-чжуань и Шанхай гуань. Положительно можно сказать, что Чэнъ-дэ-фу жилъ и развивался только тогда, когда пріѣзжали въ него богдохāны; удалился дворъ, — и городъ обратился почти въ ничтожество. Приданное ему административное положеніе способно было дать ему жизненныхъ силъ черезъ чуръ мало.

Чэнъ-дэ-фу можно назвать городомъ по преимуществу казеннымъ. Какъ въ центрѣ управленія департамента здѣсь сосредоточенно не мало присутственныхъ мѣстъ съ многочисленнымъ штатомъ особливо самыхъ низшихъ чиновниковъ. При здѣшнемъ ду-тунѣ имѣется 2200 человѣкъ маньчжурскихъ знаменныхъ солдатъ и 800 человѣкъ китайскихъ, принадлежащихъ къ отдѣлу лу-инъ. Для охраны богдохāнскаго дворца существуетъ особый штатъ служилыхъ людей разныхъ званій, частію набираемый изъ мѣстныхъ жителей, а частію высылаемый изъ пекинскаго дворцоваго управленія: послѣдній сортъ людей составляется или изъ ветерановъ, негодныхъ уже для дѣйствительной службы въ Пекинѣ, или изъ промотавшихся въ Пекинѣ дворцовыхъ служителей, или, наконецъ, изъ ни къ чему негодныхъ полуидіотовъ, имѣющихъ у себя дядюшекъ и братцевъ, пользующихся значеніемъ въ государственной службѣ и при дворѣ. Всѣ эти люди посылаются сюда просто на «кормленіе», число же ихъ въ общемъ свыше 500 человѣкъ. Къ этому чиновничеству нужно прибавить еще до 2000 ламъ, также состоящихъ на жалованьи у правительства, да человѣкъ до 300 хэ-шановъ. Какъ въ каждомъ мѣстѣ центральнаго управленія, въ Чэнъ-дэ-фу всегда бываетъ много пріѣзжаго люда; къ монастырямъ стекается не мало поклонниковъ; а все это пришлое и постоянно смѣняю-

щееся населеніе города требуетъ для себя не мало услугъ, выполненіе коихъ лежитъ уже на мѣстныхъ жителяхъ. Этимъ составомъ населенія вполнѣ объясняется физіогномія города, къ описанію которой мы теперь и переходимъ.

Если въѣзжать въ городъ съ западной стороны его, то, проѣхавъ городскія тріумфальныя ворота 光天地日, вы съ перваго же раза поражаетесь почти неизвѣстными въ Китаѣ разбросанностью и шириною городскихъ построекъ и вамъ кажется, что въ этомъ городѣ императорской дачи и всѣ живутъ не по городски, а по дачному. Но это первое впечатлѣніе обманчиво, ибо въ данномъ пунктѣ города, пожалуй, еще и не существуетъ. Три громадныхъ зданія обращаютъ здѣсь на себя вниманіе: а) самое крайнее зданіе въ городѣ — «Као пынъ» (考棚), это присутственное мѣсто, гдѣ экзаменуются для полученія ученаго званія и чиновъ, студенты, однажды въ годъ собирающіеся сюда къ условному сроку со всего департамента. Обычно это зданіе совершенно пустуетъ, но теперь былъ именно срокъ экзаменовъ; поэтому, проѣзжая мимо Као-пына, я увидалъ передъ щитомъ и воротами его болѣе сотни молодыхъ людей, толпящихся, разговаривающихъ и, вѣроятно, въ сотый разъ перечитывающихъ объявленія, расклеенныя по стѣнамъ ограды, окружающей зданія. Но ворота святилища были закрыты на глухо и, говорятъ, во избѣжаніе могущихъ быть мошенничествъ, черезъ нихъ совершенно не впускаютъ во дворъ зданія до самаго дня экзаменовъ. Когда именно они начнутся, никто не могъ сказать точно; извѣстно только что ранѣе 25-го числа этого мѣсяца, а пока всѣ ожидали старшаго экзаменатора, имѣющаго прибыть изъ Пекина. Студентовъ, желающихъ подвергнуться испытанію, до настоящаго дня собралось около 450 человѣкъ, хотя полагаютъ, что это еще не всѣ, такъ какъ обыкновенно въ Чэнъ-дэ-фу'скомъ департаментѣ экзаменуется до 600 человѣкъ. На ряду съ Као-пын'омъ стоитъ б) другое родственное съ наукою зданіе, — это такъ называемый «Лао-ши я-мынь (老師衙門) т. е. присутственное мѣсто чэнь-дэ-фу'скаго старшаго наставника и вмѣстѣ экзаменатора и наконецъ в) третье, чуть ни вдвое превышающее вышепомянутыя зданія по своей величинѣ, — зданіе Фу-ямуня (府衙門) т. е. общаго управленія департамента Чэнъ-дэ-фу. Неподалеку отъ него находится еще острогъ и главная городская кумирня, посвященная Гуань-ди и называющаяся Чэнъ гуанъ мяо (城隍廟). Сторона улицы, противулежащая этимъ правительственнымъ учрежденіямъ, сплошь застроена гостинницами для пріѣзжающихъ и самыми мелочными лавчонками, служащими вмѣстѣ съ тѣмъ закусочными, харчевнями и кабаками. Внѣшній видъ этихъ притоновъ свидѣтельствуетъ, что они существуютъ для людей са-

мыхъ низшихъ званій и состояній: здѣсь утоляютъ свой голодъ вызванные Фу-ямунемъ поселяне; здѣсь поселянка угощаетъ острожнаго сторожа за доставленіе возможности видѣться съ заключеннымъ мужемъ, или родственникомъ; здѣсь же эти сторожа сбываютъ все выманенное, или украденное у подсудимыхъ и ихъ родственниковъ. Что касается гостинницъ для пріѣзжающихъ, то, по общему отзыву, въ нихъ останавливаются только студенты, являющіеся къ экзаменамъ, да пріѣзжающіе по дѣламъ въ Фу-ямунь на срокъ не больше одного, много двухъ дней: намѣревающіеся пробыть болѣе долгій срокъ, останавливаются обыкновенно въ городскихъ гостинницахъ, такъ какъ тамъ ближе къ лавкамъ, больше народа и вообще всякаго рода развлеченій.

Въ понятіяхъ чэнъ-дэ-фу'сцевъ, городъ Чэнъ-дэ-фу начинается только отъ тріумфальныхъ воротъ (叙惟功九), отдѣляющихъ торговую часть города отъ вышеописаннаго казеннаго его участка. Весь торговый Чэнъ-дэ-фу можно считать состоящимъ изъ трехъ большихъ улицъ, протягивающихся съ западнаго конца города на востокъ: а) главной, или «западной большой улицы» (Си-да-цзѣ 西大), проходящей по самой срединѣ города; б) по лѣвую сторону ея тянется улица «Лянь-ши-р-цзѣ» (粮市街); а по правую сторону в) улица, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ набережной потока Хань хэ (漢河), а потому называемой Хань-хэ-тоу-цзѣ и въ юго-восточной своей оконечности, гдѣ она оставляетъ берега потока, получающей новое названіе «Эрлъ-сань-цзюй» (二仙居). Общую особенность этихъ улицъ составляетъ то, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа прямою и вполнѣ правильною. Небрежность ли къ красотѣ улицъ, или своеобразно понимаемая у китайцевъ свобода, въ силу которой каждый ихъ домовладѣлецъ, при постройкѣ своихъ домовъ, не руководствуется ничѣмъ помимо личныхъ удобствъ, имѣетъ своимъ конечнымъ результатомъ то, что одинъ домъ стоитъ у нихъ какъ бы въ глубинѣ улицы, а другой выступаетъ на ея средину; понятно, что и самая улица при этомъ то расширяется, то съуживается, то идетъ ровною линіею, то выпячивается брюхомъ въ ту, или другую сторону. Помимо этихъ неправильностей, происходящихъ собственно отъ недостатка изящнаго вкуса человѣка, улицы Чэнъ-дэ-фу не могутъ быть правильны и по своимъ естественнымъ условіямъ. Ущелье, на которомъ расположенъ городъ, начинаясь правильною линіею на западѣ, при дальнѣйшемъ направленіи своемъ на востокъ, дѣлаетъ излучину къ юго-востоку; конечно, послѣдуя за этой излучиной ущелья, точно также дѣлаютъ колѣно и всѣ улицы города. Сверхъ выше указанныхъ трехъ главныхъ улицъ, въ городѣ имѣется еще десятка два или три болѣе или менѣе значительныхъ переулковъ, также плотно за-

строенныхъ какъ и главныя улицы. Всѣ эти переулки очень грязны, а узки настолько, что по многимъ изъ нихъ не могутъ проѣзжать и телѣги.

Въ описаніи городовъ у насъ всегда обращается большое вниманіе на ихъ орошеніе, но, по отношенію къ водѣ и водоснабженію чэнъ-дэ-фу'скихъ жителей, городъ ихъ расположенъ крайне неудобно. Чэнъ-дэ-фу'ская падь, можно сказать, изобилуетъ источниками, хотя всѣ они лежатъ уже за предѣлами города, въ самомъ же Чэнъ-дэ-фу рѣшительно нѣтъ проточной воды и жители его для своихъ потребностей получаютъ воду изъ колодцевъ. Рѣчка Жэ-хэ протекаетъ на юго-восточномъ концѣ города; съ восточной и сѣверо-восточной сторонъ городъ огибается уже довольно значительною рѣкою, въ просторѣчіи называемою у мѣстныхъ жителей «Дунъ-да-хэ», но засимъ извѣстною еще подъ именами «Цинъ-лунъ-хэ» (清龍河) и «У-лѣ-хэ» (武烈河); рѣчка эта однако отстоитъ отъ города не менѣе какъ версты на двѣ и можно сказать, что чэнъ-дэ-фу'сцы рѣшительно не пользуются ею для своихъ нуждъ. Помимо сего на юго-западномъ и южномъ концахъ города проходитъ потокъ Хань-хэ (漢河), тянущійся отъ горъ, прилежащихъ съ южной стороны города, а потому называемыхъ Нань-шань. Потокъ этотъ часто пересыхаетъ вовсе, но въ періодъ таянія снѣговъ въ 1-й и 2-й лунахъ, и обильныхъ дождей въ 6-й и 7-й лунахъ, онъ разливается на столько значительною и главное бурливою рѣчкою, что жители принуждены были сдѣлать по обѣимъ сторонамъ его русла, имѣющаго до 12-ти саженей ширины, каменную плотину. Такой же, но уже не превышающій 4 саженей въ ширину потокъ, образуемый водами, стекающими съ сѣверныхъ горъ, и называемый Лю-шуй-гоу-цзы (流水溝子) проходитъ по самой срединѣ города и однако изъ него даже въ самое половодье невозможно напоить животнаго. Обусловливается это впрочемъ исключительно тѣмъ, что жители бросаютъ сюда всякія нечистоты и, по заведенному обычаю, даже чистятъ всѣ свои дворы, помойныя ямы и грязныя мѣста въ эту пору дождей, чтобы нечистоты были легче вынесены изъ города водою.

Осматривая каждую изъ означенныхъ городскихъ улицъ въ частности, слѣдуетъ сказать, что главная улица Чэнъ-дэ-фу, Си-да-цзѣ, можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Первая, отъ западной оконечности города, областного ямуня и тріумфальныхъ воротъ, идетъ до такъ называемаго краснаго моста, Хунъ-цяо (紅橋), перекинутаго черезъ потокъ сѣверныхъ водъ, Лю-шуй-гоу-цзы. Эта часть улицы представляетъ собою самую лучшую сторону торговаго города и заключаетъ въ себѣ всего до 124 лавокъ, наиболѣе богатыхъ и красивыхъ, хотя красота ихъ должна быть понимаема весьма относительно. Большинство лавокъ здѣсь должно

быть отнесено къ разряду галантерейныхъ и суровскихъ товаровъ. Онѣ принадлежатъ главнымъ образомъ выходцамъ изъ Тянь-цзина и Пекина, привозящимъ съ собою для продажи мелочные товары, какъ собственно китайскаго, такъ и европейскаго производства. Изъ числа первыхъ здѣсь можно встрѣтить: вазы разныхъ сортовъ, фарфоровыя и деревянныя чашки, принадлежности для куренія опіума, трубки, чубуки, табакерки, палочки для ѣды, бусы, браслеты и др. привѣски, пояски, платки, шелковыя и бумажныя нитки, наперстки, рисованныя на стеклѣ картины, шарики, носимые чиновниками для обозначенія ихъ чиновъ, и пр. Изъ товаровъ европейскаго производства больше всего игрушекъ, а засимъ встрѣчаются карманные, стѣнные и столовые часы разныхъ сортовъ, мельхіоровыя ложки и тарелочки, различныя пресспапье и коробочки, фотографическія картинки, папиросы и проч. Все это продается здѣсь по цѣнѣ сравнительно очень недорогой; такъ, европейская керосиновая лампа, вышиною въ 9 вершковъ, сдѣланная на подставкѣ изъ бѣлаго матоваго стекла и съ такимъ же резервуаромъ для керосина, съ мѣдною горѣлкою и стекломъ, но безъ абажура, стоитъ 600 чеховъ, т. е. около 80 к., а расхожая низенькая висячая лампа, сдѣланная изъ бѣлой жести, безъ подставки, но также съ мѣдною горѣлкою и стекломъ, по первому спросу отдается за 350 чеховъ, т. е. около 45 коп. и можетъ быть куплена за 280 и даже 270 чеховъ. Мануфактурныхъ товаровъ въ лавкахъ описываемаго разряда почти не встрѣчается, они составляютъ принадлежность лавокъ шань-си'скихъ торговцевъ, большинство коихъ является выходцами изъ области Фынь-чжоу-фу (汾州府). По разказамъ, всѣ они ѣдутъ сюда изъ своего города по большой дорогѣ на Бао-динъ-фу, а засимъ на Пекинъ, или Тянь цзинъ, гдѣ запасаются европейскими мануфактурами (см. т. VI показаніе о дорогахъ), отъ себя же они привозятъ дабу, да-лянъ-бу и др. матеріи хлопчато-бумажнаго производства китайцевъ. Помимо этихъ суровскихъ и мануфактурныхъ лавокъ, по улицѣ Си-да-цзѣ располагаются отдѣльныя лавки обуви, до 30 аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ, хлѣбни, мастерскія серебряныхъ дѣлъ ремесленниковъ, лавки глиняныхъ издѣлій, лавки и мастерскія особаго рода плетушекъ для водки и масла (лу), наконецъ одна лавка, торгующая попонами (мао-дань). Особую спеціальность чэнъ-дэ-фу'скаго производства составляютъ столики, со складными ножками; верхняя доска и боковины ихъ разрисовываются и покрываются лакомъ. Въ продажѣ они цѣнятся отъ 1500 до 400 чеховъ, смотря по величинѣ столика и изяществу его отдѣлки. Столиками этими на главной улицѣ Чэнъ-дэ-фу торгуетъ до 10 лавокъ; здѣсь же можно находить и еще особыя, причудливыя деревянныя издѣлія, каковы выдолбленныя изъ корня дерева

маленькія складныя коробочки, вазы, чашки, уродливыя китайскія статуэточки и изображенія львовъ (ши-цза), обезьянъ и др. животныхъ, служащія игрушками для дѣтей и проч. Дерево, изъ корня котораго выдѣлываются всѣ эти вещи, называется у китайцевъ Дунъ-цинъ-шу (凍青樹); о немъ разказываютъ, что оно бываетъ постоянно зеленымъ, т. е. принадлежитъ къ разряду хвойныхъ. Наконецъ по главной улицѣ Си-да-цзѣ и дальнѣйшему продолженію ея Пай-лу-цзѣ насчитывается всего до 78 лавокъ, спеціально занимающихся продажею стараго платья. Почти всѣ онѣ привозятъ свой товаръ изъ Пекина и въ инвентарѣ ихъ всегда можно найти массу шелковыхъ халатовъ, множество когда-то драгоцѣнныхъ штофныхъ курмъ, съ затканными золотыми изображеніями драконовъ, тигровъ и проч. Все это представляетъ собою обноски китайскихъ придворныхъ мандариновъ и другихъ столичныхъ чиновниковъ, предназначенные въ перепродажу ихъ жэ-хэ'скимъ сотоварищамъ по придворной службѣ, менѣе ихъ состоятельнымъ, но едва ли не болѣе ихъ чепорнымъ и хвастливымъ.

Отъ моста Хунъ-цяо (紅橋), длина коего равняется только 16 шагамъ, т. е. не свыше 5 саженей, улица Си-да-цзѣ раздѣляется на двѣ и первая изъ этихъ новообразовавшихся улицъ, уклоняющаяся нѣсколько направо и принимающая болѣе сѣверное направленіе, почитается продолженіемъ Си-да-цзѣ. Почти въ самомъ началѣ ея стоятъ тріумфальныя ворота «па-бяо-тунъ-фынъ», а отъ нихъ и самая улица называется «пай-лу-цзѣ», т. е. улицею тріумфальныхъ воротъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ воротъ находится кумирня, посвященная духу огня, «хо-шэнь мяо». Послѣдній изображается здѣсь въ видѣ богатыря, съ краснымъ, т. е. огненнымъ, лицемъ, стоящимъ въ такой же красной колесницѣ и извѣстенъ подъ спеціальнымъ именемъ Вань-линъ гуань (萬靈官); вмѣстѣ съ симъ его почитаютъ и предводителемъ всѣхъ духовъ, обитающихъ во вселенной. Отъ кумирни Хо-шэнь мяо улица Пай-лу-цзѣ принимаетъ еще болѣе сѣверное направленіе и вправо отдѣляетъ отъ себя узенькій переулокъ, именуемый Хо-шэнь-мяо цзѣ (火神廟). По мѣрѣ удаленія своего отсюда на востокъ Пай-лу-цзѣ дѣлается все болѣе и болѣе узкою, грязною и искривленною, доходя до степени самаго плохого переулка. Лучшее общественное зданіе, построенное на ней, представляетъ собою кумирня У-мяо (武府), воздвигнутая въ честь Гуань-ди, или монгольскаго Гэсэр'а. Она занимаетъ собою самое послѣднее мѣсто на восточномъ концѣ улицы и непосредственно соприкасается дворцовой оградѣ. Красныя стѣны, которыми окружена эта кумирня, свидѣтельствуютъ объ ея принадлежности правительству и дѣйствительно, по словамъ моего чичероне, она состоитъ въ дворцовомъ вѣдом-

ствѣ; тѣмъ не менѣе всѣ кумиренныя постройки въ настоящую пору являются здѣсь такими заброшенными, передъ главными воротами ея наросла такая груда мусора и всякаго рода нечистотъ, что къ нимъ невозможно и подъѣхать. По улицѣ Пай-лу-цзѣ насчитывается всего 39 лавокъ, добрая половина которыхъ ведетъ мясную торговлю; помимо того здѣсь много гостинницъ, закусочныхъ, чайныхъ, опіумныхъ и другихъ заведеній. На востокъ улица эта доходитъ до ограды парка богдохáнскаго дворца и почти до самыхъ главныхъ воротъ этого дворца, именуемыхъ Ли-чжэнъ-мынь (麗正門). Отъ оконечности ея къ помянутымъ главнымъ дворцовымъ воротамъ проходитъ устланная плитами дорога, называемая гунъ-мынь-коу (宮門口); дорога эта, миновавъ главныя ворота, тянется далѣе около дворцовой ограды до восточныхъ дворцовыхъ воротъ, именуемыхъ (德匯門) Дэ-инъ-мынь.

Направляясь вправо отъ восточнаго конца улицы Пай-лу-цзэ по безымянному переулку, можно дойти до ямуня жэ-хэ'скаго ду-туна, т. е. управляющаго жэ-хэ'скою областью. Онъ располагается не болѣе какъ саженяхъ во 100 къ югу отъ главныхъ дворцовыхъ воротъ и представляетъ собою послѣднее, замыкающее зданіе на вышепомянутой улицѣ хошэнь-мяо-цзѣ. Изъ числа общественныхъ зданій помимо ду-тун'скаго ямуня можно упомянуть еще о маленькой кумирнѣ въ честь Гуань-ди и о (近天禪院) Цзинь-тянь-чань-юань.

Вышепомянутая улица, направляющаяся влѣво отъ моста Хунъ-цяо и принимающая, въ противуположность Пай-лу-цзѣ, болѣе южное направленіе, называется Пань-пинъ-цзѣ. Она проходитъ по набережной праваго берега потока Лю-шуй-гоу-цзы и имѣетъ частныя и жилыя зданія, построенныя только на своей южной половинѣ, между тѣмъ какъ сѣверная половина ея, по лѣвому берегу потока, занята общественными постройками кумирень въ честь во 1-хъ генія богатства (財神) а во 2-хъ въ честь хáна драконовъ (龍王). Улица Пань-пинъ цзѣ представляетъ собою именно такое соединеніе нищеты съ богатствомъ, которое можно видѣть только въ Китаѣ. Съ одной стороны здѣсь стоятъ полуразрушенные бáйшины, въ которыхъ живутъ продавцы блиновъ, торгующіе въ день не свыше какъ на 2 цина серебра и отъ этой продажи получающіе всѣ средства для своего, поистинѣ, жалкаго существованія; съ другой — здѣсь же имѣютъ свое мѣстонахожденіе и самыя богатыя лавки города. Наиболѣе состоятельною изъ нихъ, по общему приговору, является фирма «Юнъ-цзю-лунъ», ведущая торговлю домашними принадлежностями; а самою обширною — лавка фирмы «Цзинь-чэнъ-юнъ». Эта послѣдняя принадлежитъ компаніи шань-си'скихъ купцевъ, имѣющихъ свое основное дѣло въ Пекинѣ, въ Чэнъ-дэ-фу же компанія со-

держитъ свою лавку, какъ незначительное отдѣленіе столичнаго торга. Лавка Цзинь-чэнъ-юнъ — единственная въ Чэнъ-дэ-фу, гдѣ можно найти въ продажѣ цѣльные куски шелковыхъ матерій, хотя сортовъ этихъ матерій здѣсь очень не много и продаются они по крайней мѣрѣ на 20% дороже калганскихъ. Особенностью торговли шелковыми матеріями въ Чэнъ-дэ-фу является то, что здѣсь можно найти шелковыя ткани мѣстнаго производства, выдѣлываемыя главнымъ образомъ въ Па-гоу, изъ шелковыхъ нитокъ и кокономъ, доставляемыхъ монголами прилежащихъ Па-гоу, хорчѝнскихъ хошӯновъ. Относительно исторіи и состоянія здѣсь шелководства мнѣ пришлось узнать, что оно началось въ хорчѝнскихъ хошӯнахъ не менѣе какъ лѣтъ полтораста тому назадъ и было занесено сюда выходцами изъ Шань-дуна. Дѣло началось съ того, что китайскіе земледѣльцы, переселившись въ юго-восточную Монголію, нашли, что климатъ и почва этой мѣстности почти не отличаются отъ шань-дун'скихъ, а слѣдовательно здѣсь возможны къ разведенію и тѣ же виды растеній, которые имѣли они въ Шань-дунѣ. Между различными видами овощей, злаковъ и кустарниковъ, они перенесли и дерево По-ло (波 蘿), принадлежащее къ особому виду дубовъ, (Quercus obovata) и разсадили его первоначально близъ Та-цзы-гоу. Въ настоящую пору это дерево, По-ло, растетъ уже во многихъ мѣстахъ хорчѝнскихъ хошӯновъ, среди высокихъ горъ и въ мѣстахъ сухихъ, но малокаменистыхъ. Листья его, величиною въ ладонь, и ими можно кормить горныхъ шелковичныхъ червей. Порѣшивъ съ разведеніемъ этого дерева въ Монголіи, шань-дунцы принесли сюда и шелковичныхъ червей и начали заниматься шелководствомъ. Мѣстные монголы переняли у нихъ это занятіе и въ свою очередь начали заниматься разведеніемъ шелковичнаго червя. Изъ коконовъ они добываютъ нитки, прядутъ ихъ и продаютъ китайцамъ, которые выдѣлываютъ изъ этихъ нитокъ три рода шелковыхъ матерій. Первый изъ этихъ родовъ называется «да-лянъ-цзянь»; это сортъ въ высшей степени грубый и кусокъ его былъ пріобрѣтенъ мною въ Жэ-хэ по цѣнѣ 1 лянъ 9 цинъ за 25 аршинъ; второй сортъ «цзинь-чоу» продается по 4 лана 2 цина за кусокъ, изъ котораго можно выкроить два халата; третій, высшій сортъ называется «цзянь-дуань», — онъ продается по 4 лана 5 циновъ за кусокъ того же размѣра. О качествахъ этихъ матерій можно сказать, что всѣ онѣ походятъ на низкіе сорты чи-цюй-чи, только несравненно грубѣе оной. Надлежитъ замѣтить еще, что монголы и до нынѣ еще занимаются шелководствомъ не иначе какъ подъ наблюденіемъ китайцевъ и изъ числа обработаннаго обязаны отдавать $^1/_{10}$ часть, въ видѣ подати, въ пользу казны. Третьею наиболѣе зажиточною чэнъ-дэ-фу'скою фирмой считается «Куй-и-юнъ», по происхожденію также изъ Шань-си. Фирма эта иногда имѣетъ въ

своей лавкѣ также шелковыя матеріи, хотя торгуетъ главнымъ образомъ хлопчато бумажными товарами. Значительные запасы этихъ товаровъ она получаетъ двумя путями и именно, съ одной стороны холстъ привозится ею черезъ Ню-лань-шань, на верблюдахъ, при чемъ телѣгъ не употребляется вовсе; съ другой, — товары эти везутъ на лодкахъ по р. Луань-хэ, до города Ся-банъ-чэнъ, находящагося въ 50 ли къ югу отъ Чэнъ-дэ-фу, а отсюда, опять таки вьючнымъ способомъ, до мѣста.

Параллельно главной чэнъ-дэ-фу'ской улицѣ, Си-да-цзѣ, также точно начинаясь съ западной оконечности города и протягиваясь по сѣверной его окраинѣ, находится улица Лянъ-ши-цзѣ (粮市街). Подобно «Си-да-цзѣ», она тянется въ длину только до потока Лю-шуй-гоу-цзы, но значительно шире и чище другихъ улицъ. Изъ общественныхъ зданій, расположенныхъ на Лянъ-ши-цзѣ, замѣчательны: 1) кумирня Хунъ-мяо (紅廟), занимающая самое первое мѣсто на западномъ концѣ улицы, у горы Хунъ-мяо-шань; 2) кумирня «Би-ма-шэнь-мяо» (比馬神廟) наряду съ нею и только нѣсколько сѣвернѣе ея; и наконецъ 3) Лао-ѣ-мяо (老爺廟) или кумирня въ честь Гэсэра, — на восточномъ концѣ улицы. Какъ показываетъ самое названіе улицы Лянъ-ши-цзѣ, обозначающее «хлѣбный рынокъ», улица эта служитъ средоточіемъ хлѣбной торговли Чэнъ-дэ-фу и почти сплошь состоитъ изъ мучныхъ лабазовъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего привлекательнаго по внѣшнему виду, но солидно и широко устроенныхъ. Всѣхъ хлѣбныхъ магазиновъ насчитывается здѣсь до 30. Разные роды хлѣба получаются ими сполна отъ окрестнаго населенія и только рисъ привозится съ юга, изъ застѣннаго Китая. На западной окраинѣ города, Лянъ-ши-цзѣ представляется узенькимъ переулкомъ и кажется бѣднѣйшимъ толкучимъ рынкомъ, на которомъ торгуютъ исключительно съѣстными припасами и находится много бѣдныхъ и грязныхъ харчевень.

Впротивуположность улицѣ Лянъ-ши-цзѣ, составляющей сѣверную окраину Чэнъ-дэ-фу, южную окраину этого города составляетъ улица Хань-хэ-тоу-цзѣ, носящая въ восточной своей части названіе Эрлъ-шань-цзюй. Она проходитъ по лѣвой сторонѣ потока Хань-хэ, сильные разливы котораго въ періодъ дождей побудили чэнь-дэ-фу'сцевъ заключить его въ каменныя стѣны, образующія оригинальную набережную. Улица Хань-хэ-тоу-цзѣ раскинулась по лѣвой сторонѣ потока и имѣетъ у себя нѣсколько мостовъ, ведущихъ черезъ потокъ за городъ. Лучшимъ изъ этихъ мостовъ представляется Да-ши-цяо (大石橋) — большой каменный мостъ, имѣющій до 20 саж. длины. На правомъ берегу потока, какъ разъ противъ этого моста, расположена даоская кумирня Сань-гуань-мяо (三官廟), въ честь трехъ могущественнѣйшихъ духовъ: духа неба, дарующаго счастіе; духа

земли, — разрѣшающаго грѣховныя дѣянія и духа воды, избавляющаго отъ несчастій. На восточномъ концѣ улицы Эрлъ-шань-цзюй находится еще кумирня Ту-ди-сы (土地詞). Улица Хань-хэ-тоу-цзѣ на всемъ своемъ протяженіи также занята торговыми помѣщеніями, но это будутъ уже не лавки, а склады матеріаловъ лѣсныхъ, каменныхъ, кирпичныхъ и проч. Эрлъ-шань-цзюй, можно сказать, занятъ въ сплошную толкучимъ рынкомъ Чэнъ-дэ-фу.

Этими улицами исчертывается весь городъ Чэнъ-дэ-фу; остальные хотя и многочисленные, узенькіе переулки его такъ ничтожны, что о нихъ трудно и сказать какое либо слово.

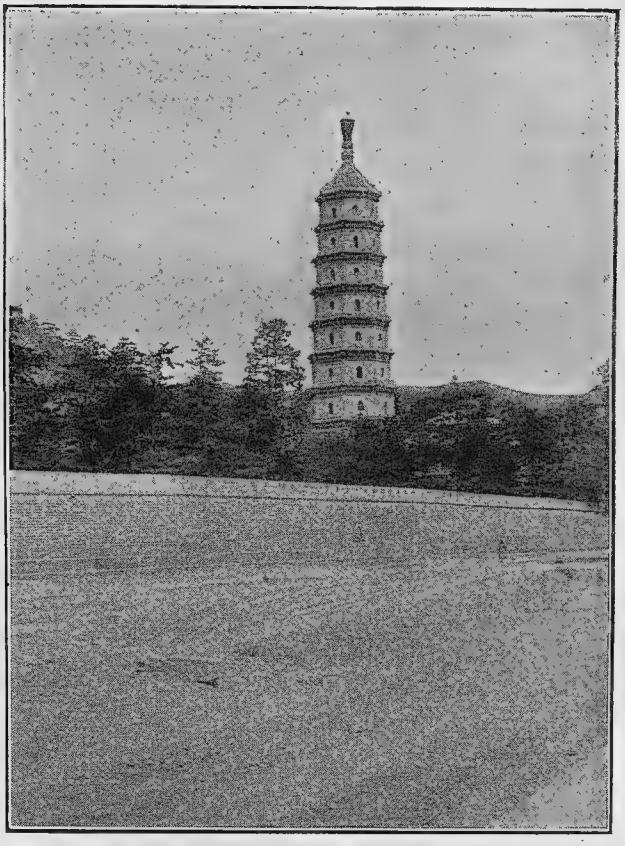
Перехожу теперь къ замѣткамъ о самой важной части Чэнъ-дэ-фу, т. е. объ императорскомъ дворцѣ и прилежащемъ къ нему паркѣ. Дворецъ этотъ занимаетъ собою пространство на сѣверо-востокъ отъ города и расположенъ такъ, что главныя ворота его, именуемыя Линь-чжэнъ-мынь (麗正門), составляютъ собою послѣднія городскія зданія на восточномъ краю Чэнъ-дэ-фу. Передъ этими воротами, по обычаю, воздвигнутъ громадный щитъ, окрашенный въ красную краску, а по бокамъ этого щита стоятъ каменныя фигуры и громадныя каменныя же плиты, съ надписью на трехъ языкахъ, извѣщающею, что всѣ, начиная съ самыхъ высшихъ князей, должны сходить здѣсь съ своихъ лошадей и дальше слѣдовать не иначе какъ пѣшкомъ. Самаго дворца невозможно видѣть снаружи: онъ находится на такой глубинѣ за оградою, что даже крыша его скрывается въ пространствѣ. Что касается наружной ограды, то она охватываетъ собою не только дворецъ, но и весь прилежащій къ нему паркъ. Устроена она въ различныхъ частяхъ своихъ различно: на южной сторонѣ стѣны ея сложены изъ каменнаго песчаника и, вмѣстѣ съ зубцами, достигаютъ высоты 4-хъ саженей; на сторонѣ юго-восточной находится нѣсколько звеньевъ изъ дикаго гранита и это въ той именно части ограды, гдѣ у самаго основанія ея устроены своды для проведенія въ паркъ воды изъ р. Жэ-хэ; на восточной сторонѣ тѣже стѣны сдѣланы уже изъ обожженаго кирпича и стоятъ на высокой дамбѣ, устроенной, несомнѣнно, въ видахъ защиты дворца и парка отъ разливовъ рѣки У-лѣ-хэ. Помимо этой дамбы съ тою же цѣлью съ восточной стороны дворца и парка, у самыхъ береговъ рѣки устроена еще каменная стѣна до сажени шириною и не менѣе двухъ саженей въ вышину. Такимъ образомъ проходя въ этомъ мѣстѣ вокругъ дворцовой ограды, идешь между двумя высокими стѣнами. Отсюда, нужно сказать представляется самый лучшій видъ съ внѣшней стороны на богдохáнскій паркъ, который и былъ снятъ много фотографически. Далѣе на сѣверъ дворцовая стѣна поднимается на вершины горъ и слѣдуетъ по гребнямъ

ихъ до поворота на западъ, гдѣ снова постепенно спускается, примыкая наконецъ къ описаннымъ главнымъ воротамъ на южной сторонѣ дворца.

Видъ на ограду Жэ-хэ'скаго дворца съ восточной стороны.

Мѣстные жители говорятъ, что дворцовая ограда имѣетъ въ каждой своей сторонѣ по 10 ли; но, принимая во вниманіе, что весь паркъ не представляетъ собою квадратнаго четырехугольника, можно сказать только, что окружность всей ограды равняется 40 ли. Съ восточной стороны за оградою можно видѣть верхушки и крыши нѣсколькихъ кумирень и кіосковъ, наконецъ такіе же кіоски уже цѣликомъ видны воздвигнутыми по горамъ парка. Надъ всѣмъ этимъ царитъ прилежащая кумирнѣ Юнъ-ю-сы (永佑寺) девяти этажная башня, называемая въ просторѣчіи Лю-хо-та: она видна на очень далекое пространство и представляетъ собою самое высокое зданіе въ Жэ-хэ. Про башню эту разказывали мнѣ, что стѣны каждаго изъ девяти этажей ея испещрены различными надписями, между которыми много цянь-луновскихъ. Сбоку ея находится зала, въ три цзяни, а на мезонинѣ ея хранится замѣчательный портретъ Канси; каждый, вступающій въ эту комнату, обязанъ сдѣлать поклоненіе передъ этимъ портретомъ. Въ другой цзяни находится такой же портретъ Цянь-луна. Самая башня Юнъ-ю-сы построена въ настоящемъ ея видѣ по образцу Нанкинской фарфоровой башни, разрушенной европейцами, и сгорѣвшей башни Ву-чанской. Во время первоначальной постройки ея, она, будучи доведена до половины,

сгорѣла; тогда Цянь лунъ приказалъ остановить ея постройку и разобрать все, что было выведено не по образцу Нанкинской башни. Черезъ 10 лѣтъ послѣ сего постройка была окончена въ годъ Цзя-шэнь (甲申). Китайцами эта башня почитается красивѣйшею всѣхъ столичныхъ. Разказываютъ, что, несмотря на давнее отсутствіе богдоха̄новъ, за стѣнами дворцовой ограды все носитъ видъ прежняго великолѣпія, чистоты и опрятности; что въ самомъ паркѣ доселѣ еще живутъ и олени, и лоси, и дикія козы, и хищные волки, барсы и медвѣди, составлявшіе въ старые годы предметъ охоты богдоха̄на; но насколько это вѣрно, судить, конечно, очень трудно. Прежде дворецъ этотъ былъ совершенно недоступенъ для обозрѣнія; нынѣ, вотъ уже лѣтъ десять, сдѣлалось возможнымъ, заручившись билетомъ въ пекинской дворцовой конторѣ и представивъ его мѣстному дао-тай'ю, получить отъ него провожатаго чиновника для осмотра дворца. Къ сожалѣнію, мнѣ не было извѣстно этого въ Пекинѣ и я не просилъ нашего посланника выхлопотать мнѣ такой билетъ.

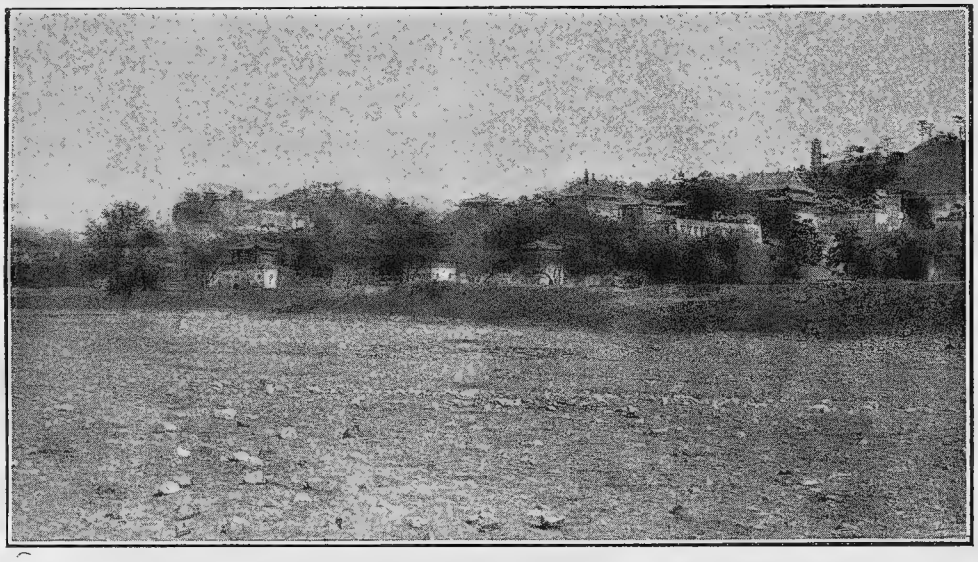


Лю-хо-та.

Самую красивую часть всей дачной мѣстности богдоха̄на составляютъ, собою безспорно ламайскіе монастыри, воздвигнутые по сѣверной и восточной сторонамъ богдоха̄нскаго дворца и парка. Разбросанные по горамъ, поросшимъ великолѣпными деревьями, они красиво блещутъ разноцвѣтными глазированными черепицами своихъ крышъ и выставляютъ изъ за вѣтвей причудливыя формы своихъ кумирень, кіосковъ, субурга̀новъ, тріумфальныхъ воротъ и проч. Всего насчитывается здѣсь 12-ть главныхъ мона-

стырей и располагаются они въ направленіи отъ запада къ востоку въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Ло-хань-танъ (羅漢堂), называемый монголами Арӣнъ-цзӯнъ сӯмэ (ᠠᠷᠪᠤᠨ ᠵᠤᠭ ᠬᠢᠵᠠᠭ ᠭᠠ) съ одною двухъэтажною кумирнею китайской



Видъ на богдохāнскіе монастыри въ Жэ-хо.

архитектуры. Въ настоящую пору монастырь этотъ является совершенно пустымъ: хурàловъ въ немъ не совершается, ламъ при немъ не живетъ и даже ворота его заколочены на глухо.

2) Цзѣ-тай (戒台),—сравнительно небольшой монастырь, съ двумя значительными кумирнями, изъ коихъ одна, въ сѣверозападномъ углу,—тибетской архитектуры, а другая,—въ сѣверо-восточной сторонѣ монастыря,—трехъ-этажная, китайской архитектуры.

3) Шу-сянъ-сы (殊像寺) монастырь, называющійся у монголовъ Маньчжушрiйнъ сӯмэ (ᠮᠠᠨᠵᠤᠰᠢᠷᠢ ᠶᠢᠨ ᠵᠤᠰᠠᠯᠠᠨ ᠬᠢᠵᠠᠭ ᠭᠠ). По обычаю, лàмы, служащіе въ этомъ монастырѣ, набираются исключительно изъ поколѣнія чахаровъ и обязаны отправлять свои хурàлы на маньчжурскомъ языкѣ. Управляется этотъ монастырь дā-ламòю.

4) Цзунъ-шэнъ-сы,—называемый монголами Будалàйнъ сӯмэ, (ᠪᠤᠳᠠᠯᠠ ᠶᠢᠨ ᠬᠢᠵᠠᠭ ᠭᠠ), а отсюда перешедшій съ тѣмъ же именемъ Бу-да-ла (佈達拉) и въ офиціальный языкъ китайцевъ, является самымъ большимъ изъ жэ-хэ'-скихъ монастырей. Въ настоящую пору въ немъ считается до 200 ламъ и существуетъ единственная въ Жэ-хэ школа цанѝта. Главная кумирня этого

монастыря, тибетской архитектуры, говорятъ, представляетъ собою точную копію дворца далай-ламы въ Будалѣ. Управляется монастырь особымъ ханбо-ламою.

5) Сюй-ми-фу-шоу-чжи-мяо (須彌福壽之廟), или, по монгольски, , — монастырь, пользующійся наибольшими привиллегіями со стороны правительства и почтеніемъ къ нему со стороны монгольскихъ буддистовъ. Онъ основанъ въ 44 г. правленія Цянь-луна (1780) и, по окончаніи постройки его, назначенное въ монастырь начальство, вмѣстѣ съ Чжанчжа хутухтою, представило докладъ богдохану, по которому всѣ пріѣзжающіе на высочайшую аудіенцію монгольскіе цзасаки, отъ вановъ до тайчжіевъ 1-й ст. включительно, должны совершать свои поклоненія въ этой кумирнѣ, не подходя къ кумирамъ, а лишь вступивъ на амвонъ ( ); сопровождающіе этихъ князей чиновники могутъ стоять и молиться только у дверей; всѣ же прочіе монголы не имѣютъ права совершенно входить въ сумэ. Кромѣ сего тѣмъ же постановленіемъ было обусловлено еще, что имѣющіе доступъ въ монастырь могутъ входить въ него не иначе какъ боковыми, западными или восточными воротами, но никакъ не средними. Постановленіе это изложено на четырехъ языкахъ и вырѣзано на каменныхъ памятникахъ, которые и поставлены по одному, на южной, западной и восточной сторонахъ монастыря. Весь монастырь этотъ обнесенъ высокою оградою и въ стѣнахъ его, помимо кумирень, обращаетъ еще на себя вниманіе высокая башня, внутри которой также устроена кумирня. Въ настоящую пору ламы, причисляющіеся къ этому монастырю, не живутъ въ его стѣнахъ, но байшины ихъ, воздвигнутые, по общему порядку, на средства казны, выстроены вокругъ монастыря за его оградою. Всего въ монастырѣ этомъ полагается по штату 150 ламъ и здѣсь же имѣетъ свое мѣстопребываніе ханбо-лама, завѣдывающій всѣми жэ-хэ'скими монастырями. Въ просторѣчіи монастырь этотъ извѣстенъ подъ именемъ Даши-хлумбо. Въ послѣдніе годы царствованія Дао-гуана отъ него отдѣлилась стоящая на ряду съ нимъ маленькая кумирня, носящая названіе Синь-гунъ (新宮).

6) Пу-нинъ-сы (普甯寺), называемый по монгольски   построенъ въ 20 г. правленія Цянь-луна (1756 г.). Разказываютъ, что когда богдоханъ лѣтомъ этого года пріѣхалъ въ Жэ-хэ, то здѣсь впервые представились ему поддавшіеся въ ту пору ойраты. Въ память этого событія богдоханъ и приказалъ построить храмъ «всеобщаго спокойствія». Въ настоящую пору монастырь этотъ имѣетъ у себя также 150 штатныхъ ламъ и отличается отъ другихъ монастырей тѣмъ, что въ немъ

только и совершается въ Жэ-хэ церемонія ца̂ма. Съ этою цѣлью съ внѣшней стороны монастырь этотъ раздѣленъ на два двора и на первомъ дворѣ, густо усаженномъ деревьями, устроенъ помостъ для цамначи̂новъ; на второмъ дворѣ находится главная монастырская кумирня китайской архитектуры. Управляется монастырь этотъ да̄-ламо̀ю.

7) Пу-ю-сы (普佑寺), или, по монгольски [illegible] [illegible]. Монастырь этотъ былъ построенъ въ 25 г. правленія Цянь-луна (1761), по образцу тибетскихъ кумирень и находящіеся въ немъ кумиры были всѣ привезены изъ Тибета. Съ внѣшней стороны это теперь небольшой и также совершенно оставленный монастырь.

8) Гуанъ-юань-сы (廣緣寺), называемый монголами [illegible] [illegible]. Въ немъ находится 30 штатныхъ ламъ и помимо того здѣсь же сосредоточены главное управленіе и казначейство вѣдомства Ному̂нъ-ха̄на.

Всѣ вышеуказанные монастыри располагаются къ сѣверу отъ дворца и парка; по восточную сторону ихъ, за рѣкою У-лѣ-хэ, находятся:

9) Ань-юань-мяо (安遠廟), по монгольски [illegible] [illegible] Кумирня эти построена Цянь-луномъ по случаю подданства чжунгаровъ. Дѣло въ томъ, что въ 24-омъ г. этого правленія въ Жэ-хэ были переселены плѣнные латники чжунга̀рскаго князя Даши̂-два̀ и для нихъ то, собственно въ 29 г. правленія (1765 г.), Цянь-лунъ приказалъ построить эту кумирню, пожаловавъ ей потомъ имя Ань-юань-сы. Первоначально кумирня эта была построена по образцу такъ называемой «кульчжинской» кумирни. Разказываютъ, что на сѣверномъ берегу р. Или, встарину, находилась чжунгарская кумирня, называвшаяся Гульчжа̀-дуга̀нъ. Въ періодъ ханствованія Галда̀нъ-цэрэ̀на она считалась главнѣйшею въ Чжунгаріи и къ ней собирались массы народа. Въ времена послѣдовавшихъ за симъ смутъ кумирня эта была разрушена; но Цянь-лунъ, желая сохранить память о ней въ сердцахъ чжунгаровъ, устроилъ для нихъ совершенно такое же зданіе въ Жэ-хэ. Въ настоящую пору кумирня Ань-юань-сы представляетъ собою единственное новое зданіе изъ всѣхъ жэ-хэ'скихъ монастырей. Кумирня эта назадъ тому лѣтъ 30 сгорѣла и разрушилась; стѣны старой стоятъ въ развалинахъ, а о бокъ съ ними воздвигнута новая, въ три этажа; по внутреннему помѣщенію эта новая кумирня, говорятъ, значительно меньше старой.

10) Пу-лё-сы (普樂寺), называется по маньчжурски [illegible] [illegible] а по монгольски [illegible] [illegible] [illegible]. въ

просторѣчіи же ламъ извѣстная подъ именемъ «Дэмчѳкъ-сўмэ», въ настоящее время не имѣетъ ламъ и для охраны этого монастыря содержатся только два сторожа изъ китайцевъ. Кумирня Пу-лё-сы была выстроена въ 32-мъ году правленія Цянь-луна, подъ верховнымъ распоряженіемъ Чжанцзя̀ хутухты̀, собственно ради чжунга̀рскихъ дўрбэ̀товъ и замѣчательна тѣмъ, что при основаніи ея было намѣреніе дать ей архитектурныя формы, во всемъ сходныя съ пекинскимъ храмомъ неба. Кумиренное зданіе выведено въ три этажа; два нижнихъ четырехугольные, квадратные, а верхнее зданіе круглое и состоитъ цѣликомъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ. Крыто зданіе желтою глазированною черепицею. По балюстрадѣ, на каждой сторонѣ, по три сдѣланныхъ изъ глазированной же черепицы субурга̀на. Внутри ку-

Жэ-хэ'ская кумирня «Пу-лё-сы».

мирни мало бурха̀новъ; за то почти все зданіе занято колоссальнымъ сооруженіемъ хото̀-ма̀ндала Дэмчѳка. Окружность этого хото̀ ма̀ндала около 20 саженей; устроенъ онъ изъ камня, въ шесть этажей и каждый этажъ равняется $1\frac{1}{4}$ арш. въ вышину. Хура̀лы отправляются здѣсь ежемѣсячно 1-го и 15 числа и къ совершенію ихъ собираются ламы изъ всѣхъ сосѣднихъ монастырей.

11) Фу-шань-сы (薄喜寺) — монастырь, называемый въ просторѣчіи монголовъ «Хѳхѳ̀-сўмэ», имѣетъ у себя одну только кумирню китайской архитектуры и не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго

со-внѣ; но онъ пользуется большимъ уваженіемъ буддистовъ, потому что хранитъ у себя какъ святыню мощи 5-го и 6-го хубилга̀новъ Дала̀й-ламы; гусу̀нъ-ту̀къ 6-го Дала̀й-ламы и наконецъ три кумира, сдѣланные изъ пепла, получившагося отъ сожженія тѣла этого буддійскаго іерарха.

12) (薄仁寺) Фу-жэнь-сы, монастырь, называемый въ просторѣчіи монголовъ «Шара̀-сӱмэ̀», заключаетъ въ себѣ три кумирни китайской архитектуры. Шара̀-сӱмэ̀ почитается однимъ изъ старѣйшихъ монастырей въ Жэ-хэ. Преданіе говоритъ, что онъ былъ построенъ однимъ изъ хорчѝнскихъ та̀йчжіевъ еще во времена минской династіи, засимъ, въ періодъ управленія Дай-цин'овъ, по вступленіи монголовъ въ подданство, монастырь этотъ былъ поднесенъ Канси, который возстановилъ и поновилъ его, утвердилъ въ немъ штатъ въ 100 ламъ и назначилъ въ содержаніе каждаго изъ нихъ по 50 ланъ въ годъ. При Цянь-лунѣ штатное число ламъ было сокращено здѣсь до 40, а жалованье ихъ уменьшено до 24-хъ ланъ. Въ этомъ положеніи Шара̀-сӱмэ̀ находится и до нынѣ.

Пространство, на разстояніи верстъ четырехъ между городомъ и монастырями, занято разбросанными тамъ и сямъ домиками солдатъ 8-ми маньчжурскихъ знаменъ, сплоченное поселеніе которыхъ находится къ сѣверу отъ дворца и парка, между монастырями Дашѝ-хлумбо̀ и Пу-нинъ-сы, а равно и къ востоку отъ этого послѣдняго монастыря. Разказываютъ, что постоянный гарнизонъ маньчжурскихъ войскъ былъ первоначально поставленъ въ Жэ-хэ въ 1-мъ году правленія Юнъ-чжэна (1723 г.) въ количествѣ 800 человѣкъ, помимо офицеровъ и начальствующихъ, а во 2-мъ году того же правленія имъ было опредѣлено точное содержаніе, въ количествѣ 29, 568 ланъ серебра и 17,760 хулэ̀[1]) зерноваго хлѣба.

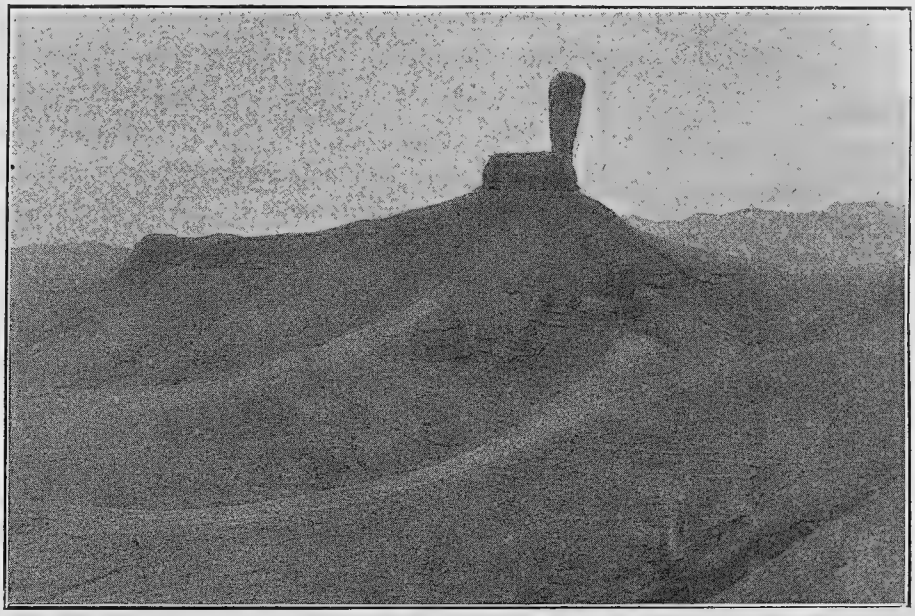
Въ пору моего пребыванія въ Жэ-хэ всѣхъ строевыхъ знаменныхъ солдатъ считалось здѣсь 2,200 человѣкъ и сверхъ того до $2^1/_2$ тысячъ гарнизона, обязаннаго дежурною службою охраны во дворцѣ. Всѣ эти солдаты пользовались привиллегированнымъ положеніемъ въ городѣ: они были освобождены отъ всякаго рода денежныхъ повинностей, получали жалованье и сверхъ того имѣли еще доходы отъ пожалованной имъ земельной собственности въ окрестностяхъ Жэ-хэ.

Осмотрѣвъ городъ и великолѣпныя сооруженія жэ-хэ'скихъ монастырей, я предпринялъ осмотръ окрестностей Жэ-хэ и прежде всего того выдающагося явленія, надъ которымъ не трудился человѣкъ, а работала одна только могучая сила природы. Понятно, что я хочу говорить о зна-

---

1) Хулэ̀ называется по маньчжурски магазинный куль хлѣба, вѣсомъ въ 120 китайскихъ гиновъ.

менитой скалѣ Пань-чуй-фынъ, или, по точному мѣстному названію, Пань-цуй-шань, которая была впервые изслѣдована лордомъ Макартнеемъ въ 1793 году и съ тѣхъ поръ, кажется, не подвергалась уже подробному



Современный видъ горы «Пань-цуй-шань».

осмотру и описанію европейцевъ. Вотъ что говорилъ объ этой скалѣ лордъ Макартней, въ дословной тувременной передачѣ его рѣчи на русской языкѣ. «На седьмой и послѣдній день путешествія англичанъ (изъ Пекина въ Жэхэ), цѣпь горъ была параллельна съ дорогою. Цѣпь сія представляла горизонтальныя линѣи, состоящія въ великихъ гранитныхъ скалахъ, по величинѣ своей другъ отъ друга весьма разнствовавшихъ и расположенныхъ на подобіе позвонковъ какого нибудь четвероногаго животнаго. Вершины сихъ скалъ слегка покрыты дерномъ, но бока ихъ стоятъ совершенно обнаженны, потому что земля, нѣкогда ихъ покрывавшая свалилась внизъ. Почти на половинѣ высоты горы, возвышается перпендикулярная скала, или древнія развалины, потому что видъ ея подалъ англичанамъ поводъ къ догадкамъ, что она можетъ быть и тѣмъ и другимъ. Высота ея превышаетъ 200 футовъ. Видъ ея неправильной, а вершина ея, которая гораздо шире основанія, увѣнчивается большимъ кустарникомъ. Такъ какъ скала сія находилась въ довольномъ разстояніи отъ путешественниковъ, то одинъ изъ нихъ уклонился съ дороги для точнѣйшаго ея обозрѣнія. Онъ увидѣлъ, что это были не остатки какого либо зданія, а чрезвычайная громада от-

вердѣвшей глины, къ которой примѣшено было много песку. Оная извращенная пирамида, безсомнѣнія, твердѣйшаго существа нежели земля, ее окружавшая и уступившая стремленію воды, осталась памятникомъ высоты, которую въ семъ мѣстѣ имѣла древняя поверхность шара. Основаніе сего памятника показываетъ, до какой глубины земля изрыта. Мягкія и рыхлыя частицы, увлеченныя отъ подошвы горъ и расположенныя постепенно, составили гладкія и плодоносныя равнины до Печили, а частицы, имѣвшія болѣе твердости и вѣсу, въ скоромъ времени воспященныя въ продолженіе пути своего, составили поверхность неровныхъ долинъ татарскихъ. Перемѣщеніе слоя земли толщиною въ 200 футовъ съ верху горы внизъ и на толь великое пространство есть одна изъ величайшихъ перемѣнъ, воспослѣдовавшихъ на поверхности земли, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи рода человѣческаго».

Вотъ все, что было извѣстно до сихъ поръ въ Европѣ о Пань-цуй шани. У китайскихъ авторовъ мы находимъ нѣкоторое дополненіе къ сказанному; такъ, авторъ сочиненія Жэ-хэ чжи сообщаетъ:

Въ Жэ-хэ, въ 8 ли къ востоку отъ походнаго дворца и въ 16 ли къ востоку отъ Чэнъ-дэ-фу, находится пикъ Цинъ-чуй-фынъ (скала, похожая на языкъ колокола). Внизу, у основанія, она острая, вверху же — широкая. Въ просторѣчіи она называется Пань-чуй-фынъ, т. е. скала, похожая на дубину, имя же Цинъ-чуй-фынъ пожаловано ей императоромъ въ года правленія Цянь-луна. Въ ту же пору богдоханъ написалъ слѣдующіе стихи въ честь Цинъ-чуй-фына:

Клонится къ западу вечернее солнце,
Каналы покрылись лазуревой дымкой,
А пикъ-великанъ, по прежнему, чудно прекрасный,
Надъ всѣми горами высоко вздымаетъ вершину,
Какъ будто желая достигнуть самаго неба.

«По мнѣнію Цянь-луна, въ числѣ 36 роскошныхъ видовъ окрестностей Жэ-хэ нужно считать и картину этого удивительнаго пика».

«На склонѣ Пань-чуй-фына существуетъ памятникъ, на которомъ вырѣзано четыре іероглифа». (Китайскіе авторы, кажется, нигдѣ не даютъ точнаго снимка этой загадочной надписи, поэтому я снялъ входящіе въ составъ ея іероглифы эстампажемъ и представляю ихъ теперь въ точной копіи). «Къ какому времени относится этотъ памятникъ», говоритъ далѣе авторъ Жэ-хэ-чжи, «не извѣстно, но написанные на немъ іероглифы оказались очень стары. Разбиравшіе ихъ китайскіе ученые увѣряютъ, что іероглифъ № 1-й есть древнее начертаніе іероглифа 門 — «дверь», какъ учитъ о томъ

Шо-вэнь. Объ іероглифѣ № 4-й производилъ изысканія нѣкто У-инъ и нашелъ его написаннымъ на шилѣ, носимомъ на поясѣ для развязыванія узловъ, у нѣкоего Го-чжунъ-шу. Онъ употребленъ тамъ въ смыслѣ 日 — «день». Два остальные іероглифа 帛 (?) и 用, несмотря на всѣ поиски, остались неизвѣстными. Въ оффиціальномъ китайскомъ словарѣ «Кан-си-цзы-дянь» изъ числа этихъ іероглифовъ нѣтъ ни одного».

Нѣтъ сомнѣнія, что скала эта еще издавна обращала на себя вниманіе китайскихъ писателей. Такъ, въ Шуй-цзинъ-чжу, сочиненіи, относящемся ко временамъ династіи Бэй Вэй (386—558 г.) говорится: «на юго-востокѣ рѣки У-лѣшуй находится каменная скала; внизу ея громоздятся пики, поднимающіеся грядами одинъ выше другаго. Уединенная скала достигаетъ высоты облаковъ. Доступъ на ея вершину крайне опасенъ. Высоту ея можно считать во 100 слишкомъ «жэнь» (仞). Одинъ чиновникъ, завѣдывающій кочевьями, человѣкъ сильный, отличавшійся своими физическими качествами и отлично стрѣлявшій изъ лука, пытался взойти на эту гору, но былъ не въ состояніи добраться до вершины».

Я выѣхалъ изъ Чэнъ-дэ-фу для осмотра Пань-цуй-шани въ 8 ч. утра 23-го Апрѣля. Миновавъ жэ-хэ'скій дворецъ, оставивъ влѣво монастыри и переѣхавъ въ бродъ чрезъ У-лѣ-хэ, мы поѣхали по горнымъ ущельямъ и къ 10 часамъ достигли подошвы Пань-цуй-шани, съ западной стороны ея. Отсюда надлежало идти пѣшкомъ, почему оставивъ лошадей у подножія горы, мы пошли далѣе уже на своихъ ногахъ. Общій видъ горы съ этого мѣста, какъ это можно видѣть по выше представленному фотографическому снимку ея, необычайно красивый. Съ внѣшней стороны всю гору можно раздѣлить здѣсь на три части; изъ коихъ первую составитъ пологая боковина горы, вторую, — возвышающаяся на этой горѣ скала и третью, — стоящій уже на скалѣ пикъ. Идя довольно быстрымъ шагомъ, мы достигли вершины горы въ 45 минутъ. Снизу отъ подножія и далѣе кверху до половины горы, собственно на западной сторонѣ ея, идутъ пашни, выше начинаются розсыпи гальки, причемъ подъемъ на гору становится

все круче и круче. Западная боковина горной вершины низпадаетъ почти отвѣсно и подниматься на нее можно не иначе, какъ снявъ легко скользящіе по крутизнѣ сапоги и оставшись босикомъ, да и при этомъ приходится еще удерживаться руками за торчащіе камни, а иногда прямо ползти на четверенькахъ. Впрочемъ, какъ узнали мы впослѣдствіи, подъемъ на скалу съ восточной стороны гораздо отложѣе и восхожденіе тамъ можетъ быть совершено несравненно легче. Взобравшись на вершину горы до основанія скалы, намъ было трудно огибать эту послѣднюю особливо съ южной стороны, гдѣ весь Пань-цуй-шань, отъ подножія и до вершины, является почти отвѣснымъ утесомъ, а уступъ, по которому пришлось намъ ползти, шириною менѣе полу-аршина. Никакой тропинки нѣтъ и не можетъ быть, ибо я убѣжденъ, что здѣсь никогда еще не ступала нога человѣка. Перебравшись на восточную сторону горы, мы нашли возможнымъ подняться отсюда и на самую скалу; мало того, здѣсь оказалась даже еле выбитая лѣсенка, движеніе по которой уже значительно легче и только въ одномъ мѣстѣ порогъ является на столько высокимъ, что ступать на него приходится не стопою ноги, а влѣзать колѣномъ. Самая вершина скалы имѣетъ въ длину до 12 саженей и около 3-хъ саженей ширины. Она состоитъ изъ дресвяника, залегающаго громадными пластами и мѣстами

Скала и пикъ Пань-цуй-шани.

растрескавшагося; изъ этихъ трещинъ пробивалась маленькая и жиденькая травка. Посрединѣ скалы, въ томъ же дресвяникѣ, образовалась ложбинка, которую мы нашли наполненною водою, безсомнѣнія, отъ падавшаго за день передъ симъ дождя. Подъ самымъ пикомъ, на сѣверо-восточной сторонѣ его, образовалось маленькое углубленіе, вродѣ пещерки; оно было наполнено клочками бѣлой бумаги, а равно бараньими костями и лопатками. Очевидно, современные китайцы и мѣстные монгольскіе ламы изрѣдка посѣщаютъ Панъ-цуй-шаньскую скалу, взбираясь на нее, конечно, со стороны восточной. Доступъ на пикъ совершенно не мыслимъ.

Спустившись съ вершины скалы, мы увидали саженяхъ въ 200 отсюда прямо на сѣверъ, на вершинѣ горнаго холма, противулежащаго Панъ-цуй-шань'ской скалѣ, остатки старой кумирни, находившейся въ пещерѣ. Мѣсто это извѣстно подъ именемъ «Лама-дунъ». Бурханы, въ числѣ шести (Цзонхава съ двумя своими учениками, Шакья-муни, Майдари и зеленотѣлый Аюши) остались цѣлы, будучи высѣчены на самомъ камнѣ скалы; навѣсъ же и всѣ покровы кумирни уже разрушились и отъ прежняго величія остались теперь только эти шесть статуй.

Нѣсколько ниже къ востоку отсюда мы увидали небольшой кіоскъ, полуразрушенный и вовсе не привлекательный на взглядъ, но, какъ оказалось, именно и составлявшій вѣнецъ моихъ поисковъ. Кіоксъ этотъ представляетъ собою шести-гранный цилиндръ, въ вышину до 2-хъ саженей, сложенный изъ обожженаго кирпича и закрытый на глухо со всѣхъ сторонъ. На каждой изъ сторонъ этого цилиндра были отдѣльныя изсѣченныя изображенія, а именно: на сторонахъ сѣверной и южной изображенія драконовъ, а на сѣв.-восточной и юго-восточной, также точно какъ на сѣв.-западной и юго-западной, въ особыхъ рамкахъ, были вставлены мраморныя дощечки, на которыхъ изсѣчено по одному іероглифу почерка «чжуань». Точнѣе, на сторонахъ:

СВ. ЮВ. СЗ. и ЮЗ.

О существованіи этихъ іероглифовъ китайцы въ своихъ описаніяхъ Панъцуй-шани даже не упоминаютъ, тѣ же четыре іероглифа, на которые обращаютъ они свое особое вниманіе, и объясненіе которыхъ мы уже представили, находятся на южной грани цилиндра изсѣченными вертикальною линіею. Всѣ эти надписи я снялъ эстампажемъ. Повидимому, онѣ имѣютъ нѣсколько иное начертаніе чѣмъ то, которое придаютъ имъ ученые манда-

рины. Мои эстампажные снимки точно засвидѣтельствуютъ это и нашимъ европейскимъ синологамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый, занимавшійся географіею этихъ странъ, интересовался Панъ-цуй-шанью, поэтому то я и распространился такъ надъ ея описаніемъ. Между моимъ осмотромъ и изслѣдованіями лорда Макартнея прошло ровно 100 лѣтъ. Общія формы и положеніе у горы остались, кажется, совершенно тѣми же, какими наблюдало ихъ и англійское посольство; но высота скалы и пика, повидимому, нѣсколько уменьшились. Кустарники, бывшіе на верхней площадкѣ пика, исчезли и вся гора, кажется, значительно обнажилась, будучи сильно размываема дождями и обвѣваема вѣтромъ. Китайское названіе ея «Панъ-цуй-шань», что значитъ «палицевая гора», произошло несомнѣнно отъ ея формы, напоминающей собою палицу, или дубину. Происхожденіе Панъ-цуй-шань'скаго пика съ достаточною основательностью объяснено лордомъ Макартнеемъ и надо думать, что причудливая форма ея обязана своимъ существованіемъ тѣмъ же обстоятельствамъ, при которыхъ совершились и многія другія образованія этого рода въ горахъ, состоящихъ изъ песчаниковъ и пуддингстоновъ. Таковы, напримѣръ, Colonnes de fées въ долинѣ С-Жерве, у сѣв.-западной подошвы цѣпи Монблана.

За время моего пребыванія въ Жэ-хэ мною была наблюдаема въ этомъ городѣ нижеслѣдующая температура.

Числа мѣсяца.	Часы дня.					
	6 ч. ут.	9 ч. ут.	12 ч. дня,	3 ч. попол.	6 ч. веч.	9 ч. веч.
21-го	+9°;	—	+20°;	+20°;	+16;	+14°;
22-го	+8°;	+15°;	+22°;	+24°;	+17°;	+11°;
23-го	+9°;	+16	+20°;	+25°;	+14	+ 8.
(Въ этотъ день съ 5 ч. вечера были дождь и гроза).						
24-го	+7°;	+17°;	+17½°;	+20°;	+15°;	+10°;
25-го	+8°;	+13°;	+17°;	+15°;	+14°;	+ 9½.

VI. По дорогѣ отъ Чэнъ-дэ-фу къ Долонъ-нуру.

26-ое Апрѣля. Понедѣльникъ.

6 ч. +8°; 9 ч. +10½°; 12 ч. +14°; 3 ч. +15°; 6 ч. +11°; 9 ч. +9°

Обратный путь изъ Чэнъ-дэ-фу я намѣревался сдѣлать прежде всего на городъ Пинь-цюань-чжоу, гдѣ ожидалъ я собрать основательныя свѣдѣнія о возстаніи въ Монголіи 1891-92-го годовъ. Съ этою цѣлью я еще въ Пекинѣ заручился рекомендательными письмами какъ къ пинъ-цюань-чжоу'скимъ начальникамъ отъ знакомыхъ мнѣ китайскихъ чиновниковъ, такъ и къ па-гоу'скому католическому епископу, которому любезно реко-

мендовалъ меня Père Favier. Изъ Пинь-цюань-чжоу я хотѣлъ проѣхать на Цзянь-чанъ-сянь и далѣе на сѣверъ по берегамъ Лао-хэ до Чи-фынъ-сяня (Улāнъ-хадà). На этомъ пути я думалъ поближе познакомиться съ хорчѝнами, аохàнями онūтами и тӯмэ̀тами, а изъ мѣстныхъ явленій природы мнѣ особенно хотѣлось видѣть лао-хэ'скій водопадъ, находящійся, какъ это было мнѣ извѣстно, верстахъ въ 40 на сѣв.-востокъ отъ резиденціи аохàнь'скаго вàна. У китайцевъ водопадъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Юй-бао. Разказывали, что вода падаетъ тамъ съ отвѣсно стоящей высокой скалы такъ, что между струею водопада и стѣною скалы можетъ пройти завьюченный верблюдъ, причемъ его даже не замочитъ водою. Шумъ отъ паденія воды слышенъ на далекое пространство, почему въ просторѣчіи китайцевъ водопадъ этотъ извѣстенъ еще подъ именемъ «сянъ шуй» (響水), т. е. шумной воды». Надо думать, что водопадъ этотъ очень красивъ. Императоръ Цянь-лунъ неоднократно посѣщалъ его и каждое свое посѣщеніе ознаменовывалъ какимъ либо знакомъ своего вниманія къ водопаду. Такъ, въ 8-ой лунѣ 1744 г. онъ далъ ему титулъ «юй-бао», т. е. драгоцѣннаго водопада, въ другіе разы писалъ въ честь его стихи и проч. Однако поѣздкѣ моей въ данную мѣстность не суждено было совершиться, ибо китайцы на отрѣзъ отказались везти меня. Прежде всего они говорили мнѣ, что на всемъ пути по этой, опустошенной возстаніемъ странѣ, нѣтъ ни одной гостинницы и негдѣ найти ни пристаница, ни корма для муловъ. Можно ѣхать на верблюдахъ, но во 1-хъ ни у кого въ Жэ-хэ нѣтъ этихъ животныхъ, а во 2-хъ если бы и были они, то никто не отважится везти меня. Другое дѣло — ѣхать въ большомъ караванѣ, тамъ и болѣе безопасно днемъ, и возможны правильныя дежурства ночью; а при двухъ погонщикахъ насъ непремѣнно ограбятъ если не на первую, то на вторую ночь и что же мы будемъ тогда дѣлать безъ животныхъ? Такъ разсуждали со мною извозчики, которые привезли меня изъ Калгана, а жэ-хэ'скіе такъ и ничего не говорили, а выслушавъ мой маршрутъ, поворачивали назадъ и коротко сообщали: «нѣтъ, туда мы не поѣдемъ». При такомъ положеніи дѣла мнѣ ничего не оставалось какъ ѣхать обратно тою же дорогою и я рѣшился на это тѣмъ болѣе, что путь отъ Чэнъ-дэ-фу до Фынъ-нинъ-сяня остался у меня незаписаннымъ и даже почти не осмотрѣннымъ.

26-го Апрѣля съ утра былъ порядочный дождикъ. Часамъ къ 10 дня онъ пересталъ и въ 10 ч. 45 м. мы оставили свою гостинницу и двинулись въ обратный путь. Послѣднимъ зданіемъ въ городѣ была для насъ кумирня Вань-фу-сы (萬富寺) и засимъ мы вступили въ довольно широкое ущелье, по которому намъ попадались, на разстояніи 50 и самое большое 100 саженей другъ отъ друга, отдѣльныя фанзы съ прилежащими къ

нимъ огородами. Черезъ какой нибудь часъ ѣзды ущелье уже значительно съузилось и въ 12-ть часовъ мы миновали хорошенькую, хотя и очень небольшую кумирню, основанную лѣтъ 10 тому назадъ дэмчѝ ламо̀ю жэхэ'скаго Шара̀-сӱмэ̀ (Фу-жэнь-сы), по имени Чжанъ-лао-ѣ. Внутри кумирня эта, раздѣленная на три цзяня, представляетъ собою какую то странную смѣсь бурха̀новъ цзонхавѝнскихъ и древне-буддійскихъ краснаго толка. Посвящена эта кумирня въ честь Лю-бэ̀й'я, одного изъ спутниковъ Гуань-ди. Отъ кумирни Чжанъ-лао-ѣ-мяо начинается уже крутой подъемъ на перевалъ, съ вершины котораго открывается прелестный видъ какъ на

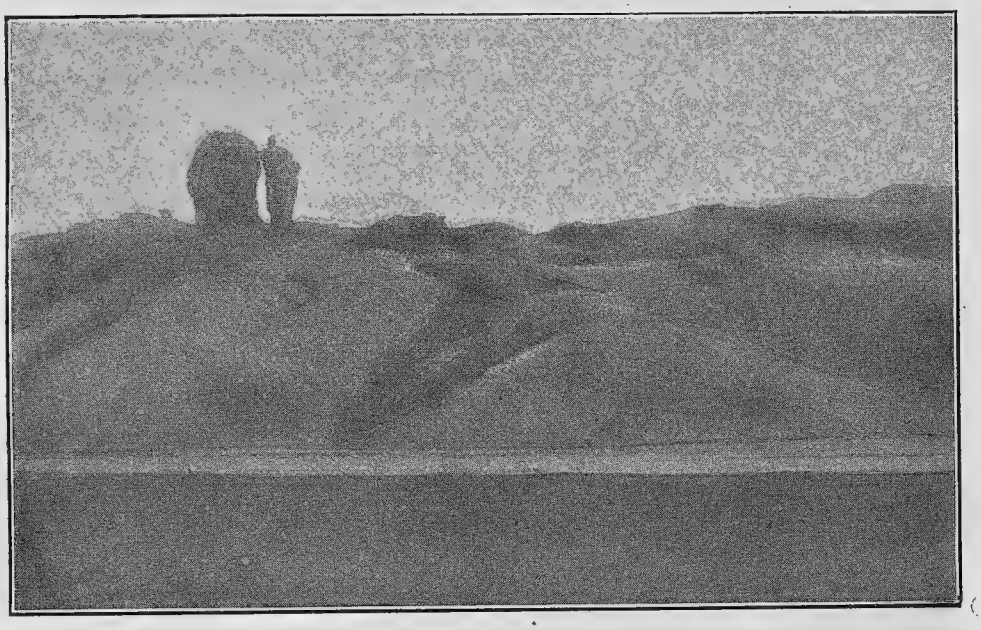
Видъ съ перевала Гуанъ-жэнь линъ.

ущелье такъ и на всѣ окрестности Жэхэ, хотя самаго города и не видно. Въ самой срединѣ этого ландшафта видится вдали Панъ-цуй-шань'скій пикъ, высящійся какъ черная башня на вершинѣ своей скалы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вершины перевала стоитъ кумирня и при ней кіоскъ съ прекрасно сохранившимся каменописнымъ памятникомъ отъ временъ Цяньлуна. На самой вершинѣ перевала дорога представляется высѣченною въ скалѣ, на глубину приблизительно сажени, или аршинъ 4-хъ, а на образовавшейся такимъ образомъ стѣнѣ скалы красуется надпись 丞德府交界 т. е. «пограничная межа Чэнъ-дэ-фу». Надъ этою надписью уже на верхушкѣ стѣны воздвигнута каменная плита, на которой значится:

旨廣仁嶺康熙五十年歲次戊仲秋穀旦 Это значитъ: «Высочайшимъ указомъ (перевалъ наименованъ) Гуанъ-жэнь-линъ въ счастливый день средней осенней луны 50-го лѣта правленія Канси (1711), въ годъ подъ циклическимъ знакомъ «сюй».

Спускъ съ перевала Гуанъ-жэнь-линъ въ сторону теченія р. Луань-хэ необычайно крутъ. Ни одна лошадь и ни одинъ мулъ не въ силахъ сдержать здѣсь телѣги, также точно какъ почти безполезными являются и тормазы; поэтому, при спускѣ съ Гуанъ-жэнь-лина, китайцы практикуютъ такой способъ. Къ телѣжной оси они привязываютъ постромки, обращая ихъ назадъ и впрягаютъ муловъ въ эти постромки сзади телѣги. Самъ возница идетъ впереди этихъ муловъ и постоянно держитъ бичь передъ ихъ мордой. Мулы, упираясь всего силою своихъ ногъ, не даютъ телѣгѣ катиться внизъ съ тою стремительностію, которая непремѣнно сообщилась бы ей внѣ этого способа сдерживанія телѣги. У ѣдущихъ на одномъ мулѣ очень часто бываетъ, что животное, не будучи во силахъ сдерживать напоръ тяжелой телѣги, падаетъ и скатывается съ Гуанъ-жэнь-лина; причемъ, конечно, не рѣдко и увѣчится, не говоря уже о возможности порчи телѣги и положенной на ней клади. Цѣлыхъ 20 минутъ возились мы на этой кручи перевала и только въ 1 ч. 20 м. въѣхали въ стоящую у подножія его деревеньку Линъ-ди-ся, состоящую изъ 6 дворовъ. Отсюда въ направленіи къ Луань-хэ идетъ уже пологій, но очень длинный и каменистый спускъ по довольно широкому ущелью. Внѣшній видъ его поражаетъ необыкновеннымъ для Монголіи присутствіемъ телеграфныхъ столбовъ линіи, соединяющей Тянь-цзинъ и Маньчжурію. Чѣмъ ниже тѣмъ все больше расширяется ущелье и горы, окаймляющія его съ лѣвой стороны, становятся выше. Въ 1 ч. 50 м. мы повстрѣчали новую деревеньку Туцзя-дянь. Отъ нея открывается интересный видъ на южныя горы, имѣющія здѣсь самыя причудливыя формы. Таковою прежде всего представляется гора Юань-бао-шань, у которой на вершинѣ лежитъ черная скала съ основаніемъ уже ея вершины; по формѣ она напоминаетъ собою 50-ти ланный слитокъ серебра и отсюда, конечно, произошло ея названіе. Черезъ полчаса дальнѣйшей ѣзды мы повстрѣчали здѣсь миніатюры Панъ-цуй-шани въ полномъ смыслѣ этого слова. То былъ цѣлый рядъ вывѣтрившихся скалъ, двѣ изъ которыхъ казались особливо выдающимися по своей величинѣ. Подобно Панъ-цуй-шани онѣ являлись разширяющимися у своей вершины, но достойнымъ особеннаго замѣчанія было въ нихъ то, что на одной изъ двухъ таковыхъ, о-бокъ стоящихъ, скалъ, доселѣ еще сохранилась небольшая каменная кумирня, по словамъ мѣстныхъ китайцевъ, со стоящимъ въ ней, также изсѣченнымъ изъ камня, изображеніемъ Фо. Ку-

мирня эта въ настоящую пору уже совершенно недоступна для мѣстнаго населенія, почему въ сердцахъ его сложилось вѣрованіе объ ея самобыт-



Сō-та-шань'скіе пики.

ности, лучше сказать, объ ея построеніи буддами. Но, оставляя въ сторонѣ эти вѣрованія и легенды, мы, глядя на эту кумирню, могли придти къ одному убѣжденію, что геологическія измѣненія совершаются здѣсь очень быстро и что образованіе многихъ пиковъ, подобныхъ Панъ-цуй-шань'скому, совершилось здѣсь во времена весьма и весьма историческія. Общее названіе горъ, на которыхъ высятся разсматриваемые пики, Сō-та-шань, (塔山) почему и пики эти носятъ названіе «сō-та-шань'скихъ». Подробный осмотръ возвигнутой на нихъ кумирни, можетъ быть, точно указалъ бы намъ годъ ея построенія и слѣдовательно ту пору, когда къ этой кумирнѣ свободно подходилъ еще человѣкъ, слѣдуя по мягкой почвѣ горной вершины, нынѣ сплошь унесенной дождевыми водами и обвѣянной вѣтрами.

Въ линіи Сō-та-шань'скихъ пиковъ ущелье расширяется уже верстъ на 5-ть и является почти сплошь распаханнымъ. Эти пашни попрепятствовали мнѣ подойти къ Сō-та-шани, такъ что фотографическій снимокъ ихъ былъ исполненъ мною съ пространства версты за четыре, изъ деревни Тунъ-пяо-рлъ, съ жителями которой я разговаривалъ о Сō-та-шани. По словамъ ихъ «сō-та-шань'скіе пики возвышаются теперь надъ уровнемъ горы сажени на четыре и подняться на ихъ вершину не представляется ни какой возможности. Деревенька Тунъ-пяо-рлъ, заключающая въ себѣ всего

15 дворовъ, представляется очень бѣдной: покосившіяся и полуразвалившіяся зданія ея окружены оградами частію изъ камня, а частію изъ соломы, крыши на зданіяхъ также повсюду соломенныя. Кумирня этой деревушки отстоитъ отъ нея на четверть версты, или немного болѣе, въ поселочкѣ Ча-пынъ, (茶 棚), четыре двора котораго составляютъ, говорятъ, поселокъ гораздо болѣе древній, чѣмъ Тунъ-пяо-рлъ. Въ 3 часа дня мы выѣхали изъ ущелья и вступили въ долину рѣки Луань-хэ, которая, притекая сюда съ С.-запада, круто поворачиваетъ здѣсь на Западо-Юго-Западъ, будучи преграждаема въ своемъ теченіи Сѣ-та-шань'ю. Дорога, послѣдуя вверхъ по теченію рѣки, также круто поворачиваетъ на ССЗападъ. Долина р. Луань-хэ имѣетъ здѣсь ширины не менѣе 10 верстъ; ближе къ горамъ почва ея глиниста и, отъ недавно прошедшаго дождя, превратилась въ непролазную грязь; ниже и ближе къ рѣчному руслу залегаютъ пески, по которымъ было бы ѣхать теперь прекрасно, если бы масса выбоинъ и котловинъ, наполненныхъ водою, не пресѣкала возможности движенія по нимъ и не заставляла бы подниматься выше къ горамъ. Версты черезъ три мы завидѣли городишко Луань-пинъ-сянь и прямо противъ него должны были переправиться черезъ Луань-хэ. Рѣка течетъ здѣсь довольно спокойно двумя протоками, каждая изъ которыхъ достигаетъ ширины 30

Мостъ близъ г. Луань-пинъ сяня.

саженей, при общей глубинѣ не свыше $\frac{1}{2}$ аршина. Черезъ каждую изъ протокъ Луань-хэ устроенъ очень оригинальный мостъ на плетушкахъ. Изъ

прутьевъ березы сплетены цилиндры, окружность которыхъ равняется, вѣроятно, не менѣе какъ 5 или даже 6 саженямъ. Цилиндры опускаютъ въ воду и засимъ въ средину ихъ набрасываютъ камней, песку и другого рода тяжестей. Такимъ образомъ получаются оригинальные быки, на которые набрасывается настилка моста, состоящая то изъ бревенъ, то изъ плетней. Поверхъ этой настилки навалены грудами камни, глина, хворостъ, словомъ все что только возможно и эта то настилка служитъ дорожнымъ полотномъ моста. Плетни, занимающіе пространство между быками, давно уже опустились подъ давленіемъ провозимыхъ тяжестей и весь мостъ представляетъ собою рядъ колдобинъ, въ которыя ежесекундно ныряетъ телѣга, двигаясь по этому мосту. Трудно представить сколько животной силы тратится на этомъ варварскомъ сооруженіи. Правый берегъ Луань-хэ покрытъ глубокими и сыпучими песками, которые тянутся вплоть до города Луань-пинъ-сяня, отстоящаго лишь на 20 минутъ ходьбы отъ Луань-хэ'скаго моста.

Луань-пинъ-сянь (灤平縣) раскинулся несравненно больше Фынъ-нинъ-сян'я, хотя и представляется гораздо бѣднѣе его. Его нельзя сравнить даже съ хорошимъ китайскимъ поселкомъ, какъ, напримѣръ, съ Го-цзя тун'омъ: это просто группа лачужекъ, построенныхъ по берегамъ нѣсколькихъ сухихъ овраговъ, образованныхъ руслами теченія Луань-хэ, въ періодъ ея разливовъ. Въ остальное время года по этимъ сухимъ оврагамъ проходятъ всѣ городскія дороги. Всѣхъ дворовъ въ Луань-пинъ-сяни считается свыше 700, но въ числѣ ихъ не наберется и десятка порядочныхъ хотя бы на китайскую руку зданій. Положеніе Луань-пинъ-сяня на большомъ торговомъ трактѣ, соединяющемъ Тянь-цзинъ, Пекинъ, Жэхэ, и Долбунъ-нуръ, объясняетъ главное занятіе его жителей: здѣсь что ни домъ, то постоялый дворъ, но при этомъ постоялый дворъ самаго низшаго разбора. Извѣстно, что китайцы, при своемъ движеніи по дорогамъ, имѣютъ себя уже искони вѣковъ заурочепные пункты для полдниковъ и ночлеговъ; при этомъ лучшіе постоялые дворы можно встрѣчать у нихъ только въ мѣстахъ ночлеговъ, тогда какъ на полдникахъ, гдѣ вся остановка длится не болѣе 45 мин., много 1 часа,—у нихъ не требуется почти ничего особеннаго для угощенія путниковъ. Мало того, пункты полудниковъ при выѣздѣ изъ большихъ городовъ не рѣдко вовсе проѣзжаются извозчиками мимо, если эти послѣдніе знаютъ, что животныя ихъ не утомлены на столько, что бы безъ труда достигнуть почлега. Положеніе постоялыхъ дворовъ въ такихъ пунктахъ еще хуже въ отношеніи заработка и именно въ этомъ состояніи находится Луань-пинъ-сянь. Проточной воды въ Луань-пинъ-сяни, за исключеніемъ времени разлива Луань-хэ, не бываетъ вовсе и жители по-

лучаютъ воду исключительно изъ колодцевъ. Въ городѣ имѣется только три кумирни. Торговля ведется восьмью большими лавками, къ которымъ присоединяется до 40 малыхъ, продающихъ либо старье, либо новые товары, получаемые ими отъ своихъ же мѣстныхъ торговцевъ, такъ сказать, на коммиссію. Самыми значительными фирмами считаются: Да-ди-чуань, Да-ди-шэнъ и Да-шэнъ-юнъ. Изъ различныхъ сортовъ чая въ этихъ лавкахъ можно найти только идущій въ мѣстномъ употребленіи «сань-пянь», привозимый изъ Жэ-хэ; бумажные товары идутъ изъ Тянь-цзина и Пекина; соль привозится изъ Долōнъ-нӯра въ количествѣ не свыше 30 верблюжьихъ вьюковъ въ годъ; шелковыхъ матерій въ городѣ не продается вовсе. Вышепомянутыя три фирмы, торгуя краснымъ товаромъ и чаемъ, въ тоже время занимаются и размѣномъ денегъ, особыхъ же банкирскихъ конторъ, или даже мѣняльныхъ лавокъ, въ Луань-пинъ-сяни не имѣется. Въ западномъ концѣ города находится слобода для поселенія маньчжурскихъ солдатъ 8 знаменъ. Всего ихъ числится здѣсь 400 человѣкъ, по 100 латниковъ отъ знаменъ простого бѣлаго, простого синяго, синяго съ каймою и простого краснаго. Занимаются они, какъ и большинство мѣстныхъ жителей, главнымъ образомъ земледѣліемъ и только изрѣдка, по выраженію бесѣдовавшаго со мною китайца, «забавляются» стрѣльбою изъ луковъ.

Отъ Луань-пинъ сяня до близъ лежащихъ западныхъ горъ дорога идетъ пологимъ подъемомъ къ этимъ горамъ, но полотно ея совершенно ровное, такъ какъ оно проходитъ по руслу ручья, образующагося потокомъ горныхъ водъ. Окрестныя мѣста сплошь распаханы и какъ пашни эти принадлежатъ городскимъ обывателямъ, то на пространствѣ отъ города до горъ нѣтъ ни одного жилища. Въ 4 ч. 35 м., миновавъ Луань-пинъ-сяньскую долину, мы вступили въ горное ущелье. По началу оно широко и сплошь распахано: жилища поселянъ виднѣются построенными только въ узенькихъ распадкахъ горъ и ютящимися у горныхъ скалъ. Черезъ 20 мин. миновали бѣдную деревеньку Па-ли-чжуань, въ которой насчитывается всего 11 дворовъ. Въ 5 ч. 20 м. отъ деревни Сяо-цзя-дянь ущелье начало дѣлаться каменистымъ; этотъ характеръ его увеличился у деревни Хуанъ-цзя-дянь, въ 5 ч. 35 мин. (9 дворовъ) и наконецъ дорога сдѣлалась просто невыносимой въ 5 ч. 45 м. у поселка Вэй-цза-юй, въ два двора. Громадныя каменныя глыбы лежатъ здѣсь прямо на дорогѣ и телѣга бьется по нимъ съ такою силою, что ѣхать въ ней рѣшительно не возможно. Въ 5 ч. 55 м. мы добрались до подножія перевала у котораго стоитъ еще деревенька въ 8 дворовъ, по обычаю, именуемая Линъ-ди-ся. Издали она представляетъ собою очень красивенькій и уютный уголокъ, утопая въ садахъ и деревьяхъ. Со стороны перевала она защищена громадными грудами

камней, собранныхъ во время расчистки горной дороги. Перевалъ этотъ, именуемый Хо-ту-линъ, у подошвы пологій, хотя и очень каменистъ, не смотря на производимыя на немъ расчистки. Съ половины подъема онъ становится круче вообще, да по мимо того движеніе здѣсь не мало затрудняется еще обиліемъ отдѣльныхъ пригорковъ, по которымъ постоянно приходится то подниматься, то опускаться слѣдуя по перевалу. У своей вершины Хо-ту-линъ дѣлается положительно крутымъ и труднымъ для подъема. Спускъ съ перевала на сѣверную сторону его носитъ тотъ же характеръ, только болѣе мягкія формы горы дали здѣсь возможность устроить нѣсколько объѣздовъ, что значительно сокращаетъ крутизну ея дороги. По такимъ объѣздамъ мы въ 6 ч. 30 м. достигли кумирни Лао-ѣ мяо съ стоящимъ при ней единственнымъ дворикомъ какого то стараго хэшана. Отъ этой кумирни спускъ дѣлается уже пологимъ, а черезъ 15 м. мы достигли деревни Хунъ-чжу-ла, въ 10 дворовъ, въ числѣ которыхъ было двѣ гостинницы и одна лавка. Отъ этой деревни отдѣляется къ югу большая дорога на проходъ Гу-бэй-коу. Хозяева гостинницъ, узнавъ, что мои извозчики не имѣютъ особыхъ знакомствъ по этой дорогѣ, приглашали насъ ночевать къ себѣ, но мои китайцы порѣшили останавливаться на тѣхъ же дворахъ, на которыхъ останавливались мы въ передній путь; по этому, миновавъ въ 7 часовъ вечера деревеньку Сань-хэ-юй-чжуань и выѣхавъ изъ ущелья Хо-ту лин'а, мы въ 7 ч. 30 м. добрались до военнаго поселка Ванъ-цзя инъ-цза и здѣсь заночевали.

27-е Апрѣля. Вторникъ.

6 ч. +6°; 9 ч. +16°; 12 ч. +19°; 3 ч. +18°; 6 ч. +14°; 9 ч. +12°.

Поселокъ Ванъ-цзя-инъ (王家營) представляетъ собою большое и торговое селеніе, въ которомъ имѣется до 60 дворовъ и до 10 лавокъ. Встарину здѣсь находился, говорятъ, походный дворецъ (行宮) богдохана, назначенный на случай остановки здѣсь сына неба, производившаго въ этихъ мѣстахъ свою охоту и облавы на дикихъ звѣрей; нынѣ отъ дворца этого не осталось уже ни одного камня. Мы выѣхали изъ Ванъ-цзя-инъ-цза въ 6 ч. 30 м. и продолжали путь свой по ущелью чрезвычайно каменистому и узкому на столько, что дно его сполна занято русломъ ручья, называемаго Сяо-хэ-цза и имѣющаго въ ширину иногда сажень, а мѣстами и двѣ сажени. По внѣшнему своему виду ущелье дико. Горы его стоятъ то отвѣсными скалами, обнажая вертикальные пласты дикаго камня, то представляютъ массивныя груды громадныхъ валуновъ, лежащихъ безпорядочными массами и выставляющихъ свои безконечно разнообразныя формы. Ущелье это называется Цзинь-цзя-гоу. Въ 7 ч. 10 м. мы достигли

деревеньки Янъ-са-гоу, въ 6 бѣдныхъ дворовъ, у которой должны были простоять минутъ 10, въ ожиданіи, пока ущельемъ, по которому намъ предстояло слѣдовать, проѣдетъ поѣздъ Фынъ-нинъ-сянь'скаго чжи-сяня, между тѣмъ какъ одинъ изъ моихъ проводниковъ побѣжалъ впередъ извѣщать о томъ, что мы въѣхали въ ущелье. Все это по истинѣ курьезно. Поѣздъ чжи-сяня встрѣтился намъ почти при выѣздѣ нашемъ изъ Ванъ-цзя-инъ-цза и доселѣ постоянно сталкивался своими колесами съ нашей телѣгой. Чжи-сянь былъ назначенъ на новую должность въ Лао-ху-коу (по Янъ-цзы, нѣсколько западнѣе Хань-коу) и переѣзжалъ теперь къ мѣсту своего новаго служенія. Поѣздъ его открывали 18 телѣгъ, съ разными вьюками и сундуками, слѣдовавшихъ подъ охраною солдатъ, по одному на каждую телѣгу; далѣе ѣхало верхами до 10 чиновниковъ съ бѣлыми прозрачными, бѣлыми непрозрачными и мѣдными шариками; еще далѣе узкія и длинныя дроги, запряженныя цугомъ четверкою лошадей и муловъ, — въ дрогахъ этихъ сидѣло 8 человѣкъ носильщиковъ чжи-сянь'скаго паланкина; за ними слѣдовалъ наконецъ самый паланкинъ чжи-сяня, обитый зеленою шерстяною матеріею и несомый 8-ю носильщиками. Въ деревнѣ Янъ-са-гоу они смѣнились: несшіе доселѣ чжи-сяня усѣлись на вышепомянутыя дроги, а сидѣвшіе на дрогахъ заняли ихъ мѣсто и понесли своего мандарина дальше. Вслѣдъ за паланкиномъ мандарина шли 16 человѣкъ носильщиковъ, тащившихъ кто на рукахъ, кто на плечахъ, а кто на головѣ, одинъ — футляръ, очевидно, со шляпами мандарина, другой — его вооруженіе, третій — какъ будто письменныя принадлежности, прочіе — разнаго рода иныя мелкія вещи. Я искренно радовался, что этотъ поѣздъ чжи-сяня попрепятствовалъ нашему движенію всего только минутъ на 10, тогда какъ, по словамъ моихъ извозчиковъ, мы могли быть задержаны въ Янъ-са-гоу часа на два и болѣе. Все это стало понятно мнѣ лишь при дальнѣйшемъ слѣдованіи по дорогѣ. Отъ деревни Янъ-са-гоу ущелье Цзинь-цзя-гоу версты на 4 къ западу имѣетъ совершенный видъ обращеннаго внизъ своею вершиною угла, стороны котораго довольно отлоги, хотя и не настолько чтобы по нимъ могла быть проложена колесная дорога. Ярко бросается въ глаза еще и та особенность, что на всемъ этомъ пространствѣ, по горѣ правой боковины ущелья, тянутся три терассы: одна, почти у вершины горы, шириною саженей въ 15, другая нѣсколько ниже, саженей въ 8, или 9, а третья, по подножію горы, едва достигаетъ сажени, мѣстами же сокращается и до $1\frac{3}{4}$ арш. Двѣ верхнія площади заняты сплошь пашнями, третья, самая узкая, оставлена для проѣзжаго и торговаго тракта. Разъѣхаться по этой дорогѣ двумъ телѣгамъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности; оттого то каждый караванъ или поѣздъ, подъѣзжая къ одной сто-

ронѣ ущелья, непремѣнно посылаетъ впередъ гонца съ извѣщеніемъ, что дорога по ущелью занята и въѣзжать въ него нельзя. Понятно, какъ былъ я счастливъ, заставъ у устья ущелья уже хвостъ чжи-сянь'скаго поѣзда: могъ встрѣтиться еле вступившій въ ущелье обозъ въ 150, 200 бычьихъ телѣгъ и тогда пришлось бы прождать открытія дороги часа два, а то и болѣе. По истинѣ только въ высокоцивилизованномъ Китаѣ можно встрѣтить такого рода торгово-караванные и проѣзжіе пути, свидѣтельствующіе о степени развитія въ немъ общественной жизни. Въ 8 ч. 20 м. мы въѣхали въ деревушку Цзинь-цзя гоу мынь-эръ, въ 7 дворовъ, стоящихъ при самомъ входѣ въ ущелье съ СВ стороны его. Домики сплошь представляютъ собою харчевни, которыя, говорятъ, изрядно торгуютъ съ проѣзжающими и задерживаемыми ущельемъ извощиками. Въ деревенькѣ имѣется хорошенькая кумирня, противъ которой въ моментъ нашего проѣзда устроивался временный театръ изъ рогожекъ, для какихъ-то проѣзжихъ актеровъ. Отсюда ущелье расширяется и дорога проходитъ такъ сказать по горной пади; она несравненно менѣе камениста, хотя и совершенно не разработана. Ровно черезъ часъ дальнѣйшей ѣзды отсюда мы вступили уже въ сравнительно большой поселокъ Сы-дао лянъ, заключающій въ себѣ не менѣе 70 домовъ съ постоялыми дворами, гостинницами и харчевнями для прохожихъ. Послѣдніе представляютъ здѣсь собою совершенно особый типъ ресторацій, не встрѣчавшійся мнѣ въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго и застѣннаго Китая. У входной двери передъ домомъ хозяина дѣлается навѣсъ изъ 4-хъ колышковъ, покрытыхъ циновкой. Подъ этимъ навѣсомъ устроивается печь и длинные, неподвижные столы и лавки или изъ досокъ, или еще чаще изъ глины. Прохожій, не вступая въ домъ, можетъ здѣсь присѣсть, выпить чаю, или съѣсть блинъ и идти далѣе. Отпускаются здѣсь всѣ пищевые продукты по болѣе дешевой цѣнѣ. На ряду съ этими харчевнями стоятъ столики коробейниковъ, продающихъ въ самой мелочной розницѣ табакъ, спички, трубки, муку, кусочки холста и проч. Отъ деревни Сы-дао-лянъ падь еще болѣе расширяется, дорога дѣлается ровнѣе и камни на ней пропадаютъ. Въ 9 ч. 55 м. мы миновали деревню Сань-дао-гоу, съ 25 дворами, 2-мя харчевнями для прохожихъ и однимъ кабакомъ, а въ 10 ч. 30 м.—деревеньку Чуэ-цза-гоу, отъ которой начинается подъемъ на невысокій перевалъ. Дорога по нему довольно легкая, а на вершинѣ его воздвигнута каменная плита, съ надписью, обозначающею имя перевала «Ань-цзы-линъ» (鞍子嶺) и датою, свидѣтельствующею, что постановка этой плиты относится къ 5-му году правленія Цянь-луна (1740 г.). При спускѣ съ перевала на сѣверную сторону стоитъ деревенька того же имени Ань-цзы-линъ, съ 20 домиками очень бѣдной

постройки. Отсюда показалась намъ замѣчательная по своему внѣшнему виду гора Ло-то шань, (駱 駝), имѣющая странное подобіе лежащаго верблюда. Неподалеку отъ подножія ея раскидывается большой поселокъ Чанъ-сай-юй, въ которомъ мы въ 11 ч. 25 м. остановились для отдыха.

Выѣхавъ изъ Чанъ-сай-юй'я въ 1 ч. 5 м., мы должны были разстаться здѣсь съ однимъ изъ знаковъ цивилизаціи Китая, — телеграфными столбами, которые доселѣ постоянно окаймляли нашу дорогу, начиная отъ Луань-пинъ-сяня, а теперь потянулись на востокъ, въ Маньчжурію, тогда какъ наша дорога уклонилась на СЗ. Черезъ 20 мин. ѣзды мы проѣхали бѣдную деревеньку Си-инъ-цза, въ 14 дворовъ; иначе деревенька эта называется Чао-янъ-дунъ, отъ имени какой то каменной пещеры, служащей мѣстопребываніемъ для китайскихъ хэшановъ, упражняющихся въ созерцаніяхъ. Здѣсь мы опять вступили въ ущелье, хотя и довольно широкое, но чрезвычайно каменистое и неудобное для ѣзды. Тянется оно приблизительно верстъ на 8 и на всемъ этомъ протяженіи имѣется только одна де-

Видъ деревни Нюй-инъ-цза.

ревня Нюй-инъ-цза, необыкновенно характерная для всѣхъ китайскихъ поселковъ этой мѣстности. Горы, стоящія по бокамъ этого ущелья, низпадаютъ къ нему почти отвѣсными утесами и здѣсь, на высотѣ приблизительно 30, 35 саженей, увидали мы кумирню съ двумя пещерами по бокамъ ея. По страшной крутизнѣ поднялись мы до высоты ея, буквально ползя на

четверенькахъ и засимъ узенькой тропинкой, въ ширину не болѣе ½ аршина, должны были идти къ этой кумирнѣ. Проводники мои назвали мнѣ ее Нянъ-нянъ-мяо и говорили, что это кумирня дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ и дамъ[1]). Я могъ подумать только, что молодое поколѣніе и прекрасный полъ у китайцевъ должны имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобы ходить сюда на поклоненіе. Кумирня Нянъ-нянъ-мяо высѣчена въ скалѣ и представляетъ собою пещеру, даже не защищенную дверями. Сѣдалища идоловъ, жертвенники и сосуды, все это высѣчено изъ камня. Бурханы большею частью приготовлены изъ глины и раскрашены соотвѣтствующими красками. Въ главной кумирнѣ только одно изображеніе Гуань-инь; въ боковой на право — кумиръ будды, окруженный статуетками маленькихъ дѣтей. Въ четверти часа ѣзды отъ этой кумирни находится деревушка Ча-дао-ко-ръ, въ 4 двора. Отъ нея ущелье становится шире и менѣе каменисто, а дорога ровнѣе. Здѣсь повстрѣчали мы поѣздъ китайскихъ переселенцевъ, движущійся изъ Шанъ-дун'а въ Монголію. Всего было здѣсь 8 телѣгъ, каждая изъ которыхъ была запряжена тремя лō-цзы. Телѣги эти представляли собою цѣлый домъ и были въ 4 аршина длиною и 1½ арш. ширины. Имущества переселенцы не везли съ собою никакого, помимо шубъ, тряпокъ, тыквенныхъ ковшей и котелковъ для варенія пищи. Все это было безпорядочно напихано въ телѣги, гдѣ помѣщались еще матери и дѣти, между тѣмъ какъ главы семейства совершали свой путь пѣшкомъ. Они сообщили мнѣ, что предприняли переселеніе въ Монголію за недостаткомъ земель на родинѣ, но куда именно они ѣдутъ и гдѣ остановятся, о томъ не знаютъ сами. «Въ Монголіи земли много», говорили они, хотя тутъ же добавляли, что не разсчитывали, что имъ придется такъ далеко ѣхать за Великою стѣною. Въ 4 ч. 20 м. мы миновали еще одну деревеньку Цай-сы-ко-ръ, въ 5 дворовъ; отъ нея начался для насъ пологій, но чрезвычайно каменистый спускъ, который привелъ насъ въ обширную равнину, сплошь покрытую пашнями. Поля засѣяны исключительно пшеницей, которая поспѣваетъ здѣсь въ 6 лунѣ. Послѣ получасоваго движенія по полямъ, мы выѣхали на большой трактъ и поворотили прямо на СЗ. Здѣсь очевидно происходитъ раздѣленіе Фынъ-нинъ-сянь'скаго тракта: дорога, направляющаяся на ЮВ, ведетъ въ Луань-пинъ, а на ЮЗ, въ собственный Китай, прямо къ проходу Гу-бэй коу. Это раздѣленіе дорогъ имѣетъ свое мѣсто почти у самаго поселка Нга-цзя-тунъ, отличающагося своею вели-

1) Названіе «нянъ-нянъ мяо», дословно — «кумирня богини», по существу дѣла не даетъ точнаго опредѣленія. Правильнѣе и точнѣе будетъ сказать, что кумирня эта посвящена богинѣ Цзы-сунь нянъ-нянъ, почитаемой покровительницею дѣтей и однимъ изъ перерожденій буддійской Гуй-цзы-му.

чиною и оживленною дѣятельностью. Всѣхъ дворовъ въ немъ не менѣе 70, масса лавокъ, постоялыхъ дворовъ и наконецъ обширная рыночная площадь, что вообще очень рѣдко встрѣчается въ китайскихъ деревняхъ. Отъ этого поселка для насъ открылась хорошая, мягкая и ровная дорога между полями. Черезъ ½ часа ѣзды мы незамѣтно проѣхали полуразрушенную деревеньку Сяо-дао-гӯ-мынь. За нею пашни на время прекратились и дорога снова пошла по ущелью до поселка Ванъ цзя коу, по величинѣ своей еще превосходящаго Нга-цзя-тунъ, хотя и носящаго совершенно иной характеръ. Жители Ванъ-цзя-коу исключительно ремесленники, занимающіеся кожевеннымъ издѣліемъ. Здѣсь буквально что ни домъ, то кожевенный заводъ и представляется какъ-то даже страннымъ, что на всѣ 112 дворовъ этого поселка въ немъ всего 3, 4 лавки. Какъ необычайное обстоятельство могу отмѣтить еще то, что въ Ванъ-цзя-коу я буквально не видалъ ни одного человѣка безъ зоба. Распространеніе зобовъ вообще очень сильно въ луань-пинъ-сянь'скомъ и фынъ-нинъ-сянь-скомъ уѣздахъ; но въ Ванъ-цзя-коу оно поразительно и, говорятъ, обусловливается именно вліяніемъ мѣстной воды. Верстахъ въ двухъ отъ Ванъ-цзя-коу находится военный поселокъ Инъ-фо, добравшись до котораго въ 7 ч. 10 м. вечера, мы остановились здѣсь для ночлега.

Зобатый китаецъ изъ уѣзда Луань-пинъ.

28-е Апрѣля. Среда.

6 ч. +6°; 9 ч. +17°; 12 ч. +24°; 3 ч. +22°; 6 ч. +19°; 9 ч. +14°.

Инъ-фо представляетъ собою военный поселокъ, расположенный на

возвышенномъ берегу рѣки Синъ-чжу-хэ, не болѣе какъ въ верстѣ отъ рѣчнаго русла. Онъ заключаетъ въ себѣ свыше 40 дворовъ, принадлежащихъ военнопоселенцамъ и частію запаснымъ, а частію отбывающимъ дѣйствительную службу лу-ин'амъ. Послѣдніе составляютъ собою отрядъ въ 24 человѣка, подъ начальствомъ ба-цзуна, и основною обязанностью ихъ является теперь — служить дѣлу казенныхъ сообщеній Фынъ-нинъ-сяня съ Жэхэ, Луань-пинъ-сянемъ и Гу-бэй-коу. По словамъ хозяина гостинницы, служившей мнѣ пріютомъ, солдаты эти бываютъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, особливо по дорогѣ на Луань-пинъ. Городъ отстоитъ отъ Инъ-фо по прямой дорогѣ не болѣе какъ на 70 ли, но эта прямая дорога пролегаетъ по берегу Синъ-чжу-хэ, переходя то на одну, то на другую сторону рѣки. Зимою, когда рѣка замерзаетъ, путь этотъ совершенно удобенъ, а лѣтомъ дно Синъ-чжу-хэ является весьма топкимъ и это дѣлаетъ броды черезъ нее затруднительными и опасными. Чтобы уничтожить эти препятствія нужно построить собственно три, и minimum—два моста; однако постройки этой никто не предпринимаетъ, а потому солдаты должны ѣздить по Гу-бэй-коу'ской дорогѣ (по которой ѣхали мы), что доставляетъ имъ крюкъ приблизительно въ 50 ли; такъ какъ по этой послѣдней дорогѣ отъ Инъ-фо до Луань-пинъ-сяня уже не 70, а 120 ли. Съ внѣшней стороны Инъ-фо представляется чистенькимъ и зажиточнымъ мѣстомъ. Вечеромъ, вмѣсто обычнаго глинянаго ночника съ конопляннымъ масломъ, мнѣ подали здѣсь керосиновую лампочку, а хозяинъ разказалъ мнѣ при этомъ, что керосинъ, извѣстный у нихъ подъ именемъ «мэй-ю» (美 油 американское масло), получается ими изъ Гу-бэй-коу.

Къ великому своему удовольствію я узналъ, что мѣстнымъ китайцамъ извѣстенъ и русскій керосинъ хотя относительно достоинства его у нихъ существуютъ различныя мнѣнія, такъ одни цѣнятъ его выше американскаго, другіе говорятъ, что русскій керосинъ хорошъ только дорогой, а дешевый никуда не годенъ. Это послѣднее мнѣніе напомнило мнѣ разговоръ мой въ Тяньцзинѣ съ купцомъ Бѣлоголовымъ, который прекрасно объяснилъ мнѣ взгляды китайцевъ на русскій керосинъ. По его словамъ, керосинъ въ Китай начали впервые вывозить американцы, являющіеся и доселѣ основными поставщиками этого продукта для сыновъ поднебесной. Въ общемъ ввозъ керосина въ Китай изъ Америки превосходитъ русскую доставку въ три, если не въ четыре раза. Явленіе это при низшемъ качествѣ американскаго керосина вмѣстѣ съ его большею дороговизною, чѣмъ русскій керосинъ г. Бѣлоголовый объяснялъ главнымъ образомъ большимъ удобствомъ доставки, помимо же того онъ сообщалъ, что торгующіе американскимъ керосиномъ китайцы и иностранцы поддерживаютъ сбытъ

этого произведенія, тогда какъ мѣстные русскіе совершенно небрегутъ объ этомъ. Пользуясь такимъ отношеніемъ, конкурренты наши распространяютъ слухъ, будто русскій керосинъ даетъ много копоти и мало свѣта. Пока время и практика докажутъ не основательность этой молвы, нашъ керосинъ будетъ, конечно, въ гораздо меньшемъ спросѣ въ Китаѣ вообще чѣмъ американскій. Не мало вредитъ дѣлу также и то, что торговля русскимъ керосиномъ находится главнымъ образомъ въ рукахъ китайцевъ, покупающихъ этотъ продуктъ въ Гонконгѣ и переплачивающихъ вслѣдствіе этого лишнія коммиссіонныя деньги. Чтобы возмѣстить этотъ убытокъ, какъ оптовые, такъ и розничные китайскіе торговцы разбавляютъ при продажѣ нашъ керосинъ водою. Это послѣднее обстоятельство вполнѣ уясняетъ, почему китайцы говорятъ, что «русскій керосинъ хорошъ только дорогой». Изъ дальнѣйшей моей бесѣды здѣсь выяснилось, что въ Гу-бэйкоу русскаго керосина приходитъ очень мало и при томъ цѣны на него почти въ $1^1/_2$ раза выше чѣмъ на американскій.

Рѣка Синъ-чжу-хэ, на берегахъ коей стоитъ Инъ-фо, называется монголами Шара-тала. Она беретъ свое начало изъ горы Шархў, находящейся ли въ 80 къ западу отъ поселка Го-цзя-тунъ, въ территоріи простаго бѣлаго знамени, входящей въ составъ Фынъ-нинъ-сянь'скаго уѣзда. Основное направленіе теченія ея—на юго-востокъ и выдающимися мѣстностями, вблизи которыхъ она протекаетъ, являются поселокъ Хуа-цзя-инъ, гора Чи-шань и озеро Борò-нўръ. Неподалеку отъ послѣдняго Синъ-чжу-хэ вступаетъ въ предѣлы уѣзда Куань-пинъ-сянь, послѣ чего вскорѣ принимаетъ почти прямое восточное направленіе и у поселка Цзинь-даотунъ впадаетъ въ Луанѣ-хэ. Синъ-чжу-хэ обычно покрывается льдомъ въ срединѣ 11-й луны, а освобождается изъ подъ онаго во 2-й лунѣ; разливы совершаются обыкновенно въ 6-й, или 7-й лунахъ, причемъ уровень воды нерѣдко поднимается до 12 чи слишкомъ.

Мы оставили Инъ-фо въ 5 ч. 35 м. утра и спустившись въ котловину, по которой пролегаетъ рѣчное русло, нашли ее очень песчаной. Неподалеку отъ поселка котловина эта увеличивается и долина, по которой протекаетъ рѣка, дѣлается очень широкой. Въ 7 ч. проѣхали черезъ селеніе Сяо-чэнъ-цза, въ 25 дворовъ, а въ 7 ч. 25 м. достигли большого поселка Синь-чжу, въ которомъ, вѣроятно, не менѣе 70 или 80 дворовъ. Посреди этого поселка возведены стѣны, въ вышину $1^1/_2$ маховыхъ саженей и въ толщину одного сырцеваго кирпича. Говорятъ, что мѣстные жители намѣрены были защищаться за этими стѣнами въ періодъ послѣдняго возстанія въ юго-восточной Монголіи, но какъ бы ни были слабы силы этихъ повстанцевъ, можно смѣло сказать, они безъ малѣйшаго труда

взяли бы эту крѣпость, ибо прочность ея даже ничтожнѣе глинобитыхъ оградъ, устроиваемыхъ нашими крестьянами у своихъ огородовъ. Въ полуверстѣ отсюда мы миновали поселокъ Дао-ди, въ 10 дворовъ; а черезъ 5 минутъ ѣзды отъ этого поселка переправились вбродъ черезъ Синъ-чжу-хэ: рѣка имѣетъ здѣсь до 20 саж. ширины, при глубинѣ не свыше полуаршина; дно ея усѣяно мелкою галькой. Отъ мѣста этой переправы дорога сдѣлалась очень песчаной и такъ продолжалось до деревеньки Сяво-пу, въ 2 двора, которой достигли мы въ 8 ч. 25 м. Весьма небольшія пашни отдѣляютъ эту деревеньку отъ таковой же бѣдной деревушки Ланьцзя-ко-ръ, въ 4 двора, за которою мѣстность начинаетъ постепенно съуживаться и въ 9 ч. мы достигли ущелья Чао-лянъ-гоу настолько узкаго, что по нему едва могутъ разъѣхаться двѣ телѣги. Оно привело насъ къ высокому и чрезвычайно крутому перевалу, Да-линъ-ба. Наши мулы едва втащили телѣги на этотъ перевалъ и останавливались чуть ни каждую минуту. На вершинѣ перевала мы повстрѣчали каменную плиту, лицевая сторона которой была украшена изящно выгравированными іероглифами съ слѣдующею надписью: 豐甯縣南界道光元年十月初一日. Это значитъ: «Южная граница Фынъ-нынъ-сяня. — Дао-гуана 1-й годъ, 10-й луны, 1-го дня». На боковыхъ сторонахъ того же камня значилось: «Къ сѣверу до Ту-чэнъ-цза 50 ли; къ югу — до Луань пинъ сяня 90 ли». Такимъ образомъ въ 10 ч. и 30 м. мы вступили въ фынъ-нинъ-сянь'скій уѣздъ. Съ вершины этого перевала открывается прелестный видъ на долину рѣки Синъ-чжу хэ, которая огибаетъ этотъ перевалъ съ запада и на языкѣ мѣстныхъ жителей только съ этого мѣста получаетъ названіе Синъ-чжу, къ сѣверу же отъ перевала Да-линъ ба она именуется Да-си-хэ. Спускъ съ перевала также крутъ и длиненъ, какъ и подъемъ на него. У сѣвернаго подножія Да-линъ-ба мы нашли деревеньку Линъ-ди-ся, отъ которой слѣдовали по долинѣ съ ровной и мягкой дорогой до поселка По-ло-но (Борò-нӯръ?) гдѣ въ 11 ч. 30 м. остановились для полдника въ сравнительно хорошемъ дянѣ.

Выѣхали въ 1 ч. дня и, продолжая путь по узенькимъ дорожнымъ колеямъ, среди полей, миновали въ 1 ч. 35 м. поселокъ Инъ-пань, а въ 2 ч. 10 м. деревню Ша-хо-инъ-цза, въ 11 дворовъ. Отъ этой послѣдней долина рѣки Да-си-хэ нѣсколько видоизмѣняется. Прежде всего она становится уже. Окружающія ее горы мѣстами скалисты и ясно обнажаютъ свои каменные остовы, мѣстами ровны и имѣютъ пологіе скаты съ почвою суглинка. Во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ плодородная почва горъ обыкновенно спускается въ песчаную долину рѣки и образуемыя ею займища являются сплошь распаханными подъ нивы. Въ 2 ч. 55 м. мы перебродили рѣку

Да-си-хэ; русло ея, по моему измѣренію, оказалось здѣсь шириною въ 14 саженей, при глубинѣ до полуаршина. На берегу мы нашли четырехъ китайцевъ, которые маленькими сачками ловили рыбу: въ ведрахъ ихъ оказались только пискари, да малявки. Черезъ $^1/_4$ часа ѣзды отсюда мы проѣхали деревню Сяо-чжай-ръ, въ 3 двора, служащую гранью для сравнительно большихъ распашекъ по долинѣ Да-си-хэ; отъ нея почва долины дѣлается совершенно песчаной. Затрудняемые въ движеніи этими песками, мы въ 3 ч. 50 м. добрались до деревни Па-ли-инъ-цза, въ 15 дворовъ; она сплошь обсажена деревьями и издали представлялась намъ зеленѣющимъ оазисомъ, среди окружающей песчано-каменистой долины рѣки. Въ 20 минутахъ ѣзды отсюда намъ повстрѣчалась другая, уже бо̀льшая деревня Лю-цзя-инъ-цза, съ двумя хорошими дянями, большою кумирней и старымъ, но еще не разрушившимся субурга̀номъ, съ тибетскою буквою «омъ». Отъ деревни Лю-цзя-инъ-цза мы начали приближаться къ самому руслу Да-си-хэ и въ 4 ч. 40 м. вновь перебродили эту рѣку; по измѣренію, она оказалась теперь имѣющею при той же глубинѣ уже только $10^1/_2$ саженей ширины. Почти отъ самаго мѣста этой переправы, вдали, на высокой горѣ, по лѣвую сторону дороги, намъ показалось нѣчто возвышающееся. По разказамъ, это была башня, построенная однимъ изъ Фынъ-нинъ-сяньскихъ чжи-сяней на мѣстѣ погребенія его отца. Сдѣлавъ съ нее фотографическій снимокъ, я поѣхалъ впередъ что бы подняться на гору и поближе осмотрѣть ее. Оказалось, что это довольно большое сооруженіе въ 5 этажей, не считая фундамента. Послѣдній былъ сложенъ изъ сѣраго дресвяника, въ вышину 1 арш. 12 вер., по формѣ шестиугольника, имѣвшаго въ каждой своей сторонѣ по 2 арш. 15 вер. длины. Самая башня была сложена изъ обожженаго кирпича, такою же шестигранною и нѣсколько съуживающеюся кверху. Нижній этажъ ея оказался вышиною въ 2 арш. 4 вершка; общая же высота башни, вѣроятно, аршинъ 14, 15. Кровля башни черепичная, украшенная на верху яблокомъ и шпицемъ. Фасадъ ея въ сущности тотъ же самый, что и хӯхӯ хото̀ской башни временъ сунской династіи, извѣстной подъ именемъ Бай-та-ра. Съ восточной стороны фундамента башни мое вниманіе обратила на себя небольшая груда камней и подъ ними мы нашли кости погребеннаго безъ гроба человѣка. Вся башня, несомнѣнно, очень недавней постройки; но никакихъ надписей и никакихъ изображеній на ней не сохранилось, да вѣроятно никогда и небыло. Спустившись съ горы въ 5 ч. 50 мин., я засталъ здѣсь только что подъѣхавшія сюда и ожидавшія меня наши телѣги. Мы двинулись въ путь и въ 6 ч. 15 м., еще разъ перебродили Да-си-хэ, которая здѣсь была шириною только въ 6 саженей. Съ береговъ ея передъ нами ясно обрисовался Фынъ-нинъ-сянь,

до котораго мы и добрались, слѣдуя по твердо песчаному грунту долины Да-си-хэ, ровно въ 7 ч. вечера.

Дальнѣйшій путь нашъ въ направленіи къ Долонъ нӯру, отъ Фынъ-нинъ-сяня до поселка Гоу-мынь-цза, лежалъ по дорогѣ, уже описанной мною подъ 14, 15, 16 и 17-мъ числами сего Апрѣля; поэтому, не повторяя вновь замѣтокъ о сказанной мѣстности, я предположилъ, въ періодъ проѣзда по этимъ знакомымъ урочищамъ, упорядочить и изложить, а если нужно дополнить и уяснить себѣ свѣдѣнія, собранныя мною при проѣздѣ и проживаніи въ Жэ-хэ, о совершившемся въ чэнъ-дэ-фу'скомъ департаментѣ китайскомъ возстаніи противъ монголовъ и христіанъ, длившемся почти три года: 1890, 1891 и 1892. Сдѣлать это было необходимо именно теперь, потому что далѣе уже не у кого было бы попросить объясненій на представлявшіеся вопросы. Долгомъ считаю сказать еще, что изслѣдованіе о противухристіанскихъ гоненіяхъ въ Китаѣ интересовали меня и раньше. Свѣдѣнія по нему собирались мною и въ Пекинѣ, гдѣ весьма многое выяснили мнѣ поучительныя бесѣды съ почтеннымъ миссіонеромъ, Père Favièr; и въ Тянцзинѣ, гдѣ я встрѣтилъ очевидцевъ знаменитаго возстанія 1870 г. и разговаривалъ съ г-жею Будылиной, родная сестра которой пала одною изъ жертвъ этого возстанія; въ Хӯхӯ-хотò, въ На-хо-цяни и въ Калганѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть очень много европейцевъ и миссіонеровъ, которые, если и ничего не писали по этому вопросу, то многое видѣли, составили себѣ по нему тотъ или другой взглядъ и имѣютъ о немъ то или другое мнѣніе. Наконецъ въ этомъ дѣлѣ много помогли мнѣ и бесѣды съ монголами многочисленныхъ юго-восточныхъ хошӯновъ, которые съ одной стороны испытали на себѣ тяжесть этого возстанія, а съ другой настолько поддались вліянію Китая, что во многомъ теперь всецѣло уже воспитали и усвоили себѣ чисто китайскіе взгляды. При такихъ то обстоятельствахъ я получилъ возможность говорить

О послѣднемъ противумонгольскомъ и противухристіанскомъ возстаніи Китайцевъ въ Монголіи и о причинахъ противухристіанскихъ возстаній въ Китаѣ вообще.

ЮВ. Монголія, или точнѣе районъ китайскаго возстанія 1891—92 г., представляетъ собою уголокъ, ограничиваемый на югѣ Великой Стѣной Собственнаго Китая, а на востокѣ Маньчжуріею. Пространства эти, приблизительно въ 500 квадр. верстъ, отличающіяся благословеннымъ климатомъ и плодородіемъ своей почвы, не менѣе уже 8 вѣковъ составляютъ

владѣнія монголовъ и искони были очень мало заселенными, по крайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ по истинѣ пчелинымъ ульемъ, какимъ кажется сопредѣльный имъ застѣнный Китай. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что такой уголокъ постоянно привлекалъ на себя взгляды полуголодныхъ обитателей сѣв. Китая, которые надѣялись найти здѣсь безпечальное житье на обширныхъ нивахъ. Само китайское правительство отличило эти мѣста, избравъ ихъ еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія для дачной резиденціи и лѣтнихъ охотъ и развлеченій богдохана, а вскорѣ за симъ объявило ихъ открытыми для китайскихъ переселеній. Но, какъ вообще бываетъ это въ странахъ малокультурныхъ, на такого рода переселенія изъ средины Китая потянулись прежде всего или люди бѣдные и обездоленные судьбою; или безродные и бездомовные одиночки, ищущіе, при своей сомнительной нравственности, приключеній и легкой наживы; или, наконецъ, положительные негодяи, не находящіе себѣ опоры дома не только въ своихъ общинахъ, или у отдаленныхъ родственниковъ, а даже и въ родной семьѣ. Незнакомые съ хлѣбопашествомъ монголы въ первое время, говорятъ, были даже рады этому наплыву китайцевъ, которымъ они могли сдавать въ аренду свои пустопорожнія, неприносившія дотолѣ никакихъ доходовъ земли и съ которыми имъ такъ удобно было вести теперь свою мѣновую торговлю. Благодаря простотѣ своихъ нравовъ, жалкіе номады были страшно эксплуатируемы пришельцами, но, по своему невѣжеству, они вначалѣ совершенно незамѣчали этого. Слухи о безпечальномъ житьѣ въ Монголіи разнеслись повсюду въ Китаѣ и съ этой поры сюда цѣлыми массами устремились еще гонимые на родинѣ приверженцы разнаго рода противуправительственныхъ обществъ и ассоціацій, религіозныхъ сектъ, соціальныхъ доктринъ и пр. Всѣ эти многоразличные партійные элементы, преслѣдующіе собственно самыя разнообразныя экономическія теоріи, объединялись между собою лишь въ одномъ, это — въ своей враждебности къ существующему государственному строю Срединной Имперіи, нормальность коего каждый изъ нихъ понималъ по своему. Уже въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія населеніе описываемаго уголка доходило до милліона душъ и вся эта голытьба, сложившаяся изъ вышеохарактеризованныхъ элементовъ китайскихъ общинъ, прежде всего нуждалась для себя въ матеріальномъ и нравственномъ успокоеніи. Понятно, что когда при этомъ явились сюда христіанскіе миссіонеры, громко проповѣдывавшіе любовь, призывавшіе подъ свою защиту всѣхъ труждающихся и обремененныхъ и отдававшіе весь свой матеріальный достатокъ на благо прозелитовъ, то дѣятельность ихъ имѣла быстрый успѣхъ и въ короткое время въ ЮВ. Монголіи христіанъ начали считать уже тысячами. А переселенцы

изъ Китая между тѣмъ все прибывали и вскорѣ окончательно заполонили собою этотъ край, которому начиная съ 1778 г. правительство богдохана признало возможнымъ дать административное устройство, вполнѣ сходное съ управленіемъ застѣннаго Китая. Съ этой поры ЮВ. Монголія начала наводняться еще китайскими чиновниками съ ихъ системою управленія по законамъ Шемякина суда и цѣлымъ роемъ кандидатовъ на чиновничество, т. е. всецѣло проникнувшимся конфуціанскими идеями, китайскимъ, quasi ученымъ, пролетаріатомъ, классомъ самымъ нетерпимымъ и пользующимся самой дурной славой. Новая система управленія измѣнила однако въ странѣ весьма немногое. Эксплуатація переселенцами монголовъ продолжалась можетъ быть еще съ большею силой и это до тѣхъ поръ, пока сами монголы, по совмѣстному сожительству съ китайцами, ни заразились нравами послѣднихъ и ни стали платить китайцамъ тою же монетой. Мало по малу роли перемѣнились и вскорѣ до извѣстной степени начали подвергаться притѣсненіямъ и насиліямъ со стороны монгольскихъ князей уже китайцы, нуждавшіеся въ монгольскихъ земляхъ, а потому и заискивавшіе у монголовъ. Въ результатѣ наиболѣе умные и дерзновенные изъ колонистовъ, сплотивъ вокругъ себя партизановъ, стали оказывать сопротивленіе монголамъ. Весьма вѣроятно, что, при подавляющей численности китайскаго населенія, достигшаго за послѣднее время до того, что монголы составляли въ странѣ только 15%, перевѣсъ въ этой борьбѣ остался бы на сторонѣ китайцевъ и монголы должны были бы стушеваться вовсе. Но мы видѣли уже, что сами китайцы представляли собою очень разрозненные элементы: это были люди и различныхъ провинцій, и различныхъ вѣрованій, и различныхъ политическихъ убѣжденій; люди, обуреваемые безконечною ненавистью другъ къ другу, при которой никто изъ нихъ и не помышлялъ о взаимной помощи. Богатые угнетали и озлобляли бѣдныхъ, а толпы бездомовныхъ бродягъ составляли разбойничьи шайки и наводили ужасъ на жителей своими звѣрствами. Лѣтомъ 1891 г. одинъ изъ ученыхъ докторантовъ провинціи Чэнъ-дэ-фу, по имени Сюй-жунъ (許榮), принадлежавшій къ религіозно-политической сектѣ Цзинь-дань-дао (金丹道 золотой пилюли, или философскаго камня), составилъ около себя одну изъ такихъ шаекъ и началъ громить окрестности уѣзднаго города Цзянь-чанъ-сяня (建昌縣). Сторожимый мѣстными властями, ожидавшими только удобнаго случая чтобы схватить его, онъ убѣжалъ въ Сань-цзя-цзы (三家子), поселокъ того же уѣзда Цзянь-чанъ-сянь, гдѣ у него было много сторонниковъ, съ помощью которыхъ онъ могъ продолжать свою разбойническую жизнь.

Къ осени 1891 г. жатва на поляхъ уѣзда Цзянь-чанъ-сянь была

почти вся уничтожена и населеніе чуть ни поголовно было доведено до нищеты. Вынужденные голодомъ жители деревень въ началѣ августа потребовали у мѣстныхъ властей и у богатыхъ купцовъ въ займы рису, обѣщая отдать этотъ долгъ. Въ Китаѣ извѣстно каждому, чего стоятъ эти обѣщанія: они исполняются честно, если просьба будетъ удовлетворена, при отказѣ же, просимое можетъ быть взято силою. Волей неволей и власти, и купцы согласились удовлетворить просителей и вскорѣ былъ назначенъ день для раздачи риса каждому желающему, будетъ ли то осѣдлый землепашецъ, или новоприписанный и бездомный бродяга. Въ то же время купцы заручились помощью Сюй-жуна, нанявъ его стоять у дверей хлѣбныхъ магазиновъ, въ разсчетѣ, что по крайней мѣрѣ часть крестьянъ испугается разбойника и не осмѣлится идти въ магазины. Два дня спустя, когда длинная вереница мужщинъ и женщинъ, съ мѣшками въ рукахъ, прибрела къ городскимъ складамъ риса, они нашли стоящимъ у дверей Сюй-жуна. На одинъ моментъ толпа заколебалась, но голодъ былъ сильнѣе страха: они бросились на разбойника, повалили его на землю и топтали ногами до тѣхъ поръ, пока онъ ни превратился въ безформенный кусокъ мяса. Опасаясь послѣдствій такого поступка и предупреждая мщеніе со стороны клевретовъ убитаго, народъ согласился свалить вину на христіанъ и вскорѣ по всему городу распространилась молва, что въ данномъ преступленіи виноваты христіане. Не изслѣдуя подробностей факта, сектанты Цзинь-дань-дао подняли шумъ и начали угрожать смертью христіанамъ. По всѣмъ заборамъ появились расклеенными прокламаціи, приглашавшія народъ къ избіенію христіанъ, а на ряду съ ними развѣшивались раскрашенныя, литографированныя картинки, живописующія то богохульныя воззрѣнія китайцевъ на Христа Спасителя, то дикія обвиненія, возводимыя на европейскихъ миссіонеровъ въ совершаемыхъ ими звѣрствахъ, то, наконецъ, образно представляющія, какъ должно поступать китайцамъ съ христіанами. Встревоженные этимъ броженіемъ миссіонеры почти ежедневно посылали въ Ямунь свои просьбы о защитѣ, но мѣстный чжи-сянь, или уѣздный начальникъ, не обращалъ на это никакого вниманія и говорилъ, что имъ не было получено никакихъ донесеній отъ его агентовъ, что все идетъ спокойно и обычнымъ порядкомъ, что бояться нечего, словомъ, въ принятіи какихъ-либо мѣръ и въ помощи христіанамъ было отказано.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 16-го числа 10-й луны (4-го Ноября 1891 года) яростная толпа устремилась на жилища миссіонеровъ въ поселкѣ Сань-цзя-цзы, ворвалась въ ихъ домы, схватила священника изъ китайцевъ Лина, разграбила все, что находилось подъ руками и сожгла церковь, домъ и сиротскій пріютъ, устроенные здѣсь католиками.

Изъ всѣхъ находившихся тамъ мужщинъ, женщинъ и сиротъ не осталось въ живыхъ ни одной души: одни были сожжены въ домахъ, другіе убиты на мѣстѣ, третьи, бѣжавшіе, были настигнуты и умерщвлены на дорогѣ. Далѣе толпа разсыпалась по всѣмъ направленіямъ за новыми жертвами и всюду, гдѣ бы ни были найдены дома христіанъ, жители были избиваемы, собственность подвергалась разграбленію, а жилища разрушаемы или сожигаемы до основанія.

Послѣ этого перваго подвига, въ которомъ нѣсколько сотъ христіанскихъ семей было убито, мятежники двинулись уже въ окружный городъ Пинъ-цюань-чжоу (平泉州). Европейскіе миссіонеры еще ранѣе того, при первомъ появленіи приглашающихъ къ возстанію противъ христіанъ прокламацій и картинъ, обратились за защитой къ окружному пинъ-цюань'скому начальнику, Вэнь-бу-няню; но всѣ просьбы ихъ были напрасны. Двигавшіеся съ сѣвера мятежники не рѣшились однако дѣйствовать сразу и открыто въ окружномъ городѣ, а положили сначала испробовать и подготовить почву. Они отправили своего посланца къ мандарину и доложили ему, что они подняли оружіе не противъ правительства, а просятъ только дозволенія отмстить христіанамъ за совершенныя ими убійства и сожженіе домовъ. Вмѣсто того чтобы противодѣйствовать такому требованію, ямуньскіе чиновники и солдаты, въ надеждѣ или отличиться, или раздѣлить добычу, не только дозволили толпѣ разыскивать христіанъ, но еще объявили, что со всякимъ, кто укроетъ христіанина, будетъ поступлено также точно какъ и съ христіанами. Самъ Вэнь-бу-нянь, разсчитывая оправдаться передъ начальствомъ, послалъ донесеніе въ Жэ-хэ, къ тамошнему генералъ-губернатору и главнокомандующему китайскихъ войскъ, генералу Ѣ, въ которомъ докладывалъ, что надвигающіеся съ сѣвера мятежники, въ числѣ 30,000 человѣкъ, въ десять и болѣе разъ превосходятъ состоящіе въ его распоряженіи правительственныя войска; выступать противъ такой силы онъ считаетъ опаснымъ и мало того, онъ не можетъ чувствовать за собою при такой борьбѣ нравственной справедливости, ибо имъ дѣйствительно были открыты въ погребахъ мѣстной католической миссіи цѣлыя груды костей китайскихъ дѣтей, сожранныхъ каннибалами европейцами, и масса дѣтскихъ труповъ съ вынутыми глазами и сердцами. Ужаснѣе всего было то, что Вэнь-бу-нянь, отправивъ этотъ докладъ по начальству, тотчасъ же опубликовалъ его во всеобщее свѣдѣніе, развѣсивъ также точно, въ видѣ прокламаціи, по заборамъ. Народное суевѣріе нашло послѣ этого полное подтвержденіе для себя въ объявленіяхъ начальства. Но и этого мало: генералъ Ѣ, который, говорятъ, и самъ принадлежалъ къ сектѣ Цзинь-дань-дао, получивъ означенное донесеніе, въ свою

очередь издалъ прокламацію противъ христіанъ: клеветѣ повѣрили еще больше и возстаніе вспыхнуло повсюду, будучи направлено теперь уже не исключительно противъ христіанъ, а противъ всѣхъ многоразличныхъ сектъ, враждебныхъ другъ другу ассоціацій и наконецъ противъ монголовъ, а особливо противъ ихъ правителей, которыхъ народъ почиталъ своими главными притѣснителями и виновниками своей бѣдности. Сектанты Цзинь-дань-дао громили приверженцевъ секты Цзай-ли (在 禮); эти послѣдніе, отбиваясь отъ нападавшихъ, въ свою очередь преслѣдовали исповѣдниковъ кореннаго ученія даосизма; всѣ они, предводительствуемые классомъ ученыхъ конфуціанцевъ, избивали христіанъ, между тѣмъ какъ простой народъ бросился грабить монголовъ и богатыхъ китайскихъ коммерсантовъ. Вскорѣ къ этимъ чисто религіознымъ и экономическимъ возстаніямъ примкнулъ и мятежъ, имѣвшій исключительно политическія цѣли. Въ одну недѣлю главари соціальныхъ общинъ организовали у себя арміи по нѣскольку тысячъ человѣкъ, понадѣлали себѣ знаменъ и понадавали себѣ болѣе или менѣе громкіе титулы. Такъ, вожакъ партіи, дѣйствовавшей на сѣверо-востокѣ отъ Пинъ-цюань-чжоу, извѣстный подъ именемъ Чуй, принялъ титулъ императора и, ради приданія себѣ большаго значенія, захватывалъ въ наложницы всѣхъ женъ, убиваемыхъ имъ мандариновъ; сотрудникъ его Вэй-лао-дао (衛 老 道), славившійся своими познаніями магіи, раздавалъ по своей арміи лекарственныя снадобья, которыя должны были сохранить ее отъ смерти: каждое утро солдаты его глотали магическія пилюли, возбуждавшія въ нихъ необычайную храбрость. На знаменахъ обоихъ этихъ главарей была надпись 興 大 明 滅 大 清, что значитъ: «да возвысится великая Минская династія и да падетъ Цинскій домъ»; другое ихъ знамя было съ девизомъ: 榮 華 富 貴 在 咱 門, т. е. «слава, богатства и почести — для насъ». Предводитель мятежной шайки, дѣйствовавшей на западѣ, по имени Дунъ-цзѣ, провозгласилъ себя великимъ княземъ съ титуломъ «пинъ-си-вана» (平 西 王), т. е. «князя — умиротворителя запада». Главарь сѣверныхъ шаекъ, безчинствовавшихъ въ окрестностяхъ города У-да-чэна, носилъ титулъ «воинственнаго мудреца, очищающаго сѣверъ». Прочіе предводители меньшихъ и подчиненныхъ шаекъ также точно назвались великими князьями, великими магистрами, могущественными волшебниками и проч.

Производя свои изслѣдованія среди монголовъ, я естественно могъ собрать свѣдѣнія о дѣятельности мятежныхъ шаекъ преимущественно въ монгольскихъ степяхъ и хошӯнахъ, хотя первыя движенія ихъ происходили, какъ мы уже видѣли, въ городахъ, и именно въ Цзянь-чанъ-сянѣ. Отсюда часть инсургентовъ отправилась, какъ уже было сказано, на югъ,

въ Пинъ-цюань-чжоу, а другая уклонилась къ СВ, въ городъ Чао-янъ-сянь (朝陽縣). По дорогѣ шайка эта ежедневно увеличивалась цѣлыми сотнями повстанцевъ, такъ что къ Чао-янъ-сяню подступилъ вооруженый отрядъ не менѣе какъ въ 8,000 человѣкъ. Городъ былъ взятъ въ какіе нибудь полчаса, а вслѣдъ засимъ тюрьмы были открыты, преступники выпущены и вся ярость бунтовщиковъ обратилась на жителей: имущество послѣднихъ подверглось разграбленію, а сами они были избиты; никакіе запоры и тайники не спасли даже самыя богатыя и знатныя семьи и вообще въ этомъ городѣ и уѣздѣ такъ мало народа избѣжало смерти, что изъ десятка семей не было пощажено, говорятъ, и одной. Пространство въ нѣсколько сотъ ли было превращено въ груды развалинъ и залито человѣческой кровью.

Въ предѣлахъ этого уѣзда расположены два монгольскихъ хошўна, аохàньскій и тўмэтскій, и оба они подверглись окончательному опустошенію: большая часть населенія ихъ была избита, остальная разбѣжалась, имущество разграблено и предано пламени. Первымъ, испытавшимъ на себѣ дѣйствіе этого ужаснаго погрома былъ хошўнъ аохàньскій. Земли этого хошўна испещрены горными хребтами и возвышенностями и населеніе его давно уже отказалось отъ обладанія долинами въ пользу китайскихъ хлѣбопашцевъ, ютясь по отлогостямъ горъ и выпасывая свои стада на горныхъ вершинахъ, почти сплошь покрытыхъ густыми лѣсами. Но китайскіе колонисты были недовольны уступкою имъ только долинъ, имъ хотѣлось еще имѣть у себя и лѣса, въ которыхъ они всегда могли находить для себя и прекрасное топливо, и хорошее дерево для построекъ. Постоянные отказы въ этихъ притязаніяхъ монголовъ, создали естественную вражду къ нимъ китайцевъ, которая разрѣшилась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что китайцы вошли теперь въ соглашеніе съ одною изъ самыхъ фанатическихъ даоскихъ сектъ, чтобы произвести вмѣстѣ нападеніе на монголовъ. Нѣтъ ничего легче этихъ набѣговъ въ монгольской степи. Кочевники никогда не группируются въ большія общества: пять, много шесть юртъ, или мазанокъ,—вотъ и весь поселокъ. Наскачетъ на него 150, 200 конныхъ разбойниковъ, и въ какіе либо полчаса въ прежде мирномъ хотòнѣ все перевернуто вверхъ дномъ, населеніе перерѣзано и шайка мятежниковъ, захвативъ все цѣнное, или останавливается здѣсь для отдыха, или продолжаетъ свой путь дальше, до новаго хотòна и новаго грабежа и убійства. Только ставки князей, гдѣ обычно хранятся у монголовъ запасы оружія, и куда въ періодъ возстаній созываются латники, представляютъ нѣкоторое сопротивленіе. Но что это за сопротивленіе? О нападеніи на ставку тўмэтскаго вàна разказываютъ, напримѣръ, что она была атако-

вана 20-го нашего Ноября 1891 г. шайкою около 1000 человѣкъ. Монгольскій князь двинулся противъ нападавшихъ съ находившимися подъ его командою 200-ми латниковъ, но, конечно, не могъ ничего сдѣлать. Въ первый день, засѣвъ за каменную ограду своей кумирни, онъ перестрѣливался съ непріятелемъ и въ теченіе дня потерялъ 60 человѣкъ изъ своего отряда; на слѣдующій день, получивъ нѣкоторое подкрѣпленіе отъ своего хошӯна, онъ снова возобновилъ битву, но былъ уже окончательно разбитъ и весь его отрядъ, за исключеніемъ лишь 30 человѣкъ знатныхъ монголовъ, былъ перестрѣлянъ. Чѣмъ сильнѣе бывало сопротивленіе, тѣмъ яростнѣе оказывались грабежъ и убійства со стороны мятежниковъ. Ставка аохàньскаго вàна защищалась пять дней и неистовства овладѣвшихъ ею инсургентовъ превосходятъ всякое описаніе. Разказываютъ, что, ворвавшись въ ставку, китайцы не только перебили здѣсь всѣхъ мужщинъ, до одного человѣка, но четвертовали убитыхъ и развѣшивали по кольямъ и деревьямъ части ихъ тѣла. Опьяненные кровью солдаты приказывали женщинамъ убивать овецъ и готовить кушанье, а сами между тѣмъ подбрасывали на пики младенцевъ этихъ женщинъ. Про мятежнаго предводителя сѣверныхъ шаекъ Ли-го-чжэня говорили, что, усѣвшись обѣдать въ домѣ аохàньскаго князя, онъ заставилъ прислуживать себѣ жену одного тайчжія. Женщина была беременна и тѣмъ привлекла къ себѣ вниманіе пировавшихъ. Ли-го чжэнь заспорилъ съ однимъ изъ своихъ собесѣдниковъ, мальчика родитъ эта женщина, или дѣвочку; ударили о закладъ и тотчасъ же рѣшили его, распоровъ животъ несчастной и вытащивъ изъ ея утробы ребенка. Другую, также беременную женщину они сожгли заживо, обливъ ее предварительно керосиномъ.

Богдохàнское правительство въ Пекинѣ, относящееся вообще довольно равнодушно ко всякаго рода антихристіанскимъ и экономическимъ инсуррекціямъ въ своемъ народѣ, получивъ извѣстіе о возстаніи въ провинціи Чэнъ-дэ-фу, сдѣлало обычное предписаніе о подавленіи этого возстанія мѣстными гарнизонами, разрѣшивъ главнокомандующему войскъ въ Маньчжуріи, Динъ-аню, и командующему войсками чэнъ-дэ-фу'ской провинціи, по нуждѣ, откомандировывать еще вспомогательные отряды въ тотъ или другой городъ. Спустя нѣкоторое время, Ли-хунъ-чжанъ распорядился послать имъ на помощь еще и отряды своихъ войскъ. Относительно мѣстныхъ гарнизоновъ слѣдуетъ сказать, что въ большинствѣ они составлялись для каждаго уѣзда изъ одного эскадрона плохо вооруженныхъ и еще хуже того обученныхъ маньчжурскихъ, знаменныхъ солдатъ, да изъ полубатальона лу-ин'овъ, или китайскихъ солдатъ зеленаго знамени, находившихся еще въ болѣе плачевномъ состояніи. По мѣсту начала возстанія дѣятель-

ность этихъ войскъ открылась прежде всего въ уѣздѣ Цзянь-чанъ-сянь. Созванныя мѣстнымъ начальствомъ войска эти однако же, при первой встрѣчѣ своей съ мятежниками въ деревнѣ Юй-шу-линь, обратились въ бѣгство. Посланы были просьбы о высылкѣ подкрѣпленій изъ главнаго города провинціи, Чэнъ-дэ-фу; но для характеристики быстроты движенія этихъ подкрѣпленій мы укажемъ на засвидѣтельствованный оффиціальнымъ документомъ примѣръ, что отрядъ, отправленный изъ Чэнъ-дэ-фу въ Пинъцюань-чжоу, между которыми разстоянія всего 60 верстъ, прибылъ къ мѣсту своего назначенія только черезъ семь сутокъ въ восьмые. Какъ бы тамъ нибыло однако, подкрѣпленія прибыли и побѣдоносная дѣятельность ихъ по усмиренію возстанія выразилась въ слѣдующихъ, отмѣченныхъ уже теперь военными лѣтописями сраженіяхъ.

16-го Ноября, по дорогѣ въ Цзянь-чанъ-сянь, отрядъ правительственныхъ войскъ дошелъ до мѣстности Ва-фанъ-дянь, къ югу отъ города Цзянь-чанъ и натолкнулся здѣсь на шайку инсургентовъ. Въ происшедшемъ сраженіи участвовало до 2000 повстанцевъ. Изъ числа ихъ было убито 900 человѣкъ, причемъ погибъ одинъ даосъ, читавшій заклинанія надъ мечами. Какъ трофей побѣды, войскамъ досталось три пушки и большое пятицвѣтное знамя инсургентовъ.

18-го Ноября войска дошли до деревни Юй-шу-линь, откуда, какъ мы видѣли уже, бѣжалъ гарнизонъ Цзянь-чанъ-сяня. Теперь войска окружили эту деревню со всѣхъ сторонъ и, послѣ 4 часовъ упорной битвы, истребили всѣхъ находившихся въ ней инсургентовъ, въ количествѣ болѣе 2000 человѣкъ. Прибывшіе на помощь инсургентамъ изъ окрестныхъ деревень ихъ сообщники также потерпѣли пораженіе, потерявъ болѣе 100 человѣкъ убитыми; здѣсь пало также нѣсколько ихъ предводителей, самозванный князь и волшебникъ Ли, и 4 другихъ титулованныхъ самозванца.

21-го Ноября правительственныя войска повстрѣчались съ новою шайкою инсургентовъ, численностью болѣе 1000 человѣкъ, засѣвшею въ мѣстности Ѣ-бо-шоу, на востокъ отъ Цзянь-чанъ-сяня. Мятежники вступили въ битву подъ предводительствомъ своего верховнаго мага Вэй-лао-дао. Послѣдній выѣхалъ на сраженіе на императорской колесницѣ, пожертвованной еще великимъ Канси въ мѣстную кумирню Гуанъ-ди, для перевоза въ ней идола во время годовыхъ празднествъ. Когда правительственныя войска атаковали мятежниковъ съ фронта, солдаты цзянь-чанъсянь'скаго гарнизона напали на нихъ съ тыла и такимъ образомъ инсургенты были разбиты: 470 человѣкъ пало на полѣ битвы, болѣе 100 человѣкъ было взято въ плѣнъ, самъ Вэй-лао-дао былъ убитъ, а остальные бѣжали по дорогѣ въ Сань-цзя-цзы. Жэ-хэ'скія войска преслѣдовали ихъ

и по дорогѣ перестрѣляли еще около 40 человѣкъ. Дознано было, что послѣ этой битвы сектанты Цзинь-дань-дао считали въ своихъ рядахъ еще болѣе 10,000 человѣкъ; но хотя такимъ образомъ и превосходили численностью правительственныя войска, однако вооруженные въ высшей степени плохо и безконечно довѣрявшіе магическимъ силамъ своихъ предводителей, они скоро потерпѣли пораженія и самъ самозванный императоръ ихъ попался въ плѣнъ, а за тѣмъ былъ казненъ маньчжурами.

22-го Ноября правительственныя войска, послѣ отчаяннаго сопротивленія, оказаннаго имъ инсургентами, засѣвшими на мызѣ Мао-цзя-во-пу, нанесли имъ сильное пораженіе, такъ что изъ 2000 слишкомъ человѣкъ, состоявшихъ изъ конныхъ разбойниковъ и изъ сектантовъ даосовъ, погибло болѣе 1300 человѣкъ, при чемъ было убито два самозванныхъ великихъ князя и 8 другихъ мятежныхъ предводителей; взято множество ружей, пушекъ и лошадей. Попался въ плѣнъ самозванный великій князь-даосъ, который былъ немедленно преданъ казни.

24-го Ноября, въ деревнѣ Эръ-ши-цзя-цза были захвачены и казнены зачинщики возстанія Ванъ-тинъ-чжао, Сунъ-сё-чжи и Лянъ-ло-да.

За симъ, въ періодъ отъ 25 Ноября по 10 Декабря, въ уѣздѣ Цзянь-чанъ-сянь было одержано еще нѣсколько побѣдъ. За это время въ кумирнѣ Сань-гуанъ-мяо былъ захваченъ списокъ даоскихъ сектантовъ, съ разными заклинаніями; взятъ въ плѣнъ главарь Юй-ганъ съ 8 извѣстными разбойниками, которые были казнены и вся шайка, предводимая даосомъ У-гуанъ-шэн'омъ была уничтожена. Другой отрядъ, собственно ли-хунъ-чжановскихъ войскъ взялъ въ плѣнъ самозваннаго князя Пинъ-си-вана, который и былъ препровожденъ для допроса и суда въ цзянь-чанъ-сянь'-ское уѣздное управленіе.

Главная дѣятельность второго отряда правительственныхъ войскъ, высланнаго изъ Маньчжуріи, сосредоточилась въ Чао-янскомъ уѣздѣ, Выдающимися сраженіями, въ которыхъ принималъ участіе этотъ отрядъ, дѣйствуя или самостоятельно, или въ союзѣ съ жэ-хэ'скими войсками, были: а) въ урочищѣ Шанъ-тао-хото, гдѣ изъ 2000 мятежниковъ было убито нѣсколько сотъ; б) въ мѣстности Чжао-сюй-цзы-гоу, гдѣ изъ 600 700 мятежниковъ было убито болѣе 100; в) въ мѣстности Чао-бэй-инъ-цза, гдѣ уронъ инсургентовъ былъ свыше 1000 человѣкъ; г) въ мѣстности Чжао-шу-гоу, гдѣ былъ захваченъ и казненъ предводитель небольшой шайки, даосъ, Ли-ло, почитавшійся верховнымъ магистромъ ордена, чествовавшаго пять стихій (воду, землю, горы, вѣтеръ и огонь); съ нимъ погибло до 50 человѣкъ его послѣдователей; д) въ городѣ Хэй-чэнъ-цза, лежащемъ верстахъ въ 50 отъ цинъ-хэ'скихъ пограничныхъ воротъ и е) въ урочищѣ

Да-чжуанъ-цза. Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ было убито болѣе 1000, а взято въ плѣнъ и казнено свыше 90 человѣкъ; во второмъ — уничтожена вся шайка, состоявшая изъ 200 человѣкъ. Одинъ изъ захваченныхъ главарей этой шайки показалъ, что, питая вражду къ монголамъ за воспрещеніе порубки лѣса, онъ присоединился къ шайкѣ даоскаго сектанта Ци-ло-дао и участвовалъ въ разграбленіи и сожженіи резиденціи аохàньскаго князя и въ опустошеніи его владѣній.

Совмѣстная дѣятельность войскъ Ли-хунъ-чжана съ жэ-хэ'скими отрядами имѣла свое мѣсто прежде всего при взятіи главнаго гнѣзда мятежниковъ, — резиденціи аохàньскаго князя (верстахъ въ 50 на СВ отъ города Чи-фынъ-сянь, или Улàнъ-хадà). Въ первый день здѣсь былъ разбитъ, говорятъ, отрядъ въ 2500 человѣкъ мятежныхъ войскъ, хотя этимъ сраженіе и не окончилось, ибо верстахъ въ 20 отъ ставки аохàней, въ урочищѣ Ся-чжанъ-гао, были собраны еще сильнѣйшіе отряды инсургентовъ. Предводитель ли-хунъ-чжановскихъ войскъ, Ѣ-чжи-чжао, предположилъ овладѣть этимъ пунктомъ на другой день послѣ битвы при аохàньской ставкѣ и двинулся къ Ся-чжанъ-гао; но непріятель, не дожидаясь атаки, ринулся впередъ на правительственныя войска. Такимъ образомъ послѣдніе самымъ неожиданнымъ для нихъ образомъ очутились лицемъ къ лицу съ мятежною шайкою, численность которой оффиціально была опредѣлена въ 4000 человѣкъ. О томъ, сколько шутовства было въ этомъ сраженіи свидѣтельствуетъ также оффиціальный докладъ, будто бы инсургенты, ради «устрашенія противника», выступили въ сраженіе съ лицами, зачерненными сажею, съ намазанными тушью носами, съ наклеенными бородами изъ красныхъ нитокъ, словомъ, казались «истинными демонами, исчадіями ада»; они бросались въ бой не иначе какъ съ заклинаніями на устахъ и постоянно поднимали кверху своихъ жрецовъ, которые простирали свои покровительственныя руки надъ ратью. Жестокая схватка продолжалась цѣлый день. Къ вечеру у правительственныхъ войскъ истощились боевые запасы и имъ не оставалось ничего больше какъ идти на приступъ непріятельскихъ окоповъ. Успѣхъ этого дѣла принудилъ мятежниковъ удалиться въ свое укрѣпленіе въ Ся-чжанъ-гао, съ потерею нѣсколькихъ сотъ человѣкъ убитыми и ранеными. 18-го Декабря послѣдовала новая попытка ли-хунъ-чжановцевъ овладѣть непріятельскою позиціею и на этотъ разъ она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Послѣ сего 30-го Декабря 1891 г. Ѣ-чжи-чжао довелъ до свѣдѣнія богдохàна о возстановленіи полнаго спокойствія въ аохàньскомъ àймакѣ, такъ какъ 20-го Декабря ему удалось разбить на Сѣ-ли-ху'скомъ золотомъ пріискѣ послѣднюю шайку инсургентовъ и взять въ плѣнъ главнаго ата-

мана мятежниковъ Янъ-юэ-чун'я, вмѣстѣ съ его сыномъ, дядею и племянниками. На допросѣ Янъ-юэ-чунь признался, что, явившись въ Монголію изъ Цзянь-нани, онъ основалъ здѣсь свою религіозно-политическую секту даоскаго толка, Цзинь-дань; послѣ чего онъ присвоилъ себѣ титулъ великаго магистра «школы по основанію государства». Для приведенія въ исполненіе своихъ убѣжденій, онъ возмутилъ 4 округа Пинъ-цюань, Чао-янъ, Цзянъ-чанъ и Чи-фынъ и за симъ изъ за вражды къ монголамъ, подъ предлогомъ истребленія христіанства, производилъ нападенія грабежи и пожары, въ которыхъ имъ было погублено свыше 10,000 жертвъ.

Этимъ можно сказать и окончилась инсуррекція въ ЮВ. Монголіи. Правда, возбужденное состояніе Чэнъ-дэ-фу'ской провинціи продолжалось черезъ весь 1892 и даже первую половину 1893 г.; но это были уже грабежи не инсургентовъ, а обычныхъ жителей: разбойничали и правительственныя войска, и лишенные крова и средствъ къ жизни мѣстные жители, и вновь прибывшіе бродяги. Въ 1892 г. производился главнымъ образомъ судъ надъ виновниками возстанія и прежде всего надъ правителями края. Обвиняемыми уже со стороны правительства оказались: 1) пинь-чуань'скій окружный начальникъ Вэнь-бу-нянь; его судили а) за преувеличенное донесеніе о численности шайки, вступившей въ окружный городъ; б) за непринятіе мѣръ къ предупрежденію погрома храмовъ и убійства христіанъ; в) за ложное донесеніе объ открытіи въ погребахъ католической миссіи множества дѣтскихъ труповъ съ вынутыми глазами и сердцами и г) за изданіе смущающей умы населенія прокламаціи. 2) Чао-янь'скій уѣздный начальникъ обвинялся во временной потерѣ города, бездѣятельности и пьянствѣ. 3) Цзянь-чан'скій уѣздный начальникъ судился: а) за непринятіе мѣръ къ предупрежденію погрома миссіи въ Сань-ши-цзя-цза и б) допущеніи убійства тамъ христіанъ. Рѣшеніемъ суда было опредѣлено: окружнаго начальника исключить изъ службы, а уѣздныхъ разжаловать въ чинахъ. Нѣтъ нужды говорить, что таковымъ рѣшеніемъ богдоханское правительство само признало активное участіе своихъ чиновниковъ въ возмущеніи народа противъ христіанъ и европейцевъ.

Послѣднимъ актомъ возстанія было то, что въ Маѣ 1892 года, по всеподданѣйшему докладу Ли-хунъ-чжана, было командировано въ Чэнъ-дэ-фу'скій округъ два чиновника, по распоряженію которыхъ было зарыто болѣе 20,000 труповъ, не считая погребенныхъ родственниками и съѣденныхъ звѣрями. Израсходовано было на сей предметъ 2000 ланъ серебра (около 4000 р.), пожертвованныхъ Ѣ-чжи-чжао.

Я несомнѣваюсь, что вышеизложенное убѣдитъ каждаго въ необычайной сложности причинъ, породившихъ китайское возстаніе въ ЮВ. Монголіи 1891 г. Здѣсь вмѣстѣ столкнулись и перемѣшались между собою вопросы религіозные, соціальные, экономическіе, національные и наконецъ, политическіе. Различные сектанты даосизма, обосновывающіе въ большинствѣ случаевъ и различныя, взаимно борющіяся политическія партіи, являлись всегда самыми заклятыми и непримиримыми врагами между собою; ужасное экономическое положеніе низшихъ классовъ Китая, доводящее эти классы до голодной смерти, разбоевъ и кровавыхъ расправъ съ богатыми коммерсантами, извѣстно каждому; презрѣніе, которое питаютъ китайцы къ монголамъ, одинаково свидѣтельствуется какъ литературою, такъ обычными отношеніями, въ которыхъ китайцы иначе и не зовутъ монголовъ какъ «вонючими»; наконецъ жажда государственнаго переворота съ паденіемъ царствующей маньчжурской династіи всецѣло доказывается почти ежегодными противудинастійными заговорами то въ той, то въ другой части Китая. Каждая изъ этихъ, отдѣльно взятыхъ и постоянно дѣйствующихъ причинъ сама по себѣ могла бы быть настолько вѣскою, что бы послужить основаніемъ къ возмущенію. И не смотря на то, ближайшимъ поводомъ инсуррекціи явилась ненависть противъ христіанъ и, конечно, неразлучныхъ съ ними европейцевъ. Очевидно, что христіане и европейцы легче всего могутъ возмутить китайцевъ и это съ другой стороны подтверждается чуть ни изъ года въ годъ повторяющимися избіеніями христіанъ и европейцевъ. Думаю, что какъ ближайшіе поводы, такъ и основныя причины этихъ противухристіанскихъ и противуевропейскихъ возстаній лучшее всего можетъ указать намъ исторія.

Первая англійская экспедиція въ Китай, о которой имѣемъ мы болѣе подробныя извѣстія, была отправлена Остъ-Индской компаніей въ 1647 г. Она состояла изъ 4 кораблей подъ командой капитана Веделя. По прибытіи къ устью кантонской рѣки, она бросила якорь и, по требованію мандариновъ, спокойно ожидала обѣщанныхъ ей разрѣшеній открытія торговли. Тѣмъ временемъ форты были вооружены китайцами 46-ю чугунными пушками, каждая вѣсомъ отъ 600 до 700 фунтовъ и въ концѣ 4-го дня они неожиданно открыли огонь по англійскимъ корабельнымъ шлюпкамъ. Англійскій флотъ отвѣчалъ имъ такимъ же огнемъ, двинулся вверхъ по рѣкѣ во внутрь страны, высадилъ свой экипажъ на сушу и занялъ форты. Результатомъ этого было немедленное установленіе хорошихъ отношеній съ китайцами и полученіе требуемыхъ правъ торговли.

Инцидентъ этотъ былъ пророческій. Всѣ дальнѣйшія сношенія европейцевъ можно разсматривать какъ простое повтореніе этой исторіи въ

трехъ главахъ. Глава 1-я — европейцы ведутъ переговоры и ждутъ исполненія данныхъ имъ обѣщаній; глава 2-я — мандарины не только не исполняютъ обѣщаній, но и явно возстаютъ противъ европейцевъ; глава 3-я — европейцы въ гнѣвѣ отвѣчаютъ на это возстаніе пушечными выстрѣлами, за которыми наступаетъ періодъ дружбы и тогда все идетъ съизнова.

Въ теченіе 250 лѣтняго опыта своихъ сношеній съ европейцами китайскіе мандарины не научились еще какому-нибудь другому, лучшему образу дѣйствій. Еще недалеко то время, когда европейцы терпѣли постоянныя оскорбленія отъ китайцевъ. Имъ запрещалось привозить въ Китай своихъ женъ и свои семейства; запрещалось входить въ страну, вступать въ города, учиться языку, имѣть сношенія съ кѣмъ либо помимо оффиціально назначенныхъ для сего людей и проч. и проч. Всячески были они ограничиваемы и стѣсняемы. Какъ лучшее выраженіе мѣръ, принимавшихся китайскими мандаринами для отклоненія своего народа отъ всякаго рода связей и сношеній съ европейцами въ ту пору и одинаково практикуемыхъ до настоящихъ дней, можно указать на одно. Еще въ 1754 г. европейцы жаловались, что «правительство богдохана, имѣя въ виду возбудить къ нимъ недоброжелательство черни, ежегодно выставляетъ несправедливыя объявленія, обвиняя европейцевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ» [1]). Обвиненія въ выкалываніи европейцами глазъ, обезображеніи женщинъ и дѣтей, упорно держащіяся среди китайцевъ до сей поры, обязаны не извращеннымъ слухамъ о дѣятельности медицинскихъ миссій, какъ это предполагалось нѣкоторыми, а существуютъ, несомнѣнно, съ той поры, когда Европѣ не приходилось еще и мечтать о медицинскихъ миссіяхъ въ Китаѣ.

Послѣ такъ называемой опіумной войны 1842 г. и союзныхъ войнъ, закончившихся тяньцзинскимъ трактатомъ 1858 г., дѣла пошли нѣсколько лучше. Войны эти довольно часто трактуются у насъ какъ насиліе, предпринятое европейцами съ цѣлью принудить Китай къ допущенію развитія въ немъ торговли и религіи, которыхъ онъ не хотѣлъ и имѣлъ полное право не принимать. Но по крайней мѣрѣ въ отношеніи союзной войны 1858 г. можетъ быть представлена еще и другая сторона спорнаго вопроса. Въ наше время довольно трудно принудить не только какую нибудь націю, а даже отдѣльное лицо къ принятію нежелаемой имъ религіи, или торговли. Добровольный продавецъ долженъ найти равно добровольнаго покупателя, или вовсе не будетъ торговли; добровольный проповѣдникъ долженъ встрѣтить равно добровольнаго слушателя, или вовсе не можетъ

1) См. Davis. The Chinese. Chap. II.

быть прозелитовъ. Что китайцы нація торговая, всегда желавшая и желающая вести дѣло съ иностранцами, это хорошо извѣстно; достаточно доказано также и то, что они склонны уважать христіанство. Но высокомѣрный и столько же самолюбивый, сколько и консервативный классъ мандариновъ всегда стремился къ тому, чтобы и не допускать, и изгонять всякое иностранное вліяніе на народъ, какъ хорошее, такъ и дурное, причемъ примѣнявшіяся имъ на сей конецъ средства были таковы, что ихъ не могла допустить ни одна независимая держава.

Статья VIII тяньцзинскаго договора есть «великая хартія» христіанъ въ Китаѣ. Она гласитъ: «Христіанская вѣра, исповѣдуемая какъ протестантами, такъ и католиками, запечатлѣваетъ добродѣтель въ практикѣ и учитъ человѣка поступать въ отношеніи другихъ такъ, какъ онъ хотѣлъ бы, чтобы и съ нимъ поступали. Учители этой вѣры и исповѣдывающіе ее будутъ поэтому пользоваться правомъ покровительства китайскихъ властей и никто изъ нихъ, безъ нарушенія закона, не будетъ подвергаться преслѣдованіямъ, или притѣсненіямъ». Далѣе въ статьѣ XI предусмотрѣна привиллегія европейцевъ путешествовать по Китаю съ паспортомъ, для удовольствія, или для торговыхъ цѣлей, во всѣ стороны внутрь страны. Еще далѣе статья XII гласитъ: «Британскіе подданные какъ въ портахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, желая строить и открывать дома, пакгаузы, церкви, госпитали, или кладбища, должны заключать свои условія на землю, или постройки, въ которыхъ они нуждаются, по цѣнамъ, существующимъ въ народѣ». Условіе это, кажется, достаточно для того, чтобы открыть англійскимъ и французскимъ миссіонерамъ возможность не только проживать въ портахъ и другихъ мѣстахъ Китая, но и пользоваться при этомъ нѣкоторыми удобствами. Но вотъ черта, ярко рисующая взаимныя отношенія Европы и Китая. Случилось, что, выговоривъ себѣ указанныя права, британскія власти, въ первое время по заключеніи трактата, не рѣшились толковать этого мѣста какъ права на постоянное жительство во внутреннихъ провинціяхъ Китая. Слухи объ этомъ дошли до китайцевъ и послѣдніе, конечно, тотчасъ же возстали противъ этой статьи. Результатомъ этого было то, что англійскіе миссіонеры до настоящей поры проживаютъ внутри Китая и пользуются здѣсь разнаго рода привиллегіями ссылаясь исключительно на статью французскаго трактата, согласно правилу о наиболѣе покровительствуемой націи.

Въ 1868 г. надлежало открыть пересмотръ тяньзинскаго трактата. Англійскіе купцы и миссіонеры добивались отъ своего правительства только подтвержденія выговореннаго уже права — жить во внутреннихъ областяхъ Китая. Тогдашніе англійскіе синовѣды, Sir R. Alcock и Sir

J. Wade высказали однако мнѣніе, что согласиться на это весьма опасно. «Появленіе въ Китаѣ христіанскихъ миссіонеровъ, поддержанныхъ властью и престижемъ ихъ правительствъ», писалъ Sir J. Wade въ Декабрѣ 1868 г., «должно быть для китайцевъ оскорбительно также точно, какъ было бы оскорбительно для насъ самихъ поддержанное иностранными державами вторженіе къ намъ буддизма и конфуціанскихъ ученыхъ» [1]). Годомъ позже Sir R. Alcock представлялъ, что «если бы миссіонерамъ было предоставлено жить внѣ портовъ, то для правительства королевы было бы совершенно невозможно оказать имъ дѣйствительную помощь даже въ томъ случаѣ, если бы, помимо всякихъ желаній, оно захотѣло примѣнить силу» [2]). Мнѣнія эти восторжествовали; но основавшаяся на такихъ космополитическихъ сужденіяхъ и наклонности къ уступкамъ послѣдующая дѣятельность великобританскаго правительства повлекла за собою, можно сказать, безконечныя несчастія. Правительству королевы можно было, конечно, опасаться трудности оказывать миссіонерамъ дѣйствительную помощь внѣ портовъ, но это не должно было служить ему основаніемъ, чтобы положительно отказываться отъ своихъ уже выговоренныхъ правъ въ Китаѣ. Предвидѣть, что миссіонеры не остановятся передъ препятствіями и будутъ двигаться во внутрь Китая, было не трудно, а потому нельзя было и отказываться отъ предоставленія имъ этихъ правъ. Китайцы хорошо знали, что Великобританія могла требовать подтвержденія относительно свободы своихъ движеній внутри страны и, безсомнѣнія, ожидали ея требованій; но разъ замѣтили они въ англичанахъ колебанія и наклонность къ уступкѣ, они ободрились, чтобы требовать еще дальнѣйшихъ уступокъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что центральное правительство богдохана прежде чѣмъ рѣшиться на какое нибудь важное опредѣленіе, всегда требуетъ совѣта своихъ выдающихся провинціальныхъ сановниковъ. Въ пору пересмотра тянь-цзинскаго трактата, оно обратилось съ тою же цѣлью, между прочимъ, къ знаменитому тогда китайскому государственному дѣятелю Цзэнъ-го-фаню. Въ настоящую поѣздку по Китаю мною пріобрѣтено полное собраніе недавно изданныхъ мемуаровъ этого сановника, въ которыхъ находится и отвѣтъ его по сказанному вопросу въ Пекинъ. Отъ начала до конца онъ проникнутъ ненавистью къ иностранцамъ. «Иностранная торговля», пишетъ Цзэнъ-го-фань, «была допущена только потому, что не могла быть не впущена и дружба съ иностранцами сохранялась только потому, что, по положенію государства, она была менѣе предосудительна,

1) Blue Book, p. 432.
2) Ibid. p. 27.

чѣмъ непріязнь». Далѣе онъ предостерегаетъ правительство, что если бы иностранцамъ были даны какія либо новыя льготы, то онъ и его сотоварищи губернаторы отвергнутъ ихъ и не будутъ принимать никакихъ мѣръ, чтобы сдерживать народное неудовольствіе. Другими словами, — мандаринъ этотъ обѣщалъ центральному правительству прибѣгнуть къ своему излюбленному оружію — покровительствованія насиліямъ черни. Такимъ образомъ со стороны англичанъ, какъ и вообще европейцевъ, мы видимъ опасеніе въ настойчивости требованій; со стороны китайцевъ, напротивъ, полную рѣшимость не только ничего не уступать, а скорѣе отнять уже данныя льготы, лишь бы только явилось для этого сносное оправданіе. Китай всегда былъ и будетъ Китаемъ и не нужно было даже пророковъ, чтобы предсказать результаты такой уступчивости въ будущемъ.

Осенью 1868 г. мистеръ Тэйлоръ, нынѣшній директоръ Китайско-Индійской миссіи, съ нѣсколькими товарищами, спокойно проживалъ въ г. Янъ-чжоу, одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ провинціи, управлявшейся Цзэнъ-го-фан'емъ. Вдругъ чернь собралась, жестоко избила ихъ, сожгла ихъ домы, и заставила ихъ бѣжать изъ города. Дознано было, что народъ былъ подвигнутъ на такой поступокъ броженіемъ обычныхъ слуховъ о томъ, что миссіонеры убиваютъ китайскихъ дѣтей съ цѣлью извлекать ихъ глаза и сердца и что ранѣе того мелкіе чиновники собирались на сходки и рѣшили на нихъ изгнаніе европейцевъ. Конечно, вся эта мелкота дѣйствовала не безъ вѣдома мандариновъ и самаго Цзэнъ-го-фаня.

Въ слѣдующемъ 1869 г. изъ числа членовъ англійской миссіи былъ убитъ мистеръ Williamson въ мѣстечкѣ, отстоящемъ на 35 миль отъ Тянь-цзина. Не смотря на сдѣланныя англичанами заявленія, убійцы не были ни арестованы, ни наказаны. Потомъ обнаружилось, что въ провинціи Шаньдунъ мелкими чиновниками разныхъ мѣстныхъ учрежденій распространялись среди народа возмутительныя и въ высшей степени богохульныя брошуры съ неизмѣннымъ приглашеніемъ избивать европейцевъ и результаты сего сказались очень скоро. Уже весною 1870 г. чернь многихъ городовъ, отстоящихъ на довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другого, была возбуждена слухами о злодѣяніяхъ европейскихъ миссіонеровъ. Это, были старыя и готовыя исторіи о похищеніи дѣтей, выкалываніи глазъ, оскопленіи и пр. и пр.; не доставало только живаго и осязательнаго доказательства истинности этихъ слуховъ. Какъ вдругъ въ Тянь-цзинѣ, мѣстный начальникъ (Чжи-фу) издаетъ объявленіе, въ которомъ назначается смертная казнь по способу «линь-чи» (разрубаніе на тысячу частей, — самый высшій способъ уголовнаго наказанія въ Китаѣ) двумъ китайцамъ, обвиненнымъ въ похищеніи дѣтей для европейцевъ. Для народнаго ума не

было послѣ этого никакого сомнѣнія въ абсолютной истинѣ носившихся слуховъ. Былъ мѣсяцъ Іюнь. На рѣкѣ не было ни одной иностранной лодки. Наступающій взрывъ народной страсти ясно предвидѣлся. Французскій и англійскій консулы дѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы побудить туземное начальство принять надлежащія мѣры, но. . . . тщетно!

Гроза разразилась 21 Іюня, и результатомъ ея было избіеніе невинныхъ, половина которыхъ были безпомощныя женщины. Всего здѣсь было 20 иностранныхъ жертвъ: 10 изъ нихъ сестры милосердія; двѣ французскія дамы, одна-русская, за два дня передъ симъ отпраздновавшая 16 лѣтъ своего рожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ свою свадьбу; два русскихъ купца, французскій консулъ съ своимъ секретаремъ и др. Когда слухи объ этомъ ужасномъ событіи достигли Пекина, семь иностранныхъ посланниковъ представили коллективную ноту, требуя немедленнаго производства слѣдствія и суда; но богдоханское правительство отвѣчало, что у него вовсе нѣтъ войскъ, на которыя можно было бы положиться и что оно не можетъ сдержать буйную чернь Тянь-цзина. Въ результатѣ, живописные вѣера, изображающіе иностранцевъ, безчеловѣчно убиваемыхъ китайцами, свободно продавались по улицамъ и сами мандарины отмахивались ими, проѣзжая по городу въ своихъ паланкинахъ.

Судебное слѣдствіе, благодаря несогласіямъ и различію взглядовъ китайскихъ судей, было ведено по этому дѣлу крайне медленно и только черезъ 4 мѣсяца былъ произнесенъ приговоръ, по которому 20 (очевидно по числу павшихъ европейскихъ жертвъ, — голова за голову) чернорабочихъ были приговорены къ смерти, а, въ возмѣщеніе жизней и имущества, французамъ опредѣлено было уплатить 400,000 ланъ (800,000 р. с.). Но стоитъ только поговорить съ русскими и другими иностранцами, проживавшими въ ту пору въ Тянь-цзинѣ, чтобы узнать, что все это было положительной пародіей суда. По словамъ всѣхъ, главнымъ виновникомъ этого дѣла былъ прежде всего Чунъ-хоу, у котораго была полная возможность предотвратить эту рѣзню. Между тѣмъ генералъ этотъ былъ облеченъ полнѣйшимъ довѣріемъ богдохана и командированъ коммисаромъ во Францію. Главнѣйшимъ вожакомъ возстанія называютъ другого генерала, Чжэнъ-го-шуай'я, который, говорятъ, за три дня до рѣзни прибылъ въ Тянь-цзинъ и руководилъ всѣмъ дѣломъ. Онъ былъ принятъ засимъ въ Пекинѣ на богдоханской аудіенціи и возвратился въ Тянь-цзинъ въ высокой чести. Относительно казненныхъ нельзя было сказать, дѣйствительно ли они были виновниками убійствъ, по крайней мѣрѣ нашъ посланникъ, г. Влангали, несогласился на казнь 4-хъ изъ нихъ, такъ какъ не былъ увѣренъ въ ихъ соучастіи въ преступленіи. Говорятъ, что правительство

уплатило большія деньги семьямъ этихъ казненныхъ и похоронило ихъ съ почестями.

Я остановился болѣе подробно на этихъ событіяхъ возстанія 69-го и 70-го гг. по той причинѣ, что всѣ послѣдующія противухристіанскія инсурреккціи въ Китаѣ являются точною копіею его, а съ другой стороны мы имѣемъ самыя подробныя описанія этой эпохи во многихъ англійскихъ и французскихъ сочиненіяхъ. «Middle Kingdom» — Williams'a, «Tientsin Massacre» — Thin'a, «Chinese Recorder», Introduction to Translation of «Death Blow», «Report to English Presbyterian Mission» заключаютъ въ себѣ богатѣйшія данныя по этому вопросу и не могутъ быть не признаваемы заслуживающими полнаго довѣрія. И всѣ эти сочиненія прямо говорятъ намъ, что дѣйствительные виновники тяньцзинскаго кровопролитія никогда не были наказаны, такъ какъ это были люди, которые сами диктовали богдоханскую политику въ отношеніи къ иностранцамъ и что причина повсемѣстности въ Китаѣ противухристіанскихъ смутъ та, что ихъ желаютъ сами правители. Дѣйствительно, при всякой другой гипотезѣ, будетъ довольно трудно истолковать какъ событія того времени, такъ равно и послѣдующихъ возстаній, вплоть до послѣдняго.

Четыре мѣсяца спустя послѣ казни 16 тяньцзинскихъ повстанцевъ, когда вызванные рѣзней тревога и напряженіе нѣсколько поулеглись, министры богдохана Вань-сянь и Шань-гуй-фань сообщили иностраннымъ посланникамъ знаменитыя «восемь статей» по миссіонерскому вопросу. Европейцы, кажется, значительно забыли уже объ этомъ важномъ документѣ, но онъ твердо хранится въ памяти китайскихъ мандариновъ и послѣ каждого изъ послѣдующихъ возстаній они неукоснительно и аккуратно предлагали что нибудь изъ своихъ пресловутыхъ «восьми статей». Эти «восемь статей» съ перваго взгляда на нихъ являются даже какъ будто предложенными о интересахъ миссіонеровъ и туземныхъ христіанъ, представляя собою, какъ говорятъ, вѣрнѣйшее средство для предупрежденія противухристіанскихъ возстаній. Но стоитъ только вдуматься въ ихъ содержаніе, чтобы сказать что при помощи ихъ желанная цѣль будетъ достигнута именно потому, что выполненіе ихъ должно было бы закрыть всѣ миссіонерскія учрежденія, извратить самое христіанское ученіе, уничтожить всякую проповѣдь, предотвратить присоединеніе новообращающихся и передать старообращенныхъ въ безусловную власть язычниковъ. Самое краткое разсмотрѣніе съ очевидностью докажетъ намъ это.

Ст. I требовала упраздненія содержимыхъ миссіонерами дѣтскихъ пріютовъ. Это требованіе съ тѣхъ поръ возобновляется постоянно, такъ какъ учрежденіе пріютовъ выставляется главнѣйшей причиной вражды

народа. Существуетъ убѣжденіе, что всѣ жестокости, совершаемыя европейцами, происходятъ именно въ этихъ пріютахъ. Представляется однако несомнѣннымъ, что если бы, въ угоду язычествующей толпѣ, эти пріюты закрылись, то проповѣдники христіанской любви лишились бы minimum $^3/_4$ своей просвѣтительной дѣятельности. Тысячи дѣтей обрекаются китайцами на жертву нечестія и смерти, гибнутъ въ порокѣ и умираютъ съ голоду отъ недостатка; но европейцы подбираютъ этихъ дѣтей и они находятъ себѣ жизнь въ миссіонерскихъ пріютахъ. Китайскіе чиновники знаютъ до послѣднихъ мелочей все, что происходитъ въ этихъ пріютахъ не только черезъ распросы прислуживающихъ въ помѣщеніяхъ ихъ туземцевъ, но и потому двери этихъ учрежденій ежедневно открыты для осмотра каждому. Въ періодъ возстаній нападенія дѣйствительно всегда дѣлаются прежде всего на пріюты; но это потому что подозрѣнія и страсти черни легче всего можно возбудить означеннымъ учрежденіемъ. Языческій умъ просто не можетъ вѣрить въ христіанскую идею и чистоту намѣреній иностранцевъ, заботящихся о воспитаніи чужихъ дѣтей и подозрѣваетъ здѣсь какой нибудь дальнѣйшій злой умыселъ. Мыслимо ли однако со стороны христіанина потворствовать этому окаменѣнію сердецъ и отказываться отъ своего дѣла тамъ, гдѣ по преимуществу должна быть памятуема имъ заповѣдь апостола «настой благовременне и безвременне»?

Ст. II требовала, чтобы женщинамъ не дозволялось входить въ церковь, равно какъ посѣщать миссіонерскія собранія для выслушиванія наставленій въ религіи. Нѣтъ нужды говорить, что удовлетвореніе этой статьѣ исказило бы самое христіанство, ограничивая «избраніе» однимъ мужескимъ поломъ.

Ст. III требовала, чтобы миссіонеры сообразовались съ законами и обычаями Китая, подчинялись китайскимъ властямъ и не дозволяли себѣ говорить противъ доктринъ Конфуція. — Миссіонеръ такимъ образомъ отдавался въ руки китайскихъ мандариновъ и лишался бы всякой дѣятельности, потому что каждый его поступокъ былъ бы нарушеніемъ обычаевъ Китая и каждое его слово могло было бы быть истолковано какъ порицаніе доктринъ Конфуція.

Ст. IV требовала, чтобы европейскіе чиновники и миссіонеры, такъ какъ возмущенія совершаются въ дѣйствительности людьми самаго низшаго класса, не предъявляли бы своихъ притязаній и обвиненій противъ сословія «ученыхъ» и не требовали бы широкихъ удовлетвореній за убытки, понесенные отъ сожженія домовъ, разграбленія имуществъ и пр. Вознагражденія предлагалось выдавать только въ размѣрѣ конфискаціи имущества дѣйствительныхъ виновниковъ. — Это, конечно, было съ одной

стороны предупредительной мѣрой къ тому, чтобы возстанія обходились Китаю по возможности дешевле, а съ другой — оно должно было послѣдовательно содѣйствовать паденію самыхъ миссіонерскихъ учрежденій, которыя теперь обезпечены для своего возобновленія на средства контрибуціи.

Ст. V относилась до паспортовъ и предусматривала, что они не должны быть выдаваемы въ такія мѣстности, гдѣ китайскіе сановники могли предвидѣть какую либо опасность со стороны мятежниковъ. Нечего говорить, что таковымъ опаснымъ мѣстомъ долженъ былъ явиться весь Китай.

Ст. VI требовала, чтобы обо всякомъ китайцѣ, прежде чѣмъ будетъ совершено его обращеніе, было произведено слѣдствіе, не совершилъ ли онъ какихъ преступленій. Предполагалось, что ежемѣсячно, или по крайней мѣрѣ разъ въ три мѣсяца, китайскія власти будутъ поставляемы миссіонерами въ извѣстность о числѣ обращенныхъ и съ своей стороны посѣщать миссіи съ цѣлью инспектированія ихъ. Очевидно, этою статьею миссіи и прозелиты становились въ полное подчиненіе мандариновъ и, конечно, не многіе изъ туземцевъ имѣли бы мужество, при всемъ желаніи сдѣлаться христіанами, стать лицомъ къ лицу передъ чиновниками, подвергаться слѣдствіямъ и т. д.

Ст. VII требовала, чтобы миссіонеры при посѣщеніяхъ мандариновъ соблюдали тѣже самыя церемоніи, какія выполняетъ сословіе «ученыхъ». Это значило, что миссіонеръ долженъ былъ исполнять всѣ китайскія церемоніи въ отношеніи къ чиновникамъ низшихъ классовъ и даже отвѣшивать передъ высшими «кэ-тоу», т. е. земные поклоны, колѣнопреклоненія и прочіе обычаи Востока.

Ст. VIII выставляла положенія при покупкѣ миссіонерами куска земли, или дома. Требовалось, чтобы предварительно заключенія какихъ либо условій, миссіонеръ, вмѣстѣ съ собственникомъ, дѣлали заявленія начальству. Послѣднее прежде всего обязано было изслѣдовать, не представляется ли какого либо препятствія къ перемѣнѣ владѣльца земельнаго участка со стороны «фынъ-шуй» (геомантическихъ силъ природы); если бы вся совокупность различныхъ чародѣйственныхъ примѣтъ оказалась въ пользу миссіонера, то можно было бы приступать ко второму подготовительному акту для совершенія сдѣлки, по которому требовалось получить засвидѣтельствованное общимъ приговоромъ согласіе мѣстныхъ жителей; по полученіи этого приговора земля могла быть объявлена принадлежащею китайскимъ христіанамъ, при чемъ, при заключеніи контракта, нельзя было выставлять другого имени, кромѣ имени дѣйствительнаго покупщика. Здѣсь столько выдумокъ для прегражденія миссіонерамъ возможности со-

вершить покупку, или заключить арендную сдѣлку, что акты эти дѣлаются для нихъ просто немыслимыми. Требовать, чтобы собственникъ передъ заключеніемъ условій являлся къ мандарину, значило желать, чтобы $^{9}/_{10}$ собственниковъ прямо отказались отъ всякихъ переговоровъ, тогда какъ послѣдняго, десятаго можно было отпугнуть. Засимъ, что могло бы проконтролировать роковое изслѣдованіе вліяній геомантическихъ силъ? Какимъ образомъ получить согласіе *всѣхъ мѣстныхъ* жителей? Наконецъ миссіонеры, очевидно, могли покупать землю только на имя «*китайскихъ христіанъ*»; продавцу же абсолютно запрещалось переводить свою собственность на чье либо имя, кромѣ дѣйствительнаго покупщика, т. е. миссіонера.

Таковы были знаменательныя «восемь статей». Многіе смотрѣли на нихъ какъ на выраженіе доброжелательства китайскаго правительства и на стремленіе его, путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, упрочить благосостояніе миссій; но при поставленномъ мною комментаріѣ я думаю согласится всякій, что едва ли когда китайская дипломатія представляла европейцамъ болѣе лицемѣрный, и унизительный документъ. Статьи эти не были приняты европейскими державами и все пошло своимъ чередомъ; только терпѣливые, настойчивые и неизмѣнные мандарины хорошо помнятъ ихъ и при всякомъ благопріятномъ случаѣ стараются провести ихъ въ дѣйствительную жизнь.

Съ тѣхъ поръ мелкія возстанія противъ европейцевъ и христіанъ случались изъ года въ годъ то въ той, то въ другой мѣстности; болѣе же сильное возмущеніе было въ Кантонѣ, осенью 1884 г., въ періодъ войны съ Франціею. На нашъ взглядъ, въ эту эпоху международной войны и нужно было, конечно, ожидать взрыва негодованія противъ европейцевъ со стороны всего Китая. Было однако какъ разъ наоборотъ. Во всемъ Китаѣ и за все время войны народъ оставался апатичнымъ и индифферентнымъ за исключеніемъ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ чиновники постарались возбудить его. Нужно сказать, что въ Кантонѣ все было спокойно, пока туда ни былъ посланъ чрезвычайный коммисаръ Пэнъ-юй-линь, знаменитый авторъ противухристіанскихъ и противуевропейскихъ брошуръ. По прибытіи его сразу понеслись слухи, что христіанство должно быть изгнано. Самъ Пэнъ-юй-линь издалъ неистовую прокламацію, въ которой объявлялъ, что Китай не отвѣтственъ за разрушеніе народомъ домовъ, принадлежащихъ европейцамъ. Это было истолковано чернью какъ разрѣшеніе грабить и уничтожать все европейское. Въ нѣсколько недѣль было разрушено 18 протестантскихъ храмовъ и стерты съ лица земли католическіе костелы и пріюты. Туземные христіане подвергались нападеніямъ, насиліямъ, гра-

бежамъ и смерти. Въ добавокъ къ этому Пэнъ-юй-линь представилъ докладъ богдохану, въ которомъ требовалъ повелѣнія, чтобы китайскіе христіане, имѣли на своихъ домахъ доски, съ надписью «христіанинъ», носили бы особые костюмы и проч. Конечно, въ Пекинѣ все это было отвергнуто; но кому же неизвѣстно теперь, что правительство богдохана давно уже начало издавать двойныя инструкціи для своихъ чиновъ. Однѣ изъ нихъ, сокращенно появляющіяся въ газетахъ, предназначаются для всеобщаго свѣдѣнія и въ томъ числѣ для иностранцевъ, другія, — полныя и отличающіяся отъ первыхъ въ своихъ выраженіяхъ, — представляютъ собою настоящую политику китайскаго двора. Обо всемъ этомъ мы имѣемъ самое обстоятельное изслѣдованіе, изданное шанъ-хайской и хань-коу'ской коммиссіями евангелическаго союза (см. Memorandum on Persecutions in China. 1885), и отсюда намъ дѣлается несомнѣннымъ, что дѣятельность провинціальныхъ сановниковъ всегда находитъ себѣ оправданіе въ пекинскихъ распоряженіяхъ. Не безъ воли Пекина издаются такимъ образомъ всѣ тѣ прокламаціи, которыми возмущаютъ противъ европейцевъ китайскій народъ его страшное и всесильное чиновничество. Я называю его всесильнымъ потому, что дѣйствительно отъ его воли зависитъ какъ поднять народъ противъ европейцевъ, такъ и укротить его страсти. Китайское правительство давно уже стало увѣрять насъ, что власть его безсильна надъ неукротимымъ народомъ; но, если основные виновники возстаній остаются ненаказанными, если правительственныя войска не получаютъ даже выговоровъ за свои грабежи, то не будетъ ли вѣрнѣе предположить, что они вовсе и не нарушаютъ никакихъ приказаній, когда производятъ смуты и грабежи христіанъ? Какъ доказательство, я приведу при этомъ обратный фактъ, изъ котораго явствуетъ, что эти неукротимые дѣлались совершенно послушными, когда на то была воля ихъ начальства. Вотъ, что разказываетъ одинъ изъ англійскихъ изслѣдователей Китая, проживавшій въ городѣ У-чанъ-фу въ 1890-мъ году.

«Я никогда не вѣрилъ, чтобы возмущенія были оффиціальнымъ движеніемъ до тѣхъ поръ, пока самъ ни увидалъ, какъ они были усмирены въ У-чанъ-фу. Сперва городъ былъ наводненъ массою прокламацій, брошуръ и слуховъ, направленныхъ противъ европейцевъ. Народъ былъ сильно возбужденъ этимъ и толпы черни собирались и забрасывали камнями католическій дѣтскій пріютъ, а начальство говорило, что оно не можетъ отвратить этого. Вслѣдъ за симъ была вывѣшена увѣщавающая народъ прокламація, составленная генералъ-губернаторомъ и губернаторами; но народъ сорвалъ ее. Потомъ въ городъ были введены солдаты и къ миссіонерскимъ зданіямъ приставлены сильные караулы; но это только

ухудшало дѣло. Послѣ сего получился богдоханскій указъ; но онъ также былъ сорванъ. Такъ прошли мѣсяцы. Генералъ-губернаторъ много разъ посылалъ миссіонерамъ свой совѣтъ — выѣхать, такъ какъ защищать ихъ онъ не видѣлъ никакой возможности. Мы всѣ чувствовали, что живемъ у кратера вулкана и много безсонныхъ ночей было проведено мною въ ожиданіи того возстанія, о которомъ насъ предупреждали. Но какъ разъ въ ту пору, когда казалось, что на другой день уже будетъ невозможно противустоять взрыву, произошла большая перемѣна. Утромъ, выходя изъ своего дома, я понялъ, что что-то случилось: народъ снова выглядѣлъ веселымъ и благорасположеннымъ, даже собаки казались какъ будто дружественнѣе. Вскорѣ я узналъ, что вчера, послѣ полудня, британскій консулъ и командиръ только что прибывшаго парохода Archer, сдѣлали визитъ генералъ-губернатору и сказали ему напрямикъ, что поджегъ перваго изъ миссіонерскихъ зданій послужитъ сигналомъ для немедленнаго же воздѣйствія со стороны военнаго судна, пришедшаго въ У-чанъ-фу. Мандаринъ, говорятъ, сначала обнаружилъ недовѣріе и намекнулъ, что такой поступокъ противорѣчилъ бы международному праву; но былъ счастливо убѣжденъ, что съ нимъ не шутятъ. Вслѣдъ за симъ онъ созвалъ своихъ подчиненныхъ, выдалъ имъ новыя инструкціи и все измѣнилось въ одну ночь. Нужно ли большее доказательство для того, что все это движеніе неизмѣнно совершалось подъ оффиціальнымъ контролемъ? [1]).

Въ послѣднемъ, наблюдавшемся мною въ Монголіи возстаніи 1891—1892 годовъ отъ начала до конца повторялось тоже самое. Народъ былъ возбужденъ противухристіанскими и противуиностранными брошурами и прокламаціями. Окончательный взрывъ этого возбужденія послѣдовалъ въ силу оффиціально обнародованной клеветы на европейцевъ и во многихъ пунктахъ возстаніе это было усмирено также однимъ приказомъ.

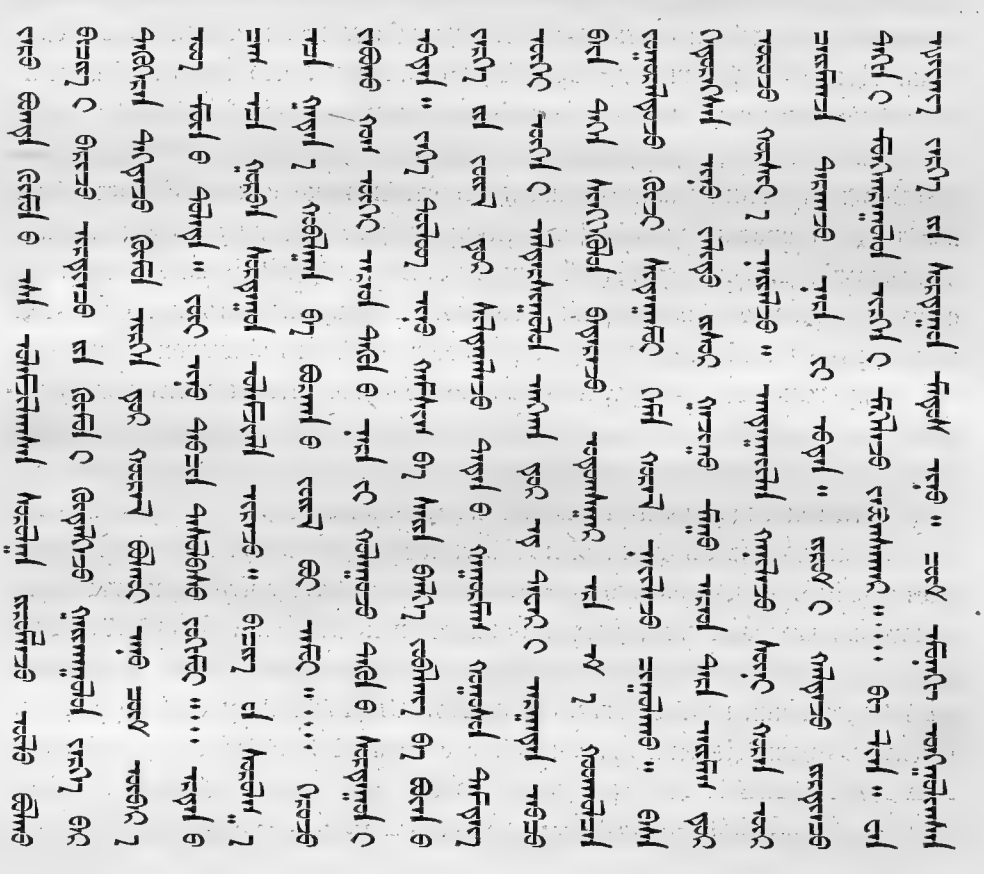
Спрашивается теперь, на чемъ же основывается и чѣмъ поддерживается эта ненависть къ христіанамъ и иностранцамъ замѣчаемая особливо въ высшихъ, ученыхъ и правящихъ классахъ?

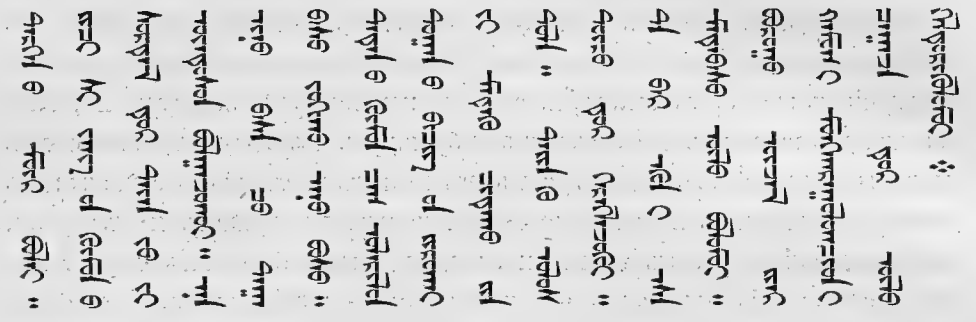
Китайскій народъ и его правительство имѣютъ у себя исконные завѣты, изложенные въ сочиненіи: «Шэнъ-юй-гуанъ-сюнь», или «Священныя наставленія». Они называются «священными», потому что написаны двумя канонизированными императорами настоящей династіи. Въ 1670 году императоръ Канси издалъ свои наставительныя изреченія, раздѣлявшіяся на 16 отдѣленій, по 7 словъ въ каждомъ. Въ 1724 году сынъ его, Юнъчжэнъ, въ развитіе этихъ изреченій, составилъ 16 особыхъ поученій. Эти

1) The cause of the Riots in the Yangtse valley. — Hankow. 1891, p. 24.

изреченія Канси, служащія темами, и поученія Юнъ-чжэна, составляющія толкованіе этихъ темъ, суть то, что называется «священными наставленіями». Китайцы относятся къ нимъ съ величайшимъ почтеніемъ и, можно сказать, ни одно изъ многочисленныхъ сочиненій, изданныхъ для усовершенствованія и просвѣщенія народа его правителями, не пользуется въ Китаѣ такою славою, какъ «Шэнъ-юй». Для того, чтобы никто не могъ отговариваться незнаніемъ «священныхъ наставленій» законъ повелѣваетъ, чтобы повсюду въ Имперіи они были провозглашаемыми мѣстными чиновниками 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ кумирняхъ, особливо предназначенныхъ для этой цѣли, причемъ, присутствіе здѣсь народа не только поощряется, но и требуется.

Седьмая глава этихъ «наставленій» написана на тему, представляемую изреченіемъ: «подавляйте чужія религіи, ради возвышенія истиннаго ученія». Императоръ Юнъ-чжэнъ въ развитіе этой темы представляетъ поучительное толкованіе, въ которомъ христіанство причислено къ иноземнымъ религіямъ, которымъ не должны слѣдовать китайцы. Вотъ соотвѣтственныя выписки этихъ мѣстъ въ ихъ подлинномъ текстѣ:





«Вообще всѣ, являющіеся съ литературою, не проводящею въ практику того ученія, которое составляетъ собою развитіе доктринъ конфуціанскихъ философовъ, смущаютъ и волнуютъ народъ, возбуждаютъ цѣлыя общества и доставляютъ пагубу людямъ, принадлежатъ къ чуждымъ религіямъ и потому должны быть отвергнуты и искоренены. . . Съ древнихъ временъ въ Китаѣ послѣдовательно было пропагандируемо три религіи. Кромѣ конфуціанства, мы имѣемъ еще буддизмъ и даосизмъ. Есть однако бездомные бродяги, которые, подъ псевдомнимомъ этихъ религій, разрушаютъ ихъ ученіе. Большая часть ихъ, пользуясь несчастными и счастливыми обстоятельствами, страданіями и добродѣтелью, какъ причиною, разславляютъ свои лживыя и пустыя рѣчи. Сначала они овладѣваютъ имуществами и присвоиваютъ ихъ себѣ. Потомъ они собираютъ мужчинъ и женщинъ въ безпорядочныя сборища, съ цѣлью вожженія өиміама. Хуже всего то, что въ эти общества вступаютъ люди предательскіе, коварные и развращенные. Они собираются ночью и расходятся утромъ, погубляютъ доброе имя, разрушаютъ обычаи, опутываютъ живущихъ во вселенной и обманываютъ народы. Таковы секты Бо-лянь и Вэнь-сянъ. Такова же религія людей запада, которая поставляетъ въ основу своихъ вѣрованій небеснаго Господа (тянь-чжу). Ей также не должно слѣдовать. По причинѣ лишь того, что поклонники ея были свѣдущи въ составленіи календарей и вообще въ математикѣ, потребовались они нашему правительству. Вы должны знать это, равно какъ и то, что тѣ, которые приводятъ всѣхъ въ заблужденіе своими ложными возрѣніями, не преминутъ смертной казни».

Вышеприведеннаго извлеченія будетъ достаточно, чтобы показать какое могущественное оружіе противухристіанская агитація находитъ въ «Шэнъ-юй'ѣ». Авторы брошуръ, возбуждающихъ народъ противъ христіанъ и европейцевъ, смотрятъ поэтому на себя какъ на поступающихъ согласно императорскимъ завѣтамъ, изложеннымъ въ «священныхъ наставленіяхъ», обезпечивающихъ благо своей страны и народа.

Посмотримъ теперь, что же это за противухристіанская литература и каковы ея формы, происхожденіе, развитіе и содержаніе.

Основной разсадникъ противухристіанской литературы представляетъ собою провинція Ху-нань. Изъ этого центра она расходится по всѣмъ направленіямъ въ формѣ афишъ, пасквилей, каррикатуръ, брошуръ и книгъ различныхъ размѣровъ. Издаются эти брошуры, въ виду назначенія ихъ удовлетворять всякаго рода вкусамъ, въ самыхъ различныхъ стиляхъ: въ учено-классическомъ и элегантно-фельетонномъ, въ стихахъ и въ прозѣ, съ иллюстраціями и безъ оныхъ; но, какова бы ни была ихъ форма, или стиль, содержаніе ихъ всегда одного и того же возмутительнаго и богохульнаго характера. Впрочемъ, Ху-нань далеко не единственное мѣсто для изданія этого рода произведеній: перепечатка наиболѣе популярныхъ противухристіанскихъ и антиевропейскихъ брошуръ часто производится въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, а расходятся эти брошуры такъ далеко, что даже въ Чэнъ-дэ-фу, этой уже застѣнной провинціи Китая, которую будетъ вѣрнѣе называть южной Монголіей, мнѣ приходилось встрѣчать и пріобрѣтать эти возмутительныя брошуры.

Изданіе и распространеніе этихъ противуиностранныхъ брошуръ совершается не ради наживы, равно какъ и не является въ отвѣтъ на какой-либо народный запросъ. Оно предпринимается обыкновенно нѣкоторыми отдѣльными личностями и ассоціаціями, которыя содержатъ у себя и особыхъ агентовъ, чтобы раздавать эти книжки въ народѣ, или расклеивать ихъ по уличнымъ заборамъ. Это влечетъ за собою широкую затрату капиталовъ, которая покрывается добровольными приношеніями заинтересованныхъ въ дѣлѣ служебныхъ лицъ и средняго, особливо торговаго класса общества.

Невыразимо больно и трудно передавать мнѣ содержаніе этой литературы, брошуръ и картинъ. Въ нихъ столько богохульства, злобы, оскорбленій и самаго непрогляднаго невѣжества, что изложить все это почти невозможно. Извѣстно, что древніе римляне изображали Христа Спасителя въ видѣ распятаго на крестѣ осла; китайцы пошли еще дальше и изображаютъ его въ видѣ стоящаго, или также распятаго на крестѣ борова. Основаніемъ къ происхожденію этого изображенія послужило слѣдующее. Терминъ, принятый католиками для выраженія понятія «Богъ» — тянь-чжу (主 天), буквально «небесный Господь»; онъ же употребляется и при имени Господа нашего Іисуса Христа. Въ ху-нань'скихъ изданіяхъ, іероглифъ, «чжу» (主) — «Господь» замѣненъ произносимымъ совершенно съ тою же интонаціей, іероглифомъ «чжу» (猪) — «свинья» и такимъ образомъ вмѣсто «тянь-чжу» (天 主) — «небесный Господь», является «тянь-чжу» (天 猪) — «небесная свинья». Потому же примѣру европейцы изображаются въ этихъ каррикатурахъ подъ видомъ барановъ и козловъ.

Въ обычной рѣчи китайцы зовутъ ихъ «янъ-жэнь» (洋人), т. е. «заморскіе люди». Въ противуевропейскихъ изданіяхъ «янъ» (洋)—«море» замѣнено словомъ «янъ» (羊)—«баранъ». Какъ иностранцы европейцы называются—баранами, какъ христіане—свиньями. Помимо сего они называются еще «лу-мао»—«зеленая шляпа»; послѣдняя служитъ въ Китаѣ символомъ рогоносца и назвать человѣка въ Китаѣ зеленой шляпой значитъ нанести ему величайшее оскорбленіе. По этой то причинѣ на иностранцахъ въ китайскихъ каррикатурахъ всегда бываютъ надѣты зеленыя шляпы и съ тою же цѣлью всѣ слова, относящіяся къ иностранцамъ, христіанству и христіанскимъ прозелитамъ, печатаются въ текстахъ антихристіанскихъ изданій зеленою краскою. Наконецъ, такимъ же постояннымъ названіемъ для европейцевъ служитъ «чертъ» («гуй-цза»), тогда какъ прозелиты изъ китайцевъ называются «умершими чертями», ибо на нихъ смотрятъ уже какъ на умершихъ. И въ такомъ родѣ идетъ вся терминологія, относящаяся до христіанства и христіанъ; о дѣяніяхъ, приписываемыхъ европейцамъ, наконецъ о китайскихъ взглядахъ и сужденіяхъ относительно этихъ дѣяній и говорить нечего: они должны поразить каждаго своимъ богохульствомъ и безуміемъ до глубины сердца.

Мы не можемъ сказать, чтобы китайскія власти имѣли бы ошибочное понятіе о результатахъ сѣянія такого сѣмени въ своемъ народѣ. Министры Цзунъ-ли-ямуня, представляя всеподданнѣйшій докладъ о возмущеніяхъ въ долинѣ р. Янъ-цзы, прямо говорятъ: «Ближайшая причина возмущеній—анонимные пасквили: они расклеиваются по городскимъ стѣнамъ съ тѣмъ, чтобы, введя въ заблужденіе народные умы, найти удобный случай къ производству возстанія». Тѣ же признанія мы находимъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Лю-цзинь-тан'а, генералъ-губернатора провинцій Цзянъ-су, Аньхой и Цзянь-си, обнародованномъ въ пекинской газетѣ отъ 23-го сентября 1891 г.;—Чжанъ-чжи-дуна, генералъ-губернатора провинцій Ху-бэй и Ху-нань, напечатанномъ также въ нумерѣ отъ 9-го октября 1891 г.; наконецъ, въ самомъ богдоханскомъ указѣ отъ 13-го іюня 1891 г. Послѣ такихъ завѣреній самаго китайскаго правительства мы, конечно, не усумнимся во 1-хъ признать эту литературу главною причиною возмущеній, а во 2-хъ естественно будемъ ожидать отъ мандариновъ стремленія положить предѣлъ развитію этой литературы. На дѣлѣ является совсѣмъ иное: ни одинъ мандаринъ и никогда не предпринималъ чего-либо въ этомъ родѣ и такое отношеніе составляетъ знаменательную черту всего этого экстраординарнаго дѣла. На чемъ же обосновывается такая холодность? Прямымъ отвѣтомъ на это является слѣдующій фактъ. Въ іюнѣ 1891 г. въ Хань-коу, по требованію европейцевъ, была арестована толпа проле-

таріевъ, раздававшихъ противухристіанскія книги и пасквили; на судѣ обнаружилось, что составителемъ и издателемъ этихъ брошуръ былъ Чжоу-хань, губернаторъ провинціи Ху-нань; арестованные, конечно, были тотчасъ же отпущены.

Но если подобный арестъ былъ совершенъ только по требованію европейцевъ, то нечего и говорить о возможности преслѣдованія китайцами противуиностранной литературы въ мѣстахъ, недоступныхъ для европейскаго проживанія. Тамъ, говорятъ, противуиностранные пасквили расклеиваются повсюду даже рядомъ съ богдохāнскими указами, которыми они запрещаются и мѣстныя власти проходятъ мимо нихъ какъ будто съ закрытыми глазами. И это не удивительно, ибо, въ существѣ дѣла, авторы богохульныхъ и непристойныхъ ху-нань'скихъ пасквилей дѣлаютъ очень немного больше того, что опубликовано во всеобщее свѣдѣніе подъ заглавіемъ трудовъ Цзэнъ-го-фаня, Цзо-цзунъ-тана, Чжанъ-чжи-дуна, Лихунъ-чжана, Пэнъ-юй-лин'я и другихъ высокопоставленныхъ правителей имперіи богдохāна. Каждое изъ этихъ изданій представляетъ собою труды въ объемѣ отъ 3-хъ до 10 томовъ и заключаетъ въ себѣ донесенія, воззванія и всеподданнѣйшіе доклады, составлявшіеся этими сановниками въ разное время. Ихъ можно находить въ каждой книжной лавкѣ и въ каждой публичной и частной библіотекѣ, а потому и каждый можетъ читать въ нихъ обвиненія противъ иностранцевъ въ томъ, что они-де выкалываютъ глаза, вынимаютъ мозги и сердца, обезображиваютъ женщинъ и дѣтей, и проч., словомъ, все то, что описывается въ ху-нань'скихъ пасквиляхъ. Мало того, въ 1880-хъ годахъ появилось сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вэнь» (皇朝經世文) или «Сборникъ оффиціальныхъ документовъ на всѣ государственные вопросы». Здѣсь объ отношеніяхъ европейскихъ миссіонеровъ къ китайскимъ прозелитамъ разказывается слѣдующее: «Когда священникъ обращаетъ прозелита, о послѣднемъ говорятъ, что онъ пріобщается религіи. Когда прозелитъ умираетъ, священникъ посылаетъ кого-нибудь завернуть тѣло въ саванъ. Посланный выгоняетъ родственниковъ покойнаго, запирается и обвертываетъ покойника, причемъ двумя кусочками пластыря закрываетъ глаза трупа. Говорятъ, что все это не болѣе, какъ маска для выкалыванія глазъ умершаго, которые потомъ употребляются при очисткѣ серебра. Глаза выкалываются не только у мертвыхъ, но и у живыхъ». Спрашивается, не равносиленъ ли этотъ оффиціальный документъ, той подпольной литературѣ, которая возводитъ на европейцевъ тѣ же самыя обвиненія, только выражаетъ ихъ въ болѣе грубой формѣ? Въ сочиненіи «Гуй-цзяо-гай-сы» объ этомъ говорится, напримѣръ, такъ: «Чертово отродье владѣетъ черной магіей, при

посредствѣ которой оно извлекаетъ плодъ, производитъ оскопленіе, выкалываетъ глаза и вынимаетъ мозги. Предметы эти продаются засимъ чертовымъ торговцамъ и частію употребляются фотографами для химическихъ цѣлей, а частію примѣшиваются къ свинцу для извлеченія изъ онаго серебра. Изъ 100 фунтовъ китайскаго свинца они получаютъ 8 фунтовъ серебра; но единственный способъ для сего—смѣшеніе свинца съ глазами китайцевъ. Глаза европейцевъ для этой цѣли негодны, а потому они и не выкалываютъ глазъ у своего народа. Никому изъ обращенныхъ этотъ методъ полученія серебра неизвѣстенъ».

Если все вышеизложенное не доказываетъ еще единенія китайскихъ правителей съ иностранной пропагандой, то мы не знаемъ, какія еще нужны для сего доказательства?

Я не сомнѣваюсь, что, прочитавъ этотъ разказъ, каждый вмѣстѣ со мною придетъ къ убѣжденію, что эти оскорбленія Богу и человѣчеству должны быть прекращены. Забывъ всякую національную, государственную и религіозную рознь, европейцы, во имя единаго исповѣдуемаго ими Христа, должны объединиться и совокупными силами потребовать отъ Китая полнаго истребленія этого рода литературы.

2-е Мая. Воскресенье.

6 ч. +4°; 9 ч. +9°; 12 ч. +12½°; 3 ч. +14½°; 6 ч. +8°; 9 ч. +6°.

Въ теченіе трехъ предшествовавшихъ дней мы сдѣлали тотъ же путь, по той же тропѣ и съ тѣми же остановками, которые были выполнены нами 14, 15, 16 и 17 Апрѣля, съ тою лишь разницею, что 29-го Апрѣля мы сразу проѣхали пространство двухдневной ѣзды и ночевали въ Го-цзя-тунѣ; 30-го Апрѣля ночевали въ Гуань-ди, а 1-го Мая добрались до Гоумынь-цза. Температура за это время была такая:

29-го Апрѣля 6 ч. +7°; 9 ч. +21°; 12 ч. +23°; 3 ч. +23°; 6 ч. +18°; 9 ч. +14½.

30-го Апрѣля 6 ч. +10°; 9 ч. +18°; 12 ч. +22°; 3 ч. +22°; 6 ч. +18°; 9 ч. +13°.

1-го Мая 6 ч. +13°; 9 ч. +13½°; 12 ч. +8½°; 3 ч. +8°; 6 ч. +10°; 9 ч. +7°.

Сегодня мы выѣхали изъ Гоу-мынь-цза въ 6 час. 5 м. утра и, вмѣсто прежняго направленія на западъ, или даже нѣсколько къ ЮЗ, поѣхали на СЗ, къ Долонъ-нуру. Почти у самого поселка мы вступили въ горную

падь, имѣющую тоже СЗ направленіе и начали по ней подниматься въ гору. Падь эта имѣетъ ширины не свыше 100 саженей и настолько камениста, что разработка здѣшнихъ пространствъ буквально невозможна; къ счастію камень, покрывающій почву толстымъ слоемъ, очень дробный, а потому дорога можетъ быть названа даже довольно удобной. Только черезъ часъ ѣзды, добравшись до одиноко стоящаго постоялаго двора, Хэ-нань-дянь, мы увидали здѣсь узенькіе клочки земли, распаханные по склонамъ горъ. Продолжая подниматься далѣе, въ 7 час. 35 мин. достигли мѣста, гдѣ скрывается подъ землею текущій съ вершины горы ручей. Выше онъ оказался сплошь покрытымъ льдомъ и снѣгомъ. Въ 7 час. 55 мин. повстрѣчали деревеньку Ца-пынъ, состоящую изъ 4 постоялыхъ дворовъ: домики китайцевъ были кругомъ обсажены деревьями, но послѣдніе здѣсь еще незеленѣли не только листвою, а даже и своими почками. Черезъ полчаса ѣзды отсюда мы подъѣхали къ подножію крутого перевала, гдѣ нашли деревеньку Па-ди (т. е. подъ переваломъ). Единственная улица ея оказалась сплошь заставленною телѣгами торговыхъ обозовъ: извозчики дали вздохнуть своимъ животнымъ передъ началомъ трудной дороги, а сами тѣмъ временемъ роспивали чай въ мѣстныхъ харчевняхъ. Мы едва пробрались между множествомъ телѣгъ, нагруженныхъ дровами, хорошо обожженымъ древеснымъ углемъ и коротенькими слѣгами; все это везется китайцами изъ Го-цзя-туна на продажу въ Долбнъ-нӯръ. Подъемъ на перевалъ занялъ у насъ времени битый часъ, изъ коего мы только пять минутъ стояли, пререкаясь съ долбнъ-нӯрскими ламами, устроившими здѣсь своего рода мытницу. Дѣло въ томъ, что заботясь о средствахъ для содержанія своихъ монастырей, они выпросили у долбнъ-нӯрскаго тунъ-чжи разрѣшенія собирать на вершинѣ перевала подаянія отъ проѣзжающихъ и засимъ разрѣшеніе это истолковали въ видѣ прямого налога со всякаго проѣзжающаго, сообразно его средствамъ. Такимъ образомъ съ каждаго вьючнаго верблюда они берутъ по 5 фынъ, съ вьючной лошади, или мула 3 фына, съ быка 2 фына, съ каждой проѣзжающей телѣги, смотря по богатству ѣздока, до 5 циновъ. Къ намъ въ частности было предъявлено требованіе уплатить 2 лана (4 серебр. рубля), по этому я отправился въ кумирню и сказалъ, что какъ иностранецъ я свободенъ отъ всякихъ налоговъ, но, какъ всегда дружественный монголамъ русскій, считаю для себя пріятнымъ помочь имъ, а потому даю серебряную монету. Ламы поблагодарили, хотя видимо остались не очень довольны такимъ исходомъ своихъ требованій. Начавъ отсюда легкій спускъ съ перевала, мы въ 9 ч. 55 м. прибыли въ деревню Шуй-чжуань-цза, гдѣ и остановились для отдыха. Въ гостинницѣ не нашлось ничего кромѣ постной лапши и чая.

Двинувшись далѣе въ 10 ч. 55 м., мы продолжали спускаться съ перевала, хотя спускъ этотъ и мало замѣтенъ: онъ идетъ увалами и дорога то опускается въ небольшія впадины, то снова поднимается, повидимому на туже высоту. Такъ продолжалось до 12 ч. 10 м., когда мы подъѣхали къ деревнѣ Сань сань-цза (三 山 子 отъ имени трехъ, находящихся здѣсь пригорковъ), всего въ 11 дворовъ. Отъ нея почва начинаетъ дѣлаться песчаною, далѣе же отъ деревни Са-то-цза (1 ч. 35 м.) дорога проходитъ сплошными сыпучими песками, а по сторонамъ ея возвышаются цѣлыя песчаныя горы. По такой то мѣстности мы добрались въ 2 ч. 45 м. до Долōнъ-нӯра и остановились въ монастырѣ Хōхō-сӯмэ, къ настоятелю котораго у меня было рекомендательное письмо отъ сунѝтскаго вàна. Послѣднимъ я запасся еще въ Калганѣ, благодаря своему знакомству съ вàномъ и нужно сказать письмо это принесло мнѣ большую услугу, такъ какъ я принятъ былъ въ монастырѣ совершенно своимъ человѣкомъ.

Съ 3-го по 23-е Мая.

Первымъ дѣломъ моимъ по прибытіи въ Долōнъ-нӯръ было обезпечить себѣ дальнѣйшее слѣдованіе на сѣверъ Монголіи и подыскать подходящія для сего подводы. По роду моихъ поѣздокъ и грузовъ, мнѣ удобнѣе всего было ѣхать на верблюдахъ; но таковыхъ найти въ Долōнъ-нӯрѣ оказалось рѣшительно не возможнымъ. Дѣло въ томъ, что утомленные зимнею караванною перевозкою чаевъ, товаровъ и другого рода грузовъ, верблюды уже къ началу весны дѣлаются у монголовъ совершенно негодными для дальнѣйшей работы: все лѣто они отдыхаютъ и подготовляются къ тому, чтобы снова сдѣлать 3, 4 и даже 5 тысячъ верстъ зимою. Конечно, встрѣчаются у нѣкоторыхъ хозяевъ, и такіе верблюды, которые сравнительно мало были утомлены зимою, а слѣдовательно могли бы работать лѣтомъ; но здѣсь выступаетъ на сцену еще та физіологическая особенность верблюда, по которой это животное, съ наступленіемъ теплой поры, начинаетъ линять и къ началу іюня мѣсяца является совершенно голымъ. Въ этотъ періодъ верблюдъ вообще дѣлается слабосильнымъ и воспріимчивымъ ко всякаго рода болѣзнямъ, оттого всякій трудъ для него въ означенную пору безусловно вреденъ. Верблюдъ, прошедшій лѣтомъ въ караванѣ одну тысячу верстъ, не сдѣлаетъ зимою и 500, хотя обычно онъ могъ бы пройти отъ 4 до 5 тысячъ. По такимъ то основаніямъ монголы не рѣшаются ѣздить на верблюдахъ лѣтомъ и съ наступленіемъ мая выгоняютъ ихъ на пастьбу въ степь до августа мѣсяца и даже позже того. Вышесказанное вполнѣ объясняетъ, почему я не могъ найти теперь въ Долōнъ-нӯрѣ ни одного верблюда. Казначейство долōнъ-нӯрскихъ монастырей, правда, въ силу особой, бывшей у меня протекціи сунѝтскаго вàна, согла-

шалось отпустить мнѣ до Урги семь верблюдовъ, съ двумя погонщиками, но при этомъ оно поставляло условіемъ срокъ ходьбы 45 сутокъ и назначало за этотъ переѣздъ плату въ 450 ланъ, т. е. 900 сер. руб. На замѣчаніе мое о необычайной дороговизнѣ этой цѣны, мнѣ отвѣчали что такая отправка верблюдовъ дѣлается мнѣ только въ особое одолженіе. По обычному порядку, говорилъ мнѣ казначей, верблюдъ заработываетъ у насъ отъ 40 до 50 ланъ въ зиму и это дѣлается безъ всякаго риска; если мы пошлемъ теперь верблюдовъ, то должны отобрать во 1-хъ верблюдовъ самыхъ лучшихъ и самыхъ крѣпкихъ, (потому что другіе не дойдутъ вовсе) и верблюды эти работать зимою уже не будутъ въ состояніи; и такъ, прежде всего, мы лишаемся ихъ зимняго заработка, да притомъ еще рискуемъ, что эти лучшіе верблюды погибнутъ. За невозможностью имѣть верблюдовъ, я хотѣлъ было ѣхать на быкахъ, причемъ мнѣ указывали обычный срокъ отъ 55 до 60 сутокъ; но оказалось, что и хорошихъ быковъ въ Долōнъ-нӯрѣ тоже нѣтъ: всѣ, наиболѣе крѣпкія животныя этого рода угоняются въ Калганъ для перевозки чаевъ до Урги и далѣе до Кяхты, въ Долōнъ-нӯрѣ же остаются только слабые и плохіе быки, на которыхъ ѣздятъ на не большія разстоянія въ 200, 300 верстъ, да и то съ остановками, не заходящіе далеко съ своими товарами долōнъ-нӯрскіе купцы. Провѣривъ всѣ эти показанія на постоялыхъ дворахъ и въ бесѣдахъ съ мѣстными купцами, я наконецъ предложилъ имъ вопросъ, какъ же поступаютъ они сами, если имъ понадобилось бы совершить путешествіе подобное моему? «Мы никогда не ѣздимъ лѣтомъ», былъ отвѣтъ, «а если уже такая необходимость, то можно послать нарошнаго въ Калганъ и тамъ нанять что хочешь: въ Калганѣ теперь быковъ сотня тысячъ, да и верблюдовъ навѣрное не мало. Нуждающіеся монголы всегда имѣются, да и князья посылаютъ верблюдовъ изъ хошӯна, если бываютъ имъ нужны деньги!» При таковыхъ обстоятельствахъ я рѣшилъ снова ѣхать въ Калганъ, что бы, по примѣру китайцевъ, нанять тамъ верблюдовъ. Въ этой поѣздкѣ я пробылъ отъ 6-го по 18 Мая. Благодаря содѣйствію М. Д. Батуева, мнѣ удалось нанять здѣсь верблюдовъ по маршруту: на Долōнъ-нӯръ, Бирӯ-хотò, àймаки кэшиктэнскій и бāриньскій, съ заѣздомъ на развалины Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ, Инъ-чàн'а, Цагàнъ-субургà; оттуда на Кэрӯлэнъ черезъ учжумуцúньскіе хошӯны къ àймаку Цэцэнъ-хāна и засимъ въ Ургу. Весь этотъ путь взялись меня везти, по условію, за 237 ланъ 30 фыновъ (475 р. 10 к.), т. е. почти вдвое дешевле долōнъ-нӯрскаго, не смотря на болѣе дальнее разстояніе. Дорога на Калганъ не представила мнѣ ничего новаго. Наблюденія температуры за эти дни показали слѣдующее.

Числа мѣсяца.	6 ч.	9 ч.	12 ч.	3 ч.	6 ч.	9 ч.
3	+ 7°	+12°	+18°	+15°	+10°	+ 6½°
4	+ 9°	+12°	+16½°	+13½	+ 9°	+ 6°
5	+ 9°	+14°	+19°	+18°	+13½	+11°
6	+ 8°	+11½°	+14½	+13°	+10½	+10
7	+12°	+15°	+18°	+ 7°	+ 6°	+ 5°
8	+ 3°	+ 3°	+ 6°	+ 9°	+ 9°	+ 4½°
9	+ 2½°	+ 4½°	+10°	+ 9½°	+ 7°	+ 4°
10	+ 3°	+ 5½°	+11°	+14°	+12°	+ 9°
11	+ 8°	+13°	+18°	+20°	+17°	+14°
12	+10°	+14°	+18½°	+19°	+16°	+13½°
13	+ 9½°	+14°	+18°	+21°	+16°	+14°
14	+11°	+14½°	+19°	+21°	+17°	+14°
15	+10½°	+16°	+17°	+15°	+12°	+ 9°
16	+ 8°	+15½°	+16°	+14°	+14°	+ 9
17	+ 6°	+13°	+17°	+18°	+15°	+12°
18	+ 9°	+16°	+19½°	+17½°	+16°	+14°

18 Мая я вторично пріѣхалъ въ Долбнъ-нуръ и продолжалъ прежде начатыя наблюденія надъ жизнью и состояніемъ этого города.

Долбнъ-нуръ.

Городъ Долбнъ-нуръ, или по китайски Лама-мяо, располагается на восточной границѣ чахарскихъ кочевьевъ и собственно въ мѣстности, опредѣленной не для кочевья 8 чахарскихъ знаменъ, а для пастьбищъ стадъ и табуновъ китайскаго богдохана. Мѣстоположеніе города представляетъ собою обширную песчано-болотистую равнину, почти лишенную всякой растительности, такъ что только въ сѣверо-западномъ углу самаго города можно замѣтить нѣсколько деревьевъ, возрощенныхъ трудами неутомимыхъ китайцевъ, а все остальное пространство, какъ въ городѣ, такъ и внѣ его, почти буквально лишено всякой растительности; даже травъ вокругъ города такъ мало, что монголы, пріѣзжающіе въ городъ, не могутъ останавливаться, по своему обычаю, въ открытой степи. Когда, возвратившись изъ Калгана съ нанятыми верблюдами, я предположилъ еще пять, шесть дней прожить въ городѣ, то извозчики мои рѣшили уѣхать отсюда и выпасывали своихъ животныхъ верстахъ въ семи къ востоку.

Долōнъ-нӯръ отстоитъ отъ Пекина по прямому пути на Гу-бэй-коу въ 400 верстахъ, отъ Калгана въ 240 и отъ Урги въ 700 верстахъ. Съ южной и западной сторонъ города залегаютъ особливо глубокіе пески и возвышаются цѣлыя песчаныя горы. Орошается долōнъ-нӯр'ская равнина главнымъ образомъ водами рѣки, именуемой китайцами Си-хэ, а монголами Ӧртӧнгӥйнъ гӧлъ; основное направленіе ея теченія на ЮВ, впадаетъ же она въ Шàнду гӧлъ, верстахъ въ 70 отъ Долōнъ-нӯра. Въ старину на долōнъ-нӯрской равнинѣ, говорятъ, дѣйствительно раскидывалось семь озеръ, отъ которыхъ получили свое названіе какъ самая равнина, такъ и построенный на ней городъ; но теперь эти озера давно уже пересохли и отъ нихъ остались только по мѣстамъ небольшіе водные бассейны, окружающіе городъ особливо съ южной и западной сторонъ. Такое положеніе города на равнинѣ представляетъ своимъ естественнымъ результатомъ между прочимъ то, что городъ не имѣетъ почти никакого вида совнѣ, и, подъѣзжая къ нему, нельзя ни полюбоваться хотя бы издали красотою его построекъ, ни даже какъ слѣдуетъ опредѣлить величину его, такъ какъ переднія городскія зданія закрываютъ собою стоящія за ними точно такія же заднія; въ общемъ представляется какъ будто какая то масса глиняныхъ лачужекъ, крайне бѣдныхъ и грязныхъ, среди которыхъ, какъ колонча нашего пожарнаго дома, поднимаются нѣсколько болѣе или менѣе высокихъ башень.

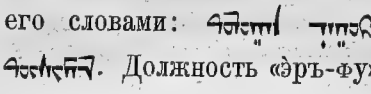
Долōнъ-нӯръ состоитъ собственно изъ маймачэ̀на, или торговаго города, расположеннаго на лѣвой сторонѣ Ӧртӧнгы̀йнъ гӧ̀ла и двухъ монастырей на правой сторонѣ этой рѣчки, отстоящихъ отъ маймачэ̀на на пространствѣ $2^1/_2$ верстъ. Маймачэ̀нъ представляетъ собою довольно большой городъ, растянутый съ сѣвера на югъ и имѣющій протяженія въ этомъ направленіи втрое болѣе чѣмъ съ востока на западъ. Братья Бутины, посѣтившіе Долōнъ-нӯръ въ 1870 г., сообщаютъ, что городъ этотъ обнесенъ стѣною, имѣющею около двухъ саженей вышины; но ни въ первое пребываніе свое въ Долōнъ-нӯрѣ въ 1878 г., ни теперь я не нашелъ здѣсь никакой стѣны, по разказамъ же монголовъ, ея не бывало и въ старое время, въ чемъ въ свою очередь мы убѣждаемся показаніями путешественниковъ Гюка и Габэ. По всей вѣроятности русскими путешественниками за стѣну были приняты заборы, или ограды китайскихъ дворовъ, идущіе сплошною линіею вокругъ всего города: для незнакомаго съ китайской архитектурой и постройкой домовъ ошибка въ этомъ случаѣ весьма возможна. Долōнъ нӯръ не имѣетъ стѣнъ, равно какъ и маймачэ̀ны другихъ монгольскихъ городовъ: Ургѝ, Улясута̀я и Кобдò. Изъ степи прямо въѣзжаешь въ городскія улицы, начало коихъ, по обычаю, отмѣчено или створчатыми

воротами, или одними только воротными столбами подъ навѣсомъ и безъ онаго.

По вступленіи въ самый городъ, впечатлѣніе его бѣдности и убогости не только не измѣняется, а пожалуй еще усиливается. Трудно представить себѣ что либо грязнѣе и безпорядочнѣе долōнъ нӯрскихъ улицъ и переулковъ. Обычно узкіе и грязные во всѣхъ китайскихъ городахъ, они являются здѣсь еще уже и грязнѣе, чему способствуетъ главнымъ образомъ то, что проѣздныя дороги во всемъ городѣ на столько глубоко пробиты въ лессовой почвѣ, что кажутся ложбинами, надъ которыми городскія зданія

Общій видъ улицы «Чанъ-шэнъ-цзѣ».

и тротуары возвышаются иногда аршина на $1^1/_2$. Въ дождливое время такія канавы проѣздныхъ дорогъ наполняются водою и грязью на столько, что нѣкоторыя изъ улицъ дѣлаются буквально непроѣзжаемыми.

Всѣ казенныя зданія и присутственныя мѣста въ Долōнъ нӯрѣ сосредоточиваются на сѣверномъ концѣ города, такъ что ими можно обозначить сѣверную окраину онаго. Посреди всѣхъ ихъ стоитъ ямунь высшаго правителя долōнъ нӯрскаго округа, называемаго въ просторѣчіи «эръ-фу», въ оффиціальномъ же языкѣ полный титулъ его, по китайски, является въ формѣ «Чжи-ли До-лунь но-ръ Фу-минъ тунъ-чжи», а монголы передаютъ его словами:  . Должность «эръ-фу» почитается китайцами выше «чжи-сяня», или

уѣзднаго начальника, вѣроятно, по той причинѣ, что районъ дѣятельности его обширнѣе; такъ какъ, завѣдуя спеціально китайскимъ населеніемъ своего округа, онъ одновременно имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ инородческому управленію. Самъ долōнъ-нӯрскій э̀ръ-фу состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи сюань-хуа-фу'скаго дао-та̀я; изъ числа монгольскихъ а̀ймаковъ вѣдѣнію его подлежатъ хошӯны силѝнъ-го̀л'скаго сейма [1]).

На ряду съ я̀мунемъ «э̀ръ-фу», по лѣвую, восточную сторону его располагается я̀мунь «цзунъ-ѣ», военнаго чиновника, завѣдывающаго мѣстнымъ гарнизономъ. Послѣдній составляется здѣсь изъ 500 китайскихъ солдатъ отдѣла «лу-инъ», или, по монгольски, «ногōнъ тӯкъ». Для помѣщеній своихъ они не имѣютъ отдѣльныхъ казармъ, но проживаютъ въ Долōнъ нӯрѣ своими домами, разбросанными по различнымъ частямъ города; живутъ они съ женами и дѣтьми, такъ что въ обычномъ быту нѣтъ и возможности отличить такого солдата отъ китайскаго простолюдина. Только при нарядѣ на службу одѣваютъ они форменное платье, а на смотры являются вооруженными луками, стрѣлами, мечами и тэнъ-пай'ями. На обязанности ихъ лежитъ смотрѣть за тишиною и порядкомъ въ городѣ; они же иногда отправляютъ и обязанности разсыльныхъ.

По правую, западную сторону э̀ръ-фу'скаго я̀муня находится управленіе «сюнь-цзя̀ня», завѣдывающаго долōнъ-нӯрскимъ острогомъ, зданіе котораго располагается посреди̇нѣ между я̀мунями «э̀ръ-фу» и «сюнь-цзя̀ня». По общему обычаю долōнъ-нӯрскій острогъ огороженъ двойнымъ деревяннымъ частоколомъ и состоитъ изъ одного большого ба̀йшина, въ подземельи котораго помѣщаются подлежащіе заключенію преступники. Кромѣ обязанности начальника острога, сюнь-цзя̀нь завѣдуетъ еще дѣломъ уменьшенія въ Долōнъ-нӯрѣ бродягъ и нищенства, хотя означенная область вѣдѣнія его ограничивается лишь тѣмъ, что онъ забираетъ въ свой я̀мунь людей уже очень назойливыхъ, подвергаетъ ихъ наказанію и засимъ высылаетъ изъ города.

Указанныя три присутственныя мѣста составляютъ давнія, можно сказать, исконныя учрежденія Долōнъ-нӯра; но въ послѣднее время, и именно въ періодъ 1884—85 годовъ, здѣсь обосновался еще одинъ новый я̀мунь, такъ называемаго «сѣ-та̀я», также военнаго чиновника, управляю-

---

1) Въ составъ силѝнъ-го̀л'скаго сейма входятъ хошӯны: 1) Йэхэ̀ Учжумуцѝнь (иначе хошӯнъ сэцэ̀нъ-цинъ-вана), 2) Бага̀ Учжумуцинь (хошӯнъ эрдэнѝ бэ̀йлэ); 3) Барӯнъ Сунѝтъ (= хошӯнъ тӯрӯйнъ дӯрэнъ цзюнь вана); 4) Цзӯнъ Сунѝтъ (= хошӯнъ тӯрӯйнъ цзюнь вана); 5) Цзӯнъ хӯчитъ (= хошӯнъ тӯрӯйнъ эрдэнѝ цзюнь-вана); 6) Барӯнъ-хӯчитъ (= хошӯнъ тӯрӯйнъ цзюнь-вана); 7) Цзӯнъ-Абага̀ (= хошӯнъ тӯрӯйнъ цзюнь-вана); 8) Барӯнъ-Абага̀ (= хошӯнъ тӯрӯйнъ цзориктӯ цзюнь-вана); 9) Цзӯнъ-Абагана̀ръ (= хошӯнъ хошӯну бэ̀йсэ); 10) Барӯнъ Абагана̀ръ (= хошӯнъ тӯрӯйнъ бэ̀йлэ).

щаго знаменными войсками на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существуетъ подобное управленіе въ Калганѣ. Учрежденіе лагеря знаменныхъ войскъ въ Долонъ-нӯрѣ состоялось не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ и было вызвано увеличеніемъ китайскихъ переселеній въ монгольскія кочевья: для охраны земель вновь занимаемыхъ китайцами, равно какъ въ предупрежденіе недоразумѣній и вражды, могущихъ возникать между монголами и китайцами, словомъ вообще для наблюденія за порядкомъ и тишиною въ странѣ, собственно внѣ города и были вызваны эти войска. Они были откомандированы въ Долонъ-нӯръ изъ Сюань-хуа-фу, въ количествѣ 2000 человѣкъ, причемъ половина ихъ была назначена для поселенія въ Долонъ-нӯрѣ, 500 человѣкъ откомандировано въ Бирӯ-хото, а остальные размѣщены отрядами въ 20, 50 и 100 человѣкъ по болѣе или менѣе значительнымъ селеніямъ: таковы видѣнные нами отряды въ Дунъ-чэнъ-цза — до 40 человѣкъ, Гоу-мынь-цза — около 100 человѣкъ и проч. Солдаты эти являются вооруженными уже короткоствольными европейскими ружьями системы Винчестера. Всѣ они представляютъ собою конницу. Для помѣщенія ихъ въ Долонъ-нӯрѣ выстроено нѣчто вродѣ крѣпости, обнесенной глинобитною стѣною и наполненной внутри фанзами, въ которыхъ проживаютъ эти солдаты уже отдѣльно, безъ семей. По правиламъ, каждый изъ этихъ солдатъ черезъ три года имѣетъ право на отпускъ для свиданія съ родственниками, почему въ Долонъ-нӯрѣ никогда не бываетъ собственно узаконенной 1000 человѣкъ; тѣмъ не менѣе начальство обычно не увольняетъ въ отпускъ большого числа и придерживается нормы, чтобы число уволенныхъ не превышало 10% общаго числа военныхъ. Ямунь сѣ-тая можно сказать сосѣдитъ съ ямунемъ эръ-фу, только расположенъ не врядъ съ нимъ, а по улицѣ Ню-ши-цзѣ, тянущейся съ сѣвера на югъ, составляя первое зданіе этой улицы.

Ямуни эръ-фу, сюнь-цзяня и цзунъ-ѣ располагаются по улицѣ, именуемой Тоу чэнъ-цзѣ (= первая городская улица), проложенной съ востока на западъ; хотя мѣсто, находящееся собственно передъ ямунями, довольно трудно назвать улицею, а скорѣе оно представляетъ собою обширную площадь, на которой между прочимъ обычно совершается въ Долонъ нӯрѣ торговля лошадьми и верблюдами.

Отъ этой площади въ направленіи къ югу тянутся три большія улицы: Ма-ши-цзѣ (улица лошадинаго рынка), Ню-ши-цзѣ (улица бычьяго рынка) и Дунъ-шэнъ цзѣ (восточная, большая улица). Первая изъ этихъ улицъ начинается зданіемъ таможеннаго отдѣленія, въ которомъ собираются пошлины за пригоняемый для продажи скотъ. Въ отличіе отъ Калгана здѣсь установлено взимать: съ верблюда 400 чеховъ, съ лошади 200 чеховъ,

съ рогатой скотины — 100 чеховъ, съ барана и козла по 10 чеховъ. Самая улица Ма-ши-цзѣ проложена до половины города и раздѣляется створными, деревянными, рѣшетчатыми воротами на двѣ равныя части. Всего по ней располагается до 50 мелочныхъ лавокъ, но главное мѣсто занято гостинницами, въ которыхъ останавливаются купцы и лица, пріѣзжающіе въ Долбнъ-нўръ за покупкою скота.

Вторая улица, идущая отъ площади эръ-фу'скаго ямуня, Ню-ши-цзѣ, подобно первой также точно раздѣляется створными, рѣшетчатыми воротами на двѣ части, только на этотъ разъ, при такомъ раздѣленіи она мѣняетъ и свое имя, называясь по южную сторону воротъ Чжунъ-лў-хо-цзѣ (иначе 中樓巷). По первой изъ этихъ улицъ располагается 38 лавокъ, по второй—39. Близъ вышепомянутыхъ воротъ, въ улицѣ Чжунъ-лў-хо-цзѣ находится еще таможенное отдѣленіе, въ которомъ собираются пошлины съ привозимыхъ въ городъ шкуръ и шерсти, въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ: шкура лошадиная и бычья оплачивается 20 чехами, баранья — 2 чехами, мерлушка — 1 чехою, козлина — 1 чехою; изъ дикихъ звѣрей опредѣленная цѣна существуетъ только на лисью шкуру, за которую взимается 6 чеховъ, на другія же шкуры, какъ, собольи, рысьи и др., въ виду ихъ сравнительной рѣдкости, цѣна устанавливается таможенными начальниками произвольно. Что касается шерсти, то верблюжья и баранья шерсть оплачиваются 1 чехою съ каждаго гина, а козій пухъ — двумя чехами съ того же вѣса. Въ южномъ концѣ улицы Чжунъ-лў-хо-цзѣ начинаются лавки долбнъ-нўрскихъ тунъ-цзянъ'овъ, т. е. металлическихъ дѣлъ мастеровъ и вмѣстѣ главнѣйшихъ выдѣлывателей бурханъовъ, которыми такъ славится Долбнъ-нўръ у европейцевъ еще со временъ Гюка. Слава эта едва ли однако вполнѣ основательна: она возникла со стороны монголовъ, для которыхъ бурханное производство, впервые появившееся въ Монголіи именно въ Долбнъ-нўрѣ, казалось необычайною рѣдкостью; но въ настоящую пору несравненно обширнѣйшее производство бурханъовъ существуетъ въ Пекинѣ, да и расходится ихъ оттуда какъ въ Монголію со включеніемъ Чжунгаріи и Кўкў нўра, такъ и въ Тибетъ гораздо больше, потому что цѣны на нихъ въ Пекинѣ дешевле. На улицѣ Чжунъ-лў-хо-цзѣ существуетъ собственно двѣ бурханныхъ мастерскихъ и лавки: Синъ-лунъ-вэй, извѣстная у монголовъ подъ именемъ Хайсандай и засимъ самая древняя въ Долбнъ-нўрѣ и самая славная по Монголіи мастерская Аюшй-тун-цзяна.

Улицы Ма-ши-цзѣ и Чжунъ-лў-хо-цзѣ, доходя, какъ было сказано выше, до половины города, упираются въ перпендикулярную имъ улицу Чанъ-шэнъ-цзѣ (長盛), протягивающуюся отъ западнаго конца города до его средины. По этой улицѣ располагаются всѣ остальныя мастерскія

выдѣлывателей бурха̀новъ съ прилежащими каждой мастерской лавками; таковы: Ӱнцӱкъ тунъ-цзя̀на, Ӱнцӱгійнъ номтӱ, Баинта̀й-тунъ-цзя̀на, и Хӱчинъ-номтӱ. Всѣхъ мастерскихъ, занимающихся выдѣлкою бурха̀новъ, въ Долбнъ нӱрѣ считается семь, но дѣйствующими изъ нихъ въ настоящую пору является только шесть. Понятно, что число это очень не велико для того, чтобы ставить Долбнъ нӱръ на первое мѣсто въ этой отрасли промышленности. Правда, монгольскіе ламы, разыгрывающіе изъ себя роль ученыхъ и начетчиковъ, доселѣ еще говорятъ, что долбнъ-нӱрскіе бурха̀ны лучше пекинскихъ и другихъ монгольскихъ по той якобы причинѣ, что въ нихъ правильнѣе соблюдается мѣра буддійскихъ изображеній и золотятся они гораздо прочнѣе, но это едва ли ни повтореніе словъ самихъ долбнъ-нӱрскихъ мастеровыхъ, старающихся какимъ бы то ни было образомъ подорвать конкурренцію Пекина. По улицѣ Чанъ шэнъ-цзѣ располагается всего 37 лавокъ и мастерскихъ, занимающихся различнымъ производствомъ.

Третья улица, начинающаяся отъ Тоу-чэнъ-цзѣ и пересѣкающая уже весь городъ, носитъ названіе Дунъ-шэнъ-цзѣ (東盛). Это, можно сказать, долбнъ-нӱр'ская толкучка. На ней сосредоточено не менѣе 300 торговыхъ помѣщеній самаго низшаго разбора. Старое платье, старые башмаки и сапоги, кусочки заржавленнаго желѣза, обломки гвоздей, треногіе столы, разбитые шкафы, сундуки и шкатулки, словомъ всякое старье пріютилось здѣсь и претендуетъ на продажу такому же бѣдному и грязному люду каковы и самыя эти вещи. Улица Дунъ-шэнъ-цзѣ, сколько разъ ни приходилось мнѣ посѣщать ее, всегда бывала наполнена нищими и свободными мастеровыми, не нашедшими себѣ поденной работы въ городѣ. Толпы ихъ днемъ стоятъ обыкновенно около убогихъ харчевень, заражающихъ воздухъ невыразимымъ смрадомъ, а ночью, говорятъ, этотъ людъ ложится здѣсь же прямо на землѣ и спитъ до разсвѣта новаго дня.

Отъ улицы Чанъ-шэнъ-цзѣ, заканчивающей собою, какъ мы уже видѣли, улицы Ма-ши-цзѣ и Чжунъ лӱ-хо-цзѣ, начинаются въ направленіи къ южному концу города три новыя улицы. Первая изъ нихъ носитъ названіе Эръ-чэнъ-цзѣ. По ней почти нѣтъ торговыхъ помѣщеній, а только жилые домы долбнъ-нӱрскихъ обывателей и главнымъ образомъ солдатъ, лу-ин'овъ. Вторая улица Синъ-лунъ цзѣ почитается долбнъ-нӱрцами за лучшую улицу въ городѣ и вмѣстѣ съ симъ имѣетъ историческое значеніе. Разказываютъ, что императоръ Канси, прибывъ въ Долбнъ нӱръ для оффиціальнаго принятія въ подданство халхаскихъ князей, прежде всего посѣтилъ здѣсь хэ̀шанскую кумирню Сань-гуань-мяо, а засимъ, сдѣлавъ тамъ обычное поклоненіе, направился пѣшкомъ по городу и, почувствовавъ голодъ, зашелъ въ первую попавшуюся гостинницу, гдѣ и закусилъ лао-би-

н'омъ. Гостинница эта называлась Синъ-лунъ-гуань (興隆館) и зданіе ея существуетъ до настоящаго времени, хотя въ самомъ жалкомъ видѣ. Очевидно, настоящіе китайцы не особенно дорожатъ этимъ мѣстомъ и преданіемъ, хотя современники событія отнеслись къ нему, повидимому, съ должнымъ вниманіемъ, такъ какъ тотъ же разказъ продолжаетъ далѣе, якобы одновременно съ симъ жителями было постановлено: во 1-хъ хранить навсегда имя и вывѣску этой гостинницы; во 2-хъ, опредѣлить ее на вѣчныя времена мѣстомъ для продажи хлѣба и хлѣбныхъ припасовъ и наконецъ въ 3-хъ, отъ имени этой гостинницы, Синъ-лунъ-гуань, назвать и самую улицу, на которой она стоитъ, Синъ-лунъ-цзѣ. На сколько справедливо это преданіе, сказать, конечно, очень трудно; но достовѣрно, что оно извѣстно рѣшительно всѣмъ долбнъ-нӯр'цамъ, почему каждый посѣтитель Долбнъ нӯра считаетъ своею обязанностью посмотрѣть на Синъ лунъ-гуань; съ другой стороны въ домикѣ этомъ дѣйствительно продаются доселѣ мука и другіе хлѣбные припасы. Стоитъ онъ неподалеку отъ кумирни Сань-гуань мяо, являющейся теперь, кажется, самымъ красивымъ зданіемъ въ городѣ, такъ какъ она отдѣлана сравнительно очень недавно и именно въ 8 году

Кумирня и башня «Сань-гуань-мяо».

правленія Тунъ-чжи (1870). Въ ту же пору при этой кумирнѣ была построена башня, составляющая самое высокое зданіе въ Долбнъ-нӯрѣ. Въ

настоящее время улица Синъ-лунъ-цзѣ служитъ мѣстомъ для самыхъ богатыхъ лавокъ и дяней Долонъ-нура, хотя она также грязна, какъ и всѣ другія. Лавки эти розничной продажи товаровъ почти не имѣютъ и ведутъ свою торговлю главнымъ образомъ оптомъ. Помимо сего на улицѣ Синъ-лунъ-цзѣ сосредоточено много банковъ и размѣнныхъ лавокъ, которые, какъ извѣстно, почитаются также богатѣйшими изъ всѣхъ другихъ торговыхъ предпріятій.

Третья улица, начинающаяся отъ Чанъ-шэнъ-цзѣ, именуется Фу-шэнъ цзѣ (福 盛). На ней помѣщаются 63 торговыхъ заведенія, но по-преимуществу улицу эту слѣдуетъ назвать улицею мастеровыхъ, ибо здѣсь главнымъ образомъ сосредоточивается все долонъ-нурское производство войлоковъ, попонъ, кожъ и проч. Самыя работы мастеровыхъ совершаются почти наружи, ибо каждая такая фабрика всегда имѣетъ у себя и лавку, которая вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣдко служитъ и мастерскою, особливо по части тканья попонъ, сапожнаго и башмачнаго ремесла, столярнаго дѣла и проч.

Попоны, изготовляемыя въ Долонъ-нурѣ, по своему качеству, говорятъ, не отличаются отъ кукуй-хотоскихъ, но цѣны на нихъ стоятъ здѣсь выше и производство ихъ болѣе ограниченное чѣмъ въ Кукуй хото. Всего выдѣлывающихъ мао-дань считается въ городѣ до 20 лавокъ. Шерсть они пріобрѣтаютъ со здѣшнихъ же кожевенныхъ заводовъ, которыхъ считается въ Долонъ-нурѣ болѣе 20. Договоръ на шерсть заключается съ каждой кожи, съ платою до 100 чеховъ за количество получаемой съ кожи не мытой шерсти. Расходится долонъ-нурская мао-дань преимущественно между калганскими китайцами, русскіе же, проживающіе въ Калганѣ, привыкли уже получать попоны изъ Кукуй-хото.

На южномъ концѣ улицы Фу-шэнъ-цзѣ сосредоточены главныя отдѣленія мѣстнаго таможеннаго вѣдомства, а именно, отдѣленіе, взимающее пошлины съ чая, съ мануфактурныхъ товаровъ и съ хлѣба. Установленныя въ Долонъ-нурѣ пошлины съ чая слѣдующія: съ каждой хунцзы кирпичнаго чая, безъ различія количества заключающихся въ ней кирпичей, взимается по 9 фынъ и 2 ли; съ каждаго гина байховаго чая, къ какому бы сорту послѣдній ни принадлежалъ, — по 3 ли; хамбо-чай оплачивается съ каждой мухулуцзы по 2 фына и 8 ли. Что касается пошлины съ мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ, то она взимается съ вьюковъ: высшіе сорта до 3-хъ ланъ, низшіе до 1 л. 20 ф.; исключеніе составляетъ только фарфоровая посуда, пошлина за которую, безъ различія вещей, взимается съ ящика въ размѣрѣ 1 л. 7 циновъ. Хлѣбъ оплачивается пошлиною только въ томъ случаѣ, если онъ привозится въ видѣ муки, причемъ

съ каждаго мѣшка, обыкновенно заключающаго въ себѣ отъ 120 до 150 гиновъ, взимается 70 чеховъ; зерновой же хлѣбъ не подлежитъ оплатѣ пошлиною совершенно.

Исчисленныя улицы могутъ быть названы торговою частью города и вмѣстѣ главными улицами Долбнъ-нўра; но засимъ здѣсь имѣется еще нѣсколько десятковъ второстепенныхъ улицъ и переулковъ, занятыхъ по преимуществу жилыми домами и помѣщеніями.

Изъ числа общественныхъ зданій въ Долбнъ-нўрѣ имѣется до 25 хэ-шанскихъ кумирень, лучшими изъ которыхъ считаются уже упомянутая выше Сань-гуань-мяо и—Хуй-юй-гуань, стоящая въ улицѣ Нинъ-юань-цзѣ. Эта послѣдняя кумирня построена на общія средства долбнъ-нўрскихъ купцевъ сравнительно въ недавнее время, а потому блещетъ чистотою и нарядностью своихъ кумировъ и утвари. Помимо хэшанскихъ и конфуціанскихъ кумирень въ городѣ имѣется еще 6 мусульманскихъ мечетей; по общему обычаю китайцевъ, всѣ они лишены спеціальныхъ минаретовъ и очень бѣдны по внѣшнему виду, а потому трудно различимы отъ обыкновенныхъ китайскихъ домовъ. Только одна изъ мечетей, такъ называемая Ли-бай-сы, имѣетъ при себѣ башню, вродѣ Сань-гуань-мяо, которая вмѣстѣ съ симъ служитъ и минаретомъ.

Подобно Гуй-хуа-чэну Долбнъ-нўръ отличается отъ другихъ городовъ какъ внутренняго, такъ и застѣннаго Китая тѣмъ, что въ немъ очень мало зданій частной собственности, но почти всѣ домы здѣсь кумиренные. Каждая изъ хэшанскихъ кумирень непремѣнно имѣетъ у себя по 5, 6 домовъ, доходами отъ которыхъ она и содержится; тоже самое можно сказать относительно мусульманскихъ мечетей; но богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи являются ламайскіе монастыри, Хохо̀-сўмэ̀ и Шара̀ сўмэ̀, имѣющіе у себя въ общемъ до 200 домовъ. Обычная доходность дома исчисляется въ Долбнъ-нўрѣ съ 12 цзяней; это, говорятъ норма, меньше которой здѣсь домовъ уже не строятъ. Домъ въ 12 цзяней приноситъ доходовъ отъ 70 до 80 ланъ. Если поэтому мы предположимъ, что всѣ зданія, принадлежащія ламайскимъ монастырямъ, будутъ самаго низшаго размѣра, то и въ такомъ случаѣ валовой доходъ каждаго изъ нихъ отъ отдачи квартиръ будетъ исчисляться не менѣе 7000, 8000 ланъ серебра, хотя эта сумма должна быть очень далека отъ дѣйствительности, такъ какъ монастыри эти имѣютъ у себя дома по 40 и даже болѣе цзяней.

Въ числѣ частныхъ домовъ наиболѣе видными зданіями являются гостинницы для пріѣзжающихъ и торговые дяни, въ которыхъ сосредоточивается основная торговля Долбнъ-нўра. По отзывамъ здѣшнихъ купцевъ, изъ числа всѣхъ торгующихъ въ Долбнъ-нўрѣ имѣется всего не

свыше 40 фирмъ такихъ, которые могутъ ѣздить и дѣйствительно ѣздятъ сами за товарами во внутренній Китай; всѣ же остальные, въ сущности, только перепродаютъ товары, пріобрѣтая ихъ въ здѣшнихъ же дяняхъ, имѣющихъ значеніе караванъ-сераевъ. Дяни раздѣляются по спеціальностямъ, такъ, имѣются особые дяни для торговли чаемъ, хлѣбными товарами (къ числу коихъ причисляется также водка и масло), мануфактурами, галантерейными товарами и др. Чайныхъ дяней въ Долонъ-нуурѣ считается всего три. Наибольшее количество привозимыхъ въ нихъ чаевъ, принадлежитъ чаямъ кирпичнымъ, которыхъ приходитъ отъ 25 до 30 тыс. мѣстъ. Весь этотъ чай, перекупаемый мѣстными мелочными торговцами, уходитъ главнымъ образомъ въ Халху, т. е. въ Ургу и особливо въ аймакъ Цэцэнъ-хана, гдѣ долонъ-нурскіе торговцы по преимуществу сосредоточиваютъ свое дѣло. Часть его отъ береговъ Хэрулэна проходитъ далѣе въ русскіе предѣлы и достигаетъ береговъ Онона и Аргуни. Второе мѣсто по количеству ввоза принадлежитъ такъ называемому ханбо чаю, приготовляемому изъ того же крупнаго зеленаго листа, изъ котораго выдѣлывается и обыкновенный кирпичный чай, только листъ этотъ не смачивается и не прессуется въ кирпичи, а высушивается и насыпается въ круглыя камышевыя корзины, имѣющія форму ведеръ. Суниты зовутъ посему эти корзины «бортого», а самый чай «бортогонъ цяа», у китайцевъ же въ просторѣчіи онѣ называются му-ху-лу-цза. Каждая корзина заключаетъ въ себѣ приблизительно до 9 гиновъ чайнаго листа, цѣльное же мѣсто чая ханбо, которое монголы называютъ «уксара» (ᠤᠭᠰᠠᠷᠠ ᠴᠠᠢ), состоитъ изъ трехъ такихъ корзинъ. Ханбо-цяа употребляется главнымъ образомъ хорчинами, тумэтами, уханями, онгніотами, абага, абаганарами, кэшиктэнами, восточными чахарами и отчасти суниты. Изъ Долонъ-нура впрочемъ его самими китайцами вывозится очень не много, такъ какъ такіе аймаки, какъ учжумуцинь, абага, кэшиктэнъ и наконецъ чахары, предпочитаютъ сами пріѣзжать въ Долонъ-нуръ за его покупкою, а еще чаще пріобрѣтаютъ его при разсчетѣ за провозъ китайскихъ товаровъ. Байховаго чая приходитъ въ Долонъ-нуръ очень мало; говорятъ, даже не свыше 3-хъ, или 4-хъ тысячъ мѣстъ.

Хлѣбныхъ дяней считается свыше 10 и самый богатый изъ нихъ принадлежитъ фирмѣ Да-шэнъ-дянь; за нимъ будутъ слѣдовать: Уй-шэнъ-дянь, Гуанъ-тай-дянь, Сунъ-ѣ-шанъ и др. Хлѣбные товары идутъ въ Долонъ-нуръ со всѣхъ сторонъ: съ запада — изъ Лунъ-шэнъ-цзор'а, Фынъ-чжэна и Калгана, съ юга — изъ уѣзда и города Уланъ-хада (Чи-фынъ-сянь), съ востока — изъ Бирун-хото и прилежащихъ къ нему аймаковъ. Благодаря такому привозу, хлѣбъ въ Долонъ-нурѣ не особенно дорогъ, а

именно: хӯрàй будà, или болосòнъ-будā (крупное просо) 1100 чех. за доу; тӯхэ̀й будā (мелкое просо) 1000 чех. за доу; мука пшеничная 28, 30 гиновъ на 1 лану (около 6 коп. за фунтъ).

Водки (шао-цзю) въ Долōнъ-нӯрѣ не выдѣлывается вовсе, дарасӯнъ же, приготовляемый здѣсь, не отличается особеннымъ достоинствомъ и продается не свыше 80, 100 чеховъ за гинъ. По такой то причинѣ долōнъ-нӯрцы постоянно употребляютъ привозную, калганскую водку, продаваемую по 150 — 180 чеховъ за гинъ. Привозится ее въ общемъ числѣ отъ 500 до 600 тысячъ гиновъ.

Складомъ и продажею мануфактурныхъ товаровъ заняты до 12 большихъ дя̀ней, мелкихъ же сосчитать и не представляется возможнымъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы, пожалуй, указывать на каждый дя̀нь, ибо всякому изъ нихъ приходится по нѣскольку разъ въ годъ служить мѣстомъ остановки пріѣзжихъ мануфактурныхъ промышленниковъ. Большая часть мануфактуры и галантерей приходитъ конечно изъ внутренняго Китая и главный контингентъ торговцевъ этого рода образуется шань-сійцами. Они привозятъ сюда китайскія шелковыя, полушелковыя и бумажныя матеріи, желѣзо, чугунъ и мѣдь въ дѣлѣ, ножи, огнива, трубки, табакерки и другія монгольскія принадлежности. Китайцы изъ Тянь-цзина и др. портовъ, ѣдущіе съ юга, помимо означенныхъ предметовъ китайскаго производства доставляютъ еще въ Долōнъ-нӯръ европейскіе товары, каковы: дриллингъ, шертингъ, ситцы и нѣмецкія сукна, нерѣдко поддѣлываемыя подъ русскія. Тѣже европейскіе продукты и особливо масса китайскихъ бумажныхъ и холщевыхъ товаровъ приходитъ сюда изъ Гуанъ-дуна, таковы: тӯданъ (кит. су-о), продаваемый по 1 лану на отрѣзъ халата. Русскихъ товаровъ въ Долōнъ-нӯрѣ очень мало: встрѣчаются сукна Тюляева и Бабкина, бязь и плисъ Морозова, юфть какъ черная, такъ и бѣлая, но все это въ самомъ незначительномъ количествѣ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что всѣ эти товары получаются въ Долōнъ-нӯрѣ только изъ Кяхты и продаются исключительно въ лавкахъ тѣхъ китайцевъ, которые имѣютъ свое дѣло въ Кяхтѣ, а таковыхъ имѣется здѣсь очень мало. Продаются здѣсь русскія произведенія, какъ продавались и прежде, крайне дорого. Въ настоящую свою поѣздку, какъ и во время своего пребыванія въ 1878 г., я нашелъ, что русская кожа (булига̀ръ) продается здѣсь — лучшая отъ 6 до 7 ланъ серебра, средняя — отъ 5 ланъ, и дешевле $4^1/_2$ ланъ русской кожи не продается.

По отпуску первымъ и пожалуй даже единственнымъ предметомъ долōнъ-нӯрскаго торга должно считать скотъ. Въ этомъ отношеніи Долōнъ-нӯръ превосходитъ всѣ остальные пограничные съ Китаемъ города Монго-

ліи. За послѣдніе два года вслѣдствіе частію падежей скота, а частію безпокойствъ въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ Долōнъ-нӯру, эта торговля скотомъ нѣсколько упала, за всѣмъ тѣмъ даже и въ эти годы отсюда выгоняемо было въ Китай до 70 тыс. лошадей, до 40 тыс. быковъ и отъ 350 400 тыс. овецъ. Верблюдовъ продается здѣсь сравнительно мало и за послѣдніе годы ихъ не выгоняли отсюда свыше $2^1/_2$ тыс. головъ, такъ какъ ЮВ. Монголія верблюдами вообще не богата, сѣверные же монголы, начиная отъ меридіана Урги, привыкли болѣе отправлять своихъ животныхъ въ Хӯхӯ-хотò, хотя Долōнъ-нӯръ отстоитъ отъ нихъ и гораздо ближе. Цѣны на скотъ въ Долōнъ-нӯрѣ нельзя назвать особенно низкими и, смотря по предложенію и требованію, самыя обыкновенныя хорошія головы лошадей стоятъ здѣсь 10, 15 и даже 20 ланъ, быкъ—отъ 8 и до 15 ланъ, а верблюдъ—35, 40 ланъ. Это будетъ какъ разъ на $^1/_4$ дороже цѣнъ, существующихъ въ Ургѣ, не говоря уже о цѣнахъ въ Кяхтѣ, или въ Улясутàѣ; тѣже самыя животныя будутъ стоить въ этихъ послѣднихъ городахъ вдвое дешевле. Продажа скота начинается въ Долōнъ-нӯрѣ съ конца 2-й луны и продолжается до конца десятой, съ одиннадцатой же и до конца второй луны въ городѣ нельзя получить даже продажнаго барана, или же за него нужно отдать четверную цѣну: говорятъ, бывали примѣры, что къ 1-й лунѣ здѣсь платили по 6 ланъ за одну овцу. Большая часть продаваемаго скота принадлежитъ китайцамъ, производящимъ въ степяхъ свою торговлю въ обмѣнъ на животныхъ и пригоняется этотъ скотъ главнымъ образомъ изъ àймака Цэцэ̀нъ хāна, а засимъ хошӯновъ Учжумуцѝнь, Абагà и Сунѝтъ. Кожъ и шерсти продается въ Долōнъ-нӯрѣ сравнительно очень незначительное количество, по цѣнѣ: конская кожа около 1000 чеховъ, бычья—1500 чеховъ, баранья—500 чех. и козловая—600 чех., а иногда даже нѣсколько дороже, такъ какъ въ ней помимо шерсти цѣнится еще пухъ; на верблюжью шерсть обычная цѣна 120 чех. за гинъ и на баранью 80 чех. за гинъ. Изъ всѣхъ этихъ родовъ шерсти въ Долōнъ-нӯрѣ собирается главнымъ образомъ овечья, что касается верблюжьей, то, за отсутствіемъ верблюдовъ въ хозяйствѣ монголовъ окрестныхъ хошӯновъ, ея собирается здѣсь сравнительно небольшое количество и притомъ вся она приходитъ преимущественно изъ сѣверной Монголіи, принимая за южную границу ея хитъ Бандѝты. Шерсть, привозимая изъ хошӯновъ юго-восточной Монголіи, считается весьма низкою по достоинству, такъ какъ верблюды, съ которыхъ она добывается, употребляются на перевозку угля и соли, а потому и шерсть ихъ является мелкою, истасканною и загрязненною.

Перевозка шерсти изъ Долōнъ-нӯра въ Китай совершается главнымъ образомъ магометанами изъ внутренняго Китая, которые забираютъ ее

отсюда на возвратномъ пути послѣ доставки на собственныхъ верблюдахъ въ Долōнъ-нӯръ чая изъ Тянь-цзина. Въ 9-й лунѣ, когда шерсти собирается большое количество, за провозъ ея берутся и мѣстные магометане; ни везутъ шерсть на большихъ китайскихъ телѣгахъ, въ которыя запрягаютъ по 7 лошадей и муловъ.

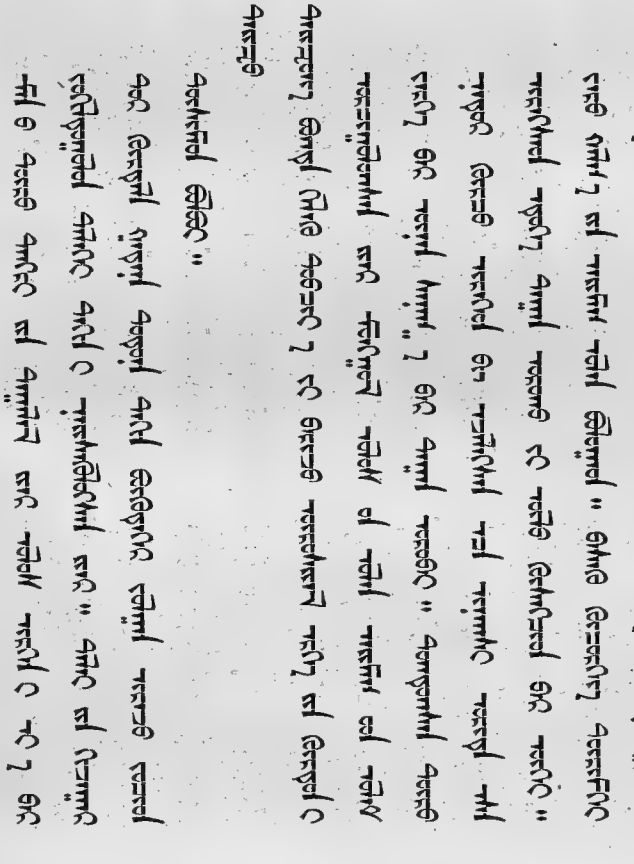
Относительно хода долōнъ-нӯрской торговли слѣдуетъ сказать, что вообще она значительно сократилась вслѣдствіе возвысившейся за послѣдніе годы конкурренціи съ Долōнъ-нӯромъ города Бирӯ хотò. Очень многіе товары, идущіе изъ Гуанъ-дуна, какъ-то водка, конопляное масло (ма-ю), табакъ и проч., а равно и хлѣбъ, прежде вывозившійся изъ юго-восточной Монголіи въ сѣверную исключительно черезъ Долōнъ-нӯръ, теперь уже не заходятъ въ этотъ городъ, а направляются въ Халху прямо изъ Бирӯ хотòна. Съ другой стороны сами монголы, особливо изъ хошӯновъ Бāринь, Арӯ-хорчѝнъ и прочихъ сѣв.-восточныхъ, перестали гонять свой скотъ на продажу въ Долōнъ-нӯръ, а гонятъ его въ тотъ-же Бирӯ-хотò, гдѣ и продаютъ китайцамъ, плотно населяющимъ теперь границы кэшиктэнскаго хошӯна.

Кромѣ маймачэна, какъ сказано выше, подъ общимъ именемъ Долōнъ-нӯра извѣстны еще находящіеся здѣсь два большихъ монастыря, въ частности носящіе прозваніе Шарà-сӯмэ и Хōхò-сӯмэ т. е. Желтый монастырь и Синій монастырь.

Оба эти монастыря построены для монголовъ китайскимъ правительствомъ въ разное время, а именно, основаніе перваго изъ нихъ, какъ надо предполагать, относится къ 1691-му году, а втораго—къ срединѣ правленія Юнъ-чжэна. Въ китайскомъ сочиненіи «Шэнъ-ву-цзи» говорится, что при подданствѣ халхасовъ, Канси въ 1691 г. вышелъ черезъ Ду-ши-коу въ Долōнъ-нӯръ, гдѣ представились ему всѣ халхàскіе вàны и тàйчжи; въ трехъ àймакахъ ихъ подѣлано было 37 хошӯновъ и, по примѣру монголовъ внутреннихъ цзасакòвъ, для пріюта ихъ ламъ была воздвигнута кумирня Хуй-цзунъ-сы (шарà-сӯмэ). По монгольской біографіи Чжанчжà хутухты, монастырь Шарà-сӯмэ является по постройкѣ двумя годами раньше, а именно тамъ записано слѣдующее сказаніе: «Въ годъ бѣловатой змѣи высокій хāнъ подчинилъ себѣ семь халхàскихъ хошӯновъ и созвалъ ихъ на сеймъ, чтобы каждому изъ нихъ дать награды. Онъ основалъ новый монастырь въ Долōнъ-нӯрѣ и воздвигъ въ немъ трехъ бурхàновъ. Потомъ хāнъ, Чжанчжà хутухтӯ и многочисленные сановники прибыли въ Долōнъ-нӯръ и здѣсь совершено было большое освященіе надъ тремя кумирами. Въ этотъ день императоръ сказалъ рѣчь такого содержанія: «Такъ какъ я стремлюсь къ созиданію блага вѣры и одушевленныхъ существъ, пользы всеобщей, а

въ особенности довольства живущихъ здѣсь, поблизости восьми чахàрскихъ хошӯновъ, 49 хошӯновъ южныхъ и 50 хошӯновъ сѣверныхъ, то я основалъ эту кумирню, и пусть отъ каждаго изъ многочисленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ хошӯновъ живетъ здѣсь по одному ламѣ и читаютъ они здѣсь священныя книги ради блага живущихъ въ мірѣ. Ты, ламà (сказалъ онъ, обращаясь къ Чжанчжà хутухтѣ), зимнее прохладное время проводи въ Пекинѣ, а въ лѣтніе жары управляй здѣсь и завѣдуй мѣстнымъ духовенствомъ. Такъ», заключаетъ повѣствователь, «собравъ изъ многихъ хошӯновъ 180 человѣкъ ламъ, императоръ вмѣстѣ со вновь построеннымъ монастыремъ поручилъ ихъ управленію Чжанчжà-хутухты».

Изъ обоихъ этихъ записокъ нельзя однако съ точностію опредѣлить время построенія этого монастыря. На вопросъ мой объ опредѣленіи точнаго года его построенія, мѣстные ламы сообщили мнѣ, что вся исторія этого монастыря разказана въ каменописномъ памятникѣ, находящемся при главной кумирнѣ и за лану серебра они не только дозволили мнѣ осмотрѣть этотъ памятникъ, но даже и списать его. Камень сохранился прекрасно и находящаяся на немъ надпись читается совершенно свободно. Текстъ ея нижеслѣдующій:



ه لمعلومات الموجودة لدى الشركة بشأن الأشخاص الذين يملكون أسهماً في الشركة ، وأن تقوم بتحديث هذه المعلومات بصورة منتظمة . ويجب أن تكون هذه المعلومات متاحة للسلطات المختصة في الوقت المناسب . ويجب أن تحدد الشركة الشخص الطبيعي الذي يحتفظ بهذه المعلومات ، أو أن تحدد الشركة الموقع الذي تحتفظ فيه بهذه المعلومات ، ما لم تتخذ الشركة خطوات معقولة لتحديد مكان وجود هذه المعلومات .

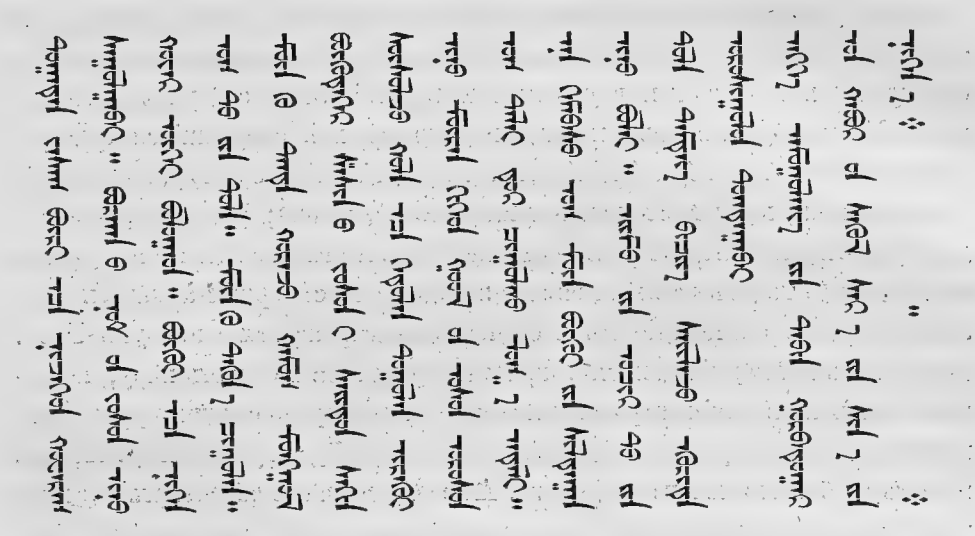
٣ ـ يجوز للشركة أن تعين وكيلاً مرخصاً له من قبل السلطات المختصة ، أو محامياً ، أو محاسباً قانونياً ، أو سمساراً مرخصاً له ، لتقديم المعلومات المطلوبة بموجب الفقرة ٢ من هذه المادة ، وأن تكون مسؤولة عن تقديم هذه المعلومات إلى السلطات المختصة .

٤ ـ إذا لم تتعاون الشركة أو الوكيل المعين بموجب الفقرة ٣ من هذه المادة مع السلطات المختصة ، أو لم تقدم المعلومات المطلوبة بموجب الفقرة ٢ من هذه المادة ، أو قدمت معلومات غير صحيحة ، فإنها تتعرض لعقوبات فعالة ومتناسبة ورادعة ، سواء كانت جنائية أو مدنية أو إدارية ، وتفرض عليها هذه العقوبات ، وتطبق على أعضاء مجلس إدارتها ، وعلى أي شخص آخر يتحمل المسؤولية عن عدم الامتثال .

٥ ـ يجب على السلطات المختصة ، وبخاصة السلطات المسؤولة عن مكافحة غسل الأموال أو تمويل الإرهاب ، أن تكون قادرة على الحصول على المعلومات الأساسية والمعلومات المتعلقة بالملكية المفيدة في الوقت المناسب .

٦ ـ يجوز للدول الأعضاء أن تتخذ تدابير إضافية لضمان قدرة السلطات المختصة على تحديد الملكية المفيدة للشركات . وينبغي أن تأخذ الدول الأعضاء في الاعتبار ، عند اتخاذ هذه التدابير ، الامتثال الأولي للشركات والجهد الإداري المترتب على هذه التدابير .

٧ ـ لأغراض هذه المادة ، يجوز للدول الأعضاء أن تحدد الشخص الطبيعي الذي يملك أسهماً في الشركة ، أو أن تحدد الشركة الموقع الذي تحتفظ فيه بهذه المعلومات ، ما لم تتخذ الشركة خطوات معقولة لتحديد مكان وجود هذه المعلومات .



Въ переводѣ это значитъ:

«Такъ какъ наша династія, по волѣ неба, привела мирнымъ путемъ къ согласію многочисленные народы и выражала свое благоволеніе къ обитающимъ во вселенной, то всѣ живущіе внѣ и внутри (Великой Стѣны), вплоть до предѣловъ моря, пришли и стали гостями и служащими. Вслѣдствіе того, что Тàйцзу и Тàйцзунъ, храня завѣщанное святыми «ученіе о связяхъ», вращали колесо человѣколюбія и могущества, мало по малу чистосердечно подчинились имъ всѣ монгольскіе àймаки. Обоснованное ими правленіе досталось мнѣ и, со времени моего воцаренія, изъ числа неподчинившихся не осталось такихъ, которые не хотѣли бы теперь принять подданство. Монгольскіе àймаки вообще многочисленны и (всегда) были склонны къ насиліямъ и дерзости. Воспитывая ихъ кротостію, усмиряя величіемъ, доставляя милости, научая и совершенствуя, я мало по малу приводилъ ихъ къ порядку и, по истеченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, всѣ àймаки семи халхàскихъ хошӯновъ, со страхомъ и опасеніемъ начали повиноваться и, радостно вступивъ въ подданство, сдѣлались данниками. Такимъ то образомъ исправляя и укрощая взбалмошныхъ и криводушныхъ, милостиво заботясь о послушныхъ и слабосильныхъ, жалуя почетныя званія и титулы, раздѣляя и предоставляя въ пользованіе кочевья, управлялъ я ими. Когда лѣтомъ года желѣза, мужщины и лошади правленія «Энхэ амугулàнъ» (= Канъ-си) я, отправившись въ объѣздъ сѣверныхъ странъ, собралъ, ради установленія порядковъ, сеймъ въ Долōнъ-нӯрѣ, устроилъ пиръ и роздалъ награды, то всѣ вàны, нойоны, тàйчжи, чиновники и родовитые люди сорока восьми хошӯновъ, а равно всѣ семь халхаскихъ хошӯновъ собрались, церемоніально благодарили за милости, пировали, веселились, играли,

плясали, устроивали торжественныя поклоненія и веселились различными способами. Такимъ то образомъ всѣ обитающіе на отдаленныхъ границахъ совокупились во едино, и внутренніе и внѣшніе стали совершенно одинаковы. По окончаніи пировъ и раздачи наградъ всѣ собравшіеся представили мнѣ такую просьбу: «Эта мѣстность представляетъ собою ровную и обширную степь; воды и источники ея чисты и прозрачны; отстоитъ она неподалеку отъ пастьбищъ богдохāнскихъ табуновъ и является центромъ дорогъ, по которымъ ѣздятъ всѣ восточные, западные и сѣверные àймаки монголовъ, а равно обитающіе въ песчаныхъ пространствахъ вокругъ Гоби. Нынѣ и въ настоящій день мы присутствовали на великомъ пиру, чиновники получили великія награды и милости, тьмы народа соединились вмѣстѣ и обращаютъ свои упованія исключительно къ тебѣ, августѣйшему. Искони вѣковъ не бывало ничего подобнаго. А посему соизволь обосновать въ этомъ мѣстѣ монастырь и кумирню и явно возвѣстить (о семъ) въ хвалебной, благовѣстительной повѣсти». По таковому прошенію я издалъ указъ, приказалъ построить кумирню, собралъ по одному хувàраку отъ каждаго цзасакà, и поставилъ начальствующаго ламу. Когда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я пріѣзжалъ сюда обратно, то здѣсь же собирались многочисленные цзасакѝ и ноѝны, и всѣ они представляли мнѣ доклады каждый о своихъ дѣлахъ. Нынѣ миновало такимъ образомъ опять-таки двадцать слишкомъ лѣтъ. Постепенно отдѣлали здѣсь заново большую кумирню, монастырскую ограду, боковыя кумирни, павильоны для колокола и барабана, а равно другія зданія, населенность стала плотнѣе, жилыя помѣщенія построились непрерывною линіею, мѣсто стало обширное и очень красивое. По просьбѣ кумиренныхъ ламъ о томъ, что кумирнѣ этой прежде не было пожаловано имени, я особливо наименовалъ ее «кумирнею начала собранія» и поселилъ въ ней по одному хувàраку отъ каждаго изъ цзасакòвъ 48 хошӯновъ, отъ каждаго изъ цзасакòвъ халхаскихъ, каждаго изъ цзасакòвъ ӧлӧтскихъ, всего въ количествѣ 120. Такъ какъ законы священнаго ученія будды не двойственны и возводятъ все къ единому началу, то также точно собираясь въ сей (кумирнѣ), и также точно приходя тамъ въ единеніе, всѣ монголы, благособлюдая правила вѣры, имѣютъ приходить сюда, стекаясь по одиночкѣ изъ далекихъ мѣстностей. Это подобно тому какъ воды большихъ и малыхъ рѣкъ, протекая, сливаются въ море. Въ этомъ основной смыслъ настоящаго положенія. По такимъ то обстоятельствамъ выгравирована и поставлена на вѣчныя времена эта писаница.

Правленія Энхэ̀ амугулàн'а 53 года, послѣдней весенней луны 1-го числа.

Изъ вышепредставленной, исторической рѣчи богдохāна Канси яв-

ствуетъ, что Шарà-сӳмэ состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи Чжанчжà-гэгэ̀на, впослѣдствіи же его управленію подчиненъ былъ и Хӧхӧ̀ сӳмэ̀. Съ тѣхъ поръ оба эти монастыря состоятъ подъ однимъ вѣдомствомъ, но ламы ихъ живутъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга, не исполняютъ взаимно службъ и не дѣлятъ между собою доходовъ.

Впрочемъ единство вѣдомства монастырей, сосредоточенное въ лицѣ Чжанчжà хутухты̀, существуетъ только номинально и самъ Чжанчжà хутухтӳ, проживая въ послѣднее время постоянно въ Пекинѣ, уже около полусотни лѣтъ не бывалъ въ Долōнъ нӯрѣ. Во главѣ дѣйствительнаго управленія монастырей въ настоящую пору стоятъ четыре да̄-ламы̀, по два въ каждомъ монастырѣ, утверждаемые китайскимъ правительствомъ, или точнѣе Ли-фань-юанемъ, и получающіе отъ него печати какъ знакъ своего достоинства и жалованье. Кромѣ сего въ Шарà-сӳмэ̀ живетъ знаменитый Эмчѝ-ламà, а въ Хӧхӧ̀-сӳмэ̀—Ширэ̄тӳ̆-гэгэ̀нъ, Ганчжѝръ-гэгэ̀нъ, Ачжà-гэгэ̀нъ, Архà-гэгэ̀нъ и др. Каждый изъ поименованныхъ гэгэ̀новъ имѣетъ свои казначейства и своихъ шабинà̀ровъ, надъ которыми имѣетъ частное управленіе. Это причисленіе къ общинѣ того или другого гэгэ̀на служитъ здѣсь къ раздѣленію ламъ на àймаки какъ въ ихъ общественномъ быту, такъ и въ административномъ отношеніи.

Шарà сӳмэ̀ считаетъ въ своихъ стѣнахъ до 400 слишкомъ ламъ, а Хӧхӧ̀ сӳмэ̀ свыше 500 ламъ. Такимъ образомъ населеніе обоихъ монастырей представляется почти равнымъ по своему объему, да говоря вообще и по внѣшнему виду монастыри эти почти совершенно одинаковы. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ располагается двухъ-этажная императорская кумирня, обнесенная высокою, красною каменною оградою, а вокругъ этой ограды группируются жилища ламъ, построенныя чрезвычайно скученно. Проѣхать въ телѣгѣ здѣсь по большей части улицъ и переулковъ совершенно не возможно. Въ Хӧхӧ̀ сӳмэ̀ помимо императорской кумирни воздвигнуто еще нѣсколько кумирень проживающихъ здѣсь гэгэ̀новъ и каждую изъ нихъ окружаютъ ба̀йшины шабинà̀ровъ того гэгэ̀на, которому принадлежитъ и кумирня. Ламскія подворья вообще очень грязны, безпорядочны и тѣсны, а очень многія изъ нихъ и вовсе пустуютъ. Обусловливается это конечно составомъ и условіями быта самихъ здѣшнихъ ламъ. Всѣ они, за исключеніемъ шабинà̀ровъ помянутыхъ гэгэ̀новъ, принадлежащихъ почти исключительно къ чахà̀рскимъ хошӯнамъ, суть пришельцы изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ, потому что каждый хошӯнъ южной Монголіи уже обязательно содержитъ здѣсь своего ламу. Изъ рѣчи богдохā̀на Канси мы видѣли, что здѣсь должны были жить также и ламы, представители каждаго хошӯна изъ четырехъ халхаскихъ àймаковъ; но

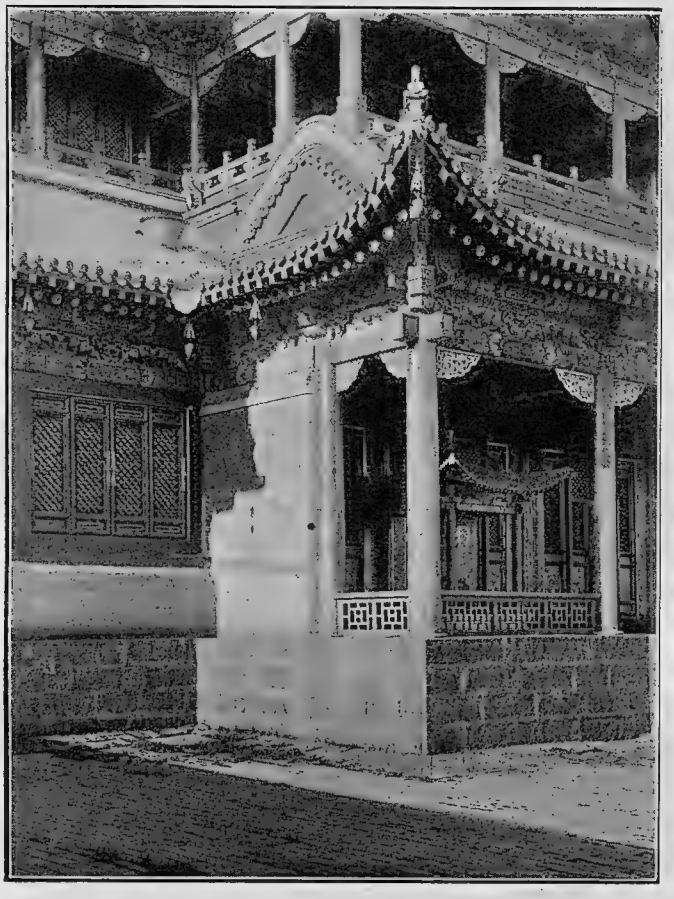
это не соблюдается, кажется, уже очень давно. Когда мнѣ впервые пришлось посѣтить Долōнъ-нӯръ въ 1878 году, то я нашелъ здѣсь

Общій видъ монастыря Хōхō сӯмэ.

тогда главнымъ образомъ ламъ цэцэнъ хāновскаго àймака; въ Шарà-сӯмэ проживало еще два ламы, принадлежавшихъ къ àймаку тӯшēтӯ-хāновскому; изъ сàйнъ-нойновскихъ же послѣдній лама, какъ мнѣ сообщали, умеръ года за два передъ симъ и мѣсто его было занято по найму ламою одного изъ южныхъ хошӯновъ. Въ настоящую пору я встрѣтилъ здѣсь халхàсовъ до 80 человѣкъ и по этому поводу мѣстный цзасàкъ лама сообщилъ мнѣ, что еще въ періодъ 1880 — 1881 гг. Ли-фань-юань, обративъ вниманіе на неисполненіе халхасами богдохāнскаго повелѣнія, потребовалъ отъ нихъ немедленной высылки ламъ въ Долōнъ-нӯръ, а мѣстное монастырское начальство заявило при этомъ, что содержаніе этихъ ламъ сравнительно съ прежнимъ должно быть непремѣнно увеличено хошӯнами. По искони установленнымъ правиламъ, каждый хошӯнъ, посылая въ Долōнъ нӯръ своего ламу, обязанъ былъ давать ему средства къ существованію, ассигнуя деньги въ видѣ жалованья. Количество этого ассигнованія всегда было совершенно произвольно, а потому и весьма различно: обусловливалось оно главнымъ образомъ богатствомъ того или другого хошӯна. Высшій окладъ, какъ пришлось мнѣ узнать это въ 1878 г. изъ монастырскихъ бумагъ, былъ назначенъ въ свою пору халхаскимъ хошӯномъ Сàйнъ нойна, — онъ равнялся 62 ланàмъ серебра въ годъ; другіе, южные хошӯны давали своимъ

ламамъ 60 ланъ, Табйсъ—56, а харачйнскій хошўнъ только 50,000 чеховъ, что составитъ около 34—38 ланъ въ годъ. Кромѣ сего каждый хошўнъ, содержавшій своего ламў въ долбнъ-нўрскихъ монастыряхъ, былъ обязанъ содержать для его помѣщенія особый бàйшинъ (домъ или келью) за отдѣльной оградой. Получивъ вышепомянутое ли-фань-юаньское предписаніе вначалѣ 1881 г., халхасы уже къ концу этого года выслали въ Долбнъ-нўръ требовавшееся отъ нихъ число ламъ, хотя распредѣленіе ихъ и не вполнѣ совпадало съ богдохáнскимъ постановленіемъ. Такъ, въ силу совершеннаго объединѣнія нѣкоторыхъ хошўновъ, халхàскіе сеймы освободили эти хошўны отъ сказанной повинности и взамѣнъ сего опредѣлили послать по два и даже по три ламы изъ хошўновъ болѣе богатыхъ. Разговаривавшіе со мною ламы изъ хошўна Пунъ-бэйсэ сообщали, что они проживаютъ здѣсь вдвоемъ, причемъ одинъ отбываетъ свою повинность взамѣнъ ламы изъ недостаточнаго хошўна Цэ-цзасака; въ содержаніе они получали по 52 ланы въ годъ каждый, помимо обезпеченія потребными при служеніи духовными одеждами и помѣщеніемъ въ видѣ бàйшина. Изъ дальнѣйшихъ разказовъ ихъ выяснилось, что, не смотря на очень умѣренно отпущенное содержаніе, халхасы сильно почувствовали этотъ новый налогъ, а потому не дальше какъ черезъ годъ представили прошеніе богдохáну, въ которомъ писали, что на содержаніе долбнъ-нўрскихъ ламъ со всѣхъ халхаскихъ хошўновъ въ общемъ ежегодно расходуется свыше 10,000 ланъ серебра; что сверхъ сего хошўны должны черезъ каждые три года обновлять духовныя одежды долбнъ-нўрскихъ ламъ, что вызываетъ новый расходъ, приблизительно въ 4000 ланъ; наконецъ въ десять лѣтъ разъ хошўнамъ нужно еще поновлять бàйшины и дворовыя ограды, въ которыхъ проживаютъ ламы, каковой расходъ также придется исчислять различно, но не менѣе какъ въ суммѣ отъ 6-ти до 10-ти тысячъ ланъ. Выставляя на видъ свое тяжелое экономическое положеніе, халхасы просили разрѣшить имъ не посылать своихъ ламъ въ долбнъ-нўрскіе монастыри съ тѣмъ, чтобы штаты этихъ монастырей пополнялись бы исключительно ламами изъ южныхъ хошўновъ. Такъ какъ никакого отвѣта на эту просьбу не послѣдовало, то халхасы продолжаютъ и доселѣ содержатъ своихъ ламъ въ Долбнъ-нўрѣ, хотя, по отзывамъ монастырскихъ казначеевъ, высылаютъ это содержаніе крайне неисправно. Съ цѣлью побужденія къ доставкѣ ассигнованныхъ для сего суммъ управленіе монастыря Шарà сўмэ ежегодно по веснѣ отправляетъ въ разныя стороны отъ 8 до 12 своихъ ламъ, съ званіемъ нирбы, къ различнымъ сеймовымъ старшинамъ; но это не особенно много помогаетъ дѣлу: возвращаясь домой, нирбы привозятъ иногда только половину слѣдующей суммы. Чтобы восполнить недостатки содержанія своей братіи, монастыри нерѣдко

выдаютъ ей вспомоществованіе изъ суммъ, получаемыхъ отъ аренды монастырскихъ домовъ и земель, а равно и отъ извознаго промысла. Это даетъ возможность ламамъ быть сытыми и одѣтыми, но помѣщенія ихъ въ большинствѣ очень плохи. Всѣ байшины, въ которыхъ проживаютъ долонъ-нурскіе ламы составляютъ собственность различныхъ хошуновъ, а какъ эти хошуны не высылаютъ денегъ на ихъ поправку, то они и стоятъ почти полуразрушенными за своими оградами. Во многихъ изъ нихъ невозможно даже и жить, такъ что обитатели ихъ давно уже переселились въ поставленныя на отдѣльныхъ монастырскихъ дворикахъ юрты. Сказанная бѣднота ламскихъ жилищъ представляется здѣсь поразительною особливо по сравненію ея съ великолѣпіемъ мѣстныхъ императорскихъ кумирень. Послѣднія своимъ фасадомъ и архитектурой живо напомнили мнѣ цокчинъ въ халхаскомъ Амуръ баясхулантуй, только послѣдній построенъ изъ дерева, долонъ-нурскія же кумирни каменныя и отдѣлка ихъ украшеній несравненно тоньше, изящнѣе и богаче Амуръ-баясхулантуйской. Особливо красивыми представляются здѣсь фронтоны. Раздѣлка ихъ карнизовъ, обиліе самой причудливой рѣзьбы, чудные рельефы и изящно выточенныя, отполированныя и вызолоченныя колонны, — все это по истинѣ поражаетъ своею красотою, и должно вызвать собою невольное удивленіе у каждаго наблюдателя.



Фронтонъ кумирни Шара сумэ.

VIII. Отъ Долōнъ-нӯра до Бирӯ-хото.

23-е Мая. Воскресенье.

6 ч. +8°; 9 ч. +13°; 12 ч. +15½°; 3 ч. +14°; 6 ч. +10°; 9 ч. +7.

Сегодня предположили выѣхать изъ Долōнъ-нӯра съ тѣмъ, чтобы посѣтить наиболѣе выдающіеся торговые пункты юго-восточной Монголіи. Бирӯ-хотò и Цагàнъ-субургà, вообще очень мало у насъ извѣстные. Путь нашъ поэтому долженъ былъ лежать прямо на сѣверо-востокъ. Отъ Долōнъ-нӯра до г. Бирӯ существуетъ двѣ дороги: одна южная, проходящая по мѣстностямъ сплошь распаханнымъ и заселеннымъ китайцами. Дорога эта выгоднѣе въ томъ отношеніи, что по ней можно проѣхать безопаснѣе и удобнѣе: мѣста полдниковъ и ночлеговъ здѣсь повсюду разсчитаны, на всѣхъ остановкахъ имѣются хотя бы грязныя, китайскія, но все же гостинницы или дяни; съ другой стороны дорога эта крайне трудна, по причинѣ обилія на ней песковъ и переваловъ. Вторая дорога, — сѣверная, проходитъ по монгольскимъ кочевьямъ черезъ кумирни Шабартàй сӱмэ, Шибэ̀-сӱмэ и Дархàнъ-ӯлайнъ сӱмэ; песковъ по этой дорогѣ, говорятъ, если и не меньше, за то горы гораздо положѣе и перевалы болѣе легки для подъемовъ. Такъ какъ верблюды наши уже заявили себя своею слабосильностію, то я предпочелъ ѣхать по этой второй, сѣверной дорогѣ. Впрочемъ сѣверныхъ дорогъ также точно оказалось нѣсколько: всѣ онѣ, будучи проторены главнымъ образомъ соляными возчиками, ведутъ къ однимъ тѣмъ же предѣламъ учжумуцѝнь'скаго хошӯна и отстоятъ одна отъ другой иногда не больше какъ на разстояніи двухъ, трехъ верстъ. Избраніе того или другого частнаго пути я предоставилъ уже на волю извозчиковъ, заявивъ имъ только одно, что я непремѣнно желаю посѣтить развалины Чжӯнъ-нàйманъ-сӱмэ.

При такихъ обстоятельствахъ мы оставили сегодня Долōнъ нӯръ въ 7 ч. 15 м. утра. Было пасмурно: небо кругомъ заволочено тучами и дулъ довольно сильный, прохладный, юго-восточный вѣтеръ. Непосредственно за монастыремъ Хӧхӧ̀-сӱмэ тянется дорога соляныхъ возчиковъ, по которой мы могли бы ѣхать, но, въ виду поставленнаго мною условія, — посѣщенія Чжӯнъ нàйманъ сӱмэ, — намъ пришлось пересѣчь ее и направиться не прямо на сѣверъ, а на сѣверо-западъ, почти по дорогѣ, соединяющей Долōнъ нӯръ съ Ургою. Долōнъ нӯрская равнина въ сѣверной своей части и по близости къ окружающимъ ее горамъ имѣетъ твердо

песчаный грунтъ, усѣянный мелкой галькой и поросшій мелкою травкой, вродѣ кипца. Миновавъ ее, мы въ 8 ч. 40 м. вступили въ горы, или правильнѣе сказать, пологіе холмы съ мягкими скатами, покрытыми теперь богатою травою. Повсюду видны были табуны лошадей, пригнанные долōнъ нӯрскими китайскими торговцами съ сѣвера, для продажи ихъ въ Долōнъ-нӯрѣ. Нѣсколько далѣе мы повстрѣчали такой же табунъ въ 70 головъ, гонимый изъ хошӯна Биширэльтӯ бэйсэ цэцэнъ хāновскаго àймака и принадлежащій торгующей въ этомъ хошӯнѣ долōнъ-нӯрской лавкѣ Хо-лицзинь; табунъ этотъ пробылъ въ дорогѣ болѣе мѣсяца и дневные перегоны его, очевидно, не превышали 20 верстъ. Въ 10 ч. мы начали подниматься на длинный и крутой перевалъ Морìнъ-даба, отдѣляющій долōнъ-нӯрскую равнину отъ долины Шàнду гòла. Путь по этому перевалу довольно трудный какъ для подъема такъ и для спуска. Мой верблюдъ былъ не въ состояніи поднять телѣги, такъ что пришлось припрягать пристяжкою другого. Съ большими усиліями переваливъ Морìнъ-даба, мы спустились съ него въ громадную долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами; посреди ея съ запада на востокъ извивалась р. Шàнду гòлъ. Въ 1 ч. 40 м., недоѣзжая версты $1^1/_2$ до ея береговъ, мы вступили въ болотистыя пространства, окаймляющія здѣсь съ обоихъ сторонъ теченіе Шàнду гòла: почва этихъ пространствъ крайне зыбкая вообще, теперь, подъ вліяніемъ дождей, сдѣлалась вязкою и мѣстами представляла собою прямыя трясины. Рѣка Шàнду имѣла здѣсь ширины не болѣе 8 саженей и глубины не свыше 11 вершковъ; дно ея твердо песчаное. Перебродивъ ее, мы въ 2 ч. 40 м. достигли развалинъ Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ и не успѣли еще развьючиться, какъ пошелъ мелкій, совершенно осеній дождикъ.

Чжӯнъ нàйманъ сӯмэ — развалины древняго китайско-монгольскаго города, по началу бывшаго столицею юаньскихъ императоровъ, а по паденіи юаньской династіи низшедшаго на степень простой китайской крѣпости и пограничнаго пункта, съ котораго китайцы наблюдали за безпокоившими ихъ границы монгольскими племенами. По буквальному переводу Чжӯнъ нàйманъ сӯмэ значитъ «108 кумирень»; помимо сего разсматриваемыя развалины носятъ еще и теперь всѣ тѣ имена, которыя принадлежали городу въ періодъ его дѣйствительнаго существованія. Такъ онѣ извѣстны подъ китайскимъ нарицательнымъ «Шанъ-ду», что значитъ «верхняя столица», потому что встарину этотъ городъ составлялъ сѣверную столицу Хубилàй-хāна; и за тѣмъ—подъ именемъ Кай-пинъ-фу. Это послѣднее названіе было собственнымъ именемъ Шанъ-ду, какъ одного изъ столичныхъ городовъ юаньской имперіи.

Производить подробный осмотръ этихъ развалинъ въ первый же день

по прибытіи, въ силу изобильно падавшаго дождя, мнѣ не представлялось никакой возможности, да къ тому же самыя развалины оказались на столько обширны, что прежде всего нужно было составить себѣ общее о нихъ понятіе. Взобравшись на валъ, не трудно было увидать, что Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ̀ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, заключающихся одинъ въ другомъ городовъ, каждый изъ которыхъ обнесенъ особыми стѣнами. Я началъ свой осмотръ съ самаго наружнаго города, объѣхавъ его около стѣнъ верхомъ на лошади, на что потребовалось $3^1/_2$ часа, отъ 4-хъ до $7^1/_2$ вечера; необходимо предположить поэтому, что этотъ наружный, окрайный городъ имѣетъ въ окружности не менѣе 12 верстъ. Внутри его, кажется, не сохранилось ровно ни какихъ ни кургановъ, ни канавъ. Стѣны представляютъ теперь земляной валъ, мѣстами сильно избитый и почти незамѣтный особливо съ южной стороны, мѣстами значительно поднимающійся особливо на сторонѣ западной, и наконецъ, высоко вздымающійся надъ полотномъ долины на сѣверной оконечности города. Наибольшая высота вала доходитъ здѣсь до 4 саж. Произошло ли это различіе высоты стѣнъ въ послѣдующее время, или оно современно основанію города, на это нельзя отвѣчать безъ особыхъ изслѣдованій. Несомнѣнно, что время уничтожило большую часть вала на южной сторонѣ; но съ достаточнымъ вѣроятіемъ можно предположить, что онъ не имѣлъ одинаковой высоты и во время постройки. Какъ монголы, такъ и живущіе въ степяхъ Монголіи китайцы, устроивая ограды своихъ жилищъ, обыкновенно дѣлаютъ сѣверную стѣну выше остальныхъ для большей защиты отъ вѣтра, а иногда они ограничиваются даже и возведеніемъ одной сѣверной стѣны, какъ это, напримѣръ, находимъ мы въ долинѣ нӯрскомъ богдохàнскомъ Шарà-сӯмэ̀. Что касается ширины наружныхъ стѣнъ города, то опредѣлить ее правильно на сѣверной оконечности города хотя бы то у основанія ихъ едва ли представляется возможнымъ, такъ какъ, при разрушеніи, стѣны, несомнѣнно, должны были на столько же утолститься внизу, на сколько съузиться кверху. По вершинѣ стѣны можно свободно ѣхать на лошади, ибо она нигдѣ не съуживается менѣе аршина. Въ другихъ мѣстахъ современные намъ монголы проложили здѣсь даже колесную дорогу, къ чему побудило ихъ, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что соприкасающаяся стѣнамъ долина Шàнду гòла, особливо въ періодъ дождей, бываетъ очень вязкою, между тѣмъ какъ стѣнной валъ всегда представляетъ собою дорогу твердаго грунта. Руководствуясь, конечно, тѣми же удобствами, они устроили за стѣнами вала свои зимники и загоны скота. Помнится, что кто-то изъ недавнихъ путешественниковъ сообщалъ, будто бы здѣсь построена даже кумирня, но это не вѣрно: имѣется только одинъ бунхàнъ въ $1^1/_2$ ква-

дратныхъ аршина, въ окошечкѣ коего стоитъ, по обычаю, идолъ гацзарыйнъ эцзэна и засимъ никакихъ другихъ построекъ здѣсь нѣтъ. Вообще относительно городского пространства, находящагося за этимъ наружнымъ валомъ, можно сказать, что по мѣстамъ оно покрыто курганами, или буграми, но представляютъ ли эти курганы остатки зданій, а еще болѣе опредѣлить къ какому времени они относятся, рѣшительно не возможно. Трудно предположить, чтобы городская мѣстность, окруженная стѣною, не имѣла ни какихъ построекъ, но во всякомъ случаѣ курганы эти такъ низки и такъ плотно покрылись травою, что о нихъ трудно сказать что либо безъ основательныхъ раскопокъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь то и былъ разведенъ Хубилàемъ тотъ паркъ, описаніе котораго такъ картинно изложено у Марко-Поло.

Возвратившись въ свою палатку измоченный дождемъ, я не могъ предпринять далѣе ничего для изслѣдованій, да къ тому же стало и темно. Оставалось припоминать и соображать все, что было когда либо прочитано о Шàнду для выясненія его исторіи и положенія. Не желая повторять здѣсь уже извѣстнаго, отмѣчу лишь то, что, кажется, у насъ не было еще напечатаннымъ и заимствуется мною изъ сочиненія «Сунъ-тунъ-цзянь» (Сунской исторіи).

По словамъ этого сочиненія, время основанія Шàнду относится къ періоду 1256 — 1259 гг., точнѣе сказать, здѣсь говорится, что въ 1256 г. монгольскій Хубилàй хāнъ хотѣлъ устроить городъ, который служилъ бы рынкомъ и дворцемъ, и такимъ образомъ былъ бы пунктомъ собранія для подданныхъ имперіи. Дѣло избранія подходящаго для этой цѣли мѣста было поручено Хубилàемъ нѣкоему хэшану Цзы-цзуну, который и выбралъ урочище на востокъ отъ Хуàнь-чжоу и Лунъ чанъ, на сѣверномъ берегу Луань шуй. Постройка была окончена въ три года и городъ названъ Кайпинъ-фу, а потомъ переименованъ въ Шàнъ-ду (въ 1263 г.).

1301 г. Въ 8-й лунѣ, вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, въ Шàнъ-ду, ночью, вода съ шумомъ хлынула на СЗ. Военный начальникъ Ванъбо-шэнъ съ своими солдатами тотчасъ поставилъ сваи, навалилъ земли и камней, войлоковъ и ковровъ, открылъ городской ровъ для стока воды, такъ что къ утру все было спокойно и жители не знали о случившемся.

1321 г. Было отправлено въ Шàнду 3500 солдатъ для постройки Хуа-янь-сы. — Въ томъ же году въ Шàнду разрушили Хуй-хуй-сы (мусульманскую мечеть) и на ея мѣстѣ построили дянь въ честь Ди-ши (Пакба ламы). Тогда-же устроили въ Шàнду золотую башню, Цзинь-фоу-ду, для помѣщенія въ ней мощей будды. Наконецъ въ томъ же году въ Шàнду была исправлена городская стѣна.

1323 г. Прекращена разработка золота и серебра въ Шанду, Юнь-чжоу, Синъ-хэ, Сюань-дэ, Юй-чжоу, Фынъ-тэнъ-чжоу и Цзи-минь-шан'и.

1337 г. Въ Шàнду, въ Ширà-ордосы было лѣтомъ пиршество; послѣдующіе государи только этимъ и занимались.

1354 г. Повелѣно выстлать камнемъ дорогу на сѣверъ, къ Шàнду.

1358 г. Гуань сянь-шэнъ изъ Да-туна напалъ на Шàнду, сжегъ дворецъ, оставался въ городѣ семь дней и потомъ двинулся на Ло-янъ. Со времени сожженія дворца въ Шàнду хāны болѣе не посѣщали его.

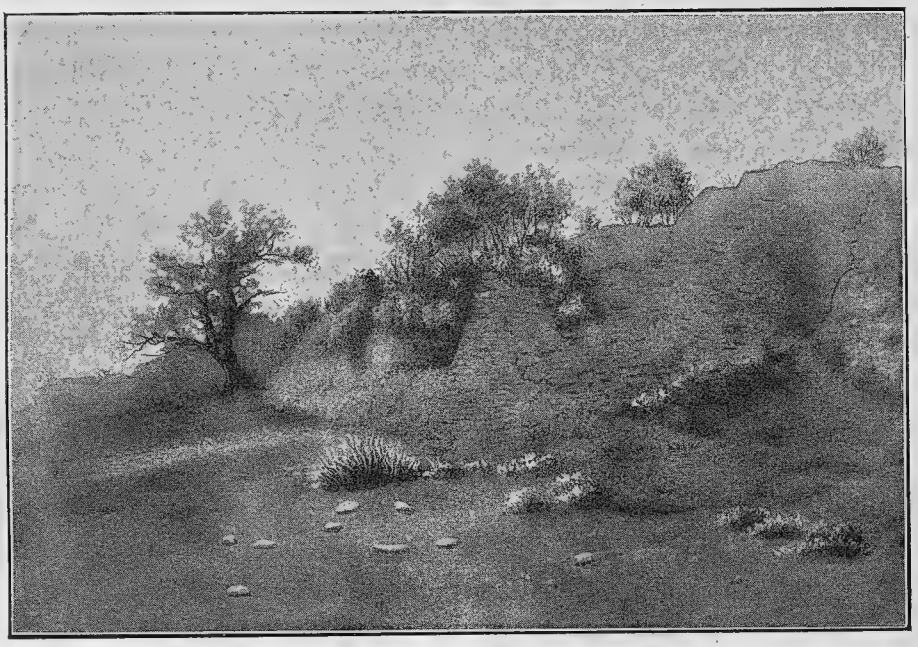
Съ 1370 г. Шàнду былъ обращенъ въ «вэй». Къ нему учреждено было 8 станцій; 4 восточныя: Лянъ-тинъ, Ни-хэ, Сай-фынъ и Хуанъ яй, которыя вели къ Да-нинъ и Гу-бэй-коу; 4 западныя: Хуанъ-чжоу, Вэй-лу, Минъ-ань и Ши-нинъ, которыя вели въ Ду-ши-коу».

24 Мая. Понедѣльникъ.

6 ч. +7°; 9 ч. +8°; 12 ч. +13°; 3 ч. +14°; 6 ч. +11°; 9 ч. +8°.

Проснувшись, по обычаю, въ 5-мъ часу утра, я увидѣлъ, что новый день не принесъ ничего утѣшительнаго: какъ вчера моросилъ мелкій и частый дождикъ, а небо было сплошь заволочено тучами, такъ что дождя этого и конца не видѣлось; прибавилось лишь грязи и почва, напоенная водою, стала еще рыхлѣе, дрожа подъ ногами какъ трясина. Къ 9 часамъ дождь началъ переставать, или покрайней мѣрѣ моросилъ съ промежутками и я направился на осмотръ втораго города. Для обхода вокругъ стѣнъ его потребовалось времени ровно часъ, слѣдовательно этотъ второй городъ имѣетъ въ окружности около 4 верстъ. Стѣны его сохранились несравненно лучше стѣнъ перваго, наружнаго города и это особливо на сторонахъ западной и восточной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ стоятъ еще такъ прочно и цѣльно, что нельзя и подумать, что надъ этими руинами пронеслось пять столѣтій, въ теченіе которыхъ все клонилось только къ ихъ большему паденію. Высота этихъ стѣнъ была, вѣроятно, не менѣе пяти саженей. Снаружи онѣ были съ обѣихъ сторонъ своихъ облицованы гладко отесаннымъ дресвяникомъ, который скрѣплялся, повидимому, известкой съ примѣсью глины; внутри облицовки, какъ бутъ, были навалены и куски того же дресвяника, и песчаникъ, и наконецъ обломки кирпича. Въ видахъ большей крѣпости стѣна была снабжена отстоящими другъ отъ друга въ разстояніи 30 саж. Такъ какъ на вершинѣ этихъ стѣнъ валяется чрезвычайно много глазированной черепицы, то можно предположить, что онѣ имѣли черепичную кровлю. Въ этотъ второй городъ вело всего шестеро воротъ, причемъ на сторонахъ сѣверной и южной было по однимъ воротамъ, а на западной и восточной по двое, каждые изъ которыхъ находились въ 800 шагахъ другъ отъ друга. Всѣ эти ворота были двойныя и заграждающія во-

ротный проходъ стѣны выдавались изъ общей линіи городскаго кремля приблизительно сажень на 10; выходъ изъ воротъ никогда не бывалъ прямой, а



Видъ стѣны второго города Шанду.

только по сторонамъ и непремѣнно въ обѣ стороны. По наружной сторонѣ городскихъ стѣнъ, несомнѣнно, проходилъ ровъ, отъ котораго теперь осталось углубленіе мѣстами въ аршинъ, а мѣстами и того менѣе. Внутри этого втораго города я насчиталъ всего 18 большихъ кургановъ изъ коихъ 14 располагаются въ СВ и СЗ углахъ города. Въ СВ углу изъ наиболѣе сохранившихся и возвышающихся есть одинъ курганъ, который мѣстные монголы называютъ «хӧхӧ сӯмэ», т. е. «синяя кумирня». Онъ окруженъ особымъ валомъ, несомнѣнно составлявшимъ въ прежнее время ограду и имѣющимъ въ длину, съ С. на Ю., 60 шаговъ, а въ ширину, съ В. на З., 40 шаговъ. Всего въ этой оградѣ расположено четыре кургана, отстоящихъ одинъ отъ другого на 5, 6 шаговъ. Здѣсь, въ СВ углу ограды, неподалеку отъ главнаго, т. е. самаго большого кургана, въ неглубокой впадинѣ лежитъ камень, представляющій собою полуразбитый каменописный памятникъ, уцѣлѣвшій намъ отъ временъ Юаньской династіи. Памятникъ этотъ представляетъ теперь собою повалившуюся плиту изъ бѣлаго мрамора, прекрасно отшлифованную и еще искусстнѣе украшенную изсѣченнымъ на ней изображеніемъ двухъ драконовъ съ обращенными впизъ головами и переплетшимися на верху хвостами. Драконы эти передними своими лапами

поддерживаютъ медальонъ, въ которомъ изсѣчено 12 іероглифовъ надписи. По формѣ своей вся плита является квадратною и имѣетъ въ каждой изъ своихъ сторонъ 1 арш. и 8 вершк.; что же касается медальона надписи, то онъ длиною въ 14 вершк., а шириною въ $7^1/_2$ вершковъ. Въ свою пору плита эта была водружена на изсѣченномъ изъ такого же бѣлаго мрамора изображеніи черепахи, которое теперь находится тутъ же, не подалеку отъ плиты, на половину вросшимъ въ землю. Что касается самой надписи, то она изсѣчена китайскими іероглифами, имѣющими названіе «чжуань-цзы» и бывшими въ употребленіи у китайцевъ въ періодъ не позже II вѣка по Р. Х., нынѣ же являющимися у нихъ только для красы въ заглавіяхъ важныхъ классическихъ и ученыхъ сочиненій, въ надписяхъ на генеральныхъ географическихъ картахъ, а иногда и особенно важныхъ картинъ. Представляя здѣсь точный снимокъ этой надписи, мы добавимъ, что по современной іероглифической письменности китайцевъ она должна явиться въ слѣдующемъ видѣ:

皇元敕賜大
司徒笏軒長
老壽公之碑

и читается:

«хуанъ юань чи цы дасы-ту Цзюнь-сюань чжань лао Шоу гунъ чжи бэй».

Въ переводѣ это будетъ обозначать: «Могильный памятникъ (бэй), (воздвигнутый) при великой (династіи) Юань (хуанъ юань), по именному повелѣнію (чи цы), великому народному цивилизатору (да-сы-ту), (по наимено-

ванію) Цзюнь-сюань, честному старцу (чжанъ-лао), почтенному (гунъ) Шоу (собств. имя).

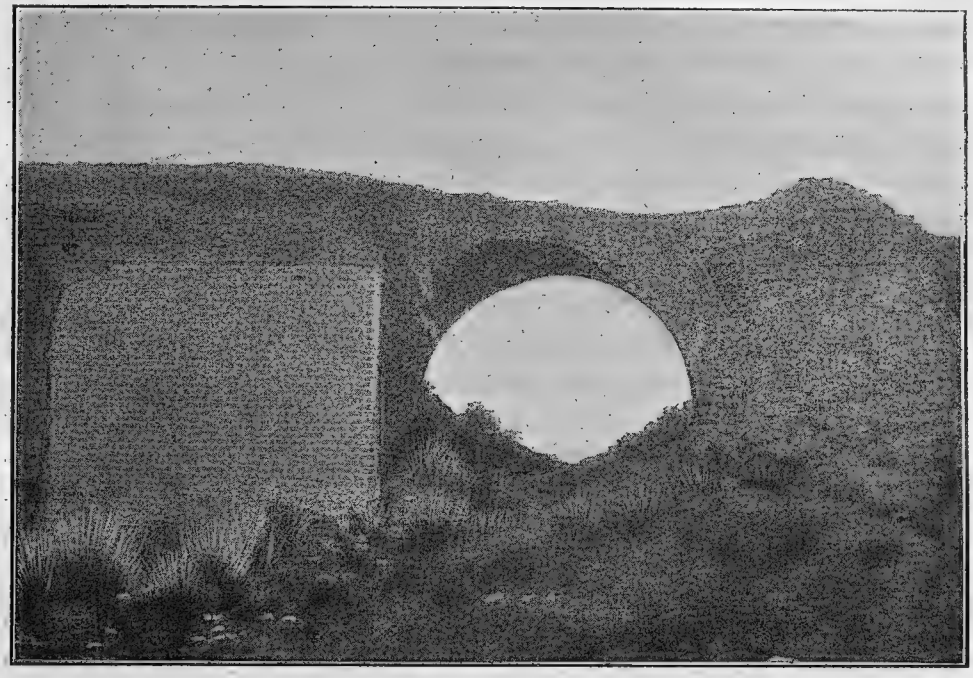
Такимъ образомъ надпись сама собою свидѣтельствуетъ, что этотъ камень есть памятникъ надъ могилою какого то достославнаго мужа. Мужъ этотъ носилъ званіе «да-сы-ту», которое мы передаемъ словами «великій народный цивилизаторъ», въ объясненіе же къ сему прибавимъ еще, что оно было даваемо въ періодъ монгольской династіи въ Китаѣ довольно часто. Юань'скіе императоры, какъ извѣстно, сильно заботились о развитіи грамотности и усовершенствованіи земледѣлія въ Китаѣ и для распространенія этихъ знаній въ народѣ установляли отдѣльныхъ чиновниковъ; они то и носили иногда званіе да-сы-ту. Этимъ да-сы-ту поручалось иногда сверхъ помянутыхъ дѣлъ еще и собираніе оброковъ. Титулъ да-сы-ту существовалъ, кажется, еще и прежде юаней; о монголахъ же необходимо замѣтить, что они вообще часто жаловали древніе титулы, которые впрочемъ не давали никакихъ особенныхъ правъ получавшимъ ихъ. Этотъ обычай монголовъ награждать титулами относился безразличія какъ къ духовнымъ, такъ и къ свѣтскимъ лицамъ; погребенный же подъ симъ камнемъ да-сы-ту былъ буддійскій монахъ.

Кромѣ этого камня въ с.-в. же углу находится еще одинъ камень съ изображеніемъ двухъ шляпъ тибетскаго фасона, т. е. съ невысокою узкою тульею и широкими полями. Въ с.-з. углу города у одного изъ кургановъ я встрѣтилъ толстые, но уже никуда не годные по нарѣзкѣ жернова американской системы, употребляемые и по сю пору китайцами; но принадлежатъ ли эти жернова къ эпохѣ юаньской, или минской династіи, или наконецъ относятся къ позднѣйшему времени, опредѣлить это едва ли возможно.

Сдѣлавъ снимокъ съ надписи эстампажемъ, я направился осматривать третій и самый внутренній городъ, представлявшій собою собственно жилище богдохановъ монголо-китайской династіи Юань.

Городъ этотъ также обнесенъ стѣною, каждая сторона которой имѣетъ протяженія около 880 шаговъ (я насчиталъ въ восточной 862, южной 896, западной 868), или около 300 саженей. Стѣны эти по своему устройству были одинаковы со стѣнами втораго города: въ срединѣ ихъ находился точно такой же бутъ, только облицованы онѣ были не дресвяникомъ, а обожженымъ кирпичемъ. Сохранились онѣ особенно хорошо на южной сторонѣ, близъ воротъ, равно какъ и самыя эти ворота. Толщина этой стѣны въ воротномъ проходѣ равняется 7 саженямъ, въ остальныхъ мѣстахъ она не превосходитъ 10 арш. и 6 вер. Замѣчательно, что стѣны этого города развалились довольно равными звѣньями, какъ будто бы въ этихъ разрушившихся мѣстахъ стѣны было устроено что либо другое, отличное отъ стѣнъ.

Восточныя и западныя ворота разрушились почти совершенно въ своей верхней части, но основаніе и стѣны ихъ еще сохранились. Можно думать,



Развалины южныхъ воротъ въ Чжӯнъ найманъ сӯмэ.

что на этихъ воротахъ помимо черепичной кровли были еще и украшенія; такъ, напримѣръ, у восточныхъ воротъ валяются разбитыя и обезображенныя временемъ китайскія изображенія львовъ, чешуйчатыя туловища змѣй, или драконовъ и проч. Все это было сдѣлано изъ гранита и по работѣ едва ли не столько же искусстно, какъ дѣлается и въ настоящее время. По угламъ стѣнъ были устроены круглыя башни; но о формѣ ихъ теперь могутъ свидѣтельствовать только остовы, сохранившіеся не выше городской стѣны, да башня въ с.в. углу города, отъ которой уцѣлѣли болѣе значительные остатки.

Внутри стѣнъ третьяго города, въ противуположность пустынности двухъ первыхъ городовъ, почти все пространство занято курганами и остатками отъ прежнихъ зданій. Многіе изъ этихъ кургановъ слились вмѣстѣ и образуютъ такія безформенныя груды, что по нимъ довольно трудно опредѣлить, сколько именно зданій погребено подъ этими грудами. Также точно трудно указать теперь и мѣсто бывшаго богдоханскаго дворца. Остатки его можно предполагать и въ большомъ курганѣ, находящемся по самой срединѣ города, и въ развалинахъ зданія съ «*ушами*» (т. е. съ боко-

выми флигелями), находящихся у самой сѣверной стѣны. По преданіямъ мѣстныхъ, сопровождавшихъ меня монголовъ, эти послѣднія развалины и суть остатки богдохāнскаго дворца; думаютъ же они такъ потому, что зданіе это является дѣйствительно массивнѣе всѣхъ прочихъ и притомъ близъ его валяется наибольшая часть остатковъ украшеній, каковы львиныя и драконовыя головы, изсѣченные на камнѣ цвѣтки и другія фигурки, очевидно составлявшія украшенія колоннъ, двѣ цѣльныя фигуры каменныхъ львовъ и пр. На мое замѣчаніе что всѣ эти украшенія могли принадлежать и противуположному зданію, развалившемуся также въ большой и даже громадный курганъ, проводники мои прямо отвѣчали мнѣ, что подъ этимъ курганомъ скрываются остатки главной кумирни Хубилàя и въ подтвержденіе своихъ словъ высказали во 1-хъ то предположеніе, что невозможно, чтобы Хубилàй построилъ свой дворецъ впереди, а кумирню сзади и во 2-хъ разказали какъ фактъ, что когда земли Чжӯнъ-нàйманъ-сӯмэ были отданы во владѣніе шабинàрамъ Чжанчжà хутухты, то на мѣстѣ этого именно кургана появился кумиръ Арія-бàло, который въ ту же пору былъ торжественно представленъ Чжанчжà хутухтѣ и до сихъ поръ хранится въ его пекинскомъ сàнѣ. При этомъ разказѣ мнѣ невольно пришло на мысль, не производились ли здѣсь когда либо раскопки, при которыхъ и могъ быть найденъ этотъ бурхàнъ; но ближайшій осмотръ кургана убѣдилъ меня, что слѣдовъ раскопокъ здѣсь не имѣется никакихъ, развѣ производились онѣ такъ давно, что успѣли уже стушеваться временемъ.

Если посмотрѣть на всю эту массу развалинъ съ вершины городской стѣны, или съ дворцоваго кургана, то не трудно замѣтить, что всѣ онѣ располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ и представляютъ собою 6 рядовъ, тянущихся отъ сѣвера къ югу. Итакъ въ городѣ нужно предположить пять улицъ, тянувшихся съ юга на сѣверъ, съ востока же на западъ ихъ, вѣроятно, было 8. Въ срединѣ города встрѣчается много выложенныхъ кирпичемъ и круглыхъ по формѣ ямъ, имѣющихъ въ діаметрѣ до одного аршина; вѣроятно, это были колодцы. Изъ камней, замѣченныхъ мною всрединѣ города, особенно бросается въ глаза одинъ гранитъ, едва ли ни самый большой по величинѣ и отесанный въ форму ямбы. Онъ лежитъ на дворѣ перваго зданія, по лѣвую сторону дворцоваго кургана. Мѣстные монголы полагаютъ, что это подворье представляло собою казначейство юаньскихъ богдохāновъ.

Что до меня, то я считаю совершенно праздным излагать свои заключенія о пріуроченіи къ чему либо всѣхъ этихъ зданій и ихъ частей, а равно и различныхъ отдѣловъ города, приписывая всему этому то или другое назначеніе въ древнія времена Юаней. Мнѣ кажется, что всѣ эти за-

ключенія будутъ проблеммой, долженствующей имѣть тѣмъ меньше основы, чѣмъ больше узнаемъ мы всѣ тѣ перемѣны судьбы, которыя испыталъ не только этотъ городъ, но даже и эти развалины. Несомнѣнно, что ни одинъ холмъ не представляется здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ долженъ бы былъ появиться онъ какъ результатъ юаньской столицы; потому что на всѣхъ развалинахъ этихъ зданій уже неоднократно воздвигались новыя постройки, отъ которыхъ теперь остались также однѣ развалины и безпорядочныя груды мусора. Мѣстные монголы, по сохранившимся преданіямъ, знаютъ, что Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ̀ былъ столицею Хубилàя, они указываютъ даже и мѣсто, гдѣ стоялъ его дворецъ; но, опуская самый главный періодъ измѣненій Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ̀, т. е. минской династіи, они еще съ большими подробностями разкажутъ о томъ, какъ жилъ здѣсь отрядъ китайскихъ солдатъ во времена Канси и съ наивнымъ удивленіемъ будутъ увѣрять слушателя въ необыкновенномъ искусствѣ этихъ солдатъ, построившихъ себѣ въ стѣнахъ города и изъ кирпичей его громадныя казармы. Еще съ большимъ пониманіемъ, а потому и интересомъ они будутъ говорить, какъ строили здѣсь бàйшины временно пріѣзжавшіе сюда для торговли китайскіе купцы, какой величины, формы и прочности были хорбны (ограды), воздвигнутые (опять изъ камней этихъ же развалинъ?) для загона овецъ и верблюдовъ, пригоняемыхъ ими сюда для откармливанія на поёмныхъ лугахъ Шàнду гòла и т. д. Всѣ эти постройки, повторяю снова, теперь также превратились въ груды мусора и онѣ погребли подъ собою развалины, но опять и прежде всего, не Хубилàевой столицы, а китайской крѣпости временъ династіи Минъ. По свидѣтельству Минъ-ши, Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ̀ пересталъ быть монгольскою уже не столицей, а крѣпостью еще въ 1369 г. Вотъ точныя слова этой погодичной лѣтописи китайцевъ:

«1368 г. Великій цзя̀нь-цзюнь Сюй-да, съ войскомъ, повоевалъ юаней, государь которыхъ изъ Бэй-пинъ бѣжалъ въ степь и поселился въ Кай-пинъ. Неоднократно онъ посылалъ своихъ полководцевъ Ѣ-су и др. нападать на сѣверныя границы».

«1369 г. — Чанъ-юй-чунъ разбилъ ихъ. (Китайскія) войска вошли въ Кай-пинъ, плѣнили внучатъ Чжунъ-ванъ-цина, Пинъ-чжанъ и Тинъ чжу. Тогда юаньскій государь (Тогòнъ-тэмӯръ) бѣжалъ въ Инь-чанъ; его цзя̀нь-цзюнь занялъ Динъ-си и причинялъ пограничныя безпокойства».

Съ тѣхъ поръ монгольскіе хāны уже не жили въ Кай-пинѣ, или Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ̀ и прежняя столица ихъ обращена была Минами въ простую китайскую крѣпость; иначе сказать, ей пришлось испытать совершенно одну и ту же участь и имѣть одно и тоже назначеніе, какое дано было китайцами и Синъ-хо-чэну: отсюда наблюдали китайцы за движеніями

монголовъ на сѣверѣ. Что это было дѣйствительно такъ, мы находимъ указанія въ минской Лѣ-чжуань, гдѣ подъ 1413 годомъ значится, что кайпин'скій комендантъ доноситъ богдохāну во 1-хъ о требованіи Махаму выдать ему передавшихся китайцамъ и живущихъ въ предѣлахъ Гань-су и Нинъ-ся Да-таней; а во 2-хъ, — о движеніи того же Махаму къ Кэрӯлэну, для нападеній на Арудàя. Въ Минъ-ши подъ 1424 г. записано: «Весною кай-пин'скій коммендантъ докладывалъ, что Арудàй грабилъ границы и проч.». Позднѣйшія указанія китайскихъ источниковъ на Кай-пинъ мнѣ не извѣстны, а потому я не могу и точно указать времени, когда онъ былъ оставленъ китайцами, хотя думается, что они покинули его еще въ первой половинѣ XV вѣка, когда борьба съ монголами и наблюденія за ними должны были отодвинуться болѣе на западъ. Указанія эти я представилъ единственно для того, чтобы подтвердить свое мнѣніе о трудности (безъ основательныхъ раскопокъ) выводить какія либо заключенія по развалинамъ Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ̀ о столицѣ Монголовъ.

Къ 12 часамъ дня небо начало проясняться и получилась хотя бы то малая возможность фотографировать. Явившись поэтому съ аппаратомъ, я снялъ здѣсь: 1) Общій видъ стѣнъ императорскаго города на трехъ снимкахъ; 2) Часть стѣны и ворота того же города; 3) Общій видъ внутренности императорскаго города; 4) Предполагаемый дворецъ Хубилàя; 5) Общій видъ внутренности втораго города и отношеніе къ нему города императорскаго; 6) Каменописный памятникъ; 7) Западныя ворота втораго города, избранныя мною какъ наиболѣе сохранившіяся сравнительно съ другими и наконецъ 8) Часть стѣны втораго города на восточной сторонѣ онаго; избрано мѣсто опять таки наиболѣе сохранившееся, чтобы дать понятіе о характерѣ самыхъ стѣнъ, а равно и кладки камней, изъ которыхъ онѣ воздвигнуты.

Окончивъ эти работы къ половинѣ 2-го часа дня, я тотчасъ же приказалъ осѣдлать свою лошадь и отправился на осмотръ другого городища, именуемаго Улāнъ балгасӯ, о которомъ вчера сообщили мнѣ монголы какъ о располагающемся въ весьма недальнемъ разстояніи отъ Чжӯнъ нàйманъ сӯмэ̀. Мы отправились въ направленіи къ ЮЗ и на прекрасныхъ лошадяхъ ѣхали крупною рысью ровно часъ по испещренной небольшими увалами и покрытой роскошными травами степи. Судя по этимъ времени и ѣздѣ, необходимо предположить, что Улāнъ-балгасӯ отстоитъ отъ Чжӯнъ-нàйманъ сӯмэ̀ верстъ на 15, 18. Именемъ Улāнъ-балгасӯ разсматриваемое городище называютъ только монголы, китайцы же обычно зовутъ его *Минганъ-и*. Это послѣднее названіе, повидимому, тоже монгольское, такъ какъ «*мингàнъ*» по монгольски значитъ тысяча, но что такое *и* — рѣшить трудно; я не могу

даже опредѣлить относится ли оно къ языку китайскому, или представляетъ также какое нибудь искаженное монгольское слово. Улāнъ балгасу̀ располагается шагахъ въ 1000 отъ праваго берега Шàнду гòла и въ разстояніи одной ли отъ проселочной чжанъ-цзя-коу'ской дороги, по которой калганскіе китайцы ѣздятъ на сѣверъ Монголіи для торговли, въ небольшой долинѣ, къ югу отъ перевала Ӯ-кòтòль. Городище, окруженное валомъ, представляетъ квадратный четырехугольникъ, каждая сторона котораго имѣетъ около 800 шаговъ длины. Стѣны его въ настоящее время отличаются отъ оградъ всѣхъ видѣнныхъ мною городищъ и имѣютъ видъ не земляного вала, тянущагося непрерывною ровною линіею, а ряда отдѣльныхъ холмовъ, или неровныхъ кургановъ. Что это за холмы, образовались ли они по какимъ либо причинамъ въ послѣдующее существованію города время, или городъ въ самомъ началѣ своемъ былъ окруженъ рядомъ башень подобно тому, какъ это видимъ мы теперь въ халхаскомъ Эрдэнѝ-цзӯ, отвѣчать на это трудно; хотя, судя по той несимметричности, которая представляется въ расположеніи этихъ кургановъ, кажется болѣе вѣрнымъ первое предположеніе. Внутри вала городище представляетъ площадь, мѣстами поросшую травою, мѣстами выбитую пасшимся на ней скотомъ. Воротъ въ городѣ было четверо, по однимъ въ каждую сторону свѣта, о чемъ можно заключать по щитамъ, слѣды которыхъ сохранились еще и теперь въ видѣ невысокихъ валовъ какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны города. Кромѣ того въ с.-в. углу его, въ 120 шагахъ отъ сѣверныхъ воротъ, сохранился валъ, не уступающій по своей зысотѣ холмамъ общей городской ограды. Примыкая къ одному изъ нихъ своимъ сѣвернымъ концемъ, онъ протягивается на 370 шаговъ къ югу внутри города и здѣсь соединяется съ другимъ такимъ же валомъ, идущимъ отъ восточнаго ряда холмовъ городской ограды. Такимъ образомъ всрединѣ городища, въ СВ углу его образуется еще свой четырехугольникъ, въ который вели ворота съ южной стороны и посрединѣ котораго возвышается небольшой курганъ. Въ 80, 85 шагахъ отсюда находятся восточныя городскія ворота. На южной сторонѣ западныхъ воротъ сохранился также большой курганъ, вышиною въ $1\frac{3}{4}$ аршина; въ немъ съ достаточною ясностью наблюдаются еще груды кирпича и гранита, по формѣ же развалины эти походятъ на фундаментъ у нашихъ разрушившихся зданій. Отъ него къ сѣверной стѣнѣ города тянется, заграждая западныя ворота, земляной валъ, имѣющій въ вышину до одного аршина, въ ширину — 40 шаговъ, а въ длину 80 шаговъ. У сѣв.-зап. угла города, уже за стѣною его, находится еще одинъ круглый курганъ, являющійся, по преданію монголовъ, могилою какого-то богатыря Манлàй'я, временъ Хубилàй-хāна.

Монголы почитаютъ Улā̀нъ балгасу̀ за городъ, который былъ построенъ Хубила̀емъ и разказываютъ, что Хубила̀й помѣстилъ здѣсь свою дочь, бывшую предметомъ страсти Манла̀й ба̄тура. Ба̄туръ Манла̀й погибъ безвременною смертью отъ своей безнадежной любви и прахъ его, какъ сейчасъ было сказано, погребенъ за городомъ у самой стѣны его. Вѣроятность этихъ преданій не подтверждается однако никакими историческими данными. Исторія не указываетъ даже и того, что въ Улā̀нъ-балгасу̀нѣ жили когда либо юаньцы и по даннымъ, отысканнымъ о. Іакинфомъ, Улā̀нъ балгасу̀ былъ станціоннымъ городкомъ, составлявшимъ 3-ю станцію отъ Кай-пинъ-фу къ Пекину.

Записавъ видѣнное здѣсь и возвратившись снова къ Чжӯнъ на̀йманъ сӯмэ̀ въ 4 ч. 15 минутъ, я нашелъ своихъ монголовъ уже почти готовыми къ выступленію. Оставалось только уложить мои фотографическіе аппараты, которые я таскалъ съ собою въ Улā̀нъ балгасу̀ совершенно безъ нужды. Снять тамъ ничего не пришлось.

Въ 4 ч. 35 м. мы двинулись въ дальнѣйшій путь и направились первоначально къ сѣверу. Миновавъ Чжӯнъ-на̀йманъ сӯмэ̀, непосредственно съ вершины третьяго вала этого города открывается видъ на громадную равнину, посреди которой бѣлѣется чистенькая, хотя и небольшая хӯрэ̄ Минда̀лъ гэгэ̀на. Мы проѣхали у самыхъ стѣнъ ея въ 6 ч. 20 мин. и въ направленіи своего пути сдѣлали отсюда уклонъ къ сѣв.-востоку. Въ 7 ч. 20 м. подъѣхали къ горѣ, именуемой Улā̀нъ обō, вѣроятно, по вѣнчающей ея вершину грудѣ камней; отъ нея начинается перевалъ, собственно не особенно крутой и высокій, но длинный, такъ какъ приходится пересѣкать нѣсколько холмовъ и въ тоже время очень трудный, потому что всѣ эти холмы глубоко песчаны. Переваливъ ихъ къ 8 часамъ вечера, мы вступили въ широкую долину, извѣстную подъ именемъ Халю̄тай. На западной оконечности ея находится небольшое озеро, Бага̀-нӯръ, у котораго мы и остановились для ночлега. Долина Халю̄тай имѣетъ значеніе пограничной межи кочевья шабина̀ровъ къ югу, и чаха̀ровъ знамени Гӯли-хӯхӯ къ сѣверу. Говорятъ, что первыя изъ этихъ земель были отведены собственно для Чжанчжа̀ хутухты; но какъ всѣ остальные 12 долōнъ нӯрскихъ хубилга̀новъ признаютъ свою духовную зависимость отъ Чжанчжа̀, а земли у этого послѣдняго много, то на ряду съ его шабина̀рами здѣсь кочуютъ и шабина̀ры всѣхъ другихъ хутӯхтъ. Въ эту ночь приходилось слышать почти неумолкаемый вой волковъ, которыхъ здѣсь масса и которые настолько дерзки, что осмѣливались подходить къ нашему лагерю меньше чѣмъ на 100 шаговъ; только выстрѣлъ изъ ружья, которымъ запаслись мы изъ Калгана, заставилъ ихъ держаться въ почтительномъ отдаленіи.

25-е Мая. Вторникъ.

6 ч. +9°; 9 ч. +12°; 12 ч. +14°; 3 ч. +15°; 6 ч. +13°; 9 ч. +11°.

По утру выѣхали въ 6 ч. 45 м. и продолжали путь на сѣверъ, по долинѣ Халю̄тай. Грунтъ ея твердо песчаный. Неудобство моихъ извозчиковъ стало сказываться уже теперь довольно сильно: они не могли назвать мнѣ ни одной изъ мѣстностей, по которымъ мы проѣзжали, да и сами совершенно терялись въ вопросѣ о выборѣ пути при каждомъ раздвоеніи дороги, а между тѣмъ развѣтвленій путей и отдѣльныхъ дорогъ здѣсь масса. Въ 8 ч., миновавъ долину Халю̄тай, мы въѣхали въ песчаные холмы, именуемые Хабчѝлъ, о которыхъ намъ говорили, что они очень трудны для проѣзда; мы помучились среди нихъ сравнительно очень мало, такъ какъ дожди предшествовавшихъ дней смочили песокъ и онъ сдѣлался удобопроѣзжаемымъ. Отъ этихъ холмовъ Хабчѝлъ дорога принимаетъ чрезвычайно скучный и однообразный характеръ: переваливъ груды песку, образующія болѣе или менѣе значительные увалы, въѣзжаешь въ небольшую песчаную же долину, посреди которой непремѣнно находится одно озерко, или же нѣсколько ихъ. Обыкновенно озерки эти представляютъ въ окружности не свыше одной, или полутора верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ такіе водные бассейны имѣютъ свои частныя имена, но проводники мои не могли назвать мнѣ ихъ по незнанію, спросить же ни у кого не представлялось возможнымъ, такъ какъ населенія здѣсь нѣтъ ни какого. Въ 10 ч. въ одной изъ такихъ долинъ мы повстрѣчали телѣгу, съ тремя вьючными при ней конями китайскихъ торговцевъ, ѣдущихъ изъ Хайла̀ра въ Долбнъ нӯръ; но, подобно моимъ провожатымъ, они также не знали названія мѣстностей, по которымъ проѣзжали. Изъ Хайлара доселѣ они ѣхали 38 дней, незная гдѣ полдничали и гдѣ ночевали. Разставшись съ ними, мы въ 10 ч. 45 м. вступили въ долину озера Цзагасута̀й, имѣющаго въ окружности не менѣе 6, 7 верстъ. Окрестности его также печальны: тѣже пески, мѣстами покрывающіе степь ровнымъ полотномъ, мѣстами образовавшіе песчаные бугры; индѣ они поросли кустами бургасу̀ (тальника), индѣ виднѣются на нихъ и болѣе высокія деревья Хайласу̀, (ильмы) почитаемыя монголами, по причинѣ ихъ крѣпости, за самое лучшее топливо. Отсюда за такими же песчаными холмами залегаетъ долина Тунчжа̀ булу̀къ, въ которой раскинулось три небольшихъ озерка. Миновавъ ее, мы въ 12 ч. дня остановились для полдника, причемъ воду брали изъ находившагося у мѣста нашей стоянки не большаго озерка. Двинувшись отсюда въ 3 ч. 15 м., мы перевалили четыре ряда сыпуче-песчаныхъ холмовъ и наконецъ выѣхали въ широкую долину съ болѣе твердымъ песчанымъ грунтомъ, именуемую Шабарта̀й.

На ней виднѣлась вдали кумирня того же имени, къ которой мы теперь и направляли свой путь. Взглянувъ на наши карты, я увидалъ, что мѣстоположеніе этой кумирни показывается на нихъ не особенно вѣрно. Судя по быстротѣ нашего хода, она должна находиться не менѣе какъ на разстояніи 65 верстъ отъ Долōнъ-нӯра; между тѣмъ она показывается не болѣе какъ въ половинѣ этого разстоянія. Къ тому же на картѣ Матусовскаго показывается двѣ кумирни Шабартàй, хотя въ этихъ мѣстахъ существуетъ только одна кумирня съ этимъ именемъ. Къ этой кумирнѣ, Шабартàй, мы подъѣхали въ 5 ч. 20 м. Она принадлежитъ чахàрскому хошӯну простаго синяго (гӯли хӯхӯ) знамени и съ внѣшней стороны кажется весьма опрятною. Кумиренныя зданія обнесены кирпичною оградою, оштукатуренною и окрашенною въ красную краску; онѣ состоятъ изъ одного весьма значительнаго по объему «хурулы̀йнъ сӯмэ̀», одного «бурханàй ӧргō» и двухъ боковыхъ малыхъ сӯмэ̀. На дѣлѣ однако кумирня эта оказывается очень бѣдною: въ «бурханàй ӧргō» ея помѣщаются только три кумира Цзӯ, въ ростъ человѣка, и такой же величины кумиры Цзонхавы̀ и Маньчжӯшри; другихъ бурхàновъ не имѣется ровно никакихъ; по литературѣ кумирня можетъ предложить своимъ ламамъ для изученія только два переводныхъ кансіевскихъ монгольскихъ юма и одинъ тибетскій ихъ подлинникъ; всѣ эти сочиненія хранятся въ «бӯрханàй ӧргō», будучи разложены въ видѣ приношеній передъ бурхàнами, Что касается «хурулы̀йнъ сӯмэ̀», то зданіе его въ Шабартàй'ской кумирнѣ можно бы считать еще новымъ, такъ какъ оно отстроено только 13 лѣтъ тому назадъ, въ годъ цагахчѝнъ могōй (1881), до того времени хурулы̀йнъ сӯмэ̀ было здѣсь деревянное; ламы захотѣли сдѣлать его кирпичнымъ, однако это послѣднее оказалось не особенно прочнымъ, такъ какъ крыша его начала протекать уже года три тому назадъ. Ламы горько жаловались мнѣ поэтому на нечестность китайскихъ подрядчиковъ и каменьщиковъ тѣмъ больше, что кумирня не имѣетъ теперь ни какихъ средствъ для поправки; такъ какъ еще отъ прежней перестройки у нея осталось долговъ до 600 ланъ серебра. Всѣхъ ламъ, числящихся при Шабартàйской кумирнѣ, болѣе 100 человѣкъ, но живетъ въ ней постоянно и отправляетъ хурàлы не болѣе 12, считая въ томъ числѣ и учениковъ. Они помѣщаются въ построенныхъ при сӯмэ̀ бàйшинахъ, въ числѣ 8. Такимъ образомъ все зданіе кумирни вмѣстѣ съ амбарами и кладовыми заключаетъ въ себѣ до 15 бàйшиновъ. Отъѣхавъ отъ кумирни, мы продолжали путь по той же Шабартàйской долинѣ еще минутъ 20 и засимъ снова въѣхали въ песчаные холмы, не имѣющіе впрочемъ особаго имени, а называемые, какъ сообщали мнѣ ламы, просто песками къ сѣверу отъ кумирни. Здѣсь застала насъ сильная гроза и проливной дождь. Въ 7 ча-

совъ проѣхали кочевье Уха̀-обо̄ту, въ которомъ имѣлось до 10 юртъ и отсюда, слѣдуя по пескамъ, въ 8 ч. 10 м. остановились въ урочищѣ Хулусута̀й для ночлега. Воду въ Хулусута̀ѣ приходится брать изъ небольшаго колодца къ западу отъ дороги, а за нимъ верстахъ въ двухъ находится большое озеро, на которомъ теперь собралась масса птицы. Въ урочищѣ Хулусута̀й мы повстрѣчали до 70 телѣгъ, запряженныхъ быками и принадлежащихъ абага̀скимъ извозчикамъ. По разказамъ ихъ, они выѣхали изъ дому еще 5 числа 4-й луны (8-го Мая) и направились къ соляному озеру Э̄чжійнъ нӯръ, на границѣ цзӯнъ хӯчитскаго и учжумуцӣньскаго хошӯновъ. Купивъ тамъ соли, съ платою за нее по 4 цина серебра съ каждой телѣги въ пользу учжумуцӣньскаго хошӯна и сверхъ того по 1 цину за нагрузку, они отвезли потомъ эту соль въ Долō̄нъ нӯръ, гдѣ и продали ее по 1 лану 7 цин. за телѣгу; а за симъ сдѣлали подрядъ за доставку товаровъ одной китайской лавки изъ Долō̄нъ нӯра на Кэрӯлэ̄нъ, въ хошӯнъ Хла̀-бэ̄йсэ̄ сэцэ̄нъ-ха̄новскаго а̀ймака. Грузъ ихъ состоялъ почти исключительно изъ кирпичнаго чая, а именно 58 телѣгъ чая и 12 телѣгъ муки. Плата съ каждаго тюка, т. е. съ мѣста чая, или мѣшка муки (въ 120—140 гиновъ) по 5 ц. 5 ф., причемъ накладывается по четыре хунцзы чая, или по три мѣшка муки на телѣгу.

26-е Мая. Среда.

6 ч. +12°; 9 ч. +9°; 12 ч. +4½°; 3 ч. +7°; 6 ч. +9°; 9 ч. +4°.

Выѣхали въ 6 ч. 35 м. Дорога идетъ все такими же песками и имѣетъ крайне обнообразный и скучный видъ тѣмъ больше, что озеръ почти не стало видно. Въ 8 ч. 10 м. мы обогнали длинный обозъ (90 быковъ) цзӯнъ хӯчитовъ. Они также возили въ Долō̄нъ-нӯръ соль и, продавъ ее на товаръ по 1 лану 6 цин., за телѣгу, везли теперь къ себѣ обратно чай хамбо̀. Къ половинѣ десятаго часа небо совершенно покрылось тучами, а въ 11 ч., доѣхавъ до кумирни Шибэ̄ хӯрэ̄, мы остановились здѣсь на полдникъ, чтобы съ одной стороны осмотрѣть эту кумирню, а съ другой — переждать мелкій дождичекъ, который моросилъ теперь какъ изъ сита. Въ часъ дня къ нашему удивленію дождь этотъ смѣнился снѣгомъ, который падалъ большими хлопьями, хотя и тотчасъ же растаявалъ на землѣ. Кумирня Шибэ̄ хӯрэ̄ заключаетъ въ себѣ три сӱмэ̄, вновь отстроенные въ годъ дракона (14-й годъ назадъ). Всѣ зданія ея возведены изъ кирпича, тѣмъ не менѣе она гора́здо бѣднѣе Шабарта̀евской кумирни. Литыхъ бурха̀новъ въ ней только три небольшихъ, остальные всѣ рисованные, въ зданіяхъ же кумирень, «бурхана̀й ӧргӧ̄» и «хурулы́йнъ сӱмэ̄» соединены вмѣстѣ. Ламъ при кумирнѣ числится до 150 человѣкъ, живетъ

же при ней постоянно не свыше 50, или 60. Шибэ̄ хӯрē стоитъ на земляхъ чахàрскаго знамени гӯли хӯхӯ и принадлежитъ чахарамъ; но народъ собирается къ ней только однажды въ годъ, въ 6 лунѣ, когда бываетъ здѣсь церемонія круговращенія Мàйдари. Ламы этой кумирни почитаютъ своимъ покровителемъ Миндàлъ-гэгэ̀на и признаютъ нѣкоторую зависимость отъ Пандѝта-сӯмэ̀, такъ какъ почти всѣ они получаютъ свои обѣты въ этой кумирнѣ. Самъ Миндàлъ гэгэ̀нъ посѣщаетъ Шибэ̄ хӯрē очень рѣдко, даже не въ каждомъ перерожденіи, но онъ очень часто посылаетъ сюда свои посланія, писанныя обыкновенно на двухъ языкахъ, тибетскомъ и монгольскомъ, и заключающія въ себѣ обыкновенно наставленія къ ламамъ относительно добродѣтельной жизни. Одинъ изъ экземпляровъ такого посланія виситъ въ главной кумирнѣ на ряду съ бурхàнами и чествуется ламами какъ и эти послѣдніе.

Вокругъ Шибэ̄ хӯрē мѣстность совершенно пустынная и населенія помимо трехъ бѣдныхъ юртъ нѣтъ никакого. Обусловливается это, конечно, недостаткомъ здѣсь травъ и пастьбищъ. Постоянной торговли также не имѣется, хотя изрѣдка наѣзжаютъ мелкіе китайскіе торгаши и проживаютъ при кумирнѣ дня по два, по три. Проѣзднымъ дорогъ здѣсь проходитъ только одна изъ Долōнъ-нӯра на сѣверо-востокъ къ солянымъ озерамъ и городу Бирӯ-хотò. Вода получается изъ двухъ колодцевъ: одного большого при самомъ монастырѣ и другого малаго, — верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ къ сѣверу отъ него. — Къ 3-мъ часамъ дня дождь и снѣгъ прекратились и въ воздухѣ стало теплѣе. Мы двинулись въ дальнѣйшій путь, продолжая его снова по пескамъ и оврагамъ.

Въ 5 ч. передъ нашими глазами предстала черноземная равнина, густо поросшая травою и носящая названіе Ӯ тала̀, т. е. «широкая степь». Въ каждую изъ своихъ сторонъ она, правда, имѣетъ менѣе версты и для переѣзда ея намъ потребовалось только 10 минутъ, тѣмъ не менѣе и для насъ она показалась широкою, такъ отвыкъ уже глазъ отъ степнаго простора и присмотрѣлся къ мелкимъ песчанымъ буграмъ и такимъ же узкимъ оврагамъ. Въ 5 ч. 50 м. достигли песчаной долины Чарилты̀йнъ-тала̀, въ которой, какъ узнали мы послѣ, происходитъ раздѣленіе дороги: одинъ путь, принимающій мало по малу сѣверо-западное направленіе, идетъ на Пандѝтайнъ сӯмэ̀ и проходитъ далѣе на Кэрӯлэ̀нъ; другой, по которому намъ слѣдовало ѣхать, ведетъ на Дархàнъ ӯлайнъ сӯмэ̀ и далѣе на Бирӯ хотò. Ошибкою мои извозчики приняли сѣверо-западное направленіе и я не могъ даже обвинять ихъ въ этомъ. Уклоненіе путей, слѣдующихъ въ совершенно различные пункты, происходитъ здѣсь такъ незамѣтно, а дорогъ такая масса, что въ нихъ не трудно спутаться и знающему. Дорога раздѣ-

ляется и развѣтвляется постоянно, именно ради объѣзда песчаныхъ холмовъ; для того же чтобы опредѣлить отдѣлился ли путь къ объѣзду, или къ образованію новой самостоятельной дороги, нужно знать мѣстность черезъ чуръ хорошо. Отъ долины Чарилтыйнъ талà, миновавъ новые песчаные бугры, мы вступили въ не менѣе значительную долину Хучжиртў, гдѣ повстрѣчали нищую, бредшую съ 10-лѣтнимъ сыномъ, по словамъ ея, неизвѣстно куда: «гдѣ покормятъ, тамъ и ладно; дойдемъ до àиля, переночуемъ въ àилѣ, нѣтъ, — ночуемъ на степи». — Женщина эта ничего не могла сказать намъ ни относительно названія данной мѣстности, ни относительно направленія пути, по которому мы ѣхали. Между тѣмъ дорога наша очевидно все болѣе и болѣе уклонялась къ западу и наконецъ превратилась, очевидно, въ линію, которая должна образовать одну изъ сторонъ треугольника въ отношеніи къ цѣли нашего движенія. Я замѣтилъ это своимъ извозчикамъ, указавъ, что нашъ путь долженъ лежать на сѣверовостокъ, а мы между тѣмъ ѣдемъ прямо на сѣв.-сѣв.-западъ. Они согласились со мною, что мы ѣдемъ неправильно, поэтому, когда въ 8 ч. вечера намъ повстрѣчалась большая торная дорога, тянущаяся на востокъ, мы повернули на нее. Минутъ черезъ 10 послѣ сего насъ догналъ лама, ѣхавшій посмотрѣть на свое зимнее кочевье. Онъ разказалъ намъ путь, по которому мы ѣхали, сказалъ, что мѣсто нашей встрѣчи называется Борò-хучжиртў, что дорога, по которой мы теперь двигались, ведетъ въ Байнъ сўмэ (то самое, что у г. Матусовскаго названо Дзўмъ хўрѣ, вм. Дзўнъ-хўрѣ) и что путь въ Дарханъ ўлайнъ сўмэ, который является теперь ближайшимъ для насъ, проходитъ мимо его зимника. Проѣхавъ съ нами до этой дороги и поставивъ насъ на должный путь, онъ поскакалъ впередъ, посовѣтовавъ намъ быть осторожнѣе, такъ какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ много разбойниковъ, бѣглыхъ китайцевъ, не говоря уже объ обыкновенныхъ воришкахъ монголахъ. Въ $8^1/_2$ ч. мы остановились ночевать въ мѣстности совершенно пустынной; воду мы везли съ собою.

27-го Мая. Четвергъ.

6 ч. + 7°; 9 ч. + 14°; 12 ч. + 15°; 3 ч. + 17°; 6 ч. + 13°; 9 ч. + 8°.

Проснувшись въ 4 часа, я увидалъ, что вся трава была покрыта инеемъ. Мы выѣхали въ 6 ч. и направились по указанной намъ дорогѣ, на сѣв. сѣв.-востокъ. Долина Борò-хучжиртў составляетъ южную границу кэшиктэнскаго хошўна, который тянется отсюда къ сѣверу, между тѣмъ какъ на югъ залегаютъ земли чахàрскаго знамени Гўли-хўхў. Перемѣна хошўна здѣсь, очевидно, имѣла вліяніе и на измѣненіе почвы. Обсуждая вопросъ о благоустройствѣ своихъ кочевьевъ, кэшиктэны постановили на лѣтнюю пору освобождать

песчаныя пространства отъ кочевокъ совершенно и приходить сюда со скотомъ только зимою, въ томъ убѣжденіи, что лѣтомъ почва выбивается животными гораздо сильнѣе, чѣмъ зимою, а результатомъ сего является, конечно, образованіе и развитіе сыпучихъ песковъ. Нельзя не сказать, что такіе выводы и опредѣленіе народа имѣютъ за собою глубокое значеніе. Съ переѣздомъ нашимъ въ кэшиктэнскій хошӯнъ, почва стала только рыхло песчаною и притомъ густо поросшею травою, сыпучихъ же песковъ намъ не встрѣчалось вовсе. На всемъ протяженіи десяти часовой ѣзды отсюда до Дархàнъ ӯлайнъ сӯмэ мы не встрѣтили здѣсь ни одного кочевого жилища; мѣстами, но и то очень рѣдко, мы видали стоящими врядъ нѣсколько зимниковъ, которые легко узнать по хворостянымъ загородямъ и сложеннымъ вблизи оныхъ кучамъ аргàла, заготовляемаго на зиму обыкновенно лѣтомъ. Имена мѣстъ, по которымъ мы ѣхали остались для насъ неизвѣстными, такъ какъ спросить было не у кого: рѣкъ и озеръ на этомъ пространствѣ не встрѣчалось вовсе. Вообще воды здѣсь очень мало: многіе зимники не имѣютъ у себя колодцевъ и довольствуются зимою снѣжною водою. Въ 1 ч. 50 м. дня, проѣхавъ почти 8 часовъ, мы набрели на одинъ колодезь: глубина до воды была въ немъ около 5 саж.; колодезь былъ обдѣланъ деревяннымъ срубомъ, но вода въ немъ оказалась тухлою, можетъ быть отъ долгаго стоянія. Давъ отдыхъ своимъ животнымъ до 5 ч. 20 м. вечера, мы двинулись далѣе, не узнавъ имени этого колодца. Во время нашей стоянки здѣсь мимо насъ проѣхали двое ламъ; но на всѣ наши вопросы они отвѣтили только, что ѣдутъ изъ Бирӯ хотò, а засимъ даже и не остановились, чтобы сказать слово. Вообще какъ сѣверные чахары, такъ и кэшиктэны въ этомъ отношеніи страшно разнятся отъ халхасовъ. Халхасъ, завидѣвъ проѣзжающаго, самъ стремится къ нему, чтобы поговорить и узнать какія-либо новости; онъ съ охотою разкажетъ вамъ дорогу, названія мѣстъ, даже существующія о нихъ преданія. Не то у чахàровъ и кэшиктэновъ. Уже много разъ приходилось намъ заѣзжать въ àили для распроса дороги: никто не выйдетъ изъ юрты, чтобы посмотрѣть кто пріѣхалъ, или даже проводить отъ своей собаки. Бывали случаи, что, подъѣхавъ къ àилю мы встрѣчали народъ внѣ юрты. Чтобы не заставлять верблюдовъ ложиться и подниматься, слѣзать да влѣзать на нихъ, я сказалъ однажды своему проводнику, тоже чахàру, чтобы онъ спросилъ дорогу прямо; чахàръ мой отвѣчалъ, что «кричать намъ издали не будутъ, нужно разговаривать лицомъ къ лицу».—«Такъ ты подзови сюда этого человѣка; вѣдь здѣсь же десять шаговъ!» —«Да онъ не пойдетъ; развѣ у насъ албà и онъ обязанъ показывать намъ дорогу?!»—Таковъ характеръ здѣшняго населенія. Въ 7 ч. 40 м. мы подъѣхали къ Дархàнъ ӯлайнъ сӯмэ, стоящему у южнаго подножія горы

Дархàнъ ӯла, представляющей собою громадный каменный утесъ. Вокругъ монастыря повсюду лежатъ глубокіе пески и барханы; мѣстность страшно избитая и травы почти нѣтъ вовсе. Мы остановились близъ большого колодца, выкопаннаго квадратомъ и имѣющаго въ каждой сторонѣ по сажени ширины. Колодецъ выложенъ камнемъ; но вода въ немъ не особенно хороша. Тотчасъ же къ намъ набѣжала масса ламъ. Меня интересовали въ этой мѣстности оз. Далàй-нӯръ и развалины Инъ-чана, поэтому разговорившись о городищахъ, я узналъ мѣстоположеніе Инъ-чана, услыхалъ, что въ немъ имѣются каменописные памятники и что помимо того одинъ каменописный памятникъ находится еще на сѣверной сторонѣ Дархàнъ ӯлы, близь пещеры одного дàянчи, вышедшаго изъ здѣшняго монастыря. Къ 9 ч. вечера небо сплошь покрылось тучами.

28-го Мая. Пятница.

6 ч. +6; 9 ч. +8°; 12, 3 и 6 ч. наблюденій не было; 9 ч. +6.

Въ 12 ч. 25 м. ночи пошелъ дождь и шелъ не переставая до 7 часовъ утра; къ 9 часамъ небо начало проясняться, а около 10 показалось даже солнце, хотя дулъ сильный юго-западный вѣтеръ и было холодновато. Предположивъ, прежде поѣздки въ Инъ-чанъ, ознакомиться съ ближайшимъ памятникомъ на Дархàнъ ӯлѣ, я, лишь только показалось солнце, взялъ препараты для эстампажной съемки и фотографическіе и направился на сѣверную сторону Дархàнъ-ӯлы. Подошва горы и до средины ея сыпуче и глубокопесчаные, выше начинаются розсыпи камня, а на вершинѣ и гребнѣ камень сплошной и оголенный лежитъ громадными валунами, по нѣсколько саженей въ каждой громадѣ. Монголы, кочующіе у сѣверной подошвы Дархàна, указали намъ мѣсто пещеры дàянчи и мы подъѣхали къ ней въ 11 ч. 10 мин. Пещера эта выбита въ скалѣ Дархàна, а передъ нею частію устроена природою, а частію расширена путемъ насыпи площадка, огороженная глинобитною стѣною, въ которой продѣлана калитка къ отшельнику. Передъ этою калиткою, на откосѣ горы, приблизительно саженяхъ въ 10 кверху отъ ея подошвы и поставленъ памятникъ. О происхожденіи всѣхъ этихъ памятниковъ я не могъ получить отъ мѣстныхъ монголовъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Одни говорили, что пещера эта существуетъ съ незапамятныхъ временъ и очень древняя; другіе увѣряли, что она выбита для ламъ созерцателей Дархàнъ-ӯлайнъ-хѝта въ ту пору, когда онъ не былъ еще сеймовымъ монастыремъ и что работали ее китайцы. Относительно камня показанія были также разнорѣчивы: по однимъ, онъ стоитъ здѣсь изстари, по другимъ, его перетащилъ изъ Инъ-чана этотъ самый дàянчи. Сказанное обстоятельство не особенно рекомендовало мнѣ созерцателя, когда же черезъ нѣсколько минутъ онъ явился лично, то я съ перваго

же раза увидалъ въ немъ шарлатана. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, довольно дородный и прилично одѣтый, хотя и грязный какъ всякій монголъ. На мое привѣтствіе онъ издалъ звукъ, похожій на мычаніе, обративъ этотъ звукъ сначала ко мнѣ, потомъ къ сопровождавшему его мальчику, который тотчасъ же объяснилъ мнѣ, что лама наложилъ на себя сегодня обѣтъ молчанія и не говоритъ ни слова. Вслѣдъ за симъ лама началъ осматривать мои вещи; увидавъ мою бурку, прищелкнулъ языкомъ въ знакъ одобренія и поднялъ мнѣ большой палецъ, что обозначало первостепенное достоинство, пощупалъ брюки, сапоги, словомъ, осмотрѣлъ меня всего, какъ подобаетъ всякому невѣжественному монголу. Засимъ, возвратившись домой, онъ минутъ черезъ 10 вышелъ опять, держа въ рукахъ сочиненіе «Дорджи чжотба» и началъ вертѣть его у меня передъ глазами; я сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаю: тогда онъ положилъ книжку за пазуху, взошелъ на утесъ и, усѣвшись, тамъ, досталъ ее снова и началъ читать; черезъ три, четыре минуты онъ поднялся вторично, распустилъ свое оркимчжи такъ что оно, раздуваемое вѣтромъ, сдѣлало его похожимъ на птицу и началъ хлопать въ ладоши. Стоявшіе тутъ монголы, при видѣ такого священнодѣйствія ламы, повалились ему въ ноги. Сказать правду, фиглярство это было мнѣ противно и я принялся за работу изслѣдованія памятника, доставъ рулетку для измѣренія и эстампажные аппараты.

Памятникъ представляетъ собою плиту изъ бѣлаго, легко поддающагося рѣзцу мрамора, вышиною въ 4 аршина и 8 вершковъ, шириною въ 1 арш. 6 вершковъ и толщиною въ $5\frac{1}{2}$ вершковъ. Верхняя часть его на $1\frac{1}{4}$ аршинъ снабжена орнаментомъ, изображающимъ собою гербъ Юаньской династіи, т. е. двухъ драконовъ съ обращенными книзу головами и хвостами своими переплетшимися на верху. Между этими драконами находилась изсѣченной въ медальонѣ надпись въ 12 іероглифовъ почерка чжуань, обозначающая такъ сказать заголовокъ памятника; ниже его начинался самый текстъ памятника, писанный обычными китайскими іероглифами, только въ средѣ ихъ мнѣ попалось нѣсколько совершенно не извѣстныхъ и, кажется, не употребляемыхъ въ настоящее время. Іероглифы текста были изсѣчены очень мелко, а время потерло памятникъ, почему нѣкоторыя буквы, очевидно, не могли поддаться эстампажной снимкѣ, хотя на камнѣ можно было еще услѣдить глазомъ ихъ черты; поэтому, положивъ снять памятникъ эстампажемъ, я опредѣлилъ еще списать его весь отъ руки, и не надѣясь въ этомъ случаѣ на свои силы, думалъ было пригласить для этого какого нибудь китайца. Часть памятника, возвышавшаяся надъ землею, очевидно, не представляла собою всего памятника цѣликомъ и въ тоже время онъ представлялся какъ бы вросшимъ въ землю. Попробовавъ отко-

пать его, я нашелъ, что памятникъ углубленъ не болѣе какъ на 5 вершковъ; установленъ онъ прямо на землѣ и не имѣетъ у себя пьедестала, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ едва ли стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ первоначально, а перенесенъ съ него, хотя и не извѣстно на какое разстояніе. Вслѣдъ за симъ мы приступили къ снимкѣ памятника. Снять его на цѣльный кусокъ полотна было не возможно, съ одной стороны потому что полотно не соотвѣтствовало памятнику по своей ширинѣ, а съ другой — и главнымъ образомъ потому, что надежды на успѣхъ работы было у меня очень мало. Небо съ каждою минутою все больше и больше заволакивалось тучами и нужно было ожидать скораго дождя; при такихъ условіяхъ производить съемку было гораздо удобнѣе по частямъ. Раздѣливъ весь камень на четыре части мы только что начали приколачивать полотно, какъ пошелъ дождь. Онъ шелъ промежутками: 10 минутъ дождя, 10 минутъ нѣтъ; мороситъ какъ изъ сита; и такъ вплоть до 5 часовъ вечера. При такихъ обстоятельствахъ, мы до 5 часовъ еле успѣли прибить одно полотнище, т. е. снять одну четверть камня. Главное неудобство работы состояло въ томъ, что едва успѣешь вбить нѣсколько буквъ, и уменьшить въ полотнѣ количество влаги, какъ начинающійся мелкій дождичекъ смачиваетъ его снова: влага на полотнѣ, влага на щеткахъ, влага въ воздухѣ, — понятно, какъ трудно было довести при этомъ полотно до сухости. Вторая четверть камня, во время снимка которой дождя почти не было, была исполнена гораздо скорѣе; тѣмъ не менѣе мы окончили ее только къ 8 часамъ и въ 8 ч. 30 м. возвратились къ монастырю на свое стойбище.

29-е Мая. Суббота.

6 ч. утра +7°; 9 ч. вечера +9°.

Въ 5 ч. съ небольшимъ изъ за горъ показалось яркое солнце и утро было прекрасное. Можно было предполагать, что сегодня будетъ такой же и день, тѣмъ не менѣе мы торопились къ своей работѣ и въ 6 ч. 45 м. были уже на коняхъ, чтобы ѣхать къ памятнику. Но, вѣрно уже таково счастіе! Къ 8 часамъ небо снова начало покрываться тучами, а съ 9-ти опять пошелъ дождь на цѣлый день, съ тою только разницею, что вчера онъ былъ мелкій, шелъ короче и повторялся чаще; сегодня онъ припускалъ крупными каплями минутъ на 20, даже на полчаса, а засимъ промежутки бездождія доходили почти до часу. Работа въ нынѣшній день была еще труднѣе, по той причинѣ, что полотно не только смачивалось дождевыми каплями, но потоки воды, скатывавшіеся съ верхушки камня, особливо по бокамъ его проникали подъ полотно, отмачивали его и уменьшали клейкость гумміарабика, такъ что таковыя отмоченныя части полотна приколотить къ камню снова не было уже никакой возможности. Не менѣе возни

было и съ краскою. Подъ вліяніемъ холода она сгустилась, класть ее приходилось на цинковую также холодную доску; растиранія пальцемъ по доскѣ помогали очень мало, такъ какъ этимъ путемъ довольно трудно было размѣстить количество краски равномѣрно; нѣсколько болѣе дѣйствительнымъ оказалось подогрѣваніе доски на огнѣ. При такихъ обстоятельствахъ мы успѣли окончить работу надъ текстомъ памятника только въ 7 м. 50 м. вечера, а заголовокъ его такъ и оставили не снятымъ. Причинъ для этого было нѣсколько. Во 1-хъ вершина іероглифовъ его находилась не менѣе какъ на разстояніи аршинъ 4-хъ отъ земли и работать надъ ними безъ подставки было не возможно, а подставки между тѣмъ у насъ ни какой не было; лѣстницы за симъ также взять было не откуда, да притомъ и приставить ее было невозможно, также точно какъ нельзя было работать и съ веревочною лѣстницей, которую мы легко могли сдѣлать, но которую опасно было привѣсить по причинѣ не устойчивости камня, легко могшаго упасть подъ тяжестью опоры на него работающаго: уже и такъ онъ замѣтно покачивался, когда мы откопали его до основанія и колотили большими щетками; наконецъ снимать сегодня было уже поздно, пріѣзжать же завтра снова мнѣ не хотѣлось, такъ какъ это, очевидно для меня, могло повлечь за собою неудовольствіе мѣстнаго населенія.

Сегодня между прочимъ произошло два эпизода, довольно ярко характеризовавшихъ мѣстныя народности. Еще вчера, предположивъ нанять китайскаго писца для списыванія камня, я узналъ, что въ одной изъ лучшихъ здѣшнихъ лавокъ имѣется хорошій писецъ. Утромъ отправившись по адресу и увидавъ, что китаецъ этотъ пишетъ дѣйствительно очень хорошо и писалъ, очевидно, много, я предложилъ ему списать мнѣ памятникъ. Къ удивленію, онъ отвѣчалъ мнѣ отказомъ по той причинѣ, что съ камня списывать очень трудно и онъ никогда не писалъ съ камней: «съ книги могу, а съ камня нѣтъ!» «Да не все ли равно тебѣ писать, напримѣръ, слова: «хуанъ-ди» съ книги, или съ камня? Вѣдь камень изсѣченъ прекрасно и читается свободно!» говорилъ я. Но китаецъ, оказалось, даже читавшій этотъ памятникъ, тѣмъ не менѣе стоялъ на своемъ, что съ книги, или съ бумаги онъ списывать можетъ, а съ камня нѣтъ. Такъ и уѣхалъ я отъ него ни съ чѣмъ, будучи вынужденъ потомъ списывать камень уже самъ. Нечего говорить какъ производилось подъ дождемъ это списываніе: прикрывшись буркою самъ и прикрывъ бумагу, я сидѣлъ на корточкахъ, выглядывая изъ подъ этого прикрытія за каждымъ іероглифомъ, да иногда еще и не одинъ разъ. Времени было употреблено minimum въ три раза больше чѣмъ слѣдовало его израсходовать. Скажутъ, развѣ нельзя было употребить это время на другое и заняться снимкою памятника на завтра? Но

кто поручился бы мнѣ, что завтра не будетъ еще бо̀льшаго дождя послѣ того какъ, оставивъ Калганъ 8-го Апрѣля, я едва видѣлъ пять дней хорошей погоды?!

Другой эпизодъ, на основаніи котораго я предполагалъ возможность неудовольствія противъ меня мѣстныхъ монголовъ, состоялъ въ томъ, что сегодня утромъ лишь только подъѣхали мы къ памятнику, какъ изъ своей калитки показался да̀янчи и грозно пригласилъ сопровождавшаго меня монгола повидаться съ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ мой монголъ явился отъ него и передалъ мнѣ, какъ слова да̀янчи, что снимать памятника нельзя, что онъ сообщилъ о моихъ вчерашнихъ работахъ старшимъ ламамъ и чтобы поэтому я ожидалъ бы разрѣшенія ихъ производить съемку. Я приказалъ сказать, да̀янчи, что я выѣхалъ изъ Пекина, имѣю у себя документы и знаю что дѣлаю; знаю на что *нужно* просить разрѣшенія ламъ, а на что нѣтъ, и работъ своихъ не прекращу. Слова мои были, конечно, въ точности переданы ламѣ; я началъ работать, но лама не показывался. Часа въ 3, когда мы сидѣли укрывшись отъ дождя подъ утесомъ скалы, къ ламѣ подъѣхалъ какой то цзангѝнъ. Обрадовавшись, вѣроятно, присутствію чиновнаго лица съ шарикомъ, да̀янчи выслалъ его ко мнѣ. Цзангѝнъ храбро подошелъ ко мнѣ и чуть ни закричалъ: «дѣйствительно ли я привязывалъ своихъ лошадей къ памятнику и копалъ его, съ цѣлью подкопать счастіе здѣшняго населенія? Не отвѣчая ему на этотъ вопросъ, я самъ спросилъ его, по какому праву онъ меня спрашиваетъ и кто онъ такой? Цзангѝнъ тотчасъ присмирѣлъ и сказалъ, что все это сказалъ ему лама̀-да̀янчи, который и послалъ его спросить меня; самому же ему интересно только знать, должно ли въ самомъ дѣлѣ вѣрить тому, что камень этотъ, какъ говорятъ нѣкоторые, спустился съ неба; такъ какъ онъ видитъ, что я человѣкъ мудрый, знаю языки неба и земли и могу читать написанное на памятникѣ. Я отвѣчалъ ему, что памятникъ этотъ съ неба не спускался, а поставленъ при юаньской династіи, что записанныя на немъ обстоятельства имѣютъ только историческое значеніе и никакого вліянія на судьбу и счастіе современниковъ они не имѣютъ: говоритъ памятникъ о дѣлахъ гражданскихъ. «Что касается словъ ламы, то ты самъ видишь», продолжалъ я, «бываетъ ли такой чулбу̀ръ, или бурунду̀къ, которымъ бы можно было привязать животное къ этому камню. Ты видишь, что лама вретъ, и вретъ глупо. Ступай и скажи ему то, что говорилъ я ему еще утромъ: я чиновникъ, пріѣхавшій изъ Пекина; знаю, что дѣлаю и о чемъ у кого мнѣ нужно спрашиваться. Лама долженъ знать свои духовныя дѣла и въ дѣла гражданскія вмѣшиваться ему не подобаетъ; а если онъ посмѣетъ глупымъ враньемъ мутить народъ, то я донесу объ его поступкахъ въ Пекинъ, а здѣсь я и

съ цзасакòмъ-то вашимъ говорить не хочу!» Послѣднія слова такъ подѣйствовали на цзангйна, что онъ, уходя, сказалъ: «о, это большой чиновникъ!» За симъ, не желая, вѣроятно, приносить непріятный отвѣтъ ламѣ, онъ поручилъ моему же монголу передать слышанное, а самъ уѣхалъ. Мой монголъ къ ламѣ снова не ходилъ, лама не показывался и мы продолжали и кое какъ окончили свои работы; но изъ всего случившагося было ясно, что даянчи началъ еще вчера и, конечно, будетъ продолжать смущать народъ; вліяніе же его на массу было не сомнѣнное. Меня поддерживало главнымъ образомъ то, что я выѣхалъ изъ Пекина. — Возвратившись домой, я до половины 11-го часа просидѣлъ въ разговорахъ съ приходившими ламами.

Что касается каменописнаго памятника, то онъ, несомнѣнно, относится ко временамъ династіи Юань и именно къ 1325-му году. Текстъ его читается совершенно свободно, почему я и не представляю здѣсь дорого стоющаго фототипическаго снимка съ его эстампажа, а воспроизвожу этотъ текстъ прямо іероглифами [1]). Такъ какъ строки надписи на памятникѣ не могли помѣститься цѣликомъ при настоящемъ форматѣ моей книги, то мнѣ невольно пришлось дѣлить нѣкоторыя изъ нихъ на части, хотя это сдѣлано мною такъ, что желающій имѣть у себя текстъ въ точномъ соотвѣтствіи его подлиннику, можетъ воспроизвести его самъ, совершенно свободно. Для сего во 1-хъ, каждая новая строка отмѣчена у меня соотвѣтствующею цифрою; во 2-хъ, всѣ красныя строки каменописи вынесены кверху также точно, какъ это соблюдается въ памятникѣ; въ 3-хъ, расположеніе начальныхъ іероглифовъ остальныхъ строкъ также точно сохранено во всей строгости, почему на однѣхъ строкахъ начальные іероглифы являются однимъ іероглифомъ ниже красной строки, на другихъ — двумя, тремя и даже четырьмя іероглифами ниже красной строки; въ 4-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ на памятникѣ почиталось возможнымъ замѣнить красную строку отступомъ, у меня также точно сохранены эти отступы и на тоже число іероглифовъ, которое находится въ подлинникѣ. Дословный переводъ текста составленъ мною при дружеской помощи нашего извѣстнаго синолога, драгомана Пекинской Миссіи, П. С. Попова. Вотъ эти текстъ и переводъ памятника съ нѣкоторыми, кажущимися мнѣ необходимыми историко-литературными справками и замѣчаніями:

---

1) Всѣ мои эстампажные снимки, въ виду рѣдкости этого рода памятниковъ, переданы теперь мною въ Библіотеку С.-Петербургскаго Университета и желающіе могутъ всегда видѣть тамъ надпись этого памятника въ точной копіи его.

10 世皇旋乾轉坤有大力量以一臂指摩一切世界金剛鐵圍碎如微塵鞭弭所向怨敵摧伏
9 皇祖櫛風沐雨勤勞天下金戈黃鉞壁于應昌于時乃顏離佛正法欲以螢火燒須彌山
8 皇姊大長公主　魯王善根堅深瞻懷
7 帝師經營唄螺凡七晝夜龕廬積年霜苔露荆
厥象或曰曼陁山石洞有佛殊相廼命
6 駐蹕應昌之夕一佛飛空現金色身如影如幻旦諭近臣莫知從來耆諏耋詢俾審
5 世祖皇帝躬御六師徂征弗庭
4 至元丁亥
世延　篆額
3 魯王桑哥不剌　重修布施常住集　賢　大　學　士　光　祿　大　夫　趙
巖　撰幷書
2 皇尊姑大長公主晉納　承　事　郎　同　知　常　寧　州　事　趙
1 應昌路曼陁山新建龍興寺記

世祖皇帝大威德　青蓮瞬目降羣魔　曼陁洞佛生光明　優鉢曇華此値遇　音聲法
如來金色現法身　非因非想而顯示
主命偈而石焉具辭曰
德林第一說已
得大歡喜得大饒益將自泰定甲子始是爲龍沙功
主身履貴富而以寂照師心以一刹徧一切刹一佛示現徧一切佛億萬永年應佛授記
海到菩薩岸不徹東海逢娑竭羅又安知不徹天台鴈蕩應頁飛行處耶今
旁遊者投足深探遐歷莫得要領安知是穴不徹南
世祖所見等無差殊歡喜莊嚴得未嘗有巖霏褰開嵐輝月清洞窴三丈其穹半之仍穿其
主所定福及衆生有眼無覩　主與
主念益堅聞者信心廼標刹龍興以神至元若淨梵天水雲洞名皆
眷土斧樹礎石殿像觀音東西鹿頂三門廓宏面勢海廣一夕名洞金佛現相如初
梵王帝釋怕隨擁衛如來顯現克相有成於是鐮榛

Въ переводѣ это значитъ:

Запись о кумирнѣ Лунъ-синъ (сы), вновь построенной на горѣ Мань-тоу (шань), въ Юнъ-чанской области (въ Кэшиктэ̀нскомъ а̀ймакѣ у озера Бу-юй-ръ).

Кумирня возобновлена иждивеніемъ богдоха̄нской тетки, старшей царевны, Пуна̀ [1]) и князя Лу, по имени Сангэ-була.

Надпись на памятникѣ сочинена и написана чэнъ-ши-ланомъ (назв. чина), Чанъ-нинскимъ окружнымъ начальникомъ, Чжао-янемъ, а заглавіе написано уставнымъ почеркомъ канцлеромъ и чиновникомъ 1-й ст. Чжао-ши-янемъ.

Въ годъ Динъ-хай правленія Чжи-юань (1287 г.) Хубила̀й ха̄нъ, лично предводительствуя арміею, выступилъ противъ непокорныхъ [2]). Въ вечеръ остановки его въ Инъ-чанѣ, одинъ будда, словно видѣніе, пролетѣлъ по воздуху, показавъ свое золотистое тѣло. По утру Хубила̀й обратился къ приближеннымъ чинамъ за разъясненіемъ, но они не знали, откуда это явленіе. Для объясненія этого знаменія обратились съ распросами къ старикамъ, изъ коихъ нѣкоторые сказали, что въ каменномъ гротѣ, на

---

1) О царевнѣ Пуна и мужѣ ея Сангэ-була мы встрѣчаемъ упоминаніе въ исторіи Юаньской династіи (кн. 108, стр. 4, кн. 109, стр. 2).

2) Подъ именемъ непокорныхъ разумѣется союзъ князей Нояня, Кадана и Сэнтура подъ главенствомъ Хайду, племянника Хубилаева.

24 聖天子萬億年 潢源永永咸滿願 泰定二年青龍在乙丑六月既望立石監造官嘉議大夫管領本投下諸色人匠役怜口都總管府總管張

23 帝姊 此刹無量福無量 祝

22 皇姊之所名 一佛示現百億身 百億身各現一佛 以壽如來壽 天水雲洞 咸奉

21 大長主大棟梁 建觀音殿於其所 刹楣龍興麗雲天 洞穴邃窰不能竟 曰淨梵事七晝夜 亦復土木新龕廬 我

горѣ Мань-тоу (шань) есть особенное изображеніе будды. Тогда Хубилàй приказалъ царскому учителю совершать въ гротѣ службу, которую послѣдній совершалъ въ теченіе семи дней и семи ночей.

Въ этомъ гротѣ курильница предъ кіотомъ отъ долгихъ лѣтъ поросла мохомъ и колючками. Старшая сестра богдохāна, старшая царевна и князь удѣла Лу съ любовію вспомнили, какъ ихъ царственный предокъ, претерпѣвая всевозможныя лишенія и подъемля труды для вселенной (Китая), стоялъ съ арміей въ Инъ-чанѣ. Въ то время Ноянь [3]), отшатнувшись отъ будды и забывъ законъ [4]), хотѣлъ ничтожнымъ огнемъ сжечь гору Сумэру [5]), не зная того, что Хубилàй вращаетъ вселенную и, обладая огромною силою, приводилъ въ прахъ несокрушимыя твердыни, шутя уничтожалъ все, куда ни направлялся, сокрушалъ недовольныхъ, Брама и Индра постоянно ему сопутствовали и охраняли его; явился Татагàта — и это было знаменіемъ побѣды. Подъ вліяніемъ этого воспоминанія царевна и князь очистили мѣсто отъ сорныхъ травъ, расчистили землю, натесали камней и возвели кумирню, съ изображеніемъ Авалокитэшвары, съ двумя флигелями — восточнымъ и западнымъ [6]). Въ кумирню, поражавшую своею обширностію, вели трое громадныхъ воротъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ золотистый будда по прежнему проявилъ свой образъ. Отъ этого благочестивое настроеніе царевны еще болѣе укрѣпилось, а слышавшіе (объ этомъ явленіи) увѣровали. Въ ознаменованіе годовъ правленія «Чжиюань», царевна наименовала кумирню Лунъ-синъ (т. е. мѣсто возвеличенія богдохāна). Названія разныхъ мѣстъ въ кумирнѣ, какъ напримѣръ, Цзинъ-

---

3) Ноянь былъ потомкомъ младшаго брата Чингисова Отчигиня въ пятомъ поколѣніи и слѣдовательно доводился Хубилаю не дядею, такъ утверждаетъ Марко Поло (The book of Ser Marco Polo by Colonel H. Jule. London 1875. Vol. 1, p. 324), а двоюроднымъ внукомъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Д'Оссонъ (Histoire des Mongols par baron D'Ohsson 1852. T. II, p. 450). Обширный удѣлъ, которымъ владѣлъ этотъ князь, обнималъ значительную часть юго-восточной Монголіи и юго-западной Маньчжуріи и заключалъ въ себѣ не мало послѣдователей Христова ученія, къ которому принадлежалъ и самъ Ноянь. Гордый своимъ могуществомъ, онъ присоединился къ союзу князей, во главѣ съ Хайду, протестовавшему противъ незаконнаго избранія Хубилая. Весною 1287 г. Хубилай, во главѣ почти полумилліонной арміи, выступилъ противъ непокорныхъ, напалъ на безпечнаго Нояня на берегахъ р. Ляо, разбилъ его трехсотъ-тысячную армію, самаго его взялъ въ плѣнъ и приказалъ предать смерти. Этотъ то походъ Хубилая и вспоминается въ настоящемъ памятникѣ.

4) Фраза эта служитъ подтвержденіемъ того, что Ноянь былъ христіаниномъ.

5) Т. е. своими ничтожными силами сокрушить Хубилая.

6) Не найдя въ имѣющихся у меня подъ руками словаряхъ объясненія фразы «лудинъ» (лу = драконъ и динъ = верхушка, кровля) и не добившись таковаго отъ проживающихъ въ Петербургѣ ученыхъ китайцевъ, я, основываясь на томъ, что «лу» употребляется иногда въ значеніи амбара и на общемъ характерѣ постройки китайскихъ кумирень, позволилъ себѣ перевести ее словами: «двумя флигелями — восточнымъ и западнымъ».

Фань-тянь, Шуй-юнь-дунъ, всѣ были даны царевною. Благословеніе, незримое для имѣющихъ тѣлесныя очи, посѣтило всѣхъ. Видѣніе же царевны было совершенно тождественно съ видѣніемъ Хубилàя. Царевна радовалась небывалому великолѣпію кумирни, которая, словно свѣтлая луна, выступала на блестящемъ горизонтѣ горъ послѣ того, какъ разсѣявался туманъ на утесахъ.

Пещера была глубиною въ 3 сажени (чжана), а сводъ ея имѣлъ въ высоту половину этой мѣры. Въ боку ея было сдѣлано углубленіе, въ которое путешественники бросали палки, съ цѣлію удостовѣриться какъ далеко оно простирается, но не могли опредѣлить этого. Но, какъ знать, что пещера эта не проникаетъ до берега бодисатвы въ южномъ морѣ, что она не сообщается съ Согѣло (Сукавати?) въ восточномъ морѣ и не проникаетъ до горъ Тянь-тай и Янь-данъ [7]), въ которыхъ витаютъ арханы?!

Нынѣ, царевна, не смотря на знатность и богатство, безмолвно исполнила волю учителя [8]). А такъ какъ въ одной кумирнѣ объединяются всѣ кумирни, въ явленіи одного будды обнимаются всѣ будды безконечныхъ вѣковъ, то она, во исполненіе пророчества будды, получила великую радость и великую пользу. Такимъ образомъ, съ года Цзя-цзы правленія Тай-динъ (1324 г.), начала сбываться въ сѣверныхъ странахъ первая проповѣдь будды, сказанная имъ въ Гунъ-дэ-линѣ.

(По этому случаю) царевна приказала написать гату (гимнъ) и вырѣзать ее на камнѣ. Гата эта гласитъ слѣдующее:

Татагата показалъ свое златоцвѣтное, духовное тѣло,
И показалъ его безъ намѣреній и безъ причины (= свободно).
Великими доблестями отличался императоръ Хубилàй
И темнозеленый лотусъ въ одинъ мигъ покорилъ толпы враговъ.
Въ Мань-тоу-шаньскомъ гротѣ будда испустилъ свѣтъ,
И въ это время появился распустившійся цвѣтокъ темнозеленаго лотуса.
Семь дней и семь ночей совершалась служба.
Снова начались постройки и сооружены новая курильница и кіотъ.
Старшая царевна, великая опора (буддизма),
Воздвигла на этомъ мѣстѣ храмъ Авалокитэшвары.

---

7) Въ провинціи Чжэ-цзянъ, въ области Вэнь-чжоу, есть двѣ горы этого имени.

8) Фраза китайскаго текста: «以寂照師心», передаваемая словами: «безмолвно исполнила волю учителя», П. С. Поповъ находитъ возможнымъ перевести еще такъ: «созерцаніемъ и гносисомъ руководила свою нравственную природу».

Возвысилась кумирня, красуясь въ небесахъ.
Пещера ея была глубины неизмѣримой.
Цзинъ-фань-тянь и Шуй-юнь-дунъ
Получили свои названія отъ сестры богдохана.
Одинъ будда явился въ безчисленныхъ видахъ,
И въ каждомъ изъ безчисленныхъ видовъ явился одинъ будда.
Долгоденствіемъ будды да долгоденствуетъ царская сестра!
Какъ неизмѣрима эта кумирня, такъ да будетъ неизмѣримо ея счастье!
Да здравствуетъ на многія лѣта августѣйшій сынъ неба!
Да исполняются всегда всѣ желанія членовъ царскаго дома!

Камень поставленъ второго года правленія Тай-динъ (1325 года), 16-го числа, 3-й луны.

Надзиратель за постройками, Цзя-и-да-фу (чинъ), завѣдующій иностранными мастерами и Линъ-коу (христіане?), Главный начальникъ главнаго приказа Чжанъ.

30-е Мая. Воскресенье.

6 ч. +8°; 11 часовъ вечера +9°.

Сегодня была опредѣлена мною поѣздка въ Инъ-чанъ, которая оказалась счастливою въ томъ отношеніи, что въ 1-хъ въ теченіе всего дня не было дождя, а во 2-хъ, по ошибкѣ монгола, моего извозчика, мы безъ всякихъ усилій съ моей стороны, объѣхали все озеро, хотя этого, конечно, не пришлось бы сдѣлать безъ особыхъ, всегда непріятныхъ переговоровъ, если бы онъ не ошибся. Развалины Инъ-чана находятся въ самомъ юго-западномъ углу озера Далàй-нӯръ и направленіе пути къ нимъ изъ монастыря прямо на югъ; между тѣмъ мы поѣхали на сѣверъ и такимъ образомъ мнѣ пришлось осмотрѣть все озеро.

Мы выѣхали въ 6 ч. 50 м. утра верхами. Озеро Далàй-нӯръ зовется этимъ именемъ у монголовъ; современные китайцы именуютъ его Бу-юйръ хай, а въ старину, какъ-это видно по историческимъ памятникамъ, оно было извѣстно подъ именемъ То-ро хай-цзы. Окружность его, по китайскимъ описаніямъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, равняется 200 ли, по моимъ же наблюденіямъ, оно должно имѣть не менѣе 80 нашихъ верстъ, покрайней мѣрѣ на объѣздъ его мы должны были употребить не менѣе 13 часовъ ѣзды легкой трусцой на лошади. Берега озера мѣстами песчаные, мѣстами очень болотистые, хотя весьма вѣроятно, что влажность почвы здѣсь значительно увеличивалась вслѣдствіе постоянныхъ дождей, падавшихъ въ теченіе всего истекающаго мѣсяца. Озеро было теперь, очевидно, въ раз-

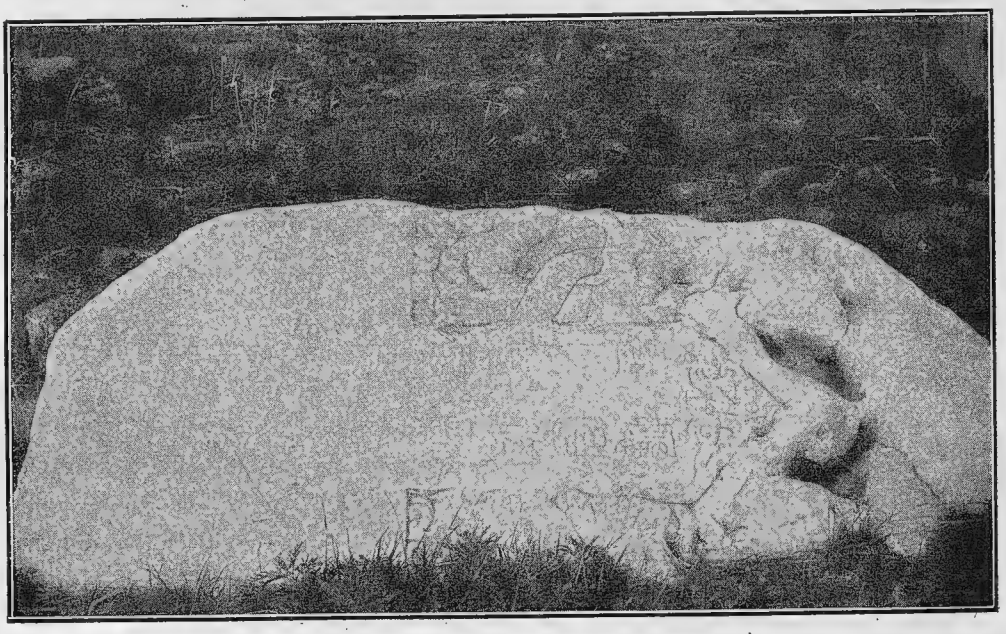
ливѣ, такъ какъ всѣ примыкающія къ нему канавки были наполнены водою. Цвѣтъ воды въ озерѣ зеленоватый, вода его прѣсная, относительно же глубины я не могъ получить опредѣленныхъ свѣдѣній; встрѣчавшіеся намъ китайцы говорили только, что озеро очень глубоко и даже не подалеку отъ берега достать дно его невозможно. На сѣверо восточномъ берегу озера, близъ его бассейна, и именно въ разстояніи $1^1/_2$, 2-хъ верстъ, имѣется нѣсколько малыхъ озеръ, которыя впрочемъ не имѣютъ для себя особыхъ названій у мѣстныхъ жителей. На всѣхъ этихъ озерахъ мы видѣли массу птицы: лебедей, гусей различныхъ породъ, утокъ бѣлыхъ, кряковыхъ и пестрыхъ, чирковъ, бекасовъ, кроншнелей, турпановъ, наконецъ безчисленное количество чаекъ, журавлей и баклановъ. Въ озерѣ водится также и рыба и для ловли ея сюда ежегодно пріѣзжаютъ китайцы изъ города Бирӯ и его окрестностей. Мы повстрѣчали ихъ здѣсь не менѣе 70 юртъ въ разныхъ мѣстахъ озера, а въ каждой юртѣ проживало отъ 6 до 15 человѣкъ. Заѣзжая въ такія ставки, мы видѣли у рыболововъ исключительно карасей и линьковъ, другой рыбы не встрѣчалось положительно. Самые большіе караси вѣсили иногда болѣе 2-хъ гиновъ, т. е. около трехъ русскихъ фунтовъ. Ловля рыбы начинается вообще въ 4-й лунѣ и оканчивается въ 7-й; что соотвѣтствуетъ періоду отъ половины Мая до половины Августа. Наловленная рыба засоливается и провяливается на мѣстѣ, а потомъ въ количествѣ отъ 600 до 800 телѣгъ направляется въ Бирӯ хотò, Долōнъ-нӯръ и Калганъ. Полагаютъ несомнѣннымъ, что рыбы могло бы быть вывозимо вдвое и втрое больше; но дѣло въ томъ, что на промыселъ этотъ являются здѣсь почти нищіе. Сѣти они пріобрѣтаютъ почти всегда въ долгъ, да притомъ сѣтями ловятъ и очень не многіе, большая же часть ограничивается однѣми, такъ называемыми «мордами», т. е. съуженными въ одну сторону плетеными изъ камыша и прутьевъ корзинами. Наготовивъ такихъ корзинъ, полунищій китаецъ является на ловлю рыбы. Цѣлый мѣсяцъ онъ ловитъ и продаетъ свой ежедневный уловъ окрестному ближайшему населенію, чтобы на вырученныя деньги купить соли, а потомъ уже начинаетъ ловить рыбу на вывозъ. Говорятъ далѣе, что очень многіе приходятъ сюда только подъ предлогомъ рыболовства, на дѣлѣ же живутъ здѣсь исключительно разбоемъ и воровствомъ. Ежегодно возникаетъ цѣлая масса дѣлъ о разбояхъ близъ озера Далàй-нӯра. Хошӯнное кэшиктэнское начальство за такой ловъ рыбы ничего не получаетъ, да и взять съ этого, ежегодно мѣняющагося въ своемъ составѣ пролетаріата рѣшительно нечего; охранять озеро отъ самовольной ловли рыбы хошӯнъ не признаетъ возможнымъ, а еще вѣрнѣе сказать смотритъ на все это дѣло сквозь пальцы, ежегодно ахая и охая при случающихся грабежахъ и раз-

бояхъ, а потомъ какъ бы забывая обо всемъ происшедшемъ до слѣдующаго года и пассивно ожидая повторенія того же самаго слѣдующимъ лѣтомъ. Въ сѣверо-восточномъ углу озера, въ разстояніи двухъ верстъ отъ береговъ его, неподалеку отъ горы Дӯрбэльчжӣнъ-ӯла, находятся остатки двухъ старинныхъ городовъ, заключающіеся теперь въ квадратныхъ земляныхъ валахъ, вышиною менѣе сажени, при длинѣ въ каждую изъ 4-хъ сторонъ 220 шаговъ. Земляные валы эти густо поросли теперь травою, равно какъ и все, заключающееся въ срединѣ ихъ пространство: ни валовъ, ни кургановъ здѣсь нѣтъ совершенно, какъ будто въ городищахъ этихъ не было никакихъ зданій, а только однѣ стѣны. Мѣстные жители хранятъ у себя только одно преданіе, что города эти принадлежали когда то населявшему эту страну народу Гао-ли, и больше о нихъ ничего не извѣстно. На сѣверномъ берегу Далàй-нӯра ясно проходитъ широкій земляной валъ, извѣстный у монголовъ подъ именемъ «Мӯ хэрэ̀мъ»; внѣшній видъ его здѣсь ничѣмъ ни отличается отъ того, который можетъ быть наблюдаемъ на Ургинско-Калганскомъ трактѣ. Западныя берега Далàй-нӯра значительно менѣе песчаны чѣмъ восточные и почва ихъ можетъ быть названа хорошимъ супескомъ.

Наконецъ въ 4 ч. 20 м. по полудни мы подъѣхали къ Инъ-чану. Городище это находится на юго-западномъ углу озера Далàй нӯра, можетъ быть съ самымъ незначительнымъ отклоненіемъ въ сторону западнаго берега. Отъ береговъ озера оно отстоитъ приблизительно версты на двѣ. Надлежитъ замѣтить, что пространства къ югу отъ Далàй нӯра сплошь засыпаны теперь песками и что западнымъ берегомъ озера вплоть до этихъ песковъ обозначается нынѣ граница хошӯновъ къ югу кэшиктэ̀нскаго и къ сѣверу уриду̀ абагàскаго вана; не болѣе какъ саженяхъ во 100 отъ начала этихъ песковъ располагается (слѣдовательно уже на земляхъ кэшиктэ̀нскаго хошӯна) Инъ-чанъ. Городище представляется окруженнымъ земляною насыпью, имѣющею видъ очень незначительнаго вала, такъ что высота его въ отвѣсѣ не превышаетъ одной сажени. Рвовъ, или окоповъ ни по ту ни по другую сторону города въ настоящую пору не замѣчается; равно какъ несомнѣнно, что городъ былъ окруженъ только одною стѣною, ибо другихъ валовъ здѣсь ни какихъ не имѣется. Означенная высота вала наблюдается одинаково во всѣхъ четырехъ сторонахъ городища: нѣкоторое повышеніе его замѣчается лишь въ мѣстахъ, очевидно, бывшихъ воротами, что и естественно, въ силу большаго количества здѣсь матеріала, послужившаго основаніемъ валу. Форма вала четырехугольная, продолговатая, и именно стѣны, тянущіяся съ сѣвера на югъ, заключаютъ въ себѣ по 1200 шаговъ, а сѣверная и южная только по 800. Воротъ въ городѣ

было трое, а сѣверная стѣна не имѣла у себя выхода. Внутри городища находится до 30 кургановъ, по большей части четырехугольной формы; почти въ каждомъ изъ нихъ сохранились пьедесталы бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ. Передъ однимъ изъ такихъ зданій въ сѣверной части города прекрасно уцѣлѣли постаменты, обыкновенно употребляемые для утвержденія на нихъ плитъ каменописныхъ памятниковъ, но самыхъ писаницъ вблизи постаментовъ не видно во все. Въ центрѣ города находится самый большой четырехугольный курганъ, безформенныя груды котораго, несомнѣнно, представляли собою императорскій дворецъ. Помимо пьедесталовъ колоннъ, въ немъ видны еще обломки глазированной черепицы, массы отдѣльныхъ кусковъ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеній, наконецъ, каменныя фигуры львовъ, стоявшихъ вѣроятно передъ входомъ во дворецъ. Вокругъ этого кургана замѣчается невысокое, лежащее ровнымъ валомъ возвышеніе, въ которомъ можно предполагать стѣну, окружавшую дворецъ. Саженяхъ въ 150 къ юго-западу отъ этого зданія намъ попалась верхняя часть разбитой каменной плиты изъ бѣлаго мрамора, составлявшей очевидно каменописный памятникъ. Она заключала въ себѣ во 1-хъ гербъ юаньской династіи и заголовокъ памятника, совершенно подобные тому, какіе находили мы въ писаницѣ при пещерѣ Дархàнъ ӯлы, а во 2-хъ верхнюю часть строкъ надписи на самомъ памятникѣ. Другая, нижняя часть этой плиты лежала отсюда саженяхъ въ 50; на ней находилась, уже безъ всякихъ посторонникъ украшеній, только нижняя часть строкъ. Обѣ эти части представляли собою несомнѣнно одну плиту. Вышина обломка верхней части камня = 2 арш. 4 вер., а ширина 1 арш. 3 вер.; вышина второй нижней части памятника 2 арш. 1 верш. а ширина 1 арш. 5 вершковъ. Если мы соединимъ эти двѣ части вмѣстѣ, то онѣ образуютъ камень совершенно равный памятнику Дархàнъ ӯлы и нѣкоторое уменьшеніе объема могло естественно произойти при разбитіи памятника, что особенно ясно при изслѣдованіи верхней части камня, края котораго прямо представляются обломанными. Надпись на обоихъ частяхъ этого камня на столько потерта, что не можетъ быть снята эстампажемъ, даже смотря на самый памятникъ, читать ее не возможно, за исключеніемъ развѣ болѣе крупно изсѣченнаго заголовка; что же касается текста, то въ немъ едва можно различить черты нѣсколькихъ знаковъ, въ общей же массѣ камня не только отдѣльные іероглифы, но цѣлые десятки ихъ подрядъ уничтожены временемъ и образовали собою вмѣсто строкъ неглубокія углубленія. При такихъ обстоятельствахъ, я оставилъ работу эстампажной снимки и ограничился лишь снятіемъ фотографическихъ видовъ съ обоихъ частей камня. Очень можетъ быть что камень этотъ встарину стоялъ именно на одномъ изъ тѣхъ постаментовъ, о ко-

торыхъ было замѣчено выше и засимъ снятъ и перетащенъ сюда кѣмъ либо; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что писаницы эти привлекали къ себѣ вни-



Верхняя часть инъ-чанской писаницы.

маніе монголовъ. Отъ камня, стоявшаго на другомъ постаментѣ, въ городѣ не сохранилось даже ни какихъ слѣдовъ. Мѣстные монголы не имѣютъ у себя никакого особаго названія для этого городища, и именуютъ его просто «хотò», равно какъ не сохранили они о немъ и никакихъ преданій, не зная даже какому народу принадлежалъ этотъ городъ и отказываясь отвѣчать на вопросъ, кто жилъ въ немъ въ періодъ его существованія. Такимъ образомъ опредѣлить эти развалины было бы очень трудно, если бы мы не находили о нихъ особыхъ сказаній въ Мэнъ-гу-ю-му-цзи. По свѣдѣніямъ автора этого сочиненія, «на сѣверо-западѣ кэшиктэнскаго аймака, на берегу Дàлъ-нӯра находится древній городъ Инъ-чанъ. Юань-ши, на основаніи записокъ Сѣ-тэ-шан'я сообщаетъ, что» въ 7-мъ году правленія Чжи-юань (1270 г.) Олочэнь пришелъ ко двору и просилъ позволенія построить городъ на берегу Торо-хàй-цзы, на что государь согласился. Городъ этотъ былъ сначала названъ Инъ-чанъ-фу, а потомъ переименованъ въ Инъ-чанъ-лу. Впослѣдствіи сюда бѣжалъ послѣдній юань'-скій императоръ Шунь-ди (Тогòнъ-тэмӯръ) и здѣсь же умеръ въ 1369 г. Такимъ образомъ дѣлается яснымъ, что озеро Дàлъ нӯръ, или, какъ говорятъ нынѣ монголы, Далàй нӯръ, называлось въ старину Торо-хай-цзы».

Оставивъ развалины Инъ-чана въ 6 ч. 20 м. вечера, мы продолжали путь далѣе уже по западному и южному берегу озера; въ 8 ч. 10 м. перебродили р. Шурха̀-го̄лъ, которая почти при самомъ своемъ впаденіи въ озеро имѣла теперь до 10 саж. ширины и была не свыше 2-хъ вершковъ глубиною. Въ 10 ч. 45 м. мы возвратились въ Дархàнъ ӯлайнъ сӯмэ̀ при полной и глубокой темнотѣ ночи.

31-е Мая. Понедѣльникъ.

6 ч. +10°; 9 ч. +14°; 12 ч. +18°; 3 ч. +18°; 6 ч. +13°; 9 ч. +11°. —

Пора сказать слово о Дархàнъ ӯлайнъ хѝтѣ, въ которомъ я проживалъ сегодня уже четвертый день. Время основанія этого монастыря въ точности неизвѣстно, такъ какъ ла̀мы забыли его и на вопросы объ его происхожденіи говорятъ только, что монастырь этотъ построенъ абага̀скимъ ва̀номъ, но дѣдомъ или прадѣдомъ нынѣшняго абага̀скаго правителя праваго крыла, сказать они не могутъ. Народная память сохраняетъ однако преданія, что ванъ, построившій Дархàнъ хѝтъ, былъ человѣкъ книжный, любилъ держать при себѣ ла̀мъ, особливо медиковъ и астрологовъ и что послѣдніе то именно и указали вану на Дархàнъ-ӯлу какъ на мѣсто особливо счастливое и имѣющее у себя всѣ добрыя предзнаменованія для того, чтобы построенная на немъ обитель сдѣлалась разсадникомъ вѣры и благочестія среди мѣстныхъ жителей. То, что мѣсто это оказалось за границами абага̀скихъ кочевьевъ и являлось принадлежащимъ кэшиктэ̀нскому хошӯну, не могло остановить ревности вана. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ кэшиктэ̀нскимъ цзасако̀мъ и получилъ отъ него разрѣшеніе занять столько именно мѣста, сколько нужно будетъ для монастыря и жилищъ находящихся при ономъ ламъ; въ вознагражденіе за это абага̀скій ванъ обязывался уплачивать кэшиктэ̀нскому хошӯну по 100 ланъ серебра въ годъ. Впослѣдствіи, какъ надо полагать, въ половинѣ годовъ правленія Дао-гуана, въ 30-хъ гг. настоящаго столѣтія, ва̀нъ, находя для себя стѣснительнымъ платить эти деньги и, будучи въ тоже время начальникомъ Силѝнъ-го̄лскаго сейма, поднесъ этотъ монастырь сейму, одновременно съ симъ доведя до свѣдѣнія богдоха̄на, что сеймъ, получивъ такой подарокъ, опредѣлилъ этотъ монастырь для молитвъ о благоденствіи богдоха̄на и его царствованія. Съ тѣхъ поръ для отправленія хура̀ловъ въ Дархàнъ ӯлайнъ сӯмэ̀ командируется отъ каждаго хошӯна Силѝнъ-го̄лскаго сейма по 4, 5 и даже 6 штатныхъ ламъ, а именно: отъ 4-хъ абага̀скихъ (2 Абага̀ и 2 Абагана̀ръ), 2-хъ хӯчитскихъ, 2-хъ учжумуцѝньскихъ и 2-хъ сунѝтскихъ хошӯновъ; помимо сего въ монастырѣ много сверхштатныхъ ламъ, а равно приходящихъ изъ другихъ хошӯновъ, такъ что общее число проживающихъ

здѣсь монашествующихъ доходитъ до 300 душъ. Что касается штатныхъ ламъ, то получаемое ими содержаніе ассигнуется хошӯнами и количество его обусловливается главнымъ образомъ степенью состоятельности хошӯна: есть хошӯны, ассигнующіе по 30 ланъ въ годъ на человѣка, есть и выдающіе по 50 ланъ. Помимо сего ламы имѣютъ, конечно, монастырскіе доходы, причемъ опредѣлено, что каждый штатный ламà получаетъ этихъ доходовъ не болѣе и не менѣе какъ 25 ланъ въ годъ. Со времени передачи монастыря въ собственность сейма уплата поземельныхъ денегъ за него кэшиктэнскому хошӯну была разложена на всѣ 10 хошӯновъ силѝнъ-гӧлскаго сейма; но такой порядокъ продолжался не долго: спустя лѣтъ десять, или пятьнадцать, кэшиктэнскій цзасàкъ отказался отъ полученія этихъ денегъ въ пользу монастыря и теперь мѣсто Дархàнъ ӯлайнъ хѝта уже стало чисто монастырскою землею, хотя находится этотъ монастырь въ кочевьяхъ кэшиктэновъ, принадлежитъ силѝнъ гӧлскому сейму и состоитъ въ вѣдѣніи абагàскаго вана. Надлежитъ замѣтить при этомъ, что силѝнъ-гӧлскій сеймъ, получивъ Дархàнъ ӯлайнъ сӱмэ, оставилъ его тѣмъ не менѣе въ вѣдѣніи абагàскаго вàпа, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что съ одной стороны кочевья абагà суть ближайшія къ монастырю, а съ другой — абагàскій ванъ, какъ строитель монастыря, естественно долженъ и больше,

Общій видъ Дархàнъ ӯлайнъ хита.

а главное сердечнѣе заботиться о немъ. Такимъ образомъ, въ понятіи простолюдиновъ, Дархàнъ ӯлайнъ сӱмэ донынѣ является монастыремъ абагà-

скаго вана и въ обычномъ разговорѣ о немъ только и можно слышать, что это монастырь абагàскій.

Съ внѣшней стороны Дархàнъ ӯлайнъ сӱмэ̀, расположенный по южному склону и подножію Дархàнъ ӯлы, кажется монастыремъ не особенно большимъ, но очень чистенькимъ и красивымъ, чему много способствуетъ то обстоятельство, что всѣ бàйшины ламъ построены здѣсь изъ бѣлой глины и выглядятъ очень опрятно. Монастырскія капища были возобновлены только въ прошломъ году, а часть ихъ отдѣлывалась даже при мнѣ; оттого-то все здѣсь является новенькимъ и нарядным. Всѣхъ капищъ въ монастырѣ 12, но большихъ только два, именно Цокчӣнъ и Чӧй-ра; въ послѣднемъ впрочемъ цанӣтъ служится рѣдко и въ большинствѣ случаевъ онъ отправляется въ цокчӣнской же кумирнѣ такъ, что утромъ, часовъ въ 5, 6, служится цокчӣнъ, а часовъ въ 10 начинается хурàлъ цанӣтскій. Остальныя кумирни въ монастырѣ очень маленькія и построены частными лицами: хурàлы въ нихъ отправляются развѣ два, три раза въ годъ. Вообще нужно сказать, что порядки въ Дархàнъ-ӯлайнъ сӱмэ̀ довольно строги: хурàлы служатся ежедневно и притомъ не менѣе трехъ разъ въ день; ламы съ 1-го числа IV луны и по 1-е число IX луны обязаны носить «номтӯ дэбэ̀ль» и только съ IX луны имъ дозволяется носить платье съ рукавами. Цанӣтъ не отличается у нихъ особою обширностью, тѣмъ не менѣе слушающіе его получаютъ здѣсь степень «рàбчжамба», хотя для полученія званія «габчжӯ» должны отправляться въ Пандӣта-гэгэ̀нэй дацàнъ. Содержаніе и средства монастыря довольно изрядныя. При каждой кумирнѣ здѣсь имѣется особое казначейство (чжисà), самыми большими изъ которыхъ считаются чжисà цокчӣнскій и цанӣтскій: они имѣютъ у себя табуны лошадей и стада рогатаго скота свыше 1000 головъ каждый. Остальные чжисà менѣе значительны, но все же считаютъ свои стада сотнями головъ. Главнѣйшее стѣсненіе ламъ состоитъ теперь въ земельномъ отношеніи. По общему отзыву монашествующихъ, кэшиктэ̀ны стѣсняютъ ихъ до такой степени, что не дозволяютъ даже выходить въ степь для сбора аргàла; нечего говорить послѣ сего о томъ, чтобы нарубить себѣ не только деревьевъ, а даже валежнику: почти каждый случай выхода изъ монастыря вызываетъ собою придирки, кляузы и даже судбища. Такимъ образомъ ламы рѣшительно все, даже топливо, должны или покупать, или привозить изъ дома.

При Дархàнъ ӯлайнъ сӱмэ̀ проживаетъ до 60 человѣкъ китайцевъ, которые помѣщаются въ 11 глинобитныхъ бàйшинахъ. Изъ числа этихъ домовъ четыре производятъ торговлю, остальные живутъ промыслами, хлѣбопашествомъ же близъ Дархàнъ ӯлы никто не занимается по непри-

годности для сего мѣстной почвы. Торговцы живутъ здѣсь уже по нѣскольку десятковъ лѣтъ, а первоначально двое ихъ прибыли изъ Тайюань-фу, въ Шаньси, одинъ—изъ Долōнъ-нӯра и одинъ—изъ Бурӯ хотò. Торговля ихъ весьма незначительна и ограничивается продажею самыхъ низшихъ сортовъ бумажныхъ и полотняныхъ матерій, при полномъ отсутствіи шелковыхъ; мелочною галантереею — въ видѣ пуговокъ, иголокъ, трубокъ и табакерокъ, да бакалейнымъ товаромъ — въ разрядъ коего причисляется главнымъ образомъ «бō-бō, т. е. маленькіе хлѣбцы съ начинкою изъ пережженаго съ мукою и масломъ сахара-леденца. Чай кирпичный не продается вовсе; хамбо — имѣется въ одной только лавкѣ и продается исключительно фунтами, а байховый нельзя даже купить и фунтомъ, переговоры и цѣны на него устанавливаются съ лана. И такова торговля лучшихъ лавокъ, другіе не имѣютъ у себя и этихъ товаровъ, промышляя лишь продажею всякаго старья. Изъ числа ремесленниковъ наиболѣе зажиточными являются скорняки, занимающіеся здѣсь и выдѣлкою кожъ. Главная масса рабочаго матеріала получается ими отъ здѣшнихъ же лавокъ, ведущихъ свою мелочную торговлю въ обмѣнъ на кожи; но помимо сего скорняки имѣютъ еще и собственный матеріалъ, иногда принимая отъ кэшиктэновъ заказы на выдѣлку кожи, причемъ третья кожа идетъ въ уплату за трудъ; а иногда даже прямо покупая кожи у мѣстныхъ монголовъ. Выдѣланныя кожи направляются преимущественно въ Бирӯ хотò и только незначительною частью идутъ въ Долōнъ-нӯръ. Помимо скорняковъ здѣсь есть еще китайцы плотники и живописцы. Первыхъ въ мою пору насчитывалось свыше 20 человѣкъ, хотя обыкновенно живетъ ихъ не болѣе 5; вторыхъ было только двое, да и то они прибыли изъ Долōнъ нӯра лишь по обстоятельствамъ поправки здѣшнихъ кумирень, каковыя обстоятельства вызвали и увеличеніе числа плотниковъ. Взамѣнъ этого пришлаго люда отсюда ушли теперь на рыбныя ловли къ Далàй-нӯру другіе, постоянно живущіе здѣсь китайцы, занимающіеся въ теченіе всего года то мелкою торговлею, то услугами окрестному населенію, то наконецъ просто воровствомъ; такимъ то образомъ и выходитъ, что количество китайскаго населенія обыкновенно бываетъ около 60 человѣкъ. Живутъ они, какъ было уже замѣчено выше, въ собственныхъ глинобитныхъ бàйшинахъ, построенныхъ среди глубокихъ песковъ. Земля подъ постройку бàйшиновъ пріобрѣтена ими отъ хошӯна въ собственность, причемъ хошӯнъ продавалъ свою землю, обращая вниманіе главнымъ образомъ не на количество продаваемой земли, а на состоятельность покупателя: болѣе зажиточные платили по 10,000 чеховъ, бѣдняки по 4000. Объемъ продаваемаго пространства обозначался всегда однимъ условіемъ: «столько, сколько нужно для

торговыхъ помѣщеній»,—точной мѣры земли засимъ никакой не выставлялось; китайцамъ становилось только въ обязательство не выпасывать скотъ и не пахать землю, въ случаѣ же такого рода занятій, они обязывались заключать другія условія. Товары свои всѣ здѣшніе торговцы привозятъ изъ Бирӯ хотò. Годовой оборотъ самой богатой лавки составляетъ 1000 ланъ серебра; торговля идетъ исключительно мѣновая, преимущественно на шерсть, кожу и иногда на скотъ.

Ознакомившись съ Дархàнъ ӯлайнъ сӯмэ и его окрестностями, мы предположили сегодня отправленіе въ дальнѣйшій путь. Въ теченіе всей ночи равно какъ и раннимъ утромъ небо было чистое, поэтому солнце заблистало ярко и уже съ 6 часовъ утра начало сильно пригрѣвать. Въ виду вчерашняго долгаго блужданья, мы не могли выѣхать рано, такъ какъ нужно было покормить животныхъ и двинулись въ путь только въ 10 час. 45 мин. На наше счастье небо начало покрываться облаками и подулъ прохладный восточный вѣтеръ, такъ что наши слабые верблюды безъ особенно сильныхъ напряженій миновали пески Дархàнъ-ӯлàской долины и поднялись на отроги Дархàнъ ӯлы. Отсюда передъ нашими глазами открылась громадная равнина, именуемая Гунгòръ-шарà гōлы̀йнъ талà. Долина эта обильно поросла травою и, вслѣдствіе прошедшихъ дождей, была теперь какъ бы болотистою. Путь нашъ по ней лежалъ въ направленіи къ сѣверо-сѣверо-востоку, вплоть до переправы черезъ рѣку Гунгоры̀йнъ шарà гōлъ, къ которой мы подъѣхали въ 1 час. 25 мин. дня. Рѣка эта была шириною до 3-хъ саженей, имѣла глубины 1 арш. 2 вершка и дно довольно вязкое. По существу дѣла ее даже нельзя назвать рѣкою: это протока, соединяющая два озера, Гунгà нӯръ; все теченіе ея монголы высчитываютъ въ 50 ли, т. е. около 25 нашихъ верстъ. Отъ этой переправы дорога наша повернула нѣсколько болѣе къ востоку. Въ 2 час. мы подъѣхали къ озеру Гунгà нӯръ, западный берегъ котораго отстоялъ на версту вправо отъ нашей дороги; послѣдуя этому берегу мы ѣхали до 2 ч. 45 м. Вообще озеро Гунгà имѣетъ въ окружности верстъ 12-ть; на восточномъ, или точнѣе юго-восточномъ берегу своемъ оно поросло камышемъ и осокою, въ остальныхъ же частяхъ своихъ имѣетъ берега совершенно открытые. На берегу Гунгà нӯра я также повстрѣчалъ четыре юрты китайскихъ рыбаковъ, осмотрѣвъ садки которыхъ не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ линьковъ, величиною не больше нашего пискаря. Это преимущественный видъ рыбы, водящейся здѣсь, и карасей, по словамъ рыбаковъ, въ Гунгà нӯрѣ не водится вовсе. Въ разговорахъ съ мѣстнымъ монгольскимъ населеніемъ мнѣ и здѣсь пришлось выслушать жалобы на воровство и обиды этихъ китайцевъ и, говорятъ, не проходитъ ни одного

дня безъ какой либо у кого либо покражи. Между тѣмъ юртъ въ окрестностяхъ Гунга̀ нӯра раскидано очень много, такъ какъ мѣста эти изобильно поросли кормовыми травами. Наши животныя такъ и рвались на выпасъ тѣмъ больше, что день былъ не жаркій и лучшій для корма. Съ часу дня солнце свѣтило надъ нами сквозь облака, а впереди насъ, въ горахъ виднѣлись страшный дождь и гроза; раскаты грома глухо достигали оттуда до нашего слуха, а порою доносились и довольно сильные порывы вѣтра. Отъ озера Гунга̀ долина, тянущаяся къ востоку, получаетъ названіе Гунгорыйнъ тала̀ отъ имени рѣки Гунго̀ръ го̄лъ, которая протекаетъ къ сѣверу отъ нашей дороги. Говорятъ, что мѣстное китайское начальство указало проѣзжающимъ и торговымъ караванамъ путь изъ Доло̄нъ-нӯра въ Бирӯ хото̀ по берегамъ Гунгорыйнъ го̄ла, какъ мѣстность болѣе безопасную отъ нападеній и засимъ поселило по той дорогѣ 50 человѣкъ солдатъ-объѣзчиковъ, ради охраны проѣзжающихъ отъ нападеній. Солдаты эти до нынѣ живутъ по различнымъ мѣстамъ дороги, тѣмъ не менѣе путемъ этимъ, какъ очень кружнымъ, никто не ѣздитъ и рѣшительно всѣ, какъ проѣзжающіе такъ и товары, идутъ тѣмъ путемъ, по которому ѣхалъ и я именно съ цѣлью прослѣдить эту дорогу. Что касается Гунго̀ръ го̄ла, то, по свѣдѣніямъ Мэн-гу ю-му цзи, онъ беретъ свое начало изъ горъ Байнъ чжӯрӯхэ̀, течетъ на юго-западъ и впадаетъ въ Дала̀й нӯръ; послѣднія два изъ этихъ показаній вѣрны, но начало Гунго̀ра, по словамъ мѣстныхъ монголовъ, лежитъ не въ горахъ Байнъ-чжӯрӯхэ̀, а въ высотахъ, находящихся къ востоку отъ этихъ горъ. Слѣдуя по долинѣ Гунго̀ръ го̄ла, мы въ 5 ч. 35 м. вступили въ пески рыхлые, но не сыпучіе и поросшіе травою. Они носятъ названіе Ирэ̄нъ хошӯнай элэсӯ, такъ какъ состоятъ изъ нѣсколькихъ увало̀въ, кажущихся со стороны степи разноцвѣтными мысами, вслѣдствіе различной окраски самыхъ песковъ: есть здѣсь пески и бѣлые, и сѣрые, и желтые. Продолжаются они однако очень не долго, всего версты на четыре, такъ что въ 6 ч. 45 м. мы уже оставили ихъ за собою, а на смѣну ихъ явились увалы, покрытые прекраснымъ и жирнымъ востре̄цомъ. Такіе богатые корма даже въ Монголіи встрѣчаются очень рѣдко, а потому въ 7 ч. 15 м. мы и остановились на нихъ для ночлега.

1-е Іюня. — Вторникъ.

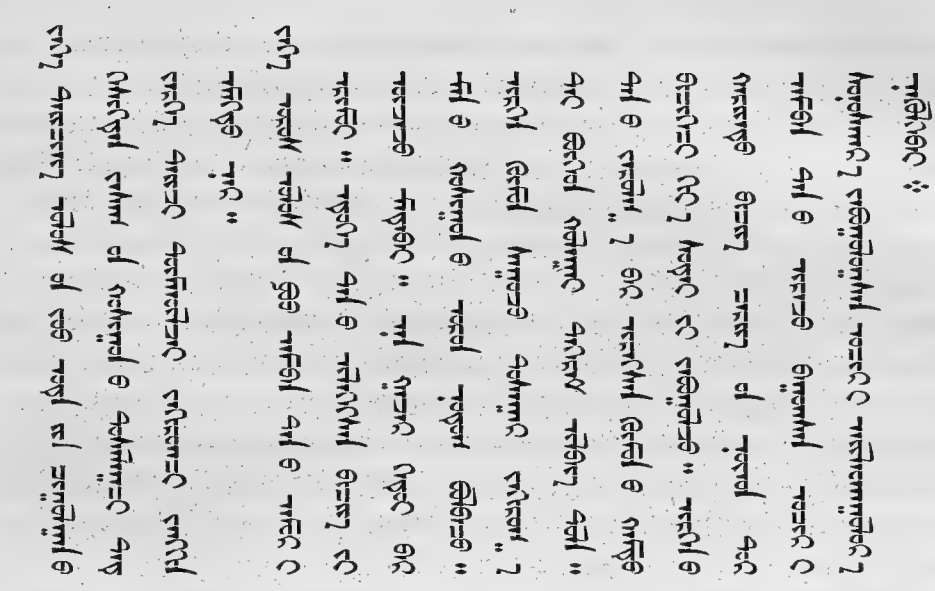
6 ч. +12°; 9 ч. +17°; 12 ч. +19°; 3 ч. +22°; 6 ч. +20°; 9 ч. +14°.

Двинулись съ мѣста въ 6 ч. 10 м. и продолжали путь сначала по той же долинѣ, а засимъ въ 7 ч. 25 м. въѣхали въ горы Усӯнъ тӯрӯнэй ӯла. Горы частію, и особливо по правую сторону, утесисто каменистыя, частію же, и преимущественно по лѣвой сторонѣ, имѣютъ супесчаную

почву; въ первыхъ изъ этихъ мѣстъ мы увидали массу горныхъ рябчиковъ; во вторыхъ — находили пашни, хотя никакого населенія вблизи не было видно. Перевалъ на южную сторону горъ совершается постепенно, по легкимъ, индѣ песчанымъ, пологимъ уваламъ и дорога, какъ бы отыскивая ихъ и избѣгая трудныхъ и высокихъ подъемовъ, лавируетъ изъ стороны въ сторону по горнымъ падямъ и распадкамъ. Въ 8 ч. 30 м. мы взобрались, повидимому, на высшую точку горнаго перевала и, продолжая путь, увидали рѣчушку Усу̀нъ тӯрӯнъ. Она беретъ свое начало верстахъ въ 9-ти къ сѣверо-западу отсюда, въ тѣхъ же горахъ и отъ ея имени вся дальнѣйшая падь получаетъ названіе Усу̀нъ тӯрӯн'ской. По распросамъ оказалось, что во всѣхъ здѣшнихъ урочищахъ, составляющихъ, можно сказать, сѣверо-западную границу вѣдомства Бирӯ хото̀, проживаютъ солдаты Лу-инъ, три года тому назадъ высланные изъ Сюаньхуа-фу, для охраны мѣстныхъ обывателей. Всего ихъ поселено здѣсь по р. Усу̀нъ-тӯрӯну 70 человѣкъ; теперь всѣ они перекупили себѣ земли у здѣшнихъ китайцевъ и поголовно занимаются хлѣбопашествомъ. Засѣваютъ просо и особливо пшеницу, которая въ хорошіе годы урожается здѣсь самъ-тридцать; такъ въ минувшемъ году солдатъ, съ которымъ пришлось мнѣ разговаривать, высѣявъ на одинъ «чинъ» земли одинъ данъ пшеницы, получилъ отъ этого посѣва 31 данъ зерна. Теперь мы застали этихъ солдатъ занятыхъ полоніемъ и чисткою пшеничныхъ полей, что совершается весьма удобно при общеупотребительномъ въ Китаѣ способѣ посѣва вслѣдъ за сохою: результатомъ сего является то, что сорныя травы растутъ только между межами и легко удаляются съ полей будучи подрѣзаны особаго рода скребками. За полями солдатъ, внизъ по теченію рѣки, потянулись пашни поселянъ и вообще вся падь Усу̀нъ тӯрӯн'а такъ сильно разработана, что на ней не остается ни одного свободнаго клочка земли. Въ 10 ч. 10 м. мы въ первый разъ переѣхали вбродъ Усу̀нъ-тӯрӯнъ: рѣка имѣетъ здѣсь ширины около 5 саженей, но вода не течетъ по всему руслу а еле занимаетъ $^1/_3$ его, при глубинѣ двухъ, трехъ вершковъ; дно усѣяно мелкой галькой и препятствій здѣшняя переправа никогда и никакихъ представить не можетъ. За переправою снова начались пашни поселянъ-китайцевъ, отдѣльныя фанзы и жилища которыхъ отстоятъ другъ отъ друга на 125, много на 150 саж. Въ деревни здѣшнія поселенія группируются очень рѣдко, такъ что, помимо солдатскихъ жилищъ, мы повстрѣчали въ 10 ч. утра только одинъ поселокъ, именуемый Шэнь-вань-цза и заключающій въ себѣ 18 дворовъ. Въ 11 ч. 15 м. намъ указали одну небольшую свободную отъ пашень полянку, на которой можно было сдѣлать привалъ, но мѣстечко это очевидно эксплуатируется проѣзжающими такъ сильно,

что наши животныя могли здѣсь только полежать, да отдохнуть, оставаясь почти вовсе безъ пищи. Чтобы продолжать дальнѣйшій путь мы тронулись въ 2 ч. 15 м. и черезъ полтора часа, т. е. верстъ черезъ 5, 6, по дорогѣ нашей начались сыпуче-песчаные увалы, носящіе общее названіе хӯрӑй хошӯ, отчего движеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ: мѣстами глубина колеи сыпучаго песка доходитъ до полуаршина и болѣе. Въ 4 час. 45 мин., выбравшись изъ этихъ песчаныхъ уваловъ, мы вступили въ песчаную же равнину, имѣющую до 2 верстъ ширины и верстъ на 8 длины. Рѣка Усӯнъ-тӯрӯнъ разливается здѣсь широко и, при нашей переправѣ черезъ нее въ 5 часовъ, русло ея оказалось имѣющимъ уже болѣе 50 саж., хотя вода по нему текла лишь у береговъ неглубокими протоками саженей въ 5 каждая. Въ 5 ч. 30 м. мы, проѣхавъ мимо стѣнъ города Бирӯ-хотӧ, остановились лагеремъ въ углу, образуемомъ городскими стѣнами и соприкасающимися имъ постройками главной кэшиктэнской хӯрѣ.

Кажется не прошло еще и часа послѣ этой остановки, какъ ко мнѣ явился секретарь-адъютантъ мѣстнаго хошӯннаго управленія, который, отъ имени управлявшихъ хошӯномъ тусалахчѝ и цзахирахчѝ, спросилъ меня, кто я, куда и зачѣмъ ѣду? Я велѣлъ передать, что я русскій чиновникъ, возвращающійся изъ Пекина на родину, сюда же пріѣхалъ, чтобы познакомиться съ мѣстностью и посмотрѣть на городъ. Секретарь ушелъ, но черезъ полчаса явился снова и сказалъ, что правители его спрашиваютъ у меня мой паспортъ и что далѣе они очень озабочены моимъ пріѣздомъ, такъ какъ въ городѣ у нихъ и въ окрестностяхъ онаго страшное воровство и грабежи, бываютъ даже случаи убійствъ; что пребываніе мое здѣсь не безопасно, а потому они почитаютъ необходимымъ, чтобы я сообщилъ о своемъ прибытіи китайскому правителю города и начальнику мѣстныхъ войскъ. Я отправилъ съ паспортомъ Ѳедорова, приказавъ ему показать паспортъ правителямъ и тотчасъ же принести обратно. Вмѣстѣ съ симъ я написалъ письмо къ правителямъ, въ которомъ, повторивъ все вышеизложенное о своей личности, прибавлялъ еще, что не имѣю у себя человѣка, котораго бы послать въ китайскій ямунь, такъ какъ состоящій при мнѣ Ѳедоровъ не говоритъ ни по китайски, ни по монгольски; если же тусалахчѝ почитаетъ необходимымъ извѣстить означенныхъ имъ лицъ, то я прошу его послать съ этою цѣлью отъ себя человѣка. Послѣ сего секретарь и Ѳедоровъ ушли и въ отсутствіе послѣдняго я получилъ отъ тусалахчѝ и цзахирахчѝ совмѣстное ихъ письмо, которое въ своемъ монгольскомъ текстѣ отъ слова до слова гласило слѣдующее:



Въ переводѣ это значитъ:

«Великаго Дайцѝнскаго государства, Чжӯ-удà'скаго сейма, хошӯна кэшиктэ̀нскаго цзасакà, тусалахчѝ, тàйчжи 2-го класса, Тӯмэ̀нъ-ӱлцзэ̀й и цзахирахчѝ Эмэктӯ.

Великаго Русскаго государства По-амбà̀ню желаютъ здравствовать.

Препровожденное Вами письмо мы разсмотрѣли и поняли. Мѣстность эта хотя и составляетъ кочевья нашего хошӯна, но такъ какъ въ ней проживаютъ китайцы, состоящіе въ отдѣльномъ завѣдываніи, воровства и разбоевъ очень много, то мы, вмѣстѣ съ посланнымъ Вами человѣкомъ, командировали секретаря-адъютанта Судà̀й'я, чтобы они дали знать о Вашихъ, амбà̀нь, пріѣздѣ и остановкѣ здѣсь подлежащимъ китайскимъ гражданскимъ и военнымъ правителямъ. Объ обстоятельствѣ этомъ мы и посылаемъ довести до Вашего свѣдѣнія».

Получивъ это письмо, въ которомъ правители, не стѣсняясь иностранца, на бумагѣ заявляли ему объ обиліи у нихъ грабежей и воровства, я увидалъ, что пріѣздъ мой въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ надѣлать много хлопотъ. Возвратившійся Ѳедоровъ сообщилъ мнѣ, что ему пришлось побывать въ трехъ ямуняхъ: хошӯнномъ, китайскаго правителя города и военнаго начальника мѣстнаго гарнизона. По моему наказу, онъ повсюду передавалъ, что мнѣ не нужно ни какой охраны и что ночныхъ воровъ и разбоя мы не боимся, а что, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній, желали бы лишь одного, чтобы поменьше днемъ бродило около нашего лагеря нищихъ. Дѣйствительно, самая разношерстная толпа, начиная отъ самыхъ богатыхъ городскихъ купцевъ и оканчивая полуголымъ нищимъ,

все время осаждала нашъ мàйханъ, посматривая то на насъ, то наши вещи и выражая свои замѣчанія и догадки по поводу того или другого своего наблюденія. Часовъ въ 9 вечера, когда народъ разошелся и совершенно стемнѣло, ко мнѣ явился шабрòнъ, хубилгàнъ здѣшняго монастыря. Онъ не стѣсняясь заявилъ, что положеніе его не дозволяло ему придти раньше, при народѣ, хотя ему очень хотѣлось познакомиться съ русскимъ. Узнавъ, что я пробуду здѣсь завтрашній день, онъ любезно просилъ меня перекочевать къ нему завтра утромъ. Просидѣвъ до половины 11-го часа, онъ ушелъ и я тотчасъ же улегся спать; но едва только сомкнулъ глаза, какъ услыхалъ новый шумъ прибывшихъ людей: оказалось, что правитель города прислалъ своего чиновника списать мой паспортъ, а начальникъ мѣстнаго гарнизона откомандировалъ трехъ солдатъ для охраны моей личности. Я поручилъ Ѳедорову посидѣть, пока чиновникъ будетъ списывать паспортъ и заснулъ «въ себѣ дивяся бывшему».

2-е Іюня. Среда.

6 ч. +12°; 9 ч. +18°; 12 ч. +21°; 3 ч. +26°; 6 ч. +19°; 9 ч. +14°.

Проснувшись въ 5 ч. утра, я долженъ былъ будить и свою прислугу, и своихъ караульныхъ. Отпуская послѣднихъ, я далъ имъ по рублевику, противъ чего страшно хотя и глухо возроптали мои монголы: «эти собаки», говорили они, «пришли и тотчасъ же начали просить у насъ ужинъ, а когда мы имъ не дали, они залегли спать и спали вотъ до тѣхъ поръ, пока вы разбудили ихъ; по правиламъ, ихъ нужно бы наругать хорошенько, а вы награждаете ихъ деньгами!» — Напившись чаю, я отправился дѣлать визиты въ хошӯнный ямунь къ тусалахчѝ и цзахирахчѝ, а потомъ къ ширѣтӯ ламàйнъ шабрòну. Тусалахчѝ оказался простоватымъ и добродушнымъ старичкомъ; цзахирахчѝ былъ напротивъ человѣкомъ важнымъ, образованнымъ по китайски, плутоватымъ по монгольски и потому держащимъ себя не всегда вполнѣ тактично. Его китайское образованіе, полукитайская рѣчь, пріемы въ обращеніи и особенности костюма, все обличало въ немъ ревнителя и приверженца китайскаго быта; между тѣмъ съ чисто монгольской плутовской политикой, онъ при мнѣ началъ бранить китайцевъ и выказывать мнѣ, что правленіе маньчжурской династіи теперь уже не продержится долго. Такіе характеры у монгольскихъ чиновниковъ встрѣчаются довольно часто: обладатели ихъ крайне не симпатичны, но обыкновенно слывутъ за людей мудрыхъ, дипломатовъ, и всегда играютъ большую роль въ дѣлѣ администраціи. Просидѣвъ въ ямунѣ около получаса, я отправился къ хубилгàну, который снова выразилъ мнѣ свою просьбу переѣхать къ нему; я съ охотою принялъ теперь это предложеніе тѣмъ больше, что

толпы народа съ утра осаждали наше стойбище, а возвратившись домой, я узналъ, что у насъ уже повыкрали всѣ желѣзные колышки нашего мàйхана и замѣнили ихъ деревянными. Въ 11 часовъ я перекочевалъ во дворъ хубилгàна и засимъ отправился осматривать городъ.

Бирӯ хотò извѣстенъ у китайцевъ подъ именемъ Цзинь-пынъ чэн'а (金棚城). Городъ располагается на самомъ лѣвомъ берегу Усӯнъ тӯрӯн'а, при главной хӯрѣ кэшиктэнскаго хошӯна и приблизительно въ 30 ли къ сѣверу отъ Шарà мӯрэни. Обосновался онъ на мѣстѣ шалашей, которые ежегодно устроивали себѣ воровски промылявшіе здѣсь добычею золота китайцы около 80 лѣтъ тому назадъ, до той же поры здѣсь не было ни какихъ поселеній помимо хошӯннаго хӯрѣ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ китайскихъ выходцевъ вообще, городъ разростался все больше и больше, мѣстонахожденіе же его на большомъ торговомъ трактѣ, соединяющемъ Маньчжурію (собств. Гуанъдунъ) съ областями Долōнъ-нӯр'ской и Калганской, много способствовало распространенію о немъ славы какъ о порядочномъ торговомъ пунктѣ. Въ года правленія Тунъ-чжи (1862—1874) городъ имѣлъ у себя до 8 тыс. жителей; но въ первые года Гуанъ-сюй число это значительно сократилось вслѣдствіе случившагося съ городомъ несчастія. Въ 1876 году необыкновенный и неожиданный разливъ Усӯнъ тӯрӯн'а смылъ съ лица земли цѣлыхъ двѣ улицы, причемъ погибло до 1000 человѣкъ, да вдвое большее число осталось безъ крова и покинуло городъ, что бы искать себѣ пристанища въ хошӯнѣ, на пашняхъ. Результатомъ этого было то обстоятельство, что городъ на нѣкоторое время упалъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ началъ возрастать снова. Въ 1881 г., послѣ извѣстнаго возстанія китайцевъ и бунта ихъ въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ, сюда откомандировано было до 500 солдатъ «лу-инъ» для постояннаго жительства здѣсь и надзора за этой мѣстностью. Такое увеличеніе числа служилыхъ лицъ повлекло за собою еще большій наплывъ мелочныхъ китайскихъ торговцевъ, которые на этотъ разъ начали строить свои бàйшины уже не по берегу Усӯнъ тӯрӯна, а по другую, сѣверную сторону города и такъ, что поселенія китайцевъ въ какихъ нибудь два года дошли до построекъ кэшиктэнскаго сӯмэ и совершенно слились съ ними. Въ настоящую пору городъ имѣетъ форму іероглифа 上, основаніе коего представляется только нѣсколько удлиненнымъ. Вообще городъ растягивается длинною линіею съ запада на востокъ, послѣдуя въ этомъ направленіи теченію Усӯнъ-тӯрӯна, съ сѣвера же на югъ съ нимъ соприкасаются постройки кэшиктэнской хошӯнной хӯрѣ. Снаружи Бирӯ хотò окруженъ стѣною, въ двѣ маховыхъ сажени по высотѣ и въ одинъ сырцевый кирпичъ толщиною. Стѣна эта не ежегодно, а почти ежемѣсячно разру-

шается то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ, и оттого представляется теперь испещренною заплатами и очень не взрачною на видъ. Бирӯ хотò искони состоялъ въ вѣдѣніи долбнъ нӯр'скаго тунъ-чжи; но съ возрастаніемъ города, въ началѣ 1880-хъ годовъ, сюда откомандированъ былъ особый маленькій чиновникъ, съ мѣднымъ шарикомъ, носящій званіе «сюнь-цзяня»; говорятъ впрочемъ, что эта командировка состоялась лишь съ вѣдома долбнъ-нӯр'скаго тӯнъ-чжи и сюань-хуа-фу'скаго дао-тая, не будучи извѣстна высшему китайскому правительству, такъ что, по свѣдѣніямъ министерствъ, сюнь-цзянь этотъ числится и теперь состоящимъ на должности и жительствующимъ въ мѣстечкѣ Бай-цэ-чжи, на правой сторонѣ Шарà мӯрэ̀ни, къ юго-западу отъ Бирӯ хотò. Другимъ свѣтскимъ правителемъ является здѣсь «шуй-цзянь», т. е. чиновникъ, завѣдывающій сборомъ установленныхъ въ городѣ пошлинъ съ товаровъ. Бирӯ'ская таможня учреждена только съ 1884 г. и опять таки по ходатайству долбнъ-нӯрскаго тӯнъ-чжи и съ разрѣшенія сюань-хуа-фу'скаго дао-тая, но безъ доклада о семъ пекинскому высшему правительству. Дѣло въ томъ, что долбнъ нӯрская таможня, обыкновенно дававшая прежде годовыхъ сборовъ пошлинъ не менѣе 16.000 ланъ серебра, за послѣдніе годы стала отличаться значительнымъ недоборомъ; для поправленія то средствъ ея долбнъ-нӯрскій тунъ-чжи и придумалъ перевести таможенное учрежденіе, установленное въ Дунъкоу, въ Бирӯ-хотò, гдѣ, по его вполнѣ вѣрнымъ разсчетамъ, сборъ пошлинъ могъ совершенно пополнить долбнъ-нӯрскіе недочеты. Сборъ пошлинъ въ Бирӯ сосредоточивается въ одномъ только ямунѣ, безъ подраздѣленія на отдѣлы. Пошлины за товаръ взимаются только съ китайцевъ, монголы же, привозящіе на продажу въ городъ продукты степей, ничего не платятъ. Установленный тарифъ исчисляется: съ пригоняемой лошади — 4 цина серебра; съ быка — 1 цинъ 2 фына; съ овцы — 10 чжбсу; съ лошадиной и бычьей кожи — 8 чжбсу; съ овечьей и козлиной кожи — 2 чжбсу; съ крупы, проса и хлѣба въ зернѣ — по 60 чжбсу съ каждаго дàна; съ фунта водки — 4 чжбсу; съ фунта муки — 1 чжбсу; съ дорогихъ мануфактурныхъ товаровъ — по 3 лана съ вьючнаго мула; дешевая мануфактура — 1 л. 2 цина съ таковаго же количества.

Какъ уже было замѣчаемо выше, въ Бирӯ и его окрестностяхъ состоитъ теперь нѣкоторое количество войскъ, поселенныхъ для охраны этой мѣстности. Первое прибытіе сюда войскъ относится къ началу 1880-хъ годовъ, когда въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ произошло мѣстное возстаніе. Впослѣдствіи войска эти уходили и прибывали снова, такъ что изъ мѣстныхъ жителей рѣшительно никто не могъ сказать мнѣ, сколько именно находится здѣсь гарнизона въ настоящее время. Три года тому назадъ, когда въ хошӯ-

нахъ юго-восточной Монголіи снова вспыхнуло возстаніе китайцевъ, въ предѣлы долōнъ-нӯрскаго округа снова были командированы изъ Сюань-хуа-фу войска, изъ отдѣла Лу-инъ, такъ называемые Чжэнъ бинъ (正兵), какъ конные такъ и пѣхотинцы, и въ томъ числѣ для охраны Бирӯ и его окрестностей назначено было двѣ «лянъ-цзы», по 500 человѣкъ каждая, одна конницы и одна пѣхоты. По прибытіи ихъ въ Бирӯ хото, они были распредѣлены такимъ образомъ, что въ самомъ городѣ осталось 100 человѣкъ конныхъ и 100 человѣкъ пѣшихъ солдатъ, остальные же расквартированы по урочищамъ: Усӯнъ тӯрӯнъ — всего 70 человѣкъ; по р. Гунгӧру — 50 человѣкъ; въ Гунгӧрыйнъ-шарà гōлъ — 20 человѣкъ; въ Лю-цзя-инъ-цза — 50 человѣкъ; засимъ въ Ту-чэнъ-цза, Хунъ-ци-инь-цза; Шуй-чжуань-цза, Гоу-мынь-цза и др. Всѣ они постоянно должны были разъѣзжать по дорогамъ и выслѣживать подозрительныхъ людей, охраняя мирныхъ путниковъ; но какъ мы уже видѣли исполняется это очень плохо и вмѣсто военной службы солдаты эти спокойно занимаются хлѣбопашествомъ. Содержаніе ихъ исчисляется въ размѣрѣ 7 ланъ, 5 циновъ въ мѣсяцъ конному солдату и 3-хъ ланъ пѣхотинцу. Конница вся вооружена короткоствольными ружьями Винчестера, а пѣхота имѣетъ частію пистонныя ружья, частію фитильныя, нѣкоторые же вовсе не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія и довольствуются шашками, лукомъ и стрѣлами. Такъ какъ надежда на эту охрану у китайцевъ оказалась плохая, то кэшиктэнскій хошӯнъ уже отъ себя организовалъ изъ числа своихъ податныхъ особый отрядъ, въ 35 человѣкъ, вооруживъ его пистонными ружьями. Китайскіе купцы, отправляя теперь свои караваны, особливо къ югу, постоянно приглашаютъ этихъ солдатъ для сопровожденія, уплачивая имъ за это ничтожную сумму, вродѣ 100 чеховъ, или 15 коп., въ сутки на человѣка.

Изъ числа общественныхъ зданій въ Бирӯ хотӧ имѣются одна китайская кумирня и одинъ театръ, которые помѣщаются уже за городомъ, на восточной сторонѣ онаго; и ламайская кумирня кэшиктэнскаго хошӯна, о которой будемъ говорить мы ниже. Мусульманской мечети въ Бирӯ хотӧ нѣтъ, хотя въ городѣ насчитываютъ не менѣе 1000 человѣкъ мусульманъ.

Общее число населенія въ Бирӯ хотӧ достигаетъ до 10 тыс. человѣкъ. Большая часть его, говорятъ, составляется не изъ коренныхъ китайцевъ «хань-жэнь», а изъ такъ называемыхъ «мань-цзы» (蠻子). Почти всѣ они поголовно занимаются, или по крайней мѣрѣ мнятъ себя занимающимися торговлею.

О Бирӯ хотӧ вообще говорятъ, что городъ этотъ не такъ великъ и значителенъ, какъ много о немъ славы; этимъ и объясняется большой приливъ къ нему населенія, въ числѣ коего главное количество принадлежитъ,

какъ и повсюду въ этихъ мѣстахъ, безродному и бездѣльному люду. Можно смѣло сказать, что $^2/_3$ городскаго населенія не имѣетъ здѣсь опре-

Общій видъ города Бирӯ-хотò.

дѣленныхъ занятій и средствъ къ существованію: нынче горожанинъ посредничаетъ и руководитъ пріѣхавшаго въ городъ монгола въ покупкѣ имъ товаровъ; назавтра самъ продаетъ полученную, или украденную у этого монгола овечью шкуру; послѣ-завтра шабаритъ у кого нибудь стѣну и т. д.; но спросите каждаго изъ этихъ людей и всѣ они какъ одинъ человѣкъ отвѣтятъ вамъ, что они: торгуютъ. Дѣйствительная торговля въ Бирӯ хотò весьма не обширна, хотя всѣхъ лавокъ считается свыше 500. Лучшую характеристику города представляетъ то, что самыми большими лавками его, ведущими наиболѣе обширную торговлю, представляются лавки «Обществъ заклада движимыхъ имуществъ», изъ числа коихъ богатѣйшимъ считается общество Хэнъ-юй-дэ. Всего такихъ компаній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «данъ-пу», здѣсь четыре, и отъ имени ихъ главная городская улица, на которой онѣ помѣщаются, называется «Данъ-пу-цзѣ». Въ лавкахъ этихъ продаются главнымъ образомъ заложенныя и просроченныя къ выкупу старыя вещи, но помимо того здѣсь имѣются и новые товары, получаемые обществами торговцевъ изъ внутренняго Китая. Вторыми по значéнію и оборотамъ являются лавки, принадлежащія фирмамъ, ведущимъ болѣе или менѣе обширную торговлю съ сѣверомъ Монголіи, отправляя

туда главнымъ образомъ муку, зерновой хлѣбъ, масло, водку и наконецъ мануфактурные товары и чай. Лучшими изъ такихъ фирмъ почитаются слѣдующія:

1) Цинъ-дэ-чжинъ—лучшая и богатѣйшая изъ городскихъ лавокъ. Въ самомъ Бирӯ хотò она торгуетъ главнѣйше мѣднымъ и желѣзнымъ товаромъ, но помимо того занимается еще скупкою привозимаго въ городъ хлѣба. Эготъ послѣдній товаръ направляется ею главнымъ образомъ въ Ургу, гдѣ Цинъ-дэ-чжинъ хотя не имѣетъ своей лавки, однако содержитъ постояннаго агента.

2) Хэ-шэнъ-юй — имѣетъ еще свои лавки въ Калганѣ, Долōнъ-нӯрѣ и въ Ургѣ.

3) Лянъ-суй-тай имѣетъ торговыя связи въ Ургѣ.

4) Юань-шэнъ-тай имѣетъ лавки въ Калганѣ и Ургѣ.

5) Сянь-сюнъ-хэ—самая старая лавка въ Бирӯ-хотō; она первая, прибывъ изъ Долōнъ нӯра, открыла здѣсь свою торговлю.

6) Гуанъ-фынъ-лунъ, 7) Гуанъ-хэ-у, 8) Сы-хэ-юань и 9) Шанъ-хэ-чэнъ, всѣ торгуютъ съ сѣверомъ Монголіи и имѣютъ свои лавки въ Ургѣ.

10) Фу-хунъ-юнъ считается богатою кажется только потому, что въ ней всегда можно найти шелковыя матеріи, хотя цѣлыми кусками такихъ матерій она не торгуетъ никогда.

Главнѣйшую отпускную торговлю этихъ фирмъ и лавокъ составляетъ хлѣбъ какъ зерновой, такъ и молотый. Онъ приходитъ сюда изъ хошӯновъ кэшиктэнскаго, бāриньскаго и вообще, можно сказать, со всего чжӯудà'скаго сейма, а равно отъ китайцевъ Чи-фынъ-сяня, или Улāнъ-хада. Хлѣба отпускается изъ Бирӯ не меньше 30,000 телѣгъ, и не далѣе какъ дней за 10 до моего пріѣзда, было отправлено въ Ургу около 1000 телѣгъ. Изъ Гуанъ-дуна черезъ Бирӯ проходитъ до 10,000 телѣгъ, нагруженныхъ водкою, табакомъ, конопляннымъ масломъ (ма-ю) и отчасти мукою; далѣе товаръ этотъ направляется или на сѣверъ, или въ Долōнъ-нӯръ. Чай, приходитъ въ Бирӯ хотò или изъ Долōнъ-нӯра, или изъ Калгана и идетъ частію для мѣстнаго потребленія, а частію движется далѣе на сѣверъ, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ; всего выпускается его изъ города не свыше 3,000 мѣстъ въ годъ. Мануфактурные товары получаются въ Бирӯ хотò изъ Долōнъ-нӯра, а главнымъ образомъ изъ Улāнъ хадà и Пагоу. Сорты товаровъ — самые низшіе, но продаются они здѣсь по цѣнамъ одинаковымъ съ товарами долōнъ нӯрскими, отличающимися несравненно высшимъ достоинствомъ. Торговля скотомъ производится въ Бирӯ хотò далеко не въ такихъ большихъ размѣрахъ какъ въ Долōнъ-нӯрѣ; но отличительную черту этой торговли составляетъ здѣсь то,что между тѣмъ какъ

въ Долōнъ-нӯрѣ въ теченіе четырехъ холодныхъ мѣсяцевъ года почти вовсе нельзя достать овцы, въ Бирӯ хотò круглый годъ можно купить и лошадей, и быковъ, и барановъ; только верблюды здѣсь являются какъ рѣдкость. Происходитъ это оттого, что, по убѣжденію монголовъ, въ Бирӯ хотò всегда найдутся покупатели и при томъ по болѣе сходной, и главное болѣе опредѣленной цѣнѣ, такъ какъ окрестное китайское земледѣльческое населеніе постоянно нуждается въ скотѣ. Въ Долōнъ-нӯрѣ такой потребности не имѣется и скотъ пріобрѣтается тамъ только на выгонъ и для перепродажи; цѣна на него страшно измѣняется при наличности и отсутствіи покупателей изъ внутренняго Китая. Въ силу такихъ то соображеній монголы не только такихъ хошӯновъ какъ Бāринь, Арӯ хорчѝнъ, или юго-восточныхъ границъ халхàскаго àймака Цэцэнъ-хāна, а даже Абагà и Сунѝты, при необходимости продать не гуртъ, а три, четыре, десять скотинъ, по большей части гонятъ ихъ не въ Долōнъ-нӯръ, а въ Бирӯ хотò.

Какъ и всякій болѣе или менѣе значительный пунктъ Бирӯ-хотò имѣетъ у себя четыре мѣняльныя лавки. Одна лана серебра мѣняется здѣсь на 2400 номинальныхъ чеховъ, причемъ 68 дѣйствительныхъ монетъ считается за 100 номинальныхъ; такимъ образомъ на лану серебра дается собственно 1632 чехи.

Чехи не высокаго достоинства и при розничной уплатѣ приходится выбрасывать до 12%.

На ряду съ лавками въ городѣ помѣщаются мастерскія: есть здѣсь четыре кожевенныхъ завода; до десяти заведеній, фабрикующихъ и продающихъ войлока; столько же столярныхъ и заведеній металлическихъ издѣлій, одновременно служащихъ и кузницами; дровяныхъ складовъ въ городѣ считается 8; гостинницъ для проѣзжающихъ 12. Всѣ эти лавки и заведенія располагаются по тремъ главнымъ городскимъ улицамъ, называемымъ: Дашъ-пу-цзѣ, Дэнъ-пинъ цзѣ и Да-нань-цзѣ. Помимо сего въ городѣ имѣется три четыре переулка, служащихъ притономъ самаго бѣднаго люда. Нищихъ, бывавшихъ всегда въ Бирӯ хотò въ великомъ множествѣ, за послѣднее время увеличилось еще больше. Все населеніе Бирӯ хотò не свыше 10 тыс.; но когда нынѣшнею зимою мѣстный градоначальникъ задумалъ однажды раздать пособіе бѣднымъ, то къ нему явилось въ одинъ день 6200 человѣкъ и это не злоупотребителей, готовыхъ поживиться казеннымъ кускомъ хлѣба, а дѣйствительно оборванныхъ и вовсе нагихъ кандидатовъ на голодную смерть. Массы такихъ, буквально голыхъ и изможденныхъ голодомъ людей мнѣ не только пришлось видѣть сидящими, но и слышать, что они на этихъ самыхъ мѣстахъ живутъ, родятся и умираютъ: показывали женщину-нищую, которая за два дня передъ симъ тутъ же на

улицѣ родила ребенка, а о случаяхъ смерти и говорить нечего. Можно представить поэтому какія сцены встрѣчаются на улицахъ Бирӯ. За послѣдній годъ число нищихъ возросло здѣсь потому, что въ городъ явилась масса поселянъ китайцевъ, утратившихъ свои пашни въ аоханьскомъ и онютскомъ аймакахъ во время послѣдней инсуррекціи. Живутъ они теперь исключительно подаяніями и воровствомъ.

Какъ уже было сказано выше, Бирӯ хотò построился около главной кумирни кэшиктэнскаго хошӯна. Монастырь этотъ очень не большой и количество постоянно живущихъ въ немъ ламъ не превышаетъ 60 человѣкъ. Обосновался монастырь лѣтъ 200 тому назадъ, но съ той поры въ немъ не сохранилось ни одного зданія. Всего въ монастырѣ имѣется пять кумирень, чисто китайской архитектуры, да и вообще всѣ монастырскія постройки возведены здѣсь на китайскій ладъ. Въ монастырѣ чествуется бурханъ Хлама и отправляется служеніе «чжудъ», но цанитской школы нѣтъ и для изученія цанита ламы отправляются больше всего въ Гумбӯмъ. Высшимъ начальникомъ монастыря, равно какъ и первенствующимъ ламою для всѣхъ кумирень кэшиктэнскаго хошӯна, почитается теперь Ширѣтӯ ламайнъ шабронъ, являющійся нынѣ въ третьемъ своемъ перерожденіи. Самъ ширѣтӯ лама былъ извѣстенъ какъ ревностный послѣдователь будды и устроитель ламскаго быта въ хошӯнѣ. При немъ построилось пять хошӯнныхъ кумирень; онъ же, желая чтобы въ каждой кумирнѣ непремѣнно отправлялись круглый годъ хуралы, убѣдилъ мѣстное хошӯнное начальство учредить при каждой кумирнѣ штаты ламъ, съ назначеніемъ этимъ ламамъ особаго содержанія отъ хошӯна. За всѣ эти добродѣтели ламы, по смерти ширѣтӯ-ламы, объявили его святымъ и начали искать его перерожденія. На первый разъ оказалось, что ширѣтӯ лама возродился сыномъ здѣшняго же цзасака; такимъ образомъ въ предшествовавшемъ настоящему колѣнѣ свѣтская и духовная власть въ этомъ хошӯнѣ была сосредоточена въ рукахъ двухъ братьевъ. По смерти этого перваго перерожденія Ширѣтӯ гэгэна, новый, настоящій хубилганъ его возродился въ хошӯнѣ Абага (оффиціал. Абаганаръ) бэйлэ, сыномъ нѣкоего тайчжія. Въ настоящее время ему только 20 лѣтъ, но это уже откормленный, тучный, вполнѣ сложившійся мужщина. Жизнь онъ ведетъ очень простую и открытую: почти каждый китаецъ приходитъ къ нему безъ стѣсненія, для бездѣльной бесѣды; то же самое можно сказать и обо всѣхъ свитскихъ. Шабронъ пьетъ вино, куритъ табакъ, словомъ держитъ себя совершенно свѣтскимъ. Будучи человѣкомъ не богатымъ, онъ побратался съ сыномъ одного богатаго китайскаго купца, который теперь снабжаетъ его кое какими деньгами, возмѣщая данное десятерицею съ хошӯна.

Настоящій ширѣтӯ ламàйнъ шабрòнъ почитается ближайшимъ родственникомъ бывшаго кэшиктэ̀нскаго князя, такъ какъ составляетъ перерожденіе его старшаго брата. Народное убѣжденіе въ этомъ сильно до такой степени, что когда кэшиктэ̀нскій князь умеръ бездѣтнымъ, то хошӯнъ хотѣлъ даже ходатайствовать объ утвержденіи хошӯннымъ цзасакòмъ этого шабрòна. Послано было особое посольство къ Чжанчжà хутухтѣ, которое однако не имѣло особаго успѣха. Чжанчжà-хутухтà отвѣчалъ, что съ одной стороны не прилично шабрòну снимать съ себя духовное платье и мѣнять его на свѣтское; во вторыхъ — не слѣдуетъ шабрòну унижать себя, мѣняя высшую, духовную власть на низшую, свѣтскую; въ третьихъ, наконецъ, хотя и можно думать, что китайское правительство при особыхъ хлопотахъ утвердитъ шабрòна цзасакòмъ, однако хлопоты эти будутъ стоить хошӯну очень дорого, почему онъ, Чжанчжà хутухтà, не совѣтуетъ даже и поднимать ихъ. Такимъ образомъ хошӯнъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе и въ настоящее время правители его составляли между собою новый совѣтъ для рѣшенія вопроса о томъ, кому передать власть цзасакà хошӯна. Что касается Ширѣтӯ ламàйнъ шабрòна, то онъ остается въ своемъ старомъ положеніи духовнаго владыки хошӯна и начальника всѣхъ, состоящихъ въ хошӯнѣ кумирень. По

Ширѣту-ламàйнъ шабрòнъ.

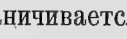
этому своему званію онъ получаетъ отъ хошӯна особое содержаніе, которое составляютъ получаемые ламдю въ годъ: а) 10 живыхъ барановъ, б) 10 бараньихъ тушъ, собственно «ӯчи», т. е. мясо цѣлаго барана, но безъ кожи, безъ головы и внутренностей; в) 20 гиновъ чаю, сорта «бортогонъ», или «хамбо»; г) 30 гиновъ свѣчей; д) 200 вязянокъ хворосту для топлива и е) 3 дана проса. Норма такого содержанія установлена первымъ Ширѣтӯ-ламдю, равно какъ имъ же опредѣлено, что каждый штатный лама какой бы то ни было кумирни въ хошӯнѣ получаетъ въ годъ содержанія 3 дана проса.

Возвратившись домой по осмотрѣ города, я долженъ былъ самъ принимать визиты. Подъ этимъ разумѣю я, конечно, не посѣщеніе меня Ширѣтӯ ламайнъ шабронъмъ, который, можно сказать, сидѣлъ у меня безвыходно, а посѣщеніе тусалахчи и цзахирахчи, которые пришли вмѣстѣ и ушли врознь, наконецъ посѣщенія нѣкоторыхъ чиновныхъ ламъ кумирни. Первыми явились тусалахчи и цзахирахчи. Тусалахчи и здѣсь держалъ себя почти безгласно и всѣ его рѣчи вертѣлись около принадлежностей моего костюма; цзахирахчи, напротивъ, оказался человѣкомъ очень интереснымъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что я встрѣтилъ ихъ здѣсь случайно: постоянно они живутъ при хошӯнномъ управленіи (тамага), теперь же они собрались сюда собственно для частныхъ совѣщаній съ народомъ, или лучше съ его правителями, относительно выбора будущаго цзасака.

Родъ кэшиктэнскихъ цзасаковъ современные кэшиктэны принуждены считать отъ отца послѣдняго кэшиктэнскаго правителя. Цзасакъ этотъ, извѣстный у нихъ подъ именемъ «нойнъ-аба», имѣлъ у себя трехъ сыновей. Старшій изъ нихъ умеръ еще при жизни отца, оставивъ по себѣ двухъ сыновей; второй сынъ, по имени Дава-дорчжи, былъ объявленъ Ширѣтӯ ламайнъ шабронъмъ, а къ третьему, Шамбѣ, за смертію старшаго сына, перешло управленіе хошӯномъ. Сдѣлавшись цзасакомъ, онъ имѣлъ у себя, отъ двухъ женъ, трехъ дочерей и ни одного сына; поэтому то и произошло теперь затрудненіе въ выборѣ цзасака. Вмѣсто прямого наслѣдника, хошӯну приходится хлопотать за племянниковъ, причемъ въ выборѣ послѣднихъ хошӯнъ также раздѣлился. Одни, стоя на правѣ первородства и выставляя на видъ, что при этомъ, вполнѣ законномъ и вполнѣ правильномъ наслѣдованіи цзасака, хлопоты объ его утвержденіи будутъ стоить хошӯну дешевле, настаиваютъ на необходимости ходатайствовать за старшаго племянника, Намчжала; другіе, въ томъ числѣ и цзахирахчи, указывая на то, что Намчжалъ человѣкъ совершенно неученый, а потому неспособный блюсти такой серіозный хошӯнъ какъ кэшиктэнскій, ратуютъ за второго, младшаго племянника, Дорчжи, получившаго должное образо-

ваніе и въ то же время человѣка способнаго, пылкаго и лично извѣстнаго Ли-хунъ-чжану. Къ несчастію у Дорчжѝ, когда однажды учился онъ стрѣлять изъ револьвера, разорвало револьверъ и попортило правую руку. Обстоятельство это также выставляется на видъ противниками Дорчжѝ и въ докладѣ богдохāну они пишутъ, что Дорчжѝ не способенъ теперь владѣть исконнымъ оружіемъ монголовъ, не можетъ натянуть лука и слѣдовательно, какой же будетъ онъ предводитель знамени, если не можетъ держать оружія? Пренія по этому поводу велись при мнѣ и кажется, ни одна изъ этихъ сторонъ не намѣрена уступать, а обѣ отправятся хлопотать въ Пекинъ. Ходатайства въ Пекинѣ, конечно, требуютъ денегъ и, для займа ихъ, сторонники Намчжàла посылаютъ посольство подъ начальствомъ шабрòна въ Калганъ, къ русской фирмѣ Коковина и Басова, извѣстной своими многочисленными долговыми обязательствами къ монголамъ вообще.

Кэшиктэнскій хошӯнъ и обязанности цзасакà его являются въ глазахъ кэшиктэновъ особенно важными и сложными въ силу огромнаго количества здѣсь китайскаго населенія. Переселенія китайцевъ на кэшиктэнскія земли начались еще съ 50-хъ годовъ правленія Цянь-луна (около 1780 г.), когда впервые было обосновано здѣсь 30 хлѣбопахотныхъ участковъ, съ разрѣшеніемъ китайцамъ пріобрѣтать эти участки въ собственность и обработывать ихъ подъ поля. При Цзя-цинѣ (1796—1821 г.) число участковъ было увеличено еще на 12-ть и въ настоящую пору вполнѣ законнымъ порядкомъ китайцы имѣютъ въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ 3,280 чѝновъ земли. Общее число китайцевъ-поселенцевъ, обработывающихъ земли и имѣющихъ свои дома, исчисляется въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ въ 50,000 человѣкъ, да на половину этого числа имѣется еще бездомныхъ проходимцевъ, между тѣмъ какъ самихъ кэшиктэновъ насчитывается не свыше 3,000 душъ. Понятно, сколько нужно имѣть здѣсь ума, хитрости и силы, чтобы защищать это слабое населеніе отъ натиска китайцевъ. Въ пору обоснованія паевъ китайцы уплачивали кэшиктэнскому хошӯну нѣкоторую, хотя и весьма незначительную сумму денегъ: бывали случаи, что цинъ земли пріобрѣтался за 3 лана серебра и такимъ образомъ китайцы поскупили почти всѣ находящіяся въ ихъ владѣніи земли, которыя впрочемъ и суть всѣ, пригодныя для хлѣбопашества пространства въ хошӯнѣ. Нынѣ кэшиктэнъ, желающій заняться хлѣбопашествомъ, уже покупаетъ себѣ землю у китайцевъ, причемъ ему приходится уплачивать по лану съ 1-го му и слѣдовательно за цинъ земли, проданной за 3 лана, монголы уплачиваютъ теперь китайцамъ 100 ланъ. Подати, взимаемыя въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ, исчисляются не со скота, какъ это въ Халхѣ и нѣкоторыхъ хошӯнахъ внутренней Монголіи, а съ цѝна пахатной земли. Подати

эти носятъ названіе «тӯрӗсӯн'у чжӯсы» и размѣръ ихъ ограничивается $1\frac{1}{2}$ «шэн'ами» будьі съ каждаго му, или, что тоже, 1 данъ и 5 доу съ цѝна земли. Помимо сего съ каждаго пахатнаго му взимается еще такъ называемый чжӯчай (), въ размѣрѣ $13\frac{1}{2}$ чеховъ. Встарину если не весь, то часть собираемаго такимъ образомъ хлѣба складывалась въ особые хлѣбные магазины, откуда въ случаяхъ голода обитатели хошӯна могли пользоваться вспомествованіемъ. Теперь ничего этого уже не существуетъ, такъ какъ расходы хошӯна за послѣднее время можно сказать удесятерились. Такъ, со времени обоснованія монастырскихъ штатовъ, на счетъ этихъ хлѣбовъ отнесено: а) содержаніе 400 штатныхъ ламъ, каждый изъ которыхъ получаетъ 3 дѝна будьі, т. е. годовую подать съ двухъ циновъ; б) содержаніе ламъ, отправляющихъ службу въ пекинской императорской кумирнѣ Юнъ-хо-гунъ, прежде отпускавшееся отъ правительства, нынѣ переведено на хошӯнъ и отнесено на доходы съ тѣхъ же земель, в) содержаніе ламъ, отправляющихъ службу въ долбнъ-нӯр'скихъ императорскихъ кумирняхъ, г) содержаніе почтовыхъ станцій на такъ называемыхъ Эрӗнъ ӧртӧ, Кӯйтӯнъ ӧртӧ и Мӧйлинъ ӧртӧ (на пространствѣ отъ Гу-бэй-коу до бāриньскаго хошӯна). За симъ, по обстоятельствамъ временн возникаютъ и еще нужды хошӯна, удовлетвореніе коихъ, производится изъ тѣхъ же земельныхъ податей; такъ, во время послѣдней инсуррекціи въ ЮВ. Монголіи кэшиктэнскій хошӯнъ долженъ былъ учредить у себя особый охранный отрядъ въ 35 человѣкъ солдатъ, содержаніе же ихъ было отнесено опять таки на земельные доходы хошӯна.

Меня интересовало то, извѣстное изъ Ли-фань-юань'скихъ уложеній обстоятельство, что кэшиктэнскому цзасакӯ якобы предоставлено особое, отличное отъ всѣхъ право представлять ежегодно «въ даръ» богдохāну въ 8-й лунѣ 20 живыхъ барановъ и въ 12-й лунѣ 20 бараньихъ тушъ (ӯчи). По свидѣтельству цзахирахчѝ, никакого «права» и никакого «дара» здѣсь нѣтъ; дѣло объясняется такъ. Еще въ года правленія Канси кэшиктэнскій цзасāкъ, явившись къ богдохāну для принесенія поздравленія по случаю побѣды надъ Галдāномъ, поднесъ Канси въ подарокъ отъ своего хошӯна 1,000 овецъ. Овцы эти, оставшіяся на мѣстѣ, составили собою особыя, такъ называемыя, богдохāнскія стада, для пастьбища коихъ отведены особыя земли въ предѣлахъ хошӯна, у истоковъ Шарā-мӯрэни. Приплодъ съ этихъ овецъ исчисленъ въ 40 головъ, которыя въ означенномъ выше видѣ и представляются ко двору богдохāна.

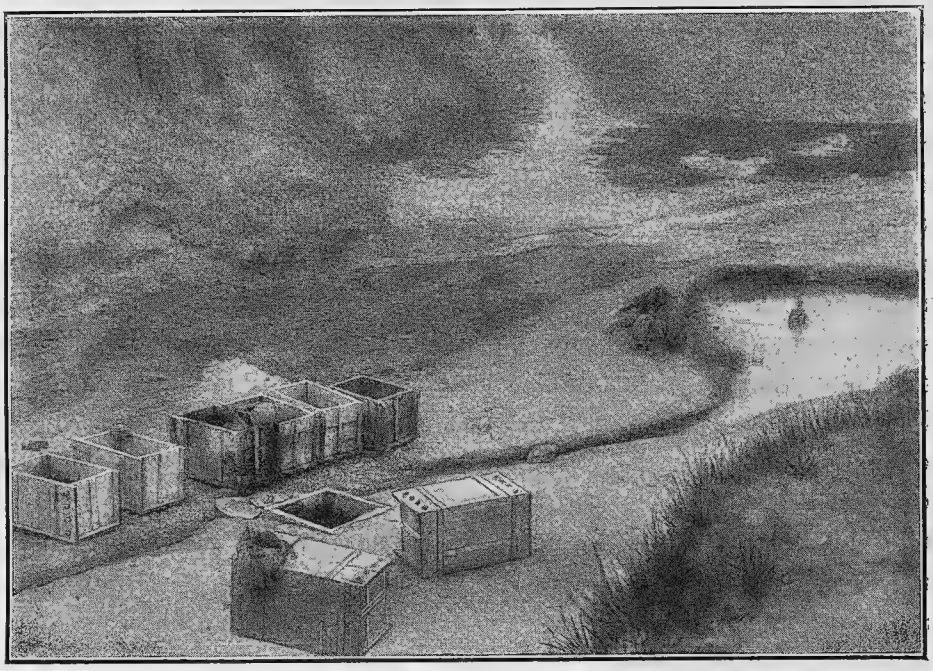
3-е Іюня. Четвергъ.

6 ч. +14; 9 ч. +20°; 12 ч. +24; 3 ч. +27°; 6 ч. +18; 9 ч. +16.

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. утра и, оставивъ городъ, слѣдовали въ направленіи къ сѣв.-востоку долиною р. Усӯнъ-тӯрӯна. Мѣстность вокругъ города съ этой стороны очень каменистая, хотя и не болѣе какъ версты на двѣ. Въ 8 ч. р. Усӯнъ тӯрӯнъ уклонилась въ горную падь къ юго-востоку, нашъ же путь, направляясь на сѣв.-востокъ, пошелъ подниматься по ущелью Би-ли-гоу. Ущелье имѣетъ до $1^1/_2$ верстъ ширины; посединѣ его течетъ ручей, носящій тоже имя Би-ли-гоу хэ, пространство же по обѣимъ сторонамъ ручья до горъ представляется сплошь распаханнымъ и занятымъ отдѣльно стоящими фанзами китайскихъ поселянъ. Дорога проложена по самой окраинѣ праваго берега ручья и въ этомъ видѣ тянется она до горы Би-ли-гоу шань. Послѣдняя выдвигается на самую средину ущелья и раздѣляетъ его собою на двѣ части, при чемъ лѣвая сѣв.-зап. часть его продолжаетъ носить тоже имя Би-ли-гоу, а сѣв.-вост. получаетъ названіе Ми-ли-цзинь гоу. У южнаго подножія Би-ли-гоу шан'и, года три тому назадъ китайцы построили небольшую кумирню, отчего и мѣстность эта за послѣднее время получила у монголовъ названіе «Шинэ сӯмэ», т. е. новая кумирня. Подъѣхавъ къ ней, мы въ 9 ч. 20 м. переѣхали въ бродъ черезъ р. Би-ли-гоу хэ, уже соединившуюся въ этомъ мѣстѣ съ Ми-ли-цзинь хэ и имѣвшую до 3 саженей ширины и не свыше $^1/_4$ арш. глубиною; дно ея каменисто и теченіе очень быстрое и бурливое. Отъ этой переправы мы направились по ущелью Ми-ли-цзинь гоу; дорога совершенно также идетъ среди распаханныхъ полей по берегу (правому) Ми-ли-цзинь хэ. Въ 10 ч. 45 м. ущелье поворотило прямо на востокъ и отсюда оно получаетъ свое новое названіе Чжоу-сы-ръ гоу. Подъемъ по нему дѣлается все круче и круче и въ 12 ч. дня мы подъѣхали къ положительному горному перевалу, носящему монгольское названіе «аршāнъ-даба». Перевалъ очень крутой, почему и дорога черезъ него проложена по боковинѣ горы, въ объѣздъ. Наши верблюды тѣмъ не менѣе останавливались и въ телѣгу пришлось впрягать сначала двухъ, а потомъ трехъ животныхъ. Спускъ къ сѣверу болѣе пологій и на половинѣ его мы въ 1 ч. 10 м. дня остановились для полдника, простоявъ 3 ч. 20 минутъ у самаго источника рѣки, скатывающейся съ этого перевала и носящей названіе «Галдасутàйнъ гӧлъ». Отъ мѣста нашей стоянки отдѣльныя фанзы китайцевъ встрѣчались построенными не иначе, какъ за высокими и иногда замѣчательно обширными оградами; такъ въ 4 часа 45 м. намъ попалась ограда одного домохозяина, имѣвшая по одной своей сторонѣ 520 шаговъ; вскорѣ однако отдѣльныя фанзы исчезаютъ вовсе и вмѣсто ихъ начинаютъ появляться деревни. Въ 5 ч. 50 м. мы миновали деревушку Сань-дянь въ 8 дворовъ. Отъ нея горы по берегамъ Галдасутàйнъ гӧла становятся круче, а гребни

ихъ у́же и острѣе. Наконецъ въ 6 ч. 35 м. мы увидали здѣсь первое монгольское поселеніе. Это была кумирня, носящая названіе «Аршāнъ», такъ какъ построена она при цѣлебныхъ ключахъ. Сама по себѣ кумирня эта не представляетъ ничего особеннаго: въ ней воздвигнуто три небольшихъ сӯмэ̀, при которыхъ построено до 50 ба̀йшиновъ для жилища хувара̀ковъ. Штатное число этихъ послѣднихъ, получающихъ содержаніе по общему положенію въ хошӯнѣ, — 60 человѣкъ, но живетъ при кумирнѣ обыкновенно человѣкъ 30, а въ дни великихъ хура̀ловъ ихъ собирается до 400. При кумирнѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе Шабро̀нъ-лама̀йнъ хубилга̀нъ, не несущій на себѣ никакой особенной должности, хотя, какъ всякій перерожденецъ, пользующійся извѣстною долею значенія въ глазахъ суевѣрныхъ монголовъ, особливо своего околодка. Самымъ замѣчательнымъ пунктомъ для наблюденій въ этой мѣстности безспорно является «аршāнъ». Подъ этимъ именемъ извѣстны здѣсь горячій и холодный сѣрные ключи, вытекающіе изъ скалы не болѣе какъ на разстояніи $1^1/_2$ саженей другъ отъ друга и засимъ въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ сливающіеся вмѣстѣ и текущіе однимъ потокомъ до впаденія въ Галдасута̀йнъ гōлъ. Болѣе полно цѣлебныя воды эти называются Галдасута̀йнъ аршāномъ и сила ихъ пользуется извѣстностью какъ среди китайцевъ, такъ и среди монголовъ, которые одинаково пріѣзжаютъ сюда лечиться особливо отъ накожныхъ болѣзней. Бывали годы, что число паціентовъ при аршāнѣ доходило до 500 человѣкъ и только въ послѣдніе два лѣта оно не превышало 300, такъ какъ смуты юго-восточной Монголіи воспрепятствовали прибытію изъ этихъ мѣстъ какъ китайцевъ, такъ и монголовъ. Взамѣнъ ихъ годъ отъ года все больше и больше возрастаетъ количество монголовъ, пріѣзжающихъ изъ Халхи, въ чемъ мѣстные ламы не безосновательно видятъ распространеніе славы своего аршāна. Впрочемъ, не смотря на значительное число пользующихся водами, аршāнъ является совершенно неустроеннымъ. Отъ мѣста, въ которомъ воды бьютъ изъ подъ земли, прорыта маленькая и узенькая канавка, вродѣ ежедневно прорываемыхъ на нашихъ улицахъ для стока воды изъ лужъ. Саженяхъ въ десяти далѣе отсюда выкопана яма, вершковъ въ 12 глубиною, въ которую вода течетъ по канавкѣ. Такимъ образомъ образуется бассейнъ сѣрной воды, которая засимъ уже сама собою вытекаетъ отсюда далѣе на соединеніе съ Галдасута̀йнъ голомъ. Очень многіе изъ пріѣзжихъ купаются прямо въ этой лужѣ; другіе принимаютъ ванны, если только можно назвать такъ тѣ сосуды, которые особливо устроены кумиренными ламами, для купанья больныхъ. Это деревянные продолговатые ящики, (въ 1 и $1^1/_2$ арш. по сторонамъ), въ которыхъ еле можно сидѣть на корточкахъ, да и то скорчившись чтобы не имѣть открытыми плечъ.

Ванны стоятъ на воздухѣ открытыми и ни какихъ приспособленій ни для раздѣванія и одѣванія, ни для того что бы укрыться отъ дождя и



Галдасутàскій сѣрный ключъ и ванны.

вѣтра, при нихъ не устроено. Воду для купанья въ ваннахъ больные или приготовляютъ сами, или же поручаютъ это дѣло кто родственникамъ, а кто наемнымъ прислужникамъ изъ низшихъ ламъ. Температура ваннъ, конечно, никогда не измѣряется и каждый приготовляетъ себѣ воду по мѣрѣ личнаго ощущенія и степени своей выносливости, — кто теплѣе, а кто холоднѣе. Наливаютъ сначала воды горячаго источника, а засимъ разбавляютъ ее водами другого, сѣрнаго же, холоднаго ключа. Термометръ, опущенный въ воду горячаго источника на 3 минуты, показалъ намъ + 37°. R.

По восточной сторонѣ аршāна, въ разстояніи приблизительно полуверсты отъ него, раскинулся китайскій поселокъ аршāна, заключающій въ себѣ всего 12 дворовъ. Въ средѣ ихъ имѣется двѣ богатыхъ долōнънӯрскихъ лавки и одна, по обычаю, очень грязная китайская гостинница для проѣзжающихъ, получающая свой главный доходъ отъ содержимой при ней бѣлой харчевни, въ которой можно выпить водки, закусить блиномъ, напиться чаю и даже пообѣдать. Продолжая дальнѣйшій путь отъ этой китайской деревни долиною Галдасутàйнъ гōл'а, мы въ 7 ч. 45 м. не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ поселка наѣхали на обозъ, только что за полчаса передъ симъ подвергшійся нападенію со стороны какихъ то китай-

скихъ бродягъ. Обозъ этотъ слѣдовалъ изъ Гуанъ-дуна на быкахъ и заключалъ въ себѣ всего 60 нагруженныхъ мукою, вермишелью (гоу-ми) и масломъ телѣгъ, охраняемыхъ шестью извозчиками. Едва достигъ онъ этого мѣста, какъ вдругъ человѣкъ 12, 15 оборванныхъ и полунагихъ нищихъ выскочили изъ за бугра, окружили одну телѣгу, сняли съ нея три мѣшка муки, съ другой телѣги такимъ же образомъ сняли сосудъ съ масломъ, приблизительно ведра въ два, и ушли. Оторопѣвшіе было сначала извозчики попробовали потомъ защищаться, но разбойники бросились на нихъ съ саблями, такъ что извозчики должны были отступить, ибо они были съ одной стороны совершенно безоружны, а съ другой — и по своей численности разбойники превосходили ихъ больше чѣмъ вдвое. Обобравъ все сказанное, разбойники ушли къ востоку, тою дорогою, по которой намъ предстояло теперь ѣхать. Прослушавъ этотъ разказъ, подводчики мои до того испугались, что нехотѣли ѣхать далѣе тѣмъ больше, что солнце было уже на закатѣ; я едва убѣдилъ ихъ отъѣхать съ полверсты далѣе, чтобы остановиться на хорошей и обильной травою луговинѣ. Привалъ нашъ на ночлегъ послѣдовалъ въ 8 ч. 20 м., не подалеку отъ берега той же рѣки Галдасутàйнъ гōлъ.

4-е Іюня. Пятница.

6 ч. +14°; 9 ч. +18°; 12 ч. +22°; 3 ч. +24°: 6 ч. +20°; 9 ч. +16°.

Двинулись въ путь въ 5 ч. 45 м. утра. Небо облачное, но въ воздухѣ тепло и какъ бы душно. Слѣдуя вчерашнею падью, мы въ 7 ч. 45 м. доѣхали до поселка Лю-цзя-инъ-цза. Селеніе это раскинулось на пространствѣ около 2-хъ верстъ, хотя состоитъ не болѣе какъ изъ 40 дворовъ. Жители его исключительно китайцы. Въ поселкѣ имѣется шесть большихъ лавокъ и 4 маленькихъ лавченки. Изъ числа первыхъ одна принадлежитъ долōнъ-нӯрской фирмѣ, двѣ — китайскимъ торговцамъ, прибывшимъ, приблизительно, лѣтъ 60 тому назадъ изъ Тай-юань-фу (въ Шаньси), остальныя лавки принадлежатъ чи-фынъ-сянь'скимъ торговцамъ. Большими эти лавки можно назвать только потому, что въ нихъ можно найти всякій, соотвѣтственный мѣстнымъ потребностямъ товаръ: дāбу, дàлянбу, хамбò-чай, желѣзныя земледѣльческія и посудныя издѣлія, мелочныя принадлежности костюмовъ и домашней утвари, — вотъ главнѣйшее содержаніе каждой лавки; шелковыя матеріи продаются только кусочками въ $1\frac{1}{2}$, 2 аршина; байховый чай, весьма низкаго достоинства, продается на ланы, по цѣнѣ 80 чеховъ за лану, т. е. около 90 коп. сер. за нашъ фунтъ. Замѣчательно, что большая часть этихъ товаровъ даже въ лавкахъ, принадлежащихъ долōнъ-нӯр'скимъ фирмамъ, получается здѣсь черезъ Калганъ;

вторымъ мѣстомъ по доставкѣ является Улāнъ-хадà, куда товары изъ внутренняго Китая слѣдуютъ на Гу-бэй-коу и Па-гоу; наконецъ нѣкоторая часть, особливо жизненныхъ продуктовъ, какъ то масла, водки, вермишели, сахару-леденцу и проч. получается изъ Гуанъ-дуна. Вывозятъ эти лавки во внутренній Китай почти исключительно зерновый хлѣбъ и муку, отправляя большую часть этихъ продуктовъ въ Калганъ, чѣмъ между прочимъ и объясняется бо̀льшая коммерческая связь Лю-цзя-инъ-цзы съ Калганомъ, чѣмъ съ Долōнъ-нӯромъ. Всѣ большія лавки поселка помѣщаются въ глубинѣ своихъ громадныхъ дворовъ, нѣкоторыя изъ опасенія воровъ даже за двойными, высокими, глинобитными оградами, похожими на остроги. Изъ числа маленькихъ лавокъ двѣ занимаются продажею мяса, оцѣнивая гинъ баранины и свинины одинаково въ 180 чеховъ, — другого же мяса въ нихъ и не имѣется; двѣ лавки торгуютъ овощами для мѣстнаго потребленія, а за симъ держатъ еще у себя табакъ, спички и разное мелочное старье, словомъ, товаръ потребный для проходящихъ по дорогѣ извозчиковъ. За поселкомъ Лю-цзя-инъ-цза послѣдовали сплошныя пашни китайцевъ, лавируя между которыми мы въ 9 ч. 10 м., снова подъѣхали и перебродили Галдасута̀йнъ-гōлъ, имѣющій здѣсь до 10 саж. ширины, при глубинѣ до $^3/_4$ аршина. Этими пашенными землями китайцевъ по Галдасута̀йнъ гōлу полагается граница между кэшиктэнскимъ и ба̄риньскимъ хошӯнами, такъ что, переѣхавъ на правую сторону Галдасута̀йнъ гōла, мы вступили уже въ хошӯнъ Барӯнъ, или Багà ба̄ринскаго цзасà̀къ-вà̀на. Виды сразу перемѣнились: пашни какъ обрѣзало и вмѣсто сплошь обработанной нивы мы были окружены теперь богатой травами степью. Она носитъ общее названіе Галдасута̀йнъ долōнъ хошӯ, подъ каковымъ именемъ извѣстны собственно семь не высокихъ пригорковъ, окаймляющихъ вышепомянутую степь съ сѣвера и оканчивающихся къ востоку длинными, продолговатыми мысами. Подъѣхавъ къ послѣднему изъ этихъ мысовъ, мы нашли у подножія его ручей Харà усӯ, на берегахъ коего и остановились для полдника. Въ дальнѣйшемъ теченіи Харà усӯ соединяется съ Галдасута̀йнъ гōломъ, который теперь уклонился отъ насъ къ югу.

Съ мѣста своей стоянки мы двинулись въ 3 ч. 30 м. и, черезъ полчаса миновавъ монастырь Субдӯйнъ сӯмэ̀, заключающій въ себѣ до 80 ба̀йшиновъ хуварà̀ковъ, въ 4 ч. 35 м. перебродили ручей Улясута̀йнъ гōлъ, а отъ него начали подниматься на первый изъ послѣдовавшихъ за симъ шести уваловъ. Мѣстность эта носитъ общее названіе Гурбӯнъ шилѝ, что значитъ собственно «три увала», кажущееся же несоотвѣтствующимъ дѣйствительности наименованіе происходитъ отъ того, что три изъ этихъ уваловъ очень не высоки и суть не болѣе какъ перекаты степнаго моря, дру-

гіе же три, какъ болѣе значительные, даютъ названіе мѣстности. Урочище Гурбӯнъ шилѝ служитъ пограничною чертою для хошӯновъ Чжӯнъ, или Йэхэ̀ бӑринь и Барӯнъ, или Бага̀ бӑринь. Живутъ по нему смѣшанно люди обоихъ хошӯновъ и одинаково занимаются хлѣбопашествомъ. Съ послѣдняго изъ уваловъ Гурбӯнъ шилѝ мы спустились въ 7 ч. 10 м. въ падь Борò хӯндӯй, миновавъ которую, вступили въ долину р. Цага̀нъ мӯрэ̀нь, въ которой и остановились для ночлега между горами Дарха̀нъ ӯла на востокѣ и Чжиргаланту̀ ӯла на сѣверѣ, не доѣзжая приблизительно верстъ 10 до береговъ рѣки Цага̀нъ-мӯрэ̀ни.

5-е Іюня. Суббота.

6 ч. +14°; 9 ч. +17°; 12 ч. +20°; 3 ч. +21°; 6 ч. +18°; 9 ч. +14°.

Утромъ небо покрыто облаками. Двинулись въ путь по окруженной горами долинѣ, имѣющей направленіе почти прямо на востокъ, къ берегамъ Цага̀нъ мӯрэ̀н'и. Въ 7 ч. 25 м. мы въ той же долинѣ проѣхали мимо небольшой кумирни Гангайнъ сӯмэ̀, въ которой имѣется только одно кумиренное зданіе, да вокругъ располагается около 20 ба̀йшиновъ хувара̀ковъ. Говорятъ, однако, что и эти ба̀йшины пустуютъ, такъ какъ обычно при кумирнѣ не живетъ болѣе пяти, шести человѣкъ ламъ, остальные собираются сюда три раза въ годъ, въ дни великихъ хура̀ловъ: Цага̀нъ-сара̀, круговращенія Ма̀йдари и Цзула̀ сара̀. Это передавали намъ ба̄рини, живущіе по долинѣ и сплошь занимающіеся хлѣбопашествомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы остановиться въ этой долинѣ на двѣ, три недѣли, то можно было бы во всѣхъ подробностяхъ уяснить себѣ картину перехода ихъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому. Барӯнъ ба̄рини почти всѣ живутъ осѣдло, но замѣчательно, что ни одинъ изъ нихъ не переходитъ прямо изъ войлочной юрты въ китайскій ба̀йшинъ. Переходъ въ этомъ случаѣ замѣчается такой: ба̄ринецъ, принимающійся за хлѣбопашество, когда войлочная юрта его износится, уже не поновляетъ ее постройкою новыхъ войлоковъ, а дѣлаетъ вокругъ ха̄на камышевый плетень, который обмазываетъ глиною. Такимъ образомъ у него получается тотъ же ба̀йшинъ, только имѣющій всѣ формы юрты; ӧркӧ̄ и двери въ немъ остаются войлочныя. Въ это время ба̄ринецъ сохраняетъ еще въ своей юртѣ подвижной очагъ, состоящій изъ желѣзнаго тагана. На второй ступени перехода ба̄ринецъ не дѣлаетъ уже ха̄на, т. е. подвижныхъ решетокъ, служащихъ основаніемъ и остовомъ юрты, но ставитъ прочные деревянные столбы, къ которымъ прибиваетъ накрѣпко гвоздями поперечныя слѣги. Зданіе въ эту пору еще сохраняетъ у него прежнюю круглую форму юрты, хотя неподвижный остовъ такой юрты обставляется вокругъ камышевымъ плетнемъ и обмазы-

вается глиной, а иногда еще бѣлится известкой. Крыша этихъ зданій устраивается также на слѣгахъ и покрывается камышемъ, или травою.

Форма бāриньскаго зданія на второй ступени перехода къ осѣдлости.

При дверяхъ устроиваются сѣни. Вокругъ зданія непремѣнно возводится ограда, за стѣнами которой нерѣдко садятся деревья. Внутри юрта сохраняетъ прежній строй, но очагъ въ ней устроивается уже постоянный, изъ кирпича и обмазывается глиной. На третьей стадіи бāриньцы ставятъ уже чисто китайскіе бàйшины, съ кàномъ, печами, словомъ ничемъ не отличающіеся отъ обычныхъ китайскихъ жилищъ. Для животныхъ они устроиваютъ особые сараи, да и самый родъ домашнихъ животныхъ значительно измѣняется: бāриньцы почти не держатъ у себя лошадей и, можно сказать, вовсе не знаютъ верблюдовъ; изъ крупнаго скота они разводятъ у себя главнымъ образомъ быковъ иословъ, содержатъ также и лоцзъ; изъ мелкихъ — овецъ и козъ. Массаословъ здѣсь поразительна: они ходятъ стадами по сотни головъ и оглашаютъ степь своими криками. Въ 9 ч. 30 м. мы подъѣхали наконецъ къ берегу Цагàнъ мӯрэни, имѣя около себя, на правомъ берегу, гору Байнъ хошӯ, а насупротивъ, на лѣвомъ, Имāтӯ ӯла. Рѣка имѣетъ здѣсь до 5 саженей ширины и около $1\frac{1}{4}$ аршина глубиною. Мы переѣхали ее вбродъ и далѣе направились вверхъ по ея теченію. Съ правой стороны въ этихъ мѣстахъ къ рѣкѣ близко подходятъ индѣ очень утесистыя горы; лѣвый берегъ на значительное разстояніе представляетъ долину, кое гдѣ поросшую то отдѣльно стоящими вязовыми деревьями, то образующими изъ себя цѣлыя купы и какъ бы маленькія вязовыя рощицы.

Въ 10 ч. 25 м. дорога наша раздѣлилась: одна потянулась по низменному берегу рѣки, другая направилась восточнѣе и поднялась на пригорокъ. Обѣ дороги одинаково ведутъ къ Цаганъ субургѣ, но первая изъ нихъ нѣсколько длиннѣе, хотя ровнѣе и легче, а вторая прямѣе, но изобилуетъ маленькими подъемами и песками. Мы поѣхали по первой. Означенное раздѣленіе дороги происходитъ какъ разъ противъ южной оконечности стоящей на правомъ берегу Цаганъ-мӯрэни горы Цокъ. Черезъ 20 мин. ѣзды мы увидали у подножія этой горы довольно значительную кумирню, именуемую Бальчинъ сӯмэ, пользующуюся, говорятъ, большимъ уваженіемъ въ народѣ. Полдневали на самомъ берегу рѣки, по обычаю, съ 12 час. дня, но не до 3-хъ, а до 3 ч. 40 м., каковой излишекъ былъ допущенъ вслѣдствіе ожиданія дождя. Во время нашей стоянки небо покрылось тучами, въ направленіи къ сѣверу и западу видѣнъ былъ сильный дождь, у насъ же его выпало лишь нѣсколько капель. Продолжая за симъ путь далѣе долиною Цаганъ мӯрэни, въ которой намъ не представилось рѣшительно ничего замѣчательнаго помимо обильной травами степи, мы въ 7 ч. 20 м. проѣхали монастырь Урдӯ табинъ сӯмэ, съ находящеюся противъ него горою, увѣнчанною обоами и называемую также Табинъ обо. Монастырь заключаетъ въ себѣ три сӯмэ и до полусотни байшиновъ хуваракъ. Неподалеку отъ него, по самой дорогѣ располагается почтовая станція Хаирчакъ ӧртӧ. Почтовый трактъ, къ которому принадлежитъ она, проходитъ отъ Гу-бэйкоу, черезъ облавныя земли до сѣверныхъ границъ баринъскаго хошӯна. Встарину по этимъ станціямъ ѣздили дозорные богдоханской охоты, а равно дворцовые свитскіе богдохана; нынѣ по нимъ возятъ только казенныя бумаги, да изрѣдка проѣзжаютъ хошӯнные князья, направляющіеся, или вызываемые для очередныхъ представленій въ Пекинъ. Тѣмъ не менѣе на каждую изъ этихъ станцій, исчисляемыхъ всего въ числѣ одиннадцати, до нынѣ обязательно откомандировывается отъ различныхъ хошӯновъ 150 хуйковъ, обязанныхъ содержать на каждой станціи по 100 лошадей для разгона. Въ 8 ч. мы переправились въ бродъ на лѣвый берегъ Цаганъ мӯрэни при глубинѣ не свыше $^3/_4$ аршина и черезъ полчаса послѣ сего остановились для ночлега на берегу Цаганъ мӯрэни, не доѣзжая до выдающейся по своей высотѣ горы Орчокъ ӯла.

6-е Іюня. Воскресенье.

6 ч. +13°; 9 ч. +18°; 12 ч. +24°; 9 ч. вечера +12°.

Выѣхали въ 6 ч. 10 м. утра. Дорога тянется по берегу Цаганъ мӯрэни, въ данной мѣстности изобилующему болотными кочками, хотя почва дороги твердая. Черезъ часъ ѣзды мы обогнули Орчокъ ӯла въ направленіи къ сѣверу и, продолжая путь не вдалекѣ отъ берега рѣки, въ 9 ч. утра

прибыли въ Цага̀нъ-субурга̀, гдѣ и стали лагеремъ въ стѣнахъ древняго, разрушеннаго города. Впереди передъ нашими глазами стоялъ небольшой монастырь, а за нимъ высилось зданіе Цага̀нъ-субурга̀, много напомнившее намъ хӯхӯ-хото̀скій бай-та-ръ и подобно ему дающее названіе всей окружающей мѣстности.

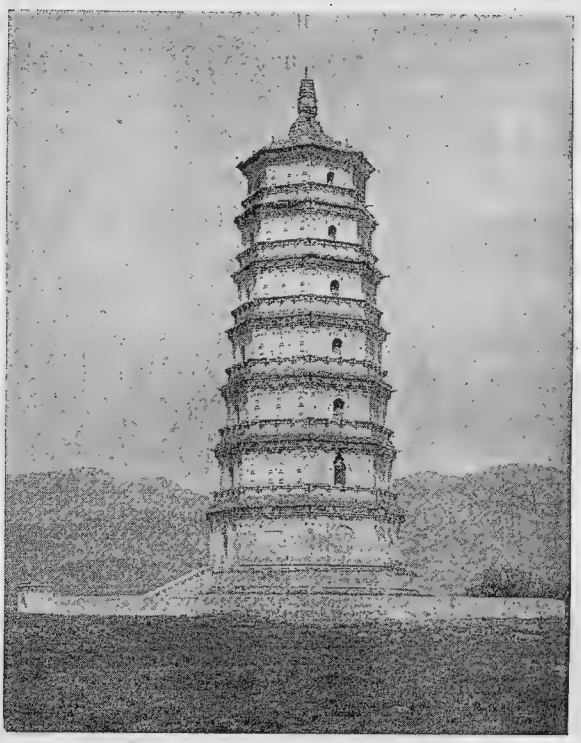
Впрочемъ первое, что больше всего занимало насъ, было то, что у насъ оказались сосѣди и, очевидно, очень важные. Жилище ихъ составляла бѣлая войлочная юрта съ окаймленнымъ красною матеріею ӧркӧ; юрта эта находилась за оградой изъ синей да̀бу, натянутой на вколоченныхъ въ землю кольяхъ; передъ входомъ въ такую подвижную ограду былъ воздвигнутъ синій же да̀бувый — полотняный щитъ, украшенный посрединѣ нашивками изъ бѣлаго полотна. Оказалось, что это былъ станъ цзаса̀къ бэйсэ лѣваго ба̄риньскаго крыла, или барӯнъ-ба̄риньскаго хошӯна, иначе называемаго еще бага̀-ба̄риньскимъ. Мы узнали это очень скоро, ибо не успѣли еще разъвьючиться, какъ къ намъ подоспѣли уже прислужники князя спросить, кто мы, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ пріѣхали и т. д. Удовлетворивъ ихъ любопытству сообщеніемъ, что я русскій амба̀нь и возвращаюсь изъ Пекина въ Россію, я послалъ ихъ князю свою визитную карточку и сказалъ, что надѣюсь познакомиться съ княземъ. Въ свою очередь они сообщили мнѣ, что бэйсэ прибылъ къ Цага̀нъ субурга̀ на богомолье, что онъ уже три дня ѣздитъ въ мѣстный монастырь къ полуденному хура̀лу и, вѣроятно, заѣдетъ ко мнѣ послѣ этого хура̀ла.

Развьючившись и устроивъ свой ма̀йханъ по возможности понаряднѣе для пріема гостя, я приказалъ варить обѣдъ, а самъ отправился осматривать развалины стараго города. Въ 12 ч. 35 мин. мы усмотрѣли двигающимся въ направленіи къ кумирнѣ поѣздъ князя. Князь ѣхалъ въ простой синей китайской двухъ колесной телѣгѣ, сопутствуемый пятью или шестью всадниками своихъ приближенныхъ. Въ 2 часа онъ пріѣхалъ изъ кумирни ко мнѣ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 35-ти, въ высшей степени умѣренный какъ внутренно, такъ и во всѣхъ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Въ разговорахъ онъ говорилъ больше всего о своей недавней поѣздкѣ въ Пекинъ, но не восхищался, какъ другіе монголы, красотами этого города, равно какъ не выказывалъ и особеннаго презрѣнія къ китайцамъ, которымъ, тѣмъ не менѣе запретилъ поселеніе въ своемъ хошӯнѣ, находя, что ба̄рини, по нуждѣ, могутъ и сами ѣздить въ китайскіе города для покупокъ необходимыхъ имъ товаровъ. Въ силу сказаннаго распоряженія мѣстные ба̄рини и самъ князь весьма часто посѣщаютъ не только Бирӯхото̀, или Ула̄нъ-хада, но и заходятъ за Великую стѣну вплоть до Пекина. На своемъ обычномъ пути отъ Цага̀нъ-субурга̀ до Пекина ба̄рини, по сло-

вамъ князя, имѣютъ уже у себя опредѣленныя мѣста для полдника и ночлеговъ, на которыхъ останавливается онъ и самъ. Мѣстности эти слѣдующія: Въ первый день по выѣздѣ изъ Цагàнъ-субургà путники имѣютъ полдникъ въ урочищѣ Кобу, при ручейкѣ того же имени, а ночуютъ въ урочищѣ Нургà, гдѣ также имѣется небольшая рѣчка. На 2-й день полднюютъ при рѣчкѣ Цагàнъ усу̀, за которою далѣе начинается степь, весьма мало обитаемая и именуемая Улāнъ хадà; въ этой степи путники и ночуютъ, получая воду изъ колодцевъ. На третій день полдникъ бываетъ при небольшомъ озеркѣ Хашāту, а къ ночи достигаютъ Шарà-мӯрэ̀ни. На 4-й день, по переправѣ черезъ эту рѣку, вступаютъ въ предѣлы хошӯна Чжӯнъ Онӣтъ и имѣютъ полдникъ или въ степи Шарà талà, или нѣсколько далѣе, при рѣчкѣ Цзагасутàй; къ ночи достигаютъ до Борò-хотò, — мѣстечко, которое, не смотря на свое нарицательное «хотò», собственно не представляетъ собою города, а есть не болѣе какъ поселокъ, въ которомъ однако имѣетъ постоянное мѣстопребываніе пять или шесть довольно значительныхъ торговыхъ китайскихъ фирмъ. На 5-й день полднюютъ въ деревнѣ Шабактӯ, гдѣ имѣется китайская гостинница, а вода получается изъ колодца. Къ югу отсюда проходитъ граница Барӯнъ-Онӣтскаго хошӯна. Ночлегъ полагается въ китайской деревнѣ, Сы-дао-го-лянъ, съ гостинницею; послѣдняя располагается не подалеку отъ перевала, съ котораго скатывается ручей прекрасной ключевой воды. На 6-й день путники полднюютъ въ гостинницѣ деревни Синъ-лунъ-чжуань, а къ ночи достигаютъ уѣзднаго города Улāнъ-хада, или по китайски Чи-фынъ-сянь. Отсюда на 7-й день слѣдуютъ уже кочевьями хошӯна харачи̇̀нскаго вàна, и имѣютъ полдникъ въ Да-нянъ-сы, китайской деревушкѣ, дворовъ въ десять, а ночлегъ — въ поселкѣ Гунъ-и-фу, гдѣ находится нѣсколько китайскихъ лавокъ и воздвигнута монгольская кумирня. На 8-й день полдничаютъ въ Ва-фанъ-дяни, — поселкѣ до 20 фанзъ, а ночуютъ въ Ванъ-инь-дяни. На 9-й день полдничаютъ въ Дабā-му-чжань, а ночуютъ въ Долōнъ-гэ̀рь. На 10-й день полдничаютъ въ Ганса-дянь, а ночуютъ въ Хуанъ-ту-кань, отстоящемъ всего на 40 ли отъ Жэ-хэ. На 11-й день къ полудню достигаютъ Жэ-хэ, а на ночлегъ пріѣзжаютъ въ Луань-пинъ-сянь. На 12-й день полдничаютъ въ Сань-дао-лянъ, а ночуютъ въ Шань-ши-гоу. На 13-й день къ полудню достигаютъ Великой стѣны у прохода Гу-бэй-коу, а на ночлегъ приходятъ въ Ши-ся. На 14-й день полдничаютъ въ Мэй-юнь-сяни и ночуютъ въ Нюлань-шани. Наконецъ на 15-й день, пополдневавъ съ Сунь-хэ, достигаютъ къ ночи до Пекина. Отобѣдавъ у меня, князь уѣхалъ въ 4 ч. 15 м., причемъ пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ, а до той поры, я заявилъ ему рѣшительно, что буду осматривать развалины древняго города.

Городище Цага̀нъ-субурга̀ расположено на обширной долинѣ Цага̀нъ-мӯрэ̀ни, простирающейся здѣсь съ сѣвера на югъ верстъ на 12,—15, а съ востока на западъ верстъ на 7—9. Рѣка Цага̀нъ-мӯрэ̀нь, вытекая на эту долину изъ горной пади на сѣверной сторонѣ города, проложила свое русло параллельно восточной стѣнѣ городища, а въ южной части долины нѣсколько уклоняется къ западу, чтобы потомъ снова сдѣлать излучины къ югу и юго-востоку. Со сторонъ западной, сѣверной и восточной долина эта окружена довольно высокими горами, составляющими, несомнѣнно, отроги Хинганскаго хребта. Въ общемъ мѣстность городища можетъ быть названа весьма плодородною; ибо посрединѣ, въ цѣльнинахъ, она поросла роскошными травами, а по окраинамъ ея ба̄рини имѣютъ пашни, дающія, по словамъ ихъ, обильные урожаи. Городище располагается ближе къ сѣверной окраинѣ долины и обнесено доселѣ еще значительно высокимъ земляным валомъ. Протяженіе восточной и западной стѣнъ его я измѣрилъ шагами и насчиталъ въ первой 1280 шаговъ, а во второй — 1326; стѣны сѣверная и южная были меньше а именно, первая 870 шаговъ, а вторая 840. По наружной сторонѣ этого вала проходитъ канава, встарину, можетъ быть, наполнявшаяся водою. Городъ имѣлъ, повидимому, четверо воротъ по сторонамъ свѣта. Въ сѣверо-восточномъ углу городища, примыкая къ этому наружному валу, имѣется еще особое, также обнесенное валомъ отдѣленіе городища, можетъ быть составлявшее его дѣтинецъ; въ сѣверо-западномъ углу этому дѣтинцу противустоитъ самое замѣчательное изъ сохранившихся здѣсь для насъ сооруженій древности, — высокая бѣлая башня, которая собственно и зовется Цага̀нъ-субурга̀номъ, давая теперь свое имя какъ городищу, такъ и всей окрестности. Съ внѣшней стороны эта башня, какъ уже было сказано, во многомъ напомнила намъ съ одной стороны хӯхӯ-хотòскій байта̀ръ, а съ другой — жэ-хэскую Люхо-та; она значительно ниже перваго, хотя и выше второй, архитектурныя же формы всѣхъ этихъ трехъ зданій совершенно одинаковы. Цага̀нъ-субурганъ выведенъ въ формѣ восьмигранаго, съуживающагося къ верху столба. Въ нижнемъ этажѣ каждая сторона этой грани равняется длиною 13 аршинамъ, а вся башня слѣдовательно имѣетъ у основанія 34 саж. 2 арш. въ окружности. Въ вышину каждый изъ этажей Цага̀нъ субурга̀на замѣтно ниже байта̀ра, хотя я и не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи точныхъ измѣреній. Снаружи стѣны каждаго этажа украшены барельефами, однако болѣе сложныя фигуры геніевъ выдѣланы здѣсь только въ одномъ нижнемъ этажѣ, верхніе же этажи украшены барельефами простенькихъ пирамидальныхъ субурга̀новъ, и притомъ не по всѣмъ сторонамъ субурга̀на, а лишь на четырехъ граняхъ онаго, между тѣмъ какъ остальныя че-

тыре грани заняты отверстіями для оконъ. Карнизы, отдѣляющіе этажи Цагàнъ-субургàна и крыша его мало разнятся отъ байтàрскихъ, только здѣсь сохранился еще вѣнчающій кровлю ганчжѝръ, уже совершенно развалившійся въ Байтàрѣ. Во внутренность Цагàнъ-субургàна ведетъ теперь съ южной стороны широкая каменная лѣстница. Здѣсь, въ первомъ этажѣ зданія, ламы устроили теперь маленькую кумирню, въ которой ежедневно отправляютъ чжисà; на верхніе же этажи монголы не ходятъ и, за отсутствіемъ лѣстницъ, самый проходъ туда не возможенъ.



Цагàнъ субургà.

Саженяхъ въ 50 къ югу отъ Цагàнъ-субургàна за совершенно такою же бѣлою кирпичною оградой находится теперь одинъ изъ бàриньскихъ сумýнныхъ монастырей, относящійся по своей постройкѣ лишь ко времени царствованія цянь-лунова. За стѣнами своей ограды монастырь этотъ составляется главнымъ образомъ изъ шести зданій: во 1-хъ главное кумиренное зданіе, обращенное фасадомъ къ югу и имѣющее величину 3-хъ цзяней; во 2-хъ, два такихъ же трех-цзяньныхъ корпуса, по бокамъ главной кумирни, изъ коихъ одинъ обращенъ фасадомъ на востокъ, а другой на западъ, заключаютъ въ себѣ также кумирни для отправленія въ нихъ ежедневныхъ хурàловъ; въ 3-хъ,—два маленькихъ бàйшина, стоящіе параллельно главной кумирнѣ, по обѣимъ сторонамъ ея и составляющіе монастырскія службы (кумиренныя кухню, кладовую и пр.) и наконецъ въ 4-хъ,—парадныя монастырскія ворота, величиною въ одинъ цзянь. Всѣ эти зданія построены изъ обожженаго дикаго кирпича и крыты черепицею. Внутренность кумирни не имѣетъ у себя ничего замѣчательнаго. При кумирнѣ считается до 40 постоянно живущихъ ламъ, бàйшины которыхъ располагаются отдѣльнымъ поселкомъ къ западу отъ монастырскихъ стѣнъ.

Усмотрѣть другіе памятники старины въ Цаганъ-субурганѣ также точно не представляется труднымъ, ибо, если они и не такъ массивны какъ видимая за нѣсколько верстъ башня, то все же настолько значительны, что невольно бросаются въ глаза, выдаваясь на общей ровной площади бывшаго города. Взглянувъ на эту, поросшую высокою зеленою травою площадь, вы сразу видите на ней двѣ какихъ то груды безпорядочно разбросанныхъ бѣлыхъ камней, одну — почти въ центрѣ города, другую — нѣсколько ближе къ западнымъ стѣнамъ его, почти въ параллели описанныхъ зданій бариньской кумирни. Подходя къ первой грудѣ этихъ руинъ, вы уже издали видите передъ собой прекрасно обработанные мраморные камни, а разсматривая ихъ вблизи, убѣждаетесь, что это остатки одного сооруженія, причемъ одни изъ такихъ камней представляютъ собою разбитыя мраморныя колонны, а другіе какъ будто служили постаментомъ для этихъ колоннъ. Самый большой изъ этихъ постаментовъ является въ видѣ четырехугольнаго, продолговатаго стола изъ бѣлаго мрамора, боковины коего украшены рѣзными изваяніями цвѣтовъ и какихъ то сценъ. Длина этого стола равняется 2 арш. 13 верш., ширина — 1 арш. 4 верш., а высота — 1 аршину. Служилъ ли этотъ столъ для постановки на немъ жертвенныхъ сосудовъ, или для какой либо другой цѣли, сказать теперь трудно. Остальные камни представляются въ видѣ разбитыхъ круглыхъ и восьмигранныхъ колоннъ. Сортируя ихъ, можно предположить, что основу всего сооруженія, составлялъ круглый съ украшеніями постаментъ изъ одного цѣльнаго куска бѣлаго мрамора. Въ окружности кусокъ этотъ имѣлъ у основанія 4 арш. 5 верш.; а верхняя часть его, на которой утверждалась колонна, имѣла въ діаметрѣ 1 арш. и 2 вершка; въ вышину постаментъ измѣряется въ 1 арш. и $2\frac{1}{2}$ вершка; на верхней площади его имѣется углубленіе, въ видѣ четырехугольной дыры, которыя обыкновенно выдѣлываются въ китайскихъ памятникахъ, для вставливанія въ нихъ камней. Остальные куски мрамора, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія по своей величинѣ только семь, представляютъ собою, несомнѣнно, остатки колоннъ, но была ли это одна, или нѣсколько колоннъ, опредѣлить теперь едва ли возможно тѣмъ болѣе, что колонны разбиты и вдоль, и поперекъ, причемъ многіе куски погибли во все. Въ отличіе отъ постамента колонны эти были сдѣланы не вполнѣ круглыми, но восьмиугольными, причемъ грань у нихъ была не одинаковая: четыре, болѣе широкія стороны имѣли въ ширину по 9 вершковъ, а другія четыре, съ болѣе узкою гранью, — по $5\frac{1}{2}$ вершковъ. Колонны, несомнѣнно, были составными, причемъ одни куски ихъ были украшены барельефами, а на другихъ были начертаны письмена. Образцовъ перваго рода сохранилось два. Здѣсь на широкихъ сторонахъ грани

видны изображенія сидящихъ буддъ, а на узкихъ — изображенія стоящихъ при этихъ буддахъ учениковъ ихъ. Что касается отдѣльныхъ кусковъ съ надписями, то я не могъ читать ихъ, такъ какъ онѣ начертаны неизвѣстными для меня письменами. По формѣ эти письмена весьма напоминаютъ собою китайскіе іероглифы, хотя послѣдніе, несомнѣнно, измѣнены здѣсь въ своихъ начертаніяхъ. Весьма вѣроятно, что эти надписи представляютъ собою образецъ мало извѣстнаго у насъ киданьскаго письма. Я снялъ эстампажемъ все, что можно было снять; но, къ сожалѣнію, большая часть камней такъ испорчена временемъ, что обсуждая вопросъ объ изданіи этихъ эстампажей фототипіею, я могъ выбрать изъ снимковъ съ четырехъ, имѣющихся у меня отдѣльныхъ надписей, только одинъ, достойный воспроизведенія.

Вторая группа камней заключаетъ въ себѣ памятники несравненно позднѣйшаго происхожденія. Надписи изложены здѣсь на двухъ языкахъ: тибетскомъ и монгольскомъ. Гранитная плита, на которой были изсѣчены эти надписи, раскололась поперекъ на двѣ части и образовала двѣ почти квадратныхъ доски: первая доска, составляющая верхнюю часть камня, имѣетъ въ вышину 1 арш. 2 верш., въ ширину 1 арш. 3 верш., а въ толщину $7\frac{1}{4}$ вершковъ; другая доска, нижней части камня, представляется нѣсколько больше первой, имѣя теперь вышину въ 1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершковъ, при тѣхъ же, конечно, ширинѣ и толщинѣ камня. Обработка этого камня стоила громаднаго труда для художниковъ, такъ какъ буквы изсѣчены на немъ выпукло; но этотъ, несомнѣнно труднѣйшій способъ изваянія оказался вмѣстѣ съ симъ и наименѣе прочнымъ: выпуклыя буквы въ большинствѣ постерлись и избились, а потому текстъ читается очень трудно; тибетскій, болѣе крупный, еще возможенъ для разбора, монгольскій же, болѣе мелкій, теперь можно считать почти совершенно погибшимъ. Предположивъ, по общему обычаю, что монгольскій текстъ составляетъ дословный переводъ съ тибетскаго, еще удается угадывать отдѣльныя слова этого текста, но въ общемъ читать памятникъ безъ помощи тибетскаго текста въ монгольской его части совершенно не возможно. Посвятивъ этимъ памятникамъ цѣлый день, понедѣльникъ 7-го Іюня, я приготовилъ эстампажи обоихъ текстовъ и за всѣмъ тѣмъ долженъ былъ отказаться отъ точнаго воспроизведенія снимковъ ихъ фототипіею, или фотоцинкографіею въ настоящее время. Взамѣнъ сего я возстановилъ эти тексты памятника, читая ихъ прямо съ камня въ нижеслѣдующемъ видѣ:

༄༅། །ཆོས་རྣམས་ཀུན་གྱི་དབྱེ་བ་འབྱེད་པའི་རྒྱན་གཅིག་པུ། །རྡོ་རྗེ་འཆང་གི་གོ་འཕང་བླ་ན་མེད་ཐོབ་ནས། །འགྲོ་སྒྲོལ་རྟག་པ་དམ་པའི་བླ་མ་ས་སྐྱ་པ། །ཆེན་པོ་བསོད་ནམས་སྙིང་པོ་སྲིད་གསུམ་འདི་ན་རྒྱལ། །

''''' ལྷ་ཆེན་གསེར་གྱི་པདྨའི་མངའ་ལྡན་གཙུ་རྒྱལ་ཚོགླ་བཟངས་སྤྲིན་ལ་ཞེན་དང་ཀུན་མཁྱེན་རལ་པ་སླི་ཕུད་བུ་ཅན། །ལུས་མེད་བདག་པོ་པད་དཀར་མིག་སོགས་སྲིད་གསུམ་འདི་ན་ཆེར་རློམས་རིགས་ལྡན་

འཇིག་རྟེན་སྐྱོང་བར་ཁས་འཆེ་བ། །ཀུན་གྱི་གཙུག་རྒྱན་གི་སར་ཚོལ་དུ་ཞབས་སེན་དཔལ་སོ་རྩེན་པར་གྱུར་པས་ལྷ་ཡི་ལྷ་ནས་གསལ་བར་གྲགས། །ཐུར་རྗེའི་སྨན་གྱིས་འགྲོ་བའི་གདུང་བ་རིང་དུ་མཐར་མཛད་པཙོམ་

ལྡན་དམ་ཆོས་ཚོགས་མཆོག་དགེ་འདུན་གུས་པས་མཆོད། །བལྟ་བས་མི་ངོམས་མཛེས་སྐུའི་དཔལ་ནི་ཐུབ་འཚམས་གཞོན་ནུའི་ཁྱེངས་པ་འཕྲོག་བྱེད་

། །ཡན་ལག་དྲུག་ཅུའི་གསུང་དབྱངས་འབྲུག་སྒྲ་ཏ་བའི་དགའ་སྟོན་ཅི་ཡང་འགྱེད་ཅེང་རི་ཟའི་དབྱངས་ལ་སྐྱེངས་པ་སྟེར། ། ཕུན་ཚོགས་མཁྱེན་བརྩེའི་ཆུ་འཛིན་ལྷུན་སྟུག་ཕྱིན་ལས་

གློག་གི་རོལ་རྩེད་དང་འཁྲུགས་རྣམ་གྲོལ་ཆུ་ཡི་ཁུར་པོ་འཛིན། །ཐོས་པ་ཙམ་གྱིས་རྨོངས་པའི་གདུང་སེལ་འཇམ་པའི་དབྱངས་ཞེས་གྲགས་པ་རྣམ་མཛེས་གང་དེའི་ཞབས་ལ་ཕྱག་བགྱིད་དོ། །

བྱང་བ་གཡོ་ལྡན་པདྨའི་ལྟེ་བར་རྒྱ་སྐར་བདག་པོ་རྒྱས་པའི་དབུས་ན་ཅོག་པུའི་ཚུལ་གྱིས་རྣམ་པར་འཕྱེང། །བཅུ་དྲུག་ལང་ཚོའི་ཉམས་ཀྱིས་ཡིད་འཕྲོག་དབུ་སྐྲའི་ཟར་བུ་དཔྱང་བར་གཡོ་ལྡན་ཐོར་

ཚུགས་བླ་བའི་ཅོད་པན་ཅན། །དཀར་དམར་མཐུར་ཚོས་མེ་ཏོག་མདངས་གསལ་སྤྱན་ཟུང་བྱང་བ་རོལ་བས་ཡིད་འཛིན་ནོར་བུའི་རྒྱན་གྱིས་ལྷམ་མེར་མཛེས། །ཕྱག་གཉིས་རི་ཟའི་རྒྱུད་མངས་

སྙིང་མཁས་མཁྱེན་བརྩེའི་གཏེར་འཛིན་སྒྲ་དབྱངས་ལྷ་མོས་དག་གི་མཆོག་སྦྱིན་རྒྱས་པར་མཛོད། །གང་གི་མཁྱེན་པ་པ་མཐའ་མི་མངོན་ཞབས་སྐྱེས་རྟུལ་གྱི་གེ་སར[1]ཕྲེང་བ་མཁས་པ་དུ་

མའི་གཙུག་ན་མཛེས༔ ༔འཕྲིན་ལས་ཕྱོགས་ཀྱི་བུ་མོའི་རྒྱན་གྱུར་སྙད་གྲུང་མཛད་པས་མཁས་པའི་དབང་པོ་ཟླུག་རྟའི་གནས་སུ་ལྡང་བར་བྱེད། །རྒྱལ་བའི་རིང་ལུགས་གསེར་གྱི་རི་མོ་རྒྱ་མཚོའི་

1) Слова: གེ་སར་ въ каменописномъ текстѣ первоначально были пропущены и засимъ добавлены подстрочно.

གོ་སོ་ཅན་ཀུན་ལ་གྲི་མཁས་ཤཚད་རྩོད་རྩོམ་པའི་མཛོད་བ་ཅན། །རྒྱལ་ཁ་ཀུན་དང་རྣམ་དབྱེངས་མ་
མཆེས་བློ་མ་མཆོག་ལ་སྐོ་གསུམ་གྱས་པ་ཆེན་པོས་འདུད་དེ་འགྲོ་འདི་སྙངས། །རྣམ་འཇེག་སྐྱེ་
བ་ཉིད་དང་བསྟན་པ་དེ་འཇིག་སྐས་མཆོག་དག་འདུན་དང་། །ཞུང་པངས་འཛམ་དབྱངས་མི་ཡི་
གཟུགས་འཇིག་ས་སྐྱ་བློ་ཆེན་བརྒྱད་བཅས་ལ། །མཆོད་དང་གྲི་ཞུ་ལེགས་པངས་ཕྱེད་པོ་ཆེ་
རིང་གནམ་ཀྱི་ཤེས་ཅན་ཅན། །ཉིའི་མིང་ཆིང་གིས་ས་ཆེན་རྒྱལ་པོ་ལྟ་བཅས་འགྲོ་བའི་གཙུག་ན་རྒྱལ། །
གང་གི་བློ་གསོས་ཡུལ་དུ་ནི། །འཕེན་ལས་བདུད་རྩི་ལྟང་བས་ན། །འཁོར་བའི་ཚ་
གདུང་ཞི་མཛོད་པ། ། །འཇེན་པ་དེ་ལ་ཡང་ཡང་འདུད། །ཚངས་སྐྱབ་འཇིག་བའི་སྐྱ་རགས་རྣམས། །
བྱང་ཕོའི་མགྲིན་སྐྱ་ཐུབ་ལུགས་ལ་གང་། །རྣ་བའི་རྒྱང་ཐུད་དང་འགྲོགས་ཤིང་། །གོངོད་བཞི་
ལྟེན་བའི་བསྟོད་དབྱངས་སྒྲོགས། །གང་གི་འབས་སེན་ཧོར་བྱ་ཡིས། །ལྟ་རབྱའི་ཅོད་བན་མཛེས་ཐྲས་
པ། །སྐྱོགས་བཅུའི་དབང་ཐུགས་གང་དེ་ལ། །བདག་ཉི་བསྟོད་པའི[1]མེ་ཏོག་འཕོར །

དེ་ཐྲིར་བསྟོད་ཚོག་མེ་ཏོག་ཀིས། །བསོད་ནམས་སྤྲང་ཅི་སྨིལ་པ་དང་། །མཁས་རྣམས་དགའ་བ་
བསྐྱེད་པའི་སྤྲད། །དག་གི་མཆོད་སྤྲིན་ཁེ་བོས་བཀྱེད། །དེ་ཡང་འགྲོ་བ་མ་རིག་པའི་
རབ་རིབ་ཀྱིས་བློ་ཁྲོས་ཀྱི་མིག་ལྷེ་དས་བས། ཡིད་ལ་བརེ་བ་འབབ་ཚེག་འདོད་དེ་བདེ་བ་འཚོལ་བ་ལ
སྐྱོམ་པ་བཏང་བས་ཐོངས་པ་ལྟང་སྐྱངས་ཀྱང་།བྱང་དོར་ལ་ཕྱིན་ཅི་ལོག་དུ་བཞུགས་པས་སྡུག་བསྔལ་འབབ་ཚེག་
བསྐྱབ་པའི་ཐབས་ལ་འབོར་ཡུག་དུ་འབད་པའི་སྐྱེ་དགུ་མཐའ་དག་ཏུ་གཅིག་ཏུ་ལྟངས་ཆེས་ཆེར་ས་ཆེ་
བའི་གཉན་དབང་དུ་སྐྱངས་པས། སྟེང་སྐོས་ཆེན་ཐོས་བྱང་ཆུབ་ཀྱི་ཐུགས་བསྐྱེད་དེ།
བྱ་བས་ཁེའི་བརྩེན་འགྲས་ཀྱིས་ཆོགས་གཉིས་ཀྱི་ཕུང་པོ་རྣམ་དུ་བརྒྱལ་བར་མཛད་ནས། རྫི་མ་
མཐའ་དག་དང་ཐབ་བའ་སྐྱོང་བ་ཉིད་དང་གཉིས་སུ་མེད་པའི་ཡེ་ཤེས་རོགཅིག་ཏུ་བཞུགས་
པའི་ཚོས་ཉིད་ཀྱི་སྐུ་མངོན་དུ་མཛད་དེ། དེ་ཉིད་ལས་ནམ་ཡང་གཡོ་བ་མི་མངའ་བཞིན་དུ་འགྲོར་བ་
མ་སྐྱོང་བར་དུ་རྒྱུན་མི་འཆད་ཅིང་། ས་བཅུ་པའི་རྒྱལ་ཁྲས་ཞིད་ཐམས་ཅད་ཀྱི་རྣལ་གྱི་

ཁྲབས་དང་མཉམ་པའི་དབུས་སུ་ཐེག་པ་ཆེན་པོའི་ཚོས་ཀྱི་འགྲོར་ལོ་རྒྱུན་མི་འཆད་པར་བསྐོར་བའི་
ལོངས་སྤྱོད་རྫོགས་པའི་ཡེ་ཤེས་ཀྱི་སྐུར་བཞེངས་ནས་དེ་ཉིད་ཀྱི་བདག་པོའི་ཆུན་ལས་འཇིག་

---

1) Род. пад. отъ བསྟོད་པ་ «хвалить, прославлять»; иначе སྤྲད་པ་

[1] རྟེན་གྱི་ཁམས་མཐའ་ཡས་པར་མཆོག་གི་སྤྲུལ་པའི་སྐུའི་མཛད་པ་བརྗོད་པར་མི་ནུས་པ་ཞིག་བསྟན་པར་མཛད་པའི་བདག་ཅག་གི་སྟོན་པ་ཤཱཀྱའི་རྒྱལ་པོ་འདིས། །མི་མཇེད་འཇིག་རྟེན་གྱི་

ཁམས་འདི་ཉིད་ལ་གླིང་བཞི་པའི་འཇིག་རྟེན་བྱེ་བ་ཕྲག་བརྒྱ་ཡོད་པ་དག་གི་གླིང་བཞི་པའི་འཇིག་རྟེན་རེ་རེན་ཡང་མཛད་པ་བཅུ་གཉིས་རེ་རེ་སྟོན། དེ་ལ་མཛད་པ་བཅུ་གཉིས་བྱེ་བ་ཕྲག་བརྒྱ་དུས་གཅིག

ལ་བསྟན་ཞེས་རྒྱ་ཆེར་ ་ ་ རོལ་པ་དང་། ཐུབ་པ་དགོངས་རྒྱན་སོགས་ལས་གསུངས་ཤིང་། ཀུན་མཁྱེན་གཉིས་པ་དབྱིག་གཉེན་དང་། བདག་ཉིད་ཆེན་པོ་ས་པཎ་སོགས་ཚད

ལྡན་གྱི་མཁས་པ་རྣམས་ཀྱིས་གླིང་བཞི་པའི་འཇིག་རྟེན་གྱི་ཁམས་བྱེ་བ་ཕྲག་བརྒྱ། ལྷ་མོ་སྒྱུ་འཕྲུལ་བྱེ་བ་ཕྲག[2]བརྒྱ། སྲས་གཞོན་ནུ་དོན་གྲུབ་བྱེ་བ་ཕྲག་བརྒྱ། བཙུན་མོ་གྲགས་འཛིན་མ་དང་སྲས་སྒྲ

གཅན་འཛིན་དང་ཀུན་དགའ་བོ་དང་ཞེས་གསུངས་པ་ལྟར་རྒྱལ་པོ[3]ཟས་གཙང་མ་ལ་སོགས

པ་འདི་དག་ཀྱང་དེ་དང་དེའི་ཚུལ་བསྟན་ཞེས

བྱ་བ་རྣལ་འབྱོར་ཆེན་པོའི་རྒྱུད་ཀྱི་ལུང་སྒྲོན་གསལ་དུ་དྲངས་པ

དཔལ་ལྷ་མོ་ནི་གྲགས་འཛིན་ནོ། རྡོ་རྗེ་སེམས་དཔའ་ནི་སྒྲ་གཅན་འཛིན་ནོ། སྒྲིབ་པ་ཐམས་ཅད་སེལ་བ་ནི་ཤཱ་རིའི་བུའོ།

བརྒྱ་བྱིན་ནི་གནས་བརྟན་ལྷས་བྱིན་ནོ། རྣམ་པར་སྣང་མཛད་ཆེན་པོ་ནི་ཡང་དག་པར་རྫོགས་པའི་སངས་རྒྱས་དཔལ་ཤཱཀྱ་ཐུབ་པར་གྱུར་ཏོ། ཞེས་གསུངས་པ་དེ་ཉིད་དུ་མངོན

པར་རྫོགས་པར་བྱང་ཆུབ་པའི་མཛད་པ་ཉེ་བར་བསྟན་ནས་ཀུན་གདུལ་བྱ་དམན་པ་ལ་མོས་པ་རྣམས་ལ་ཆགས་བྲལ་གྱི་སྤྱོད་པ། རྒྱ་ཆེན་པོ་ལ་མོས་པ་རྣམས་ལ་ས་དང་པ་རོལ་ཏུ་ཕྱིན་པའི་སྤྱོད

པ། ཟབ་མོ་ལ་ལྷག་པར་མོས་པ་རྣམས་ལ་འདོད་ཆགས་ཀྱི་སྤྱོད་པ་བསྟན་པར་མཛད་པའི་སྒོ་ནས་ཆོས་ཀྱི་འཁོར་ལོ་སོ་སོར་བསྐོར་བའི་མཐར་གྲོང་ཁྱེར་རྩ་མཆོག་གི་ཡུལ་དུ་གདུལ

---

1) Начальныя слова на строкахъ 21-й གྲངས་དང་ и 22-й རྟེན་གྱི поставлены мною по соображенiи монгольскаго текста; на камнѣ они сбиты.

2) Начальныя слова на строкахъ 24-й: ལ་བསྟན་ཞེས་རྒྱ་ཆེར་ и 25-й ལྡན་གྱི་མཁས་པ་རྣམས་ཀྱིས་གླིང་བཞི་པའི་འཇིག་རྟེན་གྱི་ཁམས་བྱེ་བ་ཕྲག་བརྒྱ་། ལྷ་མོ་སྒྱུ་འཕྲུལ་བྱེ་བ་ཕྲག་ записаны мною по догадкѣ, высказанной ламами и по соображенiи отрывочныхъ словъ монгольскаго текста. На камнѣ это мѣсто выбито.

3) Слово རྒྱལ་པོ་ написано по догадкѣ.

བྱ་རྟག་འཛིན་ཅན་རྣམས་ཀྱི་རྟག་འཛིན་བཟློག་པའི་ཆེད་དུ་དགོངས་པ་ཡོངས་སུ་མྱ་ངན་ལས་འདས་པའི་ཚུལ་སྟོན་པར་མཛད་པའི་ཤཱཀྱའི་རྒྱལ་པོ་[1] དེ་ཉིད་ཀྱིས་འོ་སྐོལ་གདུལ་བྱ་རྣམས་ཀྱི་

ཚོགས་གཉིས་རྫོགས་ཤིང་སྒྲིབ་གཉིས་སྦྱོང་བའི་ཆེད་དུ་ཡང་དག་པར་རྫོགས་པའི་སངས་རྒྱས་ཀྱི་རྟེན་རྣམ་པ་གསུམ་བསྟན་པླི་མཛད་པ[2]ལ་ལོངས་སྤྲུལ་གཉིས་ནི་ལོགས་སུ་འཆད་

ཅིང་། ད་ལན་འདིར་ཆོས་སྐུའི་རྟེན་འཆད་པར་བྱེད་པ་ལ། དཀྱིལ་འཁོར་ཆེན་པོ་ཞེས་བྱ་བའི་རྒྱུད་ལ་བརྟེན་ནས། འཕགས་པ་ཀླུ་སྒྲུབ་ཀྱིས་མཛད་པླི་མ་ཆོད་རྟེན་གྱི་རྟོག་པ་ཞེས་བྱ་བ་ལས་

འབྱུང་བ། དེ་བཞིན་གཤེགས་པའི་ཆོས་སྐུའི་རྟེན་ནི་གསུམ་སྟེ། ལྷུང་བཟེད་ཁ་ཕུབ་པ་ལྟ་བུ། ཁང་བུ[3]—བརྩེགས་པ། རྒྱལ་མཚན་ལྟར་ཡོངས་སུ་གྲགས་པ་གསུམ་ཡིན། རྒྱལ་མཚན་

ལྟར་ཡོངས་སུ་གྲགས་པ་ལ་དབྱེ་ན། བདེ་གཤེགས་པའི་མཆོད་རྟེན་བརྒྱད་དེ། སེར[4]སྐྱའི་གྲོང་དུ་དར།། བྱང་ཆེན་རྫོགས་སངས་རྒྱས་ཚེ་རྡོ་རྗེ་གདན། །སྒོ་མང་

ཆོས་འཁོར་བསྐོར་ཚེ་ཝཱ་ར་ཎ་སེར། ། ཆོ་འཕྲུལ་ཆོ་འཕྲུལ་བསྟན་ཚེ་མཉན་ཡོད་དུ། །ལྷ་བབས[5]མཛད་གསལ་ལྡན་གྲོང་། །དབྱེན་བསྡུམས་མཆོག་གཉིས་བཞུགས་ཚེ་རྒྱལ་པོའི་ཁབ།

།རྣམ་རྒྱལ་སྐུ་ཚེ་ཡངས་པ་ཅན། །མྱང་འདས་མྱ་ངན་འདས་ཚེ་རྩྭ་མཆོག་གྲོང་། །གནས་ཆེན་བརྒྱད་དུ་ཐབ་པའི་མཆོད་རྟེན་བརྒྱད། །དང་ལྡན་གསོད་ནམས་བསོག་པའི་རྟེན་དུ་བྱས།

།བདེ་གཤེགས་མཆོད་རྟེན་རྣམས་ལ་ཕྱག་འཚལ་ལོ། །ཞེས་པ་ལྟར་གྱི་བདེ་བར་གཤེགས་པའི་མཆོད་རྟེན་བརྒྱད་དང་། གཞན་ཡང་སྟོན་པ་མཉན་ཡོད་ཀྱི་གྲོང་ཁྱེར་དུ་གཤེགས་པའི་ཚེ་སྐལ་ལྡན་གྱི་

བྱིས་པ་གཉིས་རྒྱང་ནས་མཐོང་ནས། གཅིག་གིས་བྱེ་མ་སྐྱིམ་པ་གང་ཐོགས་ནས་སྟོན་པ་ལ་འབུལ་བ་སྟོན་པས་ལྷུང་བཟེད་སྣད་ནས་བཞེས་ཀྱང་མ་སྐྱེགས་པར་བྱིས་པ་གཅིག་གིས་སྐྱུར་སྐྱེགས་བགྱིས་ཏེ་

དབུལ་བ། སྟོན་པས་ཀུན་དགའ་བོ་ལ་སྐྲོངས་ཤིག་ཅེས་བཀའ་གནང་བ་དེས་བསྒྲངས་པས་བྱེ་བ་གཅིག་བྱུང་བ་སྟོན་པ་ལ་ཞུས་པས། སྟོན་པའི་ཞལ་ནས་བྱིས་པ་འདི་མ་འོངས་པ་ན་ཆོས་རྒྱལ་མྱ་ངན་མེད་ཅེས་

---

1) Слова «ша-чжай-чжал-бо» на камнѣ полу стерлись и возстановлены по догадкѣ.

2) Слова བསྟན་པའི་མཛད་པ выбиты и возстановлены по догадкѣ.

3) Здѣсь утратилось одно или два слова.

4) Здѣсь нѣсколько словъ утратилось и не достаетъ.

5) Тоже.

བྱ་བར་འགྱུར་ཞིང་། དེས་དེ་བཞིན་གཤེགས་པའི་རིང་བསྲེལ་གྱི་སྙིང་པོ་ཅན་གྱི་མཆོད་རྟེན་བྱེ་བ
གཅིག་ཐུབ་གཅིག་ལ་བགྱིས་ཏེ། ཅིག་ཤོས་ཀྱི་བྱིས་པ་དེ་ཡང་གཏོར་སྦྱིན་ཤིང་རྟ་ཆེན་པོ་ཞེས་བྱ་བར་གྱུར་ཏེ།

མཆོད་རྟེན་དག་བྱེད་པའི་གྲོགས་བྱེད་པར་འགྱུར་རོ་ཞེས་ལུང་བསྟན་པའི་རྒྱལ་པོ་དེས་བཞེངས་པའི་
ཆོས་སྐུའི་རྟེན་གྲངས་མེད་པ་དག་གིས་འཇིག་རྟེན་གྱི་ཁམས་ཀྱི་ས་སྟེང་ཁྱབ་པར་མཛད་ནས་དགའ་ལྡན་དུ་

གཤེགས་སོ། དེ་འོག་ཆོས་རྒྱལ་ཀླུ་དན་ཐལ་བས་ཀུང་ལོ་བདུན་ཅུའི་བར་དུ་མཆོད་རྟེན་ཁོ་ན་མཆོད་ནས
བྱང་ཆུབ་ཐོབ་པར་བྱུང་། དེའི་རྗེས་སུ་བྱང་ཕྱོགས་ཏུ་རུཥྐའི་ཆོས་རྒྱལ་གྱིས་མཆོད་རྟེན་སྟོང་དང་བརྒྱད་

ཁྲི་བཞེངས་ཤིང་ཚེ་ལོ་སུམ་བརྒྱ་ཐུབ་ནས་བྱང་ཆུབ་ཐོབ། དེ་བཞིན་དུ་ནུབ་ཕྱོགས་འཕགས་རྒྱལ་
ཞེས་པ་ལ་ཊའི་ཡུལ་དུ་པུ་ཊའི་རྒྱལ་པོ་༎ ༎ཚུལ་གྱིས་སྐུ་གཟུགས་མཆོད་རྟེན་དུ་མ་མཆོད་པ་དང་།

གཞན་ཡང་རྒྱ་གར་འཕགས་ཡུལ་གྱི་ཕྱོགས་བཞིའི་ཡུལ་གྲུ་སོ་སོ་ན་བསོད་ནམས་དང་ལྡན་པའི་ས་
སྐྱོང་རྣམས་ཀྱིས་བསྟན་པ་རིན་པོ་ཆེ་སྐྱོང་བར་མཛད་པའི་ ' ' ' ལོ་རྒྱུས་མང་དུ་འདུག་ཅིང་། དེ་བཞིན་

དུ་བོད་ཁ་བ་ཅན་གྱི་ལྗོངས་སུའང་བྱང་ཆུབ་སེམས་དཔའ་རིགས་གསུམ་མགོན་པོའི་རྣམ་པར་འཕྲུལ་
པ་ཆོས་རྒྱལ་མེས་དབོན་རྣམ་གསུམ་སོགས་ཀྱིས་འཇིག་རྟེན་གྱི་ཕན་བདེ་ཕུན་སུམ་ཚོགས་པ

ཐམས་ཅད་ཀྱི ' ' ' གཞི་རྒྱལ་བའི་བསྟན་པ་ཕྱོགས་ཐམས་ཅད་དུ་རྒྱས་པར་མཛད་དོ། དེ་བཞིན་དུ
བྱང་ཕྱོགས་ཀྱི་ཞིང་འདིར་ཡང་ཚེ་རིང་གནམ་གྱི་ཤེ་མོང་ལ་བསྟེན་ནས་བསོད་ནམས་ཆེན་པོའི་དཔལ་གྱིས

མངོན་པར་མཐོ་བ་རྟོར་ཆེང་གིས་ཏྣན་ཞེས་གྲགས་པ་དེ་ཉིད་ཀྱི་རྒྱལ་རབས་སོ་དྲུག་པ་ན། བྱང་ཆུབ
སེམས་དཔའི་རྣམ་འཕྲུལ་སྟོབས་ཀྱི་འཁོར་ལོ་སྒྱུར་བ་ཏའི་མིང་སེ་ཆེན་ཆེང་གིས་རྒྱལ་པོ་འདིར་ཉིད

འཁྲུངས་ནས། །མཐུ་ཅན་ལ་སོགས་པ་སྐད་རིགས་མི་གཅིག་པའི་ཡུལ་ཁམས་དུ་མ་ཞིག་གི་ཁ་ལོ་
བསྒྱུར་ཞིང་ཆབ་སྲིད་རྒྱས་པར་མཛད་པ་དེས། ཁྱད་པར་དུ་སྔོན་གྱི་སྨོན་ལམ་གྱི་མཐུས་ཆོས་རྒྱལ་གོང་མ་

རྣམས་ཀྱི་དབུ་བླ་གྱུར་བའི་གདུང་བརྒྱུད་དམ་པའི་ཆུ་གཏེར་ལས་འཁྲུངས་ཤིང་། མཁྱེན་པ་རྩེ་ནུས
གསུམ་གྱི་དཀྱིལ་འཁོར་ལ་རིག་གནས་ཀྱི་འོད་སྣང་དང་ལྡན་པ་འཛམ་པའི་དབྱངས་ཀྱི་རྣམ་པར

འཕྲུལ་པ་ཤར་པ་བདག་ཆེན་ཨཱ་ནནྡ་ཤྲཱི་བྷ་དྲ་ཞེས་ཡོངས་སུ་གྲགས་པ་ནམ་མཁའི་ནོར་བུ་དེ་ཉིད། ཞིང་
འདི་རར་དང་གུས་ཀྱི་མགྲོགས་འགྲོས་སྣངས་ནས་མཆོད་ཡོན་དུ་འབྲེལ་བ་ལ་བརྟེན་ནས། ཆོས་མིན

ཀྱི་མུན་པ་མེད་གི་ལྷག་མར་བྱས་ཤིང་། སྐུ་གསུང་ཐུགས་ཀྱི་རྟེན་བཞེངས་པ། དགེ་འདུན་གྱི་སྡེ་གསར
དུ་འཛུགས་པ་སོགས་བསྟན་པའི་པད་ཚལ་ཆེས་ཆེར་བཞད་པར་མཛད་པ་སོགས་ནི་པོ

ཐང་སྲིད་གསུམ་རྣམ་རྒྱལ་གྱི་རྡོ་རིང་དུ་བཀོད་ཡོད་པས་དེར་གསལ་ལ། འདིར་རྗེན་རྗེན་ཞེས་པའི་
མཆོད་རྟེན་འདི་སྔོན་ནས་མིག་ལམ་ཙམ[1]་སྣང་ཡང་། རྗེ་བཙུན་འཇམ་དཔལ་དབྱངས་ཀྱི་ཐབས་མཁས་

ཐུགས་རྗེའི་ཉི་འོད་རབ་ཏུ་གསལ་ཞིང་། རྒྱལ་བའི་བསྟན་པ་མཐའ་དག་ལ་རིས་མེད་པར་སྲི་ཞུ་
བགྱིད་པོ་ཆོས་རྒྱལ་གོང་མ་ཆེན་པོའི་དང་བའི་རྒྱུ་ཤེལ་ཚོགས་གཉིས་ཀྱི་ཆ་ཤས་ཡོངས་སུ་

གང་བའི་མཐུ་གཡོས་པ་ལས། སྔོན་རྒྱ་བོད་ཀྱི་ཆོས་རྒྱལ་བྱང་ཆུབ་སེམས་དཔའ་རྣམས་ཀྱིས་
སངས་རྒྱས་ཀྱི་བསྟན་པ་ཆེས་ཆེར་གསལ་བར་མཛད་པའི་ཆོས་སྲོལ་དང་མཐུན་པར་མཛད་

སྙམ་པའི་འདུན་པས་བྱང་ཕྱོགས་ཀྱི་ཡུལ་འདིར་སྐྱེ་དགུ་མ་ལུས་པའི་ཕན་བདེའི་འབྱུང་གནས་སངས་
རྒྱས་ཀྱི་བསྟན་པ་རིན་པོ་ལ་དགོངས་ནས་སྔར་ཉམས་པ་གསོས་ཤིང་། ཁྱད་པར་དུ་འང་

གོང་མ་རྣམས་ཀྱི་བཀའ་དྲིན་མི་བརྗེད་པར་བྱ་བའི་ཆེད་དུ་ཉིད་ཀྱི་ཡང་མེས་སུ་གྱུར་པ་ཐུ་མེན་ཛ་
སག་ཐུ་རྒྱལ་པོའི་སྐུ་གདུང་ཞུགས་སུ་གསོལ་བའི་སྣར་དུ་ཆོས་སྐུའི་རྟེན་ཆོ་འཕྲུལ་ཆེན་པོའི་མཆོད་རྟེན་

དང་། ཡུམ་ནང་ནང་ཐའི་ཧུའི་དགོངས་རྫོགས་ཀྱི་དོན་དུ་ལྷ་བབས་ཀྱི་མཆོད་རྟེན་འདི་གཉིས་ཀྱིས་
གཙོས་པའི་རྟེན་དང་བརྟེན་པར་བཅས་པ་རིན་པོ་ཆེ་དུ་མ་ལས་གྲུབ་པའི་ཆོས་སྐུའི་རྟེན་མང་པོ་མདོ་

རྒྱུད་ལས་ཇི་སྐད་གསུངས་པ་དང་མཐུན་པར་ས་གཞི་གཞི་བརྗིད་ཆགས་པའི་འོད་ཀྱིས་ཁྱབ་པར་བརྡལ་
བེ་བྱིན་ཆགས་པ་བཀོད་མཛེས་དབྱིབས་ལེགས་ཀྱི་མཆོད་པའི་སྤྲིན་སོགས་ཀྱིས་བསྐོར་བ་འདི་

དག། རྒྱལ་པོའི་བཀའ་ལུང་བཞིན་ཉིད་ཀྱི་ལྕམ་སྲིང་མ་སྭ་རསྭ་ཏི་ཐའི་སྲུན་ཀུན་དེ་ཞེས་བྱ་བས་དོ་
དམ་བགྱིས་ཏེ། སྟོན་པ་ཆོས་དབྱིངས་སུ་ཞུགས་ནས་ལོ་སུམ་སྟོང་བདུན་བརྒྱ་དང་དགུ་འདས་པ་ཟད་པར[2]

མེ་ཕོ་སྟག་གི་ལོ་གྲོ་བཞིན་ཟླ་བའི་དཀར་ཕྱོགས་རྒྱལ་བ་དང་པོའི་ཚེས་ལ་ལེགས་པར་གྲུབ་པའོ།། །དེ་ལྟ
བུའི་མཛད་པ་རླབས་པོ་ཆེ་དེ་སོ་སྐྱེ་རང་རྒྱུད་པའི་བློར་མི་ཤོང་བས་ཚོགས་གཉིས་སྔོན་དུ་བསགས་པའི་

འབྲས་བུ་ཡིན་པར་གདོན་མི་ཟ་ལ། རྣམ་པར་དཀར་བའི་གནས་སྐབས་དང་མཐར་ཐུག་གི་འབྲས་བུའི་
ཕན་ཡོན་ནི། དམ་ཆོས་པད་དཀར་ལས། རིན་ཆེན་མཆོད་རྟེན་སྟོང་ཕྲག་དུ་མ་དག། གསེར་དང་དངུལ་

---

1) Слово: ཙམ при изготовленіи текста на камнѣ было пропущено и потомъ выбито на верху строки.

2) Слова: ཟད་པར་ на камнѣ вытерлись и возстановлены по догадкѣ.

དང་འཕེན་དེ་ཤེལ་གྱི་འམ་[1] ། ཇོ་ཡི་སྐྱིང་ཝེའི་མཚོད་རྟེན་གང་གིས་བྱས། ། བཅུ་བྱ་རྩ་མཚོག་དེ་བཞིན་ཉིད་སྐྱེ་ལ། ། ལ་ལས་ཆུ་ཏིག་ཀེ་ཀེ་བྱེལས་བྱས། ། དེ་དག་གིས་ཐུབ་བྱང་ཆུབ་ཐོབ་པར་འགྱུར ། ། གང་གི་

མཚོད་རྟེན་ཇོ་ལས་བྱས་པ་དང་། ། གང་གིས་ཙ་ག་བྱེད་ཅོ་ནྡན་རྣམས། ། གང་གིས་ཐུབ་ཤིད་མཚོད་རྟེན་བྱས་པ་དང་། ། ལ་ལས་ཤིད་མདོ་གཞན་ལས་བྱས་པ་དང་། ། ས་དང་སོ་ཁག་ལས་ནི་བཙུགས་

པ་ཡི། ། རྒྱལ་བའི་མཚོད་རྟེན་དག་བཞིན་བྱས་པ་དང་། ། དེ་བཞིན་ས་རྩྭ་ཐུང་བོ་དག་ལས་ཀྱང་། ། ཆུ་དམ་དགོད་པ་དག་དྲུ་བྱས་པ་དང་། ། བྱིས་པའི་རྩེད་མོ་རྣམ་དེ་དག་དེ་དག་དྲུ། ། གང་གིས་

རྒྱལ་བ་དེ་བྱེར་མཚོད་རྟེན[2]དག ། བྱེ་མ་ལས་ནི་ཐུང་བོ་བྱས་པ་དང་། ། དེ་རྣམས་ཀྱིས་ཀྱང[3]ཐུབ་ཆུབ་ཐོབ་པར་འགྱུར། ། ཞེས་དང་། ། ཁང་བུ་བརྩེགས་པའི་མདོ་ལས། དེ་བཞིན་གཤེགས་པའི་སྐུ་

....[4] སྐུ་ངུ་རའི་ཚོད་ཙམ་བཞེངས་པའི་ཕན་ཡོན་གྱངས་ཀྱིས་མི་ལངས་གསུངས་སོ། ། རྟེན་འབྲེལ་སྐྱེད་པོའི་མདོ་ལས། རིགས་ཀྱི་

.....[5] སྐུ་ངུ་རའི་འབྲུ་ཙམ་སྤོག་ཤིད་ཁབ་ ། ། ཙམ་གཏུགས་ནི།

Отсюда надпись переходитъ на боковую сторону камня, причемъ двѣ строки не могутъ быть прочитаны вовсе, такъ попорчены они временемъ. Съ третьей, или въ общемъ съ 73-й, строки, надпись продолжается въ ниже слѣдующемъ видѣ:

དེ་ལྟ་བུའི་དོ་མཚམ་བའི་རིན་ཆེན་མཆོད་རྟེན་
འཇིག་རྟེན་འདི་དག་གི་བརྟེན་དུ་ཐུག་མཆོད་སོགས་ཀྱིས་བསྟེན་
པར་བྱས་བའིཕན་ཡོན་ནི། དམ་ཆོས་པད་དཀར་ལས། གང་
གིས་མཆོད་རྟེན་དག་ལ་ཐལ་མོ་སྦྱར། ཡོངས་...[6]

---

1) Слова དཏུལ་དང་འཕེན་དེ་ཤེལ་འམ་ возстановлены ламами главнымъ образомъ по догадкѣ, такъ какъ конецъ 64-й и начало 65-й строкъ на камнѣ очень попорчены.

2) Слова: རྒྱལ་བ་དེ་བྱེར་མཚོད་རྟེན་ на камнѣ не находятся и возстановлены по догадкѣ.

3) Эти слова རྣམས་ཀྱིས་ཀྱང་ возстановлены также по догадкѣ.

4) Здѣсь словъ пятьнадцать совершенно утрачено.

5) Половина 70-й строки не сохранилась совершенно.

6) Конецъ 76-й и первая половина 77-й строки не могутъ быть прочитаны.

ཡང་ན་མགོ་བོ་ལན་ཅིག་བཏུད་པ་དང་།

།དེ་བཞིན་ལྟས་ཀྱིས་ལན་ ..... ཅིག་བཏུད་པ་དང་། ।ཀང་གིས་རིང་བསྲེལ་

..... དེ་དག་ལ།। ..... སེམས་ཀྱིས་སྐུག་འཚལ་ཞིང་།

ཞེས་དང་।।མདོ་སྡེ་ལས་སྣང་ཟེད་ལས།।མཆོད་རྟེན་ ....

..... བན་ཡིན་བཅོ་བརྒྱད་ནི། རྒྱ་ཆེན་སྐྱེ་ཞིང་གཟུགས་

མེརྠ་ཤིར .....

བར་གཏགས།।ལྷ་མིས་མཆོད་ཅིང་ཁོངས་སྐྱོར་ལྡན།।འབོར་འོས་

བསྐྱངས་བའི་རྒྱལ་སྲིད་འགྱངས།।ཚེ་དང་རྩེ་རྟེའི་ལུས་ལྟར་འགྱངས།

།མཚན་དཔེ་ལྡན་ཞིང་མཐོ་རིས་དང་།।སྐུང་ཏུ་བྱང་ཆུབ་ཐོབ་བར་འགྱངས།

།ཞེས་དང་། དཀོན་མཆོགཀ་ལ་ལའི་མདོ་ལས།।རྒྱལ་བ་དག་

དང་རྒྱལ་བའི་མཆོད་རྟེན་ལ། མར་མེ་ཕུལ་བས་མེག་སྐྱོང་འོད་ཟེར་ཟློག

།རྒྱལ་བ་དག་དང་རྒྱལ་བའི་མཆོད་རྟེན་ལ། ।སིལ་སྙན་ཕུལ་བས་རྣ ....

སྐྱོང་འོད་ཟེར་ཟློག।।རྒྱལ་བ་དག་དང་རྒྱལ་བའི་མཆོད་རྟེན་ལ།

།སྐྱོས་རབ་ཕུལ་བས་སྣ་སྐྱོང་འོད་ཟེར་ཟློག། ।རྒྱལ་བ་དག་དང་རྒྱལ་

བའི་མཆོད་རྟེན་ལ། ।སྐུ་གཟུགས་རིམོ་སྣ་ཚོགས་མདོ་ཡོ་དང་।।

མཆོད་རྟེན་བརྒྱལ་བྱས་གཟུགས་སྐྱོང་འོད་ཟློག་པོ། ।ཞེས་སོགས་

རྒྱས་པར་གསུངས་ཤེ། ।དེ་ལྟའི་རྣམ་དཀར་ཕྱི་དག་ཆོགས་རྒྱ་ཆེན་

འབད་བའི་མཐུ་ལས་ཆོས་ཀྱི་རྒྱལ་པོའི་བསམ་སྐྱོར་ཕྱི་མཇུག་བ་ཏུ

བས་པོ་ཆེ་འདི་དག་དགེ་མཆོག་གསུམ་ཕྱི་བདེན་པའི་མཐུས་

..... བཞིན་རྣ་མེད་པར་སྣ་ཚེ་དང་བསོད་ནམས་ཆབ་སྲིད་

ཀྱི་དཔལ་འབྱོར་ཐམས་ཅད་འཇོམ་དར་ཆེ་ཞིང་། མི་མཐུན་པའི་ཕྱོགས་

ཐམས་ཅད་ལས་རྒྱལ་ནས། འཇིག་རྟེན་དང་འཇིག་རྟེན་ལས་འདས་

པའི་བཀུ་ཤེས་པའི་དཔལ་ཕུན་སུམ་ཚོགས་པ་ཐམས་ཅད་མ་ཚངས་

པ་མེད་པ། རྒྱས་ཐམས་ཅད་དུ་ཞུབ་ཅིང་གྲིད་བཞི་ལ་དབང་བའི་

འབོར་ལོས་བསྐྱར་བའི་ཆུལ་པོ་སངས་རྒྱས་ཀྱི་བསྟན་པ་འཇིག་
ཅིང་སྐྱེལ་བའི་བརྒ་བོར་ཡང་ནས་ཡང་དུ་སྐྱར་ཅིག། ཁྱོད་བར་
དུས་རྟག་ཏུ་མི་ནད་ལུགས་ནད་ལོ་ཉེས་དགའི་བར་ཆད་
ཞི་ཞིང་། ཆར་ཆུ་དུས་སུ་ཐབ་སྐྱེ་ལོ་ལྷུགས་རྟག་ཏུ་ལེགས་
ཤིང་རྩོགས་ལྟན་ཀྱི་དུས་དང་མཚུངས་པར་སྐྱར་ཅིག། དགེ་བ་ཆུ་ཆེན་
པོ་ཐོབ་བའི་ཕྱིར་དུ་བསྟོ་བས་ལྷུར་[1]དུ་འགྲོ་རྣམས་བློ་ན་མེད་པའི་གོ་འཕང་ཐོབ་པར་སྐྱར་ཅིག། ||
ཅེས་པ་འདི་ནི་སྐྱོན་པ་ཆོས་དབྱིངས་སུ་ཞུགས་ནས་ལོ་སུམ་སྐྱོང་.[2]
པདྨ་བཀྲ་ད་དཀྱ་འདས་པ་མེ་པོ་སྐྱག་གི་ལོ་རྟེར་བཀྲད་པའི་
གྲལ་ཆོས་བཟང་བོར་གྱུབ་པ་ཤིན་ཏུ་བཀྲ་ཤིས་པར་སྐྱར་ཅིག[3]
།འདི་ཙའང་དགེ་བའི་རྩ་བདུན་འོར་ཀྱིས་
ཕན་བདེའི་ཚུ་སྐྱེས་གསར་པ་བསྐྱེན་མཛོད་
ཅིང་། །མཐུན་རྐྱེན་མ་ལུས་ཆོགས་པའི་
གེ་སར་ཙན་ཏུ་རྒྱས་བའིདེ་བསྡུད་རོ་བཤུད་
ཀྱིས།།ལུས་ཅན་ཤིང་རྟགའ་དགའ་བདེའི་
རོལ་བས་ཆོམ་ཞིན་ལེགས་བཤད་
དང་དོར་སྐྱོག་པ་དང་།།རྣམ་པ་ཀུན་ཏུ་
སྐྱིད་པའི་མ་ཏུ་སྐྱབས་ཤིང་རྣམ་གྲོལ་
ས་མོས་འཕེལ་སྐྱར་ཅིག། བྱམས་དང་
སྐྱིད་རྗེའི་ལྟ་ལམ་ཡངས་པར་བྱང་
ཆུབ་སེམས་ཀྱི་མེ་ཤེལ་ལས་གྲུབ་ཅིང་།

---

1) Послѣдующія слова строки возстановлены по догадкѣ.

2) Здѣсь на окраинѣ камень сильно попорченъ, а потому слова ནས་ལོ་སུམ་སྐྱོང་ возстановлены по догадкѣ.

3) Послѣдующія строки выбиты на камнѣ буквами вдвое большими, чѣмъ общій текстъ надписи, можетъ быть, исключительно для симметріи, чтобы не оставлять на камнѣ пустого пространства.

།རབ་དཀར་ཚོགས་གཉིས་འོད་ཟེར་གཞན་
ཕན་ཚེ་ཟེར་རྒྱུན་དུ་སྤྲོ་ལ་དཔལ་མེད་པས།
།སྐྱེ་དགུའི་མི་ཤེས་མུན་པ་བསལ་ཞིང་
བསྟན་པའི་པད་ཚལ་ཆེས་ཆེར་རྒྱས་མཛད་
པའི། །རྣམ་འདྲེན་ནམ་མཁའི་ནོར་བུས་ཕན་
བདེའི་འོད་ཀྱིས་འགྲོ་རྣམས་རྒྱ་ཆེར་གསལ་
གྱུར་ཅིག། བཀྲ་ཤིས་པར་གྱུར་
ཅིག། མངྒ་ལཾ། བསྟན་དུ། ཤུ་བྷཾ།། །།

Въ монгольскомъ текстѣ:

1. [illegible]

2. [illegible] 1)

3. [illegible]

1) Здѣсь за недостаткомъ текста въ концѣ 2-й и въ началѣ 3-й строки нѣсколько словъ недостаетъ.

[illegible]

6. [illegible]

5. [illegible]

4. [illegible]

7. [illegible]

8. [illegible]

9. [illegible]

10. [illegible]

11. [illegible]

16. ..... ه ريشه كلمه (اصليه) « ه » نه ك ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در .....

ه ريشه كلمه در ه ياخود ه ربط ه در .....

15. ..... ه در ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نك (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نه ك ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در .....

ه ضمير ه ملكيه « ه » نك (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نه ك ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در .....

14. ..... ه در ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نك (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نه ك ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در .....

13. ..... ه ضمير ه ملكيه « ه » نك (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نه ك ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در .....

12. ..... ه ضمير ه ملكيه « ه » نك (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نه ك ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در .....

ه ضمير ه ملكيه « ه » نك (ه ضمير ه ملكيه) « ه » نه ك ه ضمير ه ياخود ه ربط ه در .....

17. ئەگەر ئەو كەسەى كە ئەو ئەركەى پێ سپێردراوە بە ئەنقەست ئەو ئەركە جێبەجێ نەكات يان بە ئەنقەست ئەو كارە بكات كە ياسا قەدەغەى كردووە، ئەوا ئەو كەسە بە تاوانى "خيانەت لە ئەركى فەرمى" تاوانبار دەكرێت و سزاى ئەو تاوانە بەسەردا دەسەپێنرێت.

18. ئەگەر ئەو كەسەى كە ئەو ئەركەى پێ سپێردراوە بە ئەنقەست ئەو ئەركە جێبەجێ نەكات يان بە ئەنقەست ئەو كارە بكات كە ياسا قەدەغەى كردووە، ئەوا ئەو كەسە بە تاوانى "خيانەت لە ئەركى فەرمى" تاوانبار دەكرێت و سزاى ئەو تاوانە بەسەردا دەسەپێنرێت.

19. ئەگەر ئەو كەسەى كە ئەو ئەركەى پێ سپێردراوە بە ئەنقەست ئەو ئەركە جێبەجێ نەكات يان بە ئەنقەست ئەو كارە بكات كە ياسا قەدەغەى كردووە، ئەوا ئەو كەسە بە تاوانى "خيانەت لە ئەركى فەرمى" تاوانبار دەكرێت و سزاى ئەو تاوانە بەسەردا دەسەپێنرێت.

20. ئەگەر ئەو كەسەى كە ئەو ئەركەى پێ سپێردراوە بە ئەنقەست ئەو ئەركە جێبەجێ نەكات يان بە ئەنقەست ئەو كارە بكات كە ياسا قەدەغەى كردووە، ئەوا ئەو كەسە بە تاوانى "خيانەت لە ئەركى فەرمى" تاوانبار دەكرێت و سزاى ئەو تاوانە بەسەردا دەسەپێنرێت.

[illegible]

21. [illegible]

22. [illegible]

23. [illegible]

24. [illegible]

25. [illegible]

26. [illegible]

27. [illegible]

28. [illegible]

29. [illegible]

34. [illegible]

33. [illegible]

32. [illegible]

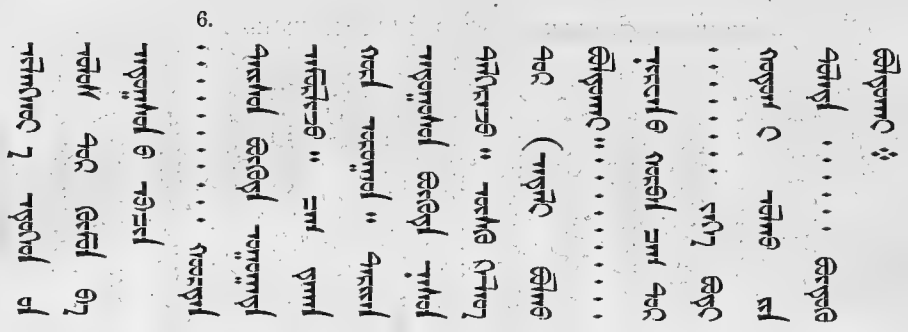
31. [illegible]

30. [illegible]

Далѣе текстъ переходитъ на боковую часть камня и здѣсь мы читаемъ:

25*

6.



Крайняя неудовлетворительность въ начертаніяхъ какъ тибетскаго, такъ и особливо монгольскаго текстовъ совершенно лишаютъ меня возможности, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, ручаться за безусловную правильность представленнаго возстановленія. Неясныя черты тибетской писаницы, по возможности, воспроизведены здѣсь на основаніи монгольскаго ея текста и наоборотъ монгольскій текстъ возстановлялся по соображеніи текста тибетскаго; тамъ гдѣ сохранился тибетскій текстъ и совершенно утратился монгольскій, я подъ руководствомъ мѣстныхъ ученыхъ ламъ, ставилъ, по догадкѣ, свой переводъ, отмѣчая эти мѣста скобками; наконецъ въ тѣхъ мѣстахъ писаницы, гдѣ оказался утраченнымъ какъ тибетскій текстъ такъ и соотвѣтствующій ему монгольскій, мнѣ невольно пришлось поставить пунктиръ, отказываясь отъ всякихъ догадокъ и предположеній. Понятно, что при такихъ данныхъ, представляемыхъ оригиналомъ, воспроизвести въ точномъ переводѣ каждое слово, которое хотѣли сказать писавшіе, рѣшительно не возможно. За всѣмъ тѣмъ мнѣ трудно было отказаться отъ попытки хотя бы приблизительно опредѣлить содержаніе писаницы и я составилъ переводъ ея, который и представляю здѣсь въ увѣренности, что это съ одной стороны и до извѣстной степени удовлетворитъ тѣхъ, которымъ совершенно чуждо знаніе языковъ тибетскаго и монгольскаго, а съ другой послужитъ къ облегченію разбора этой писаницы для тѣхъ тибетологовъ и монголистовъ, которые будутъ счастливѣе меня, найдя у себя больше досуга къ разбору этого памятника. Вотъ что, по моему, онъ въ себѣ содержитъ:

«Да хранитъ эти три сансàры единая краса раскрывающихъ анализъ всего сущаго, высочайшій лама Сàкъя, который, стяжавъ святость несравненнаго Вàчжра-дàры, сдѣлался вѣчнымъ спасителемъ существъ и подателемъ всякой добродѣтели.

Благовѣрно чествую великаго тэнгрія [1]), обладателя злато-падмовой

1) Дословный переводъ тиб. ''' монг. , санскр. mahâdeva, назы-

утробы [1]), превосходно пользующихся лукомъ [2]), имѣющихъ прекрасныя сочлененія [3]), ѣздящаго на облакахъ [4]), носящихъ локоны всевѣдущаго [5]), властителя безплотныхъ [6]), (имѣющаго) бѣло-падмовый глазъ [7]) и прочихъ, достигшихъ самосознанія, которые, возвеличившись надъ этими тремя сансàрами, дали обѣтъ покровителямъ міра. Благоговѣйно-чествую будду учителя, который цѣлебнымъ средствомъ милосердія доставляетъ успокоеніе одушевленнымъ существамъ и хуварàковъ, — главенствующихъ изъ стяжавшихъ высочайшее священное ученіе.

Покланяюсь стопамъ обладающаго ненаглядною красотою, который изяществомъ своего внѣшняго вида оспориваетъ величіе утренней зари, который голосомъ шестидесяти вѣщательнаго дракона многоразлично ра-

---

ваемаго такъ потому, что изъ числа другихъ властителей тэнгріевъ нѣтъ ни одного, который бы почитался выше его.

1) «Обладатель злато-падмовой утробы» — эпитетъ Ишвары, составившійся на основаніи нижеслѣдующей, циркулирующей среди монголовъ легенды. Когда Маха дэва задумалъ создать міръ, онъ въ послѣдовательномъ порядкѣ произвелъ прежде всего четыре великія стихіи: воздухъ, воду, землю и наконецъ огонь. Въ массѣ этого огня, по волѣ того же Махадэвы, образовалось громадное золотое яйцо, изъ котораго и родился Ишвара.

2) общее названіе асуровъ.

3) Эпитетъ, общій для всѣхъ тэнгріевъ.

4) Эпитетъ Хормусты, составившійся на основаніи представленія, что Хормустà на громадномъ слонѣ объѣзжаетъ по облакамъ всю вселенную.

5) Дословный переводъ эпитета: . Въ другихъ космографическихъ и теогоническихъ сочиненіяхъ, несомнѣнно, тоже божество называется еще ; но кому именно принадлежитъ этотъ эпитетъ, мнѣ неизвѣстно.

6) «Властитель безплотныхъ» — эпитетъ владыки шимнӯсовъ, котораго монголы обычно зовутъ тибетскимъ именемъ Гарàбъ-ванчӯкъ. Собственно наименованіе «безплотный» представляетъ собою имя общее для всѣхъ тэнгріевъ міра Брамы, а какъ Гарàбъ-ванчӯкъ признается ихъ повелителемъ, то онъ и зовется «властителемъ безплотныхъ». Въ древности Махадэва вмѣстѣ съ божественною дѣвою Гӧри помѣстился для подвиговъ созерцанія въ горахъ Гандеса. У тэнгріевъ возродилось сомнѣніе, дѣйствительно ли исполняетъ онъ подвижническіе труды съ Гори и они отправили посмотрѣть Кама дэву. Послѣдній выпустилъ въ подвижниковъ пять стрѣлъ; при первомъ и второмъ выстрѣлахъ они совершенно ничего не почувствовали; при третьемъ и четвертомъ—у нихъ еле начало пробуждаться сознаніе; при пятомъ выстрѣлѣ Махадэва задался вопросомъ, что нарушаетъ его созерцательный покой и, уразумѣвъ дѣяніе Кама-дэвы, испустилъ изъ трехъ своихъ глазъ огонь, который и пожегъ тэнгріевъ міръ Брамы. Послѣ сего онъ сдѣлалъ ихъ чуждыми пожеланій и тѣлеснаго рожденія, словомъ «безплотными». По таковымъ то обстоятельствамъ «владыка шимнӯсовъ» и называется властителемъ безплотныхъ.

7) «Имѣющій бѣло-падмовый глазъ» — эпитетъ Вишну, въ основѣ котораго лежитъ такой разказъ. Однажды Вишну, съ цѣлью принести жертву Рудрѣ, приготовилъ изъ 1000 бѣлыхъ падмъ фигурку балйна. Рудра сдѣлалъ одну изъ этихъ падмъ невидимою, вслѣдствіе чего въ балинѣ оказалась какъ бы выбоинка. Вишну, замѣтивъ этотъ недостатокъ, тотчасъ же вырвалъ у себя одинъ глазъ и вставилъ его на мѣсто падмы. Отсюда и получилъ свое начало его эпитетъ «бѣло-падмовый глазъ».

спространяетъ радостное празднество уха и приводитъ въ посрамленіе мелодіи гандарвовъ, который знаетъ все всовершенствѣ, содержитъ воду великолѣпія, находится въ единеніи съ ликованіемъ сіянія дѣлъ, держитъ бремя спасительной воды, единымъ слышаніемъ уничтожаетъ страданія духовной неразвитости, извѣстенъ подъ именемъ Маньчжушри и обладаетъ совершеннѣйшею красотою.

Божественная дѣва Сарасвати, ты, которая въ позѣ поджатыхъ ногъ прекрасно изогнулась на сердцевинѣ покрытой движущимися пчелами пàдмы, и среди распростертой луны [1]), (ты, которая) обладаешь физическимъ и нравственнымъ обликомъ шестьнадцатилѣтней юношеской силы, (ты, которая) пригнула къ плечу кисточку своей уснихи и носишь луно-образную корону на своемъ чубѣ, бѣло румяныя щеки которой изобличаютъ красоты цвѣтка, (ты, которая) привлекаешь духъ веселіемъ пчелокъ пары глазъ и прекрасно блистаешь украшеніями чиндамàни, руки которой искусстно ударяютъ по арфѣ гандарвовъ, (ты, которая) содержишь сокровищницу вѣдѣнія и милосердія, соизволь преподать и развить прелесть краснорѣчія.

Преклоняю колѣна, съ выраженіемъ чрезвычайныхъ почестей по тремъ основаніямъ, предъ своимъ высочайшимъ ламою, вѣдѣніе коего не имѣетъ границъ и даже пылинки, поднимаемыя ногами котораго, являются украшеніемъ для чела многихъ мудрецовъ; дѣянія коего, являясь украшеніемъ . . . . . , своимъ удивительнымъ строеніемъ повергаютъ въ область страданій могущественнѣйшихъ изъ мудрецовъ; который искусстно начертываетъ для всѣхъ старинный золотой рисунокъ побѣдоносныхъ . . . . . , обладаетъ дѣятельностью проповѣдыванія, диспутированія и сочинительства и является всецѣло подобнымъ всѣмъ побѣдоноснымъ. Да хранитъ онъ одушевленныхъ существъ настоящихъ временъ!

Да превознесется надъ главами всѣхъ тэнгріевъ и одушевленныхъ существъ низпосланный судьбою изъ области долговѣчныхъ тэнгріевъ, Дай-минъ Чингѝсъ сэцэнъ хāнъ, благопристойно совершившій жертвоприношенія и чествованія передъ совершеннѣйшимъ руководителемъ — наставникомъ, вѣрою и содержащими оную высокородными хуварàками, а особливо передъ человѣкообразнымъ Маньчжýшри, составляющимъ основу сакьяскихъ великихъ ламъ!

Паки и паки преклоняю колѣна передъ тѣмъ руководителемъ, кото-

---

1) транскрипція санскритскаго названія созвѣздія nakchatra; по буквальному переводу: «владыка накшатры» — эпитетъ луны.

рый, въ силу низведенія въ область его мышленія рашія̀ны дѣяній, умиротворяетъ мучительный огонь орчила̀на!

Молитвенно слагая свои ладони, разбрасываю хвалебные цвѣты передъ обладающимъ могуществомъ десяти силъ, драгоцѣнностью ножныхъ ногтей коего украшены короны ста тэ̀нгріевъ.

И такъ, ради распространенія эссенціи чистѣйшихъ добродѣтелей и порожденія радостнаго чувства у мудрецовъ, совершаю я превосходную словесную жертву цвѣтами похвальныхъ изреченій.

Онъ, возлюбивъ чрезвычайно, какъ единственнаго сына, всѣхъ подлежащихъ рожденію, тѣхъ одушевленныхъ существъ, которые, ослѣпивъ умственныя очи помраченіемъ глупости и, постоянно стремясь въ душѣ къ наслаженіямъ, въ поискахъ этихъ наслажденій сдѣлались какъ бы жаждущими и лишенными питья; которые, въ силу совершенно превратнаго отношенія къ тому, что слѣдуетъ усвоять и что нужно оставлять, постоянно стремились лишь къ средствамъ, порождающимъ страданія; (возлюбивъ именно таковыхъ, онъ) подчиняясь чуждой волѣ, съ непоколебимѣйшимъ намѣреніемъ положилъ начало стремленію къ высочайшей (святости) «боди», съ величайшимъ прилежаніемъ, быстро стяжалъ массу двоякаго рода, (добродѣтелей) и проявилъ тѣло духовности, чуждое всего помраченнаго, обладающее свойствомъ пустоты и состоящее въ истинной, единосущной премудрости. Далѣе онъ возсталъ въ тѣлѣ всеблаженной премудрости, которое, являясь никогда неизмѣняемымъ и, не пресѣкая послѣдовательности (своего существованія), всегда и непрерывно вращаетъ колесо священнаго ученія о великихъ средствахъ (спасенія) среди бодиса̀твъ десятой области, по числу равныхъ пылинкамъ всего міра. Далѣе, по милосердію его (т. е. существа въ состояніи всеблаженства), проявилъ онъ въ царствахъ безчисленныхъ міровъ дѣянія неизреченннаго и высочайшаго превращеннаго тѣла. Этотъ-то всеобщій наставникъ и владыка Сакъя̀сцевъ изъ всей системы міровъ въ этой странѣ и изъ числа находящихся на четырехъ двипахъ ста билліоновъ міровъ въ каждомъ принадлежащемъ четыремъ двипамъ мірѣ . . . . . по одному двѣнадцать дѣяній.

Такъ проповѣдуется въ су̀трѣ, именуемой «Арба̀нъ цзохія̄лъ цзагу̀нъ хӱльти̇̀ тогату̀-йги нигэ̀нъ цак-ту̀р ӱцзэгӱ̄лхӱ хэмэ̀нъ «Аго̀й-йэхэ̀-цэнгэхчи̇̀», въ (сочиненіи) «Чидахчі̀йнъ цзоригу̀нъ чимэ̀къ» и другихъ; также учатъ второй всевѣдущій Басубха̄нду, великій святой Са̀къя-панди̇̀та и прочіе многочисленные истинные мудрецы. Онъ сто милліоновъ міровъ, сто милліоновъ Махамая̀, сто милліоновъ Артаси̇̀да, царицу Ясодару, сына Раху̀ли, Ана̀нду, Дэвада̀та и прочихъ . . . . . какъ сказано, всѣ они во главѣ съ царемъ Судода̀ни его и его рожденіе . . . . . извлечено въ ша̀стру,

именуемую «Махà йòга-йнъ тàнтра-йнъ цзарлѝкъ гэгэ̀нъ цзулà . . . . . что величественная небесная дѣва (= Охѝнъ-тэнгрѝ) была Яcодхàрой, Вачѝръ-сàтва былъ Рахỳли; уничтожающій всѣ препятствія былъ Шарипỳтрой . . . . . владыка тэ̀нгріевъ Хормустà — былъ ставирою Дэвадàтомъ, а великій Вайрòчана былъ воистину прешедшимъ буддою, величественнымъ Сакъямỳни, — такъ проповѣдано . . . . Послѣ того какъ ясно уразумѣвъ, обнаружилъ онъ состояніе прозрѣнія, онъ для вѣрующихъ и находящихся въ низшемъ состояніи просвѣщенія преподалъ дѣятельность, отрѣшенную отъ похотей; вѣрующимъ и находящимся на высшей степени, преподалъ дѣятельность по парамитамъ; находящимся же на высотѣ вѣрованія, глубокомысленнымъ, преподалъ дѣятельность пожеланій и, по (таковымъ тремъ) основаніямъ вращая колесо священнаго ученія для каждаго (изъ этихъ трехъ классовъ) въ отдѣльности, онъ, ради того чтобы пресѣчь воззрѣніе на вѣчность у просвѣщаемыхъ, вѣровавшихъ въ вѣчность, пожелалъ показать видъ нирвàны въ городѣ Кôша. (Далѣе) онъ, владыка Сакъясцевъ, ради того чтобы мы, просвѣщаемые, исполнили два собранія и уничтожили двѣ препоны, показалъ три изображенія божества воистину прешедшаго будды. Изъ числа ихъ о тѣлахъ всеблаженства и превращенія будетъ разказано особо, здѣсь же, въ настоящую пору, при объясненіи изображенія божества тѣла духовности, мы, основываясь на тàнтрѣ, подъ заглавіемъ «Йэхэ̀ хотà мàндàлъ», представимъ нижеслѣдующее ученіе изъ (сочиненія) именуемаго «Субурганỳ онòлъ», составленнаго святымъ Наганчжỳною.

«Есть три изображенія тѣла духовности такимъ же образомъ пришедшаго (т. е. будды) и эти повсюду извѣстные три суть: α) подобное опрокинутой патрѣ, β) подобное молитвенно сложеннымъ рукамъ и γ) подобное побѣдному знаку. Если разбирать повсемѣстно извѣстное подъ названіемъ «подобнаго побѣдному знаку», то существуетъ восемь субургà новъ «благоотшедшаго» . . . . . въ городѣ Кабалѝкѣ, «субургà нъ мирно пришедшаго, сочетавая букетъ распустившихся падмъ»; когда, проникнувъ, сдѣлался онъ буддою, — махà-бодіѝнъ субургà нъ (= великой мудрости); когда вращалъ онъ колесо священнаго ученія, въ Бенаресѣ — «многодверный субургà нъ», когда показалъ превращенія, въ Шравастѣ — «субургà нъ чудесныхъ превращеній»; . . . . . въ городѣ Кашика — «субургà нъ нисхожденія съ неба»; когда водворилъ единеніе,—въ городѣ Рачжагриха—«субургà нъ примиренія разсорившихся»; . . . когда прожилъ . . . . . : въ городѣ Вайсали — «субургà нъ всесовершенной побѣды»; когда сдѣлался нирвà ною, — въ городѣ Кошади,—«субургà нъ нирвà ны». Эти восемь субургà новъ, «могущественнѣйшаго» въ восьми великихъ мѣстностяхъ исполненные благого-

вѣнія . . . . . сдѣлались . . . . . за основу стяжанія добродѣтелей. Покланяюсь восьми субурга̀намъ благоотшедшаго!

(Таковы) помянутые восемь субурга̀новъ благоотшедшаго. Помимо сего, когда (однажды) будда ходилъ по городу Шрава̀стѣ, увидали его два имѣвшіе совершеннѣйшую судьбу ребенка. Одинъ изъ нихъ, захвативъ полную горсть песку, хотѣлъ поднести его буддѣ. Будда опустилъ внизъ свою па̀тру, тѣмъ не менѣе мальчикъ не могъ достать до нея, (а потому) заставилъ пригнуться своего товарища, влѣзъ на него и поднесъ. Будда приказалъ Ана̀ндѣ пересчитать и когда тотъ пересчиталъ, то сказалъ буддѣ что всего было милліонъ песчинокъ. Будда сказалъ: «въ будущемъ этотъ мальчикъ сдѣлается царемъ священнаго ученія, по имени Ашо̀ка и въ однѣ сутки построитъ милліонъ субурга̀новъ, внутри коихъ будутъ находиться мощи «такимъ же образомъ пришедшаго»; а другой мальчикъ, сдѣлавшись извѣстнымъ подъ именемъ якша̀ Маха-ра-та будетъ помогать этой постройкѣ субурга̀новъ». Согласно сдѣланному предвѣщанію, царь этотъ наполнилъ царства вселенной воздвигнутыми имъ безчисленными изображеніями тѣла духовности . . . . . отрѣшившій отъ страданій . . . . . Послѣ сего царь священнаго ученія Ашо̀ка въ теченіе семидесяти лѣтъ приносилъ жертвы субурга̀намъ и пріобрѣлъ святости бо̀ди. Послѣ сего въ сѣверныхъ странахъ турушскій царь священнаго ученія построилъ восемьдесятъ одну тысячу субурга̀новъ и, проживъ триста лѣтъ, пріобрѣлъ святость бо̀ди. Такимъ же точно образомъ имѣется масса повѣствованій о томъ, какъ чествовалъ многочисленные кумиры и субурга̀ны въ государствѣ Лата, именуемомъ Удджа̀йя, западной стороны Пуда̀скій царь Шила и помимо того какъ заботливо устрояли драгоцѣнную вѣру добродѣтельные государи во всѣхъ царствахъ четырехъ странъ Индіи, — обиталища святыхъ, — и въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Точно такимъ образомъ въ Тибетскомъ снѣжномъ царствѣ цари священнаго ученія, — истинныя перерожденія бодиса̀твъ и предметовъ вѣрованія трехъ родовъ, — родоначальники, потомки и другіе, распространили во всѣ стороны вѣру побѣдоносныхъ и . . . . . сдѣлавшагося основою всего истинно прекраснаго, полезнаго и блаженнаго. Точно такимъ же образомъ и въ этой сѣверной странѣ, основываясь на божественной защитѣ долговѣчныхъ тэ̀нгріевъ, явно возвысился величіемъ чрезвычайныхъ добродѣтелей и повсюду сдѣлался извѣстнымъ монгольскій Чинги̇̀съ-ха̄нъ. Въ тридцать шестомъ ха̄нскомъ поколѣніи его родился хубилга̀нъ бодиса̀твы, съ силою вращающій колесо священнаго ученія, Дай-минъ-сэцэнъ Чингисъ-ханъ [1]).

---

1) Здѣсь въ тибетскомъ སྟོབས་ཀྱི་ и въ монгольскомъ [illegible] нельзя не признать

Управляя многочисленными странами иноязычныхъ, во главѣ которыхъ были китайцы и тангуты, онъ расширилъ свое ханское правленіе; а главное, — по силѣ древнихъ предопредѣленій, онъ привлекъ конемъ вѣры и благоговѣнія въ эту страну небесную драгоцѣнность, — ламу, бывшаго въ почтеніи у древнихъ владыкъ, царей священнаго ученія, хубилга̀на обладающаго тысячью лучей разума въ сферѣ знанія, милосердія и силы Маньчжушри, великаго владыку Шарба̀, повсюду извѣстнаго подъ именемъ Ана̀нда-шри-ба̀дра. Положивъ въ основу взаимную связь, являющуюся между ламою и милостынедателемъ, они довели мракъ невѣрія до того, что отъ него осталось только названіе . . . . . создали предметы религіознаго чествованія для тѣла, языка и духа [1]), развили снова общины хувара̀ковъ и иными образами въ высшей степени благоустроили цвѣтникъ падмы-вѣры. Все сіе и многое другое уже изложено на каменописномъ памятникѣ при дворцѣ, (именуемомъ) «всесовершенная побѣда обитающихъ въ трехъ сансарахъ», а потому тамъ это и ясно. Здѣсь искони представлялся глазамъ субурга̀нъ, именуемый «Чжинъ-чжинъ». Вслѣдствіе эволюціи силъ, по коей всецѣло наполнился отдѣлами двухъ скандъ чистѣйшій духъ высочайшаго ха̄на священнаго ученія, проявляющаго искусство Маньчжу̀шри и солнечные лучи милосердія, а равно чествующаго не раздѣльно (всякую) вѣру побѣдоносныхъ, пожелалъ онъ устроить согласно священнымъ обыкновеніямъ, по которымъ древніе индійскіе и тибетскіе августѣйшіе государи-бодиса̀твы съ необычайнымъ блескомъ устрояли вѣру будды. Возлюбивъ и признавъ за драгоцѣнность буддійскую вѣру, — источникъ пользы и наслажденія для всѣхъ безчисленныхъ существъ въ этихъ сѣверныхъ странахъ, онъ возобновилъ и исправилъ все старое, подвергшееся разрушенію. А въ особенности, въ память заслугъ высокихъ владыкъ и ради преданія огню трупа своего прадѣда Тӳмэ̀нъ-цзасакту̀ ха̄на, исполнилъ онъ предметъ поклоненія тѣлу духовности, — субурга̀нъ «великихъ чудесныхъ превращеній» и, во исполненіе желаній своей матери, Нэнъ-нэнъ та̀йху, — субурга̀нъ «нисхожденія съ неба». Соорудивъ, согласно ученію, изложенному въ су̀трахъ и та̀нтрахъ, изъ различныхъ драгоцѣн-

---

перевода санскритскаго слова «bala», входившаго въ составъ одного изъ титуловъ Ликда̀нъ ха̄на чаха̀рскаго. Послѣдній, по сказаніямъ монгольскихъ лѣтописей, послѣ перевода Гань-чжу̀ра, носилъ слѣдующіе титулы: Ликда̀нъ хутухту̀, Суту̀ Чингӥсъ, Дай-мӥнъ сэцэ̀нъ, цзу̀г'у̀ди тэ̀йнъ бу̀гэ̄тъ илагу̀кчи, Бала̀-чакраварти, Дай да̀йсунъ, тэнгрӥйнъ тэнгрӥ, Дэлэхэ̀й-дахѝн'и Хормуста̀, Алта̀нъ ху̀рду̀нӥ орчигу̀лухчи ному̀нъ ха̄нъ. Что касается до счисленія поколѣній, то монголы вообще считаютъ отъ Чингӥса до Тогӧнъ-тэ̄му̀ра 16 ханскихъ родовъ, а отъ Тогӧнъ-тэму̀ра до Ликда̀на — 20 ха̄новъ.

1) Предметы чествованія для тѣла суть кумирни и кумиры; подъ имемемъ предметовъ чествованія слова здѣсь несомнѣнно подразумѣвается ганьчжуръ, переведенный при Ликда̀нъ-ха̄нѣ; предметомъ чествованія духа именуются субурганы.

ностей за одно съ этими двумя верховными предметами чествованія и другіе многочисленные предметы поклоненія тѣлу духовности, онъ наполнилъ (эту страну) блескомъ, дѣлающимъ величественной вселенную. Исполняя все это: и красивое строеніе, и превосходныя архитектурныя формы, и обстановку вокругъ (всего этого) облака жертъ, и проч., согласно устному приказанію ха̄на, младшая сестра его Сора̀свати-та̀йсунъ-хуа̀нди закончила (это дѣло) по минованіи 3759 лѣтъ по смерти будды, въ годъ красноватаго барса, въ первой декадѣ побѣдоносныхъ бѣлой страны мѣсяца Шарабана.

Такъ какъ такое удивительнѣйшее дѣяніе является непостижимымъ для умовъ не просвѣщенныхъ людей, то, при выясненіи пользы, которая въ результатѣ достигается (такими дѣяніями), въ (сочиненіи) «Дэгэ̄дӯ но̀мъ цага̀нъ линхоа̀» говорится такъ: Если кто соорудитъ многотысячные драгоцѣнные субурга̀ны изъ золота, серебра, или изъ горнаго хрусталя, ... яшмы, если соорудитъ изъ превосходнаго лазурика, а равно изъ смарагда, изъ жемчуга, или изъ гэгэ̀рӯ [1]), всѣ тѣ пріобрѣтутъ святость бо̀ди. Кто построитъ субурга̀нъ изъ камня, кто соорудитъ субурга̀нъ изъ алое, сандала, кто — изъ дерева, или изъ чего либо другого, кто радостно соорудитъ субурга̀нъ побѣдоносныхъ изъ глины, или изъ сложеннаго кирпича, точно также кто построитъ его изъ груды земли, въ необозримой степи, или въ необитаемой пустынѣ, ... дѣтской игры . . . . всѣмъ тѣмъ . . . . Если кто воздвигнетъ субурга̀ны ради побѣдоносныхъ, насыпавъ груду пыли, всѣ тѣ пріобрѣтутъ святость бо̀ди. Въ су̀трѣ «Гаръ дабхуцагӯлухсанъ» сказано: Нельзя исчислить награду воздвигшаго . . . . . изображеніе будды . . . . . причина . . . . . субурга̀нъ величиною съ вершокъ . . . . . Относительно награды принесшаго почести и жертвы . . . . . этимъ драгоцѣннымъ субурга̀намъ (?) . . . . . и другими (вещами?), въ сочиненіи «Санъ-да̀рма пундари̇̀ка» говорится: Кто, молитвенно сложивъ свои ладони передъ субурга̀нами, всецѣло . . . . . если на одно мгновеніе преклонитъ свое тѣло, или свою голову, равнымъ образомъ если онъ одинъ только разъ колѣнопреклонится своимъ тѣломъ, кто . . . . . мощи . . . . . и поклонится съ великимъ духомъ . . . . . сказано. Въ су̀трѣ «Ӱйлэ̀йги гэйгӯлӱхчи» . . . . . восемьнадцать наградъ построившаго субурга̀нъ . . . . . будучи красивымъ . . . . . прославится; находясь въ чести у тэ̀нгріевъ и людей, онъ будетъ всецѣло обладать богатствами, пріобрѣтетъ довольство ха̄на-чакрава̀ртина;

---

1) གེ་ གེ རུ гэгэрӯ, несомнѣнно драгоцѣнный камень, но какой я рѣшительно не могъ отыскать ни въ одномъ тибетскихъ словарей.

будетъ имѣть вѣкъ жизни подобный алмазному существу; исполнившись (божественныхъ) свойствъ и признаковъ, возродится въ высшихъ природахъ и въ непродолжительномъ времени получитъ святость . . . . бо̀ди. Вышеизложенные и прочіе многочисленные . . . . . Въ сȕтрѣ, именуемой . . . . . пространно говорится: За принесеніе передъ побѣдоносными и субурга̀нами побѣдоносныхъ лампады, очистятся и будутъ ясновидящими глаза; за принесеніе передъ побѣдоносными и субурга̀нами побѣдоносныхъ музыкальныхъ звуковъ, очистятся и исполнятся свѣта уши; за принесеніе передъ побѣдоносными и субурга̀нами побѣдоносныхъ благовонныхъ куреній, очистится и сдѣлается яснымъ органъ обонянія; если кто исполнитъ предъ побѣдоносными и субурга̀нами побѣдоносныхъ многоразличныя живописныя изображенія и совершитъ украшеніе субурга̀новъ, у того очистится и сдѣлается лучезарнымъ тѣло и проч. За стараніе о таковыхъ бѣлыхъ добродѣтеляхъ могущественнѣйшій духъ и дѣянія ха̄новъ покровителей священнаго ученія, ... все сіе, а равно, по силѣ благословенія трехъ драгоцѣнностей, да распространятся безпрепятственно, какъ теченіе рѣки Ганга, долголѣтіе, добродѣтели, величіе ха̄нскаго правленія и всякія счастливыя совпаденія; отъ всѣхъ препятствій . . . . . побѣдивъ . . . . . безпрепятственно и во всякое время собирая во едино величіе всѣхъ совершеннѣйшихъ и счастливыхъ обстоятельствъ . . . . . сущихъ въ мірѣ и прешедшихъ отъ міра . . . . . да сдѣлаются ха̄нами чакрава̀ртинами, властвующими надъ четырьмя тѝбами и владыками милостыни, содержащими вѣру будды. Въ особенности же у современнаго человѣчества да укротятся всецѣло болѣзни людей и животныхъ, ... всѣ злобствующіе враги, да низпадаютъ во благовременіи дожди, да возрастаютъ пашни, животныя и лѣта жизни, и (да будутъ они похожи) на періодъ возрастанія (міра) . . . . . въ трехъ періодахъ нирва̀ны . . . . . ради пріобрѣтенія святости бо̀ди . . . . . да исполнится».

Далѣе, какъ въ восточныхъ текстахъ, такъ и въ переводѣ должны бы слѣдовать начертанныя крупными буквами имена до двадцати участниковъ въ постановкѣ памятника, въ большинствѣ титулуемыхъ табуна̀нами и ха̄, т. е. зятьями и адъютантами того хошȕннаго князя, которому принадлежитъ самое устройство памятника; но какъ эти имена не имѣютъ для насъ значенія, то они и не воспроизводятся дословно.

Мы почти не считаемъ нужнымъ говорить, съ какою горячностью принялись мы за дѣло снимки и разбора этого памятника, надѣясь найти въ немъ какое либо историческое свидѣтельство для точнаго опредѣленія мѣстности Цага̀нъ-субурга̀ и пріуроченія его къ тому или другому древнему пункту; но, какъ теперь ясно уже для всякаго, надеждамъ этимъ не

суждено было осуществиться. Разобранная нами писаница, очевидно, принадлежитъ къ позднѣйшему времени и трактуетъ о постройкѣ двухъ субургàновъ Ликдàнъ-хāномъ чахàрскимъ и сестрою его Сорâсвати черезъ 3759 лѣтъ по смерти будды, въ годъ краснаго барса, каковой годъ, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ 1626 году нашего лѣтосчисленія. Нынѣ отъ этихъ субургàновъ не осталось уже и слѣда.

Что касается древняго, уцѣлѣвшаго до нынѣ Цагàнъ-субургàна, равно какъ и лежащаго теперь въ развалинахъ и заимствовавшаго у него свое имя городища, то все это, несомнѣнно, представляетъ собою остатки одной изъ пяти ляоскихъ, или киданьскихъ столицъ и именно — Линь-хуанъ-фу. Посѣтившій эти мѣста въ 1891-мъ году, полковникъ Путята, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ пріурочиваетъ эти развалины къ городу Да-нинъ-фу; но стоитъ лишь ознакомиться съ китайскими описаніями монгольскихъ кочевьевъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» и особливо съ изложеннымъ въ ономъ описаніемъ дневника путешествія Фу-чжэня, что бы сказать, что Цагàнъ-субургàнъ не можетъ быть ничѣмъ кромѣ Линь-хуанъ-фу [1]).

8-е Іюня. Вторникъ.

6 ч. +12°; 9 ч. +15°; 12 ч. +15°; 3 ч. +17°; 6 ч. +19°; 9 ч. +13°.

Выѣхали въ 7 час. 30 мин. утра и направили свой путь прямо на сѣверъ. Непосредственно отъ Цагàнъ субургà начались пашни бāриней, которыя, въ видѣ отдѣльно разработываемыхъ участковъ, почти сплошь наполняютъ окрестности только что оставленнаго нами древняго города Киданей. Посреди этихъ пашень тамъ и сямъ виднѣлись бāриньскія жилища. По характеру своему мѣстные бāрини еще болѣе похожи на халхасовъ, чѣмъ ихъ южные сородичи, обитающіе на границахъ кэшиктэновъ; это отображается столько же въ ихъ жилищахъ и домашней обстановкѣ, сколько и въ самомъ типѣ населенія. Жилищемъ бāриней въ здѣшнихъ мѣстахъ является исключительно общехалхаская юрта со всѣми отличительными особенностями ея построенія въ ӧркӧ, унйнахъ и хāна; внутри юрты равнымъ образомъ находится исключительно монголо-халхаская утварь.

---

1) Далѣе въ дневникѣ моемъ слѣдовали выписки и переводы изъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» собственно дневника Фу-чжэня; но какъ сочиненіе это въ 1895 году уже издано у насъ въ переводѣ П. С. Попова, то я вычеркиваю теперь эти свои замѣтки. Прибавлю еще, что въ прошломъ 1897 году Mr. Ed. Chavannes издалъ свои подробныя изысканія главнымъ образомъ по «Ки-дань-го-чжи, относительно Цагàнъ-субургаскàго городища и, конечно, пришелъ къ тому же заключенію о нахожденіи здѣсь ляоской столицы Линь-хуанъ-фу. Новаго данныя г. Шаванна сравнительно съ переводами г. Попова, впрочемъ рѣшительно ничего не прибавляютъ.

Халатъ бāриньца представляетъ собою нѣчто среднее между халхаскимъ и баргутскимъ тэрлы́комъ: верхняя пола его также широко покрываетъ грудь, какъ у баргутовъ, но дѣлается безъ всякихъ обшивокъ какъ у халхасовъ. Женщины носятъ по преимуществу тэрлы́ки синяго цвѣта, сшитые по тому же покрою какъ у мужщинъ, только рукава у женскаго тэрлы́ка дѣлаются широкіе и по краямъ обшиваются красною оторочкою. Шапки бāриней походятъ на китайскія форменныя, отличаясь отъ нихъ лишь разрѣзомъ на поляхъ, дѣлаемымъ прямо надъ ушами. Женщины раздѣляютъ проборомъ на двѣ равныя половины свои волосы и заплетаютъ ихъ около висковъ въ двѣ косы, которыя закладываютъ потомъ вокругъ ушей назадъ. Молодыя, при такой прическѣ, украшаютъ еще голову серебрянымъ обручемъ, къ которому прикрѣпляются спускающіяся на лобъ сѣтка, а на уши цѣлыя кисти изъ бусъ и коралловъ. Въ разговорахъ мѣстные бāрини под-

Типы монголовъ бāриньскаго хошӯна.

твердили мнѣ, что китайскихъ землепашцевъ въ багà бāриньскомъ хошӯнѣ совершенно нѣтъ и даже постоянныхъ китайскихъ торговцевъ здѣсь не имѣется, а лишь изрѣдка заѣзжаютъ сюда изъ ӱчжӱмӱцы́ней китайскіе офени. Какъ постоянные обитатели во всемъ багà-бāриньскомъ хошӯнѣ живутъ только четыре семьи китайскихъ скотопромышленниковъ, которые откармливаютъ здѣсь свои стада. Такъ какъ торговля запрещена этимъ китайцамъ, то бāрини волей неволей пріобрѣтаютъ потребные товары

въ Бирӯ хотò и Улāнъ хадà, а еще чаще ѣздятъ за покупками въ хошӯнъ ўчжўмўцѝней. Прежде бāрини нерѣдко дѣлали еще закупку товаровъ въ Калганѣ, который они посѣщали, отправляясь для перевозки русскаго чая; теперь подобныя поѣздки прекратились, такъ какъ года четыре подрядъ во всемъ бāриньскомъ хошӯнѣ повторяется страшный падежъ быковъ. Обѣднѣніе, производимое этими эпидеміями, такъ велико, что у многихъ скотовладѣльцевъ изъ десяти быковъ еле осталось два, а то и одинъ; при такомъ положеніи дѣлъ бāрини все болѣе и болѣе берутся за хлѣбопашество, обработывая поля въ разныхъ мѣстахъ своего хошӯна подобно тому, какъ это мы видѣли у Цагāнъ субургà на. Впрочемъ такой культурный участокъ тянулся по нашей дорогѣ не болѣе какъ версты на четыре и уже въ 8 час. 30 мин. мы, осмотрѣвшись, увидали себя хотя и въ той-же долинѣ Цагà нъ-мўрэ̀ни, но уже весьмà мало заселенной, не смотря на представляемыя ею необыкновенно тучныя пастьбища. На сѣверѣ передъ нами возставали ограничивающія эту долину горы Хангà й-ӯла, по мѣрѣ приближенія къ которымъ почва долины дѣлается замѣтно все болѣе и болѣе песчаною. Въ 9 час. р. Цагà нъ мўрэ̀нь, текшая доселѣ почти прямо съ сѣверо-запада, уклонила свое русло къ востоку, наша же дорога, обогнувъ холмы, заставляющіе рѣку дѣлать этотъ изгибъ, приняла отсюда направленіе на СЗ, или вѣрнѣе на ССЗ. Въ 10 час. мы замѣтили въ долинѣ какъ бы громадный валъ, тянущійся съ СВ на ЮЗ. Узнать его имя, или собрать свѣдѣнія объ его происхожденіи намъ не пришлось за полнымъ отсутствіемъ въ этихъ мѣстахъ какого-либо населенія. Только въ 12 час. дня повстрѣчали мы двѣ телѣги, запряженныхъ быками и нагруженныхъ овечьими кожами, двигавшихся подъ присмотромъ трехъ китайцевъ; эти люди ничего не могли сказать намъ помимо того, что ѣдутъ они теперь въ Улāнъ-хадà изъ ўчжўмўцѝньскаго хошӯна, куда отправлялись съ цѣлью сбора долговъ за прежде проданные товары. Черезъ 25 минутъ ѣзды отсюда мы повстрѣчали еще новый поѣздъ китайцевъ, остановившихся на дневку и ѣхавшихъ наоборотъ въ ўчжўмўцѝньскій хошӯнъ изъ Гуà нъ-дунъ хўрэ̄. Въ 12 час. 55 мин. мы поднялись на Чулӯту дабā, представляющій собою перевалъ довольно крутой и каменистый; за всѣмъ тѣмъ камень здѣсь мелкій, отчего и совершенно не видно было никакой трудности для подъема даже въ телѣгѣ. Нѣсколько спустившись съ этого перевала, остановились на полуденный отдыхъ. Небо теперь совершенно расчистилось и солнышко ярко пригрѣвало землю. Двинувшись въ дальнѣйшій путь въ 4 час. 20 мин., мы въ 4 час. 45 мин. поднялись на другой, значительно меньшій дабāнъ, отличающійся чрезвычайно пологимъ, мягкимъ и удобнымъ скатомъ къ сѣверо-западу. Подошвы его мы достигли

ровно въ 6 час. вечера, а въ верстѣ отъ нея повстрѣчали послѣднія, войлочныя юрты бāриней, отправлявшихъ здѣсь караульную службу на границѣ чжӯнъ-бāриньскаго и ӱчжӱмӱцѝньскаго хошӯновъ. Съ перевала скатывается небольшой ручей, именуемый Бургасутàйнъ гōломъ: теченіе его въ обычное время года весьма незначительно и продолжается немного далѣе помянутыхъ юртъ, до горнаго мыса Улāнъ-хошӯ; на болѣе далекое пространство ручей течетъ лишь въ періодъ таянія снѣговъ, свидѣтельствомъ чего въ лѣтнюю пору остается только широкое русло, именуемое Хӯрай-гōломъ и окаймленное теперь полосою обильно поросшихъ травъ и цвѣтовъ. Въ 7 час. 50 мин. мы достигли перваго ӱчжӱмӱцѝньскаго кочевья, Арӯ-табѝнъ, вблизи котораго паслись большія стада рѣшительно всѣхъ видовъ животныхъ, за исключеніемъ верблюдовъ. Черезъ 15 мин. дальнѣйшаго движенія миновали Табѝнъ-сӱмэ̀, представляющее собою уже осѣдлый поселокъ, составляемый одною небольшой кумирней и приблизительно 30-ю бàйшинами хуварàковъ. Хӯрē расположена на обширномъ и сухомъ холмѣ, между тѣмъ какъ вокругъ него мѣстность довольно болотистая; есть даже два, три маленькихъ озера, каждое изъ которыхъ не превышаетъ въ своей окружности 300, или 400 саженей. Отсюда слѣдуя по долинѣ, обильно поросшей травами и густо населенной, мы въ 9 час. прибыли въ урочище Горихòнъ-гōлъ, гдѣ и остановились для ночлега.

9-е Іюня. Среда.

6 ч. +8°; 9 ч. +16°; 12 ч. +21°; 3 ч. +26°; 6 ч. +23°; 9 +16°.

Выѣхали въ 5 час. 35 мин. Въ 6 час. 25 мин, горы, окружавшія долину Горихòнъ-гōла, начали съуживаться и вскорѣ наша дорога вмѣсто долины потянулась такъ сказать по горному проходу, именуемому Хōлтуйнъ амà. Горихòнъ-гōлъ струился по нему извилистымъ и все болѣе и болѣе уменьшающимся въ своемъ объемѣ ручьемъ. Окрестныя горы, также какъ и залегающая между ними долинка здѣсь, а равно и на все видимое пространство впередъ, имѣютъ ровныя очертанія и богато поросли травами, обиліе же комаровъ свидѣтельствовало объ общей влажности мѣстной почвы. Въ 9 час. 30 мин. Горихòнъ-гōлъ совершенно изсякъ подъ землею, а въ 10 час. 5 мин. мы выступили изъ Хōлтуйнъ амà въ другую долину, находящуюся къ прежней, горихòнъ-гōлской долинѣ въ поперечномъ отношеніи, почему, можетъ быть, и называется она, вмѣстѣ съ протекающею по ней рѣчкою,—Хӯндӱлэ̀нъ, т. е. поперечною. Въ 12 час. дня мы остановились здѣсь для отдыха, а въ 3 час. 10 мин. двинулись далѣе. Окрестныя горы начинаютъ постепенно понижаться; въ долинѣ тамъ и сямъ показываются одиноко стоящими ильмовыя деревья. Въ 4 час. дня мы миновали озерко Чжигистэ̀й-нӯръ, при которомъ находилось маленькое

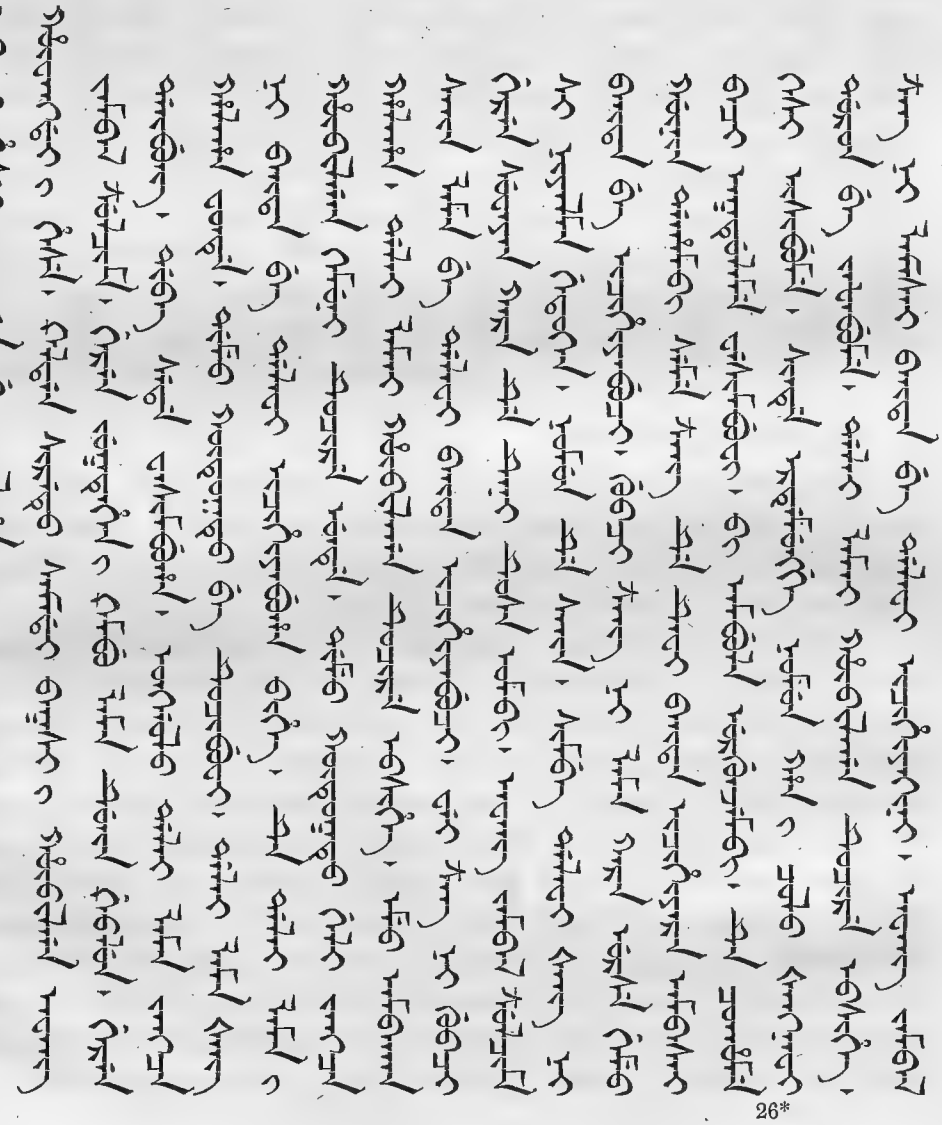
кочевье, всего въ четыре юрты. Это было единственное поселеніе, видѣнное нами за весь нынѣшній день. Озерко Чжигистэй-нӯръ имѣетъ въ окружности не болѣе 100 саженей. Дорога отсюда, приблизительно верстъ на 20, положительно прекрасная, травы — изобиліе. Въ 7 час. 40 мин. мы подъѣхали къ рѣчушкѣ Ӱргӱсӱтэй-гӧлъ, на берегу которой нашли станъ до 60 телѣгъ ӱчжӱмӱцинней, ѣхавшихъ къ сѣверу, за солью. Въ 8 ч. 35 мин. остановились и сами въ той же долинѣ для ночлега.

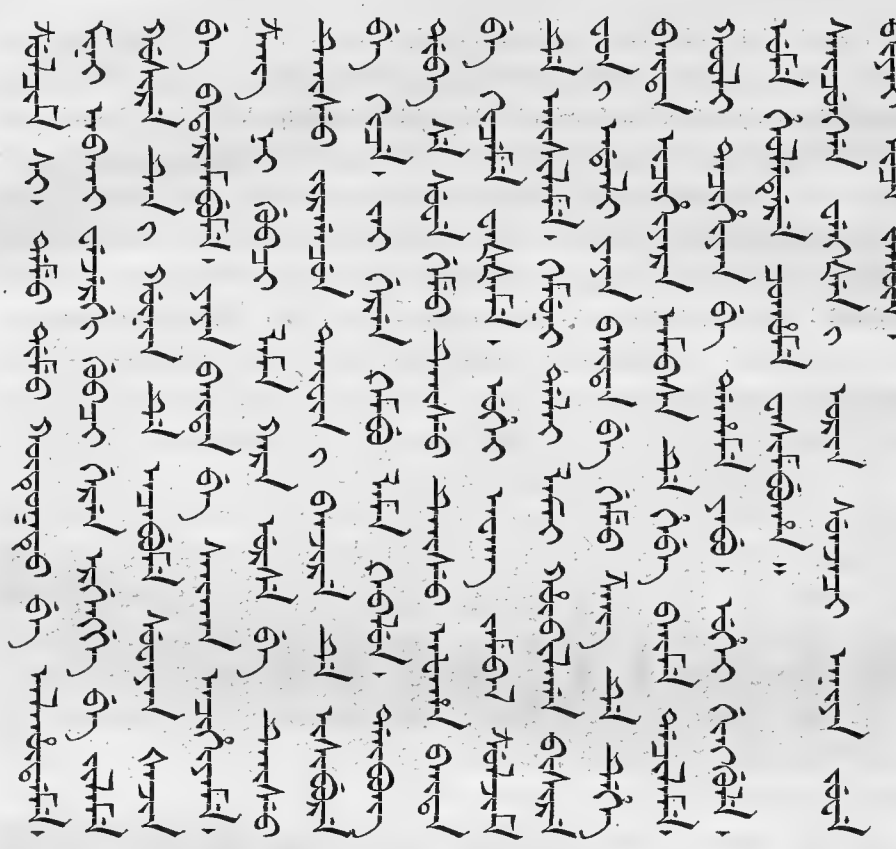
Ближайшею причиною, побудившею насъ избрать именно это мѣсто для остановки, было то, что здѣсь, среди степи, я увидалъ стоящею одну совершенно необыкновенную для Монголіи палатку. Она была четырехугольною и весьма похожею на лагерныя палатки нашихъ солдатъ за тѣмъ исключеніемъ, что на верхушкѣ ея былъ утвержденъ позолоченый ганчжѝръ. Присутствіе этого отличительнаго знака священныхъ мѣстъ прямо указывало мнѣ, что палатка эта была или кумирнею, или вообще обиталищемъ какой-либо святыни. Развьючившись и устроившись, я отправился въ палатку, гдѣ повстрѣчалъ трехъ тибетскихъ ламъ, выѣхавшихъ, по ихъ словамъ, изъ Хлассы уже три года назадъ за сборомъ подаяній, объѣхавшихъ всю сѣверо-западную Монголію, побывавшихъ нынѣшнею зимою въ нашихъ бурятскихъ степяхъ и теперь возвращавшихся черезъ юго-восточную Монголію въ Тибетъ. Всѣ они прекрасно говорили по монгольски и, по разказамъ, изучили этотъ языкъ еще у себя на родинѣ. Собранныя подаянія они уже четыре раза посылали въ Тибетъ, черезъ Ургу, причемъ жертвованные имъ скотъ, чай, мануфактуры, различные продукты пастушеской жизни и все другое, вещное, они каждый разъ продавали, обращали въ серебро и уже въ этомъ видѣ отправляли по адресу своего монастыря. Старѣйшимъ между этими ламами былъ нирба̀ (казначей) Галда̀нъ-ширѣтӱйнъ хѝта, располагающагося неподалеку отъ Галда̀нскаго монастыря въ Тибетѣ. Нирба̀ этотъ разказалъ мнѣ, что монастырь ихъ, построенный лѣтъ 50 тому назадъ, нынѣ пришелъ въ ветхость, почему соборъ мѣстныхъ ламъ, желая приступить къ его поправкѣ, и опредѣлилъ командировать своего казначея, съ двумя состоящими при немъ прислужниками, за сборомъ подаяній въ Монголію. Никакихъ билетовъ, или удостовѣреній своей личности эти люди не имѣли, взамѣнъ сего они возили при себѣ лишь воззваніе ламъ Галда̀нъ-ширѣтӱйнъ хѝта, приглашавшее милостынедателей къ пожертвованіямъ. Я поинтересовался спросить объ усердіи монголовъ къ подаяніямъ и въ отвѣтъ на это совершенно неожиданно услышалъ горькія жалобы нирбы̀. «Мы не ламы и не сборщики подаяній для будды», говорилъ онъ, «а скорѣе купцы и торговцы. По нынѣшнимъ временамъ даровой благостыни не найдешь и, безъ того, чтобы не

дать чего либо отъ себя, не соберешь большихъ подаяній. Это всѣмъ извѣстно, а потому монастыри, отправляя своихъ сборщиковъ подаяній, непремѣнно даютъ имъ разные товары». Дѣйствительно, почти вся палатка этихъ ламъ была завалена тюками и основное содержимое этихъ тюковъ составляли привиллегированные товары тибетскихъ ламъ. Тутъ были: священная трава гӯша (санскр. kûça) и перья изъ павлиновыхъ хвостовъ, — предметы, употребляемые буддистами какъ орудіе для кропленія аршāномъ (освященной водой), тибетское сукно, четки разныхъ сортовъ, хадакѝ и наконецъ особыя чашки, предохраняющія отъ отравы. Чашки эти были какъ фарфоровыя, такъ и деревянныя; первыя изъ нихъ монголы называютъ «шāцзанъ-хулà», а вторыя — «модонъ-хулà». Съ внѣшней стороны онѣ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ, но монголы вѣрятъ, что если въ такую чашку налить что либо ядовитое, то оно тотчасъ же закипитъ, или покроется пѣною. Помимо сего въ палаткѣ находились еще цѣлые тюки съ отпечатанными на шелковой матеріи изображеніями стопы будды, Хлассы, Будалы, монастыря Сэра и др. Все это были однако весьма второстепенныя святыни, которыя ламы, какъ и прочіе товары, продавали монголамъ во множествѣ, главнѣйшимъ же предметомъ поклоненія, который предлагался монголамъ, были мощи и граматы хутухтѣ Галдàнъ-ширѣтӯ. Меня чрезвычайно заинтересовала эта святыня, которою галдàнъ-хѝтскіе ламы снабдили своихъ сборщиковъ подаяній для вящшаго успѣха ихъ дѣла. Святыни эти хранились теперь у ламъ въ раззолоченномъ деревянномъ сундучкѣ, окрашенномъ въ красную краску и стоявшемъ въ палаткѣ наряду съ бурхàнами. Познакомившись съ ламами поближе, я просилъ ихъ показать эти святыни. Мощи не представили мнѣ собою рѣшительно ничего особеннаго. Это были обыкновенныя маленькія фигурки субургàновъ, приготовленныя изъ глины, смѣшанной съ пепломъ, получившимся при сожженіи тѣла одного изъ хубилгàновъ Сумàди-бакшѝ, Аваàнъ-чжамбàлъ цулчѝма; за то просматривая граматы, я увидалъ, что онѣ съ одной стороны чрезвычайно характеристичны для выясненія отношеній китайскихъ богдохāновъ къ тибетскимъ ламамъ, а съ другой — имѣютъ и кое какое историческое значеніе. Всѣ эти граматы представляли собою письма китайскихъ богдохāновъ, въ разное время отправленныя ими Аваàнъ чжамбàлъ-цулчѝму. Писаны онѣ были на плотной, разноцвѣтной, золототканой, шелковой матеріи, имѣвшей форму продолговатаго свитка въ 7 вершковъ ширины и 4 аршина 14 вершковъ длиною, а изложены были то на трехъ языкахъ, китайскомъ, маньчжурскомъ и тибетскомъ; то на двухъ языкахъ, различно, или маньчжурскомъ и тибетскомъ, или монгольскомъ и тибет-

скомъ. Такъ какъ тибетскій текстъ этихъ грамотъ былъ повсюду писанъ совершенно неизвѣстною мнѣ тибетскою скорописью (шарà-бичѝкъ), то я рѣшительно не могъ читать его, вторые же тексты, т. е. или маньчжурскій, или монгольскій, я не только прочиталъ, но и списалъ для себя, почему и могу представить здѣсь образцы этихъ грамотъ.

Первый и, какъ говорили мнѣ, самый важный изъ имѣвшихся здѣсь свитковъ представлялъ собою рескриптъ богдохана Цзя-цина, съ датою 2-й луны 25-го года правленія, т. е. отъ 1820 года. Онъ былъ написанъ на маньчжурскомъ и тибетскомъ языкахъ и маньчжурскій текстъ его отъ слова до слова гласилъ такъ:





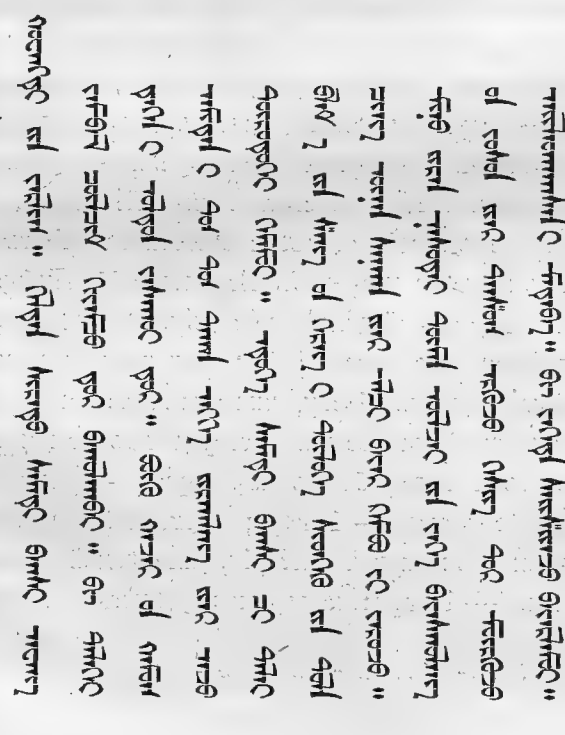
Въ переводѣ это значитъ:

Рескриптъ по предопредѣленію неба повелѣвающаго временами хуàнди — жалуется Авàнъ-чжамбàлъ-цулчѝму, — хубилгàну Галдàнъ-ширѣтӱ Самàди-бакшѝ, камбӧ-лàмамъ всѣхъ монастырей, четыремъ габлӯнамъ, всѣмъ дàйбунамъ, дѝбамъ и прочимъ.

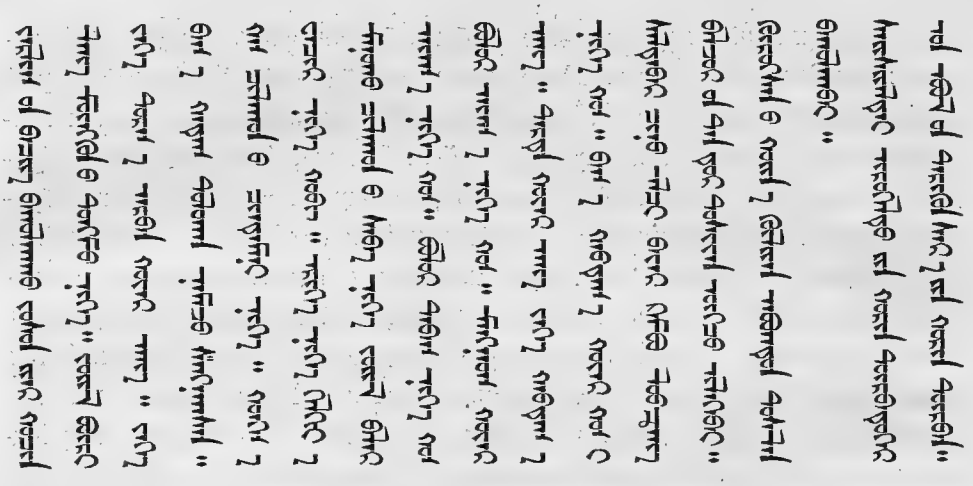
Когда предшествовавшій Далàй-лама перемѣнилъ одѣяніе (= скончался), я вызвалъ Димӯ-хутухтӯ и поручилъ ему верховенство въ рѣшеніи дѣлъ далàй лàмскаго казначейства. Нынѣ хубилгàнъ Далàй ламы еще не появился, а Димӯ-хутухтӯ равнымъ образомъ перемѣнилъ одѣяніе (= скончался). Изъ канцеляріи сановниковъ, рѣшающихъ дѣла въ провинціи Цанъ, поступило представленіе, что, для пользы всего духовнаго и свѣтскаго населенія провинцій Уй и Цанъ, надлежало бы, впредь до появленія хубилгàна далàй ламы, поручить верховенство въ рѣшеніи дѣлъ какому-либо старшему, отличному ламѣ; что ты Авàнъ-чжамбàлъ-цулчѝмъ — человѣкъ толковый и отличный въ священномъ ученіи и что если поручить тебѣ верховенство въ управленіи дѣлами Цàна, то всѣ духовные и свѣтскіе обитатели Цàнской провинціи будутъ удовлетворены этимъ. Я

очень радъ и нынѣ, во изъявленіе особаго благоволенія, жалую тебѣ титулъ: «эрдэ̀мунъгэ ному̀нъ ха̀нь» (монг. [illegible] = мудрый владыка священнаго ученія), повелѣваю тебѣ держать печать и верховенствовать въ рѣшеніи ламскихъ дѣлъ Ца̀на. Ты же, Ава̀нъ-чжамба̀лъ-цулчи̇̀мъ, старайся о томъ, чтобы, подобно Диму̀-хутухтѣ̀, достойнымъ образомъ рѣшать тебѣ всякія дѣла, содѣйствуя распространенію желтой вѣры и во всемъ согласуясь съ моимъ конечнымъ пожеланіемъ — облагодѣтельствовать всѣхъ одушевленныхъ существъ, обитающихъ во вселенной; (старайся) чтобы доставить тебѣ мирное и радостное пребываніе всѣмъ и каждому изъ духовныхъ и свѣтскихъ обитателей Ца̀на. Засимъ всѣ вы, камбо̄-ла̀мы, габлу̀ны, да̀йбуны и ди̇̀бы, тщательно заботьтесь о порученныхъ каждому изъ васъ обязанностяхъ, единодушно помогайте Ава̀нъ-чжамба̀лъ-цулчи̇̀му и ведите свою дѣятельность, какъ и при жизни хубилга̀на дала̀й-ламы̀, ища по каждому дѣлу совѣта у сановниковъ, рѣшающихъ дѣла ца̀нской провинціи; (обо всемъ) освѣдомляясь и (во всемъ) придерживаясь законовъ и указаній. Будьте усердны! Не допускайте упущеній! — Нарочито пожалованъ (этотъ рескриптъ) правленія Цзя-цина 25-го года, 2-й луны въ 8-й день.

Второй изъ показанныхъ мнѣ свитковъ, оказался на нѣсколько мѣсяцевъ старше перваго и былъ написанъ на языкахъ тибетскомъ и монгольскомъ. Вотъ его монгольскій текстъ:



[illegible]



Въ переводѣ это значитъ:

Рескриптъ, по предопредѣленію неба, повелѣвающаго временами хуàнди, — жалуется Галдàнъ-ширэ̄тӯ, Самадй-бакшй, Авàнъ-чжамбàлъ-цулчймъ-чжамцò.

Стяжавъ и управляя обитающихъ во вселенной, я желаю, чтобы всѣ одушевленныя существа всѣхъ странъ жили бы каждый въ мирѣ и довольствѣ. Нынѣ я узналъ, что ты, Самадй-бакшй, какъ замѣститель рѣшающаго дѣла казначейства далàй ламы, чистосердечно командировалъ своимъ делегатомъ Баяръ-камбо̄ и представилъ всеподданнѣйшій докладъ, бія челомъ и поднося мнѣ дансӯкъ, по правиламъ о радостномъ празднованіи моего 60-тилѣтняго долгоденствія. Весьма похваляю и радуюсь. Ты же, Самадй-бакшй, прилагай наибольшія усилія къ тому, чтобы согласоваться съ моими намѣреніями — распространять ученіе будды, правильно рѣшать дѣла далàй-лàмскаго казначейства и старательно прилежать къ священному ученію и служенію. Будь усерденъ! Не допускай упущеній! Нынѣ, при возвращеніи твоего делегата Баяръ-камбо̄, я, согласно постановленіямъ объ изданіи рескрипта, отправилъ къ тебѣ, передавъ Баяръ-камбо̄, Лубцзàнъ бальчжӯру и другимъ: одинъ серебряный домбò, вѣсомъ въ 30 ланъ; различныхъ большихъ кусковъ шелковыхъ матерій 12; большихъ и малыхъ хадакòвъ — 7, а засимъ выдано въ прибавку, чиндамàни изъ яшмоваго камня 1; хонхò и вачйръ 1; четки 1; жертвенный сосудъ изъ камня сердолика 1; чашекъ фаланевыхъ 1 пара; блюдъ изъ горнаго хрусталя — 1 пара; чашекъ изъ горнаго хрусталя — 1 пара; затканной драконами шелковой матеріи — 1 кусокъ; шелковой матеріи, именуемой дардань 2 куска; большихъ кошельковъ — 1 пара; малыхъ кошельковъ — 2 пары. По доставленіи примите.

24 года правленія Цзя-цина 1-й зимней луны въ 24 день.

Третій свитокъ представлялъ собою документъ, писанный на языкахъ маньчжурскомъ, китайскомъ и тибетскомъ; посланъ онъ былъ уже богдохāномъ Дао гуаномъ и изданъ собственно на 12-й день по его вступленіи на престолъ. Вотъ его точный маньчжурскій текстъ:

د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ۱۳۴۸ کال د مرغومي میاشتې د ۲۲ مه نېټې د ماسپښین ۲ بجې د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره ورغلم.

ما د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم.

د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم.

د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم.

د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم.

د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم، د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د ښځې د مړینې د غمیزې د ویلو لپاره د ښاغلي ډاکټر عبدالحي حبیبي د کور ته ورغلم.

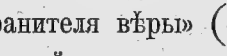
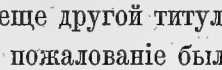
Въ переводѣ это значитъ:

«Рескриптъ по предопредѣленію неба повелѣвающаго временами хуàнди, — жалуется хубилгàну Галдàнъ-ширэ̄тӯ Самадѝ-бакшѝ».

Такъ какъ далàй-ламы и баньчэ̀нь-эрдэнѝ прежнихъ перерожденій еще отъ временъ тàйцзунъ-хуа̄ндія поступали съ истинными намѣреніями, постоянно откомандировывали своихъ пословъ, освѣдомлялись о высочайшемъ здравіи и представляли свои подарки, то тàйцзунъ-хуа̄нди сдѣлался великимъ милостынедателемъ, распространилъ желтую вѣру и милостиво охранялъ весь тибетскій народъ. Такъ прошло болѣе 100 лѣтъ и въ настоящую пору, до меня, миновало семь поколѣній. Царственный родитель мой, многодѣятельный хуа̄нди, совокупивъ во едино обитающихъ во вселенной, съ утра до ночи проводилъ въ трудахъ, былъ неослабно внимателенъ, прилежалъ къ дѣламъ правленія, поощрялъ добродѣтельныхъ, исправлялъ по-

рочныхъ и, не полагая различія между внутренними и внѣшними, взиралъ на нихъ съ одинаковою милостію. Такъ какъ, отличая достоинства и первостепенныя заслуги, онъ управлялъ, все приводя къ совершенству наставленіями, то онъ умиротворилъ даже и обитающихъ въ морѣ. Со времени восшествія на престолъ царственнаго родителя прекрасные законы и отличное управленіе стали очевиднѣйшимъ образцомъ для тьмы поколѣній. Неожиданно онъ покинулъ всѣхъ и переселился на небо, вручивъ мнѣ великія дѣла обитающихъ во вселенной. И день, и ночь помышляю я о томъ, чтобы, комбинируя дѣянія древнихъ и являясь продолжателемъ воли царственнаго моего родителя, распространить и упрочить на вѣки великое правленіе. Я постоянно слѣдую правиламъ моего царственнаго родителя и ни въ какомъ случаѣ не измѣняю ихъ. Также точно и вы со тщаніемъ поступайте постарому. Чтобы совершить святое и доброе дѣло (= поминовеніе) за своего священнаго родителя, я нарошно командировалъ пословъ, чтобы они приготовили мàнцзу и поручили совершить молебствія. Хубилгàнъ-Галдàнъ-ширѣтӯ, Самадѝ-бакшѝ, рѣшающій дѣла вмѣсто Далàй ламы! Всѣ старшіе и младшіе ламы вашихъ многочисленныхъ монастырей, принимая милости отъ моихъ дѣда и родителя, проживали въ мирѣ и довольствѣ. Пусть же, благоговѣйно вспомнивъ о чрезвычайныхъ благодѣяніяхъ и великихъ милостяхъ, помолятся они передъ тремя драгоцѣнностями, вознесутъ прошенія къ буддѣ за моего священнаго царственнаго родителя и всѣ съ истиннымъ благоговѣніемъ и тщаніемъ да произнесутъ священныя чтенія объ упроченіи на вѣки народнаго правленія и о совершеніи блага всего народа и всѣхъ одушевленныхъ существъ. Только въ томъ случаѣ, если, усиленно распространяя священныя писанія и ученіе будды, приведутъ они къ высшему развитію вѣру, могутъ они сказать, что отблагодарили моего священнаго, царственнаго родителя и я самъ буду взирать на нихъ съ одобреніемъ. — Согласно постановленіямъ объ изданіи рескрипта, жалуется рѣшающему дѣла вмѣсто далàй ламы, хубилгàну Галдàнъ-ширѣтӯ, Самадѝ бакшѝ: 1 серебряная домбò, вѣсомъ въ 30 ланъ; большихъ и малыхъ хадакòвъ по 5; различныхъ большихъ кусковъ шелковыхъ матерій 8. По случаю чтенія нòмовъ за священнаго царственнаго родителя, въ четыре большіе монастыря, Будалӯ, Чжашѝ-лумбӯ, Сэра и Брàйбунъ, (назначается) въ подаяніе для каждаго монастыря: серебра по 1000 ланъ; большихъ хадакòвъ по 100, малыхъ хадакòвъ по 1000; чаю по 100 кирпичей; за чтеніе номовъ во всѣхъ (прочихъ, малыхъ) монастыряхъ (назначается) въ подаяніе: серебра 4000 ланъ; чаю 1000 кирпичей; и малыхъ хадакòвъ 4000. Все это я отправляю, вручивъ посламъ: Минчжӯлъ-хутухтӯ камбō, дā ламѣ Чжакбà-чòймпилу, первостепенному хā Янгатàю,

второстепенному хя Фӯшанга и помощникамъ начальниковъ отдѣленій въ министерствѣ Элэхӯн'ю и Чжу-чанъ-бао. По доставленіи примите. Нарошно пожалованъ (этотъ рескриптъ) 9-го числа 9-й луны 25-го года правленія Цзя-цина.

Другихъ просмотрѣнныхъ и пріобрѣтенныхъ мною въ спискѣ граматъ я не представляю, потому что всѣ онѣ однообразны по своему стилю и содержанію. Изъ разбора ихъ явствуютъ только тѣ историческіе факты, что когда, во 2-мъ году правленія Дао-гуана, былъ найденъ новый хубилга̀нъ дала̀й ламы, то богдоха̄нъ оставилъ Галда̀нъ-ширѣтӯ'я управлять дѣлами Ца̀на впредь до совершеннолѣтія хубилга̀на; а зимою того же 2-го года правленія отличилъ заслуги Галда̀нъ ширѣтӯ'я пожалованіемъ ему титула «распространителя вѣры» (). Въ граматѣ отъ 24 числа первой зимней луны находимъ, что тому же Галда̀нъ-ширѣтӯ былъ пожалованъ еще другой титулъ «пекущагося объ ученіи» () каковое пожалованіе было для него результатомъ окончанія курса дала̀й ламо̀ю, которому онъ преподавалъ буддійскія науки. Съ этой поры Ава̀нъ-чжамба̀лъ цулчѝмъ, повидимому, пересталъ уже завѣдывать дала̀й-ла̀мскими дѣлами, хотя богдоха̄нъ по старому отличалъ его своими рескриптами и подарками. Послѣдняя изъ дарованныхъ ему граматъ помѣчена 20-мъ числомъ 1-й луны 20-го года правленія Дао-гуана и писана только на двухъ языкахъ китайскомъ и маньчжурскомъ. Богдоха̄нъ извѣщаетъ въ ней о смерти Хуа̀нъ-хоу, проситъ Галда̀нъ-ширѣтӯ помянуть усопшую и посылаетъ ему обычные подарки.

10-е Іюня. Четвергъ.

6 ч. +14°; 9 ч. +19°; 12 ч. +25°; 3 ч. +29; 6 ч. +25°; 9 ч. +17°.

Двинулись въ 5 час. 30 мин. утра, держа путь прямо на СЗ. Передъ нами лежала громадная степь, именуемая Хулхана̀й-тала̀, на которой какъ высокій маякъ поднималась единственная горка, Хулхана̀й ӯла. Вся степь очевидно имѣетъ общее поднятіе на сѣверъ. При вступленіи въ нее въ 6 ч. 40 м., мы повстрѣчали колодецъ, носящій названіе Тала̀-худӯкъ; отъ него къ западу идетъ прямая дорога на Ула̄нъ-ха̄лгайнъ сӯмэ̀, отстоящее отсюда, говорятъ, верстъ на 10. Сопоставляя такое опредѣленіе положенія Ула̄нъ-ха̄лга съ нашимъ движеніемъ, необходимо предположить, что на нашихъ картахъ сӯмэ̀ это наносится не вѣрно и должно быть отнесено по крайней мѣрѣ верстъ на 50 въ направленіи къ СЗ. Отъ колодца Тала̀ худӯкъ до горы Хулхана̀й-ӯла, на протяженіи около 20 верстъ, воды нѣтъ и степь является обитаемой только зимою. Въ 8 час. 10 мин. мы перевалили невысокій увалъ, Моргоча̀къ, хорошо видимый издали и почти незамѣтный

при движеніи по оному. Въ 10 ч. 50 м. достигли южной подошвы Хулханай-ӯла, по обѣимъ сторонамъ коей кочевало 12 юртъ монголовъ поколѣнія Ӱчжӱмӱцинь и паслось много скота. Близъ горы, въ степи образуется песчаная котловина, въ которой имѣется три колодца, далѣе же, съ поднятіемъ изъ этой котловины, продолжается таже однообразная гобійская равнина, только здѣсь она дѣлается нѣсколько волнистѣе. При въѣздѣ въ нее мы остановились для полдника въ 12 час. 10 мин. дня. Тронулись далѣе въ 3 ч. 15 м. и черезъ часъ миновали кочевье въ 2 юрты, получающее свое имя отъ колодца Хӧхӧ худӯкъ, при которомъ оно располагается. Въ 6 ч. 5 м. въѣхали въ распадину невысокаго и протягивающагося съ ССВ на ЮЮЗ увала, Ӱнигэтӯ-нурӯ, за которымъ далѣе въ 7. ч. 50 мин. послѣдовала гора Асарыйнъ-борӧ тологӧй. Здѣсь повстрѣчали мы ӱчжӱмӱцинеи, везущихъ на 30 запряженныхъ быками телѣгахъ соль для продажи въ Улаанъ-хада. При горѣ Асарыйнъ-борӧ тологӧй имѣется колодезь, близъ котораго мы и остановились для ночлега.

11-е Іюня. Пятница.

6 ч. +14°; 9 ч. +18°; 12 ч. +24°; 3 ч. +29°; 6 ч. +24°; 9 ч. +16°.

Выѣхали въ 5 ч. 20 м. и съ перваго же раза замѣтили, что мѣстность окрестъ нашей дороги все болѣе и болѣе начинаетъ принимать чисто гобійскій характеръ. Передъ нами широкая степь. Почва ея твердо песчаная, хрящеватая и усѣянная мельчайшей галькой. По сторонамъ дороги вмѣсто окаймлявшихъ ее прежде сочныхъ травъ, испещренныхъ самыми яркими цвѣтами, появляется желтый дэрэсӯнъ и заросли его охватываютъ все видимое пространство. Въ 8 ч. 50 м. проѣхали урочище Табӯнъ тологӧй, неизвѣстно почему называемое этимъ именемъ, такъ какъ никакихъ сопокъ здѣсь нѣтъ. Въ 10 ч. 55 м. спустились въ котловину Олӧнъ-худӯкъ; но въ первомъ изъ ея колодцевъ вода оказалась очень плохая и вдобавокъ поверху ея плавалъ, вѣроятно утонувшій, ягненокъ. Котловина эта тянется ровно на 1¼ часъ ѣзды верблюжьимъ шагомъ и, проѣхавъ именно это количество времени, мы повстрѣчали на другомъ, сѣверномъ концѣ ея подрядъ три колодца, которые собственно и дали поводъ называть эту мѣстность Олӧнъ худӯкъ. Здѣсь мы полдневали и, выѣхавъ въ 3 ч. 20 м. дня, уже въ 3 ч. 45 м. начали подниматься на такъ называемый Дабасунай даба. Перевалъ этотъ состоитъ изъ четырехъ пологихъ и небольшихъ, но возвышающихся одинъ надъ другимъ уваловъ, на каждый изъ которыхъ приходится подниматься, лишь только спустишься съ предшествовавшаго увала. Вершина послѣдняго изъ такихъ уваловъ считается вмѣстѣ и вершиною перевала. Мы поднялись на нее въ 5 ч. 5 м. Спускъ съ Дабасунай

дабāна также не крутъ и идетъ однимъ ровнымъ и пологимъ скатомъ. Съ половины его передъ нами заблестѣло въ долинѣ озеро Дабасȕ нȳръ. Въ 5 ч. 50 м. мы собственно спустились уже съ перевала, но засимъ въ теченіе еще 1 ч. и 15 м. ѣхали его предгоріями, пока въ 7 ч. 5 м. не вступили окончательно въ долину соляного озера. Остановились на ночлегъ въ 9 час. вечера при Дабасунàй сȳмэ̀. Въ немъ проживаютъ до 50 ламъ, которые и отправляютъ ежедневно чжисà; всего же при этой кумирнѣ числится до 300 ламъ. Монастырское сȳмэ̀ представляетъ собою весьма небольшое, деревянное зданіе, при которомъ находится до 60 глинобитныхъ бàйшиновъ, — жилищъ мѣстныхъ хуварàковъ.

12-е Іюня. Суббота.

6 ч. +14°; 9 ч. +19°; 12 ч. +26°; 3 ч. +27°; 6 ч. +23°.

Выступили въ 6 час. утра по дорогѣ, направляющейся къ берегамъ озера и, въ 7 ч. 5 м. подъѣхали къ восточному углу его, предпринявъ отсюда движеніе сначала по южному берегу, а потомъ по западному. По формѣ своей соленое озеро это, именуемое здѣсь, на мѣстѣ, Дабасȕ-нȳромъ, но называемое также Э̄чжи дабасȕ-нȳръ, продолговато съ востока на западъ, окружность же его показалась мнѣ не превышающею 5 верстъ. Соль Э̄чжи дабасȕ-нȳра, говорятъ, наилучшая во всей Монголіи и почитается несравненно выше Ѣрэ̄нъ-дабасȕ-нȳрской. Соль послѣдняго озера монголы называютъ бѣлою (цагàнъ-дабасȕ = нашей черной); тогда какъ въ Э̄чжи нȳрѣ залегаетъ голубая соль (хӧхӧ̀ дабасȕ = нашей бѣлой). Мѣстоположеніе озера совершенно совпадаетъ границамъ чжȳнъ хȳчитскихъ и йэхэ̀-ӱчжӱмӱцӣнскихъ кочевьевъ, почему оно въ одинаковой степени принадлежитъ какъ эрдэнӣ-вану хȳчитскому, такъ и вàну ӱчжӱмӱцӣньскому. Управленія обоихъ хошȳновъ высылаютъ сюда своихъ дāмаловъ, для сбора денегъ за вывозимую соль. Относительно правилъ, принятыхъ при таковой продажѣ соли, мнѣ пришлось узнать нижеслѣдующее: хошȳнные люди ӱчжӱмӱцӣньскаго вàна и хȳчитскаго вàна, какъ хозяева озера, за добываніе и вывозъ соли изъ озера ничего не платятъ, также точно какъ не берется никакой платы и съ людей багà ӱчжӱмӱцӣньскаго хошȳна на томъ основаніи, что послѣдніе почитаются какъ бы «братьями» йэхэ̀ ӱчжӱмӱцӣней; словомъ плата взимается только съ иноплеменниковъ и инохошȳнцевъ. Размѣръ этой платы также точно различенъ и, что страннѣе всего, обусловливается онъ не количествомъ покупаемой соли, а принадлежностью покупателя тому или другому хошȳну. За телѣгу, приблизительно одного и того же объема, потому что всѣ онѣ запрягаются однимъ быкомъ, взимается съ людей двухъ бāриньскихъ хошȳновъ по 4 цина; съ

кэшиктэновъ — по 3 цина, а съ четырехъ абага̀ [1]) — по 2 цина. Зависитъ это отъ условій, которыя были разновременно заключены съ тѣмъ или другимъ хошӯномъ. Хошӯнные люди халха̀скаго Чжи-цзасака̀, не смотря на близость своихъ кочевьевъ къ озеру, рѣшительно не вывозятъ изъ него соли. Относительно общаго количества вывозимой соли мѣстные да̄малы говорили, что платныхъ телѣгъ ежегодно уходитъ отъ озера до 220,000, число же безплатныхъ не наблюдается и остается совершенно неизвѣстнымъ. Весьма вѣроятно, что соли вывозилось бы и еще больше, если бы не происходило затрудненія въ ея добываніи и нагрузкѣ. Дѣло въ томъ, что очень многіе изъ монголовъ, особливо впервые пріѣзжающихъ за солью, не умѣютъ добывать соль изъ озера сами и должны нанимать для сего мѣстныхъ жителей, хорошо освѣдомленныхъ какъ относительно всѣхъ свойствъ озера, такъ равно и пріобрѣтшихъ ловкость въ искусствѣ ломать соляные пласты. Такихъ работниковъ обыкновенно живетъ при озерѣ 50, 60 человѣкъ, рѣдко число ихъ возвышается до 80 и никогда не доходитъ до 100. Этою то незначительностью рабочихъ силъ и обусловливается замедленіе въ нагрузкѣ. Очереди при нагрузкѣ телѣгъ никакой не соблюдается и если солепромышленникъ не имѣетъ у себя знакомства на озерѣ, то ему приходится иногда очень и очень долго ожидать, пока нагрузятся его телѣги; поэтому то каждый пріѣзжающій впервые старается добыть себѣ знакомство среди солекоповъ, дѣлая имъ подарки помимо установленной платы за трудъ. Что касается этой послѣдней, то она также оказывается весьма различной: съ своихъ, ӱчжӱмӱцӣней и хӯчитовъ, рабочіе обычно берутъ за нагрузку телѣги — одну маховую сажень полотна (да̀бу); для инохошӯнцевъ же нагрузка каждой телѣги обходится отъ 8 фынъ до 1 цина серебра. Хорошій работникъ, говорятъ, можетъ свободно нагрузить въ день 8 телѣгъ, а слѣдовательно заработать въ день около 2 р. сер. на наши деньги. И не смотря на этотъ хорошій заработокъ, работу солекопа принимаютъ на себя очень не многіе, а солепромышленикамъ приходится поэтому простаивать нерѣдко по 10, 15 дней, даже по мѣсяцу, пока нагрузятъ они свои телѣги. Добываніе соли изъ озера производится самымъ примитивнымъ способомъ: соляные пласты рубятся топоромъ и засимъ накладываются въ телѣги лопатами, а то и просто руками. Толщина этихъ

1) Здѣсь впервые я узналъ, что названіе Абаганаръ, повидимому, совершенно не употребительно въ просторѣчіи монголовъ. Извѣстно, что абага̀'скія поколѣнія монголовъ, послѣ подданства дайцинамъ, были раздѣлены маньчжурами на 4 хошӯна, изъ коихъ старѣйшія два носятъ названіе Абага̀, а другія два оффиціально прозываются Абаганаръ. Въ народныхъ понятіяхъ монголовъ этого, установленнаго оффиціально, различія не существуетъ и мѣстные простолюдины знаютъ только поколѣніе Абага̀, раздѣленное на 4 хошӯна, почему и называются они 4 Абага̀.

пластовъ въ большинствѣ не превышаетъ 2-хъ вершковъ, хотя случается, что они доходятъ и до пяти вершковъ. Мелкая соль насыпается прямо въ корзины телѣгъ. Въ зимнее время соль въ Эчжи дабасу̀-нӯрѣ не разработывается вовсе, равно какъ въ періоды выпаденія дождей и сильныхъ засухъ.

Отъ озера дорога направляется по прежнему на сѣверо-западъ, къ горамъ, именуемымъ У-тай. Долина Эчжи-дабасу̀-нӯра почти безплодна: ближе къ озеру почва ея солонцеватая, по мѣрѣ же приближенія къ горамъ она дѣлается хрящеватою и твердопесчаной. Почти на границѣ этихъ различныхъ свойствъ долины мы въ 10 ч. 15 м. миновали урочище Хӧрокъ, населеніе коего принадлежитъ уже хошӯну Чжӯнъ хӯчитъ. Отсюда начинается постепенный и пологій подъемъ къ горамъ У-тай, громкая слава которыхъ звучитъ теперь уже далеко, такъ какъ, по вѣрованіямъ окрестныхъ монголовъ, здѣсь недавно совершилось чудо. Разказываютъ, что изъ средины этихъ горъ много лѣтъ уже слышался какой-то необыкновенный шумъ, въ концѣ концевъ обратившій на себя вниманіе мѣстныхъ ламъ. Послѣдніе призвали знатоковъ мѣстности, которые прежде всего нашли въ этихъ горахъ сходство съ извѣстнымъ У-тай-шан'емъ, засимъ они опредѣлили, что мѣсто это вообще святое и что на немъ необходимо должны быть знаки присутствія божества. Осматривая эту гору болѣе тщательно, ламы дѣйствительно нашли здѣсь, на скалѣ, нерукотворенное изображеніе бурха̀на Аюши и нѣсколько такихъ же нерукотворенныхъ тибетскихъ буквъ, представлявшихъ собою надпись одной тарнистической формулы. Событіе это совершилось только три года тому назадъ и съ тѣхъ поръ при горѣ поселились ламы, съ намѣреніемъ построить здѣсь монастырь, а пока они имѣютъ тутъ войлочный дуга̀нъ, съ находящимися при немъ четырьмя юртами хувара̀ковъ. Мѣстонахожденіе этого бурха̀на и буквъ указали мнѣ на самой вершинѣ одной изъ обрывистыхъ скалъ У-тай'я. Ровно въ 12-ть часовъ дня остановившись для полдника противъ этого мѣста, я поднялся засимъ наверхъ, чтобы посмотрѣть чудесную святыню; но оказалось, что видѣть ее теперь уже нельзя. Къ отвѣсной скалѣ, на которой якобы было начертано изображеніе бурха̀на и тибетскихъ буквъ, ламы пристроили три глинобитныхъ стѣны, выведши такимъ образомъ бунха̀нъ, высотою не свыше $2^1/_2$ аршинъ и съ окошечкомъ не свыше 6 вершковъ. Понятно, что въ этомъ бунха̀нѣ господствуетъ почти полнѣйшій мракъ тѣмъ больше, что, смотря въ 6-вершковое окошечко, зритель и собственною головою препятствуетъ проходить свѣту. Всрединѣ бунха̀на стоитъ фонарь съ лампадою, тусклый свѣтъ которой можетъ быть и далъ бы возможность видѣть изображенное на скалѣ, но передъ самымъ этимъ изображеніемъ ламы на-

вѣсили хадакѝ, принесенные въ жертву нерукотворному изображенію и послѣдніе совершенно скрываютъ отъ глазъ зрителя даже и скалу. Сопровождавшій меня ламà указалъ мнѣ на находящуюся среди этихъ жертвенныхъ привѣсокъ маленькую фигурку меча и объяснилъ, что это даръ одного шаманствующаго солонскаго гуртȕна. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ заявленіемъ онъ имѣлъ въ виду убѣдить меня въ достовѣрности совершившагося чуда. Оставивъ мѣсто своей стоянки въ 4 ч. 30 м., мы вскорѣ выступили изъ горъ и въѣхали въ громадную и чрезвычайно однообразную степь — Ноѝнъ-талà, которою и двигались до самой остановки на ночлегъ въ 9 ч. 15 м. ночи.

13-е Іюня. Воскресенье.

6 ч. +14°; 9 ч. +22°; 12 ч. +26°; 3 ч. +29°; 6 ч. +24°; 9 ч. +17°.

Выѣхали въ 5 ч. 40 м. Дорога продолжается тою же степью Ноѝнъ талà, почва которой хрящевата, но довольно обильна травою. Въ 7 ч. 30 м. вступили въ горный кряжъ Улясутàй-ȕла и начали перерѣзывать толщъ его, постепенно поднимаясь по невысокимъ увалàмъ и залегающимъ между ними долинамъ все болѣе и болѣе кверху. Въ 10 час. среди этихъ горъ повстрѣчали колодецъ, носящій тоже имя Улясутàйнъ худȕкъ, замѣчательный по своей величинѣ и способный удовлетворить потребностямъ табуна въ 2000 головъ. Въ 11 ч. 5 м. достигли обȍ, по обычаю, вѣнчающаго вершину горнаго перевала. Спускаясь отсюда, мы черезъ 45 мин. ѣзды остановились для полдника близъ колодца Онгоцòйнъ-худȕкъ. Небольшая долинка его со всѣхъ сторонъ окружена горами, защищающими ее отъ вѣтровъ пустыни. Воздухъ почти не колебался и при +26° R. жара казалась очень сильною. Каково же было мое удивленіе, когда, направившись къ колодцу, я увидалъ, что въ немъ еще уцѣлѣлъ ледъ. Явленіе чрезвычайно характеристичное для сужденія о климатѣ Монголіи.

Выѣхавъ въ 3 ч. 5 м., мы продолжали спускаться съ Улясутàйнъ ȕла и въ 4 ч. 25 м. подъѣхали къ пограничной мѣжѣ Южной Монголіи и Халхи; на это указалъ намъ пограничный халхàскій караулъ хошȕна Э-цзасакà цэцэ̀нъ хāновскаго àймака. Извозчики мои возликовали, вступивъ въ родную Халху, да и мнѣ, правду говоря, стало какъ будто веселѣе среди сѣверныхъ монголовъ, къ которымъ я привыкъ гораздо больше. Тотчасъ же вошелъ я въ юрту караульнаго бошкò и, приказавъ каравану слѣдовать дальше, самъ остался здѣсь для бесѣды. Бошкò сообщилъ мнѣ, что хошȕнъ ихъ протягивается не особенно далеко, равно какъ не великъ и по численности своего населенія, обязанный выставлять только $2^1/_2$ сумȕна латниковъ. Относительно имени хошȕна бошкò со вздохомъ сказалъ

мнѣ, что оно теперь совершенно неизвѣстно и одни зовутъ ихъ хошӯнъ старымъ именемъ Чжи-цзасакà, а другіе новымъ — Э-цзасакà, въ сущности же нельзя называть его ни тѣмъ, ни другимъ. Основная причина этого находится въ тѣсной связи съ тѣмъ несчастнымъ положеніемъ, въ которомъ находится теперь весь хошӯнъ, будучи терзаемъ распрею, возникшею въ его правящемъ княжескомъ родѣ. Обстоятельства этой распри, по словамъ его, заключаются въ слѣдующемъ. За семь лѣтъ передъ симъ хошӯнъ ихъ управлялся престарѣлымъ княземъ, носившимъ имя Чжи-цзасакà. Этотъ послѣдній еще въ молодыхъ лѣтахъ женился на одной изъ своихъ податныхъ, дѣвицѣ Номӯнъ и прижилъ съ нею двухъ сыновей и двухъ дочерей; за всѣмъ тѣмъ, будучи уже престарѣлымъ человѣкомъ, князь увидалъ однажды одну молоденькую дѣвушку, Янчжѝль-хлàма, также изъ числа своихъ податныхъ и такъ прельстился ею, что развелся со старою женою и женился на этой Янчжѝль хлàма. При совершеніи развода, Чжи-цзасàкъ отдѣлилъ своей старой женѣ добрую половину своего скота и поставилъ ей три юрты, а изъ дѣтей отдалъ ей двухъ дочерей и младшаго сына, оставивъ старшаго, Эринчѝнъ-дорчжѝ, при себѣ, какъ будущаго своего наслѣдника, по преемству княжескаго званія и управленія хошӯномъ. Молоденькая Янчжѝль-хлàма, поселившись въ домѣ своего владѣтельнаго мужа, вскорѣ пріобрѣла такое вліяніе на него, что князь рѣшительно все дѣлалъ по ея словамъ. Въ теченіе семи лѣтъ своей жизни княгинею, Янчжѝль-хлàма родила двухъ дочерей, хотя это мало утѣшало ее: ей хотѣлось имѣть сына, котораго она надѣялась сдѣлать впослѣдствіи княземъ-владѣтелемъ хошӯна, устранивъ прямого наслѣдника этихъ правъ, Эринчѝнъ-дорчжѝ. Съ помянутою цѣлью она уже на четвертомъ году по выходѣ замужъ достигла того, что Чжи-цзасàкъ удалилъ отъ себя своего наслѣдника и отправилъ его къ матери. Впрочемъ надеждамъ Янчжѝль-хлàмы не суждено было осуществиться. Осенью 11-го года настоящаго правленія Гуанъ-сюй (1885 г.) Чжи-цзасàкъ умеръ, а она въ ту пору не имѣла сына, хотя честолюбіе заставило ее быть весьма предупредительной. За нѣсколько дней до смерти Чжи-цзасакà, она пригласила въ юрту умирающаго князя Йогāцзари-хутухтӯ и мѣстныхъ чиновниковъ хошӯна, для выслушанія послѣднихъ завѣщаній своего владѣтеля. Послѣдній якобы сказалъ при этомъ, что Янчжѝль-хлàма остается послѣ него беременною и, если родитъ она сына, то онъ, цзасàкъ, поручаетъ воспитаніе этого ребенка Йогāцзари-ламѣ, а засимъ завѣщаваетъ этому новорожденному управленіе хошӯномъ. Вѣсть о такомъ завѣщаніи была тогда же разнесена по всему хошӯну; тѣмъ не менѣе когда Чжи-цзасàкъ скончался, то хошӯнъ и его правители начали хлопотать объ утвержденіи въ званіи владѣтеля уже существовавшаго за-

коннаго преемника этого званія, Эринчѝнъ-дорчжѝ. Дѣло тянулось около полутора года и въ началѣ 1887 года послѣдовало высочайшее повелѣніе богдохāна, назначавшее Эринчѝнъ-дорчжѝ хошӯннымъ цзасакòмъ. Вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ къ Эринчѝнъ-дорчжѝ естественно переходили и всѣ права по наслѣдованію личнаго имущества покойнаго князя, что же касается Янчжѝль хлàмы, то она, по обычаю, должна была безпрекословно получить свое приданое и засимъ могла, по желанію, или оставаться съ своими дочерьми на житье въ домѣ князя, или возвращаться въ домъ своихъ родителей и во всякомъ случаѣ, при существованіи прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, ни она, ни дочери ея не имѣли никакого права на полученіе какой либо части имуществъ покойнаго. Обрадованная всѣмъ этимъ Номӯнъ, съ безконечною жаждою отмстить своей соперницѣ, явилась въ княжескую ставку, что бы потребовать отъ Янчжѝль-хлàмы отчета въ имуществѣ, но, совершенно неожиданно, нашла Янчжѝль-хлàму больною, такъ какъ послѣдняя за нѣсколько дней передъ симъ родила сына. Между двумя женщинами послѣдовали бурныя сцены, потребовавшія вызова Йогāцзари ламàйнъ хутухтӹ. Такъ какъ послѣдній засвидѣтельствовалъ, что умиравшій Чжи-цзасàкъ дѣйствительно говорилъ, будто онъ оставляетъ Янчжѝль-хлàму беременною и что, вслучаѣ рожденія ею сына, онъ завѣщаваетъ этому малюткѣ управленіе хошӯномъ, то роль Янчжѝль-хлàмы перемѣнилась и она открыто заявила Номӯнъ, что не только не отдастъ ей имущества покойнаго князя, а намѣрена даже хлопотать о передачѣ управленія хошӯномъ новорожденному сыну Чжи-цзасакà, такъ какъ на это была воля сего послѣдняго. Раздраженная Номӯнъ возвратилась домой и заставила своего сына, цзасакà Эринчѝнъ-дорчжѝ, подать жалобу сеймовому старшинѣ цэцэ̀нъ-хāновскаго àймака, въ коей цзасàкъ обвинялъ свою молодую мачиху въ томъ, что она, приживъ себѣ незаконно сына, не хочетъ отдать ему, цзасакӯ, его отцовскаго имущества, неправильно удерживая это достояніе за своимъ незаконнымъ ребенкомъ. Провѣдавъ объ этомъ, Янчжѝль-хлàма въ свою очередь подала прошеніе къ тому же начальнику сейма, въ которомъ объяснила, что по смерти Чжи-цзасакà она осталась отъ него беременною, о чемъ самъ Чжи-цзасàкъ свидѣтельствовалъ передъ смертью хошӯннымъ чиновникамъ и Йогāцзари хутухтѣ, выражая также свою волю, чтобы, вслучаѣ рожденія мальчика, ребенокъ этотъ наслѣдовалъ бы его права на владѣніе хошӯномъ. При таковыхъ обстоятельствахъ Янчжѝль-хлàма просила во 1-хъ оставить находящееся въ ставкѣ Чжи-цзасакà посмертное имущество его за нею и ея сыномъ, такъ какъ старшая жена и дѣти ея были выдѣлены Чжи-цзасакòмъ еще при его жизни; а во 2-хъ признать за новорожденныиъ сыномъ ея право

на утвержденіе въ званіи хошӯннаго цзасакà. При этомъ Янчжѝль-хлàма добавляла, что она не будетъ доискиваться для своего сына этого званія теперь же, потому что такія хлопоты съ одной стороны будутъ тяжелы для обѣднѣлаго теперь хошӯна, а съ другой — ребенокъ еще малъ, до времени совершеннолѣтія управлять не можетъ, а потому будетъ лучше, если въ эту пору хошӯнъ будетъ вѣдаться его сводным братомъ. Сеймовой старшина, получивъ эти два встрѣчныхъ иска, командировалъ отъ себя двухъ почтенныхъ чиновниковъ разслѣдовать это дѣло. Положеніе послѣднихъ, какъ монголовъ, было весьма щекотливымъ, такъ какъ съ одной стороны они не могли не предугадывать правды въ жалобѣ Э-цзасакà, а съ другой, — признавъ эту жалобу справедливой, они должны были или явно унизить память покойнаго цзасакà, или выставить лживымъ показаніе Йогāцзари-ламàйнъ хутухты и во всякомъ случаѣ оставить полунищею Янчжѝль-хлàму. При такомъ положеніи они постарались прежде всего подѣйствовать на сердце Э-цзасакà, убѣдивъ его, что разъ о беременности Янчжѝль-хлàмы говорилъ самъ покойный цзасàкъ и законность ея рожденія свидѣтельствуется божественною личностью Йогāцзари хутухты, признать эту законность, хотя она и свыше человѣческаго разумѣнія, — необходимо; что же касается будущаго искательства Янчжѝль-хлàмою для своего ребенка правъ цзасàчества, то это дѣло еще долгое и какъ оно совершится — неизвѣстно; важно же покончить дѣло настоящее и покончить его всего лучше миромъ. Для этого надлежитъ-де не оставлять Яньчжѝль-хлàму полунищею, тѣмъ больше что она была женою его родителя и дѣти ея — тоже что его братья и сестры; нужно ей выдать должную часть. Уговоривъ такимъ образомъ Эринчѝнъ-дорчжѝ, послы сеймового старшины отправились къ Янчжѝль-хлàмѣ, которой прямо заявили, что въ видахъ ея личной пользы они совѣтуютъ ей покончить дѣло миромъ. «Китайское правительство», говорили они ей, «никогда не признаетъ законнымъ ребенка, рожденнаго черезъ полтора года послѣ смерти мужа; а потому дѣло это въ настоящую пору не принесетъ ей ничего, кромѣ вреда и позора. Если же покончитъ она дѣло миромъ и получитъ законную часть, то это самое будетъ для нея впослѣдствіи свидѣтельствомъ, что ребенокъ изначала признавался законнымъ». Ловкія увѣщанія пословъ возымѣли свою силу: враждующіе рѣшили помириться, подѣлили имущество покойнаго Чжи-цзасакà и выдали сеймовому управленію свидѣтельство, удостовѣрявшее, что начатая тяжба удовлетворена всецѣло. Случилось однако, что черезъ три, четыре года послѣ сего Янчжѝль-хлàма отправилась на богомолье въ Ургу и здѣсь подъ вліяніемъ навѣтовъ китайскихъ чиновниковъ возбудила дѣло снова. Ямуньскіе дѣльцы наговорили ей, что дѣло о цзасàчествѣ ея сына

подлежитъ большому сомнѣнію и если у Эринчѝнъ-цзасакà родится сынъ, то, конечно, этотъ послѣдній будетъ имѣть гораздо больше правъ на владѣніе, чѣмъ рожденный отъ второй жены сынъ Чжи-цзасакà; нужно-де поэтому позаботиться о томъ, чтобы смѣстить Эринчѝнъ-цзасакà теперь же. По такимъ навѣтамъ Янчжѝль-хлàма подала новую просьбу уже амбàнямъ, въ которой писала, что она подавала жалобу въ сеймъ, доискиваясь правильнаго раздѣла имущества своего мужа и признанія правъ на цзасàчество ея сына; что сеймъ посылалъ двухъ чиновниковъ, которые рѣшили дѣло въ ея пользу, но тѣмъ не менѣе, удовлетворивъ ее въ отношеніи раздѣла имущества, ей не выяснили правъ ея сына, несомнѣнность которыхъ удостовѣряется хубилгàномъ Йогāцзари хутухты̀. Такъ какъ вопросъ объ этомъ опущеніи она возбудила немедленно по раздѣлѣ имущества, то настоящій цзасàкъ Эринчѝнъ-дорчжѝ вмѣстѣ съ матерью своею Номӯнъ и своимъ приближеннымъ ламою, при помощи чаръ и заклинаній, умертвили производившихъ слѣдствіе чиновниковъ, которые единственно знали дѣло какъ слѣдуетъ, потому что взяли, при слѣдствіи, письма и бумаги покойнаго Чжи-цзасакà. По такимъ причинамъ Янчжѝль хлàма просила амбàней разслѣдовать это дѣло и опредѣлить права ея сына. Приложивъ къ этой просьбѣ надлежащую взятку, Янчжѝль-хлàма представила все сіе въ запрошломъ году маньчжурскому амбàню Аньдэ. Подкупленный амбàнь, съ цѣлью направить дѣло въ пользу Янчжѝль-хлàмы, началъ свое слѣдствіе не съ разсмотрѣнія правъ ея сына, а со взведеннаго ею обвиненія на Эринчѝнъ-цзасакà и его мать Номӯнъ, якобы они чародѣйствомъ умертвили слѣдователей. Въ прошломъ году амбàнь самъ вызывалъ въ Ургу и цзасакà, и его мать, и приближеннаго ихъ ламу, самъ чинилъ имъ допросъ и пристрастіе его выразилось несказанно. Онъ прямо обвинилъ всѣхъ: цзасакà уже отрѣшилъ отъ управленія и представилъ докладъ въ Пекинъ о совершенномъ разжалованіи его изъ князей; мать его, Номӯнъ, искалѣчилъ въ пыткахъ, а ламу не только искалѣчилъ, а посадилъ еще въ острогъ, гдѣ онъ почти умираетъ въ страданіяхъ. Э-цзасàкъ, возвратившись изъ Урги, сообщилъ все происшедшее хошӯну, взывая о необходимости отправить особыхъ ходатаевъ въ Пекинъ. На предметъ этой поѣздки нынѣшнею зимою было собрано съ хошӯна и занято у китайскихъ банкировъ Да-шэнъкуй всего 6000 ланъ серебра; за всѣмъ тѣмъ изъ Пекина идутъ слухи, что князь будетъ устраненъ отъ должности и что будетъ дальше, совершенно неизвѣстно.

Выслушавъ эту скорбную исторію хошӯна и подаривъ бошкò горсть китайскаго табаку, я въ 5 ч. 55 мин. сѣлъ на свою лошадь и направился догонять свой караванъ. Путь мой лежалъ теперь по совершенно необи-

таемой въ лѣтнюю пору степи, именуемой Хрстѝйнъ талà. Ровная какъ желѣзнодорожное полотно, съ твердымъ, хрящеватымъ, гобійскимъ грунтомъ, эта степь представляла собою какъ будто искусственно приготовленный гипподромъ для бѣга. Проѣхавъ самою быстрою и крупною рысью часъ съ пятью минутами, я ровно въ 7 часовъ подъѣхалъ къ своимъ верблюдамъ, прорысивъ, вѣроятно, верстъ 15, 16. Это было въ урочищѣ Таргӯнъ хэрэ̄, гдѣ повстрѣчались намъ и первыя юрты хошӯнныхъ данниковъ Э-цзасакà. Въ общемъ урочище это заселено довольно обильно, вмѣщая въ себѣ не менѣе 30 юртъ, но жители его крайне бѣдны: скота почти нѣтъ, заработковъ — никакихъ, извозомъ не занимаются во все. За Таргӯнъ хэрэ̄, по дорогѣ, впереди насъ, ясно обозначились гряды покрытыхъ зеленою травкою уваловъ, которыхъ мы достигли въ 7 ч. 50 мин. Мѣстность эта носитъ названіе Хадà ту. Слѣдуя далѣе, мы въ 9 ч. вечера и остановились на ночлегъ среди этихъ уваловъ.

14-е Іюня. Понедѣльникъ.

6 ч. +15°; 9 ч. +15°; 12 ч. +14°; 3 ч. +17°; 6 ч. +17°; 9 ч. +13°.

Выѣхали въ 5 ч. 45 мин. Утро теплое, но небо заволочено тучами. Дорога потянулась чрезвычайно однообразною степью, со множествомъ уваловъ и котловинъ; грунтъ повсюду твердо-песчаный и хрящеватый, растительность чисто гобійская. Съ 7 часовъ пошелъ спорый, частый и крупный дождь и небо такъ покрылось тучами, что дождю не предвидѣлось и конца. Скучно двигаться въ такую погоду: сидишь въ повозкѣ, не высовывая и головы. Въ 7 ч. 20 м. повстрѣчали двѣ телѣги, запряженныхъ быками; на нихъ возвращался въ свое кочевье монголъ, по обѣщанію, отвозившій въ видѣ жертвы два воза аргà ла въ монастырь Йогāцзари-ламы. Урочище это онъ назвалъ намъ Чжирà нъ и объяснилъ, что оно получаетъ свое имя отъ небольшаго ручья Чжирангѝйнъ гӧлъ. Вскорѣ мы и сами увидали этотъ ручей, оказавшійся имѣющимъ не болѣе $1^1/_2$ аршина ширины; тѣмъ не менѣе по берегамъ его кочуетъ много юртъ. Населеніе живетъ исключительно скотоводствомъ, которое однако весьма незначительно, судя потому, что у самаго важнаго мѣстнаго богача всѣ овцы оказались дойными. Въ 8 ч. 15 м. мы подъѣхали Йогāцзари ламà йнъ хӱрэ̄ и должны были остановиться здѣсь, потому что дождь уже такъ усилился, что ѣхать далѣе было рѣшительно не возможно.

Йогāцзари ламà йнъ хӱрэ̄ располагается по южному склону высокаго холма, у подошвы котораго происходитъ слiяніе вышепомянутаго ручья Чжирангѝйнъ гӧла съ рѣчкою Чонӧйнъ-гӧлъ. Монастырь обнесенъ оградою и имѣетъ видъ обще халхаской ламайской обители. Кумирень въ немъ

всего восемь, главнѣйшею же изъ нихъ почитается Чой-ра, гдѣ совершается служеніе и изученіе цанита и гдѣ ученые ламы получаютъ себѣ

Три Главныя кумирни въ хурэ̄ни Йога̄цзару хутухты̀.

степени габчжӯ и ра̀чжамба. Всѣхъ ламъ въ Йога̄цзари лама̀йнъ хӯрэ̄ числится отъ 700 до 800 человѣкъ. Прежде монастырь этотъ считался очень богатымъ, теперь, говорятъ, онъ значительно обѣднѣлъ, чему способствовали усиленные расходы, понесенные имъ сначала по обстоятельству приглашенія новаго хутухты, а засимъ по дѣлу Э-цзасака̀. Самъ хубилга̀нъ Йога̄цзари ламы̀ въ настоящую пору еще молодой человѣкъ, ему считаютъ 20 съ небольшимъ лѣтъ. Возродился онъ сыномъ тусалакчѝ своего хошӯна, т. е. хошӯна Э-цзасака̀. Въ народномъ языкѣ монголовъ, Йога̀цзари-хутухтӯ болѣе извѣстенъ подъ именемъ «Хатагӣйнъ йогӯзаръ-ламы̀», причемъ приставка «хатагӣйнъ» назначается собственно ради показанія мѣстопребыванія хутухты, такъ какъ кочевья его располагаются по рѣкѣ Хатагӣйнъ-го̄лу. На этой рѣкѣ «Хатагӣйнъ-го̄лъ» живетъ три хубилга̀на ламы̀, которые, въ религіозныхъ представленіяхъ монголовъ тѣсно связываются между собою по своему происхожденію (хатагӣйнъ гурбӯнъ лама̀). Это — жительствующій на сѣверѣ, неподалеку отъ хошӯна Хла̀-бэ̀йсэ, Дамдѝнъ-биширэльтӯ лама̀; жительствующій на западѣ, близъ границъ цэцэ̀нъ ха̄новскаго хошӯна, Халцза̀нъ ширэ̄тӯ и наконецъ проживающій на востокѣ, близъ границъ хошӯна цзюнь-ва̀нова, Йогӯцзаръ лама̀. Монастыри этихъ хутӯхтъ располагаются неподалеку одинъ отъ другого: наиболѣе отдаленный хӯрэ̄ Халцза̀нъ-ширэ̄тӯ ламы отстоитъ отъ хурэ̄ня Йога̀цзари на свыше какъ

на семь станцій, а хўрē Дамдѝнъ биширэльтў еще и того ближе. Въ силу своего единенія, хутўхты эти постоянно переѣзжаютъ изъ одного монастыря въ другой, и отправляютъ свои хурàлы въ томъ или другомъ монастырѣ какъ бы нераздѣльно. Геніемъ хранителемъ какъ своимъ собственнымъ такъ и своихъ монастырей они одинаково, почитаютъ докшѝта Хлàмо. Они имѣютъ каждый своихъ шабинàровъ, отъ которыхъ получаютъ свои подати; но управленіе всѣми этими шабинàрами принадлежитъ Йогàцзари хутухтў, какъ старѣйшему и притомъ одному только утвержденному богдохāномъ хутухтѣ, почему ему была выдана и печать на право рѣшенія дѣлъ въ своихъ отòкахъ. Шабинàровъ Йогāцзари-ламы, собственно «дансатàй», т. е. внесенныхъ въ списки, числится 1000 душъ, но въ дѣйствительности число ихъ, говорятъ, значительно превосходитъ сказанное и всѣ они почитаются людьми несравненно болѣе зажиточными, чѣмъ хошўнные податные Э-цзасакà. Въ силу значительной населенности Йогāцзари-ламàйнъ хўрēня и относительнаго богатства его жителей, при монастырѣ этомъ расположилось всего 6 китайскихъ лавокъ. Одна изъ нихъ, подъ фирмою Сань-хэ-юань, вышла изъ Бирў-хотò, 3 лавки долбнъ-нўрскихъ фирмъ, 1 калганская и 1 изъ И-чжоу. Всѣ эти китайцы жалуются на упадокъ своей торговли, за исключеніемъ Бирў-хотòской, которая предпочитается мѣстными монголами по той причинѣ, что товары въ ней постоянно мѣняются и всегда въ ней можно найти не только свѣжіе продукты, но и что либо новенькое. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что фирма Сань-хэ-юань, отправляя свои караваны изъ Бирў-хотò въ Ургу, усвоила себѣ обычай заходить въ Йогāцзари-ламàйнъ хўрē. Въ это время приказчики забираютъ изъ здѣшней лавки все залежавшееся въ Ургу, гдѣ, по ихъ словамъ, всякая залежь легко сбывается какъ при мелочной, такъ и особливо при оптовой продажѣ, вмѣсто же этого лежалаго товара въ здѣшней лавкѣ оставляется новый. Восемь дней тому назадъ Сань-хэ-юань отправили отсюда въ Ургу шедшій изъ Бирў-хотò караванъ въ 30 телѣгъ: они повезли отсюда водку, масло, тростниковый сахаръ и муку. Часа въ два пополудни небо начало прочищаться и дождь прекратился. Мы оставили хўрēнь Йогāцзари-хутухты въ 3 часа, а къ 4-мъ часамъ изъ долины Чонòйнъ гōла поднялись на увалъ и вступили въ громадную степь, Байнъ Ургўнъ, богатую кормовыми травами. Индѣ здѣсь видны были пригорки и котловины, но замѣтно надъ общею равниною здѣсь возвышалась только одна, одиноко стоявшая далеко къ западу отъ дороги, гора Богдò-хāнъ, которую мнѣ называли также и Батў-хāномъ. Этою степью мы ѣхали до 9 часовъ вечера, миновавъ на ней только одинъ выдающійся по своей величинѣ хўтўль, именуемый Байнъ-дулāнъ. Далѣе въ этой же степи мы остано-

вились и для ночлега, неподалеку отъ громàднаго стана Бāриней, двигавшихся въ Ургу, на поклоненіе хутухтѣ.

15-е Іюня. Вторникъ.

6 ч. +14°; 9 ч. +15°.

Всю ночь и съ утра дуетъ страшный ЮЗ вѣтеръ. Выѣхали въ 5 ч. 55 мин. Въ 6 ч. 15 м. спустились въ долину р. Чжиргалантў, густо и обильно поросшую кормовыми травами. Рѣчка Чжиргалантў не болѣе 1 сажени въ ширину, а глубиною едва достигаетъ 4-хъ вершковъ, тѣмъ не менѣе мы повстрѣчали на ней массу водяной птицы, гусей, утокъ и особливо турпановъ. Отсюда началась снова громадная степь, Байнъ-талà, тянущаяся въ направленіи къ СВ. и далѣе принимающая названіе Гашўнъгòби. Въ общемъ она довольно богата своею растительностью, но чрезвычайно мало заселена. Въ 9 ч. мы проѣхали урочище Улāнъ хонхòръ, которое также оказалось совершенно пустыннымъ. Далѣе по дорогѣ намъ только въ 10 ч. попались три юрты при колодцѣ, называемомъ Байнъ-дулāнъ бўлўкъ. Здѣсь находятся границы трехъ кочевьевъ: къ Ю. и ЮВ. Э-цзасакà, къ В. Дàйчинъ гўна, а къ С и СЗ Гàнданъ-цзасакà, по землямъ котораго намъ предстояло теперь ѣхать. Первыми представителями этого хошўна оказались для насъ, конечно, мѣстные цакдā, въ количествѣ двухъ семей, кочующихъ при колодцѣ Арў (цзамы̀инъ) хашāту. Мы достигли этого мѣста въ 11 ч. 15 мин. и остановились здѣсь для полдника, такъ какъ въ бесѣдахъ со здѣшними чиновниками я думалъ получить болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о хошўнѣ. Любопытство мое на этотъ разъ было удовлетворено однако очень мало. Хошўнъ Гàнданъ-цзасакà, иначе называемаго Ахàй-цзасакòмъ, заключаетъ въ себѣ $2^1/_2$ сумўна; но латниковъ изъ него берется не свыше 80 человѣкъ, такъ какъ хошўнъ совершенно разоренъ, по обилію на немъ долговъ. Важнѣйшія долговыя обязательства принадлежатъ фирмѣ Да-шэнъ-куй, да помимо того имѣются еще долги пекинскимъ и ургинскимъ банкирамъ. Общая сумма процентовъ по этимъ долговымъ обязательствамъ исчислена въ нынѣшнемъ году 5000-ми ланъ серебра и, по раскладкѣ на каждую юрту, приходится платить нѣсколько больше 13 ланъ, или около 27 нашихъ серебр. рублей однихъ %. Въ виду несравненно крупнѣйшаго и настоятельнѣйшаго налога на удовлетвореніе текущихъ нуждъ, платить этихъ % хошўнъ совершенно не въ состояніи и это тѣмъ больше, что фирма Да-шэнъ-куй не беретъ здѣсь скота. Ссылаясь на то, что прогонять скотъ въ Хўхў-хотò для фирмы очень трудно, банкиры заявили, что въ хошўнѣ Гàнданъ-цзасакà они будутъ принимать только серебро, да еще шкуры лисьи и волчьи, считая первую за 1 ланъ, а вторую за 1 ланъ и 2 цина серебра. Въ началѣ весны хошўнъ, предвидя

свое бѣдственное положеніе въ настоящемъ году, извѣстилъ улясутайскую контору Да-шэнъ-куй, чтобы она не трудилась посылать сюда своихъ сборщиковъ процентовъ и что хошунъ самъ соберетъ что только возможно и доставитъ эти деньги въ Ургу. Да-шэнъ-куй'евцы изъявили на это свое согласіе.

Съ мѣста своей стоянки мы поднялись въ 2 ч. 55 мин. и продолжали путь тою же мало-обитаемой степью. Въ 4 ч. 10 мин. миновали довольно значительный колодецъ Цаганъ-дэрэсу. Въ 5 ч. 40 м. за небольшимъ уваломъ намъ предстала новая, громадная степь Ургунъ. Имѣя общее поднятіе къ ССВ, она, казалось, сливалась въ эту сторону съ горизонтомъ и уходила за него. Въ направленіи нашей дороги она протягивалась не болѣе какъ версты на 4, а далѣе слѣдовалъ уже новый увалъ. Вообще видѣнная нами за весь нынѣшній день степь представляетъ собою какъ бы волны великаго моря. Цѣлый день, еле перемѣжаясь, идетъ дождикъ; вечеромъ онъ усилился и мы остановились на ночлегъ въ 8 часовъ именно отъ дождя.

16-е Іюня. Среда.

6 ч. +14°; 9 ч. +16°; 12 ч. +19°; 3 ч. +23°; 6 ч. +18°; 9 ч. +13°.

Дождь прекратился часовъ съ 2-хъ ночи и къ утру все было сухо, хотя въ воздухѣ чувствовалась прохлада. Выѣхали въ 6 ч. 10 мин. утра и черезъ 40 мин. перевалили холмы Доннуръ-шара-шорбту. За ними послѣдовала такая же степь, повидимому, не имѣющая для себя и общаго названія, а различаемая лишь по урочищамъ, которыя притомъ, за отсутствіемъ населенія, отмѣчаются весьма слабо. Въ 8 ч. 40 мин. достигли колодца Унэтэ, отъ котораго и вся окрестная мѣстность получаетъ то же названіе вплоть до холмовъ, пересѣкающихъ эту долину на все видимое пространство и именуемыхъ Цаганъ-дэль. Поднявшись на нихъ, мы увидали передъ собою долину, испещренную отдѣльными холмами и пригорками, которые нѣсколько далѣе на сѣв-востокъ какъ бы сливаются вмѣстѣ, и, образовавъ собою увалы, версты по три, четыре длиною, начинаютъ окружать эту долину со всѣхъ сторонъ. Урочище это, похожее на большое, обнесенное земляным валомъ городище, носитъ названіе Энгирь-хашату. Такъ какъ мы вступили въ него въ 10 ч. 40 м., а оставили его за собою въ 11 ч. 20 м., то протяженіе его нужно положить версты на три съ небольшимъ. Выступивъ изъ него, мы очутились въ урочищѣ Гурбунъ-худукъ, при которомъ мѣстные монголы кочуютъ, говорятъ, только позднею осенью. Нѣсколько далѣе отсюда за небольшимъ уваломъ тянется къ сѣверу широкая и длинная ложбина, именуемая Байнъ-голомъ. Въ ней мы

остановились для полдника въ 12 ч. 5 мин., не видавъ съ утра ни одного человѣка.

Двинулись въ 3 ч. 15 м. и первоначально продолжали путь ложбиною Байнъ-гòла, которая въ 4 ч. образовала изъ себя широкую долину Манхатȕ, отъ имени холмовъ, находящихся на западномъ концѣ этой долины. За холмами Манхатȕ, послѣдовала новая долина Тухȕмъ, которая на западѣ и сѣв-западѣ запирается увалами Тухумы̀йнъ шилѝ. Мы миновали ихъ въ 7 ч. вечера и спустились съ нихъ въ равнину урочища Йэхэ-шàнду гдѣ повстрѣчали довольно густыя кочевья монголовъ. Всего было здѣсь расположенными по одиночкѣ около 25 юртъ. Отсюда, переваливъ невысокіе холмы, мы вступили въ Байнъ мȕнкэ̀ гòби, въ которой въ 8 ч. 30 м. и остановились для ночлега, удалившись отъ предшествовавшихъ монгольскихъ кочевьевъ, такъ какъ про мѣстныхъ жителей идетъ не особенно то лестная слава — завзятыхъ воришекъ. Впрочемъ это удаленіе не спасло насъ, какъ говорилъ мой Ив. Ѳедоровичъ, «отъ нашествія иноплеменныхъ». Мы еще не успѣли сварить своего чая, какъ къ намъ прискакалъ монголъ изъ тѣхъ же воровскихъ àилей. Онъ привѣтствовалъ насъ очень развязно и засимъ объявилъ, что онъ только что возвратился почти отъ береговъ Орхòна; изъ хошȳна Со гȳна тȳшэ̄ту хāновскаго àймака, куда ѣздилъ на свиданіе съ своими родственниками по матери. Онъ разказывалъ намъ много о своей поѣздкѣ, говорилъ о сравнительномъ обѣднѣніи хошȳна Со гȳна, о недостаткахъ его правителей, о своемъ посѣщеніи Урги, черезъ которую онъ долженъ былъ проѣзжать и проч., и проч. Всѣ эти разказы, имѣвшіе чисто частный характеръ, не представляли для меня особеннаго интереса, но мнѣ захотѣлось выяснить вопросъ, какимъ образомъ мать Намсарàя (такъ звали этого монгола) была взята его отцемъ изъ такого отдаленнаго хошȳна и я попросилъ его разъяснить мнѣ это обстоятельство. Въ отвѣтъ на это Намсарай не только удовлетворилъ мое любопытство, но и возбудилъ у меня еще новые вопросы своимъ восклицаніемъ: «да, если бы не мать, такъ и мнѣ бы числиться въ со-гȳновскомъ хошȳнѣ!» Дѣло въ томъ, что отецъ этого Намсарàя, Гунгурвà, еще въ пору своей молодости былъ откомандированъ для отбыванія натуральныхъ повинностей на ургинско-улясутàйскій малый почтовый трактъ. Состоя подводчикомъ на одной изъ станцій со-гȳновскаго хошȳна, онъ сошелся тамъ съ Янчжигà, дочерью одного простого монгола и результатомъ этой связи было появленіе на свѣтъ моего собесѣдника, Намсарàя. Гунгурвà прожилъ на своей станціи два срока, т. е. шесть лѣтъ и засимъ смѣнился съ очереди. Но, возвратившись домой, онъ не могъ забыть своей возлюбленной Янчжигà, а потому на слѣдующее лѣто отправился опять въ хошȳнъ

Со-гӯна, посватался за нее, уплатилъ калымъ и женился. Новобрачные уже собрались въ далекій путь, какъ вдругъ тогдашній мѣстный цзасакъ, Максӯръ-чжабъ, свободно отпускавшій, конечно, изъ своего хошӯна Янчжигӯ, заявилъ, что маленькій Намсарай, которому въ ту пору еле минуло четыре года, долженъ оставаться въ его хошӯнѣ и быть его податнымъ, такъ какъ онъ родился въ его хошӯнѣ и отъ его податной монголки. Родители ни за что не хотѣли разстаться съ сыномъ и возбудившееся такимъ образомъ дѣло должно было, по жалобѣ Янчжига на своего князя, рѣшаться уже въ сеймовомъ управленіи. На произведенномъ допросѣ Янчжига публично засвидѣтельствовала, что ея незаконнорожденный сынъ прижитъ ею отъ Гунгурвы, а потому долженъ почитаться его сыномъ и, основываясь на такомъ показаніи, сеймъ приговорилъ перечислить маленькаго Намсарая въ аймакъ Сэцэнъ-хана, по мѣстонахожденію его родителя. — «Ну, а если бы твоя мать не сказала, что твой отецъ — Гунгурва, или даже не знала этого», спросилъ я, «какъ же тогда рѣшилось бы это дѣло и чьимъ податнымъ ты бы числился?» — «Богъ знаетъ», отвѣчалъ Намсарай, «по нашему порядку, ребенокъ, а особливо мальчикъ, принадлежитъ отцу, а не матери: съ кѣмъ сошлась его мать, отъ кого забеременѣла, — того и ребенокъ, тому и принадлежитъ онъ хошӯну, въ которомъ числится его отецъ. Въ Ургѣ есть теперь шибаганца Бӯдэтъ, у которой было восемь человѣкъ дѣтей, всѣхъ ихъ поразобрали отцы и всѣ они числятся по разнымъ хошӯнамъ». — Я отъ души пожалѣлъ, что только теперь узналъ этотъ монгольскій обычай и въ періодъ своего путешествія не могъ прослѣдить за его значеніемъ и степенью распространенія въ жизни монголовъ.

17-е Іюня. Четвергъ.

6 ч. +13°; 9 ч. +18°; 12 ч. +23°; 3 ч. +27°; 6 ч. +22°.

Выѣхали въ 5 ч. 30 м. и продолжали путь по Байнъ-мӯнхэ гоби. Въ 7 ч. 30 м. достигли стоящей посреди ея совершеннымъ особнякомъ, продолговатой съ запада на востокъ, горы Байнъ-мӯнхэ ӯла, иначе называемой Дарханъ-ханъ. Гора эта ежегодно чествуется всѣмъ хошӯномъ Ганданъ-цзасака 20-го числа 5-й луны. Къ западу отъ нея лежитъ озерко, также продолговатое отъ З. къ В и имѣющее не болѣе двухъ верстъ въ окружности. Вода въ немъ солоноватая. Въ 8 ч. 45 м. Байнъ-мунхэ гоби для насъ окончилась и мы начали подниматься на увалъ Мухӯръ, ограничивающій ее съ западной и сѣв.-зап. сторонъ. За этимъ увалomъ мы въ 9 ч. вступили въ урочище, носящее тоже названіе Мухӯръ, гдѣ нашли 4 юрты шабинаровъ Чжэбцзӯнъ-дамба хутухты и это было для насъ первою вѣстью приближенія къ Ургѣ, хотя до нея оставалось еще не менѣе какъ

верстъ 400. Отсюда дорога наша потянулась по степи съ легкими увалами вплоть до слѣдующаго колодца Борò-сòкъ съ чрезвычайно мутною, вонючею и солоноватою водою, тѣмъ не менѣе, такъ какъ часы показывали уже 12 ч. 30 м., мы должны были остановиться здѣсь для полдника.

Снялись съ мѣста въ 3 ч. 50 мин. и продолжали путь тою же степью. Въ 5 ч. 20 мин. повстрѣчали колодецъ Гӳнъ-худӳкъ, вода коего была чиста и прохладна, спустившись же въ самую глубину его кòпани, мы снова нашли здѣсь не растаявшій еще съ зимняго времени ледъ. Отсюда, переваливъ пологій и длинный увалъ, мы въ 6 ч. 30 м. вступили въ степь Дарчиктыйнъ талà, по которой ѣхали до 8 ч. 5 м. вечера, когда взобравшись на новый увалъ, спустились съ него въ котловину Шабàръ-чжиргалантӳ. Здѣсь произошло раздѣленіе нашей дороги, одна колея которой направилась къ сѣверу. Говорятъ, что далѣе къ западу эта колея опять соединяется съ нашей дорогой и что она представляетъ собою не болѣе, какъ объѣздъ той котловины, по которой намъ предстояло ѣхать. Въ весеннюю пору таянія снѣговъ и въ осенніе дожди этотъ объѣздъ, кажется, дѣйствительно необходимъ. Посреди котловины Шабàръ-чжиргалантӳ, залегаетъ глубокая впадина гуджѝрной почвы, въ центрѣ которой находится небольшое соленое озерко. Вся эта впадина,—шириною около 2-хъ верстъ, и въ нее стекаетъ вода рѣшительно со всей окрестности; поэтому то даже въ лѣтнюю, сухую пору здѣсь залегаетъ топкая грязь, изъ которой сопровождавшіе меня монголы, презрѣвшіе объѣздную дорогу, едва могли вытащить теперь мою пустую телѣгу. Съ запада въ эту котловину втекаетъ и струится по ней ручеекъ Чжиргалантӳ, впадающій въ помянутое озерко. Ширина всего ручейка не достигаетъ и 1 аршина, а глубина—2-хъ вершковъ, тѣмъ не менѣе по берегамъ его на далекое пространство тянутся топкія мѣста, поросшія густымъ камышемъ. Остановились на ночлегъ, выбравшись изъ этой сырой котловины въ 9 ч. 25 мин. вечера.

18-е Іюня. Пятница.

6 ч. +14°; 9 ч. +29°; 12 ч. +25°; 3 ч. +29°; 6 ч. +26°; 9 ч. +18°.

Выѣхали въ 5 ч. 30 м. и продолжали путь по такой же однообразной степи, постоянно пересѣкаемой увалами и совершенно пустынной, въ смыслѣ отсутствія здѣсь человѣческихъ жилищъ. Это однообразіе, наконецъ, удручаетъ: все время поднимаешься съ увала на увалъ и видишь передъ собою одну и ту же степь, съ твердопесчанымъ грунтомъ желтоватаго цвѣта, усѣянную розсыпями мельчайшихъ камней и, правда, поросшую довольно густою травою. Взглянувъ на свои дневники, я увидалъ, что уже четвертый день мнѣ приходится писать почти одно и тоже и невольно

стѣснилось у меня сердце за своихъ будущихъ читателей. Какой интересъ могутъ представить для нихъ эти страницы? Взглянувъ однако на карту проходимыхъ теперь мною пространствъ, я увидѣлъ, что на всемъ протяженіи отъ Хрстійнъ гòби и до Хэрӯлэ̀на, т. е. на разстояніи приблизительно 400 верстъ, у насъ здѣсь буквально tabula rasa, — бѣлое поле бумаги, по которому нельзя уже ровно ничего сказать объ этихъ мѣстахъ. Теперь мы знаемъ, что мѣста эти удобопроѣзжаемы даже въ телѣгѣ, что повсюду здѣсь встрѣчаются въ изобиліи вода и трава, дающія возможность двигаться даже торговымъ каравanамъ. Въ 11 ч. 30 м. мы подъѣхали къ колодцу, находящемуся при горѣ Балимы̀йнъ ӯла. Воды въ немъ было много, но она оказалась протухлою, зацвѣтшею и совершенно негодною для питья; очевидно, давно уже не черпала изъ этого колодца воды человѣческая рука, а вокругъ его не только не было жилищъ, а даже и признаковъ стойбища юрты. Продолжая отсюда путь, мы вступили въ большую равнину, на которой находилось небольшое горькосоленое озерко; наши животныя могли однако утолить въ немъ свою жажду. Озерко это называется Хӯдӧ̄ нӯръ, а отъ него и вся равнина носитъ названіе Хӯдӧ̄нӯрыйнъ тала̀. Мы миновали ее къ 1 часу дня и засимъ, переваливъ нѣсколько увaловъ и проѣхавъ небольшія долинки, въ 2 ч. 30 м. начали подниматься на перевалъ Мононхòйнъ-даба̄. Здѣсь полагается граница хошӯновъ съ одной стороны Гàнданъ-цзасакà, а съ другой — Далàй бэ̀йсэ Цэцэ̀нъ-ха̄новскаго àймака. Время нашей обычной остановки для полдника давно наступило, но какъ мы уже три дня не имѣли у себя мяса, и питались только кашей, то намъ хотѣлось добраться до юртъ, гдѣ, можетъ быть, продали бы намъ барана. Итакъ, спустившись съ Мононхòйнъ даба̄ мы опять начали пересѣкать увалы и долинки; пересѣкли ихъ по три тѣхъ и другихъ и, наконецъ, къ 4-мъ часамъ, вступили въ котловину, именуемую Юньшумбӯйнъ-цага̄нъ-нӯръ, отъ имени находящаго здѣсь соляного озера, величиною не болѣе одной версты въ окружности. Въ долинѣ этого озера мы повстрѣчали сегодня первыя юрты, въ количествѣ 5. Воду они получаютъ изъ колодцевъ, которыхъ здѣсь два. Продать намъ хотя бы одного барана они, по бѣдности, отказались, такъ какъ всѣ овцы у нихъ были съ ягнятами и дойныя. Не смотря на полученный отказъ въ пріобрѣтеніи мяса, приходилось остановиться здѣсь, чтобы дать вздохнуть верблюдамъ, бывшимъ уже 11 часовъ въ непрерывномъ движеніи. Простоявъ съ 4 ч. 20 м. до 7 ч. 25 м., мы двинулись далѣе и, переваливъ еще три увала, достигли широкой котловины Гайхамшы̀къ, въ которой остановились для ночлега въ 10 час. вечера.

19-е Іюня. Суббота.

6 ч. +14°; 9 ч. +17°; 12 ч. +24°; 3 ч. +22°; 6 ч. +19°; 9 ч. +15½°.

Ночью и съ утра дуетъ страшный вѣтеръ, по преимуществу съ востока, но вмѣстѣ съ симъ онъ постоянно мѣняетъ свое направленіе. Выѣхали въ 5 ч. 30 м., продолжая путь по увaламъ. Въ 7 ч. 35 м. прибыли въ обширную долину, которая въ восточной своей части носитъ названіе Хучжиртӯ. Вся она заселена весьма значительно и въ различныхъ мѣстахъ ея виднѣлось до десяти отдѣльныхъ стойбищъ. На западномъ концѣ своемъ, котораго мы достигли въ 10 ч. 25 мин., таже долина носитъ названіе Хӯндӯлэнъ-бӯлӯкъ, отъ имени текущаго здѣсь незначительнаго источника. Въ 10 ч. 35 м., поднявшись на увалъ, мы усмотрѣли верстахъ въ 2-хъ къ сѣверу отъ дороги значительную кумирню, именуемую Ундӯръ-Майдари. Она построена по плану Ургинскаго Майдари и расположена при ключѣ Шинэ бӯлӯкъ. Встрѣтившіеся намъ монголы сообщили, что въ казначействѣ этой кумирни мы удобнѣе всего можемъ купить для себя барана и я командировалъ туда съ этою цѣлью одного изъ сопровождавшихъ меня монголовъ. Сами мы продолжали свой путь степью и въ 12 ч. достигли урочища Чӯчитыйнъ-хобӯръ. Здѣсь догналъ насъ посланный монголъ, везя на верблюдѣ прекраснаго, трехлѣтняго барана, пріобрѣтеннаго имъ за 1½ ланы (около 3 р. с.) серебра. Послѣ пятидневной голодовки это былъ для насъ истинный праздникъ, почему мы тотчасъ же направились къ колодцу Чӯчитыйнъ-хобӯръ, хотя для этого пришлось свернуть въ сторону, такъ какъ колодецъ находился minimum на версту къ югу отъ дороги. Пополудневавъ, мы въ 3 ч. 25 м. двинулись тою же степью. Въ 4 ч. 50 м. миновали лежащую къ сѣв. отъ дороги гору Дэльгэръ обо, а въ 5 ч. 25 м. достигли урочища Арӯ худӯкъ. Оно залегаетъ въ весьма замѣтно углубленной котловинѣ и вмѣщаетъ въ себѣ небольшое озерко Мӯрыйнъ нӯръ и множество лужъ; обиліе влаги и травъ служитъ, вѣроятно основною причиною того, что и заселено это урочище, по словамъ монголовъ, всегда бываетъ изрядно, а въ настоящую пору я насчиталъ здѣсь 14 юртъ. Массы скота паслись на здѣшнихъ привольныхъ пастьбищахъ. Въ 6 ч. 30 м. эта прекрасная долина закончилась для насъ невысокимъ но плотнымъ кряжемъ горъ, съ 6 выдающимися вершинами, а потому и называемыхъ Цзургāнъ ӯла. Лавируя среди этихъ горъ, мы въ 7 ч. 40 м. встрѣтили колодецъ Адагыйнъ усӯ, съ хорошею и чистою водою, а черезъ часъ миновали въ тѣхъ же горахъ подрядъ три колодца, носящихъ названіе Мэндӯсāйханъ. Къ СЗ отсюда видна высокая гора Мӯнкэ-хāнъ. Въ 9 ч. 10 м. выступивъ изъ горъ, остановились на ночлегъ близъ колодца Цзӯнъ-худӯкъ.

20-е Іюня. Воскресенье.

6 ч. +13°; 9 ч. +15°; 12 ч. +20°; 3 ч. +22°; 6 ч. +15°; 9 ч. +11°.

Выѣхали въ 5 ч. 30 м. и продолжали дальнѣйшій путь по такъ называемой Цэ̄лійнъ гòби. Съ наименованіемъ «гòби» мы привыкли соединять понятіе о песчаной, или каменистой, безплодной пустынѣ; здѣсь, напротивъ, передъ нами залегали роскошныя пространства, скорѣе похожія на хорошіе луга, чѣмъ на безплодную пустыню. Неоднократно интересовавшійся вопросомъ, что-же такое гòби, я теперь предложилъ его сопровождавшимъ меня монголамъ. Конечно, они не могли дать мнѣ на это точнаго опредѣленія, но, по объясненіямъ ихъ, выходило, что это мѣста, прежде всего имѣющія абсолютно низшую высоту, главнѣйшую же особенность ихъ составляетъ почва. Въ общемъ она всегда должна быть песчано-каменистою: каменистость ея можетъ выражаться залежью пластовъ, равно какъ можетъ представляться и въ видѣ гальки; но песокъ и камень необходимыя условія гòби. Гòби не всегда представляется безплодной и безплодіе не есть характеристичная примѣта гòби. Есть мѣста, гдѣ почву гòби составляетъ, повидимому, «шорòй» (прахъ, черноземъ), и такія мѣста всегда являются покрытыми травою; но если копнуть тамъ на три, четыре цўня (4,5 вершковъ), то окажутся тѣже песокъ и галька. Ясно, что подъ именемъ гòби монголы разумѣютъ всѣ тѣ мѣста, которыя въ нашей наукѣ будутъ признаны дномъ покрывавшаго прежде Монголію моря. Дорога наша проходила сначала широкою падью, среди приземистыхъ горокъ, или лучше сказать холмовъ, а потомъ привольною степью. Травы здѣсь превосходныя; но населеніе не особенно большое, всего 4,5 юртъ. Степь имѣетъ общій наклонъ къ сѣверу. На западномъ концѣ ея залегаетъ узкое и продолговатое съ востока на западъ озеро, Цэ̄лійнъ нўръ. Мы достигли до него въ 8 ч. 30 м. и слѣдовали по сѣверному берегу его 10 мин. Отъ него начался подъемъ на три довольно большіе увала, приводящіе въ долину ключа Арў-бўлўкъ; въ 11 ч. 45 м. мы остановились для полдника.

Выѣхали въ 3 ч. 20 м. и, продолжая путь, начали подниматься на казавшуюся столообразною возвышенность, Зā̄нъ-ширэ̄. Возвышенность эта, круто поднимающаяся со стороны востоко-юго-восточной, къ сѣв.-западу опускается почти незамѣтно, представляя собою громадную, постепенно понижающуюся въ эту сторону степь. Двигаясь по ней, мы въ 5 ч. попали подъ страшный дождь съ грозою, который продолжался до 7 час. вечера. Въ 7 ч. 20 м. миновали урочище, именуемое Гашўнъ-гōл'омъ, хотя рѣчки здѣсь нѣтъ, а есть только сухое русло, обильно поросшее камышемъ. За нимъ въ 8 ч. послѣдовало урочище Бадархòй, изъ котораго

въ 8 ч. 30 м. перебрались въ долину Чжиргалантў, усѣянную мелкими озерами, окаймленными зарослями камыша. Здѣсь проходятъ границы хошўновъ Далàй-бэйсэ, Цэцэнъ-гўна и Цэцэнъ-хāна. Въ долинѣ этой въ 9 час. 20 мин. мы остановились для ночлега. Ночь была холодная и сырая.

21-е Іюня. Понедѣльникъ.

6 ч. +9°; 9 ч. +12°; 12 ч. +17°; 6 ч. +15°; 9 ч. +13°.

Выѣхали въ 5 ч. 15 мин. Дорога наша проходитъ тою же долиною Чжиргалантў, только озеръ въ зап. части этой долины, т. е. со вступленіемъ въ хошўнъ Цэцэнъ-хāна, уже не видно. У мѣстныхъ монголовъ это даже и примѣта: «Усутàй гацàръ — Цэцэнъ гўнэйхи, хўрай гацàръ — Цэцэнъ-хāнайхи», т. е. водяныя мѣста — цэцэнъ-гуновскія, сухія — цэцэнъ-хāновскія. Отсюда дорога направляется все перевалами, изъ среды которыхъ сравнительно выдающимися являются Буянтў ўла, пройденный нами въ 8 ч. 35 мин. и Таргўнъ-хашāту, пройденный въ 10 ч. 30 м. За нимъ послѣдовалъ новый и послѣдній передъ долиною Хэрўлўна перевалъ, очень длинный, на которомъ мы и останавливались для полдника съ 12-ти до 3 ч. 40 м. дня. Далѣе, продолжая путь по тому же перевалу, мы должны были сдѣлать одинъ незначительный подъемъ, такъ какъ перевалъ этотъ спускается къ Хэрўлўну двумя уступами и наконецъ въ 5 ч. 15 м. выѣхали на Хэрўлўнъ. Долина его отъ горъ до праваго̀ берега рѣки тянется верстъ на 8; она ровна и обильно поросла травою. Протекая въ берегахъ очень низкихъ, Хэрўлўнъ видѣнъ первоначально отъ горъ лишь въ мѣстахъ наиболѣе открытыхъ, и воды его, будучи заслоняемы каждымъ увальчикомъ, кажутся какъ бы отдѣльными блестками. Только проѣхавъ до урочища Утхўнъ дэрэсў, мы могли слѣдить ленту теченія Хэрўлўна на все видимое пространство. Рѣка оказалась въ полномъ разливѣ и глубина ея была теперь болѣе сажени. Когда въ 7 ч. 40 м. мы подъѣхали къ берегамъ ея, какъ разъ противъ ставки Цэцэнъ-хāна, то увидали, что верховые монголы переправлялись черезъ рѣку вплавь; но на это рѣшались лишь имѣющіе крѣпкихъ и здоровыхъ лошадей, способныхъ побороть силу теченія; поѣзжане, имѣвшіе слабыхъ лошадей, быковъ и верблюдовъ, сидѣли на берегу и ждали спада воды. Между прочими мы повстрѣчали здѣсь семью монгола, пріѣхавшаго на поклоненіе въ хāнскую хўрē и жившую на берегу уже 12 сутокъ. Сколько придется простоять еще, никто изъ нихъ не зналъ, и о возвращеніи домой никто и не думалъ, хотя до кочевья ихъ было не свыше 50 верстъ. Средствъ для переправы, вродѣ лодокъ или паромовъ, не было никакихъ, поэтому о возможности нашей переправы съ телѣгою и верблюдами нечего было и думать. При такихъ обстоятельствахъ мы

рѣшили, переночевавъ здѣсь, двинуться завтра къ югу, по кружной дорогѣ, въ объѣздъ Хэрӯлӯна.

Ставка Цэцэ̀нъ-хāна стоитъ на лѣвомъ, довольно круто возвышающемся берегу Хэрӯлӯна, въ разстояніи версты, или даже нѣсколько менѣе отъ обычнаго рѣчного русла. Состоитъ она изъ двухъ отдѣленій: въ южномъ — располагается дворецъ Цэцэ̀нъ-хāна съ прилежащими къ нему дворцовыми постройками, личной его кумирнею и зданія цэцэ̀нъ-хāновскаго хошӯннаго управленія; въ сѣверномъ помѣщается хошӯнная хӯрē (монастырь) цэцэ̀нъ-хāна. Хāнскій дворецъ представляетъ собою обычный китайскій бà̀йшинъ, за кирпичной оградой розоваго цвѣта, а состоящія при немъ служебныя постройки, равно какъ и зданія хошӯннаго управленія, всего въ количествѣ шести, являются бѣдными глинобитными лачужками. Что касается до хошӯнной хӯрē, то она весьма значительна и заключаетъ въ себѣ 4 большихъ кумирни тибетской архитектуры и до 200 хашāновъ проживающихъ при хӯрē хувараковъ. Дѣленія хувараковъ на àймаки, понимаемые въ смыслѣ административной единицы, въ хӯрēни Цэцэ̀нъ-хāна, говорятъ, не существуетъ вовсе и мѣстные ламы раздѣляются здѣсь по дацà̀намъ, или школамъ, яснѣе, по спеціальности своего изученія. Наиболѣе многочисленными считаются дацà̀ны чӧй-ра (богословскій), мàн-ба (медицинскій), цзурхà̀й (астрологическій) и чжудъ (тарнистическій). По общему признанію ламы цэцэ̀нъ-хāновскаго хӯрēня отличаются большою ученостью. Общее управленіе монастыремъ ввѣрено здѣсь цорчжѝ и дā-ламамъ, избираемымъ общиною монаховъ и утверждаемымъ самимъ цэцэ̀нъ-хāномъ. Собственныхъ гэгэ̀новъ или хубилгà̀новъ въ монастырѣ цэцэ̀нъ-хāна не имѣется; но недавно сюда прибылъ изъ Гумбӯма такъ называемый Чжаѝкъ гэгэ̀нъ; это молодой еще человѣкъ, лѣтъ 20-ти. Онъ поселился въ хӯрēнѣ, но останется ли здѣсь на всегда, или сколько проживетъ здѣсь и когда возвратится, объ этомъ никому не извѣстно. Оградою хӯрē не обнесена и границы хӯрēньскихъ пространствъ опредѣляются въ ней только постановкою по четыремъ угламъ четырехъ бѣлыхъ субургà̀новъ; кромѣ того три такихъ же бѣлыхъ субургà̀на воздвигнуты на сѣверной, главной сторонѣ кумирни. Всѣхъ ламъ, постоянно проживающихъ при хӯрēнѣ считается до 2000 человѣкъ. Къ сѣверу отъ хӯрēня возвышаются двѣ горы, Йэхэ̀ и Багà̀ Тогò̀съ-хāнъ ӯла, которыя служатъ мѣстомъ погребенія цэцэ̀нъ-хāновской семьи. Здѣсь среди горъ раздѣлана большая площадь, средина которой занята обширнымъ подворьемъ. Подворье обнесено высокою каменною оградою, а внутри его построена громадная усыпальница, въ видѣ каменнаго бà̀йшина, на подобіе кумирни. Внутренность бà̀йшина не заключаетъ въ себѣ ничего помимо бурхà̀новъ и стоящаго передъ ними жертвенника, а подъ

поломъ, выстланнымъ каменными плитами, покоятся останки почившихъ цэцэ̀нъ-хāновъ. Такъ какъ, при погребеніи этихъ особъ, въ могилу ихъ закладывается много золота, серебра и другихъ драгоцѣнностей, то непосредственно при усыпальницѣ постоянно стоятъ на стражѣ четыре семьи монголовъ, высылаемыхъ хошӯномъ; на обязанности ихъ лежитъ не допускать рѣшительно никого въ средину усыпальницы и туда дѣйствительно никто не входитъ. Сами цэцэ̀нъ-хāны посѣщаютъ эту усыпальницу только въ день новаго года и приносятъ здѣсь жертвы и поклоненія передъ каменною пàйцзэ, на которой начертаны имена погребенныхъ и которая установлена при дверяхъ усыпальницы. Впрочемъ вышеуказанной охраны, по мнѣнію мѣстнаго начальства, оказывается еще мало, отчего и самыя горы, Тогòсъ-хāнъ-ӯла, также являются, какъ говорятъ монголы, «цакдāтай», т. е. по 4-мъ сторонамъ ихъ проживаютъ стражники, особливо назначаемые хошӯномъ, чтобы сторожить гробницы цэцэ̀нъ-хāновъ. Помимо означенныхъ построекъ при цэцэ̀нъ-хāновской ставкѣ постоянно располагаются четыре лавки китайскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Урги и Калгана. Сообщеніе съ обоими этими городами довольно большое, почему здѣсь, говорятъ, можно всегда найти довольно хорошіе товары, конечно, на монгольскую руку. Хлѣбъ привозится главнымъ образомъ изъ Урги и Бирӯ-хотò. Главная торговля ведется въ обмѣнъ на скотъ.

22-е Іюня. Вторникъ.

6 ч. + 12°; 9. ч. + 16°; 12 ч. + 19°; 3 ч. + 27°; 6 ч. + 24°; 9 ч. + 15°.

Выѣхали въ 7 часовъ и направили свой путь кружною дорогой, въ обходъ р. Хэрӯлӯна. Дорога проходитъ верстахъ въ 3-хъ отъ берега рѣки. Окрестная почва твердопесчаная и травы повсюду отмѣнно хороши; по сторонамъ дороги видно много юртъ и большое обиліе скота. Въ 9 ч. 5 мин. проѣхали мимо стоящей на лѣвомъ же берегу кумирни, Хурцà ламàйнъ сӯмэ̀. Монастырь небольшой, но въ немъ имѣется одинъ прекрасный и обширный дацàнъ тибетской архитектуры. Въ 10 ч. 15 м. мы доѣхали до мѣста, гдѣ прибрежная степь пересѣкается глинистымъ обрывомъ; урочище это называется Улāнъ-эргѝ и находится противъ горы Улāнъ-эрхэтӯ, выдающейся своею величиною. Отсюда населеніе становится гораздо разрѣженнѣе, но скота пасется, по старому, много. Въ 12 ч. дня, по обычаю, остановились для полдника и въ 3 ч. 10 мин. двинулись въ дальнѣйшій путь. Въ 4 ч. 50 м. забрали съ собою воды изъ прекрасно обдѣланнаго колодца, Арӯйнъ худӯкъ. Рѣка здѣсь, повидимому, уклоняется довольно далеко на западъ и все мѣстное населеніе достаетъ себѣ воду изъ колодцевъ. Въ 6 ч. доѣхали до долины Хая̄-хӯндӯйнъ-талà, въ сѣв.-восточной

части которой раскинулось множество маленькихъ озеръ, но чѣмъ далѣе къ ЮЗ, тѣмъ становится она суше и богаче степными травами. Долина эта тянется верстъ на 20 и заканчивается горами Хэрѣ-хошӯ, уходящими съ сѣвера, отъ праваго берега Хэрӯлӯна, къ югу, въ гоби. На нашей 40-верстной картѣ эти горы именуются Баинъ ирхиту, хотя мнѣ совершенно не пришлось слышать здѣсь этого названія; напротивъ всѣ свидѣтельствовали мнѣ, что для горъ этихъ нѣтъ другаго имени кромѣ Хэрѣ-хошӯ и подъ нимъ извѣстны онѣ какъ въ мѣстномъ прозваніи, такъ и въ литературѣ. Въ 9 ч. мы остановились на ночлегъ, не доѣхавъ до этихъ горъ верстъ на 6, 7. Здѣсь намъ пришлось ознакомиться съ однимъ интереснѣйшимъ монгольскимъ ламою. Онъ подъѣхалъ къ намъ въ пору нашего ужина и, по обычаю, подсѣлъ къ нашему чаю. Отрекомендовавшись сòйбуномъ Илагӯхсанъ хутухты цэцэнъ-хāновскаго àймака, онъ засимъ на всѣ мои вопросы относительно того, откуда и куда онъ ѣдетъ, отвѣчалъ единое слово: «цэ̄ртэй»; это значитъ, что отвѣчать мнѣ на подобные вопросы онъ не можетъ. «Цэ̄ртэй» — великое слово у монголовъ. По буквальному своему значенію оно имѣетъ смыслъ «принятой на себя человѣкомъ нравственной обязанности воздерживаться отъ чего либо», почему требовать или просить нарушенія такой обязанности у монголовъ считается не только не деликатнымъ, а даже преступнымъ, какъ прямое насиліе надъ его совѣстью и долгомъ. Монгольскіе князья и чиновники очень часто пользуются этимъ обычаемъ при неланіи что либо дѣлать, куда либо ѣхать, кого нибудь принимать у себя и т. под.: «цэ̄ртэй» — все разрѣшаетъ и притомъ является самымъ благовиднымъ предлогомъ для отказа. Зная это, я не сталъ больше и спрашивать о таинственной поѣздкѣ сòйбуна гэгэна и о данныхъ ему порученіяхъ, а увидавъ, что это человѣкъ дѣйствительно по монгольски образованный и дѣловой, собралъ отъ него свѣдѣнія о хубилгàнахъ цэцэнъ-хāновскаго Илагӯхсàнъ хутухты. По словамъ сòйбуна, земли цэцэнъ-хāновскаго Илагӯхсанъ хутухтӯ находятся между хошӯнами Хла-бэйсэ съ одной стороны и Хӯлӯнь-бòирскаго Чжунъ-вàна съ другой. Хутухтӯ этотъ почитается старѣйшимъ изъ всѣхъ халхаскихъ гэгэновъ, и во всякомъ случаѣ старше Чжэбцзӯнъ дамбà хутухты. Первый хубилгàнъ его прибылъ въ Халху еще до времени подданства халхасовъ маньчжурамъ и именно онъ явился сюда въ годъ воды и лошади (1642), вслѣдствіе просьбы гэгэнъ цэцэнъ-хāна Шолòя, обращенной къ пятому далàй-ламѣ. Звали этого хубилгàна Дашѝ-дондòбъ, по положенію же своему онъ былъ эрдэнѝ-цорчжѝ ламòю чжайбà'скаго дацàна въ тибетскомъ монастырѣ Сэ̄ра. Мнѣ невольно пришло въ голову, не былъ ли это тотъ самый Илагӯксанъ хутухтӯ, о которомъ въ лѣтописи Санàнъ-сэцэна, подъ тѣмъ же годомъ воды и лошади сообщается

какъ о посланцѣ далàй-ламы къ маньчжурскому тàйцзуну? Казалось весьма вѣроятнымъ, что именно во время своего путешествія въ Маньчжурію Илагӯхсанъ хутухтӯ и могъ съ удобствомъ познакомиться съ цэцэ̀нъ-ха̄номъ Шолòй'емъ; но мой себесѣдникъ не могъ разрѣшить мнѣ этого вопроса, онъ зналъ только, что, по прибытіи Илагӯхсанъ хутухты̀ въ Халху, цэцэ̀нъ ха̄нъ поручилъ его особу спеціальному чествованію своего сына Ана̀нды далàй чжонòна и что Дашѝ-дондòбъ жилъ вообще очень не долго, хотя точнаго года, въ которомъ скончался этотъ хубилга̀нъ онъ и не зналъ. Также точно ему не было извѣстно и время рожденія второго хубилга̀на; сòйбунъ зналъ только, что его звали Лобсанъ-даньцзинь, что онъ родился въ года правленія Эйѣ бэ̄ръ цзасакчѝ (1644—1661 г.), а умеръ во 2-мъ году правленія Найралтӯ тӯба, или по китайски Юнъ-чжэна (1724 г.). Послѣ сего третій хубилга̀нъ, именовавшійся Ишѝ-принла̀й-бальчжӯръ-чжамцò, родился въ 3-мъ году Юнъ-чжэна (1725) и жилъ всего 23 года, скончавшись въ 12-е лѣто правленія цянь-лунова (1748 г.). Четвертый хубилга̀нъ былъ также недолговѣченъ: онъ родился въ 13-мъ (1749), а умеръ въ 37-мъ году того же правленія Цянь-луна (1762); звали его Лобса̀нъ-ярампѝлъ. Пятый хубилганъ, по имени Лобса̀нъ-балда̀нъ, родился въ слѣдующемъ 38 году Цянь-луна (1773 г.) и былъ первымъ изъ хубилга̀новъ, которые начали въ опредѣленные сроки представляться богдоха̄ну и отбывать повинности при дворѣ. Въ 1793 году, когда, по всеподданнѣйшему докладу Ли-фань-юаня, было приступлено къ составленію списковъ обо всѣхъ хубилга̀нахъ, долженствующихъ являться на служеніе ко двору, хубилга̀нъ Эрдэнѝ Илагӯхсанъ хутухты̀, Лобса̀нъ-балда̀нъ, былъ внесенъ во вторую очередь и съ тѣхъ поръ всѣ его хубилга̀ны ѣздятъ въ Пекинъ во второй очереди. Сколько разъ былъ дѣйствительно на очереди Лобса̀нъ-балда́нъ, этого не извѣстно, но несомнѣнно, что онъ умеръ въ 24 лѣто правленія Цзя-цина, т. е. въ 1819 году нашего лѣтосчисленія. Шестой хубилга́нъ, Лобса̀нъ-балда̀нъ-чжигмэ̀тъ родился въ 25-е лѣто цзя-цинова правленія (1820 г.) и умеръ 41 года отъ роду, въ 10-е лѣто правленія Сянь-фына (1861 г.). Послѣ сего хубилга̀на его разыскивали сравнительно долго и седьмой, здравствующій и до нынѣ гэгэ̀нъ Эрдэнѝ Илагӯхсанъ хутухты̀ родился лишь въ концѣ четвертаго года правленія Тунъ-чжи (1864 г.). Имѣло ли какое либо вліяніе на такое замедленіе китайское правительство, сказать, конечно, трудно; но, по словамъ сòйбуна, приглашеніе этого гэгэ̀на на каѳедру какъ то поставлялось въ связь съ тѣмъ, что хутухтѝнскіе шабина̀ры сдѣлали значительное пожертвованіе въ богдоха̄нское казначейство на нужды дѣйствовавшей тогда на Новой линіи китайской арміи. За то и богдоха̄нъ не-остался неблагодарнымъ въ отношеніи къ хутухтѣ: несмотря на младенческій возрастъ сего послѣдняго,

ему тогда же былъ пожалованъ титулъ: «нэбтэрхэ̀й-цэцэ̀нъ» (основательный и мудрый). Въ 5-мъ году правленія настоящаго богдохā̀на, Гуанъ-сюй (1880 г.), когда гэгэ̀ну, по монгольскому счисленію, исполнилось 18 лѣтъ, ему разрѣшено было перестать именоваться хубилга̀номъ и принять на себя какъ всѣ титулы Илагӯхсанъ хутухты̀, такъ и управленіе шабина̀рами. Въ томъ же году къ новолѣтію слѣдующаго 1881 года онъ былъ вызванъ въ Пекинъ, отправлялъ тамъ положенные хура̀лы и представлялся богдохā̀ну, но награды не получилъ рѣшительно никакой. Еще обиднѣе для шабина̀ровъ его было то, что черезъ шесть лѣтъ послѣ сего, когда снова вызывались гэгэ̀ны второй очереди, Илагӯхсанъ хутухтӯ вовсе не получилъ приглашенія явиться въ Пекинъ. Въ предстоящемъ 1894 г., повидимому, вновь надлежало вызываться гэгэ̀намъ второй очереди; но будетъ ли вызванъ Илагӯхсанъ-хутухтӯ, это, по словамъ со̀йбуна, еще оставалось вопросомъ: мнѣ показалось, не былъ ли командированъ теперь разрѣшать именно этотъ вопросъ бесѣдовавшій со мною, тароватый со̀йбунъ? Если такъ, то говорить о цѣли своей поѣздки для него должно было быть, конечно, «цэ̄ртэй».

23-е Іюня. Среда.

6 ч. +13°; 9 ч. +19°; 12 ч. +24°; 3 ч. +28°; 6 ч. +21°.

Выѣхали въ 6 ч. и продолжали путь степью. Хая̄-хӯндӯйнъ тала̀ окончилась для насъ въ 7 ч. 25 мин. съ подъемомъ нашимъ на перевалъ Хэрэ̄ хӯтӯль. Здѣсь находится граница цэцэ̀нъ-ха̄новскаго хошӯна и пограничныя мѣста (саба̀-нутӯкъ) заняты кочевьями шабина̀ровъ ургинскаго Чжэбцзӯнъ-дамба̀ хутухты. Далѣе къ ЮЗ. отсюда тянется хошӯнъ Чжа̀нъцзасака̀, иначе называемаго Хла-гӯномъ. Спускаясь съ перевала Хэрэ̄ хӯтӯль, дорога подходитъ почти къ самому Хэрӯлӯну, который здѣсь продолжаетъ течь въ низкихъ берегахъ съ прежнею извилистостью. Цвѣтъ воды его синій. По спускѣ съ перевала мы въѣхали въ густонаселенную долину Хэрӯлӯнгӣйнъ-хира̀й. Здѣсь впервые повстрѣчали мы станцію почтовой дороги, идущей на соединеніе Урги съ сеймовымъ управленіемъ цэцэ̀нъ ха̄новскаго а̀ймака, такъ называемую Дунда̀-ӧртӧ̄. Въ 9 ч. для насъ послѣдовалъ новый подъемъ на увалъ Ару̀-ша̀нду, отъ котораго р. Хэрӯлӯнъ снова уклоняется направо, къ западу. Перевалъ черезъ Ару̀-ша̀нду совершается по такъ называемому Абда̀ръ-хӯтӯль, получающему свое имя отъ находящейся на вершинѣ его груды камней, похожей на монгольскій сундукъ. Отсюда мы спустились въ небольшую котловину горы Баѝнъ-цокту̀ и, поднявшись въ 9 ч. 25 мин. на эту послѣднюю, увидали передъ собою громадную степь, протягивающуюся на западъ. Въ СВ. своей части она имѣетъ солончаковую почву и, какъ всякій солончакъ, кочковата, а потому

неудобна для ѣзды. Проѣзжая по ней, въ 10 час. 10 мин. увидали въ сторонѣ сӯринъ дугӯнъ, при которомъ построено три субургàна. Въ 11 час. 40 мин. мы остановились для полдника въ урочищѣ Улāнъ-эргӣйнъ адàкъ, на берегу Хэрӯлӯна, въ юртѣ одного изъ почтосодержателей, помянутаго почтоваго цэцэнъ-хāновскаго тракта. Наступавшій полуденный зной заставлялъ насъ искать тѣни, хотя бы и въ вонючей юртѣ монгола.

Хозяинъ нашъ, принадлежавшій къ хошӯну Хла-гӯна, оказался довольно зажиточнымъ. Онъ имѣлъ у себя до 400 овецъ, около 80 лошадей и головъ 60 рогатаго скота; верблюдовъ онъ не держалъ, такъ какъ, по словамъ его, извозомъ онъ не занимался и верблюды были ему безполезны. Разговорившись о благосостояніи окрестнаго населенія, я услыхалъ, что хошӯнъ Хла-гӯна почитается вообще гораздо богаче цэцэнъ-хāновскаго, на вопросъ же мой, чѣмъ обусловливается такое различіе, почтарь прямо объявилъ мнѣ, что главнѣйшая причина сего въ томъ, что цэцэнъ-хāновцы искони и постоянно разоряются своими правителями. Правда, земли цэцэнъ-хāновскаго хошӯна бѣднѣе хла-гӯновскихъ, но за то они и обширнѣе; малоплодность могла бы всецѣло покрываться обширностью и хошӯнъ могъ бы, несомнѣнно, благоденствовать, а между тѣмъ почтосодержатель, доживавшій уже седьмой десятокъ, не только не помнилъ самъ, но и никогда не слыхивалъ, чтобы цэцэнъ хāновцы когда либо были въ состояніи уплатить за себя цѣликомъ всѣ подати; за нихъ, по ихъ бѣдности, постоянно платятъ другіе. Предложивъ нѣсколько вопросовъ въ провѣрку тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны мною о цэцэнъ-хāнѣ, Артасѝддѣ (см. т. I, стр. 542—545) и объ его отягощеніи податями своего хошӯна, я съ удивленіемъ услыхалъ, что Артасѝдда былъ дѣйствительно плохъ, но ни чуть не выдавался изъ другихъ цэцэнъ-хāновъ, а бывали и еще и похуже Артасѝдды, какъ напримѣръ, предшественникъ его цэцэнъ-хāнъ Санцзàй-дорчжѝ, который, за свои преступленія, былъ прямо отрѣшенъ отъ цэцэнъ-хāнства. Свой титулъ цэцэнъ-хāна этотъ Санцзàй-дорчжѝ первоначально прямо таки купилъ въ Пекинѣ, уплативъ министрамъ богдохāна 13,000 ланъ серебра. Было это въ года правленія Цзя-цина. За помянутый кушъ министры не только сдѣлали Санцзàй-дорчжія цэпэнъ-хāномъ, но еще и назначили сеймовымъ старшиною въ àймакѣ, послѣ чего Санцзàй-дорчжѝ въ теченіе девяти лѣтъ можно сказать положительно разорялъ àймакъ. Преступленія его слагались, впрочемъ, сами собою и логически вытекали одно изъ другого. Деньги для полученія званія цэцэнъ-хāна, Санцзàй дорчжѝ собралъ съ хошӯна, заставивъ мѣстное населеніе войти въ большія долговыя обязательства и къ китайцамъ, и къ монго-

ламъ, когда же за симъ у хошӯна не оказалось денегъ на самыя обыденныя нужды, то Санцзàй-дорчжѝ, уже по званію сеймоваго старшины, перешелъ къ другимъ насиліямъ и началъ дѣлать раскладку податей, причитавшихся съ его хошӯна, на другіе хошӯны àймака. Къ тому же Санцзàй-дорчжѝ былъ человѣкомъ и честолюбивымъ и любившимъ хорошо пожить. Удовлетворить его чисто дѣтскому честолюбію ему, повидимому, было очень не трудно: онъ самовольно привязывалъ себѣ на шляпу павлиновыя перья то съ двумя, то даже съ тремя очками и такимъ образомъ разъѣзжалъ по всему àймаку; но широкая жизнь требовала расходовъ и Санцзàй-дорчжѝ невольно долженъ былъ постоянно прибѣгать къ разнаго рода насиліямъ и незаконнымъ налогамъ. Каждый годъ, напримѣръ, онъ раза по два ѣздилъ то въ Ургу, то въ Долōнъ-нӯръ и каждый разъ заставлялъ àймакъ выставлять до 20-ти почтовыхъ станцій по дорогѣ; это была, конечно, натуральная повинность, но все же она стоила не меньше 3, 4-хъ тысячъ ланъ, при каждой поѣздкѣ. Посѣщая монастыри, Санцзàй-дорчжѝ то и дѣло подносилъ мàндалы и различные подарки хутухтàмъ; въ городахъ дѣлалъ массу ненужныхъ покупокъ и кутилъ съ китайцами, все же это повело къ тому, что Санцзàй-дорчжѝ долженъ былъ мошенничать съ казенными и общественными суммами. Въ концѣ концевъ шесть цзасакòвъ, во главѣ съ цинь-вàномъ Дармà-ширѝ, представили жалобу на Санцзàй-дорчжи ургинскимъ амбàнямъ, въ которой просили избавить ихъ àймакъ отъ такого сеймового старшины. Возбудившееся такимъ образомъ слѣдствіе показало, что, за срокъ девятилѣтняго управленія, Санцзàй-дорчжіемъ было вытребовано съ àймака на разныя мелочныя нужды свыше 25 тысячъ ланъ, причемъ на сумму до 6000 ланъ Санцзàй-дорчжѝ не могъ представить уже никакихъ оправдательныхъ документовъ. Богдохāнъ лишилъ его званія цэцэнъ-хāна и устранилъ отъ должности сеймоваго старшины, что, конечно, было вполнѣ заслуженно; но при этомъ мой разказчикъ особенно негодовалъ на Санцзàй-дорчжѝ, такъ какъ по дѣлу его пострадало всего свыше шестидесяти лучшихъ людей: одновременно съ Санцзàй-дорчжѝ были удалены отъ своихъ должностей и подверглись разнымъ штрафамъ не только его дэдъ чигӯлгану даргà и цзянь-цзюнь, которые можетъ быть, даже участвовали въ растратѣ, но также всѣ тусалакчѝ и цзахирахчѝ, когда либо вызывавшіеся для очередной службы при сеймовомъ управленіи. Ихъ обвиняли въ томъ, что они своевременно не доносили о поступкахъ Санцзàй-дорчжія, хотя, по воззрѣніямъ моего монгола, что же могъ сдѣлать какой нибудь ничтожный тусалакчѝ, противъ сеймоваго начальника князей? Притомъ чины эти вызывались жить на двухъ мѣсячную очередную службу и каждый изъ нихъ въ свою пору думалъ не

о томъ чтобы жаловаться на цэцэ̀нъ-хана, а какъ бы только самому окончить свою очередь, да уѣхать по добру по здорову.

Изъ урочища Улā̀нъ эргѝйнъ ада̀къ мы двинулись въ 2 ч. 50 мин. по долинѣ, получающей свое имя отъ краснаго яра, Улā̀нъ-эргѝ, который составлялъ только незначительную часть громаднаго увала, пересѣкавшаго подлежавшую нашему переѣзду степь. Въ существѣ, вся она являлась въ видѣ пологаго подъема и спуска на этотъ громадный увалъ, вершины котораго мы достигли въ 5 ч. 20 мин. а спускались съ него до 7 час. вечера. Такимъ образомъ долина Улā̀нъ-эргѝ имѣетъ протяженія не менѣе 17, 18 верстъ. Весьма незначительный увалъ отдѣляетъ ее отъ слѣдующей долины Цага̀нъ-нӯра, получающей свое имя отъ незначительнаго озерка, которое мы миновали въ 7 ч. 35 мин. Нѣсколько западнѣе долина эта смѣняетъ свое имя и получаетъ названіе Цанха̀-эрѝкъ, заимствуя его отъ незначительныхъ холмовъ, которые мы проѣхали въ 8 ч. 35 мин. За этими холмами для насъ послѣдовала котловина, именуемая Ма̀йханъ; въ ней имѣли мы свой ночлегъ, остановившись въ 9 ч. 10 м. вечера.

24-е Іюня. Четвергъ.

6 ч. +14°; 9 ч. +20°; 12 ч. +25°; 3 ч. +27½°; 6 ч. +16°; 9 ч. +13°.

Выѣхали въ 6 ч. и черезъ 15 мин. вступили въ холмы Чжиргаланту̀. Въ 9 ч. 20 мин. доѣхали до у̀рочища Ару̀ хонго̀ръ, гдѣ также располагается одна изъ станцій почтоваго тракта изъ Урги, къ цэцэ̀нъ-хā̀новскому, хэрӯлӯнъ-ба̀рсъ-хото̀скому сейму. На здѣшнихъ станціяхъ постановлено имѣть по четыре юрты почтосодержателей, лошадей же содержится неопредѣленное количество: отъ 75 до 400. Трактъ этотъ — учрежденіе не китайское, казенное, а чисто монгольское, общественное, аймачное, содержимое исключительно хошӯнами цэцэ̀нъ-хā̀новскаго а̀ймака. Повинность, въ большинствѣ случаевъ, отбывается натурою, хотя существуетъ также хошӯнная поставка лошадей, а нѣкоторые, отдаленнѣйшіе хошӯны заключаютъ и арендныя сдѣлки (ацо̀къ) на исправленіе за нихъ почтовой повинности. На Ару̀-хонго̀рѣ такою арендною оказалась только одна юрта мѣстнаго хошӯна Хла-гӯна; она отбывала почтовую гоньбу за хошӯнъ Бā̀туръ гӯна цэцэ̀нъ-хā̀новскаго а̀ймака и получала за то 50 лошадей въ годъ. Непосредственное завѣдываніе станціями ввѣряется двумъ дарга̀мъ, высшее же управленіе ихъ въ Ургѣ сосредоточивается у амба̀ня. Дальнѣйшій путь нашъ проходилъ увалами, по довольно безплодной мѣстности; не только ни одного цвѣтка, а даже и травы были здѣсь очень плохи; видъ степи чрезвычайно однообразенъ и единственнымъ предметомъ, заслуживающимъ вниманія, представляется здѣсь гора Тӧно, стоящая на правомъ

берегу Хэрӯлӯна. Глядя на ея черный, утесистый и оголенный массивъ, я невольно подумалъ, что несомнѣнно такою же была эта гора почти семь вѣковъ тому назадъ, когда смотрѣлъ на нее Чжанъ-дэ-хуй и записалъ въ своемъ дневникѣ: «На сѣверной сторонѣ рѣки (Лу-цзюй = Хэрӯлӯнъ) есть большая гора, называемая Кусу, что въ переводѣ значитъ черная гора. Если взглянуть на нее издали, за 30 ли, то она представляется покрытою какъ бы густымъ боромъ, а когда подойдешь къ ней и посмотришь вблизи, то оказывается, что это темнозеленые камни, получившіе такой цвѣтъ, благодаря частымъ, густымъ испареніямъ, покрывающимъ вершины горы». Мои личныя впечатленія отъ г. Тōно были совершенно такими же: съ перваго раза мнѣ также показалось, что гора покрыта лѣсомъ и только вооружившись биноклемъ, я разобралъ, что вмѣсто лѣса тамъ нѣтъ ничего кромѣ оголенныхъ утесовъ. Обсуждая далѣе эту замѣтку, китайскаго путешественника, мнѣ невольно пришло въ голову и то, что если въ тѣ времена Тōно называлась Кусу, то едва ли былъ справедливъ Хэ-цю-тао, когда онъ отождествлялъ эту гору съ горою Чэкчэръ, при которой, по свидѣтельству Юань-чао-ми-ши, проживалъ тесть Тэмучӣна, Дай-сэцэнъ. Извѣстно, что молодость Чингӣсъ-хāна протекла далеко къ востоку отсюда, на рр. Уршӯнь и Халхà. Припомнилось мнѣ и торжество маньчжуровъ, праздновавшихъ у горы Тōно свою побѣду надъ Галдàномъ бошоктӯ. Извѣстно, что въ 1696 г. Канси поставилъ у подошвы г. Тōно даже каменописный памятникъ, въ которомъ описалъ свой походъ на Чжунгàровъ; но существуетъ ли теперь этотъ памятникъ, мнѣ никто не могъ сказать этого. Если бы Хэрӯлӯнъ не былъ въ разливѣ, я, можетъ быть, самъ поѣхалъ бы отыскивать его; но препятствіе было черезъ чуръ серіозно, чтобы побороть его.

Простоявъ для полуденнаго отдыха отъ 12 ч. 25 м. до 3 ч. 25 мин. полудни, мы въ 5 ч. 20 мин. поднялись на довольно высокій увалъ Зарā-хӯтӯль, съ вершины котораго передъ нами открылась громадная степь и широкая долина Хэрӯлӯна, именуемая Зарā-бӯлӯнъ. По вершинѣ помянутаго хӯтӯля проходитъ граница хошӯновъ Ахàй-гӯна и Хлā-гӯна. Въ 6 ч. вечера начался дождь настолько сильный, что проѣзжая мимо Зарā-бӯлӯнъ сӯмэ, отстоявшаго отъ дороги не больше какъ версты на $1^1/_2$, мы едва могли разсмотрѣть его; повидимому, все оно состоитъ только изъ нѣсколькихъ бàйшиновъ, на подобіе сараевъ. Въ 8 час. 45 мин. поднялись на увалъ, который пересѣкаетъ долину Зарā-бӯлӯнъ и протягивается отъ высокой горы Баӣнъ-эрхэтӯ, стоящей на лѣвой сторонѣ дороги, до горы Долōту, стоящей на правой сторонѣ ея и почти у береговъ Хэрӯлӯна. У этой горы Баӣнъ-эрхэтӯ мы остановились для ночлега. Травы въ этой

долинѣ почти не было и нашимъ животнымъ предстояло голодовать эти сутки.

25-е Іюня. Пятница.

6 ч. +9°; 9 ч. +14°; 12 ч. +16°; 3 ч. +22°; 6 ч. +21°; 9 ч. +16°.

Все утро было пасмурно и очень сыро. Выѣхали въ 6 ч. и, поднявшись на откосъ Байнъ-эрхэтӯ, простились съ Хэрӯлӯномъ, широкая долина котораго осталась позади насъ, будучи притомъ и плохо видима за туманомъ. Только на восточномъ концѣ ея поднимались главы двухъ великановъ: на СВ горы Тӧно и на ЮВ Дархàнъ-ӯлы. Хэ-цю-тао свидѣтельствуетъ, что къ ЮЗ отъ горы Тӧно, въ отдаленіи виднѣется гора Тӯлга; не называлась ли прежде этимъ именемъ Дархàнъ-ӯла, ибо другой горы съ этимъ именемъ здѣсь рѣшительно нѣтъ. Дорога наша проходила увалами съ твердо песчаною и усѣянною галькою почвою, красноватаго цвѣта. Въ 7 ч. 30 м. мы миновали лежащую къ югу отъ дороги гору Абдàръ, а въ 8 ч. 45 мин. поднявшись на одинъ изъ уваловъ могли полюбоваться прекраснымъ видомъ Гэнтэйскихъ горъ, изъ среды коихъ особенно выдавалась по своей величинѣ такъ называемая Угӧмӯръ ӯла, у подножія которой для насъ еще разъ блеснулъ своею бѣлою полосою Хэрӯлӯнъ. Отсюда мы вступили въ долину озеръ Бӯгӯдӯръ-харà усӯ. Проѣзжая по ней, встрѣтили чиновничій поѣздъ, лошадей въ 35, или 40. Это ѣхалъ гàлайда (цзахирахчи) хошӯна Далàй-бэйсэ, возвращавшійся изъ Урги, куда онъ былъ командированъ для рѣшенія дѣлъ своего хошӯна съ шабинàрами Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухтӹ. Самъ цзахирахчи ѣхалъ телѣгѣ, спутники и провожатые его верхами. Поѣздъ несся вскачь и очевидно, цзахирахчи казался здѣсь уже не маленькимъ чиновникомъ.

Слѣдуя долиною Бӯгӯдӯръ харà усӯ, мы въ 1 часъ дня остановились на ней для полдника при въѣздѣ въ холмы Нӧмтӯ, принадлежавшіе уже хошӯну Цэцэнъ бэйлэ. Дальнѣйшая дорога наша, въ которую мы выступили въ 4 ч. 5 м., проходила между этими холмами Номтӯ. Въ 7 ч. 15 м. мы прибыли въ урочище Чжиргалантӯ, подъ каковымъ именемъ извѣстна собственно падь, лежащая къ югу отъ дороги. Травы здѣсь повсюду изрядныя. Черезъ Чжиргалантӯ проходитъ почтовая дорога, по которой ургинскій хутухтà представляетъ богдохàну свою дань изъ 9-ти бѣлыхъ и о которой собралъ я свѣдѣнія еще въ прошломъ году (см. Томъ I, стр. 629). Отъ Чжиргалантӯ въ направленіи къ Ургѣ слѣдуетъ довольно крутой и высокій подъемъ того же имени, по спускѣ съ котораго тотчасъ же начинается новый перевалъ, Арӯ-шàнду. Мы достигли его вершины въ 9 ч. вечера. Здѣсь намъ попался китайскій обозъ на телѣгахъ, запряженныхъ

быками и нагруженныхъ кожами. Они двигались теперь изъ Урги въ Долōнъ-нӯръ. Спустившись съ перевала, мы остановились на ночлегъ не подалеку отъ горы Ирōль, одиноко стоящей среди степи. Подъѣзжавшіе здѣсь къ намъ мѣстные монголы разказывали, что неподалеку отсюда, на ст. Бōльчжӯтъ, китайцы изъ Долōнъ нӯра имѣютъ свои лавки, гдѣ продаютъ на скотъ всевозможные товары монгольскаго обихода. Выгоняютъ они ежегодно изъ хошӯна Пунъ-бэйсэ и отъ мѣстныхъ шабинаровъ около 10 тыс. овецъ, до 3000 головъ лошадей и приблизительно 400 быковъ. Особливо много привозится ими буды (проса), которая продается кулями въ 120 гиновъ (около $4^1/_2$ пуд.), по цѣнѣ 5-ти трехлѣтнихъ барановъ за куль; трехлѣтній же баранъ стоитъ здѣсь $1^1/_2$ лана. Другими словами, китайцы продаютъ здѣсь просо по нашему разсчету — $7^1/_2$ коп. с. за русскій фунтъ.

26-е Іюня. Суббота.

6 ч. +13°; 9 ч. +16°; 12 ч. +22°; 3 ч. +24°; 6 ч. +20°; 9 ч. +14°.

Утромъ пасмурно и туманно. Двинулись въ 5 ч. 35 м. и черезъ $^1/_4$ часа миновали гору Ирōль. Въ 6 ч. 15 мин. начали подниматься на Нарѝнъ-ухā, спустившись съ котораго вступили въ степь Гӯнъ-Галӯтай, гдѣ въ 7 ч. миновали два небольшихъ шаньда, находящихся саженяхъ во 100 вправо отъ дороги. Здѣсь мы съ самымъ стѣсненнымъ сердцемъ должны были разстаться съ однимъ изъ своихъ спутниковъ по путешествію. То была моя лошадь, пріобрѣтенная мною еще при выѣздѣ на востокъ изъ Калгана. За протекшіе съ той поры три мѣсяца, она сдѣлала мнѣ, вѣроятно, не меньше 2000 верстъ и теперь не только совершенно отказалась отъ своей службы, а даже и отъ движенія. Уже дня три я не садился на нее верхомъ и она шла привязанною или за телѣгу, или въ хвостѣ верблюдовъ. Монголы еще вчера совѣтовали мнѣ оставить ее въ какихъ либо юртахъ, видя по глазамъ, что она неспособна къ движенію; но я все надѣялся, что она какъ нибудь дойдетъ до Урги, гдѣ я могъ обезпечить ей спокойную жизнь до смерти. Сегодня $1^1/_2$ часа тому назадъ она, по обычаю, пошла съ мѣста ночлега въ хвостѣ верблюдовъ, но какъ разъ противъ шаньдā стала. Въ разстояніи не болѣе версты впереди по дорогѣ виднѣлись двѣ юрты, которымъ я рѣшилъ уже сдать ее, но и это оказалось невозможнымъ: лошадь не шла даже въ поводу. Когда я снялъ съ нее узду, и, какъ казалось мнѣ, въ послѣдній разъ потрепалъ ее по шеѣ и по мордѣ, она подняла на меня свои поблекшіе глаза и засимъ опустила голову. Мы двинулись дальше, а она такъ и осталась стоять съ поникшею головою посреди узенькой колесной колеи, не сдѣлавъ даже шага вбокъ, чтобы щипать траву. Доѣхавъ до

юртъ, я вызвалъ хозяина монгола и сказалъ ему, что бы онъ принялъ эту лошадь, а дней черезъ 10, если она не издохнетъ, привелъ бы ее мнѣ въ Ургу, за что получитъ 5 ланъ серебра. Позже десяти дней я намѣренъ былъ уже выѣхать изъ Урги въ Россію. Монголъ обѣщалъ исполнить все вточности, если только лошадь будетъ въ силахъ идти, хотя я, правду сказать, не надѣялся на исполненіе этого обѣщанія. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшало монголу сказать, что лошадь моя издохла? Вѣдь не поѣхалъ бы я свидѣтельствовать ея трупъ. Могъ онъ также сказать, что она черезъ 10 дней была неспособна къ движенію. Могъ даже и ничего не говорить, ибо монгола этого я видѣлъ впервые, и ровно столько, сколько нужно было для вышеозначеннаго разговора: ни онъ меня, ни я его не знали совершенно [1]). Отъѣхавъ отъ юртъ, я еще разъ въ бинокль взглянулъ на лошадь; она стояла совершенно въ томъ же положеніи. Въ 10 ч. 20 м. мы миновали степь Гӯнъ-галӯтай и вступили въ длинную горную падь черезъ такъ называемый Богблтуйнъ-амà. Падь эта окаймляется отдѣльными горами, выступающими въ нее своими мысами, всего по семи мысовъ съ каждой стороны. Миновавъ ихъ, мы поднялись на не высокій увалъ и засимъ въ 1 ч. дня остановились для полдника въ урочищѣ Ганцà-худӯкъ. Здѣсь располагается станція сеймоваго цэцэнъ-хāновскаго тракта и мы вошли въ одну изъ юртъ ея, гдѣ слышался какой-то необыкновенный шумъ. Посидѣвъ, поговоривъ и послушавъ въ чемъ дѣло, я узналъ слѣдующее. Въ третьемъ году по почтовому тракту, соединяющему Ургу съ управленіемъ цэцэнъ-хāновскаго àймака, былъ неурожай травъ и станціи дѣйствовали очень слабо; поэтому ургинскій амбàнь командировалъ помощника завѣдывающаго этими станціями, тàйчжія Галàнъ-вачӣра, разслѣдовать положеніе станцій. Галàнъ-вачӣръ отправился, проѣхалъ по всѣмъ станціямъ, пересмотрѣлъ всѣхъ лошадей, перетаврилъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ показывали ему какъ предназначенныхъ для отбыванія почтовой службы и составилъ обо всемъ этомъ подробный докладъ. Въ тоже время нѣкоторыя станціи просили его, въ виду недостаточности кормовъ по тракту, исходатайствовать имъ разрѣшеніе нѣсколько уклониться своими кочевьями въ сторону отъ дороги, на хошӯнныя земли, доказывая, что разстояніе почтоваго пути отъ этого не особенно измѣнится, а станціонный скотъ между тѣмъ избавится отъ голодовки и будетъ исправенъ. Галàнъ-вачӣръ, собравъ и свой докладъ, и всѣ эти прошенія, закувертовалъ ихъ и сдалъ на Бӧльчжӯтской станціи для доставленія въ Ургу. Съ Бӧль-

1) Почитаю долгомъ отмѣтить, что лошадь эта потомъ, 12-го Іюля, въ самый день отъѣзда моего въ Россію, была мнѣ доставлена и это, конечно, одинъ изъ нагляднѣйшихъ образцовъ честности степняка-монгола.

чжу̀та привезли эти пакеты на станцію Гакца̀ худу̀къ и передали здѣсь очередному ула̄чину, Дашѝ-дорчжѝ, у котораго въ ту пору были гости и, между прочими, вѣстовой изъ ургинскаго хошӯннаго управленія Пунъбэйсэ, Пунцу̀къ, который былъ командированъ изъ Урги въ хошӯнъ поторопить какія-то затянувшіяся дѣла. Такъ какъ Пунцу̀къ этотъ, исполнивъ свое порученіе, долженъ былъ возвращаться въ Ургу, то Дашѝ-дорчжѝ и передалъ ему пакеты съ просьбою доставить въ я̀мунь. Пунцу̀къ взялъ пакеты, но вмѣсто того чтобы ѣхать въ Ургу, онъ заѣхалъ домой, гдѣ и прожилъ два дня; а тѣмъ временемъ его ребятишки схватили пакеты, разорвали конверты, хотя, къ счастію, проказы ихъ были во время замѣчены и самыя бумаги удалось спасти. Пунцу̀къ однако не рѣшился представить бумагъ въ разорванныхъ конвертахъ, а сложилъ ихъ въ сундукъ и берегъ у себя. Въ концѣ года пошли розыски этихъ бумагъ; переписка о нихъ тянулась больше года и вотъ теперь и Бо̄льчжу̀тскій ямщикъ и Дашѝ-дорчжѝ пришли къ Пунцу̀ку, разузнавать, куда онъ дѣвалъ пакеты и почему не доставилъ ихъ, а онъ разказывалъ имъ вышеописанную исторію и показывалъ старыя бумаги. Чѣмъ кончилось это дѣло и какое рѣшеніе ближайшимъ образомъ приняли почтальоны мнѣ осталось не извѣстнымъ, потому что мы пополдневали и уѣхали, а они все еще продолжали кричать и едва-ли не въ десятый разъ выслушивали одни и тѣже подробности разказа. Двинувшись въ 3 ч. 45 м., мы поднялись изъ ложбины Ганца̀ худу̀ка и, проѣхавъ по предгоріямъ Ханга̀я, начали подниматься на Ханга̀й даба̄, вершины котораго достигли въ 5. 55 мин. Спускъ съ даба̄на приводитъ въ ложбину, орошаемую ключемъ Цага̀нъ-чулӯту на которомъ также стоитъ почтовая станція. Мы достигли ея въ 6 ч. 40 мин. Миновавъ станціонныя юрты, начали подниматься на пологій Билю̄тӯ-хӯту̀ль, съ котораго дорога круто поворачиваетъ къ сѣверу, въ направленіи къ перевалу Бурӯлъ-даба̄. Въ 5 ч. 45 м. проѣхали Ху̀нду̀лэнъ-бу̀лу̀къ въ обильной травами долинѣ котораго повстрѣчали до десятка юртъ. Въ 8 ч. 45 мин. отдѣлилась дорога на Биширэльту̀йнъ даба̄, который гораздо положе всѣхъ прочихъ переваловъ въ Ургѣ, а потому черезъ него движутся обычно на бычьихъ телѣгахъ богомольцы и извозчики, везущіе долгосрочные товары; остальные монголы не ѣздятъ по нему, такъ какъ находятъ, что сравнительная легкость подъема и спуска не окупается тою кружностью пути, которую представляетъ этотъ даба̄нъ при дальнѣйшемъ движеніи въ Ургу. Въ 9 ч. поднялись на Бурӯлъ даба̄, а въ 9 ч. 50 мин., спустившись съ его главной крутизны, стали на ночлегъ подъ даба̄номъ, недоѣзжая до Урги, вѣроятно, верстъ 25. Ночь предстояла не особенно спокойная, потому что всѣ опасались воровъ.

27-е іюня. Воскресенье.

6 ч. +10°; 9 ч. +14°; 12 ч. +19°.

Выѣхали въ 5 ч. 30 мин. и первоначально продолжали свой путь по пологому спуску съ дабāна. Онъ приводитъ на высокую площадь, по которой струится р. Налàйху ([illegible]) и на которой располагается первая отъ Урги почтовая станція. Въ общемъ, мѣста эти считаются уже принадлежащими Ургѣ и занимаются подъ пастьбища табуновъ лошадей, содержимыхъ при ургинскихъ я̀муняхъ амбàньскомъ и сеймовомъ ([illegible]), а равно лошадей, назначаемыхъ для личныхъ потребностей мѣстныхъ маньчжурскаго и монгольскаго амбàней ([illegible]). Съ которыхъ именно поръ на здѣшнихъ урочищахъ начали пасти помянутыхъ лошадей, и по какимъ основаніямъ и условіямъ эта тягота, подлежащая удовлетворенію двухъ àймаковъ, взвалена на единый хошӯнъ Пунъ-бэ́йсэ, — неизвѣстно; достовѣрно лишь одно, что «уя̄ актà» пасутся на этихъ мѣстахъ уже болѣе сотни лѣтъ. У мѣстныхъ пастуховъ хранится преданіе, что когда-то шли разсужденія о томъ, гдѣ именно должно пасти табуны этихъ лошадей и тогда якобы состоялось рѣшеніе, что ихъ можно выпасывать по всѣмъ прилежащимъ Ургѣ урочищамъ, не стѣсняясь принадлежностью этихъ урочищъ тому или другому хошӯну, но точнаго поименованія урочищъ указано не было, поэтому «уя̄-актà», по установившемуся обычаю, продолжали пастись на Налàйху. Въ недавніе годы въ долинѣ Налàйху нѣсколько лѣтъ подрядъ выпадалъ сильный снѣгъ и случались такіе страшные шурганы, что выпасывать здѣсь скотъ оказывалось почти невозможнымъ: въ зиму 1887 года пало, напримѣръ, однихъ цэцэ̀нъ-хāновскихъ лошадей до 300 головъ. Пастухи, основываясь на вышепомянутомъ, хранящемся у нихъ преданіи, задумали было перекочевать, выбравъ мѣста болѣе травянистыя и защищенныя горами; но какъ хошӯнные люди, такъ и шабѝнцы положительно воспротивились этому, говоря, что никогда того и не бывало, что бы общественные табуны паслись гдѣ либо помимо Налàйху, между тѣмъ какъ они сами искони проживали въ тѣхъ урочищахъ, на которые претендовали теперь общественные пастухи и привыкли къ этимъ урочищамъ. Послѣ сего, кажется, въ 1889 г. пастухи, испытывая тѣже невзгоды, обращались съ просьбою къ амбàнямъ, о разрѣшеніи имъ перекочевать съ общественнымъ скотомъ на ЮЗ отъ Урги, въ урочища Алтàнъ-булàкъ и Улāнъ-хучжѝръ, но амбàни поставили дѣло гораздо шире. Исходя изъ того положенія, что учрежденіе «уя̄-актà» является необходимымъ пособіемъ для управленія и что ему неотложно быть всегда въ недальнемъ разстояніи отъ Урги, они опредѣлили, разрѣшить этимъ табунамъ пастись повсюду въ окрестностяхъ

Урги, не заходя только въ каждую изъ сторонъ за пространство двухъ станцій. Такъ какъ означенномъ районѣ кочуютъ только шабинàры Чжэбцзýнъ-дамбà хутухты́, да хошýнные податные Пунъ-бэйсэ и Мандорвà гýна, то амбàни и послали это дѣло на заключеніе означенныхъ правителей. Послѣдніе, конечно, признали справедливость рѣшенія амбàней, но урочищъ для пастьбы общественныхъ табуновъ, не указали, а потому табуны эти и доселѣ остаются въ долинѣ Налàйху. Слѣдуя этой долиной, мы въ 8 ч. 45 мин. поднялись на такъ называемый Шàнду-дабà, а спустившись съ него, въ 11 ч. дня остановились, какъ это ни было досадно, для полдника въ долинѣ р. Шàнду-гóла. До Урги намъ оставалось не болѣе 10 верстъ, поэтому я, давъ напиться чаю одному изъ своихъ проводниковъ, поѣхалъ съ нимъ далѣе одинъ, въ своей телѣгѣ, оставивъ другихъ верблюдовъ и весь свой караванъ пастись сколько имъ угодно, лишь бы къ ночи пріѣхали въ Ургу. Двинувшись отъ р. Шàнду въ 12 ч. 30 м., мы ровно въ 2 ч. дня подъѣхали къ русскому большому мосту черезъ р. Толу. Здѣсь, въ русской юртѣ уже ожидала меня жена, которая получила въ Ургѣ свѣдѣнія отъ монголовъ, что неподалеку ѣдутъ русскіе и выѣхала меня встрѣтить. Такъ совершилась моя поѣздка на югъ и востокъ Монголіи. Теперь предстояло уже возвращеніе на родину, въ Россію.

IX. Отъ Урги до Ульхунскаго караула.

12-е Іюля. Понедѣльникъ.

Обратный путь въ Россію былъ предпринятъ мною отъ Урги въ направленіи къ Ульхýнскому караулу: во 1-хъ, выѣздъ на этотъ караулъ представляется болѣе удобнымъ со стороны Монголіи; во 2-хъ, этимъ путемъ я захватывалъ добрую сѣверную половину цэцэнъ-хáновскаго àймака; въ 3-хъ, наконецъ, отъ Ульхýна можно было проѣхать далѣе на востокъ уже съ бóльшимъ удобствомъ по русскимъ почтовымъ станціямъ и казачьимъ поселкамъ. Для слѣдованія до Ульхýна было нанято девять собственно верховыхъ лошадей, три изъ которыхъ можно было впрягать и въ телѣги. Въ упряжи, по нашему, онѣ конечно не ходили, потому что не знали возжей, но и не боялись телѣгъ, а потому ихъ можно было впрягать по одиночкѣ и засимъ вести въ поводу. За симъ намъ доставлено было двѣ двухколесныхъ арбы для перевозки вещей, а третью такую же двухколеску мы нашли въ консульствѣ. Для присмотра за этимъ караваномъ мы имѣли

двухъ погонщиковъ. Договоръ о поставкѣ этихъ животныхъ, арбъ и людей былъ заключенъ съ шабинскимъ вѣдомствомъ ургинскаго хутухты. Въ мѣстномъ ямунѣ я уплатилъ впередъ деньги, всего, по условію, 83 р. с., въ счетъ которыхъ извозчики должны были не только довезти меня, но еще и доставить обратно въ Ургу телѣгу, взятую въ консульствѣ.

Выѣхать изъ Урги рано для человѣка, имѣющаго здѣсь знакомство, трудно вообще, что же касается вчастности меня, то я еще дня за три зналъ, что мѣстное русское общество собирается провожать меня и участіе въ этомъ примутъ всѣ, за исключеніемъ консула Шишмарева. Зданіе консульства мы оставили въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра и въ какіе нибудь $\frac{3}{4}$ часа доѣхали въ запряженныхъ тройками прекрасныхъ тарантасахъ до русскаго большаго мѣста черезъ Толу. Здѣсь были раскинуты палатки и собрались какъ консульскіе секретарь, драгоманъ и почтмейстеръ, такъ и всѣ представители русскихъ торговыхъ домовъ въ Ургѣ, съ ихъ семьями, чадами и домочадцами. Какъ и при отъѣздѣ въ Пекинъ, радушныя хозяйки понавезли намъ тортовъ, пироговъ, жареной и копченой дичи, пастилы, варенья и прочихъ сладостей. Обѣдъ, начавшійся въ 11 ч. утра, продолжался съ одной стороны съ чинными рѣчами и тостами, а съ другой — съ пѣснями казаковъ и приказчиковъ до $3\frac{1}{2}$ час. по полудни и только въ 4 ч. мы могли двинуться въ свой настоящій путь.

Отъ моста первыя 3 версты мы ѣхали по той же самой дорогѣ, которою ѣхали въ прошломъ году, направляясь въ Пекинъ, а засимъ повернули нѣсколько къ востоку и версты 4 слѣдовали по дорогѣ на Бурӯлъ даба̄, пока ровно въ 6 ч. вечера не достигли конечной точки подъема къ рѣчушкѣ Шàнду-го̄лу. Весь этотъ путь проходитъ между невысокими холмами; грунтъ твердо глинистый, усѣянный мелкими камешками и, по видимому, дорога казалось бы прекрасною; но въ двуколесной арбѣ трясетъ страшно и мою-бѣднягу жену порядкомъ таки колотило, не смотря на то что мы ѣхали шагомъ. Въ 6 ч. 30 м. мы достигли перваго àиля, такъ называемыхъ Йэхэ-модочѝновъ, т. е. «большаго» поселка монголовъ, отбывающихъ повинность по поставкѣ дровъ для отопленія казенныхъ и общественныхъ зданій въ Ургѣ. Малый поселокъ тѣхъ же модочѝновъ лежитъ отсюда, какъ уже извѣстно, верстахъ въ $4\frac{1}{2}$ на ЮЗ (см. Т. I, стр. 585). Здѣсь произошло новое раздѣленіе дороги, причемъ мы весьма замѣтно повернули къ СВ. и тотчасъ же для насъ начался пологій и длинный подъемъ на Налàйхайнъ-ухā. Спустившись съ него, мы въ 9 ч. 30 м. вечера остановились на ночлегъ у рѣчушки Налàйха вода которой оказалась мутною и крайне непріятною для вкуса. Ночью нѣсколько разъ накрапывалъ дождикъ.

13-е Іюля. Вторникъ.

6 ч. +9½°; 9 ч. +13°; 12 ч. +18°; 3 ч. +19°; 6 ч. +16½°; 9 ч. +13½°.

Двинулись въ 6 ч. утра и тотчасъ же перебродили рѣчушку Налàйха, которая имѣетъ здѣсь не болѣе 1½ аршина ширины и не свыше полуаршина глубиною. Долина ея, — шириною саженей въ 200, густо поросла травами и имѣетъ сравнительно небольшое углубленіе въ отношеніи окрестныхъ степей. Поднявшись изъ нея на невысокій увалъ, мы нашли здѣсь торную дорогу на Цзӯнъ-хӯрӗнь, именуемую Цзӯрӯ-хӯцзӯнэй цзàмъ». Окрестная степь представляетъ собою незначительное поднятіе къ востоку и называется монголами Ганданàй амà, являясь въ ихъ представленіи какъ бы преддверіемъ холмовъ «Гàнданъ», возвышавшихся передъ нами приблизительно верстахъ въ 5. Дорога здѣсь прекрасная. День начался яснымъ и теплымъ. Вскорѣ намъ попалось два маленькихъ озерка, отъ которыхъ влѣво былъ видѣнъ красивый уголокъ въ долинѣ р. Толы. Рѣчьное русло ясно обозначалось аллеею деревьевъ, а въ долинѣ по мѣстамъ виднѣлись рощицы, окаймлялась же она высокими и скалистыми утесами. Говорятъ, что мѣста эти отведены подъ кочевья шабинàровъ ургинскаго хутухтӹ отòка Урӯнъ. Вправо отъ помянутыхъ озеръ намъ ясно виднѣлись двѣ дороги, Улāнъ дабāнай цзàмъ и Элэсӯ дабāнай цзàмъ, ведущія изъ Урги въ Калганъ. Продолжая путь далѣе, мы ровно въ 8 часовъ начали подниматься на Гàнданъ ухà, съ котораго спустились въ долину р. Толы. Послѣдняя очень красива, будучи испещрена рощами, отдѣльными зарослями деревьевъ и густо поросши травами и цвѣтами. Здѣсь намъ начали попадаться ѣдущими и идущими пѣшкомъ цѣлыя толпы богомольцевъ изъ Баргӯ-хошӯновъ, на границахъ Маньчжуріи: одни изъ нихъ направлялись въ Ургу на поклоненіе хутухтѣ, другіе уже возвращались домой. Въ 9 часовъ начали подниматься на Улāнъ-дабā, а въ 9 ч. 30 мин. перебродивъ ручей Улāнъ-дабāнай гōлъ, остановились для полдника на протокѣ р. Толы. Вода была у насъ теперь прекрасная и мы могли не только приготовить себѣ вкусный обѣдъ и отлично напиться чаю, но даже и запастись таковымъ на дальнѣйшій путь.

Такъ какъ лошади наши вышли изъ Урги почти не кормленными, то мы невольно должны были давать имъ болѣе продолжительный отдыхъ и выѣхали съ мѣста своей стоянки только въ 2 ч. 35 мин. Почти непосредственно отсюда р. Тола начала отдаляться отъ нашей дороги и въ 3 ч. 10 м., когда подъѣхали мы къ утесамъ горы Баѝнъ ӯла, она окончательно повернула на сѣверъ, между тѣмъ какъ мы продолжали свой путь прямо къ востоку. Черезъ 25 мин. ѣзды мы получили развлеченіе, созерцая не-

обычную картину движенія каравана цэцэнъ хāновскаго цзасакà Хубчинъ-чжонòнъ-бэйсэ, ѣхавшаго въ Ургу на праздникъ «Долōнъ-хошӯнай нāдамъ». Караванъ состоялъ изъ 112 верблюдовъ, нагруженныхъ имуществомъ и юртами князя и его прислужниковъ. Самъ князь ѣхалъ въ громадной китайской двуколесной телегѣ, снабженной двумя дверцами и четырьмя окнами. Въ телѣгу былъ впряженъ огромный бѣлый верблюдъ, съ большими, совершенно закрывающими горбы бѣлыми хомами, отороченными синею дàбу. За княземъ въ телѣгахъ, хотя и менѣе обширныхъ, но также нарядно убранныхъ, ѣхали его чиновники съ женами и дѣтьми. Далѣе слѣдовалъ отрядъ княжескихъ борцовъ, за которыми потянулись верблюды нагруженные луками, сāдаками, стрѣлами и прочими военными доспѣхами; караванъ этотъ сопровождала толпа всадниковъ, человѣкъ въ 20-ть, — это были княжескіе стрѣлки. Невдалекѣ отъ этого княжескаго поѣзда, хотя и очевидно отдѣльно отъ него, ѣхали то верхами на лошадяхъ, то въ телѣгахъ тàйчжіи того же хошӯна Хубчѝнъ-чжонòнъ бэйсэ, также съ своими семьями. Всѣ они были разряжены и особливо жены тàйчжіевъ просто блистали своими атласными и золототканными гӱльмӯками. Погожій день, очевидно, давалъ имъ возможность придать предпринятому ими путешествію характеръ прогулки: большая часть женъ тàйчжіевъ, повышедши изъ телѣгъ, ѣхала верхомъ, непремѣнно въ сопровожденіи двухъ верховыхъ же служанокъ, слѣдовавшихъ по бокамъ сзади. Одни ѣхали степенно, другіе мчались вскачь, а вобщемъ все это представляло прекрасную и необычайно пеструю картину. Въ 4 ч. 10 мин. мы достигли пологаго, но длиннѣйшаго перевала Цзӯрӯ-хӯцзӯ, поднимающагося двумя главными уступами. Двигаясь по первой части его около часа, мы взобрались на высшую точку втораго уступа уже въ 6 ч. вечера. Спускъ съ Цзӯрӯ-хӯцзӯ къ востоку гораздо короче, хотя и не менѣе пологій, что свидѣтельствуетъ о значительномъ возвышеніи восточныхъ долинъ сравнительно съ западными. Въ 7 ч. 10 мин. мы поднялись на Чулӯту даба, получившій свое названіе отъ обнаженныхъ и вывѣтрившихся камней, стоящихъ на гребнѣ горъ въ видѣ разрушенныхъ башень. Спустившись съ него, мы вступили въ долину рѣки Чулӯтуйнъ гōла, самой же рѣки мы почти и не замѣтили: она предстала намъ въ 8 час. веч. въ видѣ полуизсохшаго незначительнаго ручья. Отъ него черезъ перевальчикъ мы вступили въ болотистую мѣстность, именуемую Баѝнъ-гōл'омъ, слѣдуя по которой и стали на ночлегъ въ 9 ч. вечера. Вода здѣсь оказалась настолько грязною и вонючею, что ни сварить ужина, ни еще болѣе чая оказалось невозможнымъ; къ счастію мы имѣли у себя чай въ бутылкахъ съ береговъ р. Толы; разогрѣли его, выпили и улеглись спать. Но не надолго: въ 11 ч. 45 м. пошелъ сильный

дождь; спасаясь отъ него, мы прикрыли свою телѣгу мàйханомъ, но заснуть почти не могли отъ страшной духоты, явившейся естественнымъ результатомъ этой укупорки.

14-е Іюля. Среда.

6 ч. +9°; 9 ч. +13½°; 12 ч. +18°; 13 ч. +13½°; 6 ч. +11°.

Проснувшись въ 5½ час. съ головною болью, мы съ радостью узнали, что одинъ изъ нашихъ монголовъ отправился разыскивать чистой воды, чтобы доставить намъ возможность напиться чаю. Такая заботливость и предупредительность весьма трогательны. Вскорѣ онъ привезъ кувшинъ ключевой воды, которой хватило, конечно, не на умыванье, а только на чай. Выѣхали въ 7 час. и изъ долины Байнъ-гӧла поднялись на небольшой увалъ, составляющій отрогъ высокихъ горъ Хушингà ӯла, тянущихся къ сѣверу отъ нашей дороги на протяженіе верстъ 15-ти. Что касается собственно дороги, то она, по спускѣ съ помянутаго увала, или лучше горнаго мыса Хушингà хошӯ, вступаетъ въ обширную долину Хуцāгыйнъ гӧла, тянущуюся съ запада на востокъ верстъ на 20, а съ сѣвера на югъ верстъ на 50, или около этого. Въ сѣверной своей части, и именно въ параллели дороги, долина эта пересѣкается невысокимъ уваломъ Хуцāгыйнъ ухā, черезъ который мы перевалили въ 8 ч. 30 мин. Къ югу этотъ увалъ тянется не болѣе какъ верстъ на 5 и засимъ, постепенно понижаясь, сливается со степью. Тамъ, нѣсколько къ ЮВ. отъ него, залегаетъ, говорятъ, озерко съ прѣсною водою, но мы не могли видѣть его съ дороги. Вступивъ во вторую, восточную часть долины Хуцāгыйнъ гӧла, мы ѣхали по ней до 11 ч. 10 м. дня, когда начали подниматься на пологій и длинный перевалъ Шӯхàйнъ даба, за которымъ послѣдовала долина Шӯхàйнъ гӧла. Русло послѣдняго извивается по долинѣ въ видѣ нешироκаго и значительно углубленнаго ручья, но теперь мы не нашли въ немъ воды, которая, говорятъ, изсохла отъ жаровъ. Впрочемъ эти жары не повліяли, повидимому, на окружающую степь, которая представляется не только богато поросшею травами, но и испещренною самыми разнообразными цвѣтами. Въ 12 ч. 50 мин. мы добрались до ключа, имя котораго намъ осталось не извѣстнымъ и здѣсь остановились для полдника. Вокругъ этого ключа росло нѣсколько деревьевъ и наши проводники говорили мнѣ, что эти деревья представляютъ собою границу распространенія древесной растительности на югъ; дѣйствительно южнѣе сего уже не было видно деревьевъ въ долинѣ. Въ 3 часа пошелъ довольно сильный дождь, который порядкомъ задержалъ насъ на стоянкѣ. Къ 4½ часамъ онъ пересталъ и хотя небо со всѣхъ сторонъ было заволочено страшными тучами, тѣмъ не менѣе мы въ 5 ч. 10 м. двинулись въ дальнѣйшій путь, надѣясь добраться

до Цзӯнъ-хӯрѣня, до котораго оставалось не больше 15 верстъ. Монголы говорили, что вся наша послѣдующая дорога должна состоять изъ болѣе или менѣе высокихъ переваловъ и въ общемъ предстоявшій намъ путь можно было обрисовать нижеслѣдующими чертами. Къ сѣверу отъ нашей дороги былъ ясно виденъ тянущійся отъ запада къ востоку горный кряжъ, съ послѣдовательно вздымающимися вершинами: Чжинсутӯ-ӯла (противъ которой мы стояли на полдникѣ), Цантӯ-ӯла, Байшинтӯ-ӯла и Тогӧсъ-ӯла. Съ каждой вершины трехъ послѣднихъ горъ скатывается по рѣчушкѣ, одинаково называемыхъ Байталы̀къ и направляющихся къ Хэрӯлӯнӯ, а между собою рѣчушки эти раздѣляются увалами. Такъ охарактеризовали мнѣ нашу предстоящую дорогу монголы и почти тоже встрѣтили мы въ дѣйствительности. Поднявшись съ мѣста стоянки, мы въ 6 час. переправились черезъ рѣчушку Барӯнъ-байталы̀къ и перевалили черезъ увалъ того же имени; далѣе послѣдовала долина рѣчушки Дундӯ-байталы̀къ, перебродивъ которую, мы въ 7 ч. 10 мин. взобрались и на увалъ ея имени. Далѣе послѣдовало урочище, именуемое Долӧнъ-даба̄; оно составляется семью послѣдовательно возвышающимися въ видѣ волнъ, или грядъ увалами. Переваливая черезъ послѣдній изъ этихъ дабӑновъ, мы были застигнуты страшнымъ ливнемъ, который, правда, вскорѣ ослабѣлъ до степени сильнаго дождя, но въ этомъ видѣ мочилъ насъ вплоть до прибытія нашего въ Цзӯнъ-хӯрѣнь. Въ 8 ч. 30 мин. перебродивъ рѣчушку Цзӯнъ-байталы̀къ, мы поднялись на увалъ ея имени. До хӯрѣня оставалось не болѣе 3-хъ верстъ, но дождь падалъ такъ сильно и темень была такая страшная, что рѣшительно ничего не было видно даже въ 10 шагахъ. Не удивительно посему, что, въ 10 ч. вечера, поднимаясь на пригорокъ, на которомъ расположенъ Цзӯнъ-хӯрѣнь, извозчики мои попали на косогоръ, гдѣ и опрокинулась одна изъ нашихъ телѣгъ съ вещами. Монастырь былъ еще въ разстояніи версты и притомъ давно уже спалъ; людей достать было негдѣ и пришлось работать самимъ. Тутъ дѣла хватило уже на всѣхъ вплоть до жены, которой пришлось держать лошадей. Только въ 11 час. ночи добрались мы до монастыря и подъѣхали къ монастырскому казначейству. Дежурный лама ввелъ насъ въ монастырскую кухню, помѣщавшуюся въ эту лѣтнюю пору въ дощатомъ сарайчикѣ; но грязь здѣсь была такая страшная и дождь такъ протекалъ черезъ крышу, что обогрѣться въ этой кухнѣ, перемѣнить мокрое бѣлье и платье, наконецъ напиться чаю было рѣшительно не возможно. Такъ какъ будить настоятеля монастыря было не деликатно, то я послалъ свою карточку къ монастырскому нирбѣ (казначею), прося его гостепріимства. Минутъ черезъ 10 явился казначей, который ввелъ насъ въ обширную юрту казначейскаго ямуня и предоставилъ

ее въ наше распоряженіе. Пока мы переодѣвались, намъ былъ готовъ уже чай, а явившійся снова казначей разставилъ передъ нами на столикѣ монастырскіе пряженцы, жареныя сливки (ӯрмэ), жужубы, шепталу и пр. сладости. Угостивъ его своими припасами, мы только къ 1 часу ночи немножко успокоились; спать въ юртѣ не рѣшились, потому что видѣли здѣсь уже не мало непріятныхъ насѣкомыхъ, а отправились въ свою телѣгу, которую только попросили закрыть сверху нашедшимся въ казначейскомъ складѣ брезентомъ.

15-е Іюля. Четвергъ.

6 ч. +9°; 9 ч. +20°; 12 ч. +14°; 3 ч. +17°; 6 ч. +15°; 9 ч. +14°.

Проснулись въ 5 ч. 30 м. утра по звуку раковины, приглашавшему ламъ къ совершенію утренняго хурàла. Дождь продолжается, хотя уже не столь сильный, а къ 7 часамъ онъ прекратился во все. Оправившись, я пошелъ къ своему хозяину, нирбѣ, что бы поговорить съ нимъ о Цзӯнъ-хӯрѣни. Съ казначеемъ можно было говорить съ пользою о дѣлахъ хозяйственныхъ и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно не только сообщилъ мнѣ много новаго на словахъ, но и подтвердилъ свои сообщенія оффиціальными документами, изъ которыхъ я тотчасъ же попросилъ сдѣлать потребныя для меня выписки. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ я сдѣлалъ визиты мѣстному цорчжѝ и гэбкӯю, а засимъ отправился на осмотръ и фотографированіе монастыря, хотя то и другое было крайне неудобно: на улицахъ была непролазная грязь и дождевыя лужи представляли собою цѣлыя озера; небо было пасмурно и облегавшія его свинцовыя тучи только мѣстами стали разрѣживаться и разрываться.

Цзӯнъ-хӯрѣ располагается верстахъ въ 3-хъ отъ р. Хэрӯлӯна, на правомъ берегу онаго и близъ южной подошвы горы, именуемой Хӯшѝ-тогòсъ. Лѣтопись «Эрдэнійнъ эрихэ̀» записываетъ, что Ундӯръ-гэгэ̀нъ основалъ этотъ монастырь въ 50-мъ году правленія Канси, и слѣдовательно относитъ его построеніе къ 1761 году, сообщая, что монастырю этому въ тоже время было даровано имя Шат-дӯбъ чòй-кор линъ; тѣмъ страннѣе было прослушать мнѣ показаніе мѣстныхъ ламъ, по общему мнѣнію которыхъ, Цзӯнъ-хӯрѣнь былъ основанъ при второмъ ургинскомъ хубилга̀нѣ Чжэбцзӯнъ-дамба̀ хутухты̀, отцомъ этого хутухты̀, богдò дарха̀нъ-цинь-ва̀номъ. Нѣкоторое примиреніе получающагося противорѣчія можно находить лишь въ третьемъ мнѣніи, что дарха̀нъ-цинь-ва̀нъ построилъ здѣсь собственно дворецъ хутухты̀. Разказываютъ, что когда малолѣтній Лобса̀нъ-дамба̀-донмѝ былъ объявленъ хубилга̀номъ хутухты̀, то отецъ его, дарха̀нъ цинь-ва̀нъ, рѣшилъ пресѣчь существовавшую дотолѣ близость

хутухты̀ хошӯну тӯшѣтӯ ха̄на; онъ не желалъ, что бы сынъ его ѣздилъ въ старѣйшіе и наиболѣе славные хутухтѝнскіе монастыри, Эрдэнѝ-цзӯ и Барӯнъ-хӯрѣ, которые располагались въ тӯшѣтӯ ха̄новскомъ хошӯнѣ, а потому и рѣшилъ поднять значеніе третьяго хутухтинскаго монастыря, Цзӯнъ-хӯрѣня, который стоялъ на земляхъ его собственнаго, дарха̀нъ-цинь-ва̀нова хошӯна. Съ этою цѣлью дарха̀нъ-цинь-ва̀нъ построилъ здѣсь дворецъ хутухты̀ и вообще отдѣлалъ весь этотъ монастырь, затративъ на него громадныя суммы. Біографіи ургинскихъ хутӯхтъ достаточно свидѣтельствуютъ намъ, что этимъ намѣреніямъ дарха̀нъ-цинь-ва̀на не суждено было осуществиться во всей точности; но, несомнѣнно, что съ этой поры и самъ цинь-ва̀нъ, и всѣ послѣдующіе потомки его вплоть до настоящаго времени всегда смотрѣли и смотрятъ на Цзӯнъ хӯрѣнь не только какъ на свой родовой монастырь, но даже какъ на свою вотчину, изъ которой, по нуждѣ, они могутъ получать всевозможные доходы.

Цзӯнъ-хӯрѣнь монастырь не особенно большой; онъ не превосходитъ Барӯнъ хӯрѣня ни по своей величинѣ, ни по своимъ постройкамъ и даже имѣетъ много сходнаго съ этимъ монастыремъ. Окружность его едва ли превышаетъ двѣ версты, а число населяющихъ его ламъ въ разное время колеблется между 2 и $2^1/_2$ тысячами человѣкъ. По своему плану Цзӯнъ-

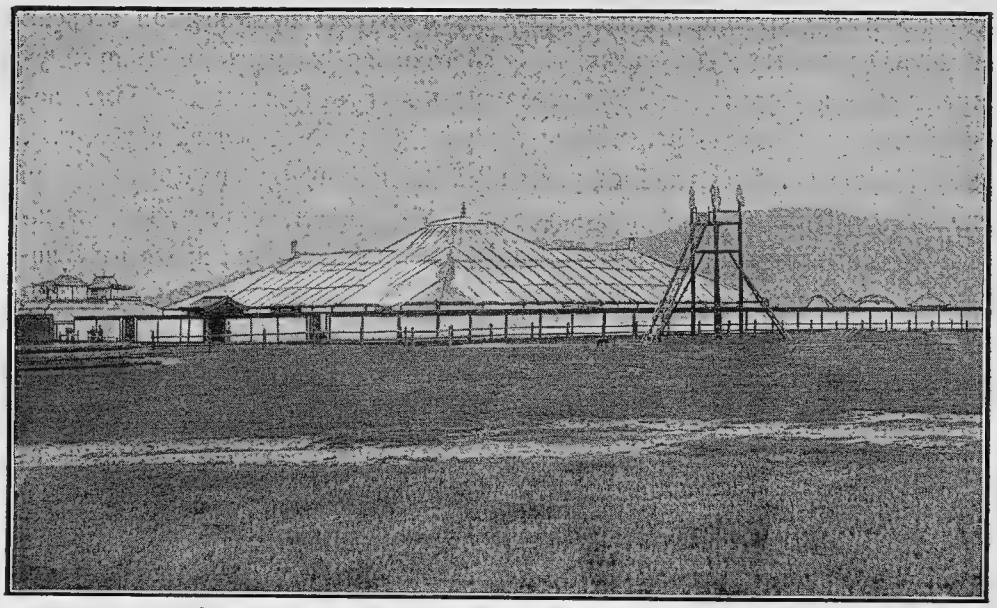
Дворецъ ургинскаго хутухты въ Цзӯнъ хӯрѣни

хӯрѣнь представляетъ собою не вполнѣ правильный четырехугольникъ, пересѣкаемый крестъ на крестъ двумя главными улицами, средина же че-

тырехугольника занимается большою площадью, на которой располагаются всѣ монастырскія святыни. Основнымъ предметомъ поклоненія является здѣсь дворецъ гэгэ̀на, съ внѣшней стороны много напоминающій собою ургинскій. Подворье его обнесено заборомъ изъ поставленныхъ стойкомъ досокъ и представляетъ правильный четырехугольникъ, каждая сторона котораго равняется 18 саженямъ. Сообразно дарованнымъ гэгэ̀ну преимуществамъ, заборъ этотъ окрашенъ теперь въ краску желтаго цвѣта, почему и все это отдѣленіе извѣстно теперь подъ именемъ «шара̀ хӯрэ̄», т. е. желтой ограды. Съ южной стороны въ подворье ведутъ его единственныя ворота, называемыя «святыми воротами». Онѣ имѣютъ форму двухъ-этажной бесѣдки, нижній этажъ коей назначенъ собственно для прохода въ подворье, а на верху, въ мезонинѣ, устроена маленькая кумирня; крыша воротъ имѣетъ сполна форму кумиренной и отмѣчается тѣми же буддійскими символическими формулами, которыя водружаются и на кровляхъ кумирень. Передъ этими святыми воротами съ наружной стороны ихъ раскидывается во всю ширину подворья «площадь поклоненій», огороженная балясинами. Проходъ черезъ самыя «святыя ворота» предназначается исключительно для хубилга̀новъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты̀, что же касается остальныхъ смертныхъ, то они вступаютъ за «шара̀-хӯрэ̄» чрезъ устроенныя по бокамъ воротъ калитки. За стѣнами «шара̀ хӯрэ̄» помѣщается сравнительно очень немного зданій. Отъ воротъ первое мѣсто занимаетъ большая бѣлая войлочная юрта съ гэгэ̀новскими красными оторочками дэ̄бӯра; она предназначается служить для зимняго жилища гэгэ̀на и хотя гэгэ̀нъ рѣшительно никогда не бывалъ зимою въ Цзӯнъ-хӯрэ̄ни, тѣмъ не менѣе юрта эта изъ года въ годъ поновляется, исправляется и даже три раза ставилась новою, сгнивая на мѣстѣ, рѣшительно безъ всякаго употребленія и пользы. Шагахъ въ 10, 12-ти за этой юртой, къ сѣверу отъ нея, воздвигнуто деревянное зданіе дворцовой кумирни гэгэ̀на, гдѣ преимущественно чествуются сакӯсунъ Гѐмбо-гӯру и второй хубилга̀нъ ургинскаго Чжэбцзӯнъ дамба̀ хутухты̀. Нѣсколько вправо отсюда стоитъ деревянный сарайчикъ, служащій во 1-хъ кладовою для храненія имущества помянутой кумирни, а во 2-хъ кухнею для приготовленія жертвоприношеній въ ту пору, когда въ кумирнѣ совершаются хура̀лы. Позади этихъ зданій у самой сѣверной стѣны построенъ самый простой деревянный ба̀йшинъ, предназначенный для лѣтняго проживанія хутухты. Таковъ хутухтинскій дворецъ въ Цзӯнъ-хӯрэ̄ни, имѣющій для халхасовъ значеніе развѣ историческое и религіо́зное, но не отличающійся ни своимъ богатствомъ, ни своею древностью.

На той же срединной монастырской площади располагаются и другія

общественныя кумирни Цзӯнъ-хӯрӗня, каковы: Цаниды̀йнъ сӱмэ̀ и Цокчѝнъ. Послѣдній по своей постройкѣ представляетъ для халхасовъ ту особенность, что онъ цѣликомъ сохранилъ въ себѣ всѣ тѣ архитектурныя

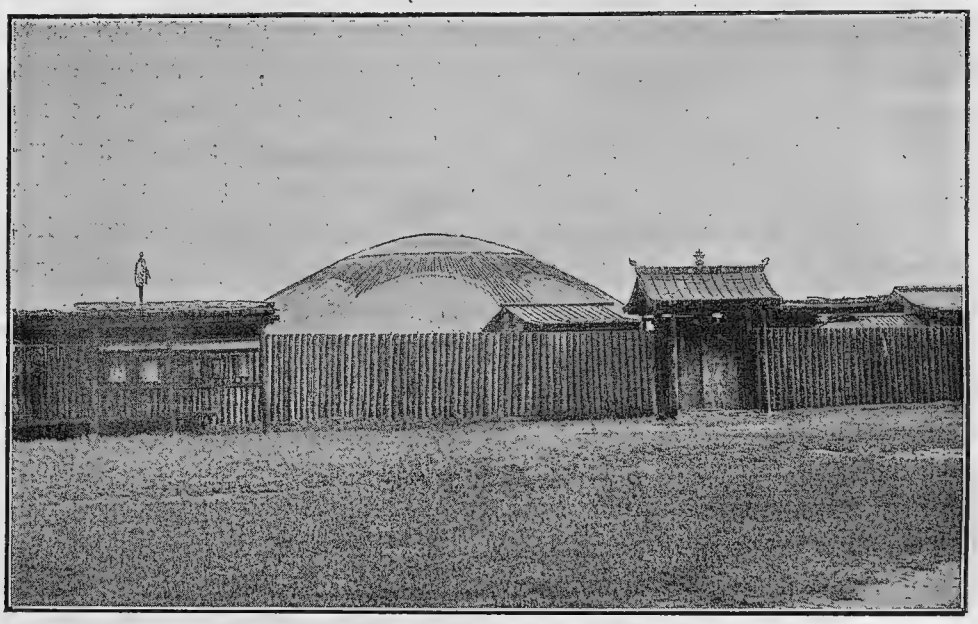


Цзӯнъ хӯрӗньскій цокчинъ.

формы, которыя были составлены Ундӯръ гэгэ̀номъ для халхаскихъ цокчѝнскихъ кумирень. Формы эти уже были изложены нами при описаніи ургинскаго цокчѝна (см. томъ I стр. 82); но послѣдній является, какъ извѣстно, въ настоящую пору уже расширеннымъ, сообразно второй части предписаній Ундӯръ-гэгэ̀на, такъ что по нему не сразу возможно опредѣлить первоначальный типъ зданія; въ цзӯнъ-хӯрӗньскомъ цокчѝнѣ напротивъ типъ этотъ сохранился нимало не измѣненнымъ, а потому позволяетъ видѣть какъ основной планъ постройки Ундӯръ-гэгэ̀на, такъ и заключать, каковымъ представлялся ургинскій цокчѝнъ до времени его расширенія.

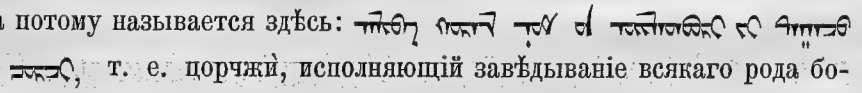
Помимо этихъ общественныхъ кумирень монастыря на ту же главную площадь выходятъ своими главными воротами и всѣ аймà̀чныя кумирни Цзӯнъ-хӯрӗня. Послѣднія по своему внѣшнему виду удивительно воскрешаютъ въ памяти представленіе объ ургинскихъ аймà̀чныхъ дугӯнахъ, ибо походятъ на нихъ какъ двѣ капли воды и въ этомъ подражаніи Цзӯнъ-хӯрӗнь не можетъ быть сравниваемъ ни съ Эрдэнѝ-цзӯ, ни съ Барӯнъ-хӯрэ̀, ни съ какимъ либо инымъ изъ хутухтинскихъ монастырей. Вы видите здѣсь не только то же устройство заборовъ изъ стоящихъ бревенъ

лиственницы, но и совершенно тотъ же фасадъ входныхъ кумиренныхъ воротъ; то же расположеніе навѣсовъ для аукціонныхъ продажъ пожертвованныхъ кумирнѣ имуществъ; тотъ же способъ въ устройствѣ проходовъ отъ воротъ до кумирни; ту же форму кумиренныхъ сѣней; тѣ же кумиренныя юрты съ изукрашенными рубчатыми оторочками дэбўровъ. Сло-



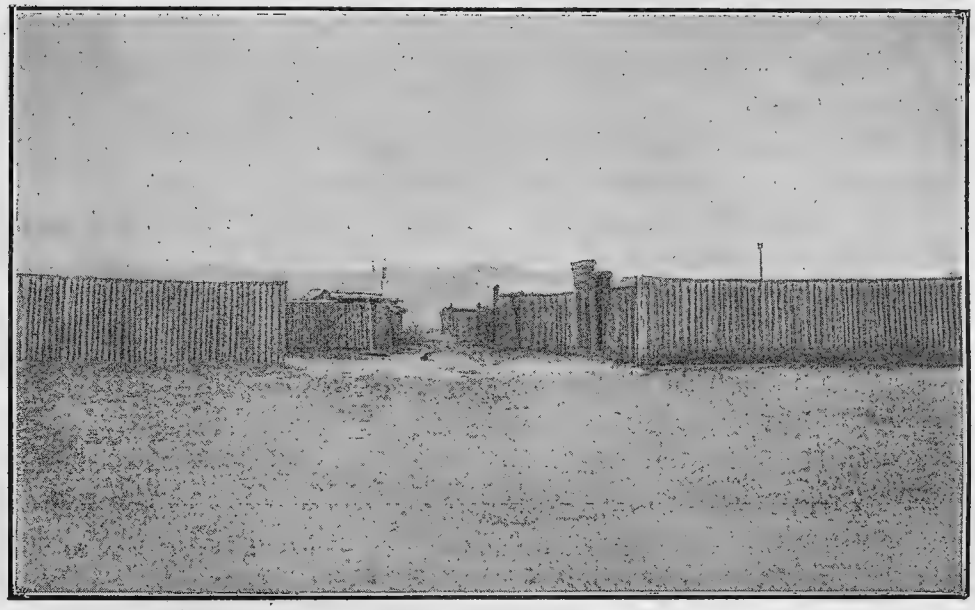
Типъ аймачныхъ кумирень въ Цзўнъ хўрэ̄ни.

вомъ, мы можемъ сказать, что человѣку, видѣвшему аймачныя кумирни въ Ургѣ, нечего смотрѣть ихъ въ Цзўнъ-хўрэ̄ни и наоборотъ.

Включаемый въ число монастырей ургинскаго Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухты̀, Цзўнъ-хўрэ̄нь имѣетъ не только одинаковое съ Ургою, но можно сказать и одно общее съ нею управленіе. Во главѣ цзўнъ-хўрэ̄ньскаго управленія стоятъ два цорчжѝ-ламы̀, причемъ должность старшаго цорчжѝ-ламы̀ есть собственно почетная и на нее назначаются обычно старѣйшіе и заслуженнѣйшіе, но уже совершенно не пригодные ни къ какой дѣятельности, по преклонности своихъ лѣтъ, ламы; въ помощь имъ назначается второй цорчжѝ, который дѣйствительно несетъ на себѣ всю тяготу управленія, а потому называется здѣсь:  , т. е. цорчжѝ, исполняющій завѣдываніе всякаго рода богослужебной и учебной дѣятельностью. Далѣе въ порядкѣ постепенности будутъ слѣдовать: «ширэ̄тў» и помощники ихъ «лацà̀бы», которые въ Цзўнъ-хўрэ̄ни не называются этимъ тибетскимъ титуломъ, а извѣстны

подъ китайско-монгольскимъ названіемъ «да-цзàйсанъ лама̀». Всѣ эти высшія должностныя лица духовной администраціи, равно какъ и завѣдывающіе отдѣльными частями, напримѣръ, учебнаго, или хозяйственнаго управленія, назначаются въ Цзӯнъ-хӯрэ̄ни не иначе, какъ съ утвержденія высшихъ властей: духовныхъ,—въ Ургѣ и свѣтскихъ—въ хошӯнѣ. Мой хозяинъ по квартирѣ въ Цзӯнъ-хӯрэ̄ни, казначей обще-монастырскихъ имуществъ, лама Лобсàнъ-шарàбъ, разказывалъ мнѣ, что когда въ 1881 году предшественникъ его, «нирба̀ йэхэ-чжисàна», по болѣзни, не могъ исправлять своей должности и подалъ прошеніе объ отставкѣ, то монастырское начальство Цзӯнъ-хӯрэ̄ня отписало объ этомъ ургинскимъ: ханбо̄-номӯнъхā̄ну, дэ̀дъ-ханбо̄-ламѣ, эрдэнѝ-шанцзотбѣ, вмѣстѣ съ засѣдающими въ его ямунѣ гӯномъ и да̄-ла̀мами и наконецъ хошӯннымъ правителямъ. Испрашивая увольненія ищущему отставки, оно вмѣстѣ съ симъ освѣдомлялось, не имѣютъ ли помянутыя лица чего либо противъ назначенія на открывшуюся вакансію Лобсàнъ-шарàба и только послѣ выраженнаго уже всѣми ими согласія, онъ, Лобсàнъ-шарàбъ, былъ утвержденъ въ своей должности. Такимъ образомъ рѣшительно всѣ должностныя лица Цзӯнъхӯрэ̄ня являются извѣстными высшимъ правителямъ шабѝнскаго вѣдомства въ Ургѣ и нужно сказать, что всѣ они стоятъ у ургинскихъ правителей на гораздо лучшемъ счету чѣмъ собственно ургинскіе ламы. По этой то причинѣ, при открывающихся высшихъ административныхъ должностяхъ въ Ургѣ, къ замѣщенію ихъ скорѣе привлекаются цзӯнъ-хӯрэ̄ньскіе ламы, чѣмъ повышаются отбывающіе низшія обязанности въ Ургѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, что настоящій второй порчжѝ лама въ Ургѣ до времени своего назначенія на это мѣсто, состоялъ шонлѝбо́мъ цанѝтскаго дацàна въ Цзӯнъ-хӯрэ̄ни. Уяснить въ точности причины существованія такого взгляда довольно трудно, хотя по общему и обычному направленію халхаской мысли можно предположить, что въ понятіяхъ халхасовъ сама Урга, представляя собою массу развлеченій для ламства, естественно дѣйствуетъ на него развращающимъ образомъ, не смотря на обиліе въ ней святынь: кто попалъ въ Уру, тотъ уже плохой исполнитель обѣтовъ, — онъ снисходительнѣе и легче смотритъ на нарушенія обѣтовъ, чаще входитъ въ соотношеніе съ мірянами, не рѣдко хитритъ, вынуждаемый къ сему, чисто корыстными видами. Совсѣмъ не то въ Цзӯнъ-хӯрэ̄ни, гдѣ нѣтъ ни торговли, ни шумнаго рынка, гдѣ ламы только и живутъ своею жизнью и гдѣ волей неволей имъ приходится учиться и заниматься богомысліемъ. Дѣйствительно, жизнь цзӯнъ-хӯрэ̄ньскихъ ламъ ни мало не похожа на ургинскую: почти всѣ ламы слушаютъ здѣсь курсъ цанѝта и цѣлые дни просиживаютъ за книгами; во внѣшнемъ убранствѣ ихъ юртъ

полнѣйшее отсутствіе какихъ нибудь предметовъ роскоши, или бездѣлушекъ; на улицахъ абсолютная пустота и за исключеніемъ хожденія въ хурàлы, ламы, кажется, и не показываются здѣсь въ другое время. Въ Ургѣ, Эрдэнѝ-цзӯ, Барӯнъ-хӯрэ̄ни вы при каждыхъ воротахъ увидите коновязи для лошадей пріѣзжающихъ гостей, а индѣ даже лавочки для вечернихъ



Цзӯнъ-хӯрэ̄ньская улица.

посидокъ; ничего подобнаго въ Цзӯнъ-хӯрэ̄ни: его улицы въ обычное время дня кажутся совершенно мертвыми.

Построенный на средства Дархàнъ-цинь-вàна, предка настоящаго Пунъ-бэйсэ, Цзӯнъ-хӯрэ̄нь съ тѣхъ поръ не пользуется рѣшительно никакими особенными благами отъ своихъ хошӯнныхъ правителей, тѣмъ не менѣе послѣдніе считаютъ этотъ монастырь какъ бы своимъ достояніемъ и время отъ времени освѣдомляются объ его матеріальномъ благосостояніи и достаткахъ. Разговаривая со мною по сему предмету, Лобсàнъ-шарàбъ, какъ главный казначей всѣхъ монастырскихъ имуществъ, могъ доставлять свѣдѣнія вполнѣ обстоятельныя. Съ нескрываемою злобою онъ говорилъ мнѣ, что хошӯнные правители только разоряютъ ихъ монастырь, изъ года въ годъ вытребовывая изъ него цѣлыя тысячи ланъ серебра. Для доказательства онъ раскрылъ мнѣ расходную книгу по отдѣлу забора хошӯннаго князя. Это былъ безподобный документъ, начинавшійся съ перваго года правленія Тунъ-чжи (1862 г.) и тянувшійся до 9-го года правленія Гуанъ-

сюй (1883 г.), проштудировать его было въ высшей степени интересно; но какъ для сего у меня совершенно не было времени, то я попросилъ нирбу̀ сдѣлать мнѣ выписку изъ этой книги княжескихъ требованій и заборовъ хотя бы изъ одного или друхъ монастырскихъ àймаковъ. Лобсàнъ-шарàбъ тотчасъ же приказалъ одному изъ писцовъ переписать два àймака и вотъ эта выписка въ ея точномъ переводѣ:

«Заборы князя изъ àймаковъ Чжикчжѝтъ и Дэмчòкъ Цзӯнъ-хӯрѣньскаго монастыря.

Изъ чжисàна àймака Чжикчжѝтъ отправлено:

Тунъ-чжи 1-го г. правленія, 2-й весенней луны 17 числа, въ казначейство князя . . . . . 237 ланъ; ихъ получилъ хàфань Рабтàнъ.

» 5-го г. (1866 г.) средней зимней луны 8 числа отправлено . . . . . 190 ланъ.

» того же года осенью отправлено. . . . . 70 ланъ.

» 7 г. (1868 г.) 1-го числа 1-й лѣтней луны отправлено 183 л. 5 ц.

» 10 г. (1871 г.) 20-го ч. послѣдней осенней луны отправлено . . . . . 403 ланы.

» того же года, 13 ч. послѣдней зимней луны . . . . . 303 л. 5 ц.; деньги эти получилъ тэригӯнъ Сӯцзӯктӯ въ уплату за доставку топлива для войскъ.

« 13 г. (1874) 9 ч. 2-й лѣтней луны отправлено . . . . 250 ланъ; деньги эти получили да̄-ламà Чжамсарàнъ и цзàйсанъ Донòй.

На расходы по чествованію Гэнтэя выдано . . . . . 9 л. 6 ц.

Гуанъ-сюй 4-го г. (1878) 2-й л. 14 числа, по приказанію князя, выдано тòйну Чжамсарàну, бывшему цорчжѝ-ламѣ въ видѣ княжескаго подарка . . . . . 25 ланъ.

Тунъ-чжи въ 7-мъ году въ счетъ цѣнности коровьяго масла уплачено лошадьми . . . . . 75 головъ.

въ 11 году коровьяго масла. . . . . 212 гин.

Гуанъ-сюй въ 1-мъ г. (1875 г.) коровьяго масла. . . . . 295 гин.

въ 3-мъ году (1877) въ разное время осени, зимы и весны доставлено коровьяго масла. . . . . 450 гин.

въ 4-мъ (1878) г. осенью и зимою доставлено коровьяго масла. . . . . 298 гин.

въ 5-мъ (1879) году доставлено коровьяго масла. . . 250 гин.
въ 6-мъ (1880) » » » » . . . 100 гин.
въ 7-мъ (1881) » » » » . . . 505 гин.
въ 8-мъ (1882) » » » » . . . 210 гин.
въ 9-мъ (1883) » » » » . . . 296 гин.

Взято изъ чжисàна на нужды князя:

Борòнъ торгò 2 куска.

Дашѝ-хадакòвъ 100 шт.

Козловыхъ и овечьихъ шкуръ 67 шт.

Для внутренней обшивки княжеской юрты взято пестрой русской дāбу (вѣроятно, — ситецъ) — 3 куска.

Ковровъ 2.

Во 2-мъ году Гуанъ-сюй (1876 г.) для княжескаго стола затребовано 15 барановъ.

Изъ чжисàна àймака Дэмчòкъ.

Тунъ-чжи 1-го г. прибывшій въ 2-й лунѣ хàфань Рабтàнъ долженъ былъ получить 250 ланъ, но выдано 150
а 100 ланъ не достало.

5-го (1866) года 9-й л. 16 числа хāлгачи Цэрэномъ доставлено князю . . . . . 70 ланъ.

того же года 11 луны 8 ч. хāлгачи Лобсàнъ доставилъ князю. . . . . 190 ланъ.

въ 6-мъ (1867) г. по случаю сбора овецъ на провіантъ войскамъ доставлено . . . . . 103 ланы.

въ 7-мъ (1868) г. по случаю поѣздки князя въ Пекинъ доставлено на расходы . . . . . 487 ланъ.

въ 10-мъ (1871) году по случаю поѣздки князя въ Пекинъ отъ àймака Дэмчòкъ затребовано 656 ланъ; по немедленной высылкѣ возможнаго, оставалось не выплаченнымъ 452 ланы; въ число ихъ 12-го числа послѣдней зимней луны того же года тэригўнъ Сўцзўктў получилъ 204 ланы; это были 4 слитка юаньбао . . . . . 407 ланъ.

въ 12-мъ (1874) году, 8 луны 28 ч. черезъ посредство дā-ламы Чжамсарàна доставлено князю . . . . . 268 ланъ.

Гуанъ-сюй 4-го (1878) года первой зимней луны 13-го числа. . 25 ланъ.

Коровьяго масла:

Зимою 13-го года Тунъ-чжи приказано было доставить въ княжескій санъ 316 гиновъ; изъ нихъ за 70

гиновъ уплачено 20 сонòмъ-хадакòвъ и доставлено масла натурою . . . . . 446 гин.
Гуанъ-сюй во 2-мъ (1876) году доставлено . . . . . 100 гин.
въ 3-мъ (1877) году . . . . . 150 гин.
23-го числа 10-й луны того же года . . . . . 191 гин.
въ 4-мъ (1878) году 17-го ч. 1-й луны . . . . . 150 гин.
» 11-го ч. 8-й луны . . . . . 100 гин.
» 21-го ч. 1-й зимней луны . . . . 150 гин.
въ 5-мъ (1879) году въ прибавочной лунѣ . . . . . 45 гин.
» 28-го ч. послѣдней лѣтней луны 83 гин.
въ 6-мъ (1880) году 7-го ч. 1-й лѣтней луны . . . . . 50 гин.
» 4-го ч. 1-й осенней луны . . . . 33 гин.
въ то же время даргà Дамбà доставилъ . . . . . 17 гин.
въ 6-мъ (1880) году 27-го ч. средней осенней луны. 50 гин.
» 20-го ч. 1-й зимней луны . . . . 109 гин.
въ 7-мъ году 25 ч. 2-й луны . . . . . 150 гин.
» 15 ч. прибавочной луны . . . . . 102 гин.
» 20 ч. послѣдней осенней луны . . . . . 150 гин.
въ 8-мъ (1882) году въ 5-й лунѣ . . . . . 75 гин.
» въ 7-й лунѣ . . . . . 75 гин.
» 12-го ч. 9-й луны . . . . . 100 гин.
въ 9-мъ (1883) году 5-го ч. 1-й луны . . . . . 150 гин.
» въ 5-й лунѣ . . . . . 51 гин.
» осенью . . . . . 96 гин.

Сверхъ сего на нужды князя доставлено новыхъ бараньихъ тулуповъ 100.

Доставлено козловыхъ шкуръ: въ хошӯнное управленіе 15
въ княжескій сàнъ 15
въ 13-мъ г. Тунъ-чжи въ княжескій сàнъ 25

Во 2-мъ г. Гуанъ-сюй для стола князя затребовано барановъ 15.

Въ $10^1/_4$ часовъ, когда небо нѣсколько прояснѣло, я, забравъ фотографическіе аппараты, отправился чтобы сдѣлать нѣсколько снимковъ Цзӯнъ-хӯрѣня и при этомъ цзӯнъ-хӯрѣньскіе ламы опять таки отъ мала до велика поразили меня своею солидностью. Собравшись толпою человѣкъ въ 70, 80, они, конечно, смотрѣли на фотографированіе какъ на невиданное зрѣлище, но ни мало не мѣшали мнѣ снимать и въ концѣ концовъ попросили объяснить, какимъ это образомъ дѣлаются снимки. Объясненіе длилось минутъ 20; ламы, кто стоя, кто сидя, слушали меня и такъ какъ

лекція эта читалась тутъ же, при аппаратѣ, то я былъ сугубо награжденъ, ибо могъ съ удобствомъ и совершенно не замѣтно для слушателей снять для себя нѣсколько десятковъ ламскихъ типовъ, которыхъ при иныхъ условіяхъ, конечно, никогда не возможно было бы собрать въ такую группу.

Окончивъ фотографированіе и возвратившись домой, я узналъ здѣсь отъ жены, что мои извозчики выражали уже свое нетерпѣніе слѣдовать въ дальнѣйшій путь; поэтому, приказавъ имъ готовиться и запрягать, я пригласилъ къ своему чаю и закускѣ здѣшняго цорчжи, гэбкуя и своего хозяина — нирбу. Пробесѣдовали съ полчаса; гостей своихъ я угостилъ наливкой, а самъ выпилъ водки, отъ которой они, какъ ламы, отказались, пообѣдали же мы всѣ вмѣстѣ бараньимъ супомъ. За обѣдомъ было сказано нѣсколько йорблей на тему о сдѣланномъ пріятномъ знакомствѣ и о радостномъ свиданіи нашемъ въ будущемъ, т. е. если не въ настоящемъ, то въ одномъ изъ слѣдующихъ перерожденій. На прощанье каждый изъ ламъ поднесъ мнѣ по хадаку, а засимъ мы сѣли и выѣхали изъ Цзунъ-хурѣня въ 12 ч. 30 м. по полудни.

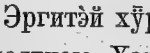
Спустившись съ пригорка, на которомъ располагается монастырь, мы въ 1 ч. 30 мин. подъѣхали къ Хэрулу. Вода, стоявшая очень высоко въ теченіе всего послѣдняго мѣсяца, теперь поднялась еще больше отъ обилія падавшихъ въ верховьяхъ рѣки дождей. Проживавшіе у мѣста переправы монголы говорили намъ, что переправиться черезъ рѣку хотя и трудно, но возможно; такъ какъ лошадямъ все же не приходится двигаться вплавь. Одно было не удобно, это — переправлять телѣги: послѣднія, несомнѣнно, должны были скрыться подъ водою, а слѣдовательно рѣшительно все имѣло быть подмоченнымъ. Послѣ обѣщанія за перевозъ каждой телѣги въ сухомъ видѣ по лану серебра, а за весь караванъ 3-хъ ланъ, или 6 р. с., монголы рѣшили перевозить меня «амбаньскимъ» способомъ. Они притащили двѣ двуколесныхъ арбы, запрягаемыхъ быками и связали эти двѣ арбы вмѣстѣ, образовавъ такимъ образомъ единую, широчайшую телѣгу, которую никоимъ образомъ не могло уже опрокинуть напоромъ и быстротою теченія воды. На этотъ искусственно устроенный переправочный экипажъ они хотѣли ставить наши телѣги и въ этомъ видѣ перевозить ихъ. Они увѣряли, что въ такой переправѣ нѣтъ ничего опаснаго и этимъ способомъ они всегда перевозятъ амбаней и старшихъ чиновниковъ. Намъ самимъ они предлагали садиться уже на верхушку нашей телѣги и ѣхать, сидя приблизительно на высотѣ аршинъ пяти надъ землею. Конечно, имѣя въ виду обычность такихъ переправъ особенно опасаться было нечего и мы согласились. Все было уже готово и телѣги должны были двигаться,

какъ отъ рѣки послышались крики монгола, разрушившіе все предположеніе: вода оказалась настолько высокою, что покрыла бы быковъ съ голо-

Способъ переправы черезъ р. Хэрӯлӯнъ.

вою и мало того, даже лошади не могли теперь переправляться иначе какъ вплавь. И такъ, отъ переправы черезъ Хэрӯлӯнъ близъ Цзӯнъ-хӯрѣня пришлось отказаться; оставалось искать для этого другого мѣста. Выгоднѣе всего представлялось, конечно, ѣхать къ верховьямъ рѣки; но движеніе въ эту сторону было затруднительно въ томъ отношеніи, что пришлось бы переѣзжать множество мелкихъ рѣчушекъ, каждая изъ которыхъ уже сама по себѣ могла представить задержку: особливо опасными, по словамъ монголовъ, являлись три Бургӯйнъ-гӧл'а, Барӯнъ, Дундà и Цзӯнъ, протекающія неподалеку на сѣверо-востокъ отъ Цзӯнъ хӯрѣня. При такомъ положеніи намъ оставалось ѣхать только внизъ и сдѣлать приблизительно три дня лишняго пути до первой имѣющейся переправы на лодкахъ. Въ эту сторону мы двинулись въ 3 ч. 20 м. по полудни.

Путь нашъ лежалъ теперь широкою долиною Хэрӯлӯна, поросшею густою травою и представлявшею собою превосходный лугъ. Въ 4 часа переправились черезъ рѣчку Дундӯ Байталыгӥйнъ гӧлъ невдалекѣ отъ ея устья. Это былъ тотъ самый Байталыкъ, который переѣзжали мы вчера вечеромъ. Нѣсколько ниже пройденной нами вчера дороги, три рѣчушки,

Барӯнъ, Дундӯ и Цзӯнъ Байталы̀къ, соединяются въ одну рѣчку, носящую имя Дундӯ-Байталы̀к'а, сохраняющую общее направленіе на ЮВ и верстъ черезъ 12 теченія впадающую въ Хэрӯлӯнъ. Отсюда мы начали подниматься на увалъ Эргитэ̀й хӯрӯкъ () ухā. Спустившись съ него, мы ѣхали долиною Хэрӯлӯна въ разстояніи версты отъ берега, до впаденія въ него р. Дундӯ-Байталыгі̀йнъ гӧлъ, на которой остановились въ 6 ч., чтобы напиться чаю. Такъ какъ ночлегъ предстоялъ намъ безъ воды, то мы сдѣлали запасъ въ 2 бутылки и тронулись далѣе въ 7 ч. 40 м. Тотчасъ же поднялись на Цэцэ̀къ-нугӯйнъ ширэ̄, по которому ѣхали до 9 ч. вечера. Это — возвышенная и ровная долина, съ хорошею растительностью и массою цвѣтовъ. Съ 9 ч. долина эта начала хотя и чрезвычайно полого, но замѣтно понижаться и въ 10 ч. вечера мы остановились на этомъ спускѣ для ночлега среди прекрасной степи, хотя и безъ воды. Ночь была прелестна: чистое небо, яркая луна, воздухъ и окрестности совершенно сухія, о дождѣ не было и помина.

16-е Іюля. Пятница.

6 ч. +14°; 9 ч. +16°; 12 ч. +21°; 3 ч. +21°; 6 ч. +11°.

Выѣхали въ 6 ч. утра и продолжали путь по той же полого-покатой долинѣ Шанага̀, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ спускъ на южную сторону Цэцэ̀къ-нугӯйнъ ширэ̄. Лѣсной растительности здѣсь уже вовсе никакой не видно. Оставивъ за собою окончательно эту возвышенность, мы въ 8 ч. 15 м. начали снова подниматься на отлогій увалъ горы Мэльцзэнэ̀. Послѣдняя возвышается надъ берегомъ Хэрӯлӯна и находилась теперь влѣво отъ нашей дороги, нѣкоторое время скрывая отъ насъ теченіе рѣки. Спустившись съ этого увала, мы увидали въ долинѣ, вправо отъ дороги, озеро Аяга̀ гӯнъ нӯръ, съ которымъ мы поровнялись въ 8 ч. 40 м. Озеро раздѣляется на четыре небольшихъ бассейна; вода въ немъ не годна для питья, ибо является горько-соленою на вкусъ. Масса птицы и особливо лебедей находилась на каждомъ изъ этихъ озеръ, причемъ одного лебедя пришлось и намъ убить изъ револьвера. Отъ озера по долинѣ, въ направленіи къ Хэрӯлӯну извивается ручеекъ, слѣдуя руслу котораго потянулась теперь и наша дорога. Достигнувъ Хэрӯлӯна, мы должны были подниматься на скалу, которая виситъ прямо надъ берегомъ рѣки. По ней мы обогнули гору и, спустившись на берегъ Хэрӯлӯна, остановились здѣсь для полдника. Извозчики мои задумали было здѣсь устроить переправу черезъ Хэрӯлӯнъ и повели съ мѣстными монголами объ этомъ переговоры, однако послѣдніе не привели ни къ какимъ результатамъ. Рѣка, по внѣшнему виду, представляла дѣйствительно прекрасные броды: масса отмелей и острововъ виднѣлась по различнымъ мѣстамъ ея русла; но за всѣмъ тѣмъ ближайшее изслѣдованіе

его показало, что помимо этихъ отмелей рѣка рѣшительно не проѣзжаема по причинѣ своей глубины. Двинувшись съ мѣста своей стоянки въ 2 часа по полудни, мы ѣхали до мѣста своего ночлега въ теченіе 6 часовъ и за все это время едва ли сдѣлали 6 верстъ. Надъ берегомъ Хэрӯлӯна здѣсь возвышается гора, именуемая Байцà. Мы должны были обогнуть ее, но берега рѣки оказались здѣсь настолько покрытыми болотными кочками и камнями, что мы, сдѣлавши сотню шаговъ, останавливались на 10, 15 минутъ то для исправленія лошадиной сбруи, то для поправки телѣгъ и клади, то для помощи лошадямъ. Обогнувъ Байцà, мы выѣхали на долину Хэрӯлӯна передъ Ӧлӧинъ дабāномъ и здѣсь остановились для ночлега. Въ долинѣ, у самаго обрыва надъ рѣкою, оказалось три большихъ тюкюэскихъ могилы. Онѣ представляли собою обычныя груды камней, окруженныя вросшими въ землю каменными плитами. Нѣкоторую особенность и усложненіе въ своемъ типѣ представляла самая большая изъ могилъ: по восточной и западной сторонамъ ея большой круглой ограды располагалось по три въ рядъ всего 21 небольшихъ каменныхъ круговъ. У другой, меньшей могилы къ оградѣ ея круга съ восточной стороны примыкала каменная дорожка; впрочемъ этотъ типъ уже хорошо извѣстенъ у насъ по описаніямъ Потанина.

17-е Іюля. Суббота.

6 ч. +9°: 9 ч. +19°; 12 ч. +21°; 3 ч. +23°; 6 ч. +

Проснулись въ 4 часа утра отъ холода и сырости: термометръ показывалъ только $+4\frac{1}{2}°$, а на степи лежала большая роса. Напившись чаю, мы выѣхали въ 5 ч. 45 м. и въ 6 часовъ начали подниматься на перевалъ Ӧлӧинъ даба̄. Перевалъ этотъ очень крутъ и каменистъ, а потому и труденъ для переправы. Своихъ лошадей мы должны были проводить по одиночкѣ, помогая каждой изъ нихъ встаскивать возъ на подъемъ. Въ 7 ч. 45 мин. спустились съ дабāна и продолжали свой дальнѣйшій путь горною падью въ направленіи къ Хэрӯлӯну, береговъ коего достигли уже въ 8 ч. 55 мин., близъ урочища Бӧгійнъ амà. Къ послѣднему мы подъѣхали въ 9 ч. 40 мин. Отсюда дорога наша шла уже долиною Хэрӯлӯна, имѣя передъ собою гору Йэхэ ӱгӧмӯръ. Проѣзжая по этой долинѣ, мы встрѣтили здѣсь массу такъ называемыхъ болотныхъ бурундуковъ. Это маленькій звѣрокъ, бѣлаго цвѣта, съ коричневымъ пятномъ на спинѣ и длиннымъ хвостомъ, оканчивающимся пушистою кисточкой. Въ 11 час. остановились для полдника у горъ Байнъ-улāнъ, стоящихъ на лѣвой сторонѣ Хэрӯлӯна. Горы эти величественны и славятся въ окрестностяхъ своимъ изобиліемъ и удобствомъ для кочевьевъ. Мѣстные монголы называютъ ихъ «мингàнъ ӧбӧльчжӧтэй, мингàнъ худуктàй», т. е. имѣющими тысячу зимовокъ и ты-

сячу колодцевъ. Въ исторіи онѣ играютъ видную роль особливо въ періодъ чжунгàрскихъ набѣговъ на Монголію во времена Галдàна Бошоктỳ. Подъѣхавшіе къ намъ здѣшніе кочевники много разказывали намъ о горахъ Байнъ-улāнъ. По словамъ ихъ, онѣ принадлежатъ хошỳну Бāтуръ-гỳна цэцэ̀нъ хāновскаго àймака и, помимо своей исторической славы и значенія лучшихъ кочевьевъ въ своемъ хошỳнѣ, замѣчательны еще и тѣмъ, что въ нихъ находятъ «драгоцѣнные камни». Это извѣстіе не могло не заинтересовать насъ и, по распросамъ, оказалось, что эти «драгоцѣнные камни», вѣроятно, суть ничто иное какъ горный хрусталь, или топазъ. Монголы объясняли, что ихъ находятъ въ формѣ заостренныхъ кверху кристалловъ различной величины. Болѣе обычно собираемые монголами являются толщиною въ локтевую кость руки и длиною отъ $^1/_4$ аршина до пяти четвертей. На мое замѣчаніе что подобные камни встрѣчаются и у насъ, на горѣ Адỳнъ-чулỳ, бесѣдовавшій со мною лама̀ сообщилъ, что адỳнъ-чулỳ'скіе камни ему извѣстны и что порода ихъ дѣйствительно совершенно одинакова съ байнъ-ỳла̀скими; но послѣдніе несравненно темнѣе первыхъ по своему цвѣту. Мѣстные монголы давнымъ давно уже стали разыскивать и подбирать эти камни; они отдавали ихъ проѣзжимъ китайскимъ торговцамъ въ обмѣнъ на чай, табакъ, или какую нибудь бумажную мануфактуру, а китайцы сообщали имъ, что они отвозятъ эти камни въ Тянь-цзинь, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ китайскія табакерки, очки и разнаго рода привѣски. Правильной разработки байнъ-ỳла̀'скихъ камней никогда не производилось; тѣмъ не менѣе за послѣдніе пять лѣтъ получаемыя отъ камней выгоды такъ заинтересовали монголовъ, что они начали не только подбирать, но также раскапывать и ломать камень. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Бāтуръ-гуна, то послѣдній тотчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы подобныя раскопки были прекращены и, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, воспретилъ всякую добычу и продажу байнъ-ỳласкихъ камней китайцамъ. Мѣстные ламы объяснили владѣтелю этого хошỳна, Бāтуръ-гỳну, что драконъ, покровитель Байнъ-ỳлы, необычайно злобный и если-де составляющая собою мѣстопребываніе этого дракона гора будетъ раскапываема и разрушаема, то онъ, несомнѣнно, вознегодуетъ и поразитъ весь нутỳкъ, или кочевья, Бāтуръ-гỳна болѣзнями. Въ силу такого распоряженія бāтуръ-гуновцы прекратили теперь добычу камней и не подбираютъ даже тѣхъ изъ нихъ, которые прямо валяются на поверхности. Послѣдующіе наши изслѣдователи-геологи должны непремѣнно обратить свое вниманіе на эту гору тѣмъ больше что, по крайней мѣрѣ по словамъ монголовъ, байнъ ỳла̀скіе топазы ставятся по качеству даже выше адỳнъ чулỳскихъ, достоинство коихъ возводится нашими знатоками въ раз-

рядъ первостепенныхъ. Съ мѣста отдыха мы двинулись далѣе въ 3 час. 45 мин. и, продолжая путь мимо Баѝнъ-улāна, выѣхали наконецъ въ долину Дӯши ӯгӧмӯръ въ 6 час. вечера. Долина эта обильно поросла травами. Отсюда, переваливъ черезъ невысокіе холмы, мы вступили въ долину Бӯгӯдӯръ-харà усӯ, въ которой и остановились для ночлега въ 9 часовъ вечера.

18-е Іюля. Воскресенье.

6 ч. +12°; 9 ч. +17°; 12 ч. +21°; 3 ч. +24°; 6 ч. +23°; 9 ч. +17°.

По утру большая роса. Выѣхали въ 6 ч. утра и продолжали путь въ направленіи къ Хэрӯлӯну. Въ долинѣ Бӯгӯдӯръ харà усӯ содержится постоянный перевозъ черезъ рѣку, которымъ надѣялись мы воспользоваться; по этой причинѣ какъ мои монголы, такъ и я самъ заѣзжали почти въ каждую юрту освѣдомиться, гдѣ именно находится теперь этотъ перевозъ: оказалось однако, что мѣстные жители не только не могли сообщить намъ этого, но многіе изъ нихъ не знали даже и о существованіи этого перевоза. Удивительно близорукій народъ, не интересующійся знать даже то, что происходитъ въ районѣ какихъ нибудь 8, 10 верстъ отъ его кочевки! Въ 7 ч. 20 мин. дорога наша пролегала параллельно высоко поднимающейся горѣ Улцзэйтӯ ӯла, а въ 9 ч. мы подъѣхали къ берегу Хэрӯлӯна. Случайно остановившись близъ àиля въ три юрты, мы узнали, что именно хозяева этихъ юртъ и занимаются перевозомъ. Они выразили желаніе перевезти насъ, хотя сообщили, что съ недѣлю тому назадъ напоромъ воды плотъ ихъ унесло внизъ версты на три и его необходимо было привести. Начались переговоры, которые велись часа два. Имѣя въ виду, что плотъ нужно было еще вести къ мѣсту переправы, монголы-перевозчики запросили съ насъ за перевозъ по 15 кирпичей чая съ телѣги, а всего 45 кирпичей; мы дали имъ съ перваго раза 9 кирпичей и въ концѣ концовъ сошлись на 18 кирпичахъ, которые тотчасъ же и поднесли вмѣстѣ со знакомъ любезности и добрыхъ пожеланій — хадакòмъ. Пригнанный плотъ оказался устроеннымъ изъ трехъ лиственичныхъ бревенъ, вершковъ по 10 въ отрубѣ, сбитыхъ вмѣстѣ поперечными кольями. Приходилось перевозить по одной телѣгѣ, отчего переправа, начавшаяся въ 1 часъ дня, затянулась до $3\frac{1}{2}$ часовъ. Лошади были перегнаны вплавь. Теченіе рѣки было очень сильно и плотъ нашъ несло внизъ какъ щепку, не смотря на усиленную работу монголовъ, задерживавшихъ это стремленіе упоромъ шестовъ въ дно рѣки. Русло Хэрӯлӯна въ данномъ мѣстѣ не превосходитъ по ширинѣ 25 саженей, но прибыль воды разлила его въ общемъ саженей на 50, по этой то причинѣ намъ приходилось останавливаться на залитомъ во-

дою берегу и спускать съ плота свои телѣги опять таки въ воду, которая впрочемъ была не глубже чѣмъ по колѣно. Здѣсь запрягли мы лошадей и съ немалою трудностью выбрались на сушу.

Отъ береговъ Хэрӯлӯна мы двинулись въ 4 ч. 15 мин. и направились безъ дороги по долинѣ лѣваго берега этой рѣки, держа путь на СВ. Долина обширна и отмѣнно богата своими травами. Въ 5 ч. 50 мин. начали подниматься на Буйнъ-ӯлцэй-даба̄ и взбирались на него ровно часъ. Перевалъ пологій и дорога по нему прекраснаго твердо песчанаго грунта, усѣянная мелкою галькой. Здѣсь повстрѣчали мы поѣздъ дочери Цэцэнъ хана, направлявшейся на богомолье въ Ургу. Сама княжна ѣхала въ простой монголо-китайской телѣгѣ, багажъ же ея былъ навьюченъ на 12 верблюдахъ. Извозчики мои сдѣлали предположеніе, что, вѣроятно, ей придется простоять на берегу Хэрӯлӯна дней десять. Съ вершины Буйнъ-ӯлцэй дабана передъ нами открылась громадная степь, окруженная на сѣверѣ горами, расположенными какъ бы амфитеатромъ. Проѣзжая по этой степи, мы въ 7 ч. 50 мин. остановились для ночлега при худукахъ Бильгйхъ. Всего здѣсь было три колодца совершенно хорошей и чистой воды, вполнѣ добрыя качества которой ослаблялись лишь тѣмъ, что она немного отзывалась землею.

19-е Іюля. Понедѣльникъ.

6 ч. +14°; 9 ч. +20°; 12 ч. +24°; 3 ч. +26°; 6 ч. +25°; 9 ч. +14°.

Встали въ 3 ч. 45 мин. и въ 4 ч. 50 мин. уже двинулись въ путь. Слѣдовали по той же степи, оказавшейся испещренною увалами, такъ что мы почти незамѣтно то поднимались то опускались, какъ будто по волнамъ. Въ 6 ч. 15 мин. проѣхали худӯкъ Сӯчжи, при которомъ находилось до 15 юртъ, Отсюда, черезъ три увала, въ 7 ч. 10 мин. мы добрались до озера Цага̄нъ-нӯръ, лежащаго въ двухъ котловинахъ, между которыми протягивается дорога какъ бы по дамбѣ. Здѣсь мы выѣхали на почтовый трактъ, ведущій изъ Урги къ ставкѣ Цэцэнъ-ха̄на и двигались по нему до 8 ч. утра. На всемъ пройденномъ сегодня пространствѣ намъ попадалась масса дичи и въ нынѣшнее утро мы успѣли убить двухъ рябчиковъ, одну дрохву (тӯдакъ) и двухъ молодыхъ дрохвянятъ. Въ 8 час. мы, оставивъ цэцэнъ-ха̄новскій трактъ, повернули почти прямо на сѣверъ и въ 9 час. 10 мин. добрались до оз. Тосӯнъ-аршанъ нӯръ, при которомъ остановились для полдника. Озеро имѣетъ около версты въ окружности и располагается въ круглой котловинѣ, какъ бы въ чашѣ. Неподалеку отсюда проживаютъ, говорятъ, торгующіе китайцы изъ Долбнъ нӯра: они занимаются преимущественно сборомъ скота и въ обмѣнъ на скотъ почти исключительно ве-

дутъ всю свою торговлю. Супъ, приготовленный нами изъ мѣстной дичи, оказался довольно вкусенъ, но мясо, особливо рябчиковъ, страшно отзывалось полынью. Двинулись въ дальнѣйшій путь въ 2 ч. 20 мин. и ѣхали волнистою степью до р. Цэнкйра, подъ каковымъ именемъ извѣстна здѣсь теперь рѣка, въ старинныхъ памятникахъ именуемая Сэнкўръ. Въ мѣстѣ нашей переправы, при горѣ Байцà, она имѣла ширины до 8 саженей, глубиною же была не свыше ½ аршина; вода въ ней совершенно чистая, а дно усѣяно мелкой галькой. Окрестныя мѣста изобилуютъ преданіями о Чингисъ хāнѣ и, проѣзжая по этимъ пустыннымъ пространствамъ, я прослушалъ не мало легендъ объ охотахъ и облавахъ, которыя велъ здѣсь славный монгольскій завоеватель. Разказываютъ, что нѣсколько выше нашей переправы черезъ р. Цэнкйръ, въ долинѣ ея находятся двѣ столбообразныхъ горы; одна изъ этихъ горъ, находящаяся у самаго берега рѣки, называется Голы̀йнъ цзӧльтэгля̀къ, другая, противулежащая ей въ степи, — Хўдо̄нэй цзӧльтэгля̀къ. Такъ какъ форма этихъ горъ отчасти походитъ на столбики, употребляемые для привязи животныхъ, то народная фантазія и создала легенду, по которой Чингйсъ-хāнъ, охотясь въ здѣшнихъ мѣстахъ, поставилъ здѣсь эти столбы, протянулъ между ними веревку и, образовавъ «цзо̄ли», привязывалъ къ ней своихъ охотничьихъ лошадей. Впослѣдствіи эти, прежде деревянные столбы окаменѣли и превратились въ горы. Совершая свою облаву, Чингисъ, двинувшись отъ Цзольтэгля̀ка, полдневалъ на р. Удэ̀, погналъ звѣря на Агѣ, попалъ въ него стрѣлою на Ононѣ; отсюда и получили свое названіе всѣ помянутыя мѣстности (Удэ̀-дў ўдэлэсэ̀нъ, Агà-ду агнасà нъ, Онòнъ-ду-оносà нъ). Слушая эти разказы, я припомнилъ далѣе, что и по преданіямъ, занесеннымъ въ лѣтописи, именно гдѣ то здѣсь, на Сэнкўрѣ, во время оно скрывался спасшійся изъ тайчжіўтскаго плѣна Чингйсъ-хāнъ; въ ту пору онъ, по сказаніямъ исторіи, не находилъ здѣсь себѣ иной пищи, помимо полевыхъ мышей. Теперь мы встрѣтили при рѣкѣ до 10 юртъ монголовъ Хла-чжонòнъгўнэ̀й хошўна и, вошедши въ одну изъ юртъ, я нашелъ хозяевъ ея занятыми приготовленіемъ ужина изъ убитыхъ тарбагановъ. Очевидно, мѣстные обитатели и въ настоящую пору ушли не далеко отъ Чингйса, питаясь тѣми же полевыми мышами. Впрочемъ необходимо замѣтить, что это питаніе мышами было для нихъ едва ли результатамъ бѣдности и нужды: повсюду мы встрѣчали здѣсь массы скота и довольство здѣшнихъ монголовъ не подлежитъ сомнѣнію. Отъ р. Цэнкйра вдругъ подулъ сѣверный вѣтеръ и впродолженіе получаса температура упала на 9°. Забравъ изъ Цэнкйра, по обычаю, двѣ бутылки воды, мы не стѣснялись уже остановкой и стали на ночлегъ въ 9 часовъ вечера, среди

роскошно травянистой степи, вдали отъ всякихъ водяныхъ источниковъ и колодцевъ.

27-е Іюля. Вторникъ.

6 ч. +11°; 9 ч. +13°; 12 ч. +17°; 3 ч. +17°.

Встали въ 4 часа и буквально дрогли отъ холода, хотя термометръ показывалъ +7°. Вчерашній сѣверный вѣтеръ продолжаетъ дуть и сегодня; небо съ сѣвера покрыто тучами; на востокѣ виденъ падающій дождь; съ 5 часовъ онъ началъ моросить и у насъ. Выѣхали въ 6 ч. и продолжали путь въ направленіи къ СВ. по ровной степи, съ песчано-каменистою почвою. Травы здѣсь хорошія, но не особенно высоки, а населенія, по причинѣ безводья, нѣтъ вовсе. Въ 7 ч. 10 мин. доѣхали до урочища Шйрь, гдѣ увидали страшную картину погибели монгольскаго скота отъ стужи. То было два хорбна (загона) овецъ и всего лежало здѣсь до 400 головъ. Нѣкоторыя туши теперь совершенно высохли и лежали какъ бы совершенно не тронутыми, другія были наполовину съѣдены собаками. Проводникамъ моимъ эта встрѣча дала богатую тему для разгово-

Картина гибели монгольскаго скота.

ровъ. Погибаютъ здѣсь овцы, говорили они, главнымъ образомъ въ Маѣ. Въ эту пору травы показываются еще очень плохо и кормовъ почти вовсе не бываетъ; скотъ, отощавшій зимою, теряетъ послѣднія силы; случись сиѣгъ, дождь, или холодъ и оголодалыя животныя мерзнутъ сотнями головъ на стужѣ, ибо укрыться имъ совершенно негдѣ. Хорбны, устроиваемые мѣстными монголами, представляютъ собою ни больше и ни меньше

какъ земляной валикъ, на высоту отъ одного до полутора аршина и считается уже какъ нѣчто отмѣнное, если, на ряду съ этимъ валикомъ, ставится еще такой же высоты плетень, прислонившись къ которому овцы, конечно, защищаются отъ вѣтра нѣсколько лучше. Переваливъ черезъ горы Ширь по пологому и длинному перевалу и проѣхавъ степью еще версты четыре, мы вступили въ долину Улāнъ худугійнъ талà, составляющую границу кочевьевъ Хла-чжонòнъ гӯна и Мэргэнъ-цзасакà. Здѣсь въ 10 час. утра остановились мы для полудника, около небольшаго сумӯннаго хурӯла, нынѣ оказавшагося совершенно пустымъ, хотя въ окрестностяхъ его было видно не мало монгольскихъ юртъ. Въ одной изъ нихъ мы купили для себя двухъ-лѣтняго барана за 3 кирпича чая и теперь мясо его показалось намъ необычайно вкуснымъ послѣ того какъ два дня мы питались исключительно дичью. Выѣхали въ 3 часа по полудни и направились къ сѣверу по пади, называемой Дашѝ-бальчжӯръ обō, отъ имени окаймляющаго ее съ востока и сѣвера длиннѣйшаго увала. Переваливъ черезъ этотъ увалъ, мы въ 4 ч. 10 мин. вступили въ долину двухъ маленькихъ озеръ, Холбō-нӯръ, отъ которыхъ дорога наша снова повернула на СВ. и потянулась верстъ на 7, или 8 по пади въ томъ же СВ. направленіи. Ровно въ 6 час. достигли мы ручья Цзӯнъ-чжиргалантӯ и переправились черезъ него при сопкѣ Дэльгэръ обō. Въ 7 час. падь сдѣлала новый поворотъ къ сѣверу. Мѣсто это называется Тэнгэлѝкъ-бӯридӯ и представляетъ собою болотистое пространство, выпускающее изъ себя рѣчку Тэнгэлѝкъ. Ѣдучи по ней мы въ 7 часовъ 30 м. увидали хӯрēнь Хӯхэнъ хутухты. Онъ отстоялъ верстъ на 6 влѣво, къ западу отъ нашей дороги и былъ расположенъ въ горной пади на ручьѣ Байнъ-гōлъ, впадающемъ въ тотъ же Тэнгэлѝкъ. Здѣсь повстрѣчали мы одного изъ русскихъ бурятъ хоринскаго вѣдомства, пріѣхавшаго на поклоненіе въ монастырь Хӯхэнъ хутухты, а теперь возвращавшагося туда, на свою квартиру, послѣ пребыванія въ гостяхъ у знакомаго монгола. Извѣстно, что Хӯхэнъ хутухтӯ пользуется особеннымъ расположеніемъ хоринскихъ бурятъ; теперь этотъ хоринецъ подтвердилъ намъ, что это «исконный» лама (уриданàй лама) бурятъ и въ подтвержденіе этого разказалъ легенду, прекрасно рисующую какъ происхожденіе хоринскихъ бурятъ, такъ и тогдашнія отношенія ихъ къ Хӯхэнъ хутухтѣ. Встарину хоринскіе буряты жили вмѣстѣ съ Солонгутами и состояли подъ управленіемъ нѣкоего Бӯбэй бэйлэ. Послѣдній вырывалъ съ корнями громадныя деревья, раздроблялъ ступнею каменные валуны, прострѣливалъ дикихъ козъ съ такого далекаго пространства, съ котораго обыкновенный человѣкъ могъ различать только глазами бѣлый предметъ, или черный; наконецъ въ стадахъ двадцати сайгачьихъ головъ онъ убивалъ

всѣхъ животныхъ, оставляя по выбору только двухъ молоденькихъ сайгачатъ,—самца и самку; такой ловкій и сильный былъ этотъ богатырь Бӯбэ̀й бэ̀йлэ. Однажды, ходя по степи, нашелъ онъ на истокѣ какого то ключа бронзовую печать (бао), принесъ и разказалъ о ней Хӯхэнъ-хутухтѣ, а гэгэ̀нъ объяснилъ ему, что это печать царя драконовъ и является она знакомъ того, что Бӯбэ̀й-бэ̀йлэ долженъ царствовать. Слухъ объ этомъ разошелся между всѣми Солонгутами и они рѣшили посадить Бӯбэ̀й-бэ̀йлэ на ха̄нство. У Бӯбэ̀й-бэ̀йлэ былъ сынъ, по имени Дай-хунъ-та̀йчжи. Этому сыну Бӯбэ̀й-бэ̀йлэ взялъ жену, по имени Бальчжи̇̀на, дочь ха̄на бѣлыхъ драконовъ и при этомъ обстоятельствѣ онъ отдѣлилъ Дай-хунъ-та̀йчжію въ управленіе 11 родовъ, которые впослѣдствіи и составили собою 11 поколѣній хоринскихъ бурятъ. Послѣ свадьбы всѣ они отправились на поклоненіе къ Хӯхэнъ хутухтѣ, по дорогѣ много охотились и настрѣляли массу дичи. Прибывъ къ хӯрэ̄ню Хӯхэнъ хутухты̀, Бӯбэ̀й бэ̀йлэ остановился здѣсь своею ставкою, водрузивъ передъ нею, какъ знакъ своего достоинства, 8 знаменъ; сопровождавшіе его воины расположились въ ма̀йханахъ, а самъ онъ въ юртѣ. Въ день, назначенный для ауді̇енціи, отъ дверей ха̄нской юрты до дверей хутухты̀ былъ постланъ златотканый атласъ и по нему шли ха̄нъ съ ханьшею и дѣтьми, а воины ихъ стояли по сторонамъ дороги. Поклонились Хӯхэнъ хутухтѣ; тотъ спросилъ, хорошо ли пріѣхали, а ха̄нъ въ отвѣтъ на это разказалъ о своей необыкновенно удачной охотѣ. Хӯхэнъ хутухтӯ замѣтилъ, что бурятамъ необходимо замолить страшный грѣхъ убійства ими столькихъ одушевленныхъ существъ и предложилъ имъ остаться при кумирнѣ для покаянія на три дня. Съ непривычки къ молитвѣ буряты страшно устали, хотя все таки отбыли дни покаянія. При своемъ возвращеніи домой они заявили Хӯхэнъ-хутухтѣ, что намѣрены идти войною на востокъ а потому просятъ у него хранительныхъ талисмановъ (сакӯсу). Хутухтӯ приказалъ семи своимъ ученикамъ написать для каждаго изъ нихъ талисманы, но маловѣрные буряты, не стѣсняясь, говорили, что эти талисманы ничего не значущій пустякъ, едва дождались пока были готовы первые семь талисмановъ и тотчасъ же уѣхали. Прибывъ домой, они захотѣли однако попробовать хранительную силу сакӯсуновъ хутухты̀: повѣсили ихъ на шею семи козламъ и начали стрѣлять ихъ, — ни одна стрѣла не попала въ цѣль. Это произвело на бурятъ страшное впечатлѣніе и они рѣшили разрѣзать талисманы и взять по кусочку каждому; несчастные, они и не знали что, разрѣзывая, уничтожили вовсе это сокровище! Отправившись въ походъ, они шли девять мѣсяцевъ, дошли до моря и поѣхали дальше въ лодкахъ. Въ это время изъ воды показались какія то странныя существа, имѣвшія только наполовину человѣческое тѣло и начали бросать

въ бурятъ камнями. Лодки были разрушены и масса народу убита. Изъ 8000 человѣкъ домой возвратилось только 4000. Впослѣдствіи къ нимъ явился какой то хубилга̀нъ лама̀, который объяснилъ имъ, что все это несчастіе произошло именно отъ истребленія бурятами сакӯсуновъ Хӯхэнъ-хутухты̀. Съ этого времени буряты познали силу хутухты̀ и начали питать къ нему особенное благоговѣніе, которое они сохранили и послѣ того, какъ, разсорившись съ Бӯбэ̀й-бэ̀йлэ они оставили его и перекочевали на сѣверо-западъ, въ предѣлы нынѣшней Россіи.

Что касается позднѣйшихъ гэгэ̀новъ Хӯхэнъ-хутухты̀, то бурятъ описывалъ мнѣ ихъ какъ въ высшей степени могущественныхъ и притомъ по своему ученію нѣсколько отличныхъ отъ всѣхъ прочихъ лама̀йскихъ гэгэ̀новъ въ Халхѣ. Выяснить въ подробностяхъ, въ чемъ именно состояли особенности этого ученія, исповѣдуемаго Хӯхэнъ хутухтами, бурятъ мнѣ не могъ, по недостаточности своихъ знаній; но, по словамъ его, внѣшнею особенностью Хӯхэнъ хутӯхтъ является то, что они не брѣютъ волосъ на своей головѣ, а носятъ длинную скобку, раскидывающуюся у нихъ по плечамъ; ежедневно приносятъ они жертвы Па̀дма-самбавѣ и особливо чествуютъ Ма̀рву. Это конечно должно было свидѣтельствовать о томъ, что Хӯхэнъ-хутухты̀ принадлежатъ по своему ученію или къ древней сектѣ Ньин-ма-ва, доктрины коей полны тантризма и всякаго рода колдовства и магіи, или къ новѣйшему видоизмѣненію ея,—сектѣ Гар-чжуд-ба, дающей предпочтеніе отшельничеству, созерцаніямъ и всякаго рода подвижничеству. Разказы бурята о жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ предшествовавшихъ перерожденій Хӯхэнъ-хутухты до извѣстной степени подтверждали мнѣ это предположеніе. Такимъ образомъ онъ повѣрилъ мнѣ преданіе, что одинъ изъ старинныхъ хубилга̀новъ Хӯхэнъ хутухты̀ началъ хлопотать у богдоха̄на о выдачѣ ему печати на управленіе шабина̀рами; богдоха̄нъ поначалу якобы отказалъ гэгэ̀ну въ возбужденномъ имъ ходатайствѣ и тогда этотъ свирѣпый тантристъ, силою магическихъ заклинаній, произвелъ будто бы землетресеніе въ Пекинѣ, отъ котораго покрылась развалинами большая половина города. Другой хубилга̀нъ того же гэгэ̀на цѣлый вѣкъ провелъ въ подвижничествѣ и всю свою жизнь пролежалъ на правомъ боку, производя созерцаніе. Настоящій гэгэ̀нъ Хӯхэнъ хутухты̀ еще очень молодъ,—ему не болѣе 17 или 18 лѣтъ; но уже и теперь онъ ходитъ съ распущенными по плечамъ волосами и отличается своею свирѣпостью. Монастырь его именуется Ринчѝнъ-тэкчѝнъ-линъ и служитъ мѣстожительствомъ для 1000 ламъ. Окрестные монголы усердно посѣщаютъ этотъ монастырь и притомъ не только для молитвъ, но и для исцѣленія отъ физическихъ недуговъ. Къ западу отъ хӯрэ̄ня Хӯхэнъ-хутухты̀ находится

такъ называемый Номтӯйнъ аршāнъ, — горько-соленый источникъ, холодныя воды котораго почитаются цѣлебными отъ внутреннихъ болѣзней. Шабинàры Хӯхэнъ-хутухтӹ, число которыхъ доходитъ до 1000 юртъ, кочуютъ по прилежащимъ монастырю урочищамъ. Помимо занятій скотоводствомъ они получаютъ еще порядочныя выгоды отъ принадлежащаго имъ соляного озера, располагающагося въ равнинѣ Чандагà-талà, къ ЮВ. отъ Хӯрѣня.

Разставшись съ бурятомъ, мы продолжали свой путь по рѣчушкѣ Тэнгэлӣкъ-горихòнъ. Она течетъ очень извилисто и русло ея лежитъ въ глубокой трещинѣ, почему переправа черезъ нее въ телѣгѣ очень затруднительна и можетъ быть совершена только въ извѣстныхъ мѣстахъ. Течетъ Тэнгэлӣкъ верстъ на 20 и на всемъ этомъ протяженіи берега его болотисты и кочковаты. Впадаетъ онъ въ той же долинѣ въ рѣку Тэргэльчжӣйнъ гӧлъ. Долина эта ровная, обильная травами и необычайно красивая. Въ длину она тянется верстъ на 60, а въ ширину имѣетъ до 6 верстъ. Съ обѣихъ сторонъ она ограждена невысокими горами, вершины которыхъ покрыты лѣсомъ. Проѣзжая по ней, невольно вспоминаешь древность монголовъ; теперь она густо заселена податными людьми Мэргэнъ-цзасакà. Въ 9 час. вечера доѣхавъ до р. Тэргэльчжӣ, мы остановились здѣсь для ночлега.

21-е Іюля. Среда.

6 ч. +9°; 9 ч. +11°; 12 ч. +17°; 3 ч. +17; 6 ч. +16°; 9 ч. +10½°.

Ночь была холодная и сырая; по утру въ 4 часа термометръ показывалъ только +4°. Выѣхали въ 5 ч. 30 мин. и тотчасъ же переѣхали Тэргэльчжӣйнъ гòлъ. Рѣчка имѣетъ до 1 сажени ширины, а по обѣимъ сторонамъ своимъ болотиста и кочковата на далекое пространство. Слѣдуя далѣе по той же пади, мы въ 8 час. 10 мин. достигли западной стороны горъ, въ общемъ называемыхъ Гурбӯнъ ӱцзӯръ, и именно горы Барӯнъ ӱцзӯра. Здѣсь полагается граница хошӯна Губчӣнъ чжонòнъ бэйсэ. Отсюда мы повернули по пади къ сѣверу и, переваливъ нѣсколько пологихъ увалòвъ, въ 11 час. 10 мин. достигли ключа Байнъ-гӧлъ, отъ котораго течетъ небольшой ручей, шириною менѣе аршина. Здѣсь мы остановились для полдника и простояли до 2 ч. 50 мин., когда снова продолжали свой путь по той же пади. Въ 3 ч. 50 м. доѣхали до урочища Гурбӯнъ хӯгэнэ, отъ котораго падь снова поворотила на СВ. Въ 4 ч. 45 м. вступили въ урочище Шанагà, съ небольшимъ ручьемъ. Населеніе здѣсь въ настоящую пору очень малое, такъ какъ мѣста эти отведены преимущественно подъ зимнія кочевки хошӯнныхъ обитателей. Свидѣтельствомъ такихъ зимни-

ковъ являлось для насъ нѣсколько глинобитныхъ оградъ, устроиваемыхъ монголами для защиты отъ зимнихъ вѣтровъ. Въ одной изъ оградъ мы повстрѣчали даже нѣсколько глинобитныхъ бàйшиновъ; по объясненію монголовъ, бàйшины эти впрочемъ не жилые, а устроены мѣстными богачами, для храненія въ нихъ потребляемыхъ исключительно зимою имущества и пожитковъ. Въ 5 ч. 20 мин. въѣхали въ урочище Гурбӯнъ-чжиргалантӯ. Такъ называются три, подрядъ лежащія лощины (Барӯнъ, Дундӯ и Цзӯнъ). Миновавъ послѣднюю изъ нихъ, мы вступили въ обширную котловину Бàйнъ, посреди которой лежало болото, а на восточной, возвышенной окраинѣ находилось много юртъ и сӯринъ, въ видѣ огороженнаго глинобитной оградой такого же глинобитнаго бàйшина. Противъ всякаго ожиданія сӯринъ этотъ даже издали казался теперь обитаемымъ и я отправился посмотрѣть, что могла бы обозначать эта необычайность. Подъѣхавъ къ оградѣ, я увидалъ не далѣе какъ въ полуверстѣ отъ нея еще юрту, въ которой проживалъ хӯндӯй мѣстнаго сумӯна съ цѣлью, какъ выяснилось, чрезвычайнаго сбора и пріема податей. Необычайность эта была вызвана тѣмъ самымъ падежемъ скота, живую картину котораго мы видѣли вчерашнимъ утромъ. По разказамъ хӯндӯя, этотъ страшный падежъ скота охватилъ собою до шести хошӯновъ цэцэнъ-хāновскаго àймака и настолько ослабилъ ихъ благосостояніе, что теперь въ нихъ не осталось ни одного состоятельнаго человѣка, въ общемъ же слѣдуетъ положить, что изъ десяти головъ скота у отдѣльныхъ домохозяевъ осталось не болѣе двухъ, а у нѣкоторыхъ даже по одной скотинѣ. Такое бѣдственное положеніе вызвало собою еще новый вопросъ относительно отбыванія повинностей этими хошӯнами, почему съ мѣсяцъ тому назадъ цзасакй ихъ собирались у сеймоваго старшины для обсужденія вопроса, какимъ образомъ возможно облегчить простолюдинамъ исполненіе возложенныхъ на нихъ податей. На совѣтѣ этомъ сеймовой старшина, говорятъ, объявилъ цзасакамъ, что слѣдующіе съ ихъ хошӯновъ взносы, ни коимъ образомъ не могутъ быть перенесены на другіе хошӯны, а потому средства облегченія бѣдного податного люда должны быть изысканы ими въ своей средѣ. По обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, рѣшено было: а) привлечь къ отбыванію повинностей лицъ, которыя до сего времени пользовались извѣстными льготами и прежде всего высшихъ военныхъ чиновъ хошӯна; всѣ они начиная съ цзахирахчй до сумӯннаго цзангйна и хӯндӯя, равно какъ и всѣ тàйчжи обязываются теперь уплачивать законный процентъ податей съ половины своего скота; б) со всѣхъ приписныхъ людей (т. е. хамчжилгà) этихъ тàйчжіевъ опредѣлено взимать общественныя подати пропорціонально ихъ достатку въ скотѣ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ упла-

чиваются такія подати обычными хошӯнными людьми податныхъ сословій; в) далѣе эти же хамчжилгà привлекаются къ отбыванію и всѣхъ казенныхъ повинностей; г) съ приписныхъ людей родовыхъ хошӯнныхъ правителей, т. е. съ хамчжилгà самихъ цзасакòвъ, въ какомъ бы чинѣ послѣдніе ни состояли, также опредѣлено взимать общественныя подати, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ: скотъ ихъ дѣлится на три части и узаконенный процентъ податей они обязаны вносить только съ одной третьей части своего скота. По разсчету, такого рода чрезвычайныя мѣры должны были облегчить обычные взносы податному сословію на цѣлую половину общей суммы, а можетъ быть даже и нѣсколько болѣе. На вопросъ мой къ хӯндӯю о томъ, не вызоветъ ли этотъ падежъ скота голода и смертности въ народѣ, хӯндӯй съ улыбкою отвѣчалъ, что, напротивъ, монголы никогда не ѣдятъ столько мяса, какъ во время падежей. «Посмотрите, вонъ, сколько вялится мяса на стойкахъ у каждой юрты; теперь у каждаго бѣдняка хватитъ говядины и баранины на круглый годъ!». Дѣйствительно при каждой юртѣ мы могли видѣть заготовку впрокъ этого мяса. Монголы обыкновенно нарѣзываютъ его въ видѣ тонкихъ и длинныхъ ремней и засимъ развѣшиваютъ его на особыхъ поставцахъ передъ дверями своихъ юртъ, на срокъ приблизительно пяти, семи сутокъ. За это время мясо въ лѣтнюю пору

Способъ приготовленія впрокъ дохлаго мяса.

успѣваетъ вывялиться, а потомъ его хранятъ и употребляютъ исподоволь. Замѣчательно, что монголы совершенно спокойно ѣдятъ мясо животныхъ,

погибшихъ отъ эпидемій и никогда не наживаютъ себѣ отъ этого никакихъ болѣзней. Можно было бы предположить, что это мясо обезвреживается подъ вліяніемъ воздуха и солнца при вяленіи; но они поѣдаютъ также свѣжее дохлое мясо и наконецъ мясо, дохлое отъ эпидеміи, да еще подвергшееся разложенію и гніенію отъ времени, почитается даже въ ихъ домашнихъ лечебникахъ совершенно безвреднымъ для здоровья.

Въ котловинѣ Баѝнъ, приблизительно въ 7 ч. 45 мин. мы вступили на большой колесный трактъ, по которому изъ сѣверо-восточной Халхи ѣздятъ въ Ургу богомольцы. Въ 9 час. вечера остановились для ночлега безъ воды.

22-е Іюля. Четвергъ.

6 ч. +10°; 9 ч. +15°; 12 ч. +19°; 3 ч. +19°; 6 ч. +15°; 7 ч. +9°.

Ночь была холодная, но съ утра стало даже теплѣе чѣмъ въ прочіе предшествовавшіе дни. Выѣхали въ 6 ч., дорога болотиста и кочковата.

Хӱйтӱнэ̀й бӱрндӱ.—Истоки р. Хӱйтӱнъ.

Въ 7 час. перебродили рѣчку Дундӱ баѝнъ, шириною не свыше 1 сажени; течетъ она въ направленіи къ СЗападу. Отсюда черезъ небольшой и пологій, но довольно длинный увалъ мы въ 7 ч. 55 мин. достигли котловины озера Цзӱнъ-баѝнъ. Озеро тянется продолговатою полосою съ запада на востокъ и имѣетъ въ окружности около 5 верстъ; вода въ немъ горько-со-

леная, почему, вѣроятно, вокругъ него и нѣтъ ни какого населенія. Долину этого озера мы пересѣкали 1¼ часъ и въ 9 ч. 10 мин. начали подниматься на песчаный и довольно крутой, хотя и не особенно длинный перевалъ Цзўнъ баинàй дабā. Отсюда, черезъ два увала начали спускаться въ долину Хўйтўнъ гōла. Въ 12 ч. 10 мин. доѣхали до Хўйтўнэ̀й бўридў, изъ котораго вытекаетъ рѣка Хўйтўнъ гōлъ, впадающая въ Ульцзэ̀й гōлъ. Здѣсь мы останавливались для полдника. Выѣхали въ 4 ч. 40 мин. и, оставивъ старую дорогу по правому берегу Хўйтўна, перебрались на другую, тянущуюся по лѣвому берегу рѣки. Какъ и первая она проходитъ долиною Хўйтуна, имѣющею до 5 верстъ ширины. Въ 6 ч. 45 мин. миновали высокую гору Барцагàй ӯла, стоящую на правомъ берегу Хўйтўна. Горы, окружающія долину вообще не высоки и безлѣсны и Барцагàй-ӯла возвышается надъ всѣми ними, хотя и не единственно. Такими же высокими горами являются на лѣвомъ берегу рѣки двѣ, рядомъ стоящія горы Угōмўръ. Къ нимъ подъѣхали мы въ 7 ч. 50 мин. Отъ нихъ въ 8 ч. 40 м. перебрались на правый берегъ Хўйтўна и здѣсь остановились для ночлега. Берега рѣки здѣсь также болотисты. Нынѣшній вечеръ поразилъ насъ своею темнотою. Въ 8½ часовъ мы уже едва различали дорогу, а на ночлегѣ, какъ говорится, рѣшительно ни зги не было видно въ окружности.

23-е Іюля. Пятница.

6 ч. +11°; 9 ч. +19°; 12 ч. +23°; 3 ч. +23°; 6 ч. +21°; 9 ч. +14°.

Выѣхали въ 6 ч. 10 мин. и, проѣхавъ долину Хўйтўнъ-гōла начали подниматься на ограничивающія ее съ сѣв.-востока горы Харāту-ӯла. Рѣка Хўйтўнъ-гōлъ повернула отсюда прямо на сѣверъ, на впаденіе въ рѣку Ульцзэ̀й-гōлъ. На подъемъ Харāту мы начали подниматься въ 7 ч. 35 мин. и миновали входящіе въ составъ его четыре увала въ 8 ч. 45 м. Спустившись съ послѣдняго изъ этихъ уваловъ, вступили въ долину Сàйханъ, въ западномъ углу которой извивается небольшой ручей, текущій отъ ключа Сàйханъ-булўкъ. Засимъ, слѣдуя по долинѣ Сàйханъ, мы въ 11 час. переѣхали длиннѣйшій увалъ Бўдўнъ ухà и остановились для полдника черезъ полчаса, близъ копани, именуемой Бўдўнъ-ухāгійнъ арў шандà. Двинувшись отсюда въ 3 ч. 30 мин., мы разстались съ землями Губчѝнъ чжонòнъ бэ̀йсэ, такъ какъ Бўдўнъ-ухà служитъ границею земель этого хошўна съ хошўномъ Цзàйсанъ-цзасакà, по землямъ коего мы теперь продолжали свой путь. Въ 4 ч. 25 м. намъ повстрѣчались два русла нынѣ уже изсохшихъ гучжирныхъ озеръ. Въ 5 ч. 10 мин. миновали колодецъ Улāнъ-худўкъ, при которомъ кочевала одна богатая юрта со множествомъ скота: говорятъ, что живущій здѣсь монголъ имѣетъ у себя до 12 тысячъ

головъ барановъ. Всѣ эти мѣста, по которымъ мы ѣхали съ мѣста своей полуденной остановки, — гуджирныя. Въ 6 ч. 30 мин. подъѣхали къ Хэрэ̀мъ. Теперь это земляной валъ, на высоту не болѣе одного аршина, а въ ширину не свыше сажени. Валъ густо поросъ травою. Онъ тянется съ сѣв.-востока на югъ-западъ. Наша дорога пролегала, послѣдуя ему въ теченіе 35 мин. Въ 7 ч. 15 м. достигли урочища Ульцзэ̀й эхѝнъ бӯриду̀. Это громадная долина верстъ на 40 въ окружности, на юго-восточной сторонѣ которой залегаютъ болотистыя пространства. Слѣдуя по ней, мы въ 9 ч. 15 м. достигли урочища Ульцзэ̀йнъ ӱндӯръ добо̄, составляющаго пограничную линію для хошӯновъ: къ востоку — Дала̀й-бэ̀йсэ, къ юго-западу Губчѝнъ-чжоно̀нъ бэ̀йсэ, а къ югу—Амба̀нь, да цинъ ва̀на. Здѣсь мы остановились для ночлега, довольно долгое время проискавъ воды. Поиски эти оказались безуспѣшны, ибо, не смотря на всѣ примѣты близкаго присутствія воды, ни источника, ни колодца мы все таки не нашли за полною темнотою ночи. Легли спать безъ чаю, что было хотя и довольно обычно для насъ, но сегодня показалось труднымъ.

24-е Іюля. Суббота.

6 ч. +11°; 9 ч. +20°; 12 ч. +23°; 3 ч. +24°; 6 ч. +21°; 9 ч. +13°.

Выѣхали въ 7 ч. 30 мин., будучи задержаны на мѣстѣ своего ночлега болѣзнью одного изъ нашихъ извозчиковъ. Проснулись мы въ $4^1/_4$ часа, когда наши подводчики уже встали; младшій изъ нихъ, по имени Сӯхэ̀, отправился за водой и пропалъ. Ждали его болѣе $1^1/_2$ часа, послали другого своего ула̄чина ламу, разыскивать, послѣдній принесъ намъ воды, но Сӯхэ̀ не нашелъ. Пока начали кипятить воду и приготовлять чай, я отправился сдѣлать фотографическій снимокъ съ юрты, оказавшейся не болѣе какъ за версту отъ мѣста нашей стоянки. Разговорившись съ вышедшими ко мнѣ хозяевами юрты, я узналъ отъ нихъ, что неподалеку лежитъ, очевидно въ припадкѣ, какой то больной человѣкъ, въ настоящую пору, можетъ быть уже умершій. Я тотчасъ же предположилъ, что это нашъ Сӯхэ̀ и просилъ проводить меня, но всѣ отказались по той причинѣ, что если этотъ человѣкъ умеръ, то пожалуй еще придется отвѣчать за него на допросѣ и лишь послѣ моихъ усиленныхъ просьбъ послали со мной 6-ти лѣтнюю дѣвченку. Какъ и слѣдовало ожидать, это былъ нашъ Сӯхэ̀; онъ лежалъ въ сӯдоргахъ и съ пѣною у рта. Позвали другого ула̄чина, привели больнаго въ чувство и черезъ какой нибудь часъ онъ поѣхалъ на лошади, какъ будто у него и не было припадка.

Отъ мѣста своей стоянки слѣдуя долиною Ульцзэ̀й-го̄ла, мы въ 9 ч. проѣхали по сѣверному подножію горы Тӯшѝ, которая, равно какъ и всѣ

окрестныя горы, выдается на ўльцзэйскую долину мысомъ. Въ 10 ч. 50 м. достигли урочища Олонъ-бўриду, хошўна Далàй бэйсэ, а въ 11 ч. 30 м. остановились для полдника при озерѣ въ урочищѣ Мўсўнъ-бўриду. Двинувшись отсюда далѣе въ 3 ч. пополудни, мы черезъ 15 мин. проѣхали мимо маленькой кумирни Далāту сўмэ, стоящей при горѣ Уланъ хошў. Гора эта составляетъ южную границу хошўна Далàй бэйсэ и сѣверную границу Сабāнъ цзасакà. Верстахъ въ 5 къ югу отъ кумирни находится лѣсистая гора Дунъ-хāнъ, при которой располагается ставка Сабāнъ цзасакà. Заѣхавъ въ пустынное Далāту сўмэ, я не нашелъ здѣсь никого, кромѣ престарѣлаго тахйльчи, который разказалъ мнѣ, что жалкая кумирня его, за бѣдностью и немногочисленностью окрестнаго населенія, можетъ быть, вовсе не имѣла бы средствъ для своего существованія, если бы ее не поддерживалъ Хўхэнъ-хутухтў, являющійся ея патрономъ. Дѣйствительно, бѣдность этой кумирни была поразительна. Едва могущая вмѣстить въ своихъ стѣнахъ человѣкъ сто ламъ, она не имѣла у себя ни одного литого бурхàна и на первомъ мѣстѣ стоялъ въ ней глиняный кумиръ Цзонкавы, по величинѣ не превосходящій полуаршина. По стѣнамъ висѣли рисованныя изображенія перерожденій Хўхэнъ-хутухты, хотя онѣ, очевидно, были собраны здѣсь далеко не всѣ. Обстоятельство это дало мнѣ возможность прослѣдить вѣрованія монголовъ относительно перерожденій хутухты, которыя по словамъ моего чичероне, въ послѣдовательномъ порядкѣ были таковы: 1) Въ періодъ существованія въ этомъ мирѣ будды Сакъямўни, Хўхэнъ хутухтў жилъ и дѣйствовалъ подъ видомъ старѣйшаго изъ 16-ти ставиръ, Янъ-лакъ-чжун'а, который, за свое отмѣтное содѣйствіе благу вѣры и одушевленныхъ существъ, и почитается первымъ ученикомъ будды. 2) Послѣ сего онъ опять возродился въ Индіи и именовался Йондàнъ-нўтъ, являясь во главѣ содержащихъ винаю. Далѣе въ порядкѣ рисованныхъ изображеній хубилгàновъ замѣчался, несомнѣнно, громадный пробѣлъ, ибо третьимъ перерожденіемъ былъ представленъ одинъ изъ министровъ тибетскаго Сронцзàнъ-гамбò хāна, Тонмй-самбодà, который, какъ извѣстно, былъ изобрѣтателемъ тибетской письменности и составилъ тибетскій алфавитъ, заимствовавъ формы его изъ индійскаго алфавита «ланцза». 4) Слѣдующимъ по порядку перерожденцемъ былъ представленъ Цзут-дàнъ-нинъбò,—лама изъ сонма тѣхъ магиковъ, которые, въ періодъ прибытія въ Тибетъ Пàдма-самбавы, въ числѣ 25 человѣкъ сопутствовали этому своему наставнику и, на языкѣ монгольскихъ буддистовъ, объединяются подъ однимъ терминомъ «ноянъ-албатў». 5) Перерожденіемъ Цзут-дàнъ-нинбо былъ якобы Бòдова Ринчэнъ-салъ, извѣстный ученикъ Чжў-адишй, прославившійся полнѣйшимъ презрѣніемъ къ свѣтской жизни и весь свой вѣкъ про-

ведшій въ подвижничествѣ и созерцаніяхъ. 6) Далѣе слѣдовалъ извѣстный тибетскій ученый лама Янбо̀-чжира̀й. За нимъ опять замѣчался несомнѣнный пропускъ въ перерожденіяхъ, ибо далѣе висѣло 7) изображеніе Дульчжѝнъ-дакба̀-чжалца̀н'а, современника Цзонхавы̀ и знаменитаго въ буддійскомъ мірѣ ученаго-литератора; его сумбу̀мъ (собраніе сочиненій) почитается доселѣ классическимъ произведеніемъ. 8) Слѣдующимъ перерожденіемъ являлся лама̀ Чжэбцзу̀нъ-балса̀нъ, одинъ изъ настоятелей тибетскихъ монастырей секты Цзонхавы̀. 9) Совершенно въ одинаковыхъ съ предшествовавшимъ ламою формахъ изображалось и слѣдующее перерожденіе, извѣстное подъ видомъ ламы Дава̀-чжалца̀на, о времени жизни и дѣятельности котораго мой чичероне не могъ сообщить мнѣ впрочемъ никакихъ свѣдѣній. 10) Далѣе слѣдовалъ лама̀ Йонда̀нъ-чжамцо̀, о которомъ сохранилось преданіе, что онъ былъ первымъ изъ хубилга̀новъ Хӯхэнъ-хутухту̀, приходившихъ изъ Тибета въ Монголію, но проживавшихъ, повидимому, въ южныхъ, окраинныхъ ея хошӯнахъ. 11) Послѣдующій хубилга̀нъ этого ламы, Цзамьѝнъ-чжамцо̀, уже возродился въ Монголіи и былъ первымъ переселившимся въ сѣверо-восточную ея область, — цэцэ̀нъ-ха̄новскій а̀ймакъ. 12) Перерожденіемъ его былъ лама̀ Лобса̀нъ-даньцзѝнь-принла̀й, не прославившійся, кажется, ничѣмъ помимо того, что былъ онъ кроткимъ, ученымъ и уважаемымъ настоятелемъ своего монастыря. Всѣ эти хубилга̀ны проживали въ Халхѣ еще до времени появленія здѣсь перваго перерожденія Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты̀. 13) Въ періодъ жизни Ӱндӯръ-гэгэ̀на помянутый Лобса̀нъ-даньцзѝнь возродился и явился старѣйшимъ изъ учениковъ этого главы буддизма въ Монголіи, подъ именемъ Чжамба̀лъ-сэнбо̀. Когда Чжамба̀лъ-сэнбо̀ скончался, то почитатели его обратились къ Ӱндӯръ-гэгэ̀ну съ просьбою возвѣстить имъ, гдѣ именно возродился ихъ лама и послѣдній указалъ тогда на 14) ребенка, родившагося у одного изъ монгольскихъ простолюдиновъ, Дорчжѝ, принадлежавшаго къ хошӯну цзасака̀ Цэрэ̀нъ-ванцука̀, тӯшӗтӯ ха̄новскаго а̀ймака. По преподаніи этому дитяти монашескихъ обѣтовъ его назвали Лобса̀нъ-бальчжӯръ-сэнбо̀ и одновременно съ симъ Ӱндӯръ гэгэ̀нъ приказалъ цэцэ̀нъ-ха̄новцамъ посадить его на каѳедру съ выраженіемъ должныхъ почестей. Самому хубилга̀ну онъ пожаловалъ отличительный титулъ «хӯхэнъ-хутухты̀» и отселѣ то началось наименованіе всѣхъ послѣдующихъ хубилгановъ хӯхэнъ-хутухта̀ми. 15) Впослѣдствіи, когда этотъ хубилга̀нъ скончался, цэцэ̀нъ-ха̄новцы, ради опредѣленія второго хубилга̀на Хӯхэнъ хутухты̀, выбрали нѣсколько прекрасныхъ по своей наружности мальчиковъ и, изложивъ въ рукописной грамотѣ имена ихъ, отправили въ Тибетъ посольство, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ шабина̀ровъ Хӯхэнъ-хутухты̀, лама̀ Дарханъ-гэлӯнъ Гал-

дàнъ, просить указанія тибетскихъ тайновѣдцевъ, въ комъ именно изъ представляемыхъ воплотился духъ почившаго хутухты. Тибетскіе ламы указали, что искомый хутухтý возродился сыномъ дархàнъ хунъ-тàйчжи Гунцýка и послѣдній былъ возведенъ халхасами на каѳедру, получивъ, при своемъ посвященіи въ ламы, имя Лобсàнъ-цэдэнъ-даньцзѝнь. Разказываютъ, что церемоніи этого возведенія были особенно торжественны и къ отправленію ихъ собрались какъ тогдашній амбàнь-вàнъ, такъ и представители всѣхъ четырехъ халхаскихъ àймаковъ. Поднеся новоявленному хубилгàну даньшѝкъ, они при этомъ случаѣ, по общему своему совѣту, провозгласили его и новымъ, болѣе пышнымъ титуломъ: «эрдэни-хýхэнъ-ноѝнъ-хутухтý». 16) По смерти этого хубилгàна, отысканіе новаго хутухты совершалось тѣмъ же способомъ: также точно было избраны и отписаны имена нѣсколькихъ мальчиковъ и также точно отправлено было посольство, подъ главенствомъ на этотъ разъ старѣйшаго изъ монастырскихъ ламъ хутухты, Хурцà-дакбà. Помянутому посольству не пришлось однако ѣхать въ Тибетъ, а такъ какъ въ эту пору самъ Баньчэнь богдò прибылъ въ Долбнъ-нýръ, то делегаты отправились въ этотъ ближайшій цэцэнъ-хāновскому àймаку городъ, гдѣ и получили указаніе, что хýхэнъ-хутухтý возродился сыномъ тàйчжи Чимэ́та, изъ хошýна Гòмбо-гýна, цэцэнъ-хāновскаго àймака. Новообъявленному хубилгàну, при посвященіи въ ламы, было дано имя Лобсàнъ-чжамбàлъ-дакбà; но выборъ его былъ не изъ удачныхъ. Съ самыхъ молодыхъ годовъ онъ началъ хворать ревматизмомъ, а засимъ у него открылись какія то раны на ногахъ и онъ много лѣтъ лежалъ безъ движенія. На рисункѣ онъ изображается въ формѣ изможденнаго и согбеннаго старца. Это былъ послѣдній изъ хубилгàновъ, изображенія которыхъ находились въ кумирнѣ; жилъ онъ въ періодъ правленія Цянь-луна.

Оставивъ Далāту сýмэ, мы въ 5 час. проѣхали мимо горы Эрхэ ӯла, возвышающейся вправо отъ дороги, а въ 6 ч. 55 мин. также вправо отъ дороги увидали невысокую сопку Эрдэни-тологòй, при которой было много юртъ. Здѣсь торный путь, по которому мы доселѣ слѣдовали, какъ то внезапно изчезъ и мы должны были ѣхать далѣе уже цѣлиною, держась только опредѣленнаго сѣв.-восточнаго направленія. Въ общемъ мы, конечно, подвигались къ цѣли, но за всѣмъ тѣмъ было очевидно, что мы нѣсколько сбились съ пути, ибо вплоть до наступленія ночи не могли напасть на какой либо колодецъ, или иной признакъ обитанія человѣка. Остановились на ночлегъ въ 9 час. 20 мин. среди степи и безъ воды, что не помѣшало однако ютиться здѣсь страшной массѣ комаровъ, не мало безпокоившихъ и насъ, и нашихъ животныхъ. По опредѣленію извозчиковъ, мы стояли гдѣ либо не подалеку отъ ортō Гочō и та-

кимъ образомъ до русской границы намъ оставалось проѣхать только двѣ станціи.

25-е Іюля. Воскресенье.

6 ч. +11°; 9 ч.

Выѣхали въ 6 ч. 10 мин. Дорога болотистая, кочковатая и каменистая. Въ 6 ч. 55 мин. доѣхали до ӧртӧ Гочӧ, юрты коего виднѣлись намъ въ сторонѣ располагающими на ключѣ того же имени, Гочӧ. Лошади наши уже цѣлые сутки были безъ пойла, спины ихъ страшно избились, утомлены онѣ были невыразимо и мы едва ли проѣзжали теперь болѣе 3 верстъ въ часъ. Въ 10 ч. 5 мин. миновали озеро Цаганъ-нӯръ, имѣющее круглую форму и въ окружности до $1\frac{1}{2}$ версты. Отъ него мы начали подниматься

Обычная картинка нашей остановки для полдника.

на Эрѣнъ-даба. Южная часть этихъ горъ представила намъ для перевала семь невысокихъ дабановъ, почти безлѣсныхъ и совершенно лишенныхъ проточныхъ водъ, такъ что только по минованіи ихъ мы достигли въ 12 ч. 20 мин. до ручья, текущаго отъ ключа съ главнаго дабана и прекраснаго въ смыслѣ качества его воды, но представившаго намъ большія трудности для переправы. Суть въ томъ, что ручей этотъ течетъ въ глубокой разсѣлинѣ, пожалуй, не достигающей и двухъ аршинъ ширины, но, въ силу своей саженной глубины, рѣшительно не возможной для переправы. И такъ мы должны были сами, общими силами, устроивать здѣсь гать для своего

проѣзда. Вѣтви, хворостъ и камни, все это приходилось тащить съ вершины горъ на собственныхъ плечахъ. Провозившись около часа, мы выпрягли лошадей и уже на рукахъ перетащили телѣги, послѣ чего здѣсь же у ручья остановились для отдыха. Такъ какъ мяса у насъ сегодня не было и мы довольствовались только чаемъ и хлѣбомъ, то стоянка наша была не продолжительна, хотя это не помѣшало моему доброму спутнику, Ив. Ѳеодоровичу, восполнить одинъ изъ существенныхъ, по его мнѣнію, недостатковъ нашей фотографической коллекціи. Сообразивъ, что сегодня послѣдній день нашего путешествія и что мы имѣемъ теперь послѣдній полуденный привалъ, онъ захотѣлъ сдѣлать для меня сюрпризъ, приготовивъ мнѣ фотографическій снимокъ обычной картины нашей полуденной остановки. Въ 3 часа мы двинулись уже въ дальнѣйшій путь и тотчасъ же начали подниматься на главный дабанъ, вершины котораго достигли въ 4 ч. 35 мин. Дабанъ по обѣимъ сторонамъ, а особливо съ сѣвера, покрытъ густымъ березовымъ лѣсомъ. Спускъ съ дабана совершается по лѣсистой горной пади; онъ показался намъ не больше подъема, но движеніе по нему было крайне затруднительно: кочки, ямы, громадные каменные валуны усѣиваютъ гору и въ тоже время слѣдить за ними почти не возможно, такъ какъ трава нерѣдко покрываетъ брюхо лошади. Только въ 6 ч. 30 м. выѣхали мы изъ лѣсистой пади дабана въ долину р. Онона, гдѣ поразила насъ таже пустота, въ смыслѣ полнаго отсутствія человѣка. Въ какой сторонѣ содержался перевозъ черезъ Ононъ, извозчики мои не знали, дороги ни какой не было и спросить о направленіи въ ту или другую сторону опять таки не у кого. Чтобы не возвращаться назадъ мы, конечно, поѣхали внизъ по рѣкѣ, въ направленіи къ ВСВ и двигались прекраснѣйшимъ поемнымъ лугомъ Онона до 9 час. вечера. Было уже достаточно темно и мы рѣшили остановиться на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы завтра отправить ламу на розыски дороги къ перевозу, какъ вдругъ вдали заблестѣлъ огонекъ: всѣ воспрянули духомъ, но радость наша была не описуема, когда, подъѣзжая къ разложенному костру, мы услыхали здѣсь русскую рѣчь. Это были русскіе казаки, снявшіе покосы у мѣстныхъ караульныхъ монголовъ и теперь уже болѣе недѣли проживавшіе здѣсь на работахъ. Мы присосѣдились теперь къ ихъ костру и въ разговорахъ узнали, что косятъ они монгольскіе луга изъ за монгольской четвертой части, т. е., на три стога для себя ставятъ четвертый стогъ для монголовъ. Такая аренда почитается не особенно выгодной, или по крайней мѣрѣ болѣе тяжелой и принимается только по бѣдности. Болѣе богатые казаки обычно выбираютъ у монголовъ ту или другую горную падь и арендуютъ ее, уплачивая одну кобылицу, цѣнимую самое большое рублей 15, между тѣмъ въ пади этой

они косятъ сколько хотятъ и, коли не лѣнивы, легко могутъ вывезти 500, 600 возовъ сѣна.

26-е Іюля. Понедѣльникъ.

6 ч. +13°; 9 ч. +15½.

Двинулись въ 6 ч. 30 мин. утра, а въ 7 ч. 10 мин. были уже на монгольской казенной переправѣ черезъ Онòнъ. Перевозчики съ караула живо подъѣхали, связали два плота въ одинъ, 6-ти бревенчатый и сначала перевезли двѣ телѣги съ вещами, а засимъ и насъ; лошадей перегнали вплавь. На лѣвомъ берегу Онòна мы встрѣтили еще русскихъ казаковъ, которые сообщили намъ, что въ Ульхýнѣ насъ ожидаютъ уже болѣе недѣли. Отъ береговъ рѣки поднявшись на невысокій увалъ, мы, спускаясь съ него, достигли знаковъ русской границы. Они выражены здѣсь двумя обòнами со вкопаннымъ между ними не большимъ деревяннымъ столбомъ. Но какая громадная разница въ видахъ, представившихся намъ у того и другого обòна, отстоящихъ другъ отъ друга лишь на 15, 20 саженей! Подъѣзжая къ монгольскому обòну, мы здѣсь, у самаго рубежа монгольской земли, увидали столбы, на которыхъ были привѣшаны клѣтки съ брошенными въ нихъ головами казненныхъ монгольскихъ преступниковъ. Это были тѣ самые злодѣи, которые въ 1890 г. зарѣзали въ Ульхýнѣ цѣлую семью русскихъ, въ 7 человѣкъ и казнь которыхъ породила собою столько тревоги и хлопотъ ургинскимъ лàмамъ (см. т. I, стр. 74). Чèрезъ двадцать саженей, у русскаго обòна, какъ будто какимъ то чудомъ, стоялъ уже отрядъ ульхýнскихъ казаковъ, человѣкъ въ 30-ть, одѣтыхъ въ полную парадную форму и выѣхавшихъ встрѣчать меня, во главѣ съ своимъ атаманомъ. У меня едва хватило силы поздороваться съ ними, ибо я былъ взволнованъ не менѣе остальныхъ своихъ спутниковъ и всѣ мы смотрѣли теперь на этихъ русскихъ людей и на эту русскую землю съ какимъ то неизъяснимымъ умиленіемъ, полными счастливыхъ и радостныхъ слезъ глазами.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ПРЕДМЕТНЫХЪ И ЛИЧНЫХЪ.

А.

Абага (хошунъ) 41, 280, 287, 289, 315, 335, 336, 350, 351, 414.
Абаганаръ (хошунъ) 280, 286, 335, 414.
Абида бурхану сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Авалокитэшвара (бурханъ) 328, 329.
Аванъ-дампилъ (лама) 145.
Аванъ-чжамбалъ-цулчимъ (чжамцо) 402, 404—406.
Агой йэхэ онолту сумэ (= Чжибхуланту чжу) 148.
Адагыйнъ усу (колодецъ) — 430.
Адунъ-чулускіе топазы 467.
Акшоби бурхану сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Алашаньскаго вана хошунъ (Внутр. М.) 83.
Алиха-амбань 96, 97.
Sir R. Alcock (англ. синологъ) 258, 259.
Алтанъ ханъ (тумэтскій) 53—54, 56.
Алтайскій трактъ 141, 162.
Амбань-да-цинь-вана хошунъ 480.
Амогасиддійнъ сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Амуръ-баясхуланту 298.
Ананда 391, 393.
Ананда-шри-бадра 394.
Англійская экспедиція 1647 г. 256.
Ань-динъ-мынь 1.
Ань-дэ (ургинскій амбань) 420.
Ань-юань-мяо (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 218.
Аохани 227, 250, 251, 254, 351.
Арбанъ цзохіялъ цзагунъ хульти тогату-йги нигэнъ цактур уцзэгулху хэмэнъ. Агой йэхэ цэнгэхчи (сочин.) 391.
Арбиньсанъ (разбойникъ) 170.
Аргалъ (сухой пометъ) 318, 337, 421.
Арія-бало (бурханъ) 119, 122, 308.
Артасида 391.
Артасидда (Цэцэнъ-ханъ) 438.
Арудай 310.
Ару-хорчинъ (хошунъ) 290, 350.
Ару-цзамыйнъ хашату (колодецъ) 424.
Аруйнъ-худукъ (колодецъ) 434.
Арха-гэгэнъ 295.
Archer (пароходъ) 267.
Аршанъ (кумирня) 357.
Аршанъ (сѣрн. ключи см. Галдасутайнъ-аршанъ) 357, 358.
Ахай-гуна хошунъ 441.
Ахай-цзасака хошунъ (=Ганданъ-цзасака хошунъ) 424.
Арюнъ-цзунъ-сумэ (т. ч. Ло-хань-танъ) 216.
Ахунъ 191.
Ацокъ (арендная сдѣлка) 440.
Ачжа-гэгэнъ 295.
Ашока (царь) 393.
Аюши (бурханъ) 57, 64, 225.
Аюши-тунъ-цзянъ (бурх. мастерская въ Долонъ-нурѣ) 282.
Аймакъ (ламскій) 295, 433, 456, 457, 460.

Б.

Бабкинъ (фабрикантъ) 288.
Бага-баринь (хош. см. Барунъ-баринь) 360, 361, 364, 398.
Бага-учжумуцинь (хош. Силинъ-гол'ск. сейма) 280, 413.

Бага-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 58, 59, 62, 63, 66, 67, 69, 71.
Баинъ-дуланъ-булукъ (колодецъ) 424.
Баинъ уласкіе топазы 467.
Баинтай тунъ-цзянъ (бурх. маст. въ Долонъ-нурѣ) 283.
Бальчинъ сумэ (кумирня) 363.
Бандита гэгэнэй чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
Бандиты хитъ 289.
Бань-гу 21.
Бань-шэнь (ставка Алтанъ хана) 53.
Баньчэнь эрдэни 143, 409.
Бао (печать) 472.
Баргу-хошуны 449.
Баргуты 308.
Барини 397—400, 424.
Баринь (хошунъ) 276, 290, 349, 350, 355, 360—368, 399, 413.
Барунъ-Абага (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 280.
Барунъ-Абаганаръ (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 280.
Барунъ-баринь (хош. см. Бага баринь) 360, 361, 364.
Барунъ-Онютъ (хошунъ) 365.
Барунъ-Сунитъ (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 2, 40, 41, 153, 280.
Барунъ-усуту-сумэ (мон., относ. къ Хуху-хото'скимъ мон.) 144.
Барунъ-хурѣ (мон. въ Халхѣ) 454, 456, 459.
Барунъ-хучитъ (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 280.
Барунъ-чжу (мон. въ Хуху-хото) 69.
Басова и Коковина (фирма въ Калганѣ) 354.
Басубхапду 391.
Батуевъ М. Д. (рус. торгов.) 22, 276.
Батуръ-гуна хош. (ц. х) 440, 467.
Ба-цзунъ (низ. офиц. чинъ) 240.
Баянь-тэмуръ 14.
Баясхуланъ (гэлунъ) 145.
Баясхуланъ барилдулга сумэ (т. ч. Чахаръ лама чжу) 144.
Баяръ-камбо 406.
Бай-бяо-бу (матерія) 199.
Бай-лянъ (сортъ чаю — полѣнч.) 75.
Баинъ сумэ 317.
Бай-та-ръ (хуху-хот. башня) 51, 120, 243, 364, 366, 367.
Бай цзянь-цзюнь (генералъ) 67.
Байшинъ (т. ч. Бань-шенъ — ставка Алт. хана) 53.
Бай-янъ-бяо-бу (сортъ матеріи) 76.
Monseigneur de Bax 157—159.
Бигань (кит. духъ богатства) 190.
Бильгихъ-худукъ (3 колодца) 469.
Би-ма-шэнь-мяо (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 212.
Бирозана бурхану сумэ (въ У-та-сы) 70.
Биширэльту бэйсэ хошунъ (Ц. Х.) 300.
Blue Book 259.
Бобо (маленькіе хлѣбцы) 338.
Бадова-Ринчэнъ-салъ 481.
Болосонъ-буда (хурай-буда, просо) 288.
Бо-лянь (секта) 269.
Боо-чу-фань (прокуроръ) 127.
Боро-куцзу (мятежникъ) 119.
Боронъ-торго (матерія) 461.
Боро-сокъ (колодецъ) 428.
Бортого (камыш. корз. для чаю = му-ху-лу-цза) 287.
Бортогонъ-ця (хамбо-чай) 287, 353.
Брама 328, 389.
Брайбунъ (мон. въ Тибетѣ) 410.
Бубэй-бэйлэ 472—474.
Будала (т. ч. Будалайнъ сумэ) 216.
Буда (просо) 443.
Будала (мон. въ Тибетѣ) 410.
Будалайнъ сумэ (т. ч. Цзунъ-шэнъ-сы) 216.
Будылина (купч. въ Тянь-цзинѣ) 244.
Будэтъ (шибаганца) 427.
Булигаръ (русс. юфть) 288.
Бунханъ 301, 415.
Бургасу (тальникъ) 174, 313.
Бурундукъ (мал. звѣрекъ) 466.
Бурханай орго 57, 314, 315.
Бутины Братья 278.
Бухуни номогатхахчи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 142, 144.
Буяни дэльгэрэгулухчи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 145.
Буяни дэльгэрэгулухчи сумэ (см. Бага-чжу) 63.
Буяни илэтхэхчи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 148.
Буяни мандагулухчи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 142.
Буяни ундурхахчи сумэ (см. Бага-чжу) 59.
Бѣлоголовый (русс. торг. въ Тянь-цзинѣ) 240.
Бэ (принцъ) 162.
Бэгійнъ сурукъ (пастбище) 161.
Бэй-вэй (династія) 223.
Бэй-цзянъ-синъ (фирма въ Фынъ-нинъ-сяни) 200.
Бянь-э 96, 97.

В.

Вангійнъ сурукъ (пастбище) 171.
Ванъ-бо-шэнъ (воен. нач. въ Шанъ-ду) 302.
Ванъ-мо-хуа (фирма въ Хуху-хото) 77.
Ванъ-тинъ-чжао (зачинщ. возстанія) 253.
Ванъ-цянь (см. Чжао-цзюнь, наложница) 109.
Ванъ-чжао-цзюнь (т. ч. Минъ-фэй) 107, 110.
Ванъ-чжао-цзюнь (т. ч. Чжо-цзюнь-фынъ (кладб. въ Хуху-хото) 104, 111.
Вань-ли (минск. импер.) 142, 144.
Вань-линъ-гуань (духъ огня) 209.
Вань-сянь (министръ) 262.
Вань-фу-сы (кумирня въ Чэнъ-дэ-фу) 227.
Вань-юань-лоу (надп. на башнѣ) 26.
Вачжра-дара 388.
Вачиръ-дарайнъ сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Вачиръ-сатва 392.
Вайрочана 392.
Ведель (англ. капитанъ) 256.
Великая стѣна 9, 10, 21, 23, 29, 30, 33, 44, 61, 62, 79, 87, 113, 114, 126, 128, 164, 178, 199, 238, 244, 293, 364, 365.
Вишну 389.
Влангали (русс. посл.) 261.
Monseigneur de-Vos 158.
Возстаніе въ Кантонѣ 1884 г.—265.
Возстаніе прот. христ. 91—92 г. 244—255, 267.
Волосатовъ И. М. (купецъ) 76, 112.
Восточный Туркестанъ 74, 75, 77, 79, 81, 113.
Ву-чанская башня 214.
Вэнь-бу-нянь (нинъ-цюань'скій нач.) 248, 255.
Вэнь-сянъ (секта) 269.
Вэнь-чанъ-мяо (кум. въ Фынъ-нинъ-сяни) 197.
Вэй-лао-дао (мятежникъ) 249, 252.
Вэй-синъ (полярная звѣзда) 18.
Вэй-сяо-цзинъ-цзѣ (надп. на вор у Синъ-пинъ-коу) 30.
Вэй-(цинъ, — генералъ) 107.

Г.

Габэ (путеш.) 56, 278.
Габчжу (учен. званіе) 337, 422.
Габшихянь (гвардія) 90, 130.
Галай-да 85, 88, 442.
Галанъ-вачиръ (тайчж.) 444.
Галданскій мон. въ Тибетѣ 401.
Галданъ-бошокту 59, 61—62, 67, 355, 441, 467.
Галданъ-ширѣту-хутухту 400—411.
Галданъ-ширѣтуйнъ хитъ 401.
Галданъ-цэрэнъ 218.
Гангайнъ-сумэ (кумирня) 361.
Ганданъ-цзасака хош. (= Ахай цзасака хош. 424, 427, 429.
Ганчжиръ 365, 401.
Ганчжиръ-гэгэнъ 295.
Ганчжорва мэргэнъ номунъ ханъ 136, 138, 177.
Ганьчжуръ 394.
Гао-ли (народъ) 332.
Гао-лянъ (хлѣбн. раст.) 27, 169.
Гарабъ-ванчукъ (владыка шимпус) 389.
Гарту (сынъ Сэнгэ-дурэнъ-хана) 54.
Гар-чжуд-ба (секта) 474.
Гаръ-дабхуцагулухсанъ (сутра) 395.
Гацзарыйнъ эцзэнъ 301.
Гобійнъ тушѣ гуна хошунъ (Т. Х.) 83.
Го-инь-ву (должн. окружн. нач.) 55.
Голфунга (хуху-хото'скій цзянь-цзюнь) 140.
Гонбо-гуру (бурханъ) 119, 455.
Гоу-ми (вермишель) 359.
Гори (бож. дѣва) 389.
Го-чжунъ-шу 223,
Гуа-ди (назв. горячихъ мин. водъ) 190.
Гуа-ми (лапша) 41.
Гуанъ-сюй 174, 345, 417, 437, 459—462.
Гуанъ-тай-дянь (фирма въ Долонъ-нурѣ) 287.
Гуанъ-тянь-ди-жи (ворота въ Чэнъ-дэ-фу) 205.
Гуанъ-фу-сы (мон. въ Хуху-хото) 56.
Гуанъ-фынъ-лунъ (фирма въ Биру-хото) 349.
Гуанъ-хэ-у (фирма въ Биру-хото) 349.
Гуанъ-шэнъ-дянь (торг. фирма) 39.
Гуанъ-юань-сы (мон въ Чэнъ-дэ-фу) 218.
Гуань-ди, 10, 403, 205, 209, 210, 228, 238, 252.
Гуань-ди-мяо (кумирня) 33.
Гуань-ди-мяо (кум. наз. Юнъ-цюань-сы) 189.
Гуань-лао-ѣ 54.
Гуань-сянь-шэнъ 303.
Гу-бэй-коу'ская дорога 240.
Гули-уланъ (чах. знамя) 150.
Гули-хуху (чах. знамя) 312, 314, 316, 317.

Гули-цаганъ (чах. знамя) 186.
Гули-шара (чах. знамя) 151, 153, 154, 171.
Гульчжа-дуганъ (чжунгарск. кумирня) 218.
Гунгурва (монголъ) 426, 427.
Гунъ-мынь-коу (дорога въ Чэнъ-дэ-фу) 210.
Гунъ-худукъ (колодецъ) 428.
Гунъ-цзянь (сортъ чая) 74.
Гурбанъ цагунъ бурхану сумэ (кум въ У-та-сы) 69.
Гурундава гэгэнъ 32.
Гусай амбань (=ду-тунъ) 91.
Гусай ямунь 89—92.
Гусунъ тукъ 220.
Гучжиръ 28, 40, 45, 153, 428, 479, 480.
Гуша (св. трава) 402.
Гуй-жэнь (разр. имп. наложн.) 109.
Гуй-фэй (разр. имп. наложн.) 109.
Гуй-хуа-чэно-Чжанъ-цзя-коу'скій трактъ 36, 149, 162.
Гуй-цзы-му 238.
Гуй-цзло-гай-сы (сочиненіе) 272.
Гэбкуй 57, 453, 463.
Гэгэру (драг. камень) 395.
Гэсэръ (=Гуань-ди) 209, 212.
Гэсэръ.-сумэ (кум. въ Фынъ-нинъ-сяни) 197.
Гюкъ (путешеств.) 56, 70, 278, 282.

Д.

Дабасунай сумэ (мон.) 413.
Дабу (кит. холстъ) 31, 76, 84, 102, 192, 208, 359. 364, 414, 450, 461.
Дава-дорчжи 353.
Дава чжалцанъ (хухэнъ хут.) 482.
Davis 257.
Да-ди-чуань (фирма въ Луань-пинъ-сяни) 233.
Да-ди-шэнъ (тоже) 233.
Да-лама 57, 66, 67, 141, 142, 216, 218.
Далату-сумэ (кум.) 481, 483.
Далай-бэйсэ хош. (Ц. Х.) 429, 432, 442, 480, 481.
Далай-лама 53, 56, 57, 217, 220, 404—411, 435.
Далай-цорчжи-лама 68.
Далай-чжононъ-бэйсэ хошунъ 65.
Далянбу (сортъ мат. — дриллингъ) 31, 84, 199, 208, 359.
Да-лянъ-цзянь (шелк. матерія) 211.
Далинъ (двухстор. мѣшокъ) 196.
Дамалъ (завѣдыв.) 413, 414.
Дамба 62.
Дамба (дарга) 462.
Дамдинъ-биширэльту лама 422, 423.
Да-мяо (кумирня) 177.
Да-нань-цзѣ (улица въ Биру-хото) 350.
Да-нань-цзѣ (улица въ Гуй-хуа-чэнѣ) 73, 83—85, 95.
Дансукъ (=даньшикъ) 406, 483.
Данъ-пу (общ. закл. движ. им. въ Биру-хото) 348.
Данъ-пу-цзѣ (ул. въ Биру-хото) 348, 350.
Дань цзинь (тумэтскій гусай амбань) 99.
Дао-гуанъ (дайциньск. имп.) 34, 35, 72, 89, 91, 106, 110, 142, 144, 189, 217, 242, 335, 407, 411.
Дао-сы 50, 125, 249, 250, 252—256, 269.
Даосскія кумирни 50, 212.
Дао-тай.
Дарасунъ (водка) 288.
Дара эхэ (богиня) 70.
Дара эхэйнъ сумэ (кум. въ У-та-сы 62.
Дардань (шелк. мат.) 406.
Дарма-шири (цинъ-ванъ, цзасакъ) 439.
Дарханъ бэйлэ (халх) хошунъ 64, 126, 128.
Дарханъ гэлунъ Галданъ 483.
Дарханъ улайнъ сумэ (— хитъ) (монастырь) 299, 316—319, 335—337, 339.
Дарханъ-цинь-ванъ 453, 454, 459.
Дарханъ-цорчжи-лама 68.
Да-сы-ту (титулъ) 306.
Да-тани 310.
Дацанъ 433—435, 458.
Да-цзайсанъ-ламы (=лацабы) 458.
Да-цинъ-чанъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
Да-чжу (т. ч. Йэхэ-чжу, — мон. въ Хуху-хото) 56.
Да-чжу-цзѣ (улица въ Гуй-хуа-чэнѣ) 73.
Даши-дава (чжунг. князь) 218.
Даши-дондобъ (хуб. Илагухсанъ хутухту цэцэнъ-хан.) 435.
Даши-дорчжи (улачинъ) 445.
Даши-хадакъ 461.
Даши-хлумбо (т. ч. Сюй-ми-фу-шоу-чжи-мяо) 217, 220.
Да-ши-цяо (мостъ въ Чэнъ-дэ-фу) 212.
Да-шэнъ-дянь (фирма въ Долонъ-нурѣ) 287.
Да-шэнъ-куй (фирма въ Хуху-хото) 78, 420, 424, 425.
Да шэнъ-юнъ (фирма въ Луань-пинъ-сяни) 233.
Даянчи лама 319, 323, 324.

Дайгайнъ чжу (мон. въ Хуху-хотоскомъ окр.) 148.
Дай-сэцэнъ (тесть Тэмучина) 441.
Дай-хунъ-тайчжи (сынъ Бубэй бэйлэ) 473.
Дайчинъ-гуна хошунъ 424.
Дайчинъ-тайчжи 148.
Death Blow 262.
Диму-хутухту 404, 405.
Динъ-ань (главнокомандующій) 251.
Динъ-бянь-цзо-фу цзянь-цзюнь (тит. воен. губ.) 109.
Динъ-куай (фирма въ Хуху-хото) 77.
Ди-фанъ (= лао-цзя-р — должность) 23.
Ди-ши — титулъ Пакба ламы) 302.
Докшиты 57.
Долонъ-нурскіе монастыри 275, 290—298, 301, 355.
Долонъ-хошунай-надамъ (праздникъ) 450.
Доной (цзайсанъ) 460.
Дорчжи (цзангинъ въ Хуху-хото) 88.
Дорчжи (племянникъ кэшикт. цзас.) 353, 354.
Дорчжи чжотба (сочиненіе) 320.
Дуганъ 415.
Дугунъ 456.
Дугуйнъ сумэ (мон. прин. къ хуху-хото'ск. мон.) 147.
Дунгане 75.
Дунганское возстаніе 72, 119.
Дунъ-жи-мынь (ворота) 200.
Дунъ-цзѣ (мятежникъ) 249.
Дунъ-цза (катки) 50.
Дунъ-цинъ-шу (хвойное дер.) 209.
Дунъ-шэнъ-дянь (гост. въ Хуху-хото) 112.
Дунъ-шэнъ-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 281, 283.
Дунь-тай (маяки) 12.
Дурбэнъ-хухэтъ (хошунъ Внутр. М.) 64, 83, 126, 128, 151—153.
Дурбэнъ-хухэты (= Дурбэты) 151—153.
Дурбэты (= Дурбэнъ-хухэты) 151.
Дурбэты (чжунгарскіе) 219.
Ду-сы (воен. чин. 3-ей степ.) 19.
Ду-тунъ (должность — гусай амбань).
Дуйнгэръ пандита хутукту 148.
Дэвадата 391, 392.
Дэгэду номъ цаганъ линхоа (соч.) 395.
Дэдъ-ханбо-лама 458.
Дэ-инъ-мынь (дворц. вор. въ Чэнъ-дэ-фу) 210.
Дэльхэнь (мѣра простр.) 131, 132, 140.
Дэмчи лама 228.
Дэмчокъ (бурханъ) 57.
Дэмчокъ (аймакъ въ Цзунъ-хурѣ) 460, 461.
Дэмчокъ сумэ (т. ч. Пу-лё-сы) 219.
Дэнъ-пинъ-цзѣ (ул. въ Биру-хото) 350.
Дэ-шэнъ-мынь (вор. въ Пекинѣ) 1.
Дэ-шэнъ-чанъ (лавка въ Хуху-хото) 81.
Дяни (торг. въ Долонъ нурѣ) 286—288.

Ж.

Жэ-хэ'скіе богд. монастыри 216—218, 220.
Жэ-хэ'скій дворецъ 214, 223.
Жэ-хэ чжи (ляо) (ист.-геогр. сочин.) 177—179, 182, 184—185, 190, 222.
Жэ-шуй (горячія воды) 185—190.
Colonel H. Jule 328.

З.

Зара-булунъ-сумэ (мон.) 441.

И.

Илагухсанъ хутухту (хуху-хотоскій) 67, 115.
Илагухсанъ - хутухту (цэцэнъ - хановск.) 435—437.
Илійскій округъ 75, 113.
Имари (мѣра простр.) 131, 132, 140.
Индра 328.
Инъ-цза (лагерь) 31.
Инъ-цзунъ (минскій импер.) 14.
Иргэли бадарагулухчи сумэ (см. Гуань-юань-сы) 218.
И-синъ-куй (лавка въ Хуху-хото) 81.
И-тунъ-чжи (сочиненіе) 104.
И-хо-дунъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
И-шань-танъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
Ишвара 389.
И-янь (см. Янь-дэ) 109.

К.

Каданъ (имя князя) 327.
Калганско-Гуй-хуа чэнскій трактъ 35.
Калганско-Долонъ-нурскія дороги 169.
Кама-дэва 389.
Каменный уголь 17, 103, 136, 137.
Канси 16, 20, 54, 57, 59, 62, 63, 66—69, 87, 91, 131, 141—147, 203, 214, 220, 229, 252, 267, 268, 290, 293, 441, 453.
Канси-цзы-дянь (словарь) 223.
Канъ (лежанка) 32.

Као-пынъ (экзам. присутств. мѣсто въ Чэнъ-дэ-фу) 205.
Гр. Кассини (рус. посл. въ Пекинѣ) 1.
Кашгарскій округъ 75.
Кай-юань (года правленія) 13.
Кидани 397.
Кидань-го-чжи 397.
Киданьское письмо 369.
Кирпичный чай 74, 75, 285, 287, 315, 338.
Ковалевскій 10.
Кожевенные заводы 80, 239.
Коковина и Басова фирма въ Калг. 354.
Конфуцій 95—97, 133, 137, 191, 263, 286.
Конфуціанцы 249, 269.
Корейцы 16.
Красильныя фабрики въ Хуху-хото 77.
Красный (древне-буддійскій) толкъ 228.
Кульчжинская кумирня 218.
Куй-и-юнъ (фирма въ Чэнъ-дэ-фу) 211.
Кэ-тоу (земные поклоны) 264.
Кэшиктэнъ (хошунъ) 276, 287, 290, 317, 318, 327, 331—336, 343, 345—347, 349, 351—355, 360.
Кэшиктэны 287, 317, 318, 337, 338, 342, 352, 353, 397, 414.

Л.

Лама-мяо (т. ч. Долонъ-нуръ) 277.
Ламыйнъ-гэгэнъ (халхаскій) 152.
Ланцза (индійскій алфавитъ) 481.
Лань (см. Чжу-лань) 110.
Лао-бинъ (кушанье) 283.
Лао-ши-я-мынь (экз. присутств. мѣсто въ Чэнъ-дэ-фу) 205.
Лао-ё-мяо (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 212.
Лао-ё-мяо (кум. на Хо-ту-линѣ) 234.
Лата = (Удджайя, — госуд.) 393.
Лацабы (= да-цзайсанъ ламы) 457.
Ли (мятежникъ) 252.
Ли-бай-сы (мечеть въ Долонъ-нурѣ) 286.
Ли-вэнь-хуанъ (фамилія) 55.
Ли-вэй (изъ дома Тоба) 52.
Ли-го-чжэнь (мятежникъ) 252.
Ликданъ ханъ чахарскій 394.
Ли-ло (мятежникъ) 252.
Ли-сы-фу 168.
Ли-хунъ-чжанъ 5, 9, 251, 253—255, 272, 354.
Ли-фань-юань 109, 130, 137, 140, 142—144, 152, 295—297, 355.
Ли-цзинъ (пошлина) 41, 46.
Ли-чжэнъ-мынь (дворц. вор. въ Чэнъ-дэ-фу) 210, 213.
Линъ (священ.) 247.
Линъ-коу (христіане?) 330.
Линъ-чжу-сы (т. ч. Майдарійнъ сумэ) 148.
Линь-чи (видъ смертной казни) 260.
Лобсанъ (халгачи) 461.
Лобсанъ-бальчжуръ сэнбо 482.
Лобсанъ-дамба-допми (хуб. Чжэбцзунъ Д. хут.) 453.
Лобсанъ-шарабъ-лама (казначей въ Цзунъ-хурѣ) 458—460.
Лобсанъ-даньцзинь-принлай 482.
Ло-хань-танъ (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 216.
Ло-цзя-р (= ди-фанъ) 23.
Лубцзанъ-бальчжуръ 406.
Лугоры (назв. шапсійс. фирмъ) 39—40.
Лу-инъ (= ногонъ тукъ — зеленое знамя) 30, 204, 240, 251, 280, 283, 341, 345, 347.
Лунъ-ванъ (царь драконовъ) 43, 210.
Лунъ-ванъ-мяо (кумирня) 34.
Лунъ-синъ-сы (кумирня) 327, 328.
Лунъ-чжунъ-юнъ (должность) 55.
Лу-цза-мяо (т. ч. Тамагайнъ сумэ) 154.
Лу-чэнъ (цзянь-цзюнь) 91.
Лѣ-го (междуцарствіе) 18.
Лѣ-чжуань (минск. лѣт.) 310.
Лю-бэй (спутникъ Гуань-ди) 228.
Лю-хо-та (башня Жэ-хэ) 214, 366.
Лю-цзинь-танъ (ген. губ.) 271.
Лянъ-ло-да (зачинщикъ возстанія) 253.
Лянъ-суй-тай (торг. фирма въ Биру-хото) 349.
Лянъ-цзы (отр. войска) 347.
Лянъ-ши-цзѣ (ул. въ Чэнъ-дэ-фу) 206, 212.
Ляоская династія 17, 19.
Ляоскія столицы 397.

М.

Ма-ванъ 43.
Ма-ванъ-мяо (кумирня) 43.
Магометане (хуй-хуй) 4, 9, 10, 117, 185, 191, 194, 286, 289, 290, 347.
Макартнэй лордъ (англ. пут.) 221, 226.
Максуръ-чжабъ (цз. Со-гуновск. хошуна) 427.
Ман-ба (медиц. дацанъ) 433.
Мандарва гуна хош. 447.
Мани (изреченія) 10.
Манлай-батуръ 311, 312.

Манрамба Дорчжи лобсанъ-ванчжалъ 144, 145.
Мань-цянь (полные чехи) 71, 103.
Маньчжушри (бурх.) 119, 314, 390, 394.
Маньчжушрійнъ сумэ (т. ч. Шу-сянъ-сы) 216.
Мао-дань (попоны) 81, 208, 285.
Мао-янь-шоу (министръ) 109.
Марва 474.
Марко-поло 302, 328.
Марсъ (планета) 14.
Матусовскій 314, 317.
Махадэва 388, 389.
Махамая 391.
Махану (военач.) 310.
Махарата 393.
Маха йога-йнъ тантра йнъ цзарлик гэгэнъ цзула (шастра) 392.
Мачжинь (женское имя) 148.
Ма-ши-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 281—283.
Ма-ю (конопляное масло) 290, 349.
Майдари (бурханъ) 148, 225, 316, 361, 430.
Майдарійнъ сумэ (отн. къ Хуху хотоск. мон.) 147.
Майханъ (палатка) 39—40.
Memorandum on Persecutions in China 266.
Мэргэнъ-цзасака хошунъ 472, 475.
Мечеть въ Го-цзя-тун'ѣ 191.
Мечеть въ Долонъ нур'ѣ 286.
Middle Kingdom соч. Williams'a 262.
Ми-ла-фо 10.
Миндалъ-гэгэнъ 316.
Миндалъ-гэгэна хурѣ (мон. близъ Шанъ-ду) 312.
Минская династія 1, 6, 12, 13, 18, 19, 20, 53, 87, 124, 142, 144, 147, 220, 249, 306, 309.
Минскія кладбища 5.
Минская исторія (Минъ-ши) 13—14, 53, 309—310.
Минчжулъ-хутухту камбо (посолъ) 410.
Минусинскій округъ 110.
Минъ (фамилія) 14.
Минъ-(фэй) (имя наложницы) 106, 107, 109, 110.
Модонъ-хула (дерев. чашка) 402.
Модочины 448.
Молчановъ (чайн. торг.) 75.
Морды (корзины для ловли рыбы) 331.
Морозовъ (фабрикантъ) 288.
Му (мѣра простр.) 106, 153.
Му-минганскій хошунъ 64, 126, 128, 129.
Мусульмане (см. Магометане).
Му-ху-лу-цза (см. бортого) 285, 287.
Мэнду-сайханъ (колодцы) 430.
Мэнъ-ту-ю-му-цзи (сочиненіе) 330, 334, 340, 397.
Мэргэнъ-вана хошунъ (Т. Х) 83, 152.
Мэйрэни-цзангинъ (=фу-ду-тунъ) 91, 92,
Мэй-ю (керосинъ) 240.

Н.

Наванъ-чоймпилъ (имя хубилгана) 143.
Наганчжуна 392.
Nakchatra (созвѣздіе) 390.
Намсарай (монголъ) 426, 427.
Намчжалъ (плем. кэшикт. цзас.) 353, 354.
Намчжалъ-тойнъ 62.
Нанкинская башня 214, 215.
Нань-доу (южныя поляр. звѣзды) 14.
Насуда асаралту сумэ (отн. къ хуху-х. мон.) 141, 142.
Ни-янь (табакъ) 26.
Нинъ-нинъ хутухту 67.
Нинъ-ху (титулъ королевы) 109.
Нинъ-чоу (матерія) 84.
Нинъ-юань-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 286.
Нирба 72, 141, 297, 401, 452, 453, 460, 463.
Нируй чжангинъ (должн. эскадр. команд. 136.
Ногонъ-тукъ (см. лу-инъ) 280.
Ноинъ-аба (кэшикт. цзасакъ) 353.
Номту дэбэль (дух. одежда) 337.
Номунъ (супруга Чжи-цзасака) 417, 418, 420.
Номунъ-ханъ 218.
Номтуйнъ аршанъ (горько-сол. ист.) 475.
Ноянь (имя князя) 327, 328.
Нумунп илагухчи (эпит. асуровъ) 389.
Нэбтэрхэй-цэцэнъ (тит. Илаг. хутухты цэц. хан.) 437.
Нэнъ-нэнъ-тайху 394.
Нэйчжи-тойнъ-хутукту (Тойнъ лама) 57—59, 61.
Ню-ши-цзѣ (ул. въ Долонъ-нурѣ) 281, 282.
Нянъ-нянъ-мяо (кум. бл. Нюй-инъ-цза) 238.
Нянь-дэ- — (мэйрэни цзангинъ) 91.
Ньин-ма-ва (секта) 474.

О.

Обо 43, 126, 151, 172, 363, 416, 483.
Оготоно (полевыя мыши) 119.
Олбокъ (подушка) 72.
Олоты (поколѣніе) 61, 294.
Олочэнь 334.
Омбо хунъ-тайчжи 54, 56.
О-ми (см. Чахаръ-даянчи-хутухту) 144.
Омскій округъ 75.
Онгоцойнъ худукъ (колодецъ) 416.
Онюты 227, 287, 361, 365.
Опіумъ 122—123, 191, 201, 257.
Оркимчжи 320.
Baron d'Ohsson 328.
Отчигинь (братъ Чингисъ-хана) 328.
Очиръ-ванц (докшитъ) 57.
Ойраты 217.

П.

Па-бяо-тунъ-фынъ (вор. въ Чэнъ-дэ-фу) 209.
Па-гуа (рисунокъ) 96.
Падма-самбава 474, 481.
Пакба-лама 302.
О. Палладій 167.
Пандита гэгэнэй дацанъ 337.
Пандита (йнъ) сумэ 316.
Пандитайнъ чжу (прин. къ хуху-хото'ск. мон.) 146.
Пань-пинъ-цзѣ (ул. въ Чэнъ-дэ-фу) 210.
Пань-цза (агентскія конт.) 80.
Пай-лу-цзѣ (ул. въ Чэнъ-дэ-фу) 209, 210.
Пещерныя жилища 49, 180.
Пинъ-ла-гоу-мынь-р (гостинница) 185, 186.
Пинъ-си-ванъ (тит. мят. Дунъ-цзѣ) 249, 253.
Пинъ-чжанъ 309.
Пинь (разр. имп. наложницъ) 109.
Пи-цзинъ-мынь (вор. въ Пекинѣ) 2.
По-ло (дер. вида дуб. Quercus obovata) 211.
Полѣнчатый чай (бай-лянъ) 74, 75.
Поповъ П. С. (драгом. Пекинск. Мис.) 324, 397.
Потанинъ (путеш.) 106, 107, 135, 466.
Пу-лё-сы (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 218, 219.
Пуна (царевна) 327.
Пу-нипъ-сы (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 217, 220.
Пунсукъ-цзѣ (ул. въ Гуй-хуа-чэнѣ) 73, 85.
Пунсукъ-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 66—67.
Пунцукъ (цзасакъ-да-лама) 146.
Пунцукъ (вѣстовой) 445.
Пунъ-бэйсэ хошунъ 297, 443, 445—447, 459.
Путята (путеш.) 397.
Пу-ю-сы (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 218.
Пэнъ-юй-линь (комисаръ въ Кантонѣ) 265, 266, 272.
Пяо (свидѣтельство) 41.
Пясецкій (путеш.) 10.

Р.

Рабтанъ (хафань) 460, 401.
Рабчжамба (уч. степень) 337, 422.
Рабчжа-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 57.
Ратна-самбава бурхану сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Рахули 391, 392.
Report to English Presbyterian Mission 262.
Ринчинъ-тэкчинъ-линъ (мон. Хухэнъ хут.) 474.
Рудра 389.

С.

Саба-нутукъ (погр. мѣста) 437.
Сабанъ-цзасака хошунъ 481.
Сакусунъ 58, 64, 455, 473, 474.
Сакья-муни (=Шакья-муни) 388, 392.
Сакья-пандита 391.
Сакьясцы 390—392.
Самади-бакши 402, 406, 409, 410.
Санань-сэцэнъ 435.
Сангэ-була (лу'скій князь) 327.
Сандуй (бурханъ) 57.
Сансарыйнъ-хурдэ 64.
Санъ (казначейство) 181. 308, 462.
Санцзай-дорчжи (цэцэнъ-ханъ) 438, 439.
Санъ-дарма-пундарика (сутра) 395.
Сань-гуань-мяо (даоск. кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 212, 253.
Сань-гуань-мяо (кум. въ Долонъ-нурѣ) 283, 284, 286.
Сань-хо-чэнъ (пекинск. фирма) 80.
Сань-хэ-юань (фирма въ Хуху-хото) 79, 423.
Сао (ляоская им-ца) 17.
Сарасвати (бож. дѣва) 390.
Сайни эрхилэхчи сумэ (см. Пандитайнъ-чжу) 147.

Сайнъ-барилдулга сумэ (мон. прин. къ Бага-чжу) 62.
Сайнъ-ноиновскій аймакъ 83, 296.
Семипалатинскій округъ 75.
Си-да-цзѣ (ул. въ Чэнъ-дэ-фу) 206—209, 212.
Силинъ гол'скій сеймъ 280, 335, 336.
Синъ-гунъ (походн. дворецъ) 178.
Синъ-лунъ-вэй (бурх. маст. въ Долонъ-нурѣ) 282.
Синъ-лунъ-гуань (гост. въ Долонъ-нурѣ) 284.
Синъ-лунъ-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 283.
Синъ-чжао-(хуху-хото'скій цзянь-цзюнь) 139.
Синь-гунъ (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 217.
Синь-чэнъ (хуху-хото'ская крѣпость) 52, 115—118.
Си-цзы (рогожи) 27.
Си-янъ-бу (мат.) 76, 192, 199.
Со-гуна хошунъ (Т. Х) 427, 426.
Со-гѣ-ло (Сукавати) 329.
Солонгуты 772, 773.
Сономбо (да-лама) 66.
Сорасвати-тайсунъ-хуанди 395, 397.
Со-синъ-дэ (фирма въ Хуху-хото) 77.
Сойбунъ-гэгэнъ 435—457.
Субурганъ 2, 68—71, 152, 194, 215, 219, 243, 392—397, 402, 433, 438.
Субургану оналъ (сочиненіе) 392.
Субдуйнъ сумэ (мон.) 360.
Судай (хя) 343,
Судодани (царь) 391.
Сукавати 329.
Сумэр улцзэйту сумэ (т. ч. Сюй-ми-фу-шоу-чжи-мяо) 217.
Сунитъ (хошунъ) 280, 289, 335.
Суниты 275, 287, 350.
Сунская династія 53, 55, 120, 243.
Сунъ-инъ (минск. военач.) 14.
Сунъ-сё-чжи (зачинщ. возстанія) 253,
Сунъ-тунъ-цзянъ (исторія сунской дин.) 16, 17, 302.
Сунъ-чунъ (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 100, 139.
Сунъ-чунъ 2-й (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
Сунъ-ѣ-шанъ (фирма въ Долонъ-нурѣ) 287.
Су-о (туданъ-матерія 288.
Суринъ-дугунъ 438, 476,
Суртагуни тэтхуху (тит. Галзанъ-ширѣту'я) 411.
Сухэ (подводчикъ) 480.
Сцзукту (тэригунъ) 460, 461.
Суй-юань-чэнъ (см. Синь-чэнъ) 116.
Сучжи (колодецъ) 469.
Сы-танъ (кумирня) 67.
Сы-танъ (храмы предковъ) 3.
Сы-хэ-юань (фирма въ Биру-хото) 349.
Сы-ѣ (должн. смотр. тюр. замка) 197.
Сѣ-ли-ху'скій золотой пріискъ 254.
Сѣ-тай (воен. должность) 280, 281.
Сэнгэ-дурэнъ ханъ 54,
Сэнтуръ (имя князя) 327.
Сэра (мон. въ Тибетѣ) 402, 410, 435.
Сэцэнъ-хановскій аймакъ (см. Цэцэнъ-хановскій).
Сэцэнъ-цинъ-ванъ 280.
Сюнну 109.
Сюнь-цзянь (гражд. чиновн.) 33, 191, 280, 281, 346.
Сюй-вэй-гунъ-цзю (вор. въ Чэнъ-дэ-фу) 206.
Сюй-да (цзянь-цзюнь) 309.
Сюй-дэ (фирма въ Хуху-хото) 77.
Сюй-жунъ (нач. разб. шайки) 246, 247.
Сюй-ми-фу-шоу-чжи-мяо (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 217.
Сюй-цай (фирма въ Хуху-хото) 77.
Сянъ-дянъ (зала) 106.
Сянъ-чэнъ-юй-мо (мат.) 76.
Сянъ-шуй (т. ч. Юй-бао) 227.
Сянь-пянь (байхов. чай) 195, 200, 233.
Сянь-сюнъ-хэ (фирма въ Биру-хото) 349.
Сянь-фынъ (дайцинск. имп.) 38, 72, 203.
Ся-пу (ул. въ Калганѣ) 22.
Ся-хо-и (фирма въ Пекинѣ) 80.
Ся-шэнъ-хо (фирма въ Пекинѣ) 80.

Т.

Табунъ-субурганай-чжу (= У-та-сы, мон. въ Хуху-хото) 56, 69, 71, 148.
Тала-худукъ (колодецъ) 411.
Тамага (хошунное упр.) 353.
Тамагайнъ сумэ (т. ч. Лу-цза-мяо) 154.
Тангуты 64.
Танская династія 13, 16, 19, 53, 87, 117.
Таорлъ (дер. дикій персикъ) 190, 194.
Тарбаганы (полевыя мыши) 470.
Тарбагатайскій округъ 113.
Татагата 328, 329.
Татарія 70.
Ташкентскій округъ 75.
Тай (башня) 44.
Тай-динъ (года правл.) 329, 330.
Тай-и 4.

Тай-хо-юй-линъ (мат.) 76.
Тай-цзу 293.
Тай-цзунъ 293, 409.
The book of sir Marco Polo 328.
The cause of the Riots in the Yangtse valley 267.
Thin 262.
Tientsin Massacre соч. Thin'a 262.
Тинъ-чжу 309.
Тоба 52, 53.
Тобо-даянчи-лама Принлай-чжамцо 143.
Тогонъ-тэмуръ (Шунь-ди) 309, 334.
Тонми самбода (переводчикъ) 481.
То-то 16.
Тоу-чэнъ-цзѣ (ул. въ Дол.-нурѣ) 281, 283.
Ту-дакъ (дрохва) 469.
Ту-данъ (су-о) (матерія) 288.
Ту-ди (геній) 167.
Ту-ди-сы (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 213.
Туманскій (путеш.) 10.
Тумэнъ-улцзэй (тусалахчи) 343.
Тумэнъ-цзасакту ханъ 394.
Тумэты 53—54, 58, 63, 64, 68, 71, 74, 85, 87—89, 93—101, 109, 113—114, 118—119, 122, 125—142, 186, 227, 250, 287.
Тунъ-а (алиха-амбань) 96.
Тунъ-сунъ-дянь (гост. въ Хуху-хото) 112.
Тунъ-цзянъ (мет. дѣлъ мастера) 282.
Тунъ-цзянь-ганъ-му (сочиненіе) 109.
Тунъ-чжи (алиха-амбань) 97.
Тунъ-чжи (дайцинскій импер.) 284, 345, 459—462.
Тунъ-чжи (должность) 274, 346.
Туркестанскій край 113.
Туркестанцы 74.
Турушскій царь 393.
Туруйнъ бэйлэ 280.
Туруйнъ дурэнъ цзюнь ванъ 280.
Туруйнъ цзорикту цзюнь ванъ 280.
Туруйнъ цзюнь ванъ 280.
Туруйнъ эрдэни цзюнь ванъ 280.
Турѣсун'у чжусы (подати) 355.
Тусалахчи 342—344, 353, 439.
Тусанга (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
Тухэй буда (мелкое просо) 288.
Тушѣту хана хошунъ 454.
Тушѣту-хановскій аймакъ 83, 296, 426.
Туй-шоронъ 57.
Тэмучинъ 431.
Тэнъ-пай 280.
Мистеръ Тэйлоръ (дир. Кит.-Инд. Миссіи) 260.
Тюкюэскія могилы 466.
Тюляевъ (фабрикантъ) 288.
Тянь-и-дэ (фирма въ Хуху-хото) 78.
Тянь-нинъ-сы (кум. въ Пекинѣ) 52.
Тянь-синъ-хэнъ (фирма въ Хуху-хото) 77.
Тянь-тай-юнъ (торг. фирма) 39.
Тянь-хо-дэ (фирма въ Пекинѣ) 80.
Тянь-хо-шэнъ (торг. фирма) 39, 41.
Тянь-цзиньскій трактатъ 58 г. 257—259.
Тянь-цзюй-дэ (фирма въ Хуху-хото) 77.
Тянь-ци (года правленія) 56.
Тянь-юй-дэ (фирма въ Хуху-хото) 79.

У.

У-гуанъ-шэнъ (мятежникъ) 253.
У-гуй-тоу (кумирня) 10.
Угэдэй-ханъ 5, 149.
Удджайя (= Лата, государство) 393.
У-ди (имя императора) 109.
У-инъ 223.
Williams 262.
Мистеръ Williamson (чл. англ. миссіи) 260.
Уксара (мѣсто хамбо-чаю) 287.
Уланъ-дабанай-цзамъ (дор. изъ Урги въ Калганъ) 449.
Уланъ-халгайнъ сумэ 411.
Уланъ-худукъ (колодецъ) 479.
Улачины (подводчики) 445, 480.
Улцзэйги бадарагулухчи сумэ (см. Усутусумэ) 145.
Улцзэйги эрхинъ болгахчи сумэ (см. Барунъ-чжу) 69.
Улясутайскій округъ 75.
Улясутайнъ худукъ (колодецъ) 416.
У-мяо (кум. Гуань-ди (Гэсэра) въ Чэнъ-дэ-фу) 209.
Ундуръ Майдари (кум.) 430.
Ундуръ-гэгэнъ 453, 456, 482.
Унидэ балсхуланту сумэ (см. Цорчжи-чжу) 66.
Унидэ буянту сумэ (отн. къ хуху-хото'ск. мон.) 147.
Унцугуйнъ номту (бурх. маст. въ Долонъ-нурѣ) 283.
Унцукъ тунъ-цзянъ (бурх. маст. въ Долонъ-нурѣ) 283.
Унэту (колодецъ) 425.
Уратскій хошунъ 126, 128, 148.
Ургинско-Калганскій трактъ 162, 332.
Ургинско-Улясутайскій почт. трактъ 436.
Урду табинъ сумэ (монаст.) 363.
Уриду абагаскаго вана хошунъ 332.
Урмэ (жар. сливки) 453.
Урунъ (отокъ шаб. Ург. хутухты) 449.

Урту насунъ (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
Урушіѣнъ абурахчи сумэ (отн. къ хуху-хото'ск. мон.) 141.
Усуту сумэ (отн. къ хуху-хото'скимъ мон.) 145.
У-та-сы (= Табунъ-субурганай-чжу) 56, 69, 115.
Ухань (хошунъ Ю. М.) 287.
Учжумуцинь (хошунъ) 61, 276, 280, 287, 289, 299, 315, 335, 398—401, 412, 414.
Учи (баранья туша) 353, 355.
Sir Wade (англ. спнол.) 259.
Уйлэсы гэйгулухчи (сутра) 395.
Уй-шэнъ-дянь (фирма въДолонъ-нурѣ) 287.

Ф.

Фань (фамилія) 43.
Pere Favier 227, 244.
Фо 229.
Фо-ѣ-мяо (кум. въ Фынъ-нинъ-сяни) 197.
Фу-ду-тунъ (мэйрэни цзангинъ) 90, 91, 102, 130.
Фу-жэнь-сы (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 220, 228.
Фу-лянъ (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 136.
Фу-синъ-юнъ (торг. фирма) 39.
Фу-хо-чэнъ (торг. фирма) 39—41.
Фу-хо-юнъ (торг. фирма) 39.
Фу-хунъ-юнъ (фирма въ Биру-хото) 349.
Фу-чжэнь (путешеств.) 397.
Фушанга (хя) 411.
Фу-шапь-сы (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 219.
Фу-шэнъ-цзѣ (улица въ Долопъ-нурѣ) 285.
Фу-шэнъ-юнъ (фирма въ Хуху-хото) 77.
Фу-ѣ (воен. должность) 30.
Фу-юань-дянь (торг. фирма) 39.
Фу-ямунь 205, 206.
Фынъ-нинъ-сянь'скій трактъ 238.
Фынъ-шуй (чародѣйств. примѣты) 264.
Фыньдэ бошоку (должн. гвард. десят.) 136.
Фэй (разр. импер. наложницъ) 109.

Х.

Хаинкирва (докшитъ) 57.
Халгачи (должность) 461.
Халха 65, 83, 130, 135, 146, 147, 152, 287, 290, 293, 295, 298, 311, 350, 354, 357, 416, 421, 435, 447.
Халхасы 61, 64, 283, 290, 294, 296, 297, 397, 398, 435, 455, 456, 458.
Халцзанъ-ширѣту 422.
Хамбо (ханбо)-чай (ця) 285, 287, 315, 338, 354, 359.
Хамійскій округъ 75.
Хамуги мэдэхчи усуну хухульту (эпит.) см. Йэхэ усутэй 389.
Хамчжилга 476, 477.
Ханбо-лама 217, 404, 405.
Ханбо-номунъ-ханъ 458.
Хань-Минъ-фэй-чжунъ (надпись—см. Ванъ-чжао-цзюнь) 107.
Ханьская династія 18, 106, 107, 109, 110.
Хань улус'ун Ванъ-чжао-цзюн'у хэгур (надпись—см. Ванъ-чжао-цзюнь) 107.
Хань-хэ-тоу-цзѣ (ул. въ Чэнъ-дэ-фу) 206, 212, 213.
Хара-бута (растеніе) 119.
Харачинскій хошунъ 297, 365.
Харачины 54, 59.
Хасаръ (братъ Чингисъ-хана) 165.
Хатагійнъ-йогузаръ-лама (йогазцари-хутухту) 422.
Хашига 62.
Хайду (плем. Хубилай-хана) 327, 338.
Хайласу (дерево—ильмъ) 313.
Хайсандай (см. Синъ-лунъ-вэй) 282.
Хла-бэйсэ хошунъ (Ц. Х.) 315, 422, 435.
Хла-гуна хошунъ 437, 438, 440, 441.
Хла-чжононъ-гунэй хошунъ 470, 472.
Хлама (бурханъ) 351.
Хламо (докшитъ) 423,
Холодахини амурчжигулухчи сумэ (см. Ань-юань-мяо) 218.
Хо-ли-цзинь (долонъ нур'ская лавка) 300.
Хорпнскіе буряты 472, 473.
Хормуста 389, 392.
Хоропъ (ограда) 309, 471.
Хорчпнскіе хошуны 211.
Хорчины 202, 220, 227, 287.
Хото-мандалъ 64, 219.
Хохо-дабасу (соль=русс. бѣлой соли) 413.
Хохо-сумэ (мон. въ Долонъ-нурѣ) 275, 286, 290, 295, 296, 299.
Хохо-сумэ (т. ч. Фу-шань-сы) 219.
Хохо-сумэ (кург. въ Шанъ-ду) 304.
Хо-цинъ-ванъ 171, 172.
Хошупи-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 68.
Хошунное управленіе 191, 342, 353, 433, 445.
Хошуну бэйсэ 280.
Хо-шэнь-мяо (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 209.
Хо-шэнь-мяо-цзѣ (переул. въ Чэнъ-дэ-фу) 209, 210.
Хуапъ-гу-тунъ (фынъ-нинъ-сянь'скій опіумъ) 201.

Хуанъ-гуй-фэй (разр. импер. наложницъ) 109.
Хуанъ-хоу 411.
Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вэнь (сочиненіе) 272.
Хуа-нянь-цзинъ (св. книги) 52.
Хуа-цзи (фирма въ Хуху-хото) 77.
Хуа-ци-жэнь-тоу-цу-янъ (матерія) 76, 199.
Хуа-ци-фэй-лунъ-си-вэнь-бу (матерія) 76, 199.
Хуа-янь-сы (кум. въ Шанъ-ду) 302.
Хубилганъ 59, 66, 69, 71, 72, 143—145, 147, 148, 220, 312, 344, 345, 351, 393, 394, 402, 404, 411, 420, 422, 433, 435, 437, 453, 455, 474, 481—484.
Хуботу уланъ (чах. знамя) 47, 150.
Хуботу хохо (чах. знамя) 47.
Хуботу шара (чах. знамя) 171, 172,
Хубо-шара ухурчины (=Чжунъ ухурчины) 161.
Хубчинъ-чжононъ-бэйсэ хош. 450, 475, 479, 480.
Хулунь бопрскаго Чжунъ-вана (хош.) 435.
Хулэ (магазин. куль хлѣба) 102, 220.
Ху-нань'скія антихр. изданія 270—273.
Хундуй 134, 476, 477.
Хунны (= Сюнну) 110.
Хунъ-ву (минск. импер.) 20.
Хунъ-мо-си-си-вэнь-бу (матерія) 76.
Хунъ-мо-цу (матерія) 76.
Хунъ-мяо (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 212.
Хунъ-цяо (мостъ въ Чэнъ-дэ-фу) 207, 209, 210.
Ху-пай-би-цзи (матерія) 76.
Хуралъ 57—59, 62, 66, 68, 141, 152, 216, 219, 314, 335, 337, 351, 357, 364, 367, 423, 437, 453, 455, 459.
Хурай-буда (= болосонъ буда — крупное просо) 288.
Хурай-хошу (песчаные увалы) 342.
Хурулъ (сумунный) 472.
Хурулыйнъ сумэ 57, 314, 315.
Хурца-дакба (лама) 483.
Хурца-ламайнъ сумэ (кум.) 434.
Хуталайги ибэгэхчи сумэ (см. Пу-ю-сы) 218.
Хуталайги энхэчжигулухчи сумэ (см. Пунинъ-сы) 217.
Хутала нигулэсухчи сумэ (см. Шара-мурэнь чжу) 146.
Хутала чжиргаланту сумэ (см. Дайгайнъ-чжу) 148.
Хутала чжиргаланту сумэ (см. Пу-лё-сы) 218.
Хухэнъ-хутухту 472—474; 480—484.
Хучинъ номту (бурх. маст. въ Долонъ-нурѣ) 283.
Хучинскіе хошуны 280, 315, 335, 413, 414.
Хуй-хуй (магометане) 117.
Хуй-хуй-сы (мечеть въ Шанъ-ду) 302.
Хуй-цзунъ-сы (см. Шара-сумэ) 290.
Хуй-юй-гуань (кум. въ Долонъ нурѣ) 286.
Хэ-нань-дянь (постоял. дворъ) 274.
Хэнъ-цинъ-дянь (торг. фирма) 39.
Хэнъ-юй-дэ (общ. закл. дв. им. въ Биру-хото) 348.
Хэрулэнъ-бярсъ-хото'скій сеймъ 440.
Хэ-цю-тао 441, 442.
Хэ-чинъ-ванъ 162.
Хэ-шаны 181, 186, 188—190, 204, 234, 237, 283, 286, 302.
Хэ- (шу-нинъ) (генер.) 107.
Хэ-шэнъ-юй (торг. фирма въ Биру-хото) 349.

Ц.

Цаганъ-дабасу (соль=русск. черной соли) 413.
Цаганъ-даянчи-хутухту 141—143.
Цаганъ-дэрэсу (колодецъ) 425.
Цаганъ лама Раши чжамцо 142—143.
Цаганъ ламайнъ чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
Цаганъ сара 59, 361.
Цаганъ-субурганъ (башня) 364, 366, 367, 397.
Цаганъ-хадайнъ-чжу (прин. къ хуху-хото'скимъ мон.) 145.
Цаглаши угэй сумэ (см. Да-чжу) (Йэхэ-чжу) 57.
Цамначи 218.
Цамъ 218.
Цанба (фам. см. Чахаръ-даянчи-хут.) 144.
Цанидыйнъ сумэ (въ Цзунъ-хурѣ) 456.
Цанитъ 63, 216, 337, 351, 422, 458.
Цань-цзань-да-чэнь (должн. пом. воен. губ.) 109.
Цай-шэнь (духъ богатства) 190, 210.
Цай-шэнь мяо (кум. въ Эр-дао-цзинъ-цза) 190.
Цзамьянъ-чжамцо (хубилг. Хухэнъ хутухты) 482.
Цзангинъ.
Цзанданъ-цзу 151.
Цзанканъ 57, 64.
Цзасакту ханъ 146.
Цзасакъ (кэшиктэнскій) 353—355.

Цзасакъ-да-лама 57.
Цзасакъ-лама 57, 64—67.
Цза-сянъ-мынь (вор. въ Синъ-цинъ-коу) 30.
Цзахиракчи 342—344, 353, 355, 439, 476.
Цзая-пандита хутухту 146, 147.
Цзай-ли (секта) 249.
Цзайсанъ цзасака хошунъ 479.
Цзинъ-фань-тянь (назв. мѣста въ кум. Лунъ-синъ) 329, 330.
Цзинь-дань-дао (секта) 246—249, 253, 255.
Цзиньская династія 19, 52, 54.
Цзинь-сянъ-юй (сортъ попонъ) 81.
Цзинь-тянь-чань-юань (кум. въ Чэнъ-дэ-фу) 210.
Цзинь-фоу-ду (зол. башня въ Шанъ-ду) 302.
Цзинь-чоу (шолк. матерія) 211.
Цзинь-чэнъ-юнъ (фирма въ Чэнъ-дэ-фу) 210, 211.
Цзопхава 57, 225, 482.
Цзанхавинскій толкъ 190, 194, 220.
Цзо-цзунъ-танъ (ген. губ. Вост. Турк.) 75, 272.
Цзу (статуя) 57, 314.
Цзула-сара 361.
Цзунъ-Абага (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 280.
Цзунъ-Абаганаръ (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 280.
Цзунъ-ли-ямунь 271.
Цзунъ-худукъ (колодецъ) 430.
Цзунъ-хурѣ(нь) (мон.) 449, 452—464.
Цзунъ Сунитъ (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 41, 280.
Цзунъ Хучитъ (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 280, 315.
Цзунъ-шэнъ-сы (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 216.
Цзунъ-ѣ (воен. должн.) 280, 281.
Цзуру-хуцзунэй цзамъ (дорога на Цзунъ-хурѣнь) 449.
Цзурхай (астрологическій даданъ) 433.
Цзутъ-данъ-нинъ-бо (хубил. Хухэнъ хутухты) 481.
Цзы-сунь нянъ-нянъ (богиня см. Гуй-цзы-му) 238.
Цзы-цзунъ (хэшанъ) 302.
Цзѣ-ду-ши (должн. нач. погр. гарн.) 54.
Цзѣ-лѣ (должн. областн. нач.) 55.
Цзѣ-тай (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 216.
Цзэнъ-го-фань (кит. госуд. дѣятель) 259, 260, 272.
Цзюнь-сюань (да-сы-ту) 305, 306.
Цзю-цай-лянъ (мостъ) 177.
Цзю-чэнъ (хуху-хот. кремль) 85—101, 116.
Цзю-шэнь-мяо (кум. въ Фынъ-нинъ-сяни) 197.
Цзюй-жэнь (ст. магистра) 109.
Цзюй-юнъ-гуань (крѣп. бл. Пекина) 1, 5—7, 9, 20.
Цзя-и-да-фу (чинъ) 330.
Цзянь-дуань (шолк. мат.) 211.
Цзянь-цзюнь.
Цзя-цинъ (дайцинск. импер.) 31, 34, 66, 68, 91, 109, 132, 135, 140, 142, 144, 174, 354, 403, 405, 406, 411, 438.
Цзя-цинъ (минскій импер.) 53.
Ци-ло-дао (мятежникъ).
Цинъ-дэ-чжинъ (торг. фирма въ Биру-хото) 349.
Цинъ-чжунъ (см. Ванъ-чжао-цзюнь) 104.
Цинъ-чжунъ-чанъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
Цинь (княжество).
Цокчинъ (капище въ мон. Дарханъ-улайнъ сумэ) 337.
Цокчинъ (кап. въ Цзунъ-хурѣ) 456.
Цорчжи-лама 68, 433, 453, 457, 458, 460, 463.
Цорчжи-мяо (кумирня) 155.
Цорчжи-хутухту (-гэгэнъ; -лама) см. Дарханъ-цорчжи-лама 66.
Цорчжи-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 65, 66.
Цянь лунъ (дайц. импер.) 63, 68, 69, 88, 91, 93, 97, 98, 100, 101, 102, 116, 127, 131, 132, 136, 138—141, 143, 144, 146, 148, 176, 194, 196, 203, 214, 215, 217.
Цянь-лянъ (сортъ чая) 74.
Цянь-мынь (ворота въ Пекинѣ) 1.
Цянь-цзунъ (должность) 197.
Цэ-цзасака хошунъ 297.
Цэрэнъ (халгачи) 461.
Цэцэнъ-гуна хошунъ 432.
Цэцэнъ-хана ставка 432—434, 469.
Цэцэнъ-хана хошунъ 432, 437, 438.
Цэцэнъ-хановскій аймакъ 276, 287, 289, 296, 300, 315, 350, 418, 422, 427, 429, 435, 437, 440, 444, 446, 447, 450, 476.
Цэцэнъ-ханъ 432—435, 438, 439, 440, 469.

Ч.

Чанъ-кай-шинъ (минск. военачальникъ) 20.
Чанту-цзянь-цзюнь (мятежникъ) 119.

Чанъ-тай-дянь (гост. въ Хуху-хото) 112.
Чанъ-шэнъ-цзѣ (улица въ Долонъ нурѣ) 282, 283, 285.
Чанъ-юй-чунъ (полководецъ) 309.
Чахарскія кочевья 36, 43, 45, 148, 277, 291, 295.
Чахаръ-даянчи-хутухту 144.
Чахаръ-лама- (йнъ) чжу (мон. въ Хуту-хото) 56, 144, 145.
Чахары 34, 36, 43, 45, 47, 48, 54, 126, 128, 144, 150, 151, 153—155, 160—162, 168, 171—174, 177, 179, 180, 186, 189, 190, 216, 287, 312, 314, 315, 317, 318.
Чехъ (монета) 15, 41, 71, 103, 201, 350.
Чжаикъ-гэгэнъ 433.
Чжакба-чоймпилъ (да-лама) 410.
Чжалани орго (коч. чах. цзалана) 154.
Чжалани цзангинъ (тумэтскій) 63, 134, 136, 137.
Чжалань (должность) 128, 129.
Чжамбалъ-сэнбо (хубилг. Хухэнъ хутухты) 482.
Чжамсаранъ (да-лама) 460—461.
Чжамсаранъ (тойнъ) 460.
Чжанрайсэкъ (бурханъ) 57.
Чжанчжа-хутухту (—гэгэнъ) 56, 63, 147. 181, 186, 217, 219, 290, 291, 295, 308, 312, 352.
Чжанъ (имя начальн.) 330.
Чжанъ (мѣра длины) 106.
Чжанъ-дэ-хуй (кит. пут.) 441.
Чжанъ-лао-ѣ (кум. бл. Чэнъ-дэ-фу) 228.
Чжанъ-нынъ-гэ (полков.) 20, 51, 54—55, 104—106, 120—121.
Чжанъ-тай-тай (женск. имя) 63.
Чжанъ-цзасака хош. (= Хла-гуна хош.) 437.
Чжанѣ-цзя-коу'ская дорога 311.
Чжанъ-чжи-дунъ (ген.-губ.) 271, 272.
Чжао-гунъ-минъ (кит. духъ богатства) 190.
Чжао-ши-янь (чиновн.) 327.
Чжао-цзюнь (см. Ванъ-чжао-цзюнь) (кладб. бл. Хуху-хото) 104—106.
Чжао-цзюнь-чу-сай (романъ) 109.
Чжао-янъ (дворецъ) 109.
Чжао-янъ (хэшанъ) 186.
Чжао-янь (чанъ-нин'скій окруж. нач.) 327.
Чжаши-лумбо (мон. въ Тибетѣ) 410.
Чжай-ба'скій дацанъ (въ мон. Сэра) 435.
Чжи (цзянь-цзюнь) 131.
Чжибхуланту-чжу (мон. хуху-хото'ск. окр.) 148.
Чжикчжитъ (аймакъ въ Цзунъ хурѣни) 460.
Чжи-ли До-лунь но-ръ Фу-минъ тунъ-чжи (тит. долонъ-пур'скаго эръ-фу) 279.
Чжинъ-чжинъ (субурганъ) 394.
Чжи-са (кумпр. казначейство) 337, 460, 461.
Чжиса 367, 413.
Чжи-сянь (должность—уѣзд. нач.) 279.
Чжи-сянь (вань-цюань-сянь'скій) 23.
Чжи-сянь (фынъ-пинъ'скій) 179, 197, 198.
Чжи-сянь (цзянь-чанъ-сянь'скій) 235, 236, 243, 247.
Чжитку сумэ (отн. къ хуху-хото'ск. мон.) 146.
Чжи-фу (должность) 106, 260.
Чжи-цзасакъ (халх.) 414, 417—420.
Чжи-фу (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
Чжи-хуй-ши 6.
Чжи-юань (года пр. Хубилай-хана) 327, 328, 334.
Чжоу-хань (губ. Ху-нани) 272.
Чжо-цзюнь-фынъ (см. Ванъ-чжао-цзюнь—кладб. бл. Хуху-хото) 104-106.
Чжу-адиша (будд. ученый) 481.
Чжуань- (цзы) почеркъ) 121, 225, 305, 320.
Чжудъ (церк. служба) 351.
Чжудъ (тарнист. дацанъ) 433.
Чжу-(лань) 110.
Чжунгарія 282.
Чжунгарскія войны 93, 127, 467.
Чжунгары 139, 147, 218, 441.
Чжунъ-ванъ-цинъ 309.
Чжунъ-лу-хо-цзѣ (ул. въ Долонъ-нурѣ) 282, 283.
Чжунъ-баринь (хошунъ) (= Иэхэ-баринь) 361, 400.
Чжунъ-онютъ (хошунъ) 365.
Чжунъ-хучитъ (хошунъ) 413, 415.
Чжунъ-ухурчиновъ хошунъ (= хубо-шара ухурчиновъ хошунъ) 161.
Чжу-удаскій сеймъ 343, 349.
Чжу-чанъ-бао (пом. нач. отд. въ мин.) 411.
Чжучай (подать) 355.
Чжэбцзунъ-балсанъ (хубилг. Хухэнъ хутухты) 482.
Чжэбцзунъ-дамба-хутухту 427, 442, 447, 453, 455, 457.
Чжэбэ (полководецъ) 20.
Чжэнъ-бинъ (назв. войскъ) 347.
Чжэнъ-го-шуай (генералъ) 261.
Чжэнъ-тунъ (минскій импр.) 13.

Чидахчійнъ цзоригунъ чимэкъ (сочиненіе) 391.
Chinese Recorder 362.
Чингисъ-ханъ 2, 5, 106, 165, 328, 390, 393, 441, 470.
Чинъ (мѣра простр.) 153.
Чинъ-цорчжи-лама (см. Аванъ-дампилъ) 145.
Чи-цюй-чу 84, 211 (чи-цуй-чоу) шолк. мат. 112.
Чой-ра (капище въ мон. Дарханъ улайнъ сумэ) 337.
Чой-ра (капище въ Йогацзари-ламайнъ-хурѣ) 422.
Чой-ра (богосл. дацанъ въ хурѣ цэцэнъ-хана) 433.
Чой-чжабъ даянчи лама 143, 144.
Чунъ-хоу (генералъ) 261.
Чунь-дэ (года-правленія) 57.
Чунь-хо-тай (торг. фирма) 39.
Чунь-хо-хо (торг. фирма) 39.
Чуй (мятежникъ) 249.
Чэнъ-вань-ѣнь (фирма въ Хуху-хото) 77.
Чэнъ-гуань-мяо (кум. Гуань-ди въ Чэнъ-дэ-фу) 205.
Чэнъ-сань (золот. дѣлъ маст.) 56.
Чэнъ-ши-ланъ (чинъ) 327.

Ш.

Шабартай сумэ (кум.) 299, 314, 315.
Шабинары 63, 64, 66—68, 128—130, 132, 136, 138, 145, 146, 152, 295, 308, 312, 423, 427, 437, 442, 443, 446—448, 474, 475.
Шабиньское вѣдомство 458.
Шабронъ-ламайнъ хубилганъ 357.
Ed. Chavannes 397.
Шакья-муни 225.
Шамба (кэшикт. цзасакъ) 353.
Шанъ-ну (улица въ Калганѣ) 22, 23.
Шанъ-хэ-чэнъ (фирма въ Биру-хото) 349.
Шанъ-юань (праздникъ фонарей) 4.
Шань-гуй-фань (министръ) 262.
Шао-цзю (водка) 288.
Шарабана (мѣс.) 395.
Шара-бичикъ (тибетская скоропись) 403.
Шарабъ (лама) 69.
Шара-мурэнгійнъ гэгэнъ 152,
Шара-мурэнь чжу (прин. къ хуху-хото'ск. мон.) 146.
Шара-сумэ (мон. въ Долонъ-нурѣ) 141, 286, 290, 295, 297, 298, 301.
Шара-сумэ (т. ч. Фу-жэнь-сы) 220, 228.
Шара-хурѣ (двор. гэгэна въ Цзунъ-хурѣ) 455.
Шара-цай 83.
Шарба 394.
Шарипутра 392.
Шатдубъ-чой-кор-линъ (см. Цзунъ-хурѣ) 453.
Шацзапъ-хула (фарф. чашка) 402.
Шачжини бадарагулухсанъ (тит. Галданъ-ширѣту'я) 411.
Шачжини бадарагулухчи сумэ (отн. къ хуху-хото'ск. мон.) 147.
Шачжинъ баясхуланту сумэ (см. Барунъ усуту сумэ) 145.
Шелководство 211.
Шибаганца 119, 427.
Шибэ сумэ (-хурѣ) (кум.) 299, 315, 316.
Ши-жэнь (человѣкообр. статуи) 50, 124, 125.
Ши-ла (пудаскій царь) 393.
Ши-ланъ (должн. тов. министра) 109—110.
Ширѣту (должность) 457.
Ширѣту-гэгэнъ (-хутухту долонъ-нурскій) 63, 64, 65, 145, 146, 295.
Ширѣту-гэгэнъ (Ширѣту ламаинъ шабронъ биру-хотоскій) 344, 352—354.
Ширѣту ламайнъ чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
Ширѣту-цорчжи (цзасакъ-да-лама) 56.
Ширѣту-цзѣ (улица въ Гуй-хуа-чэнѣ) 73, 85.
Ширѣту-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 59, 63—66, 145.
Шишмаревъ (консулъ) 448.
Ши-цза (изображ. львовъ) 209.
Ши-цзунъ (цзинь'скій импер.) 52.
Ши-янъ-цзинъ (сортъ попонъ) 81.
Шо-вэнь (словарь) 223.
Шо-жэнь (посредникъ) 45—46.
Шолой (Цэцэнъ-ханъ) 435.
Шонлибъ (монаст. должн.) 458.
Шорой (черноземъ) 431.
Шоу (см. Цзюнь-сюань) 305—306.
Шо-цзунъ (фирма въ Хуху-хото) 77.
Шунь (древній импер.) 9, 18, 55.
Шунь-ди (= Тогонъ-тэмуръ) 16, 334.
Шунь-и-ванъ (тит. Алт. хана) 53.
Шунь-и-ванъ 148.
Шунь-чжи (дайцинскій импер.) 3, 69, 141—143.
Шу-сянъ-сы (мон. въ Чэнъ-дэ-фу) 216.
Шуй-цзинъ (сочиненіе) 6.
Шуй-цзинъ-чжу (сочиненіе) 223.

Шуй-цзянь (должность) 346.
Шуй-юнь-дунъ (назв. мѣста въ кум. Лунъ-синъ) 329, 330.
Шэнъ-ву-цзи (сочиненіе) 290.
Шэнъ-юй (гуанъ-сюнь,—сочиненіе) 267—269.
Шэнь-нунъ-хуань-ди 99.

Ѣ.

Ѣ (генералъ) 248.
Ѣ-су (полководецъ) 309.
Ѣсянь 14.
Ѣ-чжи-чжао (предв. ли-хунъ-чж. войскъ) 254, 255.

Э.

Эгуритэ энкэ болгахчи сумэ (см. Цаганъ-хадайнъ-чжу) 145.
Элбэкъ-цинъ-ванъ 61.
Элэсу дабанай цзамъ (дор. изъ Урги въ Калг.) 449.
Элэхунь (пом. нач. отд. въ мин.) 411.
Эмчи-лама 295.
Эмчи-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 58.
Эмэкту (цзахирахчи) 343.
Энхэ-амугуланъ (=Канъ-си) 293, 294.
Эрдэмунгэ номунь хань (тит.) 405.
Эрдэмту номунъ ханъ (тит.) 405.
Эрдэнійнъ эрихэ (лѣт.) 453.
Эрдэни бэйлэ 280.
Эрдэни-ванъ (хучитскій) 413.
Эрдэни-даянчи-хутухту 142, 143.
Эрдэни-ламайнъ чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
Эрдэни-норчжи лама 435.
Эрдэни-цзу (мон. въ Халхѣ) 311, 454, 456, 459.
Эрдэни-шанцзотба 458.
Эринчинь дорчжи (сынъ Чжи-цзасака) 417—420.
Эрлъ-сянь-цзюй (см. Хань-хэ-тоу-цзѣ) 206, 212, 213.
Эрлъ-фу (долонъ-нурскій) 173, 279—282.
Эрлъ-фу (хуху-хотоскій) 85, 88.
Эрлъ-чэнъ-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 283.
Эстампажъ 8, 320—322.
Э-цзасака хошунъ (Ц. Х.) 416—424.

Ю.

Юань-ди (импер. хань'ск. дин.) 109, 110.
Юань-дэ-куй (фирма въ Хуху-хото) 77.
Юаньская династія 19, 53, 118, 300, 304—306, 308, 309, 312, 320, 323, 324, 334.
Юаньская исторія (Юань-ши) 16, 327, 333, 334.
Юань-хэ-чжи (сочиненіе) 53.
Юань-чао-ми-ши 441.
Юань-шэнъ-дэ (фирма въ Хуху-хото) 78.
Юань-шэнъ-тай (фирма въ Биру-хото) 349.
Юань-шэнъ-юнъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
Юмъ (сочиненіе) 314.
Юнъ- (бо) (хухухотоскій цзянь-цзюнь) 139.
Юнъ-дэ-куй (фирма Хуху-хото) 79.
Юнъ-кунъ (хухухотоскій цзянь-цзюнь) 139.
Юнъ-ло (минск. импер.) 12, 16, 19.
Юнъ-тунъ-цяо (мостъ въ Калганѣ) 21, 22.
Юнъ-хо-гунъ (имп. кум. въ Пекинѣ) 355.
Юнъ-цзю-лунъ (фирма въ Чэнъ-дэ-фу) 210.
Юнъ-цюань-сы (кум. Гуань-ди-мяо) 189.
Юнъ-ци-юй (пот. двор. VIII класса) 109.
Юнъ-чанъ-чэнъ (лавка въ Хуху-хото) 81.
Юнъ-чжэнъ (дайцинск. импер.) 65, 90, 91, 93, 97, 99, 100, 131, 137, 141, 143, 145, 220, 267, 268, 290.
Юнъ-шэнъ-чанъ (лавка въ Хуху-хото) 81.
Юнъ-ю-сы (кум. въ Жэ-хэ'скомъ дворцѣ) 214.
Юй-бао (Лао-хэ'скій водопадъ) 227.
Юй-ванъ (импер.) 18, 55.
Юй-во-лунъ (китаецъ—шо-жэнь) 45.
Юй-ганъ (мятежникъ) 253.
Юй-мя (хлѣбъ) 169.
Юй-чжанъ 55.

Я.

Я-и (низш. чиновн.) 197, 198.
Ямунь.
Янгатай (хя) 410.
Яндаръ (амвонъ въ кум.) 217.
Янчарчжи (лама) 69, 73, 148.
Янчжига (монголка) 426, 427.
Янчжиль-хлама (супруга Чжи-цзасака) 417—420.
Янъ-бу (сортъ матеріи) 192.
Янъ-юэ-чунь (мятежникъ) 255.
Янь (княжество) 18.
Янь-дэ (см. И-янь) 109.
Янь-цзы (послѣд. Конфуція) 96.
Янь-чжоу (матерія) 84.
Янь-ю (сунскій импер.) 55.
Яо (древній импер.) 9, 18, 55.
Ясодхара (царица) 391, 392.

Ѳ.

Ѳедоровъ И. Ѳ. 164, 342—344, 426, 482.

Ӣ.

Йогацзари ламайнъ хурѣ (мон.) 421—423.
Йогацзари-хутухту 417—423.
Йогуцзаръ-лама (= Йогацзари-хутухту) 422.
Йэхэ-баринь (= Чжунъ-баринь) 361.
Йэхэ-модочины 448.
Йэхэ нигулэсухчійнъ сумэ (кум. въ У-тасы) 69.
Йэхэ усутэй (эпит.) 389.
Йэхэ учжумуцинь (хош. Силинъ гол'ск. сейма) 280, 413.
Йэхэ хота мандалъ (тантра) 392.
Йэхэ-чжу (= Да-чжу) (мон. въ Хуху-хото) 56—59, 63, 68.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.

А.

Абдаръ (гора) 442.
Абдаръ хутуль (горн. возвышенность) 437.
Ага (рѣка) 470.
Адагыйнъ голыйнъ хутуль (увалъ) 140.
Адунъ-чулу (гора) 467.
Алимату (горная падь) 136.
Алтанъ-булукъ (урочище) 446.
А-ляо-ръ (деревня) 173.
Ань-хой (провинція) 271.
Ань-цзы-линъ (перевалъ и деревня) 236.
Аргунь (рѣка) 287.
Ару-байшинъ 147.
Ару-булукъ (ключъ) 431.
Ару-табинъ (учжумуц. кочевье) 400.
Ару-хонгоръ (урочище) 440.
Ару-худукъ (урочище) 430.
Ару-шанду (перевалъ) 442.
Ару-шанду (увалъ) 437.
Аршанъ-даба (перевалъ) 356.
Асарыйнъ-боро тологой (гора) 412.
Аяга-гунъ-нуръ (озеро) 465.

Б.

Бага-нуръ (= Барунъ-нуръ, озеро) 154.
Бага-нуръ (озеро) 312.
Бага-Тогосъ-ханъ ула (гора) 433.
Бага-хонгоръ (падь) 168.
Ба-гоу (деревня) 175.
Бадархой (урочище) 431.
Баинъ (котловина) 476, 478.
Баинъ-булукъ (см. Кундуй — долина) 150, 151.
Баинъ-голъ (болот. мѣстн.) 450, 451.
Баинъ-голъ (ключъ) 475.
Баинъ-голъ (ложбина) 425, 426.
Баинъ-голъ (ручей) 472.
Баинъ-гоу (ущелье) 181—183.
Баинъ-дуланъ (горн. покатость) 423.
Баинъ-ирхиту (см. Хэрѣ-хошу) 435.
Баинъ-мункэ-гоби (степь) 426, 427.
Баинъ-мункэ-ула (гора = Дарханъ ханъ) 427.
Баинъ-сумэ (=Сюань-хуа-фу) 19.
Баинъ-тала (степь см. Гашунъ-гоби) 424.
Баинъ-ула (гора) 449.
Баинъ-уланъ (горы) 466—468.
Баинъ-ургунъ (степь) 423.
Баинъ-хошу (гора) 362.
Баинъ-цокту (гора) 437.
Баинъ-чжурухэ (горы) 340.
Баицъ-эрхэту (гора) 441, 442.
Балимыйнъ ула (гора) 429.
Бао-ань-чжоу (округъ) 15, 16.
Баобай бадараху (гора) 143.
Бао-динъ-фу (департаментъ) 31, 114, 192, 208.
Барунъ байталыкъ (рѣка) 452, 465.
Барунъ бургуйнъ голъ (рѣка) 464.
Барунъ-нуръ (= Бага-нуръ — озеро) 154.
Барунъ-усуту (источникъ) 144.
Барунъ-уцзуръ (гора) 475.
Барунъ чжиргаланту (ложбина) 476.
Барцагай ула (гора) 479.
Батай-ин-цза (= Хара-бута) 119.
Ба-тоу (деревня) 174.
Бату-ханъ (= Богдо-ханъ — гора) 423.
Бау-тоу (городъ) 80, 82, 125, 150.

Баутоу-цаганъ-обо (урочище) 128.
Баянь-тугуръ шань (гора) 177.
Бай-мяо-цзы-танъ (поселокъ) 168, 169.
Байталыкъ (три рѣки) 452.
Бай-та-ръ (деревня) 122.
Бай-хонгоръ-обо (урочище) 126, 128.
Бай-хэ (рѣка) 178.
Байца (гора) 466, 470.
Бай-цэ-чжи (мѣстность) 346.
Байшинту (холмы и селеніе) 169.
Байшинту-ула (горн. вершина) 452.
Бенаресъ (городъ) 392.
Би-ли-гоу (ущелье) 356.
Би-ли-гоу хэ (ручей) 356.
Би-ли-гоу шань (гора) 356.
Билюту хутуль (горная возвышеность) 445.
Биру-хото (городъ) 276, 281, 287, 290, 299, 316, 318, 331, 338—342, 345—351, 364, 399, 423, 434.
Би-цао-шо (деревня) 56.
Биширэльтуйнъ даба (перевалъ) 445.
Богдо-ханъ (= Бату-ханъ, гора) 423.
Богійнъ ама (урочище) 466.
Боголтуйнъ ама (проходъ) 444.
Больчжутъ (станція) 443—445.
Боро-нуръ (озеро) 241.
Боро-нуръ (поселокъ) 201, 242.
Боро-хото (поселокъ) 365.
Боро-хундуй (падь) 361.
Боро-хучжирту (= Хучжирту — долина) 317.
Боро-цэчжи (поселокъ) 162, 164, 167, 169.
Боцзаръ (деревня) 52.
Бугудуръ-хара-усу (озера) 442.
Бугудуръ-хара-усу (долина) 468.
Будала 217, 402.
Будунъ-уха (увалъ) 479.
Будунъ-ухагійнъ ару шанда (копань) 479.
Буинъ-улцзэй-даба (перевалъ) 469.
Бумба (поселокъ) 136.
Бургасутай (урочище) 139.
Бургасутай (рѣка) 162.
Бургасутайнъ голъ (ручей) 400.
Бурулъ-даба (перевалъ) 445, 448.
Бу-юй-ръ хай (= Далай-нуръ, озеро) 327, 330.
Буянту ула (перевалъ) 432.
Бэй-дянь (поселокъ) 177.
Бэй-пинъ 309.
Бэй-цзя инъ-цза (деревня) 33.
Бэй-шань-чэнъ (мѣстечко) 26, 37.

В.

Ванъ-динъ-мяо (деревня) 28.
Ванъ-инь-дянь (поселокъ) 365.
Ванъ-цзинь (см. Сюань-хуа-фу) 19.
Ванъ-цзя-инъ-(цза) (поселокъ) 201, 234, 235.
Ванъ-цзя-коу (поселокъ) 239.
Ванъ-цзя-чжуанъ (деревня) 3.
Вань-цюань-сянь (уѣздъ) 23, 24, 27.
Вань-шоу-шань (гора) 2, 4.
Ва-фанъ-дянь (поселокъ) 252, 365.
Вайсали (городъ) 392.
Ву-чжоу (см. Сюань-хуа-фу) 19.
Вэнь-цюань (жэ-шуй-гоу'скій ручей) 182, 186, 187, 189.
Вэнь-цюань (второй ручей) 190.
Вэнь-чжоу (область) 329.
Вэй-лу (станція) 303.
Вэй-цза-юй (поселокъ) 233.

Г.

Галдасутайнъ аршанъ (цѣлеб. воды) 357, 358.
Галдасутайнъ голъ (рѣка) 356—360.
Галдасутайнъ долопъ-хошу (степь) 360.
Гангъ (рѣка) 396.
Ганданай ама (степь) 449.
Гандань (холмы) 449.
Гандань уха (перевалъ) 449.
Гандесъ (горы) 389.
Ганса-дянь 365.
Ганца худукъ (чахарскій поселокъ) 155.
Ганца-худукъ (урочище Ц. Х.) 444.
Гань-су (провинція) 55, 75, 123, 310.
Гаруди (тумэтскій караулъ) 127.
Гашунъ гоби (см. Баинъ-тала) 424.
Гашунъ голъ (урочище) 431.
Гайхамшикъ (котловина) 429.
Гоби 294, 412, 431.
Голыйнъ цзольтэгликъ (гора) 470.
Гонконгъ 241.
Горихонъ-голъ (ручей) 400.
Горихонъ голъ (урочище) 400.
Гоу-мынь-цза (ущелье) 176, 178.
Гоу-мынь-цза (= Сэнчжиту, поселокъ) 176, 177, 191, 244, 273, 281, 347.
Гоу-хэ (рѣка) 178.
Го-цзя-тунь (воен. поселокъ) 177, 182, 189, 191—193, 198, 200, 232, 241, 273, 274.
Гочо (почт. станція и ключъ) 485.

Гуанъ-дунъ (провинція) 79, 288, 290, 345, 349, 359, 360.
Гуанъ-дунъ 122, 123.
Гуанъ-жэнь-линъ (перевалъ) 228, 229.
Гуань-гоу (ущелье) 5.
Гуань-гоу'скій проходъ 5, 6, 11.
Гуань-ди (поселокъ) 183—184, 273.
Гуань-ши (селеніе) 4.
Гу-бэй-коу 163, 189, 192, 195, 200, 201, 234, 238, 240, 241, 278, 303, 355, 360, 363, 365.
Гумбумъ 63, 433.
Гунъ-ба-мяо (деревня) 43.
Гунъ-Галутай (степь) 443, 444.
Гунга-нуръ (озеро) 339, 340.
Гунгоръ-голъ (рѣка) 340, 347.
Гунгоръ-шара голыйнъ тала (долина) 339.
Гунгорыйнъ-тала (долина) 340.
Гунгорыйнъ шара голъ (рѣка) 339, 347.
Гунъ-дао-цзоръ (деревня) 37.
Гунъ-дэ-линъ 329.
Гунъ-и-фу (поселокъ) 365.
Гунъ-нуръ (озеро) 155.
Гурбунъ-удзуръ (горы) 475.
Гурбунъ-хугэнэ (урочище) 475.
Гурбунъ-худукъ (урочище) 425.
Гурбунъ чжиргаланту (три лощины) 476.
Гурбунъ шили (мѣстность) 360, 361.
Гу-чэнъ (городъ) 74, 75, 77, 78, 112.
Гуй-хуа (см. Гуй-хуа-чэнъ) 114.
Гуй-хуа хотонь (см. Гуй-хуа-чэнъ) 87.
Гуй-хуа-чэнъ (=Хуху-хото) 23, 31, 34, 38, 39, 43, 44, 52—55, 57, 73—80, 82, 83, 88, 105, 109, 110, 112—115, 118, 119, 286.
Гуй-чжоу 123.
Гэгэтэй банръ (поселокъ) 162.
Гэдэнъ-гу (постоялые дворы) 161.
Гэнтэйскія горы 442.
Гэй-хо-ва (деревня) 38.

Д.

Даба-му-чжань 365.
Дабасунай даба (перевалъ) 412, 413.
Дабасу нуръ (озеро) 413.
Да-бэй-ба (перевалъ) 193.
Да-бэй-гоу мынь-цза (поселокъ) 194.
Да-гоу-р 201.
Да-дуй-шань (гора) 177.
Далай-нуръ (озеро) 319, 330—332, 338, 340.
Да-линъ-ба (перевалъ) 242.
Да-лоу-ши 87.
Да-луань-хэ (=Луань-хэ) 191.
Да-ляо-ди (поселокъ и холмы) 169.
Далъ-нуръ (—Далай-нуръ) 334.
Дангна усу (гора) 62.
Да-нинъ-фу (городъ) 397.
Да-нянъ-сы (деревня) 365.
Дао-ди (поселокъ) 242.
Да-пинъ 19.
Дари-ханга (торгов. пунктъ) 176.
Дархапъ-ханъ (=Баннъ-мункэ-ула, гора) 427.
Дарханъ-ула (гора въ Кэшикт. айм.) 319, 333, 337, 339, 361.
Дархапъ ула (гора въ Цэц. хан. айм.) 442.
Дарчиктыйнъ тала (степь) 428.
Да-си-хэ (рѣка) 66, 103, 104, 196, 197, 242, 243.
Да-Ту-му (=Ту-му-чэнъ—городъ) 13.
Да-тунъ 14, 15, 41, 106, 109, 110, 303.
Да-хэ (=Линъ-хэ) (рѣка) 38, 42.
Да-хэ (ручей) 175.
Да-ци (гучжирное озеро) 168.
Да-цинъ-шань (=Ци-лянь-шанъ) 118, 136—139.
Да-цунь (деревня) 47.
Да-чжуанъ-цза (урочище) 254.
Даши-бальчжуръ обо (падь и увалъ) 472.
Да-юй-шу (поселокъ) 49, 125.
Дайга (урочище) 148.
Дайгыйнъ-тала (=Дай-ха-та) 45, 47.
Дай-тунъ (область) 26, 31, 56.
Дай-хай (деревня) 44.
Дай-хай-та (=Дайгыйнъ-тала) 44, 45.
Дай-хэй-хэ (рѣчка) 51.
Дай-чжу-ю-цза (поселокъ) 50.
Ди-цзы-эрл-хао (поселокъ) 174, 175.
Доголонъ (деревня) 52.
Долонъ-гэрь 365.
Долонъ-даба (урочище) 452.
Долонъ-нуръ (городъ) 14, 140, 141, 164, 172—177, 179, 181, 191, 192, 195, 196, 204, 227, 232, 234, 244, 273—300, 312—316, 331, 338, 340, 345—350, 358—360, 423, 439, 443, 469.
Долоту (гора) 441.
Доннуръ-шара-шороту (холмы) 425.
Дорчжи-хуа (урочище) 162.
Дунгу (хада скала) 142, 143.
Дунгу-шара хада (долина) 143.
Дунда-орто (почтовая станція) 437.
Дунда-чжиргаланту (лощина) 476.
Дунда-бургуйнъ голъ (рѣка) 464.
Дунду-баинъ (рѣчка) 478.
Дунду-байталыкъ (рѣка) 452, 464, 465.

Дунъ-ба 200.
Дунъ-да-хэ (рѣка въ Чэнъ-дэ-фу) 207.
Дунъ-жи-мынь (ворота) 200.
Дунъ-па-ли (селеніе) 15.
Дунъ-коу (= Калганъ) 114, 346.
Дунъ коу (поселокъ въ ЮВ Монг.) 346.
Дунъ-ханъ (гора) 481.
Дунъ-хоу-цянь (деревня и озеро) 168.
Дунъ-чэнъ-цза 281.
Дунъ-янъ-хэ (поселокъ) 28.
Дунъ янъ-хэ (рѣка) 26—28.
Дурбэльчжинъ-ула (гора) 332.
Ду-ши-коу 177, 201, 290, 303.
Души-угомуръ (долина) 468.
Дэбсэнъ голъ (урочище) 149.
Дэльгэръ обо (гора) 430.
Дэльгэръ обо (сопка) 472.
Дэнчжи (поселокъ) 160.
Дэнъ усутай (поселокъ) 172.
Дэочинъ-цаганъ-хошу-баинъ-обо (урочище) 126, 128.
Дэ-чжоу (см. Сюань-хуа-фу) 19.
Дэ-шэнъ-коу 30, 41, 114.
Дянь-цза (деревня) 31.
Дянь-чэнъ (см. Хуху-хото) 53—55.

Е.

Ё-цзя-тунъ (деревня) 26.

Ж.

Жао-хара хотонь (рѣка) 178.
Жао-янъ сянь (уѣздъ) 192.
Желтая рѣка (см. Хуанъ-хэ) 106.
Жэ-хэ (рѣчка) 178, 207, 213.
Жэ-хэ (= Чэнъ-дэ-фу) 163, 175—176, 209—211, 214, 216—218, 220—222, 226—228, 232—233, 240, 244, 248, 252—254, 365, 366.
Жэ-шуй-гоу (ущелье) 182, 185, 186, 189.

З.

Занъ-ширэ (возвышенность) 431.
Зара-булунъ (долина Хэрулуна) 441.
Зара-хутуль (увалъ) 441.

И.

Или (область) 110.
Или (рѣка) 218.
Имату ула (гора) 362.
Имату хэ (рѣка) 178.
Инъ-ванъ (горн. прох. въ Гань-су) 55.
Инъ-пань (поселокъ) 242.
Инъ-фо (воен. поселокъ) 239—241.
Инъ-чанъ (городище) 276, 319, 327—328, 330, 332, 334, 335.
Инь-чанъ (древ. гор.) 309.
Инъ-чанъ-лу (см. Инъ-чанъ) 334.
Инъ-чанъ-фу (см. Инъ-чанъ) 334.
Ипъ-шань (горы) 24, 150, 170.
Инь-дао-гоу (ущелье) 194.
Ироль (гора) 443.
Ирѣнъ-дабасу (— пуръ = Эрлянъ-норъ, озеро) 40, 153.
Ирѣнъ-хошунай элэсу (пески) 340.
Исунь-хэ (рѣка) 178.
И-чжоу (см. Сюань-хуа-фу) 19.
И-чжоу 114, 423.

К.

Кабаликъ (городъ) 392.
Калганъ 1, 10, 15, 17, 19—25, 27, 28, 33, 38—41, 52, 67, 73, 77, 81, 82, 112—116, 149, 152, 153, 155, 161, 163—165, 167—169, 171, 173, 174, 199, 201, 211, 244, 275—278, 281, 283, 285, 287, 288, 294, 311, 312, 314, 323, 331, 345, 349, 354, 359, 360, 399, 423, 434, 459.
Каракорумъ 4.
Карачинъ (тумэтскій кар.) 127.
Кашика (городъ) 392.
Кай-пинъ-вэй (см. Кай-пинъ-фу) 19.
Кай-пинъ-фу (см. Шанъ-ду и Чжунъ-най-манъ сумэ) 19, 300, 302, 309, 310, 312.
Кай-пинъ-чэнъ (см. Кай-пинъ-фу) 177.
Кобдо (городъ) 78, 99, 110, 113, 278.
Кобу (урочище и ручей) 365.
Коша-(ди) (городъ) 392.
Куань-пинъ-сянь (уѣздъ) 241.
Куку-нуръ 282.
Куку-хото (т. ч. Хуху-хото).
Кукэ-хото (= Гуй-хуа) 114.
Кукэ-хотонь (см. Хуху-хото) 87, 88.
Ку-лунь-дянь 29.
Ку-лу-цзо (поселокъ) 25.
Ку-лэнъ-шань (скала) 184, 185.
Кундуй (долина) 150.
Курцилэ-хэ (= Сяо-луань-хэ) 182.
Кусу (см. Тоно — гора) 441.
Куэнту (деревня) 150.
Куэнту (долина) 150.
Куйтунъ (поселокъ) 161.

Куйтунъ орто (почт. станція) 355.
Кэрулэнъ (см. Хэрулунъ).
Кэрэку (тумэтск. караулъ) 127.
Кэ-чу (обо) 126.
Кяхта (городъ) 81, 110, 276, 288, 289.

Л.

Лама-дунъ (мѣстн. бл. Пань-цуй-шани) 225.
Лама-шань (скала) 174.
Лань-цзюй-сюй-шань (горы) 62.
Лань-цзя инъ-цза (деревня) 196.
Лань-цзя-ко-ръ (деревня) 242.
Лань-чжоу 75, 77, 113.
Лао-лупъ-бэй (перевалъ) 18, 38.
Лао-ню-хэ (рѣка) 178.
Лао-ху-коу 235.
Лао-хэ (рѣка) 227.
Лао-ѣ-шань (гора бл. Пекина) 5.
Ла-су-дай-гэнъ (ограда) 182.
Линъ-ди-ся (деревня бл. Го-цзя-туна) 193.
Линъ-ди-ся (деревня бл. пер. Гуанъ-жэнь-лина) 229.
Линъ-ди-ся (деревня бл. Луань-шинъ-сяни) 233.
Линъ-ди-ся (деревня бл. пер. Да-линъ-ба) 242.
Линъ-хэ (= Да-хэ — рѣка) 38, 42.
Линъ-чжоу (см. Нинъ-ся) 53.
Линь-хуанъ-фу (см. Цаганъ-субурганъ) 397.
Лису (поселокъ) 145.
Ло-то шань (гора) 237.
Ло-янъ 303.
Лу (удѣлъ) 327, 328.
Луань-шинъ-сянь (уѣз. гор.) 175, 178, 231—233, 237—240, 242, 365.
Луань-хэ (рѣка) 176—179, 182, 191, 193, 212, 229, 231, 232, 241.
Луань-шуй (рѣка) 302.
Лунъ-синъ-хото (= Лунъ-шэнъ-чжуанъ) 36.
Лунъ-ху-тай (деревня у Лао-ѣ-шани) 5.
Лунъ-чанъ 302.
Лунъ-шэнъ-цзо-ръ (= Лунъ-шэнъ-чжуанъ) 36, 287.
Лунъ-шэнъ-чжуанъ (поселеніе) 34—36.
Лу-цзюй (рѣка) 441.
Лю-ды-гоу мынь-р (поселокъ) 183.
Лю-тяо-гоу (урочище) 177.
Лю-хэ (рѣка) 178.
Лю-хэ-чуань (селеніе) 20.
Лю-цза-шань (скала) 174.
Лю-цзя-инъ-цза (дер. въ долинѣ р. Да-си-хэ) 243.
Лю-цзя-инъ-цза (дер. въ дол. Галдасутайнъ гола) 347, 359, 360.
Лю-цзянъ-ю (деревня) 180.
Лю-шуй-гоу-цзы (потокъ въ Чэнъ-дэ-фу) 207, 210, 212.
Лянъ-тинъ (станція) 303.
Лянъ-ци-ди-инъ-фо (поселокъ) 191.
Ляо (рѣка) 328.
Лю-ши-хо-рлъ (деревня) 35.
Лю-ши-эрлъ-хо (деревня) 35.

М.

Ма-ванъ-мяо (деревня) 43.
Ма-лянь-цуй (— Чулунъ онгоцо поселокъ) 162.
Манхату (долина и холмы) 426.
Мань-тоу-шань (гора) 327—329.
Мао-цзя-во-цу (мыза) 253.
Ма-чо-ле (деревня) 43.
Майдари (= Май-и-дя-ръ) 122.
Май-и-дя-ръ (= Майдари — деревня) 51, 122, 123.
Майханъ (котловина) 440.
Май-ху-ту (деревня) 45.
Ми-ли-цзинь гоу (ущелье) 356.
Ми-ли-цзинь хэ (рѣка) 356.
Ми-мяо (деревня) 52.
Мингань-и (см. Уланъ-балгасу) 310.
Минъ-ань (станція) 303.
Ми-хэ-да (деревня) 18.
Ми-юнъ-сянь 192.
Могойту (рѣка) 150.
Мононхойнъ даба (перевалъ) 429.
Моргочакъ (увалъ) 411.
Моринъ-даба (перевалъ) 300.
Морхочинъ (деревня) 154.
Мотай (урочище) 134.
Мойлинъ орто (почт. станція) 355.
Мункэ-ханъ (гора) 430.
Мурыйнъ нуръ (озеро) 430.
Мусунъ буриду (урочище) 481.
Мухуръ (увалъ) 427.
Мухуръ (урочище) 427.
Му-хэрэмъ (земл. валъ Далай-нура) 332.
Мынь-цзы-сяо 178.
Мэльцзэнэ (гора) 465.
Мэй-юнь-сянь 365.
Мяо-гуй-мынь (селеніе) 50, 125.

Н.

Налайху (= Налайха, — рѣка) 446—449.
Налайхайнъ уха (перевалъ) 448.
Нань-би-хэ (рѣчка) 35.
Нань-коу (укрѣпленіе) 2, 4, 5.
Нань-шань (гора у Чэнъ-дэ-фу) 207.
Нарасутай (гора) 144.
Наринъ-голъ (= Эр-до-хэ) 154.
Наринъ-уха (перевалъ) 443.
На-хо-цянь (рѣка и деревня) 155—158, 244.
Нга-цзя-тунъ (поселокъ) 238, 239.
Нинъ-ся (см. Линъ-чжоу — городъ) 53, 112, 310.
Нинъ-юань-сянь (= тинъ, городъ) 44, 126, 128.
Нп-хэ (станція) 303.
Но-бо-шань (горы) 35.
Ноинъ-тала (степь) 416.
Номохонъ-асутъ (поселокъ) 136.
Номту (холмы) 442.
Нурга (урочище) 365.
Ню-лань-шань 192, 212, 365.
Ню-чжуань (портъ) 204.
Ню-чжуань-цза (деревня) 194.
Нюй-инъ-цза (деревня) 237.

О.

Огитъ (тумэтс. караулъ) 127.
Окитъ (горн. пядь) 142.
Олоинъ-даба (перевалъ) 466.
Олонъ-буриду (урочище) 481.
Олонъ-худукъ (котловина) 412.
Омоно-дайгыйнъ нуръ (озеро) 46.
Онгонъ (тумэтск. караулъ) 127, 133.
Онгонъ-дабанъ (поселокъ) 136.
Онгорхой хада -ула (скважина въ утесѣ) 180, 184).
Ононъ (рѣка) 287, 470, 485.
Ордосъ 52, 62, 126, 158.
Ортонгыйнъ-голъ (= Си-хэ, рѣка) 278.
Орхонъ (рѣка) 426.
Орчокъ-ула (гора) 363.

П.

Па-гоу 175, 176, 211, 226, 349, 360.
Па-да-линъ 10.
Па-ди (деревня) 274.
Па-ли-инъ-цза (деревня) 243.
Па-ли-чжуанъ (дер. бл. Сюань-хуа-фу) 20.
Па-ли-чжуань (дер. бл. Луань-пинъ-сяни) 233.
Пань-бянь-шань (гора) 182, 184.
Пань-цуй-шань (скала бл. Жэ-хэ) 221—230.
Пань-чуй-фынъ (т. ч. Пань-цуй-шань) 221, 222.
Пекинъ 1—5, 10, 14, 15, 17, 19, 23, 25, 30, 36, 44—46, 52, 66, 69, 72, 79, 92, 101, 118, 146, 148, 151, 167, 171, 177, 190, 192, 193, 195, 196, 200, 201, 204, 205, 208—210, 215, 219, 221, 232, 233, 244, 251, 259, 261, 266, 278, 282, 283, 291, 295, 308, 312, 323, 324, 342, 354, 355, 363—365, 420, 424, 436—438, 448, 461, 474.
Печили 222.
Пинъ-цюань-чжоу (городъ) 176, 178, 226, 227, 248, 249, 250, 252, 255.
По-ло-но (= Боро-нуръ?) 242.
По-цуй-ла-цза-гоу-мынь-р (поселокъ) 183.

Р.

Рачжагриха (гор.) 392.

С.

Салоръ (деревня) 119.
Сань-да-гоу (деревня) 46, 47.
Сань-да-гоу (ущелье) 47.
Сань-дао-гоу (деревня) 236.
Сань-дао-инъ-цза (деревня) 190.
Сань-дао-лянъ 365,
Сань-до-гоу (поселокъ) 33.
Сань-ды-гоу-мынь-р (поселокъ) 183.
Сань-дянь (деревня) 356.
Сань-хо (деревня) 37.
Сань-хэ-юй-чжуань (деревня) 234.
Сянь-ца-ко-р 201.
Сань-цза-голъ (горный ручей) 179.
Сань-цза-коу (деревня) 161.
Сань-цзо-та (см. Та-цзы-гоу) 176.
Сань-цзю-и-ръ (деревня) 174.
Сань-цзя-цзы (поселокъ) 246, 247, 252, 255.
Сань-шань-цза (деревня) 275.
Са-то-цза (деревня) 275.
Сайханъ (долина) 479.
Сайханъ булукъ (ключъ) 479.
Сай-фынъ (станція) 303.
Си-бай-та-ръ (урочище) 125.
Си-вань-инъ-цза (поселокъ) 158.
Си-гоу (поселокъ) 196.

Сп-гоу-мынь (мѣстечко) 44.
Сп-инъ-цза (деревня) 237.
Сп-коу (= Хуху-хото) 31, 114.
Сп-ма-лп (деревня) 25.
Спнъ-ань-линъ (хребетъ) 182, 183.
Синъ-бао-ань (см. Бао-ань-чжоу—городъ) 15.
Синъ-ло 19.
Синъ-лунъ-тай (поселокъ) 169.
Синъ-лунъ-чжуань (деревня) 178, 365.
Спнъ-хо-чэнъ 167, 168, 309.
Спнъ-хэ 303.
Спнъ-чжу-хэ (рѣка) 240—242.
Синь-чжоу 31, 45, 47, 201.
Синь-чжу (поселокъ) 241.
Сп-панъ-коу (мѣстечко) 29, 30.
Си-синь-эр 201.
Си-хо-ма (деревня) 2.
Си-хэ (т. ч. Ортонгійнъ голъ. рѣка въ Долонъ-нурѣ) 278.
Сп-цзя-тунъ (деревня) 28.
Сп-янъ-бу (селеніе) 28.
Си-Янъ-хэ (рѣка) 27, 28.
Со-гу-чэнъ (деревня) 43.
Со-та-шань (горы) 230, 231.
Сульчжа (тумэтскій кар.) 127.
Сумэру (гора) 328.
Супь-хэ 365.
Сучжійнъ голъ (рѣка) 151.
Сучжійнъ тала (долина) 151, 153.
Сучжи (пригорокъ) 161.
Су-шп-тинъ 175, 176.
Суй-моу (селеніе) 50, 125.
Суй-чуань-цза (поселокъ) 155.
Суй-юань (военный округъ) 109, 110.
Сы-дао-го-лянъ (деревня) 365.
Сы-дао-лянъ (поселокъ) 236.
Сы-цунь-дп (деревня) 155.
Сы-чуань (провинція) 123.
Сэпкуръ (= Цэнкиръ—рѣка) 470.
Сэпчжійнъ даба (перевалъ) 164, 167.
Сэнчжиту (поселокъ) 176, 178, 179.
Сэнчжиту-синь (поселокъ) 177.
Сюань-дэ (= Сюань-хуа-фу) 19, 303.
Сюань-хуа-фу (городъ) 6, 18—20, 23, 33, 280, 281, 341, 346, 347.
Сюань-пинъ-фу (мѣстечко) 24.
Сюй-юань 56.
Ся-банъ-чэнъ (городъ) 212.
Ся-во-пу (деревня) 242.
Ся-инъ-цза 178.
Сянь-шуй-пу (деревня) 18.
Сяо-ба (перевалъ) 43.
Сяо-ба-цза (=Шанхайнъ-даба—перевалъ) 47.
Сяо-булунь (деревня) 49.
Сяо-ва-цза (поселокъ) 184.
Сяо-дао-гу-мынь (деревня) 239.
Сяо-кулоръ (деревня) 119.
Сяо-луань-хэ (прит. Луань-хэ) 177, 179, 181—186, 189—191.
Сяо-са-го-ръ (деревня) 193.
Сяо-сюй (деревня) 174.
Сяо-хэ (посел. и рѣка) 161, 162.
Сяо-хэ-цза (рѣчка бл. Фынъ-чжэна) 42, 43.
Сяо-хэ-цза (потокъ) 179.
Сяо-хэ-цза (ручей) 234.
Сяо-цзя-дянь (деревня) 233.
Сяо-цзянь-тань (равнина) 172.
Сяо-чжай-ръ (деревня) 243.
Сао-чэнъ-цза (селеніе) 241.
Сяо-шуй-го (деревня) 193.
Ся-нань-чэнъ (городъ) 178.
Ся-хо-дп (деревня) 44.
Ся-чжанъ-гао (урочище) 254.

Т.

Табпнъ обо (гора) 363.
Табпнъ сумэ (поселокъ) 400.
Табисъ (= Тай-фу-сы, вѣдомство) 162, 297.
Табунъ тологой (урочище) 412.
Тамагайнъ голъ (рѣчка) 154.
Танъ-санъ-инъ 184.
Танъ-цюань-гоу (см. Жэ-шуй-гоу) 186, 189, 190.
Тянь-цинь (гора) 9, 10.
Таргунъ-хашату (перевалъ) 432.
Таргунъ-хэрэ (урочище) 421.
Таримъ (рѣка) 147.
Та-цзы-гоу-тинъ 175, 176, 211.
Тай-пинъ-чжуань (поселокъ) 14.
Тай-пу-цзэ (деревня) 18.
Тай-ханъ (горы) 10, 11, 12.
Тай-фу-сы (= Табисъ — вѣдомство) 162, 172.
Тай-юань-фу (гл. гор. пров. Шань-си) 31, 101, 338, 359.
Тогосъ-ула (горн. вершина) 452.
Тогосъ-ханъ-ула (горы) 433, 434.
Токто-хото 93, 133, 147.
Тола (рѣка) 447—450.
Толи (почтов, станція) 141.
Толи-булакъ (урочище) 141.
То-ли-цзо (деревня) 25.

Тологойту хутуль (горн. возвышен.) 150.
Томская губернія 75.
Топо (гора) 440—442.
Торо-хай-цзы (= оз. Далай-нуръ) 330, 334.
Тосунъ-аршанъ-нуръ (озеро) 469.
Тоу-дао-инъ-цза (поселокъ) 194.
Ту-дао-хэ (рѣка) 174.
Ту-динъ-цза (деревня) 163, 166.
Ту-до-гоу (поселокъ) 33.
Ту-до-инъ-цза (деревня) 31.
Тулга (гора; см. Дархапъ ула) 442.
Ту-му-коу-цза (селеніе) 14.
Ту-му-чэнъ (= Да-ту-му — городъ) 13, 14.
Тунчжа булукъ (долина) 313.
Тунъ-цяо-рлъ (деревня) 230, 231.
Тунъ-чжоу 31, 192, 200.
Ту-хо (котловина) 174.
Тухумъ (долина) 426.
Тухумыйнъ шили (звалъ) 426.
Ту-цзя-дянь (деревня) 229.
Ту-чэнъ-цза (— цзы деревня) 183, 189, 190, 347.
Ту-чэнъ-цза (— цзы см. Фынъ-нинъ-сянь) 197, 242.
Тушп (гора) 480.
Тэмэнь-хуцзу (тумэтск. караулъ) 127.
Тэнгэликъ (рѣчка) 472.
Тэнгэликъ бурпду (болотист. простр.) 472.
Тэнгэликъ горпхонъ (рѣчка) 475.
Тэргэльчжійнъ голъ (рѣка) 475.
Тянь-мэй-ръ 122.
Тянь-мэй-тэ (деревня) 51.
Тянь-нинъ (мѣстечко) 55.
Тянь-ся ди и гуань (= Цзюй-юнъ-гуань) 6.
Тянь-тай (гора) 329.
Тянь-цзинъ 31, 40, 114, 185, 191, 200, 208, 229, 232, 233, 240, 244, 260—262, 288, 290, 467.
Тянь-чжэнъ (селеніе) 43—44.

У.

Угомуръ (двѣ горы) 479.
Угомуръ ула (гора въ Гэнтэйск. хребтѣ) 442.
Уда (тумэтск. караулъ) 127.
У-да-чэнъ (городъ) 249.
У-дунъ (деревня) 24.
Удэ (долина) 148.
Удэ (рѣка) 470.
У-котоль (перевалъ) 311, 312.
Уланъ балгасу (городище) 310, 311.
Уланъ-бутунъ (урочище) 61.
Уланъ-даба (перевалъ) 449.
Уланъ-дабанай голъ (ручей) 449.
Уланъ-обо (гора) 312.
Уланъ-хада (Чи-фынъ-сянь) 175, 176, 227, 254. 287, 349, 360, 364, 365, 399, 412.
Уланъ-хада (степь) 365.
Уланъ-хопгоръ (урочище) 424.
Уланъ-хошу (горный мысъ) 400.
Уланъ-хошу (гора) 481.
Уланъ-худугійнъ тала (долина) 472.
Уланъ-хучжиръ (урочище) 446.
Уланъ-цабъ (урочище) 145, 146.
Уланъ-шань (гора) 175.
Уланъ-эргійнъ адакъ (урочище) 438, 440.
Уланъ-эрги (красный яръ и долина) 440.
Уланъ-эрги (урочище) 434.
Уланъ-эрхэту (гора) 434.
У-ли-па (деревня) 47, 149.
Ульхунъ (караулъ) 447, 485, 486.
Ульцзэй голъ (рѣка) 479, 480.
Ульцзэйнъ ундуръ добо (урочище) 480.
Ульцзэйту ула (гора) 468.
Ульцзэй эхинъ буриду (урочище) 480.
У-лѣ-хэ (— шуй = Дунъ-да-хэ) 207, 213, 218, 223.
Улясутай (тумэтск. караулъ) 127.
Улясутай (городъ) 78, 110, 113, 140, 278, 289, 425.
Улясутайнъ голъ (ручей) 360.
Улясутай-ула (горный кряжъ) 416.
Унигэту нуру (увалъ) 412.
Унэту 425.
Урга (городъ) 4, 39, 40, 65, 77, 83, 152, 167, 276, 287, 289, 299, 349, 401, 419, 423—427, 434, 437, 439, 440, 442—450, 458, 459, 469, 478.
Ургунъ (степь) 425.
Ургусутай-голъ (рѣчка) 401.
Урту-голъ (рѣка) 153.
Уршунь (рѣка) 441.
Усунъ-турунская падь 341.
Усунъ-турунъ (рѣка) 341, 342, 345, 356.
Усунъ-турунъ (урочище) 347.
Усунъ-турунэй ула (горы) 340.
Усуту-голъ (рѣчка) 143, 144.
Усу турунъ (см. Да-хэ) 175.
Усуту-шара (рѣка) 145, 146.
У-сянъ-цзо-ръ (деревня) 168.
У-тала (равнина) 316.
У-тай (горы) 415.

У-тай-шань 36, 415.
У-тологой (урочище) 153.
Утугай (равнина) 150.
Утхунъ-дэрэсу (урочище) 432.
У-фынъ (гора) 177.
Уха-оботу (кочевье) 315.
У-чанъ-фу (городъ) 266, 267.
Уй (провинція въ Тибетѣ) 404.

Ф.

Фань-цзя-коу (проходъ велик. стѣны) 178.
Фань-цзя-хурѣ (деревня) 43.
Фынъ-кай-лу (деревня) 42.
Фынъ-пинъ-сянь (уѣздн. городъ) 175—178, 181, 182, 185, 189—202, 227, 232, 235, 239—243.
Фынъ-тянъ-чжоу 303.
Фынъ-цзы-хо (деревня) 34.
Фынъ-чжэнъ (городъ) 28, 34, 38—42, 45, 287.
Фынь-чжоу-фу (область) 208.
Фэнъ-чжоу (область) 53, 54, 61, 87, 104.

Х.

Хабчилъ (песчаные холмы) 313.
Хагай (= Хань-нуръ-тай — легк. почт. трактъ) 161.
Хагай (= Хакъ — кит. поселокъ) 161.
Хадамалъ-ула (гора) 128.
Хадапъ-хошу (отрогъ) 155.
Хадату 421.
Хапрчакъ орто (почтовая станція) 363.
Хакъ-нуръ (= Хагай-нуръ, = Хагыйнъ-нуръ — озеро) 161.
Халагайту (долина) 150.
Халха (рѣка) 441.
Халютай (почт. станція) 162.
Халютай (долина) 312, 313.
Хамаръ (горн. падь) 136.
Хангай-даба (перевалъ) 445.
Хангай-ула (гора) 399.
Ханькоу 41, 114, 235, 266, 267, 271.
Хань-нуръ-тай (= Хагай) 161.
Хань-хай-цза (озеро) 36.
Хань-хай-цзы (деревня) 160.
Хань-хэ (потокъ) 206, 207, 212.
Хань-чинъ-ба (перевалъ) 44.
Хара-балгасунъ 162.
Хара-бута (= Батайин-цза — деревня) 119.
Харату ула (горы) 479.
Хара-усу (ручей) 360.
Хара-ухэрту (горная падь) 136.
Хара-хотонъ тинъ 175, 176.
Харгиль (горная долина) 136.
Харчинь (рѣка) 146.
Хатагійнъ голъ (рѣка) 422.
Хашату (деревня) 122.
Хашату (озеро) 365.
Хая хундуйнъ-тала (долина) 434, 437.
Хайларъ 313.
Хинганскій хребетъ 365.
Хирэйнъ-нуръ (гучжирн. озеро) 153, 154.
Хласса 401, 402.
Хопръ-нурыйнъ-тала (долина) 154.
Холбо-нуръ (два озера) 472.
Хо-ло-ръ (поселокъ) 50.
Холтуйнъ ама (горн. проходъ) 400.
Хонъ-ту-ку-цза (деревня) 33.
Хоринъ-гацзарыйнъ обо (увалъ) 172.
Хоринь-гэрь (тумэтскій караулъ) 127.
Хотуба (деревня) 168.
Хо-ту-линъ (перевалъ) 234.
Хохо-худукъ (кочевье) 412.
Хой-цзѣ (рѣчка) 33.
Хой-янь (уѣздъ) 27.
Хрстійнъ тала (-гоби, степь) 421, 429.
Хуанъ-ту-кань 36.
Хуанъ-хуа-чуань (рѣка) 178.
Хуанъ-хэ 51, 53, 126, 128, 132, 134, 135.
Хуанъ-цзя-дянь (деревня) 233.
Хуанъ-чжоу (станція) 302, 303.
Хуанъ-яй (станція) 303.
Хуа-цзя-инъ (поселокъ) 241.
Хуай-жоу-сянь 192.
Хуай-лань-сянь (уѣздн. городъ) 12, 13, 15.
Ху-бэй (провинція) 123, 271.
Ху-дао (деревня) 37.
Ху-до-жо (деревня) 37.
Худо-нуръ (озеро) 429.
Худо-нурыйнъ тала (равнина) 429.
Худопэй цзольтэгликъ (гора) 470.
Хулусутай (долина) 151.
Хулусутай (урочище) 315.
Хулусутайнъ обо (пригорокъ) 151.
Хулуту (поселокъ) 136.
Хулханай тала (степь) 411.
Хулханай ула (гора) 411, 412.
Ху-ляо-гоу (деревня) 194.
Ху-нань (провинція) 270—272.
Хундулэнъ (рѣчка и долина) 400.
Хундулэнъ-булукъ (см. Хучжирту — долина) 430.
Хундулэнъ-булукъ (источникъ) 430.
Хунъ-мо-инъ-цза (деревня) 155.
Хупъ-мяо-шань (гора въ Чэнъ-дэ-фу) 212.

Хунъ-обо (деревня) 160.
Хунъ-саба (поселокъ) 49.
Хунъ-цп-инь-цза (урочище) 347.
Хунъ-чжу-ла (деревня) 234.
Хунь-хэ (рѣка) 16, 17.
Хунь-юань-чжоу 114.
Хурай-голъ (русло ручья Бургасутайнъ-гола) 400.
Хурѣ (поселокъ) 50, 125.
Хутанъ-хошу (урочище) 134, 135.
Хуху-хото (= Гуй-хуа-чэнъ) 51—104, 112—117, 122, 126—149, 152, 155, 180, 199, 243, 244, 289, 364, 366, 424.
Хуху-хотонь (см. Хуху-хото) 87, 88.
Хуху-эрги (городъ) 64, 65, 80, 82, 83, 152, 153.
Хуцагыйнъ гол'ская долина 451.
Хуцагыйнъ уха (увалъ) 451.
Ху-цза-ю-цза (деревня) 125.
Хуцзэй (селеніе) 148.
Хучжирту (долина) 317.
Хучжиръ-тохой (поселокъ) 136.
Хушинга хошу (горный мысъ) 451.
Хушинга ула (горы) 451.
Хуши-тогосъ (гора) 453.
Хуякту-обо (урочище) 134, 135.
Хуйтунэй бурнду 478, 479.
Хуйтунъ-голъ (рѣка) 478, 479.
Хэ-ку 51.
Хэ-нань (провинція) 79, 183.
Хэрулунгійнъ-хирай (долина) 437.
Хэрулунъ (рѣка) 61, 62, 276, 287, 310, 315, 316, 429, 432—438, 441, 442, 452, 453, 463—469.
Хэрѣ-хошу (горы) 435.
Хэрѣ-хутуль (перевалъ) 437.
Хэрэмъ (земляной валъ) 480.
Хэ-ту-ба (поселокъ) 172.
Хэй-хэ (рѣка) 105, 109, 110.
Хэй-фынъ-коу (деревня) 17.
Хэй-чэнъ-цза (городъ) 253.

Ц.

Цаганъ-балгасу 168.
Цаганъ-байшинъ (деревня) 119.
Цаганъ-булукъ (= Чаганъ-булунъ — поселокъ) 48, 49, 126, 149.
Цаганъ-булукъ (рѣчка) 48, 49.
Цаганъ-дэль (холмы) 425.
Цаганъ-инъ-цза (деревня) 160.
Цаганъ-мурэнь (рѣка) 361—363, 366, 399.
Цаганъ-нуръ (озеро и долина) 440.
Цаганъ-нуръ (озеро) 469.
Цаганъ-нуръ (озеро) 481.
Цаганъ-обо (тумэтскій караулъ) 127.
Цаганъ-обо (урочище) 34, 153.
Цаганъ-субурга (городище) 276, 299, 363—366, 396, 399.
Цаганъ-усу (рѣка) 365.
Цаганъ-хурѣнь (урочище) 45.
Цаганъ-чулуту (ключъ) 445.
Цанту-ула (горн. вершина) 452.
Цанха эрикъ (холмы и долина; см. Цаганъ-нуръ) 440.
Цанъ (провинція въ Тибетѣ) 404, 405, 411.
Ца-нынъ (деревня) 274.
Ца-фынъ-коу (деревня) 154.
Ца-фынъ-коу (ущелье) 154.
Цай-гэ-бу (поселокъ) 26—29.
Цай-сы-ко-ръ (деревня) 238.
Цзагасутай (озеро) 313.
Цзагасутай (рѣка) 365.
Цзи-минъ-и (-чэнъ городъ) 15—17.
Цзи-минъ-шань (гора) 15—17, 303.
Цзинь-дао-тунъ (поселокъ) 241.
Цзинь-лунъ-коу (ущелье) 24.
Цзинъ-пынъ-чэнъ (= Бпру-хото) 345.
Цзинь-цзя-гоу (ущелье) 234, 235.
Цзинь-цзя-гоу-мынь-эръ (деревня) 236.
Цзи-чжоу 18.
Цзольтэгликъ (горы) 470.
Цзо-хо-ху (деревня и рѣка) 155.
Цзо-цзя-цзо-ръ (деревня) 24, 25.
Цзуань-цзя-цзо-ръ (деревня) 38.
Цзунъ-баинъ (озеро) 478.
Цзунъ-баинай-даба (перевалъ) 479.
Цзунъ-байталыкъ (рѣчка и увалъ) 452, 465.
Цзунъ-бургуйпъ голъ (рѣчка) 464.
Цзунъ-модонъ (урочище) 62.
Цзунъ-нуръ (=Йэхэ-нуръ, озеро) 154.
Цзунъ-чжиргаланту (лощина) 476.
Цзунъ-чжиргаланту (ручей) 472.
Цзурганъ-ула (горы) 430.
Цзуру-хуцзу (перевалъ) 450.
Цзу-янъ (городъ) 6.
Цзэрдэ-цаганъ-хурѣнь 128.
Цзю-дао-гоу (деревня) 35.
Цзю-шэнь-мяо (деревня) 175, 176.
Цзю-юань-юнь (см. Дянь-чэнъ) 54.
Цзюй-хэ (рѣка) 178.
Цзюй-юнъ 6.
Цзянъ-су (провинція) 271.
Цзянь-си (провинція) 271.
Цзянь-чанъ-сянь (уѣздн. городъ) 176, 227, 246, 249, 252, 253, 255.

Цзя-сань-цзо (деревня) 25.
Ци-лянь-шань (= Да-цинь-шань, горы) 55, 118.
Цинъ-бай-хэ (рѣка) 178.
Цинъ-лунъ-хэ (= Дунъ-да-хэ) 207.
Цинъ-хэ (рѣчка бл. Пекина) 2.
Цинъ-хэ'скія погран. ворота 253.
Цинъ-чуй-фынъ (т. ч. Пань-цуй-шань) 222.
Цинъ-шань (горы) 127, 129.
Цинъ-ши-ла (селеніе) 180.
Цинъ-шуй-хо (горная падь) 136.
Ци-сл (деревня) 153, 154.
Цокъ (гора) 363.
Цо-ло-гоу (деревня) 38.
Цэлійнъ гоби (степь) 431.
Цэлійнъ-нуръ (озеро) 431.
Цэпкиръ (= Сэпкуръ—рѣка) 470.
Цэцэкъ нугуйнъ щирэ (долина) 465.
Цюань-цзю-чжо (поселеніе) 35.
Цянъ-ань-сянь (уѣздъ) 178.
Цянь-фу-сы (деревня) 196.

Ч.

Чаганъ-булунъ (= Цаганъ-булукъ — поселокъ) 47—49.
Ча-дао (поселокъ) 10—12, 15.
Ча-дао-ко-ръ (деревня) 238.
Чандага-тала (равнина) 475.
Чанъ-бо-луань 178.
Чанъ-нинъ (округъ) 327.
Чанъ-сай-юй (поселокъ) 237.
Чань-бо-шань 110.
Чао-бэй-инъ-цза (мѣстность) 253.
Чао-лянъ-гоу (ущелье) 242.
Чао-янъ-дунъ (т. ч. Си-нинъ-цза—деревня) 237.
Чао-янъ-сянь (уѣздн. городъ) 176, 250, 253, 255.
Ча-нынъ (поселокъ) 231.
Чарилтынъ тала (несч. долина) 316, 317.
Чжангоръ (городъ) 33—35, 153.
Чжанъ-ма-цзинь (равнина и ручей) 172.
Чжанъ-нинъ-инъ-цза (деревня) 176.
Чжанъ-цзя-коу (= Калганъ) 26, 114, 150.
Чжанъ-чжа-пу (деревня) 13.
Чжао-сюй-цзы-гоу (мѣстность) 253.
Чжао-шу-гоу (мѣстность) 253.
Чжинсуту ула (горн. вершина) 452.
Чжирапъ (урочище) 421.
Чжирангійнъ голъ (ручей) 421.
Чжиргаланту (долина) 432.
Чжиргаланту (падь, подъёмъ, урочище) 442.
Чжиргаланту (ручей) 428.
Чжиргаланту (рѣка) 424.
Чжиргаланту (холмы) 440.
Чжиргаланту (горы) 146.
Чжиргаланту-ула 361.
Чжигистэй нуръ (озеро) 400—401.
Чжи-цзо-цза (поселокъ) 183.
Чжоу-сы-ръ гоу (см. Би-ли-гоу — ущелье 356.
Чжунъ-найманъ-сумэ (городъ) 276, 299—301, 307—310, 312.
Чжу-цзя-вань (деревня) 50, 125.
Чжу-цзя-хэ (деревня) 26.
Чжу-цзя-цзо-ръ (деревня) 25.
Чжэ-цзянъ (провинція) 329.
Чигэтэй (деревня) 155.
Чи-ли-ча-фанъ (поселокъ) 21.
Чинъ-луань-цзо-ръ (деревня) 43.
Чи-фынъ-сянь (= Уланъ-хада — уѣздный гор.) 176, 227, 254, 255, 287, 349, 359, 365.
Чи-шань (гора) 241.
Чжо-танъ-цза (потокъ) 181.
Чопойнъ голъ (рѣчка) 421, 423.
Чулунъ-олгопо (= Ма-лянь-цуй — поселокъ) 162.
Чулуту-даба (перевалъ) 399.
Чулуту-даба (перевалъ) 450.
Чулутынъ голъ (рѣка) 450.
Чучитынъ-хобуръ (урочище) 430.
Чуэ-цзя-го-у (деревня) 236.
Чэкчэръ (гора см. Тоно) 441.
Чэкэрэмтэй (урочище) 139.
Чэнъ-дэ-фу (= Жэ-хэ) 115, 163, 164, 173, 175, 177, 178, 189, 197, 202—213, 223, 226—228, 244, 246, 251, 252, 255, 270.
Чэнъ-ло (мѣстность) 52.

Ш.

Шабакту (деревня) 365.
Шабартай (долина) 150, 169.
Шабартай (долина) 313, 314.
Шабаръ чжиргаланту (котловина) 428.
Шапага (долина) 465.
Шапага (караулъ) 171, 172.
Шапага (урочище) 475.
Шандайнъ голъ (рѣка) 173.
Шанду-голъ (рѣка) 278, 300, 301, 309, 311.
Шанду-голъ (рѣка) 447, 448.
Шанду-даба (перевалъ) 447.
Шанду-дянь (мѣстность) 177.

Шанду-хэ (= Луань-хэ) 177, 179.
Шанханинъ даба (= Сяо-ба-цза) 47.
Шанхай гуань 204.
Шанхай 79, 82, 266.
Шанъ-го-р-нинъ-цза (деревня) 196.
Шанъ-гуань (ворота въ Великой ст.) 9.
Шанъ-гу (мѣстечко) 19.
Шанъ-гу-цзюнь (область) 18.
Шанъ-ду (см. Кай-пинъ-фу) 19, 300, 302—304.
Шанъ-пань-чэнъ (городъ) 178.
Шанъ-тао-хото (урочище) 253.
Шанъ-хуа-юань (деревня) 17.
Шань-дунъ (провинція 174, 211, 238, 260.
Шань-дянь (долина) 173, 174.
Шань-дянь-хэ (поселокъ) 173.
Шань-си (провинція) 10, 21, 34, 39, 41, 45, 53, 55, 72, 79, 101, 114, 122, 123, 130, 174, 193, 208, 210, 211, 288, 338, 359.
Шань-ши-гоу 365.
Шара-мурэнь (рѣка) 146, 345, 346, 355, 365
Шара-тала (т. ч. Синъ-чжу-хэ — рѣка) 241.
Шара-тала (степь) 365.
Шарху (гора) 241.
Ша-чэнъ (городокъ) 14, 15.
Ша-хо-инъ-цза (деревня) 242.
Ша-ху-коу 114, 126, 128.
Ши-ванъ-цзы (селеніе) 13.
Ши-жэнь-вань (деревня) 50, 51, 124, 125.
Ши-лянъ-дай (деревня) 119.
Ши-мынь-цза 178.
Ши-нинъ (станція) 303.
Шинэ-булукъ (ключъ) 430.
Шинэ-сумэ (мѣстность) 356.
Ши-па-пань-ляо 201.
Ши-па-хао (селеніе) 174.
Шира-ордосъ 303.
Ширь (урочище) 471.
Ширь (горы) 472.
Ши-сань-ли-мяо (поселокъ) 21.
Ши-ся 365.
Ши-фо-сы (деревня) 10.
Ши-хо-цза (селеніе) 20.
Ши-цзо-ръ (деревня) 24.
Шраваста (городъ) 392, 393.
Шуй-чжуанъ-цза (урочище) 347.
Шуй-чжуань-цза (деревня) 274.
Шухайнъ голъ (ручей) 451.
Шухайнъ даба (перевалъ) 451.
Шурха-голъ (рѣка) 335.
Шэнъ-цзо-ръ (деревня) 194.
Шэнь-вань-цза (поселокъ) 341.
Шэнь-си (провинція) 123.

Ѣ.

Ѣ-бо-шоу (мѣстность) 252.
Ѣрэнъ-дабасу-нуръ (озеро) 413.

Э.

Эгирь-хашату (урочище) 425.
Эргитэй хурукъ уха (увалъ) 465.
Эрлъ-дао-инъ-цза (поселокъ) 190.
Эрлъ-дао-инъ-уза (селеніе) 195.
Эрлъ-до-ва (перевалъ) 170.
Эрлъ-до-ва (чах. поселокъ) 171.
Эрдова (деревня) 149.
Эрлъ-до-го-цза (поселокъ) 42.
Эрлъ-до-инъ-цза (поселеніе) 31.
Эрлъ-до-хэ (= Нарынъ голъ) 154.
Эрлъ-до-чо-цза (поселокъ) 42.
Эрлъ-тай-цза (поселокъ) 14.
Эрлъ-ши-у-хао (деревня) 174.
Эрлъ-ши-у-хао (деревня) 174.
Эрлъ-ши-цзя-цза (деревня) 253.
Эрдэми дагагахсанъ фу (= Чэнъ-дэ-фу) 202.
Эрдэни тологой (сопка) 481.
Эрлянъ-норъ (= Ирѣнъ-нуръ) 40.
Эрхэ-ула (гора) 481.
Эрэнъ-даба (перевалъ 481.
Эрѣнъ-орто (почтов. станція) 355.
Эчжійнъ нуръ (сол. озеро) 315.
Эчжи-дабасу-нуръ (= Дабасу-нуръ) 413 415.

Ю.

Юань-бао-шань (гора) 229.
Юлдусъ 147.
Юнъ-пинъ-фу (департаментъ) 178.
Юнъ-хунъ-пу (— бу) (селеніе) 23.
Юнъ-хунъ-пу-гоу (ущелье) 23, 24.
Юнъ-чань (область) 327.
Юнь-чжоу 303.
Юньшумбуйнъ-цаганъ-нуръ (котловина и озеро) 429.
Юй-линь (городокъ) 13, 20.
Юй-су-линъ (мѣстечко) 67.
Юй-цзя-лё (деревня) 25.
Юй-чжоу 27, 303.
Юй-шанъ-чжуанъ (деревня) 38.
Юй-янь (горный прох. въ Шань-си) 55.
Ю-су-ди (деревня) 194.

Я.

Ядайпъ голъ (рѣка) 162.
Я-ма-гоу-мынь-р (деревня) 193.
Ямынь-коу (= Фынъ-чжэпъ) 41.
Янъ-бао-шань 22.
Янъ-гэ-чжуань 192.
Янъ-гэй-ба 44.
Янъ-са-гоу (деревня) 235.
Янъ-хэ (рѣка) 17, 23, 24, 26—28, 30, 31.
Янъ-цзинь-цза 201.
Янъ-цзы (рѣка) 114, 235, 271.
Янъ-цзы-ва (поселокъ) 181, 182.
Янъ-цзы-ва-ба (перевалъ) 181.
Янъ-чжоу (городъ) 260.
Янь-дань (гора) 329.
Янь-цинь-чжоу (область) 12.
Янь-цзы-гоу-мынь-р (деревня) 184.
Янь-шань (гора) 189.
Яо-по-ло (станція) 44.
Яо-р-лянъ (перевалъ) 18.
Яо-цзя-цзо (поселокъ) 21.

Й.

Йэхэ-нуръ (= Цзунъ-нуръ) (озеро) 154.
Йэхэ Тогосъ-ханъ-ула (гора) 433.
Йэхэ-угомуръ (гора) 466.
Йэхэ-шанду (урочище) 426.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
25	39	Цзо-цза-цзо-рѣ	Цзо-цзя-цзо-рѣ.
56	20	Рабчжа-чжу	Рабчжи-чжу
79	1	Китаѣ	Китаѣ,
122	21	Тянь-мэй-ръ	Тянь-мэй-тэ
177	35	Го-цзя-тунъ	Го-цзя-тунь
183	24	По-цуй-ла-цза-гоу-мынъ-р	По-цуй-ла-цза-гоу-мынь. р
193	12	Го-цзя-гунъ	Го-цзя-тунь
200	3	Тунь-чжоу	Тунъ-чжоу
201	9	лп	ли
206	18	Лянь-шир-цзѣ	Лянъ-ши-цзѣ
—	20	называемой	называемая
—	22	получающей	получающая
—	23	Эрлъ-сянь-цзюй	Эрлъ-сянь-цзюй.
210	14	Пай-лу-цзэ	Пай-лу-цзѣ
212	30	Эрлъ-шань-цзюй	Эрлъ-сянь-цзюй.
—	36	右	石
213	14	Линь-чжэнъ-мынь	Ли-чжэнъ-мынь.
221	5	русской	русскомъ
225	20	Кіоксъ	Кіоскъ.
226	33	Пинь-цюань-чжоу	Пинъ-цюань чжоу
244	17	Тянцзинѣ	Тянь-цзинѣ
255	17	пинь-чуань'скій	пинъ-цюань'скій
262	9	Fnglish	English
302	18	Сунъ-тунъ-цзянь	Сунъ-тунъ-цзянъ.
303	34	въ разстояніи 30 саж.	въ разстояніи 30 саж,
313	32	Хайласу	хайласу
338	3	Буру-хото	Биру-хото
355	19	временн	времени.
365	36	съ Сунь-хэ	въ Сунь-хэ
389	19		

Проверено
1953 г.

15 к.